

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Котельников М.Г. Генезис конституционно-правовой категории безопасность	6
Мирзоян М.А. Роль детских комнат милиции в системе внесудебной защиты прав несовершеннолетних в России в период 1918–2002 гг.	9
Мягкая А.А. Методологические проблемы раскрытия содержания теорий исторической сущности государства	13
Хусаинова Е.Н., Елисеева Ю.В., Варнавская О.О., Елисеев Д.И., Василенко В.В. Языковые барьеры в межкультурной юридической коммуникации	17

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Абдус Д.С. Исполнение судебных решений с цифровой поддержкой	20
Алехичева А.А. Проблемы юридической оценки медицинской помощи в Российской Федерации	24
Андреев П.В. Легитимность органов законодательной власти: правовые критерии и социальное восприятие	27
Асадуллин М.Н. Система ограничений правомочия распоряжения земельным участком: оборотоспособность, фактическое резервирование и принцип единства судьбы	31
Ахьядов И.И. Принципы правового регулирования местного самоуправления: теоретико-правовой анализ	35
Бархатов В.Е. Противодействие экстремизму в интернете: международные практики и правовые инструменты	39
Белоус А.М. Криптовалюта как новое явление для правотворчества	43
Введенский Г.А. Правовая регламентация внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности службы скорой медицинской помощи	46
Долгополов А.А. Цифровая трансформация государства в странах БРИКС: теоретико-правовые основы	50
Жинкин С.А. О феноменах эффективности и отрицательной эффективности государственной деятельности	54
Косолапова Н.В. Правовые проблемы реализации обязательных требований при оказании медицинской помощи	57
Матвеев Т.Е. Зарубежный опыт определения юрисдикции оказания финансовых услуг с использованием смарт контрактов	61
Кузякин Ю.П., Мухин А.И. Процедура депортации как способ сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности	64
Озеров Г.А. Информационная безопасность личности в условиях цифровизации российской государственности: правовые проблемы	67
Петров А.П. Государственное управление в области адаптивного спорта: правовые аспекты	71
Пономаренко А.В. Цифровая трансформация народного законодательства в РФ от портала ROI к ИИ-анализу предложений	73
Сипок Р.П. Соотношение конституционных прав граждан и ограничительных мер в сфере государственной безопасности	76
Степанян Г.Э. Локальное нормотворчество в России: место в иерархии правовых актов и функциональный потенциал	80
Тоноян М.Р. Публично-правовой режим земель лесного фонда	84

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018

ISSN 2220-5500

Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфира Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; Калининченко Пауль Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Махтаев Махтай Шапиевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Ольга Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Константиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Артем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.06.2026

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Тюхай-Липский С.В. Институциональная эволюция местного самоуправления в Российской Федерации: правовые этапы и концептуальные сдвиги	88	Литова Э.А., Ситдикова Л.Б. Эволюция института исполнительского иммунитета на единственное жилье в делах о банкротстве граждан: поиск баланса интересов должника и кредиторов	175
Шевцов Л.Ф. Имплементация международных стандартов в сфере миграции в российское законодательство о национальной безопасности	92	Мирошниченко К.В. Охраняемый законом интерес кредитора в управлении корпорацией-должником: пределы обеспечительного контроля и фидуциарная ответственность	178
Фирсов М.В. Административно-правовое совершенствование института ротации и временного исполнения обязанностей руководителей территориальных органов ФОИВ	95	Михайлов И.Н. Значение признака дискретности в определении правовой природы цифрового рубля как объекта гражданских прав	182
Хромов Е.Р. Совершенствование законодательства Российской Федерации в области конституционно-правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами	99	Моисеев А.Е. Бессмысленная формула represents and warrants и российская ст. 431.2 ГК РФ	186
Цветков Г.Э. «Права человека и институт принуждения: теоретическое обоснование взаимодействия»	103	Мочалов А.А. Общество с ограниченной ответственностью как организационно-правовая форма: дуализм правовой природы и значение личностного элемента	190
Чертков Н.Н. Истечение срока сертификата КЭП как утрата доказательственного значения. Проблема «вечной подписи» в арбитражной практике 2024–2026 гг.	106	Петрова Р.Е., Смирнова О.И., Боташева М.К. Правовое регулирование государственной поддержки предпринимательства в Российской Федерации: региональные аспекты (на примере Республики Татарстан, Калужской и Смоленской областей)	193
Шевцов Л.Ф. Использование биометрии и автоматизированных систем анализа рисков в миграционном контроле РФ: правовые основы и судебный контроль	109	Моисеев А.Е. Распределение рисков в институте заверений и гарантий: современный взгляд	196
Яблоков А.М. Конфликтность досудебного соглашения о сотрудничестве	112	Самитов Д.А. Контрольно-надзорная деятельность государства в сфере предпринимательства: организационно-правовые ориентиры безопасности и устойчивого развития предпринимательской деятельности	200
Яхудин Р.Р. Философско-правовые и логические основания доктрины «законных ожиданий налогоплательщиков»	115	Святкин Д.К. Влияние института «семейной конституции» на наследование бизнеса в России	203
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ		Тауканов Т.А. Регулирование деятельности цифровых платформ в России и ЕС: подходы и тенденции	206
Башмакова В.И. Суперсервис «Поступление в вуз онлайн» как новая форма административной процедуры	118	Телибекова И.М. Страховой интерес в договоре образовательного страхования	210
Белова В.П. Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей: основания признания недействительным и критерии определения обоснованного размера алиментов	121	Токаренко О.О., Чернов В.И. Свободный оборот материальных знаков государственных наград СССР и РФ как объектов гражданских прав: быть или не быть?	214
Блинов Д.А. Требование о выплате действительной стоимости доли при банкротстве общества	124	Ушаков В.В. Недобросовестная цель в корпоративных спорах: субъективные и процессуальные критерии выявления	219
Богачев М.В. Административно-правовой статус организаций без статуса юридического лица в Российской Федерации	129	Цициашвили Д.Я. Правовой режим единого недвижимого комплекса: теоретические аспекты и выводы из судебной практики	221
Веселый И.Н. Креативные индустрии и некоммерческие организации: конституционно-правовые вопросы усечения субъектного состава	132	Чернов И.А. Гражданский оборот исключительных прав и коммерциализация прав на интеллектуальную собственность: проблемы соотношения	226
Германова А.Д. Современные проблемы оборота программного обеспечения: правовая природа, договорные модели, исчерпание права	137	Шевцов В.А. История развития российского законодательства в области обжалования решений, действий (бездействия) организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями	230
Годлевский И.А. Управление цифровыми активами как стратегический ресурс в системе менеджмента организации: правовые аспекты	142	УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Гольцов В.Б., Круглова И.А. Об особенностях цифровых финансовых активов как объектов гражданских прав	146	Абдуллоев Ф.М. Массовые беспорядки в уголовном законодательстве зарубежных государств	234
Гриценко Б.В. Конфиденциальность корпоративного договора как фактор риска для гражданского оборота	150	Асанов В.В. Принципы, относящиеся к защите личности в уголовном судопроизводстве	238
Кварацхелия К.Т. Опционный платеж в конструкции опциона на заключение договора: правовая природа и функции	153	Бочаров С.В. Субъективная сторона как элемент состава преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ: теоретические и практические аспекты	242
Киселев Д.А. О возможности проведения процедур совместного банкротства супругов с элементами раздела имущества и обязательств супругов в рамках единого дела о банкротстве	157	Воронкова Е.О. Генезис представлений о насилии в российском уголовном законодательстве: от Русской Правды до Соборного уложения 1649 года	245
Комлев А.В. Правовая природа договора о комплексном развитии территории	161	Гришин А.С., Чернышов В.Н., Медведева С.В. Уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа: системный анализ и перспективы развития	248
Литова Э.А., Ситдикова Л.Б. Основные направления совершенствования законодательства о банкротстве физических лиц: от стадии возбуждения дела до завершения процедуры	165	Гурбанов К.В. Использование презумпций для установления статуса контролирующего должника лица в делах о криминальных банкротствах	252
Ларин Д.А. Административная ответственность за непредоставление отчетности о выбросах парниковых газов	168		
Кварацхелия К.Т. Право на акцепт как центральный элемент конструкции опциона на заключение договора	172		

<i>Дунаева М.С.</i> Эволюция правового регулирования собирания цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве России ..	255
<i>Зейналов М.П.</i> Административная и уголовная ответственность за нарушение трудовых прав женщин: комплексный анализ.....	259
<i>Левандовская М.Г.</i> Дропперы в схемах финансового мошенничества: анализ судебной практики и направления совершенствования законодательства.....	262
<i>Лопотенко В.С.</i> Правовая неопределённость обжалования решений прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве ...	265
<i>Лунев Д.Г.</i> Создание унифицированных стандартов маркировки синтетического контента: научное обоснование и правовое решение в борьбе с deepfake-угрозами	268
<i>Шелль В.В., Злобина А.Р., Медведева С.В.</i> Анализ судебной практики по уголовным делам о незаконном обороте прекурсоров в фармацевтической деятельности: проблемы квалификации, доказывания и совершенствования правового регулирования.....	271
<i>Микулич Д.И.</i> Проблема субъективной стороны в преступлениях с ИИ	276
<i>Муравьев С.И.</i> Участие граждан в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей как гражданский долг	279
<i>Пахомова В.В.</i> Жестокое обращение с несовершеннолетними: проблемы квалификации	282
<i>Раджабов Ш.Р.</i> Цифровая трансформация коррупции и меры ее предупреждения: криминологический аспект	286
<i>Шваляков А.С.</i> Понятие преступления экстремистской направленности как межотраслевой юридический конструкт: проблемы законодательной согласованности и правоприменения	289
<i>Ревина В.В.</i> Предупреждение преступлений экстремистской направленности.....	293
<i>Шагалов И.Р.</i> Некоторые вопросы совершенствования технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием искусственного интеллекта.....	296
<i>Шваляков А.С.</i> Финансовый мониторинг и межведомственная координация как направления совершенствования публично-правового механизма противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности	300
<i>Швецов Р.Е.</i> Частный детектив как специальный субъект преступления: уголовно-правовое значение лицензированного статуса	304
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Лью Цзытун.</i> Внутригосударственные средства правовой защиты в международных инвестиционных спорах в праве КНР: проблемы и пути совершенствования.....	307
<i>Маркатанова Д.Е.</i> Концепция «ответственного друга суда» в контексте функций института <i>amicus curiae</i> в международном судопроизводстве	311
<i>Марталер В.С.</i> Категория «экологический вред» в международном праве	315
<i>Меркулов Д.А.</i> Концессионные соглашения в энергетическом секторе Испании: инвестиционные споры и договор к энергетической хартии	319
<i>Ню Лян, Дементьев А.</i> Споры о юрисдикции и механизмы регионального сотрудничества в борьбе с транснациональными преступлениями в рамках Шанхайской организации сотрудничества	323
<i>Романова Н.В.</i> Институциональный анализ диссоциации Чехословацкой федерации и становление Чешской республики (1992–1993)	328

<i>Фарзуллаева А.Э., Шарифов Р.М.</i> Имплементация международных конвенций ЮНЕСКО в уголовное законодательство Азербайджанской Республики	332
<i>Шуршилова А.П.</i> Статья XXIV ГАТТ в системе права ВТО: проблемы применения в условиях усиления влияния региональных торговых соглашений.....	336
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВТВОРЧЕСТВА	
<i>Блинкова Е.В., Багиров Р.Я.</i> Проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов.....	339
<i>Влайку А.В., Смольянинов Е.С.</i> Исковая давность в современном и зарубежном гражданском праве	342
<i>Войлуков К.В.</i> Регулирование судебно-экспертной деятельности и доказывание по делам о самовольных постройках: риски реформы 2026–2030 годов	345
<i>Волков А.А.</i> Особенности осуществления дистанционного электронного голосования в Российской Федерации.....	349
<i>Галицын А.Ю.</i> Lex fori concursus как основной коллизионный принцип, применимый к правоотношениям из трансграничной несостоятельности	351
<i>Гончар В.С.</i> О правовых основах идеологии в Российской Федерации: современные угрозы безопасности и ограничения прав человека.....	354
<i>Ильтер Серхат.</i> Историко-правовой анализ торговых договоров между Хазарским каганатом и Византией (VII–X вв.)	357
<i>Колобякина А.А., Антонов А.И., Валух А.Б., Черных А.А., Метелев А.А.</i> Риск-ориентированный подход в государственном строительном надзоре: модель и проблемы реализации	361
<i>Липатов В.И.</i> Модели заключения офсетных контрактов в России.....	365
<i>Литучая С.Е.</i> Правовые последствия и процессуальный порядок отказа прокурора от ранее принесенного протеста на постановление по делу об административном правонарушении	369
<i>Лосев И.Д.</i> Бездокументарная ценная бумага как объект гражданских прав: поиск оптимальной юридической конструкции.....	371
<i>Малиновский М.С.</i> Особенности и возможности исполнения международных договоров в условиях санкций	373
<i>Огнева К.О.</i> Защита избирательных прав в решениях судов Малайзии.....	376
<i>Олифиренко Е.П.</i> Исторические аспекты формирования дефиниции «преступление» в российском уголовном законодательстве.....	379
<i>Панюшкин А.Ю., Жданов М.А., Скопцов Н.А.</i> Северный морской путь: глобальный транзитный коридор или национальная магистраль?	382
<i>Соколов С.А.</i> Цифровая трансформация финансовых активов: понятие, сущность и правовые последствия	385
<i>Мишальченко Ю.В., Степанов Н.А.</i> Международно-правовые аспекты создания региональных уголовных судов	388
<i>Тарасов А.П., Мамонов В.В.</i> Право граждан на свободу мирных собраний.....	392
<i>Титов А.С.</i> Основные направления применения искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта.....	395
<i>Хинцагова И.Т.</i> Вспомогательные средства для определения правовых норм в международном праве: современные подходы к интерпретации и применению	398
<i>Хорава С.Т.</i> Уголовно-правовая охрана суррогатного материнства.....	401

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Kotelnikov M.G.</i> The genesis of the constitutional and legal category of security	6
<i>Mirzoyan M.A.</i> Some issues of extra-judicial protection of the rights of minors in Russia in the period 1918–2002	9
<i>Myagkaya A.A.</i> Methodological problems of disclosure of the content of theories of the historical essence of the state	13
<i>Khusainova E.N., Eliseeva U.V., Varnavskaya O.O., Eliseev D.I., Vasilenko V.V.</i> Language barriers in intercultural legal communication	17

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Abdus D.S.</i> Enforcement of Court Decisions with Digital Support	20
<i>Alekhicheva A.A.</i> Problems of legal assessment of medical care in the Russian Federation	24
<i>Andreev P.V.</i> Legitimacy of legislative bodies: legal criteria and social perception	27
<i>Asadullin M.N.</i> The system of restrictions on the right of disposal of a land plot: marketability, de facto reservation, and the principle of unity of fate	31
<i>Akhaydov I.I.</i> Principles of legal regulation of local self-government: a theoretical and legal analysis	35
<i>Barkhatov V.E.</i> Countering extremism on the internet: international practices and legal instruments	39
<i>Belous A.M.</i> Cryptocurrency as a new phenomenon for law-making	43
<i>Vvedenskiy G.A.</i> Legal regulation of internal quality and safety control of medical activities in the ambulance service	46
<i>Dolgoplov A.A.</i> Digital Transformation of the State in the BRICS Countries: Theoretical and Legal Foundations	50
<i>Zhinkin S.A.</i> On the phenomena of efficiency and negative efficiency of state activity	54
<i>Kosolapova N.V.</i> Legal issues in the implementation of mandatory requirements in medical care	57
<i>Matveev T.E.</i> Foreign Experience in Determining Jurisdiction in the Provision of Financial Services Using Smart Contracts	61
<i>Kuzyakin Yu., Mukhin A.</i> The deportation procedure as a way of preserving and strengthening Russian civic identity	64
<i>Ozerov G.A.</i> Personal information security in the context of the digitalization of Russian statehood: legal issues	67
<i>Petrov A.P.</i> Public administration in the field of inclusive sports: legal aspects	71
<i>Ponomarenko A.V.</i> Digitalization and lawmaking: how new technologies are changing civic initiatives	73
<i>Sipok R.P.</i> The relationship between the constitutional rights of citizens and restrictive measures in the field of State security	76
<i>Stepanyan G.E.</i> Local rulemaking in Russia: its place in the hierarchy of legal acts and its functional potential	80
<i>Tonoyan M.R.</i> Public legal regime of forest fund lands	84
<i>Tyukhai-Lipsky S.V.</i> Institutional evolution of local self-government in the Russian Federation: legal stages and conceptual shifts	88
<i>Shevtsov L.F.</i> Implementation of International Migration Standards into Russian National Security Legislation	92
<i>Firsov M.V.</i> Administrative and legal improvement of the Institute of rotation and temporary performance of duties heads of territorial bodies of the Federal Tax Service	95
<i>Khromov E.R.</i> Improving the legislation of the Russian Federation in the field of constitutional and legal protection of human and civil rights and freedoms by law enforcement agencies	99
<i>Tsvetkov G.E.</i> Human Rights and the Institution of Coercion: A Theoretical Justification of Interaction	103
<i>Chertkov N.N.</i> Expiration of the CEP certificate as a loss of evidentiary value. The problem of the «eternal signature» in arbitration practice 2024–2026	106
<i>Shevtsov L.F.</i> Use of Biometrics and Automated Risk Analysis Systems in Migration Control of the Russian Federation: Legal Foundations and Judicial Control	109

<i>Yablokov A.M.</i> Conflict Potential of a Pre-Trial Cooperation Agreement	112
<i>Yakhtudin R.R.</i> Philosophical-Legal and Logical Foundations of the Doctrine of «Legitimate Expectations of Taxpayers»	115

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Bashmakova V.I.</i> Superservice «online university admission» as a new form of administrative procedure	118
<i>Belova V.P.</i> Agreement on payment of child support for minor children: grounds for invalidation and criteria for determining a reasonable amount of alimony	121
<i>Blinov D.A.</i> Claim for payment of the actual value of a share in the event of the company's bankruptcy	124
<i>Bogachev M.V.</i> Administrative and Legal Status of Organizations Without Legal Entity Status in the Russian Federation	129
<i>Veseliy I.N.</i> Creative Industries and Non-Profit Organizations: Constitutional and Legal Issues of the Truncation of the Range of Subjects	132
<i>Germanova A.D.</i> Contemporary Problems of Software Circulation: Legal Nature, Contractual Models, Exhaustion of Rights	137
<i>Godlevskii I.A.</i> Digital asset management as a strategic resource in an organization's management system: legal aspects	142
<i>Goltsov V.B., Kruglova I.A.</i> On the specifics of digital financial assets as objects of civil rights	146
<i>Gritsenko B.V.</i> Confidentiality of the corporate agreement as a risk factor for civil turnover	150
<i>Kvaratskhelia K.T.</i> Option payment in the design of an option to conclude a contract: legal nature and functions	153
<i>Kiselyov D.A.</i> On the possibility of conducting joint bankruptcy procedures for spouses with elements of division of property and obligations of spouses within a single bankruptcy case	157
<i>Komlev A.V.</i> Legal nature of the integrated territorial development agreement	161
<i>Litova E.A., Sitdikova L.B.</i> Main Directions for Improving the Legislation on Personal Bankruptcy: From the Initiation Stage to the Completion of the Procedure	165
<i>Larin D.A.</i> Administrative liability for failure to report greenhouse gas emissions	168
<i>Kvaratskhelia K.T.</i> The right to accept as the central element of the contract option design	172
<i>Litova E.A., Sitdikova L.B.</i> The evolution of the institution of executive immunity for the sole habitation in bankruptcy cases of individuals: finding a balance between the interests of the debtor and creditors	175
<i>Miroshnichenko K.V.</i> The Creditor's Legally Protected Interest in Corporate Governance of a Debtor Corporation: Limits of Security-Driven Control and Fiduciary Liability	178
<i>Mikhailov I.</i> The importance of discreteness in determining the legal nature of the digital ruble as an object of civil rights	182
<i>Moiseev A.E.</i> The meaningless formula «represents» and «warrants» and Article 431.2 of the Russian Civil Code	186
<i>Mochalov A.A.</i> Limited liability company as an organizational and legal form: dualism of legal nature and the significance of the personal element	190
<i>Petrova R.E., Smirnova O.I., Botasheva M.K.</i> Legal regulation of state support for entrepreneurship in the Russian Federation: regional aspects (using the example of the Republic of Tatarstan, Kaluga and Smolensk regions)	193
<i>Moiseev A.E.</i> Risk Allocation in the Institution of Representations and Guarantees: A Modern Perspective	196
<i>Samitov D.A.</i> State Control and Supervisory Activities in Entrepreneurship: Organizational and Legal Guidelines for Security and Sustainable Development of Entrepreneurial Activity	200
<i>Svyatkin D.K.</i> The influence of the institution of the «family constitution» on the inheritance of business in Russia	203
<i>Taukanov T.A.</i> Regulation of digital platforms in Russia and the EU: approaches and trends	206
<i>Telikbekova I.M.</i> Insurance interest in the educational insurance contract	210

<i>Tokarenko O.O., Chernov V.I.</i> Free circulation of material symbols of state awards of the USSR and the Russian Federation as objects of civil rights: to be or not to be?	214
<i>Ushakov V.V.</i> Unfair purpose in corporate disputes: subjective and procedural criteria for identification	219
<i>Tsitsiashvili D.Ya.</i> Legal regime of a single real estate complex: theoretical aspects and conclusions from judicial practice	221
<i>Chernov I.A.</i> Civil Circulation of Exclusive Rights and Commercialization of Intellectual Property Rights: Problems of Their Relationship	226
<i>Shevtsov V.A.</i> History of the development of legislation in the field of appealing decisions, actions (inaction) of organizations enforceable with certain state or other public powers in Russia	230

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Abdullov F.M.</i> Mass riots in the criminal legislation of foreign countries....	234
<i>Asanov V.V.</i> Principles relating to the protection of the person in criminal proceedings	238
<i>Bocharov S.V.</i> The subjective aspect as an element of the corpus delicti under article 207.3 of the Criminal code of the Russian Federation: theoretical and practical aspects.....	242
<i>Voronkova E.O.</i> The Genesis of Ideas about Violence in Russian Criminal law: from Russkaya Pravda to the Cathedral Code of 1649	245
<i>Grishin A.S., Chernyshov V.N., Medvedeva S.V.</i> Criminal Law Measures to Combat Fraud Using Electronic Payment Methods: A Systemic Analysis and Development Prospects	248
<i>Gurbanov K.V.</i> Using Presumptions to Establish the Status of a Person in Control of a Debtor in Criminal Bankruptcy Cases	252
<i>Dunaeva M.S.</i> The evolution of legal regulation of electronic evidence collection in Russian criminal proceedings.....	255
<i>Zeynalov M.P.</i> Administrative and criminal liability for violations of women's labor rights: a comprehensive analysis	259
<i>Levandovskaya M.G.</i> Droppers in financial fraud schemes: analysis of judicial practice and directions for improving legislation	262
<i>Lopotenko V.S.</i> Legal uncertainty of appealing prosecutor's decisions in pre-trial criminal proceedings	265
<i>Lunev D.G.</i> Creation of unified standards for marking synthetic content: scientific justification and legal solution in the fight against deepfake threats.....	268
<i>Shell V.V., Zlobina A.R., Medvedeva S.V.</i> Analysis of judicial practice in criminal cases on illegal circulation of precursors in pharmaceutical activities: problems of legal qualification, evidentiary assessment, and improvement of legal regulation	271
<i>Mikulich D.I.</i> The Problem of the Subjective Aspect in AI-Involved Crimes	276
<i>Muravyov S.I.</i> Citizens' participation in criminal trials by jury as a civic duty.....	279
<i>Pakhomova V.V.</i> Cruel Treatment of Minors: Qualification Issues	282
<i>Radjabov Sh.R.</i> Digital transformation of corruption and measures for its prevention: criminological aspect	286
<i>Shvayakov A.S.</i> The Concept of Extremist Crime as an Interdisciplinary Legal Construct: Issues of Legislative Coherence and Law Enforcement	289
<i>Revina V.V.</i> Prevention of extremist crimes.....	293
<i>Shagapov I.R.</i> Some issues of improving technical support for the forensic expert use of special knowledge in the investigation of crimes involving artificial intelligence.....	296
<i>Shvayakov A.S.</i> Financial monitoring and interdepartmental coordination as areas for improving the public-law mechanism for combating the financing of extremist crimes	300
<i>Shvetsov R.E.</i> Private detective as a special subject of crime: criminal law significance of licensed status.....	304

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Liu Zitong.</i> Local Remedies in International Investment Disputes under Chinese Law: problems and Paths to Improvement.....	307

<i>Markatanova D.E.</i> The "concept of responsible friend of a court (amicus curiae)" in the context of the functions of the amicus curiae institution in international legal proceedings	311
<i>Martaler V.S.</i> The category of «environmental harm» in international law ...	315
<i>Merkulov D.A.</i> Concession agreements in Spain's energy sector: investment disputes and the energy charter treaty	319
<i>Niu Liang, Dementev A.</i> Jurisdictional Conflicts and Regional Cooperation Mechanisms in Combating Transnational Crimes within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization	323
<i>Romanova N.V.</i> Institutional Analysis of the Dissolution of the Czechoslovak Federation and the Formation of the Czech Republic (1992–1993).....	328
<i>Farzullaeva A.E., Sharifov R.</i> Implementation of UNESCO International Conventions in the Criminal Legislation of the Republic of Azerbaijan	332
<i>Shurshilova A.P.</i> GATT Article XXIV in the WTO Legal System: An Overview of its Application in the Context of Growing Regional Trade Agreements.....	336

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Blinkova E.V., Bagirov R.Ya.</i> Problems of legal regulation of property relations between spouses.....	339
<i>Vlayku A., Smolyaninov E.</i> Limitation period in modern and foreign civil law	342
<i>Voylukov K.V.</i> Regulation of Forensic Expert Activity and Proof in Unauthorized Construction Cases: Risks of the 2026–2030 Reform	345
<i>Volkov A.A.</i> Features of remote electronic voting in the Russian Federation	349
<i>Galitsyn A.</i> Lex fori concursus, as the main conflict-of-laws principle applicable in cross-border insolvency	351
<i>Gonchar V.S.</i> On the legal basis of ideology in the Russian Federation: contemporary threats to security and restrictions of human rights	354
<i>Ilter Serhat.</i> Historical and Legal Analysis of Trade Agreements between the Khazar Khaganate and the Byzantine Empire (7th-10th Centuries)	357
<i>Kolobyakina A.A., Antonov A.I., Valyukh A.B., Chernykh A.A., Metelev A.A.</i> Risk-Based Approach in State Construction Supervision: The Model and Problems of Its Implementation	361
<i>Lipatov V.I.</i> Models of concluding offset contracts in Russia	365
<i>Lituchaya S.E.</i> Legal consequences and procedural procedure for a prosecutor's refusal to lodge a previously filed protest against a ruling in a case concerning an administrative offence	369
<i>Losev I.D.</i> Uncertificated securities as objects of civil rights: search for an optimal legal construction.....	371
<i>Malinovskiy M.S.</i> Features and possibilities of execution of international treaties in the context of sanctions	373
<i>Ogneva K.O.</i> Protection of electoral rights in Malaysian court decisions.....	376
<i>Olifirenko E.P.</i> Historical aspects of the formation of the definition of «crime» in Russian criminal law	379
<i>Panyushkin A.Yu., Zhdanov M.A., Skoptsov N.A.</i> The Northern Sea route: a global transit corridor or a national highway?	382
<i>Sokolov S.A.</i> Digital transformation of financial assets: concept, essence and legal consequences.....	385
<i>Mishalchenko Yu.V., Stepanov N.A.</i> International legal aspects of the establishment of regional criminal courts.....	388
<i>Tarasov A.P., Mamonov V.V.</i> The right of citizens to freedom of peaceful assembly.....	392
<i>Titov A.S.</i> Main areas of application of artificial intelligence in the field of air transport.....	395
<i>Khintsagova I.T.</i> Subsidiary means for the determination of rules of law in international law: modern approaches to interpretation and application... ..	398
<i>Khorava S.</i> Criminal and legal protection of surrogate motherhood	401

Генезис конституционно-правовой категории безопасность

Котельников Михаил Гурьевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
заслуженный юрист Российской Федерации, Челябинский
государственный университет
E-mail: kotelnikoff.mg@yandex.ru

В статье исследуется эволюция категории безопасности в конституционно-правовом дискурсе России. Рассматриваются исторические этапы формирования понятия — от античных представлений о безопасности как отсутствии опасности до современной доктрины национальной безопасности. Анализируется влияние трудов Гоббса и других мыслителей Нового времени, а также специфика институционализации безопасности в отечественном праве, начиная с Закона 1992 года. Особое внимание уделяется конституционным поправкам 2020 года и действующему Федеральному закону «О безопасности» 2010 года. Автор приходит к выводу, что категория безопасности прошла путь от философской абстракции до сложного правового института, сохранив при этом неоднозначность доктринальных трактовок. Отмечается, что конституционная безопасность является фундаментом национальной безопасности, однако современные глобализационные вызовы требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования, особенно в части угроз невоенного характера. Отдельное внимание уделено дискуссии о достаточности конституционных поправок 2020 года для защиты от современных вызовов. Показано, что в науке сложились разные подходы к определению конституционной безопасности — от охраны основ строя до баланса интересов личности и государства. Результаты могут быть полезны для дальнейших исследований в области конституционного права и законодательной практики.

Ключевые слова: безопасность, конституция, генезис, суверенитет, угроза, законодательство, личность, государство.

Введение

Категория безопасности относится к числу фундаментальных понятий не только в юриспруденции, но и в философии, политологии, социологии. В конституционно-правовом дискурсе она приобретает особое значение, поскольку речь идет о защите основополагающих ценностей — личности, общества, государства. Однако путь, который прошло это понятие, прежде чем занять центральное место в системе российского конституционного права, был длительным и непростым. Исследование генезиса конституционно-правовой категории безопасности позволяет понять, как менялись представления о соотношении интересов человека и государства, какие факторы влияли на формирование современной доктрины национальной безопасности и насколько состоявшейся можно считать эту правовую конструкцию сегодня.

Актуальность обращения к генезису обусловлена тем, что конституционная безопасность трактуется сегодня как состояние защищенности основ конституционного строя от внутренних и внешних угроз, причем именно она, по справедливому замечанию ряда авторов, составляет фундамент национальной безопасности любого государства [4]. В этой связи важно проследить, как формировалось это понимание, какие этапы прошло законодательное закрепление соответствующей терминологии, и насколько современная конституционная модель отвечает реальным вызовам.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу работы составили научные публикации, посвященные вопросам конституционно-правового регулирования безопасности, в том числе статьи Асеева И.И., Вильбаума Н.Ю., Газданова А.М., Кокотова А.Н., Махонько А.И., Петренко В.В., Поляковой Т.А., а также диссертационное исследование Кудратова Н.А. Нормативную базу образует Федеральный закон «О безопасности» 2010 года и Конституция Российской Федерации (с учетом поправок 2020 года). Кроме того, привлечены работы Ирошниковой Д.В., Магомедова И.Р., Рыженкова А.Я., Шаронова С.А., Алексеевой А.Н., посвященные эволюции категории безопасности и ее доктринальному осмыслению [1] [2] [3] [7] [9].

Методологически исследование опирается на историко-правовой подход, позволяющий проследить трансформацию понятия во времени. Используются также формально-юридический метод для анализа текстов нормативных актов и сравнительно-правовой — для сопоставления различных этапов законодательного регулирования.

Результаты и обсуждения

Анализ доступных источников позволяет утверждать, что категория безопасности имеет глубокие исторические корни. Древнегреческий философ Платон употреблял это понятие для обозначения отсутствия опасности или зла. В XVII–XVIII веках под безопасностью стали понимать состояние спокойствия, возникающее при отсутствии реальной угрозы — как физической, так и моральной. Именно в этот период, согласно второй исследовательской позиции, которую выделяет Магомедов И.Р., происходит концептуализация безопасности в трудах мыслителей Нового времени. Томас Гоббс, например, рассматривал «состояние безопасности» как ключевой мотив, побуждающий людей к заключению общественного договора и образованию государства. Желание этого состояния, по Гоббсу, толкает индивидов к переходу от естественного состояния к гражданскому [7].

В российской правовой традиции, как отмечают Рыженков А.Я. и Шаронов С.А., одной из исходных предпосылок безопасности выступало понятие «защита», зафиксированное еще в актах древнерусского права, включая Русскую Правду. Сегодня это понятие раскрывается как функция государства и как деятельность участников гражданского оборота, направленная на охрану объектов прав от противоправных посягательств [2].

Следующий важный этап эволюции связан с формированием национальных государств в XX веке. Именно в этот период, как указывает третья исследовательская позиция, выделенная Магомедовым, безопасность начинает трактоваться преимущественно как безопасность национальная. Возникает так называемая «национально-государственная методология», которая рассматривает проблематику безопасности как фундаментальный вопрос функционирования государства и нации. Угрозы и риски привязываются к конкретной террито-

рии, суверенитету и национальным интересам [8]. Интересно, что само понятие «конституционная безопасность» некоторые авторы определяют через категорию «конституционная безопасность личности как неотъемлемая составляющая правового государства» [3], где права личности выступают одновременно средством достижения интересов общества и государства.

В отечественном конституционном праве процесс институционализации категории безопасности имел свою специфику. Как справедливо замечает Алексеева А.Н., Российская Федерация возникла в ситуации, когда авторитет советской модели развития был крайне низок, и требовалось не только конструировать новую политику, но и вводить в отечественный правовой дискурс само понятие национальной безопасности, ранее нехарактерное для советской правовой системы [9]. Знаковым событием стало принятие в 1992 году Закона Российской Федерации «О безопасности», который впервые закрепил в качестве основного объекта безопасности личность, ее права и свободы. В качестве принципов были названы законность, соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также их взаимная ответственность. При этом особо оговаривалась первоочередность соблюдения прав и свобод граждан при обеспечении безопасности. Этот акт, хотя и принимался еще в «до конституционный» период, заложил важные основы.

Конституция Российской Федерации 1993 года вопросу безопасности прямого внимания уделила сравнительно немного, что породило впоследствии дискуссии о степени разработанности данной категории. Как показывает анализ, проведенный Ирошниковым Д.В., принятым в 2020 году поправкам к Конституции с точки зрения совершенствования конституционных основ безопасности сложно давать однозначную оценку. С одной стороны, о проблеме безопасности не забыли, и некоторые ее аспекты были более детально отражены в тексте Основного закона. С другой стороны, по мнению автора, можно было бы урегулировать важнейшие вопросы обеспечения безопасности нормами Конституции более обстоятельно. Кроме того, Ирошников приходит к выводу, что главной угрозой для личности, общества и государства, согласно Конституции (даже после поправок), выступает преимущественно угроза военного характера. В этой связи, полагает он, в Конституции сегодня необходимо было бы более конструктивно отразить основы противодействия угрозам невоенного характера [1].

Действующий Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ заменил собой закон 1992 года. В его статье 1 предмет регулирования определен следующим образом: закон устанавливает основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством. В этой же статье дается указание на то, что все перечисленные виды охватываются понятиями «безопасность» и «национальная безопасность» [10]. Важно отметить, что закон 2010 года расширил полномочия Президента в данной сфере – именно он определяет основные направления государственной политики в области безопасности, утверждает стратегию национальной безопасности, формирует и возглавляет Совет Безопасности [6].

Кокотов А.Н. в своей работе о предмете конституционно-правового регулирования высказывает важное суждение: конституционное право имеет собственную сферу регулирования – отношения по поводу складывания и осуществления верховной власти, но одновременно оно нацелено на решение общеправовых задач. Во втором направлении предмет конституционного права охватывает предмет национального права в целом [5]. Для категории безопасности это означает, что она не является исключительно «отраслевым» понятием, а приобретает сквозное, системообразующее значение.

В российской науке сформировались различные подходы к определению конституционной безопасности. Один из них, как отмечает Асеев И.И., связывает ее с состоянием защищенности основ конституционного строя от внутренних и внешних угроз. По мнению автора, конституционная безопасность – это состояние защищенности личности, общества, государства, соответствующее основополагающим конституционным положениям, направленным на охрану суверенитета и государственного единства, верховенства Конституции, целостности правовой системы и экономического сектора. Основной целью при этом остается превентивное выявление угроз конституционного развития и минимизация противоречий между ветвями власти [4]. Федотова Ю.Г., чья монография анализируется Залужным А.Г., под конституционной безопасностью предлагает понимать вид безопасности, направленный на обеспечение охраны основных конституционных начал организации государства, а также общественных отношений, составляющих фактическую конституцию государства [3].

Нельзя обойти вниманием и более широкий контекст современных трансформаций. Магомедов И.Р. выделяет четвертую исследовательскую позицию, согласно которой в условиях глобализации классические национальные концепции безопасности лишаются своего суверенного ядра. Смысловым центром новой модели (которую можно назвать «постбезопасностью») становится понятие устойчивости, а не национально-государственных принципов. Как отмечают С.Н. Бабурин и А.Д. Урсул, существенная часть функций по обеспечению безопасности может быть реализована не столько защитой, сколько самим новым типом развития – устойчивым [7]. Эта теоретическая установка пока не получила полного отражения в российском конституционном законодательстве, но, очевидно, будет оказывать на него влияние в перспективе.

Выводы

Понятие безопасности прошло длительный путь эволюции – от философской категории «отсутствия опасности» у Платона до сложного правового института, включающего различные виды (государственная, общественная, экологическая, информационная, личная безопасность). Каждый исторический этап наполнял это понятие новым содержанием, отражая изменение приоритетов – от индивидуальной защиты к государственному суверенитету и затем к балансу интересов личности, общества и государства.

В российском конституционном праве институционализация категории безопасности происходила с определенным запаздыванием по сравнению с западными странами, однако на рубеже XX–XXI веков сложилась достаточно стройная система нормативного регулирования. Ключевую роль сыграли Закон «О безопасности» 1992 года (заложивший приоритет личности), Конституция 1993 года (закрепившая основы конституционного строя) и новый Закон «О безопасности» 2010 года, расширивший полномочия Президента и определивший систему видов безопасности. Конституционные поправки 2020 года, хотя и усилили отдельные аспекты правового регулирования безопасности, не привели к комплексной переработке конституционных основ в этой сфере. Как было отмечено, преимущественное внимание по-прежнему уделяется угрозам военного характера, тогда как невоенные вызовы (техногенные, экологические, информационные, пандемийные) требуют более детальной конституционной регламентации.

В науке сложились различные подходы к пониманию конституционной безопасности: одни авторы делают акцент на защите основ конституционного строя, другие – на состоянии защищенности личности и балансе интересов. Однако большинство сходится в том, что конституционная безопасность является системообразующим элементом национальной безопасности, ее фундаментом. Наконец, современные глобализационные процессы бросают новые вызовы устоявшимся национальным моделям безопасности. Переход к парадигме устойчивого развития и признание общемировых угроз (изменение климата, международный терроризм, киберугрозы) могут потребовать пересмотра традиционных конституционно-правовых конструкций. В этой связи дальнейшее развитие российской модели конституционной безопасности, вероятно, будет связано с поиском баланса между сохранением государственного суверенитета и необходимостью участия в глобальных механизмах обеспечения безопасности.

Литература

1. Асеев И.И. Конституционно-правовые основы национальной безопасности / И.И. Асеев // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года): Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. – С. 248–252. – EDN TFOTNY.
2. Вильбаум Н.Ю. К вопросу о конституционном обеспечении национальной безопасности России / Н.Ю. Вильбаум // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года): Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. – С. 421–423. – EDN CWPUII.
3. Газданов А.М. Конституционная безопасность в России: историко-правовой аспект / А.М. Газданов // ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ науки и ОБРАЗОВАНИЯ: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 марта 2021 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 67–69. – EDN LPMMSH.
4. Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. –

2018. – № 10(95). – С. 36–43. – DOI 10.17803/1994–1471.2018.95.10.036–043. – EDN YOIBVR.

5. Кудратов Н.А. Уголовно–правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, право–применения и совершенствования законодательства: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно–исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кудратов Некруз Абдунабиевич. – Душанбе, 2021. – 539 с. – EDN RXSNWC.

6. Махонько А.И. Концепция информационной безопасности Российской Федерации: конституционно–правовое регулирование / А.И. Махонько // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30–летию Конституции Российской Федерации 1993 года): Материалы всероссийской научно–практической конференции, Санкт–Петербург, 15 декабря 2023 года. – Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский университет МВД РФ, 2023. – С. 567–571. – EDN SDXLNG.

7. Петренко В.В. Конституционно–правовые основы национальной безопасности Российской Федерации / В.В. Петренко // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов XII Всероссийской научной конференции, Самара, 26 апреля 2024 года. – Самара: САМАРА, 2024. – С. 163–166. – EDN ACRAYS.

8. Полякова Т.А. Развитие конституционно–правовых основ обеспечения информационной безопасности / Т.А. Полякова // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели. В 5 частях, Москва, 24–27 ноября 2020 года. Том Часть 1. – Москва: РГ–Пресс, 2021. – С. 294–299. – EDN CAWCBA.

9. Смоктий М.Е. Конституционно–правовая ответственность органов государственной власти РФ: юридическо–правовое обеспечение / М.Е. Смоктий // Юридический вестник. – 2023. – № 2(14). – С. 27–30. – EDN TFCZEG.

10. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 N 390–ФЗ.

THE GENESIS OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL CATEGORY OF SECURITY

Kotelnikov M.G.

Chelyabinsk State University

The article examines the evolution of the security category within the constitutional and legal discourse of Russia. It explores the historical stages of the concept's formation, from ancient understandings of security as the absence of danger to the modern doctrine of national security. The study analyzes the influence of Hobbes' works and other early modern thinkers, as well as the specific features of institutionalizing security in Russian law, starting with the 1992 Law. Particular attention is paid to the 2020 constitutional amendments and the current Federal Law «On Security» of 2010. The author concludes that the security category has evolved from a philosophical abstraction into a complex legal institution, while retaining ambiguity in doctrinal interpretations. It is noted that constitutional security

serves as the foundation of national security, yet contemporary globalization challenges require further improvement of legal regulation, especially regarding non–military threats. Special attention is given to the debate on whether the 2020 constitutional amendments are sufficient to address modern challenges. It is demonstrated that several scholarly approaches to defining constitutional security have emerged, ranging from protecting the foundations of the state system to balancing individual and state interests. The findings may be useful for further research in constitutional law and for legislative practice.

Keywords: security, constitution, genesis, sovereignty, threat, legislation, personality, state

References

1. Aseev I.I. Constitutional and legal foundations of national security / I.I. Aseev // Russian constitutionalism: lessons of history and modernity (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation in 1993): Proceedings of the All–Russian scientific and Practical conference, St. Petersburg, December 15, 2023. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – Pp. 248–252. – EDN TFOTNY.

2. Wilbaum N.Y. On the issue of constitutional provision of national security of Russia / N.Y. Wilbaum // Russian Constitutionalism: Lessons of History and Modernity (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation in 1993): Proceedings of the All–Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 15, 2023. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – Pp. 421–423. – EDN CWPUIT.

3. Gazdanov A.M. Constitutional security in Russia: a historical and legal aspect / A.M. Gazdanov // PRIORITY AREAS FOR THE DEVELOPMENT of science and EDUCATION: collection of articles of the XVII International Scientific and Practical Conference, Penza, March 20, 2021. Penza: «Science and Enlightenment» (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. Pp. 67–69. – EDN LPMMSH.

4. Kokotov A.N. On the subject of constitutional and legal regulation / A.N. Kokotov // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 10(95). – Pp. 36–43. – DOI 10.17803/1994–1471.2018.95.10.036–043. – EDN YOIBVR.

5. Kudratov N.A. Criminal law protection of the foundations of the constitutional order and state security: problems of doctrine, law enforcement and improvement of legislation: specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; penal enforcement law»: dissertation for the degree of Doctor of Law / Kudratov Nekruz Abdunabievich. – Dushanbe, 2021. – 539 p. – EDN RXSNWC.

6. Makhonko A.I. The concept of information security of the Russian Federation: constitutional and legal regulation / A.I. Makhonko // Russian constitutionalism: lessons of history and modernity (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation in 1993): Proceedings of the All–Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, December 15, 2023. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – Pp. 567–571. – EDN SDXLNG.

7. Petrenko V.V. Constitutional and legal foundations of national security of the Russian Federation / V.V. Petrenko // Russia's Foreign Policy interests: History and Modernity: proceedings of the XII All–Russian Scientific Conference, Samara, April 26, 2024. Samara: SAMARAMA Publ., 2024. Pp. 163–166, EDN ACRAYS.

8. Polyakova T.A. Development of the constitutional and legal foundations of information security / T.A. Polyakova // Novelties of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science: Conference materials within the framework of the X Moscow Legal Week. In 5 parts, Moscow, November 24–27, 2020. Volume Part 1. – Moscow: RG–Press, 2021. – Pp. 294–299. – EDN CAWCBA.

9. Smoktiy M.E. Constitutional and legal responsibility of state authorities of the Russian Federation: legal and legal support / M.E. Smoktiy // Legal Bulletin. – 2023. – № 2(14). – Pp. 27–30. – EDN TFCZEG.

10. Federal Law «On Security» dated December 28, 2010, N 390–FZ.

Роль детских комнат милиции в системе внесудебной защиты прав несовершеннолетних в России в период 1918–2002 гг.

Мирзоян Мария Александровна,

преподаватель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.И. Лебедева»
E-mail: mirzoyanmariya@yandex.ru

В статье исследуются вопросы динамики развития законодательства по вопросам внесудебной защиты прав несовершеннолетних. Выделены отличия между судебной защитой и внесудебной защитой прав несовершеннолетних граждан. Основное внимание автор уделяет комиссии по делам несовершеннолетних, ее созданию, формированию и порядку деятельности в различные исторические периоды в России. В результате проведенного исследования сделан вывод об изменении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних целей на разных исторических этапах развития России и логически обоснована потребность изучения личности несовершеннолетнего, защиты его прав и оказания юридической помощи. Сравнение прошлого и настоящего в реализации защиты прав несовершеннолетних позволяет предположить, что стратегическими направлениями в рассматриваемой теме являются комплексное совершенствование нормативно-правового регулирования положения комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, определив их место в системе государственного управления. Необходимо доработать «Примерное положение о КДНиЗП» с учетом современного опыта деятельности комиссий по защите прав несовершеннолетних. Кроме этого, важным направлением исследований является разработка мер, направленных на предотвращение нарушений прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: правовая защита, внесудебная защита, несовершеннолетний, законодательство, нормативно-правовое регулирование, комиссия по делам несовершеннолетних, подведомственность.

В России каждому гражданину гарантированы защита прав и свободы на основании ст. 45 Конституции РФ [1]. Это положение распространяется на всех граждан независимо от возраста, так как каждый человек имеет право защищать свои права и свободы всеми возможными средствами, при условии, что они не противоречат законодательству России. Реализация защиты прав и свобод может осуществляться судебными и внесудебными способами. Внесудебная защита несовершеннолетних подразумевает деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Самозащита также допускается. Целью внесудебной защиты, как правило, является восстановление нарушенных прав. Это может быть признанием оспариваемых прав либо устранение угрозы и разного вида посягательства на права несовершеннолетних. Главное отличие внесудебной защиты от судебной состоит в том, что внесудебная защита приводит к ускоренному разрешению конфликтов. Стороны, которые находятся в конфликте, без длительных судебных разбирательств могут достичь соглашения. Это делает рассматриваемую тему актуальной и значимой. Защита прав несовершеннолетних с помощью внесудебных механизмов важна для рассматриваемой подростковой группы в силу того, что она ввиду недостаточной зрелости в психологическом и эмоциональном плане и недостаточного жизненного опыта не может сама выступить в свою защиту и инициировать защиту своих прав – нарушение не всегда осознается, а действия других не в должной мере понимаются как посягание на свободы, гарантированных Конституцией РФ. Такие нарушения могут проявляться в форме насилия, дискриминации, эксплуатации или игнорирования нужд ребенка. В ст. 38 Конституции РФ государству в лице его органов предписаны защита семьи, материнства и детства. Это означает, что несовершеннолетние нуждаются в защите и семейной заботе, поэтому отношение к детям внутри семьи является индикатором и смыслом всех нормативно-правовых установлений, которые поддерживают систему защиты прав несовершеннолетних – от положений отдельных законов РФ до системы поддержания и восстановления нарушенных прав. Исследование проблем внесудебной защиты прав необходимо в силу того, что распространенность нарушений прав несовершеннолетних возрастает год от года. По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, видовой состав преступлений против несовершеннолетних расширился: жестокое обращение с детьми, буллинг, в том числе с применением электронных ресурсов и в цифровой среде, нарушение трудовых прав и привлечение к запрещенным законом видам деятельности. С целью адекватного общественного ответа важно продумать систему внесудебной защиты прав несовершеннолетних. В соответствии со ст. 77 Семейного кодекса РФ в ситуациях угрозы жизни для несовершеннолетних необходима немедленная реакция со стороны государства по его возвращению в безопасную среду [2]. В России внесудебная защита прав несовершеннолетних осуществляется органами исполнительной власти и правоохранительными органами. Внесудебная защита может осуществляться и другими субъектами, на которых возложена ответственность за защиту прав и интересов несовершеннолетних.

Оформление системы внесудебной защиты несовершеннолетних происходило в несколько этапов, каждый из которых проявился созданием нормативно-правовой базы, регламентирующей ее основу.

Методология статьи основывается на историко-правовом подходе в совокупности методов историзма, теоретико-правового метода и общенаучных методов обобщения и анализа тенденций развития системы внесудебной защиты прав несовершеннолетних. Хронологические рамки включают советский период с 1918 г., как начало преобразовательной правовой деятельности в рассматриваемой сфере и период до 2002 г., как этапа осознанной современной трансформации сторону создания современной внесудебной системы защиты прав несовершеннолетних. Задача рассмотрения поэтапных изменений и принципов внесудебной защиты прав несовершеннолетних осуществлялась в ходе исторической эволюции системы защиты прав в России. В целом, преемственность правовой системы защиты прав несовершеннолетних граждан в России с 1918 г. была полностью разорвана, молодое государство начинало построение самостоятельной независимой системы правового взаимодействия с несовершеннолетними гражданами страны.

После Октябрьской революции, 14 января 1918 г. в России был принят первый Декрет, законодательно закрепляющих основы воспитательной политики государства, обязательные для всех участников воспитательного процесса [3, ст. 227]. Декреты выполняли законодательную функцию вплоть до принятия Конституции СССР 1936 г., закрепляя политические основы государства. Создание специального Декрета показывает, насколько важное значение придавало государство воспитанию несовершеннолетних. Внимание уделялось не только не только воспитанию, но и реакции общества на совершение подростками опасных деяний, ввиду этого следующим шагом на пути к созданию системы рассмотрения дел подростков в соответствии с Декретом СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. [4]. Эти дела передавались в Комиссию по делам несовершеннолетних в том случае, если подростки не достигли 18-ти летнего возраста. Для подростков, которые в настоящее время относятся к категории «трудных», а меры воспитания и медико-лечебные мероприятия не приносили ощутимого результата, была предусмотрена процедура передачи дела в Народный суд [5, с. 160–171]. Для таких подростков требовалось создание специальных учреждений [6]. Поэтому к Декрету 30 июля 1920 г. было принято дополнение. Оно представляло собой Инструкцию для Комиссий по которой те должны были работать с несовершеннолетними [7]. После учреждения Комиссий вся полнота работы с несовершеннолетними вошла в функции их работников. Поэтому упразднились суды и соответственно, наказание в виде тюремного заключения. Инструкция от 30 июля 1920 г. подробно описывала права и обязанности данного органа, порядок и процедуры рассмотрения дел, и другие аспекты деятельности Комиссии, способствуя созданию большей организованности в их работе. Например, ст. 16 определяла медицинские и педагогические меры: беседу, разъяснение и замечания со стороны воспитателя, которые применялись к несовершеннолетним с целью повышения их сознательности и возвращения к пути исправления. Для сознательного выбора пути исправления подростков оставляли на свободе под присмотром близких людей, трудоустривая или отдавая в школу.

К 1921 г. повсеместно в России функционировало 230 комиссий, около 7% дел было передано в народные суды [8, с. 55–58]. Основная задача Комиссий этого времени определялась как оказание помощи несовершеннолетним: педагогической, медико-психологической и социальной. Декретом Совета народных комиссаров (далее – СНК) в 1925 году была создана Центральная комиссия по делам несовершеннолетних (ЦК), контроль над которой осуществлялся Народным комиссариатом образования РСФСР (далее – Наркомпрос) [9]. Помимо борьбы с правонарушениями, совершенными несовершеннолетними, она занималась передачей информации о наиболее злостных правонарушителях органам милиции.

В последующие годы в «Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних» неоднократно вносились поправки. Они включали уточнение функций и расширение полномочий по деятельности, связанной не только с борьбой с беспризорностью, но и ее предотвращением. 11 июля 1931 г. было принято Постановление СНК РСФСР, которое расширило полномочия комиссий [10, Ст. 301]. Поэтому и состав комиссии был межведомственным. В нее входили представители от разных органов: наркоматов просвещения, здравоохранения, органов внутренних дел и юстиции, а также от общественных организаций. Перед ними ставилась задача борьбы с правонарушениями подростков и охрана их прав. Этому был посвящен п. 7 «в» Постановления СНК РСФСР. В соответствии с ним, городские и районные комиссии по делам о несовершеннолетних осуществляют защиту прав и интересов несовершеннолетних, защищают их от жестокого обращения взрослых. Комиссии проводили работу по недопущению эксплуатации детского труда, проводили борьбу с оставлением их в опасном состоянии для жизни. Одним из направлений деятельности была отправка их в школу на учебу. Однако такое совмещение функций не было достаточно эффективным. Поэтому в мае 1935 г. Постановлением СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 была преобразована система защиты прав детей [11]. Комиссии по делам несовершеннолетних были упразднены, ввиду доминирования идеи о победе над массовой беспризорностью, которая служила основным фактором, способствующим склонению несовершеннолетних к противоправным поступкам. Преступность среди несовершеннолетних возросла. Как следствие, произошло ужесточение законодательства в их отношении [12]. Меры пресечения были расширены по составу и распространились на несовершеннолетних. Ответственность на подростков возлагалась на основании поправки, внесенной Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. в ст. 12 УК РСФСР [13] и Постановления ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1935 г. [14]. Уголовная ответственность за убийство или покушение на убийство,

насилие, телесные повреждения или кражу была установлена для детей с 12 лет.

Начиная с 1935 года, органы внутренних дел начали создавать специальные комнаты для привода беспризорных несовершеннолетних. Это учреждения, получившие позднее наименование «детских комнат милиции». Они служили институтом наблюдения за поведением несовершеннолетних, разбирая причины их правонарушений и в случае совершения опасных противоправных действий задерживали их. Эти помещения располагались рядом с отделами милиции. Принятие Инструкции НКВД СССР № 116 от 29 июня 1935 г. [15], расширила функции инспекторов детских участков милиции (как они тогда именовались) в части прав по передаче задержанных несовершеннолетних правонарушителей родителям или опекунам, а также заменяющим их лицам. То есть обязанности инспекторов по задержанию дополнились правами по их решению о возвращении в семью. Если родственников у несовершеннолетних не было, то они направлялись в приемники-распределители, как временную инстанцию содержания бездомных несовершеннолетних в возрасте до 16 лет. Из них беспризорных несовершеннолетних направляли в детские учреждения различного типа, продолжая розыск их родителей или опекунов, до тех пор, пока не возникла возможность устройства подростков в семьи.

В период Великой Отечественной войны используемые механизмы профилактики оказались недостаточно эффективными. Приемников-распределителей не хватало, многие были переполнены. Отсутствовала координация между всеми инстанциями, включенными в систему охраны прав несовершеннолетних и борьбы с противоправными действиями детей и подростков – Комиссий по делам несовершеннолетних, органов милиции, школ и органов социального обеспечения [16]. С этой целью был принят ряд Постановлений СНК СССР: от 23 января 1942 г. [17] и от 15 июня 1943 г. [18]. Утрата кормильцев, в том числе отцов и старших братьев, приводила к росту потерявших родительскую опеку количества детей.

Когда подростками совершались незначительные преступления, судебно-следственные органы признавали нецелесообразным привлечение их к уголовной ответственности. Была выработана практика вынесения определений (постановлений) о прекращении уголовного дела. Одновременно несовершеннолетнему передавали родителям или в трудовые колонии НКВД.

Комиссиям вернули роль органа, координирующего профилактическую работу по беспризорности и правонарушениям несовершеннолетних в 1957 г., в связи с принятием Постановления Совета Министров РСФСР [19], в котором говорилось, что при наличии большого количества детей и подростков, оказавшихся без надзора родителей, школы и внешкольные учреждения не принимают необходимых мер к охвату их всеми видами внеклассной и внешкольной работ в не учебное время.

Наиболее полный и систематизированный акт был принят в 1967 году. Он определил особые процедуры и структуры в системе государственной власти, которые занимались вопросами ответственности несовершеннолетних за правонарушения в соответствии с Указом Президиума ВС РСФСР от 03.06.1967 г. [20], в соответствии с которым комиссии создавались в регионах России и порядок их деятельности регулировался законодательством субъекта РФ. Это Положение действовало длительное время и утратило силу только в 2013 г. в связи с принятием Постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 [21].

В соответствии со ст. 11 Конституции РФ органы исполнительной власти обязаны осуществлять меры по обеспечению в стране законности, соблюдению прав и свобод граждан, борьбе с преступностью. Комиссии, в пределах своей компетенции, наделены государственно-властными полномочиями. Поэтому, некоторые ученые считают расщепление функций комиссий между органами различной правовой природы нецелесообразным, ввиду единства ее координирующей функции и весомости объема их исполнения по делам несовершеннолетних и защите их прав [22]. Е.В. Ильгова, исследовавшая деятельность комиссий, пришла к выводу о двойственности их правовой природы [23]. Она считает, что комиссии нельзя считать ни органом государственной власти, ни общественным органом, также они не относятся ни к одной из ветвей государственной власти. По ее мнению, их надо считать специальными публичными образованиями, имеющими властные полномочия, которые не выходят за рамки профилактики. Следовательно, комиссию следует считать органом системы профилактики, а не органом власти.

В 1999 году был принят Федеральный закон № 120-ФЗ, впервые определивший перечень субъектов в системе профилактики правонарушений. Комиссии стали основным координирующим органом учреждений, осуществляющих защиту прав несовершеннолетних [24].

Было изменено название комиссии, указавшее на расширение их полномочий относительно несовершеннолетних в части «защиты их прав». С 2002 года подведомственность дел об административных правонарушениях по линии несовершеннолетних была полностью отнесена к ведению комиссий. Это связано с вступлением в действие 1 июля 2002 г. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [25]. В соответствии с действующим законодательством, комиссии имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях, принимать решения относительно привлечения подростков к административной ответственности на основании ст. 5.35; ст. 6.10; ст. 20.22 КоАП РФ, а также инициировать рассмотрение дел в отношении нарушения прав подростков на безопасную среду обитания. В последние годы значительно возросло количество дел об административных правонарушениях, рассматриваемых комиссиями, за счет указанных составов, рассматриваемых ранее органами внутренних дел.

Основные результаты

Целевое назначение и функции комиссии по делам несовершеннолетних в России изменялось неоднократно в различные периоды истории. Изменялась не только подведомственность комиссии, но и отдельные права и обязанности. Неизменными оставались вопросы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних граждан, оказания им юридической помощи. Законодательство, регламентирующее порядок образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, как на федеральном, так и на региональном уровне в настоящее время, нельзя назвать оптимальным, оно нуждается в совершенствовании с учетом предыдущего опыта. С целью оптимизации деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, следует разрешить блок сложившихся в ходе практической реализации нормативного регулирования, проблем. К ним относятся: отсутствие стандартов и алгоритмов благополучия ребенка в семье и в общественных институтах и алгоритмов противодействия кризисным ситуациям, например, высоким угрозам жизни. Для этого следует разработать единые стандарты и создать протоколы поведения органов власти в случае сложившихся для несовершеннолетнего угроз, включая процедуру изъятия на основании ст. 77 Семейного Кодекса РФ.

Второй аспект создания условий для возможности внесудебного решения проблем ребенка является состоит в обеспечении интереса к просветительским программам, внедренным в просветительских организациях: в школах, спецотделах внутренних дел, кабинетах психологов за счет применения инновационных методик и реального сообщения новых знаний. Это потребует привлечения квалифицированных и опытных психологов и членов комиссий по делам несовершеннолетних. Отдельного анализа потребуют меры поддержки несовершеннолетних в семьях, оказавшихся в социально опасном положении, в зависимости от ситуации для них должны не только составляться индивидуальные программы реабилитации, но и реальные условия их реализации и меры поддержки.

Все указанное потребует повышения степени ответственности комиссий по делам несовершеннолетних перед обществом, поэтому необходимо продумать систему его информирования о проделанной ими работы и предоставлении отчетов и рекомендаций, на основе обобщенных статистических данных.

Главным недостатком регламентации функционала комиссий по делам несовершеннолетних является неясность статуса и отсутствие четкости в распределении их функций, потребность создания цифровых инструментов для создания основы защиты прав несовершеннолетних в сравнении с другими институтами профилактики противоправного поведения, на что указывает исследование С.Г. Степаненко [26, с. 2; с. 5], поэтому следует принять дополнения в части размежевания их полномочий и возможных ответов на современные риски интернет-эксплуатации, привлечению к противоправной деятельности посредством социальных сетей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 82 с. ISBN 978-5-534-16068-0.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Декрет СНК РСФСР от 14.01.1918 (с изм. от 04.03.1920) «О комиссиях для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.
4. Декрет СНК РСФСР от 04.03.1920 «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» // СУ РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83 – утратил силу.
5. Карабанова Е.Н. Возрастной критерий уголовно-правовой деликтоспособности лица / Е.Н. Карабанова // Закон. 2024. № 1. С. 160–171.

6. Ильягуев Д.М. Карательная политика в РСФСР и союзных республиках в первые годы советской власти: правовые и организационные основы // История государства и права. 2012. № 1. С. 4–8.

7. Постановление Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 30.07.1920 «Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1920. № 68. Ст. 308.

8. Эккельман Н.А. Уголовно-правовые аспекты проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в Советской России (1917–1920-е годы) / Н.А. Эккельман // История государства и права. 2014. № 10. С. 55–58.

9. Декрет СНК РСФСР от 22.05.1925 «Об утверждении Положения о Центральной Комиссии по делам о несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1925. № 38. Ст. 267. Документ утратил силу в связи с изданием Постановления СНК РСФСР от 11.07.1931.

10. Постановление СНК РСФСР от 11.07.1931 «Об утверждении Положения о комиссиях по делам о несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1931. № 38. Ст. 301.

11. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

12. Замышляев Д.М. Перспективы ювенальной юстиции в России: исторические аспекты / Д.М. Замышляев // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5. С. 18–22; № 6. С. 11–15.

13. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 8 апреля 1935 г. № 81.

14. Постановление ЦИК СССР N 13, СНК СССР N 1633 от 29.07.1935 «О дополнении уголовных и гражданских кодексов союзных республик» // СЗ СССР. 1935. № 41. Ст. 344.

15. Инструкция «О порядке задержания и дальнейшего направления беспризорных и безнадзорных детей»: утверждена Приказом НКВД СССР от 28 июня 1935 г. № 116 // СЗ СССР. 1935. № 34. Ст. 118.

16. Бажутин В.Ю. Становление права, регламентирующего превентивную деятельность милиции в отношении несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны / В.Ю. Бажутин // Власть Закона. 2025. № 3. С. 213–222.

17. Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75 (ред. от 18.08.1965) «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // СП СССР. 1942. № 2. Ст. 26. Документ утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 03.02.2020 № 80.

18. Постановление СНК СССР от 15.06.1943 № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» // Постановления Совета Народных Комиссаров СССР за июнь 1943 г. Документ утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 03.02.2020 № 80.

19. Постановление Совмина РСФСР от 04.10.1957 N 1099 (ред. от 22.06.1984) «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности» // СП РСФСР. 1957. № 5. Ст. 38. Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 28.03.2012 № 245.

20. Указ Президиума ВС РСФСР от 03.06.1967 (ред. от 25.02.1993) «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» // Ведомости ВС РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536.

21. Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 N 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5829.

22. Таибова О.Ю. Правовой статус комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемы и перспективы развития / О.Ю. Таибова // Lex russica. 2015. N 1. С. 59–66.

23. Ильгова Е.В. Проблемы правового регулирования организации и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации / Е.В. Ильгова // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. N 5. С. 17–21.

24. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Государственной думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

26. Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors / S.V. Shvets, G.M. Meretukov, S.I. Gritsaev, S.G. Stepanenko // Юридическая наука. 2023. No. 10. P. 132–136.

SOME ISSUES OF EXTRA-JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS IN RUSSIA IN THE PERIOD 1918–2002

Mirzoyan M.A.

North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V.I. Lebedev»

The article examines the dynamics of the development of legislation on extrajudicial protection of the rights of minors. The author highlights the differences between judicial protection and extrajudicial protection of the rights of minors. The main focus of the article is on the Commission for Minors, its creation, formation, and operation in various historical periods in Russia. The study concludes that the purpose of the Regulations on the Commission for Minors has changed over time, and highlights the importance of studying the minors' personalities, protecting their rights and legitimate interests, and providing legal assistance. A comparison of the past and the present in the implementation of the protection of minors' rights suggests that the strategic directions in this topic are the comprehensive improvement of the legal regulation of the position of commissions for minors and the protection of their rights, defining their place in the system of public administration. It is necessary to refine the "Model Regulations on the Commission for Minors and the Protection of Their Rights" taking into account the current experience of the commissions for the protection of minors' rights. In addition, it is an important area of research to develop measures aimed at preventing violations of minors' rights.

Keywords: legal protection, extrajudicial protection, minor, legislation, regulatory legal regulation, commission on minors, jurisdiction.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 82 p. ISBN 9785534160680.
2. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on March 23, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
3. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 14.01.1918 (as amended. dated 03/04/1920) «On commissions for minors» // SU RSFSR. 1918. No. 16. Art. 227.
4. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 03/04/1920 "On cases of minors accused of socially dangerous acts" // SU RSFSR. 1920. No. 13. Art. 83 – expired.
5. Karabanova, E.N. Age Criterion of a Person's Criminal Liability / E.N. Karabanova. Zakon. 2024. No. 1. Pp. 160–171.
6. Ilyagiev D.M. Punitive Policy in the RSFSR and the Union Republics in the First Years of Soviet Power: Legal and Organizational Foundations. History of State and Law. 2012. No. 1. Pp. 4–8.
7. Resolution of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, the People's Commissariat of Health of the RSFSR, the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated 07/30/1920 «Instructions to Commissions on juvenile affairs». SU RSFSR. 1920. No. 68. Art. 308.
8. Ekkelman N.A. Criminal law aspects of the problem of combating crime minors in Soviet Russia (1917–1920s) / N.A. Ekkelman. History of the State and Law. 2014. No. 10. Pp. 55–58.
9. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 22.05.1925 «On Approval of the Regulations on the Central Commission for Minors»// SU RSFSR. 1925. No. 38. Art. 267. The document was repealed by the Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 11.07.1931.

10. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 07/11/1931 «On approval of the Regulations on commissions for juvenile affairs». SU RSFSR. 1931. No. 38. Art. 301.
11. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR, Central Committee of the CPSU(b) dated 05/31/1935 «On the elimination of child homelessness and neglect». SZ USSR. 1935, No. 32.
- Art. 252.12. Zamyshlyayev D.M. Prospects of juvenile justice in Russia: historical aspects / D.M. Zamyshlyayev. Issues of juvenile justice. 2012. No. 5. Pp. 18–22; No. 6. Pp. 11–15.
13. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR dated April 7, 1935, No. 3/598 «On Measures to Combat Crime Among Minors». Izvestiya of the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics and the All-Russian Central Executive Committee. April 8. 1935. No. 81.
14. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 13, Council of People's Commissars of the USSR No. 1633 dated 07/29/1935 «On supplementing the Criminal and Civil Codes of the Union Republics». SZ USSR. 1935. No. 41. Art. 344.
15. Instruction «On the procedure for the detention and further referral of street and street children» approved by Order of the NKVD of the USSR dated June 28. 1935. No. 116. SZ USSR. 1935. No. 34. Art. 118.
16. Bazhtin, V. Yu. The Emergence of Law Regulating the Preventive Activities of the Militia in Relation to Minors During the Great Patriotic War / V. Yu. Bazhtin. The Power of the Law. 2025. No. 3. Pp. 213–222.
17. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated 01/23/1942 No. 75 (as amended on 08/18/1965) «On the placement of children left without parents». SP USSR. 1942. No. 2. Art. 26. The document became invalid in the territory of the Russian Federation in connection with the publication of the Government Decree RF dated 02/03/2020 No. 80.
18. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated 06/15/1943 No. 659 «On strengthening measures to combat child homelessness, neglect and hooliganism». Resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR for June 1943 The document has been repealed in the Russian Federation in connection with the publication of Government Decree No. 80 dated February 3. 2020.
19. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated October 4, 1957, No. 1099 (as amended on June 22, 1984), «On Measures to Improve Work Among Children Outside School and Prevent Child Neglect». SP RSFSR. 1957. No. 5. Art. 3.
20. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 03.06.1967 (as amended on 25.02.1993) «On Approval of the Regulations on Juvenile Affairs Commissions». Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1967. No. 23. Art. 536.
21. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.11.2013 № 995 «On Approval of the Model Regulations on Juvenile Affairs Commissions and Protection of Their Rights». SZ RF. 2013. No. 45. Art. 5829.
22. Taimova O. Yu. Legal Status of the Commission for Minors and Protection of Their Rights: Problems and Prospects of Development / O. Yu. Taimova. Lex russica. 2015. No. 1. Pp. 59–66.
23. Ilgova E.V. Problems of Legal Regulation of the Organization and Activities of the Commissions for Minors and Protection of Their Rights in the Russian Federation / E.V. Ilgova. Juvenile Justice Issues. 2009. № 5. Pp. 17–21.
24. Federal Law of 24.06.1999 № 120-FZ (as amended by 23.07.2025) «On the Fundamentals of the System for Preventing Neglect and Delinquency among Minors». Federal Law of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177.
25. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001. Adopted by the State Duma on December 20. 2001. Approved by the Federation Council on December 26. 2001. 2002. No. 1. Part 1. Art. 1.
26. Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors / S.V. Shvets, G.M. Meretukov, S.I. Gritsaev, S.G. Stepanenko. Legal Science. 2023. No. 10. P. 132–136.

Методологические проблемы раскрытия содержания теорий исторической сущности государства

Мягкая Анна Алексеевна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Юридический институт, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
E-mail: anna-myaagkaya@rambler.ru

Исследование посвящено проблемам отсутствия в юридической науке единого подхода к выделению критериев дифференциации различных теорий исторической сущности и происхождения государства. Обозначена проблематика отсутствия единообразного классификационного подхода, позволяющего сформировать из обширного множества теорий сущности и происхождения государства определённые группы, объединённые общими признаками. Целью исследования является формирование комплексного, научно обоснованного методологического подхода к классификации и характеристике основных доктринальных теорий происхождения и исторической сущности государства.

Обоснована необходимость использования в юридической науке термина «теории исторической сущности государства» вместо понятия «теории происхождения государства». Одним из элементов научной новизны выступает разработанный авторский классификационный подход, предполагающий подразделение теорий исторической сущности на две группы: 1) теории социальной сущности государства, к которым следует относить теории, рассматривающие государство как общественно необходимое явление, обеспечивающее позитивное развитие человеческого общества и благоприятные условия для реализации личностью своего потенциала; 2) теории репрессивной сущности государства, под которыми понимаются теории, рассматривающие государство как инструмент насилия политической элиты в отношении основной части общества. Предложены ключевые критерии, с учётом которых следует раскрывать содержание теорий исторической сущности государства, а именно: 1) предпосылки возникновения государства (явления общественной жизни, которые в своей совокупности приводят к возникновению определённой общественной потребности); 2) причины, сделавшие необходимым возникновение государства (общественные потребности, удовлетворение которых невозможно без власти, основанной на исключительном праве на законное применение силы); 3) способ организации государственной власти: демократический или антидемократический; 4) права и обязанности государства по отношению к обществу и личности; 5) права и обязанности общества и личности по отношению к государству; 6) соотношение ответственности (т.е. бремени негативных последствий) личности и государства за невыполнение (не надлежащее выполнение) своих обязанностей. Представлена общая характеристика основных теорий исторической сущности государства согласно предложенным критериям. В заключительной части аргументирована практическая целесообразность использования предложенного автором методологического подхода к классификации теорий исторической сущности государства.

Ключевые слова: происхождение государства; сущность государства; теории исторической сущности государства; теории социальной сущности государства; теории репрессивной сущности государства.

Изучение происхождения государства имеет не только научное, но и практическое значение. Оно позволяет понять социальную природу государства и права, причины и условия их возникновения, а также определить тенденции их развития.

Как отмечается в научной литературе, условия возникновения государств в последние века известны благодаря сохранившимся историческим источникам, например, на примере новых государств после распада СССР. Значительно сложнее исследовать происхождение государства в условиях родового общества, поскольку письменных источников почти не сохранилось [1, с. 222]. В связи с этим в науке возник ряд теорий происхождения государства [2, с. 102].

Вопросы сущности и происхождения государства находились в центре внимания мыслителей с античности. Этой проблемой занимались Аристотель, Платон, Сенека, Цицерон и другие. Однако универсальная концепция происхождения государства и права до сих пор не выработана [3, с. 3].

Следует согласиться с Р.С. Габидулиным, что формирование государства было длительным процессом, протекавшим у разных народов различными путями [4, с. 122]. Поэтому важно исследовать разные научные подходы к происхождению и сущности государства.

Одной из методологических проблем юридической науки остаётся отсутствие единого подхода к классификации теорий происхождения государства. Это приводит к фрагментарному восприятию процесса возникновения государства и затрудняет формирование собственной оценки различных теорий.

Такой подход нельзя признать конструктивным, поскольку в условиях развития правового и социального государства важно формировать научно обоснованные взгляды на государственно-правовые явления [5, с. 9]. В связи с этим методологические подходы к дифференциации теорий происхождения государства нуждаются в систематизации.

Цель статьи заключается в формировании научно обоснованного подхода к классификации и характеристике основных теорий происхождения и исторической сущности государства.

Одной из ключевых проблем является терминология. Понятие «теория происхождения государства» ассоциируется с процессом, рассматриваемым в динамике, что затрудняет выделение устойчивых критериев сущности и социального назначения государства.

Так, характеризуя теорию насилия, Б.А. Спасенников отмечает, что её сторонники – Л. Гумплович, К. Каутский, Е. Дюринг и др. – связывали происхождение государства с войной и завоеванием [6, с. 638]. Однако данная теория преувеличивает роль насилия и игнорирует социально-экономические факторы, поскольку для возникновения государства необходим определённый уровень экономического развития. Вместе с тем насилие и завоевание действительно играли важную роль в процессе государствообразования [6, с. 638].

Как видно, уважаемый учёный указывает только на «насилие и завоевание» как важные предпосылки возникновения государства и обходит своим вниманием важнейшие вопросы, которые должны охарактеризовать сущность государства (по мнению сторонников теории завоевания): 1) Каковы причины, сделавшие необходимым возникновение государства? Именно эти причины выражают основное назначение государства в обществе; 2) Каковы взаимные права и обязанности общества и государства, выполнение которых необходимо для поступательного развития обеих указанных социальных структур? 3) Какой характер управления общественной жизнью (демократический или антидемократический) предполагается, согласно данной теории?

Ответы на указанные вопросы необходимы для раскрытия сущности государства и его роли в обществе в рамках различных теорий происхождения государства. Рассмотрение только предпосылок возникновения государства не позволяет чётко дифференцировать теории. Это видно на примере социально-экономической теории и классово-материалистической теории К. Маркса.

Обе теории рассматривают одинаковые предпосылки происхождения государства: общественное разделение труда, отделение ремесла от земледелия, рост производительности труда, возникновение товарооборота и имущественное расслоение общества [7, с. 39–42], [8, с. 159–160]. Поэтому для их разграничения необходимо ответить на вопросы: 1) для удовлетворения какой потребности возникло го-

сударство; 2) каковы права и обязанности государства и общества; 3) какой характер управления предполагается – демократический или антидемократический.

Согласно социально-экономической теории, государство возникло для обеспечения общественной справедливости. Классово-материалистическая теория рассматривает государство как инструмент господства экономически сильного меньшинства над большинством.

Согласно социально-экономической теории, государство должно обеспечивать справедливость и развитие общества, а общество – подчиняться правилам, отражающим интересы большинства. Сторонники классово-материалистической теории считают, что государство защищает интересы меньшинства, поэтому общество стремится противостоять его воле.

Социально-экономическая теория предполагает управление обществом наиболее мудрыми гражданами, что содержит антидемократические элементы, однако ориентировано на интересы всего общества. Классово-материалистическая теория исходит из невозможности участия угнетаемого большинства в управлении, исключая демократический характер власти.

Таким образом, предложенные критерии позволяют четко различать концепции даже при совпадении предпосылок происхождения государства.

Для устранения методологического пробела в раскрытии содержания различных концепций на процессы возникновения государственной организации общества необходимо внести корректировки в базовую теоретико-правовую догматику и вместо термина «теории происхождения государства» использовать термин «**теории исторической сущности государства**».

Использование термина «теории исторической сущности государства» позволяет подразделить все соответствующие теории на два блока в зависимости от того, чьи интересы выступают определяющим вектором развития государственно-правовых явлений согласно той или иной теории: а) интересы общества и личности или б) интересы политической элиты [9, с. 278].

По данному критерию теории исторической сущности государства можно подразделить на два крупных блока:

1. Теории социальной сущности государства – рассматривающие государство как общественно необходимое явление, обеспечивающее позитивное развитие человеческого общества и благоприятные условия для реализации личностью своего потенциала.

2. Теории репрессивной сущности государства – рассматривающие государство как инструмент насилия политической элиты в отношении основной части общества. К данному блоку можно отнести классово-материалистическую теорию, теорию завоевания (или внешнего насилия), расовую теорию и др.

Характеристика любой теории исторической сущности государства должна содержать в себе такие характеристики процесса происхождения государства и его роли в жизни общества: 1) Предпосылки возникновения государства (явления общественной жизни, которые в своей совокупности приводят к возникновению определённой общественной потребности); 2) Причины, сделавшие необходимым возникновение государства (общественные потребности, удовлетворение которых невозможно без власти, основанной на исключительном праве на законное применение силы); 3) Способ организации государственной власти: демократический или антидемократический; 4) Права и обязанности государства по отношению к обществу и личности; 5) Права и обязанности общества и личности по отношению к государству; 6) Соотношение ответственности (т.е. бремени негативных последствий) личности и государства за невыполнение (не надлежащее выполнение) своих обязанностей.

Каждая теория исторической сущности государства содержит взгляды и обоснования этих взглядов по каждому из указанных шести пунктов. И при раскрытии содержания этих теорий важно акцентировать внимание именно на этих ключевых аспектах.

К **теориям социальной сущности государства** следует отнести следующие теории исторической сущности государства с соответствующими характеристиками.

1. Социально-экономическая теория, согласно которой: 1) Предпосылками, которые привели к возникновению общественных проблем, для решения которых понадобилось государство, стали различные изменения в производственных и товарообменных отношениях, а именно: а) переход к производящей экономике и разделению труда (неолитическая революция); б) повышение производительности труда; в) появление излишков продукции; г) возникновение товарооборота; д) появление группы людей, которые выполняют общественно значимые функции, не принимая личного участия в производстве материальных благ; е) повышение значимости управленческой деятельности; ж) усложнение общественных отношений; з) возникновение социального неравенства;

и) обособленность семьи от общины; к) появление частной собственности; л) возникновение конфликта общественных и личных интересов. 2) Основными причинами, сделавшими необходимым возникновение государства, стали: а) потребность защиты частной собственности; б) потребность обеспечения воли управленцев. 3) Способ организации государственной власти возможен любой: как демократический, так и антидемократический, но предпочтительной является власть наиболее грамотного меньшинства, способного в полной мере учитывать потребности всего общества. 4) Основные обязанности государства: а) обеспечивать порядок в обществе; б) создавать благоприятные условия для экономической стабильности и развития; в) обеспечить воспроизводство общества и всестороннее развитие личности; г) обеспечить возможности полноценной самореализации личности; д) обеспечить защиту собственности от посягательств внутри общества; е) обеспечить защиту собственности и общества от внешних угроз (со стороны другого государства или общества с негосударственной организацией управления); ж) обеспечить благополучную жизнь всего общества, материальный достаток каждой личности. Для выполнения этой обязанности государство наделено правами: а) устанавливать общеобязательные правила поведения; б) требовать от личности и общества выполнения установленных правил поведения; в) исключительным правом на законное применение силы к нарушителям общеобязательных правил поведения. 5) Права общества и личности: а) жить в организованном, упорядоченном обществе; б) свободно развивать и реализовывать способности личности к различным видам общественной активности: к производственной, организационной, товарообменной, научной, творческой и иной деятельности; в) пользоваться защитой государства при угрозе полноценной реализации экономических и других прав (законных интересов); г) иметь достойный уровень жизни. Обязанности общества и личности: а) подчиняться общеобязательным правилам, установленным государством, поскольку без этого невозможно будет дальнейшее социально-экономическое развитие общества и повышение благосостояния каждой личности; б) испытывать на себе воздействие принудительной силы государства (т.е. нести юридическую ответственность) за невыполнение общеобязательных правил поведения, установленных государством. 6) Ответственность личности, общества и государства за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих обязанностей, согласно социально-экономической теории, распределяется соразмерно и на общество, и на государство.

2. Патриархальная теория исторической сущности государства, согласно которой: 1) До возникновения государства совместное проживание людей ограничивалось членами одной семьи (где глава семьи – отец), и он материально обеспечивал семью всем необходимым для жизни, организовывал совместный труд для получения необходимой продукции, решал споры, возникающие между членами семьи и т.п.; мать – организовывала быт, защищала слабых, оказывала поддержку в сложных ситуациях и т.п.). Предпосылками возникновения государства стали следующие общественные процессы: а) семья разрасталась, каждое следующее поколение было более многочисленным, чем предыдущее; б) иногда ради достижения какой-то цели несколько семей объединялись для совместной деятельности (защита от диких зверей, совместная охота на мамонта и т.п.); в) всё это привело к тому, что количество людей, организованно ведущих совместное проживание, стало очень многочисленным, с внутренним подразделением на отдельные семьи; г) при этом люди поняли, что жить организованно в многочисленном коллективе удобнее и безопаснее, чем небольшой семьёй: проще защититься от нападений диких зверей или других людей, легче обмениваться необходимой продукцией, проще организовать выполнение работы, для которой требуется много людей и пр. Поэтому отделяться от многочисленного общества и искать отдельное место для самостоятельной жизни отдельные семьи не захотели. 2) Результатом указанных предпосылок стало появление необходимости создания управленческой организации для того, чтоб она выполняла функции «отца» и «матери» для многочисленного общества, для координации действий большого количества людей и заботы о них: один человек – отец – уже не способен был обеспечить материальное благополучие [10, с. 99], организовать труд такого большого количества людей. 3) Единственный правильный способ организации государственной власти – антидемократический: власть должна принадлежать наиболее грамотному, профессиональному меньшинству. Сторонники патриархальной теории сущности государства проводят аналогию между многодетной семьёй и государством. В многодетной семье власть принадлежит меньшинству – родителям, которых дети не выбирают на эту «должность», а просто слушаются их. 4) Обязанности государства по отношению к личности и обществу: а) должно заботиться об обществе в целом: обеспечивать условия для роста благосостояния, равные возможности для самореализации (как родители обеспечивают общую благополучную жизнь всей семьи и всех детей: материальный достаток, вкусная пища, тепло и уют в доме и т.п.); б) обеспечить особые

условия для социально незащищённых лиц (инвалидов, стариков и т.п.), которые объективно не способны самостоятельно обеспечить своё благополучие; в) защищать общество от внешней агрессии (как отец в патриархальной семье, который никогда не позволит кому-то постороннему обидеть членов своей семьи); г) предотвращать и разрешать разногласия, возникающие между людьми в обществе (как родители в семье не позволяют детям ссориться, в случае возникновения ссоры – помогают им помириться и т.п.); д) применять силу государственного принуждения только в случае необходимости: для того, чтобы люди, неподчиняющиеся государству добровольно, могли осознать общественную вредность такого поведения и исправиться (как в семье: родители наказывают детей не с целью причинения им страданий, а для того, чтоб убедить в том, что определённое поведение является недопустимым). 5) Обязанности общества и личности: а) беспрекословно подчиняться всем государственным решениям; б) если государственные решения не нравятся, воспринимать это не как негативное государственное решение, а как непонятное решение, пользу которого не получается увидеть в силу собственной неопытности и неосведомлённости; в) испытывать на себе воздействие принудительной силы государства (т.е. нести юридическую ответственность) за невыполнение общеобязательных правил поведения, установленных государством. 6) Ответственность за невыполнение (ненадлежащее выполнение) обязанностей между личностью, обществом и государством, согласно патриархальной теории, распределяется неравномерно. Личность и общество в качестве негативного последствия за невыполнение обязанностей испытывают на себе воздействие принудительной силы государства (несут юридическую ответственность). Государство (и государственные управленцы) несут только моральную ответственность перед обществом, которая выражается в определённой оценке: степень уважения, любовь народа и т.п.

3. Теологическая теория, согласно которой: 1) Основной предпосылкой возникновения государства является грехопадение людей, которое стало препятствием для непосредственного общения людей с Богом (Бог своим благочестием уничтожает всё греховное, в т.ч. и грешного человека, грешный человек не способен слышать Бога); но несмотря на это любовь Бога к человеку неиссякаема, как и желание оказывать помощь людям. 2) Непосредственной причиной возникновения государства стала необходимость «посредника» между Богом и обществом для спасения души каждого человека; этот посредник должен быть достаточно чист духовно, чтобы суметь услышать волю Бога и принять Его помощь [11, с. 11]. 3) Принцип организации государственной власти должен быть только антидемократический; большинство не должно править, поскольку большинство людей – грешники, а править должны праведники (которых единицы); не грешники должны выбирать правителя и определять его решения, а Бог. 4) Обязанности государства: государственные управленцы должны относиться к обществу как милостивый Бог: всем обеспечивать; бескорыстно помогать во всём, направлять на верный путь, наказание использовать только для того, чтоб направить на путь истинный и т.п. 5) Обязанность общества и личности – беспрекословно подчиняться правителю, потому что непослушание – это отречение от Бога, а значит, служение дьяволу. Даже если правитель и его решения не нравятся кому-то – демократия недопустима, потому что: а) Бог лучше знает, как правильно поступить, какое решение принять, и передаёт свою волю через земного правителя; другие люди слишком ограничены своей греховностью и не способны предвидеть и понять смысл и последствия каждого государственного решения; б) действительно плохой правитель – это наказание за грехи каждого из людей в этом конкретном обществе, а также возможность искупить свою вину перед Богом; нужно смиренно принять все тяготы, покаяться в грехах и тогда Бог подарит хорошего правителя. 6) Ответственность управленцев (государство) несёт непосредственно перед Богом: после смерти либо попадёт в рай за свои заслуги, либо в ад за то, что не справился с возложенной священной миссией. За неповиновение человека государству – человек несёт ответственность не только перед государством, но и перед Богом.

4. Договорная (естественно-правовая) теория исторической сущности государства, согласно которой 1) Предпосылкой возникновения государства было догосударственное (естественное) состояние людей и общества – естественная абсолютная свобода: каждый делает всё, что хочет, если ему позволяют физические возможности. В естественном состоянии, где нет общей власти, закона и справедливости, каждый имеет право на всё – в этом и состоят его естественные права и свобода. В таких условиях какая-либо справедливость отсутствует: даже если большинство считает какой-то поступок недопустимым, никто не может помешать сильному сделать так, как он хочет [12, с. 509–510]. В итоге организовать какой-либо порядок в обществе невозможно. 2) Непосредственной причиной возникновения государства стала необходимость обеспечить мир и порядок в обществе. Беспорядок и ха-

ос побуждают людей заключить договор об учреждении государства (верховной управленческой организации, состоящей из группы людей). Содержание договора: рядовые люди добровольно передают часть своей естественной свободы управленцам, соглашаются подчиняться им, обеспечивать их материально; управленцы – обязуются обеспечить надлежащую реализацию основных естественных прав для всех (даже самых слабых): право на жизнь, свободу, неприкосновенность, собственность и т.п. 3) Эта теория предполагает только демократический принцип организации государственной власти, как единственный верный: правители и их решения должны отражать интересы большинства членов общества. 4) Отношения между государством и обществом – равноправные: обе стороны должны выполнять свои обязательства: управленцы (государство) должны обеспечивать надлежащий уровень реализации прав и свобод человека, принуждение (наказание) – только для обеспечения прав человека (для выполнения своих обязательств по договору) и т.п. Государство несёт ответственность перед обществом: невыполнение государством своих обязанностей предоставляет обществу возможность «расторгнуть» договор с этими управленцами и выбрать других управленцев. 5) Общество должно подчиняться управленцам, достойно содержать их материально и т.п. 6) Стороны (государство и общество/личность) несут ответственность друг перед другом: если член общества нарушил условия – управленцы применяют принуждение, ограничивают его в правах и т.п.; если государство (в лице управленцев) не выполняет обязанности по договору – общество имеет право расторгнуть этот «договор». Но расторгнуть договор может только общество в целом, принимая решение с использованием демократических институтов: выборы, референдум и т.п. Отельный человек (или группа людей) не имеют права противостоять государству и его воле. Отдельный человек, достигший совершеннолетия, сам решает вопрос о том, присоединиться ли ему к «общественному договору» и стать членом данного общественно-политического образования или покинуть территорию данного государства. Если человек остаётся на территории государства, но не подчиняется – это правонарушитель, который должен будет понести ответственность за правонарушения.

5. Теория внутреннего насилия, согласно которой: 1) Предпосылкой возникновения государства стало естественное стремление людей к демократии – реализации воли большинства. В родовом обществе наиболее важные вопросы решались на общем собрании волей большинства. Но при принятии общих решений неизбежно оставалось несогласное меньшинство – незначительная часть общества, которой не нравилось решение, принятое большинством. Эта незначительная часть общества не выполняла решение, которое было принято большинством, что в целом нарушало порядок в обществе. 2) Причиной создания государства, согласно этой теории, стала необходимость заставить несогласное меньшинство подчиниться решению, принятому большинством. Иными словами, понадобилось применение определённого рода насилия внутри общества – к несогласному меньшинству – чтобы заставить всех подчиняться воле большинства, но при этом обеспечить справедливую реализацию интересов меньшинства (в той части, где это не противоречит воле большинства). Именно поэтому данная теория исторической сущности государства называется «теория внутреннего насилия». Для удовлетворения возникшей потребности – обеспечение реализации воли большинства – понадобился сложный механизм управления и принуждения, который мы сегодня называем государством. 3) Теория внутреннего насилия предполагает в качестве правильного и справедливого только демократический способ организации государственной власти, поскольку изначальное назначение государства – это обеспечение реализации воли большинства. 4) Управленцы обязаны обеспечивать реализацию воли большинства; но при этом избегать несправедливого угнетения меньшинства. 5) Люди в обществе обязаны подчиняться управленцам, пока их решения соответствуют воле поддерживающего их большинства (т.е., пока государственная власть является легитимной – обладает поддержкой большинства членов общества). Если соотношение согласных и несогласных меняется – общество имеет право на смену управленцев. Но важно, чтобы в этом случае критерии «большинства» и «меньшинства» были объективными и определялись через официальные демократические институты: выборы, референдум и пр. 6) Ответственность личности за неподчинение воли большинства (выраженной в государственном управлении) заключается в справедливом наказании со стороны государства. Ответственность государства и управленцев за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей по реализации воли большинства состоит в возможности общества решением большинства сменить ненадлежащих управленцев.

Указанные характеристики необходимо чётко выделять для того, чтобы максимально полно раскрыть содержание теорий социальной сущности государства.

Главная идея всех теорий репрессивной сущности государства состоит в том, что основной ценностью является государство и управленцы, а общество и отдельные личности нужны для того, чтоб обеспечить государству необходимые условия для позитивного развития.

Все указанные теории объединяет отрицание демократической организации государственной власти. К данной группе относятся:

1. Теория внешнего насилия, согласно которой государство возникло вследствие завоеваний и необходимости удерживать в подчинении покорённые племена. Государство рассматривается как механизм принуждения, обеспечивающий власть меньшинства над большинством. Его задачей является защита завоёванной территории и поддержание порядка, тогда как общество обязано подчиняться и обеспечивать управленцев материальными ресурсами. Ответственность государства перед обществом фактически отсутствует; управленцы отвечают лишь за сохранение собственной власти и ресурсов.

2. Классово-материалистическая (марксистская) теория, связывающая происхождение государства с экономическим развитием общества: разделением труда, ростом производительности, появлением частной собственности и социального неравенства. Основной причиной возникновения государства считается необходимость экономически господствующего меньшинства удерживать в подчинении эксплуатируемое большинство [13, с. 43]. Государство трактуется как механизм защиты интересов господствующего класса, а потому управление обществом носит антидемократический характер. Согласно данной теории, большинство общества естественным образом стремится противостоять государству как инструменту угнетения. Исчезновение классов должно привести и к исчезновению государства.

3. Расовая теория, исходившая из идеи существования «высших» и «низших» рас. Государство, согласно этой концепции, необходимо для господства «высшей расы» и контроля над «неполноценными» народами. Демократическое управление отрицалось, поскольку право на власть признавалось только за «высшей расой». Теория оправдывала эксплуатацию и подчинение «низших рас», их ограничение в правах и использование в интересах господствующей группы. Подобные идеи получили развитие, в частности, в нацистской Германии. В настоящее время расовая теория признана антигуманной и запрещена международным и национальным законодательством, в том числе России и Беларуси, как оправдывающая преступления против человечности [14, с. 90–91].

Предложенный классификационный и методологический подход позволяет систематизировать различные теории исторической сущности государства и формировать более целостное понимание государственно-правовых явлений.

Литература

1. Коновалов А.А., Лепетикова И.Ю., Мовчан А.В. Основные теории происхождения государства и права // Ростовский научный журнал. 2017. № 2. С. 220–231.
2. Сизова А., Кузьмина М.В. Теории происхождения государства в разрезе современного состояния науки и общества // Наука через призму времени. 2025. № 5 (98). С. 102–105.
3. Байрамов А.А. Теории о насильственном происхождении государства и права: генезис и эволюция: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2015. 23 с.
4. Габидуллин Р.С. Философия права и философия истории русского либерализма. Архангельск, 2007. 401 с.
5. Лазор Л.И. Источники трудового процессуального права: понятие и классификация // Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. Луганск: Луганский государственный университет им. В. Даля. 2021. № 56. С. 8–15.
6. Спасенников Б.А. Актуальные теории происхождения государства // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 9 (25). С. 635–639.
7. Пономарева И.П. Государство: истина и мифы // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 38–47.
8. Колоткина О.А., Морозова А.С., Ягофарова И.Д. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2024. 536 с.
9. Мягкая А.А. Теории исторической сущности (происхождения) государства: методологические аспекты дифференциации // Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. Луганск: Луганский государственный университет им. В. Даля. 2022. № 59. С. 274–281.
10. Невьянцева А.В. Основные теории происхождения государства и права // Россия – Евразия – мир: интеграция – развитие – перспективы. Материалы XIV Евразийского экономического форума молодежи. Екатеринбург, 2024. С. 98–100.
11. Самигуллин В.К. Теологическая теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 8–20.

12. Пухова М.Ю. Возникновение финансов как аспект договорной теории происхождения государства // Право и правосудие в современном мире. Сборник научных статей молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2024. С. 507–513.

13. Бивол Я.В. Марксистское понимание сущности государства и права: теория и историческая практика // Актуальные исследования. 2025. № 20–2 (255). С. 43–45.

14. Плахотина Н.А. Терминологические проблемы в законодательстве о занятости // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. № 4. С. 92–102.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DISCLOSURE OF THE CONTENT OF THEORIES OF THE HISTORICAL ESSENCE OF THE STATE

Myagkaya A.A.

Institute of Law of the Lugansk Vladimir Dahl State University

The study is devoted to the problems of the absence in legal science of a unified approach to identifying criteria for differentiating various theories of the historical essence and origin of the state. The problematic of the absence of a uniform classification approach that would allow forming certain groups united by common features from a vast variety of theories of the essence and origin of the state is outlined. The purpose of the study is to form a comprehensive, scientifically substantiated methodological approach to the classification and characterization of the main doctrinal theories of the origin and historical essence of the state.

The necessity of using the term «theories of the historical essence of the state» in legal science instead of the concept of «theory of the origin of the state» is substantiated. One of the elements of scientific novelty is the developed author's classification approach, which involves dividing theories of historical essence into two groups: 1) theories of the social essence of the state, which should include theories considering the state as a socially necessary phenomenon that ensures the positive development of human society and favorable conditions for the realization of the individual's potential; 2) theories of the repressive essence of the state, which are understood as theories considering the state as an instrument of violence of the political elite in relation to the main part of society. The key criteria are proposed, taking into account which the content of theories of the historical essence of the state should be disclosed, namely: 1) prerequisites for the emergence of the state (phenomena of public life, which in their totality lead to the emergence of a certain social need); 2) reasons that made the emergence of the state necessary (social needs, the satisfaction of which is impossible without power based on the exclusive right to the legitimate use of force); 3) the method of organizing state power: democratic or anti-democratic; 4) the rights and responsibilities of the state in relation to society and the individual; 5) the rights and responsibilities of society and the individual in relation to the state; 6) the ratio of responsibility (i.e. the burden of negative consequences) of the individual and the state for failure to fulfill (improper fulfillment) of their duties. A general description of the main theories of the historical essence of the state is presented according to the proposed criteria. In the final part, the practical expediency of using the methodological approach to the classification of theories of the historical essence of the state proposed by the author is argued.

Keywords: origin of the state; essence of the state; theories of the historical essence of the state; socio-economic theory; theories of the social essence of the state; theories of the repressive essence of the state.

References

1. Konovalov A.A., Lepetikova, I.Yu., Movchan, A.V. Basic Theories of the Origin of the State and Law. Rostov Scientific Journal, 2017, № 2. Pp. 220–231.
2. Sizova A., Kuzmina M.V. Theories of the origin of the state in the context of the current state of science and society // Science through the prism of time. 2025, № 5 (98). Pp. 102–105.
3. Bayramov A.A. Theories on the violent origin of the state and law: genesis and evolution: author's abstract. Diss... Cand. of Law: 12.00.01. Belgorod, 2015. 23 p.
4. Gabidullin R.S. Philosophy of Law and Philosophy of the History of Russian Liberalism. Arkhangelsk, 2007. 401 p.
5. Lazor L.I. Sources of labor procedural law: concept and classification. Problems of Law: Theory and Practice. Collection of scientific papers. Lugansk: Lugansk State V. Dahl University, 2021, № 56. Pp. 8–15.
6. Spasennikov B.A. Actual theories of the origin of the state. Alley of Science, 2018, Vol. 1. № 9 (25). Pp. 635–639.
7. Ponomareva I.P. The state: truth and myths. Journal of Russian Law, 2016, № 12 (240). Pp. 38–47.
8. Kolotkina O.A., Morozova A.S., Yagofarova I.D. Theory of State and Law: textbook. Moscow: Prospect, 2024. 536 p.
9. Myagkaya A.A. Theories of the historical essence (origin) of the state: methodological aspects of differentiation. Problems of Law: Theory and Practice. Collection of scientific papers. Lugansk: Lugansk State V. Dahl University, 2022, № 59. Pp. 274–281.
10. Nevyantseva A.V. Basic Theories of the Origin of the State and Law // Russia – Eurasia – World: Integration – Development – Prospect. Proceedings of the XIV Eurasian Economic Youth Forum. Ekaterinburg, 2024. Pp. 98–100.
11. Samigullin V.K. Theological Theory of the Origin of the State and Law // Law and Statehood. 2024. № 3 (4). Pp. 8–20.
12. Pukhova M. Yu. The Emergence of Finance as an Aspect of the Contractual Theory of the Origin of the State // Law and Justice in the Modern World. Collection of Scientific Articles by Young Researchers. St. Petersburg, 2024. Pp. 507–513.
13. Bivol Ya.V. Marxist Understanding of the Essence of the State and Law: Theory and Historical Practice // Current Research. 2025. № 20–2 (255). Pp. 43–45.
14. Plakhotina N.A. Terminological problems in employment legislation. Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University, 2024, № 4. Pp. 92–102.

Хусаинова Евгения Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент департамента лингвистики, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: khusainova80@mail.ru

Елисеева Юлия Владимировна,

Кандидат филологических наук, Доцент департамента лингвистики, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: uliya_uliya@mail.ru

Варнавская Оксана Олеговна,

Кандидат филологических наук, Доцент департамента лингвистики, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: varnavskaya81@mail.ru

Елисеев Даниил Игоревич,

студент Юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: dany.eliseeff2016@yandex.ru

Василенко Вадим Витальевич,

студент Юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: vadim_vasilenko2005@mail.ru

Статья посвящена анализу языковых барьеров, возникающих в межкультурной юридической коммуникации. Обосновывается, что такие барьеры не сводятся к недостаточному владению иностранным языком, а имеют системный характер, обусловленный расхождениями в понятийных системах, логике правового изложения, перформативных свойствах высказываний и культурных нормах профессионального общения. На примерах конкретных терминологических лакун и судебных ошибок демонстрируется, как языковые барьеры трансформируются в процессуальные нарушения и правовую неопределенность. Особое внимание уделяется устным жанрам юридической коммуникации (допрос, прения, медиация), где переводческие потери наиболее критичны. На основе анализа предлагается классификация способов преодоления барьеров: терминологические стандарты, коллаборативный перевод, институализация посредничества, а также формирование интегративной компетенции у юристов. Делается вывод о необходимости синтеза переводческих, сравнительно-правовых и культурно-аналитических компетенций.

Ключевые слова: языковой барьер, межкультурная юридическая коммуникация, юридический перевод, интегративная компетенция, правовая неопределенность.

Актуальность изучения языковых барьеров в межкультурной юридической коммуникации продиктована несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, как справедливо отмечают С.В. Кудряшова и М.Г. Калинина, специфика юридического перевода заключается в том, что даже близкородственные языки (например, немецкий, французский, испанский) демонстрируют существенные расхождения в передаче правовых концептов, что создает иллюзию понимания при фактическом искажении нормы [1, 23]. К этому следует добавить, что указанная иллюзия особенно опасна именно в правовой сфере, поскольку стороны, уверенные в адекватности перевода, не предпринимают дополнительных шагов по верификации смысла, и ошибка остается незамеченной вплоть до стадии исполнения решения или обжалования приговора.

Во-вторых, массовое распространение английского языка в качестве языка посредника делового оборота не устраняет, а парадоксальным образом обостряет проблему: юристы-нефилологи часто используют упрощенные или неточные эквиваленты, полагаясь на «рабочее» знание языка, тогда как правовая норма требует строгости. Арбитражная практика последних лет свидетельствует: выбор английского в качестве языка контракта нередко провоцирует ложное ощущение надежности. Стороны исходят из того, что «международный» формат документа минимизирует риски недопонимания, однако именно расхождения в трактовке базовых терминов – например, разграничение *reasonable* и *best efforts* – становятся предметом длительных и затратных разбирательств. Далее, анализ судебных ошибок, связанных с переводом, показывает, что последствия языкового барьера давно вышли за чисто лингвистические рамки: они оборачиваются нарушением процессуальных прав участников, отказами в правосудии либо вынесением судебных актов, заведомо неисполнимых в силу искажения смысла. Ситуация усугубляется ростом трансграничных споров в условиях санкционных ограничений и вынужденной переориентации на незнакомые юрисдикции. Юристы вынуждены работать с контрактами, решениями и законодательством стран, правовые системы которых ранее не входили в орбиту массовой профессиональной подготовки. В таких обстоятельствах языковой барьер перестает рассматриваться как второстепенная техническая помеха и выходит на передний план процессуальных рисков, сопоставляясь по значимости с коллизийными нормами или выбором применимого права. К сказанному добавляется отсутствие унифицированных стандартов квалификации переводчиков в правовой сфере и разобщенность терминологических баз, что порождает зону правовой неопределенности и прямо противоречит принципу предсказуемости судебной защиты. В итоге участники оборота вынуждены ориентироваться на случайные критерии: личные рекомендации, формальное наличие диплома без специализации в юриспруденции либо, что особенно тревожно, на системы машинного перевода, не учитывающие ни правовых лакун, ни иллюкативной силы высказывания. Существует и еще один фактор, редко попадающий в фокус исследований, но имеющий прямое отношение к повседневной практике. Речь идет о так называемых скрытых языковых барьерах, которые возникают не из-за отсутствия терминологического эквивалента или синтаксических сложностей, а вследствие несовпадения фоновых знаний участников коммуникации об устройстве правовой системы в целом. Например, юрист из страны прецедентного права, услышав ссылку на статью 307 УК РФ, может не осознавать, что данная норма находится в Особенной части и предполагает наличие родового объекта преступления, тогда как для российского правоведа такая отсылка самодостаточна. Переводчик, даже безупречно владеющий языками, далеко не всегда фиксирует этот пробел, поскольку он лежит за пределами собственно лингвистической компетенции. В результате сторона, получившая перевод, воспринимает норму как изолированное предписание, лишенное системных связей, и ошибается в прогнозе правоприменения. Этот тип барьера особенно коварен тем, что остается незамеченным для обеих сторон: каждая полагает, что другая понимает так же, тогда как на деле имеет место расхождение в представлениях о структуре права. Следовательно, актуальность проблемы лежит не в плоскости академического интереса, а в практической потребности снизить риски, порождаемые языковым барьером при отправлении правосудия и сопровождении международных сделок. Под языковым барьером в юридической коммуникации по-

нимается ситуация, в которой различия в языковых кодах, семантике терминов или прагматике высказывания ведут к искажению правовой информации, изменению прескриптивной силы текста либо утрате релевантных смыслов. Важно подчеркнуть, что акцент здесь делается не на простом незнании языка, а на системном расхождении между языковыми и правовыми системами, сохраняющемся даже при высоком уровне владения иностранным языком у обоих участников коммуникации. В отличие от общей межкультурной коммуникации, где возможна смысловая толерантность, в праве цена ошибки исключительно высока: неверное понимание способно повлечь нарушение процессуальных прав, неисполнение обязательств или вынесение несправедливого решения. Именно это различие (допустимость неопределенности в обычном общении и ее нетерпимость в правовой сфере) делает юридическую коммуникацию особо уязвимой для языковых барьеров. Одной из ключевых причин таких барьеров выступает расхождение понятийных систем. Юридические термины далеко не всегда имеют эквиваленты в ином языке и правовом порядке. Так, английское *estoppel* традиционно передается на русский как «лишение права возражения», однако эта формулировка отражает лишь следствие, но не механизм действия института. Немецкое *Verfassungsbeschwerde* (конституционная жалоба) – институт, отсутствующий в ряде юрисдикций, – при буквальном переводе утрачивает процессуальные нюансы. Подобные единицы получили наименование юридических лакун. При переводе контрактов или судебных актов чаще всего применяется калькирование либо описательный перевод, однако оба способа повышают риск неоднозначности. Калька, сохраняя внешнее сходство с оригиналом, нередко подменяет правовую реальность языковой иллюзией, тогда как описательный перевод, напротив, утяжеляет текст и все равно не гарантирует точности, поскольку любой дескриптивный оборот неизбежно вносит элемент интерпретации со стороны переводчика.

Сложности порождаются также различиями в логике изложения. Континентальное право ориентировано на дедукцию и системное толкование, в то время как прецедентное право строится вокруг казуистики и аналогий. Соответственно, структура документа, аргументация и распределение смысловых акцентов различны. Участник коммуникации, выросший в традиции романо-германского права, может воспринять ссылки на прецедентные решения как неубедительные, а юрист-англосакс – счесть нормы кодифицированного акта излишне абстрактными. Проблема не лингвистическая, но в коммуникации она проступает именно как языковая, поскольку вербализует разные эпистемологические установки. И.В. Мятченко и С.В. Кулинская подчеркивают, что юридический язык характеризуется институциональностью, то есть привязанностью к конкретным правовым институтам, а также специфическими ролевыми отношениями между участниками коммуникации, и одно и то же слово или фраза могут иметь различные значения в зависимости от правовой ситуации и цели коммуникации [2, с. 124]. Это наблюдение напрямую относится к описываемому расхождению в логике изложения: ссылка на судебный прецедент в англосаксонской традиции несет иную институциональную нагрузку, чем в романо-германской, и переводчик, игнорирующий эту разницу, неизбежно искажает не слово, а стоящее за ним правовое отношение.

Иными словами, носитель прецедентного права ожидает от текста нарратива и казуистики, тогда как носитель кодифицированного – системности и дефиниций. Именно это расхождение в ожиданиях приводит к тому, что даже качественно выполненный перевод воспринимается адресатом как чужеродный, порождая ощущение смысловой неполноты или внутренней противоречивости, которое на практике ошибочно приписывают низкому уровню переводческой работы. В действительности же источник проблемы лежит глубже – в несовпадении самих правовых культур, их логики и аксиом. Отдельную категорию барьеров составляют так называемые перформативные различия. В одном языке перформативный глагол – например, «заявляю», «гарантирую», «подтверждаю» – обладает безусловной юридической силой и сам по себе порождает правовые последствия. В другом же языке аналогичный глагол может требовать соблюдения дополнительных формальных условий либо признается действительным только в определенном процессуальном контексте. Кроме того, в ряде правовых культур, в частности в Японии и Корее, использование жестких, категоричных перформативов в ходе переговоров расценивается как конфликтотенное поведение, что напрямую влияет на процессуальную тактику сторон и их готовность к сотрудничеству. Переводчик, игнорирующий иллюкутивную силу высказывания – то есть то, какие именно юридические действия и с какой обязательностью совершает говорящий – рискует представить добросовестные действия одной стороны как проявление правового нигилизма либо, напротив, придать нейтральным формулировкам неоправданно жесткий характер. Более того, перформативные расхождения могут проявляться не толь-

ко на межъязыковом уровне, но и внутри одного языка, когда сопоставляются близкие, но институционально различные правовые порядки. Так, английское выражение *I undertake* (принимаю на себя обязательство) в системе английского права имеет четко определенные и предсказуемые последствия, выработанные судебной практикой. Его ближайший русский аналог «обязуюсь» в российской правовой традиции не является самодостаточным: он зачастую требует дополнительной конкретизации относительно формы, срока, способа исполнения и условий ответственности. Если переводчик не фиксирует и не компенсирует это расхождение в своем переводе, возникает зона правовой неопределенности, которая впоследствии неизбежно становится предметом судебного разбирательства, где каждая из сторон будет настаивать на своем, культурно обусловленном понимании того же самого слова.

По наблюдению Е. Рудневой и Е. Трощенко, в рамках даже одного языка (в их исследовании – русского) специалистам (судьям, адвокатам) приходится выполнять функцию «внутриязыкового переводчика», переключаясь с официального юридического кода на обыденный для достижения понимания [3]. В межкультурной же коммуникации эта проблема усугубляется многократно, так как отсутствует общий культурный бэкграунд, позволяющий корректно декодировать перформативные намерения стороны. При этом, как показывает практика, наиболее уязвимыми оказываются именно устные жанры, где у переводчика нет времени на анализ и верификацию, а каждый неверно переданный перформатив может стать основанием для процессуального нарушения.

Перечисленные препятствия усугубляются при устной коммуникации. Допрос свидетеля, судебные прения или медиация – жанры с высокой долей импровизации, где переводчик должен мгновенно переключаться между языками, сохраняя регистровые и стилистические маркеры. Например, различие между русским «я думаю» и «я полагаю» в суде может свидетельствовать о степени уверенности, но межъязыковой эквивалент (англ. *I think*) эту градацию не передает. Переводческие потери в таких случаях неизбежны. Особую сложность представляет перевод показаний свидетеля, когда говорящий использует диалектные формы, просторечия или, напротив, нарочито формальные конструкции. Переводчик, ориентируясь на стремление к стилистической нейтральности и сглаживанию острых углов, неизбежно нивелирует указанные маркеры, в результате чего суд лишается значимого объема информации – о социальном положении говорящего, уровне его образования, эмоциональном состоянии в момент дачи показаний. Между тем эти факторы могут иметь решающее значение для оценки достоверности и внутренней согласованности свидетельских показаний. В работе А.А. Ивановой на конкретных примерах из судебной практики убедительно показано, что переводческие ошибки в рамках уголовного судопроизводства способны повлечь за собой отмену приговора как акта, вынесенного с нарушением процессуальных гарантий [4, с. 16]. Автор обращает внимание на следующее обстоятельство: многие ключевые правовые понятия, в частности, «соучастие», «умысел», «аффект» – имеют в российской правовой системе строго очерченное, догматически определенное содержание, однако при переходе в иную языковую среду они либо вовсе не находят точных эквивалентов, либо переводятся вариативно в зависимости от контекста. Особую сложность, по наблюдению А.А. Ивановой, представляет перевод с языков, характеризующихся развитой диалектной дробностью. Владение литературной нормой такого языка еще не гарантирует адекватной и неискаженной передачи показаний свидетеля, который в действительности пользуется региональным или социальным диалектом. Помимо того, исследователем зафиксированы случаи, когда ошибочный перевод временных параметров – смешение утренних и вечерних часов, неверное определение временного интервала – разрушал логически выстроенное алиби подсудимого. Из приведенных фактов следует вывод: языковой барьер в юридической коммуникации обретает не только лексическое, но и самостоятельное процессуальное измерение, причем отсутствие унифицированных требований к квалификации судебных переводчиков наряду с разрозненностью легальных терминологических глоссариев образует зону правовой неопределенности, в рамках которой буквальный, дословный перевод систематически подменяет собой перевод юридически точный. Как справедливо отмечают Д.А. Частухин и Э.В. Акаева, сущность межкультурной коммуникации в правовой сфере отнюдь не сводится к одной лишь языковой разнице, но неизбежно включает в себя конфликт культурных норм, поведенческих стереотипов и профессиональных ожиданий участников [5, с. 144]. Исследователи подчеркивают: даже при формально безупречном владении иностранным языком сотрудник правоохранительных органов может столкнуться с ситуацией глубокого непонимания, источником которого выступают не лексические лакуны, а расхождения в речевых стратегиях и тактиках допроса, обусловлен-

ные принадлежностью к разным лингвокультурам. В подтверждение этой мысли авторы приводят пример взаимодействия российского и американского оперативных сотрудников. Разница в подходах к задержанию и допросу – избыточная, с точки зрения российского специалиста, жесткость американского коллеги либо, напротив, кажущаяся излишне мягкой и нерезультативной тактика россиянина – порождает устойчивый коммуникативный диссонанс, хотя оба участника взаимодействия владеют языком партнера на бытовом уровне, достаточном для повседневного общения.

Следовательно, языковой барьер в юридической сфере имеет не столько лексическую, сколько поведенческую и культурно-опосредованную природу, что требует от юриста не просто перевода слов, но понимания «культурной грамматики» профессионального диалога. Добавим к этому, что культурно-опосредованный характер барьера делает его невидимым: участники коммуникации могут не осознавать, что источником конфликта является не содержание высказывания, а его форма или стиль, и будут искать объяснение в недобросовестности или некомпетентности другой стороны, что лишь усугубляет разногласия.

На практике преодоление языковых барьеров в межкультурной юридической коммуникации осуществляется несколькими способами. Первый – использование терминологических стандартов и унифицированных юридических словарей (например, глоссарии UNCITRAL, многоязычные базы данных Европейского суда по правам человека). Второй – коллаборативный перевод, при котором над текстом работают и лингвист, и юрист, специализирующийся на правовой системе языка-источника и языка-цели. Третий – институализация посредничества (консультации с экспертами по сравнительному правоведению) при подготовке двуязычных контрактов, где каждая языковая версия снабжается толкованием на случай расхождений.

Заметным трендом является разработка многоязычных юридических корпусов – собраний параллельных текстов законов, решений и договоров. Они позволяют идентифицировать типичные переводческие решения и коллокации. Однако полностью устранить барьер не удастся: в каждом новом деле не исключен уникальный концепт. Поэтому многие исследователи настаивают на необходимости «интегративной компетенции» – способности юриста анализировать не только букву, но и культурно-языковой контекст нормы, даже если формально перевод выполнен верно. К этому следует добавить, что формирование интегративной компетенции требует пересмотра образовательных стандартов: в программы подготовки юристов должны быть включены не только курсы иностранного языка для специальных целей, но и модули по сравнительному правоведению и межкультурной коммуникации, поскольку без этого выпускник будет владеть языком, но не сможет распознавать барьеры, порождаемые различиями в правовых культурах.

Таким образом, языковые барьеры в межкультурной юридической коммуникации имеют комплексную природу, сочетая лексическую неэквивалентность, расхождения в логике права и прагматические установки участников. Их преодоление требует не одного лишь владения иностранным языком, а синтеза переводческих, сравнительно-правовых и культурно-аналитических компетенций. Без этого невозможно обеспечить предсказуемость и справедливость правового общения в глобальном пространстве. Резюмируя, можно утверждать,

что языковой барьер в юридической сфере – это не периферийная проблема, а центральный вызов для современного правоприменения в условиях глобализации и культурного многообразия, и ее решение лежит на стыке лингвистики, юриспруденции и теории межкультурной коммуникации.

Литература

1. Кудряшова С.В., Калинина М.Г. К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков) // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2023. – № 1. – С. 23–28.
2. Мятченко И.В., Кулинская С.В. Лингвистические аспекты правовой коммуникации. // Общество и право. – 2025. – № 3 (93). – С. 123–128.
3. Руднева Е., Трощенко Е. Смена кода и достижение понимания на судебных заседаниях // Антропология (ЕУСПб). – 2024. – Т. 20. – № 61. – С. 79–105.
4. Иванова А.А. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации в уголовном судопроизводстве // Актуальные исследования. – 2025. – № 21 (256). – Ч. III. – С. 14–17.
5. Акаева Э.В., Частухин Д.А. Проблемы межкультурной коммуникации в правовой сфере // В сборнике: Лингвистическая мозаика. сборник научных работ. – Омск. – 2023. – С. 144–150.

LANGUAGE BARRIERS IN INTERCULTURAL LEGAL COMMUNICATION

Khusainova E.N., Eliseeva U.V., Varnavskaya O.O., Eliseev D.I., Vasilenko V.V.
North Caucasus Federal University

This article analyzes the language barriers that arise in intercultural legal communication. It is argued that such barriers are not limited to insufficient proficiency in a foreign language, but are systemic in nature, stemming from discrepancies in conceptual systems, the logic of legal discourse, the performative properties of statements, and cultural norms of professional communication. Using examples of specific terminological gaps and judicial errors, it demonstrates how language barriers translate into procedural violations and legal uncertainty. Particular attention is paid to oral genres of legal communication (questioning, debate, mediation), where translation losses are most critical. Based on this analysis, a classification of methods for overcoming these barriers is proposed: terminological standards, collaborative translation, institutionalization of mediation, and the development of integrative competence among lawyers. A conclusion is drawn regarding the need for a synthesis of translation, comparative legal, and cultural analytical competencies.

Keywords: language barrier, intercultural legal communication, legal translation, integrative competence, legal uncertainty.

References

1. Kudryashova S.V., Kalinina M.G. On the Specifics of Legal Translation (Based on German, French, and Spanish) // Bulletin of Saratov University. Series: Philology. Journalism. – 2023. – № 1. – Pp. 23–28.
2. Myatchenko I.V., Kulinskaya S.V. Linguistic Aspects of Legal Communication. // Society and Law. – 2025. – № 3 (93). – Pp. 123–128.
3. Rudneva E., Troshchenkova E. Code Switching and Achieving Understanding in Courtrooms // Anthropology (EUSPb). – 2024. – Vol. 20. – № 61. – Pp. 79–105.
4. Ivanova A.A. Problems of translation and intercultural communication in criminal proceedings // Current research. – 2025. – № 21 (256). – Part III. – P. 14–17.
5. Akaeva E.V., Chastukhin D.A. Problems of intercultural communication in the legal sphere // In the collection: Linguistic mosaic. collection of scientific papers. – Omsk. – 2023. – P. 144–150.

Исполнение судебных решений с цифровой поддержкой

Абдус Дэниил Самадович,

аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: deniil.abdus@mail.ru

В статье исследуются актуальные направления цифровой трансформации исполнительного производства в Российской Федерации. Анализируются возможности и ограничения применения информационных технологий на различных стадиях принудительного исполнения судебных актов: от возбуждения исполнительного производства до фактического исполнения требований исполнительного документа. Рассматривается опыт зарубежных государств в сфере цифровизации исполнительного производства. Выявляются системные проблемы действующего законодательства, препятствующие полноценному внедрению цифровых технологий, и формулируются предложения по их устранению. Обосновывается тезис о том, что цифровая поддержка исполнения судебных решений представляет собой не техническую модернизацию сложившейся системы, а её качественное преобразование, требующее комплексного пересмотра процессуального законодательства.

Ключевые слова: исполнительное производство, цифровизация, судебный пристав-исполнитель, электронный исполнительный документ, межведомственное взаимодействие, принудительное исполнение, цифровые технологии.

Исполнение судебных решений является заключительным и одновременно наиболее уязвимым звеном всей системы судебной защиты прав. Судебное решение, вступившее в законную силу, но не исполненное в реальности, представляет собой лишь декларацию права, лишённую практического содержания. Именно поэтому эффективность исполнительного производства является неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство в его содержательном, а не формальном понимании. Между тем традиционная модель принудительного исполнения, сложившаяся в российском праве, демонстрирует устойчивые признаки системных затруднений: значительная доля возбуждённых исполнительных производств оканчивается без фактического исполнения, сроки исполнения нередко существенно превышают разумные, а административная нагрузка на судебного пристава-исполнителя достигает таких значений, при которых качественная работа с каждым конкретным производством становится практически невозможной.

В этом контексте цифровая трансформация исполнительного производства воспринимается не как факультативное совершенствование, а как насущная необходимость. Вместе с тем анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о том, что потенциал цифровых технологий в сфере принудительного исполнения реализован лишь частично, а существующие решения носят фрагментарный характер, не образуя целостной системы.

Нормативная основа цифровизации исполнительного производства

Правовую основу цифровизации исполнительного производства образует совокупность нормативных актов различной юридической силы. Базовым актом является Федеральный закон от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹ (далее – Закон об исполнительном производстве), в который за период его действия неоднократно вносились изменения, направленные на создание нормативных условий для применения цифровых технологий. В частности, статья 6.1 Закона об исполнительном производстве, введённая в 2013 году, предусматривает ведение банка данных в исполнительном производстве в электронном виде; статья 14.1 регулирует вынесение постановлений в форме электронного документа; статья 33.1 устанавливает правила электронного документооборота в исполнительном производстве.

Наряду с Законом об исполнительном производстве существенную роль играют нормы Федерального закона от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»², определяющего организационные основы деятельности Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России). Стратегическое значение имеет Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³, закладывающий основы государственной политики в области применения интеллектуальных технологий, в том числе в правоохранительной сфере. Применительно к исполнительному производству важную роль играют также ведомственные нормативные акты ФССП России, регулирующие порядок применения конкретных информационных систем и технологий в деятельности судебных приставов.

Электронный исполнительный документ: состояние и проблемы

Одним из ключевых направлений цифровизации исполнительного производства является переход к электронным исполнительным документам. Статья 13 Закона об исполнительном производстве допускает выдачу исполнительного листа в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Возможность получения исполнительного листа в электронной форме

¹ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

² Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

и направления его в службу судебных приставов в электронном виде существенно сокращает временные издержки взыскателя: отпадает необходимость в личном получении документа в суде и его физическом представлении приставу.

Однако практическая реализация данной нормы наталкивается на ряд ограничений. Во-первых, электронный исполнительный лист доступен лишь при условии, что взыскатель располагает усиленной квалифицированной электронной подписью, — что на практике характерно преимущественно для организаций, но не для граждан-взыскателей, которые составляют значительную часть участников исполнительного производства. Во-вторых, инфраструктура приёма электронных исполнительных листов в территориальных подразделениях ФССП России остаётся неравномерно развитой: в ряде регионов фактическая готовность к приёму электронных документов существенно отстаёт от нормативно предписанного. В-третьих, сохраняется проблема верификации подлинности электронного исполнительного листа при его передаче третьим лицам — например, в банк для списания денежных средств [1, с. 78].

Принципиально иначе обстоит дело с электронными исполнительными документами, формируемыми непосредственно в рамках автоматизированных систем. Так, судебный приказ, выносимый в порядке приказного производства по нормам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹, в значительной части случаев уже сегодня существует исключительно в электронной форме и направляется на исполнение без изготовления бумажного аналога. Данная практика демонстрирует, что полный отказ от бумажного исполнительного документа технически достижим — вопрос состоит в выработке надлежащих правовых механизмов, гарантирующих его юридическую силу и защиту от фальсификации.

Автоматизированный розыск должника и его имущества

Розыск должника и принадлежащего ему имущества традиционно являлся наиболее трудоёмкой стадией исполнительного производства. Цифровые технологии радикально изменили возможности судебного пристава-исполнителя в данной сфере. Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), функционирующая на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 года № 697², обеспечивает возможность автоматизированного направления запросов в Федеральную налоговую службу, Пенсионный фонд Российской Федерации (ныне — Социальный фонд России), Росреестр, ГИБДД, кредитные организации и иные органы и организации, располагающие сведениями об имуществе должника.

Значение данной системы для практики исполнительного производства трудно переоценить. До её внедрения сбор сведений об имуществе должника требовал направления бумажных запросов в каждый орган в отдельности, получения и обработки бумажных ответов — процесс, занимавший недели и требовавший значительных трудовых затрат пристава. Автоматизированное взаимодействие сокращает этот процесс до нескольких часов и позволяет охватить непоставимо большее число источников информации [2, с. 134].

Вместе с тем система автоматизированного розыска имеет существенные ограничения. Прежде всего, она охватывает лишь те виды имущества, сведения о которых содержатся в государственных реестрах и базах данных. Наличные денежные средства, ювелирные украшения, предметы искусства и иные материальные ценности, не подлежащие обязательной государственной регистрации, по-прежнему могут быть выявлены лишь в ходе выездных исполнительных действий — то есть требуют традиционного, нецифрового подхода. Кроме того, достоверность сведений, содержащихся в базах данных, зависит от актуальности и полноты вносимой в них информации, которая на практике не всегда безупречна [3, с. 56].

Отдельного внимания заслуживает автоматизированное обращение взыскания на денежные средства должника в кредитных организациях. Нормы статьи 70 Закона об исполнительном производстве предусматривают возможность направления постановления об обращении взыскания на денежные средства в банк в электронной форме, а банки обязаны исполнять такие постановления в течение трёх дней. Данный механизм функционирует достаточно эффективно и обеспечивает оперативное исполнение требований исполнительного документа при наличии у должника средств на счетах. Проблемы возникают в ситуациях, когда должник располагает счетами в нескольких

кредитных организациях и суммарный остаток на каждом из них не превышает суммы долга: в этом случае требуется координация исполнения между несколькими банками, что действующим законодательством урегулировано недостаточно детально.

Цифровые ограничительные меры

Существенным направлением цифровизации исполнительного производства является автоматизация применения ограничительных мер в отношении должника. Наиболее показательным примером служит механизм временного ограничения на выезд должника за пределы Российской Федерации, предусмотренный статьёй 67 Закона об исполнительном производстве. В настоящее время постановление о введении данного ограничения направляется судебным приставом в Пограничную службу ФСБ России в электронном виде, а сведения об ограничении вносятся в автоматизированную информационную систему пограничного контроля — что исключает человеческий фактор при проверке ограничений на пунктах пропуска.

Аналогичная логика реализована применительно к временному ограничению должника в праве управления транспортными средствами (статья 67.1 Закона об исполнительном производстве). Соответствующие сведения направляются в базы данных ГИБДД в электронном виде, что обеспечивает возможность проверки ограничения при любом взаимодействии должника с сотрудниками дорожной полиции. Данная мера, несмотря на её относительно короткую историю применения, показала высокую эффективность: угроза лишения права управления транспортным средством нередко стимулирует должников к добровольному исполнению обязательств [2, с. 147].

Новым и перспективным направлением является автоматизация вынесения отдельных постановлений судебного пристава-исполнителя. Статья 14.1 Закона об исполнительном производстве предусматривает возможность вынесения постановлений в автоматическом режиме — без непосредственного участия пристава в каждом конкретном случае. Речь идёт прежде всего о постановлениях, содержание которых полностью определяется формализованными критериями: постановление о возбуждении исполнительного производства, постановление об обращении взыскания на денежные средства при наличии сведений об их наличии на счетах должника. Автоматизация рутинных постановлений позволяет высвободить рабочее время пристава для работы с нестандартными ситуациями, требующими профессионального суждения.

Вместе с тем автоматизация вынесения постановлений порождает принципиальный правовой вопрос: кто несёт ответственность за незаконное постановление, вынесенное в автоматическом режиме? Традиционная конструкция ответственности должностного лица за незаконные действия, основанная на виновном причинении вреда, с трудом применима к ситуации, когда постановление выносится алгоритмом без участия конкретного физического лица [3, с. 63]. Данный вопрос требует законодательного разрешения: необходимо либо установить ответственность руководителя подразделения ФССП России за настройку и функционирование автоматизированной системы, либо предусмотреть специальный порядок возмещения вреда, причинённого незаконным автоматизированным постановлением.

Информационное взаимодействие с участниками исполнительного производства

Цифровая трансформация исполнительного производства затрагивает не только внутреннюю деятельность ФССП России, но и её взаимодействие с участниками исполнительного производства — взыскателем, должником, иными лицами. Портал государственных услуг обеспечивает возможность подачи заявления о возбуждении исполнительного производства в электронной форме, получения информации о ходе исполнительного производства, направления ходатайств и жалоб в электронном виде. Банк данных исполнительных производств, размещённый на официальном сайте ФССП России, позволяет любому лицу проверить наличие возбуждённых в отношении него исполнительных производств — что имеет существенное практическое значение как для должников, так и для их потенциальных контрагентов.

Вместе с тем система уведомления участников исполнительного производства о совершаемых процессуальных действиях остаётся недостаточно эффективной. Статья 24 Закона об исполнительном производстве предусматривает возможность извещения участников посредством СМС-сообщений и электронной почты при наличии их согласия. Однако на практике значительная часть должников не получает надлежащего уведомления о возбуждении исполнительного производства, что лишает их возможности своевременно погасить задолженность добровольно и избежать применения принудительных мер. Внедрение механизма автоматических уведомлений через портал государствен-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

ных услуг с подтверждением получения могло бы существенно повысить эффективность данного аспекта [1, с. 91].

Зарубежный опыт цифровизации исполнительного производства

Зарубежный опыт цифровизации принудительного исполнения представляет значительный интерес, поскольку позволяет оценить как реализованные возможности, так и типичные ошибки, допущенные в ходе реформирования.

Германская модель исполнительного производства, реформированная в рамках проекта «Электронный судебный пристав» (e-Gerichtsvollzieher), предусматривает полный переход к электронному документообороту между судами, судебными приставами и кредитными организациями. Центральным элементом германской системы является автоматизированный реестр сведений об имущественном положении должников (Schuldnerverzeichnis), доступ к которому имеют кредиторы и их представители. Внесение должника в реестр само по себе оказывает значительное стимулирующее воздействие, поскольку влечёт ухудшение его кредитной истории и репутационные последствия [4, с. 203].

Эстония, традиционно лидирующая в сфере электронного государственного управления, реализовала модель, при которой исполнительное производство ведётся исключительно в электронной форме: все процессуальные документы, включая исполнительный лист, постановления пристава и акты исполнения, существуют только в электронном виде и хранятся в централизованной защищённой базе данных. Доступ к материалам исполнительного производства обеспечивается через единый портал с использованием электронной идентификации. Эстонский опыт примечателен тем, что переход к электронной модели сопровождался комплексной реформой процессуального законодательства, а не простым «наложением» цифровых инструментов на существующую бумажную процедуру [4, с. 211].

Французская модель заслуживает внимания с точки зрения автоматизации обращения взыскания на банковские счета. Система FICO-BA (Fichier des comptes bancaires) обеспечивает судебному приставу мгновенный доступ к сведениям обо всех банковских счетах должника на территории Франции вне зависимости от того, в какой кредитной организации они открыты. Это принципиально отличается от российской модели, при которой пристав направляет запросы в отдельные банки последовательно или параллельно, но не имеет единого централизованного источника информации о счетах должника [5, с. 178].

Перспективы применения искусственного интеллекта в исполнительном производстве

Технологии искусственного интеллекта открывают принципиально новые возможности для повышения эффективности исполнительного производства, выходящие за рамки простой автоматизации рутинных операций. Прежде всего, речь идёт о предиктивной оценке вероятности добровольного исполнения должником требований исполнительного документа на основе анализа его имущественного положения, поведенческих паттернов и иных данных. Подобная оценка могла бы позволить судебному приставу заблаговременно выбирать наиболее эффективные меры принуждения применительно к конкретному должнику, а не действовать по единому стандартному алгоритму [3, с. 71].

Другим перспективным направлением является интеллектуальный анализ транзакций должника с целью выявления схем сокрытия имущества. Переводы денежных средств аффилированным лицам, безвозмездное отчуждение имущества накануне возбуждения исполнительного производства, дробление активов – всё это схемы, выявление которых традиционными методами требует значительных усилий и нередко оказывается безуспешным. Системы машинного обучения, обученные на данных о типичных схемах сокрытия имущества, способны выявлять подозрительные паттерны в автоматическом режиме и направлять внимание пристава на наиболее перспективные направления проверки [2, с. 162].

Вместе с тем применение ИИ в исполнительном производстве сопряжено с рисками, аналогичными тем, которые характерны для его использования в уголовном судопроизводстве. Алгоритмическая оценка должника неизбежно опирается на статистические закономерности, которые могут некорректно отражать индивидуальные обстоятельства конкретного дела. Принятие принудительных мер в отношении должника на основании алгоритмического прогноза, без надлежащего участия пристава в анализе ситуации, означает фактическую передачу властных полномочий от должностного лица к программному обеспечению – что несовместимо с конституционным принципом законности применения принудительных мер.

Системные проблемы и направления совершенствования законодательства

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем, препятствующих полноценной цифровой трансформации исполнительного производства.

Первая из них состоит в отсутствии в Законе об исполнительном производстве комплексного регулирования электронного документооборота. Действующие нормы об электронных документах в исполнительном производстве носят фрагментарный характер и не образуют целостной системы: каждое из нововведений вносилось отдельными законодательными актами в ответ на конкретные практические потребности, без единой концептуальной основы [1, с. 96]. Представляется необходимым включение в Закон об исполнительном производстве самостоятельной главы, посвящённой электронному документообороту и регламентирующей требования к форматам электронных документов, порядку их подписания, хранения и передачи, а также последствиям технических сбоев.

Вторая проблема связана с обеспечением равного доступа к возможностям электронного исполнительного производства для всех участников вне зависимости от их технической оснащённости и цифровой грамотности. Практика свидетельствует о том, что организации – взыскатели и должники – в значительно большей степени интегрированы в цифровую среду, нежели граждане. Применительно к последним необходимо обеспечить реальную альтернативность электронных и традиционных форм взаимодействия с органами принудительного исполнения, не допуская де-факто принудительного перевода в электронный формат тех участников, которые к нему не готовы.

Третья проблема касается защиты персональных данных участников исполнительного производства в условиях расширения межведомственного электронного взаимодействия. Чем шире круг органов и организаций, имеющих доступ к сведениям об имущественном положении должника, тем выше риск несанкционированного использования этих данных. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ устанавливает общие требования к обработке персональных данных, однако специальные нормы, учитывающие специфику их обработки в системе исполнительного производства, по-прежнему недостаточно детализированы.

Наконец, отдельного внимания заслуживает вопрос об ответственности за нарушения, возникающие в ходе автоматизированного исполнительного производства. Причинение вреда участнику исполнительного производства вследствие технической ошибки автоматизированной системы, несанкционированного доступа к базе данных или некорректной настройки алгоритма вынесения постановлений – всё это ситуации, которые действующим законодательством о возмещении вреда, причинённого органами принудительного исполнения, прямо не урегулированы [3, с. 79].

Заключение

Цифровая трансформация исполнительного производства представляет собой объективный и необратимый процесс, открывающий реальные возможности для повышения эффективности принудительного исполнения судебных актов. Автоматизированный розыск должника и его имущества, электронный исполнительный документ, цифровые ограничительные меры, межведомственное электронное взаимодействие – все эти инструменты уже сегодня существенно расширяют возможности судебного пристава-исполнителя. Вместе с тем реализованные решения носят фрагментарный характер и не образуют целостной системы, способной обеспечить качественный прорыв в эффективности исполнительного производства.

Полноценная цифровая трансформация требует не точечных поправок в действующее законодательство, а его системного пересмотра с учётом логики цифрового документооборота, требований информационной безопасности и необходимости обеспечения процессуальных гарантий для всех участников исполнительного производства вне зависимости от их технической оснащённости. Зарубежный опыт – прежде всего эстонская и германская модели – свидетельствует о том, что успешная цифровизация исполнительного производства возможна при условии предварительной комплексной реформы процессуально-законодательства, а не после неё.

Литература

1. Валиев Д.Х. Исполнительное производство. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 400 с.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

2. Гуреев В.А., Гушин В.В. Исполнительное производство. – М.: Статут, 2014. – 455 с.
3. Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство. – М.: Городец, 2004. – 528 с.
4. Ярков В.В. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве». – М.: Статут, 2014. – 608 с.
5. Аргунов В.В. Приказное производство в гражданском процессе. – М.: Городец, 2013. – 464 с.

ENFORCEMENT OF COURT DECISIONS WITH DIGITAL SUPPORT

Abdus D.S.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines current directions of digital transformation of enforcement proceedings in the Russian Federation. The possibilities and limitations of applying information technologies at various stages of compulsory enforcement of judicial acts are analyzed: from the initiation of enforcement proceedings to the actual fulfillment of the requirements of the enforcement document. The experience of foreign states in the field of digitaliza-

tion of enforcement proceedings is considered. Systemic problems of current legislation that impede the full implementation of digital technologies are identified and proposals for their elimination are formulated. The thesis is substantiated that digital support for the enforcement of court decisions represents not a technical modernization of the existing system, but its qualitative transformation requiring a comprehensive revision of procedural legislation.

Keywords: enforcement proceedings, digitalization, bailiff, electronic enforcement document, interdepartmental interaction, compulsory enforcement, digital technologies.

References

1. Valeev D. Kh. Enforcement Proceedings. – 3rd ed. – St. Petersburg: Piter, 2010. – 400 p.
2. Gureev V.A., Gushchin V.V. Enforcement Proceedings. – Moscow: Statut, 2014. – 455 p.
3. Morozova I.B., Treushnikov A.M. Enforcement Proceedings. – Moscow: Gorodets, 2004. – 528 p.
4. Yarkov V.V. Commentary on the Federal Law "On Enforcement Proceedings". – Moscow: Statut, 2014. – 608 p.
5. Argunov V.V. Writ Proceedings in Civil Procedure. – Moscow: Gorodets, 2013. – 464 p.

Алехичева Алёна Алексеевна,
аспирант Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики

В статье рассматриваются актуальные проблемы вопросов качества оказываемой медицинской помощи в разрезе оценки соблюдения стандартов.

Ключевые слова: стандартизация, медицинская помощь, качество

В настоящее время перед системой здравоохранения Российской Федерации стоит множество вызовов, обусловленных как глобальными причинами, так и особенностями развития страны. Комплекс различного рода причин заставляет обращать внимание на проблему повышения качества медицинской помощи. Хорошо известно, что высокое качество является решением многих проблем в любой сфере человеческой жизнедеятельности. Особенно это важно для медицинской сферы. По данным Всемирной организации здравоохранения в развивающихся странах низкое качество медицинской помощи является причиной 60% смертей¹. ВОЗ подчеркивает, что недостаточно просто расширять доступность медицинского обслуживания, необходимо чтобы его качество постоянно повышалось. Без этого любые улучшения в сфере здравоохранения будут малоэффективными.

Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется и обеспечивается системой принципов и институтов, регламентированных Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», среди которых: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий, приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, доступность и качество медицинской помощи, установление ответственности медицинских организаций и медицинских работников за причинение вреда жизни и (или) здоровью.

Согласно легальному определению «качество медицинской помощи» представляет собой совокупность характеристик, отражающих своевременность помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, а также степень достижения запланированного результата².

В соответствии с положениями статьи 10 ФЗ № 323-ФЗ доступность и качество медицинской помощи обеспечиваются в том числе путем применением порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций и стандартов медицинской помощи. В Российской Федерации стандартизация медицинской помощи направлена на упорядочивание лечебных и диагностических процессов, унификацию подходов к оказанию медицинской помощи, планированию финансирования со стороны государства.

При рассмотрении споров о некачественно оказанной медицинской помощи суды расширительно толкуют вопросы деликтных обязательств и рассматривают любое нарушения стандарта оказания медицинской помощи, включая даже те, которые не привели к наступлению неблагоприятных последствий, в качестве основания для удовлетворения требований о компенсации причиненного вреда³.

Однако, учитывая неопределенность правового характера стандартов медицинской помощи⁴, сохраняется риск подмены оценки формального «соответствия стандарту» фактическому исследованию вопросов качества медицинской помощи, оказываемой конкретному пациенту.

Проблема разграничения понятий «соответствует стандарту» и «качественно» является не только теоретической, но и прикладной. Именно от ответов на эти вопросы зависят выводы суда о наличии дефекта медицинской помощи, пределах ответственности как врача, так и медицинского учреждения. Практика показывает, что усеченная формула «медицинская помощь оказана по стандарту» подменяет собой более сложный анализ, тогда как закон требует комплексной оценки нормативной документации, обстоятельств конкретного клинического случая, наступивших последствий для пациента и иных доказательств по делу.

В отечественной правовой доктрине прослеживается закономерная позиция, что оценка не может сводиться исключительно к анали-

¹ <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/quality-health-services>.

² П. 21 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Алехичева А.А., Несоблюдение стандарта оказания медицинской помощи как условие привлечение к гражданско-правовой ответственности: анализ судебной практики // ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ: Сборник научных статей. – ООО «КОЛИБРИ». – Москва, 2025. – с. 91–96.

⁴ Алехичева А.А., Актуальные проблемы определения правового характера стандартов медицинской помощи // электронный научный журнал «Архонт». 2025. № 8.

зу медицинского исхода лечения – качество медицинской помощи это междисциплинарная категория, а не только клиническая¹.

С 1 сентября 2025 года введен новый приказ Минздрава России от 14.04.2025 № 203н о критериях оценки качества медицинской помощи, заменивший одноименный приказ 2017 года. Эти изменения усилили необходимость переосмыслить значение стандартов в разрезе исследования вопросов качества медицинской помощи.

Факт того, что стандарт медицинской помощи включает лишь усредненные показатели частоты предоставления и кратности применения медицинских услуг, лекарств и т.д., исключает понимание стандарта как исчерпывающего и безусловного применимого на практике алгоритма лечения для конкретного пациента. Из этого следует принципиальный вывод: если стандарт носит усредненный характер, то его фактическое соблюдение не гарантирует качества в каждом конкретном случае. Пациент может получить помощь, совпадающую с усредненным клиническим случаем, но при этом она может быть несвоевременной, ошибочной с точки зрения диагностики, не отвечающей требованиям безопасности или не учитывающей индивидуальный анамнез больного. Напротив, отклонение от стандарта не обязательно является дефектом оказанной помощи, поскольку закон прямо закрепляет возможность назначения, при наличии соответствующих медицинских показаний, лекарств, изделий и т.п., не предусмотренных стандартом или клиническими рекомендациями². Следовательно, на основе системного толкования положений законодательства можно сделать однозначный вывод – критерий соответствия качества шире и гибче критерия соответствия стандарту. Таким образом, принципиально неверен тезис «соответствует стандарту – значит качественно», а юридическое заключение о качестве медицинской помощи нельзя подменять формальной констатацией «случай соответствует стандарту».

В свою очередь медицинская помощь, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации, организуется и оказывается с учетом стандартов медицинской помощи, утверждаемых уполномоченным федеральным органом исполнительной власти³. Однако действующее законодательство не предусматривает стандарты оказания медицинской помощи в качестве основы для формирования критериев оценки качества⁴. В целях регулирования отношений в исследуемой сфере на основе принципа предсказуемости, избежание двойственного толкования и формирования единообразной правоприменительной практики требуется внесения соответствующих уточнений, поскольку создается риск смешения организационно-ресурсного и экспертно-оценочного подходов к оценке качества медицинской помощи.

При разрешении судами вопросов о привлечении и к гражданско-правовой, и к уголовной ответственности важна совокупность всех доказательств для формулировки выводов о причинении вреда и наличии какого-либо нарушения – оценка дефекта зависит не от формального ответа на вопрос: «соответствует стандарту или нет», а от комплексной оценки ситуации.

Как отмечает А.М. Рабец, отождествление качества медицинской услуги с формальным исполнением отдельного предписания нивелирует комплексный правовой анализ конкретного случая⁵. Следовательно, оба крайних подхода – полное отождествление качества медицинской помощи со стандартом и, напротив, полная деградация значения стандарта – представляются ошибочными с точки зрения юридического анализа. Стандарт медицинской помощи продолжает выполнять важную доказательственную функцию в рассмотрении «врачебных» споров. Соответствие стандарту может служить аргументом в пользу надлежащего оказания помощи, однако этот довод может быть опровергнут иными доказательствами, свидетельствующими, например, о нарушении сроков оказания помощи, применении

опасных или неподходящих методов лечения либо об иных противоправных действиях, затрагивающих права пациента. И, наоборот, отступление от стандарта может быть оправданным, если решение о нем принято с соблюдением порядка и процедуры, предусмотренной законом, оформлено надлежащим способом, соответствует интересам пациента и подтверждается клинической целесообразностью и необходимостью.

В связи с этим наиболее корректной моделью для правоприменительной практики выглядит концепция многоуровневого юридического анализа качества медицинской помощи. В рамках этой модели необходимо последовательно отвечать на следующие вопросы: 1) соответствует ли оказанная помощь обязательным порядкам; 2) соответствует ли она клиническим рекомендациям либо обосновано ли отступление; 3) соответствует ли она стандарту либо обосновано ли отступление; 4) соблюдены ли права пациента и критерии качества; 5) существует ли причинная связь между выявленным дефектом и наступившим вредом. Только при положительных ответах на все указанные вопросы можно обоснованно полагать, что качество медицинской помощи было надлежащим, а не сводится лишь к формальной «стандартизации» конкретного случая.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующий вывод: утверждение о том, что оказанная медицинская помощь «соответствует стандарту», нельзя приравнивать к констатации того, что она «оказана качественно». Под качеством медицинской помощи понимается более широкое, комплексное и оценочное понятие, включающее в себя своевременность оказания помощи, обоснованность выбора диагностических и лечебных методов, достижение ожидаемого результата, доступность услуг, а также учет интересов и защиту прав пациента. В то же время стандарт медицинской помощи представляет собой усредненный нормативный инструмент, играющий существенную роль, но не охватывающий в полном объеме всей правовой оценки качества оказанных услуг.

Литература

1. Алёхичева А.А. Несоблюдение стандарта оказания медицинской помощи как условие привлечение к гражданско-правовой ответственности: анализ судебной практики // Гуманитарные исследования в современном образовании: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научных статей. – ООО «КОЛИБРИ». – Москва, 2025. – с. 91–96.
2. Алёхичева А.А. Актуальные проблемы определения правового характера стандартов медицинской помощи // электронный научный журнал «Архонт». 2025. № 8.
3. Лукьянцева Д.В. Стандартизация в сфере медицинских услуг в управлении качеством медицинской помощи: Автореф. дис. на соиск. учен. степ.к.м.н.: Спец. 14.00.33 / Лукьянцева Дарья Валерьевна; [Моск. мед. акад. им. И.М. Сеченова]. – М., 2003. – 27 с. Шифр РНБ: 2003-A/16182
4. Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В. Стандартизация оказания медицинской помощи как основной инструмент воздействия на ее качество // Труд и социальные отношения. – 2013. – Т. 24, № 5. – С. 141–149.
5. Нетесин Е.С., Горбачев В.И., Уткин Н.Н. Юридические аспекты оценки качества медицинской помощи // Вестник интенсивной терапии имени А.И. Салтанова. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-aspekty-otsenki-kachestva-meditsinskoy-pomoschi> (дата обращения: 21.05.2026).
6. Рабец А.М. Качество медицинской помощи и качество медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: общее и различное // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 39–47. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-39-47.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О стандартизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Приказ Минздрава России от 14.04.2025 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.05.2025 № 82382) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
11. Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/quality-health-services>.

¹ Нетесин Е. С., Горбачев Владимир Ильич, Уткин Н.Н. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ // Вестник интенсивной терапии имени А.И. Салтанова. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-aspekty-otsenki-kachestva-meditsinskoy-pomoschi> (дата обращения: 21.05.2026).

² Ч. 15 ст. 37 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ст. 37 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ч. 2 ст. 64 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» – «Критерии оценки качества медицинской помощи формируются по группам заболеваний или состояний на основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи и клинических рекомендаций и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти».

⁵ Рабец А.М. Качество медицинской помощи и качество медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: общее и различное // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 39–47. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-39-47

PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT OF MEDICAL CARE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alekhicheva A.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article examines current issues related to the quality of medical care provided in terms of assessing compliance with standards.

Keywords: standardization, medical care, quality

References

1. A.A. Alekhicheva. Failure to Comply with the Standard of Medical Care as a Condition for Bringing to Civil Liability: Analysis of Judicial Practice // HUMANITARIAN RESEARCHES IN MODERN EDUCATION: PAST, PRESENT, FUTURE: Collection of Scientific Articles. – OOO KOLIBRI. – Moscow, 2025. – Pp. 91–96.
2. A.A. Alekhicheva. Actual Problems of Defining the Legal Nature of Medical Care Standards // Electronic Scientific Journal «Archon». 2025. № 8.
3. D.V. Luk'yantseva. Standardization in the Sphere of Medical Services in Quality Management of Medical Care: Abstract of Dissertation for a Candidate of Medical Sciences Degree: Specialist. 14.00.33 / Luk'yantseva Daria Valerievna; [Moscow Medical Academy named after I.M. Sechenov]. – M., 2003. – 27 p. RNB code: 2003-A/16182

4. Lyadova M.V., Tuchik E.S., Lyadova A.V. Standardization of medical care as the main instrument for influencing its quality // Labor and social relations. – 2013. – Vol. 24, № 5. – P. 141–149.

5. Netesin E.S., Gorbachev V.I., Utkin N.N. LEGAL ASPECTS OF ASSESSING THE QUALITY OF MEDICAL CARE // Bulletin of Intensive Therapy named after A.I. Sultanov. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-aspekty-otsenki-kachestva-meditsinskoy-pomoschi> (Accessed: May 21, 2026).

6. Rabets, A.M. «Quality of Medical Care and Quality of Medical Services under Russian Legislation: Common and Distinct Dimensions» // Legal Science and Practice. 2022. Vol. 18, № 1. Pp. 39–47. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-39-47.

7. Federal Law of November 21, 2011 № 323-FZ (as amended on December 28, 2024) «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2025) [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».

8. Federal Law of June 29, 2015 № 162-FZ (as amended on December 30, 2020) «On Standardization in the Russian Federation» [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». 9. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 14, 2025, № 203n, «On Approval of Criteria for Assessing the Quality of Medical Care» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on May 28, 2025, № 82382) [Electronic resource] // ConsultantPlus.

10. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2025) [Electronic resource] // ConsultantPlus.

11. Electronic resource – Access mode: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/quality-health-services>.

Андреев Петр Владимирович,

аспирант, Тюменский государственный университет

В статье исследуются особенности легитимности органов законодательной власти с целью выведения более полного и нового термина понятия легитимности. Также затрагиваются и правовые критерии данного понятия, которые позволяют законодательно укрепить легитимность парламента в рамках демократического правового государства. Найденная в этой области проблема с досрочным прекращением полномочий депутатов Государственной Думы Российской Федерации предлагается к решению через способ, обозначенный в статье, как потенциальное расширение правовых критериев легитимности на том же законодательном уровне. Особое внимание уделяется социальному восприятию легитимности как необходимым процессам, способствующим укреплению доверия народа к законодателю в результате когнитивного восприятия деятельности последних через способ обычного наблюдения за ней. В этой стезе предлагается также расширение возможности контакта через информационные мосты в сети «Интернет», что непосредственно повлечет за собой укрепление рейтинга действующих органов законодательной власти, а равно придаст им более легитимный оттенок в социуме. В результатах исследования отражены все найденные в процессе проведения исследования проблемы, а также даны возможные варианты для их разрешения в актуальных на момент написания статьи форматах.

Ключевые слова: легитимность, законодательная власть, народ, демократия, конституция, избирательное право, парламент

Введение

Современная теория государства и права имеет различные сформированные понятия термина легитимности. Классическое понимание было создано под влиянием трудов М. Вебера, в которых верно разграничиваются виды господства, поделенные на традиционное, харизматическое и легально-рациональное [1, с. 83]. Если рассматривать понятие исключительно через призму данной концепции, то напрашивается вывод о легитимности власти только в том случае, если те, на кого эта власть распространяется, признают за собой право на подчинение. Процесс может быть обусловлен разными причинами: личностями правителей, традиционными устоями, сложившимися доверительными отношениями между народом и органами власти и т.д.

В более поздних работах ученых легитимность рассматривается уже как понятие, имеющее условия, которые позволяют властным решениям создать моральные обязательства для граждан, направленные на их исполнение. В данном контексте ученый Ю. Хабермас утверждает о необходимости публичного обсуждения, сочетающего в себе уважение к правам участников дискурса [2, с. 183]. Это впоследствии приводит к реализации принципа, на котором основывается представительная демократия: признании легитимным власти, так как ее действия отражают волю народа, оказавшего свое доверие через выборы – основной процессуальный механизм демократического политического режима.

Однако рядом с легитимностью всегда присутствует легальность. Необходимо разграничивать данные понятия, так как легальность – это формальная характеристика власти, которая всегда опирается исключительно на юридический аспект ее действий, не требуя наличия социального. Соответствие принятых решений актуальному законодательству – это обязательный признак легальности.

Стоит также отметить, что законодатель в любом государстве должен стремиться иметь максимальный уровень легитимности, так как результаты своей деятельности он направляет напрямую к народу, а равно и их оценку, даже на социально-бытовом уровне, получает в ответ от того же субъекта.

В исследовании были использованы и общеполитические, и частнонаучные методы. К ним мы относим: дедуктивный, индуктивный, диалектический, формально-юридический, а также эмпирический подход.

Правовая природа и понятие легитимности законодательной власти

Легитимность – это сложносоставное понятие, в которое обязательно включается и легальность, так как последнее не может являться суверенным, в отличие от основного рассматриваемого понятия. Примером могут являться авторитарные или тоталитарные режимы, при которых власть в государстве совершает политические, социальные и иные действия, опираясь на букву закона, однако они могут быть не одобрены и не приняты народом. Легитимность же является признаком демократии, при которой властные решения, если рассматривать данный вопрос в рамках правовой теории, всегда должны опираться на закон и быть принимаемыми народом [3, с. 190]. Парламент, образованный с соблюдением всех нормативно-правовых требований к данной процедуре, не может считаться легитимным до тех пор, пока социум не выразит всеобщее доверие к содержанию его структуры, которое, в свою очередь, складывается из социально-политических факторов.

Мы также считаем, что легитимность является неотъемлемым элементом конституционного статуса органов законодательной власти. При ранее упомянутой корреляции этого понятия с демократическим режимом, обеспечение его правильного функционирования происходит через различные правовые механизмы. Например: изменение состава через электоральные процессы, создание легально-социальной инфраструктуры для подотчетности и прозрачности работы законодательных органов, а также наличие политического плюрализма и свободы политической конкуренции в их стенах. Важным пунктом из вышеперечисленного предлагаем выделить изменение состава парламента, о котором часто говорят в научных кругах конституционалистов. Например, ученая Н.В. Дородонова считает, что легитимность органов власти при представительной демократии имеет тенденцию к устойчи-

вому укреплению своих основ, если регулярно проводятся свободные и справедливые выборы, формирующие их новый состав [4, с. 132].

Правовая природа легитимности также включает в себя ряд функций, определяющих устойчивое существование конституционного строя государства, которое стремится к достижению этого. Во-первых, легитимность законодательного органа позволяет народу принимать большинство законов с точки зрения социального одобрения. Среднестатистический человек не станет спорить или выражать недовольное мнение публично или в частном порядке, если его доверие к парламенту находится на высоком уровне, позволяющим признать его легитимным, а равно выражающим волю доверителя в лице избирателя, за счет эффективного и наиболее полного представления интересов [5, с. 161].

Во-вторых, легитимность законодателя является признаком потенциальной стабильности во время политических кризисов государства. Исследователь М.А. Воропаева приходит к выводу о необходимости парламенту получать одобрение от граждан, как признак легитимности, чтобы в дальнейшем отсутствовала угроза стабильности всей политической системы страны [6, с. 110]. Действительная необходимость этой функции обозначает собой более сдерживающий фактор для рисков, описанных выше, которые при своем возникновении могут потенциально привести к конфликтам целых наций.

В-третьих, не менее важную функцию в себе содержит легитимность парламента, которая направлена на улучшение качества законотворческого процесса. Когнитивные изменения, содержащиеся в ней, позволяют участникам данного процесса напрямую, находясь непосредственно в нем, создавать правовые условия для граждан, способствующие в будущем росту уровня доверия, так как принятые нормативно-правовые акты отражают истинную волю народа, а равно оказанное им доверие к своим представителям в парламенте получило легитимное и легальное оправдание.

На основании всего вышеизложенного нами предлагается вывести теоретическое понятие термина легитимности, которое будет выглядеть следующим образом: «Легитимность – это постоянно развивающаяся характеристика отношений народа и государственных органов власти, которая отражает принятие и согласие социума в с их властными решениями».

Правовые критерии легитимности законодательной власти

Стоит признать, что в настоящее время юридическая наука не имеет единого перечня данных критериев, которые были бы закреплены в определенном источнике, являющимся фундаментальным. Они, как правило, складываются из наличествующих конституционных принципов и буквы закона в части избирательного права.

Одним из важнейших критериев в данном вопросе является суверенитет народа. Он, являясь носителем суверенитета, создает условия в демократическом государстве, когда публичная власть становится производной в зависимости от принятых гражданами решений. Таким образом, именно народ является главным доверителем всех органов государственной власти в стране, создавая для них обязанность осуществлять свою деятельность исключительно в его интересах, как их основной представитель.

Критерий народного суверенитета закреплен во многих конституциях современных демократических государств. Стоит начать с Российской Федерации. Часть первая статьи третьей Конституции РФ гласит, что: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»¹. Также Конституция Франции в своей третьей статье содержит аналогичное положение: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума»².

Из предыдущего критерия в правовом поле также выделяется следующий, который именуется выборностью органов законодательной власти. Представительность определяется тем, что состав парламента должен быть сформирован в результате изъятия воли тех, кто считается носителем суверенитета. Но сами выборы не могут являться достаточным правовым критерием для легитимности и ее наличия. Необходимы также наличествующие принципы избирательного права.

Например, в Российской Федерации гласность и открытость избирательного процесса закреплена и регулируется актуальным зако-

нодательством. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных права и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в третьей статье их отражает, гарантируя, что: «Деятельность комиссий при подготовке и проведении выборов, референдума, подсчете голосов, установлении итогов голосования, определении результатов выборов, референдума осуществляется открыто и гласно»³.

Не менее важным критерием также предлагается считать принцип разделения властей, о чем, например, утверждает исследователь В.Н. Шохин, констатируя недопустимость полномочного превосходства одной ветви власти над другой, благодаря данному принципу [7, с. 174]. Это, в свою очередь, предотвращает возникновение авторитаризма в рамках демократии, а также подчеркивает институциональную самостоятельность органов, в данном рассматриваемом случае, законодательной ветви власти.

Принцип разделения властей закреплён в десятой статье Конституции Российской Федерации, что уже формально-юридически создает правовую основу для «суверенности» его решений как центра, создающего условия(законы) для политического, социального и иных направлений функционирования общества.

Однако легитимность парламента не может сохраняться весь срок действия полномочий парламента только из-за того, что была приобретена им однократно. Так как она является постоянно развивающейся характеристикой, которая подвержена изменениям, то требует от зависимых структур поддержания уровня ее состояния в норме. Поэтому некоторые ученые рассматривают ответственность законодателя как необходимость на постоянной основе. А.В. Челус в своих работах уточняет, что данный вид ответственности во многих странах Европы рассматривается в качестве обязательного поведения в социальном и политическом контекстах [8, с. 41].

Содержание ответственности нами предлагается исследовать в разделе механизмов, обеспечивающих ее правовую «жизнедеятельность». Основным выступают выборы. Периодическое и императивное изменение состава органа законодательной ветви власти является конституционной гарантией для народа, закрепляющей в себе возможность поддержания связи между ранее перечисленными субъектами внутригосударственных отношений.

Иным механизмом является досрочное прекращение полномочий члена парламента. В Российской Федерации он регулируется статьей четвертой Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации» и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁴. Нормы, регламентирующие утрату статуса члена законодательного собрания, направлены на прямую защиту возможности граждан иметь легитимный парламент, состав которого отвечает их потребностям и направлен на оправдание оказанного электоратом доверия.

Таким образом, правовые критерии легитимности законодательной власти – это не просто список закрепленных в законе механизмов, методов и средств, которые создают условия для признания власти парламента народом, но многоуровневая система, в которую входят фундаментальные принципы, такие как суверенитет, носителем которого является народ государства, необходимая выборность органов, составляющих систему законодателя, принцип разделения властей, при фактической реализации которого граждане могут быть уверены в самостоятельности принимаемых парламентом законопроектов, а также механизмы, в которые мы отнесли выборы, соблюдение законности процедур которых гарантирует исполнение принципа выборности, описанного ранее, и досрочное прекращение полномочий члена парламента, как гарантию наступления ответственности за действия, понижающие уровень легитимности органа в целом. Совокупность данных критериев, образующих систему, должна создавать единое и целое понимание того, что такое правовые критерии легитимности законодательной власти.

Социальное восприятие легитимности законодательной власти

Легитимность – это сложносоставное понятие, которое включает в себя не только правовые аспекты, помогающие ей реализовываться и достигать собственного высокого уровня в пределах государства с помощью законов, регулируемых деятельность органов власти, к которым должно быть оказано доверие со стороны народа. Также стоит рассматривать

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 15.03.2026)

² Конституция Французской Республики, дата принятия: 4 октября 1958 года – URL: <https://legalns.com/download/books/cons/france.pdf> (дата обращения: 15.03.2026)

³ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁴ Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

и социальные аспекты легитимности. В данном случае мы это сделаем на примере органов законодательной власти.

Одним из таких является фактическое соблюдение процедур в процессе законотворчества. Действительные дискуссии и локальные политические дебаты внутри парламента, когда происходит данный процесс, вызывают у населения доверие к принимаемому в последствии законопроекту, так как происходит всесторонний партийный обмен точками зрения, что может свидетельствовать о реальном паритете статусов членов законодательного собрания, опирающегося в дальнейшем на справедливое принятие решения.

Исследователь С.А. Дюжиков считает, что в области процедур по разрешению конфликтов необходимо опираться на их гибкость, коей обладает дискуссия [9, с. 57]. Управленческие процессы, в число которых и входит законотворчество, не должны иметь возможность быть остановленными в ходе своей реализации, так как носят общегосударственный масштаб, напрямую коррелирующий с легитимностью органов власти.

Следующим аспектом предлагается выделить уровень представительности парламента по отношению к результатам его деятельности. Иными словами: насколько качественно принятые законы могут решить существующие проблемы государства. К недавним примерам продуктивной работы парламента нами предлагается отнести появление в России требования проведения биометрической проверки при оформлении онлайн-микрозаймов¹. Так как существующая проблема мошенничества в РФ, связанная с массовым фиктивным использованием данных россиян в целях получения микрозаймов в формате «онлайн», присутствовала уже давно, то с данным видом мошенничества теперь, если рассмотреть ситуацию в теории, должны сталкиваться намного реже, так как принятые поправки в законодательство гарантируют правовой «барьер» между преступниками и потенциальными потерпевшими.

Помимо перечисленных выше аспектов также важны и понятия «политическая культура» и «правосознание» народа, которые напрямую влияют на уровень легитимности власти, так как формируют верное представление о ней. Еще в двадцатом веке был выведен научный термин «политической культуры». Г. Алмонд и С. Верба считали, что: «Политическая культура народа или страны – это специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны» [10, с. 30]. Иными словами, она определяет то, как граждане, составляющие понятие «народ», одной из политико-правовых опций которого является признание органов законодательной ветви власти легитимными, могут воспринимать тот или иной политический объект ввиду уровня той самой политической культуры. Например, когнитивная ориентация человека, который понимает и разбирается в геополитических процессах, будет разительно отличаться от того, который не имеет таких познаний, а равно и восприятие данных процессов будет отличаться с последующим субъективным изменением уровня их легитимности, который, в отдельных случаях, может совсем не совпадать с объективной реальностью [10, с. 31].

Правосознание же является более конкретизированным понятием. Наиболее верно, на наш взгляд, его трактует исследователь Л.В. Карнаушко. В своих работах он уточняет, что правосознание – это составное понятие, в которое должны быть включены и совокупность убеждений, и совокупность установок [11, с. 16]. Именно благодаря им и происходит персональная оценка нормы права человеком, определяющая в дальнейшем степень легитимности регулятора. Помимо этого в понятие также должны быть включены и возможность граждан не только оценивать нормы права с точки зрения легитимности, но также знать их и соблюдать. Если все ранее описанные действия, которых мы привели в размере трех единиц, выполняются народом беспрерывно, то это уже свидетельствует о высоком уровне легитимности законодателя, который является изначально источником в глазах народа для любой правовой нормы.

Стоит также отметить, что в процессе легитимации органов государственной власти большую роль играют средства массовой информации. Так как граждане не присутствуют, как правило, лично, например, на заседаниях законодательного собрания, то необходимо искать источник, способный это продемонстрировать. СМИ выступают в его качестве. Интернет-площадки, печатная пресса, ТВ-издания – это наиболее доступный и открытый для народа путь к бытовой обсервации деятельности парламента.

Ученая О.А. Игнатьева отмечает, что «мостом» между политиками и народом являются СМИ, так как это удобный и независимый ин-

струмент привлечения как потенциального, так и уже существующего электората [12, с. 138]. Нельзя не заверить, что социальное восприятие легитимности законодательной власти, как и сама легитимность, – это процесс динамичный, а равно подвергающийся изменениям с течением времени, стремящийся к адаптации под актуальные условия своей «жизни» в государстве. И в связи с этим как парламента и его членам, так и самим средствам массовой информации, необходимо модернизировать навыки взаимодействия друг с другом для представления гражданам наиболее полной и верной ситуации, требующей дальнейшей оценки легитимности, коей в настоящем исследовании является законодательное собрание.

Из роли СМИ в процессе легитимации органов законодательной ветви власти также проистекает и выражение доверия существующей в государстве власти посредством наблюдения за ее деятельностью через сеть «Интернет». Не стоит путать это со средствами массовой информации как отдельными изданиями, а равно структурированными суверенными источниками данных. Вопрос о придании парламента легитимности через социальные сети в 2026 году – самый актуальный и новый.

Группа ученых в составе Морозова, Кириллова и Авакяна приходят к выводу, что подобный способ коммуникации более удобен, так как предполагает собой беспрецедентно открытый доступ к интересующей граждан информации о деятельности органов законодательной власти, а также подкрепляет это неограниченность самого доступа, ведь он бесплатный и круглосуточный [13, с. 30]. В действительности это является крепким основанием для легитимации работы парламента, чем уже активно пользуются существующие политические партии. Например, некоторые политические партии и отдельные депутаты, которые входят в состав Государственной Думы Российской Федерации, освещают свою деятельность в социальных сетях «TikTok», «ВКонтакте» и т.д., регулярно выкладывая видео- и фотоматериалы с возможностью ведения дискуссии в разделе «комментарии» под постами в своих профилях. Это создает для современной цифровой среды возможность стать площадкой единения представительной власти и народа через доверие последних к первым в рамках легкодоступного ознакомления с их деятельностью.

Таким образом, мы заключаем, что социальное восприятие легитимности органов законодательной власти – это важный и одновременно сложный процесс, ведущий к единению народа и парламента через различные аспекты, в число которых мы отнесли дискуссионный, при соблюдении которого в рамках законотворчества гарантируется всестороннее рассмотрение принимаемых законов путем обсуждения и вынесения решения, принятого в результате нахождения легального и обоснованного консенсуса. Также мы отмечаем, что аспект реальной представительности органов законодательной ветви власти – это важный элемент социального восприятия легитимности, так как именно он показывает, насколько эффективно принимаемые законы отражают нужду в них народа. Политическая культура и правосознание – это индивидуальные характеристики народа, которые формируются для каждого субъективно, однако именно благодаря им происходит верное когнитивное понимание деятельности парламента. А СМИ и социальные сети, презентующие на доступном уровне процессы, в которые вовлечены органы законодательной власти, помогают им непосредственно самостоятельно «сблизиться» с народом через понятный и привычный интерфейс Интернет-площадок, газет и ТВ-программ.

Результаты и выводы исследования

Стоит отметить, что в проведенном исследовании мы затронули проблему дефиниции легитимности. Само понятие было охарактеризовано еще давно, например, Вебером, который считал, что вера подвластных в значимости господства, при условии обретения значимости господствующих в силу этой веры, и называется легитимностью [14, с. 341]. Некоторые исследователи, например, стараются разделить легитимность и легальность, тем самым упрощая понятие. И.Р. Бадретдинов подчеркивает, что при всех своих властных чертах, легитимность не должна включать в себя понятие «законности», а также правовые аспекты, так как в данном случае уже станет легальностью [15, с. 21].

Важную проблему мы вывели в результате исследования правовых критериев легитимности законодательных органов власти. Она заключается в невозможности народа запустить процедуру досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы.

В прошлом году в Федеральное Собрание был внесен на рассмотрение законопроект, согласно которому предполагалось лишение мандатов тех депутатов Госдумы, которые отказываются или уклоняются на регулярной основе от участия в процессах встреч со своими избирателями. Инициативу прокомментировал Председатель Государ-

¹ Для оформления микрозайма онлайн теперь потребуются биометрия – URL: <https://rg.ru/2026/02/26/dlia-zajma-potrebuetsia-biometriia.html> (дата обращения – 22.03.2026)

ственной думы Вячеслав Володин, заявив, что это прямая обязанность депутатов, повышающая эффективность законодательных решений¹.

Предлагается также дополнить содержание механизма ответственности в части досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы следующим положением. Добавить пункт «й» в часть первую статьи четвертой Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» с формулировкой: «наличия законной инициативы граждан Российской Федерации, реализуемой в порядке проведения процедур, предусмотренных настоящим Законодательством».

Ученый А.С. Кошель выделяет понятие легитимного депутата только через получение им мандата, как выражения прямого доверия народа с последующим поручением к представлению их интересов на федеральном уровне [16, с. 129]. Таким образом и предлагается наделение граждан, составляющих конституционно-правовую категорию «народ», полномочиями, которые позволяют не только «выдать» мандат, но и инициировать процедуру его отчуждения.

Проблема в социальном восприятии легитимности парламента заключается в недостаточности коммуникативного момента, субъектами которого являются члены парламента и граждане государства. В этой связи предлагается решение, содержащее в себе реализацию присутствия большего количества депутатов Государственной Думы РФ в общепринятых и доступных населению социальных сетях и интернет-платформах. К таким относятся в современное время: «ВКонтакте», «RUTUBE», «МАХ» и другие, где большинство граждан предпочитает проводить свободное время.

Инициативу по ведению аккаунтов на платформах предлагается возложить либо на депутатов, либо на помощников, официально осуществляющих свою деятельность. Однако также стоит отметить, что необходимо не только публиковать материалы, связанные с деятельностью должностного лица, но также минимально участвовать в обсуждении, которое потенциально может быть начато в разделе комментариев к постам и иным материалам. Из этого также должна просистекать необходимость запрета на отключение раздела комментариев под постами и иными материалами, размещаемыми на страницах или каналах депутатов.

Заключение

Резюмируя, можно сказать, что легитимность органов законодательной власти – это важная и сложностная характеристика их деятельности и статуса. Поглощение легальности легитимностью является неотъемлемым процессом, если рассматривать ее правовые критерии, даже применительно к законодательным органам власти. Социальное восприятие легитимности – это более открытое понимание того, зачем вообще нужна эта характеристика в государстве с демократией в качестве политического режима, так как она наиболее полно и всецело отражает восприятие власти народом на уровне повседневного контакта с результатами ее деятельности, как на практике, так и в виде материалов, публикуемых СМИ и на различных информационных площадках в сети Интернет.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л. Воропай. М.: Практикс, 2010. – 264 с.
3. Денисенко В.В., Кривцов С.Д. Демократизация парламента Испании: способы и перспективы // Образование и право. – 2026. – № 3. – С. 187–191.
4. Дородонова Н.В. Народовластие и народный суверенитет в российском и зарубежном конституционном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2025. – № 9. – С. 129–137.
5. Аристархова М.А. Роль законодательной власти в государственном управлении // Вестник науки. – 2025. – № 11. – С. 161–166.
6. Воропаева М.А. Виртуализация образа парламента как фактор улучшения восприятия Государственной Думы Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – № 5. – С. 110–115.
7. Шохин В.Н. Конституционный принцип разделения властей: генезис и политическая практика // Инновационная наука. – 2023. – № 6. – С. 172–175.
8. Чепус А.В. Парламентская ответственность правительства в странах Западной Европы (на примере Швеции и Дании) // Элек-

тронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2019. – № 4. – С. 40–45.

9. Дюжихов С.А. Парламентские процедуры как способ разрешения конфликтов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – № 4. – С. 56–61.

10. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. Москва: Мысль, 2014. – 500 с.

11. Карнаушенко Л.В. Понятие правосознания в аналитической философии права // Философия права. – 2025. – № 4. – С. 13–18.

12. Игнатъева О.А. Коммуникация как основание легитимности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 4. – С. 133–140.

13. Морозов В.Е., Кириллов Н.А., Авакян Р.С. Предвыборная агитация в социальных сетях: правовые аспекты // Право и практика. – 2025. – № 3. – С. 29–35.

14. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. С. 369.

15. Батретдинов И.Р. Легитимность: еще раз о понятии и типологии // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 20–24.

16. Кошель А.С. Основания и процедура досрочного прекращения полномочий депутатов // Антиномии. – 2020. – № 2. – С. 127–155.

LEGITIMACY OF LEGISLATIVE BODIES: LEGAL CRITERIA AND SOCIAL PERCEPTION

Andreev P.V.

Tyumen State University

This article examines the specifics of the legitimacy of legislative bodies with the goal of creating a more comprehensive and novel definition of legitimacy. It also observes the legal criteria for this concept, which allow for legislative strengthening of parliament's legitimacy within a democratic state governed by the rule of law. The problem identified in this scientific area, concerning the early termination of the powers of deputies of the State Duma of the Russian Federation, is proposed for solution through the method outlined in the article, namely, the potential expansion of legal criteria for legitimacy at the same legislative level. Particular attention is paid to the social perception of legitimacy as a necessary process that contributes to strengthening public trust in legislators through cognitive perception of their activities through routine observation. In this regard, it is also proposed to expand opportunities for contact through information bridges on the internet, which will directly lead to a strengthening of the standing of current legislative bodies and also give them a more legitimate connotation in society. The research results reflect all the problems identified during the research process, and also provide possible solutions for them in formats that were relevant at the time of writing this article.

Keywords: legitimacy, legislative power, people, democracy, constitution, electoral law, parliament

References

1. Weber M. Selected Works. Moscow: Progress, 1990. – 808 p.
2. Habermas J. The Problem of Legitimation of Late Capitalism / Translated from German by L. Voropay. Moscow: Praxis, 2010. – 264 p.
3. Denisenko V.V., Krivtsov S.D. Democratization of the Spanish Parliament: Methods and Prospects // Education and Law. – 2026. – No. 3. – Pp. 187–191.
4. Dorodnova N.V. Democracy and Popular Sovereignty in Russian and Foreign Constitutional Law // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2025. – No. 9. – Pp. 129–137.
5. Aristarkhova M.A. The Role of the Legislative Branch in Public Administration // Science Bulletin. – 2025. – No. 11. – P. 161–166.
6. Voropaeva M.A. Virtualization of the Image of the Parliamentary Institution as a Factor in Improving the Perception of the State Duma of the Russian Federation // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2020. – No. 5. – P. 110–115.
7. Shokhin V.N. Constitutional Principle of Separation of Powers: Genesis and Political Practice // Innovative Science. – 2023. – No. 6. – P. 172–175.
8. Chepus A.V. Parliamentary Responsibility of the Government in Western European Countries (on the Example of Sweden and Denmark) // Electronic Scientific Journal "Science. Society. State". – 2019. – No. 4. – P. 40–45.
9. Dyuzhikov S.A. Parliamentary procedures as a way of resolving conflicts // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. – 2022. – No. 4. – P. 56–61.
10. Almond G., Verba S. Civic culture: political attitudes and democracy in five countries. Moscow: Mysl, 2014. – 500 p.
11. Karnauashenko L.V. The concept of legal consciousness in the analytical philosophy of law // Philosophy of Law. – 2025. – No. 4. – P. 13–18.
12. Ignatyeva O.A. Communication as the basis of legitimacy // Caspian region: politics, economics, culture. – 2024. – No. 4. – P. 133–140.
13. Morozov V.E., Kirillov N.A., Avakyan R.S. Pre-election campaigning on social networks: legal aspects // Law and practice. – 2025. – No. 3. – Pp. 29–35.
14. Weber M. Economy and society: essays on understanding sociology: in 4 volumes / [translated from German]; compiled, general editorship and foreword by L.G. Ioniina. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2016. Vol. 1. P. 369.
15. Batretdinov I.R. Legitimacy: once again on the concept and typology // Law and practice. – 2019. – No. 4. – Pp. 20–24.
16. Koshel A.S. Grounds and procedure for early termination of powers of deputies // Antinomies. – 2020. – No. 2. – P. 127–155.

¹ Володин объяснил идею лишать мандата за отказ от встреч с избирателями – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/03/2025/67e7cadc9a79474fcb782f6a> (дата обращения – 27.03.2026)

Система ограничений правомочия распоряжения земельным участком: оборотоспособность, фактическое резервирование и принцип единства судьбы

Асадуллин Марат Назирович,

аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий

E-mail: marat-asadullin@yandex.ru

В статье обосновывается системное представление об ограничениях правомочия распоряжения земельным участком и формулируются предложения по совершенствованию соответствующего нормативного регулирования. Цель исследования – раскрыть многоаспектность правомочия распоряжения и предложить классификацию его ограничений. Используются формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также метод правового моделирования. Раскрыта многоаспектность правомочия распоряжения, охватывающая позитивное распоряжение (отчуждение, обременение, передача в пользование) и отрицательное распоряжение (отказ от права в добровольном или принудительном порядке). Построена авторская классификация ограничений правомочия распоряжения по основаниям возникновения на четыре класса: статутные, резервационные, синхронизирующие и элиминирующие. Особое внимание уделено фактическому резервированию как наиболее острому в современной практике ограничению, в отношении которого предложена квалификация в качестве регуляторного изъятия. Сформулированы предложения по уточнению пункта 17 статьи 39.16 и пункта 1 статьи 56.1 Земельного кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 238 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: правомочие распоряжения, оборотоспособность земельного участка, фактическое резервирование, единство судьбы, принудительное отчуждение, отказ от ограниченного вещного права, регуляторные изъятия.

Введение

Завершающий элемент классической триады правомочий собственника – распоряжение – применительно к земельному участку имеет наиболее сложное и многослойное содержание. В отличие от пользования, которое сводится к материальному извлечению полезных свойств, и владения, отождествляемого преимущественно с физическим обладанием, распоряжение охватывает целый спектр юридически значимых действий: отчуждение, передачу в производное владение и пользование, обременение вещными правами, а также отказ от права в добровольном или принудительном порядке.

За последние десять лет институт ограничений правомочия распоряжения претерпел трансформации, не вмещающиеся в рамки традиционной дискуссии. Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ радикально переработал правила предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и фактически возродил институт «фактического резервирования», известный практике до 2007 г. Серия определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2016–2017 гг. подтвердила правомерность отказа в приватизации земельных участков на основании одних только положений документов территориального планирования. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П (по делу гражданки И.С. Бутримовой) фактически признало регуляторные изъятия особым институтом российского земельного права. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2024 г. № 29-П (по делу гражданина И.А. Ермака) развило принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нём объектов в контексте подземных сооружений.

Указом Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 201 в перечень ограниченных территорий, на которых иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам запрещено обладать земельными участками на праве собственности, включены 19 муниципальных образований Республики Крым; по оценке Т.В. Беловой, под последующее принудительное отчуждение по статье 238 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) подпадает приблизительно 11,5 тысяч земельных участков [4]. Цель настоящего исследования – обосновать системное представление об ограничениях правомочия распоряжения земельным участком и сформулировать предложения по совершенствованию соответствующего нормативного регулирования. Научная новизна заключается в обосновании многоаспектной структуры правомочия распоряжения, в построении авторской классификации ограничений на четыре класса, в концепции «принудительного перехода» правомочия распоряжения и в распространении доктрины регуляторных изъятий на фактическое резервирование.

Литературный обзор

В классической доктрине, восходящей к О.И. Крассову, ограничения правомочия распоряжения долгое время выводились за пределы статьи 56 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) и относились к самостоятельному институту оборотоспособности (статья 27 ЗК РФ). О.И. Крассов прямо указывал, что «действующее законодательство не предусматривает ограничений распоряжения земельным участком в связи с установлением ограничений прав на него» [9, с. 267]. Эту линию поддерживает Н.М. Митякина, разводящая «ограничение прав на землю» и «ограничение оборотоспособности земельных участков» как два самостоятельных понятия [13]. Альтернативный подход, представленный Е.Л. Мининой и Р.Г. Аракельяном, включает оборотоспособность в общий институт ограничений по статье 56 ЗК РФ.

А.П. Ревякин в автореферате диссертации, защищённой в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2019 г., прямо классифицирует ограничения прав на земельные участки в публичных интересах в зависимости от видов правомочий правообладателя «на ограничения оборотоспособности земельных участков» и «ограничения правомочий владения и пользования земельными участками» [15, с. 8]. Концептуальная разработка соотношения категорий пределов и ограничений права собственности представлена в работе А.Н. Ниязовой, характеризующей ограничения как «некоторое стеснение правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом» [14, с. 212].

Степень научной разработанности темы характеризуется атомарностью: обстоятельные работы посвящены отдельным институтам – фактическому резервированию [19], принудительному отчуждению у иностранных граждан [4], отказу от ограниченных вещных прав [18], принципу единства судьбы [3], – однако системного представления, объединяющего эти институты в единый класс ограничений правомочия распоряжения, в современной литературе не сформировано. Доктрина регуляторных изъятий, активно обсуждаемая А.А. Маркеловой и А.В. Карачуном [10], применялась преимущественно к строительным запретам и градостроительной документации; связь её с ограничениями правомочия распоряжения через институт фактического резервирования не была развёрнута.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации; Гражданский кодекс Российской Федерации; ЗК РФ; Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»; Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»; Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 10 мая 2007 г. № 69-ФЗ; Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»; Указ Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 201.

Эмпирическую базу образуют материалы судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации: Постановление от 5 марта 2020 г. № 11-П (дело Бутримовой); Постановление от 11 июня 2024 г. № 29-П (дело Ермака); Определение от 12 ноября 2019 г. № 2970-О; Определение от 30 марта 2023 г. № 742-О; а также определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2016–2017 гг.

Методологическую основу составили: формально-юридический метод – применён к толкованию норм ЗК РФ, ГК РФ, Федеральных законов от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ, от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ и др.; историко-правовой – использован при реконструкции эволюции института резервирования с 1999 г. по настоящее время; системно-структурный – применён к четырёхклассовой классификации ограничений правомочия распоряжения; сравнительно-правовой – привлечена концепция *regulatory takings* и опыт практики Европейского суда по правам человека; метод правового моделирования – использован для построения концепции «принудительного перехода» и предложения *de lege ferenda*.

Содержательной методологической опорой исследования служит многоаспектная конструкция правомочия распоряжения, охватывающая позитивное и отрицательное распоряжение. Позитивное распоряжение охватывает действия собственника, направленные на возникновение, изменение или прекращение прав других лиц на земельный участок при сохранении правовой связи самого собственника с участком либо на полную или частичную замену собственника. Отрицательное распоряжение охватывает действия собственника, направленные на прекращение его собственного права без передачи участка определённого правопреемнику; к нему относятся отказ от права собственности (статья 236 ГК РФ, статья 53 ЗК РФ) и отказ от ограниченного вещного права. Включение отрицательного распоряжения в содержание соответствующего правомочия позволяет рассматривать ограничения, налагаемые законом на возможность отказа от права, как самостоятельный вид ограничения правомочия распоряжения.

Результаты

Применение указанной методологической рамки к нормативному и эмпирическому материалу позволило получить следующие результаты.

Во-первых, ограничения правомочия распоряжения по основаниям возникновения целесообразно классифицировать на четыре класса.

Статутные ограничения возникают в силу правового статуса субъекта (правообладателя или потенциального приобретателя) или объекта (земельного участка определённой категории или режима). К ним относятся: запрет на нахождение в собственности иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц земельных участков на приграничных территориях (часть 3 статьи 15 ЗК РФ) и земель сельскохозяйственного назначения (статья 3 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ); ограничение оборотоспособности земельных участков, изъятых из оборота либо ограниченных в обороте (части 2 и 5 статьи 27 ЗК РФ); запрет на приватизацию земель общего пользования (пункт 12 статьи 85 ЗК РФ); особый режим оборота особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий (статья 79 ЗК РФ). Природа статутных ограничений двойственна: с одной стороны,

они формируют пределы правомочия распоряжения, объективно приписывая праву собственности на землю; с другой стороны, в отношении конкретного правообладателя они могут действовать как ограничения в собственном смысле слова. Т.В. Белова справедливо квалифицирует пресекательный годичный срок статьи 238 ГК РФ как ограничение, не имеющее аналогов в общей конструкции права собственности [4].

Резервационные ограничения возникают в силу установленного публичной властью режима, в рамках которого земельный участок предназначен или потенциально предназначен к использованию в публичных целях. К ним относятся: ограничения в связи с резервированием земель для государственных или муниципальных нужд (статья 56.1, статья 70.1 ЗК РФ); ограничения, связанные с возможностью изъятия для государственных или муниципальных нужд (глава VII.1 ЗК РФ); фактическое резервирование, возникающее на основании документов территориального планирования и документации по планировке территории (пункт 17 статьи 39.16 ЗК РФ).

Синхронизирующие ограничения возникают в силу принципа единства судьбы земельного участка и расположенных на нём объектов недвижимости (подпункт 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ). К этой группе относятся: обязанность одновременной приватизации (пункт 7 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ); обязанность одновременного перехода прав при отчуждении (пункт 4 статьи 35 ЗК РФ); ограничения отдельного оборота, особенно острые в случае подземных сооружений и многоуровневого использования пространства, исследованных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 июня 2024 г. № 29-П. Р.С. Бевзенко в обстоятельной работе о принципе единства судьбы прав отмечает, что этот принцип в действующей редакции ЗК РФ сформулирован недостаточно последовательно и при определённых конфигурациях допускает раздельное отчуждение участка и объекта [3, с. 60–123].

Элиминирующие ограничения возникают в форме принудительного прекращения права при наступлении обстоятельств, предусмотренных законом. К ним относятся: реквизиция (статья 51 ЗК РФ, статья 242 ГК РФ); принудительное отчуждение по статье 238 ГК РФ; принудительное прекращение права постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения за нарушения (статья 54 ЗК РФ); принудительное прекращение права собственности на земельный участок, не используемый по целевому назначению либо используемый с нарушением законодательства (статьи 284, 285 ГК РФ).

Во-вторых, среди резервационных ограничений наиболее острую конституционно-правовую проблему представляет фактическое резервирование. Этот феномен, обстоятельно исследованный Ю.В. Южаковым, заключается в том, что при отсутствии формально принятого акта о резервировании земельного участка его правовой режим тем не менее изменяется – в частности, в части возможности приватизации – за счёт инструментов градостроительного регулирования (документов территориального планирования, проектов планировки территории, красных линий) [19].

В-третьих, эволюция фактического резервирования в российском праве отчётливо демонстрирует его проблематичность. До 2007 г. возможность отказа в приватизации публичного земельного участка на основании генерального плана города была закреплена в пункте 8 статьи 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ. Федеральным законом от 10 мая 2007 г. № 69-ФЗ в ЗК РФ были введены статьи 56.1 и 70.1, закрепившие самостоятельный институт резервирования земель и одновременно исключившие возможность отказа в приватизации на основании генерального плана. Однако Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ дополнил ЗК РФ новой статьёй 39.16, в пункте 17 которой в качестве основания отказа в предоставлении земельного участка было фактически восстановлено прежнее регулирование. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 1 декабря 2016 г. по делу № 305-КГ16–10498 признала, что для отказа в предоставлении земельного участка достаточно одного лишь документа территориального планирования, без принятия отдельного решения о резервировании. Конституционный Суд РФ в Определении от 30 марта 2023 г. № 742-О констатировал, что право на приватизацию публичных земельных участков не относится к числу конституционных и не защищается положениями статьи 35 Конституции РФ.

В-четвёртых, принудительное отчуждение по статье 238 ГК РФ применительно к земельным участкам приобрело особое значение после Указа Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 201. Конструкция, заложенная в статье 238 ГК РФ, страдает рядом дефектов в применении к земельным участкам. Годичный пресекательный срок не учитывает специфики приобретения по наследству. При наличии на участке объекта недвижимости статья 238 ГК РФ не обеспечивает соблюдения

принципа единства судьбы (что Конституционный Суд РФ в Определении от 12 ноября 2019 г. № 2970-О квалифицировал как допустимое в порядке исключения). Действующая редакция статьи 238 ГК РФ не предусматривает чёткого механизма выбора между публичной продажей и передачей в публичную собственность.

В-пятых, отказ от ограниченного вещного права (статья 53 ЗК РФ) представляет иную, но также подверженную ограничениям форму распоряжения. Н.В. Шереметьева отмечает, что отказ от права собственности на земельный участок, права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного наследуемого владения требует совершения формальных юридически значимых действий – заявления в регистрационный орган с приложением правоустанавливающих документов; одно лишь фактическое прекращение использования участка не влечёт прекращения права [18]. Это создаёт ситуации «недозавершённого отказа», в которых собственник не использует участок по назначению и не намеревается его сохранять, но формально остаётся титульным правообладателем со всеми связанными с этим обязанностями.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют поставить вопрос о квалификации фактического резервирования через призму концепции регуляторных изъятий. С позиции этой концепции, развёрнутой в зарубежной доктрине и отчасти инкорпорированной в российскую правоприменительную практику Постановлением Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П, фактическое резервирование является именно той формой публично-правового вмешательства, при которой формальное сохранение титула не сопровождается возможностью его реализации и развития. А.А. Маркелова и А.В. Карачун справедливо отмечают, что «феномен регуляторных изъятий стал активно обсуждаться в отечественной доктрине в связи с принятием» указанного постановления [10, с. 169–171]. Если документ территориального планирования, на основании которого правомочие распоряжения ограничено, имеет долгосрочный (а часто и бессрочный) характер, и при этом не сопровождается ни компенсацией собственнику недвижимости, ни ограниченным сроком действия, ни обязательством публичной власти приступить к реализации запланированного объекта, – такое ограничение нарушает принцип соразмерности публично-правового вмешательства в правомочие распоряжения и должно квалифицироваться как непрямое (регуляторное) изъятие.

Принудительное отчуждение по статье 238 ГК РФ должно быть теоретически квалифицировано как принудительный переход правомочия распоряжения. Эта категория, предлагаемая в настоящей работе, обозначает ситуацию, при которой воля собственника по определению юридической судьбы участка замещается волей публичного субъекта в силу статутного основания, при условии возмещения собственнику стоимости имущества. От реквизиции принудительный переход отличается отсутствием признака чрезвычайности и временности; от изъятия для государственных или муниципальных нужд – отсутствием признака удовлетворения конкретной публичной потребности (статутное ограничение основано не на потребности, а на правовом статусе субъекта).

Логика этих квалификаций требует системного изменения правового регулирования. Представляется обоснованным предложить совершенствование пункта 17 статьи 39.16 ЗК РФ путём установления, что отказ в предоставлении земельного участка в собственность на основании документов территориального планирования допускается лишь в случае принятия отдельного решения о резервировании в соответствии со статьёй 70.1 ЗК РФ, либо при наличии утверждённого проекта планировки территории и установленных красных линий с указанием конкретного объекта. Такое уточнение восстановит юридическую определённости и приведёт нормативную модель в соответствие с положениями статьи 56.1 ЗК РФ. Одновременно следует уточнить пункт 1 статьи 56.1 ЗК РФ, дополнив его указанием на возможность собственника недвижимости, расположенной на публичном земельном участке, требовать выкупа этой недвижимости в случае длительного (более десяти лет) сохранения резервационного режима без приступления публичной властью к реализации запланированного объекта.

Применительно к статье 238 ГК РФ предлагается уточнение части 2 путём указания на исчисление годичного срока с момента государственной регистрации права собственности (а не с момента его возникновения), а также путём введения презумпции единства судьбы при одновременной принадлежности участка и объекта недвижимости иностранному гражданину: в таком случае отчуждению должны подлежать одновременно участок и объект, либо статья 238 ГК РФ должна дополнительно регулировать порядок прекращения права на объект.

Применительно к отказу от ограниченных вещных прав в литературе обсуждается вопрос о допустимости признания фактического оставления участка собственником основанием для прекращения права собственности. Полагаем, что такое решение противоречит принципам определённости и публичной достоверности реестра. Гораздо более продуктивен другой путь: законодательное закрепление процедуры презумированного отказа, в соответствии с которой при наличии обстоятельств, объективно свидетельствующих об устранении собственника от участка (длительное неиспользование, отсутствие уплаты земельного налога, оставление участка в состоянии неиспользования, превышающем установленный срок), уполномоченный орган обращается в суд с заявлением о признании отказа состоявшимся и перевода участка в публичную собственность. Эта процедура должна сопровождаться надлежащим уведомлением правообладателя и возможностью оспаривания в суде; она не должна вести к безвозмездному прекращению права собственности.

Особенность подхода Конституционного Суда РФ к праву на приватизацию, выраженной в Определении от 30 марта 2023 г. № 742-О (право на приватизацию публичных земельных участков не относится к числу конституционных), требует тщательной критической оценки в связи с конституционно-правовым принципом поддержания доверия граждан к закону и к действиям государства, неоднократно артикулированным в практике самого Суда [2]. Российская правовая система с 2001 г. по 2014 г. последовательно стимулировала приватизацию публичных земельных участков, попавших под объекты недвижимости частных лиц до 2001 г., и предоставляла соответствующее преимущественное право собственникам недвижимости. Поворот 2014 г. к фактическому резервированию ставит этих собственников в положение, в котором их разумные ожидания относительно стабильности правового регулирования оказываются нарушенными. Ю.В. Южаков справедливо квалифицирует эту ситуацию как «неправомерное регуляторное изъятие права собственности» [19].

Заключение

1. Правомочие распоряжения земельным участком имеет многоаспектное содержание, охватывающее позитивное распоряжение и отрицательное распоряжение. Эта структура задаёт горизонт для содержательного описания ограничений, накладываемых на различные стороны реализации указанного правомочия.

2. Ограничения правомочия распоряжения по основаниям возникновения целесообразно классифицировать на четыре класса: статутные, резервационные, синхронизирующие и элиминирующие.

3. Фактическое резервирование, легализованное пунктом 17 статьи 39.16 ЗК РФ и судебной практикой 2016–2017 гг., представляет наиболее острую в современном законодательстве форму ограничения правомочия распоряжения. По своему юридическому существу оно является регуляторным ограничением, возникающим без принятия отдельного формализованного решения о резервировании и без сопровождения соответствующей системой компенсации.

4. Совершенствование пункта 17 статьи 39.16 ЗК РФ требует уточнения, согласно которому отказ в предоставлении земельного участка в собственность на основании документов территориального планирования допускается лишь в случае принятия отдельного решения о резервировании в соответствии со статьёй 70.1 ЗК РФ либо при наличии утверждённого проекта планировки территории и установленных красных линий с указанием конкретного объекта.

5. Принудительное отчуждение по статье 238 ГК РФ применительно к земельным участкам должно быть теоретически квалифицировано как принудительный переход правомочия распоряжения. Часть 2 статьи 238 ГК РФ требует уточнения путём указания на исчисление годичного срока с момента государственной регистрации права собственности и путём введения презумпции единства судьбы при одновременной принадлежности участка и объекта недвижимости иностранному гражданину.

6. Отказ от ограниченных вещных прав на земельный участок может быть дополнен процедурой презумированного отказа при наличии объективных обстоятельств устранения собственника от участка. Процедура должна носить судебный характер, сопровождаться надлежащим уведомлением правообладателя и не вести к безвозмездному прекращению права собственности.

Литература

1. Анисимов А.П., Болтанова Е.С. Ограничение права частной собственности путём установления публичных земельных сервитуттов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141–152.

2. Арапов Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 28 с.
3. Бевзенко Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нём // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 60–123.
4. Белова Т.В. Пределы и ограничения права собственности иностранных граждан на земельные участки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 12. С. 41–53.
5. Васючкова О.А., Каряка А.М. Ограничения прав на землю в границах зон с особыми условиями использования территорий: вопросы практического и теоретического осмысления // Юрист. 2024. № 2. С. 38–43.
6. Галиновская Е.А. Особенности защиты прав собственников, владельцев и пользователей земельных участков в суде // Экологическое право. 2024. № 4. С. 17–22.
7. Жуляева О.Г. К вопросу о сущности понятия ограничения прав на землю // Вестник науки. 2023. № 7 (64). Т. 1. С. 58–61.
8. Иванова И.В. Особенности реализации права собственности на земельный участок с учётом экологических ограничений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 234–239.
9. Крассов О.И. Право частной собственности на землю: монография. М.: Юрист, 2000. 379 с.
10. Маркелова А.А., Карачун А.В. Регуляторные изъятия (regulatory takings) в России и за рубежом // Закон. 2021. № 11. С. 169–182; 2021. № 12. С. 156–171.
11. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 312 с.
12. Минина Е.Л. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. С.Н. Волков, науч. ред. Ю.Г. Жариков. М.: Юстицинформ, 2009. 720 с.
13. Митякина Н.М. Некоторые вопросы ограничения прав на землю // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 557–560.
14. Ниязова А.Н. Пределы и ограничения права собственности на землю: анализ подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 208–215.
15. Ревякин А.П. Ограничения прав на земельные участки в публичных интересах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. М., 2019. 28 с.
16. Ревякин А.П. Реквизиция земельных участков как ограничение прав на землю // Юрист. 2018. № 6. С. 12–17.
17. Шевченко Д.А. Ограничение права собственности на земельные участки в публичных интересах // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 38–39.
18. Шереметьева Н.В. Отказ от ограниченных вещных прав на земельные участки: проблемы доктрины и правоприменения // Российский судья. 2021. № 8. С. 9–14.
19. Южаков Ю.В. История формирования практики «фактического резервирования» земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 11. С. 78–88.

THE SYSTEM OF RESTRICTIONS ON THE RIGHT OF DISPOSAL OF A LAND PLOT: MARKETABILITY, DE FACTO RESERVATION, AND THE PRINCIPLE OF UNITY OF FATE

Asadullin M.N.

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

The article substantiates a systemic understanding of restrictions on the right of disposal of a land plot and formulates proposals for improving the relevant normative regulation. The aim of the research is to reveal the multifaceted nature of the right of disposal and to propose a classification of its restrictions. The study employs formal-legal, system-structural, historical-legal and comparative-legal methods, as well as the method of legal modelling. The multifaceted nature of the right of disposal is elaborated, encompassing positive disposal (alienation, encumbrance, transfer to use) and negative disposal (waiver of the right voluntarily or compulsorily). An original classification of restrictions on the right of disposal according to grounds of origin into four classes – statutory, reservational, synchronising, and eliminating – is constructed. Particular attention is given to de facto reservation as the most acute restriction in current practice, which is qualified as a regulatory taking. Proposals are formulated for amending paragraph 17 of Article 39.16 and paragraph 1 of Article 56.1 of the Land Code of the Russian Federation, as well as part 2 of Article 238 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: right of disposal, marketability of a land plot, de facto reservation, unity of fate, compulsory alienation, waiver of a limited proprietary right, regulatory takings.

References

1. Anisimov A.P., Boltanova E.S. Restriction of the right of private property through the establishment of public land easements: search for a balance of interests // Journal of Russian Law. 2020. No. 4. Pp. 141–152.
2. Arapov N.A. The principle of maintaining public trust in the law and actions of the state in Russian constitutional law and justice: extended abstract of cand. legal sci. dis. Saint Petersburg, 2015. 28 p.
3. Bevzenko R.S. The principle of unity of fate of rights to a land plot and to structures upon it // Civil Law Review. 2020. No. 2. Pp. 60–123.
4. Belova T.V. Limits and restrictions of the property rights of foreign citizens to land plots // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 12. Pp. 41–53.
5. Vasyuchkova O.A., Karyaka A.M. Restrictions on land rights within the boundaries of zones with special conditions for the use of territories: issues of practical and theoretical comprehension // Jurist. 2024. No. 2. Pp. 38–43.
6. Galinovskaya E.A. Peculiarities of protection of rights of owners, holders and users of land plots in court // Environmental Law. 2024. No. 4. Pp. 17–22.
7. Zhulyaeva O.G. On the question of the essence of the concept of restriction of land rights // Bulletin of Science. 2023. No. 7 (64). Vol. 1. Pp. 58–61.
8. Ivanova I.V. Features of the implementation of the right of ownership to a land plot, considering environmental restrictions // Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 4 (80). Pp. 234–239.
9. Krassov O.I. The right of private property to land: monograph. Moscow: Yurist, 2000. 379 p.
10. Markelova A.A., Karachun A.V. Regulatory takings in Russia and abroad // Zakon. 2021. No. 11. Pp. 169–182; 2021. No. 12. Pp. 156–171.
11. Melnikov N.N. Objects of land legal relations: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2023. 312 p.
12. Minina E.L. Commentary on the Land Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. S.N. Volkov, scient. ed. Y.G. Zharikov. Moscow: Yustitsinform, 2009. 720 p.
13. Mityakina N.M. Some issues of restriction of land rights // Legal Technique. 2018. No. 12. Pp. 557–560.
14. Niyazova A.N. Limits and restrictions of the right of ownership to land: analysis of approaches // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2016. Iss. 32. Pp. 208–215.
15. Revyakin A.P. Restrictions on rights to land plots in the public interest: extended abstract of cand. legal sci. dis.: 12.00.06. Moscow, 2019. 28 p.
16. Revyakin A.P. Requisition of land plots as a restriction of land rights // Jurist. 2018. No. 6. Pp. 12–17.
17. Shevchenko D.A. Restriction of ownership of land plots in the public interest // Agrarian and Land Law. 2023. No. 5 (221). Pp. 38–39.
18. Sheremeteva N.V. Waiver of limited proprietary rights to land plots: doctrinal and law enforcement problems // Russian Judge. 2021. No. 8. Pp. 9–14.
19. Yuzhakov Y.V. The history of the formation of the practice of «de facto reservation» of land plots // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 11. Pp. 78–88.

Ахьядов Ислам Исаевич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: nauka_lo@mail.ru

В статье исследуются принципы правового регулирования местного самоуправления как фундаментальные начала, определяющие содержание и направление развития муниципального права, закрепленные в Конституции РФ и статье 4 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Цель настоящей статьи – проанализировать содержание легально закрепленных принципов правового регулирования местного самоуправления и их соотношение с классическими доктринальными подходами, а также оценить потенциальные проблемы реализации. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный анализ нормативных положений и доктринальных источников, а также обобщение судебной практики Конституционного Суда РФ. Сделан вывод о том, что законодатель в значительной степени опирался на устоявшиеся доктринальные положения, вместе с тем, ряд фундаментальных доктринальных принципов не нашли прямого закрепления в законе, внесен ряд предложений, направленных на улучшение законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: местное самоуправление; правовое регулирование; единая система публичной власти; принципы регулирования местного самоуправления; автономия местного самоуправления.

Местное самоуправление (МСУ) в академической литературе, начиная с 1990-х годов, предстает в качестве основополагающего института современного демократического правового государства, рассматривается как необходимый компонент политической стабильности и устойчивого развития общества. Будучи наиболее приближенным к населению уровнем власти, МСУ, в теории, должно обеспечивать адекватное управление «местными» делами, оперативно реагировать на потребности и запросы жителей района, гарантировать самостоятельность и ответственность граждан в управлении делами муниципальных образований. Эффективность функционирования данного института напрямую зависит от качества его правового регулирования, которое, в свою очередь, должно базироваться на определенных фундаментальных принципах.

Принципы составляют основу и фундамент институционального порядка сообщества, являются ориентиром и обоснованием принятия конкретной нормы, но ни в коем случае не представляют собой исчерпывающую законченную инструкцию. Правовая норма, развернутая по своему содержанию и конкретизированная в своих предписаниях, ограничивает и уточняет обстоятельства и предпосылки ее действия, устанавливает возможные исключения. Принцип, напротив, представляет собой чрезвычайно общее допущение, его содержание носит в высшей степени общий характер, нуждается в правовом развитии посредством отраслевых норм и казуистическом определении в своем судебном применении.

С.С. Алексеев утверждал: хотя правовые принципы органически связаны с действующими нормами, существуют и функционируют совместно с ними, они обладают в праве собственным регулятивным потенциалом – выступают в роли нормативных ориентиров, концентрируют в себе главные свойства правовой системы. В большинстве случаев принципы прямо закрепляются законодателем как обособленные общие предписания, либо присутствуют неявно, будучи «вплетёнными» в ткань конкретных нормативных положений [1, с. 15].

Интересна позиция Р. Дворкина относительно принципов. Он оперирует понятием стандарта, разделяя их на нормы, стратегии (политическую целесообразность) и принципы. Принципы задуманы как тип «стандарта», который предлагает цель, которую необходимо достичь, как правило, направленную на улучшение некоторых экономических, политических или социальных характеристик сообщества. Вместе с тем, принцип должен соблюдаться не потому, что он благоприятствует или обеспечивает нужную экономическую, политическую или социальную ситуацию (т.е. политически целесообразен), а потому, что это требование справедливости, равноправия или какого-либо другого аспекта морали. Принципы, в понимании Дворкина, в отличие от норм, не подчиняются логике иерархии, и при их конкуренции в рамках конкретного правоотношения суды руководствуются оценкой их относительной значимости применительно к обстоятельствам. Таким образом, развивая идеи Дворкина Развивая Дворкина, можно утверждать, что принципы в правовом регулировании – это не просто наиболее общие предписания, а встроенные моральные ограничители для политической целесообразности. Они гарантируют, что даже самое эффективное решение будет признано неправомерным, если оно нарушает фундаментальные требования справедливости, равноправия или достоинства личности.

В российской правовой теории (Явич, Алексеев, Братусь, Иоффе, Грибанов, Чечина) принцип задаёт не конкретное правило поведения (как норма-диспозиция), а «общую линию», «тенденцию», определяя цели, допустимые пределы и оценочные критерии.

В правовом позитивизме, характерном для романо-германской правовой семьи, общие принципы играют определяющую роль: включение их в предписания (нормы), обладающие к тому же прямым действием, не позволяет уклониться от их применения, они способствуют обеспечению согласованности нормативно-правового порядка, служат для заполнения пробелов в праве.

Опираясь на проведенный В.А. Сивицким и А.В. Ильиным анализ подходов, сложившихся в юридической науке относительно понятия «принцип правового регулирования» [1], традиционно используемое в научной и учебной литературе определение принципов местного самоуправления как «обусловленных природой местного самоуправления исходных начал и идей, лежащих в основе организации и деятель-

ности населения муниципального образования и формируемых им муниципальных органов» [2, с. 122; 3, с. 46], мы предлагаем понимать под принципами правового регулирования местного самоуправления основополагающие, научно обоснованные и нормативно закреплённые идеи, требования и начала, определяющие сущность, содержание, организационные и процедурные основы формирования и деятельности муниципальных образований и гарантии их правового статуса, сущность, содержание и пределы муниципальной власти, порядок взаимодействия муниципальных образований с органами государственной власти и между собой.

Следует согласиться с мнением И.В. Михеевой, утверждающей, что «принципы правовой регламентации выступают, с одной стороны, содержанием законодательства, с другой – каркасом правовой реальности, делая ее более устойчивой, формируя границы и направление развития правовых институтов, ... придают системность законодательству и определенность его применению. При этом речь идет не о принципах права как таковых, а о принципах формирования права в процессе издания нормативных правовых актов как эффективных государственно-правовых регуляторов ...» [4, с. 13]. В этом аспекте принципы правового регулирования местного самоуправления обеспечивают внутреннюю согласованность системы федеральных законов, муниципальных правовых актов и предсказуемость их правоприменения.

Показателями действенности принципов правовой регламентации в сфере местного самоуправления выступают системность муниципального нормотворчества, согласованность регионального и федерального законодательства с уставами муниципальных образований, а также стабильность ключевых параметров жизнедеятельности местных сообществ. Вместе с тем, действие принципов регулирования местного самоуправления не может быть гарантировано одной лишь их легализацией в тексте закона. Юридическое закрепление само по себе не делает автоматически справедливым и рациональным ни устав муниципального образования, ни практику его реализации, ни федеральный закон о местном самоуправлении. Здесь поможет только системная работа по развитию «муниципального правосознания», о чем более ста лет назад писал философ и правовед И.А. Ильин применительно к аксиомам правосознания вообще.

В трудах российских правоведов (А.Н. Дементьев, Н.С. Бондарь, В.И. Фадеева, О.Е. Кутафин, В.А. Беседина и др.) описано значительно число принципов местного самоуправления, что, по мнению Е.Б. Султанова, свидетельствует об отсутствии единой концепции [5, с. 60]. Следует признать, что подход к составлению перечня принципов зависит от исходной позиции исследователя по вопросу о статусе местного самоуправления в системе публичной власти в контексте соотношения принципов автономии и интеграции государственной и муниципальной власти: местное самоуправление как инструмент государственной власти; местное самоуправление как основа самоорганизации общины; сервисная концепция [6, с. 130–131].

Вместе с тем, А.Э. Шульц выделяет следующие основные принципы местного самоуправления, которые в той или иной формулировке присутствуют в работах подавляющего большинства авторов: местное самоуправление реализует свои властные полномочия самостоятельно; местное самоуправление и его органы организационно обособлены в системе государственного управления; допустимость разнообразных форм самоуправления; не субординационное взаимодействие между муниципальными образованиями и государственной властью для решения общих задач; сочетание общегосударственных, региональных, местных интересов; любые полномочия, закреплённые за муниципальным уровнем, обязательно подкрепляются надлежащими материальными и финансовыми активами; деятельность муниципальных органов строится на строгом соблюдении закона предписаний, а также на уважении и защите прав и свобод человека и гражданина; процессы принятия и реализации решений носят открытый характер, информация о деятельности органов МСУ доступна населению; муниципальные структуры несут ответственность перед государством, перед местным сообществом, а также перед физическими и юридическими лицами; гарантированный государством комплекс мер по содействию развитию местного самоуправления, включая правовую, организационную и материальную помощь; учет исторически сложившихся устоев, культурных особенностей и местных традиций [2, с. 122–123].

Принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ) знаменует собой новый этап в развитии муниципального права России. В нем впервые на уровне федерального закона в отдельной статье закреплены принципы правового регулирования местного самоуправления. Ранее (в утратившем силу ФЗ № 131-ФЗ) подобная статья отсутствовала, а принципы

выводились из отдельных норм закона и конституционных положений. Полагаем, что норма статьи 4 Закона № 33-ФЗ призвана устранить правовую неопределенность и обеспечить единообразное понимание основ муниципального регулирования в контексте конституционной реформы 2020 года и создания единой системы публичной власти.

Итак, законодатель нормативно закрепил следующую систему принципов правового регулирования местного самоуправления:

1) Принцип относительной автономии, который используется для описания способности местной власти принимать решения в сфере своей компетенции без вмешательства со стороны государственной власти. Часть 1 статьи 4 Закона № 33-ФЗ определяет, что «местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно». Аналогичное положение фигурирует и в статье 12 Конституции РФ. Законодательное закрепление данного принципа в отраслевом законодательстве соответствует доктрине муниципального права и сложившейся судебной практике. Так, согласно правовой позиции КС РФ, сформулированной в Постановлении от 24.01.1997 № 1-П, Постановлении от 30.11.2000 № 15-П, у органов местного самоуправления есть право на самостоятельность, которое государство не вправе нарушать. Суд указал, что «вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти...». Этому праву коррелирует обязанность органов государственной власти создавать необходимые условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление.

На обязательство невмешательства государства в дела местного сообщества, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, указывает КС РФ и в Постановлении от 29.03.2011 № 2-П, отмечая, что самостоятельность МСУ ограничена общими принципами его организации, установление которых относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, а также определяется его компетенцией, которая устанавливается на основании Конституции РФ.

Исходя из теории Дворкина, местное самоуправление должно существовать и быть самостоятельным потому, что это требование справедливости и уважения права локального сообщества на автономию. Соответственно, даже если самостоятельность муниципалитетов порождает дублирование функций, неэффективные решения, либо обходится государству дороже, отказ от принципа не возможен, поскольку, право, по Дворкину, должно быть цельным: оно не может сегодня признавать автономию муниципальной власти, а завтра отменять её по причинам экономии, эффективности или ради иной политической целесообразности. Только в таком случае рассматриваемый принцип перестаёт быть декларацией и становится реальной правовой гарантией.

Отмечаемое рядом авторов «доктринальное напряжение из-за дисбаланса между декларируемой самостоятельностью муниципалитетов и их реальной включённостью в вертикаль управления» [7, с. 2], по нашему мнению, не противоречит рассматриваемому принципу: автономия муниципальной власти не абсолютна, органы МСУ действуют в рамках единой системы публичной власти и их полномочия имеют определённые пределы, задаваемые законодателем. Характерный для муниципального управления дуализм порождает правовые конфликты, в разрешении которых судебная практика (особенно КС РФ) может и должна играть роль арбитра, который, признавая принцип автономии, в то же время допускает государственное вмешательство, при соблюдении строгих процедур.

Таким образом, позитивный потенциал данного принципа раскрывается при условии четкого нормативного закрепления пределов самостоятельности, обеспеченности политическими, административными и финансовыми ресурсами, наличия эффективных механизмов координации с органами государственной власти регионального и федерального уровня.

2) Принцип организационной обособленности МСУ. Во-первых, муниципальные органы они не являются органами государственной власти, не встроены в иерархическую вертикаль исполнительной власти, обладают собственной компетенцией, не производной от воли вышестоящих инстанций (ст. 12 КС РФ). Во-вторых, часть 2 статьи 4 Закона № 33-ФЗ содержит запрет на подчиненность одного органа местного самоуправления другому, который направлен против вертикальной интеграции муниципалитетов между собой (например, создание «городских округов с внутригородским делением» с субординацией), но не исключает включения ОМСУ в систему органов публичной власти.

3) Принцип законности. В частях 3,6,7 статьи 4 Закона № 33-ФЗ определена иерархия нормативных правовых актов и верховенства Конституции. Установлено, что организация МСУ основывается на Кон-

ституции РФ и регулируется федеральными конституционными законами, Законом № 33-ФЗ, другими федеральными законами, а также региональными и муниципальными актами. Закреплен безусловный приоритет Конституции РФ и Закона № 33-ФЗ при любых противоречиях – как с иными федеральными законами, так и с региональными нормами. Это означает, что Закон № 33-ФЗ приобретает высшую юридическую силу в системе федерального законодательства по вопросам организации МСУ.

4) Принцип учета местных особенностей и традиций. Часть 5 статьи 4 Закона № 33-ФЗ обязывает нормативные правовые акты всех уровней иерархии при регулировании вопросов МСУ учитывать четыре группы условий: (1) социально-экономические особенности – уровень экономического развития территории, её хозяйственно-промышленную специализацию, наличие крупных предприятий и инфраструктурных объектов, демографическую структуру и т.п., (2) природно-климатические особенности – климатическую зону, рельеф местности, сейсмическую активность, продолжительность отопительного сезона, режим естественного освещения, (3) территориальные особенности – площадь территории муниципального образования, плотность населения, транспортная доступность, наличие особо охраняемых природных территорий, и проч., (4) традиции – исторически сложившиеся способы общинного самоуправления (например, у коренных малочисленных народов), культурные обычаи. Кроме того, правовое регулирование должно обеспечивать решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Данный принцип ранее декларировался лишь в науке, а теперь получил прямое нормативное закрепление. Диссертационное исследование А.С. Милосердова (2016 г.) «Учет исторических и иных местных традиций как принцип в системе организации местного самоуправления» затрагивает проблемы конкретизации данного принципа и его места в системе принципов местного самоуправления. Вместе с тем, даже спустя почти десятилетие после защиты этой диссертации муниципальное право не выработало общепринятых критериев оценки «учёта».

Полагаем, надлежащая реализация рассматриваемого принципа требует, как минимум, разработки методических рекомендаций (на уровне Минюста России или Минэкономразвития России) по оценке «учёта местных особенностей» в нормативных правовых актах, затрагивающих интересы муниципальных образований.

Некоторые критерии может предложить судебная практика. К примеру, в КС РФ в Постановлении от 03.07.2019 № 26-П по жалобе администрации городского округа Верхняя Пышма, которая оспаривала нормы, возлагающие на муниципальное образование обязанность возмещать гражданину за счёт местного бюджета ущерб, причинённый в связи со сносом построек, возведённых на земельном участке, предоставленном ещё местными органами государственной власти РСФСР, суд фактически указал, что необходимо учитывать исторические особенности формирования земельных отношений на конкретной территории.

Следует отметить, что принцип учета местных особенностей и традиций законодатель сформулировал довольно узко – сделав акцент на правотворческом аспекте, адресовал его преимущественно законодателю. Закон ничего не говорит о том, обязаны ли суды, органы исполнительной власти органы местного самоуправления, реализующие свои полномочия учитывать местные особенности при принятии индивидуальных решений. Формально эта обязанность на них не возложена. Например, суд, рассматривая спор о законности муниципального правового акта, обязан оценить, учёл ли законодатель местные особенности при его принятии, но не обязан исходить из местных традиций при выборе толкования нормы или при разрешении дела по аналогии права. В науке принцип учёта местных традиций всегда трактовался шире – как общее начало организации и деятельности местного самоуправления, обязательное для всех участников муниципальных правоотношений.

5) Принципы, касающиеся финансирования, закреплены в частях 8–10 5 статьи 4 Закона № 33-ФЗ:

- расходные обязательства по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения исполняются за счет средств местных бюджетов (исключение – субвенции и дотации),
- запрет на возложение на муниципальное образование обязанности финансировать расходы, возникшие при осуществлении полномочий органов государственной власти или иных муниципальных образований,
- принцип соответствия полномочий ресурсам: разграничение полномочий между уровнями публичной власти обеспечивается соответствующими финансовыми средствами и материальными ресурсами.

В этой связи представляет интерес Постановление КС РФ от 02.04.2026 № 20-П по вопросу администрации г. Братска относи-

тельно того, кто должен оплачивать создание инженерной и транспортной инфраструктуры к земельным участкам, бесплатно предоставляемым многодетным семьям. Суть проблемы в том, что предоставление земли многодетным – это мера государственной поддержки семьи, материнства и детства; по смыслу ст. 132 Конституции, статьи 18 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ и Закона № 33-ФЗ, если государство хочет реализовать социальную гарантию через муниципалитеты, оно должно наделить его соответствующими полномочиями и передать финансирование – субвенции; однако по сложившейся практике финансовое бремя возлагается на ОМСУ без надлежащих средств. Согласно поступившей в КС РФ жалобе, городской суд обязал муниципалитет расчистить заросший лесом участок и обеспечить его всей необходимой инфраструктурой – электро-, тепло-, газо- и водоснабжением, ссылаясь на региональный закон, относивший эти вопросы к зоне ответственности муниципалов. КС РФ указал, что инфраструктурное обеспечение относится к полномочиям как органов МСУ, так и органов государственной власти регионов, а возложение такой обязанности исключительно на МСУ и отказ в софинансировании соответствующих мероприятий недопустимы.

В правовой доктрине принципы, касающиеся финансирования муниципалитетов, как правило, рассматриваются с точки зрения гарантии автономии и обеспечения интересов местного населения. Исходя из этого, ключевые аспекты, обеспечивающие финансовую автономию органов местного самоуправления следующие: достаточные собственные ресурсы и свободное распоряжение ими; обеспеченность новых полномочий эквивалентными ресурсами; наличие механизмов выравнивания бюджета местных властей, находящимися в разных социально-экономических и географических условиях; потенциальный дефицит; запрет на осуществление какого-либо финансового контроля одним органом местного самоуправления над другим.

6) Принцип нетождественности муниципального образования административно-территориальной единицы, закрепленный впервые на федеральном уровне в части 11 статьи 4 Закона № 33-ФЗ. Этот принцип разрывает традиционную для России связь между муниципальным устройством и административно-территориальным делением.

7) Принцип допустимости дистанционного взаимодействия различных уровней публичной власти закреплён в ч. 4 ст. 4 Закона № 33-ФЗ, согласно которой органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте РФ, могут использовать дистанционные формы взаимодействия и участия в заседаниях (что должно быть предусмотрено в муниципальных правовых актах), что не отменяет, но дополняет традиционные (очные) формы публичной деятельности.

8) Принцип стабильности общих принципов: согласно части 12 статьи 4 Закона № 33-ФЗ изменение общих принципов организации МСУ, закрепленных в Законе № 33-ФЗ, возможно не иначе как путем внесения изменений в указанный закон. Формально это запрещает изменение этих принципов подзаконными актами или законами субъектов РФ. Однако федеральный законодатель может изменить их в любой момент, что делает принцип скорее технико-юридическим, чем материальным ограничением.

Итак, проведенный анализ показал, что законодатель при формулировании принципов правового регулирования местного самоуправления опирался на устоявшиеся доктринальные положения, подтвержденные многолетней судебной практикой. Такие принципы, как ограниченная автономия (самостоятельность); организационная обособленность; финансовая (ресурсная) обеспеченность; учёт местных особенностей и традиций нашли свое отражение и в тексте закона, и в перечне признаваемых большинством ученых общих принципов.

Вместе с тем, такие признаваемые доктриной принципы как сочетание общегосударственных, региональных и местных интересов; ответственность органов МСУ; многообразие форм самоуправления; гласность (открытость); государственные гарантии и поддержка не закреплены вовсе. Вместе с тем, многообразие форм самоуправления может косвенно выводиться из ч. 3 и ч. 4, статьи 4 Закона № 33-ФЗ; гласность (открытость) – из ст. 3 федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», государственные гарантии и поддержка – закреплены в ст. 133 Конституции РФ. Причина отсутствия указанных принципов в норме статьи 4 Закона № 33-ФЗ, вероятно, в том, что законодатель стремился сформулировать перечень принципов именно правового регулирования, а не общих принципов местного самоуправления как института. Вместе с тем, отсутствие принципа сочетания общегосударственных, региональных и местных интересов может рассматриваться как пробел, поскольку именно этот принцип лежит в основе дуализма муниципальной власти.

Законодатель ввёл три новых принципа, ранее не выделявшихся в классических доктринальных перечнях: принцип нетождественности муниципального образования административно-территориальной единице; принцип дистанционного взаимодействия и принцип стабильности общих принципов.

Представляется целесообразным дополнить положения статьи 4 Закона № 33-ФЗ принципами гласности, ответственности ОМСУ, и сочетания общегосударственных, региональных и местных интересов; разработать методические рекомендации по оценке «учёта местных особенностей» в нормативных правовых актах, затрагивающих интересы муниципальных образований.

Литература

1. Сивицкий В.А. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона: монография / В.А. Сивицкий, А.В. Ильин. – М.: Юстицинформ, 2021. – 232 с.
2. Шульц А.Э. Принципы местного самоуправления в новом Федеральном законе от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 121–126.
3. Булах Е.В. Принципы местного самоуправления как основа муниципального строительства в современной России // Вологодские чтения. 2007. № 62–1. С. 46–50.
4. Михеева И.В. Принципы правового регулирования разрешительных процедур как основа эффективного государственного управления // Российский юридический журнал. – 2019. – № 2(125). – С. 8–14.
5. Султанов Е.Б. Принципы местного самоуправления и муниципально-правовое регулирование // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. № 4. С. 56–62.
6. Ахьядов И.И. Постоянная законодательная эволюция как феномен российского местного самоуправления // Образование и право. 2026. № 3. С. 128–135.
7. Конева Н.С. Системные противоречия конституционной модели местного самоуправления России: имманентная диалектика доктрины и практики // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 04. С. 2–6.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Akhyadov I.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the principles of legal regulation of local self-government as fundamental principles determining the content and direction of development of municipal law, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and Article 4 of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority." The purpose of this article is to analyze the content of legally enshrined principles of legal regulation of local self-government and their relationship with classical doctrinal approaches, as well as to assess potential implementation challenges. The methodological basis is formed by formal legal and comparative legal methods, a systemic analysis of regulatory provisions and doctrinal sources, and a summary of the case law of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is concluded that the legislator relied heavily on established doctrinal provisions; however, a number of fundamental doctrinal principles were not directly enshrined in law. A number of proposals aimed at improving legislation and law enforcement practice are made.

Keywords: local self-government; legal regulation; unified system of public authority; principles of local self-government regulation; local self-government autonomy.

References

1. Sivitsky V.A. Principles of legal regulation in the structure of federal law: monograph / V.A. Sivitsky, A.V. Ilyin. – M.: Yustitsinform, 2021. – 232 p.
2. Shults A.E. Principles of local self-government in the new Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ // Education. Science. Scientific Personnel. 2025. No. 2. Pp. 121–126.
3. Bulakh E.V. Principles of local self-government as the basis for municipal construction in modern Russia // Vologda Readings. 2007. No. 62–1. Pp. 46–50.
4. Mikheeva I.V. Principles of legal regulation of licensing procedures as the basis for effective public administration // Russian Law Journal. – 2019. – No. 2(125). – P. 8–14.
5. Sultanov E.B. Principles of local self-government and municipal-legal regulation // Uchen. zap. Kazan. University. Series. Humanitarian sciences. 2011. No. 4. P. 56–62.
6. Akhyadov I.I. Constant legislative evolution as a phenomenon of Russian local self-government // Education and Law. 2026. No. 3. P. 128–135.
7. Koneva N.S. Systemic contradictions of the constitutional model of local self-government in Russia: the immanent dialectic of doctrine and practice // Municipal service: legal issues. 2025. No. 04. P. 2–6.

Противодействие экстремизму в интернете: международные практики и правовые инструменты

Бархатов Владислав Евгеньевич,
аспирант кафедры частного права, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления»

В современном мире Интернет стал мощным инструментом коммуникации и обмена информацией, но одновременно представляет угрозу в виде распространения экстремистских идей, призывов к насилию и дискриминации. Возрастает необходимость разработки эффективных административно-правовых мер для борьбы с этими проявлениями, чтобы обеспечить безопасность общества и соблюдение законных интересов граждан.

Автор отмечает, что противодействие распространению экстремизма в сети Интернет – новая мера регулирования, продиктованная стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий и активным использованием сети Интернет.

Целью настоящей научной работы является анализ административно-правовых мер, направленных на противодействие распространению экстремистских проявлений в сети Интернет. В статье рассматриваются современные правовые механизмы, их эффективность и проблемные аспекты реализации. В работе выявлены особенности административного регулирования в цифровой среде и предложены пути совершенствования законодательства.

В качестве методов исследования автор использовал комплексный подход, включающий правовой анализ нормативных актов, и научных источников, а также, сравнительно-правовой метод, для определения лучших мировых практик борьбы с интернет-экстремизмом. Для выявления актуальных проблем применялись методы качественного анализа и системного подхода, что позволило комплексно оценить эффективность существующих мер и сформировать рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: Интернет; информационная безопасность; противодействие экстремизму; административная ответственность; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; репосты; поиск запрещённой информации; экстремистские материалы; цензура; интернет-экстремизм; информационные технологии; искусственный интеллект.

Развитие информационных технологий и распространение интернета увеличивают риск распространения экстремистских материалов, вызывающих насилие и межнациональную рознь, что угрожает стабильности общества. Необходимо разработать эффективные административно-правовые меры противодействия этим угрозам, что делает тему особенно актуальной.

Автор постарался надлежащим образом определить границы и формы административно-правовых мер по противодействию экстремистским проявлениям в интернете, проанализировать эффективность действующего административного рычага противодействия.

Была предпринята попытка по разработке и обоснованию эффективных административно-правовых механизмов для борьбы с распространением экстремистских проявлений в сети Интернет. В рамках исследования рассмотрены разные подходы и меры, применяемые в различных странах, с целью выявления лучших практик. Предложенные механизмы позволяют повысить оперативность и эффективность реагирования на противоправный контент.

Объектом исследования являются правовые отношения, связанные с борьбой с экстремизмом в сети Интернет, а также административные меры, применяемые к субъектам, распространителям экстремистских материалов.

Предметом исследования – правовые нормы, механизмы и процедуры административного регулирования, а также практические аспекты их применения в контексте противодействия экстремизму в интернет-пространстве.

Новизна исследования заключается в разработке новых подходов к балансировке правовых мер и сохранению свободы слова при борьбе с экстремизмом, внедрению современных методов мониторинга и блокировки экстремистских материалов в сети, в предложении усовершенствованных административных санкций, адаптированных к цифровым реалиям.

В рамках борьбы с экстремистскими проявлениями в цифровой среде применяются статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), регулирующие административную ответственность за распространение и демонстрацию экстремистских материалов. Рассмотрим основные положения, их практическое значение и возможные проблемы применения.

Ст. 20.29 КоАП РФ: Производство и распространение экстремистских материалов

Данная статья предусматривает ответственность за производство, распространение, а также репосты и публикации экстремистских материалов в интернете и социальных сетях. Важной особенностью является охват различных форм информационной деятельности, включая перепосты, что подчеркивает расширение ответственности на виртуальные действия пользователей. Практика показывает, что данная статья применяется наиболее активно, однако возникают сложности в установлении фактических обстоятельств (например, идентификация конкретных лиц, совершивших распространение), а также в разграничении между законной критикой и экстремистской деятельностью.

Ст. 20.3 КоАП РФ: Публичная демонстрация нацистской или экстремистской символики

Ответственность за публичное демонстрирование нацистской, экстремистской символики включает показ изображений, символов или атрибутики, прославляющих экстремизм. Статья актуальна, поскольку очень часто подобные проявления фиксируются в интернете, в том числе в мемах, видеороликах и публикациях. Проблемой является необходимость четкого определения «публичности» и границ допустимого, а также баланс между защитой прав и свобод граждан и пресечением экстремистских проявлений.

Ст. 13.53 КоАП РФ: Умышленный поиск и доступ к экстремистским материалам

Эта статья, актуализированная в 2025 году, введена для пресечения инициатив по целенаправленному поиску и доступу к экстремистским материалам. Она ориентирована на предотвращение несанкционированного проникновения в черные списки и ресурсы. Важной особенностью является расширение ответственности на активных пользователей интернета, что вызывает дискуссии о соразмерности мер власти и прав граждан на информационную свободу.

Ст. 13.15 КоАП РФ: Распространение недостоверной информации, выражающей неуважение к обществу или государству

Данная статья дополняет список инструментов борьбы с квази-экстремистскими проявлениями, такими как распространение недостоверных данных, содержащих признаки неуважения к обществу или государству. В современных условиях она применяется для пресечения «информационных провокаций», разжигающих межнациональную или межконфессиональную рознь. В практике возникают вопросы о границах свободы слова и о необходимости точной дефиниции «недостоверной информации». [1]

Анализ показывает, что КоАП РФ предусматривает меры ответственности за экстремизм в интернете, однако на практике возникают проблемы с доказыванием, разграничением экстремизма и свободы слова, а также требуется постоянное обновление законодательства из-за изменений в цифровой среде.

Ужесточение мер против экстремистских материалов в интернете делает эту задачу приоритетом государственной политики в сфере информационной безопасности. Эксперты отмечают, что изменения законодательства направлены на эффективную фильтрацию контента и снижение рисков вовлечения граждан в противоправную деятельность. Важно сохранять баланс между защитными мерами и свободой распространения законной информации. Актуальные разъяснения и правовую аналитику по этим мерам в 2025–2026 годах публикуют:

– Эксперты правовых систем «КонсультантПлюс» и «Гарант» (подробный разбор ответственности за использование VPN для доступа к запрещенному контенту). [2] [3] [4]

– Аналитики юридических фирм (например, АЛРУД), освещающие риски для бизнеса и частных лиц в условиях ужесточения контроля за интернет-трафиком. [5]

– Эксперты Сбербанка об опасности вовлечения детей в экстремистскую деятельность посредством сети Интернет. [6]

– Представители профильных ведомств, такие как Александр Гребенкин (заместитель секретаря Совбеза РФ), представляющий Стратегию противодействия экстремизму, обновленную с 2025 года. [7]

В диссертации 2025 г. канд. юрид. наук Корольчука А.В. приведена статистика: «Так, в 2019 г. в нашей стране было зарегистрировано 2 991 административное правонарушение данной группы, в 2020 г. – 3 527 (прирост 17,9%), в 2021 г. – 4 241 (прирост 20,2%), в 2022 г. – 4 972 (прирост 17,2%), в 2023 г. – 4 688 (снижение на 5,7%). Снижение показателей административной практики полиции по составу правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), может быть объяснено инкорпорацией в Кодекс новых, смежных с ним деликтов экстремистского характера, имеющиеся факты пресечения которых на сегодняшний день не отражаются в статистических показателях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) При этом возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ, в пятилетней ретроспективе имеет однозначный тренд к существенному росту. В 2019 г. полицией пресечено 1985 таких правонарушений, в 2020 г. – 2274 (прирост 14,6%), в 2021 г. – 3294 (прирост 44,8%), в 2022 г. – 4347 (прирост 32%), в 2023 г. – 4378 (прирост 0,7%).» [23 с. 3]

При обращении автора на сайт ФКУ «ГИАЦ» МВД России, удалось получить актуальную статистику по данной категории правонарушений январь–декабрь 2025 года: «Как ранее заявил Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев, впервые за последние годы в России сократилось количество преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий. Это стало результатом совместных усилий всех взаимодействующих органов власти.

Данная позитивная тенденция сохранилась и в последующие месяцы. В результате по итогам 2025 года преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано на 11,8% меньше, чем в 2024 году, в том числе категории тяжких и особо тяжких – на 4,6%. Количество дистанционных краж снизилось на 23,6%, дистанционных мошенничеств – на 9%, а преступлений в сфере компьютерной информации – на 42,2%.» [8]

Отдельной статистики по статьям: ст. 20.3 КоАП РФ, ст. 13.53 КоАП РФ, ст. 13.15 КоАП РФ автору найти не удалось, но, поскольку данные статьи входят в статистику МВД, можно сделать предположение, что административные правонарушения в данном сегменте так же имеют тенденцию к снижению, так как к моменту написания статьи Роскомнадзор активно блокирует сайты при выявлении экстремистских материалов, заблокированы некоторые социальные сети (Facebook*, Instagram* – принадлежит компании Meta*, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ).

Автор отмечает, что в 2025–2026 годах административно-правовое противодействие экстремизму в интернете усилилось, охватывая не только распространение, но и поиск запрещенного контента. Для борьбы используются штрафы, блокировки сайтов и мониторинг информационного пространства. Однако процедура блокировки ресурсов и обращение в Роскомнадзор сталкиваются с проблемами: нарушается работа цифровых платформ и ограничиваются права граждан. Запретить доступ к контенту полностью сложно, особенно если ресурсы размещены за пределами РФ и владельцы сайтов игнорируют требования правоохранительных органов.

Вторая проблема обусловлена тем, что механизмы блокировки изначально разрабатывались для печатных материалов, а в цифровой среде осуществляется публикация информации намного быстрее, чем её можно пресечь или удалить, что усложняет контроль.

Третья важная проблема – расплывчатость определения «экстремистские материалы» в российском законодательстве. Описание в законе «О противодействии экстремистской деятельности» слишком общее и не соответствует международным научным определениям, что затрудняет идентификацию экстремистских материалов. Из-за этого публичные призывы к экстремизму могут восприниматься как свобода слова, что усложняет регулирование.

Четвёртая проблема связана с большой однородностью содержания на многочисленных сайтах и их копиях, а также обилием материалов, размещённых на платформах. Такой объём делает невозможным своевременное рассмотрение каждого материала в судебном порядке для определения его признания или недопустимости, что существенно усложняет задачу контроля и блокировки.

Пятая проблема связана с новой, вступившей в силу 1 сентября 2025 ст. 13.53 КоАП РФ: Умышленный поиск и доступ к экстремистским материалам. Уже в ноябре 2025 года в городе Каменск-Уральский было заведено первое административное дело по данной статье. Двадцатилетний студент, наткнулся на статью, посчитал данный контент для себя неприемлемым и закрыл страницу. Тем не менее, ему был присужден штраф в размере 3 000 рублей несмотря на то, что вину обвиняемый не признал, поясняя, что обнаружил информацию случайно и единожды. [9]

Главное условие применения ст. 13.53 КоАП РФ – наличие умысла. Случайный переход по ссылке не должен наказываться, доказывать умысел обязаны правоохранительные органы. Для применения санкций по данной статье, нужны более убедительные доказательства умышленности, например, последующее распространение найденной информации или её сохранение. Само ознакомление с информацией, даже экстремистской направленности, не означает, что человек эту информацию принимает как норму и согласен с ней.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что государственным органам необходимо сосредоточиться на пресечении деятельности авторов материалов, признанных экстремистскими. Однако при этом важно подходить к этому вопросу с трезвой и обоснованной оценкой размещённых материалов. В первую очередь, необходимо анализировать содержание высказывания, а также его стиль. Не менее важно учитывать контекст, в котором оно было сказано, включая как общий (политический, исторический и т.п.), так и локальный – обстоятельство происхождения высказывания и характеристику аудитории, на которую оно было адресовано. Не менее значимо оценивать личность оратора: его влияние, наличие официального статуса, профессиональный фон, а также отношение к теме высказывания. Также необходимо учитывать его умысел, то есть намерение, с которым был сделан данный комментарий или высказывание, хотя зачастую определить его бывает достаточно сложно. Важную роль играет и возможный риск негативных последствий, связанных с публикацией материала, однако этот аспект не должен становиться единственным критерием оценки.

Степень публичности – ещё один ключевой фактор. В особенности это актуально для интернета: сообщения, отправленные в личный email, могут быть доступны только определённой группе людей, тогда как аккаунты в социальных сетях или на сайтах могут иметь различный уровень открытости. Открытые страницы, доступные всем, воспринимаются как публичные, тогда как страницы в режиме «только для друзей» или с паролем также могут оказывать значительное влияние, несмотря на ограниченность доступа. Читательская аудитория таких ресурсов может сильно различаться по размеру и степени открытости. В Российском Уголовном кодексе существующее понимание публичности чаще всего сводится к бинарной категории – «да» или «нет». Однако данные подходы игнорируют фактические особенности распространения информации. На практике следует рассматривать публичность как параметр, который может меняться по степени открытости, охватывать широкий диапазон и быть значительно неоднородным.

Проблема распространения экстремистских материалов в сети Интернет является глобальной и актуальной для многих стран. Анализ международного опыта показывает разнообразие подходов – от жесткой цензуры и блокировок до использования современных технологий искусственного интеллекта для выявления и удаления экстремистского контента. Изучение успешных практик других государств помогает формировать эффективные стратегии и совершенствовать национальные механизмы противодействия интернет-экстремизму. Такой обмен опытом способствует развитию международного сотрудничества в защите информационного пространства.

Автор считает, что для получения более полной картины проблемы необходимо провести сравнительный анализ методов борьбы с распространением экстремистских материалов в интернете в различных странах.

Россия и Китай – примеры стран с жестким регулированием цифрового пространства, однако их механизмы существенно отличаются по структуре, методам и уровню реализации (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение механизмов борьбы с распространением экстремистских материалов в сети Интернет в России и Китае

Аспект	Россия	Китай
Законодательство	Закон о противодействии экстремизму, административный кодекс	Закон о кибербезопасности, законы о цензуре и регулировании интернета
Основные механизмы	Блокировка сайтов, административные штрафы, судебные решения	Массовая цензура, фильтрация, автоматизированные системы мониторинга
Технологии	Ручное и автоматизированное удаление контента	Алгоритмы искусственного интеллекта, большие базы данных цензуры
Контроль и исполнение	Государственные органы, суды, Роскомнадзор	Городские органы, интернет-компании, национальные системы цензуры
Эффективность	Высокая блокируемость отдельных ресурсов, ограниченные меры по контролю за активностью	Высокая степень контроля, блокировка доменов и платформ в режиме реального времени

Административно-правовое противодействие экстремизму в интернете в Китае основано на жестком государственном контроле («Золотой щит»), строгой цензуре и обязательной регистрации пользователей под реальными именами. Система включает автоматизированную фильтрацию контента, оперативное удаление материалов и административную ответственность для платформ и пользователей за распространение деструктивной информации. В Китае не принято наказывать пользователей за чтение в сети Интернет нежелательного контента, но поиск такого контента весьма затруднён. [10]

По результатам проведённого анализа можно сказать, что обе страны используют жесткие административные механизмы для ограничения распространения экстремистских материалов через интернет, при этом реализуют их с разной степенью автоматизации и с отличающимися методами контроля. В России predominant механизм – блокировка ресурсов и штрафные санкции, в Китае – комплексная автоматизированная система цензуры и активное применение технологий искусственного интеллекта.

Как уже заявлено выше, распространение экстремистского контента в сети Интернет и противодействие ему – это международная проблема и борются с противоправной деятельностью все страны. Методы и инструменты во многом схожи, но есть и отличия.

Проведя анализ иностранных сайтов, автор пришел к выводу, что в сравнении с другими странами, Россия использует менее комплексные и автоматизированные методы регулирования.

Согласно актуальным данным на начало 2026 года, эксперты и международные организации (такие как Valens Global и Europol) выделяют группу стран, чьи методы борьбы с онлайн-экстремизмом и терроризмом считаются наиболее эффективными.

Страны-лидеры по эффективности (Рейтинг 2026)

1. Германия: Применяет крайне жесткое законодательство (в частности, Network Enforcement Act – NetzDG), обязывающее платформы оперативно удалять незаконный контент. Акцент делается на борьбе с крайне правым экстремизмом и его «цифровыми ячейками», что подтверждается активными полицейскими операциями против сетевых групп в 2025–2026 гг.. [11]

2. США: Основное внимание уделяется борьбе с распространением внутренней радикализации, white supremacist экстремизма и ис-

пользованием Telegram (Terrorgram Collective) для вербовки. Применяется подход, сочетающий действия разведки и работу с IT-компаниями для анализа новых угроз. [12]

3. Франция: Активно развивает методы превентивной борьбы, используя ИИ для раннего выявления радикализации молодежи в онлайн-пространстве. Франция находится в числе стран, наиболее часто подвергающихся угрозам, что вынуждает ее лидировать в разработке цифровых инструментов противодействия. [13]

4. Сингапур: Считается лидером по внедрению технологических решений для мониторинга угроз и быстрого реагирования на онлайн-пропаганду. [14]

5. Европейский союз (как система): Europol отмечает, что в 2025–2026 гг. страны ЕС (особенно через механизм EU TE-SAT) эффективно внедряют комплексный подход, блокируя использование ИИ для создания пропаганды и привлечения молодежи (цифровое «on-life» пространство). [15] [16]

Ключевые современные методы борьбы с распространением экстремистского контента (2025–2026 гг.):

Мониторинг игровых платформ: В 2025 году Europol провел масштабную операцию по очистке игровых чатов от пропаганды, в которой участвовали Дания, Финляндия, Германия и другие страны ЕС. Было удалено более 6500 ссылок на экстремистские материалы. [17]

ИИ и алгоритмическая фильтрация: Ведущие страны внедряют Code of Conduct (кодексы поведения) для онлайн-платформ, обязывая их использовать ИИ для автоматического распознавания символики и манифестов радикальных групп. [18]

Создание контрнарративов: Страны ЕС и ООН делают ставку на «позитивный контент», поддерживая кампании гражданского общества, которые разоблачают идеологию экстремизма непосредственно в тех же цифровых пространствах, где происходит вербовка. [19]

Цифровые профили и биометрия: В России в 2025–2026 годах активно внедряется система цифровых профилей и реестров для мониторинга подозрительной активности в миграционной среде и интернете – «Цифровой профиль иностранного гражданина». [20]

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что борьба с распространением экстремистских материалов в сети Интернет является важнейшей задачей современного информационного пространства. Анализ правовых и технических методов, используемых в России, Китае, а также странах Европы и других регионах, показал значительные различия в подходах и степени их эффективности. В то время как Китай активно внедряет автоматизированные системы цензуры и искусственный интеллект, российская практика остается более ограниченной и менее автоматизированной. Проведённый сравнительный анализ международного опыта убедительно свидетельствует, что Россия пока не занимает лидирующих позиций в борьбе с интернет-экстремизмом, и ее механизмы требуют дальнейшего совершенствования. Важность межгосударственного обмена опытом и международного сотрудничества в этой сфере подчеркивается как ключевой фактор повышения эффективности противодействия экстремизму в цифровой среде.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Компаниям, испытывающим трудности при работе с VPN-сервисами из-за блокировок запрещенных ресурсов, рекомендуется обращаться в Роскомнадзор [Электронный ресурс]. // Консультант-Плюс: официальный сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hot-docs/82181.html> (дата обращения: 21.03.2026).
3. Использование VPN: законно или нет? [Электронный ресурс]. // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/article/1845542/> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Штрафы вместо лайков: кому и какую рекламу запретили размещать в заблокированных соцсетях [Электронный ресурс]. // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/article/1845542/> (дата обращения: 05.04.2026).
5. Публикации: [официальный сайт юридической фирмы АЛРУД]. – Москва, 2024–2026 [Электронный ресурс]. // Официальный сайт юридической фирмы АЛРУД. – URL: <https://www.alrud.ru/publications> (дата обращения: 05.04.2026).
6. Как защитить детей от интернет-вовлечения в незаконную деятельность [Электронный ресурс]. // СберБанк: официальный сайт. – URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/articles/kak-zashchitit-detej-ot-internet-vovlecheniya-v-nezakonnuyu-deyatelnost> (дата обращения: 04.04.2026).

7. Гребенкин, А. Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин: [интервью РИА Новости] [Электронный ресурс]. // Совет Безопасности Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (дата обращения: 05.04.2026).

8. Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. (дата обращения: 05.04.2026).

9 Жителя Каменска-Уральского оштрафовали за просмотр символики запрещенного «Азова»* (Организация входит в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими) в интернете [Электронный ресурс]. // – 2024. – 30 сент. – URL: <https://ku66.ru/> (дата обращения: 06.04.2026).

10. В Китае тоже есть штрафы за поиск экстремистской информации: [электронный ресурс]. // Вфокусе Mail: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3TFKbM> (дата обращения: 06.04.2026).

11. Резкий рост числа выявляемых экстремистских постов: Федеральное ведомство по уголовным делам проводит крупномасштабные операции против разжигателей ненависти: [электронный ресурс]. // DW: [сайт]. – URL: <https://www.dw.com/ru/policia-frg-provodit-spcoperaciu-protiv-razzigatelej-nenavisti-v-internete/a-73029068> (дата обращения: 23.04.2026).

12. Гартенштейн-Росс Д., Урбан М., Уилсон К. Перекройка границ: оценка влияния «антицензурного» законодательства на террористический контент, разжигание ненависти/преследование и дезинформацию: [электронный ресурс]. // Valens Global. – URL: <https://valensglobal.com/redrawing-the-lines/> (дата обращения: 05.04.2026).

13. Франция возглавляет кампанию государств-членов по смягчению европейского регулирования искусственного интеллекта: [электронный ресурс]. // Investigate Europe: [сайт]. – URL: <https://www.investigate-europe.eu/posts/france-spearheads-member-state-campaign-dilute-european-artificial-intelligence-regulation> (дата обращения: 23.04.2026).

14. About Singapore International Cyber Week: [site] / Cyber Security Agency of Singapore [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sicw.gov.sg/about-sicw/> (дата обращения: 23.04.2026).

15. European Union Terrorism Situation and Trend Report 2025 (TE-SAT): [site] / Europol. – 2025. URL: ISBN 978-92-9414-028-9 ISSN 2363-0876 I | QL-01-25-010-EN-N – [Электронный ресурс]. (дата обращения: 05.04.2026).

16. Отчет Европейского союза о ситуации и тенденциях в сфере терроризма за 2025 год (EU TE-SAT): [электронный ресурс]. // Europol: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3TFLE> (дата обращения: 05.04.2026).

17. Operation «Endgame»: [site] / Europol [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.europol.europa.eu/how-we-work/operations/operation-endgame> (дата обращения: 05.04.2026).

18. Ван Гинкель Б., Боэрма Я., Мехра Т. Ван Гинкель Б., Боэрма Я., Мехра Т. Чтение между строк: важность модераторов-людей для модерации неявного экстремистского контента в интернете: [электронный ресурс]. // International Centre for Counter-Terrorism: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3TFM5h> (дата обращения: 05.04.2026).

19. Lessons Learned from Alternative Narrative Campaigns: [site] / European Commission [Электронный ресурс]. – URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24810%E2%8C%A9%3Den> (дата обращения: 05.04.2026).

20. О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: указ Президента Рос. Федерации от 09.07.2025 № 467 [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507090019> (дата обращения: 06.04.2026).

21. Корольчук, А.В. Административно-правовое обеспечение противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет: автореф. дис. канд. юрид. наук: 5.1.2 / Корольчук Андрей Владимирович. – Санкт-Петербург, 2023. – 29 с. – 2023. – 29 с.

COUNTERING EXTREMISM ON THE INTERNET: INTERNATIONAL PRACTICES AND LEGAL INSTRUMENTS

Barkhatov V.E.

State University of Management

In the modern world, the internet has become a powerful tool for communication and information exchange, but it also poses a threat in the form of the spread of extremist ideas, calls for violence, and discrimination. There is a growing need to develop effective administrative and legal measures to combat these manifestations in order to ensure public safety and protect the legitimate interests of citizens.

The author notes that countering the spread of extremism online is a new regulatory measure dictated by the rapid development of information and telecommunications technologies and the active use of the internet.

The purpose of this research is to analyze administrative and legal measures aimed at countering the spread of extremist manifestations online. The article examines current legal mechanisms, their effectiveness, and problematic aspects of implementation. The paper identifies the specific features of administrative regulation in the digital environment and proposes ways to improve legislation.

The author used a comprehensive research approach, including legal analysis of regulations and scholarly sources, as well as a comparative legal method, to identify best global practices in combating online extremism. Qualitative analysis and a systems approach were used to identify current issues, enabling a comprehensive assessment of the effectiveness of existing measures and the development of recommendations for their improvement.

Keywords: Internet; information security; countering extremism; administrative responsibility; Code of the Russian Federation on Administrative Offenses; reposts; search for prohibited information; extremist materials; censorship; Internet extremism; information Technology; artificial intelligence.

References

1. Kodeks Rossijskoj Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 03.02.2025) [Elektronnyj resurs]. // Ofitsial'nyj internet-portal pravovoj informatsii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 21.03.2026).

2. Kompaniyam, ispytyvayushchim trudnosti pri rabote s VPN-servisami iz-za blokirovok zapreshchennykh resursov, rekomenduetsya obrashchat'sya v Roskomnadzor [Elektronnyj resurs]. // Konsul'tantPlyus: ofitsial'nyj sayt. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/82181.html> (data obrashcheniya: 21.03.2026).

3. Ispol'zovanie VPN: zakonno ili net? [Elektronnyj resurs]. // GARANT.RU: informatsionno-pravovoj portal. – URL: <https://www.garant.ru/article/1845542/> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

4. Shtrafy vmesto lajkov: komu i kakuyu reklamu zapretili razmeshchat' v zablokirovannykh sotssetyakh [Elektronnyj resurs]. // GARANT.RU: informatsionno-pravovoj portal. – URL: <https://www.garant.ru/article/1845542/> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

5. Publikatsii: [ofitsial'nyj sayt yuridicheskoy firmy ALRUD]. – Moskva, 2024–2026 [Elektronnyj resurs]. // Ofitsial'nyj sayt yuridicheskoy firmy ALRUD. – URL: <https://www.alrud.ru/publications> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

6. Kak zashchitit' detej ot internet-vovlecheniya v nezakonnyuyu deyatel'nost' [Elektronnyj resurs]. // SberBank: ofitsial'nyj sayt. – URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibary/articles/kak-zashchitit-detey-ot-internet-vovlecheniya-v-nezakonnuyu-deyatelnost> (data obrashcheniya: 04.04.2026).

7. Gребенкин, А. Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин: [interv'y u RIA Novosti] [Elektronnyj resurs]. // Sovet Bezopasnosti Rossijskoj Federatsii: ofitsial'nyj sayt. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

8. Sostoyanie prestupnosti v Rossii [Elektronnyj resurs]. // Ministerstvo vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii: ofitsial'nyj sayt. (data obrashcheniya: 05.04.2026).

9. Zhitelya Kamenska-Ural'skogo oshtrafovali za prosmotr simboliki zapreshchenno-go «Azova»* (Organizatsiya vkhodit v edinyj federal'nyj spisok organizatsij, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsij, priznannykh v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federatsii terroristichekimi) v internete [Elektronnyj resurs]. // URL: <https://ku66.ru/> Kamensk-Ural'skij gorodskoj portal. (data obrashcheniya: 06.04.2026).

10. V Kitae tozhe est' shtrafy za poisk ekstremistskoj informatsii: [elektronnyj resurs]. // Vfokus Mail: [sait]. – URL: <https://clck.ru/3TFKbM> (data obrashcheniya: 06.04.2026).

11. Rezkij rost chisla vyavlyayemykh ekstremistskikh postov: Federal'noe vedomstvo po ugolovnym delam provodit krupnomasshtabnye operatsii protiv razzigatelej nenavisti: [elektronnyj resurs]. // DW: [sait]. – URL: <https://www.dw.com/ru/policia-frg-provodit-spcoperaciu-protiv-razzigatelej-nenavisti-v-internete/a-73029068> (data obrashcheniya: 23.04.2026).

12. Gartenshtejn-Ross D., Urban M., Uilson K. Perekrojka granits: otsenka vliyaniya «antitsenzurnogo» zakonodatel'stva na terroristichekij kontent, razzhiganiye nenavisti/presledovaniye i dezinformatsiyu: [elektronnyj resurs]. // Valens Global. – URL: <https://valensglobal.com/redrawing-the-lines/> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

13. Frantsiya vozglavlyayet kampaniyu gosudarstv-chlenov po smygacheniyu evropejskogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta: [elektronnyj resurs]. // Investigate Europe: [sait]. – URL: <https://www.investigate-europe.eu/posts/france-spearheads-member-state-campaign-dilute-european-artificial-intelligence-regulation> (data obrashcheniya: 23.04.2026).

14. About Singapore International Cyber Week: [site] / Cyber Security Agency of Singapore [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sicw.gov.sg/about-sicw/> (дата обращения: 23.04.2026).

15. European Union Terrorism Situation and Trend Report 2025 (TE-SAT): [site] / Europol. – 2025. URL: ISBN 978-92-9414-028-9 ISSN 2363-0876 I | QL-01-25-010-EN-N – [Электронный ресурс]. (дата обращения: 05.04.2026).

16. Otchet Evropejskogo soyuza o situatsii i tendentsiyakh v sfere terrorizma za 2025 god (EU TE-SAT): [elektronnyj resurs]. // Europol: [sait]. – URL: <https://clck.ru/3TFLE> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

17. Operation «Endgame»: [site] / Europol [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.europol.europa.eu/how-we-work/operations/operation-endgame> (дата обращения: 05.04.2026).

18. Van Ginkel' B., Boerma Ya., Mekhra T. Van Ginkel' B., Boerma Ya., Mekhra T. Chtenie mezhdur strok: vazhnost' moderatorov-lyudej dlya moderatsii neyavnogo ekstremistskogo kontenta v internete: [elektronnyj resurs]. // International Centre for Counter-Terrorism: [sait]. – URL: <https://clck.ru/3TFM5h> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

19. Lessons Learned from Alternative Narrative Campaigns: [site] / European Commission [Электронный ресурс]. – URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24810%E2%8C%A9%3Den> (дата обращения: 05.04.2026).

20. O gosudarstvennom informatsionnom resurse «Tsifrovoy profil' inostrannogo grazhdanina»: ukaz Prezidenta Ros. Federatsii ot 09.07.2025 № 467 [Elektronnyj resurs]. // Ofitsial'nyj internet-portal pravovoj informatsii: [sait]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507090019> (data obrashcheniya: 06.04.2026).

21. Korol'chuk, A.V. Administrativno-pravovoe obespechenie protivodejstviya rasprostraneniya ekstremistskikh materialov v seti Internet: avtor. dis. kand. yurid. nauk: 5.1.2 / Korol'chuk Andrej Vladimirovich. – Sankt-Peterburg, 2023. – 29 s. – 2023. – 29 s.

Белоус Алексей Михайлович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
E-mail: belous2177@gmail.com

Цель статьи – исследование криптовалюты, как нового явления для правотворчества. Предметом исследования являются факторы, определяющие рассмотрение криптовалюты, как нового явления для правотворчества, как широкого поля для отражения в нормативно-правовых актах данного нематериального актива. Методологию исследования определяют применяемые в статье системный анализ и формально-юридический метод.

Результаты исследования представлены в определении криптовалюты, как нового явления для правотворчества. Применения результатов может быть в области трансформации действующего законодательства о деньгах и денежной системе, а также об альтернативном денежном обращении (обращении электронных денег и криптовалюты).

Новизна исследования определяется в выявлении комплекса аспектов, определяющих рассмотрение криптовалюты, как нового явления для правотворчества.

Выводы: криптовалюта представляет собой объект гражданских правоотношений, но еще не разработаны регламенты реализации различных операций с использованием криптовалюты. В данной связи существует необходимость регулирования функционала криптовалюты; разрешения проблемы учета криптовалюты; разграничения регулируемых и нерегулируемых криптовалют, а также необходимость правового регулирования гражданского оборота, таких категорий, как категории, как блокчейн, токены, майнинг, IT-технологии.

Ключевые слова: криптовалюта, гражданские правоотношения, электронные деньги, действующее законодательство, правотворчество, денежная система.

Необходимость рассмотрения криптовалюты, как нового явления для правотворчества, обуславливается тем, что еще сравнительно недавно регулирование процесса получения криптовалюты, расчетов криптовалютой, ее учета и налогообложения и прочих аспектов отражения в нормативно-правовых актах (далее – НПА) зафиксировано не было.

До принятия Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» № 259 (далее – Закон о ЦФА) дефиниция криптовалюты подводилась под термин «денежные суррогаты». Однако, позже подходы изменился, так как ст. 27 Федерального Закона «О Центральном банке РФ (Банке России)» включает эмиссию суррогатов денежных средств.

Позиционирование криптовалюты, как нового явления для правотворчества может быть обусловлено тем, что Закон о ЦФА вступил в законную силу летом 2020 г. и в данном нормативно-правовом акте существование криптовалюты признавалось, как что-то особенное, а не только как финансового суррогата. Вместе с тем, данный нормативно-правовой акт по большей части раскрывает сущность ЦФА. Лишь четырнадцатая статья Закона посвящена цифровой валюте. В ней отмечено, что заниматься выпуском цифровой валюты (майнингом), находясь на территории России, считается нарушением закона.

Юридические лица, подразделения (филиалы) иностранных предприятий, функционирующие в РФ, физ. лица, пребывающие на территории России более 183 дней за год рассчитываться криптовалютой за продукцию, услуги, работы не могут. Отечественный законодатель это определяет, как отсутствие права принимать криптовалюту, как предоставление за передаваемые товары (оказываемые услуги, выполняемые работы) либо другой метод, подразумевающий оплату продукции (услуг, работ) криптовалютой. Следовательно, законодателем отмечена не локация, где данные расчеты вести нельзя, а реестр тех лиц, которым подобные расчеты законодательством РФ запрещаются. Вместе с тем, возможности реализации иных операций фактически не лишает производить операции в цифровой валюте, имея ввиду куплю-продажу криптовалюты, дарение, майнинг. Анализ законодательства показывает, что запрет продаж и покупок с использованием иностранной валюты, как указано в Федеральном законе № 173-ФЗ от 10.12.2003 «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – ФЗ РФ № 173) (ст. 9 ФЗ РФ № 173) не соотносится с регламентом реализации различных операций с использованием криптовалюты.

Также можно отметить, что ФЗ РФ № 173 включает ссылку на иные законы федерального уровня, которых на сегодняшний день, если и существуют, только в проектах. В положениях ст. 14 ФЗ РФ № 173 отмечено, что выпуск цифровой валюты на территории России регулируется согласно положениям федерального законодательства.

Кроме того, на территории РФ также запрещено упоминание возможности распространения сведений о распространении цифровой валюты, а получить судебную защиту по связанным с цифровой валютой вопросам можно лишь при заблаговременном оповещении об этом налоговых служб, как о фактах реализации операций с использованием криптовалюты. На сегодняшний день четкого регламента такого информирования также не существует. В российском налоговом законодательстве его в будущем необходимо прописать. Такого регулирования характеризуемого цифрового актива.

В литературе [4–6] авторами также указывается, что при правовом регулировании финансовых активов в условиях цифровизации не учитывалось появления новых объектов, в том числе и криптовалюты. Вместе с тем, исследователями [1, с. 188] отмечается, что свидетельством того, что криптовалюта входит в состав объектов правоотношений, является наличие положений законодательства, устанавливающих требования к «уставному капиталу и финансовой устойчивости операторов информационных систем», выпускающих криптовалюту, операторов, осуществляющих обмен криптовалютой, а также закрепление за центральным банком полномочий по правовому регулированию, контролю и надзору за указанной сферой деятельности.

Таким образом, видно, что регулирование криптовалюты больше соотносится с ее функционалом. Данный аспект подтверждает и А.А. Ильягуева [7], которая подчеркивает, что свойство криптова-

люты, как цифрового актива заключается в их понятии, как явление, к которому весьма сложно применить правовое регулирование с точки зрения вещного права и имущественных отношений.

Также рассмотрение криптовалюты, как нового явления для правотворчества обусловлено делением криптовалют в зависимости от наличия правового регулирования: регулируемые и нерегулируемые [2]. При этом одни авторы полагают, что цифровые активы могут быть двух указанных видов, другие же в качестве квалификационного признака криптовалюту называют «нерегулируемыми» активами, предполагая, что абсолютно все криптовалюты являются таковыми.

Действительно, в рамках одного конкретного государства криптовалюта может оказаться нерегулируемой. Однако, если характеризовать криптовалюту комплексно, то нельзя не сказать, что уже во многих государствах определено ее правовое регулирование (в том числе и запретительными нормами права).

В виртуальном мире нет связанных с действительностью природных, территориальных, технологических, временных и иных ограничений. Следовательно, все, что может быть дематериализовано, переходит постепенно в область цифровизации. Вместе с тем, на сегодняшний день с позиции нормативно-правового режима однозначного мнения о том, что является объектом рассматриваемых социальных отношений, не существует.

Цифровые активы являются многокомпонентным явлением, который, возникнув сравнительно недавно, повлек за собой активную полемику об инструментах и механизмах нормативно-правового регулирования ЦФА. В цифровом поле находится информация, которая является актуальной для лиц, желающих получить к ней доступ.

Такого же мнения придерживается ряд исследователей [9 и др.]: перед современным правом стоит проблема нормативно-правового регулирования цифровых активов, представленных данными в двоичном формате, а именно: изображениями, текстами, цифровой валютой, токенами, личными сведениями.

Вышеперечисленные объекты отличаются информационным содержанием. Проблема определения значения информации в сложной системе отечественного права сегодня до сих пор является дискуссионной.

Определение криптовалюты, как нового явления для правотворчества, определено также и тем, что параллельно с совершенствованием экономики «цифры» развивается ее масштаб и содержание. К сферам и направлениям, на которых она основывается, отнести следует производство техники, электрооборудования, телекоммуникаций, радио- и телевидения, ПО, консультационных и информационных услуг. Интернет как часть экосистемы проникает в каждую отрасль, в каждое звено социально-экономической сферы.

В эру активного развития экономики хозяйственная деятельность основывается на инфраструктуре, представленной аэропортами, авто- и ж/д коммуникациями и т.п. Цифровым технологиям требуется качественно новая, информационная инфраструктура, частью которой являются облачные и сетевые вычисления. Данные формы инфраструктур сформировали вместе условия для активного роста экономики цифровизации.

Сети с совершенствованием цифровых технологий не являются виртуальным отражением вселенной физических объектов. Синтез физического и сетевого миров базируется на единении физических и информационных систем. Это комплексная, киберфизическая система управления (сокращенно – КФС), объединяющая приводные устройства, вычисления, встроенные, сенсорные, коммуникационные, сетевые и иные системы.

Киберфизические биосистемы, совмещающие в себе воедино машины, вещи и людей сформировались параллельно с развитием дополненной (виртуальной) реальности и иных технологий.

Таким образом, технические инновации детерминировали переход прогресса в развитие, с информационной революцией и бурным цифровизации. Прорывы в искусственном интеллекте (далее – ИИ), интернете, блокчейне, сетевых вычислениях и иных информационных технологиях стимулируют активное развитие качественно нового формата хозяйственной активности на современном рынке.

Сбор, накопление, обработка, хранение и передача информации происходит с помощью «искусственного интеллекта» и его технологий в компьютерных условиях – определенных программ, алгоритмов, изобретений, которые структурируют информацию и визуализируют ее в цифровой форме.

Ни одна сфера жизнедеятельности человека в современных условиях не обходится без передачи и обработки информации (информационной составляющей «big data»). Но, как показывает анализ, в гражданском законодательстве до сих пор отсутствует и легальное определение, правовой режим, «big data».

На основе результатов анализа цифровых активов, таких как цифровая валюта, Big Data и токены, мы приходим к заключению об информационном характере данных объектов исследования. Нормативная же регламентация отношений, связанных с «big data», ограничивается легализацией электронной формы договора и электронной подписи, а также обязанностью предоставить в различные виды информации в публичные и частные информационные системы.

Определение криптовалюты, как нового явления для правотворчества, сопряжено и с тем, что внедрение таких новых феноменов, связанных с производством и оборотом криптовалюты, как блокчейн, токены, майнинг, IT-технологии в гражданский оборот, порождает необходимость правового регулирования и данных категорий, в том числе и как помощь в объективном восприятии данных понятий. К такому же выводу приходит и А.А. Пиленко [8, с. 40], разъясняя значимость принятия законов в отношении юридических пробелов в указанных категориях. Например, он утверждает, что преувеличение методологического значения в отношении технических объектов идеи Zweck'a – вредно. А при равной правовой ценности двух норм, понятие непосредственной пользы может служить дополнительным критерием.

Можно лишь дополнить, что таков подход и к новым цифровым объектам относится в полной мере. В ст. 141.1 ГК РФ дается понятие цифровых прав, тем самым, наделив субъекты гражданского оборота новыми субъективными гражданскими правами, которые еще до конца не исследованы.

В нашем представлении, при исследовании информационной системы следует применять метод гражданско-правового регулирования имущественных отношений, который основан на началах не только дозволения, но и правонаделения. Однако, такой подход в Гражданском кодексе порождает ряд вопросов связанных с цифровыми объектами. Например, с какой позиции права их рассматривать. Можно ли электронное взаимодействие субъектов имущественного оборота рассматривать как новый вид гражданских правоотношений, а цифровое право – как субъективное гражданское право.

Считаем, что поскольку криптовалюта представляет собой ценность для граждан и организаций, заинтересованных в получении криптовалюты либо посредством ее эмиссии и выпуска в обращение, покупки, либо ее получения в оплату товаров (работ, услуг), то это дает нам основание утверждать, что криптовалюта вне всяких сомнений представляет собой объект гражданских правоотношений.

В контексте наших рассуждений, актуализируется еще один вопрос для правотворчества – как можно защитить права граждан с помощью гражданско-правовых инструментов существующего законодательства, в условиях активизации кибертерроризма и появления новых видов правонарушений, таких как махинации с банковскими картами или подделка электронных подписей.

В данной связи можно отметить, что определенным образом эту задачу решает следующее: на основании положений шестой статьи Федерального закона от 06 апреля 2011 года № 63-ФЗ от 6.04.2011 г. «Об электронной подписи» (далее – ФЗ РФ № 63) данные в электронном формате, удостоверенные электронной подписью с квалификацией, признаются равнозначным бумажному документу, подписанному собственноручно физической подписью, электронным документом. Данный документ может использоваться во всех правовых отношениях на основании отечественного законодательства, помимо ситуации, когда законодательством федерального уровня определена необходимость оформления документа на носителе бумажном.

И, поскольку ФЗ РФ № 63, в нашем понимании, определенным образом может считаться ориентиром, как должно осуществляться правотворчество, охарактеризуем его более подробно.

В соответствии с положениями одиннадцатой статьи ФЗ РФ № 63, действительность электронной квалифицированной подписи официально признается, пока судебным решением не определено будет другое при соблюдении следующих условий: а) сертификат признается действительным на момент регистрации электронного документа (обязательным является наличие подтвержденных данных об оформлении документа электронного формата) либо в день ревизии действительности данного сертификата, когда момент его оформления неизвестен; б) сертификат с надлежащей квалификацией разработан и выдан специальным удостоверяющим центром с аккредитацией, действительной в день его выдачи; в) электронная подпись с квалификацией применяется с учетом условий, включенных в сертификат, оформляющего документ электронного формата лица; г) дан положительный результат после ревизии принадлежности собственнику вышеуказанного сертификата электронной подписи, с которой оформлен документ электронного формата, а также подтверждено отсутствие внесенных в документ изменений.

Данные в электронном формате, подписанные электронной подписью на основании положений шестой статьи ФЗ РФ № 63, признаются равнозначным подписанному подписью собственноручно документу на носителе бумажного формата документом, который может использоваться во всех правовых отношениях согласно актуальному отечественному законодательству, помимо ситуации, когда федеральным законодательством не установлено официальное требование необходимости оформления документа на носителе бумажного формата. Но при обращении криптовалюты никакие бумажные документы не используются, т.е. удостоверяющее лицо, в соответствии с положениями тринадцатой статьи ФЗ РФ № 63, хотя и имеет право наделить доверенных (третьих) лиц полномочиями в области вручения ключей ревизии электронных подписей от сертификатов от имени специального удостоверяющего центра, однако, по нашему мнению, должно иметь дополнительную защиту от кибербезопасности.

То есть, при вручении сертификата доверенное лицо должно установить личность заявителя или полномочия выступающего от лица заявителя лица посредством, например, дополнительного пароля, по поводу обращения за сертификатом на основании с регламентом реализации функций специального центра, а также исполнения обязанностей, определенных наделяющим вышеуказанное доверенное лицо должно обладать правами по выдаче сертификатов ключей ревизии подписи электронного формата удостоверяющим центром, согласно требованиям, установленным отечественным законодателем.

Таким образом, в современных условиях нет правовой определенности, позволяющей ответить однозначно на сложный, дискуссионный вопрос о нормативно-правовом статусе цифровой валюты, а также легальности ее обращения, правовой защиты на территории России, как и нет официального разъяснения судебных органов о квалификации преступных деяний в области оборота цифровой валюты.

Данная ситуация является причиной вынесения противоречивых судебных решений. Например, как утверждают исследователи [3], одни судебные органы оформляют обвинительные приговоры, тогда как другие органы отечественной судебной системы – отмечают тот факт, что цифровая валюта объектом гражданских правоотношений не выступает, согласно российскому законодательству, поскольку не принадлежит к категории вещей, в связи с чем не может выступать предметом хищения. Соответственно и данный аспект может стать предметом для правотворчества.

Выводы

Итак, рассмотрев криптовалюту, как новое явление для правотворчества, можно сделать следующие обобщения.

Как представляется, не совсем корректно квалифицировать криптовалюту в качестве нерегулируемого объекта, поскольку в ряде государств, например, в Японии и Сальвадоре, криптовалюта признана законным платежным средством. К тому же, не столь важно с правовой точки зрения, является ли криптовалюта регулируемой, поскольку допускается применение аналогии закона или аналогии права для решения спорных вопросов в той степени, в которой это возможно. Не имеет правового значения указание в определении и о том, что криптовалюта ограничена, или не ограничена в использовании. Степень ограниченности криптовалюты в обороте – это особенности ее правового режима в каждом конкретном государстве, но не признак данного объекта в целом.

Детерминация рассмотрения криптовалюты, как нового явления для правотворчества, как широкого поля для отражения в нормативно-правовых актах данного нематериального актива определяется следующими факторами: а) криптовалюта представляет собой объект гражданских правоотношений; б) не разработаны регламенты реализации различных операций с использованием криптовалюты; в) необходимость регулирования функционала криптовалюты; г) разрешением проблемы учета криптовалюты; д) разграничением регулируемых и нерегулируемых криптовалют; е) отсутствием в нормативно-правовых актах отражения сходства и различий криптовалюты с такими объектами гражданских прав, как ценные бумаги и безналичные деньги; ж) необходимостью правового регулирования гражданского оборота, таких категорий, как категорий, как блокчейн, токены, майнинг, IT-технологии.

Данные и другие рассмотренные аспекты представляют собой широкое поле для отражения в нормативно-правовых актах, что и харак-

теризует криптовалюту, как новое явление для правотворчества, в том числе и для определения правовой природы криптовалюты.

Литература

1. Беликов Е.Г. Финансово-правовые аспекты выпуска и обращения цифровых финансовых активов // VIII Международная научно-теоретическая конференция «Худяковские чтения по финансовому праву». – Алматы: Каспийский общественный университет. 2021. – Вып. 8. С. 185–192.
2. Бельх В.С., Егорова М.А., Решетникова С.Б. Биткоин: понятие и тенденции правового регулирования // Юрист. 2019. № 3. С. 4–11.
3. Герцен П.О. Судебная защита прав на криптовалюту: современный нарратив, проблемы и перспективы / П.О. Герцен, А.Ю. Чурилов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 4. С. 16–27.
4. Гизатулин И.Ю., Мокрушин В.И. Правовое регулирование криптовалюты // Юридические науки. 2025. № 2–1. С. 259–261.
5. Гушин В.В. Правовое регулирование нематериальных активов хозяйствующих субъектов // Образование и право. 2023. № 3. С. 83–86.
6. Егорова М.А., Белицкая А.В. Правовое регулирование выпуска и размещения криптовалюты: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 55–63.
7. Ильягуева А.А. Цифровые активы как объект гражданского права / А.А. Ильягуева, М.А. Федькина // Современное право. 2020. № 5. С. 35–37.
8. Пилленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 686 с.
9. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.

CRYPTOCURRENCY AS A NEW PHENOMENON FOR LAW-MAKING

Belous A.M.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The purpose of the article is to study cryptocurrency as a new phenomenon for law-making. The subject of research is the factors determining the consideration of cryptocurrency as a new phenomenon for law-making, as a wide field for reflecting this intangible asset in regulatory legal acts. The research methodology is determined by the system analysis and formal legal method used in the article.

The results of the study are presented in the definition of cryptocurrency as a new phenomenon for law-making. The application of the results can be in the field of transformation of the current legislation on money and the monetary system, as well as on alternative monetary circulation (circulation of electronic money and cryptocurrency).

The novelty of research is determined in identifying a complex of aspects that determine the consideration of cryptocurrency as a new phenomenon for law-making.

Conclusions: cryptocurrency is an object of civil legal relations, but the regulations for the implementation of various operations using cryptocurrency have not yet been developed. In this regard, there is a need to regulate the functionality of cryptocurrency; resolving the cryptocurrency accounting issue; delimitation of regulated and unregulated cryptocurrencies, as well as the need for legal regulation of civil circulation, categories such as categories such as blockchain, tokens, mining, IT technologies.

Keywords: cryptocurrency, civil relations, electronic money, current legislation, law-making, monetary system.

References

1. Belikov E.G. Financial and legal aspects of the issue and circulation of digital financial assets // VIII International scientific and theoretical conference "Khudyakovsky readings on financial law". – Almaty: Caspian Public University. 2021. Issue 8. Pp. 185–192.
2. Belykh V.S., Egorova M.A., Reshetnikova S.B. Bitcoin: the concept and trends of legal regulation // Lawyer. 2019. № 3. Pp. 4–11.
3. Herzen P.O. Judicial protection of rights to cryptocurrencies: a modern narrative, problems and prospects / P.O. Herzen, A.Y. Churilov // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2023. No. 4. Pp. 16–27.
4. Gizatulin I.Yu., Mokrushin V.I. Legal regulation of cryptocurrencies // Legal Sciences. 2025. No. 2–1. Pp. 259–261.
5. Guschin V.V. Legal regulation of intangible assets of economic entities // Education and Law. 2023. No. 3. Pp. 83–86.
6. Egorova M.A., Belitskaya A.V. Legal regulation of the issue and placement of cryptocurrencies: trends and prospects // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 55–63.
7. Ilyagueva A.A. Digital assets as an object of civil law / A.A. Ilyagueva, M.A. Fedkina // Modern law. 2020. No. 5. Pp. 35–37.
8. Pilenko A.A. The right of the inventor. Moscow: Statute, 2001. 686 p.
9. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets as objects of entrepreneurial turnover // Law and economics. 2018. No. 4. Pp. 27–34.

Правовая регламентация внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности службы скорой медицинской помощи

Введенский Георгий Алексеевич,

соискатель, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

E-mail: mos03zam@mail.ru

В статье исследуется механизм реализации государственной регуляторной функции в сфере здравоохранения посредством установления обязательных требований к организации по проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности (ВККиБМД) службы скорой медицинской помощи. На основе анализа Федерального закона № 323-ФЗ (ФЗ № 323), Постановления Правительства РФ от № 1048 от 29.06.2021 (ПП РФ № 1048), приказов Минздрава России № 785н от 31.07.2020 (приказ № 785н) и № 180 от 10.04.2025 (приказ № 180н), а также локальных нормативных актов станции скорой и неотложной медицинской помощи им. А.С. Пучкова г. Москвы (ССиНМП им. А.С. Пучкова) доказывается, что ВККиБМД выступает не только внутренним инструментом менеджмента, но формой прямого государственного регулирования соблюдения медицинской организации стандартов медицинской помощи. Выявлены правовые риски возникающие при реализации системы ВККиБМД. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства для повышения эффективности контрольной функции.

Ключевые слова: государственное регулирование, внутренний контроль качества, врачебная комиссия, скорая медицинская помощь, регуляторная функция, риск-ориентированная модель, Росздравнадзор, медицинский совет.

Введение

Современная модель государственного управления в сфере здравоохранения Российской Федерации характеризуется сочетанием прямого нормативного регулирования, контрольно-надзорной деятельности и стимулирования саморегулируемых начал в деятельности медицинских организаций. В рамках этой модели особое место занимает институт ВККиБМД, предусмотренный статьей 90 ФЗ № 323-ФЗ [2].

На первый взгляд, система ВККиБМД является компетенцией самой медицинской организации – инструментом внутрикорпоративного менеджмента. Однако более глубокий анализ позволяет квалифицировать эту систему как форму прямого государственного регулирования, поскольку государство не только обязывает медицинские организации создавать системы ВККиБМД, но и устанавливает детальные требования к их организации, содержанию и результатам, а также осуществляет надзор за их соблюдением. Приказ № 785н установил требования к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности [5]; Приказ № 180н детализировал порядок создания и деятельности врачебной комиссии, наделив её контрольными функциями [6].

Особую актуальность проблематика ВККиБМД приобретает для службы скорой медицинской помощи (СМП), работающей в условиях высокой неопределенности, дефицита времени и повышенных рисков. На примере ССиНМП им. А.С. Пучкова мы видим, как государственные требования к ВККиБМД трансформируются в многоуровневую разветвленную локальную нормативную базу, включающую положения о врачебной комиссии, Медицинском совете, порядке работы с обращениями граждан, что в целом создает систему контроля качества медицинской помощи в медицинской организации при этом исходя из анализа документов определить правовые коллизии возникающие при реализации указанной системы [7; 8; 9].

Целью настоящей статьи является анализ правового механизма реализации государственной регуляторной функции через систему ВККиБМД, выявление правовых рисков и коллизий, возникающих при ее функционировании в медицинской организации СМП, и формирование предложений по гармонизации законодательства.

Правовая архитектура государственного регулирования контроля качества медицинской помощи

Государство реализует свою регуляторную функцию в сфере здравоохранения, устанавливая обязательные требования к медицинским организациям. В отношении контроля качества и безопасности медицинской деятельности эта функция реализуется через три взаимосвязанных, но самостоятельных направления контроля.

Первое направление – государственный контроль, осуществляемый в соответствии со статьей 87 Федерального закона № 323-ФЗ. Основным органом здесь выступает Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). Второе – ведомственный контроль, закрепленный статьей 89 Федерального закона № 323-ФЗ, который проводят вышестоящие органы в отношении подведомственных учреждений. Третье – внутренний контроль, предусмотренный статьей 90 Федерального закона № 323-ФЗ. Именно он представляет собой наиболее интересный феномен с точки зрения теории государственного управления: государство возлагает на подконтрольный субъект обязанность по осуществлению контрольных функций в отношении самого себя.

Как отмечают Карпов А.Г., Мелконян Г.Г., в системе государственного управления здравоохранением следует различать государственный контроль (осуществляется вышестоящими органами в отношении подведомственных им организаций) и административный надзор (Росздравнадзор проверяет любые медорганизации независимо от формы собственности на предмет соблюдения обязательных требований) [11, с. 122–126].

Приказы № 785н и 180н дополняют и продолжают друг друга в рамках единой системы контроля качества медицинской деятельности. Приказ № 785н задаёт общую архитектуру внутреннего контроля, где одним из участников прямо упоминается врачебная комиссия,

а приказ № 180н детализирует создание и деятельность врачебной комиссии, наделяя её, в том числе, функциями по оценке качества, обоснованности и эффективности лечебно-диагностических мероприятий, что соответствует задачам внутреннего контроля установленных приказом № 785н.

Важно подчеркнуть, что внутренний контроль не является альтернативой государственному и/или ведомственному, а выступает необходимым дополнением и первым его уровнем. Внутренний контроль медицинской организации можно охарактеризовать как «контролируемая самостоятельность»: государство сохраняет за собой право на проведение проверок (внешний контроль), но при этом вменяет организациям в обязанность организацию собственного системного мониторинга соответствия обязательным требованиям (внутренний контроль), что позволяет снизить административную нагрузку и повысить общую эффективность надзорной деятельности.

Таким образом, государство делегирует часть своих надзорных полномочий на уровень медицинской организации, но при этом оставляет за собой право контроля за тем, как именно эта функция исполняется.

Организация ВККиБМД как объект государственного надзора (локальная практика Станции им. А.С. Пучкова): выявляемые коллизии

Локальная нормативная база ССиНМП им. А.С. Пучкова представляет собой развернутую систему документов, направленных на реализацию государственных требований. Ключевым среди них является приказ об организации и проведении ВККиБМД [7]. Этот документ не просто воспроизводит федеральные нормы, а адаптирует их к специфике службы СМП мегаполиса. Его анализ показывает, что на ССиНМП им. А.С. Пучкова выстроена трёхуровневая система контроля, которая зеркально отражает структуру внешнего надзора, но функционирует внутри организации:

– **1й уровень** – руководители структурных подразделений (подстанций, отделов) и лечебно-контрольные подкомиссии (ЛКПП). Это уровень первичного, текущего контроля, где анализируется каждый вызов;

– **2й уровень** – руководители региональных объединений и врачебные подкомиссии региональных объединений (ВПРО). Здесь происходит обобщение, анализ работы подстанций, разбор наиболее сложных межподстанционных случаев;

– **3й уровень** – Врачебная комиссия Станции (ВК) и отдел организации контроля качества (ОККиБМД). Это высший уровень, принимаются стратегические решения.

С точки зрения реализации государственной регуляторной функции, такая трёхуровневая система имеет двойственное значение. С одной стороны, она позволяет обеспечить всесторонний охват, оперативность реагирования и предполагает коллективное принятие решений. С другой стороны, создает риск «размывания» ответственности. Федеральные и региональные нормативные документы не содержат норм о солидарной ответственности членов таких комиссий за некачественную экспертизу.

Рассмотрим ситуацию: ЛКПП приняла решение, что дефектов в оказании помощи нет. Однако при внешней проверке или при судебном разбирательстве дефекты были выявлены. Кто будет нести ответственность – врач, непосредственно оказывавший помощь, или члены ЛКПП, давшие неверную оценку? Действующее законодательство этого вопроса не решает.

Приказом по ССиНМП им. А.С. Пучкова утверждено Положение о ВК [9], разработанное в соответствии с новым Приказом Минздрава России от 10.04.2025 № 180н. Важнейшей особенностью является детализация компетенций различных подкомиссий ВК (ЛКПП, ВПРО, СЛКП по психиатрии и др.) и закрепление объектов рассмотрения каждой подкомиссии (пример: ЛКПП рассматривают все случаи летальных исходов, повторные вызовы с расхождением диагнозов, а также устные и письменные обращения граждан).

Однако с правовой точки зрения можно выделить следующие коллизии:

– наделив подкомиссии полномочиями оценивать, к примеру, работу диспетчерских служб и принимать решения, влияющие на оплату труда сотрудников, при этом порядок обжалования этих решений самими сотрудниками в локальных актах не прописан. Это создает риск для работников быть привлеченными к дисциплинарной ответственности на основании акта органа, чья компетенция и процедура принятия решений не урегулированы на достаточном уровне.

– заслуживает внимания пункт Положения о ВК, который допускает проведение заседаний комиссии «с использованием дистанционно-

го формата видеоконференции» [9]. Это прогрессивное положение, которое возможно использовать при организации ВККиБМД в организации, однако, к примеру при привлечении к участию в заседании заявителя по его жалобе в формате видеоконференции оно вступает в противоречие с Федеральным законом № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан», [3] где такой формат не предусмотрен.

Отдельного внимания обращает на себя Приказ ССиНМП им. А.С. Пучкова регламентирующий организацию и работу Медицинского совета [10]. Согласно Положения о Медицинском совете (МС), он является «постоянно действующим совещательным органом при главном враче». Однако пункт 3.11 этого же Положения устанавливает, что решения МС, принятые в пределах его компетенции, «являются обязательными для всех работников», при этом статус МС как органа управления не определен федеральным законодательством.

Возникает очевидная коллизия. Статус совещательного органа по определению предполагает рекомендательный характер его решений. Положение же наделяет МС императивными полномочиями. Это исключительно локальная инициатива. Следовательно, возникает правовая неопределенность: могут ли решения МС быть обжалованы сотрудником как ненормативные акты? Каков порядок их оспаривания? Этот пример наглядно демонстрирует локальное нормотворчество, которое не всегда вписывается в федеральную правовую архитектуру, однако имеет место быть.

Таким образом на основе анализа локальной практики ССиНМП им. А.С. Пучкова выявлены правовые коллизии:

- риск размывания ответственности;
- локальные акты не прописывают порядок обжалования сотрудниками решений подкомиссий, влияющих на оплату труда и дисциплинарные взыскания;
- допущен дистанционный формат заседаний врачебной комиссии (без ограничений);
- Медицинский совет, объявленный совещательным органом при главном враче, наделён полномочиями принимать обязательные для всех работников решения.

Механизмы государственного контроля за системой ВККиБМД и применяемые санкции

Государство не ограничивается установлением требований к ВККиБМД. Оно активно контролирует их исполнение. ПП РФ № 1048 утверждает Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности, через проверки Росздравнадзора [4]. Инструментарий включает документальные и выездные проверки, контрольные закупки (для платных услуг) и инспекционные визиты. Представители Росздравнадзора вправе проводить осмотры, опросы, истребовать документы, назначать экспертизы и фиксировать нарушения с помощью фото- видеосъемки.

Деятельность строится на **риск-ориентированном подходе**. Объекты контроля относят к одной из шести категорий риска (от чрезвычайно высокого до низкого). Категория определяет периодичность плановых мероприятий: для чрезвычайно высокого риска – один раз в год, а для значительного, среднего, умеренного и низкого риска плановые проверки не проводятся. Для последних предусмотрены лишь профилактические визиты.

Помимо контроля, важна профилактика. Росздравнадзор проводит информирование, консультирование, объявляет предостережения, а также профилактические визиты (обязательные для высокого риска или по инициативе контролируемого лица). Визиты возможны лично или дистанционно. В их рамках инспектор может провести осмотр, истребовать документы, отбор проб и экспертизу, что придаёт профилактике элементы контроля, но сохраняет предупредительный характер.

Как подчёркивают Пивень Д.В., Кицул И.С. и Иванов И.В., распространённое мнение о том, что риск-ориентированный подход «вывел большинство медицинских организаций за рамки системы контроля», является мифом. Отмена плановых проверок не означает ослабления надзора – она сопровождается внедрением новых инструментов: контрольных мероприятий без взаимодействия, профилактических визитов, а также внеплановых проверок на основе индикаторов риска [11, с. 13–23].

Выявление нарушений в организации и проведении ВККиБМД влечет за собой административную ответственность. Наиболее часто применяемой нормой является часть 3 статьи 19.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) – «Осуществление деятельности с грубым нарушением лицензионных требований» [1]. Отсутствие утвержденного Положения о ВККиБМД, непроведение плановых проверок в установленные сроки, отсутствие протоколов заседаний врачебной комиссии – все это в судебной практике может квалифицироваться как грубое нарушение лицензионных

требований и влечет наложение штрафа на должностных лиц и юридическое лицо.

Таким образом, государство создало замкнутый цикл превратив систему ВККиБМД из инструмента управления качеством в объект государственного регулирования и надзора (рис. 1).

Цикл государственного регулирования ВККиБМД

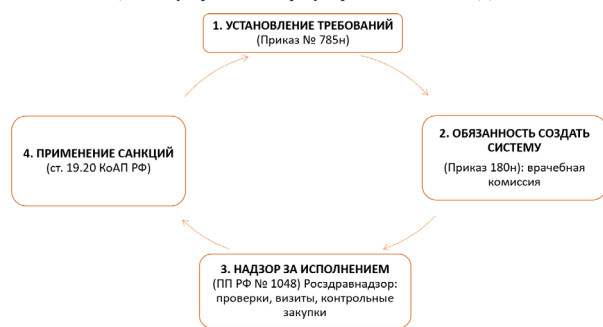

Рис. 1.

Пути гармонизации законодательства и повышения эффективности регуляторной функции

Преодоление выявленных коллизий требует системного подхода и внесения изменений в ряд нормативных правовых актов. Предлагается дополнить Федеральное законодательство нормами устанавливающими:

- определение «коллегиального органа управления медицинской организацией»;
- положение о Медицинском совете (ином совещательном органе при руководителе медицинской организации), в котором установить, что решения этого органа имеют рекомендательный характер до момента утверждения приказом руководителя;
- принцип солидарной ответственности членов врачебной комиссии за принятые решения, за исключением членов, зафиксировавших в протоколе особое мнение;
- разграничения ответственности: итоговой ответственности за качество оказанной медицинской помощи – на непосредственном исполнителе, а ответственность за качество экспертизы – на членах комиссии, проводивших разбор.
- методические рекомендации по организации работы врачебных комиссий с использованием дистанционных технологий (видеоконференцсвязи) и принципах фиксации хода заседания, в том числе при рассмотрении обращений граждан с их участием (в рамках реализации требований ФЗ № 59-ФЗ).

Заключение

Система внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, предусмотренная статьей 90 Федерального закона № 323-ФЗ, является не просто инструментом внутрикорпоративного менеджмента, но важнейшим элементом государственной регуляторной политики в сфере здравоохранения. Государство, устанавливая обязательные требования к организации и проведению ВККиБМД, делегирует медицинским организациям часть контрольных функций, но при этом оставляет за собой право надзора за их исполнением.

Анализ локальной нормативной базы ССНМП им. А.С. Пучкова показывает, что медицинские организации вынуждены создавать сложные многоуровневые системы контроля, чтобы соответствовать федеральным требованиям. Однако эта вынужденная адаптация порождает правовые коллизии: размывание ответственности, неопределенность статуса локальных органов управления, конфликт дистанционных форм работы и отдельных требований процессуального законодательства.

Преодоление этих барьеров требует не только правотворческой активности на уровне самой организации, но и системных изменений в федеральном законодательстве. Только создав четкую, учитывающую отраслевую специфику правовую среду, можно будет в полной мере реализовать потенциал ВККиБМД как эффективного инструмента государственного регулирования качества и безопасности медицинской помощи.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 08.05.2006. № 19. Ст. 2060.

4. Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности». URL: <http://government.ru/docs/all/135447/> (дата обращения: 10.04.2026)

5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 № 785н «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>.

6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 10.04.2025 № 180н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» // Официальный интернет-портал правовой информации.

7. Приказ ГБУ «Станция скорой и неотложной медицинской помощи им. А.С. Пучкова» от 30.12.2021 № 3550 «Об организации и проведении внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности на Станции скорой и неотложной помощи им. А.С. Пучкова».

8. Приказ ГБУ «Станция скорой и неотложной медицинской помощи им. А.С. Пучкова» от 10.04.2025 № 750 «Об организации работы с обращениями граждан».

9. Приказ ГБУ «Станция скорой и неотложной медицинской помощи им. А.С. Пучкова» от 14.01.2026 № 2990 «Об организации деятельности Врачебной комиссии»

10. Приказ ГБУ «Станция скорой и неотложной медицинской помощи им. А.С. Пучкова» от 14.01.2026 № 2993 «Об организации работы Медицинского совета СС и НМП им. А.С. Пучкова».

11. Карпов А.Г., Мелконян Г.Г. О государственном контроле в сфере здравоохранения в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 6 (234). С. 122–126. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_6_12

12. Организационное проектирование проведения внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности с учетом актуальных нормативно-правовых требований / М.К. Касумова, С.В. Лазарев, С.Ю. Остренко [и др.] // Институт стоматологии. – 2022. – № 3(96). – С. 16–19. – EDN BDCTVA.

13. Пивень, Д.В. Реформа контрольно-надзорной деятельности и проверки медицинских организаций: мифы и реальность / Д.В. Пивень, И.С. Кицун, И.В. Иванов // Менеджер здравоохранения. – 2024. – № 3. – С. 13–23. – DOI 10.21045/1811-0185-2024-2-13-23. – EDN NZQ-JRK.

LEGAL REGULATION OF INTERNAL QUALITY AND SAFETY CONTROL OF MEDICAL ACTIVITIES IN THE AMBULANCE SERVICE

Vvedenskiy G.A.
Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the mechanism for implementing the state regulatory function in healthcare by establishing mandatory requirements for organizations to conduct internal quality and safety control of medical activities (IQSCMA) in the ambulance service. Based on an analysis of Federal Law № 323-FZ, Government Decree № 1048 of June 29, 2021, Orders of the Ministry of Health of Russia № 785n of July 31, 2020, and № 180 of April 10, 2025, as well as local regulatory acts of the A.S. Puchkov Moscow Ambulance and Emergency Medical Care Station, it is argued that IQSCMA acts not only as an internal management tool but also as a form of direct state regulation ensuring that medical organizations comply with medical care standards. Legal risks arising from the implementation of the IQSCMA system are identified. Proposals are formulated for improving legislation to enhance the effectiveness of the control function.

Keywords: state regulation, internal quality control, medical commission, emergency medical care, regulatory function, risk-based model, Roszdravnadzor, medical council.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1 (Part 1). Art. 1.
2. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ (as amended on 23.07.2025) «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 28.11.2011. № 48. Art. 6724.
3. Federal Law of May 2, 2006, № 59-FZ (as amended on December 28, 2024) «On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. May 8, 2006. № 19. Article 2060.

4. RF Government Resolution of June 29, 2021, № 1048 «On Approval of the Regulation on Federal State Control (Supervision) of the Quality and Safety of Medical Activities.» URL: <http://government.ru/docs/all/135447/> (date accessed: 10.04.2026)

5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 31.07.2020 № 785n «On approval of requirements for the organization and conduct of internal quality control and safety of medical activities» // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>.

6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 10.04.2025 № 180n «On approval of the procedure for the creation and activities of the medical commission of a medical organization» // Official Internet portal of legal information.

7. Order of the State Budgetary Institution «A.S. Puchkov Emergency and Urgent Medical Care Station» dated 30.12.2021 № 3550 «On the organization and conduct of internal quality control and safety of medical activities at the A.S. Puchkov Emergency and Urgent Medical Care Station». Puchkov.»

8. Order of the State Budgetary Institution «A.S. Puchkov Emergency and Urgent Medical Care Station» dated April 10, 2025, № 750 «On the Organization of Handling Citizens' Appeals.»

9. Order of the State Budgetary Institution «A.S. Puchkov Emergency and Urgent Medical Care Station» dated January 14, 2026, № 2990 «On the Organization of the Activities of the Medical Commission.»

10. Order of the State Budgetary Institution «A.S. Puchkov Emergency and Urgent Medical Care Station» dated January 14, 2026, № 2993 «On the Organization of the Work of the Medical Council of the A.S. Puchkov Emergency and Urgent Medical Care Station.»

11. Karpov A.G., Melkonyan G.G. On State Control in the Sphere of Healthcare in the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2024. № 6 (234). P. 122–126. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_6_12

12. Organizational design of internal quality control and safety of medical activities, taking into account current regulatory and legal requirements / M.K. Kasumova, S.V. Lazarev, S. Yu. Ostrenko [et al.] // Institute of Dentistry. – 2022. – № 3 (96). – P. 16–19. – EDN BDCTVA.

13. Piven, D.V. Reform of control and supervisory activities and inspection of medical organizations: myths and reality / D.V. Piven, I.S. Kitsul, I.V. Ivanov // Healthcare Manager. – 2024. – № 3. – P. 13–23. – DOI 10.21045/1811-0185-2024-2-13-23. – EDN NZQ-JRK.

Долгополов Александр Александрович,
магистрант, Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: dolgoplov_alexander@mail.ru

В статье рассматриваются особенности цифровой трансформации государства в странах БРИКС, а также правовые и институциональные механизмы внедрения цифровых решений в сферу публичного управления. Кроме того, были проанализированы теоретико-правовые основы цифровизации в России и зарубежных государствах, а также подходы к формированию цифрового государства в рамках объединения БРИКС. Показано, что БРИКС выступает не только как политико-экономическая площадка, но и как «пространство» согласования правовых подходов к цифровому развитию. По итогам проведённого исследования сформулирован вывод о необходимости дальнейшей координации правового регулирования и учета национальной специфики государств-участников.

Ключевые слова: БРИКС, государственное управление, информационно-коммуникационные технологии, правовое регулирование, публичное управление, цифровая трансформация, цифровизация, цифровое государство.

В начале правового исследования необходимо обратиться к ретроспективному аспекту цифровизации государственного управления. Важно отметить, что начало процессу цифровизации государства положила инициатива, которая была сформулирована в 1950-х годах и была посвящена созданию единой автоматизированной системы управления для обеспечения нужд вооружённых сил и сферы народного хозяйства. В то же время, начало непосредственного внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственное управление связывают с процессом развития информационного общества и периодом 1990-х гг. Также, внедрение информационных технологий было закреплено в качестве одного из направлений развития мирового сообщества в Окинавской хартии глобального информационного общества, которая была подписана 22 июля 2000 года главами стран «Большой восьмёрки» (G-8), включая Президента Российской Федерации. В качестве основных направлений деятельности особое внимание в тексте документа было уделено «активному использованию информационных технологий в государственном секторе и содействию предоставлению в режиме реального времени услуг, необходимых для повышения уровня доступности власти для всех граждан».

Рассматривая современную ситуацию, следует разграничить термины «цифровизация» и «цифровая трансформация». Так, «цифровизация» подразумевает внедрение современных информационных (цифровых) технологий в сферы жизнедеятельности общества, и безусловно в сферу государственного управления. В то же время, по мнению С.М. Зубарева «информационные технологии, как правило, используются для решения отдельных задач, тогда как цифровые технологии позволяют решать комплекс сверхсложных задач в экономической, социальной, государственно-правовой и иных сферах»¹. Продолжая изучение данных понятий, следует обратиться к дефинициям, которые содержатся в нормативно-правовых актах. В соответствии с абзацем 2 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные технологии представляют собой процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. В то же время определение «цифровых технологий» дано только в актах технического регулирования (Государственный стандарт РФ. ГОСТ Р 33.505–2003 «Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием») и представляет собой следующую формулировку: «технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой». Тем не менее, учитывая отраслевую специфику данной категории регулирующих документов, для проведения более комплексного исследования предлагается изучить ещё одну доктринальную точку зрения², в рамках которой процесс цифровизации понимается в двух аспектах: «1) в узком смысле она означает оцифровку данных; 2) в широком – стратегию интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь общества». Таким образом, в отличие от цифровизации, «цифровая трансформация» представляет собой не просто процесс миграции данных в электронный формат или интеграцию отдельных цифровых решений, а стратегический и высокотехнологичный процесс, который проходит все этапы создания нового цифрового продукта: от разработки до реализации. Данная точка зрения находит своё подтверждение и в актах международного регулирования. Так, в решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» дано определение: «Цифровая трансформация – проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимо-

¹ Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–32.

² Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Сольнин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.

сти в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов».

В научной литературе существуют различные точки зрения на возможность формирования общего правового пространства, в том числе в рамках объединения БРИКС. Некоторые авторы (например, Л. Н. Данилова и др.) рассматривают цифровизацию преимущественно в контексте интеграции технологий в повседневную жизнь общества. В то же время, мы считаем, что рассмотрение цифровизации лишь как технологического процесса («цифровых ценностей» в узком смысле) игнорирует публично-правовую природу государственных информационных систем, и при проведении сравнительно-правовых исследований должно уделяться внимание институциональным механизмам государственного управления. В контексте межгосударственного сотрудничества цифровой государственный аппарат требует строгой регламентации полномочий, защиты данных и гарантий правовых последствий вследствие действий алгоритмических систем.

В современных условиях цифровая трансформация публичного управления становится ключевым фактором обеспечения национальной безопасности и экономического суверенитета государств. В контексте интеграционных процессов в объединениях развивающихся рынков, к числу которых относится БРИКС, возникает острая необходимость в согласовании подходов к правовому регулированию цифровых процессов. В то время как классическая доктрина международного права рассматривает межгосударственные объединения преимущественно через призму таможенного или валютного регулирования, специфика цифрового права требует отдельного анализа механизмов трансграничного обмена данными, кибербезопасности и использования искусственного интеллекта в госуправлении. В том числе следует не только учитывать передовой опыт зарубежных стран для совершенствования национальных систем государственного управления, но и искать возможности для эффективного взаимодействия на межгосударственном уровне. Так, в ходе пленарного заседания XVII саммита БРИКС (от англ. BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa) Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил важность активизации сотрудничества государств-участников объединения для максимального использования открывающихся перспектив, связанных со смещением центра деловой активности на сторону развивающихся рынков.

Становление и основные направления развития БРИКС: общая характеристика

В начале экскурса в историю становления БРИКС считаем необходимым упомянуть о том, что аббревиатуру БРИКС в 2001 году ввёл в обиход профессиональной литературы и дипломатической практики обозреватель корпорации Голд-ман Сакс (Goldman Sachs Group) О. Нил¹. Однако, поначалу аббревиатура звучала как «БРИК» (в связи со сближением международных отношений России, Бразилии, Индии и Китая), однако уже в 2012 году к данным странам присоединилась Южная Африка.

Безусловно, основным вектором деятельности БРИКС является обеспечение сотрудничества государств-участников посредством институционализации. В рассматриваемом объединении этот процесс проявляется в виде упорядоченной системы контактов между государствами-участниками. В то же время, в Стратегии экономического партнерства БРИКС определены основные направления деятельности.

Политика и безопасность. Страны БРИКС оказывают содействие в формировании демократичного многополярного мира и укреплении глобальной безопасности в мире. Страны-участницы обмениваются опытом для борьбы с терроризмом, киберугрозами и другими видами преступных посягательств.

Экономика и финансы. Страны БРИКС осуществляют развитие торговых взаимоотношений, стимулируют инвестиции, борются с социальным неравенством и увеличивают совместные объёмы торговли.

Культурно-гуманитарные контакты. Участники БРИКС сотрудничают в области культуры, научных исследований и инноваций, а также обеспечивают обмен опытом. В частности, был создан Сетевой университет БРИКС, в рамках деятельности которого ведущие вузы стран находятся в партнерстве.

В то же время государства БРИКС обладают отличительными особенностями, которые не позволяют отнести их в группу развитых или развивающихся стран, а классифицируют в категорию растущих экономик². Ещё одной отличительной особенностью данного межгосудар-

ственного объединения является отсутствие учредительного договора. Тем не менее, позиции государств-членов и их намерения находят своё выражение в другом формате. Так, в качестве основополагающих событий, которые составляют сущность проводимой деятельности, можно назвать совместные заявления, принимаемые главами государств-участников по итогам проводимых саммитов.

В указанных действиях наблюдается соответствие определению договора, которое было дано учёным В. Витцум: «Международный договор состоит из согласованных между собой, схожих, регулируемых международным правом заявлений как минимум двух субъектов международного права, направленных на обоснование, изменение или прекращение международных отношений»³. Тем не менее, отсутствие реквизитов, которые являются характерными для договоров, не позволяет признать совокупность документов, принятых по итогам ежегодных саммитов БРИКС, в качестве единого документа. Таким образом, имеются основания выдвинуть тезис о том, что в основе БРИКС лежит согласие сторон, не оформленное юридически. Кроме того, у БРИКС нет и генерального секретаря, а та, страна, которая определяет направления работы организации, каждый год меняется.

В частности, государства-участники не только выражают намерения о сотрудничестве, но и принимают планы подобного совместного взаимодействия, начиная уже с Третьего саммита БРИКС. По общему правилу, данные решения содержат в себе три элемента:

- перечень незамедлительных мер;
- определение новых областей сотрудничества;
- определение возможных сфер сотрудничества, вопрос о которых необходимо продолжить исследовать.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что БРИКС соответствует основным критериям, которые в доктрине юридической науки (международного права) определены для международных организаций. Тем не менее, отсутствие постоянно действующих органов и полноценной автономности говорят об особом отличительном статусе БРИКС.

Кроме того, в доктрине юридической науки⁴ отмечается, что в настоящее время деятельность стран БРИКС направлена на совершенствование и углубление сотрудничества в области науки и технологий, в частности ключевых технологий четвертой промышленной революции. В качестве основных направлений сотрудничества стран БРИКС можно отметить организацию совместных научно-исследовательских проектов (в том числе, финансовую поддержку исследований) и обеспечение преемственности новейших технологических решений, в частности в сфере нано- и биотехнологий, а также иных видов информационных (цифровых) технологий⁵. Безусловно, совместное использование современных научно-технических решений (в том числе, предоставление к ним доступа в рамках совместных наднациональных экономических и научных проектов) способствует взаимному технологическому развитию и экономическому сотрудничеству, а также повышению уровня социально-экономического благополучия государств и их населения. В свою очередь, в качестве конкретных высокотехнологичных сфер сотрудничества выделяют исследования космоса и дистанционного зондирования, а также изучение технологий возобновляемой энергетики – в частности, солнечной, ветровой и биоэнергетики⁶.

В то же время, считаем необходимым обратить внимание на Рамочное соглашение о партнёрстве стран БРИКС в цифровой экономике (от 2022 года)⁷. Считаем, что с правовой позиции данный документ не является наднациональным актом «жесткого регулирования», а скорее представляет собой «рамочное основание» для сближения подходов государств-участников по взаимодействию в условиях цифровизации экономических процессов. Начиная с преамбулы, данное соглашение связывает цифровую экономику с модернизацией промышленности, инклюзивным экономическим ростом и задачами По-

³ Витцум В. Граф. Понятие, история и источники международного права // Международное право / В. Граф Витцум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.]; пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 1–106.

⁴ Кониная Н.Ю. Развитие ключевых технологий в БРИКС – возможности международного экономического сотрудничества и инноваций // Экономические науки. 2024. № 9. С. 357–361.

⁵ Хомяков М.Б. Сети интернационализации: программы академического превосходства и сетевые университеты // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 35–43.

⁶ Гурулева Т. Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108–123.

⁷ Текст Рамочного соглашения о партнёрстве стран БРИКС в цифровой экономике (от 2022 года) опубликован (в версии на английском языке) на официальном сайте Министерства экономического развития Российской Федерации: <https://www.economy.gov.ru/material/file/f27728237d88e78716ed5e2630101be/BRICS%20Digital%20Economy%20Partnership%20Framework.pdf?ysclid=mpaynm4ccu745032529>

¹ Шинкаревич Г. Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2018. № 10. С. 15–23.

² Роша Параньос К.А. Бразильско-российский диалог в формате БРИК // БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия: сб. докл. и выступлений на междунар. конф. М., 2010. С. 58.

вестки дня ООН до 2030 года, при этом отдельно отмечается, что страны БРИКС находятся на разных уровнях цифрового развития и имеющийся «цифровой разрыв» необходимо сокращать. Следовательно, можно сделать вывод о том, что одной из основных целей является не унификация «любой ценой», а именно постепенное согласование и реализация принимаемых решений по модернизации экономических процессов с учётом специфики конкретных государств.

В частности, вышеуказанный тезис подтверждается содержанием пунктов 1.1–1.2. В данном фрагменте предлагается использовать цифровые решения для упрощения торгового оборота: таможенное оформление в электронном виде, реализация решений в сфере электронного документооборота, взаимное признание цифровой аутентификации, обеспечение трансграничных платежей в электронном виде. Также, в данных пунктах говорится о развитии информационно-коммуникационных технологий для совершенствования логистических процессов и цепочек поставок. Далее, в пунктах 2.1–2.4 акцент уже смещается на инвестиционные вложения в цифровую инфраструктуру, улучшение деловой среды и обмен практиками по цифровой индустриализации. Данные положения интересны для анализа с позиции юридической науки, так как БРИКС в этом случае предлагает не единые «общеобязательные правила», а мягкую модель регулирования, которая действует через общие согласованные ориентиры (направления деятельности) и последующие национальные механизмы реализации.

Также следует упомянуть о значимости содержания пунктов 3.1–3.2, 4.1–4.3. В них указано, что цифровая экономика рассматривается не только с позиции крупной торговли и инфраструктурных вопросов, но и с позиции защиты прав потребителей, разрешения споров в электронной коммерции (e-commerce) и вовлечения малого и среднего бизнеса в цифровую среду. В последствии, в пунктах 5.2–5.3 содержатся упоминания о соответствующих сферах регулирования: антимонопольных практиках, охране интеллектуальной собственности, использовании искусственного интеллекта, а также режима обработки данных, конфиденциальности и безопасности. Резюмируя вышеуказанное, можно сообщить о том, что данное партнерство формирует общий «правовой язык» БРИКС в сфере цифровой экономики, хотя в то же время, эти нововведения остаются преимущественно рекомендательными и зависят от специфики конкретных стран-участниц объединения.

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию роли государства в условиях цифровизации. Так, Е.О. Гаврилов отмечает, что «на политическом уровне в перспективе становится возможным забвение функций государства (осуществление властных полномочий, выражающих его социальное назначение)»¹. Мы не можем однозначно согласиться с данным тезисом с учётом современных реалий, особенно в контексте стран БРИКС. В свою очередь, имеются основания полагать, что цифровая трансформация не ведет к «забвению» функций государства, а кардинально меняет их содержание и усиливает роль государства как гаранта цифрового суверенитета. В условиях глобальной цифровизации государство берет на себя новые обязанности: обеспечение кибербезопасности, регулирование оборота данных, защиту прав граждан в цифровой среде и создание инфраструктуры для цифровых госуслуг. Отказ от этих функций привел бы к вакууму власти, который мог бы быть заполнен транснациональными корпорациями, что противоречит интересам государств-членов БРИКС, стремящихся сохранить независимость и многополярность мировой системы. Таким образом, требуется переход к модели гармонизации законодательства в ключевых сферах: защите персональных данных, правовом статусе электронных документов и межведомственном электронном документообороте. Без этого возникает риск формирования «цифровых границ», которые будут препятствовать эффективному экономическому взаимодействию стран-участниц объединения.

Сравнительный анализ моделей цифрового государства в отдельных странах БРИКС

Для выявления теоретико-правовых основ цифровой трансформации в БРИКС целесообразно провести сравнительный анализ подходов ключевых стран объединения.

Российская Федерация демонстрирует модель «суверенного цифрового государства». Правовое регулирование базируется на концепции комплексной цифровой (информационной) безопасности и импортозамещения. Ранее упомянутый Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и соответствующие стратегии цифровой трансформации (в частности, в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федера-

ции от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления») закрепляют приоритет национального сегмента сети Интернет и использование отечественных технологий в государственном управлении. Особое внимание уделяется защите конфиденциальности данных и независимости критической информационной инфраструктуры.

Китайская Народная Республика реализует модель масштабной цифровизации с сильным государственным контролем. Юридический статус данных в КНР тесно связан с обеспечением национальной безопасности. Система «социального кредита», а также приложения «Государственное управление по делам миграции 12367» и «WeChat» демонстрируют высокую степень интеграции искусственного интеллекта и цифровых сервисов в принятие административных решений. В отличие от российской модели, китайское законодательство делает больший акцент на алгоритмическом управлении и использовании больших данных для профилактики правонарушений, что ставит в тень некоторые аспекты приватности граждан, но обеспечивает высокую эффективность госаппарата. Как упоминает Р.А. Варца, китайская модель доказывает эффективность централизованного сбора данных для государственных целей, однако требует тщательного регулирования для предотвращения злоупотреблений².

Индия и Бразилия демонстрируют иные подходы, ориентированные на инклюзивность и доступность цифровых услуг для населения через платформы цифрового правительства («Digital India», «Gov.br»). В правовой доктрине этих стран также возрастает внимание к защите персональных данных, однако нормативная база часто отстает от темпов внедрения технологий. Например, в Индии процесс цифровизации идёт опережающими темпами по сравнению с развитием законодательства о защите данных, что создает правовые неопределенности при трансграничном обмене информацией. Отсутствие единого правового стандарта цифровой трансформации в БРИКС приводит к возникновению правовых коллизий при трансграничном обмене данными между государственными системами. Это противоречит целям эффективного межгосударственного взаимодействия и требует разработки меморандумов о взаимопонимании в сфере цифрового правительства.

Участие Российской Федерации в объединении стран БРИКС

Важно отметить, что первый саммит БРИКС прошёл в Екатеринбурге в 2009 году, а затем по очередности каждая из стран-участниц была местом проведения. В 2024 году саммит должен был пройти в Бразилии, однако по инициативе самой страны очередность была изменена в качестве исключения. Соответственно, саммит прошёл в Российской Федерации, в Казани. В данном саммите приняли участие делегации 35 государств, и одним из важнейших вопросов стало расширение списка государств-участников. В качестве ключевых событий в период председательства России в БРИКС можно назвать решения о создании Нового банка развития (Банк БРИКС) и Пула валютных резервов в 2015 году. Безусловно, данные инициативы внесли важный вклад в укрепление финансовой стабильности и сотрудничества данного межгосударственного объединения.

Важно отметить позиции России и в укреплении многополярного мира, а также реализации мультилатерализма. В данном контексте необходимо напомнить об обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина в связи с началом председательства России в БРИКС в 2024 году, в котором были упомянуты следующие тезисы: «Естественно, особый упор сделаем на повышении внешнеполитической координации стран-участниц, совместном поиске эффективных ответов на вызовы и угрозы международной и региональной безопасности и стабильности. В числе приоритетов – дальнейшее продвижение взаимодействия в сфере науки, высоких технологий, здравоохранения, экологии, а также в области культуры, спорта, молодёжных обменов и по линии гражданского общества».

Важно отметить, что для России, которая председательствовала в БРИКС в 2024 году, успехи объединения особенно важны, так как именно она стояла у истоков организации. Данный трансконтинентальный проект уходит своими корнями во вторую половину 1990-х гг., когда Е.М. Примаков начал продвижение концепции многополярности и идеи стратегического треугольника «Россия – Индия – Китай» (РИК).

Подводя итог вышеуказанному, также следует отметить, что объединение БРИКС выступает не только площадкой политического и экономического взаимодействия, но и является пространством для

¹ Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (14). С. 146–152.

² Варца Р.А. Сравнительный анализ государственной политики в области развития цифровых платформ в Китайской Народной Республике и Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 272–281.

апробирования и совершенствования цифровых практик (в том числе, в сфере государственного управления). В свою очередь, внедрение современных высокотехнологичных решений способствует не только экономическому развитию стран-участниц и формированию новых логистических цепочек, но и построению гласного диалога между государством и обществом, что благоприятно сказывается на социальной обстановке.

В то же время цифровая трансформация государства в странах БРИКС представляет собой самостоятельное направление межгосударственного взаимодействия, имеющее глубокое правовое значение. Несмотря на отсутствие жестких наднациональных механизмов, декларации саммитов БРИКС формируют вектор развития, который требует адаптации национального законодательства. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что текущая модель сотрудничества в сфере цифровизации носит фрагментарный характер и нуждается в систематизации. Переход от декларативных решений к созданию работающих правовых механизмов взаимодействия государственных объектов IT-инфраструктуры является необходимым условием для укрепления роли БРИКС как центра притяжения для технологического и правового партнерства в мире будущего.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным выработать конкретные предложения по совершенствованию правового взаимодействия в сфере цифровой трансформации в БРИКС:

1. **Разработка Меморандума о взаимопонимании в сфере обмена данными цифровых правительственных систем.** Данный документ должен устанавливать общие стандарты кибербезопасности и форматы обмена электронными документами между государственными органами стран-участниц. Это позволит снизить трансграничные издержки и упростить процедуру предоставления услуг (в том числе, государственных услуг) и осуществления транзакций для граждан и бизнеса, которые пересекают границы стран БРИКС.

2. **Создание рабочей группы экспертов БРИКС по правовым аспектам использования искусственного интеллекта в публичном управлении.** В качестве задачи для данного экспертного объединения можно установить выработку этических и правовых норм, регламентирующих использование ИИ для принятия административных решений. Также необходимо определить границы ответственности государств за ошибки алгоритмов и механизмы обжалования решений, принятых с участием ИИ.

3. **Имплементация общих принципов цифровой идентификации.** Следует рассмотреть возможность признания электронных документов и цифровых подписей, созданных в одной стране БРИКС, в других странах объединения на основе принципа взаимного признания. Это потребует гармонизации национального законодательства в сфере электронной коммерции, информационных технологий и документооборота.

Литература

1. Вареца Р.А. Сравнительный анализ государственной политики в области развития цифровых платформ в Китайской Народной Республике и Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 272–281.

2. Витцум В. Граф. Понятие, история и источники международного права // Международное право / В. Граф Витцум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.]; пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 1–106.

3. Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (14). С. 146–152.

4. Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108–123.

5. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солянин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.

6. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–32.

7. Кони́на Н.Ю. Развитие ключевых технологий в БРИКС – возможности международного экономического сотрудничества и инноваций // Экономические науки. 2024. № 9. С. 357–361.

8. Роша Параньюс К.А. Бразильско-российский диалог в формате БРИК // БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия: сб. докл. и выступлений на междунар. конф. М., 2010. С. 58.

9. Хомяков М.Б. Сети интернационализации: программы академического превосходства и сетевые университеты // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 35–43.

10. Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2018. № 10. С. 15–23.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE IN THE BRICS COUNTRIES: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS

Dolgoplov A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the specifics of the digital transformation of the state in BRICS countries, as well as the legal and institutional mechanisms for the implementation of digital solutions in the sphere of public administration. In addition, the theoretical and legal foundations of digitalization in Russia and foreign states, as well as approaches to the formation of a digital state within the BRICS framework, were analyzed. It is shown that BRICS functions not only as a political and economic platform, but also as a space for harmonizing legal approaches to digital development. On the basis of the research conducted, the author concludes that further coordination of legal regulation and due regard for the national specifics of the participating states are necessary.

Keywords: BRICS, public administration, information and communication technologies, legal regulation, public governance, digital transformation, digitalization, digital state.

References

1. Varetza R.A. Comparative Analysis of Public Policy in the Field of Development of Digital Platforms in the People's Republic of China and the Russian Federation // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2025. No. 2. Pp. 272–281.

2. V. Graf Witzum. Concept, History and Sources of International Law // International Law / V. Graf Witzum, M. Bothe, R. Dolzer [et al.]; trans. from German. Moscow: Infotropic Media, 2015. Pp. 1–106.

3. E.O. Gavrilov. Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. No. 2 (14). Pp. 146–152.

4. Guruleva T.L., Bedareva N.I. Cooperation between Russia and China in the Creation of Network Universities and Joint Educational Institutions // Higher Education in Russia. 2019. No. 4. Pp. 108–123.

5. Danilova L.N., Ledovskaya T.V., Solynin N.E., Khodyrev A.M. Main Approaches to Understanding Digitalization and Digital Values // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020. Vol. 26, No. 2. Pp. 5–12.

6. Zubarev S.M. Legal Risks of Digitalization of Public Administration // Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15, No. 6. Pp. 23–32.

7. Konina N. Yu. Development of Key Technologies in BRICS – Opportunities for International Economic Cooperation and Innovation // Economic Sciences. 2024. No. 9. Pp. 357–361.

8. Rocha Paranhos K.A. Brazilian-Russian Dialogue in the BRIC Format // BRIC: Pre-requisites for Rapprochement and Prospects for Interaction: Collection of Reports and Speeches at the International Conf. Moscow, 2010. p. 58.

9. Khomyakov M.B. Internationalization Networks: Academic Excellence Programs and Network Universities // University Management: Practice and Analysis. 2016. No. 6. Pp. 35–43.

10. Shinkaretskaya G.G. On the Legal Status of BRICS // Modern Law. 2018. No. 10. Pp. 15–23.

О феноменах эффективности и отрицательной эффективности государственной деятельности

Жинкин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кубанского государственного университета

В статье анализу подвергается эффективность государственной деятельности, при этом автором предлагается выделять такую ее разновидность, как эффективность отрицательная. Констатируется, что феномен отрицательной эффективности уже стал предметом научного рассмотрения в рамках проблематики эффективности правовых норм. При этом за основу трактовки отрицательной эффективности был принят так называемый целевой (функционально-целевой) подход, согласно которому отрицательная эффективность понимается как несоответствие целей издания норм права и реально полученных результатов. В таком случае, по мнению автора, и отрицательная эффективность государственной деятельности будет трактоваться как несоответствие или даже противоречие заявленных целей той или иной государственной деятельности и наступивших (полученных) результатов. При этом важно для оценки эффективности как положительной либо отрицательной четко фиксировать цели той или иной государственной деятельности, а также определять критерии (показатели) их достижения. Также указывается на некорректность использования для оценки эффективности государственной деятельности как положительной или отрицательной таких критериев, как роль в утверждении правовых начал государственности или в обеспечении максимальной меры свободы индивидов в социуме, что предлагалось некоторыми авторами для оценки эффективности норм права. Автором также делается попытка отграничить отрицательную эффективность государственной деятельности от эффективности мнимой, или ложной.

Ключевые слова: государство, деятельность, эффективность

«Эффективность государства», «эффективность государственной деятельности» – не только весьма актуальные и широко обсуждаемые, но и весьма емкие категории. Эффективность государственной деятельности может рассматриваться в различных ракурсах – и в исторической динамике, и в сравнительном аспекте, и в системно-структурном плане, дробясь на эффективность аспектов государственной политики, направлений государственной деятельности, эффективность отдельных государственных программ и мероприятий. Сегодня многие говорят о том, что для государства недостаточно провозглашать себя или даже действительно являться «правовым» или «социальным», государству и его деятельности в различных своих направлениях необходимо быть эффективным.

Поэтому не случайно эффективности государственной деятельности уделено немало внимания в литературе. При этом целый ряд авторов исследуют такой важный аспект государственной деятельности, как непосредственно государственное управление. В данном контексте прежде всего следует упомянуть монографии и учебные пособия С.А. Кожевникова и Е.Д. Копытовой[5], М.Н. Ашировой[1], А.М. Нагимовой[8] и многих других. В отношении труда С.А. Кожевникова и Е.Д. Копытовой важно отметить то, что в этой работе весьма обстоятельно рассмотрены сами методические подходы к оценке эффективности государственного управления, сделана попытка приращения целевого и функционального подходов к феномену эффективности. Значимо также то, что в данной работе подвергнуты анализу некоторые специфические черты управления, снижающие его эффективность, в том числе несогласованность действий органов власти, противоречивость управленческих решений, принимаемых на различных уровнях, отсутствие обоснованного стратегического планирования и прогнозирования. Думается, что вышеупомянутые факторы могут повлиять и на превращение положительной эффективности государственного управления в эффективность отрицательную. Что касается работы М.Н. Ашировой, то существенным в научном и практическом плане представляется то, что в этом труде предлагаются интересные критерии оценки эффективности государственного управления, а также содержатся аргументированные предложения по внедрению проектного и программного управления в государственную деятельность в различных сферах.

Проблематике эффективности государственного управления посвящено также немало научных статей, например, работы Э.Р. Тимурханова[10;48–54], М.В. Кузнецовой[6;18–22], В.П. Фоминой и С.Г. Алексеевой[11;63–65]. Особо хотелось бы отметить статью З.Е. Винокур[2;31], в которой система оценки эффективности государственного управления исследуется в прикладном ключе с позиций своих недостатков и возможных направлений совершенствования. В некоторых работах понятие эффективности соотносится с понятием качества деятельности органов государственной власти[3;13–22]. Проблематика эффективности государственной деятельности исследовалась и через призму государственного воздействия на правовую культуру граждан[4;119–124]. Все эти аспекты, несомненно, нужно учитывать при построении классификации видов эффективности государственной деятельности, и в том числе при характеристике такой ее разновидности, как отрицательная. При этом следует иметь в виду, что государственное управление вместе со всеми своими характеристиками и показателями эффективности является лишь частью государственной деятельности, которая гораздо шире и не ограничивается исключительно управленческими действиями.

Кроме того, представляется, что вряд ли можно говорить о положительной эффективности государственного управления при его низком качестве. Аналогично, нельзя назвать и качество государственного управления высоким, если государственная деятельность оказывается неэффективной или даже отрицательно эффективной.

Предваряя характеристику отрицательной эффективности государственной деятельности, следует отметить, что можно найти немало оснований для классификации видов эффективности государственной деятельности. В данной статье не ставится задача проведения подробной классификации эффективности государственной деятельности на виды по различным основаниям, поскольку классификация этих видов представляет собой самостоятельную и весьма объемную научную пробле-

му. Хотелось бы заострить внимание на такой возможной разновидности эффективности государственной деятельности, как отрицательная.

Рассмотреть эту отрицательную эффективность государственной деятельности можно с различных позиций. Начнем с самого определения данного феномена.

За основу трактовки отрицательной эффективности государственной деятельности может быть положено понимание отрицательной эффективности норм права в соответствии с целевой концепцией эффективности правовых норм, утвердившейся в отечественной доктрине. При таком подходе отрицательная эффективность государственной деятельности может считаться в том случае, если результат (совокупность результатов) государственной деятельности в той или иной сфере прямо противоположен заявленным целям.

Другими словами, с позиции целевого подхода отрицательная эффективность может считаться получение не тех результатов, которые обозначены в качестве целей, а прямо противоположных. Например, вместо планируемого притока населения в определенные районы страны наблюдается его отток, вместо увеличения продолжительности жизни – ее снижение и т.д.

Вместе с тем, используя данный подход, чаще всего называемый в науке целевым (функционально-целевым), следует иметь в виду, что термин «отрицательная эффективность» применим далеко не ко всем феноменам правовой системы. Например, вряд ли можно говорить об отрицательной эффективности национального права в целом или отрицательной эффективности правовой системы, поскольку вряд ли такое право и такая правовая система вообще смогут существовать и решать какие-либо задачи. Вряд ли можно говорить и об отрицательной эффективности государственной деятельности в целом, поскольку возникает вполне резонный вопрос: каким образом государство, деятельность которого в целом отрицательно эффективна, вообще продолжает свое функционирование? Очевидно, что об отрицательной эффективности государственной деятельности в целом можно говорить лишь применительно к конкретному государству в период его разложения, распада. Например, можно говорить об отрицательной эффективности государственной деятельности в царской России перед Февральской революцией. Однако выявить и охарактеризовать отрицательную эффективность государственной деятельности, обоснованно объяснить причины такой отрицательной эффективности зачастую можно лишь в будущем в исторической исследовательской ретроспективе, на основе анализа предшествующих исторических событий и их причин и наступивших последствий.

Для оценки эффективности государственной деятельности в качестве положительной или отрицательной не вполне корректным представляется такой критерий эффективности, применявшийся к эффективности норм права, как обеспечение максимальной меры свободы и вклад в укрепление правовых начал государственности, что было предложено в некоторых работах В.В. Лапаевой [9:503–504]. Во-первых, если говорить о конкретной норме права, то не вполне понятно, какой вклад в укрепление правовых начал государственности и в обеспечение максимально возможной меры свободы вносят вполне «рядовые» нормы о размере алиментов, реквизитах искового заявления в суд или о количестве заместителей у конкретного министра и их компетенции. Поэтому измерение и даже простая оценка эффективности этих норм становятся при данном подходе попросту невозможными.

Что же касается оценки эффективности государственной деятельности по данному критерию, то с самого начала вполне очевидно, что разные направления государственной деятельности вносят совершенно различный вклад в обеспечение максимальной меры свободы и в укрепление правовых начал государственности. Более того, если мы говорим, например, о хозяйственной деятельности, о планировании и прогнозировании и некоторых других направлениях, то такая связь вообще напрямую не просматривается.

В то же время представляет интерес предложенный В.В. Лапаевой подход к проблематике эффективности с позиций социальной конфликтности. Так, она отмечала, что «под эффективностью закона следует понимать степень соответствия реального уровня конфликтности в урегулированной законом сфере отношений оптимальному для данной сферы уровню конфликтности» [7:215–216]. В этом плане хотелось бы заметить следующее. Уровень конфликтности в обществе, его группах, регионах и т.д. выступает важнейшим показателем эффективности государственной деятельности. А повышение уровня конфликтности однозначно свидетельствует об отрицательной эффективности государственной деятельности в той или иной сфере.

Хотелось бы обратить внимание и на такую проблему, как существование и проявления «побочной отрицательной эффективности» государственной деятельности. Существует ли она, следует ли ее выделять? Представляется, что указанной побочной отрицательной эф-

фективностью будет обладать такая государственная деятельность, которая, хотя и ведет к достижению поставленных целей и вызывает соответствующие результаты, но с непомерными, непропорциональными издержками для общественного развития. Такой побочной эффективностью можно считать, например, поддержку руководством Советского Союза других социалистических государств, коммунистических партий за рубежом, проводившуюся в ущерб и при игнорировании интересов собственного населения.

Отрицательную эффективность государственной деятельности следует ограничивать от ложной, или мнимой. Так, например, в советское время государство эффективно запрещало частное предпринимательство, однако за внешней эффективностью такой деятельности скрывалась ее вредность для общественного и государственно-правового развития.

Итак, отрицательная эффективность государственной деятельности является интересным и нуждающимся в дальнейшем исследовании феноменом, при этом сегодня необходимо наметить пути предотвращения такой отрицательной эффективности, а также детально разработать комплекс средств борьбы с ней, в том числе юридических, если она уже имеет место. Сегодня также очень важно для оценки эффективности как положительной либо отрицательной четко фиксировать цели той или иной государственной деятельности, а также заранее определять критерии (показатели) их достижения.

Литература

1. Аширова М.Н. Оценка эффективности деятельности органов публичной власти. Ростов-на-Дону, 2023.
2. Винокур З.Е. Российская система оценки эффективности государственного управления: недостатки и возможности усовершенствования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 2. С. 31–36.
3. Горб В.Г. Качество и эффективность деятельности органов государственной власти: теоретический и методологический аспекты // Государственная служба. 2022. № 4 (138). С. 13–22.
4. Жинкин С.А. Некоторые проблемы технологий правового воздействия на правовую культуру личности в современном обществе // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 119–124.
5. Кожевников С.А., Копытова Е.Д. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения. Вологда, 2018.
6. Кузнецова М.В. Актуальные вопросы оценки эффективности государственного управления в современной России // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2024. № 2. С. 18–22.
7. Лапаева В.В. Социология права. М., 2004.
8. Нагимова А.М. Эффективность деятельности государственных органов управления как фактор повышения качества жизни в регионе: проблемы оценки измерения. Казань, 2009.
9. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2002.
10. Тимурханов Э.Р. Государственное управление: понятие и эффективность // Актуальные исследования. 2021. № 42. С. 48–54.
11. Фомина В.П., Алексеева С.Г. Об оценке эффективности государственного управления // Микроэкономика. 2015. № 3. С. 63–65.

ON THE PHENOMENA OF EFFICIENCY AND NEGATIVE EFFICIENCY OF STATE ACTIVITY

Zhinkin S.A.

Kuban state University

The article analyzes the effectiveness of government activities, while the author suggests highlighting such a variety of it as negative effectiveness. It is stated that the phenomenon of negative efficiency has become the subject of scientific consideration within the framework of the problems of effectiveness of legal norms. At the same time, the so-called target (functional-target) approach was adopted as the basis for the interpretation of negative effectiveness, according to which negative effectiveness is understood as a discrepancy between the objectives of the publication of legal norms and the actual results obtained. In this case, according to the author, the negative effectiveness of government activities will be interpreted as a discrepancy between the stated goals of a particular government activity and the results achieved. At the same time, in order to assess effectiveness as positive or negative, it is important to clearly define the goals of a particular government activity, as well as define criteria (indicators) for their achievement. It is also pointed out that it is incorrect to use criteria such as the role in approving the legal principles of statehood or in ensuring the maximum measure of freedom of individuals in society to assess the effectiveness of government activities as positive or negative, which has been proposed by some authors to assess the effectiveness of legal norms. The author also makes an attempt to distinguish the negative effectiveness of government activities from the imaginary or false effectiveness.

Keywords: state, activity, efficiency

References

1. Ashirova M.N. Evaluation of the effectiveness of the activities of public authorities. Rostov-on-Don, 2023.
2. Vinokur S.E. Russian system of evaluation of the effectiveness of public administration: shortcomings and possibilities for improvement // Izvestia of Irkutsk state economic academy. 2012. № 2. pp.31–36.
3. Gorb B.Г. Quality and effectiveness of the activities of public authorities: theoretical and methodological aspects // Public service. 2022. № 4 (138). pp.13–22.
4. Zhinkin S.A. Some problems of technology legal influence on the legal culture of the individual in modern society // Law Gazette of Kuban State University. 2019. № 4. pp.119–124.
5. Kozevnikov S.A, Koturova E.J. Efficiency of public administration: problems and methods of improvement. Vologda, 2018.
6. Kuznetsova M.V. Topical issues of evaluation of the effectiveness of state management in modern Russia // Vestry of the Voronezh Institute of Economics and Social Management. 2024. № 2. pp.18–22.
7. Лапаева В.В. Sociology of law. М., 2004.
8. Nagimova A.M. The effectiveness of public administration as a factor for improving the quality of life in the region: problems of measurement evaluation. Kazan, 2009.
9. Problems of the general theory of law and the state / Under the editor W.S. Nersisyan. М., 2002.
10. Тимурханов Е.Р. Public administration: concept and efficiency // Actual studies. 2021. № 42. pp.48–54.
11. Fomina V.P., Alekseeva S.G. On evaluation of the effectiveness of public administration // Microeconomics. 2015. № 3. pp.63–65.

Правовые проблемы реализации обязательных требований при оказании медицинской помощи

Косолапова Наталья Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: knv18@yandex.ru

Предмет исследования связан с правовыми затруднениями, возникающими при реализации обязательных требований при оказании медицинской помощи в современной российской системе здравоохранения. Актуальность темы обусловлена усложнением нормативного массива, одновременным действием общих регуляторных предписаний и специальных норм законодательства об охране здоровья, усилением профилактической направленности государственного контроля, пересборкой правил лицензирования медицинской деятельности и обновлением регулирования платных медицинских услуг. Цель работы – выявить основные правовые пробелы, влияющие на соблюдение обязательных требований медицинскими организациями, и определить направления их преодоления. Научная новизна связана с рассмотрением обязательных требований как многоуровневой конструкции, где пересекаются лицензионные условия, порядки оказания медицинской помощи, клинические рекомендации, механизмы внутреннего контроля качества и процедуры надзорного реагирования. Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сравнительно-правовой подход, логико-аналитическое толкование нормативных положений, классификацию и обобщение. Изучены русскоязычные научные работы 2021–2025 гг., посвященные лицензированию, клиническим рекомендациям, внутреннему контролю качества, платным медицинским услугам и контрольной деятельности. В аналитической части раскрыты источники обязательных требований, выявлены зоны нормативного пересечения и пробелы правоприменения. Практическая полезность результатов связана с возможностью их использования при построении локальных комплаенс-моделей, корректировке внутреннего контроля качества и подготовке медицинских организаций к надзорным мероприятиям.

Ключевые слова: обязательные требования, медицинская помощь, правовое регулирование здравоохранения, лицензирование медицинской деятельности, клинические рекомендации, внутренний контроль качества, платные медицинские услуги, государственный контроль в здравоохранении, проверочные листы, правоприменительные коллизии.

Введение

Проблематика обязательных требований при оказании медицинской помощи заняла центральное место в анализе правового регулирования здравоохранения после реформирования контрольной деятельности, обновления правил лицензирования, усиления значения клинических рекомендаций и изменения порядка предоставления платных медицинских услуг. Медицинская организация действует внутри нормативного массива, где требования закреплены в федеральных законах, подзаконных актах, порядках оказания медицинской помощи, стандартах, лицензионных положениях, проверочных листах контрольного органа и локальных регламентах внутреннего контроля. Подобная многослойность порождает не столько нехватку регулирования, сколько трудности согласования разнородных предписаний, различающихся по юридической природе, механизму действия и способу проверки.

Для сферы медицинской помощи данная проблема обостряется вследствие прямой связи правовых предписаний с безопасностью пациента, допустимостью медицинского вмешательства, распределением обязанностей между руководителем организации и медицинским работником, пределами усмотрения врача и пределами контрольного вмешательства государства. При нарушении обязательных требований юридическая оценка охватывает сразу несколько плоскостей: лицензионную, контрольно-надзорную, договорную, дисциплинарную, а в ряде случаев – гражданско-правовую и уголовно-правовую. По данной причине вопрос о составе и содержании обязательных требований нельзя сводить к формальному перечислению норм. Требуется выяснение их внутренней структуры, каналов обязательности и точек правоприменительного конфликта.

Цель исследования – раскрыть правовые проблемы реализации обязательных требований при оказании медицинской помощи и определить направления их системного согласования.

Задачи исследования:

1. установить, из каких нормативных блоков складываются обязательные требования при оказании медицинской помощи и каким образом соотносятся общие и специальные предписания;
2. выявить основные проблемы правоприменения, возникающие при лицензировании, применении клинических рекомендаций, предоставлении платных медицинских услуг и осуществлении контроля;
3. сформулировать выводы, пригодные для совершенствования внутренней правовой организации медицинской деятельности и надзорной практики.

Научная новизна работы состоит в том, что обязательные требования в сфере медицинской помощи рассмотрены как единая правовая конструкция, функционирующая через несколько взаимосвязанных механизмов: допуск к деятельности, текущее оказание помощи, документирование, внутренний контроль качества и внешнюю надзорную оценку. Подобный подход позволяет уйти от разрозненного анализа отдельных актов и показать, где именно возникают коллизии, пробелы и несогласованность правовых режимов.

Материалы и методы

Материальную основу исследования образуют научные публикации, посвященные обязательным требованиям в здравоохранении, лицензированию медицинской деятельности, клиническим рекомендациям, внутреннему контролю качества и регулированию платных медицинских услуг. Д.М. Мустафина-Бредихина [1] рассматривает внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности как правовой инструмент защиты медицинской организации при претензиях пациентов; в другой работе тот же автор [2] анализирует вопрос об обязательности клинических рекомендаций и границы их правоприменения. А.В. Новожилов, И.С. Кицул, Д.В. Пивень [3] выявляют пробелы регулирования оказания помощи пациентам до и после трансплантации органов. Д.В. Пивень, И.С. Кицул, И.В. Иванов [4] исследуют новое положение о лицензировании медицинской деятельности; в последующих работах авторский коллектив рассматривает контрольную закупку при предоставлении платных медицинских услуг [5], проблему обязательности официального сайта медицинской организации при оказании платных услуг [6], соотношение закона об обязательных требованиях

с требованиями к качеству и безопасности медицинской деятельности [7], реформу контрольно-надзорной деятельности применительно к медицинским организациям [8] и профилактический визит как усиливающий инструмент государственного контроля [9]. В.И. Стародубов, Ф.Н. Кадыров, А.М. Чилилов, О.С. Кобякова [10] анализируют новые правила предоставления платных медицинских услуг и их влияние на деятельность медицинских организаций и положение пациента.

В работе применены анализ научных публикаций, сравнительно-правовой анализ, логико-аналитическое толкование нормативных положений, классификация и обобщение. Перечисленные методы использованы для выявления состава обязательных требований, разграничения их источников, определения узловых противоречий и построения целостной правовой модели реализации требований при оказании медицинской помощи.

Результаты

Анализ научной литературы позволяет установить, что обязательные требования при оказании медицинской помощи не образуют единый однородный массив. Их содержание складывается из нескольких нормативных блоков требований, действующих одновременно. Первый блок связан с общими правилами об обязательных требованиях и государственном контроле; второй – со специальным законодательством об охране здоровья; третий – с лицензионными условиями; четвёртый – с договорным и информационным режимом платных медицинских услуг; пятый – с внутренним контролем качества и безопасности медицинской деятельности. Подобная структура предопределяет основную правовую проблему: медицинская организация сталкивается не с одним набором предписаний, а с пересекающимися режимами, где одно и то же действие оценивается сразу по нескольким основаниям [7; 8].

В публикации о новом положении о лицензировании медицинской деятельности подчёркнуто, что обновлённые лицензионные требования подтягивают лицензионный режим к действующему законодательству об охране здоровья и тем самым превращают лицензию из формального разрешения в постоянный механизм текущей правовой оценки деятельности медицинской организации [4]. Лицензирование перестаёт сводиться к моменту допуска на рынок; оно фактически закрепляет обязательность соблюдения ряда специальных требований в процессе оказания помощи. Из литературы следует, что подобная конструкция усиливает правовое значение организационных, кадровых, информационных и процедурных обязанностей медицинской организации [4].

На данном фоне пробельность регулирования выявляется особенно отчётливо в узкоспециальных видах помощи. Исследование, посвящённое медицинской помощи пациентам до и после трансплантации органов, показывает наличие нормативной незавершённости: высокотехнологичный сегмент медицины зависит от общего лицензионного режима, но не получает достаточной детализации именно в части маршрутизации пациента, непрерывности ведения и специального порядка оказания помощи после трансплантации [3]. Из данного наблюдения следует более широкое положение: наличие лицензии и общих правил допуска не снимает проблему фрагментарности текущего правового регулирования конкретного профиля медицинской помощи [3; 4].

Отдельную группу трудностей образует соотношение закона об обязательных требованиях с нормами специального законодательства о здравоохранении. В работе, посвящённой закону об обязательных требованиях, показано, что требования к качеству и безопасности медицинской деятельности обладают прямой связью с охраняемыми законом ценностями – жизнью и здоровьем пациента; при этом далеко не весь массив медицинских предписаний подпадает под общий режим закона об обязательных требованиях [7]. Для медицинской помощи данное обстоятельство имеет принципиальное значение: порядки оказания медицинской помощи, стандарты и клинические рекомендации формально выведены из сферы действия общего закона об обязательных требованиях, но их обязательность не исчезает, поскольку она закреплена в специальном регулировании здравоохранения [7]. Следовательно, правоприменитель не вправе делать вывод о факультативном характере данных предписаний лишь по причине их исключения из общего регуляторного режима.

Именно на указанном участке возникает одна из наиболее обсуждаемых правовых проблем – степень обязательности клинических рекомендаций. Специальное исследование Д.М. Мустафиной-Бредихиной показывает, что вопрос не сводится к простой оппозиции «обязательны – необязательны» [2]. Юридическая оценка зависит от того, в каком именно правоотношении анализируется поведение медицинской организации или врача: при внутренней экспертизе качества, при надзорной проверке, при рассмотрении претензии пациента,

при экспертной оценке дефекта оказания помощи. В таком ракурсе клинические рекомендации приобретают значение нормативно ориентирующего документа, отступление от которого требует убедительного профессионального и документального обоснования [2]. Отсюда вытекает серьёзная проблема: без надлежащей фиксации причин индивидуализации лечения правомерное медицинское решение внешне выглядит как нарушение обязательных требований.

Другая группа обязательных требований концентрируется в сфере платных медицинских услуг. Работы В.И. Стародубова, Ф.Н. Кадырова, А.М. Чилилова, О.С. Кобяковой и Д.В. Пивеня с соавторами показывают, что обновление правил предоставления платных медицинских услуг изменило юридическую архитектуру отношений с пациентом-потребителем [10; 6]. Усложнились правила доведения информации об исполнителе и услуге, выросло значение корректного оформления договора, усилилась связь между соблюдением потребительских требований и лицензионным режимом [10]. При этом проблема официального сайта раскрывает более глубокое противоречие: формула «при наличии сайта» не устраняет обязанность медицинской организации размещать предусмотренную законом информацию в сети Интернет, а лишь переводит дискуссию в плоскость формы исполнения информационной обязанности и рисков использования внешних цифровых площадок [6].

Правовой режим платных услуг в медицинской сфере получает дополнительное усложнение за счёт контрольной закупки. Анализ нормативного регулирования контрольной закупки показывает, что сфера платных медицинских услуг выступает одним из наиболее чувствительных объектов надзора, где проверка соблюдения обязательных требований проводится через имитацию обычной потребительской ситуации [5]. С правовой точки зрения подобный механизм примечателен тем, что он соединяет потребительское право, лицензионные требования и государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности. Для медицинской организации из данного пересечения вытекает обязанность поддерживать правомерность не только лечебного процесса, но и предварительных действий: информирования, заключения договора, выдачи документов, расчётов и организации доступа к сведениям об услуге [5; 10].

Материалы о реформе контрольно-надзорной деятельности и о профилактических мероприятиях позволяют сделать следующий вывод: современный контроль в здравоохранении не движется по линии смягчения обязательных требований; перестройка затрагивает прежде всего формы выявления нарушений и порядка надзорного взаимодействия [8; 9]. В работах Д.В. Пивеня, И.С. Кицула и И.В. Иванова подчёркнуто, что реформа не устранила проверки как таковые, а сместила акцент на риск-ориентированную модель, профилактические визиты, индикаторы риска и новые комбинации контрольных мероприятий [8]. Отсюда вытекает следующая правовая проблема: часть медицинских организаций продолжает воспринимать профилактический визит как мягкий консультативный формат, хотя нормативная эволюция ведёт к расширению его оценочного потенциала [9].

Особый интерес представляет правовая логика профилактического визита. В исследовании 2024 г. предложен подход, при котором содержанием визита выступает проверка уровня осведомлённости контролируемого лица об обязательных требованиях и способности применить их в конкретной деятельности [9]. В более поздней публикации 2025 г. показано дальнейшее усиление надзорного компонента профилактического визита: у медицинской организации фактически исчезают основания воспринимать данный формат как нейтральную беседу без правовых последствий [9; 8]. Следовательно, реализация обязательных требований в здравоохранении всё теснее связывается не с эпизодической реакцией на проверку, а с постоянной готовностью подтвердить знание, исполнение и документальную обеспеченность правовых предписаний [8; 9].

На стыке внешнего контроля и внутренней организации деятельности особое место занимает внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности. В статье Д.М. Мустафиной-Бредихиной внутренний контроль раскрыт как правовой инструмент защиты при претензиях пациентов, причём внимание сосредоточено на работе врачебной комиссии и службы внутреннего контроля [1]. Значение данной конструкции выходит далеко за пределы сугубо организационной функции. Внутренний контроль создаёт юридическую среду, в которой обязательные требования переводятся на уровень локальных процедур, чек-листов, маршрутов согласования и фиксируемых решений. При отсутствии подобной среды даже добросовестное исполнение медицинской обязанности нередко остаётся недоказуемым в споре с пациентом или в ходе надзорной оценки [1; 2].

Сопоставление рассмотренных публикаций позволяет выявить общее направление развития законодательства и правоприменения.

Обязательные требования при оказании медицинской помощи всё менее связаны с единичным фактом нарушения конкретной нормы и всё теснее – с проверяемостью всей системы деятельности медицинской организации. Для внешнего контроля значение приобретают лицензия, соблюдение специальных правил, полнота информирования пациента, наличие внутреннего контроля, документальная фиксация индивидуальных решений и готовность к профилактическому взаимодействию с надзорным органом [4–7]. Для самой медицинской организации подобная ситуация означает переход от модели формального соблюдения отдельных предписаний к модели непрерывного правового обеспечения медицинской помощи.

Обсуждение

Проведённый анализ показывает, что основная трудность в сфере обязательных требований связана не с отсутствием правового регулирования, а с разрастанием нескольких нормативных режимов, действующих одновременно и не всегда согласованно по юридической технике. С одной стороны, законодатель стремится унифицировать подход к обязательным требованиям через общие акты о регулировании и государственном контроле. С другой стороны, медицинская помощь сохраняет высокую отраслевую специфику, из-за которой значительная часть реально применимых предписаний закреплена вне общего закона об обязательных требованиях. В результате складывается двойственная конструкция: общий регуляторный каркас существует, но реальная обязательность многих требований выводится из специального медицинского законодательства.

Наиболее чувствительная зона подобной двойственности – клинические рекомендации. В правоприменении их нередко пытаются рассматривать либо как жёсткую квазинорму, либо как факультативный профессиональный ориентир. Оба подхода чрезмерно упрощают ситуацию. Первый сужает пространство врачебного усмотрения и игнорирует клиническую индивидуализацию. Второй затрудняет защиту прав пациента и ослабляет предсказуемость экспертной оценки. Более продуктивной представляется модель, при которой клинические рекомендации работают как презумпция надлежащего профессионального поведения, а отступление от них допустимо при условии содержательного и документированного обоснования. Для медицинской организации подобная логика означает прямую зависимость между качеством ведения документации и способностью доказать правомерность лечебного решения.

Сходная неоднозначность просматривается в вопросе о профилактическом характере современного контроля. Формально смещение акцента от проверок к профилактическим мероприятиям выглядело как снижение жёсткости надзорного вмешательства. Анализ публикаций убеждает в обратном: произошло не ослабление требований, а изменение технологии их выявления и оценки. Профилактический визит постепенно превращается в форму предварительной правовой диагностики, где проверяется не столько факт отдельного нарушения, сколько степень готовности медицинской организации к правомерной работе. Для руководителя медицинской организации подобный сдвиг означает отказ от прежней логики «подготовки к проверке по сигналу» и переход к постоянной юридической сборке повседневной деятельности.

Сфера платных медицинских услуг особенно наглядно выявляет пересечение нескольких правовых режимов. Договор с пациентом, информирование потребителя, интернет-размещение сведений, лицензия, проверочные листы, контрольная закупка – все перечисленные элементы образуют единую линию оценки правомерности деятельности. В данном сегменте медицинская помощь приобретает двойной юридический профиль: как вид профессиональной деятельности, связанный с жизнью и здоровьем, и как услуга, подлежащая потребительской защите. Расхождение между медицинской и потребительской логикой здесь полностью не снято. Отсюда проистекают сложности квалификации нарушений, особенно в случаях, когда формальный дефект информирования или договора сопровождается клинически корректное лечение.

Проблема лицензирования раскрывает ещё одну устойчивую тенденцию. Российская модель лицензирования медицинской деятельности заметно расширила собственную функцию и перестала ограничиваться входным фильтром допуска к профессии или организации бизнеса. Лицензионные требования работают как канал переноса значительной части отраслевых обязанностей в сферу постоянного государственного контроля. Подобный подход усиливает дисциплину исполнения предписаний, но одновременно делает медицинскую организацию уязвимой перед нормативной фрагментацией. Чем шире круг лицензионно значимых обязанностей, тем выше зависимость пра-

вомерности деятельности от точности согласования многочисленных подзаконных актов.

Отдельного внимания заслуживает выявленный в литературе пробел при оказании помощи пациентам до и после трансплантации органов. Данный пример ценен не из-за своей редкости, а из-за типологической выразительности. Он показывает, что медицинская деятельность с высокой клинической сложностью способна оставаться частично недорегулированной даже при наличии общего лицензионного режима и специального законодательства. Подобные ситуации особенно опасны для правоприменения: отсутствие детального порядка нередко компенсируется расширительным толкованием общих норм, а такая практика усиливает непредсказуемость оценки действий медицинской организации и врача.

Научная литература подробно описывает отдельные аспекты регулирования – лицензирование, платные услуги, профилактические визиты, клинические рекомендации, внутренний контроль. Существенно реже встречается комплексный анализ их взаимодействия внутри единой модели реализации обязательных требований при оказании медицинской помощи. Недостаточно проработан вопрос о соотношении профессионального усмотрения врача и надзорной стандартизации поведения медицинской организации. Ограниченно раскрыт механизм перевода внешних обязательных требований в локальные акты, клинические маршруты, формы фиксации решений и процедуры внутренней экспертизы. По данной причине дальнейшее исследование целесообразно направить на изучение комплаенс-архитектуры медицинской организации как самостоятельного правового феномена.

Заключение

В ходе исследования установлено, что обязательные требования при оказании медицинской помощи складываются из нескольких нормативных блоков требований: общего регулирования обязательных требований и государственного контроля, специального законодательства об охране здоровья, лицензионных условий, правил предоставления платных медицинских услуг, клинических рекомендаций и механизмов внутреннего контроля качества. Их одновременное действие формирует сложную правовую конструкцию, внутри которой единичное действие медицинской организации получает многоуровневую юридическую оценку.

По первой задаче исследования выявлено, что обязательность медицинских предписаний не исчерпывается рамками закона об обязательных требованиях. Существенная часть требований действует через специальное отраслевое регулирование. По данной причине правомерность оказания медицинской помощи определяется совокупностью общих и специальных норм, а не одним источником.

По второй задаче установлены основные проблемы правоприменения. К ним относятся неопределённость в практическом применении клинических рекомендаций, расширение лицензионного значения текущих организационных обязанностей, усиление надзорного потенциала профилактических мероприятий, пересечение медицинского и потребительского регулирования в платных услугах, а равно пробелы специального регулирования в отдельных профилях медицинской помощи. Существенную проблему образует зависимость итоговой правовой оценки от качества документирования клинических и организационных решений.

По третьей задаче сформулирован вывод о необходимости системного согласования обязательных требований на уровне самой медицинской организации. Наибольшую правовую устойчивость обеспечивает модель, при которой внешние предписания переводятся во внутренние регламенты, маршруты принятия решений, процедуры внутреннего контроля и документальные стандарты фиксации оказанной помощи. Подобный подход снижает риск коллизий правоприменения и укрепляет доказуемость надлежащего исполнения обязанностей при споре с пациентом либо при надзорной оценке.

Литература

1. Мустафина-Бредихина Д.М. Организация внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности как инструмент защиты при претензиях пациентов // Неонатология: новости, мнения, обучение. 2024. Т. 12, № 2. С. 91–93. DOI: 10.33029/2308-2402-2024-12-2-91-93.
2. Мустафина-Бредихина Д.М. Обязательность выполнения клинических рекомендаций: поставлена ли точка в этом вопросе? // Неонатология: новости, мнения, обучение. 2025. Т. 13, № 2. С. 87–90. DOI: 10.33029/2308-2402-2025-13-2-87-90.
3. Новожилов А. В., Кицул И.С., Пивень Д.В. О необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования в части оказания медицинской помощи пациентам до и после трансплан-

тации органов // Менеджер здравоохранения. 2024. № 6. С. 4–12. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-6-4-12.

4. Пивень Д. В., Кицул И.С., Иванов И.В. Новое Положение о лицензировании медицинской деятельности: на что обратить внимание руководителям медицинских организаций // Менеджер здравоохранения. 2021. № 7. С. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2021-7-4-10.

5. Пивень Д. В., Кицул И.С., Иванов И.В. Нормативно-правовое регулирование контрольной закупки при предоставлении платных медицинских услуг: актуальность вопроса для медицинских организаций // Менеджер здравоохранения. 2023. № 10. С. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-10-4-10.

6. Пивень Д. В., Кицул И.С., Иванов И.В. Новые Правила предоставления платных медицинских услуг: обязана ли медицинская организация иметь официальный сайт // Менеджер здравоохранения. 2023. № 7. С. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-7-4-10.

7. Пивень Д. В., Кицул И.С., Иванов И.В. Закон об обязательных требованиях и обязательные требования к качеству и безопасности медицинской деятельности: что необходимо знать руководителю медицинской организации // Менеджер здравоохранения. 2024. № 4. С. 15–22. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-15-22.

8. Пивень Д. В., Кицул И.С., Иванов И.В. Реформа контрольно-надзорной деятельности и проверки медицинских организаций: мифы и реальность // Менеджер здравоохранения. 2024. № 3. С. 13–23. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-2-13-23.

9. Пивень Д. В., Кицул И.С., Иванов И.В. Как обеспечить приоритет профилактических мероприятий в системе государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности: предложения // Менеджер здравоохранения. 2024. № 9. С. 4–13. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-9-4-13. Пивень Д.В., Кицул И.С., Иванов И.В. Новые требования к профилактическому визиту. Почему теперь это одна из основных форм государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности // Менеджер здравоохранения. 2025. № 10. С. 4–11. DOI: 10.21045/1811-0185-2025-10-4-11.

10. Стародубов В. И., Кадыров Ф.Н., Чилилов А.М., Кобыкова О.С. Новые правила предоставления платных медицинских услуг: обзор и оценка основных новшеств // Менеджер здравоохранения. 2023. № 5. С. 4–12. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-5-4-12.

LEGAL ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF MANDATORY REQUIREMENTS IN MEDICAL CARE

Kosolapova N.V.

Plekhanov Russian University of Economics

This research focuses on legal challenges arising in the implementation of mandatory requirements for medical care in the modern Russian healthcare system. The relevance of this topic is determined by the increasing complexity of the regulatory framework, the simultaneous application of general regulatory requirements and specific provisions of healthcare legislation, the strengthening of the preventive focus of state oversight, the revision of licensing rules for medical activities, and the updating of regulations for paid med-

ical services. The aim of this study is to identify the key legal issues affecting compliance with mandatory requirements by medical organizations and to determine areas for their harmonization. The scientific novelty lies in the consideration of mandatory requirements as a multi-layered construct, where licensing conditions, medical care procedures, clinical guidelines, internal quality control mechanisms, and supervisory response procedures intersect. The methodological framework is based on an analysis of scientific publications, a comparative legal approach, a logical and analytical interpretation of regulatory provisions, classification, and generalization. Russian-language scientific papers published between 2021 and 2025 on licensing, clinical guidelines, internal quality control, paid medical services, and oversight activities were reviewed. The analytical section reveals the sources of mandatory requirements, identifies areas of regulatory overlap, and identifies gaps in enforcement. The practical utility of the results lies in their potential use in developing local compliance models, adjusting internal quality control, and preparing medical organizations for oversight activities.

Keywords: mandatory requirements, medical care, legal regulation of healthcare, licensing of medical activities, clinical guidelines, internal quality control, paid medical services, state oversight in healthcare, checklists, law enforcement conflicts.

References

1. Mustafina-Bredikhina, D. M., "Organization of Internal Quality Control and Safety of Medical Activities as a Defense Tool in Patient Claims," *Neonatology: News, Opinions, Training*, 2024, Vol. 12, No. 2, Pp. 91–93. DOI: 10.33029/2308-2402-2024-12-2-91-93.
2. Mustafina-Bredikhina, D. M., "Mandatory Compliance with Clinical Guidelines: Is the Issue Set in Stone?", *Neonatology: News, Opinions, Training*, 2025, Vol. 13, No. 2, Pp. 87–90. DOI: 10.33029/2308-2402-2025-13-2-87-90."
3. Novozhilov A.V., Kitsul I.S., Piven D.V. On the Need to Improve Legal Regulation in Terms of Providing Medical Care to Patients Before and After Organ Transplantation // *Healthcare Manager*. 2024. No. 6. Pp. 4–12. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-6-4-12.
4. Piven D. V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. New Regulations on Licensing of Medical Activities: What Should Heads of Medical Organizations Pay Attention to // *Healthcare Manager*. 2021. No. 7. Pp. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2021-7-4-10.
5. Piven D. V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. Normative and legal regulation of test purchases in the provision of paid medical services: the relevance of the issue for medical organizations // *Healthcare Manager*. 2023. No. 10. Pp. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-10-4-10.
6. Piven D. V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. New Rules for the Provision of Paid Medical Services: Is a medical organization obliged to have an official website // *Healthcare Manager*. 2023. No. 7. Pp. 4–10. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-7-4-10.
7. Piven D.V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. The Law on Mandatory Requirements and Mandatory Requirements for the Quality and Safety of Medical Activities: What the Head of a Medical Organization Needs to Know // *Healthcare Manager*. 2024. No. 4. Pp. 15–22. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-4-15-22.
8. Piven D. V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. Reform of Control and Supervisory Activities and Inspection of Medical Organizations: Myths and Reality // *Healthcare Manager*. 2024. No. 3. Pp. 13–23. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-2-13-23.
9. Piven D.V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. How to Ensure Priority of Preventive Measures in the System of State Control over the Quality and Safety of Medical Activities: Proposals // *Healthcare Manager*. 2024. No. 9. Pp. 4–13. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-9-4-13. Piven D.V., Kitsul I.S., Ivanov I.V. New Requirements for a Preventive Visit. Why It Is Now One of the Main Forms of State Control over the Quality and Safety of Medical Activities // *Healthcare Manager*. 2025. No. 10. Pp. 4–11. DOI: 10.21045/1811-0185-2025-10-4-11.
10. Starodubov V. I., Kadyrov F.N., Chilikov A.M., Kobayakova O.S. New rules for the provision of paid medical services: review and assessment of the main innovations // *Healthcare Manager*. 2023. No. 5. Pp. 4–12. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-5-4-12.

Зарубежный опыт определения юрисдикции оказания финансовых услуг с использованием смарт-контрактов

Матвеев Тимур Евгеньевич,

аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; помощник судьи Пресненского районного суда г. Москвы

В статье исследуется опыт государств в определении юрисдикции при оказании финансовых услуг с использованием смарт-контрактов. Автор рассматривает проблему трансграничного характера смарт-контрактов, который затрудняет применение традиционных территориальных критериев правового регулирования. В работе анализируются подходы США, ОАЭ, Индии, Европейского союза и Китая различающиеся по основаниям установления юрисдикции. Особое внимание уделяется вопросу соотношения децентрализованной природы смарт-контрактов и необходимости публично-правового регулирования в финансовой сфере. В заключении обосновывается вывод о необходимости дальнейшего изучения вопроса оптимальной модели регулирования для применения в Российской Федерации.

Ключевые слова: смарт-контракты; финансовые услуги; регулирование публичного права; юрисдикция; цифровая экономика; блокчейн; распределенные реестры; трансграничные финансовые отношения; цифровые финансовые активы; государственное регулирование; финансовое право; экстерриториальность; цифровизация финансового сектора; международный опыт регулирования; правовой режим цифровых технологий.

Введение

Усовершенствование и развитие цифровых технологий в финансовой сфере способствовало появлению новых форм оказания финансовых услуг, среди которых особое место занимают смарт-контракты, функционирующие на основе децентрализованных блокчейн-технологий.

Применение смарт-контрактов не только позволяет автоматизировать исполнение обязательств, минимизировать участие посредников, но также повышает эффективность финансовых операций. Однако, использование смарт-контрактов несет в себе ряд сложностей, бросающих вызов традиционным механизмам правового регулирования. Одной из ключевых выступает проблема установления территориальной юрисдикции для определения применимости тех или иных правовых механизмов.

В работе под термином юрисдикция понимается именно территориальная юрисдикция, являющаяся свойством территории или объекта, на которые распространяется суверенная власть, а равно и правовая система того или иного государства. Согласно данному подходу, любая финансовая операция с использованием смарт-карт, совершенная на территории, на которую государство объявило свою юрисдикцию, подпадает под законодательство этого государства.

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь самой природой смарт-контрактов, являющейся децентрализованной и трансграничной. Как следствие, смарт-контракты не укладываются в рамки классических принципов правового регулирования, основанных на привязке сугубо к территории государства и на наличии идентифицируемых соответствующим государством субъектов финансовых отношений. При отсутствии централизованного оператора и использования технологий распределенного реестра возникают существенные трудности в определении правовой системы, подлежащей применению для регулирования соответствующих экономических отношений, возникающих при использовании смарт-контрактов.

Действующее законодательство Российской Федерации формирует модель регулирования, ориентированную на централизованные системы и наличие операторов, подлежащих государственному контролю¹. Такая модель не может всецело охватить отношения, возникающие при использовании смарт-контрактов вне централизованной инфраструктуры, что свидетельствует о наличии пробелов в действующем законодательстве.

Практика финансово-правового регулирования других государств характеризуется разнообразием и не формирует единого подхода, проблема экстерриториальности остается ключевой для регуляторов, однако существуют несколько взглядов на данный вопрос: одни государства с помощью существующих механизмов регулирования международных экономических отношений стремятся к формированию единой правовой системы, другие же создают правовые нормы для регулирования инфраструктуры, третьи осуществляют политику минимального вмешательства. Указанные различия подтверждают сложность и дискуссионность вопроса определения юрисдикции в условиях повсеместной цифровизации экономики.

Целью настоящего исследования является изучение существующих практик иностранных регуляторов в вопросе определения юрисдикции финансовых отношений, возникающих с использованием смарт-контрактов, поиск возникающих в процессе регулирования проблем и существующих предложений по их решению, учитывающих особенности современных технологий и национальный опыт регулирования.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: исследование правовой природы смарт-контрактов и их использования, анализ возможности применения традиционных правовых подходов к определению юрисдикции, изучение опыта других государств, особенности существующего правового регулирования в Российской Федерации.

Научная новизна исследования представляет собой обоснование необходимости перехода от субъектно-ориентированной модели определения юрисдикции, в которой основным условием определения яв-

¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте»

ляется определенное свойство субъекта или совокупность таких свойств, к новым решениям, учитывающим особенности стремительного развития цифровой экономики и природу технологий распределенного реестра.

Основная часть

В зарубежной правоприменительной практике существуют разные подходы к установлению юрисдикции государства при использовании смарт-контрактов в сфере финансовых услуг. Например, в США подход к регулированию основывается в первую очередь на существенной связи соответствующей операции с внутренним. Именно существенный эффект является определяющим критерием в распространении юрисдикции США на экономические отношения с использованием смарт-контрактов. Этот критерий определяет юрисдикцию исходя из того, оказывают ли складывающиеся экономические отношения влияние на национальный финансовый рынок, затрагивают ли они интересы американских инвесторов. Этот подход позволяет рассматривать новые экономические отношения через существующие категории финансового права.

Установление юрисдикции в таких условиях имеет исчерпывающий спектр критериев, позволяя осуществлять регулирование независимо от используемых в рамках возникающих отношений технологий. Данный подход в первую очередь обусловлен фактической, реальной возможностью властей США обеспечить применение относительно широкой в сравнении с другими государствами юрисдикции по экстерриториальному принципу: в связи с доминирующим положением в мировой экономической системе и геополитическими условиями, регулирующие органы США могут требовать применения своего законодательства даже за границами своего государства, а обширная локализация инфраструктуры распределенного реестра непосредственно на территории соединенных штатов представляет возможным определить ответственного субъекта экономических отношений, применить в отношении него меры публично-правового регулирования.

Иной подход к определению юрисдикции сформировался в Объединенных Арабских Эмиратах. В отличие от ранее исследованного подхода определения юрисдикции по экономическому эффекту на национальный рынок, сформированного в соединенных штатах, ОАЭ не стремится сформировать широкую и экстерриториальную юрисдикцию, делая ставку в первую очередь на создание благоприятной и привлекательной правовой среды для инвесторов и разработчиков, побуждая их осуществлять добровольную регистрацию и прохождение процесса лицензирования.

Официальные власти страны путем создания правовых возможностей и ограничений формируют модель, основанную на институционализации регулирования, создавая принципиально новую юрисдикцию и правовой режим, а также формируя для добровольно локализованных субъектов особое правовое положение. Рамки и требования к субъектам, которые осуществляют экономическую деятельность с использованием цифровых финансовых активов, определяются специально созданными регулирующими органами. Путь к определению юрисдикции в модели регулирования ОАЭ формируется посредством лицензирования и регистрации агентов экономических отношений, с дальнейшим переходом их в сферу контроля определенных органов публично-правового регулирования.

В Индии смарт-контракты признаются законными и действительными в соответствии с действующим в стране гражданским договорным законодательством. Они применяются в различных областях, включая финансовые технологии, токенизацию активов и автоматизированные системы. Однако правовая система регулирования смарт-контрактов всё ещё развивается, и отсутствует конкретная регулирующая структура или исчерпывающие судебные рекомендации, что создаёт потенциальные трудности с исполнением и разрешением споров.

Вопрос определения юрисдикции в сфере цифровых финансов, включая операции с использованием смарт-контрактов, на данный момент не имеет комплексного, нормативно закреплённого решения. Регуляторы республики придерживаются персонального подхода к определению юрисдикции, основываясь на статусе лица как налогового резидента. Операции с цифровыми активами, по мнению индийского законодателя, вне зависимости от места их совершения и технической инфраструктуры подлежат регулированию в том случае, если они осуществляются резидентами государства. В данной системе определяющим юрисдикцию является именно правовой статус участника экономических отношений.

В процессе налогового регулирования операции с цифровыми активами, в том числе с использованием технологии смарт-контрактов, в Индии существуют специальные правила налогообложения. За субъектами экономических отношений закрепляется обязанность раскры-

тия информации о таких операциях, что также способствует косвенному контролю со стороны регулятора.

Европейский союз подходит к определению юрисдикции, основываясь на регламенте MiCA, который формирует единые правила обращения криптовалютных активов на территории ЕС. Юрисдикция определяется через деятельность поставщиков услуг, подлежащих обязательной авторизации и надзору. Имеет место привязка к осуществляемому деятельности субъекту, а также территориальный критерий – осуществление деятельности на территории Евросоюза, либо направленности деятельности на его резидентов.

Подход Китая отличается от иных моделей высокой степенью централизации и государственного контроля. Законодатель в данном случае не стремится адаптировать существующие механизмы, а ориентируется на ограничении использования не поддающихся контролю финансовых инструментов. Осуществляется последовательная политика ограничения оборота криптовалютных активов и связанных с их оборотом сервисов. В феврале 2026 года Народный банк Китая и восемь профильных ведомств опубликовали совместное заявление, в котором вновь подтвердили действующий запрет на любые операции с криптовалютами внутри страны. К незаконной деятельности относятся торговля, выпуск токенов, посредничество, финансовые продукты, майнинг, а также производство и продажа майнинг-оборудования.

Фактически, Китай ограничил осуществление операций с криптовалютой и предоставление сопутствующих финансовых услуг, а значит смарт-контракты, используемые как основные инструменты формирования децентрализованных финансовых моделей, не являются допустимым инструментом экономической деятельности.

Одновременно с этим внутри государства формируются самостоятельные, суверенные цифровые решения – государственные блокчейн-платформы, цифровая валюта центрального банка – цифровой юань, или же e-CNY.

Цифровой юань построен на централизованной эмиссии: НБК выпускает цифровые единицы, а затем передает уполномоченным операторам – крупным банкам и платежным платформам. Такая двухуровневая модель позволяет разграничить ответственность, когда регулятор отвечает за создание валюты и контроль денежной базы, а коммерческие структуры – за ее распространение и обслуживание пользователей.

От частных криптовалют e-CNY отличается тем, что его стоимость фиксирована государством, а операции проходят в контролируемой системе, а не в распределенной сети. В нем отсутствует механизм майнинга (добычи) или стейкинга (использования в качестве пассивного дохода), нет рыночной волатильности. В то же время цифровой юань не предполагает и анонимности по образцу криптовалют.

В таких строгих рамках смарт-контракты допускаются, подчиняясь требованиям государственного контроля и функционируя в пределах централизованной инфраструктуры. Критериями определения юрисдикции Китая является территориальный признак, правовой статус участвующего субъекта и используемая для осуществления финансовых операций инфраструктура.

Таблица 1. Сравнительно-правовой анализ существующих международных подходов к определению юрисдикции финансовой деятельности с использованием смарт-контрактов

Юрисдикция	Критерий определения юрисдикции	Модель регулирования	Объект привязки	Особенности
США	Эффект на национальный рынок, участие резидентов	Экстерриториальная	Экономические последствия и пользователи	Расширительное толкование Юрисдикции, активная правоприменительная практика
ОАЭ	Регистрация и лицензирование в специальных юрисдикциях	Институциональная (зонная)	Лицензированные субъекты	Создание благоприятной среды при сохранении контроля регулятора
Индия	Осуществление деятельности или направленность на рынок	Персонально-фискальная	Резиденты и их доходы	Юрисдикция устанавливается через налогообложение и валютный контроль
ЕС	Территория Направленность на резидентов	Наднациональная инфраструктурная	Поставщики услуг	Лицензирование и унификация регулирования

Юрис- дикция	Критерий опре- деления юрис- дикции	Модель регулиру- вания	Объект при- вязки	Особенности
Китай	Территория и участие резидентов	Директивно-территориальная	Любая деятельность в пределах юрисдикции	Ограничительный подход, приоритет государственного контроля

Заключение

Определение юрисдикции при осуществлении финансовых операций с использованием смарт-контрактов является важным вопросом современной международной правовой системы. Тогда как одни государства строят свою юрисдикционную политику на принципах политического давления, экстерриториальных критериях и нередко мнимом эффекте на национальные рынки, другие создают наднациональные объединения для осуществления единого подхода по регулированию путем контроля инфраструктуры и лицензирования поставщиков финансовых услуг.

Применимым оказался также подход добровольного лицензирования, с дальнейшим помещением лицензированных агентов в особую контролируемую среду, позволяющую использовать особую юрисдикцию и специальный правовой режим.

В условиях невозможности контролировать и регулировать надлежащим образом финансовые операции с использованием смарт-контрактов, существует ограничительный подход, оставляющий за государством право на полный контроль существования финансовых операций. В таких условиях устанавливаются правила и требования в четких границах, а малейшие отклонения могут считаться правонарушениями, или даже преступлением.

В рамках последующих исследований важно изучить возможность и эффективность применения тех или иных инструментов регулирования и определения юрисдикции в текущих правовых реалиях Российской Федерации с целью формирования научно обоснованных и теоретически подкрепленных практических рекомендаций по их внедрению в публично-правовое регулирование экономической деятельности в России.

Литература

1. Белов, В.А. Кriptoактивы и их регулирование: MiCA и европейский подход / В.А. Белов // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах, Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство «Познание», 2023. – С. 47–54. – EDN KPWKGY.
2. Титоренко, С.К. Правовое регулирование налогообложения оборота криптовалют: сравнительно-правовое исследование налогово-правового регулирования Республики Индия и Российской Федерации / С.К. Титоренко // Право и политика. – 2023. – № 1. – С. 41–47. – DOI 10.7256/2454-0706.2023.1.39703. – EDN CATYXP.
3. Вегера, Д.О. Сравнительный анализ регулирования цифровых активов в международной практике / Д.О. Вегера, Н.А. Мулюкин, Я.Я. Иванова // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 2. – С. 49–54. – DOI 10.24412/1727-8058-2025-2-49-54. – EDN WTUTJT.

4. Кучина, Я.О. Цифровой юань: регулирование Цифровой валюты Центробанка (ЦБЦБ) в Китае / Я.О. Кучина // Право и управление. XXI век. – 2024. – Т. 20, № 3(72). – С. 92–104. – DOI 10.24833/2073-8420-2024-3-72-92-104. – EDN VOSSAO.

5. Бакшеева, А.А. Сравнительный анализ правового регулирования криптовалюты в РФ и в США / А.А. Бакшеева, Д.Г. Домрачев // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 4(104). – С. 599–603. – EDN MFNJPR.

6. Крылова, Л.В. Возможность использования цифровых валют для трансграничных платежей в условиях санкций / Л.В. Крылова // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 101–111. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-2-101-111. – EDN EZIYHG.

FOREIGN EXPERIENCE IN DETERMINING JURISDICTION IN THE PROVISION OF FINANCIAL SERVICES USING SMART CONTRACTS

Matveev T.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the experience of various countries in determining jurisdiction in the provision of financial services using smart contracts. The author addresses the cross-border nature of smart contracts, which complicates the application of traditional territorial criteria for legal regulation. The study analyzes the approaches adopted by the United States, the United Arab Emirates, India, the European Union, and China, which differ in the grounds used to establish jurisdiction. Particular attention is paid to the relationship between the decentralized nature of smart contracts and the need for public legal regulation in the financial sector. The article concludes by substantiating the need for further research into the optimal regulatory model applicable within the legal system of the Russian Federation.

Keywords: smart contracts; financial services; public legal regulation; jurisdiction; digital economy; blockchain; distributed ledger technologies; cross-border financial relations; Digital financial assets; government regulation; financial law; extraterritoriality; digitalization of the financial sector; international regulatory experience; legal regime of digital technologies

References

1. Belov, V. N. A.N. Cryptoassets and their regulation: MiCA and the European approach / V. N. A.N. Belov // Digital technologies and Law: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference: in 6 volumes, Kazan, September 22, 2023. – Kazan: Publishing House "Cognition", 2023. – P. 13. 47–54. – EDN KPWKGY.
2. Titorenko, S. N.K. Legal regulation of taxation of the turnover of cryptocurrencies: a comparative legal study of the tax and legal regulation of the Republic of India and the Russian Federation / S. N.K. Titorenko // Law and politics. – 2023. – No. 1. – S. 13. 41–47. – DOI 10.7256/2454-0706.2023.1.39703. – EDN CATYXP.
3. Vegera, D. N. O.N. Comparative analysis of digital asset regulation in international practice / D. N. O.N. Vegera, N. A.N. Mulyukin, Ya.N. Ya. Ivanova // Audit statements. – 2025. – No. 2. – S. 13. 49–54. – DOI 10.24412/1727-8058-2025-2-49-54. – EDN WTUTJT.
4. Kuchina, Ya. N. O.n. Digital Yuan: Regulation of the Central Bank's Digital Currency in China / Ya. O. n. Kuchina // Law and management. XXI century. – 2024. – Vol. 20, № 3(72). – С. 13. 92–104. – DOI 10.24833/2073-8420-2024-3-72-92-104. – EDN VOSSAO.
5. Baksheeva, A. N. A.N. Comparative analysis of the legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation and in the USA / A. N. A.N. Baksheeva, D. N.G. Domrachev // Skif. Student science issues – 2025. – № 4(104). – С. 13. 599–603. – EDN MFNJPR.
6. Krylova, L. N. V.N. The possibility of using digital currencies for cross-border payments under sanctions / L. N. V.N. Krylova // Finance: theory and practice. – 2024. – Vol. 28, No. 2. – S. 13. 101–111. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-2-101-111. – EDN EZIYHG.

Процедура депортации как способ сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности

Кузякин Юрий Петрович,

доктор юридических наук, профессор Высшей школы
государственного аудита, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kuziakin49@mail.ru

Мухин Алексей Игоревич,

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 3893958@mail.ru

Основная цель данной статьи – проанализировать теоретико-правовые аспекты процедуры депортации как способа сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности в условиях обновления миграционного законодательства Российской Федерации. *Материалы и методы научного исследования.* Материалами исследования являются действующие нормативные правовые акты, официальная статистика, а также современные научные публикации по вопросам депортации, административного выдворения и миграционного контроля. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, системный, статистический и логический методы, анализ, синтез, индукция и дедукция. *Обсуждение результатов.* Депортация и связанные с ней меры миграционного принуждения выполняют восстановительную, охранительную и профилактическую функции. Они образуют систему административно-правового воздействия, направленную на защиту миграционного правопорядка, национальных интересов, общественной безопасности и гражданского единства. *Заключение (выводы).* Депортация может рассматриваться как способ сохранения и укрепления национальной идентичности не через приоритет принуждения, а через обеспечение единых правил проживания, уважение к закону, справедливость, соразмерность и соблюдение достоинства личности.

Ключевые слова: депортация, административное выдворение, режим высылки, миграционное право, национальная безопасность, общероссийская гражданская идентичность, традиционные ценности, иностранные граждане, лица без гражданства.

Современная миграционная политика уже не сводится к учету въезда и выезда. Она затрагивает рынок труда, общественную безопасность, устойчивость местных сообществ и доверие граждан к способности государства обеспечивать единые правила проживания. Поэтому процедура депортации выступает не изолированной мерой административного принуждения, а частью системы поддержания правового порядка, особенно когда незаконное пребывание, фиктивная регистрация или теневое трудоустройство воспринимаются обществом как подрыв равенства перед законом.

Связь депортации с национальной идентичностью требует точного правового толкования. В российском правопорядке речь должна идти не об этнической закрытости, а об общероссийской гражданской идентичности, основанной на уважении Конституции, русского языка как государственного, исторической памяти, межнационального согласия и общего публичного порядка. Указ Президента РФ № 809 [1] прямо относит к традиционным ценностям – жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, ответственность, гуманизм, милосердие, справедливость и взаимопомощь. Следовательно, депортация может служить укреплению идентичности лишь тогда, когда защищает закон и общественную солидарность.

Актуальность темы подтверждается статистикой. По сведениям МВД России, в 2024 г. Россию принудительно покинули свыше 157 тыс. иностранных граждан, нарушивших законодательство, что на 45 процентов превысило показатель предыдущего года. Масштаб применения принудительных мер требует оценивать не только количество решений, но и качество процедур: проверку оснований, доступ к переводчику и защитнику, возможность обжалования, учет семейных и гуманитарных обстоятельств, а также реальную исполнимость решения.

Значимым этапом реформы в 2024 г. стал Федеральный закон № 260-ФЗ [2], который ввел режим высылки и реестр контролируемых лиц, а Федеральный закон № 248-ФЗ изменил административно-юрисдикционные процедуры, связанные с выдворением и помещением иностранных граждан в специальные учреждения. Новая модель позволяет сопровождать статус лица, обязанного урегулировать свое положение или покинуть страну, но одновременно требует точности данных, понятного уведомления и действенного механизма исправления ошибок.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ № 738 [3], рассматривает миграцию через призму национальных интересов, безопасности, социально-экономического развития и межнационального согласия. Для института депортации это означает: законная и добросовестная миграция должна поддерживаться, а незаконное пребывание, уклонение от выезда и злоупотребления – пресекаться.

По правовой природе депортация отличается от административно-го выдворения. Депортация применяется при утрате либо прекращении законных оснований для пребывания или проживания в Российской Федерации и имеет восстановительный характер. Административное выдворение закреплено в КоАП РФ как административное наказание за конкретное правонарушение. Смещение этих институтов ведет к ошибкам при определении оснований, порядка принятия решения, последствий и сроков запрета на въезд [4].

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4956.

³ Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Практическая проблема состоит в том, что депортация, административное выдворение, реадмиссия, режим высылки, запрет на въезд и нежелательность пребывания нередко воспринимаются как единый массив принудительных последствий. Между тем исполнение решений осложняется подтверждением личности, отсутствием документов, задержками во взаимодействии с консульскими учреждениями и неопределенностью маршрута выезда. Поэтому совершенствование регулирования должно начинаться с ясного разграничения целей и процедур.

Переходный механизм применения режима высылки также показывает необходимость индивидуального подхода. Указ Президента РФ № 1126 [1] предусмотрел временные меры по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства. Этот акт подтверждает, что даже при усилении контроля государство учитывает длительные социальные связи, трудовые отношения, наличие детей, медицинские обстоятельства и объективные препятствия к немедленному выезду.

Судебная статистика отражает рост нагрузки на правоприменительную систему. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. судами было вынесено около 174 тыс. постановлений об административном выдворении. Массовость таких дел повышает риск формального подхода, когда устанавливается сам факт нарушения, но недостаточно оцениваются соразмерность выдворения, срок проживания, семейные связи, состояние здоровья и возможность менее строгой меры.

В 2025 г. МВД России сообщило о росте внеплановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, увеличении числа выявленных нарушений и общем количестве нарушений миграционного законодательства свыше одного миллиона. Эти данные показывают, что незаконная миграция связана не только с поведением мигрантов, но и с работодателями, посредниками, фиктивными регистрационными схемами и непрозрачным рынком труда.

В 2026 г. обсуждалось расширение оснований для выдворения: по информации Государственной Думы, заявлялось о намерении увеличить число составов КоАП РФ, по которым возможно административное выдворение, с 22 до 43. Такая инициатива отвечает общественному запросу на жесткое реагирование, но требует оценки последствий: расширение перечня оснований не должно превращать выдворение в автоматическую меру там, где нарушение не создает реальной угрозы общественной безопасности.

Международно-правовые ограничения сохраняют принципиальное значение. Государство вправе контролировать въезд и пребывание иностранцев, однако не может высылать лицо в страну, где ему угрожают преследование, пытки, бесчеловечное обращение или иная серьезная опасность. Для российского права этот ориентир связан прежде всего с институтом убежища и принципом невысылки, закрепленным Конвенцией о статусе беженцев [2].

Особенно уязвимыми остаются лица без гражданства и лица с неустановленной гражданской принадлежностью. Исполнение решения может быть фактически затруднено, если принимающее государство не подтверждает принадлежность лица или не оформляет документы. В научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость более тщательного судебного контроля по делам о депортации и реадмиссии, включая оценку реальной исполнимости решения.

Качество государственного контроля в сфере миграции зависит не только от числа проверок, но и от понятных критериев риска, межведомственного обмена информацией и ответственности должностных лиц за ошибки. Исследователи отмечают, что контроль должен развиваться с учетом национальных интересов, но через прозрачные процедуры, позволяющие отличать опасное нарушение от устранимой формальной ошибки. Именно предсказуемость и справедливость правоприменения укрепляют доверие к государству.

В ценностном плане депортация должна соотноситься с принципами достоинства личности, справедливости, ответственности, гуманизма и гражданственности. Иностранец должен понимать, какое нарушение ему вменяется, какие доказательства положены в основу решения, куда и в какие сроки он может обратиться, какие последствия наступят после выезда и при каких условиях возможно снятие ограничений. Без такой процедурной ясности принудительная мера воспринимается как произвольная.

Первым направлением совершенствования является нормативное уточнение понятий. В миграционном законодательстве следует последовательно развести депортацию, административное выдворение, режим высылки, реадмиссию и запрет на въезд: указать основание применения, орган, принимающий решение, порядок исполнения, сроки, последствия, порядок обжалования и условия прекращения ограничений.

Вторым направлением должно стать обязательное применение принципа соразмерности. При решении вопроса о депортации или выдворении необходимо учитывать характер нарушения, повторность, угрозу общественной безопасности, добросовестность поведения лица, семейные связи, состояние здоровья, наличие несовершеннолетних детей, длительность проживания и возможность контролируемого самостоятельного выезда.

Третье направление касается реестра контролируемых лиц. Он может выступать в качестве инструмента учета, если обеспечены достоверность сведений, своевременное уведомление, понятное разъяснение последствий, порядок исправления ошибок и судебная защита. Иначе правовая цель контроля подменяется социальным вытеснением добросовестного лица.

Четвертое направление – ответственность работодателей и посредников. Если депортация применяется к работнику, но не сопровождается последствиями для организаторов фиктивной занятости, порядок восстанавливается лишь внешне. Укрепление национальной идентичности предполагает уважение к труду, закону и справедливости, поэтому государственная реакция должна быть адресована всем участникам незаконной схемы.

Пятое направление – профилактика и адаптация. Депортация способна пресечь незаконное пребывание, но не заменяет обучение русскому языку, проверку знания истории и основ законодательства, доступную правовую информацию и понятные правила трудоустройства. Чем яснее мигрант понимает нормы принимающего общества, тем ниже вероятность нарушения.

В научной литературе последних лет подчеркивается, что наиболее острые проблемы административного выдворения и высылки выявляются именно на стадии исполнения: сроки, условия содержания, подтверждение личности, взаимодействие органов власти и возможность последующего обжалования. Эти вопросы не являются техническими, поскольку напрямую связаны со способностью государства защищать публичный порядок без отказа от собственных ценностных оснований.

Отсюда следует вывод – депортация должна быть встроена в более широкую систему миграционного управления, где принудительные меры сочетаются с профилактикой нарушений, доступным информированием иностранных граждан, контролем работодателей и единообразной судебной практикой. Только при таком сочетании она действительно работает на укрепление общероссийской гражданской идентичности: граждане видят, что государство защищает закон и общественную безопасность, а иностранные граждане получают понятные правила, соблюдение которых позволяет им легально жить и трудиться в России.

Таким образом, процедура депортации может рассматриваться как способ сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности, если ее содержание раскрывается через защиту закона, справедливости, общественного доверия и равенства правил для всех. Она не должна подменять адаптацию, профилактику и добросовестное привлечение иностранных работников, но в случаях утраты законных оснований для пребывания, уклонения от выезда или участия в фиктивных схемах является необходимым правовым инструментом.

Проведенный анализ показывает, что эффективность депортации должна оцениваться не количеством принудительных решений, а их законностью, исполнимостью, соразмерностью и способностью снижать повторные нарушения.

Литература

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
2. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4956.
3. Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание

¹ Указ Президента РФ от 30 декабря 2024 г. № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 1. Ст. 1.

² Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.

ние законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Указ Президента РФ от 30 декабря 2024 г. № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 1. Ст. 1.

6. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.

THE DEPORTATION PROCEDURE AS A WAY OF PRESERVING AND STRENGTHENING RUSSIAN CIVIC IDENTITY

Kuzyakin Yu., Mukhin A.

Public Audit Lomonosov Moscow State University

The main purpose of this article is to analyze the theoretical and legal aspects of deportation as a way of preserving and strengthening Russian civic identity in the context of renewed migration legislation. *Materials and methods.* The study is based on current Russian legal acts, official statistics, as well as recent academic publications on deportation, administrative expulsion and migration control. The research uses formal legal, comparative legal, historical, systemic, statistical and logical methods, analysis, synthesis, induction and deduction. *Discussion of results.* Deportation and related coercive migration measures perform restorative, protective and preventive functions. They form a system of administrative legal influence aimed at protecting migration order, national interests, public security and

civic unity. *Conclusion.* Deportation may be regarded as a way of preserving and strengthening national identity not through the priority of coercion, but through common rules of residence, respect for law, justice, proportionality and human dignity.

Keywords: deportation, administrative expulsion, expulsion regime, migration law, national security, Russian civic identity, traditional values, foreign citizens, stateless persons.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 9 November 2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». Collection of Legislation of the Russian Federation, 2022, No. 46, art. 7977.
2. Federal Law of 8 August 2024 № 260-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Collection of Legislation of the Russian Federation, 2024, No. 33, part I, art. 4956.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 15 October 2025 № 738 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030». Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 42, art. 6143.
4. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002, «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3032; Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 30 December 2024 № 1126 «On Temporary Measures to Regulate the Legal Status of Certain Categories of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation in Connection with the Application of the Expulsion Regime». Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 1, art. 6.
6. Convention Relating to the Status of Refugees of 28 July 1951. Bulletin of International Treaties, 1993, No. 9.

Информационная безопасность личности в условиях цифровизации российской государственности: правовые проблемы

Озеров Глеб Андреевич,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Донской государственный технический университет
E-mail: gleb_oze@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена масштабной цифровизацией российского государственного управления, сопровождающейся расширением систем электронного взаимодействия государства и граждан, увеличением объемов собираемых персональных данных и усилением рисков нарушения информационной безопасности личности. Современные государственные информационные системы, цифровые профили граждан и механизмы цифрового надзора формируют новые угрозы конституционным правам на неприкосновенность частной жизни, тайну коммуникаций и информационное самоопределение. Цель исследования заключается в выявлении системных правовых проблем обеспечения информационной безопасности личности в условиях цифровизации российской государственности и разработке предложений по совершенствованию законодательства и механизмов правовой защиты граждан. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и конституционно-правовой методы научного познания. В результате исследования установлено, что действующее законодательство ориентировано преимущественно на обеспечение безопасности государства и информационных систем, тогда как информационная безопасность личности не получила самостоятельного нормативного закрепления. По результатам исследования выявлены проблемы правового режима цифрового профиля гражданина, недостаточность гарантий от государственного цифрового надзора, отсутствие эффективной ответственности государственных органов за утечки данных из государственных информационных систем, а также дефицит механизмов судебной и внесудебной защиты цифровых прав граждан. Обоснована необходимость конституционализации информационной безопасности личности, принятия специального федерального закона «Об информационной безопасности личности», создания института цифрового омбудсмена и реформирования механизмов государственного цифрового наблюдения.

Ключевые слова: информационная безопасность личности, цифровизация государственного управления, цифровая идентичность, право на неприкосновенность частной жизни, государственные информационные системы, электронное правительство, цифровой профиль гражданина, цифровые права, правовое государство, конституционализация.

Введение

Цифровая трансформация российской государственности, реализуемая в последнее десятилетие под воздействием глобальной инноватизации среды, формирует принципиально новый конструкт взаимоотношений между личностью и государством. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённая распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, обеспечивает реализацию государственных систем электронного правосудия, цифровых государственных услуг, единой биометрической системы, системы цифрового профиля гражданина и платформы государственных данных свидетельствуют о масштабном вовлечении государства в цифровое пространство в роли не только регулятора, но и крупнейшего оператора данных.

Данная трансформация продуцирует двойственный, дуальный правовой эффект. С одной стороны, цифровизация государственного управления создаёт объективные предпосылки для повышения эффективности, доступности и прозрачности государственных функций – что само по себе может рассматриваться как вклад в реализацию конституционных прав граждан [11, с. 5]. С другой стороны, государство, аккумулируя беспрецедентные объёмы данных о гражданах в рамках цифровых систем управления, само превращается в один из ключевых источников угроз информационной безопасности личности, вследствие высоких рисков утечек данных и использования этих данных нелегитимным образом, в противоречии с конституционными правами граждан [6, с. 78].

Функционирующая сегодня система правового регулирования информационной безопасности в нашей стране ориентирована преимущественно на обеспечение безопасности государства и информационных систем как объектов, тогда как информационная безопасность личности как в рамках законодательства остается концептуально и технически нереализованной. Что, в свою очередь, продуцирует системные правовые пробелы, препятствующие юридической защищенности граждан от информационных угроз, источником которых выступает сам государственный аппарат.

Основная часть

Действующее российское законодательство оперирует понятием «информационная безопасность» преимущественно применительно к государству и информационным системам, а не к населению, личности, гражданам. В Доктрине информационной безопасности РФ, утверждённой Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, информационная безопасность трактуется как «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз». Формально, как видно из положения указанного правового акта, лично идентифицируется как объект защиты от информационных угроз, однако специальный правовой режим обеспечения её информационной безопасности в законодательстве отсутствует.

Анализ доктринальных подходов свидетельствует о дискуссионности сущностного содержания информационной безопасности личности. Т.А. Поляков рассматривает её как «совокупность правовых механизмов защиты индивида от угроз его информационным правам и законным интересам» [5, с. 45]. И.Л. Бачило предлагает более широкое понимание: информационная безопасность личности охватывает не только защиту от внешних угроз, но и обеспечение позитивного права на информацию, включая право знать о государственных решениях, затрагивающих её права и интересы [6, с. 89].

В зарубежной доктрине S. Zuboff ввела концепцию «надзорного капитализма» (surveillance capitalism) [19, с. 8], показав, что в цифровую эпоху данные о человеческом поведении становятся производственным ресурсом, извлекаемым без ведома и согласия субъекта как коммерческими, так и государственными акторами. Применительно к государственному управлению B. Schneider разработал концепцию «государства данных» (data state) [17, p. 89]: государство, аккумулирующее и анализирующее большие массивы данных о гражданах, приобретает беспрецедентные возможности как для эффективного управления, так и для потенциального политического контроля.

Авторская дефиниция информационной безопасности личности, по нашему мнению, должна быть сформулирована следующим обра-

зом: информационная безопасность – это гарантированная правом порядком защита цифровой идентичности личности и общества от несанкционированного вмешательства, сбора, обработки и использования его персональных данных государственными органами, а также состояние эффективной защищённости гражданина от последствий нарушений безопасности государственных информационных систем, в которых обрабатываются его данные. Данное определение принципиально отличается от существующих тем, что: во-первых, акцентирует внимание на государстве и государственном аппарате как особом источнике угроз; во-вторых, включает позитивное измерение – право личности знать о государственных системах, обрабатывающих его данные; в-третьих, охватывает не только первичные угрозы (незаконный сбор), но и вторичные (последствия утечек из ГИС). Предлагается закрепить данную дефиницию (возможно, с некоторыми коррективами стилистического характера, однако, с сохранением сути изложеного) в новой редакции Доктрины информационной безопасности РФ и в специальном федеральном законе об информационной безопасности личности.

Важнейшим источником угроз информационной безопасности личности выступает правовая неурегулированность единого цифрового профиля гражданина (это целая цифровая экосистема): Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Единая биометрическая система (ЕБС), система цифрового профиля гражданина (ЦПГ). ЦПГ, введённый в законодательство в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ, предполагает агрегирование сведений о гражданине из разнородных государственных информационных систем в единую «витрину данных».

С правовой точки зрения данная цифровая экосистема порождает ряд серьезных проблем в обеспечении информационной безопасности личности:

1) в законодательстве не закреплена дефиниция «цифровой профиль гражданина» как правовой категории и, тем более, в правовом поле отсутствует его интерпретация;

2) отсутствует конкретный перечень данных, которые могут составлять цифровой профиль, что продуцирует риск его бесконтрольного расширения;

3) остается нерешенным вопрос о правовом режиме агрегированного профиля [14, с. 67];

4) отсутствует механизм оспаривания гражданином содержания своего цифрового профиля и исправления ошибочных данных, что при использовании профиля в автоматизированных государственных решениях (социальные выплаты, налоговые льготы, правоохранительная деятельность) создаёт необратимые правовые последствия;

5) законодательство не регулирует вопросы трансграничной передачи цифрового профиля и его использования иностранными государственными органами в рамках международных соглашений.

В целях разрешения вышеуказанных проблем, нами предлагается реализация следующих мер:

1) принятие отдельного федерального закона «О цифровом профиле гражданина», закрепляющего:

– законодательное определение цифрового профиля как агрегированного массива сведений о гражданине из государственных информационных систем, имеющего самостоятельный правовой статус;

– исчерпывающий перечень категорий данных, включаемых в профиль, с запретом его расширения подзаконными актами; гарантии права гражданина на ознакомление с полным содержанием своего цифрового профиля в любое время через портал государственных услуг;

– механизм оспаривания ошибочных данных с установленными сроками их исправления и ответственностью должностных лиц за нарушение данных сроков; запрет на использование цифрового профиля для принятия автоматизированных решений без участия человека в случаях, когда такое решение влечёт ограничение прав гражданина;

2) регулирование процессов расширения цифрового профиля путем установления стандарта соразмерности по аналогии с немецкой доктриной информационного самоопределения [14]: каждое расширение перечня данных, включаемых в цифровой профиль гражданина должно проходить обязательную проверку на соответствие принципам необходимости, соразмерности и минимизации с участием независимого органа – Уполномоченного по правам человека в РФ или специально созданного цифрового омбудсмена;

3) введение принципа «разделения профилей»: агрегирование данных из различных ГИС для формирования единого профиля должно допускаться исключительно для конкретных законодательно определённых целей, а не в качестве базы данных общего назначения. Межсистемная интеграция данных для иных целей должна требовать самостоятельного правового основания в каждом конкретном случае;

4) обеспечение правовых гарантий граждан на «цифровой иммунитет» в ряде случаев: для преследуемых лиц (защищаемые свидетели, жертвы семейного насилия, представители уязвимых групп). Для данной группы лиц должна быть обеспечена возможность ограничить доступ к своему цифровому профилю.

Сегодня Россия даже в условиях санкций является одной из наиболее передовых в плане цифровых возможностей, в том числе, возможностей государственного надзора. Яркий пример – возможность ФСБ России полностью контролировать коммуникации граждан страны, осуществляемые в цифровом пространстве. Такая возможность технически обеспечена системой (СОПМ), функционирующей в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и подзаконными актами, обязывает операторов связи обеспечивать ФСБ России возможностью перехвата трафика без уведомления суда на этапе доступа – судебный контроль осуществляется постфактум [15, с. 123].

Данная система противоречит гарантиям, закрепленным в ст. 23 Конституции РФ (тайна переписки и переговоров), ст. 25 (неприкосновенность жилища) и ст. 24 (запрет сбора информации о частной жизни без согласия лица). Формально данная коллизия разрешается через конституционное допущение ограничения прав на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции). Однако система СОПМ предполагает технический доступ к трафику до судебного решения, что создаёт правовую конструкцию, при которой процессуальная гарантия существует *de jure*, но не обеспечивает реальную защиты *de facto*.

Проблема государственного надзора в цифровую эпоху получила теоретическое осмысление в концепции «паноптизма» применительно к информационным технологиям (D. Lyon [7, p. 56]): системы цифрового надзора создают эффект постоянного наблюдения, изменяющий поведение граждан независимо от факта реального наблюдения в конкретный момент. Данный «сдерживающий эффект» (chilling effect) документирован в эмпирических исследованиях и признаётся конституционно значимым явлением в практике Верховного суда США [17]. В деле «Роман Захаров против России» (2015) Большая Палата ЕСПЧ констатировала, что российское законодательство о перехвате коммуникаций не содержит эффективных гарантий против произвольного вмешательства [16].

Автором работы в целях системного реформирования правовых гарантий от несанкционированного государственного наблюдения предлагается реализацию следующих мер:

1) реформирование системы СОПМ в части введения обязательного предварительного санкционирования судом доступа к коммуникациям граждан. Исключения должны быть строго ограничены по срокам и автоматически подлежать ретроспективной судебной проверке в течение 24 часов;

2) введение механизма последующего уведомления: лица, в отношении которых проводились ОРМ с применением СОПМ, должны быть уведомлены об этом в разумный срок после завершения оперативной необходимости. Данный механизм применяется в Германии (§ 101 УПК Германии), Швеции и Нидерландах и позволяет гражданину обжаловать правомочность слежки в судебном порядке;

3) создание специального парламентского контрольного органа по вопросам цифрового надзора (по аналогии с Intelligence and Security Committee в Великобритании или Parlamentarisches Kontrollgremium в Германии): орган должен быть наделён реальными полномочиями запрашивать секретные документы об операциях цифрового надзора и публиковать ежегодный доклад с агрегированными данными о масштабах применения СОПМ и иных систем массового наблюдения;

4) установление максимальных сроков хранения перехваченных данных с обязательным их уничтожением по истечении срока: данные, в отношении которых не возбуждено уголовное дело в течение установленного срока после перехвата, подлежат автоматическому уничтожению с составлением акта.

Далее, требуют регулирования Государственные информационные системы (ГИС), аккумулирующие колоссальный массив персональных данных граждан: налоговая и пенсионная история, медицинские сведения, судебная история, имущественные права, биометрические данные. Утечки из ГИС несут специфические риски, принципиально отличные от коммерческих утечек: государство является монополистом соответствующих данных, а утечка данных из ГИС нередко необратима вследствие невозможности замены атрибутов идентичности (ИНН, СНИЛС, биометрия).

Правовой режим безопасности ГИС определяется комплексом нормативных актов, включая Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ и приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17. Однако данная система имеет правовые проблемы: ответственность государственных органов за утечки данных из ГИС фактически остаётся неу-

регулируемой. В отличие от коммерческих операторов, несущих административную ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ, государственные органы выведены из сферы действия данных санкций, что создаёт конституционно несостоятельную правовую асимметрию [18, с. 112].

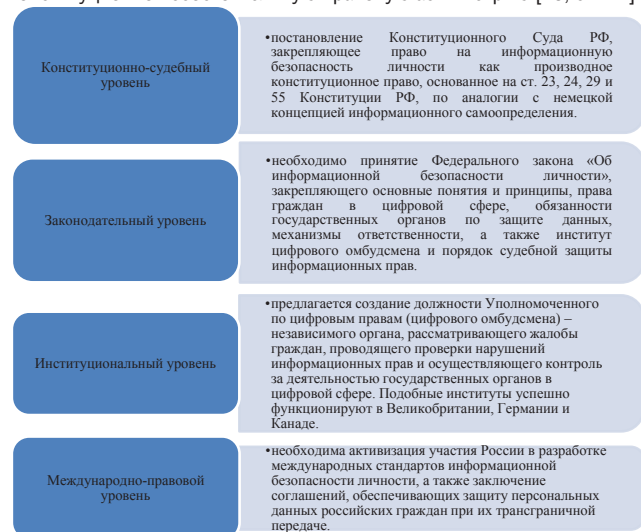

Рис. 1. Уровни авторской концепции конституционализации информационной безопасности граждан

Для обеспечения правовой защиты граждан от последствий нарушений безопасности ГИС нами предлагается реализация следующих мер:

1. Распространить административную ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ на государственные органы как операторов ГИС в полном объёме, включая повышенные санкции, введённые поправками 2024 г. Нести административную ответственность должен конкретный государственный орган как юридическое лицо, а не должностное лицо в порядке дисциплинарной ответственности – что создаёт реальный финансовый стимул к инвестициям в кибербезопасность ГИС.

2. Ввести обязательное уведомление граждан об утечках их персональных данных из ГИС в срок не позднее 72 часов с момента обнаружения инцидента – по аналогии с требованием ст. 33 GDPR. Уведомление должно содержать: характер утечки и категории затронутых данных; возможные последствия для субъекта; меры, принятые для минимизации ущерба; контактные данные для обращений субъектов.

3. Создать национальную систему компенсации ущерба гражданам от утечек данных из ГИС: государственный фонд компенсации, формируемый за счёт административных штрафов, выплачивающий гражданам, чьи данные были скомпрометированы вследствие нарушений безопасности ГИС, установленные законом компенсации без необходимости доказывания конкретного ущерба (по аналогии с механизмом GDPR, допускающим взыскание «морального ущерба» за нарушения защиты данных).

4. Ввести обязательную независимую сертификацию безопасности ГИС категорий к1 и к2 (по классификации ФСТЭК) с привлечением аккредитованных независимых организаций, а не только государственных экспертных органов: независимость аудитора является принципиальным условием объективности оценки. Результаты сертификации в обозначенной форме должны публиковаться.

5. Установить обязательные стандарты минимально достаточного уровня кибербезопасности ГИС, обязательность применения которых обеспечивается уголовной ответственностью руководителей государственных органов за их систематическое нарушение, повлёкшее утечку данных в значительном масштабе.

6. По аналогии с практикой bug bounty в коммерческом секторе, ввести государственные программы ответственного раскрытия уязвимостей ГИС (responsible disclosure): граждане и исследователи, обнаружившие уязвимости в ГИС и сообщившие о них государственному органу, должны быть защищены от уголовного преследования по ст. 272 УК РФ при соблюдении условий ответственного раскрытия.

Анализ выявленных правовых проблем позволяет сформулировать авторскую концепцию обеспечения информационной безопасности личности, центральным элементом которой служит конституционализация информационной безопасности личности как самостоятельного конституционного права в условиях цифровой трансформации государства.

Конституционный текст России 1993 г. формировался в условиях, когда масштаб цифровых угроз частной жизни даже не мог быть в пол-

ной мере предвиден. Конституционные поправки 2020 г. не затронули информационно-правовой блок, который, очевидно, в современных условиях требует обновления [3, с. 134].

Авторская концепция конституционализации включает несколько взаимосвязанных уровней (см. рисунок 1).

Заключение

Проведённое исследование показало, что цифровая трансформация государственного управления в России сопровождается не только расширением возможностей реализации прав граждан, но и формированием новых угроз информационной безопасности личности. Государство, выступая крупнейшим оператором персональных данных и цифровых платформ, получает беспрецедентный объём сведений о гражданах, что требует создания качественно новых правовых механизмов защиты частной жизни, цифровой идентичности и информационного самоопределения.

В ходе исследования установлено, что действующее российское законодательство ориентировано преимущественно на обеспечение информационной безопасности государства и устойчивости информационных систем, тогда как информационная безопасность личности не получила самостоятельного нормативного закрепления. Отсутствие специальных правовых гарантий в сфере цифрового профиля гражданина, государственного цифрового надзора и ответственности за утечки данных из государственных информационных систем создаёт риск нарушения конституционных прав граждан и формирует правовой дисбаланс между публичными интересами и защитой частной жизни.

Автором предложена концепция информационной безопасности личности как самостоятельного конституционно-правового института, включающая меры по законодательному регулированию цифрового профиля гражданина, реформированию механизмов государственного цифрового наблюдения, усилению ответственности государственных органов за нарушения безопасности данных, а также созданию института цифрового омбудсмена. Особое значение придаётся необходимости конституционализации информационной безопасности личности через развитие практики Конституционного Суда РФ и принятие специального федерального закона «Об информационной безопасности личности».

Реализация предложенных мер позволит сформировать более сбалансированную модель цифрового государства, в которой эффективность государственного управления будет сочетаться с реальными гарантиями защиты прав и свобод человека в информационной сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.
4. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // СЗ РФ. – 2019. – № 52 (ч. I). – Ст. 7796.
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
6. Бачило И.Л. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Норма, 2020. – 296 с.
7. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
8. Наумов В.Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – 432 с.
9. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.
10. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). – М.: Юриспруденция, 2015. – 192 с.
11. Агапов А.Б. Правовое регулирование искусственного интеллекта: современные тенденции // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 5–15.
12. Бачило И.Л. Цифровизация права и проблемы юридической ответственности // Информационное право. – 2020. – № 4. – С. 10–18.

13. Лаптев В.А. Алгоритмическая прозрачность и защита прав человека в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 32–41.

14. Савельев А.И. Правовые проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта // Закон. – 2020. – № 5. – С. 45–58.

15. Сарпеков Р.К. Искусственный интеллект в судебной деятельности: пределы допустимого применения // Российский судья. – 2021. – № 7. – С. 14–19.

16. Талапина Э.В. Алгоритмы и право: проблемы прозрачности цифрового управления // Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 20–29.

17. Deibert R. Black Code: Surveillance, Privacy, and the Dark Side of the Internet. – Toronto: Signal, 2013. – 296 p.

18. Lyon D. Surveillance Society: Monitoring Everyday Life. – Buckingham: Open University Press, 2001. – 208 p.

19. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.

PERSONAL INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF RUSSIAN STATEHOOD: LEGAL ISSUES

Ozerov G.A.

Don State Technical University

The relevance of the study is determined by the large-scale digitalization of Russian public administration, accompanied by the expansion of electronic interaction systems between the state and citizens, the growth in the volume of collected personal data, and the increasing risks of violations of personal information security. Modern state information systems, citizens' digital profiles, and mechanisms of digital surveillance create new threats to the constitutional rights to privacy, confidentiality of communications, and informational self-determination. The purpose of the study is to identify the systemic legal problems of ensuring personal information security in the context of the digitalization of Russian statehood and to develop proposals for improving legislation and legal protection mechanisms for citizens. The methodological basis of the research includes formal legal, comparative legal, systemic, and constitutional legal methods of scientific inquiry. The study establishes that current legislation is primarily focused on ensuring the security of the state and information systems, while personal information security has not received independent legal recognition. The research identifies problems related to the legal regime of the citizen's digital profile, insufficient guarantees against state digital surveillance, the lack of effective liability of state authorities for data breaches in state information systems, and the deficiency of judicial and extrajudicial mechanisms for the protection of citizens' digital rights. The necessity of constitutionalizing personal information security, adopting a special federal law "On Personal Information Security," creating the institution of a digital ombudsman, and reforming the mechanisms of state digital surveillance is substantiated.

Keywords: personal information security, digitalization of public administration, digital identity, right to privacy, state information systems, e-government, citizen's digital profile, digital rights, rule of law, constitutionalization.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – No. 144.
2. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" // SZ RF. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.
3. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // SZ RF. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3451.
4. Federal Law of December 27, 2019 No. 476-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection"" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 52 (Part I). – Article 7796.
5. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 41. – Article 5700.
6. Bachilo I.L. State and Law in the Context of Globalization. – Moscow: Norma, 2020. – 296 p.
7. Morhat P.M. Artificial Intelligence: A Legal View. – Moscow: Buki Vedi, 2017. – 257 p.
8. Naumov V.B. Law and the Internet: Essays on Theory and Practice. Moscow: Book House "University", 2002. 432 p.
9. Ponkin IV, Redkina AI Artificial Intelligence from a Legal Perspective // RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences. 2018; Vol. 22, No. 1, Pp. 91–109.
10. Talapina E.V. Public Administration in the Information Society (Legal Aspect). Moscow: Jurisprudence, 2015. 192 p.
11. Agapov A.B. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Current Trends // State and Law. 2021; No. 9, Pp. 5–15.
12. Bachilo I.L. Digitalization of Law and Problems of Legal Liability // Information Law. – 2020. – No. 4. – Pp. 10–18.
13. Laptev V.A. Algorithmic Transparency and Protection of Human Rights in the Context of Digitalization // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 6. – Pp. 32–41.
14. Savelyev A.I. Legal Problems of Implementation of Artificial Intelligence Technologies // Law. – 2020. – No. 5. – Pp. 45–58.
15. Sarpekov R.K. Artificial Intelligence in Judicial Activity: Limits of Permissible Application // Russian Judge. – 2021. – No. 7. – Pp. 14–19.
16. Talapina E.V. Algorithms and Law: Problems of Transparency of Digital Governance // State and Law. – 2022. – No. 3. – P. 20–29.
17. Deibert R. Black Code: Surveillance, Privacy, and the Dark Side of the Internet. – Toronto: Signal, 2013. – 296 p.
18. Lyon D. Surveillance Society: Monitoring Everyday Life. – Buckingham: Open University Press, 2001. – 208 p.
19. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.

Петров Аркадий Павлович,

аспирант, Волгоградский институт управления филиал,
РАНХиГС

E-mail: arkadiipetrov99@yandex.ru

Данная статья посвящена исследованию государственного управления в сфере адаптивного спорта в Российской Федерации. Актуальность данной статьи обусловлена большой важностью процессов интеграции людей с ограниченными возможностями в социум через адаптивный спорт, благодаря которому государство имеет возможность снижения нагрузки на систему здравоохранения и социальной защиты для своих граждан. В процессе изучения данной темы дается определение адаптивного спорта и описывается характеристика трёх категорий лиц с отклонениями в состоянии здоровья (инвалиды, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, студенты специальных медицинских групп). Так же в работе описываются виды управления адаптивным спортом, меры поддержки и развития с приведением конкретных примеров. Освещаются существующие проблемы в данной сфере, касающиеся кадрового дефицита, малой спортивной инфраструктуры, информированием населения в дальних и малых регионах страны, а также малого бюджета в данной сфере. Представлены частичные решения описываемых данных проблем в адаптивном спорте и отмечается необходимость постоянного мониторинга сферы адаптивного спорта в связи с появлением новых дисциплин, методик тренировок и технологического оборудования для занятий спортом.

Ключевые слова: адаптивный спорт, физическая культура и спорт, государственное управление, социальные программы, спортсмены, инклюзия, физическая реабилитация.

В настоящее время область физической культуры и спорта активно развивается, появляются новые виды спорта, спортивные мероприятия, техники тренировок и преподавания. Особенно темпы развития спорта стали в последние годы, с появлением технического прогресса и искусственного интеллекта. Государство заинтересовано в развитии физической культуры и спорта в РФ, так как спорт позволяет быть гражданам здоровыми, активными и трудоспособными гражданами, что очень важно для развития любого государства. В сфере спорта очень важно государственное управление так как именно государство задает вектор развития в спорте и помогает ему развиваться благодаря различным мерам поддержки.

Последние десятилетия показали что в мире развивается адаптивный спорт, и можно заметить, как появляется все больше инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями, это связано с тем, что государству важно что бы все ее граждане были в социуме и имели равные условия и права во всех сферах в том числе и в спорте.

Так Евсеев С.П. дает следующее определение адаптивному спорту: «это вид адаптивной физической культуры, удовлетворяющий потребности личности в максимально возможной реализации своих способностей, сопоставлении их со способностями других людей, имеющих аналогичные проблемы со здоровьем, потребности в коммуникативной деятельности и, вообще, в самоактуализации.» [1, с. 518]

В статье 7 Конституции РФ закреплено, что государство обязано обеспечивать поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивать систему социальных служб, устанавливать государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Понятие «лица с отклонениями в состоянии здоровья» носит собирательный характер и охватывает три категории граждан, независимо от этиологии их заболеваний.

Первая группа – это взрослые инвалиды от 1 до 3 группы и дети-инвалиды, чей статус верифицируется Государственной службой медико-социальной экспертизы.

Вторая категория включает обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, направление которых определяется через особую комиссию.

Третья группа – обучающиеся или студенты, отнесенные к специальным медицинским группам; решение об их статусе принимается исключительно врачом по спортивной медицине.

В статье 72 Конституции РФ указано что «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики» [2]. Исходя из этого каждый регион, соблюдая федеральные установки, самостоятельно разрабатывает политику развития физической культуры и спорта. При этом учитываются местные социально-экономические условия, географические особенности, а также культурные и национальные традиции.

В российской системе государственного управления главенствующую роль в выработке стратегии и правового регулирования спортивной отрасли, включая адаптивный спорт, играет Министерство спорта РФ. В его внутренней иерархии, а конкретнее – в Департаменте развития физической культуры и массового спорта, создан отдел, занимающийся исключительно вопросами адаптивной физической культуры. По этой причине все рационализаторские предложения, касающиеся организации адаптивного спорта в стране, должны поступать именно в Министерство спорта.

От того, какую суть несут эти предложения, зависит дальнейший вектор коммуникации ведомства с высшими эшелонами власти. Среди них:

- Президент России – высшее должностное лицо;
- Федеральное Собрание (парламент) – законодательная ветвь;
- Правительство РФ – исполнительная ветвь;
- Судебная система (от арбитражных судов до высших судов общей юрисдикции).

Практическая проработка конкретных вопросов, как правило, делегируется аппаратным структурам: Администрации Президента, Аппарату Правительства, аппаратам Государственной Думы и Совета Федерации, а также иным уполномоченным государственным инстанциям.

Представительный орган муниципального образования (местного самоуправления) формируется из депутатов, избираемых местными жителями. В его компетенцию входит утверждение бюджета муниципалитета, принятие планов и программ социально-экономического развития, а также ряда других значимых решений.

С учетом этого в общей системе органов государственной власти и местного самоуправления можно выделить три ключевых звена, чьи функции напрямую нацелены на развитие адаптивного спорта:

1) Министерство спорта Российской Федерации – федеральный уровень;

2) Исполнительный орган субъекта РФ в сфере физической культуры и спорта – региональный уровень;

3) Профильное структурное подразделение местной администрации, отвечающее за вопросы физической культуры и спорта (включая адаптивное направление) – муниципальный уровень.

Помимо государственных структур, существует также ветвь негосударственных и общественных организаций, а также иных структур и органов, осуществляющих управленческие функции в сфере адаптивного спорта.

Исаева Л.А. отмечает что «Многообразие субъектов физической культуры и спорта предопределяет необходимость координации их деятельности для достижения социально-общественных целей и задач функционирования системы, что находит свое отражение в существовании различных органов муниципального управления в рассматриваемой сфере». [3, с. 48].

Одной из главных задач региональных и федеральных органов является разработка и внедрение программ, направленных на популяризацию спорта. Такие программы включают:

1. Строительство, совершенствование и уход за спортивной инфраструктурой (стадионы, арены, спортивные площадки, и иные спортивные объекты)

2. Поддержку детско-юношеских спортивных школ и секций.

3. Организация спортивных мероприятий (мастер классы, марафоны, турниры)

4. Развитие и привлечение в адаптивный спорт

5. Подготовка персонала и тренеров для работы с людьми с ограниченными возможностями

6. Предоставление налоговых вычетов и иных финансовых мер поддержки

7. Законодательные инициативы

Яркими примерами государственной поддержки являются социальные проекты, одним из таких является федеральный проект «Спорт-норма жизни» [4] который направлен на популяризацию спорта в стране и делая его более доступным благодаря проведению спортивных мероприятий в регионах и возведения спортивных площадок, в том числе и для занятия адаптивным спортом.

Еще одним из примеров поддержки людей занимающимися спортом является «налоговый вычет» [5] который направлен на то что бы занятие спортом было доступным и в финансовом плане, так как наличие спортивной инфраструктуры не всегда означает всеобщую доступность.

В данной сфере есть так же и свои проблемы, на которые стоит обратить внимание. На сегодняшний день в России государство активно занимается развитием адаптивного спорта, но в отличии от других стран очень медленно происходит поиск, и подготовка сотрудников, которые умеют работать и тренировать спортсменов с ограниченными возможностями. Требуется создание новых образовательных программ, семинаров и тренингов для подготовки квалифицированных специалистов, так как методы тренировок в адаптивном спорте и обычном значительно отличаются.

Так же существуют проблемы с адаптацией спортивных площадок, большая часть из которых еще не готова для занятия спортом людей с ограниченными возможностями и требует модернизации или возведение новых объектов инфраструктуры.

Еще одной проблемой является недостаточный уровень информативности населения, наиболее заметно это в менее населенных местах по типу деревень, сел и в мелких населенных пунктах, в таких местах плохо налажены каналы информации и за значительного отсутствия современных ресурсов связи, таких как интернет, телевизор или телефон.

Следует отметить, что для решения данных проблем требуется активное взаимодействие государства и общества, так как благодаря только совместным усилиям можно развивать спорт в правильном направлении для всех. Необходимо создавать новые меры поддержки, соответствующие современному времени и технологическому прогрессу. Следует перераспределять меры поддержки как на государственные, так и не государственные компании. Так Иванова И.Б. предлагает: «Строительство спорткомплексов, предусматривающих занятие не только для работников компании, но и для членов их семей» [6, с. 23]. Данное решение помогло бы сократить затраты на привлечение к спорту группу людей которым могут обеспечить доступ к занятиям спорту негосударственные компании.

В заключении хочется отметить, что сфера спорта каждый год только расширяется так как появляются все новые дисциплины, разрабатываются новые методики тренировки спортсменов, а так же развивается техническая составляющая касаясь современных тренажеров, аппаратов, протезов и много другого что поможет значительно в тренировке спортсменов как в адаптивном так и в обычном спорте. Поэтому стоит активно следить за данной сферой, так как с появлением новых подходов требуется законодательное регулирование и государственный контроль и поддержка.

Литература

1. Евсеев С.П. Адаптивный спорт. Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения. – ООО «Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2011. – С. 517–539.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

3. Исаева Л.А. Система органов самоуправления по управлению физической культурой и спортом / Л.А. Исаева, А.А. Кадымов // Аграрное и земельное право. 2022. № 8(212). С. 48–51.

4. Паспорт федерального проекта «Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва», утв. проектной комиссией по национальному проекту «Демография» в ГИИС «Электронный бюджет» 29.04.2019 // В данном виде документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.

5. Законопроект № 1048793–7 «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги».

6. Иванова И.Б. Государственное регулирование в сфере физической культуры и спорта // Вестник экспертного совета. 2024. № 3(38). С. 19–25.

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF INCLUSIVE SPORTS: LEGAL ASPECTS

Petrov A.P.

Volgograd Institute of Management

This article is devoted to the study of public administration in the field of adaptive sports in the Russian Federation. The relevance of this article is due to the great importance of the processes of integrating people with disabilities into society through adaptive sports, which allows the state to reduce the burden on the healthcare and social protection systems for its citizens. In this article, the definition of adaptive sports is given, and the characteristics of three categories of individuals with health impairments (disabled people, students with limited health capabilities, and students in special medical groups) are described. The article also provides an overview of the types of management in adaptive sports, as well as measures for support and development, with specific examples. The article highlights the existing problems in this area, such as staff shortages, limited sports infrastructure, and a lack of information for the population in remote and small regions of the country, as well as a small budget for this area.

Keywords: adaptive sports, physical culture and sports, public administration, social programs, athletes, inclusion, and physical rehabilitation.

References

1. Evseev S.P. Adaptive sport. The science of sports. Encyclopedia of life support systems. – MAGISTER-PRESS Publishing House LLC, 2011. Pp. 517–539.

2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. St. 4398.

3. Isaeva L.A. The system of self-government bodies for the management of physical culture and sports / L.A. Isaeva, A.A. Kadymov // Agrarian and land law. 2022. № 8(212). Pp. 48–51.

4. Passport of the federal project "Creation of conditions for physical culture and sports, mass sports for all categories and groups of the population, including increasing the level of provision of the population with sports facilities, as well as the preparation of a sports reserve", approved by the project committee for the national project "Demography" in the GIS "Electronic Budget" on 04/29/2019 // The document has not been published in this form. SPS ConsultantPlus.

5. Draft Law No. 1048793–7 "On Amendments to Article 219 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation regarding the provision of a social tax deduction in the amount paid by the taxpayer for the sports and recreation services provided to him."

6. Ivanova I.B. State regulation in the field of physical culture and sports // Bulletin of the Expert Council. 2024. № 3(38). С. 19–25.

Пономаренко Андрей Владимирович,
аспирант, Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева
E-mail: ponomarehk@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы того, как внедрение современных технологий способствует участию граждан в процессах создания законов. Процесс законодательства включает в себя множество аспектов и участников, а также сложные взаимосвязи, особенно когда речь идет о реализации гражданских инициатив. Применение цифровых технологий, а также внедрение в данные процессы технологий искусственного интеллекта предназначены для того, чтобы упростить эти процедуры, ускорить обработку информации, тем самым улучшить процессы принятия важных решений. В статье подчеркивается, что использование технологий искусственного интеллекта не только способствует развитию механизмов гражданской инициативы, но и улучшает весь процесс нормотворчества. Автор выступает за дальнейшее развитие цифровых платформ, которые бы функционировали на постоянной основе и позволяли бы гражданам не только предлагать свои инициативы, но и оценивать предложения от других. Однако, в статье делается акцент на том, что использование искусственного интеллекта при анализе законодательных инициатив следует ограничивать, ввиду того, что окончательные решения по наиболее важным вопросам должны приниматься человеком.

Ключевые слова: цифровизация, законотворчество, искусственный интеллект, гражданская инициатива, Российская общественная инициатива.

В последнее время в общественных и научных кругах активно обсуждается интеграция цифровых технологий в процесс создания законов. Исследования показывают, что более 70% россиян выступают за цифровизацию законотворчества, чтобы сделать его более быстрым и простым. Это отражает стремление общества к более открытым и эффективным методам разработки законодательства [1, с. 266].

Особенно актуальным это стало в условиях глобальных кризисов, например, во время пандемии COVID-19, когда многие государства, включая Россию, столкнулись с необходимостью адаптации своих законодательных систем к меняющимся условиям. Изучение статистических данных показало, что период изоляции во время пандемии COVID-19 стимулировал необходимость разработки методов дистанционного управления деятельностью, в том числе государственных учреждений. Отмечается, что более 60% населения России уверены, что использование цифровых технологий в процессе создания законов может повысить их качество и соответствие требованиям общества [2, с. 143].

В Российской Федерации цифровизация законотворческого процесса целенаправленно ведет к обновлению законодательной базы за счет внедрения новейших информационных технологий. Такой подход не только способствует повышению доверия общественности к государственным структурам, но и оказывает влияние на повышение правовой грамотности граждан, а также на повышение эффективности и прозрачности законодательного процесса.

Важность цифровизации для российского общества была отмечена главой нашего государства, который на выступлении на международной онлайн-конференции «ArtificialIntelligenceJourney» в конце 2020 года отметил, что: «В наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, всей России, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных» [3].

Вячеслав Тимченко, занимающий должность председателя комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности, выступил с заявлением о важности цифровизации в сфере государственного управления. Он особенно подчеркнул, что традиционные методы управления уже не соответствуют требованиям времени, особенно в контексте нормотворчества. Тимченко указал на то, что современные цифровые технологии, включая интеллектуальные информационные системы и цифровых помощников, играют ключевую роль в оптимизации процесса подготовки законодательных актов [4]. Хотя эти изменения начали применяться сравнительно недавно, уже видны положительные результаты от их использования.

Согласно информации из аналитического центра правительства России, рекордная своевременность в подаче законопроектов была достигнута в первой половине 2024 года, когда все проекты были представлены в установленные сроки. До внедрения цифровой системы мониторинга в 2020 году доля своевременно представленных проектов не превышала 88%. К 2022 году этот показатель вырос до 92%, а в 2023 году достиг 97% [5]. Внедрение системы позволило оцифровать работу с документами, быстро выявить риски и мотивировать исполнителей к более ответственному планированию, что значительно повысило качество законотворческой деятельности.

Цифровые технологии вносят значительные изменения в процесс создания законов, улучшая взаимодействие между законодательными органами. Они обеспечивают более быстрое и эффективное согласование между разными институтами, способствуют внедрению гражданских инициатив, которые ранее могли оставаться незамеченными. Благодаря цифровизации, ускоряется процесс обновления законодательства и других нормативных документов, создавая единую платформу для обмена.

В эпоху, предшествовавшую широкому использованию цифровых технологий в законодательной сфере, для оценки общественного мнения о возможных изменениях в законах необходимо было проводить масштабные опросы и собирать статистические данные, которые включали в себя не только их сбор, но и последующую обработку и анализ. В редких случаях общественное мнение достигло уровня законодательных структур.

Сегодня, когда новые технологии стали неотъемлемой частью нашего общества, они представляют собой один из наиболее эффективных методов донесения общественных идей и настроений до законодательных органов. Эффективность гражданской инициативы во многом зависит от ее способности представлять интересы большого количества людей, чтобы привлечь внимание к своим предложениям.

Гражданская инициатива предоставляет возможность людям, пусть хоть и не напрямую, но все же участвовать в управлении государством, выдвигая предложения на изменение или отмену существующих законов, которые затем рассматриваются законодательными органами. Этот механизм, наряду с выборами и референдумами, является основой демократического устройства и законотворчества, позволяя гражданам проявлять свою волю в формировании национального законодательства.

На сегодняшний день цифровые технологии активно внедряются для поддержки и учета инициатив, выдвигаемых гражданами. Одним из первых шагов в этой сфере стало появление онлайн-платформы «Российская общественная инициатива», созданной в соответствии с Указом Президента РФ № 183 от 4 марта 2013 года [6]. Этот интернет-ресурс предоставляет российским гражданам, прошедшим проверку подлинности через систему ЕСИА, возможность как предлагать собственные проекты, так и участвовать в голосовании за предложения других пользователей. «Российская общественная инициатива» служит современным каналом взаимодействия общества и власти посредством цифровых средств.

Система работает на принципах открытости и доступности: каждый российский гражданин может оставить своё предложение, которое после прохождения нужного количества голосов участников портала и проверки на соответствие законодательству может быть внесено на рассмотрение в Государственную Думу.

Этот проект дал старт цифровой эпохе в вовлечении общественности в законотворческий процесс, предоставляя платформу для прямого диалога между гражданами и государством. Однако технологическое развитие не остановилось на достигнутом. Со временем возросли требования к анализу и обработке подаваемых идей, что подтолкнуло к интеграции более продвинутых цифровых технологий.

В настоящее время в нашу жизнь стремительно ворвались технологии именуемые искусственным интеллектом, или как его сокращенно называют -ИИ.

Искусственный интеллект – это отрасль информатики, которая разрабатывает и изучает методы и программное обеспечение, позволяющие машинам: воспринимать окружающую среду; анализировать информацию и находить в ней закономерности; учиться на основе данных; делать выводы, прогнозировать события или принимать решения; выполнять действия, которые традиционно считаются проявлением человеческого интеллекта. Другими словами, искусственный интеллект – это система, способная решать задачи наподобие того, как бы это сделали люди [7, с. 54]. Однако, в отличие от человека, ИИ не устает и способен за минуты проанализировать огромные массивы информации, на анализ которых у обычного человека ушли бы многие месяцы.

Искусственный интеллект, безусловно, играет существенную роль в современном мире, и с каждым днем это влияние распространяется на все новые сферы и области. Он проникает во все сферы нашей жизни, включая медицину, транспорт, финансы, образование, искусство и многие другие области.

Что касается непосредственного использования искусственного интеллекта в законотворческой деятельности, то стоит выделить его возможности в области обработки и анализа данных. ИИ способен анализировать огромные массивы информации, выявляя важные тенденции и закономерности, что особенно ценно для предсказания экономических, социальных или политических тенденций.

На собрании палаты молодых законодателей 15.12.2025 года, проведенном при Совете Федерации, первый заместитель председателя правления Сбербанка, Александр Ведяхин, обсудил роль искусственного интеллекта в законотворческом процессе. Он отметил, что ИИ может оказывать существенную помощь в совершенствовании законопроектов, выявляя несоответствия и ошибки в текстах, что способствует их дальнейшей корректировке и улучшению с учетом существующего законодательства. ИИ также способен предложить варианты изменений и дополнений к документам, что повышает их качество и эффективность [8].

С момента начала работы портала «Российская общественная инициатива», за 13 лет, гражданами РФ было внесено более 23 тысяч инициатив. Однако, направлены на рассмотрение в Государственную Думу всего 44, а реализованы в законах всего 20. Это крайне низкие цифры, которые не могут говорить об эффективности работы данного портала [9].

Вполне возможно, что использование в работе портала «Российская общественная инициатива» технологий искусственного интеллекта могло бы повысить его эффективность. Работа искусственного интеллекта может значительно трансформировать процессы народного законотворчества.

Во-первых, ИИ может создавать симуляции последствия принятия тех или иных общественных инициатив. Это позволяет глубже изучить возможные исходы различных решений, учитывая множество переменных и факторов до того, как меры будут реализованы. Что позволит людям, более взвешенно принять решение о том, отдавать свой голос за инициативу, или нет.

Во-вторых, использование искусственного интеллекта может значительно улучшить понимание общественных настроений и мнений, анализируя огромные массивы данных из новостей, социальных сетей и опросов. Большинство проблем существующих в обществе так и не становятся предметом обсуждения на портале «Российская общественная инициатива». Однако они могут быть описаны в других источниках. Искусственный интеллект, через анализ общественного мнения в сети интернет, может выявлять наиболее часто встречающиеся вопросы, вызывающие дискуссии, формировать из них предложения и выносить их на всеобщее голосование.

Кроме того, работа ресурса с использованием ИИ может качественно улучшить процессы вовлечение граждан в политические процессы, стать доступным и понятным инструментом народного законотворчества в РФ.

Таким образом, эволюция от простого портала для сбора инициатив до многофункциональной цифровой платформы, включающей элементы ИИ, может качественно улучшить работу ресурса, что позволяет законодательным органам при разработке нормативно-правовых актов учитывать реальную волю гражданского населения.

Однако использование таких технологий сопряжено не только с возможностями, но и с потенциальными проблемами. К ним относятся вопросы защиты персональных данных, трудности в понимании алгоритмов, риски несправедливости и возможные искажения результатов анализа. Технология ИИ очень молода, зачастую она совершает ошибки. Вполне вероятно, что при анализе данных или при построении симуляции внедрения тех или иных изменений законодательства программой будут допущены ошибки, что приведет к искажению результатов и, соответственно неправильной оценке.

Чтобы минимизировать потенциальные риски, крайне важно установить строгий контроль за функционированием систем искусственного интеллекта. В то же время внимание должно быть сосредоточено на соблюдении этических норм и правовых рамок. Цель состоит в том, чтобы обеспечить прозрачность алгоритмов и соответствие общественным интересам и ценностям. Технологии искусственного интеллекта не должны выходить за рамки помощников при принятии решений человеком. Они должны упрощать процессы по сор и анализу данных, но никак не становятся механизмом определяющим, каким именно изменениям должно подвергнуться наше законодательство. Конечно, люди тоже могут допускать ошибки, но в конечном итоге решение всегда должно оставаться за человеком.

Литература

1. Морозов А.Е. К вопросу цифровизации законотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3(51). С. 266–267.
2. Зайцева, Т.Л. Цифровая трансформация публичной власти: правовые аспекты / Т.Л. Зайцева. – Москва: Норма, 2022. – 152 с.
3. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России // ТАСС [электронный ресурс]– URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635>(дата обращения: 17.04.2026).
4. В. Тимченко: Цифровые технологии сделают процесс подготовки нормативных правовых актов качественнее, быстрее и прозрачнее // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации[электронный ресурс]– URL: <http://council.gov.ru/events/news/130023/>(дата обращения: 18.04.2026).
5. Деятельность Координационного центра Правительства Российской Федерации // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [электронный ресурс]– URL: [https://ac.gov.ru/about\(дата обращения: 08.05.2025\)](https://ac.gov.ru/about(дата обращения: 08.05.2025)).
6. Указ Президента РФ «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» от 4 марта 2013 г. № 183 // Собрание законодательства РФ. –2013. – 11 марта (№ 10). – Ст. 1019.

7. Косоруков А.А. Технологии искусственного интеллекта в современном государственном управлении // Социодинамика. 2024. № 5. С. 43–58.

8. Как политики используют ИИ в законотворческом процессе – Ведомости [электронный ресурс]– URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/12/16/1163523-kak-politiki-ispolzuyut-ii> (дата обращения: 17.04.2026).

9. Российская общественная инициатива [электронный ресурс]– URL: <https://www.roi.ru/complete/>(дата обращения: 18.04.2026)

DIGITALIZATION AND LAWMAKING: HOW NEW TECHNOLOGIES ARE CHANGING CIVIC INITIATIVES

Ponomarenko A.V.

Mordovian State University named after. N.P. Ogareva

This article discusses how the introduction of modern technologies promotes citizen participation in the law-making process. The legislative process includes many aspects and participants, as well as complex relationships, especially when it comes to the implementation of civic initiatives. The use of digital technologies, as well as the introduction of artificial intelligence technologies into these processes, are designed to simplify these procedures, speed up information processing, and thereby improve important decision-making processes. The article emphasizes that the use of artificial intelligence technologies not only contributes to the development of civil initiative mechanisms, but also improves the entire rulemaking process.

The author advocates the further development of digital platforms that would function on an ongoing basis and would allow citizens not only to propose their initiatives, but also to evaluate proposals from others. However, the article emphasizes that the use of artificial intelligence in the analysis of legislative initiatives should be limited, due to the fact that final decisions on the most important issues should be made by humans.

Keywords: digitalization, lawmaking, artificial intelligence, civil initiative, Russian public Initiative.

References

1. Morozov, A.E. "On the Digitalization of Lawmaking" // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3(51). Pp. 266–267.

2. Zaitseva, T.L. "Digital Transformation of Public Authority: Lawmaking Aspects." Moscow: Norma, 2022. 152 p.

3. Putin Announced the Need for Russia's Digital Transformation // TASS [electronic resource] – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (accessed: 17.04.2026).

4. V. Timchenko: Digital technologies will make the process of preparing regulatory legal acts better, faster, and more transparent // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation [electronic resource] – URL: <http://council.gov.ru/events/news/130023/> (date of access: 18.04.2026).

5. Activities of the Coordination Center of the Government of the Russian Federation // Analytical Center under the Government of the Russian Federation [electronic resource] – URL: <https://ac.gov.ru/about> (date of access: 08.05.2025).

6. Decree of the President of the Russian Federation "On the consideration of public initiatives submitted by citizens of the Russian Federation using the Internet resource "Russian Public Initiative" dated March 4, 2013, No. 183 // Collection of Legislation of the Russian Federation. –2013. – March 11 (No. 10). – Art. 1019.

7. Kosorukov A.A. Artificial Intelligence Technologies in Modern Public Administration // Sociodynamics. 2024. No. 5. Pp. 43–58.

8. How Politicians Use AI in the Legislative Process – Vedomosti [electronic resource] – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/12/16/1163523-kak-politiki-ispolzuyut-ii> (date of access: 17.04.2026).

9. Russian Public initiative [electronic resource] – URL: <https://www.roi.ru/complete/> (date of access: 18.04.2026)

Соотношение конституционных прав граждан и ограничительных мер в сфере государственной безопасности

Сипок Роман Павлович,
независимый исследователь
E-mail: romansipok728@gmail.com

Статья посвящена правовому соотношению конституционных прав граждан и ограничительных мер, вводимых в целях государственной безопасности. Актуальность темы связана с расширением правовых режимов, при которых публичная власть получает дополнительные средства вмешательства в сферу личной свободы, частной жизни, передвижения, доступа к информации и политического участия. Научная новизна работы состоит в построении аналитической модели, где безопасность рассматривается как юридическая цель, проходящая проверку через закон, соразмерность, временные пределы, институциональный контроль и судебную ревизию. Цель исследования состоит в выявлении границ допустимого ограничения прав и в выделении признаков, отделяющих конституционно приемлемую меру от избыточного вмешательства. Используются анализ научной литературы, сравнительно-правовой подход, концептуальное обобщение и типологизация. Аналитическая часть привела к выводу, что устойчивость правового порядка обеспечивают нормативная определенность, процедурные гарантии, судебный контроль и проверяемые критерии необходимости. Практическая применимость работы связана с подготовкой нормативных решений, правоприменительных алгоритмов и системы мониторинга для оценки допустимости ограничительных мер.

Ключевые слова: конституционные права, государственная безопасность, ограничение прав, соразмерность, судебный контроль, чрезвычайные меры, национальная безопасность, свобода выражения мнения

Введение

Соотношение конституционных прав граждан и ограничительных мер в сфере государственной безопасности образует один из наиболее напряженных вопросов публичного права. По мере расширения правовых режимов, направленных на защиту политического строя, информационной среды, критической инфраструктуры и общественного порядка, возрастает риск смещения границы между допустимым ограничением и чрезмерным вмешательством. Именно на этой линии сталкиваются охрана государства, личная свобода, частная жизнь, политическая коммуникация и доступ к правосудию.

Исследование направлено на выявление условий, при которых ограничительные меры в сфере государственной безопасности сохраняют конституционную допустимость, а их применение не подрывает систему правовых гарантий. В центре внимания находятся три взаимосвязанных вопроса: по каким критериям ограничение прав получает конституционное оправдание, какие институциональные механизмы препятствуют произвольному расширению вмешательства, и каким образом может быть выстроена прикладная модель правовой оценки подобных мер для целей законотворчества и правоприменения.

Гипотеза исследования состоит в том, что конституционно допустимое ограничение прав в сфере государственной безопасности возможно лишь при одновременном соблюдении следующих условий: наличия ясной правовой основы, связи меры с реальной угрозой, доказанной необходимости, соразмерности по объему и сроку действия, а также действенного внешнего контроля. Отсутствие одного из указанных элементов приводит к трансформации безопасности из юридического основания ограничения в средство расширительного усмотрения публичной власти.

Нормативную основу исследования образуют прежде всего положения Конституции Российской Федерации, определяющие пределы вмешательства в сферу прав и свобод. Часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации допускает ограничение прав федеральным законом при наличии конституционно значимой цели, включая защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства. Часть 1 статьи 56 Конституции Российской Федерации закрепляет иную правовую конструкцию, связанную с чрезвычайным положением и временным отступлением от обычного режима осуществления прав при наличии исключительной угрозы. Сопоставление этих норм позволяет различить два уровня ограничения: обычный режим конституционно допустимого вмешательства и специальный режим экстраординарных мер, требующий более строгой проверки по основаниям, срокам и пределам применения.

Методы и материалы

Материальную базу составили пятнадцать публикаций, посвященных ограничению прав в целях государственной и национальной безопасности, судебному контролю, соразмерности, чрезвычайным режимам, цифровому надзору и защите свободы выражения мнения. Поиск выполнялся по издательским платформам Cambridge Core, Oxford Academic, SpringerLink, European Papers, журналу *RUDN Journal of Law*, наряду с изучением публикаций, пригодных для разработки конституционно-судебного блока. Использовались поисковые связки *constitutional rights*, *national security*, *proportionality*, *derogation*, *freedom of expression*, *surveillance*, *constitutional justice*, ограничения прав, государственная безопасность, конституционное правосудие. Из исходного массива были исключены комментарии без исследовательской части, краткие заметки, тексты политологического профиля без правового анализа, публикации с размытым предметом и материалы, не дающие возможности выделить аргументацию по пределам ограничения. В итоговый корпус вошли теоретические статьи, сравнительно-правовые исследования, работы по судебной аргументации, публикации по цифровой безопасности и статьи, раскрывающие место конституционного правосудия в механизме гарантий и в европейской модели защиты прав. Внутренняя тематическая карта корпуса распадается на четыре группы. Первая охватывает общие критерии ограничения и соразмерности [4, 7, 10, 11, 14, 15]. Вторая сосредоточена на судебном контроле и распределении обязанностей государства по защите прав [2, 3, 8, 10, 11]. Третья посвящена безопасности в цифровой среде, надзору и ограни-

чениям в информационной сфере [5, 6, 12, 13]. Четвертая раскрывает конституционно-судебную защиту прав в российской и сравнительной плоскости [2,3,9].

В исследовании применены сравнительно-правовой анализ, анализ источников, концептуальное обобщение, типологизация моделей ограничения и аналитическая реконструкция правовой логики перехода от угрозы к допустимой мере. Первая задача решалась через выявление нормативных критериев, вторая через изучение институциональных фильтров, третья через построение прикладной модели оценки ограничительных мер.

Результаты

Нормативная допустимость ограничения прав в интересах государственной безопасности в новейшей литературе связывается не с самим фактом угрозы, а с качеством правового оформления ответной меры. Исследования по пропорциональности подчеркивают, что ссылка на безопасность не освобождает государство от обязанности пройти последовательную юридическую проверку. Сначала фиксируется вмешательство в право, затем оценивается правовая основа, после чего проводится проверка по целям, необходимости и соразмерности [7, 15]. Для настоящего исследования такой подход задает исходную рамку, поскольку он отсекает конструкцию, при которой язык угрозы заранее оправдывает ограничение. Правовое оправдание возникает внутри процедуры проверки.

Международные стандарты конкретизируют пределы допустимого ограничения. Статья 29 Всеобщей декларации прав человека (1948) допускает ограничения прав при условии их направленности на обеспечение признания и уважения прав других лиц, а наряду с этим на удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния. Сиракузские принципы ограничения и дерогации прав (1984) развивают эту позицию и вводят более жесткие критерии. Ограничение должно опираться на закон, отвечать легитимной цели, сохранять необходимость в демократическом обществе и не выходить за пределы, требуемые для достижения цели. Эти условия формируют универсальную модель проверки, которая применима и к национальным правовым системам.

Та же линия прослеживается в работах, посвященных чрезвычайным и постчрезвычайным режимам. Исследование по дерогациям периода пандемии фиксирует различие между собственно отступлением от обязательств и обычным ограничением права. Из этой позиции вытекает вывод, имеющий прямое значение для темы. Государство расширяет сферу усмотрения не только через формальное объявление чрезвычайного режима, но и через размытие границы между исключением и обычным ограничением [15]. Сходный ход мысли содержится в работе о дерогациях периода COVID-19. В ней показано, что длительность экстренных мер меняет структуру правового оправдания. Временная мера, затягиваясь и теряя точную связь с угрозой, перестает восприниматься как исключение и начинает функционировать как квазипостоянное ограничение [14]. Первая исследовательская задача получает здесь прямое содержательное наполнение. Допустимый предел ограничения проходит не только по линии интенсивности вмешательства, но и по линии времени.

Материал по судебной практике и по теории пропорциональности добавляет еще один ориентир. В работе о юриспруденции ЕСПЧ указано, что пропорциональность не сводится к риторическому сопоставлению абстрактных благ. Судебная оценка требует аргументированной связи между общественным интересом и объемом ущерба для носителя права [7]. Немецкий материал по ковидной юриспруденции дополняет эту позицию с иной стороны. При неопределенной фактической базе суды нередко переносят центр тяжести рассуждения с доказательств эффективности на презумпцию защитной функции государства [4]. Сопоставление двух подходов приводит к промежуточному выводу. Чем слабее доказательная основа меры, тем жестче приходится выстраивать временные рамки, процедуру пересмотра и доступность судебного обжалования. Иначе пропорциональность превращается в словесную оболочку административного усмотрения.

Российская конституционно-судебная практика в рассматриваемой сфере выработала более строгий подход к оценке ограничительных мер, чем это иногда следует из текущего административного правоприменения. В конституционно-правовой аргументации устойчиво прослеживается требование соразмерности, правовой определенности и недопустимости произвольного расширения полномочий органов, действующих под предлогом защиты безопасности. Из этой линии вытекает и более узкий вывод. Ссылка на угрозу сама по себе не снимает вопрос о пределах вмешательства в частную жизнь, коммуникацию и свободу выражения мнения. Напротив, при усилении публично-охранительного элемента возрастает значение проверки цели, объема и обоснованности ограничительной меры.

Проблема затрагивания существа права приобретает особую остроту в тех случаях, когда безопасность вторгается в область частной жизни и информационной автономии. Исследование экспортного контроля технологий кибернаблюдения показывает, что современное законодательство о безопасности выходит за пределы логики территориальной обороны и перемещается в зону инфраструктурного управления информацией [5]. На этой основе растет массив норм, затрагивающих коммуникации, данные, программные средства слежения и трансграничное движение цифровых решений. Работа о новых формах наблюдения в праве Европейского союза продолжает ту же линию через смещение фокуса с полномочия государства на положение субъекта данных [12]. Для предмета исследования из этого следует следующий шаг. В цифровой среде опасность чрезмерного ограничения прав возникает не только из-за прямого запрета, но и из-за архитектуры постоянного контроля, работающей без заметного внешнего сигнала. В таких режимах оценка допустимости не исчерпывается проверкой текста закона. Приходится учитывать накопительный эффект надзора. На уровне правовых механизмов ограничение прав в сфере государственной безопасности реализуется через инструменты, закрепленные в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности и в нормах, регулирующих деятельность специальных служб. Эти механизмы предполагают скрытое наблюдение, сбор информации, контроль коммуникаций и использование специальных технических средств. Такая конструкция изменяет характер вмешательства. Ограничение приобретает непрямую форму и нередко реализуется без уведомления лица, чьи права затрагиваются. Такая конфигурация вмешательства не ослабляет конституционные требования, а переводит их в более жесткий режим проверки. При отсутствии информированности субъекта возрастает значение последующего контроля, поскольку именно на этой стадии устанавливается связь между примененной мерой, ее основанием и фактическими последствиями для правового статуса личности.

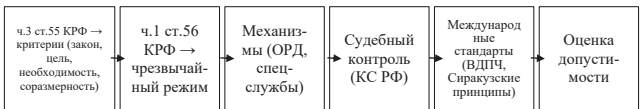

Рис. 1. Конституционная модель ограничения прав в Российской Федерации (составлен автором на основе [5, 8, 9, 14, 15])

Представленная модель отражает не перечень элементов, а логику последовательной правовой оценки, в которой скрытые формы вмешательства проходят те же этапы проверки, что и открытые меры. В этой логике усиление компонента государственной безопасности не устраняет конституционные ограничения, а повышает требования к обоснованию, временным пределам и доступности внешнего контроля.

Особое место в исследуемом массиве занимает свобода выражения мнения. Ряд современных работ показывает, что именно эта свобода первой попадает под давление в периоды, когда государство стремится нейтрализовать информационные риски, дезинформацию, воздействие иностранных акторов или цифровую манипуляцию [6, 12, 13]. В статье о регулировании *fake news* в условиях *emergency* показано, что экстренное нормотворчество быстро формирует склонность к чрезмерным средствам, среди которых блокировки, удаление контента и расширение административного контроля над платформами [13]. Публикация о свободе выражения мнения в интернете и национальной безопасности в Европе подводит к более тонкому тезису. Ограничение в данной сфере требует различения фактов и оценок, а наряду с этим учета того, что защита коллективной безопасности не поглощает ценность свободного публичного обсуждения [12]. Исследование о рисках для фундаментальных прав при использовании искусственного интеллекта для противодействия когнитивным угрозам добавляет новую грань. Когда безопасность начинает работать через предиктивные и автоматизированные инструменты, опасность чрезмерного вмешательства перемещается из зоны прямого запрета в зону алгоритмического ранжирования рисков, скрытого профилирования и непрозрачного воздействия на коммуникацию [6].

Сопоставление трех названных источников дает вывод, имеющий прямое значение для второй исследовательской задачи. Ограничение свободы выражения мнения в интересах государственной безопасности сохраняет допустимость лишь при наличии узкой предметной связи между конкретной угрозой и конкретной мерой. Общая ссылка на дестабилизирующее влияние информации для такой связи не годится. При ее использовании право на выражение мнения начинает ограничиваться превентивно, по модели подозрения, еще до установления причинно-следственной связи между высказыванием и вредом.

Не менее показателен блок исследований, посвященных процессуальным гарантиям и судебной ревизии. Новая работа о секретности в разбирательствах ЕСПЧ, где рассматривались материалы, связанные с на-

циональной безопасностью, выявляет устойчивую проблему. Чем шире массив закрытой информации, тем сильнее деформируется равенство сторон и тем труднее участнику дела опровергнуть доводы власти [10]. Ценность публикации состоит не только в фиксации этой трудности. Исследователь показывает, что даже в такой категории дел суд ищет процессуальные решения, сохраняющие минимально необходимую справедливость процедуры. С этим подходом перекликаются работы о позитивных обязанностях государства и о распределении обязанностей в системе Конвенции [8, 11]. Из них следует, что защита прав не сводится к запрету на вмешательство. В ряде ситуаций государство обязано организовать правовой механизм так, чтобы лицо располагало доступом к обжалованию, к мотивированному решению и к средствам судебной защиты. Отсюда вытекает вывод, необходимый для общей конструкции статьи. Ограничительная мера в сфере безопасности нарушает конституционный баланс не только тогда, когда она чрезмерна по содержанию. Такой же результат возникает и тогда, когда ее трудно опровергнуть.

Роль конституционного правосудия в данной сфере раскрывается через его участие в механизме государственно-правовых гарантий прав и свобод личности. В этом ракурсе конституционный суд рассматривается не как внешний наблюдатель по отношению к системе безопасности, а как звено, через которое правовой порядок удерживает предел вмешательства в сферу субъективных прав [2]. Такой подход смещает внимание с формальной проверки нормативного акта на оценку его действия для правового статуса личности. При подобной постановке вопроса ограничение оценивается не только по цели, но и по тому, в какой мере оно затрагивает саму возможность пользования правом.

Сравнительный материал по европейским моделям конституционного контроля решает иную исследовательскую задачу. Он показывает, что устойчивость гарантий зависит от институциональной конструкции самого суда, от объема его полномочий и от того, насколько доступен механизм обращения для заявителя [3]. Из этого следует практический вывод для настоящей темы. Пределы ограничения прав формируются не одной лишь конституционной формулой. Они зависят от того, способен ли орган конституционного контроля вмешаться в спор о безопасности до того, как расширительное толкование публичного интереса начнет вытеснять содержание права.

Отдельную линию в литературе образует переход от статического понимания безопасности к более сложной конструкции, охватывающей суверенитет, демократический процесс, информационную среду, технологическую инфраструктуру и устойчивость институтов. Исследование британского *National Security Act 2023* показывает, что поворот к борьбе с угрозами со стороны государства и его прокси меняет набор правовых средств и расширяет зону регулирования за пределы классического уголовного права [9]. Работа о правовом регулировании национальных интересов в России дополняет этот материал с иной стороны, фиксируя тесную связь между стратегическими документами, суверенитетом, безопасностью и нормативным оформлением публичных целей [1]. Сопряжение этих источников дает значимый для третьей исследовательской задачи вывод. По мере расширения содержания безопасности растет риск распространения ограничительных мер на сферы, где связь с непосредственной угрозой лишь предполагается. При такой динамике юридический коридор допустимого вмешательства приходится выстраивать уже не только на стадии правоприменения, но и на уровне законодательного проектирования ограничительных мер.

Обсуждение

Сопоставление международных стандартов и российской практики выявляет зону совпадения и зону расхождения. В части формальных критериев наблюдается совпадение. Используются категории законности, необходимости и соразмерности. Расхождение проявляется на уровне применения. Международные подходы требуют доказательной связи между угрозой и ограничением, тогда как в российской практике допускается более широкое усмотрение при оценке угрозы безопасности. Это различие влияет на глубину судебной проверки и на устойчивость гарантий прав. Противоречие между конституционными правами и интересами государственной безопасности не сводится к столкновению двух абстрактных ценностей. Перед правом стоит иная задача. Ему требуется удерживать такой порядок, при котором защита государства не разрушает правовую форму собственной легитимации. При отсутствии такого порядка публичная власть получает возможность ссылаться на безопасность в тех случаях, где отсутствует проверяемая угроза, а конституционный текст превращается в фон для расширяющегося усмотрения.

В правоприменении допустимость ограничения целесообразно оценивать через поэтапную модель правового решения. На первом шаге фиксируется конкретная угроза, выраженная не в общей формуле, а в юридически описанном риске. Затем выявляется право, в сферу ко-

торого вторгается мера, и определяется глубина вмешательства. После этого проводится проверка правовой базы, предметной пригодности меры, ее необходимости и меньшей обременительности по сравнению с альтернативами. Далее открывается стадия внешней проверки, где особое место занимают судебный контроль, обязанность мотивировать решение, возможность пересмотра и наличие процессуального доступа для затронутого лица. Лишь прохождение всех ступеней придает ограничению конституционную устойчивость.

Для нужд правоприменения полезна типология, позволяющая увидеть те участки, где конституционный баланс нарушается чаще всего (табл. 1).

Таблица 1. Типовые зоны конституционного риска при введении ограничительных мер в сфере государственной безопасности (составлена автором на основе [4, 5, 7, 9, 10, 12, 14, 15])

Зона риска	Как проявляется	Правовое последствие
Размытая формулировка угрозы	Использование общих категорий без предметной конкретизации	Расширение усмотрения и ослабление судебной проверки
Слабая доказательная база	Отсутствие проверяемой связи между мерой и предотвращаемым вредом	Формализация критерия необходимости
Чрезмерная длительность	Сохранение экстренной меры после ослабления угрозы	Превращение исключения в постоянный режим
Скрытое технологическое вмешательство	Профилирование, мониторинг, непрозрачная обработка данных	Накопительное разрушение частной автономии
Закрытость процедуры	Засекречивание материалов, ограниченный доступ к основаниям решения	Снижение реальности права на защиту
Смещение цели регулирования	Переход от нейтрализации угрозы к общему управлению поведением	Выход меры за пределы конституционного оправдания

Аналитическая ценность этой таблицы состоит в возможности увидеть источник дефекта не в финальном запрете как таковом, а в ранней стадии правового конструирования. Перегрузка системы рисками начинается там, где угроза описана слишком широко, доказательство подменено предположением, а временная граница утрачена. По этой причине контроль за ограничительной мерой целесообразно переносить к моменту ее проектирования, а не откладывать на стадию судебного спора.

Следующий узел связан с измерением. Без набора индикаторов тезис о соразмерности сохраняет оценочный характер и плохо работает в реальном правоприменении. Для более точного сопоставления российской конституционной модели и международных стандартов целесообразно свести критерии ограничения прав в единую сравнительную таблицу (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение конституционных и международных критериев ограничения прав (составлена автором на основе [1, 4, 6, 8, 9, 11, 13])

Критерий	Конституция РФ	Международные стандарты
Законность	федеральный закон	закон
Цель	безопасность, порядок	легитимная цель
Необходимость	подразумевается	строго требуется
Соразмерность	выводится судом	прямой критерий
Контроль	КС РФ	суды и международные органы

Сопоставление показывает, что различие между российской и международной моделями связано не с самим набором критериев, а с характером их юридической конкретизации и глубиной применения. В российской конституционной конструкции законность и цель ограничения закреплены прямо, тогда как необходимость и соразмерность чаще получают содержательное наполнение через судебное толкование. Международные стандарты формулируют эти требования жестче и связывают допустимость вмешательства с более плотной проверкой его обоснованности. Именно здесь проходит практическая граница между формальным соблюдением конституционной рамки и содержательной проверкой меры на предмет ее допустимости.

Отдельного внимания требует институциональная сторона проблемы. Без независимого суда и рабочих процедур доступа к проверке любое, даже тщательно сформулированное ограничение сохраняет риск произвольного расширения. Последовательность действий в данной сфере целесообразно строить следующим порядком. Сначала зако-

нодатель задает узкие критерии угрозы и форму меры. Затем исполнительный орган мотивирует применение. После этого включается внешний контроль, способный проверить фактическую связь, срок, адресность и глубину вмешательства. При выпадении одного из уровней вся конструкция смещается в пользу исполнительного усмотрения.

Авторская позиция сводится к следующему. Безопасность не образует заранее установленного приоритета над правами. Юридический вес она получает лишь внутри процедуры проверки. Такой подход дисциплинирует власть и сохраняет для права критическую дистанцию. При ином устройстве государственная безопасность превращается в универсальное объяснение, которым оправдываются самые разные формы ограничения, от информационного контроля до скрытого технологического наблюдения.

Закключение

Проведенное исследование привело к выводу, что конституционная допустимость ограничительных мер в сфере государственной безопасности определяется совокупностью строгих условий, среди которых центральное место занимают законность, предметная связь с реальной угрозой, доказуемая необходимость, соразмерность по объему и сроку, а наряду с этим внешняя проверяемость решения. Одна лишь ссылка на охрану государства не создает достаточного юридического основания для вмешательства в сферу прав.

Исследование показало, что наиболее уязвимые участки правового регулирования возникают в ситуациях размыто сформулированной угрозы, слабой доказательной базы, затяжного действия экстренных мер, технологически скрытого надзора и процедурной закрытости. При таких условиях ограничение утрачивает качество исключительной меры и начинает функционировать как механизм постоянного сужения конституционной свободы.

Материал позволил установить зависимость устойчивого баланса между правами граждан и интересами безопасности от институционального устройства контроля. На первый план выходят конституционное правосудие, судебная ревизия по существу, обязанность мотивировать вмешательство, доступность обжалования и периодический пересмотр меры. Без этих фильтров даже формально законное ограничение быстро приобретает черты избыточности.

Гипотеза исследования получила подтверждение. Конституционно приемлемое ограничение в рассматриваемой сфере сохраняет правовой характер лишь при одновременном наличии ясной нормативной основы, доказанной необходимости, соразмерности, временной ограниченности и действенного контроля. Разрушение этой связи лишает безопасность качества юридического основания и открывает путь к расширению административного усмотрения. Полученные результаты позволяют сформулировать прикладную модель конституционно-правовой оценки ограничительных мер, применимую в законотворческой и правоприменительной деятельности при введении режимов государственной безопасности.

Литература

1. Алимова Д.Р. Правовое регулирование национальных интересов в России: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 4. С. 730–742. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742.
2. Сипок Р.П. Конституционное правосудие в механизме государственно-правовых гарантий прав и свобод личности // Проблемы права. 2005. № 3 (8). С. 171–174.
3. Сипок Р.П. Особенности конституционного правосудия в европейских государствах // Проблемы права. 2005. № 2 (7). С. 197–202.
4. Berger P. Proportionality, evidence and the COVID-19-jurisprudence in Germany // European Journal of Security Research. 2022. Vol. 7. P. 211–236. DOI: 10.1007/s41125-022-00087-7.
5. Kim H. Global export controls of cyber surveillance technology and the disrupted triangular dialogue // International and Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70. P. 379–415. DOI: 10.1017/S0020589321000105.
6. Lahmann H., Custers B., Scott B. The fundamental rights risks of countering cognitive warfare with artificial intelligence // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. 49. DOI: 10.1007/s10676-025-09868-9.
7. Letwin J. Proportionality, stringency and utility in the jurisprudence of the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2023. Vol. 23, № 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngad014.
8. Raible L. Allocating human rights obligations in the ECHR // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, № 1. DOI: 10.1093/hrlr/ngad030.
9. Scott P. F. 'State threats', security, and democracy: the National Security Act 2023 // Legal Studies. 2024. Vol. 44, № 2. P. 260–276. DOI: 10.1017/ist.2023.39.

10. Sommardal J. National security secrecy in ECtHR proceedings—the Court's eroding toolbox against unjustified secrecy and abuse // Human Rights Law Review. 2025. Vol. 25, № 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngaf024.

11. Stoyanova V. Framing positive obligations under the European Convention on Human Rights Law: mediating between the abstract and the concrete // Human Rights Law Review. 2023. Vol. 23, № 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngad010.

12. Tomažič L. Freedom of expression on the internet and national security in Europe: liberty and basic goods // dot.pl. 2024. № 1. DOI: 10.60097/DOTPL/192648.

13. Vese D. Governing fake news: the regulation of social media and the right to freedom of expression in the era of emergency // European Journal of Risk Regulation. 2022. Vol. 13, № 3. P. 477–513. DOI: 10.1017/err.2021.48.

14. Won Y. Emergency powers and COVID-19 derogations // International Journal of Constitutional Law. 2025. Vol. 23, № 1. P. 113–147. DOI: 10.1093/icon/moaf010.

15. Zysset A. To derogate or to restrict? The COVID-19 pandemic, proportionality and the justificatory gap in European human rights law // Jus Cogens. 2022. Vol. 4. P. 285–301. DOI: 10.1007/s42439-022-00065-6.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS AND RESTRICTIVE MEASURES IN THE FIELD OF STATE SECURITY

Sipok R.P.

The article is devoted to the legal correlation of the constitutional rights of citizens and restrictive measures imposed for the purposes of state security. The relevance of the topic is related to the expansion of legal regimes in which public authorities receive additional means of interference in the sphere of personal freedom, privacy, movement, access to information and political participation. The scientific novelty of the work consists in building an analytical model where security is considered as a legal goal that is tested through the law, proportionality, time limits, institutional control and judicial review. The purpose of the study is to identify the boundaries of permissible restrictions on rights and to identify the features that separate a constitutionally acceptable measure from excessive interference. The analysis of scientific literature, comparative legal approach, conceptual generalization and typologization are used. The analytical part led to the conclusion that the stability of the legal order is ensured by regulatory certainty, procedural guarantees, judicial control and verifiable criteria of necessity. The practical applicability of the work is related to the preparation of regulatory decisions, law enforcement algorithms and a monitoring system to assess the permissibility of restrictive measures.

Keywords: constitutional rights, state security, restriction of rights, proportionality, judicial control, emergency measures, national security, freedom of expression.

References

1. Alimova D.R. Legal Regulation of National Interests in Russia: Theory and Practice // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2024. Vol. 28. No. 4. Pp. 730–742. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742.
2. Sipok R.P. Constitutional Justice in the Mechanism of State and Legal Guarantees of Individual Rights and Freedoms // Problems of Law. 2005. No. 3 (8). Pp. 171–174.
3. Sipok R.P. Features of Constitutional Justice in European States // Problems of Law. 2005. No. 2 (7). Pp. 197–202.
4. Berger P. Proportionality, evidence and the COVID-19-jurisprudence in Germany // European Journal of Security Research. 2022. Vol. 7. P. 211–236. DOI: 10.1007/s41125-022-00087-7.
5. Kim H. Global export controls of cyber surveillance technology and the disrupted triangular dialogue // International and Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70. P. 379–415. DOI: 10.1017/S0020589321000105.
6. Lahmann H., Custers B., Scott B. The fundamental rights risks of countering cognitive warfare with artificial intelligence // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. 49. DOI: 10.1007/s10676-025-09868-9.
7. Letwin J. Proportionality, stringency and utility in the jurisprudence of the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2023. Vol. 23, No. 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngad014.
8. Raible L. Allocating human rights obligations in the ECHR // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, No. 1. DOI: 10.1093/hrlr/ngad030.
9. Scott P. F. 'State threats', security, and democracy: the National Security Act 2023 // Legal Studies. 2024. Vol. 44, No. 2. P. 260–276. DOI: 10.1017/ist.2023.39.
10. Sommardal J. National security secrecy in ECtHR proceedings—the Court's eradicating toolbox against unjustified secrecy and abuse // Human Rights Law Review. 2025. Vol. 25, No. 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngaf024.
11. Stoyanova V. Framing positive obligations under the European Convention on Human Rights Law: mediating between the abstract and the concrete // Human Rights Law Review. 2023. Vol. 23, No. 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngad010.
12. Tomažič L. Freedom of expression on the internet and national security in Europe: liberty and basic goods // dot.pl. 2024. No. 1. DOI: 10.60097/DOTPL/192648.
13. Vese D. Governing fake news: the regulation of social media and the right to freedom of expression in the era of emergency // European Journal of Risk Regulation. 2022. Vol. 13, No. 3. P. 477–513. DOI: 10.1017/err.2021.48.
14. Won Y. Emergency powers and COVID-19 derogations // International Journal of Constitutional Law. 2025. Vol. 23, No. 1. P. 113–147. DOI: 10.1093/icon/moaf010.
15. Zysset A. To derogate or to restrict? The COVID-19 pandemic, proportionality and the justificatory gap in European human rights law // Jus Cogens. 2022. Vol. 4. P. 285–301. DOI: 10.1007/s42439-022-00065-6.

Локальное нормотворчество в России: место в иерархии правовых актов и функциональный потенциал

Степанян Георгий Эдуардович,
студент аспирантуры, Карачаево-Черкесский филиал
Университета «Синергия»,

В статье исследуется место и роль локальных правовых актов в системе нормативных правовых актов Российской Федерации. Автор анализирует иерархическую структуру правового массива, отмечая, что локальные акты, занимая формально низшее положение в этой системе, выполняют важную функцию связующего звена между централизованным государственным регулированием и автономией организаций. Рассматриваются понятие, признаки и юридическая природа локальных актов, их соотношение с актами трудового, гражданского и административного права. Особое внимание уделяется генезису научных представлений о локальном нормотворчестве, начиная с работ Н.Г. Александрова и заканчивая современными доктринальными подходами.

Ключевые слова: локальные правовые акты, локальное нормотворчество, система нормативных правовых актов, иерархия правовых актов, децентрализованное регулирование, опережающее регулирование, корпоративные нормы, баланс публичных и частных интересов.

Правовые акты различаются по нескольким основаниям: во-первых, по субъектам, уполномоченным на их принятие; во-вторых, по сфере территориального или институционального действия; в-третьих, по характеру воплощенных в них интересов – публичных либо частных. В этой классификации локальные правовые акты стоят особняком. Формально они располагаются ближе к основанию иерархической пирамиды, однако именно через них во многом достигается соразмерность между централизованным государственным диктатом и автономией организаций.

С одной стороны, локальный акт реализует волю конкретного предприятия или учреждения, решающего свои внутриорганизационные задачи. С другой – он не может противоречить общефедеральным законам и подзаконным нормативным актам. Получается, что локальное регулирование выполняет роль связующего звена: оно не подменяет собой централизованное, но детализирует и адаптирует его применительно к условиям отдельной организации. При этом, как справедливо предупреждают исследователи, даже при высокой степени саморегулирования локальные документы не образуют обособленной правовой системы. Их нельзя вырвать из общего контекста, поскольку нарушится юридическая согласованность.

По замечанию С.С. Алексеева, у нормативной правовой системы есть два измерения. Первое (внешнее) требует непротиворечивости, отсутствия коллизий, определенной систематизации нормативного материала. Второе (внутреннее) держится на единстве исходных юридических принципов и целостности восприятия права[1]. Локальный акт, подчиняясь этим системообразующим началам, как раз и сохраняет общую конструкцию. Следовательно, такие акты – необходимая составная часть российской правовой системы, без которой невозможна ни ее структурная полнота, ни реальная результативность правового регулирования.

Регулятивный потенциал локальных норм (разумеется, при условии их должного юридического качества) оценивается специалистами как достаточно высокий. Однако теоретико-методологическое осмысление локального правотворчества явно отстает от запросов практики. Показательный пример: до сих пор нет общепризнанного понятия локального правового акта. Ни в учебниках, ни в ведомственных рекомендациях, ни в судебных разъяснениях единый подход отсутствует. Круг нерешенных вопросов широк. Какие критерии класть в основу классификации локальных актов? Как разработать оптимальные правила юридической техники для их подготовки? В каком порядке их принимать, систематизировать и отслеживать их фактическую эффективность. Наконец, как измерить правоприменительную отдачу от локального акта и повысить ее? Все эти направления нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении.

Обратимся к этимологии. Под локализацией (от лат. *localis* – местный) понимается привязка явления к определенному месту или ограничение его пространственными пределами конкретной местности[2]. Прилагательным «локальный» обозначается нечто, свойственное какому-либо месту, не выходящее за установленные границы[3]. В отечественной юриспруденции еще более полувека назад достаточно четко о локальных актах высказался Н.Г. Александров. Он писал, что нормы трудового права, устанавливаемые законом, указом или постановлением правительства, конкретизируются применительно к задачам и условиям отдельного предприятия в особых локальных актах[4]. Локальные акты изначально понимались как результат нормотворческой деятельности организаций, предприятий, учреждений в сфере трудовых отношений⁶. При этом подчеркивалось, что локальный нормативный акт имеет подзаконный характер и не должен расходиться с нормативными документами, принятыми вышестоящими органами власти и управления⁷. В целом категорией «локальное регулирование» охватывалась деятельность по воздействию на поведение людей, образующих единый коллектив, с помощью норм, выработанных самим же коллективом⁸. Эти концептуальные положения сохраняют свою актуальность и по сей день, выступая отправной точкой для многих исследований локального правотворчества.

Несомненно и другое: локальное регулирование появилось и эффективно существовало в правовой действительности гораздо раньше, чем о нем заговорили в доктрине. Постепенное усложнение об-

щественных отношений и форм их правового опосредования лишь высветило ряд практически значимых и требующих научного осмысления тем, среди которых оказалась и проблема «локального права». В связи с этим вопросы о том, как локальные акты «встраиваются» в нормативную правовую систему России и какова их функциональная значимость, вызывают немалый теоретический и прагматический интерес. Особую актуальность эти вопросы приобретают в современных условиях. Наша страна делает все более уверенные шаги по пути демократизации политической и общественной жизни, развития гражданского общества, пересмотра приоритетов и направлений в соотношении централизации и децентрализации на разных уровнях – государственном, муниципальном и корпоративном.

На сегодняшний день на нормотворческом уровне локальные нормы легитимизируются главным образом в актах трудового и образовательного права[5]. В иных нормативных правовых актах встречаются упоминания о принятии локальных актов в связи с осуществлением какой-либо функции ведомствами, выполнением целевой программы[6], порядком работы средств массовой информации и др. В целом же четкой, последовательной позиции законодателя по отношению к локальным актам пока не прослеживается. Понятие локального акта нормативно не закреплено. С уверенностью можно утверждать лишь то, что под данным термином обычно понимаются внутренние документы какой-либо организации, предприятия или учреждения.

В силу недостаточной определенности этого понятия в доктрине появляются иные, порой дискуссионные суждения. Например, высказывается мнение, что используемый в ТК РФ и специальной литературе термин «локальный» является весьма абстрактным и не позволяет идентифицировать субъекта правотворчества. В связи с этим предлагается ввести в ст. 8 ТК РФ, а также в научный оборот понятие «нормативные правовые акты работодателей, содержащие нормы трудового права». Действительно, в трудовом праве под локальными нормативными актами традиционно понимается принятое в организации в установленном порядке и санкционированное государством правило поведения субъектов трудового правоотношения, регулирующее основные условия труда работников данной организации. Локальное нормотворчество в науке трудового права, кстати, рассматривается как один из каналов создания норм «низового» уровня.

Однако понимание локальных актов не следует сводить исключительно к сфере действия трудового права. Рассматриваемая разновидность правовых документов вовсе не ограничивается отношениями между работником и работодателем (а это, как известно, прерогатива именно трудового права). Часто такие акты направлены на решение гораздо более широкого круга внутриорганизационных вопросов – начиная с определения в уставе целей деятельности организации как таковой и заканчивая закреплением перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, и т.д. Более того, понятием локального нормотворчества обычно охватывается и процесс создания корпоративных актов, которые также не ограничиваются решением вопросов, входящих исключительно в сферу трудовых правоотношений. В силу сказанного предпочтительным видится использование словосочетания «локальный акт» как наиболее устоявшегося в правовой доктрине, признанного законодателем и в наибольшей степени соответствующего цели и функциям локального нормотворчества, а также многообразию форм его проявления[7].

Локальные акты как специфические документы «децентрализованного саморегулирования» занимают в системе нормативных правовых актов России совершенно особое место. Производный от законодательства характер таких актов проявляется в том, что они возникают в силу непосредственного указания закона[8]. В связи с этим в правоведческой литературе справедливо подчеркивается: по юридической силе локальные акты «уступают всем другим нормативным актам и имеют особую правовую природу», они в целом «слабее» ведомственных актов и актов местного самоуправления[9]. Справедливость этих утверждений объясняется необходимостью соблюдать принцип иерархической соподчиненности структурных элементов системы нормативных правовых актов. Иными словами, требуется сохранять приоритет законодательных актов перед иными нормативными юридическими документами – превалирующее значение «централизованных» актов перед актами самоуправления.

Главная задача правового опосредования корпоративных отношений, как указывается в литературе, состоит в достижении оптимального сочетания частноправового и публично-правового регулирования. Это обусловлено тем, что деятельность корпорации не замыкается исключительно на решении внутренних вопросов. Необходимо обеспечивать не только интересы ее участников, но и публичные интересы – «посредством удовлетворения общественных благ» [10]. В то же время частные интересы в установленных пределах тоже должны получать

признание и поддержку со стороны государства. Поиск баланса между этими «полюсами» социальных притязаний особенно важен в современных условиях в связи с необходимостью поступательного решения задач, провозглашенных в Конституции РФ, – построения демократического правового государства и развития институтов гражданского общества.

Зависимость норм локального регулирования от норм, установленных на государственном уровне, объясняется достаточно просто. Формирование правового массива должно идти с учетом иерархии правовых норм – как по уровню (федеральный – региональный – местный), так и с точки зрения правоприменения. Государственное регулирование в этой конструкции закладывает основу для создания норм более низкого уровня. Вместе с тем, как представляется, существует и обратное влияние – воздействие локального нормотворчества на общегосударственное. Оно проявляется в механизме так называемого опережающего регулирования. Государство далеко не всегда оперативно реагирует на появление новых общественных отношений и правовых вопросов, что связано с протяженностью законотворческого процесса во времени: от формирования идеи до опубликования и вступления в силу законодательного акта проходит, как правило, довольно значительный срок. В этом смысле у локального нормоустановителя (в пределах его компетенции) возможностей для своевременного юридического оформления и разрешения возникающих правовых ситуаций гораздо больше, особенно с учетом постоянно меняющихся условий общественной жизни.

В юридической науке справедливо подчеркивается: корпоративные нормы не должны быть ретроспективными, то есть отражать только уже сложившиеся отношения. Необходимо также принимать во внимание появление в будущем новых форм отношений и вопросов, которые предстоит разрешать участникам хозяйственного оборота. Т.А. Сошникова в связи с этим замечает: локальные нормативные правовые акты могут не только регулировать сложившиеся в организации отношения, но и осуществлять опережающее регулирование (иначе говоря, способствовать правовому оформлению желательных для работодателя отношений). Пример: при отсутствии в организации бригадных форм организации и оплаты труда работодатель вправе заранее создать правовую базу для возникновения новых отношений по организации и управлению трудом на основе бригадного подряда. Возможность опережающего нормативного регулирования на локальном уровне практически значима еще и потому, что позволяет своевременно обнаруживать и преодолевать пробелы и коллизии «высшего» правового массива в вопросах внутриорганизационного значения.

В большинстве случаев результатом любой юридической деятельности (если понимать ее как систему действий) является определенный акт. В науке различают акт как юридическое действие и акт как документ, в котором данное действие получает свое внешнее выражение. В сфере правотворчества под актами обычно понимаются особые рода документы, которые в письменном виде и в соответствии с определенными правилами юридической техники закрепляют соответствующие правовые предписания. Правовые акты могут быть как нормативными, так и ненормативными; они различаются по субъектам и по способам принятия, по своей юридической силе и т.п. Локальные акты, обладая общими свойствами юридических документов, имеют и собственные, присущие только им черты.

В числе общих признаков локальных нормативных актов исследователи называют: нормотворческий характер; издание органами компании в пределах своей компетенции; документальную форму; наличие соответствующих реквизитов; непротиворечие законодательству и локальным нормативным актам, обладающим большей юридической силой. Все это вполне соотносится с выводом Ю.А. Тихомирова о появлении нового типа норм – актов самоуправления. Последние обладают свойствами самообязанности, добровольности и заинтересованности в принятии и реализации решения; коллегиальной основой принятия; формированием и выражением общей воли на основе согласования публичных и частных интересов; самоответственностью[12]. Важно в этой связи и то, что локальные акты, как правило, принимаются в согласительном-договорном порядке²⁸, при обеспечении комплексного сочетания принципов государственного и договорного правового регулирования. Ответственность за неисполнение предписаний локальных актов устанавливается на низовом внутриорганизационном уровне, а в необходимых случаях (с учетом тяжести нарушений) обеспечивается мерами государственного принуждения. При этом в локальном регулировании, в силу его особого места в правовом механизме, существуют множественные связи подчинения и согласования как с «внешними», так и с «внутренними» правовыми актами.

Заметим, что перечисленные признаки отражают две основные стороны локального нормотворчества – борьбу и одновременно единство публичных и частных интересов. Доктрина корпоративного права включает в число норм, устанавливаемых органами управления корпорацией, обязательные правила для участников корпорации, охраняемые силой корпоративного принуждения, а при его недостаточности опирающиеся на силу государственного принуждения. В широком смысле под корпоративными нормами понимаются «внутриорганизационные правила, регламентирующие отношения между участниками различных объединений людей, созданных для осуществления того или иного вида социальной деятельности» [12]. При этом подчеркивается, что в одних случаях локальные нормы действуют на уровне корпорации независимо от признания их государством, в других обстоятельствах они могут получить «публичную легализацию». В связи с этим представляется, что признание локальных норм со стороны государства может осуществляться в двух формах: во-первых, прямое предписание закона о регулировании тех или иных вопросов при помощи локальных актов; во-вторых, последующее признание юридического значения локальных актов со стороны государственных органов (например, при рассмотрении соответствующих дел, споров в судебном или административном порядке).

При принятии органами управления организацией, предприятием или учреждением решений внутриорганизационного уровня необходимо ориентироваться на один немаловажный факт. Правовые формы и организационные методы управления коллективами «...не могут не учитывать психологической основы деятельности каждого рабочего и служащего, а также социальной и психологической стороны отношений, которые устанавливаются в малых группах коллектива». «Человеческое» измерение локального регулирования объясняется тем, что именно на уровне предприятий «...происходит соединение рабочей силы со средствами производства», причем личность должна рассматриваться не только как реализатор, но и как цель правового регулирования. Здесь следует принимать во внимание мотивы, заинтересованность человека в его профессиональной деятельности, использовать в качестве побуждения к трудовой активности такие специфические методы правового регулирования, как стимулирование, поощрение, гарантирование. В правовых исследованиях советского периода, например, отмечалось, что развитие коллективной заинтересованности зависит от индивидуальных форм стимулирования, и в связи с этим обосновывалась целесообразность применения коэффициента трудового участия и иных объективных методов учета трудовой активности [13]. Представляется, что данные предложения не потеряли актуальности и сегодня – они вполне применимы на практике.

С учетом сказанного подчеркнем: результаты правового регулирования и его эффективность во многом зависят от того, насколько учитываются и используются психологические факторы, влияющие на познание и понимание субъектами правоотношений правовых норм, усвоение содержащихся в них предписаний, формирование позитивного отношения к ним, готовность соотносить и соотносить с ними свое правовое поведение и взаимоотношения в системе социально-правовых связей. При этом универсальной идеей разрешения противоречий между частными и публичными интересами в области прав человека ученые справедливо называют конституционализм, означающий, что «власть действует на основании закона и в рамках закона». Данный принцип является отправным и в локальном правовом регулировании. Кроме того, внутриорганизационная юридическая деятельность не должна нарушать особенно значимые с точки зрения гарантирования естественных прав и свобод человека базовые правовые принципы – справедливости, гуманизма и социального равенства.

С точки зрения работников организации, значение локальных нормативных актов состоит в том, что они не могут ухудшать положение работников по сравнению с трудовым законодательством, коллективным договором, соглашением. Локальные нормативные акты иерархически располагаются внизу нормативной правовой системы. Если такой акт ухудшает положение работника либо введен в действие без учета (в необходимых случаях) мнения представительного органа работников, он признается недействительным и не подлежит применению с момента принятия. С другой стороны, локальный правовой акт может улучшать положение участников правоотношений, устанавливая дополнительные гарантии реализации их прав. В этом, кстати, заключается положительный регулятивный потенциал данных документов и гуманистическая составляющая локального нормотворчества как такового.

В локальных актах, как и в любых других юридических документах, должен обеспечиваться всесторонний учет интересов, прав и свобод человека и гражданина. Акцент при этом следует делать на принцип свободного творческого и профессионального развития личности ра-

ботника. Каждому работнику должны быть обеспечены (в том числе с помощью средств локального регулирования) права на достойные и безопасные условия труда, а также на постоянное совершенствование профессиональных навыков. Учитывая, что во внутрихозяйственных отношениях «объективно выражена динамика оперативного управления», определенную упорядочивающую роль здесь способны сыграть стандартные акты, которые формализуют и унифицируют порядок выполнения конкретной трудовой функции. В целом же закрепление наиболее целесообразного порядка осуществления типичных управленческих действий полностью отвечает задаче совершенствования управления [15].

Подытоживая сказанное, сделаем следующий вывод. Локальные акты занимают особое место в системе правовых актов Российской Федерации, что обусловлено децентрализованным характером локального регулирования и его приближенностью к условиям деятельности каждой конкретной организации, предприятия или учреждения. При этом локальные нормы максимально близки и каждому человеку, задействованному во внутриорганизационных отношениях. Таким образом, локальное нормотворчество предстает в трех измерениях: государственном, организационном и личностном. В этом заключается одновременно и сложность локального регулирования, и его значительный нормативно-функциональный потенциал, и возможности для дальнейшего совершенствования – именно на это и следует сосредоточить основное внимание юридической науки. Получается, что локальное регулирование выполняет роль связующего звена: оно не подменяет собой централизованное, но детализирует и адаптирует его применительно к условиям отдельной организации. При этом, как справедливо предупреждают исследователи, даже при высокой степени саморегулирования локальные документы не образуют обособленной правовой системы. Их нельзя вырвать из общего контекста, поскольку нарушится юридическая согласованность. По удачному замечанию С.С. Алексеева, у нормативной правовой системы есть два измерения. Первое (внешнее) требует непротиворечивости, отсутствия коллизий, определенной систематизации нормативного материала. Второе (внутреннее) держится на единстве исходных юридических принципов и целостности восприятия права². Локальный акт, подчиняясь этим системообразующим началам, как раз и сохраняет общую конструкцию. Следовательно, такие акты – необходимая составная часть российской правовой системы, без которой невозможна ни ее структурная полнота, ни реальная результативность правового регулирования. Регулятивный потенциал локальных норм (разумеется, при условии их должного юридического качества) оценивается специалистами как достаточно высокий. Однако теоретико-методологическое осмысление локального правотворчества явно отстает от запросов практики. Показательный пример: до сих пор нет общепризнанного понятия локального правового акта. Ни в учебниках, ни в ведомственных рекомендациях, ни в судебных разъяснениях единый подход отсутствует. Круг нерешенных вопросов широк. Какие критерии класть в основу классификации локальных актов? Как разработать оптимальные правила юридической техники для их подготовки? В каком порядке их принимать, систематизировать и отслеживать их фактическую эффективность? Наконец, как измерить правоприменительную отдачу от локального акта и повысить ее. Все эти направления нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении. Обратим внимание также на этимологию термина: локализация (от лат. *localis* – местный) в широком смысле означает привязку явления к определенному месту или пространственному пределу распространения. В праве этот корневой смысл сохраняется: локальный акт действует «на месте», в границах конкретной организации.

Литература

1. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
3. Антонова Л.И. Локальное правовое регулирование. Теоретическое исследование. Л., 1985.
4. Гушин В. В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право: учебник. М., 2006.
5. Ершова Е.А. Классификация и система форм российского трудового права // Трудовое право. 2007. № 11.
6. Кашанина Т.В. Корпоративное (внутрифирменное) право. М., 2003.
7. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество). М., 2009.
8. Кирилловых А.А. Сущность и природа локального регулирования деятельности корпорации // Законодательство и экономика. 2008. № 8.

9. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. М., 1989.

10. Пытикова Т. А., Бошно С.В. Правовая природа и признаки локальных правовых актов // Юрист. 2006. № 5.

11. Сошникова Т.А. Взаимодействие работодателя и представительных органов работников при принятии локальных нормативных правовых актов // Трудовое право. 2009. № 12.

12. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9.

13. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007. Управление, социология, право / отв. ред.

14. И. В. Павлов, В.П. Казимирчук. М., 1971. Управленческие процедуры / отв. ред. Б.М. Лазарев. М., 1988.

LOCAL RULEMAKING IN RUSSIA: ITS PLACE IN THE HIERARCHY OF LEGAL ACTS AND ITS FUNCTIONAL POTENTIAL

Stepanyan G.E.

Karachay-Cherkessia Branch of Synergy University

The article examines the place and role of local legal acts in the system of normative legal acts of the Russian Federation. The author analyzes the hierarchical structure of the legal framework, noting that local acts, while formally occupying the lowest position in this system, perform an important function as a connecting link between centralized state regulation and organizational autonomy. The paper discusses the concept, features and legal nature of local acts, as well as their correlation with acts of labor, civil and administrative

law. Special attention is paid to the genesis of scholarly views on local rule-making, starting from the works of N.G. Alexandrov and up to modern doctrinal approaches.

Keywords: local legal acts, local rule-making, system of normative legal acts, hierarchy of legal acts, decentralized regulation, anticipatory regulation, corporate norms, balance of public and private interests.

References

1. Aleksandrov N.G. Labor Relations. Moscow, 1948.
2. Alekseev S.S. The Structure of Soviet Law. Moscow, 1975.
3. Antonova L.I. Local Legal Regulation. Theoretical Study. Leningrad, 1985.
4. Gushchin V. V., Poroshkina Yu. O., Serdyuk E.B. Corporate Law: Textbook. Moscow, 2006.
5. Ershova E.A. Classification and System of Forms of Russian Labor Law // Labor Law. 2007. No. 11.
6. Kashanina T.V. Corporate (Intra-Company) Law. Moscow, 2003.
7. Kashanina T.V. Legal Techniques in the Sphere of Private Law (Corporate and Contractual Rulemaking). M., 2009.
8. Kirillov A.A. The Essence and Nature of Local Regulation of Corporation Activities // Legislation and Economics. 2008. No. 8.
9. Novik Yu.I. Psychological Problems of Legal Regulation. M., 1989.
10. Pytikova T. A., Boshno S.V. Legal Nature and Features of Local Legal Acts // Jurist. 2006. No. 5.
11. Soshnikova T.A. Interaction between the Employer and Representative Bodies of Employees in the Adoption of Local Regulatory Legal Acts // Labor Law. 2009. No. 12.
12. Tikhomirov Yu.A. Law and Self-Regulation // Journal of Russian Law. 2005. No. 9.
13. Tikhomirov Yu.A. Management Based on Law. M., 2007. Management, Sociology, Law / ed.
14. I. V. Pavlov, V.P. Kazimirchuk. M., 1971. Management Procedures / ed. B.M. Lazarev. M., 1988.

Тонянн Маринэ Радиковна,

аспирант, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: music86@mail.ru

Введение. Статья посвящена комплексному анализу правового режима лесных участков, рассматриваются конституционно-правовые аспекты нормативного регулирования в данной сфере отношений. Автор исследует существующие законодательные ограничения оборота земель лесного фонда и запрет на их приватизацию. Особое внимание уделяется конституционно-правовым позициям, сформированным Конституционным Судом РФ. Центральное внимание также уделяется дискуссионному вопросу о возможности использования лесных участков для различных хозяйственных целей без перевода их в иную категорию земель. Методология и материалы. Основу исследования составили: нормативно-правовые акты, судебная практика, отраженная в судебных актах Конституционного Суда РФ, а также труды отечественных ученых в области конституционно-го, земельного и лесного права. При подготовке материала применены: формально-догматический, сравнительно-правовой метод и историко-правовой методы исследования. Результаты исследования. Проведенный анализ позволил установить, что действующий правовой режим земель лесного фонда отличается внутренней неоднородностью, допускающей как лесохозяйственную, так и иную хозяйственную деятельность. Кроме того, проанализирована эволюция законодательства, свидетельствующая о смещении акцента в сторону хозяйственного использования лесов и расширения возможностей для строительства и размещения объектов, не связанных с лесной инфраструктурой; а также обоснована необходимость дифференциации правового режима лесных участков в зависимости от их функционального назначения. Выводы. На основе проведенного исследования сформулирован вывод о целесообразности законодательного закрепления возможности приватизации отдельных лесных участков, используемых для целей, не связанных с лесным хозяйством, при соблюдении ряда обеспечительных условий. Данная мера, по мнению автора, будет способствовать повышению оборотоспособности земель, их эффективному использованию и обеспечит баланс между частными и публичными интересами, не противореча конституционному принципу рационального использования природных ресурсов.

Ключевые слова: лесной участок, правовой режим, конституционные принципы, баланс частных и публичных интересов, дифференциация правового режима, приватизация.

Введение

Фундаментом экономической системы любого государства выступают установленные виды и формы собственности на ключевые ресурсы жизнедеятельности. Земля, обладая особой ценностью для общества, занимает уникальное место среди объектов материального мира и характеризуется специфическим юридическим статусом.

Конституция Российской Федерации задает как минимум двойственный вектор регулирования: с одной стороны, провозглашая землю публичным достоянием – основой жизнедеятельности народов (ст. 9), с другой – признавая право частных лиц на владение ею (ст. 36). Важно отметить, что данное право не является абсолютным: реализация правомочий собственника ограничена императивом недопустимости вреда окружающей среде и соблюдением прав иных лиц, что непосредственно вытекает из конституционных положений.

Безусловно, основой для всех исследований в данной области являются позиции Конституционного Суда РФ. В частности, Постановление от 09.01.1998 № 1-П стало краеугольным камнем в понимании лесов как публичного достояния многонационального народа России, имеющего особый правовой режим и значение для обеспечения устойчивого развития. Эта правовая позиция обосновывает первоначальное ограничение оборота и преобладание публично-правовых интересов в регулировании лесных отношений. Дополнительную аргументацию для анализа конституционных ограничений прав собственности предоставляет Постановление КС РФ от 30.10.2003 № 15-П, в котором сформулированы критерии соразмерности и пропорциональности таких ограничений для защиты конституционно значимых ценностей.

Земельное законодательство, находясь в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, основывается на конституционных принципах. Ключевой задачей правового регулирования земельных отношений является обеспечение рационального использования земель при сбалансированном учете частных и публичных интересов.

С учетом особого правового статуса земель лесного фонда и ограничений в их обороте, вопрос правового статуса таких земель является в настоящее время дискуссионным.

В научной доктрине сложились различные подходы к пониманию природы права на земли лесного фонда. Так, Б.В. Ерофеев¹ рассматривал право пользования этими землями не как самостоятельное субъективное право, а как элемент комплексного правоотношения, включающего также право на лесные угодья, тем самым подчеркивая неразрывную связь между землей и лесом.

Другой позиции придерживается О.И. Крассов, его работы в рассматриваемой области являются классическими («Правовой режим земель лесного фонда»², «Современные проблемы лесного права»³). Именно в его работах проведена граница между такими понятиями как лесопользование (извлечение полезных свойств леса) и землепользование (ведение сельского хозяйства на лесных участках, осуществление строительства на лесных землях).

Проблема дуализма правового регулирования земельных отношений, когда они являются предметом одновременно и земельного, и гражданского законодательства, затрагивается в работах Е.А. Гринь, В.К. Быковского, М.М. Инякиной.

В.К. Быковский⁴ также подробно анализирует новую систему прав на лесные участки и договорных отношений, отмечая смещение акцента в сторону хозяйственного использования. В свою очередь, М.М. Инякина⁵ указывает на ключевую проблему – подмену понятия «лес» понятием «лесной участок». По ее мнению, это создает риски превращения лесов в территории для застройки, утраты их экологической сущности и нарушения средообразующих функций.

Таким образом, исследуемая тема статьи находится в поле активной научной полемики. С одной стороны, существует устоявшаяся

¹ Ерофеев Б.В. Земельное право. Учебник для вузов. – М.: ООО «Профобразование», 2001. С. 126.

² Крассов О.И. Правовой режим земель лесного фонда. М., 1985.

³ Крассов О.И. Современные проблемы лесного права // Советское государство и право. 1990. № 2.

⁴ Быковский В.К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. – 232 с.

⁵ Инякина М.М. Роль нового Лесного кодекса Российской Федерации в правовой охране лесов и земель лесного фонда // Аграрное и земельное право. 2007. № 3.

ся конституционно-правовая доктрина, подчеркивающая публичный характер лесного фонда и необходимость его особой охраны. С другой – развивается современный подход, признающий необходимость вовлечения лесов в хозяйственный оборот через механизм предоставления лесных участков. При этом значительная часть ученых указывает на экологические и системные риски такой коммерциализации. Предлагаемый в настоящей статье вывод о целесообразности дифференцированного подхода и возможности приватизации отдельных лесных участков для нелесных целей является попыткой определить оптимальный баланс между этими направлениями с учетом научных взглядов и тех тенденций развития законодательства, которые мы наблюдаем в последнее время.

В настоящее время как лесное, так и земельное законодательство допускает включение в состав земель лесного фонда земли, цель использования которых может быть не связано с использованием лесных ресурсов и полезных их свойств. Однако на сегодняшний день четкое разграничение правового режима лесных и нелесных земель отсутствует, кроме того не регулировано многоцелевое использование лесных земель между различными субъектами права.

Ввиду ключевой роли, которую правовой режим земель лесного фонда играет в обеспечении сохранности и рациональной эксплуатации земельных ресурсов, а также с учетом сохраняющихся проблем в механизме их правовой регламентации, актуальной научно-практической задачей является определение условий и порядка использования участков в составе лесного фонда. Особого внимания заслуживает возможность их эксплуатации для целей, выходящих за рамки ведения лесного хозяйства, без обязательной процедуры перевода в другую категорию. Целью настоящего исследования является анализ предпосылок и установление условий для такого использования с последующей приватизации указанных участков с учетом базовых конституционных принципов.

Методология и материалы

Формально-юридический метод является основным для данного исследования. Он применяется для анализа действующих нормативных правовых актов, выявления их внутренних связей, противоречий и пробелов. С его помощью автор исследует такие понятия, как «правовой режим», «лесной участок», «оборот земель», «ограничения в обороте». Автор также использует сравнительно-правовой метод для сопоставления положений старого (1997 г.) и нового (2006 г.) Лесного кодексов РФ, выявляя тенденции развития законодательства (например, отказ от перевода земель в иные категории для строительства, расширения видов использования лесов). Историко-правовой метод применяется для ретроспективного анализа становления и развития правового режима земель лесного фонда как самостоятельной категории земель, что позволяет понять эволюцию законодательного подхода – от исключительно охранительного к более хозяйственно-ориентированному. Кроме того, на основе проведенного анализа автор не просто констатирует проблемы, но и предлагает конкретную модель их решения – формулирует условия, при которых приватизация лесных участков для нелесных целей была бы возможна (четыре условия, перечисленные в заключительной части статьи).

Результаты исследования

Историческое развитие земель лесного фонда как самостоятельной категории показывает нам, что изначально правовые нормы, регулирующие их статус, были направлены на охрану, защиту и восстановление лесов как важнейшего компонента природной среды, а также на обеспечение рационального использования лесных ресурсов, что полностью соответствует конституционному принципу, закрепленному в статье 9 Конституции РФ.

Принятие действующего Лесного кодекса РФ ознаменовало собой концептуальный сдвиг в регулировании: земли лесного фонда утратили исключительно природоохранный статус и были вовлечены в оборот хозяйственного оборота. Законодатель допустил возможность осуществления на данных территориях различных видов деятельности, прямо не связанных ни с заготовкой древесины, ни с ведением лесного хозяйства как такового. Следствием такого подхода стала постепенная нивелировка граней между правовыми режимами лесных земель и иных категорий земель.

Анализ современного состояния правового поля позволяет выявить ряд существенных характеристик, присущих режиму земель лесного фонда. Во-первых, наблюдается функциональный дуализм: данные территории служат не только сырьевой базой для лесного хозяйства, но и пространственным базисом для реализации иных хозяйственных проектов. Во-вторых, сохраняется жесткая публично-правовая привязка: все земли данной категории находятся в федеральной соб-

ственности, что автоматически ограничивает их оборотоспособность. В-третьих, правовой режим дифференцируется в зависимости от экологической и экономической ценности лесов (защитные или эксплуатационные). Однако ключевым системным недостатком, на который следует обратить внимание, является нивелирование различий между покрытыми лесом площадями и нелесными землями в рамках общего режима лесного фонда, что порождает правовую неопределенность.

Центральным институтом земельного права является институт собственности на землю и порядок приобретения земельных участков в пользование, аренду и другие формы владения, а также порядок хозяйственной деятельности и использования земли.

Конституционная конструкция права частной собственности, закрепленная в статье 35 Конституции РФ, получает свое развитие в земельно-правовых нормах. Так, статья 36 Основного закона, провозглашая свободу владения и пользования землей, одновременно отсылает к федеральному законодательству как к инструменту, конкретизирующему порядок и условия реализации данного права. Тем самым Конституция задает параметры, в рамках которых отраслевое регулирование должно определять правовой режим землепользования.

В гражданском обороте такой термин как «правовой режим» встречается часто. Положения земельного законодательства (ст. 1) определяют в качестве одного из его принципов – это разграничение правового подхода к установлению правового режима земель.

Эволюция конституционных положений, научной мысли и законодательства свидетельствует о формировании в рамках общего земельно-правового режима самостоятельного гражданско-правового слоя регулирования. Если общий режим регламентирует вопросы охраны и использования земель, то гражданско-правовой режим призван обеспечить упорядоченное включение земельных участков в рыночный (гражданский) оборот.

В отношении земельных участков лесного фонда следует отметить, что в соответствии с положениями Лесного кодекса РФ (ст. 8) лесные участки находятся в федеральной собственности. Статья 27 ЗК РФ ограничивает их в обороте и запрещает предоставление в частную собственность, за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральными законами. Однако такие случаи практически не установлены. В качестве примера приведем положения статьи 28 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» прямо исключает земельные участки лесного фонда из объектов приватизации. Аналогичный запрет на приватизацию лесного фонда установлен в п. 2.1 Указа Президента РФ «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 09.01.1998 № 1-П, лесной фонд – ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимость обеспечения устойчивого развития (сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей природной среды в условиях возрастания глобального экологического значения лесов России и выполнения ею соответствующих международных обязательств), а также рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов – представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим¹.

Таким образом, действующее законодательство в настоящее время устанавливает прямой запрет на приватизацию земель лесного фонда.

Что касается целевого использования земель лесного фонда, то лесное законодательство содержит исчерпывающий перечень видов использования лесов (ст. 25 ЛК РФ).

Учитывая, что земли лесного фонда объединяют два взаимосвязанных природных объекта – землю и лес, их использование осуществляется в двух основных формах: использование лесов (лесопользование) и использование земель под лесами (землепользование на лесных участках)².

В рамках правового режима земель лесного фонда принято разграничивать два основных типа деятельности. Первый тип – лесопользование в узком смысле, которое ориентировано на непосредственную эксплуатацию полезных свойств леса как природного ресурса (заготовка древесины, сбор пищевых ресурсов и лекарственных растений). Второй тип – землепользование на лесных участках, которое, напротив, не связано с извлечением ресурсных свойств леса, а использует участок как пространственный базис. К таковому относятся ведение

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 N 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации».

² Быковский В.К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 135.

сельского хозяйства, научная и образовательная деятельность, рекреация, а также строительство линейных объектов.

Вместе с тем, соотношение земельного и лесного права и на сегодняшний день является предметом дискуссий. Если Б.В. Ерофеев рассматривал право пользования землями лесного фонда как часть сложного правоотношения¹, то О.И. Крассов обоснованно указывал, что некоторые виды использования лесов являются по своей природе видами землепользования². При этом сущность лесопользования он видел именно в использовании полезных природных свойств лесов, а не земельной поверхности³.

Регулирование лесных отношений призвано решать две взаимосвязанные задачи: повышение эффективности использования лесов и сохранение их защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и иных экологически значимых функций.

Понятие леса является основополагающим для лесных правоотношений. Изначально, лесное законодательство определяло лес как совокупность лесной растительности, земли, животного мира и других компонентов окружающей среды, имеющая важное экологическое, экономическое и социальное значение, то есть как целостная экосистема. Этот подход был поддержан Конституционным Судом РФ в Постановлении от 02.06.2015 № 12-П⁴.

Важным признаком леса является неразрывная связь лесных насаждений с землей. Лес, если его отделить от земли, уже не будет лесом. Лес в качестве экосистемы представляет собой своеобразный географический ландшафт, он произрастает на земле, которая выступает здесь как пространственный базис для любой растительности⁵.

Действующий ЛК РФ 2006 года в большей степени ориентирован на вовлечение лесов в хозяйственную деятельность. Законодатель предусмотрел широкий перечень видов использования лесов, позволяющих извлекать прибыль (часть 1 статьи 25 ЛК РФ). Параллельно в законодательстве утвердилось понятие «лесной участок». Фактически, после внесения изменений Федеральным законом от 04.12.2006 № 201-ФЗ, лес как самостоятельный объект недвижимости и права собственности был исключен из пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса РФ. Его место заняло понятие земельного участка, на котором произрастает лес. Таким образом, современный законодатель рассматривает лес и как природный ресурс, и как земельный (лесной) участок.

Вышеуказанный нормативный акт, при его принятии, вводил значительное количество изменений, касающихся системы прав на лесные участки и управления лесами, измененную классификацию лесов, систему лесного планирования. Центральным институтом стал институт использования лесов с существенно расширенным перечнем видов такой деятельности. Многие исследователи отмечают, что нормы действующего законодательства расширяют возможности для ведения деятельности, не связанной с лесопользованием (в частности, размещение объектов, не связанных с лесной инфраструктурой). Подмена понятий «лес» и «лесной участок» потенциально может привести к превращению лесов в территории, пригодные для застройки⁶.

Если прежний ЛК РФ 1997 года для создания объектов, не связанных с лесным хозяйством, требовал перевода земель в иную категорию, то действующий Кодекс такой процедуры не предусматривает, прямо допуская строительство подобных объектов на землях лесного фонда.

Земельное законодательство не содержит полноценного регулирования вопроса о праве собственности на земельные участки с произрастающими на них лесами. Согласно части 2 статьи 27 ЗК РФ, земельные участки, ограниченные в обороте (к которым относятся земли лесного фонда), не предоставляются в частную собственность. Как отмечается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2003 № 15-П, публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения

отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей⁷.

Вопрос о введении частной собственности на лесные участки остается спорным. В научной среде преобладает позиция, согласно которой сохранение лесов в федеральной собственности в наибольшей степени отвечает целям их рациональной эксплуатации и неистощительного использования. Такой подход, по мнению ряда исследователей, является ключевым условием для поддержания биологического разнообразия и выполнения лесами средообразующих функций.

Тенденция развития норм как земельного, так и лесного законодательства, свидетельствует о постепенном переходе и расширению прав владельцев и пользователей земельных (лесных) участков. Так, вступившие с 01.01.2022 года изменения в ЛК РФ, направленные на регулирование использования лесов для рекреационной деятельности, включая размещение соответствующих объектов. Эти изменения предоставили арендаторам право размещать на землях лесного фонда объекты капитального строительства, не связанные с лесной инфраструктурой, что ранее было запрещено.

Действующее лесное законодательство, допуская возведение и эксплуатацию объектов на землях лесного фонда, обуславливает такую возможность строго определенными целями использования лесов. Важной гарантией сохранности лесного покрова выступает законодательно установленный запрет на проведение сплошных рубок при реализации ряда разрешенных видов деятельности, включая создание лесоперерабатывающей инфраструктуры, а также осуществление рекреационной и религиозной деятельности.

К объектам капитального строительства, с точки зрения градостроительных норм, относят здание, строение, сооружение, объекты незавершенного строительства, то есть объекты недвижимости, права, на которые подлежат государственной регистрации в установленном порядке.

Вышеуказанные нововведения позволяют собственнику объекта капитального строительства, право собственности на который оформлено в установленном порядке, в преимущественном порядке использовать земли лесного фонда, на которых располагаются такие объекты капитального строительства, и фактически использовать их бессрочно (аренда до 49 лет). По аналогии с земельным законодательством собственники зданий и сооружений имеют преимущественное право получения земельного участка, как в аренду, так и в собственность без процедуры торгов.

Вместе с тем, лесные земли в Российской Федерации являются важнейшим природным ресурсом, роль которого только возрастает, что мы наблюдаем в развитии норм права, регулирующих данные правоотношения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что понятия «земельный участок из состава земель лесного фонда» и «лесной участок» не являются тождественными. Представляется целесообразным применить принцип дифференциации лесных участков в зависимости от цели их предоставления: для использования лесных ресурсов либо для использования для целей, не связанных с лесным хозяйством.

Практические аспекты реализации отношений, связанных с лесами, необходимо анализировать через призму конкретных видов их использования. Лес может выступать и как источник ресурсов, и как земельный участок. Нормативно-правовая база должна создавать условия для эффективного использования земельных ресурсов как национального богатства, развития инфраструктуры земельного рынка и повышения инвестиционной привлекательности при безусловном обеспечении социально и экологически значимых функций земли. Эти цели непосредственно вытекают из конституционных положений о рациональном и эффективном использовании земель.

На основании изложенного, представляется целесообразным на законодательном уровне определить условия, при которых использование земельных участков лесного фонда для нелесных целей могло бы стать основанием для их последующей приватизации:

1. использование лесов осуществляется для целей: строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов; создания и эксплуатации объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры; осуществления рекреационной деятельности;

2. приватизации подлежат земли лесного фонда, не занятые лесными насаждениями, а также земли, занятые погибшими, поврежденными и перестоявшими насаждениями;

¹ Ерофеев Б.В. Земельное право. Учебник для вузов. – М.: ООО «Профобразование», 2001. С. 328.

² Крассов О.И. Правовой режим земель лесного фонда. М., 1985. С. 169.

³ Крассов О.И. Современные проблемы лесного права // Советское государство и право. 1990. № 2. С. 74–75.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье»».

⁵ Быковский В.К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 136.

⁶ Инякина М.М. Роль нового Лесного кодекса Российской Федерации в правовой охране лесов и земель лесного фонда // Аграрное и земельное право. 2007. № 3. С. 121.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова».

3. запрет на проведение сплошных рубок лесных насаждений в случае приватизации лесных участков;

4. право на приватизацию лесного земельного участка наделяют только собственники объектов капитального строительства, расположенных на лесных землях.

Заключение

Совершенствование механизмов реализации конституционных принципов, лежащих в основе правового режима той или иной сферы, является необходимым условием развития правоотношений. В этой связи установление законодательной возможности приватизации в частную собственность лесных земельных участков, используемых для целей, не связанных с ведением лесного хозяйства, при соблюдении определенных гарантий, представляется целесообразной мерой. Для того, чтобы разрешить приватизацию, но не допустить злоупотреблений, предлагается ввести ряд жестких гарантий и условий, изложенных выше. При этом с обязательным сохранением запрета на приватизацию особо ценных территорий, так как, заповедники, национальные парки, защитные леса и др.

Такой подход может способствовать повышению оборотоспособности земель, их эффективному использованию, не приводя к утрате лесных земель, предназначенных непосредственно для лесного хозяйства, и обеспечивая баланс между частными интересами и публичными экологическими задачами.

Литература

1. Аверьянова Н.Н. Земля как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 59–64.
2. Анисимов А.П., Мелихов А.И. Конституционно-правовые проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о частной собственности на землю // Юридический мир. 2003. № 5. С. 10–15.
3. Анисимов А.П., Мелихов А.И. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки: монография / А.П. Анисимов, А.И. Мелихов. Волгоград: Мастер, 2009. – 216 с.
4. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Земельная функция современного государства: монография / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков. М.: Новый индекс, 2012. – 192 с.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай. – 13-е изд., изм. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 768 с.
6. Быковский В.К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. – 232 с.
7. Волков Г.А. Основные начала земельного права // Экологическое право. 2022. № 1. С. 10–16.
8. Гринь Е.А. Некоторые вопросы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7.
9. Ерофеев Б.В. Земельное право. Учебник для вузов. – М.: ООО «Профобразование», 2001. – 656 с.
10. Инякина М.М. Роль нового Лесного кодекса Российской Федерации в правовой охране лесов и земель лесного фонда // Аграрное и земельное право. 2007. № 3. С. 121.
11. Крассов О.И. Современные проблемы лесного права // Советское государство и право. 1990. № 2. С. 74–75.
12. Крассов О.И. Правовой режим земель лесного фонда. М., 1985. – 224 с.

13. Несмеянова С.Э. Конституционно-правовое регулирование экологических отношений в Российской Федерации // Бизнес, Менеджмент и Право. 2015. № 1. С. 62–65.

14. Тихомиров М.Ю. Права на землю в Российской Федерации: практическое пособие/ по ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. – 284 с.

PUBLIC LEGAL REGIME OF FOREST FUND LANDS

Tonoyan M.R.

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Introduction. The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regime of forest plots, and examines the constitutional and legal aspects of regulatory regulation in this area of relations. The author explores the existing legislative restrictions on the turnover of forest land and the prohibition on its privatization. Special attention is given to the constitutional and legal positions formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation. The article also focuses on the controversial issue of the possibility of using forest plots for various economic purposes without transferring them to another land category. Methodology and materials. The study is based on regulatory legal acts, judicial practice reflected in the judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the works of domestic scientists in the field of constitutional, land and forest law. When preparing the material, the following methods were applied: formal-dogmatic, comparative legal method and historical-legal research methods. Research results. The analysis revealed that the current legal regime for forest lands is internally heterogeneous, allowing for both forestry and other economic activities. Additionally, the evolution of legislation has been analyzed, indicating a shift towards the economic use of forests and the expansion of opportunities for the construction and placement of facilities unrelated to forest infrastructure. The need for differentiation of the legal regime for forest lands based on their functional purpose has also been substantiated. Conclusions. Based on the conducted research, the author concludes that it is advisable to legislate the possibility of privatization of individual forest plots used for purposes unrelated to forestry, provided that certain conditions are met. According to the author, this measure will contribute to increasing the turnover of land, its efficient use, and ensuring a balance between private and public interests without contradicting the constitutional principle of rational use of natural resources.

Keywords: forest area, legal regime, constitutional principles, balance of private and public interests, differentiation of the legal regime, and privatization.

References

1. Averyanova N.N. Land as the Basis of Life and Activity of the Peoples Living in the Relevant Territories in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 1. Pp. 59–64.
2. Anisimov A.P., Melikhov A.I. Constitutional and Legal Problems of Improving the Legislation of the Russian Federation on Private Land Ownership // Legal World. 2003. No. 5. Pp. 10–15.
3. Anisimov, A.P., and Melikhov, A.I. Constitutional and Legal Regulation of Private Property Rights in Land: A Monograph. Volgograd: Master, 2009. 216 p.
4. Anisimov A.P., Ryzhenkov A. Ya. Land Function of the Modern State: Monograph / A.P. Anisimov, A. Ya. Ryzhenkov. M.: New Index, 2012. – 192 p.
5. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook / M.V. Baglay. – 13th ed., revised and expanded. M.: Norma: INFRA-M, 2018. – 768 p.
6. Bykovsky, V.K. Use of Forests in the Russian Federation: Legal Regulation. Moscow: Volters Kluver, 2009. 232 p.
7. Volkov G.A. Basic Principles of Land Law // Environmental Law. 2022. No. 1. Pp. 10–16.
8. Grin E.A. Some Issues of Legal Regulation of the Withdrawal of Land Plots for State or Municipal Needs // Scientific Problems of Humanitarian Research. 2011. No. 7.
9. Erofeev B.V. Land Law. Textbook for Universities. Moscow: Profobrazovanie LLC, 2001. 656 p.
10. Inyakina M.M. The Role of the New Forest Code of the Russian Federation in the Legal Protection of Forests and Forest Land // Agrarian and Land Law. 2007. No. 3. P. 121.
11. Krasov O.I. Modern Problems of Forest Law // Soviet State and Law. 1990. No. 2. Pp. 74–75.
12. Krasov O.I. Legal Regime of Forest Land. Moscow, 1985. 224 p.
13. Nesmeyanova S.E. Constitutional and Legal Regulation of Environmental Relations in the Russian Federation // Business, Management, and Law. 2015. No. 1. Pp. 62–65.
14. Tikhomirov M. Yu. Land Rights in the Russian Federation: A Practical Guide/ Edited by M. Yu. Tikhomirov. – Moscow: Tikhomirov M.Yu., 2008. – 284 p.

Институциональная эволюция местного самоуправления в Российской Федерации: правовые этапы и концептуальные сдвиги

Тюхай-Липский Станислав Валерьевич,

аспирант кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: tlvspb@gmail.com

Статья посвящена институциональной эволюции местного самоуправления в Российской Федерации и выявлению закономерностей трансформации его правового статуса на протяжении постсоветского периода. Автором проведен системный анализ нормативных актов, конституционных положений и научных подходов, позволяющий проследить четыре последовательных этапа развития данного института: от зарождения правовых оснований в 1991–2002 годах через формирование единой двухуровневой модели в рамках муниципальной реформы 2003–2009 годов к постепенной интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти в 2010–2019 годах и, наконец, к конституционной легитимации этой тенденции в 2020–2026 годах. Особое внимание уделяется концептуальным сдвигам – от модели автономного народовластия к модели институциональной зависимости – а также практическим последствиям принятия Федерального закона № 33-ФЗ 2025 года, разграничивающего полномочия муниципальных образований на неотъемлемые, передаваемые и перераспределенные.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная реформа, институциональная эволюция, единая система публичной власти, конституционные изменения, разграничение полномочий, финансовая самостоятельность муниципалитетов.

Местное самоуправление представляет собой один из фундаментальных институтов демократического общества, обеспечивающий непосредственное участие граждан в решении вопросов местного значения и реализацию их интересов на территориальном уровне. В современной России эволюция данного института проходит через сложный период трансформации, сопряженный как с демократизацией публичной власти, так и с централистскими тенденциями государственного управления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа правовых механизмов, регламентирующих статус местного самоуправления, поскольку от эффективности их функционирования напрямую зависит качество предоставления муниципальных услуг, уровень доверия населения к органам власти и, в конечном счете, устойчивость всей системы публичной власти в стране.

В отечественной правовой системе регулирование муниципального самоуправления подверглось глубокой трансформации после обнародования Конституции 1993 года. Конституция РФ закрепила данный институт в качестве самостоятельного канала осуществления народовластия, предоставив жителям муниципальных единиц право на самостоятельное урегулирование вопросов местного круга, вне зависимости от государственных органов. Однако за прошедшие три десятилетия произошел ряд концептуальных сдвигов: от модели «административной реформы» 2003–2006 годов, направленной на разграничение полномочий, до введения института «муниципального фильтра» и последующей консолидации муниципальных образований, а также к современным дискуссиям о взаимоотношениях местного самоуправления и государственной власти в условиях цифровой трансформации и новых вызовов территориального развития. Изучение этих этапов позволяет выявить закономерности институциональной эволюции и спрогнозировать дальнейшие направления развития муниципальной правовой системы.

Принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года стало ключевым рубежом в институциональном оформлении местного самоуправления как самостоятельного уровня публичной власти. Статья 12 Конституции РФ провозгласила: «Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», а статья 130 закрепила право населения на местное самоуправление. Эти положения имели глубокое политическое значение: они отмежевывали новый государственный строй от наследия советского демократического централизма, обеспечивали децентрализацию управления и создавали институциональные предпосылки для формирования гражданского общества.

И.В. Лексин отмечает, что «избранная авторами Конституции модель соотношения государственной власти и местного самоуправления может и должна оцениваться по-разному в зависимости от выбранной позиции» [5, с. 1]. Действительно, конституционные нормы оставляли значительный простор для интерпретации, что впоследствии позволило различным политическим силам по-разному трактовать статус местного самоуправления. Конституция заложила нормативную базу, но не детализировала механизмы ее реализации.

Практическая реализация конституционных принципов столкнулась с серьезными трудностями. В.Д. Нечаев определяет современную институциональную организацию местного самоуправления как «результат навязанного перехода, осуществляемого федеральными и отчасти региональными политическими элитами в условиях постсоветской трансформации» [7]. Эта оценка указывает на то, что возрождение местного самоуправления происходило в условиях острой политической борьбы, при отсутствии четких стратегических целей и при учете предыдущего советского опыта, который одни идеализировали, другие полностью отрицали.

Ключевой проблемой стало отсутствие четких критериев территориальной организации. 6 июля 1991 года был принят Закон РСФСР № 1550–1 «О местном самоуправлении в РСФСР» (утратил силу), а 28 августа 1995 года – Федеральный закон № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу). Однако в различных субъектах Федерации сложились различные модели территориальной организации: в одних муниципальные образования создавались только на уровне населенных пунктов, в других – только на районном уровне, в-третьих,

присутствовали обе модели без четкого разграничения полномочий. Ни один из подходов не позволял эффективно решать вопросы местного значения: в мелких поселениях не хватало ресурсов, районная власть оказывалась слишком отдаленной от населения, а смешанная модель не позволяла разграничить компетенции.

Таким образом, первый этап институциональной эволюции характеризовался формированием правовых оснований местного самоуправления, но практическая реализация конституционных принципов столкнулась с отсутствием четких критериев территориальной организации, недостаточной финансовой самостоятельностью муниципальных образований и сохранением административных методов воздействия со стороны органов государственной власти субъектов Федерации.

Принятие 6 октября 2003 года Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ознаменовало начало масштабной муниципальной реформы. Закон был направлен на унификацию территориальной организации местного самоуправления и установление федеральных гарантий. В результате реформы все субъекты Российской Федерации перешли к единой модели, предусматривавшей создание городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений. В регионах была внедрена двухуровневая система местного самоуправления.

Однако реформа 2003 года, как отмечают исследователи, существенно ослабила местное самоуправление вместо того, чтобы укрепить его и сделать более самостоятельным. Проблема заключалась в том, что регулирование территориальной организации оказалось осуществлено неполно, несистемно и противоречиво. В результате компромисса двух несовместимых концепций – общественной, исходящей из самостоятельности местного самоуправления, и государственной, рассматривающей его как элемент управленческой вертикали, – сложилось несколько различающихся структур территориальной организации.

Недостатком подхода стало отсутствие жестких критериев для получения населенным пунктом статуса муниципального образования. На практике это привело к двукратному росту числа муниципальных образований – с 12 тысяч до 24 тысяч. Такая фрагментация создала серьезные экономические проблемы: значительная часть поселений оказалась экономически несостоятельной, не способной обеспечить выполнение возложенных на них полномочий. Впоследствии это стимулировало развитие процесса их объединения.

Параллельно с реформой развивалась научная дисциплина муниципального права. А.Н. Костюков обосновал самостоятельность муниципального права как отрасли права, выделив ее предмет, принципы, режимы, конструкции и систему [3]. О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев подчеркивали комплексный характер муниципального права, отмечая, что отношения, составляющие его предмет, связаны с реализацией задач и функций местного самоуправления во всех сферах местной жизни [4].

В целом муниципальная реформа 2003–2008 гг. создала единую модель территориальной организации местного самоуправления, однако заложила глубокие противоречия между декларируемой самостоятельностью и фактической зависимостью муниципальных образований от межбюджетных трансфертов. Органы местного самоуправления получили широкие полномочия, но не получили адекватных финансовых ресурсов для их реализации. Эти противоречия стали предпосылкой для новых концептуальных сдвигов в последующие десятилетия.

В 2010-е годы произошел качественный сдвиг в понимании местного самоуправления. М.М. Степанов указывает, что «местное самоуправление в современной России возродилось в начале 90-х годов XX века. Действовавшее тогда законодательство было направлено на выделение местного самоуправления из системы органов государственной власти, обеспечение его автономности. Однако в настоящее время муниципальная власть кардинально отличается от той, которая создавалась в те годы. В первую очередь это вызвано отсутствием необходимого количества собственных доходов, позволяющих ей самостоятельно осуществлять выполнение своих полномочий» [8, с. 35].

Стремление обеспечить надзор за использованием средств федеральной казны обусловило ключевую тенденцию в развитии муниципального самоуправления на территории России – его постепенное включение в единую систему публично-властных отношений. М.Р. Засулина, исследуя правовые поправки, внесенные в Федеральный закон № 131-ФЗ на протяжении действия данного нормативного акта, отмечает контраст с Федеральным законом № 154-ФЗ, подвергшимся лишь восьми изменениям. По ее наблюдениям, в текст 131-ФЗ было внесено свыше ста восьмидесяти поправок, что позволяет трактовать период его действия как эпоху непрерывных институциональных мета-

морфоз. При этом значительная доля этих корректировок направлена на углубление зависимости органов местного самоуправления от центральных и региональных властных структур [1, с. 66].

М.Р. Засулина анализирует концептуальную эволюцию местного самоуправления в правовом поле постсоветских государств, выделяя три последовательных модели его правового обоснования. Первоначально преобладала общественная модель, в рамках которой местное самоуправление рассматривалось как самодеятельность граждан, независимая от государственного вмешательства. В дальнейшем на смену ей пришла государственная модель, трактовавшая данный институт как разновидность публичного управления, подпадающего под регулирующее воздействие властных структур. Современный этап характеризуется утверждением гипергосударственной модели, предполагающей включение муниципальных образований в единую вертикаль исполнительной власти. Такая смена парадигм свидетельствует о постепенном ограничении самостоятельности местного самоуправления и его подчинении интересам централизованного государственного аппарата, что приводит к сужению сферы его автономного функционирования в структуре публичной власти.

Представленная М.Р. Засулиной периодизация эволюции концепции местного самоуправления в постсоветской России позволяет констатировать принципиальную смену парадигмы организации местной публичной власти: от модели самоуправления как автономной общественной деятельности к модели его функциональной интеграции в вертикаль государственной власти, при которой институциональная независимость муниципальных образований постепенно подменяется их институциональной зависимостью от центральных и региональных органов государственного управления, что, по существу, ставит под вопрос самостоятельный правовой статус местного самоуправления как самостоятельного субъекта публично-властных отношений и требует дальнейшего теоретического осмысления границ допустимого государственного вмешательства в сферу местной автономии.

И.В. Лексин идентифицирует три фундаментальные диспропорции, характеризующие российскую модель местного самоуправления: первая заключается в парадоксальном расхождении между конституционно закрепленным принципом внешней автономии органов местного самоуправления от системы органов государственной власти и реальной практикой их функционирования как распределителей исключительно государственных социальных гарантий; вторая проявляется в диссонансе между формальным унифицированием объемов муниципальных полномочий и их дифференцированной практической востребованностью в зависимости от типологических особенностей муниципальных образований; третья обусловлена асимметрией между расширенным периметром возложенных на муниципалитеты функциональных обязанностей и ограниченностью предоставляемых для их реализации ресурсных механизмов [5].

Таким образом, период 2010-х гг. характеризуется постепенной трансформацией концепции местного самоуправления от модели автономного уровня публичной власти к модели интегрированного элемента единой системы публичной власти. Эта трансформация нашла отражение в многочисленных поправках к 131-ФЗ и подготовила почву для конституционных изменений 2020 года.

1 июля 2020 года институциональный статус местного самоуправления в Российской Федерации претерпел радикальную конституционную трансформацию, обусловленную результатами Общероссийского голосования, что привело к внесению поправок в текст Конституции РФ. Фундаментальным новационным актом выступило интегрирование органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, юридически конституированное вновь введенной ст. 132.3 Конституции РФ, устанавливающей, что органы муниципального управления и органы государственной власти функционируют в рамках единой публично-властной системы и осуществляют координированное взаимодействие в целях оптимизации решения задач в интересах населения. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 ноября 2021 г. № 50-П, разрешая дело о проверке конституционности отдельных положений федерального законодательства и закона Санкт-Петербурга, инициированное жалобами граждан А.А. Афиногенова, В.А. Вольского и иных заявителей, формулировал квалифицированную правовую позицию относительно природы муниципальной автономии, констатируя, что конституционно декларируемая самостоятельность местного самоуправления не обладает абсолютным характером, а подлежит детерминации границами, устанавливаемыми действующим законодательством, что, по существу, легитимизирует вектор ограничения автономного статуса муниципальных образований в пользу их функциональной интеграции в общегосударственную вертикаль публичной власти.

М.В. Исобчук, основываясь на эмпирическом изучении практики функционирования органов местного самоуправления в муниципалитетах Пермского края, приходит к заключению, что проведенные реформы не устранили обозначенные ранее системные недостатки данного института. По его оценке, главным итогом преобразований стало не формирование действенного механизма подотчетности и самостоятельного управления на локальном уровне, а, напротив, углубление вовлеченности муниципальных образований в орбиту региональных и федеральных властных структур [2, с. 210]. С позиции теории многоуровневого управления определяющими ориентирами дальнейшего реформирования следует признать принципы функциональной самостоятельности и субъектности муниципалитетов, обеспечивающих им возможность самостоятельного определения приоритетов местного развития.

По мнению А.В. Лейса, внесенные поправки в часть первую статьи 131 Конституции РФ носят принципиальный характер: из нее была изъята норма, закреплявшая поселения в роли базового и неотъемлемого звена муниципального устройства [6]. На смену этому пришло расширение свободы действий федерального парламента в вопросе установления типологии муниципальных образований. Данная правовая модификация отвечает курсу на консолидацию муниципалитетов и вытеснение двухуровневой структуры местного самоуправления одноуровневой моделью.

Таким образом, конституционная реформа 2020 года легитимизировала тенденцию интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти, отказалась от поселенческо-территориального принципа как обязательного элемента территориальной организации и расширила дискреционные полномочия федерального законодателя.

Муниципальную реформу в России ознаменовал вступивший в силу 19 июня 2025 года Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Закон разделяет полномочия муниципальных образований на три группы: неотъемлемые (не подлежащие перераспределению региональным органам власти), передаваемые (которые субъекты РФ могут перераспределить от органов местного самоуправления к органам государственной власти) и перераспределенные (переданные для исполнения органами власти субъектов РФ). Все три группы входят в ведение муниципальных образований любого вида.

Закон предусматривает существенные изменения в территориальной организации местного самоуправления, в том числе возможность отказа от двухуровневой модели. Однако содержит ряд коллизий и пробелов в правовом регулировании. В частности, по новому закону муниципальное образование не является административно-территориальной единицей, хотя границы муниципального образования и административно-территориальной единицы могут совпадать.

Принятие Федерального закона № 33-ФЗ завершает очередной этап институциональной эволюции местного самоуправления в России, окончательно закрепляя его статус элемента единой системы публичной власти и предоставляя субъектам Федерации широкие дискреционные полномочия в сфере разграничения компетенций между уровнями публичной власти.

Проведенный анализ позволяет выделить четыре этапа институциональной эволюции местного самоуправления в России. На первом этапе (1991–2002 гг.) Конституция 1993 года и Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» заложили нормативную базу, однако декларируемая самостоятельность не сопровождалась адекватными механизмами реализации, что привело к хаотичному развитию муниципальных образований. На втором этапе (2003–2009 гг.) Федеральный закон № 131-ФЗ создал единую двухуровневую модель, но заложил противоречия между широкими полномочиями и недостаточным финансированием; отсутствие жестких критериев привело к двукратному росту числа муниципалитетов и массовой их несостоятельности. Третий этап (2010–2019 гг.) ознаменовался качественным сдвигом от автономии к интеграции: более 180 поправок к 131-ФЗ усилили зависимость местного самоуправления от государственной власти, а введение «муниципального фильтра» в 2012 году подчинило муниципалитеты региональной политической вертикали. Четвертый этап (2020–2026 гг.) легитимизировал эту тенденцию через конституционную реформу 2020 года, включив органы местного самоуправления в единую систему публичной власти, и завершился принятием Федерального закона № 33-ФЗ в 2025 году, предусматривающего разделение полномочий на неотъемлемые, передаваемые и перераспределенные.

Анализ позиций исследователей, рассмотренных в настоящей статье, позволяет выявить несколько ключевых линий дискуссии относительно институциональной эволюции местного самоуправления в России. Прежде всего, все авторы констатируют наличие глубокого

противоречия между декларируемой самостоятельностью местного самоуправления и фактической зависимостью муниципальных образований от органов государственной власти. И.В. Лексин выделяет три взаимосвязанных противоречия: между конституционным не вхождением органов местного самоуправления в систему органов государственной власти и исполнением ими государственных обязательств, между равной номинальной компетенцией и неодинаковой реальной востребованностью, между объемом функций и ресурсными возможностями. М.Р. Зазулина фиксирует траекторию сдвига от общественной концепции к гипергосударственной, констатируя, что более 180 поправок к 131-ФЗ направлены на усиление зависимости местного самоуправления. М.В. Исобчук на основании эмпирических данных подтверждает, что основным последствием реформ стало не выстраивание эффективной системы самоуправления, а усиление интеграции муниципалитетов с вышестоящими органами власти.

В совокупности мнения авторов свидетельствуют о том, что институциональная эволюция местного самоуправления в России прошла путь от декларации автономии к фактической интеграции в единую систему публичной власти. При этом все исследователи отмечают неоднозначность этой трансформации: с одной стороны, она повысила управляемость и контроль за бюджетными средствами, с другой — не решила проблему финансовой самостоятельности муниципалитетов и снизила их субъектность. Конституционная реформа 2020 года и принятие Федерального закона № 33-ФЗ в 2025 году закрепили эту тенденцию на нормативном уровне, однако без реального повышения финансовой и политической самостоятельности муниципалитетов интеграция рискует стать формальной подменой содержания.

Общая тенденция демонстрирует траекторию от институциональной автономии к институциональной зависимости. Практические последствия этой эволюции неоднозначны: с одной стороны, повышается управляемость и контроль за бюджетными средствами, с другой — усиливается зависимость муниципалитетов от межбюджетных трансфертов без решения проблемы их финансовой самостоятельности. Дальнейшее развитие института требует преодоления противоречия между формальной декларацией самостоятельности и фактической интеграцией в единую систему публичной власти через реальное повышение субъектности муниципалитетов.

Литература

1. Зазулина М.Р. Местное самоуправление в Российской Федерации: траектория концептуального развития / М.Р. Зазулина // Сибирский философский журнал. — 2023. — Т. 21, № 2. — С. 58–70.
2. Исобчук М.В. Местное самоуправление в РФ после поправок в Конституцию-2020 / М.В. Исобчук // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 210–220.
3. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (Предмет, принципы, режимы, конструкции, система): дис. докт. юрид. наук / А.Н. Костюков. — Екатеринбург, 2003. — 474 с.
4. Кутафин О.Е. Муниципальное право Российской Федерации: учебник / О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев; М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2009. — 669 с.
5. Лексин И.В. Трансформация конституционной концепции: от местного самоуправления к государственному управлению на местном уровне / И.В. Лексин // Государственное управление. Электронный вестник. — 2011. — № 29. — С. 1–9.
6. Лейс А.В. Местное самоуправление в новых конституционных условиях / А.В. Лейс // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2021. — Т. 7, № 4(28). — С. 235–252.
7. Нечаев В.Д. Институциональная организация местного самоуправления в постсоветской России: дис. ... докт. полит. наук / В.Д. Нечаев. — Москва, 2008. — 498 с.
8. Степанов М.М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года / М.М. Степанов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 5(126). — С. 35–41.

INSTITUTIONAL EVOLUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL STAGES AND CONCEPTUAL SHIFTS

Tyukhai-Lipsky S.V.
North-West Institute of Management

This article examines the institutional evolution of local self-government in the Russian Federation and identifies patterns in the transformation of its legal status throughout the post-Soviet period. The author conducts a systematic analysis of regulatory acts, constitu-

tional provisions, and scientific approaches, tracing four successive stages in the development of this institution: from the emergence of its legal foundations in 1991–2002, through the formation of a unified two-tier model as part of the municipal reform of 2003–2009, to the gradual integration of local self-government into a unified system of public authority in 2010–2019, and, finally, to the constitutional legitimization of this trend in 2020–2026. Attention is paid to conceptual shifts – from the model of autonomous popular sovereignty to the model of institutional dependence – as well as the practical consequences of the adoption of Federal Law No. 33 of 2025, which delineates the powers of municipalities into inalienable, transferable, and redistributable.

Keywords: local self-government, municipal reform, institutional evolution, unified system of public authority, constitutional changes, delimitation of powers, financial autonomy of municipalities.

References

1. Zazulina M.R. Local Self-Government in the Russian Federation: the Trajectory of Conceptual Development / M.R. Zazulina // *Siberian Philosophical Journal*. – 2023. – Vol. 21, No. 2. – Pp. 58–70.
2. Isobchuk M.V. Local Self-Government in the Russian Federation after the 2020 Constitutional Amendments / M.V. Isobchuk // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. – 2023. – Vol. 7, No. 2. – Pp. 210–220.
3. Kostyukov A.N. Municipal Law as a Branch of Russian Law (Subject, Principles, Regimes, Structures, System): Dis. Doctor of Law. – Ekaterinburg, 2003. – 474 p.
4. Kutafin O.E. Municipal Law of the Russian Federation: textbook / O.E. Kutafin, V.I. Fadeev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State Law Academy. – 3rd ed., revised and enlarged. – M.: Prospect, 2009. – 669 p.
5. Leksin I.V. Transformation of the Constitutional Concept: from Local Self-Government to Public Administration at the Local Level / I.V. Leksin // *Public Administration. Electronic Bulletin*. – 2011. – No. 29. – Pp. 1–9.
6. Leis A.V. Local Self-Government in the New Constitutional Conditions / A.V. Leis // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*. – 2021. – Vol. 7, No. 4(28). – P. 235–252.
7. Nechaev V.D. Institutional organization of local self-government in post-Soviet Russia: dis. ... doctor of political sciences / V.D. Nechaev. – Moscow, 2008. – 498 p.
8. Stepanov M.M. Local self-government in the context of the constitutional reform of 2020 / M.M. Stepanov // *Actual problems of Russian law*. – 2021. – Vol. 16, No. 5(126). – P. 35–41.

Имплементация международных стандартов в сфере миграции в российское законодательство о национальной безопасности

Шевцов Лев Фёдорович,

аспирант, кафедра политических процессов и технологий,
Автономная некоммерческая организация высшего
образования «Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского»
E-mail: lev_shevtsov@mail.ru

На фоне глобальных демографических трансформаций масштабное перемещение населения утратило статус исключительно социально-экономического феномена, превратившись в серьезнейший экзистенциальный вызов для устойчивости суверенных государств. Актуальность исследования продиктована беспрецедентными объемами современных миграционных потоков и их качественными преобразованиями, которые прямо дестабилизируют криминогенную обстановку и подрывают социальную сплоченность принимающих обществ. Цель заключается в комплексном анализе действующих механизмов имплементации международных правовых стандартов в сфере миграции в российское законодательство, регулирующее контур национальной безопасности, а также в разработке конкретных прикладных рекомендаций по купированию сопутствующих угроз. Вскрывается и анализируется фундаментальное противоречие современной правовой политики: с одной стороны, декларируется объективная потребность в интеграции государства в глобальное правовое поле и соблюдении общепризнанных гуманитарных нормативов; с другой – формируется жесткий императив защиты национального суверенитета, интересов коренного населения от деструктивного влияния неконтролируемой нелегальной миграции, этнокультурной сегрегации, транснациональной преступности. Резюмировано, что текущая парадигма рецепции международных норм требует пересмотра. В сопоставлении с более ранними подходами, обоснована необходимость перехода правоохранительной системы от реактивного контроля к предиктивному мониторингу на базе технологий искусственного интеллекта. Аргументирована целесообразность введения административной преюдиции в нормах уголовного закона, которые связаны с фиктивной регистрацией. Изложенные в статье выводы и практические решения будут полезны теоретикам права, криминологам, специалистам в области госуправления, сотрудникам профильных ведомств, законодателям, непосредственно вовлеченным в сложный процесс реформирования отечественной миграционной политики.

Ключевые слова: административная преюдиция, международные стандарты, миграционная политика, национальная безопасность, нелегальная миграция, суверенитет, уголовная ответственность

Введение

Люди перемещаются с места на место с незапамятных времен. В то время, как одни переезжают в поисках лучшей работы, образования, экономических благ или для воссоединения с семьей, другие вынуждены бежать от конфликтов, терроризма или нарушений прав человека. Растет число тех, кто снимается с мест в результате последствий изменения климата, стихийных бедствий или других факторов экологического характера. По данным Организации Объединенных Наций, в настоящее время масштаб международной миграции достиг беспрецедентных значений и составляет более 280 миллионов человек [9]. Вследствие этого отметим, что территориальное перемещение населения перестало быть исключительно демографическим или экономическим феноменом. Оно бесповоротно закрепилось в статусе одного из ключевых факторов, определяющих «архитектуру» как глобальной, так и внутригосударственной стабильности.

Для Российской Федерации, которая исторически выступает в качестве одного из крупнейших реципиентов иностранных трудовых ресурсов, вопрос правового регулирования данных потоков приобретает экзистенциальное значение. По сути, конфликтный потенциал миграционных процессов столь же велик, сколько и общественное благо, им обеспечиваемое. В связи с этим, государственная политика сталкивается со сложной дихотомией. Так, с одной стороны, существует объективная необходимость интеграции в международное правовое поле и соблюдения общепризнанных гуманитарных стандартов; с другой, императив защиты собственного суверенитета и коренного населения от деструктивного влияния неконтролируемого притока иностранцев. В соответствии с Конституцией РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также договоры образуют неотъемлемую часть правовой системы государства. Между тем, признание данных нормативов неизбежно влечет необходимость их тонкой, выверенной адаптации в национальном праве при условии допустимости таких установлений в российской системе координат. Разумно предположить, что слепое копирование зарубежных практик без учета национальной специфики, менталитета прибывающих лиц, актуальных угроз способно спровоцировать социальную аномию и институциональный кризис. Ошибки в этой тонкой сфере подчас приводят к дестабилизации внутреннего порядка. Они создают прямые факторы риска для безопасности самого государства.

Таким образом, автор статьи нацелен на комплексный анализ механизмов имплементации международных стандартов в области миграции в российское законодательство, которое регулирует сферу национальной безопасности, а также на выработку конкретных рекомендаций по купированию сопутствующих криминологических и социально-политических рисков.

Материалы и методы

Изученный при подготовке статьи массив источников демонстрирует многоаспектный подход к проблеме имплементации международных миграционных стандартов в контексте национальной безопасности России. Официальная позиция Организации Объединенных Наций [9] задает глобальный вектор понимания характеризующих процессов, который В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев, М.З. Чаава рассматривают через призму концептуальной защиты прав трудящихся [4], а Л.А. Ларина и А.М. Давыдова исследуют в рамках непосредственной интеграции этих норм во внутригосударственное право [5]. Содержание риск-ориентированного подхода раскрывают В.А. Волох, А.Н. Сандугей, Т.Н. Дмитриева [1, 2]. Фундаментальные основы безопасности отражены в трудах А.И. Мелихова через органическую теорию государства [6], что в соавторстве с Н.И. Костюченко трансформируется в анализ конкретных факторов миграционной стабильности [7]. Особый акцент на правоохранительном векторе делают Д.О. Моргун, И.С. Марсаков, изучая международно-правовые инструменты противодействия нелегальным потокам [8]. Экономические риски теневой занятости выступают в качестве предмета подробного анализа Л.Н. Орловой и В.М. Смирнова [10]. Секьюритизированный подход применяет М.Г. Решняк, рассматривая миграцию, главным образом, как дестабилизирующую угрозу [11, 12], что находит частичное соци-

ологическое отражение в медийных данных о проблемах интеграции приезжих, приводимых А. Демидовым [3].

Выбор упомянутых выше публикаций обоснован необходимостью комплексного анализа проблемы, охватывающего наднациональный правовой «фундамент», доктринальные основы российской государственности, экономические детерминанты, криминологические риски. Это помогает объективно оценить механизм адаптации мировых стандартов к национальным реалиям. Несмотря на широту охвата, в проанализированной литературе наблюдаются существенные пробелы, в частности, недостаточная проработка механизмов имплементации международных гуманитарных стандартов к жестким требованиям отечественного антитеррористического законодательства; выраженный дефицит эмпирических исследований правоприменительной практики на региональном уровне.

При написании статьи использовался формально-юридический метод, позволивший детально проанализировать специфику правовых норм и актов, а также сравнительно-правовой – в целях сопоставления глобальных стандартов с национальными интересами безопасности. Помимо этого, применялся системный анализ (чтобы объединить разрозненные экономические, правовые, социологические данные в целостную теоретическую конструкцию, которая отражает реальное состояние современного миграционного законодательства.

Результаты и обсуждение

Одной из основ обеспечения национальной безопасности является не только воспроизводство, но и поддержание пропорций между группами населения с разными мировоззренческими установками для выполнения разных общественных функций [6]. Формирование правового базиса противодействия незаконной миграции и управления легальными потоками базируется на сложной многоуровневой системе нормативных актов. Международные правовые документы в сфере сотрудничества по борьбе с преступностью формируются и принимаются как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. При этом глобальный уровень сотрудничества (в первую очередь, в рамках ООН) помогает странам формировать масштабные, общепризнанные принципы. Они приобретают статус международных правовых стандартов, создавая предпосылки для унификации национальных законодательств стран-участниц.

Российская Федерация активно участвует в описываемом процессе. С целью систематизации действующих механизмов целесообразно рассмотреть структуру международно-правовых обязательств РФ (см. таблицу 1). В сопоставлении с более ранними подходами, современная система договоров акцентирует внимание как на трудовых правах, так и на совместной борьбе с криминальными проявлениями.

Таблица 1. Матрица международно-правового регулирования миграции в РФ (составлено на основе [4, 5, 8, 10–12])

Уровень	Ключевые институты, организации	Вектор имплементации в законодательство РФ	Количество ключевых договоров РФ
Глобальный	ООН, Международная организация по миграции (МОМ)	Стандарты прав человека, противодействие транснациональной преступности	2 (ООН), 1 (МОМ)
Региональный	СНГ, ЕАЭС, Европейский Союз	Унификация уголовно-правовых оценок, свободное перемещение рабочей силы (ЕАЭС)	7 (СНГ), 2 (ЕАЭС)
Билатеральный (двусторонний)	Суверенные государства (главным образом, страны Центральной Азии)	Рeadмиссия, экстрадиция, информационный обмен по линии правоохранительных органов	143

Невзирая на разветвленную правовую базу, практическая реализация стандартов сталкивается с суровой реальностью. В последние годы миграцию начали рассматривать не только как социально-экономическое явление, но и как критический элемент национальной безопасности [4, 11].

Особую обеспокоенность вызывает качественная трансформация правонарушений. Нелегальный мигрант, появление которого на территории России само по себе носит криминальный характер, зачастую вовлекается в организованную транснациональную преступность. В частности, иностранные граждане активно фигурируют в уголовных делах о незаконном обороте наркотических средств [5, 8].

Помимо сугубо криминальных рисков, серьезную угрозу представляет социальный конфликт, продиктованный нежеланием значитель-

ной части прибывающих интегрироваться в принимающее общество. Исследования Федерального агентства по делам национальностей помогли выявить, что 43,5% мигрантов выражают желание жить по законам шариата, нередко демонстрируя чувство превосходства и пренебрежение к светским устоям [3]. Это подтверждает тезис о том, что менталитет жителей ряда стран существенно отличается от российского, и, прибывая в государство с христианскими корнями, они выстраивают жизнь по старым правилам, нарушая законодательство РФ. Видимо, политика неконтролируемого притока, не учитывающая емкость социальной инфраструктуры (например, в школах, где до 90% учеников плохо владеют русским языком), исчерпала свою валидность.

В связи с этим в академической среде формируется принципиально новый подход к трактовке статуса мигранта в системе национальной безопасности. Выдвигается справедливое суждение о том, что термин «безопасность» следует применять исключительно к суверенным субъектам, способным к самосохранению (государству, многонациональному народу). Иностранцы граждане, которые отказываются принимать национальное мировоззрение и участвовать в защите общества, должны рассматриваться не как полноправные участники коллективного выживания, а как «платные потребители услуг по обеспечению безопасности» [6, 7]. Этот статус логично влечет за собой ограничение политических прав и введение дополнительных фискальных обременений.

Заключение

На основании отмеченного подчеркнем, что исключительно декларативных мер в рамках государственной миграционной политики, по-видимому, недостаточно для купирования описанных угроз и защиты национальных интересов. Для гармоничного синтеза международных стандартов с императивами суверенной стабильности требуется глубокая, комплексная трансформация нормативно-правового регулирования. В связи с этим, отметим первоочередную необходимость внедрения предиктивных информационно-аналитических систем на базе технологий искусственного интеллекта. Подобные программные комплексы призваны создать единый цифровой контур, который будет в автоматическом режиме осуществлять обработку и передачу данных, связывая пункты пропуска через государственную границу и территориальные органы внутренних дел. Как представляется, это поможет решить хроническую проблему информационного вакуума у участковых уполномоченных и оперативных сотрудников, обеспечивая надежную фиксацию потенциальных рисков и враждебных намерений мигрантов еще задолго до их прибытия в конкретный пункт назначения. Новизна описываемого организационного подхода заключается в концептуальном переходе от реактивной полицейской модели к проактивному цифровому мониторингу, который, что примечательно, не требует кратного увеличения штатной численности сотрудников правоохранительных органов на местах.

Одновременно с этим, в плоскости уголовно-правового регулирования разумно предположить целесообразность введения криминаобrazующего признака «административной преюдиции» в статьи главы 32 Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности, в нормы, которые касаются фиктивной регистрации и постановки на учет иностранных граждан. В сопоставлении с более ранними подходами, такая мера обеспечит необходимую дифференциацию юридической ответственности за нарушения миграционных правил. По существу, это снизит излишнюю репрессивность уголовного закона за первичные проступки, позволив государству сконцентрировать ресурсы на борьбе с системной, организованной нелегальной миграцией. Внедрение характеризуемого механизма синхронизирует отечественное законодательство с передовыми стандартами пенализации, выполняя превентивную функцию без необоснованного расширения уголовного принуждения.

Наконец, в социокультурном и политическом аспектах видится актуальным законодательное закрепление института так называемого «условного гражданства» или статуса «потребителя услуг по обеспечению безопасности» для лиц, игнорирующих необходимость интеграции в принимающее общество. В частности, предлагается внести точечные изменения в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», жестко обусловив сохранение паспорта соблюдением ряда базовых обязанностей:

- обязательным состоянием на налоговом учете;
- своевременной и полной уплатой государственных налогов;
- проявлением деятельного уважения к истории, культуре, традициям коренных народов России.

Подобная правовая «рамка» будет препятствовать формированию закрытых анклавов и откровенно потребительскому отношению к российской социальной инфраструктуре со стороны приезжих.

Научная и практическая значимость вносимых предложений состоит в трансформации института гражданства из безусловной данности в двусторонний социальный контракт, который базируется на безоговорочной лояльности государству и готовности участвовать в механизмах его коллективного выживания.

Литература

1. Волох В.А., Сандугей А.Н. О противодействии созданию в Российской Федерации анклавов и некоторых мерах по формированию условий для временного проживания иностранных работников в России // Власть. – 2024. – Т. 32. – № 1. – С. 61–68.
2. Волох В.А., Дмитриева Т.Н. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией // Управление. – 2024. – Т. 12. – № 1. – С. 5–15.
3. Демидов А. В России назвали процент не желающих жить по законам страны мигрантов // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21328717.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 22.03.2026).
4. Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Чаава М.З. Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 84–94.
5. Ларина Л.А., Давыдова А.М. Имплементация норм и принципов международного права в законодательстве Российской Федерации в сфере внешней трудовой миграции // Международный журнал гражданского и торгового права. – 2024. – № 2. – С. 39–43.
6. Мелихов А.И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. – 2022. – № 3. – С. 79–92.
7. Мелихов А.И., Костюченко Н.И. Ключевые факторы обеспечения национальной безопасности в сфере миграции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (78). – С. 134–141.
8. Моргун Д.О., Марсаков И.С. Роль международных правовых стандартов в противодействии незаконной миграции в России // Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере незаконной миграции. Сборник трудов Всероссийской конференции. – Москва: 2025. – С. 189–194.
9. Организация Объединенных Наций. Миграция // URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/migration> (дата обращения: 22.03.2026).
10. Орлова Л.Н., Смирнов В.М. Минимизация рисков государства от незаконной трудовой деятельности мигрантов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2024. – Т. 59. – № 2. – С. 153–176.
11. Решняк М.Г. Миграция как дестабилизирующий фактор национальной и международной безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2 (105). – С. 243–255.
12. Решняк М.Г. Миграция: к вопросу о противодействии деструктивному влиянию миграции на безопасность российского государства // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 10 (198). – С. 76–81.

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL MIGRATION STANDARDS INTO RUSSIAN NATIONAL SECURITY LEGISLATION

Shevtsov L.F.

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations

Against the backdrop of global demographic transformations, the large-scale movement of populations has lost its status as an exclusively socio-economic phenomenon, evolving into a major existential challenge for the stability of sovereign states. The relevance of this study is driven by the unprecedented volume of modern migration flows and their qualitative transformations, which directly destabilize the criminogenic situation and undermine the social cohesion of host societies. The objective is to provide a comprehensive analysis of the existing mechanisms for implementing international legal standards in the field of migration into Russian legislation governing the national security framework, as well as to develop specific applied recommendations for mitigating associated threats. The study identifies and analyzes a fundamental contradiction in modern legal policy: on one hand, there is a declared objective need for state integration into the global legal space and adherence to universally recognized humanitarian standards; on the other, a rigid imperative has emerged to protect national sovereignty and the interests of the native population from the destructive influence of uncontrolled illegal migration, ethno-cultural segregation, and transnational crime. It is concluded that the current paradigm of the reception of international norms requires revision. In contrast to previous approaches, the study substantiates the necessity for the law enforcement system to transition from reactive control to predictive monitoring based on artificial intelligence technologies. Furthermore, the expediency of introducing administrative prejudice into criminal law provisions related to fictitious registration is argued. The conclusions and practical solutions presented in the article will be of value to legal theorists, criminologists, public administration specialists, officials of relevant agencies, and legislators directly involved in the complex process of reforming domestic migration policy.

Keywords: administrative prejudice, international standards, migration policy, national security, illegal migration, sovereignty, criminal liability

References

1. Volokh V.A., Sandugey A.N. On countering the creation of enclaves in the Russian Federation and some measures to form conditions for temporary residence of foreign workers in Russia // Power. – 2024. – Vol. 32. – № 1. – P. 61–68.
2. Volokh V.A., Dmitrieva T.N. Risk-oriented approach in state management of external migration // Management. – 2024. – Vol. 12. – № 1. – P. 5–15.
3. Demidov A. In Russia, the percentage of migrants unwilling to live according to the laws of the country has been named // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21328717.shtml?utm_auth=false (accessed: 22.03.2026).
4. Kirilenko V.P., Alekseev G.V., Chaava M.Z. International protection of the rights of migrant workers and migration legislation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. – 2022. – Vol. 16. – № 2. – P. 84–94.
5. Larina L.A., Davydova A.M. Implementation of norms and principles of international law in the legislation of the Russian Federation in the sphere of external labor migration // International Journal of Civil and Commercial Law. – 2024. – № 2. – P. 39–43.
6. Melikhov A.I. National security in the light of the organic theory of the state // Security Issues. – 2022. – № 3. – P. 79–92.
7. Melikhov A.I., Kostyuchenko N.I. Key factors for ensuring national security in the sphere of migration // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (78). – P. 134–141.
8. Morgun D.O., Marsakov I.S. The role of international legal standards in countering illegal migration in Russia // Operational-search activity of internal affairs bodies in the fight against organized crime in the field of illegal migration. Collection of proceedings of the All-Russian Conference. – Moscow: 2025. – P. 189–194.
9. United Nations. Migration // URL: <https://www.un.org/en/global-issues/migration> (accessed: 22.03.2026).
10. Orlova L.N., Smirnov V.M. Minimizing state risks from illegal labor activity of migrants // Moscow University Economics Bulletin. – 2024. – Vol. 59. – № 2. – P. 153–176.
11. Reshnyak M.G. Migration as a destabilizing factor of national and international security // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2 (105). – P. 243–255.
12. Reshnyak M.G. Migration: on the issue of countering the destructive influence of migration on the security of the Russian state // Theory and Practice of Social Development. – 2024. – № 10 (198). – P. 76–81.

Административно-правовое совершенствование института ротации и временного исполнения обязанностей руководителей территориальных органов ФОИВ

Фирсов Максим Валерьевич,

заместитель директора по управлению федеральным имуществом, ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
E-mail: marshall85@yandex.ru

Статья посвящена исследованию административно-правового статуса руководителей территориальных органов ФОИВ в аспекте кадровой ротации и института временного исполнения обязанностей. Научная новизна состоит в выявлении институциональной асимметрии между публичными целями ротации и отсутствием нормативно закрепленных социальных гарантий для служащего и членов его семьи, что порождает фактическую принудительность выбора и снижает служебную мотивацию. Автор подробно разбирает существующие пробелы реализации института временного исполнения обязанностей руководителя территориального органа ФОИВ. Методологическую базу составили формально-юридический, системно-структурный и правоприменительный анализ. Автором доказывается необходимость законодательного закрепления социальных гарантий при реализации кадровых механизмов ротации, а также пересмотра квалификационных требований к кандидатам на временное замещение руководящих должностей. Выводы ориентированы на устранение социально-правового дисбаланса и повышение кадровой устойчивости территориальных органов федеральной исполнительной власти.

Ключевые слова: государственная служба, ротация государственных служащих, временное исполнение обязанностей, руководитель территориального органа, эффективность государственного управления, социальные гарантии, квалификационные требования.

Ротация руководителей территориальных органов ФОИВ справедливо рассматривается как эффективный управленческий и анти-коррупционный инструмент: она снижает риски «укоренения» руководителя в одном регионе, ослабляет устойчивые неформальные связи с регулируемыми субъектами, повышает управляемость территориального звена и способствует трансляции единых стандартов правоприменения¹.

Ротация государственных служащих рассматривается как инструмент профилактики профессиональной деформации, коррупционных рисков и «локального укоренения» служащих в территориальных структурах. Наиболее последовательно данный механизм реализуется в правоохранительных и контрольно-надзорных органах, включая территориальные органы МВД России, ФСБ России, Росгвардии, ФТС России и Росфинмониторинга.

Например, в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации ротация руководителей территориальных органов по субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям используется как средство обновления управленческого корпуса и повышения управляемости вертикали исполнительной власти. Аналогичная практика применяется в таможенных органах, где перемещение должностных лиц между регионами позволяет снижать зависимость служащих от местных социально-экономических и корпоративных связей.

Во все времена в гражданских федеральных службах социально-экономического блока (Росреестр, Росимущество, Роспотребнадзор) ротация носит более ограниченный характер и чаще выражается во внутриведомственном переводе между структурными подразделениями территориального органа либо между территориальными органами в пределах одного федерального округа. Это обусловлено высокой специализацией служащих и необходимостью сохранения институциональной памяти. Вместе с тем даже в этих органах ротация используется как элемент карьерного развития и подготовки управленческих кадров.

А.Ф. Ноздрачев дает следующее определение институту ротации: «Правовой институт ротации в системе государственной гражданской службы Российской Федерации составляют правовые нормы, регулирующие служебные отношения, складывающиеся в процессе назначения гражданского служащего, замещающего должность гражданской службы, включенную в перечень должностей гражданской службы, по которым предусматривается ротация, на иные ротационные должности государственной гражданской службы с учетом уровня квалификации, профессионального образования и стажа государственной службы или работы по специальности в том же либо в другом государственном органе»².

Им также отмечается, что в период до 2013 г. понятие «ротация» в законодательстве не употреблялось. В научных исследованиях оно использовалось. Этим понятием обозначались различного рода переходы (направления) государственных служащих на другие должности и (или) в другие государственные органы. В 2018 году в институт ротации были внесены существенные изменения³.

Таким образом, ротация в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти выступает самостоятельным инструментом кадровой политики. Ротация направлена на динамичное со-

¹ Сороко А.В. Механизмы ротации кадров // Кадровик. Кадровый менеджмент (управление персоналом)». 2012. № 8; Ноздрачев А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы / А.Ф. Ноздрачев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 5–22; Савченко И.П. Система ротации кадров как инструмент управления карьерой персонала организации / И.П. Савченко, К.А. Кафян // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2014. № 4 (38). С. 107–109; Рузаева Е.М. «Ротация кадров в системе государственной гражданской службы» (журнал «Административное право и процесс», 2025) № 2. С. 66–69.

² Ноздрачев А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы / А.Ф. Ноздрачев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 5.

³ См. Федеральный закон от 11 декабря 2018 г. № 461-ФЗ «О внесении изменений в статью 23 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статьи 52 и 601 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с совершенствованием механизма ротации государственных гражданских служащих».

вершенствование кадрового состава, поддержание функциональной устойчивости системы исполнительной власти на местах путем своевременного усиления профессиональной составляющей и нивелирования коррупционных рисков.

Значимым фактором, осложняющим реализацию административно-правового статуса руководителя территориального органа ФОИВ, является асимметрия кадровых механизмов ротации и социальной защищенности служащего. Ротация объективно выступает эффективным инструментом противодействия коррупции и обновления управленческих кадров, однако в действующей модели она сопровождается недостаточным учетом социальных последствий для руководителя и членов его семьи¹.

Отсутствие нормативно закрепленных гарантий, связанных с переездом, проживанием, трудоустройством членов семьи и образовательными потребностями детей, приводит к ситуации фактической принудительности выбора между согласием на ротацию и увольнением, что негативно сказывается на мотивации и устойчивости служебной деятельности.

Вместе с тем при всей институциональной целесообразности ротации в действующей модели прохождения службы руководителями территориальных органов ФОИВ отчетливо проявляется социально-правовой дисбаланс: ротация фактически выступает для руководителя не столько управленческой опцией, сколько обязательной развилкой, при которой у служащего остается два реалистичных сценария – согласиться на перемещение либо прекратить служебные отношения.

Тем самым ротация превращается в «жесткий кадровый механизм», реализуемый преимущественно в интересах организации публичного управления, при недостаточной обеспеченности социальных гарантий самого руководителя как субъекта служебных правоотношений.

Социальная уязвимость руководителя при ротации проявляется прежде всего в том, что правовой режим перемещения концентрируется на процедурных аспектах служебного решения (перевод, изменение условий служебного контракта, сроки и основания), оставляя вне должного нормативного внимания жизненно значимые обстоятельства, непосредственно влияющие на возможность добросовестного исполнения обязанностей в новом регионе.

На практике наиболее острыми становятся вопросы обеспечения проживания, фактического переезда и адаптации семьи: поиск жилья в регионе назначения, финансовая нагрузка в связи с арендой либо приобретением жилья, транспортные расходы, необходимость одновременного ведения обязательств по прежнему месту проживания.

Для руководителей территориальных органов эти вопросы осложняются тем, что ротация предполагает собой не краткосрочную командировку, а постоянное проживание и исполнение служебных полномочий в новом субъекте Российской Федерации, что де-факто требует полноценного «переноса жизненного уклада», а не формального изменения места службы.

Особую социальную значимость имеют вопросы, связанные с членами семьи руководителя: трудоустройство супруга (супруги), перевод или поиск работы, возможная утрата дохода семьи в переходный период, разрыв социальных связей и необходимость адаптации.

Для семей с несовершеннолетними детьми критическим становится обеспечение непрерывности образовательной траектории: перевод в школу, доступность мест, соответствие образовательных программ, нагрузка адаптационного периода, а для детей дошкольного возраста – наличие мест в детских садах, логистика и режим.

В действующей модели ротации эти обстоятельства зачастую рассматриваются как частная сфера служащего и не включаются в «юридически значимые факторы», хотя фактически именно они определяют, насколько критично и без ущерба для семьи возможно исполнение руководителем территориального органа решения о перемещении в новый регион. Это создает ситуацию, при которой руководитель принимает решение о ротации не на основе управленческой целесообразности и профессиональной готовности, а в условиях социальной неопределенности и риска существенного ухудшения условий жизни своей семьи.

Кроме того, социальная незащищенность руководителя при ротации усиливается ограниченностью переговорного пространства по срокам и условиям перемещения. Для руководителя территориального органа согласование «переходного периода» часто затруднено, поскольку вакантность руководящей должности либо управленческие задачи в регионе назначения требуют оперативного замещения.

¹ Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 3.

В результате служащий может столкнуться с ситуацией, когда юридически допустимые сроки оформления перемещения не синхронизированы с реальными сроками решения бытовых и семейных вопросов. Отсюда вытекают вторичные риски: вынужденное проживание «на два региона», рост расходов, падение качества управленческой деятельности из-за бытовой нестабильности, эмоциональное выгорание, а также снижение привлекательности государственной службы как карьерной траектории для управленцев.

С научно-правовой точки зрения выявляется противоречие между публичными целями ротации и принципами социального государства и справедливого баланса публичных и частных интересов в служебном праве. Если ротация обосновывается задачами профилактики коррупции и повышения эффективности управления, то ее успешность зависит не только от формально-юридической возможности перемещения, но и от устойчивости служебного статуса руководителя и его способности длительно и результативно работать в новом регионе.

Недостаточное нормативное обеспечение социальных гарантий при ротации объективно подрывает эффективность самого инструмента: часть потенциально сильных руководителей предпочитает увольнение, либо формально соглашается на перемещение при фактическом снижении качества управления из-за нерешенных социальных проблем. Таким образом, социальная «не встроенность» ротации в систему гарантий прохождения службы порождает кадровые потери и снижает институциональную результативность ротационного механизма.

Лишь грамотное сочетание формально-правовых процедур с ориентацией на ценности публичной службы и публичных интересов, обеспечивает эффективное применение кадрового механизма ротации, что соответствует современным подходам к развитию государственной службы в Российской Федерации.

В этой связи представляется методологически и практически оправданным рассматривать социальные гарантии при ротации как элемент правового механизма обеспечения эффективности публичного управления, а не как факультативное «социальное сопровождение».

В частности, необходимо нормативное закрепление минимального набора гарантий и компенсаций, направленных на снижение социальной уязвимости руководителя территориального органа. Это может быть предоставление служебного жилья или компенсация расходов на найм жилья в новом регионе; компенсация расходов на переезд госслужащего и членов семьи; содействие в устройстве детей в образовательные организации (школы, детские сады) по новому месту службы; установление разумного периода для переезда семьи; специальные меры поддержки по трудоустройству супруга (супруги).

Отдельного внимания заслуживает закрепление процедуры учета семейных обстоятельств как юридически значимого фактора при определении сроков ротации, что не отменяет обязанности перемещения, но позволяет обеспечить его реалистичность и минимизировать социальный ущерб.

Ротация должна рассматриваться как эффективный инструмент кадровой политики при условии, что ее правовой механизм включает не только регламентированные процедуры перемещения, но и социально-правовые гарантии, обеспечивающие сохранение нормальных условий жизнедеятельности руководителя территориального органа и его семьи.

Все перечисленное позволит сгладить ситуацию фактической принудительности выбора «ротация или увольнение», повысить привлекательность руководящих должностей территориальных органов ФОИВ и, как следствие, укрепить кадровый потенциал федеральной исполнительной власти на региональном уровне.

Проблема правового регулирования назначения временно исполняющих обязанности руководителей территориальных органов ФОИВ и пути ее разрешения

Особое место в системе подбора и назначения руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти занимает институт временного исполнения обязанностей руководителя территориального органа. Его правовое значение обусловлено необходимостью обеспечения непрерывности осуществления федеральных полномочий на территории субъектов Российской Федерации в условиях вакантности руководящей должности.

Вместе с тем действующее правовое регулирование назначения временно исполняющих обязанности (врио) руководителей территориальных органов ФОИВ содержит существенные пробелы и допускает формирование устойчивых правоприменительных практик, которые фактически нивелируют цели и ограничения, заложенные законодателем.

Ключевым нормативным актом, регламентирующим порядок назначения временно исполняющих обязанности по руководящим долж-

ностям в системе федеральной исполнительной власти, является Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2005 № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти»¹, которым установлено, что временное исполнение обязанностей руководителей территориального органа допускается на срок не более шести месяцев и осуществляется, как правило, за счет лиц начальствующего состава соответствующего территориального органа либо центрального аппарата федерального органа исполнительной власти.

Данная конструкция направлена на предотвращение затягивания «временного» статуса руководителя, а также на ограничение возможности назначения на ключевые управленческие позиции лиц, не обладающих необходимым опытом и включенностью в систему федеральной службы.

Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что формально-юридическое содержание указанных требований нередко обходится посредством использования конструкций, не противоречащих буквальному толкованию указа, но противоречащих его целям и смыслу.

Наиболее распространенной является практика, при которой лицо, ранее не проходившее службу ни в территориальном органе, ни в центральном аппарате соответствующего ФОИВ, в предельно сжатые сроки назначается на должность заместителя руководителя территориального органа, а затем на него практически немедленно – уже на следующий день либо в течение нескольких дней – возлагается временное исполнение обязанностей руководителя этого органа.

Формально такое лицо в момент назначения временно исполняющим обязанности уже относится к начальствующему составу территориального органа, что позволяет признать процедуру соответствующей требованиям Указа № 773, однако по существу происходит подмена временного исполнения обязанностей полноценным кадровым назначением без соблюдения предусмотренных конкурсных и оценочных механизмов.

Подобная практика приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, размывается правовая природа института временного исполнения обязанностей, который из исключительного и вспомогательного механизма превращается в самостоятельный способ фактического назначения руководителя территориального органа в обход конкурсных процедур. Во-вторых, подрывается принцип профессионализма государственной службы, поскольку врио руководителя может оказаться лицом, не обладающее достаточным опытом работы в конкретном регионе, не знакомое со спецификой межуровневого взаимодействия и фактическим состоянием подведомственной сферы. В-третьих, создаются предпосылки для формирования управленческой нестабильности и снижения доверия как со стороны подчиненных, так и со стороны органов государственной власти субъекта Российской Федерации, с которыми территориальный орган осуществляет постоянное взаимодействие.

Особую сложность данная ситуация приобретает с учетом того, что временно исполняющий обязанности руководителя территориального органа ФОИВ фактически осуществляет весь объем полномочий руководителя, включая принятие кадровых, организационных и контрольных решений, при отсутствии тех институциональных «фильтров», которые предусмотрены для процедуры назначения на постоянную основу.

В результате временный статус используется как инструмент легитимации управленческих решений, принимаемых лицом, чья профессиональная и управленческая состоятельность не прошла полноценной проверки.

В этой связи представляется обоснованным вывод о наличии проблемы в правовом регулировании порядка назначения временно исполняющих обязанности руководителей территориальных органов ФОИВ, заключающегося в отсутствии требований к минимальному сроку предшествующей службы кандидата в соответствующем территориальном органе либо в системе федерального органа исполнительной власти в целом. Указ № 773 ограничивает круг источников назначения врио, но не устанавливает требований к продолжительности и содержанию служебного опыта лица, на которое возлагается временное исполнение обязанностей.

С учетом выявленных дефектов правового регулирования представляется целесообразным дополнение порядка назначения временно исполняющих обязанности руководителей территориальных органов ФОИВ дополнительными квалификационно-процедурными требованиями.

В частности, предлагается нормативно закрепить правило, согласно которому временно исполняющим обязанности руководителя территориального органа может быть назначено лицо, проработавшее в соответствующем территориальном органе не менее шести месяцев, а в случае межрегионального территориального органа – не менее одного года.

Предложенная норма создаст условия для минимальной организационно-управленческой адаптации кандидата к специфике конкретного территориального органа (либо межрегионального территориального органа). Кроме того, благодаря такой норме удастся исключить практику, когда человека лишь формально вводят в штат, а затем практически сразу же наделяют полномочиями руководителя, минуя какую-либо профессиональную подготовку и оценку руководящего опыта и компетенций.

Для предупреждения ситуаций кадрового коллапса в территориальном органе – например, когда значительная часть руководящего состава уволена или отстранена, а назначение временно исполняющего обязанности требуется в экстренном порядке для поддержания непрерывности управления, логично закрепить императивное правило: возлагать временное исполнение обязанностей руководителя территориального органа разрешается исключительно на сотрудника центрального аппарата, соответствующего ФОИВ. Такой представитель должен обладать подтвержденным управленческим опытом и при этом находиться вне локальных региональных конфликтов и зависимостей. Данный подход позволит, с одной стороны, сохранить управляемость территориальным органом, а с другой – минимизировать риски, связанные с назначением «случайных» недостаточно компетентных лиц.

Предлагаемые изменения направлены не на урезание дискреции федеральных органов исполнительной власти в кадровой сфере, а на восстановление равновесия между принципами оперативного управления и требованиями профессионализма, правовой определенности, а также добросовестности при проведении кадровых процедур.

Введение дополнительных критериев к кандидатам на назначение временно исполняющих обязанности руководителей территориальных органов ФОИВ позволит устранить выявленный пробел в правовом регулировании, повысить прозрачность кадровых решений и обеспечить соответствие правоприменительной практики исходным целям и задачам института временного исполнения обязанностей в системе территориальных органов федеральных органов исполнительной власти.

Литература

1. Нарышкин С. Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 3
2. Ноздрачев А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы / А.Ф. Ноздрачев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 5–22
3. Рузаева Е. М. «Ротация кадров в системе государственной гражданской службы» (журнал «Административное право и процесс», 2025) № 2. С. 66–69.
4. Сороко А.В. Механизмы ротации кадров // Кадровик. Кадровый менеджмент (управление персоналом)». 2012. № 8
5. Савченко И.П. Система ротации кадров как инструмент управления карьерой персонала организации / И.П. Савченко, К.А. Кафян // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2014. № 4 (38). С. 107–109
6. Федеральный закон от 11 декабря 2018 г. № 461-ФЗ «О внесении изменений в статью 23 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статьи 52 и 601 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с совершенствованием механизма ротации государственных гражданских служащих».
7. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22573?ysclid=mlc6es2i2805097964>

ADMINISTRATIVE AND LEGAL IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE OF ROTATION AND TEMPORARY PERFORMANCE OF DUTIES HEADS OF TERRITORIAL BODIES OF THE FEDERAL TAX SERVICE

Firsov M.V.

National Research Center Kurchatov Institute

This article examines the administrative and legal status of heads of territorial federal executive bodies in relation to personnel rotation and the institution of temporary performance of duties. The research's novelty lies in identifying an institutional asymmetry between the public goals of rotation and the lack of legally established social guarantees for em-

¹ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22573?ysclid=mlc6es2i2805097964>

employees and their families, which creates a de facto forced choice and reduces motivation. The author examines in detail the existing gaps in the implementation of the institution of temporary performance of duties for heads of territorial federal executive bodies. The methodological framework is based on formal-legal, systemic-structural, and law enforcement analyses. The author argues for the need to legally enshrine social guarantees when implementing personnel rotation mechanisms, as well as revise the qualification requirements for candidates for temporary leadership positions. The conclusions are aimed at eliminating social and legal imbalances and increasing personnel stability in territorial federal executive bodies.

Keywords: civil service, rotation of civil servants, temporary performance of duties, head of a territorial body, public administration efficiency, social guarantees, qualification requirements.

References

1. Naryshkin S. E., Khabrieva T. Ya. The mechanism for assessing GRECO's anti-corruption standards (comparative legal research) // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2011. № 3

2. Nozdrachev A.F. Institute of rotation in the system of state civil service / A.F. Nozdrachev // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2019. No. 5. Pp. 5–22

3. Ruzaeva E. M. "Personnel rotation in the public civil service system" (*Journal of Administrative Law and Process*, 2025) No. 2. Pp. 66–69.

4. Soroko A.V. Mechanisms of personnel rotation // *Kadrovik. HR management*". 2012. № 8

5. Savchenko I.P. Personnel rotation system as a career management tool for the organization's personnel / I.P. Savchenko, K.A. Kafyan // *New University. The series "Economics and Law"*. 2014. No. 4 (38). Pp. 107–109

6. Federal Law No. 461-FZ of December 11, 2018 "On Amendments to Article 23 of the Law of the Russian Federation "On Employment in the Russian Federation" and Articles 52 and 601 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" in connection with the Improvement of the mechanism of rotation of State Civil Servants."

7. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22573?ysclid=mlec6es2i2805097964>

Совершенствование законодательства Российской Федерации в области конституционно-правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами

Хромов Евгений Романович,

аспирант, Среднерусский институт управления (филиал),
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: tpabka-hromov@mail.ru

Конституционная реформа 2020 г. укрепила гарантии правового статуса личности; однако правоохранительный сегмент механизма государственной защиты прав и свобод человека и гражданина продолжает функционировать в условиях фрагментарного нормативного регулирования. Изменения, внесённые в 2024–2025 гг. в отдельные положения ФЗ «О полиции» и ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», обнажили коллизии между расширяющимся объёмом полномочий правоохранительных органов и пределами допустимого ограничения конституционных прав. Цель – выявление структурных дефектов нормативного обеспечения правозащитной функции этих органов и разработка предложений по их преодолению. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод системного толкования, обобщение судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2024–2025 гг. Зафиксированы четыре группы дефектов: функциональное дублирование между прокурорским надзором и судебным контролем; недостаточная конкретизация процедур применения новых полицейских полномочий (беспилотные аппараты, системы биометрической идентификации); пробельность регламентации цифровых каналов обжалования; неравномерность подзаконной базы. Обоснованы точечные поправки в ст. 5, 13 ФЗ «О полиции» и в ст. 27 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Сформулированные выводы применимы при подготовке законопроектов и ведомственных разъяснений.

Ключевые слова: конституционные права и свободы; правоохранительные органы; прокурорский надзор; правовое обеспечение; законодательство Российской Федерации; Конституционный Суд; судебная защита; *de lege ferenda*

Введение

Конституционная норма о признании, соблюдении и защите прав человека и гражданина в качестве обязанности государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации) транслируется в отраслевое законодательство через сложноорганизованный массив федеральных законов о правоохранительных органах. Между декларацией и её операциональным воплощением сохраняется зазор. Поправки 2020 г. ужесточили требования к должностным лицам, однако нормативная конкретизация правозащитной функции – особенно в части новых полномочий, введённых в 2024–2025 гг., – отстаёт от темпа изменений правоприменительной среды [11]. Возникающие коллизии не получили целостного теоретического осмысления.

В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно того, квалифицируется ли деятельность по обеспечению прав и свобод в качестве самостоятельной функции правоохранительных органов либо выступает имманентным элементом всех направлений их работы; одни авторы [4] исходят из институциональной автономии правозащитной составляющей и связанной с этим необходимости развития региональной конституционной юстиции [9], тогда как другие исследователи рассматривают цели и содержание правозащитной деятельности [7] как сквозной принцип, не подлежащий жёсткой институциональной сепарации. Дивергенция позиций имплицитует и расхождение в подходах к законодательной технике: сторонники первой модели выступают за обособление правозащитных норм в отдельных главах профильных законов, вторые же отдают предпочтение их рассредоточенному закреплению через общие принципы. Различие далеко не схоластическое. От него зависят конструкция жалобного производства, распределение надзорных компетенций и архитектура подзаконных актов МВД, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации.

Перебень полномочий, ограничивающих конституционные права, заметно расширился. С 1 сентября 2025 г. полиция получила право использовать беспилотные аппараты и информационные системы идентификации (п. 33 ст. 13 ФЗ «О полиции» в редакции ФЗ от 23.05.2025 № 121-ФЗ). Корреспондирующих гарантий – нет.

Настоящее исследование нацелено на выявление структурных дефектов нормативного обеспечения [2] правозащитной функции правоохранительных органов в действующей редакции профильных федеральных законов и в разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации 2024–2025 гг.; формулирование предложений *de lege ferenda*. Логика изложения движется от концептуального уровня к институциональному и далее – к конкретным законодательным дефектам и проектам поправок. Предложения должны учитывать ограничительные рамки, формируемые юриспруденцией высшей инстанции конституционного контроля. Иначе они останутся декларативными.

Материалы и методы

Методологическую базу составили формально-юридический (догматический) метод, применённый для системного анализа текста профильных федеральных законов и норм Конституции Российской Федерации; сравнительно-правовой метод при сопоставлении редакций ФЗ «О полиции» 2011 г. и его действующей редакции от 15.12.2025; метод обобщения судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации; метод правового моделирования; телеологическое толкование – применительно к интерпретации цели правозащитной функции, изложенной в преамбуле и ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в редакции от 29.12.2025. Дополнительно задействован герменевтический метод при интерпретации правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом в Постановлениях от 31.01.2024 № 4-П и от 17.06.2024 № 30-П; использован контент-анализ судебных актов и метод юридической квалификации с опорой на критерии соразмерности и пропорциональности. Эмпирическим материалом послужили: Конституция Российской Федерации с учётом поправок 2020 г.; ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» в редакции от 15.12.2025 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2026; ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в редакции от 29.12.2025; ФЗ

от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации...» в редакции от 29.12.2025; постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2024 № 4-П, от 28.03.2024 № 13-П, от 17.06.2024 № 30-П, от 16.01.2025 № 1-П, от 30.05.2025 № 25-П; обзорные данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации о результатах надзорной деятельности за 2024 г.

Ограничения исследования. За пределами анализа – подзаконные ведомственные акты грифа ДСП, доступ к которым в открытых источниках затруднён; не задействована статистическая информация, не прошедшая официальное опубликование; не рассматривались акты органов прокуратуры субъектов Российской Федерации. Хронологические рамки изучаемой судебной практики – январь 2024 г. – май 2025 г. Авторские предложения по совершенствованию законодательства ограничены теми отраслевыми правовыми сегментами, в которых обнаружены проявленные коллизии; вопросы конституционно-судопроизводства, уголовно-процессуального и административно-процессуального регулирования затрагиваются лишь в той мере, в которой это необходимо для иллюстрации общей логики правозащитной функции.

Результаты и обсуждение

Конституция Российской Федерации закрепляет правозащитную функцию государства в качестве элемента основ конституционного строя (ст. 2), что выводит обязанность защиты прав за пределы простой декларации в категорию учредительных норм прямого действия. В развитие приведённого предписания ст. 17, 18, 45 устанавливают гарантированность государственной защиты, непосредственное действие прав и обязывание органов государственной власти ориентироваться на их содержание при принятии и применении законов. Конституционная норма о судебной защите (ч. 1 ст. 46) образует ядро механизма; внесудебные сегменты – прокурорский надзор, ведомственный контроль, обращение к Уполномоченному по правам человека – встраиваются в эту архитектуру по принципу взаимного дополнения. Поправки 2020 г. дополнили систему положениями о приоритете национальной правовой защиты и о повышенных требованиях к должностным лицам, что детерминирует, по всей видимости, более жёсткий стандарт ответственности правоохранительных органов перед личностью.

Конкретизация рассредоточена. Десятки федеральных законов разной юридической силы образуют мозаику.

ФЗ «О полиции» в действующей редакции реализует конституционные требования через комбинацию принципов и обязанностей: ст. 5 устанавливает обязанность соблюдения прав и свобод как стержневой принцип; ст. 6 – принцип законности; в ст. 12 перечислены обязанности, имеющие правозащитную природу – приём заявлений, оказание помощи, государственная защита потерпевших и свидетелей. В условиях продолжающейся цифровизации правоохранительной деятельности [13] содержание этих обязанностей наполняется новыми технико-организационными требованиями. Соотношение перечисленных положений с расширяющимся в 2024–2025 гг. каталогом полицейских полномочий, кодифицированных в ст. 13, обнаруживает структурную асимметрию: обязанности сформулированы абстрактно, тогда как права полиции – конкретно, с детализацией технических средств и баз данных. По линии Генеральной прокуратуры Российской Федерации закреплена иная конструкция – ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в редакции ФЗ от 30.09.2024 № 334-ФЗ прямо называет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина одной из основных функций. На фоне такого институционального расхождения становится понятно, отчего исследователи отмечают функциональное «соревнование» прокурорского надзора и судебного контроля.

Доктрина это противоречие не сняла. Конституционализация прокурорского надзора – процесс, в течение последнего десятилетия концептуализированный преимущественно в работах российских административистов и специалистов по конституционному праву, – имплицитно расширяет пределы прокурорской компетенции в направлении сегментов, традиционно относимых к судебному контролю. На фоне поправок 2020 г., усиливших роль прокуратуры в системе разделения властей, такое расширение приобретает не только практическое, но и аксиологическое измерение [5]. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 1-П косвенно подтверждает указанную тенденцию, фиксируя верховенство задач правосудия в общем механизме защиты прав. Решение примечательно не только содержанием, но и аргументацией.

Принципиальная коллизия возникает в части полномочий полиции по использованию беспилотных аппаратов и систем биометрической идентификации. Пункт 33 ст. 13 ФЗ «О полиции» в редакции ФЗ от 23.05.2025 № 121-ФЗ, вступившей в силу с 1 сентября 2025 г., расширил перечень технических средств, доступных сотрудникам,

не сопроводив это уточнением материально-правовых пределов. Закон умалчивает о порядке хранения и удаления собранных биометрических данных, о круге субъектов, которым может предоставляться доступ к видеобанкам, о критериях соразмерности применения такой техники в публичных пространствах. В правовой доктрине [1] выдвинут тезис о необходимости введения дополнительной процедуры предварительного судебного санкционирования – по аналогии с судебным контролем за оперативно-розыскной деятельностью; ряд исследователей, обращаясь к развитию методов административно-правового регулирования [8], подчёркивает, что расширение технологического инструментария требует пересмотра традиционных границ предмета и метода соответствующей отрасли. Тезис о предварительном судебном санкционировании, как нам кажется, нуждается в дополнительной верификации. Между тем существует менее радикальный сценарий: конкретизация в подзаконном акте МВД с обязательным согласованием Минцифры России и Роскомнадзора.

Действующая редакция ФЗ от 01.04.2025 № 41-ФЗ дополнительно скорректировала п. 4 ст. 13 ФЗ «О полиции», уточнив условия доступа сотрудников к жилым и иным помещениям при производстве осмотра места происшествия. Конструкция расширения формулировок без корреспондирующего усиления гарантий – повторяющийся паттерн нормотворчества последних трёх лет. Гипотеза, нуждающаяся в верификации: тренд связан с ускоренным процессом адаптации полицейского права к технологическим вызовам, при котором законодатель оперативно расширяет инструментарий, оставляя точечную доработку гарантий «на потом». При очевидной прагматической логике подобный подход формирует риск превращения профильного закона в инструмент исключительно полицейского, а не правозащитного назначения.

Вторая значимая коллизия проявляется на стыке расширительного толкования ст. 13 ФЗ «О полиции» и требований ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации к неприкосновенности частной жизни. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 13-П, хотя и затрагивает уголовно-процессуальный сегмент, формулирует общую установку: суд как орган правосудия обязан обеспечивать соблюдение требований, необходимых для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения. Тем самым высшая инстанция, по сути, возложила на правоохранительные органы дополнительную, прежде эксплицитно не закреплённую обязанность по содействию суду в реконструкции обстоятельств дела. Подобная конструкция распределения процессуальных нагрузок соотносится с общей линией Конституционного Суда на разработку критериев допустимости и пропорциональности правоограничений [10], сформулированных в практике 2020-х гг.: расширяется зона ответственности правоохранительных органов в части собирания и фиксации доказательств с учётом стандартов допустимости. Эффект – не нейтральный.

Это меняет баланс. Между процессуальной экономией и стандартом обоснованности победила вторая категория.

Третья группа дефектов сопряжена с цифровизацией каналов обжалования. Действующее регулирование, во многом унаследованное от Закона Российской Федерации от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», не предусматривает специальных процедур для рассмотрения жалоб, поступающих через портал «Госуслуги» и аналогичные сервисы [3]. Сроки реагирования – 30 дней по умолчанию – сохраняют конструкцию доцифровой эпохи. Технический регламент представляется дискуссионным. Помимо этого, отсутствует унифицированная процедура информирования заявителя о статусе обработки обращения; разные ведомства применяют разные подходы, что снижает предсказуемость взаимодействия гражданина с правоохранительной системой. Развитие электронных каналов опережает темп нормативной адаптации; реакция законодателя – запаздывающая.

Четвёртая зона напряжения обнаруживает себя на стыке ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации...» в редакции от 29.12.2025 и положений о соблюдении прав самих сотрудников. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2024 № 30-П, касающееся ч. 2.1 ст. 65 и п. 6 ч. 2 ст. 82 названного Закона, квалифицировало конституционность отдельных положений с условием их толкования в духе принципов равенства и соразмерности. Высший суд не отменил норму – но сформировал интерпретационный мандат для правоприменителя. Подобная конструкция корректирующего толкования – без формального признания неконституционности – становится, по всей видимости, доминирующим способом разрешения конфликтов в правоохранительной сфере. Преимущества очевидны: сохраняется стабильность нормативной базы. Тёмная сторона – расхождение в правоприменительной практике на местах, не получающие быстрого сглаживания через обзоры Верховного Суда Российской Федерации.

Особую категорию образуют ограничительные режимы, связанные с действием особых правовых состояний; режимы, опирающиеся на нормы ст. 56, 87, 88 Конституции Российской Федерации и развивающие конституционные пределы через профильные федеральные конституционные законы. В современной доктрине фиксируется самостоятельность группы конституционных юстициарных (процессуальных) прав [15], гарантирующих доступ личности к правосудию даже в условиях введения особых правовых режимов; эта категория прав не подлежит свёртыванию без нарушения базовой архитектуры правового статуса личности. Соответствующая проблематика актуализируется применительно к контртеррористическим операциям, а также состояниям, объявляемым в отдельных субъектах в условиях специальной военной операции. Ограничения должны быть соразмерны, целевы и подлежать судебной проверке.

Дополнительный аспект – соотношение полицейских полномочий с международно-правовыми стандартами. После выхода Российской Федерации из юрисдикции Европейского Суда по правам человека формально снят канал внешней правозащитной верификации; вместе с тем общие стандарты – запрет пыток, неприкосновенность личной жизни, право на свободу и личную неприкосновенность – остались закреплёнными в Международном пакте о гражданских и политических правах и в иных международных договорах, обязывающих Российскую Федерацию. Внутренний правозащитный механизм должен компенсировать выпавший внешний контур; задача нетривиальная.

Пятый, менее явный, но устойчивый, дефект – несоответствие подзаконных актов МВД и Следственного комитета Российской Федерации требованию пропорциональности, выработанному Конституционным Судом в Постановлении от 30.05.2025 № 25-П. Подзаконная база, регулирующая порядок проверки сообщений о преступлениях, применения мер пресечения, использования специальных средств, разрабатывалась в разное время и в различных институциональных условиях. Унификации не произошло. Текстуальный разрыв порождает прикладные неудобства – от различий в формулярах процессуальных документов до расхождений в трактовке оснований применения отдельных мер.

Институциональная модель прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина закреплена в гл. 2 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Стандартный инструментарий прокурора – протест, представление, предостережение, постановление – не претерпел существенных изменений, тогда как объект надзора, согласно ст. 1 в редакции ФЗ от 30.09.2024 № 334-ФЗ, включает теперь и контроль за деятельностью Следственного комитета Российской Федерации [6]. Институциональное приращение, обоснованность которого в доктрине оценивается противоречиво, требует методического сопровождения. Без него реформа рискует свестись к нормативной декларации. Расширение предмета без расширения процедурного инструментария редко приносит ожидаемый эффект.

Сопоставление официальных данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2024 г. показывает: по результатам надзорных мероприятий внесено порядка 327,4 тыс. представлений, удовлетворено около 81,3% от числа рассмотренных; при этом доля привлечённых к ответственности должностных лиц по итогам этих представлений зафиксирована на уровне 13,84% – цифра, контринтуитивно невысокая, учитывая декларируемую жёсткость надзора. Расхождение между показателем реагирования и показателем ответственности, вероятно, детерминировано тем, что значительная часть представлений касается технических нарушений документооборота, не сопряжённых с виновным поведением должностного лица. Окончательная интерпретация требует доступа к ведомственной статистике.

Особый сегмент – реагирование на жалобы, связанные с применением физической силы и специальных средств сотрудниками полиции. Гл. 5 ФЗ «О полиции» (ст. 18–24) устанавливает развёрнутый перечень оснований и пределов применения, однако правовая оценка конкретного эпизода в значительной мере переложена на ведомственные служебные проверки. Прокурорский надзор в подобных делах вступает в действие постфактум, что снижает превентивный потенциал инструмента [14]. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30.05.2025 № 25-П (применительно к иному предмету) подчеркнул: ограничительные меры должны быть соразмерны общественной опасности деяния и носить объективно обоснованный характер. Данная установка имеет рамочный характер и для рассматриваемой здесь конструкции. Принцип соразмерности интегрируется в общий стандарт правомерности.

Сетка институциональных связей дополняется деятельностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка, общественных наблюдательных комиссий и иных правозащитных структур. Их акты не обладают прямой юридической силой над

правоохранительными органами, но формируют рекомендательный фон, через который Конституционный Суд иногда черпает аргументацию. Связь – нелинейная. В докладах Уполномоченного по правам человека за 2023 и 2024 гг. зафиксирован рост обращений, связанных с действиями сотрудников полиции (на 7,42% за указанный период); системный характер части нарушений требует не только индивидуального реагирования, но и нормативной коррекции.

Предложения *de lege ferenda*. Целесообразно дополнить ст. 5 ФЗ «О полиции» новой частью, формализующей обязанность сотрудника фиксировать (аудио– или видеозаписью) момент разъяснения гражданину причин и оснований применения мер, ограничивающих его права; такая фиксация стала бы корреспондирующей гарантией реализации уже закреплённого в ч. 4 ст. 5 правила. Целесообразно изложить п. 33 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» в редакции, прямо ограничивающей сроки хранения биометрических данных (не более 90 суток с момента сбора, если отсутствуют процессуальные основания продления) и устанавливающей требование о согласовании формирования видеобанков с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере цифрового развития. Целесообразно дополнить ст. 27 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» положением о приоритетном (10-дневном) сроке рассмотрения жалоб, связанных с предполагаемым ограничением конституционных прав, а также о процедуре цифрового обжалования через единый портал государственных услуг.

Поправки не радикальны. Их потенциал – именно в точности.

Реализация предложений сопряжена с двумя ограничениями. Финансовое: оснащение всех нарядов техническими средствами фиксации потребует значительных капитальных вложений и поэтапного бюджетного планирования. Организационное: ведомственные инструкции МВД России, регулирующие порядок применения подобной техники, требуют переработки и согласования с Министерством юстиции. В литературе обоснованно отмечается, что совершенствование процессуального статуса участников досудебного производства [12] должно сопровождаться синхронной адаптацией правил собирания и фиксации доказательств; этот тезис применим и к рассматриваемой здесь проблематике. Общий контур реформирования укладывается в логику постепенной адаптации, без слома сложившейся правозащитной архитектуры.

Дополнительное направление совершенствования – закрепление в подзаконных актах МВД унифицированного стандарта проведения служебной проверки по обращениям граждан о применении физической силы и специальных средств. Действующая система, при которой результаты проверки зачастую остаются недоступными для заявителя, противоречит логике открытости публичной власти, обозначенной в ст. 24 Конституции Российской Федерации применительно к информации, непосредственно затрагивающей права и свободы. Решение – не обязательно нормативно-инструкционное; здесь возможен формат типового регламента, утверждаемого приказом Министра внутренних дел Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой.

Аналитический разбор обнаружил, что нормативное обеспечение правозащитной функции правоохранительных органов в действующей редакции отличается избирательной конкретизацией – детальной в части полномочий и абстрактной в части соответствующих гарантий. Подобная асимметрия порождает пространство для расширительного толкования полицейских прав без корреспондирующего расширения ответственности. Конституционный Суд Российской Федерации в практике 2024–2025 гг. последовательно сглаживает наиболее острые проявления этой асимметрии, опираясь на технику конституционно-конформного толкования. Линия эта пока не завершена.

Прокурорский надзор сохраняет статус основного институционального инструмента внесудебной защиты прав, но его эффективность лимитирована качеством реагирования на надзорные акты и ведомственной автономией субъектов проверки. Поправки 2024 г., расширившие предметную область надзора, не сопровождаются пересмотром инструментария, что снижает потенциальную отдачу реформы. Ситуация требует комплексной – а не точечной – нормативной коррекции; до её завершения сохраняется ситуативное администрирование пограничных случаев через судебную практику. Логика дальнейших шагов очевидна: законодательная пересборка должна следовать за стабилизацией судебной практики, а не опережать её.

Заключение

Проведённое исследование зафиксировало четыре группы дефектов нормативного обеспечения правозащитной функции правоохранительных органов: избирательную конкретизацию полномочий, отстающую от темпа законодательных изменений детализацию гарантий; функциональное дублирование между прокурорским надзором и судебным

контролем; пробельность регламентации цифровых каналов обжалования; неравномерность подзаконной базы, регулирующей применение новых технических средств. Конституционно-правовое обеспечение прав и свобод правоохранительными органами реализуется через сочетание конституционных принципов прямого действия и отраслевой конкретизации – но сама конкретизация утрачивает целостность по мере ускорения нормотворчества. По итогам надзорных мероприятий 2024 г. удовлетворено свыше 81% представлений прокуратуры. Привлечение к ответственности должностных лиц – порядка 14%.

Точечные поправки в ст. 5, 13 ФЗ «О полиции» и в ст. 27 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» – реалистичный горизонт. В каждой из предложенных поправок прослеживается единая логика: ввести гарантию там, где введена возможность ограничения. Срок реализации – 2026–2027 гг.

На фоне продолжающейся пересборки нормативной базы юриспруденции Конституционного Суда Российской Федерации превращается в фактический источник корректирующих интерпретаций; такая модель разрешения коллизий, при всей её гибкости, не способна заменить плановое совершенствование закона. Зоны несогласованности – от регулирования биометрических систем до сроков рассмотрения цифровых жалоб – требуют законодательного вмешательства, а не только интерпретационных коррективов. Внесудебный правозащитный механизм – прокурорский надзор, ведомственный контроль, омбудсменская система – нуждается в синхронизации с расширяющимся каталогом полицейских полномочий. Открытым остаётся вопрос о соразмерности новых полицейских полномочий, введённых в действие 1 сентября 2025 г.

Литература

1. Виноградов В.А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 72–87. DOI: 10.61205/jrp.2024.097
2. Овчинников А.И., Кроткова Н.В., Фатхи В.И. Человеческая идентичность и права человека в условиях сингулярности: философско-правовое измерение // Государство и право. 2025. № 3. С. 39–48. DOI: 10.31857/S102694520031893-2
3. Постников А.Е. Конституция и развитие конституционно-го анализа // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 5–18. DOI: 10.61205/jrp.2024.029
4. Севрюгин В.Е. Актуальные проблемы развития и совершенствования конституционного законодательства (к 30-летию Конституции Российской Федерации) // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 2. С. 154–166. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-154-166
5. Митусова И.А. Конституционный контроль: принцип верховенства Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 12–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-7-12-17
6. Колесников Е.В. Конституция Российской Федерации и проблемы верховенства закона // Юрист. 2024. № 6. С. 22–28. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-6-22-28
7. Чельницкий И.В. О целях государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 10. С. 56–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.056-070
8. Агагомедова С.А. Теоретико-методологические аспекты сущностного определения предмета и метода современной науки административного права // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 2. С. 97–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107
9. Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 172–188. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188
10. Брежнев О.В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1. С. 31–43. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.031-043
11. Темникова Н.А. Признаки договора простого товарищества в аспекте правоприменительной практики // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 1. С. 113–121. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(1).113-121
12. Морозова О.С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 2. С. 263–273. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273
13. Хатов Э.Б. О некоторых аспектах цифровизации правоохранительной деятельности // Правоохранительная деятельность. 2023. Т. 10. № 1. С. 87–96. DOI: 10.17816/RJLS109325

14. Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 1 // Государство и право. 2024. № 3. С. 39–59. DOI: 10.31857/S1026945224030044

15. Соколов Т.В. Конституционные юстициарные (процессуальные) права: к выявлению и осмыслению феномена // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 4. С. 73–82. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).73-82

IMPROVING THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Khromov E.R.

Central Russian Institute of Management (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The 2020 constitutional reform strengthened the guarantees of personal legal status; however, the law enforcement segment of the state mechanism for protecting human and civil rights and freedoms continues to function under fragmented normative regulation. The 2024–2025 amendments to certain provisions of the Federal Law «On the Police» and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» have exposed conflicts between the expanding scope of powers of law enforcement agencies and the limits of permissible restriction of constitutional rights. The purpose is to identify structural defects of the normative support of the human rights function of these agencies and to develop proposals for their overcoming. The formal legal and comparative legal methods, the method of systemic interpretation, and the generalisation of the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for 2024–2025 are applied. Four groups of defects are recorded: functional duplication between prosecutorial supervision and judicial control; insufficient specification of the procedures for applying new police powers (unmanned vehicles, biometric identification systems); gaps in the regulation of digital appeal channels; uneven secondary regulation. Targeted amendments to Articles 5 and 13 of the Federal Law «On the Police» and Article 27 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» are justified. The conclusions are applicable in the preparation of draft laws and departmental clarifications.

Keywords constitutional rights and freedoms; law enforcement agencies; prosecutorial supervision; legal support; legislation of the Russian Federation; Constitutional Court; judicial protection; de lege ferenda

References

1. Vinogradov V.A. Human and civil rights and freedoms in the digital era: states versus IT giants // Journal of Russian Law, 2024, Vol. 28, No. 9, Pp. 72–87. DOI: 10.61205/jrp.2024.097
2. Ovchinnikov A.I., Krotkova N.V., Fatkh V.I. Human identity and human rights under the conditions of the singularity: a philosophical and legal dimension // State and Law, 2025, No. 3, Pp. 39–48. DOI: 10.31857/S102694520031893-2
3. Postnikov A.E. The Constitution and the development of constitutional analysis // Journal of Russian Law, 2024, Vol. 28, No. 3, Pp. 5–18. DOI: 10.61205/jrp.2024.029
4. Sevryugin V.E. Current problems of development and improvement of constitutional legislation (to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation) // Siberian Law Review, 2024, Vol. 21, No. 2, Pp. 154–166. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-154-166
5. Mitusova I.A. Constitutional control: the principle of supremacy of the Constitution of the Russian Federation // State Power and Local Self-Government, 2024, No. 7, Pp. 12–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-7-12-17
6. Kolesnikov E.V. The Constitution of the Russian Federation and problems of the rule of law // Jurist, 2024, No. 6, Pp. 22–28. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-6-22-28
7. Chechelnitskiy I.V. Objectives of state human rights protection activities in the Russian Federation // Lex Russica, 2023, Vol. 76, No. 10, Pp. 56–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.056-070
8. Agagomedova S.A. Theoretical and methodological aspects of the essential definition of the subject and method of modern administrative law science // Lex Russica, 2024, Vol. 77, No. 2, Pp. 97–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107
9. Gataullin A.G., Zainutdinov D.R. Constitutional justice of the subjects of the Russian Federation: one step forward, two steps back // Actual Problems of Russian Law, 2025, Vol. 20, No. 3, Pp. 172–188. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188
10. Brezhnev O.V. The problem of 'anti-COVID' restrictions of rights in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Actual Problems of Russian Law, 2022, Vol. 17, No. 1, Pp. 31–43. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.031-043
11. Temnikova N.A. Features of a simple partnership contract in the aspect of law enforcement practice // Law Enforcement Review, 2025, Vol. 9, No. 1, Pp. 113–121. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(1).113-121
12. Morozova O.S. Optimization of the composition of participants in criminal pre-trial proceedings // Siberian Law Review, 2024, Vol. 21, No. 2, Pp. 263–273. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273
13. Khatov E.B. On certain aspects of digitalisation of law enforcement activity // Law Enforcement Activity, 2023, Vol. 10, No. 1, Pp. 87–96. DOI: 10.17816/RJLS109325
14. Kleandrov M.I. On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches. Part 1 // State and Law, 2024, No. 3, Pp. 39–59. DOI: 10.31857/S1026945224030044
15. Sokolov T.V. Constitutional judiciary (procedural) rights: towards identifying and understanding the phenomenon // Law Enforcement Review, 2024, Vol. 8, No. 4, Pp. 73–82. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).73-82

Цветков Глеб Эдуардович,

аспирант кафедры конституционного и административного права, СПбГЭУ

В данной статье рассматривается теоретико-правовое соотношение института прав человека и института государственного принуждения. Была проанализирована проблема баланса между правами и свободами человека и публичными интересами государства. Исходя из того, что права человека выступают основой правовой системы государства, был сделан вывод о том, что институт прав человека определяет границы публичной власти и задает критерии допустимости введения ограничений. В статье был сделан вывод о том, что государственное принуждение не является отрицанием прав человека по смыслу: при соблюдении требований законности, необходимости, соразмерности и процессуальных гарантий оно может служить средством защиты прав личности, правопорядка и конституционного строя. В статье также раскрывается противоположная точка зрения, согласно которой конституционно-правовое принуждение способно представлять угрозу правам и свободам человека при злоупотреблении со стороны государственных институтов и отсутствии эффективного контроля со стороны как гражданского общества, так и правозащитных организаций. В конце статьи делается вывод о двойственной природе принуждения и необходимости его регламентированного правового ограничения.

Ключевые слова: Права человека, государственное принуждение, соразмерность, условия правового ограничения, обеспечение правового порядка.

Проблема установления баланса между правами и свободами человека и государственным принуждением является значимой в современной российской юридической науке. С одной стороны, обеспечение права человека со стороны государства подразумевает обязанность государства гарантировать, соблюдать и защищать основные свободы граждан, закрепленные в Конституции (в частности, ст. 17, 18 РФ) и международных актах. С другой стороны, государственное принуждение устанавливает правовые границы и условия, которые ограничивают свободу граждан, деятельность юридических лиц или полномочия органов власти, с целью защиты государственного строя, общества или прав других лиц.

В юридической науке права человека и государственное принуждение имеют сложную структуру взаимодействия. Права человека ограничивают государственную власть и не допускают создания условий, при которых возможно злоупотребление полномочиями. В тоже время, без механизмов принуждения государство не смогло бы исполнять функции по защите прав личности, общественного порядка и конституционного строя. Именно в соблюдении этого баланса, между частным и публичным интересом заключается актуальность данной темы. М.В. Баглай подчеркивает, что проблема ограничения прав состоит не в самом факте ограничения, а в вопросе о субъекте, основании, сроках и пределах такого вмешательства¹.

Согласно российской правовой доктрине, институт прав человека – это не просто перечень юридически закрепленных принципов, регулирующих конституционные правоотношения. Это ценностная основа всей правовой системы, где права человека рассматриваются как важнейший ориентир правового развития государства, который должен быть фактически охраняем со стороны государства. Например, право на жизнь и личную безопасность невозможно обеспечить без правоохранительной системы. Право собственности требует судебной и исполнительной защиты. Право на достоинство личности нуждается в юридических гарантиях от злоупотребления и произвольного вмешательства. Иначе говоря, право должно быть не только провозглашено, но и обеспечено. Н.В. Витрук², исследуя правовое положение личности, указывает, что речь идет не только о закреплении прав, но и об их охране, реализации и защите. То есть права человека важны не только как декларация, но и как реальный критерий деятельности государства: насколько государство действительно соблюдает установленные в Конституции условия, а не только провозглашает это на уровне норм.

Исходя из вышеннаписанного, возникает вопрос регулирования государственных ограничений. Под государственным принуждением обычно понимается властное воздействие, которое осуществляется от имени государства на основании закона и направлено на охрану правопорядка, пресечение противоправного поведения, восстановление нарушенного права и реализацию юридической ответственности. Важно отметить, что принуждение не сводится только к назначению санкций. Сюда могут относиться меры предупреждения, меры пресечения, процессуальные меры, восстановительные меры и меры ответственности.

Однако, само наличие принуждения не наделяет его правовым статусом. Государственное принуждение может быть как необходимым средством защиты права, так и причиной его нарушения. Поэтому важно не просто признать «существование принуждения», а определить условия его допустимости. Как утверждал Н.В. Макареико, «Государственное принуждение должно быть всемерно регламентировано»³. То есть, основным условием допустимости государственного принуждения является его детальная нормативная регламентация.

Взаимодействие института прав человека и института принуждения можно раскрыть через несколько положений. Во-первых, права человека выступают «пределом», ограничением государственного принуждения. Под этим подразумевается, что государство не может применять принудительные меры произвольно, без законного основания, без процедуры и без возможности контроля. Даже когда к лицу применяется правовые ограничения, то это не лишает его статуса носителя прав. Согласно мнению В.В. Лапаевой, «Ограничение прав человека не должно приводить к их умалению»⁴.

¹ М. В. Баглай. «Конституционное право Российской Федерации».

² Н. В. Витрук. Общая теория правового положения личности.

³ Н. В. Макареико. «Право и принуждение: к вопросу о взаимосвязи».

⁴ В.В. Лапаева «Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации».

Во-вторых, государственное принуждение выполняет охранительную функцию. В случае нарушения прав человека, государство обязано осуществлять определённые действия для пресечения правонарушения. В противном случае, право из категории «принципы государственного устройства» перейдет в категорию «формальных условий». Поэтому ограничительные меры направлены именно на защиту прав личности. В таком определении принуждение является не противоположностью прав человека, а способом их обеспечения.

В-третьих, правомерность принуждения определяется не фактом его применения, а его «качеством». Оно должно быть законным, оправданным и соразмерным. В противном случае оно теряет правовой характер и превращается в форму давления или насилия. Данный тезис поддерживает автор статьи «Правовая и антиправовая природа государственного принуждения и насилия», В.В. Антонченко: «Государственное принуждение может принимать форму насилия...»¹. То есть, принуждение может быть правовым механизмом охраны правопорядка, но при утрате контроля со стороны института прав человека оно способно трансформироваться в насилие.

Ряд исследователей обращает внимание на то, что государственное, в частности, конституционно-правовое, принуждение всегда несет риск для прав и свобод человека. Смысл этой позиции состоит в том, что любое принуждение по своей природе ограничивает свободу личности. Даже если оно закреплено в законодательстве, это не означает, что оно справедливо и правомерно по существу. Так, Б.С. Эбзеев считает, что между допустимым ограничением и недопустимым умалением прав существует тонкая граница: «ограничение основных прав особенно тесно сопрягается с их умалением»². То есть, опасность конституционного принуждения состоит в том, что под видом ограничения может фактически происходить отмена или ущемление прав и свобод. Такую же точку зрения разделяет В. Г.: «Ограничения не должны быть скрытой формой отмены или умаления прав...»³.

Такое мнение можно считать валидным, если основания для применения ограничений носят абстрактный характер: защиту безопасности, общественного порядка, стабильности, нравственности, конституционного строя. Эти цели сами по себе значимы, но расплывчатость определения может приводить к чрезмерному вмешательству в сферу прав человека. Например, под предлогом охраны публичных интересов возможно неоправданно ограничивать свободу выражения мнения, свободу собраний или иные политические права.

Именно поэтому в научной литературе проводится разграничение между правовым принуждением и насилием. Данная проблема была рассмотрена в работах Н.В. Макареико и В.В. Антонченко, где подчеркивается, что не всякое государственное воздействие, даже формально легальное, по сути является правовым. В случае, если мера чрезмерна, непрозрачна, не подлежит реальному контролю со стороны общественных организаций и фактически используется не для защиты права, а иных целей, тогда такое государственное воздействие является не правовым принуждением, а государственным насилием.

Таким образом, проблема заключается не в наличии государственного принуждения как института. Государство не может выполнять взятые на себя обязательства без применения принуждения. Для правомерного введения ограничений необходимо определить, при каких условиях оно остается в рамках закона.

Для решения вышеописанной проблемы, можно выделить несколько условий. Первое условие – это законность. Мера принуждения должна прямо опираться на норму закона, а не на произвольное усмотрение должностного лица или государственного органа. Второе – легитимная цель. Принуждение допустимо тогда, когда оно действительно направлено на защиту прав других лиц, общественной безопасности, правопорядка или восстановление нарушенного права. Третье – необходимость. Государство не должно прибегать к принуждению там, где возможны более мягкие правовые средства⁴. Как утверждал В.А. Лебедев – «Ограничение прав и свобод – это... исключение из правил, а не само правило». Четвертое – соразмерность. Ограничение прав не должно быть чрезмерным по отношению к той цели, ради которой оно вводится. Пятое – процессуальные гарантии. Субъект права должен иметь возможность защитить свои права в судебном по-

рядке – «Право на судебную защиту... носит абсолютный характер»⁵, утверждал Н.С. Бондарь.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что институт прав человека и институт государственного принуждения нельзя рассматривать в качестве противоположных элементов правовой системы. С одной стороны, права человека выступают ограничительным порогом для государственного принуждения и защищают личность от произвола власти. С другой стороны, государственное принуждение при соблюдении правовых требований и условий может быть средством охраны самих прав человека. Однако необходимо учитывать риски введения ограничений. Принуждение требует строгого контроля, потому что именно в этой сфере особенно велика вероятность подмены правомерного принуждения государственным насилием.

Литература

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М.В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – Москва: Норма, 2007. – 784 с.
2. Лазарев, В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 35–47.
3. Макареико, Н.В. Право и принуждение: к вопросу о взаимосвязи / Н.В. Макареико // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – Вып. 2 (7): Власть и право. – С. 329–337.
4. Лапаева, В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации / В.В. Лапаева // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 14–24.
5. Бондарь, Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации: монография / Н.С. Бондарь. – Москва: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
6. Романовский, В.Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России / В.Г. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2019. – Т. 7, № 4 (28). – С. 16–21.
7. Лебедев, В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина / В.А. Лебедев // Lex Russica. – 2017. – № 1 (122). – С. 130–139.
8. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – Москва: Юридическая литература, 2005. – 574, [1] с.
9. Антонченко, В.В. Правовая и антиправовая природа государственного принуждения и насилия / В.В. Антонченко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Т. 11, № 2 (42).

HUMAN RIGHTS AND THE INSTITUTION OF COERCION: A THEORETICAL JUSTIFICATION OF INTERACTION

Tsvetkov G.E.

Saint Petersburg State University of Economics

This article examines the theoretical and legal relationship between the institution of human rights and the institution of state coercion. The issue of balancing individual rights and freedoms with the public interests of the state was analyzed. Based on the fact that human rights form the foundation of the state's legal system, it was concluded that the institution of human rights defines the boundaries of public authority and sets the criteria for the permissibility of imposing restrictions. The article concludes that state coercion does not inherently negate human rights: when complying with the requirements of legality, necessity, proportionality, and procedural guarantees, it can serve as a means of protecting individual rights, the rule of law, and the constitutional order. The article also develops an opposing viewpoint, according to which constitutional and legal coercion can pose a threat to human rights and freedoms when abused by state institutions and in the absence of effective oversight by both civil society and human rights organizations. The article concludes with a conclusion on the dual nature of coercion and the need for its regulated legal limitations.

Keywords: Human rights, state coercion, legal theory, conditions of legal restrictions, ensuring legal order.

References

1. Baglai, M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: a textbook for universities / M.V. Baglai. – 6th ed., amended and supplemented. – Moscow: Norma, 2007. – 784 p.
2. Lazarev, V.V. Restriction of Rights and Freedoms as a Theoretical and Practical Problem / V.V. Lazarev // Journal of Russian Law. – 2009. – № 9. – Pp. 35–47.
3. Makareyko, N.V. Law and Coercion: On the Issue of the Interrelation / N.V. Makareyko // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Law. – 2003. – Issue 2 (7): Authority and Law. – Pp. 329–337.

⁵ Н. С. Бондарь. «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации».

¹ В. В. Антонченко. «Правовая и антиправовая природа государственного принуждения и насилия».

² Б. С. Эбзеев. «Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации».

³ В. Г. Романовский. «Ограничения прав человека в современном конституционном праве России».

⁴ В. А. Лебедев. «Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина».

4. Lapayeva, V.V. Criteria for Limiting Human and Civil Rights in the Constitution of the Russian Federation / V.V. Lapayeva // *State and Law*. – 2013. – № 2. – Pp. 14–24.

5. Bondar, N.S. Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation: Monograph / N.S. Bondar. – Moscow: Yustitsinform, 2005. – 592 p.

6. Romanovsky, V.G. Limitations of Human Rights in Modern Constitutional Law of Russia / V.G. Romanovsky // *Electronic Scientific Journal «Science. Society. State»*. – 2019. – Vol. 7, № 4 (28). – Pp. 16–21.

7. Lebedev, V.A. Constitutional Foundations of Restrictions on the Rights and Freedoms of Man and Citizen / V.A. Lebedev // *Lex Russica*. – 2017. – № 1 (122). – P. 130–139.

8. Ebzeev, B.S. Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation / B.S. Ebzeev. – Moscow: Legal Literature, 2005. – 574, [1] p.

9. Antonchenko, V.V. Legal and Anti-Legal Nature of State Coercion and Violence / V.V. Antonchenko // *Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic and Legal Research*. – 2025. – Vol. 11, № 2 (42).

Истечение срока сертификата КЭП как утрата доказательственного значения. Проблема «вечной подписи» в арбитражной практике 2024–2026 гг.

Чертков Николай Николаевич,

аспирант, кафедра – Теоретико-исторические правовые науки,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Байкальский
государственный университет»
E-mail: @sk1merland@yandex.ru

Переход юридического взаимодействия в цифровую среду разрушил традиционную связь воли сторон, текста, физического носителя. Сегодня обозначается разрыв между длительными сроками хранения документации и коротким периодом валидности сертификата квалифицированной электронной подписи. Указанное противоречие формирует опасный правовой вакуум: в арбитражной практике 2024–2026 гг. столкнулись формальный (отклонение доказательств при сбое автоматической проверки) и функциональный (исследование штампов времени и исторического контекста) подходы судов к оценке документов с истекшими сертификатами. Цель в статье – концептуальное разрешение проблемы утраты электронным файлом доказательственной силы при техническом устаревании криптографического ключа. В ходе анализа обосновывается, что истечение срока сертификата не способно аннулировать факт совершения сделки в прошлом. Техническое событие лишь трансформирует процессуальный механизм (перераспределяет бремя доказывания аутентичности волеизъявления). Делается вывод о том, что при наличии доверенного штампа времени (TSP) документ обязан сохранять юридическую значимость в полном объеме. Авторский вклад заключается в разработке комплекса точечных новелл для Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Предложено закрепить презумпцию исторической действительности подписи, легализовать доказательственный иммунитет метки времени, установить императивные требования к использованию форматов долгосрочного хранения данных операторами документооборота.

Ключевые слова: арбитражная практика, «вечная подпись», доказательственное значение, квалифицированная электронная подпись, метка времени, электронный документооборот

Введение

Переход юридического взаимодействия из материальной плоскости в цифровую среду долго воспринимался, в основном, как техническая модернизация. Поначалу смена носителя (с бумаги на «цифру») действительно казалась делом сугубо прикладным. По существу, правовая система незаметно утратила то, на чем столетиями базировалась уверенность в незыблемости договоренностей – физическую основу, саму материю юридического документа. Юрист классической школы привык работать с осязаемой вещью. Воля сторон, буквенный текст, собственноручный росчерк в традиционной парадигме слиты в едином предмете, который можно поместить в сейф, а спустя десятилетия извлечь и предъявить на судебном заседании. Традиционный бумажный лист выполнял три задачи одновременно: фиксировал содержание, идентифицировал подписанта, служил естественной преградой для фальсификаций. Любое несанкционированное вторжение оставляло видимый физический след.

В цифровом же пространстве указанное неразрывное триединство распадается на разрозненные технологические элементы. Текст трансформируется в последовательность битов; подпись превращается в математический алгоритм. Сам «документ» перестает существовать как устойчивый физический объект. Он возникает лишь на мгновение, когда вычислительная машина выводит его на экран. Цифровой код лишен телесности. Каждую секунду своего существования он нуждается во внешнем подтверждении собственной целостности. Именно здесь возникает фундаментальное онтологическое противоречие, которое стало источником острых процессуальных конфликтов в арбитражной практике 2024–2026 гг.

Материалы и методы

Выбор публикаций для раскрытия заявленной темы был продиктован многогранностью проблемы «вечной подписи», которая требует анализа на стыке цивилистики, арбитражного процесса, информационных технологий. Подобранный массив источников помогает проследить эволюцию отношения к электронным доказательствам от их внедрения в оборот до актуального кризиса долгосрочного хранения цифровой документации.

Так, технико-ориентированный подход, отраженный в работах С. Азаровой [1], К. Шавровой [9], А.Ю. Щербакова [10], концентрирует внимание читателя на алгоритмах обеспечения безопасности, метках времени, стандартах архивации данных. Цивилистический (догматический) ракурс, который развивают С.Д. Кадырова [2], Д.К. Сапаров [3], Н.И. Соловьяненко [5, 6], направлен на адаптацию классических правовых категорий доверия, надежности, ответственности к виртуальной среде, где электронная подпись рассматривается, прежде всего, как инструмент фиксации волеизъявления сторон. Особое значение имеет правоприменительный подход, представленный в трудах О.А. Селезневой, Д.С. Батченко, Н.И. Плетнева [4], Н.Н. Чертова [8], а также в прикладных материалах [7, 11]. В этих источниках предметно анализируются процессуальные коллизии, с которыми сталкиваются суды и практикующие юристы при машинной проверке невалидных сертификатов.

В литературе прослеживаются противоречия и пробелы. Ключевое расхождение кроется в явном диссонансе между техническим восприятием сертификата (где окончание срока действия означает математическую ошибку валидации) и юридической природой сделки (факт совершения которой в прошлом не может быть отменен программно). Авторы успешно диагностируют проблему утраты документом доказательственного значения [4, 8], однако в исследованиях практически не представлены четкие процессуальные алгоритмы для арбитражных инстанций по перераспределению бремени доказывания. Институциональным пробелом остается и слабая доктринальная проработка статуса метки доверенного времени (TSP) как самостоятельного юридического факта, способного легализовать «вечную подпись», из-за чего разрешение споров сегодня часто остается на субъективное усмотрение судьи.

В основу проведенного исследования и написания статьи положена совокупность научных методов: системно-структурный, формально-

юридический, эмпирический метод анализа правоприменительной практики, синтез полученных данных, обобщение.

Результаты и обсуждение

Российский законодатель выстроил трехуровневую иерархию подписей: простая (ПЭП), усиленная неквалифицированная (УНЭП), усиленная квалифицированная (УКЭП). Каждая из них решает свои задачи, но ни одна не застрахована от фактора времени.

Наиболее острая проблема сегодня – долгосрочное хранение данных и так называемой «вечной подписи». В отличие от классических архивных папок, способных лежать на полках столетиями, электронный файл рискует стать нечитаемым или юридически ничтожным уже через несколько лет. Квалифицированная электронная подпись (КЭП) в нашей стране признается равнозначной собственноручной. Одновременно с этим, ее легитимность жестко привязана к сертификату ключа проверки, срок действия которого в среднем не превышает 12–15 месяцев. Между тем, периоды хранения ключевых материалов (бухгалтерских, кадровых, налоговых) варьируются от 5 до 50 лет. Возникает опасный правовой вакуум. Что именно происходит с оригиналом файла после того, как его криптографический «замок» формально «сгорает»? Стандартная машинная валидация выдает ошибку. В итоге у неподготовленной стороны складывается стойкая иллюзия утраты документом доказательственного значения [1, 3–6].

Арбитражные суды Российской Федерации в 2024–2026 гг. начали массово сталкиваться с исками по старым контрактам, где сертификаты КЭП давно аннулированы либо истекли. Одни инстанции отказывают в защите нарушенных прав, применяя сугубо формальный подход из-за невозможности технической проверки. Другие, напротив, глубоко исследуют штампы времени (технология LTV) и оценивают добросовестное поведение партнеров. В связи с этим подчеркнем, что назрела острая необходимость доктринального переосмысления [7, 9–11].

Российский законодатель пошел по пути функциональной эквивалентности. Согласно статье 160 Гражданского кодекса РФ, сделка в виртуальной среде приравнена к письменной форме, если можно достоверно определить субъекта волеизъявления и воспроизвести текст. КЭП создает жесткую презумпцию авторства и неизменности. Разумеется, эти презумпции опровержимы. На практике возникает парадокс. Текст статьи 11 Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» требует наличия действующего сертификата исключительно на момент подписания. Однако нормативная база умалчивает о том, как оценивать цифровой объект спустя несколько лет. С технологической точки зрения, выход давно найден. Форматы архивных подписей (в частности, CAdES-A) внедряют доказательственную базу прямо внутрь файла: метки доверенного времени (TSP) и статусы (OCSP). Они обеспечивают функцию Long-Term Validation (LTV). Специализированные архивные криптографические комплексы способны массово валидировать такие массивы данных. Впрочем, прямого обязывания использовать LTV-решения в законе нет. Вследствие этого отметим, что российский гражданский оборот несет повышенные издержки по сравнению с европейскими юрисдикциями.

В процессуальных кодексах (например, ст. 75 АПК РФ) цифровые материалы признаются письменными доказательствами. Но специальных регламентов их оценки не существует. В актуальной правоприменительной деятельности выкристаллизовались два диаметрально противоположных алгоритма (см. таблицу 1).

Таблица 1. Подходы арбитражных судов к оценке КЭП с истекшим сроком действия (составлено на основе [2, 7, 8, 11])

Парадигма суда	Суть аргументации	Процессуальные последствия
Формальный подход	Машинная проверка дает сбой. Нарушены условия Ф3 № 63-ФЗ. Невозможно подтвердить целостность	Отказ в приобщении акта как недопустимого доказательства. Возложение убытков на истца
Функциональный подход	Ключ был валиден в момент фиксации воли. Умысел на искажение данных отсутствует	Сделка признается аутентичной. Бремя опровержения переходит к ответчику

В сопоставлении с более ранними подходами, формализм сегодня приводит к блокировке справедливого правосудия. Судья попросту не располагает инструментами для валидации атрибутов. Если истец не использовал нотариат или архивный стандарт CAdES-A, ему приходится инициировать дорогостоящую компьютерно-техническую экспертизу. Эксперт анализирует метаданные, логи информационных систем. Видимо, правоприменителям следует окончательно сместить фокус с автоматической атрибуции на системный анализ контекста спора.

Функциональное направление судебной практики исходит из фундаментальной посылки: техническое устаревание сертификата само по себе не способно аннулировать юридический факт совершения сделки в прошлом. Знаковым прецедентом здесь служит Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 декабря 2024 года по делу № А40–173306/2024. Фабула дела строилась вокруг взыскания крупной задолженности (более 17 млн рублей). Истец предоставил акты сверки взаимных расчетов за 2023 г., подписанные КЭП, срок действия сертификата которой к моменту суда вызывал вопросы. Суд, продемонстрировав глубокое понимание предмета, принял документ в качестве надлежащего доказательства. Так, в тексте решения суд прямо указал на решающее значение технологии Time-Stamp Protocol (TSP): имеется штамп времени, который подтверждает подписание документа в момент действия сертификата. КЭП гарантирует неизменность информации с момента подписания документа. Для генерации КЭП используются сертифицированные средства криптографической защиты¹.

Примечательно, что в данном случае суд самостоятельно разделил понятия «срок действия сертификата» и «юридическая значимость зафиксированного времени подписания». Если штамп времени от доверенной службы доказывает, что в конкретную секунду в прошлом сертификат был валиден, а хеш-сумма документа с тех пор не изменилась, доказательственная сила сохраняется в полном объеме.

В рамках функционального подхода также активно привлекаются косвенные доказательства. Если проверка КЭП затруднена, судебный орган обращается к системным логам операторов электронного документооборота (ЭДО), анализирует историю маршрутизации пакетов данных, платежные поручения об оплате по оспариваемому договору, деловую переписку сторон.

Истечение срока действия криптоключа не превращает контракт в ничтожную запись. Юридическая сила нигде не исчезает. Меняется лишь процессуальный механизм – распределение бремени доказывания. Пока КЭП «жива», действует презумпция подлинности. Когда период валидности вышел, она трансформируется: теперь сторона, которая защищает сделку, должна продемонстрировать иные маркеры аутентичности (акты сверки, конклюдентные действия, деловую переписку).

В целях устранения институционального пробела предлагается внедрить точечные законодательные новеллы:

- уточнение статуса оригиналов. Дополнить статью 11 Ф3 № 63-ФЗ правилом («Электронный документ сохраняет доказательственное значение после истечения сертификата, если на момент формирования последний был действителен»);
- иммунитет метки времени. Внести в статью 6 положение о сохранении презумпции неизменности при наличии штампа TSP. Сторона, заявляющая о фальсификации, обязана доказывать обратное;
- технологические императивы. Утвердить требования к форматам долгосрочного хранения (XAdES-A, CAdES-A) для всех корпоративных операторов ЭДО.

Перечисленные выше инициативы помогут решить проблему «вечной подписи», сняв избыточную нагрузку с аппарата судов.

Заключение

Текущая «архитектура» электронного документооборота страдает от институциональной близорукости. Предприниматели научились быстро и надежно заключать контракты в сети, однако законодатель до сих пор не обеспечил прозрачные механизмы их юридического «выживания» во времени. Приравнение квалифицированной подписи к собственноручному росчерку работает безупречно лишь на коротких дистанциях. В долгосрочной перспективе алгоритмы неминуемо устаревают, а ключи проверки массово аннулируются. Между тем, сама правовая природа документа, с помощью которого фиксируется волеизъявление сторон, не может и не должна зависеть от сроков годности криптографического программного обеспечения.

Полученные в ходе анализа арбитражной практики результаты доказывают: истечение валидности ключа является сугубо техническим событием. Оно само по себе не отменяет факта совершения сделки. Предложенные в работе изменения в Федеральный закон № 63-ФЗ обладают практической значимостью. Они ориентированы на гармонизацию отечественного права с передовыми международными стандартами, в частности, с принципами ЮНСИТРАП и европейским Регламентом eIDAS. Внедрение презумпции исторической действительности подписи (при условии наличия доверенного штампа времени) позво-

¹ Арбитражный суд города Москвы. Решение от 23 декабря 2024 года дело № а40–173306/2024 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310753265> (дата обращения: 23.05.2026).

лит арбитражным судам окончательно отказаться от пагубного технологического формализма.

В дальнейшем сформулированные выводы могут быть успешно применены при разработке Пленумом Верховного Суда РФ новых руководящих разъяснений, касающихся оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе. Помимо этого, парадигма перераспределения бремени доказывания способна стать основой для обновления корпоративных регламентов долговременного хранения данных в банковском и промышленном секторах.

Как представляется, выстраивание прочного, научно обоснованного «моста» между переходящими компьютерными технологиями и вечными фундаментальными категориями права обеспечит подлинную стабильность гражданского оборота в наступившую цифровую эпоху. Разумно предположить, что без скорейшей ликвидации описанного правового вакуума риски утраты доказательственной базы будут лишь масштабироваться, нанося невосполнимый ущерб экономике страны.

Литература

1. Азарова С. Что изменят поправки к закону об электронной подписи для архивов // URL: https://ecm-journal.ru/material/chto_izmenjat_popravki_k_zakonu_ob_ehlektronnoj_podpisi_dlja_arkhivov (дата обращения: 23.05.2026).
2. Кадырова С.Д. Правовая доктрина и цивилистическая характеристика квалифицированной электронной подписи в контексте оборота цифровых финансовых активов // Закон и власть. – 2026. – № 1. – С. 69–71.
3. Сапаров Д.К. Правовое регулирование электронного документооборота и цифровых подписей // Холодная наука. – 2025. – № 14. – С. 86–108.
4. Селезнева О.А., Батченко Д.С., Плетнев Н.И. Действительность усиленной квалифицированной электронной подписи, или исчезающие чернила // Закон. – 2024. – № 9. – С. 83–90.
5. Соловьяненко Н.И. Взаимосвязь категорий «надежность» и «ответственность» в системе правового регулирования и применения электронной подписи // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21. – № 5. – С. 116–121.
6. Соловьяненко Н.И. Юридические критерии доверия в сфере электронной подписи: правовые принципы и требования, федеральный государственный контроль // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 12. – С. 228–234.
7. Срок действия сертификата электронной подписи // URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/srok_dejstviya_sertifikata_elektronnoj_podpisi/ (дата обращения: 23.05.2026).
8. Чертков Н.Н. Квалифицированная электронная подпись как ключевой атрибут электронного юридического документа: проблемы правоприменения // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 293–298.
9. Шаврова К. 5 способов повысить безопасность электронной подписи // БИТ. Бизнес & Информационные технологии. – 2024. – № 2 (135). – С. 14–16.
10. Щербаков А.Ю. О принципиальных проблемах проверки электронной подписи и подтверждения прав // Вестник современных цифровых технологий. – 2025. – № 22. – С. 34–37.
11. Ярмоц А.О. 5 типичных ошибок бухгалтеров с электронной подписью в 2026 г. // URL: <https://www.klerk.ru/blogs/yarsoft/690645/#chapter-chto-my-ispolzuem-v-yarsoft> (дата обращения: 23.05.2026).

EXPIRATION OF THE CEP CERTIFICATE AS A LOSS OF EVIDENTIARY VALUE. THE PROBLEM OF THE «ETERNAL SIGNATURE» IN ARBITRATION PRACTICE 2024–2026

Chertkov N.N.
Baikal State University

The transition of legal interaction to a digital environment has destroyed the traditional connection between the will of the parties, the text, and the physical medium. Today, there is a gap between the long shelf life of documentation and the short validity period of a qualified electronic signature certificate. This contradiction creates a dangerous legal vacuum in arbitration practice in 2024–2026. The formal (rejection of evidence in case of failure of automatic verification) and functional (investigation of time stamps and historical context) approaches of courts to the evaluation of documents with expired certificates collided. The purpose of the article is a conceptual solution to the problem of the loss of evidentiary value by an electronic file with the technical obsolescence of a cryptographic key. During the analysis, it is proved that the expiration of the certificate is not able to cancel the fact of the transaction in the past. A technical event only transforms the procedural mechanism (redistributes the burden of proving the authenticity of the will). It is concluded that if there is a trusted time stamp (TSP), the document must retain its full legal significance. The author's contribution consists in the development of a set of point novels for Federal Law No. 63-FZ "On Electronic Signatures". It is proposed to consolidate the presumption of the historical validity of the signature, legalize the evidentiary immunity of the timestamp, and establish imperative requirements for the use of long-term data storage formats by document management operators.

Keywords: arbitration practice, "eternal signature", evidentiary value, qualified electronic signature, timestamp, electronic document management

References

1. Azarova, S. What changes will the amendments to the electronic signature law bring for archives // URL: https://ecm-journal.ru/material/chto_izmenjat_popravki_k_zakonu_ob_ehlektronnoj_podpisi_dlja_arkhivov (accessed: 23.05.2026).
2. Kadyrova, S.D. Legal doctrine and civilistic characteristics of a qualified electronic signature in the context of digital financial asset turnover // Law and Power. – 2026. – No. 1. – Pp. 69–71.
3. Saparov, D.K. Legal regulation of electronic document management and digital signatures // Cold Science. – 2025. – No. 14. – Pp. 86–108.
4. Selezneva, O.A., Batchenko, D.S., Pletnev, N.I. Validity of an enhanced qualified electronic signature, or disappearing ink // Law. – 2024. – No. 9. – Pp. 83–90.
5. Solovyanyenko, N.I. The relationship between the categories of "reliability" and "responsibility" in the system of legal regulation and application of electronic signatures // Problems of Economics and Legal Practice. – 2025. – Vol. 21. – No. 5. – Pp. 116–121.
6. Solovyanyenko, N.I. Legal criteria of trust in the field of electronic signatures: legal principles and requirements, federal state control // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. – 2025. – No. 12. – Pp. 228–234.
7. Validity period of an electronic signature certificate // URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/srok_dejstviya_sertifikata_elektronnoj_podpisi/ (accessed: 23.05.2026).
8. Chertkov, N.N. Qualified electronic signature as a key attribute of an electronic legal document: problems of law enforcement // Legal Science. – 2025. – No. 11. – Pp. 293–298.
9. Shavrova, K. 5 ways to increase the security of electronic signatures // BIT. Business & Information Technology. – 2024. – No. 2 (135). – Pp. 14–16.
10. Shcherbakov, A. Yu. On the fundamental problems of electronic signature verification and confirmation of rights // Bulletin of Modern Digital Technologies. – 2025. – No. 22. – Pp. 34–37.
11. Yarmots, A.O. 5 typical mistakes of accountants with electronic signatures in 2026 // URL: <https://www.klerk.ru/blogs/yarsoft/690645/#chapter-chto-my-ispolzuem-v-yarsoft> (accessed: 23.05.2026).

Использование биометрии и автоматизированных систем анализа рисков в миграционном контроле РФ: правовые основы и судебный контроль

Шевцов Лев Фёдорович,

аспирант, кафедра политических процессов и технологий,
Автономная некоммерческая организация высшего
образования «Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского»
E-mail: lev_shevtsov@mail.ru

На фоне повсеместной информатизации государственного управления классические механизмы отслеживания потоков иностранных граждан объективно исчерпывают свою результативность. Внедрение биометрических технологий и предиктивных систем на базе искусственного интеллекта служат сегодня не рядовой технической новацией, а фундаментальным условием обеспечения национальной безопасности. Цель исследования заключается в комплексном анализе правовых основ применения биометрии и автоматизированных аналитических комплексов в миграционном контроле РФ (с учетом законодательных новелл 2024–2026 годов), а также в оценке динамики института судебного контроля за процедурами принудительного удаления нелегалов с территории страны. В ходе работы установлено, что в России формируется принципиально новый режим регулирования – цифровое миграционное право, которое базируется на негласной презумпции технологической безошибочности электронных реестров. Видимо, судебный контроль окончательно утрачивает роль первичного арбитра при выяснении обстоятельств правонарушения, превращаясь в инструмент исключительно последующей (апостериорной) проверки легитимности работы профильного программного обеспечения. Представленный материал будет востребован законодательными структурами (в первую очередь, профильными комитетами Государственной Думы) при проектировании поправок в Кодекс об административных правонарушениях РФ. Помимо этого, выводы применимы в работе практикующих адвокатов, сотрудников правоохранительных ведомств.

Ключевые слова: административное выдворение; биометрическая идентификация; искусственный интеллект; миграционный контроль; реестр контролируемых лиц; цифровое право

Введение

Значимость теоретического и практического осмысления динамики миграционного контроля в Российской Федерации обусловлена стремительным переходом государственного управления в цифровую среду. В течение последних лет соответствующая политика претерпевает фундаментальные изменения. Происходит смещение фокуса с реактивных мер реагирования на предиктивную аналитику, тотальную биометрическую верификацию. Как представляется, устоявшиеся прежние методы контроля за перемещением иностранных граждан объективно исчерпали свой потенциал ввиду возросшей мобильности населения, весомого усложнения схем легализации пребывания. Вследствие этого отметим, что внедрение биометрических технологий, автоматизированных систем анализа рисков становится не рядовым техническим новшеством, а базовой парадигмой обеспечения национальной безопасности страны.

По существу, сегодня наблюдается формирование принципиально новой правовой реальности. В ней физическое пересечение границы и нахождение на территории государства неразрывно связаны с созданием и постоянным обновлением «цифрового двойника» мигранта. Интеграция подобных систем закономерно порождает ряд сложнейших юридических коллизий, которые касаются соблюдения равновесия между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и публичным интересом в сфере противодействия нелегальной миграции. Видимо, именно поиск хрупкого баланса и определяет вектор развития современного законодательства. Примечательно, что процесс цифровизации миграционного администрирования сопровождается существенным перераспределением полномочий между органами исполнительной власти и судами. А это требует глубокого анализа.

В рамках статьи предметом пристального внимания станут недавно вступившие в силу законодательные акты, в частности, положения о реестре контролируемых лиц, а также эмпирические результаты первых этапов биометрического эксперимента на государственной границе. Изучение указанных аспектов поможет как определить текущие правоприменительные проблемы, так и спрогнозировать последующую эволюцию института миграционного контроля в реалиях повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта.

Материалы и методы

Проанализированный при написании статьи библиографический массив отражает стремительную технологическую и нормативно-правовую перенастройку миграционного контроля в Российской Федерации, сочетая академические исследования с анализом актуальной правоприменительной практики и новостной повестки. А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, А.И. Жихарев исследуют фундаментальное обновление правового регулирования внешней миграции [1]. Это находит детальное развитие в трудах А.А. Кухаренко [5] и Т.Ю. Шестовой [11], которые фиксируют хронологию изменений государственной политики в течение последних лет. Технологический аспект введения в практику биометрии как ключевого инструмента идентификации подробно разбирается в изыскании Ф.Н. Фаталиевой и Ш.К. Шихалиева. Эти авторы описывают архитектуру информационно-поисковых систем [10]. Перспективы использования искусственного интеллекта для автоматизированного анализа рисков обозначаются Е. Кузнецовой [4]. Практическая эффективность биометрического контроля подтверждается статистическими сводками о выявлении нарушителей, приводимыми П. Мотызлевской [7], а комплексный, в том числе, финансово-репрессивный срез госполитики, в том числе, расходы на выдворение, обязательную дактилоскопию на границе, ведение реестра контролируемых лиц, освещается в материалах Д. Калининой [3], профильных публицистических обзорах [2, 6, 8], практических юридических разъяснениях [9].

Выбор указанных источников объясняется междисциплинарной природой темы, которая требует синтеза доктринальных правовых подходов, анализа технологических новаций, оценки реальных статистических показателей в целях формирования объективного представления о переходе отечественного миграционного контроля к автоматизированным риск-ориентированным моделям.

Несмотря на обширную фактологическую базу, в рассмотренных материалах обнаруживаются существенные пробелы, прежде всего, в части детального научного анализа механизмов судебного контроля за решениями, которые принимаются автоматизированными алго-

ритмами оценки рисков. Имеется явная недосказанность в вопросах гарантий защиты собираемых биометрических данных иностранных граждан от несанкционированного доступа.

При подготовке данной статьи использовался формально-юридический метод (для детального анализа обновленной нормативной базы миграционного законодательства), правовое прогнозирование, позволившее оценить последствия полномасштабного внедрения систем искусственного интеллекта в работу правоохранительных органов. Наряду с этим, применялся системно-структурный анализ, благодаря которому разрозненные эмпирические данные медийных порталов, статистика выдворений, теоретические концепции были интегрированы в единое и связанное понимание текущего вектора развития миграционной политики российского государства.

Результаты и обсуждение

Масштабная цифровизация миграционного контроля в России получила мощный импульс с принятием Постановления Правительства РФ от 7 ноября 2024 года № 1510. Оно дало старт эксперименту по сбору биометрических персональных данных у въезжающих иностранных граждан. В отличие от предшествующих подходов, где геномная и биометрическая регистрация носила ограниченный либо добровольный характер, новая модель изначально проектировалась как всеобъемлющая. На первом этапе, который был запущен в декабре 2024 года, сбор данных осуществлялся в крупнейших воздушных гаванях московского авиаузла (Шереметьево, Домодедово, Внуково, Жуковский) и на автомобильном пункте пропуска Маштаково.

Одновременно с этим, законодатель ввел жесткую привязку доступа к базовым услугам к рассматриваемой идентификации. Так, начиная с 2025 года приобретение SIM-карт иностранными гражданами и лицами без гражданства стало возможным исключительно при условии подтверждения личности через Единую биометрическую систему (ЕБС). К середине 2025 года в ней зарегистрировалось свыше 1,5 миллионов иностранных граждан более чем из 130 стран мира. Причем, подавляющее большинство (около 90%) составили выходцы из государств ближнего зарубежья [3]. По-видимому, подобная интеграция коммерческих сервисов и государственных баз данных оказалась весьма действенным инструментом легализации миграционных потоков.

Эмпирические результаты применения технологии распознавания лиц оказались достаточно показательными. По официальным сводкам, которые были озвучены на заседании государственной пограничной комиссии, только за первые месяцы эксперимента биометрия позволила выявить свыше 1,7 тысячи иностранных граждан, пытавшихся пересечь госграницу с нарушением установленных правил, в том числе, лиц с измененными установочными данными. В связи с этим был инициирован третий этап эксперимента. Так, с 1 декабря 2025 года по 30 июня 2026 года процедура сдачи биометрии стала обязательной во всех пунктах пропуска через государственную границу РФ при наличии соответствующей технической возможности [3, 7].

С целью наглядного представления эволюции нормативной базы целесообразно обратиться к хронологии внедрения digital-инструментов (см. таблицу 1).

Таблица 1. Этапы цифровизации и введения в практику биометрии в миграционный контроль РФ (составлено на основе [2, 3, 7, 9])

Период реализации	Нормативно-правовое основание	Содержание мероприятия	Фактический / Ожидаемый результат
Декабрь 2024 г.	Постановление Правительства РФ № 1510	Запуск эксперимента по биометрии в аэропортах Москвы и АПП Маштаково	Выявлено более 1,7 тыс. лиц, пытавшихся незаконно въехать в РФ
Февраль 2025 г.	Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ	Введение в действие Реестра контролируемых лиц МВД РФ	Автоматическая блокировка гражданских прав нарушителей (банки, вождение, работа)
Июнь 2025 г.	Ведомственные акты Минцифры и МВД	Запуск мобильного приложения RuID для предварительной передачи данных	Упрощение процедур при безвизовом въезде, снижение нагрузки на пограничные пункты
Декабрь 2025 г.	Постановление Правительства РФ (3-й этап эксперимента)	Обязательная сдача биометрии во всех пунктах пропуска при технической возможности	Формирование национальной базы биометрических профилей 100% въезжающих мигрантов
Декабрь 2026 г.	Распоряжение Правительства РФ (План мероприятий)	Запуск информационной системы управления рисками на базе искусственного интеллекта	Автоматизированный скрининг угроз, предиктивное выявление нелегалов

Логическим продолжением сбора больших данных (Big Data) в миграционной сфере стала разработка алгоритмов их обработки. В соответствии с концепцией государственной миграционной политики, к 10 декабря 2026 года планируется полномасштабный запуск информационной системы управления рисками с задействованием инструментария искусственного интеллекта (ИИ). Впрочем, уже сейчас правоохранительные органы активно применяют автоматизированные комплексы (например, АС «Мир» и «Центр-Информ»), которые в режиме реального времени агрегируют информацию из различных ведомств (ФСБ, Минтруд, ФНС) и помогают оперативно обнаруживать лиц, незаконно находящихся в стране [4].

Фундаментальным прорывом в механизме правоприменения стало вступление в силу 5 февраля 2025 года положений Федерального закона № 260-ФЗ, учредившего Реестр контролируемых лиц. По сути, это централизованная база данных МВД, куда автоматически вносятся сведения об иностранцах, утративших законные основания для пребывания в России (истечение срока действия патента, РВП, аннулирование визы, совершение правонарушений). Попадание в характеризуемый реестр влечет за собой режим «гражданской смерти» – лицу блокируется возможность регистрации недвижимости, управления транспортными средствами, открытия банковских счетов, заключения брака [1, 5, 11].

Примечательно, что ответственность за взаимодействие с лицами, которые включены в реестр, возложена и на бизнес-сообщество. Если работодатель принимает на работу мигранта из списка, ему грозят серьезные штрафные санкции (до 1 млн рублей) и административное приостановление деятельности. Таким образом, автоматизированная система самостоятельно генерирует правовые последствия, сводя к минимуму пресловутый человеческий фактор инспектора.

Введение в практическую плоскость алгоритмических систем неминуемо затрагивает процессуальные аспекты привлечения к юридической ответственности. Традиционно решения о выдворении принимались судебными инстанциями с учетом оценки личности правонарушителя. Конституционный суд РФ неоднократно подчеркивал соразмерность наказания в виде штрафа и выдворения по статье 18.8 КоАП РФ, отказываясь признавать данные нормы неконституционными даже

в контексте ковидных послаблений (как, например, в деле граждани-на Таджикистана, который был оштрафован и выдворен в 2022 году). Суды последовательно занимают позицию безусловного приоритета национальной безопасности над частными интересами иностранных граждан, допускающих нарушения режима пребывания [6].

Между тем, с февраля 2025 года парадигма судебного контроля претерпела весомые коррективы. Полномочия по принятию решений о выдворении за ряд нарушений были переданы от судов общей юрисдикции непосредственно территориальным органам МВД. Как следствие, процедура предельно ускорилась. Теперь руководитель полицейского подразделения вправе вынести постановление (чтобы выдворить) уже на следующий день после составления протокола. За первые 11 месяцев 2025 года, по данным Федеральной службы судебных приставов, в Российской Федерации было принудительно выдворено 54 400 человек. Российские регионы направили 828,5 миллиона рублей на покупку билетов для административного выдворения иностранных граждан. Согласно данным «Тендерплана», сумма выросла почти на 30% по сравнению с 2024 г. Этот объем трат сопоставим с дефицитом бюджета Ингушетии на 2026 год. Основные причины роста затрат: – усиление контроля за нелегальной миграцией; – подорожание авиаперевозок по странам СНГ в среднем на 2,7%; – переход на комплексные «пакеты услуг» (билеты вместе с сопровождением и медобеспечением).

В данной связи судебный контроль приобретает исключительно последующий характер (в рамках обжалования административных решений). А это существенно ослабляет его превентивную функцию.

Целесообразно сформулировать ряд научно обоснованных рекомендаций, которые нацелены на смягчение юридических рисков при использовании систем искусственного интеллекта в миграционном контроле. Назначение вносимых предложений заключается в устранении проблемы «алгоритмического черного ящика», когда судьба иностранного гражданина решается автоматизированной системой без должного обоснования [5, 10].

Во-первых, предлагается дополнить Федеральный закон № 115-ФЗ нормой, обязывающей органы МВД предоставлять мигранту по его

запросу исчерпывающую технико-юридическую аргументацию автоматического включения его данных в Реестр контролируемых лиц. Это решит проблему немотивированного лишения гражданских прав из-за программных сбоев (к примеру, при ложном срабатывании систем распознавания лиц).

В-вторых, при обжаловании решения МВД о внесении лица в рассматриваемый Реестр или о его выдворении подача административного иска должна автоматически (через систему межведомственного электронного взаимодействия) приостанавливать действие ограничительных мер до вступления решения суда в законную силу. Характеризуемая мера поможет защитить добросовестных трудовых мигрантов от неправомерного увольнения и разрыва контрактов со стороны бизнеса, опасющегося миллионов штрафов.

В-третьих, необходимо разработать государственный стандарт (ГОСТ) регулярного независимого аудита информационных систем анализа рисков в сфере миграции на предмет дискриминационных уклонов и ошибок биометрической идентификации.

Заключение

Миграционный контроль в Российской Федерации вступил в эпоху глубокой алгоритмизации и тотального биометрического мониторинга. Анализ нормативной базы неопровержимо доказывает: государство целенаправленно отказывается от выборочного контроля в пользу предиктивного управления профилями рисков на базе технологий искусственного интеллекта. Внедрение Единой биометрической системы на границах и запуск Реестра контролируемых лиц (260-ФЗ) позволили многократно повысить результативность выявления нарушителей.

Одновременно с этим, стремительное перераспределение компетенций от судебной власти к административным структурам МВД (в частности, в вопросах выдворения) порождает серьезные вызовы для отечественной правовой системы. Судебный контроль, по-видимому, утрачивает свою классическую функцию независимого арбитра на этапе установления вины, преобразуясь в инструмент апостериорной проверки легитимности работы машинных алгоритмов. Научное значение проведенного исследования выражается в аргументации того факта, что текущая цифровизация не является стандартной автоматизацией старых процессов. По существу, формируется новая отрасль – цифровое миграционное право, которое базируется на презумпции технологической непогрешимости баз данных.

Полученные выводы имеют ярко выраженный прикладной характер. Сформулированные в статье рекомендации могут быть непосредственно использованы Комитетом Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции, связям с соотечественниками при подготовке поправок в КоАП РФ и профильные законы. Дальнейшие академические изыскания в данной области должны быть сфокусированы на изучении судебной практики по делам об оспаривании машинных решений ИИ-систем, запуск которых анонсирован на декабрь 2026 года. Именно гармоничное сочетание инновационных инструментов контроля с надежными процессуальными гарантиями защиты прав личности даст возможность выстроить поистине эффективную и справедливую миграционную политику современной России.

Литература

1. Аверин А.Н., Понедельков А.В., Жихарев А.И. Обновление правового регулирования в области внешней миграции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 2. – С. 85–90.
2. Биометрия мигрантов, чайдфри и новая статья УК: правовые новеллы декабря // URL: <https://rapsinews.ru/publications/20241129/310455408.html> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Калинина Д. Иностранцы начнут повсеместно сдавать биометрию на границе России с 1 декабря 2025 года // URL: <https://profile.ru/news/society/inostrancy-nachnut-povsemestno-sdavai-biometriyu-na-granice-rossii-s-1-dekabrya-2025-goda-1769046/> (дата обращения: 23.03.2026).
4. Кузнецова Е. РФ разработает систему управления миграционными рисками с помощью ИИ // URL: <https://www.kp.ru/online/news/6770568/?ysclid=mn22mb0e2z124041767> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Кухаренко А.А. Трансформация миграционной политики Российской Федерации // Путеводитель предпринимателя. – 2026. – Т. 19. – № 1. – С. 30–34.
6. Мигрантов за нарушения нужно выдворять из страны, взяв биометрию. Аргументы недели // URL: <https://argumenti.ru/society/2024/03/889674> (дата обращения: 23.03.2026).
7. Мотылевская П. Биометрия помогла выявить более 1,7 тыс. мигрантов с запретом на въезд в Россию // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8227564> (дата обращения: 23.03.2026).

8. На выдворение мигрантов из России в 2025 году потратили 830 миллионов рублей // URL: https://24.kg/obschestvo/358156_navyidvorenje_migrantov_izrossii_v2025_godu_potratil_830_millionov_rublej/ (дата обращения: 23.03.2026).

9. Реестр контролируемых лиц: что это и что делать для исключения? // URL: https://vitvet.com/about/news/reestr_kontroliruemyh_lic/ (дата обращения: 23.03.2026).

10. Фаталиева Ф.Н., Шихалиев Ш.К. Биометрическая автоматизированная информационно-поисковая система контроля миграционных потоков // Концепции и модели устойчивого инновационного развития общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: 2023. – С. 184–186.

11. Шестова Т.Ю. Изменения в миграционной политике Российской Федерации в 2024–нач. 2025 гг. // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы. Материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции. – Пермь: 2025. – С. 151–155.

USE OF BIOMETRICS AND AUTOMATED RISK ANALYSIS SYSTEMS IN MIGRATION CONTROL OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FOUNDATIONS AND JUDICIAL CONTROL

Shevtsov L.F.

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations

Against the backdrop of the widespread digitalization of public administration, traditional mechanisms for tracking the flows of foreign nationals are objectively reaching the limits of their effectiveness. The implementation of biometric technologies and predictive systems based on artificial intelligence serves today not merely as a routine technical innovation, but as a fundamental condition for ensuring national security. The objective of the study is to provide a comprehensive analysis of the legal foundations for the application of biometrics and automated analytical complexes in the migration control of the Russian Federation (taking into account legislative developments of 2024–2026), as well as to evaluate the dynamics of the institution of judicial control over procedures for the compulsory removal of illegal migrants from the country. In the course of the work, it was established that a fundamentally new regulatory regime is emerging in Russia—digital migration law—which is based on a tacit presumption of the technological infallibility of electronic registries. Apparently, judicial control is definitively losing its role as the primary arbiter in establishing the circumstances of an offense, transforming into a tool exclusively for the subsequent (a posteriori) verification of the legitimacy of specialized software operations. The presented material will be of value to legislative bodies (primarily the relevant committees of the State Duma) when designing amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Furthermore, the findings are applicable to the work of practicing attorneys and law enforcement officials.

Keywords: administrative expulsion, biometric identification, artificial intelligence, migration control, registry of controlled persons, digital law

References

1. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Zhikharev A.I. Renewal of legal regulation in the field of external migration // Humanities, Social-Economic and Social Sciences. – 2025. – No. 2. – P. 85–90.
2. Biometrics of migrants, childfree and a new article of the Criminal Code: legal novelties of December // URL: <https://rapsinews.ru/publications/20241129/310455408.html> (accessed: 23.03.2026).
3. Kalinina D. Foreigners will begin to provide biometrics everywhere at the Russian border from December 1, 2025 // URL: <https://profile.ru/news/society/inostrancy-nachnut-povsemestno-sdavai-biometriyu-na-granice-rossii-s-1-dekabrya-2025-goda-1769046/> (accessed: 23.03.2026).
4. Kuznetsova E. The Russian Federation will develop a migration risk management system using AI // URL: <https://www.kp.ru/online/news/6770568/?ysclid=mn22mb0e2z124041767> (accessed: 23.03.2026).
5. Kухarenko A.A. Transformation of the migration policy of the Russian Federation // Entrepreneur's Guide. – 2026. – Vol. 19. – No. 1. – P. 30–34.
6. Migrants should be expelled from the country for violations after taking biometrics. Argumenty Nedeli // URL: <https://argumenti.ru/society/2024/03/889674> (accessed: 23.03.2026).
7. Motylevskaya P. Biometrics helped identify more than 1.7 thousand migrants with a ban on entry to Russia // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8227564> (accessed: 23.03.2026).
8. 830 million rubles were spent on the expulsion of migrants from Russia in 2025 // URL: https://24.kg/obschestvo/358156_navyidvorenje_migrantov_izrossii_v2025_godu_potratil_830_millionov_rublej/ (accessed: 23.03.2026).
9. Register of controlled persons: what is it and what to do for exclusion? // URL: https://vitvet.com/about/news/reestr_kontroliruemyh_lic/ (accessed: 23.03.2026).
10. Fatalieva F.N., Shikhaliyev Sh.K. Biometric automated information-search system for controlling migration flows // Concepts and models of sustainable innovative development of society. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Ufa: 2023. – P. 184–186.
11. Shestova T. Yu. Changes in the migration policy of the Russian Federation in 2024 – early 2025 // State and municipal management in Russia: state, problems and prospects. Materials of the nineteenth All-Russian Scientific and Practical Conference. – Perm: 2025. – P. 151–155.

Яблоков Артем Михайлович,
преподаватель, АНО ВО «МБИ имени Анатолия Собчака»;
адвокат адвокатской палаты Ленинградской области

Противостояние уголовно-процессуальных оппонентов воспринято как предконфликтное состояние, способное развиться в конфликт. Проанализированы модели поведения в конфликте, направленные на разрешение такового применительно к уголовно-процессуальному конфликту. Сделан вывод о том, что компромисс, избегание, уступка и противостояние – характерные и для обвиняемого модели поведения в рамках уголовного дела. Приведены примеры применения той или иной модели поведения в уголовно-процессуальном конфликте со стороны обвиняемого. Обращено внимание на институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Особый вид взаимодействия в рамках уголовного дела способен порождать вторичный конфликт процессуальных сторон. В статье впервые поднят вопрос о конфликтогенности досудебного соглашения о сотрудничестве, факторах конфликтогенности и способах снижения уровня конфликтогенности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Актуальность настоящей статьи обоснована тем, что уровень конфликтогенности досудебного соглашения о сотрудничестве связан с уровнем взаимного доверия процессуальных оппонентов. Высокий уровень конфликтогенности способен негативно влиять на авторитет органов исполнительной власти и прокуратуры.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, конфликт, конфликтогенность досудебного соглашения о сотрудничестве, юридическая конфликтология, разрешение конфликта, урегулирование конфликта, уголовный процесс, преступность, права обвиняемого, состязательность сторон

К задачам уголовного закона, в соответствии со статьей 2 УК РФ, принято относить: охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Права и свободы обвиняемого, соответственно, также являются объектом защиты, более того, защита прав и свобод обвиняемого должна осуществляться в равной степени с защитой прав потерпевшего и (или) свидетеля, а также иных участников уголовного судопроизводства, несмотря на правовые и социальные уголовно-правовые претензии, несмотря на величину причиненного ущерба и (или) вреда.

Отметим при этом то, что психическое восприятие обвиняемого (подсудимого) нередко демонстрирует негативную оценку не только со стороны общества и потерпевшего, но и со стороны должностного лица. Может возникнуть вопрос – «возможно ли благосклонно относиться к убийце?». Ответ категоричен – «нет», но для должностного лица убийца – это, прежде всего, человек с процессуальными обязанностями и правами. Убийца – это социальная оценка личности, а должностное лицо не имеет оснований только в социальной плоскости относиться к процессуальному оппоненту. Во-первых, должностное лицо обязано сохранять «холодную голову», во-вторых, вероятность следственной ошибки никто и никогда не отменит.

Несмотря на это, межличностное взаимодействие, обнаруживаемое между участниками уголовного дела и обвиняемым, нередко демонстрирует буквальное исключение последнего из «круга равно защищаемых» граждан, интегрированных в уголовный процесс. Такое развитие обозначенного взаимодействия, как правило, связано с эффектом «стигматизации» лица, к которому выдвинута (но пока не признана обоснованной и законной) уголовно-правовая претензия.

Рассматривая ранее явление посткриминальной социальной изоляции, мы обращали внимание на абсурдность желания исправить «оступившегося» и при этом отказаться от него, признав «изгоем»¹.

При этом, конечно, стоит отметить, что не каждое уголовное дело завершается обвинительным приговором, и не каждый обвиняемый вчера, остается навсегда «за бортом» современного общества. И не любое взаимодействие в рамках уголовного процесса переходит в стадию конфликта. Лицо, совершившее преступления, может не только противостоять органам следствия, но и явиться с повинной, что само по себе в рамках расследования уголовного дела скорее будет исключать конфликт.

Одновременно с этим, выражая понимание психическим установкам процессуальных оппонентов и принятие (учитывание) таковых, обратим внимание на масштаб конфликта в рамках уголовного дела между процессуальными соперниками, уточнив понятие «конфликт».

Так, рассматривая конфликт относительно обвиняемого (и относительно уголовного процесса), представляется максимально адаптивным определить таковой как структурную и динамическую асимметрию отношений между противоборствующими элементами социальной системы (в данном случае элементами-участниками уголовного дела)².

Обвинение лица, за исключением предшествующей явки с повинной, вызывает ту самую противоборствующую асимметрию между участниками уголовного дела, то есть, по сути, создает конфликт. Основными сторонами в таком конфликте выступают обвинение и защита, версии которых нередко «диаметрально противоположны», а иногда являются буквально взаимоисключающими. Очевидно то, что, сталкиваясь с версией следствия, обвиняемый (подозреваемый) вынужден формировать отношение к версии следствия. При этом сторона обвинения (орган следствия) далеко не всегда формирует конструктивное отношение к версии обвиняемого, буквально «передавая эстафету» прокурору и в стадию судебного следствия.

¹ Яблоков А.М. Посткриминальная социальная изоляция в контексте уголовного правового воздействия. Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности. Сборник материалов круглого стола. Редакторы В.К. Дуянов, Р.В. Закомолдин; Институт права Тольяттинского государственного университета. 2020. С. 212–215

² Конфликтменеджмент: учебник / В.А. Семенов. – Москва: КНОРУС, 2025. – С. 164

Если рассматривать «состязательность» в рамках уголовного дела в качестве конфликта (в том числе – с социологической точки зрения), то классический перечень способов урегулирования конфликта (избегание, противоборство, уступка и компромисс) возможно также соотносить с уголовно-процессуальной спецификой взаимодействия¹.

Действительно, обвиняемый в рамках как предварительного, так и судебного следствия способен демонстрировать одну из четырех моделей поведения, причем как по отдельности, так и поочередно, заменяя одну другой. Выбор модели поведения в конфликте зависит от позиции стороны защиты и, в частности, обвиняемого.

Так, избегание характерно для обвиняемого при занятии позиции, выраженной в отказе от дачи показаний, отказе от любого взаимодействия со стороной обвинения, в игнорировании развития предварительного и судебного следствия, в отсутствии сознательной оценки результатов сбора доказательств в частности и процесса следствия в целом.

Противоборство характерно тогда, когда сторона защиты (в составе обвиняемого и адвоката, а также свидетелей защиты) активно сопротивляется реализации тактики следствия, интегрируя свои доказательства в уголовное дело, а иногда и вовсе попросту затягивая процесс расследования.

Уступка со стороны обвиняемого выражается в принятии версии следствия и признании вины без, как правило, выдвижения встречных требований относительно объема и сути обвинения. Более того, при обозначенной модели поведения расследование уголовного дела зачастую носит ускоренный характер, а состязательность сторон практически не выражена.

Избегание, противоборство и уступка как отдельные модели поведения могут применять поочередно, а также до того, как стороны осознают рациональность компромисса в рамках уголовно-процессуального противостояния. Причем, применив те или иные процессуальные инструменты (по обжалованию постановления о возбуждении уголовного дела, об избрании меры пресечения), вероятность заключения компромисса в той или иной форме возрастает. Это происходит, когда стороны сознают, что есть некое «пересечение точек зрения» сторон при восприятии события определенного деяния.

Компромисс, в свою очередь, как форма взаимодействия процессуальных оппонентов также нередко встречается в рамках предварительного следствия.

С одной стороны, понятие компромисса весьма доступно для осознания и недвусмысленно, и выбирает в себя суть «взаимной уступки». В то же время понятие компромисса в праве – вопрос изучаемый, но не изученный подробно.

Существует мнение, с которым мы солидарны, а именно, что в компромиссе в праве надлежит видеть не абстрактную идею, пожелание, высказывание, вектор государственно-правового развития либо нечто подобное, а некое соглашение субъектов (государства и граждан, частных лиц и т.п.), нашедшее отражение в праве. Оно может иметь различную форму внешнего выражения (договор, норма, соглашение и т.д.), базироваться на разной степени взаимных уступок сторон и в конечном счете выступать мерой согласования интересов субъектов².

Обнаруживаясь форма компромисса в праве может в различных уголовно-процессуальных формах взаимодействия. Например, в случае примирения сторон, назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Кроме того, отдельные действия обвиняемого (подсудимого) также могут свидетельствовать о компромиссной форме взаимодействия. В частности, возмещение причиненного вреда (ущерба), освобождение похищенного, принесение извинений, дача изобличающих показаний в отношении иных соучастников преступления, сообщение органам следствия о местонахождении предметов и документов, которые могут явиться доказательствами по уголовному делу.

Так, освобождение от ответственности в связи с примирением с потерпевшим – компромисс государства и преступника, который имеет серьезные публичные цели и поставлен в зависимость от усмотрения правоприменителя. Право, а не обязанность правоприменителя принять решение об освобождении от ответственности является проявлением понятия усмотрения³.

Усмотрение в уголовном праве – это объективная необходимость, и оно не просто допустимо, но и в некоторых случаях необходимо, поскольку является наиболее эффективным способом разрешения конкретных ситуаций со специфическими особенностями учитываемых обстоятельств⁴.

В то же время усмотрение, предусматривая вариативность при принятии того или иного процессуального решения, не должно создавать почву для злоупотребления полномочиями. Особенно важно об этом почеркнуть при рассмотрении института досудебного соглашения о сотрудничестве, как форме компромисса в уголовном праве, и где стороны имеют выраженную вариативность при согласовании условий сотрудничества.

Так, весьма отчетливо форма компромисса усматривается в отдельном уголовно-процессуальном институте – институте досудебного соглашения о сотрудничестве, который существует в отечественном уголовно-правовом поле более 15 лет. Однако, несмотря на столь длительный период применения исследуемого института, его конструкция и функциональность вызывает ряд вопросов, и именно при рассмотрении такового в качестве инструмента для достижения уголовно-правового компромисса.

Безусловно то, что досудебное соглашение о сотрудничестве поддерживает идею компромисса, поэтому такое соглашение должно быть взаимовыгодным для обеих сторон (стороны обвинения и стороны защиты, соблюдая при этом права и интересы потерпевшего). Отметим здесь, что в случае расторжения такого соглашения вся информация, сформированная в его рамках, не должна учитываться в интересах той или иной стороны, в связи с чем ссылаться на обстоятельства, содержащиеся в соглашении, которое не признано таковым, недопустимо.

Основная проблема, которая фиксируется при заключении досудебного соглашения, выражена в абстракции условий соглашения, а также в отсутствии императивных обязательств стороны обвинения. Сегодня досудебное соглашение возможно расторгнуть только потому, что сторона обвинения посчитала информацию, сообщенную обвиняемым, как не отвечающую ожидаемой полноте. Однако информация уже получена, передана, в том числе, оперативным сотрудникам и применяется таковыми по назначению и в интересах стороны обвинения. А когда уголовное дело направляется в суд для рассмотрения по существу, уполномоченными на то лицами принимается решение о невыполнении условий соглашения обвиняемым!

Таким образом, мы можем наблюдать, как правовой институт, который изначально был внедрен в уголовно-правовое поле как инструмент для противодействия организованной преступности (форме конфликта) через достижение компромисса (взаимная уступка между органом власти и «врагом государства»), сам по себе может являться фактором конфликта, то есть обладать конфликтогенным потенциалом, конфликтогенностью.

Отметим, что конструкция, когда применение правового инструмента основывается на ожиданиях обвиняемого и его вере в закон, недопустима. Потому применение рассматриваемого инструмента (досудебного соглашения о сотрудничестве) должно реализовываться безусловно в направлении восстановления нарушенных прав потерпевшей стороны и интересов государства (общества), при соблюдении прав обвиняемого как представителя общества, нарушившего закон, но все же – участника общества, исключая при этом вероятность порождения очередного «врага государства» за счет некорректного применения норм уголовного закона.

Литература

1. Климанова О.В. О компромиссных уголовно-правовых отношениях (на примере освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) / О.В. Климанова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 78–88
2. Жевлаков Э.Н. Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе / Э.Н. Жевлаков, И.Э. Звечаровский, В.С. Минская, А.В. Наумов, Н.Ю. Решетова, А.В. Савкин, А.Г. Халиулин // Уголовное право. – 2010. – No 1. – С. 108–113.
3. Парфенов А.В. К вопросу о природе юридически значимого компромисса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. No 3 (67). С. 81–86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-81-86>
4. Семенов В.А. Конфликтменеджмент: учебник / В.А. Семенов. – Москва: КНОРУС, 2025. – С. 164

¹ Цой Л.Н. Организационный конфликтменеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. – М.: Книжный мир, 2007. – С. 51–52

² Парфенов А. В. К вопросу о природе юридически значимого компромисса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. No 3 (67). С. 81–86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-81-86>

³ Климанова О.В. О компромиссных уголовно-правовых отношениях (на примере освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) / О.В. Климанова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 78–88

⁴ Жевлаков Э.Н. Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе / Э.Н. Жевлаков, И.Э. Звечаровский, В.С. Минская, А.В. Наумов, Н.Ю. Решетова, А.В. Савкин, А.Г. Халиулин // Уголовное право. – 2010. – No 1. – С. 108–113.

5. Цой Л.Н. Организационный конфликтменеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. – М.: Книжный мир, 2007. – С. 51–52

6. Яблоков А.М. Посткриминальная социальная изоляция в контексте уголовно правового воздействия. Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности. Сборник материалов круглого стола. Редакторы В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин; Институт права Тольяттинского государственного университета. 2020. С. 212–215

CONFLICT POTENTIAL OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Yablokov A.M.

Anatoly Sobchak International Banking Institute

The confrontation between opponents in criminal proceedings is perceived as a pre-conflict state capable of developing into a conflict. Models of behavior in conflict aimed at resolving it in relation to criminal procedural conflicts are analyzed. It is concluded that compromise, avoidance, concession, and confrontation are characteristic models of behavior for the accused in criminal proceedings. Examples of the application of various models of behavior in criminal procedural conflicts by the accused are given. Attention is drawn to the institution of pre-trial cooperation agreements. A special type of interaction within a criminal case can generate secondary conflict between the procedural parties. The article raises for the first time the issue of the conflict potential of pre-trial cooperation agreements, the factors of conflict potential, and ways to reduce the level of conflict potential when concluding a pre-trial cooperation agreement. The relevance of this article is substantiated by

the fact that the level of conflict potential of a pre-trial cooperation agreement is associated with the level of mutual trust between the procedural opponents. A high level of conflict can negatively impact the authority of executive authorities and the prosecutor's office.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, conflict, conflictogenicity of pre-trial cooperation agreement, legal conflictology, conflict resolution, conflict settlement, criminal procedure, crime, rights of the accused, adversarial nature of the parties

References

1. Klimanova O.V. On Compromise Criminal-Law Relations (using the Example of Releasing a Person from Criminal Liability Due to Reconciliation with the Victim) / O.V. Klimanova. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8 // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2025. – No. 1. – P. 78–88
2. Zhevlakov E.N. Discretion in Criminal Law and Criminal Procedure / E.N. Zhevlakov, I.E. Zvecharovsky, V.S. Minskaya, A.V. Naumov, N. Yu. Reshetova, A.V. Savkin, A.G. Khaliulin // Criminal Law. – 2010. – No. 1. – P. 108–113.
3. Parfenov A.V. On the Nature of Legally Significant Compromise // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (67). Pp. 81–86. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-81-86>
4. Semenov V.A. Conflict Management: A Textbook / V.A. Semenov. – Moscow: KNORUS, 2025. – P. 164
5. Tsoi L.N. Organizational Conflict Management: 111 Questions, 111 Answers. – Moscow: Knizhny Mir, 2007. – Pp. 51–52
6. Yablokov A.M. Post-Criminal Social Isolation in the Context of Criminal-Legal Impact. State Response to Criminal Behavior, Criminal Law Impact, and Criminal Liability in the System of National Security Measures. A Collection of Roundtable Materials. Edited by V.K. Dуюнов and R.V. Zakomoldin; Institute of Law, Togliatti State University. 2020. Pp. 212–215.

Философско-правовые и логические основания доктрины «законных ожиданий налогоплательщиков»

Яхудин Ратмир Русланович,

аспирант, кафедра финансового права, ФГАОУ ВО
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: s2021744@edu.msa.ru

В налоговых отношениях особую актуальность приобретают вопросы обеспечения баланса частных и публичных интересов. Инструментом защиты интересов участников налоговых отношений является доктрина «законных ожиданий налогоплательщиков». Она защищает от произвола налоговых органов и одновременно способствует укреплению доверия к налоговой системе.

В статье рассматриваются философско-правовые и логические основания доктрины «законных ожиданий налогоплательщиков».

Раскрывается система взаимосвязанных правовых идей, ценностей, принципов и практик, образующих сущность доктрины.

Методологической основой исследования служит комплексный анализ, основанный на философско-правовых концепциях справедливости Г. Радбруха, теории справедливости Дж. Ролза, понятии «правила признания» Г.Л.А. Харта, а также фундаментальных законах формальной логики (закон непротиворечия, закон тождества и закон исключенного третьего), примененных к правовым рассуждениям.

Определены философско-правовые основания доктрины: принципы справедливости, доверия, правовой определенности. Выявлена логическая структура доктрины, основанная на причинно-следственных связях и законах логики, предотвращающая противоречивость налоговых правил и обеспечивающая последовательность действий государства.

Ключевые слова: законные ожидания, налогоплательщик, справедливость, баланс интересов, доверие, предсказуемость, законы логики.

Доктрина законных ожиданий налогоплательщиков представляет собой сложный по своему составу правовой конструкт, который формируется на пересечении философских, правовых и логических соображений о справедливости отношения налоговой администрации и государства в целом к налогоплательщикам. При этом сама доктрина представляет собой не просто совокупность отдельно взятых норм, идей, принципов и практик, а их взаимосвязанное функционирование, обусловленное конкретной целью – защитой прав и законных интересов налогоплательщиков, с одной стороны, обеспечением доверия к налоговой системе – с другой.

В контексте этого взаимодействия доктрина законных ожиданий может рассматриваться как система научных взглядов, идей и правовых положений, которые через системообразующие связи, объединяются в единое целое явление. Система элементов правовой доктрины законных ожиданий налогоплательщиков, может быть представлена, следующим образом: (а) правовые идеи, (б) правовые знания, (в) правовые ценности, (г) правовые догмы, (д) правовые традиции, (е) правовой опыт (практика), формирующий конкретно-определенные модели правового регулирования в каждом государстве [2, с. 10, 46].

Каждый элемент в отдельности и в системной связи с другими играет важную роль в формировании системных оснований доктрины и понимании механизма защиты законных ожиданий налогоплательщиков.

Системные основания доктрины – это совокупность правовых принципов, концепций и подходов, которые формируют базу доктрины, определяя её сущность, цели и направления развития. Такие основания служат фундаментом для теоретического обоснования и практического применения доктрины.

Анализ системных оснований данной доктрины показывает, что она базируется на нескольких взаимосвязанных компонентах, включая философско-правовую и логическую основу.

Философско-правовые основания доктрины законных ожиданий задают онтологические, аксиологические и гносеологические координаты её существования. Они коренятся в фундаментальных принципах справедливости, доверия к закону, защиты «слабого» от произвола «сильного», недопустимости злоупотребления властью, обратной силы неблагоприятных норм, равенства перед законом, концепции общественного договора, презумпций разумности и последовательности публичных органов, теории социального государства, которые составляют методологический стержень данного правового учения.

В определении сущности доктрины законного ожидания большой вес имеет идея естественного права. Она генетически связана с исходными общечеловеческими (естественно-правовыми) ценностями и буквально пронизывает всю систему отношений личности и государства. Эти ценности являются базовыми для любого правопорядка и формируют этико-правовое ядро доктрины.

Ожидание всегда связано с прогнозированием развития налоговых событий. Налогоплательщик формирует ожидания относительно будущих действий государства. Соответственно, гносеологическая задача состоит в обеспечении адекватности и достоверности таких прогнозов. Она заключается в объяснении как именно налогоплательщик формирует и обосновывает свои ожидания.

Налоговые правоотношения относятся к публичным, одной из сторон которого является властный субъект. Неравноправие сторон – имманентное свойство данной модели, что обусловлено асимметрией полномочий и ресурсов. Налогоплательщик подчиняется, он является более уязвимым участником налоговых отношений. Эта уязвимость, с одной стороны, обуславливает повышенную защиту его прав и законных интересов, а, с другой стороны, возлагает на органы публичной власти особую моральную ответственность за обеспечение прав налогоплательщиков.

Одной из ключевых философских предпосылок развития доктрины является глубокая внутренняя связь идеи права с идеей справедливости, которую Густав Радбрух и другие философы соотносили с идеей блага, или абсолютного добра, являющейся формой высшего единства бытия.

«Идея права – отмечает Г. Радбрух – не может быть не чем иным, как справедливостью». Цитируя глоссу из римского права¹, он рассматривает справедливость в качестве первоосновы, абсолютной ценности, не выводимой из других ценностей, «формой морального Добра» [5, с. 42].

Именно связь права с справедливостью, как высшая добродетель, выступает морально-правовой основой взаимодействия между личностью и государством в налоговых отношениях. Предполагается, что государство и его органы будут действовать добросовестно, последовательно и предсказуемо, не обманывая доверие тех, кто полагается на их заявления, действия или устоявшуюся практику. Конституция РФ (ст. 2, 18) провозглашает человека высшей ценностью, а защиту его прав – обязанностью государства.

Справедливость является весьма абстрактной категорией, сложной для ее точного описания, так как часто, практически всегда, подвержена субъективизму: то, что для одного справедливо, для другого может оказаться крайней несправедливостью. Дать точное определение справедливости пытались разные теоретики. Один из них – Джон Ролз, сделавший эту категорию центральной для юридино-философской дискуссии. Дж. Ролз отмечал, что «законные ожидания являются обратной стороной принципа честности и естественной обязанности справедливости» [6, с. 276]. По Ролзу, если гражданин подчинился действующему правопорядку, является законопослушным, исправно выполняет свои обязанности перед обществом и государством, включая уплату налогов, и тем самым «вносит свой вклад по поддержанию справедливого устройства», то теперь он вправе рассчитывать «на соответствующее [справедливое] отношение к себе», это его законные ожидания, которые другая сторона – государство, обязана выполнять. Государство, требующее от налогоплательщика честного исполнения налоговых обязательств, само должно быть честным и справедливым в своих действиях, уважая сформировавшиеся ожидания налогоплательщиков.

Далее Ролз, со ссылкой на Харта, продолжает данную мысль, что, если гражданин действует «в соответствии с определенными правилами и, таким образом, идет на добровольное ограничение своей свободы, тот, что согласился на эти ограничения, имеет право на аналогичную уступчивость со стороны тех, кто получил выгоду от их подчинения» [6, с. 185], то есть, прежде всего, от государства. Эта «уступчивость» проявляется в предсказуемости налоговых последствий и уважении законных ожиданий налогоплательщиков как необходимых условий справедливости и легитимности налоговой системы. Это некий «социальный контракт» между государством и налогоплательщиками. Хотя явно такого договора нет, подразумевается, что налогоплательщики соглашаются платить налоги в обмен на стабильность и предсказуемость налоговой системы. Это формирует философский базис для защиты ожиданий: граждане вправе требовать, чтобы государство действовало в рамках установленных правил. Нарушение данных ожиданий рассматривается как нарушение «социального договора».

Важной составной частью обсуждаемой доктрины является учение о разумном балансе между частными и публичными интересами в налоговой сфере. Доктрина законных ожиданий не является абсолютной. Государство должно иметь возможность адаптировать налоговое законодательство к изменяющимся обстоятельствам. Именно поэтому реализация доктрины требует баланса между интересами государства и интересами налогоплательщиков.

Доктрина законных ожиданий также опирается на философскую дихотомию «законное – легитимное». Ожидание некоторых действий государства выходит за рамки юридического формализма и апеллирует к более глубоким основаниям – морали, справедливости, соразмерности. Так проявляется ее связь с философскими концепциями морали, легитимности власти и доверия к государству. В этом смысле интересны идеи Г.Л.А. Харта, который объясняет, что делает право законом и почему оно должно вызывать доверие у граждан.

Харт вводит в оборот ключевое понятие в своей теории – «правило признания» (*rule of recognition*), которое служит критерием определения юридической обязательности социальных норм [9, с. 99]. Оно не обязательно должно быть формализовано. Это то, что обычно предшествует юридическому закреплению, как критерий легитимности норм.

Правовые догмы доктрины «законных ожиданий» включают в себя основополагающие положения, которые можно объединить в четыре группы.

Первая группа правовых догм представляет собой *догмы применения*, которые звучат следующим образом: защита добросовестной

стороны, рассчитывающей на определенные правовые последствия; защита от внезапного изменения мнения или действий органа государственной власти; защита от незаконного бездействия органов публичной власти; защита от уклонения от исполнения возложенных обязанностей.

Следующая группа правовых догм доктрины «законных ожиданий» закрепляет *догмы реализации*, а именно: учет добросовестности поведения лица; анализ разумности сформированных ожиданий; соблюдение принципа поддержаний доверия к закону и действиям государства.

Третьей группой правовых догм являются правовые *догмы ограничения*, в частности: учет общественного блага при принятии решений; недопустимость произвольных изменений в системе правового регулирования; возможность изменения ранее принятых решений при наличии имеющих больший вес публичных интересов.

Заключительной группой правовых догм следует отметить правовые *догмы субъектного состава*, которые состоят из обязательного наличия властеотношений; участия органов публичной власти и должностных лиц; защиты интересов частных лиц; учета соотношения «слабой» и «сильной» стороны правоотношений.

Логико-теоретическая основа доктрины базируется на причинно-следственных связях между действиями (или бездействием) публичных органов (например, официальными заявлениями, решениями) и формированием обоснованных ожиданий у налогоплательщиков. Эта связь всегда точна, конкретна, определена. Она описывает отношение между двумя фактами, а потому – это явление формальное, а не содержательное.

Логическая структура доктрины включает: наличие конкретного обещания или заверения со стороны органа публичной власти; формирование разумных ожиданий у налогоплательщика; [возможное] нарушение таких ожиданий; последствия нарушения для частного лица; возможность правовой защиты законных ожиданий. Логическая структура правовой доктрины представляет собой четко определенную последовательность событий/действий, которая впоследствии дает право на реализацию права того или иного субъекта, посредством отсылки на принцип законных ожиданий.

Если государство создает определенные предпосылки (причины), то налогоплательщики имеют право ожидать соответствующие последствия. Нарушение этой связи рассматривается как логическая и правовая ошибка. Важно отметить, что в Российской Федерации органы публичной власти связаны «общеправовыми требованиями справедливости, правовой определенности и разумности, что составляет основу стандарта хорошего (надлежащего) управления» [8, с. 20].

Рассуждая о логической основе доктрины законных ожиданий, представляется необходимым обратиться к трем фундаментальным законам формальной логики, сформулированным еще Аристотелем (384–322 гг. до н.э.) [1, с. С. 125, 1005b 20–21, С. 127, 1006b 5–10, С. 141, 1011b 13–14, 1011b 23–24]. Они лежат в основе любого, в том числе и правового, рассуждения.

Одним из таких является *закон непротиворечия* (*principium contradictionis*), который формулируется следующим образом: «В процессе рассуждения о каком-либо определенном предмете нельзя одновременно утверждать и отрицать что-либо в одном и том же отношении, в противном случае оба суждения не могут быть вместе истинными» ((A ∧ A) [3, с. 77].

Применительно к праву данный закон можно истолковать следующим образом: Государство не может сначала официально утверждать правило, которое создаёт у граждан ожидания (A), а затем действовать так, как если бы этого правила не было (A), не нарушая при этом логической целостности правовой системы. В контексте доктрины законных ожиданий это означает, что, если государство поощряло определённое поведение или создавало уверенность в сохранении определенных прав, оно не может логически отступить от этого без внутреннего противоречия.

Следующим рассматриваемым законом выступает *закон тождества*, (*principium identitatis*) который формулируется следующим образом: «В процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе» [3, с. 76] (A = A).

В правовом поле данный закон можно понимать как утверждение: если норма или правовая практика порождает определённые ожидания, то её смысл и действие должны оставаться тождественными, пока официально не изменены в установленном порядке. Развивая эту мысль, можно прийти к выводу о том, что ожидание, сформированное на основе определённой правоприменительной практики или правила, должно сохранять свою идентичность до тех пор, пока эта практика или правило действует. В свою очередь действия государства должны быть последовательными; нельзя утверждать, что что-то одновременно

¹ «Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam his» (Глосса 1.1. pr. D. 1.1) («Право порождено справедливостью, как матерью, ибо справедливость предшествовала праву»)

но является и не является собой, точно также как нельзя одновременно и утверждать и отрицать одно и то же в одном и том же отношении.

Несмотря на бесспорность, очевидность и даже тривиальность закона, на практике он нередко не соблюдается, что приводит к логическим нарушениям, таким как: амфиболия (*amphiboly*) – двусмысленность языковых выражений или подмена тезиса, эквивокация (*equivocation*) – подмена понятия, логомахия (*logomachy*) – спор о словах при неуточненных исходных понятиях [4, с. 123].

Закон исключенного третьего (*principium tertii exclusi*) формулируется таким образом: «Из двух противоречащих суждений одно истинно, другое ложно, а третьего не дано» (лат. *tertium non datur*). Формула: А – А, читается: А либо не-А [3, с. 79]. Между истинным и ложным нет промежуточного состояния.

В контексте доктрины законных ожиданий этот закон означает, что в практике налогового взаимодействия существует только два варианта: либо ожидания налогоплательщиков оправданы (А – истинно), либо нет (А – истинно), но не может быть «серой зоны» – какого-то третьего варианта типа: «наполовину оправданы, наполовину не оправданы». Любая двусмысленность нарушает логику и справедливость и порождает правовую неопределенность.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Для более глубокого понимания сути доктрины определены ее системные основания – тот концептуальный и методологический фундамент, который отражает глубокие правовые, этические и философские идеи, лежащие в основе самой доктрины, добавляет ей качества согласованности, взаимосвязанности и целостного единства.

Анализ показывает, что данная доктрина имеет прочные основания в философии рациональности и справедливости.

Философско-правовая основа доктрины «законных ожиданий» состоит из таких ключевых принципов и идей как принцип правовой определенности, который предполагает стабильность правового регулирования и предсказуемость действий органов государственной власти; идеи естественного права, лежащей в основе защиты граждан от произвола и злоупотребления со стороны органов публичной власти; концепции баланса интересов, предусматривающей учет частных интересов граждан наряду с интересами общества; принцип доверия, основанный на возможности граждан полагаться на обещания и действия органов государственной власти.

Представленный выше логический каркас может рассматриваться как философская и логическая основа доктрины законных ожиданий. Эта основа делает правовые рассуждения рациональными и последовательными, обеспечивает их внутреннюю согласованность. Законы логики предотвращают противоречивость и нечеткость налоговых правил, произвольные действия государства и непредсказуемость.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. / ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 185 с.
3. Логика: учебник / отв. ред. О.В. Малюкова. Москва: Проспект, 2020. 320 с.
4. Малюкова О.В. Логические основания законов юридической риторики // Lex russica. 2023. № 9. С. 121–132.

5. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.

6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд НГУ, 1995. 535 с.

7. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.

8. Ядрихинский С.А. Законные интересы налогоплательщиков: теория и практика реализации, обеспечения, защиты. дис. ... докт. юрид. наук: Москва, 2021. 549 с.

9. Hart H. L.A. Are There Any Natural Rights? // The Philosophical Review. Vol. 64, No. 2. 1955. Pp. 175–191.

PHILOSOPHICAL-LEGAL AND LOGICAL FOUNDATIONS OF THE DOCTRINE OF «LEGITIMATE EXPECTATIONS OF TAXPAYERS»

Yakhudin R.R.

Kutafin Moscow State Law University

In the context of changing tax legislation, issues of ensuring the balance between private and public interests are gaining particular relevance. Such a tool for protecting the interests of participants in tax relations is the doctrine of “legitimate expectations of taxpayers.” It protects against the arbitrariness of tax authorities and simultaneously contributes to strengthening trust in the tax system.

The article examines the philosophical-legal and logical foundations of the doctrine of “legitimate expectations of taxpayers.”

It reveals the system of interconnected legal ideas, values, principles, and practices that form the essence of the doctrine.

The methodological basis of the study is a comprehensive analysis based on philosophical-legal concepts of justice by G. Radbruch, the theory of justice by J. Rawls, the concept of “rule of recognition” by H.L.A. Hart, as well as the fundamental laws of formal logic (law of non-contradiction, law of identity, and law of excluded middle), applied to legal reasoning.

The philosophical-legal foundations of the doctrine have been determined: principles of justice, trust, legal certainty. The logical structure of the doctrine has been identified, based on cause-and-effect relationships and laws of logic, preventing the contradictoriness of tax rules and ensuring the consistency of state actions.

Keywords: legitimate expectations, taxpayer, justice, balance of interests, trust, predictability, laws of logic.

References

1. Aristotle. Works in Four Volumes. Vol. 1 / ed. V.F. Asmus. M.: Mysl, 1976. 550 p.
2. Baturina S.V. Traditions of the Russian Legal Doctrine: Cand. Jurid. Sci. Diss. Krasnodar, 2008. 185 p.
3. Logic: Textbook / resp. ed. O.V. Malyukova. Moscow: Prospect, 2020. 320 p.
4. Malyukova O.V. Logical Foundations of the Laws of Legal Rhetoric // Lex Russica. 2023. No. 9. Pp. 121–132.
5. Radbruch G. Philosophy of Law / trans. from German. M.: International Relations, 2004. 240 p.
6. Rawls J. A Theory of Justice. Novosibirsk: NSU Publishing, 1995. 535 p.
7. Hart H. L.A. The Concept of Law / trans. from English; under gen. ed. E.V. Afonasin, S.V. Moiseev. SPb.: St. Petersburg University Publishing House, 2007. 302 p.
8. Yadrikhinskii S.A. Legitimate Interests of Taxpayers: Theory and Practice of Implementation, Provision, Protection. Doct. Jurid. Sci. Diss. Moscow, 2021. 549 p.
9. Hart H. L.A. Are There Any Natural Rights? // The Philosophical Review. Vol. 64, No. 2. 1955. Pp. 175–191.

Суперсервис «Поступление в вуз онлайн» как новая форма административной процедуры

Башмакова Виктория Игоревна,

аспирант кафедры административного и финансового права,
Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
E-mail: bashmakova-vi@rudn.ru

Предметом исследования являются правоотношения, возникающие в процессе реализации административной процедуры приёма в образовательные организации высшего образования посредством суперсервиса «Поступление в вуз онлайн». Цель работы – определение правовой природы суперсервиса как новой формы административной процедуры и выявление тенденций её развития. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы. В результате исследования установлено, что суперсервис представляет собой цифровую трансформацию традиционной административной процедуры предоставления государственной услуги в сфере образования. На примере приёмной кампании Российского университета дружбы народов 2025 года продемонстрирована устойчивая тенденция перехода к цифровому формату взаимодействия. Проведён сравнительный анализ с опытом Кыргызской Республики. Научная новизна заключается в комплексном административно-правовом анализе суперсервиса как элемента системы цифрового государственного управления. Сформулированы выводы о перспективах развития цифровых административных процедур в сфере высшего образования.

Ключевые слова: административная процедура; суперсервис; цифровизация; государственные услуги; высшее образование; Единый портал государственных услуг; приём в вуз; электронное правительство.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации затрагивает все сферы общественных отношений, включая образование. Одним из наиболее значимых проявлений данного процесса стало внедрение суперсервиса «Поступление в вуз онлайн», который существенно изменил порядок реализации административной процедуры приёма в образовательные организации высшего образования.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, суперсервис охватывает значительную часть абитуриентов: по данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в 2025 году им воспользовались почти 1 миллион 300 тысяч человек, что составляет 79 процентов от общего числа поступающих¹. Во-вторых, с 2026 года планируется исключение возможности подачи документов через внутренние электронные системы вузов, что превращает суперсервис в основной канал цифрового взаимодействия абитуриентов и образовательных организаций². В-третьих, в научной литературе недостаточно исследованы административно-правовые аспекты функционирования суперсервисов как особой формы предоставления государственных услуг.

Целью настоящей статьи является комплексный административно-правовой анализ суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» как новой формы административной процедуры и определение тенденций её развития.

Понятие и правовая природа суперсервиса как формы административной процедуры

Административная процедура традиционно понимается как нормативно установленный порядок последовательно совершаемых действий субъектов права для достижения определённого правового результата³. Применительно к сфере предоставления государственных услуг административная процедура представляет собой совокупность действий органа власти (уполномоченной организации) по рассмотрению заявления гражданина и принятию решения по существу.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁴ закрепил возможность предоставления государственных услуг в электронной форме, что создало правовую основу для цифровой трансформации административных процедур. Развитие данного направления привело к формированию концепции суперсервисов как комплексных цифровых решений, обеспечивающих получение государственных услуг по принципу «жизненных ситуаций».

Суперсервис «Поступление в вуз онлайн» функционирует на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 89 «О функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн»»⁵. Согласно данному акту, суперсервис представляет собой государственную информационную систему, обеспечивающую подачу документов, необходимых для поступления в образовательные организации высшего образования, посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – ЕПГУ).

С точки зрения административно-правовой доктрины суперсервис можно квалифицировать как особую форму реализации административной процедуры, характеризующуюся следующими признаками: во-первых, полная цифровизация взаимодействия между заявителем и уполномоченным органом; во-вторых, интеграция нескольких госу-

¹ Приёмная кампания-2025: вузы зачислили 904 тысяч студентов по всей стране. РИА Новости Крым. [Электронный ресурс] URL: <https://crimea.ria.ru/20250917/priemnaya-kampaniya-2025-vuzy-zachisli-904-tysyach-studentov-po-vsey-strane-1149514958.html>

² Минобрнауки изменило порядок поступления в университеты // ТАСС. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26144633>.

³ Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 6-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 412.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.03.2026).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 89 «О функционировании суперсервиса „Поступление в вуз онлайн“» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.03.2026).

дарственных информационных систем для автоматического получения необходимых сведений; в-третьих, реализация через единую государственную платформу (ЕПГУ); в-четвёртых, применение принципа «жизненной ситуации», объединяющего комплекс взаимосвязанных услуг.

Как справедливо отмечает Э.В. Талапина, цифровизация государственного управления ведёт к трансформации традиционных административных процедур, изменяя их субъектный состав, формы и методы реализации¹. Суперсервис «Поступление в вуз онлайн» наглядно демонстрирует данную тенденцию: вместо личного взаимодействия абитуриента с приёмной комиссией формируется модель цифрового взаимодействия, опосредованного государственной информационной системой.

Эволюция административной процедуры приёма в образовательные организации высшего образования

Традиционная модель административной процедуры приёма в вуз характеризовалась следующими чертами: личная подача документов абитуриентом; непосредственное взаимодействие с приёмной комиссией образовательной организации; оформление заявления и иных документов на бумажном носителе; приёмная комиссия как основной субъект, осуществляющий административную процедуру.

Правовую основу данной процедуры составляет Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»², где зафиксированы общие требования к приёму на обучение. Детализацию порядка регламентируют подзаконные акты Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Традиционная приёмная процедура по своей правовой природе относилась к классическому административному регулированию: вуз выступал уполномоченным субъектом, оказывающим государственную услугу. Немаловажным был территориальный фактор – абитуриент либо обращался очно, либо отправлял документы почтой, и оба варианта создавали реальные препятствия для доступа к образованию.

Электронная подача документов через внутренние системы вузов стала первым шагом к цифровизации приёмной кампании. Настоящий перелом, случился позже, когда заработал суперсервис «Поступление в вуз онлайн», объединивший всё взаимодействие абитуриентов с университетами в единый канал.

В 2025 году суперсервис заметно расширил свои возможности: через ЕПГУ впервые открылась подача документов не только на бакалавриат и специалитет, но и на магистратуру и аспирантуру. Цифровая модель, прежде охватывавшая лишь первый уровень высшего образования, распространилась на все его ступени – и это, надо сказать, вполне логичное продолжение начатого курса.

Статистический анализ функционирования суперсервиса (на примере РУДН им. Патриса Лумумбы)

Опыт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) наглядно отражает, как вузы переходят к цифровым форматам взаимодействия. Причём переход этот носит не разовый, а вполне устойчивый характер.

В 2025 году РУДН зафиксировал рекордные 194 186 заявлений – прирост составил 67% относительно предыдущего года³. Объяснение такого скачка лежит на поверхности: 78% абитуриентов воспользовались суперсервисом «Поступление в вуз онлайн», который, судя по цифрам, всерьёз изменил саму механику подачи документов. На уровне бакалавриата число обращений через ЕПГУ и вовсе удвоилось по сравнению с годом ранее.

В 2025 году первое заявление в РУДН поступило через 36 секунд после открытия приёмной кампании – ровно в 00:00:36. Следует отметить, что такой результат говорит сама за себя: и платформа суперсервиса, и сами абитуриенты оказались технически готовы к работе в цифровом формате – причём готовы по-настоящему.

Одновременно наблюдается устойчивое снижение доли личной подачи документов. Если в предыдущие годы значительная часть абитуриентов предпочитала традиционный формат взаимодействия с приёмной комиссией, то в 2025 году цифровой канал стал доминирующим.

Аналогичные тенденции характерны для системы высшего образования в целом. Как было ранее отмечено, по информации Министра науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фалькова, в 2025 году суперсервисом «Поступление в вуз онлайн» воспользовались почти 1 миллион 300 тысяч человек, что на 571 тысячу больше, чем в 2024 году. В процентном соотношении это составляет 79 процентов от общего числа абитуриентов.

Приведённые данные позволяют констатировать формирование устойчивой модели цифрового взаимодействия абитуриентов и образовательных организаций, опосредованного государственной информационной системой. Суперсервис превращается из альтернативного канала подачи документов в основной способ реализации административной процедуры приёма в вуз.

Перспективы развития: переход к обязательному использованию суперсервиса

Важным этапом в развитии цифровой административной процедуры приёма в вуз станут изменения, вступающие в силу с 2026 года. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации изменило порядок поступления в университеты: с 2026 года подать документы через внутренние электронные системы вузов будет нельзя⁴.

Данное решение означает, что абитуриенты, желающие подать документы в электронной форме, смогут сделать это исключительно через ЕПГУ посредством суперсервиса «Поступление в вуз онлайн». Альтернативой останется только личная подача документов непосредственно в приёмную комиссию образовательной организации.

Вместе с тем переход к обязательному использованию суперсервиса порождает ряд вопросов, требующих правового регулирования: обеспечение бесперебойного функционирования системы в пиковые периоды приёмных кампаний; гарантии прав абитуриентов в случае технических сбоев; порядок подтверждения юридически значимых действий, совершённых через суперсервис; ответственность за нарушение порядка функционирования системы.

Сравнительно-правовой анализ: опыт Кыргызской Республики

Для комплексной оценки российской модели цифровой административной процедуры приёма в вуз представляет интерес сравнительный анализ с опытом государств – членов Евразийского экономического союза. Кыргызская Республика стала одним из первых государств Центральной Азии, где поступление в вузы было переведено в онлайн-формат через государственную систему⁵.

В Кыргызстане функционирует государственная информационная система «Абитуриент Online» – единый портал подачи заявлений в университеты. Посредством данной системы абитуриенты: регистрируются в системе; выбирают образовательную организацию и направление подготовки (специальность); загружают необходимые документы; участвуют в конкурсе на зачисление.

Таким образом, процедура поступления полностью автоматизирована через государственную информационную систему, что сближает кыргызскую модель с российским суперсервисом «Поступление в вуз онлайн».

Вместе с тем существуют значимые различия. В Российской Федерации конкурсный отбор основывается на результатах единого государственного экзамена (ЕГЭ) и индивидуальных достижениях абитуриентов. В Кыргызской Республике ключевым элементом являются результаты Общереспубликанского тестирования (ОРТ), которые используются для распределения бюджетных мест. Данное различие обусловлено особенностями национальных систем образования, однако сама модель цифровой административной процедуры демонстрирует значительное сходство.

Опыт Кыргызстана подтверждает, что переход к цифровому формату административной процедуры приёма в вуз является общей тенденцией на постсоветском пространстве. При этом государственная информационная система выступает ключевым инструментом обеспечения единообразия, прозрачности и доступности данной процедуры.

Административно-правовые особенности суперсервиса как цифровой административной процедуры

Анализ правового регулирования и практики функционирования суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» позволяет выделить ряд административно-правовых особенностей, характеризующих его как новую форму административной процедуры.

¹ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 8.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.03.2026).

³ «Создать более удобную, прозрачную и эффективную систему»: в РУДН проходит стратегическая сессия Минобрнауки РФ о будущем приёмной кампании. Официальный сайт РУДН [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rudn.ru/media/news/education/sozdat-bolee-udobnuyu-prozrachnuyu-i-effektivnyuyu-sistemu-v-rudn-prohodit-strategicheskaya-sessiya-minobrnauki-rf-o-budushchem-priemnoy-kampanii>.

⁴ Минобрнауки изменило порядок поступления в университеты // ТАСС. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26144633>

⁵ Хайбулина Ф.Д. Цифровизация образования в Кыргызской Республике: к истории вопроса / Ф.Д. Хайбулина // Вестник КРСУ. 2026. Т. 26. № 2. С. 191–202.

Во-первых, изменяется субъектный состав административного правоотношения. В традиционной модели основными субъектами выступали абитуриент и приёмная комиссия образовательной организации. В цифровой модели добавляется третий субъект – оператор государственной информационной системы (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации). Возникает сложная система правоотношений, включающая взаимодействие «абитуриент – ЕПГУ», «ЕПГУ – образовательная организация», «образовательная организация – абитуриент».

Во-вторых, трансформируются формы юридически значимых действий. Заявление о приёме, согласие на зачисление, отзыв документов и иные юридически значимые действия совершаются в электронной форме и удостоверяются посредством единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА). Это требует переосмысления традиционных подходов к форме административных актов и документов¹.

В-третьих, существенно сокращаются сроки совершения административных действий. Как показывает приведённая статистика РУДН, подача заявления занимает считанные секунды, тогда как при личном обращении данная процедура требовала значительно большего времени.

В-четвёртых, обеспечивается принцип «одного окна» в его цифровом воплощении. Абитуриент взаимодействует с единой точкой входа (ЕПГУ), не обращаясь непосредственно в каждую образовательную организацию.

В-пятых, реализуется автоматическое межведомственное взаимодействие. Сведения о результатах ЕГЭ, документах об образовании, индивидуальных достижениях могут быть получены из соответствующих информационных систем без участия заявителя, что соответствует принципу минимизации документов, истребуемых у граждан².

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Суперсервис «Поступление в вуз онлайн» представляет собой качественно новую форму административной процедуры, характеризующуюся полной цифровизацией взаимодействия между абитуриентом и образовательной организацией, опосредованного государственной информационной системой. Данный суперсервис трансформирует традиционную административную процедуру приёма в вуз в цифровую административную процедуру, реализуемую через ЕПГУ.

Статистические данные приёмной кампании 2025 года, в том числе на примере РУДН, свидетельствуют о формировании устойчивой модели цифрового взаимодействия: 78–79 процентов абитуриентов используют суперсервис, доля личной подачи документов продолжает снижаться.

Планируемый с 2026 года переход к обязательному использованию суперсервиса для электронной подачи документов знаменует новый этап развития цифровых административных процедур в сфере высшего образования. Это требует дальнейшего совершенствования правового регулирования, в том числе в части гарантий прав абитуриентов.

Сравнительный анализ с опытом Кыргызской Республики подтверждает, что переход к цифровому формату административной процедуры приёма в вуз является общей тенденцией, а государственная информационная система выступает ключевым инструментом её реализации.

Дальнейшие научные исследования в данной области могут быть направлены на разработку теоретической концепции цифровых административных процедур, определение их места в системе административного права, а также анализ гарантий прав граждан при использовании суперсервисов.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.03.2026).
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.03.2026).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 89 «О функционировании суперсервиса „Поступление в вуз онлайн“» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.03.2026).
4. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 6-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 412.

¹ Хабриева Т.Я., Черногол Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 97.

² Южаков В.Н., Талапина Э.В., Ефремов А.А. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. № 3.

5. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 8.

6. Хабриева Т.Я., Черногол Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 97.

7. Хайбулина Ф.Д. цифровизация образования в Кыргызской Республике: к истории вопроса / Ф.Д. Хайбулина // Вестник КРСУ. 2026. Т. 26. № 2. С. 191–202.

8. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Ефремов А.А. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. № 3.

9. «Создать более удобную, прозрачную и эффективную систему»: в РУДН проходит стратегическая сессия Минобрнауки РФ о будущем приёмной кампании. Официальный сайт РУДН [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rudn.ru/media/news/education/sozdat-bolee-udobnuyu-prozrachnuyu-i-effektivnuyu-sistemu-v-rudn-prohodit-strategicheskaya-sessiya-minobrnauki-rf-o-budushchem-priemnoy-kampanii>.

10. Минобрнауки изменило порядок поступления в университеты // ТАСС. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26144633>.

11. Минобрнауки изменило порядок поступления в университеты // ТАСС. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26144633>.

12. Приемная кампания-2025: вузы зачислили 904 тысяч студентов по всей стране. РИА Новости Крым. [Электронный ресурс] // URL: <https://crimea.ria.ru/20250917/priemnaya-kampaniya-2025-vuzy-zachislili-904-tysyach-studentov-po-vsey-strane-1149514958.html>

SUPERSERVICE «ONLINE UNIVERSITY ADMISSION» AS A NEW FORM OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Bashmakova V.I.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The subject of the study is the legal relationship arising in the process of implementing the administrative procedure for admission to educational organizations of higher education through the superservice "Acquiring an online university." The purpose of the work is to determine the legal nature of the superservice as a new form of administrative procedure and identify trends in its development. The methodological basis was formal-legal, comparative legal and statistical methods. As a result of the study, it was found that superservice is a digital transformation of the traditional administrative procedure for the provision of public services in the field of education. On the example of the admission campaign of the 2025 Russian University of Peoples' Friendship University, a steady trend of transition to a digital interaction format was demonstrated. A comparative analysis with the experience of the Kyrgyz Republic was carried out. The scientific novelty lies in the comprehensive administrative and legal analysis of the superservice as an element of the digital public administration system. Conclusions are formulated about the prospects for the development of digital administrative procedures in the field of higher education.

Keywords: administrative procedure; super service; digitalization; public services; higher education; Unified portal of public services; admission to the university; e-government.

References

1. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" // SPS ConsultantPlus (accessed on March 26, 2026).
2. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus (accessed on March 26, 2026).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 26, 2023 No. 89 "On the Functioning of the Super Service "Online University Admission"" // SPS ConsultantPlus (accessed on March 26, 2026).
4. Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: Textbook. 6th ed., revised. M.: Norma: INFRA-M, 2020. P. 412.
5. Talapina E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal of Russian Law. 2018. No. 2. P. 8.
6. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the context of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 97.
7. Khaibulina F.D. Digitalization of education in the Kyrgyz Republic: on the history of the issue / F.D. Khaibulina // Bulletin of KRSU. 2026. Vol. 26. No. 2. P. 191–202.
8. Yuzhakov V.N., Talapina E.V., Efremov A.A. Legal restrictions for the use of breakthrough digital technologies in public administration // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Public and Municipal Administration. 2018. No. 3.
9. "Create a more convenient, transparent, and efficient system": a strategic session of the Russian Ministry of Education and Science on the future of the admissions campaign is taking place at RUDN University. RUDN University official website [Electronic resource] // URL: <https://www.rudn.ru/media/news/education/sozdat-bolee-udobnuyu-prozrachnuyu-i-effektivnuyu-sistemu-v-rudn-prohodit-strategicheskaya-sessiya-minobrnauki-rf-o-budushchem-priemnoy-kampanii>.
10. The Ministry of Education and Science has changed the procedure for admission to universities // TASS. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26144633>.
11. The Ministry of Education and Science has changed the procedure for admission to universities // TASS. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26144633>.
12. Admissions campaign 2025: universities have enrolled 904 thousand students across the country. RIA Novosti Crimea. [Electronic resource] // URL: <https://crimea.ria.ru/20250917/priemnaya-kampaniya-2025-vuzy-zachislili-904-tysyach-studentov-po-vsey-strane-1149514958.html>

Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей: основания признания недействительным и критерии определения обоснованного размера алиментов

Белова Валентина Петровна,

нотариус нотариального округа г. Пугачёва и Пугачёвского района Саратовской области

E-mail: belovavp@sarnotary.ru.

Предметом исследования являются правоотношения, возникающие при оспаривании соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в процедурах банкротства. Цель работы – систематизация оснований признания судом таких соглашений недействительными и выработка практических рекомендаций для нотариусов. Методологическую основу составляют общенаучные методы (анализ, синтез, индукция) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод анализа судебной практики). На основе актуальной практики арбитражных судов выделены типичные основания признания соглашения недействительным, а также совокупность обстоятельств, исключающих недействительность сделки. Новизна исследования состоит в систематизации критериев оценки обоснованности размера алиментов и формулировании рекомендаций нотариусам по установлению обстоятельств, подлежащих выяснению при удостоверении соглашений об уплате алиментов. Результаты исследования могут быть использованы в нотариальной практике, а также в деятельности арбитражных управляющих и судов при рассмотрении дел о банкротстве.

Ключевые слова: соглашение об уплате алиментов, судебная практика, размер алиментов, мнимая сделка, нотариус, нотариальное удостоверение.

Введение

Забота о детях и их воспитание является и правом, и обязанностью родителей закрепленным в части 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации. Содержание несовершеннолетних детей является обязанностью родителей, что прямо предусмотрено в статье 80 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2]. При этом у родителей сохраняется право самостоятельно определять форму и порядок содержания несовершеннолетних детей.

Семейным кодексом Российской Федерации установлен приоритет добровольного исполнения родителями обязанности содержать своих детей. Одной из форм содержания несовершеннолетних детей является уплата алиментов, направленная на обеспечение условий жизни, необходимых для развития, воспитания и образования [6].

При этом ключевым вопросом по спорам о признании соглашения об уплате алиментов недействительными является баланс интересов детей как кредиторов по алиментам и обычных гражданско-правовых кредиторов.

В ходе анализа судебной практики по обозначенному вопросу установлено, что как правило требования о недействительности соглашения об уплате алиментов заявляются по основаниям установленным пунктом 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации ввиду его мнимости, отсутствия реального характера соглашения, завышенного и чрезмерного размера алиментов и как следствие заключение его исключительно в целях создания искусственной кредиторской задолженности [7,8].

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики арбитражных судов Российской Федерации за период 2017–2026 годов по делам об оспаривании соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в рамках процедур банкротства физических лиц. В частности, были проанализированы судебные акты арбитражных судов округов (Западно-Сибирского, Московского, Поволжского, Северо-Западного, Уральского), арбитражных апелляционных судов (Седьмого, Девятого, Одиннадцатого, Тринадцатого), а также определения судов первой инстанции, размещённые в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс» и в Картоотеке арбитражных дел [7]. Ключевым ориентиром при анализе послужила правовая позиция, выраженная в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 г. № 310-ЭС17–9405, которая сформировала единообразный подход нижестоящих судов к рассмотрению данной категории дел [8].

Теоретическую основу исследования составили положения гражданского и семейного законодательства Российской Федерации, законодательства о несостоятельности (банкротстве), а также законодательства о нотариате [1,6]. В работе использованы труды отечественных исследователей в области семейного права и нотариальной деятельности, в частности работы, посвящённые проблематике признания мнимыми алиментных соглашений в судебной практике [3].

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Из общенаучных методов применялись: анализ – при изучении отдельных судебных актов и выделении значимых обстоятельств каждого дела; синтез – при формировании обобщённых выводов о типичных основаниях признания соглашения недействительным и об обстоятельствах, исключающих недействительность; индукция – при переходе от выводов по конкретным делам к общим закономерностям правоприменительной практики.

Из специально-юридических методов использовались: формально-юридический метод – при толковании норм гражданского, семейного законодательства и законодательства о банкротстве; сравнительно-правовой метод – при сопоставлении позиций различных судебных инстанций и выявлении противоречий в правоприменительной практике; метод системного анализа – при установлении взаимосвязи между нормами семейного, гражданского законодательства и законодательства о банкротстве применительно к институту алиментных соглашений; метод анализа судебной практики – при систе-

матизации судебных актов по категориям оснований удовлетворения и отказа в удовлетворении требований об оспаривании соглашений об уплате алиментов.

Результаты и обсуждения

Обстоятельства, подлежащие установлению при рассмотрении дел о признании недействительным соглашения об уплате алиментов

Основные обстоятельства подлежащие установлению судом при разрешении вопроса о допустимости оспаривания соглашения об уплате алиментов сформулированы в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 г. № 310-ЭС17-9405 по делу № А09-2730/2016, и исходят из отсутствия равенства баланса интересов детей как кредиторов по алиментам и обычных гражданско-правовых кредиторов, приоритетного значения интересов детей по отношению к обычным кредиторам, поскольку Российская Федерация является социальным государством (часть 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации), под защитой которого находятся материнство и детство (часть 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации) [8]. А также разъяснено, что для квалификации такой сделки в качестве недействительной необходимо установить, что согласованный (бывшими) супругами размер алиментов носил явно завышенный и чрезмерный характер, чем был причинен вред иным кредиторам гражданина. При этом необходимо исходить не из относительного (процентного) показателя согласованного сторонами размера алиментов, а из абсолютной величины денежных средств, выделенных ребенку (для чего необходимо установить уровень доходов плательщика алиментов). В случае если такая сумма явно превышает разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании, то соглашение может быть признано недействительным в части такого превышения, но в любом случае с сохранением в силе соглашения в той части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке [6,8].

Основания признания соглашения об уплате алиментов недействительным

Руководствуясь указанными разъяснениями, суды удовлетворяя требования финансового управляющего должника о признании соглашения об уплате алиментов недействительными в части установленного размера алиментов, в размере, превышающем величину прожиточного минимума для социально-демографической группы населения «дети» в соответствующем регионе, с сохранением в силе соглашения в той части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке, и признавая размер алиментов установленный по соглашению явно завышенным и чрезмерным, исходят из совокупности обстоятельств свидетельствующих о наличии умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на причинение вреда иным лицам (кредиторам), к которому, как правило, относится:

Заключение соглашения в период подозрительности, установленный пункт 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [7];

Наличие на дату заключения соглашения у должника неисполненных обязательств с наступившим сроком исполнения перед кредитором, наличие признаков неплатежеспособности, что подтверждается решением суда о взыскании задолженности, производством в суде по делу о взыскании задолженности, наличием исполнительного производства о взыскании задолженности, арестом имущества должника;

Состояние плательщика и получателя алиментов в зарегистрированном браке, их совместное проживание, ведение совместного хозяйства, и, как следствие, совместное расходование средств на семейные нужды, в том числе и ребенка;

Кратное превышение размера алиментов по соглашению установленного в субъекте размера прожиточного минимума для детей при недоказанной необходимости несения ежемесячных дополнительных затратах, значительно превышающих размер прожиточного минимума на несовершеннолетних в субъекте, а также предоставляемого ему ранее содержания, с учетом уровня доходов должника, состояния здоровья несовершеннолетнего, необходимости в дополнительных расходах;

Заключение соглашения без намерения его исполнять, а равно заключение соглашения на заведомо неисполнимых условиях, отсутствие у плательщика алиментов соответствующего дохода для исполнения заключенного соглашения (установление суммы подлежащих уплате алиментов в размере равном или превышающем доходы должника) [1,7].

Отказывая в удовлетворении требования финансового управляющего оспаривающего в качестве сделок действия, направленные на ис-

полнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с семейным законодательством, а равно требования кредиторов плательщика алиментов, суды принимали во внимание следующие обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии совокупности оснований для признания сделки недействительной: отсутствие у должника признаков неплатежеспособности и неисполненных обязательств перед кредиторами на момент заключения соглашения об уплате алиментов; размер дохода должника, позволяющий констатировать наличие на момент заключения соглашения у плательщика алиментов финансовой возможности исполнения алиментного соглашения в установленном соглашением размере; фактическое, документально подтвержденное исполнение должником обязательств по соглашению; раздельное проживание плательщика и получателя алиментов, отсутствие ведения общего хозяйства [3,7,6].

При этом отсутствие чрезмерности установленного соглашением размера алиментов устанавливалось судом исходя из дохода должника на момент заключения соглашения и необходимости обеспечения достойного уровня жизни несовершеннолетнего ребенка, а также исходя из того что размер алиментов по соглашению не превышает размера алиментов который мог быть установлен по закону, либо превышает его незначительно [6,8].

Так же судами неоднократно указывается, что факт неплатежеспособности не освобождает должника от исполнения обязанности родителя по содержанию своих несовершеннолетних детей. Поэтому, даже когда судом установлено, что соглашение об уплате алиментов заключено в период подозрительности (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве), с аффилированным лицом и на момент заключения соглашения у должника имелись неисполненные обязательства перед кредиторами, в том числе были возбуждены исполнительные производства и/или арестовано имущество должника, при этом размер алиментов установленный по соглашению не превышает размера алиментов, который мог быть взыскан с должника в судебном порядке или незначительно превышает величину прожиточного минимума на ребенка в субъекте РФ, суды отказывают в удовлетворении требований кредиторов и финансовых управляющих о признании соглашения об уплате алиментов недействительным [3,8].

Заключение

Как видно на практике при заключении соглашения об уплате алиментов наиболее проблемным является вопрос определения размера алиментов достаточного для обеспечения достойного уровня жизни ребенка, максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения и не являющегося чрезмерным и явно завышенным.

В проанализированной судебной практике в каждом конкретном деле величина денежных средств, фактически подлежащих уплате на содержание ребенка, признавалась судом обоснованной или завышенной исходя из совокупности обстоятельств конкретного дела, именно поэтому в одном случае алименты, установленные соглашением в размере 27 000 руб. в месяц на одного ребенка признаны судом завышенными и чрезмерными, а в другом деле уплата алиментов в размере 500 000 руб. в месяц на двоих детей признана судом обоснованной и соответствующей размеру, который должен был быть установлен в соответствие с законом.

При этом установление по соглашению размера алиментов в деловом отношении к заработку плательщика алиментов, установленном статьей 81 СК РФ, не является универсальным решением, поскольку может не отвечать интересам несовершеннолетних детей, в случае если исходя из реальных доходов плательщика алиментов, фактический размер алиментов будет составлять незначительную сумму, которая с учетом установленного прожиточного минимума на детей в субъекте РФ, не позволит содержать детей и обеспечить их минимальные жизненные потребности, что приведет к нарушению баланса интересов детей и нарушению прав на их достойное существование.

На основании изложенного можно сделать вывод, что для выявления действительной воли сторон направленной на обеспечение содержания детей, без намерения ущемления интересов других лиц, при заключении соглашения об уплате алиментов нотариусу, как и судам, следует исходить из абсолютной величины денежных средств, подлежащих уплате на содержание ребенка, учитывать уровень дохода плательщика алиментов, имущественное положение семьи до момента прекращения родителями ребенка совместного проживания либо до момента прекращения одним из родителей выплаты средств на содержание ребенка в добровольном порядке (по соглашению сторон) при раздельном проживании родителей, наличие и примерный размер дополнительных расходов на содержание (образование) ребенка.

И несмотря на то, что ни законом об Основных законодательства Российской Федерации о нотариате, ни Регламентом совершения но-

тариусами нотариальных действий, устанавливающим объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксации, не предусмотрено истребование документов, подтверждающих доходы плательщика алиментов, для удостоверения соглашения об уплате алиментов, представляется, что без установления реального уровня его доходов, соблюдение баланса интересов несовершеннолетнего ребенка и кредиторов плательщика алиментов будет являться затруднительным.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: [ред. от 24.07.2023] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: [ред. от 31.07.2023] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: [ред. от 04.08.2023] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1: [ред. от 24.07.2023] // Российская газета. – 1993. – № 49.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 окт. 2017 г. № 310-ЭС17-9405 по делу № А09-2730/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Нохрина, М.Л. Признание мнимыми алиментных соглашений в судебной практике / М.Л. Нохрина // Нотариальный Вестник. – 2013. – № 6. – С. 14–20.
8. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: учебник для вузов / Л.М. Пчелинцева. – 6-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 720 с.
9. Ярков, В.В. Нотариат и нотариальная деятельность: учеб. пособие для курсов повышения квалификации нотариусов / В.В. Ярков, В.Г. Бударина; под ред. В.В. Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 656 с.

AGREEMENT ON PAYMENT OF CHILD SUPPORT FOR MINOR CHILDREN: GROUNDS FOR INVALIDATION AND CRITERIA FOR DETERMINING A REASONABLE AMOUNT OF ALIMONY

Belova V.P.

The subject of the study is the legal relations arising when challenging alimony payment agreements for minor children in bankruptcy proceedings. The purpose of the work is to systematize the grounds for courts to invalidate alimony payment agreements and to develop practical recommendations for notaries. The methodological basis includes general scientific methods (analysis, synthesis, induction) and special legal methods (formal-legal, comparative-legal, judicial practice analysis). Based on current arbitration court practice, typical grounds for invalidity of such agreements have been identified, as well as a set of circumstances excluding invalidity. The novelty of the study lies in the systematization of criteria for assessing the validity of the amount of alimony and the formulation of recommendations for notaries on establishing circumstances to be clarified when certifying alimony payment agreements. The results can be used in notarial practice and in the activities of arbitration managers and courts in bankruptcy cases.

Keywords: alimony payment agreement, judicial practice, alimony amount, sham transaction, notary, notarial certification, bankruptcy, invalidity of transaction.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993; with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 01.05.2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): federal law of 30.11.1994 No. 51-FZ: [as amended on 24.07.2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
3. Family Code of the Russian Federation: federal law of 29.12.1995 No. 223-FZ: [as amended on 24.07.2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
3. Family Code of the Russian Federation: federal law of 29.12.1995 No. 223-FZ: [as amended on 24.07.2023] [from 31.07.2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
4. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ: [as amended on 04.08.2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
5. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries: approved. by the Supreme Council of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1: [as amended on 24.07.2023] // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 49.
6. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 27, 2017, No. 310-ES17-9405 in case No. A09-2730/2016 // SPS "ConsultantPlus".
7. Nokhrina, M.L. Recognition of alimony agreements as sham in judicial practice / M.L. Nokhrina // Notarial Bulletin. – 2013. – No. 6. – P. 14–20.
8. Pchelintseva, L.M. Family Law of Russia: a textbook for universities / L.M. Pchelintseva. – 6th ed., revised. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2010. – 720 p.
9. Yarkov, V.V. Notaries and notarial activity: a textbook for advanced training courses for notaries / V.V. Yarkov, V.G. Budarin; edited by V.V. Yarkov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2009. – 656 p.

Блинов Дмитрий Александрович,
аспирант Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dssblum@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией ключевого права вышедшего участника непубличного общества – права на получение действительной стоимости доли в обществе в случае его банкротства. Так, в статье рассматривается вопрос относительно очередности удовлетворения данного требования в деле о банкротстве общества. Кроме того, в статье рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением права на получение действительной стоимости на стадии возбуждения производства по делу о банкротстве в отношении общества. По результатам изучения указанных тем делается предположение о необходимости изменения правовых подходов, согласно которым не допускается включение в реестр требований кредиторов требования о выплате действительной стоимости доли, равно как и не допускается признание должника банкротом по заявлению кредитора, имеющего такое требование.

Ключевые слова: действительная стоимость доли, несостоятельность, банкротство, корпоративное требование, понижение очередности, вышедший участник.

Право на получение действительной стоимости доли в непубличном обществе является, в случае выбытия участника (акционера) по основаниям, не связанным с отчуждением доли (акций) [1], фактически, основным правом вышедшего участника в отношениях с этим обществом.

Ситуация, при которой участник при определенных основаниях выбывает из общества и у него возникает право требовать выплаты действительной стоимости доли в данном обществе, а оно в дальнейшем признаётся судом несостоятельным (банкротом) и в отношении него открывается процедура конкурсного производства, не является достаточно редкой. Нередкость такой ситуации (применительно к ситуации выхода участника из общества и последующего банкротства этого общества) прямо отмечает и Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в одном из определений [2].

В законодательстве не закреплена очередность удовлетворения требования о выплате действительной стоимости доли, равно как и особенности удовлетворения такого требования в деле о банкротстве. Судебной практикой выработан правовой подход, согласно которому требование, вытекающее из факта участия в обществе, которое признано банкротом, не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов и, соответственно, не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника [3].

Вместо включения таких требований в реестр требований кредиторов суды исходят из необходимости их удовлетворения в порядке, предусмотренном пунктом 1 статьи 148 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] (далее – Закон о банкротстве), т.е. после завершения расчётов со всеми остальными кредиторами и наравне с остальными участниками должника [5]. Соответственно, в данном случае получение вышедшим участником действительной стоимости доли становится практически невозможным, поскольку нередко непогашенными остается существенная часть требований, даже включенных в реестр.

При этом, судебная практика также исходит из того, что для определения признаков банкротства задолженность по выплате действительной стоимости доли, носящая корпоративный характер, не учитывается, в связи с чем общество не может быть признано банкротом по заявлению вышедшего участника, имеющего соответствующее требование [6].

Суды обосновывают указанные правовые подходы тем, что требование вышедшего участника о выплате действительной стоимости доли носит корпоративный характер и не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов.

Так, в судебной практике выработан правовой подход, в соответствии с которым «именно участники (акционеры) хозяйственного общества-должника, составляющие в совокупности высший орган управления обществом (общее собрание участников (акционеров)), ответственны за эффективную деятельность самого общества и, соответственно, несут определенный риск наступления негативных последствий своего управления им» [7].

Обосновывая необходимость понижения очередности корпоративного требования, ВС РФ исходит из того, что раз участники контролируют деятельность должника, то и на них, ввиду их возможности влиять на деятельность должника, подлежит распределению риск банкротства общества, путём запрета противопоставлять свои требования требованиям иных (независимых) кредиторов [8].

¹ Далее под «участником» и «долей» в настоящей статье (наравне с участниками и долями в обществах с ограниченной ответственностью) также подразумеваются «акционеры» и «акции» непубличных акционерных обществ.

² См.: Определение ВС РФ от 10.08.2023 г. № 305-ЭС19-22252 (4) по делу № А40-23687/2017.

³ См., напр.: Определение ВС РФ от 06.07.2017 г. № 308-ЭС17-1556 (1) по делу № А32-19056/2014.

⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43, ст. 4190.

⁵ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.04.2023 г. № Ф09-1011/2023 по делу № А60-41683/2022.

⁶ См., напр.: Определение ВС РФ от 31.03.2025 г. № 305-ЭС25-1196 по делу № А40-59299/2024.

⁷ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.11.2010 г. № 10254/10 по делу № А45-808/2009.

⁸ См.: Определение ВС РФ от 06.07.2017 г. № 308-ЭС17-1556 (1) по делу № А32-19056/2014.

В другом аналогичном споре ВС РФ указывает на то, что характер требований, вытекающих из участия в обществе, непосредственно связан с ответственностью участников за деятельность общества в пределах стоимости принадлежащих им долей, т.е. такие требования носят внутренний характер и не могут конкурировать с внешними обязательствами [1].

Указанная судебная практика выработана в спорах о включении в реестр требований, заявленных как гражданско-правовые, но в действительности являющихся корпоративными. Тем не менее, указанные позиции, фактически, представляют собой обоснование «понижения очередности» любых корпоративных требований на основании абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве до требований, указанных в п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве.

Вместе с тем указанное обоснование не во всех случаях представляется бесспорным.

Так, справедливость подхода относительно невозможности возбуждения дела о банкротстве по заявлению выбывшего участника, имеющего требование о выплате действительной стоимости доли, ставится под сомнение Д.Н. Латыповым: он указывает на то, что наличие такого требования уже свидетельствует о корпоративном конфликте [2], что при отсутствии внешних кредиторов отсутствует и конкуренция их требований с требованием вышедшего участника, а также что правоприменительная практика позволяет возбудить дело о банкротстве в отношении должника – юридического лица по заявлению аффилированного лица. В связи с указанным Д.Н. Латыповым ставится вопрос: чем принципиально отличается денежное требование вышедшего участника от денежного требования, аффилированного по отношению к обществу-должнику лица? [3]

В дополнение к указанному следует отметить, что с учётом сложившегося подхода о признании требований о выплате действительной стоимости доли подлежащими удовлетворению в соответствии с п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, даже в случае последующей подачи независимыми кредиторами заявлений о включении их требований в реестр, права этих независимых кредиторов нарушаться не будут, поскольку они в любом случае будут в очередности выше, чем выбывший участник, тогда как арбитражный управляющий, кандидатура которого могла быть предложена изначально участником, в любом случае может быть отстранен в случае совершения им тех или иных недобросовестных действий.

То, что подход, согласно которому не допускается инициирование любых корпоративных банкротств, является излишне категоричным, также отмечается Р.И. Сайфуллиным [4].

Также следует отметить, что исключение возможности инициирования процедуры банкротства выбывшим участником, имеющим требование о выплате действительной стоимости доли, фактически, может открывать дорогу к уклонению общества от осуществления данной выплаты, в том числе путём совершения сделок, которые могли бы быть оспорены в деле о банкротстве, равно как и путём совершения контролирующими лицами действий, за которые они могли бы быть привлечены к субсидиарной ответственности. Невозможность использования указанных механизмов, предусмотренных законодательством о банкротстве и направленных на максимально возможное удовлетворение требований кредиторов, при отсутствии видимых препятствий к этому (в том числе в виде нарушения прав любых третьих лиц), как представляется, может повлечь за собой ограничение конституционного права на судебную защиту.

Относительно выработанного правового подхода об удовлетворении требований о выплате действительной стоимости доли в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, следует отметить следующее.

Во-первых, п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве фактически закрепляет распределение оставшегося имущества должника между его участниками пропорционально размерам их долей [5]. Вместе с тем

в ситуации, когда имеется также непогашенное требование выбывшего участника о выплате действительной стоимости доли, возникает вопрос относительно расчёта подлежащих выплате сумм: с одной стороны имеется выбывший участник с требованием о выплате действительной стоимости доли в твердой денежной сумме, а с другой стороны – действующие участники, которые такого требования не имеют, а вправе лишь рассчитывать на имущество, оставшееся у общества, с его распределением пропорционально размерам долей.

Данный вопрос может быть проиллюстрирован следующим образом. Предположим, что имеется выбывший участник с требованием о выплате действительной стоимости доли в размере 100 рублей. С другой стороны, имеется два действующих участника с долями в уставном капитале 30 и 70 процентов соответственно. У общества осталось нераспределённым имущество на сумму 100 рублей. Соответственно возникает вопрос: как распределить это имущество «пропорционально» размерам долей, если есть два участника с такими долями, а третье лицо, также имеющее право на это имущество, доли не имеет? Должно ли в данном случае учитываться соотношение долей, которое имело место быть на момент участия выбывшего участника в обществе? Или же следует исходить из наличия прав требований у действующих участников пропорционально размерам их долей (30 и 70 рублей соответственно), и распределять имущество пропорционально размерам всех имеющихся требований (30, 70 и 100 рублей)?

Во-вторых, вызывает сомнение и обоснованность приравнивания выбывших участников к текущим участникам при удовлетворении требований: в то время как первые имели денежное требование до возбуждения дела о банкротстве и в случае ликвидации получили бы его удовлетворение до начала распределения оставшегося после ликвидации имущества, вторые какого-либо аналогичного денежного требования после расчётов с остальными кредиторами, могло бы возникнуть исключительно в случае, соответственно а) удовлетворения всех требований кредиторов и б) наличия нераспределённого имущества.

Впрочем, в судебной практике высказывается и позиция, в соответствии с которой выбывшие участники с требованиями о выплате действительной стоимости доли также должны получать удовлетворение в случае ликвидации наравне с остальными участниками за счёт оставшегося имущества в соответствии со статьей 58 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6] (далее по тексту – Закон об ООО) [7].

Вместе с тем ст. 58 Закона об ООО, как и п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, также закрепляет порядок распределения имущества, оставшегося после удовлетворения требований всех остальных кредиторов, между именно действующими участниками. С учётом отсутствия, как это имеется при банкротстве, недостаточности имущества для погашения всех кредиторов, основания для такого «понижения» очередности требования о выплате действительной стоимости доли к ликвидируемому обществу тем более вряд ли будут иметься. Кроме того, в рамках банкротства «понижение» очередности требования о выплате действительной стоимости доли осуществляется, в первую очередь, за счёт его противопоставления требованиям конкурсных кредиторов, указанных в абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве. При этом, данное противопоставление не может осуществляться в рамках корпоративного законодательства и норм о ликвидации.

Таким образом, в связи с наличием дела о банкротстве, выбывший участник должника, фактически, лишается возможности получить исполнение по требованию о выплате действительной стоимости доли за счёт имущества должника до распределения ликвидационной квоты, поскольку, исключительно из-за проведения процедуры банкротства, ему приходится конкурировать за имущество должника с остальными участниками, не имеющими какого-либо денежного требования к должнику, возникшему до банкротства.

размерам их долей, такое решение представляется единственно возможным (было бы несправедливо распределять имущество между участниками с размерами долей, например, 95% и 5%, по модели «50 на 50»). Кроме того, пропорциональное удовлетворение требований устанавливается Законом о банкротстве (п. 3 ст. 142), а пропорциональное размерам долей распределение оставшегося после ликвидации имущества устанавливается корпоративным законодательством, в связи с чем при банкротстве может быть применен аналогичный подход.

6 Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

7 См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2016 № 07АП-8043/2016 по делу № А45-7350/2016. Следует отметить, что в данном деле судом исследовался вопрос не относительно очередности удовлетворения требования выбывшего участника о выплате действительной стоимости доли, а вопрос относительно возможности возбуждения дела о банкротстве в связи с обнаружением в процедуре ликвидации недостаточности имущества для погашения указанного требования.

¹ См.: Определение ВС РФ от 15.02.2018 г. № 305-ЭС17-17208 по делу № А40-10067/2016.

² Наличие данного замечания обусловлено тем, что суды, отказывая признавать банкротом общество, обязанным выплатить действительную стоимость доли, отмечают, в том числе, то, что институт банкротства не может являться способом разрешения корпоративного конфликта (См.: Определение ВС РФ от 15.05.2024 № 301-ЭС21-23374 (4) по делу А43-230/2021).

³ См.: Латыпов Д.Н. Отдельные вопросы корпоративного права (обзор судебной арбитражной практики) // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 3. С. 89–98. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁴ См.: Сайфуллин Р.И. Корпоративное банкротство в отсутствие независимых кредиторов (комментарий к определению ВС РФ от 15.03.2024 № 305-ЭС23-21489) // Цивилистика. 2025. № 2. С. 168.

⁵ Хотя напрямую п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве не указывает на необходимость распределения имущества между участниками именно пропорционального

В-третьих, вызывает сомнение и справедливость подхода, согласно которому требование о выплате действительной стоимости доли не подлежит включению в реестр требований кредиторов во всех случаях. Действительно, когда участник выходит (или исключается из общества по решению суда) при наличии признаков банкротства, или после принятия управленческих решений, повлекших за собой возникновение признаков банкротства, очевидно, его требование не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов.

Но, вместе с тем, возможны и ситуации, когда выход участника, наоборот, был осуществлен задолго ^[1] до возникновения признаков банкротства, а данный участник никак не связан с последующим банкротством должника.

В данной ситуации, очевидно, отсутствует влияние на хозяйственную деятельность должника, в т.ч. на действия, приведшие к банкротству, равно как и отсутствует косвенное влияние на неэффективное управление должником, о которых упоминает ВС РФ. Аналогично, в ситуации, когда выбывший участник длительное время не получает исполнение по требованию о выплате действительной стоимости доли, имеется соответствующее решение суда, опубликованное в открытом доступе (или сведения о соответствующем судебном споре), но у должника продолжают появляться независимые кредиторы, вряд ли в данном случае можно говорить о том, что требование о выплате доли продолжает сохранять характер «внутреннего».

В такой ситуации выбывший участник заведомо ставится в худшее положение по сравнению с другими кредиторами, которые могут знать, что у общества имеется существенная задолженность перед этим участником, но, тем не менее, с уверенностью вступать в отношения с должником, зная, что имеющаяся задолженность всё равно будет погашаться после погашения всех остальных требований.

Как отмечает ВС РФ в одном из определений, если выход осуществлен участником до возникновения признаков неплатежеспособности общества, то его требование подлежит удовлетворению до распределения ликвидационной квоты между оставшимися участниками, однако после требований лиц, указанных в пункте 3.1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом ВС РФ 29.01.2020 г. (далее – Обзор от 29.01.2020 г.) ^[2].

Другими словами, ВС РФ говорит о том, что требование выбывшего участника о выплате ему действительной стоимости доли в случае, если этот участник являлся добросовестным и осуществил выход до возникновения признаков неплатежеспособности общества, является приоритетным по отношению к распределению ликвидационной квоты, но менее приоритетным по отношению к возврату действующему участнику финансирования, оформленного договором займа.

Соответственно, выходит, что возврат выбывшему участнику всего вложенного им в общество (как путём инвестирования, так и путём личного участия) имеет меньший приоритет по сравнению с возвратом вложенного действующему участнику в обществе, действия которого впоследствии могли стать непосредственной причиной банкротства. И, при этом, ВС РФ в Обзоре от 29.01.2020 г. собственно и понижает очередность требований действующего участника, предоставляющего компенсационное финансирование по причине избрания им модели поведения, отличающейся от предписанной Законом о банкротстве.

Более того, Обзор от 29.01.2020 г. закрепляет, что в случае предоставления действующим участником финансирования до возникновения имущественного кризиса общества, вытекающее из этого требование не подлежит субординации и включается в реестр требований кредиторов.

Следовательно, возврат участником финансирования, оформленного в форме договора займа, с учётом действующей правоприменительной практики является более приоритетным чем возврат аналогичного финансирования, оформленного увеличением уставного капитала или вкладом в имущество общества.

Справедливость такого подхода может вызывать сомнение, поскольку в данном случае одной форме инвестирования отдаётся приоритет по отношению к другой без видимых на то причин. При этом, такая форма инвестирования как внесение денежных средств в устав-

ный капитал, в отличие от инвестирования в форме займа, в большей степени направлена на защиту прав независимых кредиторов, поскольку имущество, составляющее уставный капитал, как отмечает Е.А. Суханов, нередко называют также объявленным капиталом ^[3], т.е. капиталом, благодаря которому независимые кредиторы могут рассчитывать на удовлетворение своих требований. Кроме того, как отмечает А.И. Шайдуллин, внешнее финансирование и так имеет, в силу своей гибкости и удобства, для контролирующих лиц заметную привлекательность по сравнению с финансированием внутренним ^[4].

Таким образом, представляется, что форма инвестирования в виде вкладов в имущество общества, в форме увеличения уставного капитала или же в форме совершения действий, приводящих к улучшению экономических показателей общества, с её последующим возвратом в виде действительной стоимости доли, может иметь приоритет не меньший, чем форма инвестирования в виде выдачи суммы займа, с её последующим возвратом в виде взыскания долга.

Возврат вложенного инвестирования в виде взыскания действительной стоимости доли, в отдельных случаях, будет даже в большей степени отвечать интересам кредиторов, поскольку в данном случае будет осуществляться взыскание именно части стоимости чистых активов, т.е. с учётом возникших после инвестирования убытков, тогда как при возврате инвестирования в виде взыскания предоставленных сумм займа, возможные убытки, возникшие после инвестирования, учитываться не будут. Конечно, если деятельность общества после инвестирования оказалась прибыльной, то и сумма действительной стоимости доли будет выше, но, тем не менее, и размер активов должника будет выше, что в любом случае влечёт за собой увеличение шансов независимых кредиторов получить исполнение.

Следует отметить, что, несмотря на указанное, инвестирование путём корпоративных процедур и инвестирование путём выдачи займов обществу регулируются различными нормами права и имеет разную правовую природу (корпоративные и обязательственные отношения). Тем не менее, с точки зрения законодательства о банкротстве и реализуемых в его рамках ликвидационных процедур, а также их целей, различие оснований возникновения соответствующих отношений вряд ли должно приводить к различию в очередности удовлетворения требований, возникших из них.

Разумеется, по общему правилу, независимые кредиторы не могут предоставить исчерпывающие доказательства, подтверждающие, что между выбывшим участником и должником продолжают сохраняться, например, доверительные отношения, а наличие требования о выплате действительной стоимости доли обусловлено целью в виде вывода активов: в данном случае будет очевидна информационная асимметрия, поскольку независимые кредиторы, как правило, не имеют и не могут иметь достаточной информации о характере взаимоотношений между действующими и выбывшими участниками.

Аналогично, независимые кредиторы не могут представить и достаточные доказательства, подтверждающие наличие причинно-следственной связи между действиями выбывшего участника и наступившим банкротством: зачастую в данном случае, опять же, присутствует информационная асимметрия, в том числе по причине сокрытия всех или части документов о финансово-хозяйственной деятельности общества.

Тем не менее, если очевидно наличие как минимум корпоративного конфликта, сопровождающегося судебными разбирательствами (об исключении участника, об оспаривании решений собрания, о взыскании действительной стоимости доли и т.п.), и если он продолжается длительное время и, тем более, начался до образования задолженности, приведшей в конечном итоге к банкротству, то требование о взыскании действительной стоимости доли, в данном случае, вряд ли будет иметь характер «внутреннего».

Объясняя необходимость отнесения требований, вытекающих из факта участия в должнике, к неконкурсным, М.В. Телюкина отмечает рискованный характер деятельности участников, а также возможное прямое или косвенное влияние действий участников на финансовые трудности ^[5].

Вместе с тем, относительно несения риска следует отметить, что, опять же, данный риск имеется в период участия в корпорации и прекращается в момент выбытия участника из неё, в связи с чем вряд ли выбывший участник должен нести риски, связанные с неплатежеспо-

¹ Срок на выплату действительной стоимости доли может достигать до одного года. Срок судебного разбирательства также может составлять до одного года и более (в случае представления обществом иного расчёта стоимости доли, проведения экспертизы и т.п.). Двух лет, как правило, может быть вполне достаточно для принятия неверных управленческих решений и наступления признаков банкротства у общества. И, тем более, двух лет может быть достаточно для преднамеренного сокрытия имущества и вывода активов из общества.

² См.: Определение ВС РФ от 10.08.2023 г. № 305-ЭС19-22252 (4) по делу № А40-23687/2017.

³ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 154 С.

⁴ См.: Шайдуллин А.И. Субординация обязательственных требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. – С. 29.

⁵ См.: Телюкина М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. С. 165–166. Цит. по: Родина Н.В., указ. соч.

собностью, наступившей после его выбытия и по основаниям, не зависящим от его действий. Данное обстоятельство объясняется тем, что, неся предпринимательский в связи с участием в обществе, участник, соответственно, имеет и возможность извлечения той или иной прибыли от участия в обществе, т.е. предпринимательский риск всегда сопряжен с возможностью получения определенных выгод. Но в ситуации, когда участник выбывает из общества и прекращает извлекать все преимущества, связанные с участием в обществе, в том числе связанные с извлечением прибыли, то трудно относить на него сопряженный именно с извлечением выгод риск в виде возможных финансовых трудностей и неплатежеспособности общества.

Фактически, возлагая на выбывшего участника ответственность за решения и действия, принятые оставшимися в обществе участниками и (или) менеджментом, который подконтролен данным участникам, на выбывшего участника возлагается и чужой предпринимательский риск, что едва ли в данном случае может быть признано допустимым.

Что касается влияния действий выбывшего участника на финансовые трудности, то, как представляется, выбывший участник должен иметь возможность опровергнуть это, раскрыв необходимые доказательства и предоставив всю связанную с этим информацию. В частности, участник может представить исчерпывающие доказательства отсутствия какого-либо влияния при принятии решений о заключении сделок, приведших в итоге к банкротству. Или же, например, участник может подтвердить, что он последовательно голосовал против принимаемых в обществе решений, в том числе связанных с наступившим в дальнейшем банкротством. Также распространены ситуации, когда участник вообще не может влиять на какие-либо принимаемые в обществе решения ввиду незначительного участия в уставном капитале (за исключением решений, требующих единогласия).

То, что действия того или иного участника не связаны с наступившим банкротством, также может подтверждаться привлечением других участников или директора к субсидиарной ответственности.

Резюмируя изложенное, можно прийти к выводу, что правовой подход, согласно которому не допускается включение в реестр требований кредиторов несостоятельного должника любого (т.е. как возникшего до возникновения признаков неплатежеспособности или кредиторов, которые в дальнейшем будут включены в реестр, так и возникшего после) требования о выплате действительной стоимости доли, требует, в целях обеспечения соблюдения конституционно значимого принципа равенства, определенного смягчения в виде исключений, допускающих, при определенных обстоятельствах, включение в реестр таких требований.

В случае признания возможности таких исключений, наличие обстоятельств, позволяющих выбывшему участнику рассчитывать на включение его требования о выплате действительной стоимости доли в реестр, как представляется, должно доказываться непосредственно данным участником, который должен опровергнуть презумпцию наличия оснований для понижения его требования.

Соответственно, также представляется возможным и признание несостоятельным (банкротом) общества по заявлению выбывшего участника, имеющего право требования о выплате действительной стоимости доли. При этом, независимо от возможности признания такого требования подлежащим включению в реестр требований кредиторов, возможность признания должника несостоятельным (банкротом) должна иметься, как минимум, в случае отсутствия у должника независимых кредиторов, чьи права могли бы этим нарушаться.

Изложенные подходы могут позволить создать определенные гарантии для добросовестных участников на получение действительной стоимости доли с соблюдением прав и законных интересов конкурсных кредиторов.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43, ст. 4190.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – ст. 785.
3. Латыпов Д.Н. Отдельные вопросы корпоративного права (обзор судебной арбитражной практики) // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 3. С. 89–98. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Сайфуллин Р.И. Корпоративное банкротство в отсутствие независимых кредиторов (комментарий к определению ВС РФ от 15.03.2024 № 305-ЭС23–21489) // Цивилистика. 2025. № 2. С. 163–178.
5. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. – 456 с.
6. Телюкина М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. – 534 с.

7. Шайдуллин А.И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: специальность 12.00.03: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шайдуллин Айнура Ильшатович; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – М., 2022. – 251 с.

8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.11.2010 г. № 10254/10 по делу № А45–808/2009. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 г. № 308-ЭС17–1556 (1) по делу № А32–19056/2014. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2018 г. № 305-ЭС17–17208 по делу № А40–10067/2016. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2023 г. № 305-ЭС19–22252 (4) по делу № А40–23687/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.03.2025 г. № 305-ЭС25–1196 по делу № А40–59299/2024. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.04.2023 г. № Ф09–1011/2023 по делу № А60–41683/2022. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

14. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2016 № 07АП–8043/2016 по делу № А45–7350/2016. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

CLAIM FOR PAYMENT OF THE ACTUAL VALUE OF A SHARE IN THE EVENT OF THE COMPANY'S BANKRUPTCY

Blinov D.A.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article examines issues related to the exercise of a key right of a withdrawing participant in a non-public company—the right to receive the fair value of their share in the company in the event of its bankruptcy. In particular, the article addresses the question of the ranking (priority) of satisfaction of such a claim in insolvency proceedings of the company. It also considers problems associated with exercising the right to receive the fair value at the stage of initiation of bankruptcy proceedings against the company. Based on the analysis of these issues, the author suggests the need to revise the existing legal approaches, under which claims for payment of the fair value of a share are not allowed to be included in the register of creditors' claims, and a debtor cannot be declared bankrupt upon the application of a creditor holding such a claim.

Keywords: actual value of a share, insolvency, bankruptcy, corporate claim, lowering of priority, withdrawing member.

References

1. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, «On Insolvency (Bankruptcy)». Sobraniye Zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [SZ RF] [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, No. 43, Art. 4190.
2. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998, «On Limited Liability Companies». Sobraniye Zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [SZ RF] [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, No. 7, Art. 785.
3. Sukhanov, E.A. Comparative Corporate Law. Moscow: Statut, 2014. 456 p.
4. Telyukina, M.V. Insolvency Law: Theory and Practice of Insolvency (Bankruptcy). Moscow: Delo, 2002. 534 p.
5. Shaydullin, A.I. Subordination of Claims of Controlling Debtors and Persons Affiliated with Them in the Bankruptcy Cases of Business Entities: 12.00.03 [Civil Law; Business Law; Family Law; Private International Law]: Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2022. 251 p.
6. Latypov, D.N. Selected Issues of Corporate Law (Overview of Arbitrazh Court Practice). Vestnik Arbitrazhnogo Suda Moskovskogo Okruga [Bulletin of the Arbitrazh Court of the Moscow District], 2024, No. 3, Pp. 89–98. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.
7. Saifullin, R.I. Corporate Bankruptcy in the Absence of Independent Creditors (Comment on the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES23–21489 dated March 15, 2024). Tsivilistika [Civilistics], 2025, No. 2, Pp. 163–178.
8. Ruling of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation No. 10254/10 of November 30, 2010 in Case No. A45–808/2009. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

9. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES17–1556 (1) of July 6, 2017 in Case No. A32–19056/2014. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

10. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17–17208 of February 15, 2018 in Case No. A40–10067/2016. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

11. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES19–22252 (4) of August 10, 2023 in Case No. A40–23687/2017. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

12. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES25–1196 of March 31, 2025 in Case No. A40–59299/2024. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

13. Resolution of the Arbitrazh Court of the Ural District No. F09–1011/2023 of April 24, 2023 in Case No. A60–41683/2022. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

14. Resolution of the Seventh Arbitrazh Appellate Court No. 07AP–8043/2016 of September 27, 2016 in Case No. A45–7350/2016. Retrieved from the ConsultantPlus Legal Reference System.

Богачев Максим Валерьевич,

студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена комплексному анализу административно-правового статуса организаций, не обладающих статусом юридического лица. Цель исследования – выявить исторические предпосылки возникновения таких объединений, определить их ключевые признаки, а также особенности публично-правовых и частно-правовых форм. Методология включает историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, анализ нормативных актов, судебной практики и научной литературы. В работе прослеживается эволюция понятия «юридическое лицо» от древнерусской общины до современного регулирования. Выделены общие признаки незарегистрированных организаций: отсутствие государственной регистрации, организационное единство, добровольность, самоорганизация и др. Сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода к публичным и частным объединениям и постепенного сближения их статуса с юридическими лицами при сохранении конституционного права на объединение.

Ключевые слова: организации без статуса юридического лица, административно-правовой статус, общественные объединения, государственные органы.

Введение

Для обоснования дальнейших аргументов необходимо обратиться к истории развития понятия «юридическое лицо». В отечественном праве первой формой объединения являлась община (вервь), черты которой (организационное единство, коллективная ответственность, круговая порука) были схожи с современным пониманием юридического лица [1].

Дальнейшая политика государства была направлена на формирование системы учета объединений для совершенствования налогообложения и контроля протестных движений. Уже в XVIII веке государство начало борьбу с незаконными организациями: «Устав благочиния» 1782 года закрепил прямой запрет на создание обществ без разрешения государственного органа в противоправных целях, а в XIX веке рядом нормативно-правовых актов были регламентированы процедуры учреждения юридических лиц и уточнены признаки запрещенного общества [2].

В советский период государство формализовало создание общественно полезных организаций, учредив в 1931 году систему государственной регистрации, а в 1940 году приняло положение, разделившее организации, которые необходимо регистрировать и нет. В 1956 году государственная регистрация юридических лиц была отменена, и эта тенденция перешла в Гражданский кодекс РСФСР 1964 года, где по общему правилу регистрация не требовалась. Таким образом, в России исторически существовало значительное количество организаций, которые не являлись юридическими лицами в современном понимании.

В Российской Федерации понимание юридического лица стало более стабильным, однако дискуссии вызывает статус организаций без статуса юридического лица, особенно наделение органов власти статусом юридического лица, что, по мнению некоторых авторов, ведет к смешению административного и гражданского статусов. Также вопросы возникают по поводу наделения общественных объединений статусами экстремистской или нежелательной организации, тогда как обсуждение ответственности филиалов и представительств сошло на нет, хотя ранее существовала порочная практика.

Для разрешения указанных вопросов необходимо выделить общие признаки незарегистрированных организаций: отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица, организационное единство, некоммерческий характер деятельности (хотя возможна экономическая деятельность, но не направленная на получение прибыли), добровольность членства, реализация общих интересов, личная ответственность членов и самоорганизация на основе внутренних кодексов и уставов.

Публично-правовые организации без статуса юридического лица

С момента образования Российской Федерации в качестве суверенного государства в доктрине административного права возникла дискуссия о статусе публичных образований как юридических лиц.

Одна из наиболее обоснованных концепций основывается на признании ряда особенностей статуса государственного органа и предполагает необходимость законодательного уточнения их статуса посредством конструирования административного понятия юридического лица [3]. Данная позиция базируется на том, что, хотя орган имеет статус организации и чаще всего регистрацию, на практике существует множество оговорок при столкновении двух статусов – публичного и частного.

Например, юридическое лицо создается записью в реестре, тогда как государственный орган – в ином установленном законом порядке (чаще всего федеральным законом). Юридическое лицо вправе осуществлять любую законную деятельность, а органы власти ограничены полномочиями. Невыполнение обязанностей юридическим лицом ведет к ликвидации, а государственные органы упраздняются специальным актом.

Двойственный статус государственного органа как одновременно носителя властных полномочий и «равного» субъекта гражданских правоотношений предопределяет особенности их административной правоспособности. Ранее значительное количество государственных

органов не имело статуса юридического лица. Первоначально в ч. 7 ст. 4 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закреплялось, что законодательный орган субъекта обладает правами юридического лица. На данный момент существует всего несколько органов, которые обладают иным правовым положением. В ч. 1 ст. 21 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» закреплено, что Верховный Суд обладает правами юридического лица.

Также существует значительное количество органов, которые формально не обладают правами юридического лица, но фактически их статус схож с Верховным Судом РФ: органы прокуратуры, Правительство РФ и Конституционный Суд РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФКЗ «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральная прокуратура осуществляет управление жилищным фондом. Согласно ст. 114 Конституции РФ и ст. 18 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» в полномочия Правительства РФ входит управление федеральной собственностью. В соответствии со ст. 7 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» Конституционный Суд самостоятельно распоряжается средствами из федерального бюджета. Таким образом, сложилась неоднозначная ситуация: большинство органов признаны юридическими лицами, но есть органы, чей статус близок, но формально отличается. На практике между наделением правами юридического лица, необходимостью регистрации и регламентацией полномочий отличий практически нет. В вопросе ответственности также проявляются особенности.

В соответствии с п. 2 ст. 3.2 КоАП РФ в отношении юридических лиц могут применяться штраф, предупреждение, конфискация, административное приостановление деятельности. Административный штраф не может быть обоснованным наказанием для государственного органа, поскольку произойдет переход средств из одного бюджета в другой, а остальные меры не соотносятся с принципом разделения властей. Потому не имеет смысла привлекать государственный орган к административной ответственности вне зависимости от наличия статуса юридического лица. В связи с этим можно утверждать, что органы государственной власти не являются субъектами такой ответственности. В законе не приводятся четкие различия в правоспособности государственных органов со статусом юридического лица от иных публичных субъектов, не являющихся таковыми. Это вызывает трудности в судебной практике: одни суды пытаются привлечь государственный орган к административной или налоговой ответственности [4], более того, могут прийти к выводу, что ликвидация государственного органа возможна в том же порядке, что и юридического лица. Эти ситуации недопустимы и противоречат публичному порядку.

Частно-правовые организации, не имеющие статус юридического лица

В отличие от публично-правовых, частно-правовые организации без статуса юридического лица значительно отличаются по признаку регистрации. Прежде всего это общественные объединения, статус которых регулирует ФЗ «Об общественных объединениях». Ст. 2 указанного акта регламентирует, что общественные объединения могут регистрироваться и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации. Исходя из текста закона, такие организации не могут пользоваться правами юридического лица, однако было бы необоснованно возлагать на них обязанности юридического лица без предоставления соответствующих прав.

Несмотря на относительную свободу от государственного влияния, организации без статуса юридического лица могут подвергаться публичному воздействию. Например, в соответствии с ФЗ № 115-ФЗ субъектом правонарушения может быть иностранная структура без образования юридического лица. Более интересен вопрос о признании организации на основании законов «О противодействии экстремистской деятельности» или № 115-ФЗ противозаконной с запретом деятельности. Верховный Суд РФ допускает возможность признания общественного движения, не являющегося юридическим лицом, экстремистской организацией [5].

В доктрине одни авторы выделяют признаки, позволяющие признать организацию противозаконной (символика, ценности, организационное единство, экономические связи), другие считают возможной только личную ответственность ввиду массовости движения [6].

Еще одним инструментом воздействия является ФЗ № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который ввел понятие «иностранной агент», включая общественное объединение без образования юридического лица. Решение о наделении таким статусом принимает Министерство юстиции, после чего у лица возникает ряд обязанностей (ст. 9 Закона № 255). За неисполнение предусмотрена ответственность (ст. 19.34 КоАП РФ,

ст. 330.1 УК РФ). Поправки от 11.03.2024 запретили размещение рекламы на ресурсах иностранных агентов.

Вместе с тем, порядок признания агентом путем одностороннего волеизъявления органа является сомнительным и входит в противоречие с принципом свободы объединений. Несмотря на отсутствие статуса юридического лица, государство имеет ряд инструментов для воздействия на объединения, а потому такие организации являются субъектами административного права. Закон «Об общественных объединениях» в ст. 27 указывает конкретные права незарегистрированных коллективных субъектов: свободно распространять информацию о своей деятельности; проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование; представлять и защищать свои права и законные интересы; осуществлять иные полномочия в случаях прямого указания в федеральных законах; выступать с инициативами и вносить предложения в органы власти.

Таким образом, организации без регистрации способны осуществлять общественно значимую деятельность, пользуясь комплексом прав и обязанностей, отличных от других субъектов. При этом значительно отличаются организации, включенные в различные списки (иностранцев агентов, экстремистских), — у которых количество обязанностей превышает число прав (условно «табулированные»), от осуществляющих правомерную деятельность («посчитные»), у которых ситуация обратная. Коллективный субъект без регистрации будет обладать значительным количеством прав до того момента, пока его деятельность не будет расценена государством как общественно опасная.

Закключение

На основании проведенных исследований можно сделать несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных выводов.

Во-первых, организации без статуса юридического лица являются особыми субъектами административного права. С одной стороны, государство рассматривает такие объединения в качестве отдельных субъектов, за которыми необходим особый надзор и контроль, но, поскольку они лишены многих прав юридических лиц, закон также ограничивает их обязанности (например, в налоговой сфере). Такие организации не считаются субъектами административной ответственности — к ней могут быть привлечены только их отдельные члены (личная, а не коллективная ответственность). У них есть ряд прав (на регистрацию в качестве юридического лица, занятие любой не запрещенной законом деятельностью, защиту своих прав, распространение информации и др.), а также обязанностей (соблюдение законов РФ, осуществление деятельности в соответствии с целями организации).

Во-вторых, статус разных субъектов, не имеющих регистрации в качестве юридического лица, значительно отличается. Публичные субъекты практически не отличаются от зарегистрированных государственных органов: они распоряжаются имуществом в рамках полномочий, порядок их создания и ликвидации един, а зарегистрированные органы не могут заниматься деятельностью, не предусмотренной законом. Частно-правовые объединения без регистрации имеют значительно больше отличий: для административного права они являются группами лиц с дополнительными признаками, но их правосубъектность не сопоставима с публичными.

В-третьих, в действующем правовом регулировании у государства есть значительное количество административно-правовых инструментов воздействия на объединения, не являющиеся юридическими лицами, что связано с тем, что они не являются субъектами административной ответственности, а потому необходим качественно иной подход. Меры — признание организации экстремистской, террористической, нежелательной, внесение в реестр иностранных агентов — не являются в юридическом смысле санкциями, а представляют собой наделение определенным статусом, который может влечь ограничения, но не является ответственностью. Для государства эти реестры — способ фиксации деятельности, которая может угрожать интересам государства, правам и свободам граждан. Существование таких административных процедур приближает статус таких объединений к юридическим лицам, что означает, что организации без регистрации рассматриваются публичным правом как особый коллективный субъект, деятельность которого может привести к ограничениям прав отдельных его членов.

В-четвертых, практика показывает, что государство предпринимает все больше решений, направленных на сближение правоспособности организаций, не являющихся юридическими лицами, с зарегистрированными объединениями.

В целях обеспечения безопасности, защиты прав и свобод граждан, а также конституционного строя было бы необоснованно и опасно игнорировать таких субъектов и разделять их только по наличию регистрации, поэтому в дальнейшем, по мере возникновения междонародных конфликтов и обострения отношений с другими государ-

ствами, различия будут уменьшаться. Однако преждевременно утверждать о возможности юридического признания их единства: без наделения организаций без статуса юридического лица правами будет несправедливо налагать дополнительные обязанности. Вместе с тем, по мере развития демократии и гражданского общества регулирование административно-правового статуса организаций, не являющихся юридическими лицами, будет обретать свою специфику.

Литература

1. Омеляненко, М.Е. Участие населения в отправлении правосудия по Русской Правде / М.Е. Омеляненко // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2018 – № 3. – С. 151–159.
2. Указ от 14 апреля 1867 г. «О противозаконных обществах», Высочайше утвержденные положения Государственного Совета 1867 г. «О противозаконных обществах» и 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных обществ и участие в оных».
3. Зенков, М.Ю. Административная реформа и изменение правового статуса государственных органов и органов местного самоуправления / М.Ю. Зенков // URL: <http://sibags.narod.ru/dfilesAem.doc>.
4. Например, постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29 июля 2003 г. № А65–4078/03-СА2–22 // СПС «Гарант».
5. Румянцев, Н.В. Особенности организации работы правоохранительных органов по предупреждению экстремистской деятельности на современном этапе: административно-правовой и уголовный аспекты / Н.В. Румянцев // Вестник Московского университета МВД. – 2022. – № 2. – С. 196–200.
6. Смыслова, В. Н. К вопросу о взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ / В.Н. Смыслова // Вестник КемГУ. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 103–108.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF ORGANIZATIONS WITHOUT LEGAL ENTITY STATUS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Bogachev M.V.

Saint Petersburg State University

The article is devoted to a comprehensive analysis of the administrative and legal status of organizations that do not have the status of a legal entity. The purpose of the study is to identify the historical prerequisites for the emergence of such associations, to identify their key features, as well as the features of public and private legal forms. The methodology includes historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods, analysis of normative acts, judicial practice and scientific literature. The paper traces the evolution of the concept of “legal entity” from the ancient Russian community to modern regulation. The general features of unregistered organizations are highlighted: lack of state registration, organizational unity, volunteerism, self-organization, etc. It is concluded that there is a need for a differentiated approach to public and private associations and a gradual convergence of their status with legal entities while preserving the constitutional right to association.

Keywords: organizations without the status of a legal entity, administrative and legal status, public associations, government agencies.

References

1. Omelyanenko, M.E. Participation of the Population in the Administration of Justice under the Russian Pravda / M.E. Omelyanenko // Territory of New Opportunities. VSUES Bulletin. – 2018 – No. 3. – Pp. 151–159.
2. Decree of April 14, 1867 “On Illegal Societies”, the Supreme approved regulations of the State Council of 1867 “On Illegal Societies” and 1874 “On Punishments for Forming Illegal Societies and Participation in Them”.
3. Zenkov, M. Yu. Administrative Reform and Changes in the Legal Status of State Bodies and Local Self-Government Bodies / M. Yu. Zenkov // URL: <http://sibags.narod.ru/dfilesAem.doc>.
4. For example, the ruling of the Federal Arbitration Court of the Volga District dated July 29, 2003 No. A65–4078 / 03-SA2–22 // SPS “Garant”.
5. Rumyantsev, N.V. Features of the organization of the work of law enforcement agencies to prevent extremist activity at the present stage: administrative-legal and criminal aspects / N.V. Rumyantsev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. – 2022. – No. 2. – Pp. 196–200.
6. Smyslova, V.N. On the issue of the mutual determination of extremist manifestations and protest activity of representatives of the LGBT communities / V.N. Smyslova // Bulletin of KemS U. Series: Humanitarian and Social Sciences. – 2018. – No. 2. – Pp. 103–108.

Веселый Иван Николаевич,

преподаватель кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС; исполнительный директор АНО «Код культуры»
E-mail: ip-veselyin@yandex.ru

Принятие Федерального закона от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» впервые оформило на федеральном уровне самостоятельный правовой режим креативной экономики, что в условиях активного регионального правотворчества и роста вклада сектора в экономику страны придает особую значимость исследованию субъектного состава креативных индустрий. Закрепленное в законе определение субъекта построено на признаке осуществления коммерческой деятельности, что в системном толковании с законодательным делением организаций на коммерческие и некоммерческие исключает из субъектного состава некоммерческие организации, тогда как последние вправе осуществлять приносящую доход деятельность по созданию креативного продукта и фактически признаются государством полноценными участниками креативной экономики. Цель исследования – установить правовую природу исключения некоммерческих организаций из субъектного состава креативных индустрий и определить его конституционно-правовые последствия. Использование формально-юридического и сравнительно-правового методов позволило проанализировать нормы российского и зарубежного законодательства; системно-структурный подход применен для выявления рассогласований между нормами Закона о креативных индустриях и законодательством о некоммерческих организациях; эмпирическую базу составили данные грантовых конкурсов Президентского фонда культурных инициатив и аналитического доклада Исследовательской группы ЦИРКОН и Агентства стратегических инициатив. В результате установлено, что исключение некоммерческих организаций является следствием формального подхода к определению субъекта, выявлено его несоответствие конституционным принципам равенства и свободы творчества, а также обоснованы предложения по корректировке законодательного определения субъекта креативной индустрии.

Ключевые слова: некоммерческие организации, креативные индустрии, субъектный состав, приносящая доход деятельность, государственная поддержка, конституционное право на свободу творчества.

Введение

Конституция Российской Федерации в статье 114 возлагает на Правительство Российской Федерации обязанность «...по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивать их участие в выработке и проведении государственной политики»¹. Эффективность же такого участия зависит от того, насколько качественно выстроены правовые механизмы идентификации и поддержки некоммерческих организаций (далее – НКО).

В свою очередь Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации»² (далее – Закон о креативных индустриях) впервые придал креативным индустриям статус самостоятельного объекта правового регулирования и базового сектора креативной экономики. Указанный Закон принят в развитие Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309³, который относит рост доли креативных индустрий к показателям национальной цели устойчивого развития. К концу 2025 года региональное законодательство о развитии креативных индустрий было принято в 53 субъектах Российской Федерации, а вклад сектора в экономику страны по итогам 2024 года составил 4,1% при целевом ориентире в 6% к 2030 году⁴.

Вместе с тем понятийный аппарат Закона о креативных индустриях содержит положения, требующие критического осмысления. Пункт 3 статьи 3 указанного Закона определяет субъекта креативной индустрии через признак осуществления коммерческой деятельности⁵, что в системном толковании с пунктом 1 статьи 50 ГК РФ⁶ исключает из субъектного состава НКО. Между тем некоммерческий сектор занимает значимое место в экономическом масштабе: по данным доклада Исследовательской группы ЦИРКОН и Агентства стратегических инициатив, вклад НКО в валовой внутренний продукт достиг 1,46%, а число занятых в социально ориентированных некоммерческих организациях (далее – СОНКО) превысило 487 тысяч человек⁷. Одновременно государство через грантовые механизмы уже финансирует НКО, реализующие креативные проекты, наравне с коммерческими. Рассогласование между правовым режимом креативных индустрий и фактической ролью некоммерческого сектора и составляет проблему настоящего исследования.

Научная новизна исследования состоит в авторской квалификации исключения НКО из субъектного состава креативных индустрий как следствия формального подхода к определению субъектного состава – опоры на организационно-правовую природу лица вместо содержательной характеристики его деятельности. Выявлены три уровня рассогласования: внутреннее противоречие в Законе о креативных индустриях, межотраслевой конфликт его норм с гражданским законодательством и законодательством о НКО, дефект механизма идентификации субъекта креативной индустрии. Сравнительно-правовой анализ показывает, что исключение НКО не является общим решением сравнительного правоведения, а представляет собой особенность российского правового регулирования. На этом основании сформулированы

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

² О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. II). Ст. 5026.

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2585.

⁴ См.: материалы заседания Комиссии Совета Федерации по развитию креативных (творческих) индустрий и народных художественных промыслов от 2 февраля 2026 года // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://council.gov.ru>

⁵ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Некоммерческий сектор России: оценка состояния и вклада в социально-экономическое развитие: аналитический доклад / Исследовательская группа ЦИРКОН, Агентство социальной информации. Москва, 2024. URL: <https://asi.org.ru/>

предложения по расширению субъектного состава и переходу к содержательному критерию идентификации субъекта креативной индустрии.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания – анализ, синтез, индукция, дедукция. Из частнонаучных методов применены формально-юридический при толковании норм, системно-структурный при выявлении рассогласований между актами различных уровней и сравнительно-правовой при исследовании зарубежного опыта. Эмпирическую базу составили данные грантовых конкурсов Президентского фонда культурных инициатив (далее – ПФКИ) за 2025–2026 годы и аналитического доклада Исследовательской группы ЦИРКОН и Агентства стратегических инициатив. Нормативную базу составили Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы и подзаконные акты в сфере креативных индустрий и некоммерческого сектора, законодательство субъектов РФ и нормативные акты зарубежных правовых порядков.

Результаты исследования

Правовой режим и субъектный состав креативных индустрий

Закон о креативных индустриях формирует целостный правовой режим, элементами которого выступают понятийный аппарат, субъектный состав, система реестров, перечень видов деятельности и меры государственной поддержки. Как отмечает А.А. Осипов, принятие системы нормативных правовых актов сформировало модель государственного регулирования креативных индустрий, которая объединяет распределение полномочий и критерии идентификации субъектов [7, с. 185]. На незавершенность понятийного аппарата сферы указывают другие авторы: М.В. Бундин и Е.В. Ширеева отмечают отсутствие четкого правового регулирования статуса ряда смежных институтов креативной экономики, в том числе креативных кластеров и креативных пространств [3, с. 207].

Согласно пункту 3 статьи 3 Закона о креативных индустриях субъектом креативной индустрии признается «...физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие коммерческую деятельность по созданию, продвижению <...>, распространению и <...> реализации креативного продукта...»¹. При этом пункт 1 статьи 50 ГК РФ относит к коммерческим организациям, для которых извлечение прибыли служит основной целью. В системном толковании с этой нормой признак коммерческой деятельности отсекает НКО, для которых извлечение прибыли основной целью быть не может. Закон о креативных индустриях не выдерживает при этом единства собственного критерия: статья 7, регулирующая признание лица субъектом креативной индустрии, признак коммерческой деятельности не воспроизводит².

Следует отметить, что такой механизм признания субъекта построен на формальном основании. Закон о креативных индустриях устанавливает, что уполномоченный федеральный орган на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности утверждает перечень видов экономической деятельности в сфере креативных индустрий. Такой перечень утвержден приказом Минэкономразвития России от 23 апреля 2025 года № 266³ и включает 19 направлений и 51 код. Тем самым принадлежность лица к креативной индустрии устанавливается не по содержанию деятельности, а по наличию определенного кода в ЕГРЮЛ, а уникальность и экономическая ценность креативного продукта, заложенные в содержании креативной индустрии, на этапе признания субъекта не проверяются. Доступ же к мерам поддержки, установленный в статьях 9–14 указанного Закона, обусловлен включением в реестр субъектов⁴, а реестр формируется по результату признания, – поэтому лицо, не отвечающее признаку коммерческой деятельности, отсекается на первом же звене этой административно-правовой цепочки.

Правовой статус некоммерческой организации в части положений о приносящей доход деятельности

Рассмотрим положение о том, что исключение НКО из субъектов креативных индустрий противоречит их базовому конституционно-правовому статусу. Пункт 4 статьи 50 ГК допускает осуществление НКО принося-

щей доход деятельности, если это предусмотрено уставом и служит достижению целей создания организации⁵. В свою очередь, пункт 2 статьи 24 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Закон о НКО) раскрывает данное содержание, относя к нему «...производство товаров, выполнение работ, оказание услуг, направленные на извлечение прибыли и отвечающие целям создания некоммерческой организации...»⁶.

Сопоставление дефиниций обнаруживает их содержательное тождество: деятельность по созданию и реализации креативного продукта укладывается в понятие приносящей доход деятельности. Коммерческая и приносящая доход деятельность различаются не по содержанию операций, а по признаку основной цели юридического лица. Используя термин «коммерческая деятельность», законодатель сместил квалифицирующий признак с содержания деятельности на организационно-правовую природу лица. Сама нормативная граница между «коммерческим» и «некоммерческим» строгой определенности лишена. И.Н. Баранник отмечает, что в ГК РФ отсутствует предельно раскрытое понятие «приносящая доход деятельность» и четкие критерии ее допустимости, что ведет к расширительному толкованию норм [1, с. 43]. В своем исследовании С.Р. Решетняк также указывает, что меры государственной поддержки не должны подменять правовую природу субъекта, и обращает внимание на отсутствие критериев определения некоммерческого характера организации помимо уставной цели ее деятельности [8, с. 79]. Таким образом, НКО, создающая креативный продукт, осуществляет приносящую доход деятельность, то есть действует в пределах своего законного статуса, а признак же «коммерческая деятельность» в определении субъекта отражает не содержание деятельности, а организационно-правовую природу лица.

Эмпирические проявления исключения некоммерческих организаций из субъектов креативных индустрий

Формальный характер подхода определения субъекта креативной индустрии подтверждается и на уровне регионального правотворчества. Закон Саратовской области от 2 сентября 2025 года № 63-ЗСО «О развитии креативных (творческих) индустрий в Саратовской области»⁷ воспроизводит понятийный аппарат федерального закона и делегирует установление критериев Правительству области. В свою очередь критерии, утвержденные постановлением Правительства Саратовской области от 10 сентября 2025 года № 714-П⁸, носят полностью формальный характер, относя к ним: факт государственной регистрации; наличие у юридического лица кода вида деятельности из перечня Минэкономразвития России; отсутствие процедур реорганизации, ликвидации, банкротства, статуса иностранного агента и офшорного участия. Ни один из обозначенных критериев не оценивает содержание деятельности организации.

Региональная практика в этом вопросе предельно единообразна, так как Минэкономразвития России разработало типовой региональный закон, по образцу которого субъекты РФ принимают собственные нормативные акты, тиражируя тем самым формальный подход на все регионы страны. В этом контексте на реестровый характер механизма идентификации субъектов и на роль региональных нормативных актов в его реализации обращает внимание С.Г. Иванова [5, с. 275].

Показательно, что перечень видов экономической деятельности, утвержденный приказом Минэкономразвития России, включает коды деятельности музеев, библиотек, архивов, учреждений культуры и искусства⁹. Получается, что виды деятельности, типично осуществляемые НКО, законодатель признал креативными. Однако наличие соответствующего кода не делает организацию субъектом креативной индустрии, поскольку положения Закона о креативных индустриях требуют осуществления коммерческой деятельности¹⁰. Таким образом вид деятельности признается креативным, а НКО, реально его осуществляющая, субъектом не признается из-за организационно-правовой формы и непопадания под критерий «коммерческая деятельность».

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая).

⁶ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁷ О развитии креативных (творческих) индустрий в Саратовской области: Закон Саратовской области от 2 сентября 2025 года № 63-ЗСО // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁸ О мерах по реализации Закона Саратовской области «О развитии креативных (творческих) индустрий в Саратовской области»: постановление Правительства Саратовской области от 10 сентября 2025 года № 714-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

⁹ Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий...: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 апреля 2025 года № 266.

¹⁰ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ.

¹ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ.

² Там же.

³ Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 апреля 2025 года № 266 (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 26 мая 2025 года, регистрационный № 82331) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁴ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ.

Наиболее наглядно подтверждают необоснованность исключения НКО из списка субъектов креативных индустрий данные грантовых конкурсов ПФКИ, направленных, для понимания, на поддержку «... инициатив в области <...> креативных индустрий»¹. По итогам второго конкурса 2026 года поддержку получили 725 проектов на 4,166 миллиарда рублей, при этом НКО представили 411 проектов-победителей, или 57% от общего числа поддержанных инициатив, а коммерческие организации – 59 проектов или 8%². Ранее, по итогам второго конкурса 2025 года, из 810 победителей на НКО пришлось 438 выигранных субсидий или 54%³. В рамках одного конкурса, на одни и те же креативные проекты, государство финансирует одновременно некоммерческие и коммерческие организации, индивидуальных предпринимателей и муниципальные учреждения, причем НКО устойчиво образуют самую многочисленную категорию получателей. Через грантовый механизм государство фактически признает НКО полноценными производителями креативного продукта, тогда как Закон о креативных индустриях исключает НКО из субъектного состава. Указанные положения подтверждают несогласованность двух инструментов реализации государственной политики в одной сфере.

Сравнительно-правовой анализ моделей определения субъектного состава креативных индустрий и место в нем НКО

Зарубежный опыт позволяет установить, является ли исключение НКО общемировым решением или особенностью российского правового регулирования. В Соединенном Королевстве принадлежность отрасли к креативным индустриям определяется по показателю творческой интенсивности – доле работников, занятых творческими видами труда⁴. Эта модель опирается на содержательный критерий природы деятельности организации, НКО за рамки сектора не выводятся. В Европейском союзе используется широкое понятие культурных и креативных секторов, а программа «Креативная Европа» открыта для культурных и креативных организаций без деления участников по признаку коммерческого характера⁵.

Аналогичный подход обнаруживается и за пределами европейского правового пространства. В США государственная поддержка творческой деятельности через Национальный фонд поддержки искусств адресована прежде всего НКО, освобожденным от налогообложения, а критерием предоставления грантов выступает художественная ценность и значимость проекта, а не коммерческий статус заявителя⁶. В Колумбии же, где концепция креативной экономики получила законодательное закрепление одной из первых в мире, в Законе от 23 мая 2017 года № 1834 («Оранжевый закон»), квалифицирующим признаком отнесения деятельности к креативным индустриям служит создание ценности на основе интеллектуальной собственности, а институциональная модель прямо предполагает участие в развитии креативных индустрий публичного, частного, смешанного и неправительственного секторов⁷. Описанные выше правовые модели не используют коммерческий характер субъекта или его организационно-правовую форму в качестве критерия отнесения к креативным индустриям, что свидетельствует об особом характере российского решения.

Уместно учесть и научную дискуссию о соотношении сферы культуры и креативных индустрий. В.Ю. Музычук обоснованно предостерегает от отождествления некоммерческого сегмента сферы культуры с креативными индустриями, отмечая, что значительная часть культурных благ создается вне рыночной логики государственными или муниципальными учреждениями [6, с. 21]. Указанная позиция выводам исследования не противоречит, а уточняет их: государственные и муниципальные учреждения культуры, функционирующие в логике бюджетного сектора, не должны автоматически приравниваться к субъектам креативной экономики, однако данный аргумент не распространяется на негосударственные НКО, которые осуществляют приносящую доход деятельность и создают рыночно обращающийся креативный

продукт. Значимость отдельных сегментов креативных индустрий, где НКО традиционно ведут деятельность, также подтверждается в работе О.Н. Барминой и А.Б. Костылева, в которой исследователи рассматривают креативные индустрии, основанные на объектах историко-культурного наследия, как самостоятельное направление, нуждающееся в адекватном правовом регулировании [2, с. 35].

Конституционно-правовая квалификация исключения некоммерческих организаций из субъектного состава креативных индустрий

Исключение НКО из субъектного состава креативных индустрий имеет конституционно-правовое измерение, выходящее за пределы отраслевого регулирования. Прежде всего возникает вопрос о соответствии конституционному принципу равенства. Некоммерческая и коммерческая организации, создающие тождественный по содержанию креативный продукт, получают различный доступ к мерам поддержки, причем различие обусловлено не содержанием деятельности, а организационно-правовой формой субъекта. Принцип равенства не означает запрета любой дифференциации: Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 мая 1995 года № 4-П указал, что равенство перед законом и судом «...не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем...»⁸, однако такая дифференциация имеет конституционные пределы и допустима лишь при опоре на объективный и конституционно оправданный критерий. Применительно к доступу к мерам государственной поддержки креативной деятельности организационно-правовая форма таким критерием не является: уникальность и экономическая ценность креативного продукта не зависят от того, в коммерческой или некоммерческой форме действует его создатель.

Существенно, что Закон о креативных индустриях содержит внутреннее рассогласование: пункт 4 части 2 статьи 1 относит к целям закона обеспечение равных возможностей доступа субъектов к мерам поддержки, а пункт 2 части 2 статьи 1 определяет креативную экономику как отношения между субъектами гражданского оборота, каковыми НКО являются в полной мере⁹. Целевые нормы закона оснований для исключения НКО не дают, тогда как дефинитивная норма пункта 3 статьи 3 это исключение производит¹⁰.

Исключение затрагивает и конституционное право на свободу творчества. Креативные индустрии по своему предмету – созданию креативного продукта на основе результатов интеллектуальной деятельности – представляют собой сферу реализации свободы творчества, гарантированной статьей 44 Конституции РФ, а меры государственной поддержки выступают инструментом создания условий для ее осуществления. Как отмечает Д.С. Велиева, «коллективные субъекты конституционных прав можно подразделить на формализованные в юридическом смысле, т.е. выступающие в виде одной из организационно-правовых форм, <...> и неформализованные. К первым можно отнести <...> общественные организации и объединения, которые приобретают свою правосубъектность путем государственной регистрации...» [4, с. 207]. НКО в этом смысле есть формализованный коллективный субъект, посредством которого граждане совместно реализуют, в частности, свободу творчества. Природа юридического лица как правовой формы, опосредующей реализацию прав стоящих за ним граждан, подробно раскрыта в работах В.Е. Чиркина [9, с. 19]. К схожему пониманию пришел Конституционный Суд Российской Федерации, указавший в Постановлении от 24 октября 1996 года № 17-П, что объединения граждан, являющиеся юридическими лицами, создаются для совместной реализации конституционных прав, в связи с чем на них распространяются конституционные гарантии прав граждан-участников¹¹. Исключение НКО из числа субъектов, имеющих доступ к мерам государственной поддержки творческой деятельности, ограничивает равные условия реализации свободы творчества для граждан, избравших для этих целей некоммерческую форму объединения.

Наконец, исключение вступает в противоречие с конституционной обязанностью государства поддерживать институты гражданского общества: в одной из активно развивающихся сфер экономики НКО ли-

¹ Подведены итоги второго грантового конкурса 2026 года // Президентский фонд культурных инициатив: официальный сайт. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф>

² Там же.

³ Подведены итоги второго грантового конкурса 2025 года // Президентский фонд культурных инициатив: официальный сайт. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф>

⁴ DCMS Sector Economic Estimates: Methodology / Department for Culture, Media and Sport of the United Kingdom. London, 2023. URL: <https://www.gov.uk>

⁵ Creative Europe Programme: official information / European Commission. URL: <https://culture.ec.europa.eu>

⁶ Grants for Arts Projects: official information // National Endowment for the Arts: official website. URL: <https://www.arts.gov>

⁷ Ley 1834 de 2017 «por medio de la cual se fomenta la economía creativa Ley Naranja»: Congreso de Colombia // Diario Oficial. 2017. № 50.242.

⁸ По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁹ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ.

¹⁰ Там же

¹¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об акцизах“»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 1996 года № 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5202

шены доступа к мерам господдержки, тогда как Конституция предписывает государству такие организации поддерживать. Таким образом, обнаруживается разрыв между конституционным масштабом задачи и административным качеством инструмента ее реализации.

Обсуждение

На основе выявленных результатов исследования представляется целесообразным сформулировать следующие научно-практические выводы:

Во-первых, дана конституционно-правовая квалификация исключения некоммерческих организаций из субъектного состава креативных индустрий. Данное исключение затрагивает конституционное право на свободу творчества, ставя реализацию этого права в зависимость от организационно-правовой формы объединения граждан и тем самым создавая неравное положение для граждан, избравших некоммерческую форму коллективного субъекта.

Во-вторых, определена правовая природа допущенного законодателем дефекта – исключения некоммерческих организаций из субъектного состава креативных индустрий. Его следует рассматривать не как осознанный учет специфики некоммерческого сектора, а как следствие формального подхода к определению субъекта, то есть опоры на признак «коммерческая деятельность», указывающий на организационно-правовую природу лица, вместо содержательного признака создания креативного продукта.

В-третьих, предложен способ устранения выявленного дефекта – корректировка законодательного определения субъекта креативной индустрии. Ядро проблемы состоит не в отсутствии прямого упоминания некоммерческих организаций, а в формулировке пункта 3 статьи 3 Закона о креативных индустриях, связывающей статус субъекта именно с осуществлением коммерческой деятельности. Поскольку приносящая доход деятельность некоммерческих организаций прямо легализована пунктом 4 статьи 50 ГК РФ и пунктом 2 статьи 24 Закона о некоммерческих организациях, а по содержанию тождественна деятельности субъекта креативной индустрии, то признак коммерческого характера деятельности не может служить обоснованным критерием отбора.

Представляется целесообразным уточнить пункт 3 статьи 3 Закона о креативных индустриях, распространить признак субъекта креативной индустрии с «коммерческой» на «коммерческую или приносящую доход» деятельность и дополнив указание на юридическое лицо признаком «частное». При таком нормативном подходе субъектом креативной индустрии признается в том числе частная некоммерческая организация, осуществляющая приносящую доход деятельность по созданию, продвижению, распространению и реализации креативного продукта. Указанная корректировка снимает вопрос об организационно-правовой форме субъекта в целом, охватывая все частные коммерческие и некоммерческие организации, не затрагивая при этом государственные и муниципальные учреждения, и приводит содержание субъектного состава в соответствие с целевыми нормами самого закона.

В-четвертых, в качестве перспективного направления обозначен переход от формальных к содержательным критериям идентификации субъектного состава креативных индустрий. Разработка таких критериев, опирающихся на сущностные признаки креативного продукта, требует отдельного научного осмысления и выходит за рамки настоящего исследования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что Закон о креативных индустриях содержит определение субъекта, которое через признак коммерческой деятельности исключает из субъектного состава НКО, что свидетельствует о применении формального подхода к определению субъекта. Анализ выявил три уровня рассогласования: внутреннее противоречие между целевыми и дефинитивной нормами Закона о креативных индустриях; межотраслевой конфликт его норм с конституционным и гражданским законодательством, а также законодательством о НКО; дефект механизма идентификации субъекта, построенного на формальных классификаторах. Данные грантовых конкурсов ПФКИ и сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей подтверждают, что исключение некоммерческих организаций лишено объективного оправдания, а его конституционно-правовая квалификация показала несоответствие конституционному принципу равенства, конституционному праву на свободу творчества и конституционной обязанности государства поддерживать институты гражданского общества.

Устранение выявленных рассогласований возможно через распространение признака субъекта с коммерческой на коммерческую или приносящую доход деятельность с одновременным указанием на частный характер юридического лица. В качестве перспективного направления обозначен переход от формальных к содержательным критери-

ям идентификации субъектного состава креативных индустрий, требующий отдельного научного осмысления.

Литература

1. Баранник, И.Н. Предпринимательская деятельность некоммерческих организаций: правовое регулирование и некоторые проблемы контроля / И.Н. Баранник // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2018. – Т. 10, № 3 (42). – С. 37–47.
2. Бармина, О.Н. Проблемы правового регулирования креативных (творческих) индустрий, основанных на объектах историко-культурного наследия / О.Н. Бармина, А.Б. Костылев // Право и общество. – 2025. – № 4 (21). – С. 34–37.
3. Бундин, М.В. Креативные кластеры и креативные пространства: правовой статус и проблемы правового регулирования / М.В. Бундин, Е.В. Ширеева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 4. – С. 205–216.
4. Велиева, Д.С. Коллективные субъекты конституционных прав / Д.С. Велиева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 205–208.
5. Иванова, С.Г. Правовое регулирование развития креативных (творческих) индустрий в России / С.Г. Иванова // Российский научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 273–278.
6. Муzychuk, В.Ю. Творческие (креативные) индустрии: вызовы для некоммерческого сегмента сферы культуры / В.Ю. Муzychuk // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 5. – С. 7–39.
7. Осипов, А.А. Формирование российской модели государственного регулирования креативных (творческих) индустрий / А.А. Осипов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2025. – № 4 (72). – С. 179–188.
8. Решетняк, С.Р. Анализ существующих проблем правового регулирования некоммерческих организаций и перспективы их решения / С.Р. Решетняк // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 3 (26). – С. 77–85.
9. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2005. – № 5 (101). – С. 16–26.

CREATIVE INDUSTRIES AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ISSUES OF THE TRUNCATION OF THE RANGE OF SUBJECTS

Veseliy I.N.

Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The adoption of Federal Law No. 330-FZ of 8 August 2024 "On the Development of Creative (Cultural) Industries in the Russian Federation" established, for the first time at the federal level, a distinct legal regime for the creative economy; against the background of active regional law-making and the sector's growing contribution to the national economy, this lends particular significance to the study of the range of subjects of creative industries. The definition of a subject enshrined in the law is based on the criterion of carrying out commercial activity, which, when construed systematically together with the legislative division of organizations into commercial and non-commercial ones, excludes non-profit organizations from the range of subjects, even though the latter are entitled to carry out income-generating activity involving the creation of a creative product and are in fact recognized by the state as full-fledged participants in the creative economy. The purpose of the study is to establish the legal nature of the exclusion of non-profit organizations from the range of subjects of creative industries and to determine its constitutional and legal consequences. The application of the formal-legal and comparative-legal methods made it possible to analyze the provisions of Russian and foreign legislation; the systemic-structural approach was used to identify inconsistencies between the provisions of the Law on Creative Industries and the legislation on non-profit organizations; the empirical basis comprised data from the grant competitions of the Presidential Fund for Cultural Initiatives and the analytical report of the ZIRCON Research Group and the Agency for Strategic Initiatives. As a result, it has been established that the exclusion of non-profit organizations stems from a formalistic approach to defining a subject; its inconsistency with the constitutional principles of equality and freedom of creativity has been revealed; and proposals for amending the statutory definition of a subject of a creative industry have been substantiated.

Keywords: non-profit organizations, creative industries, range of subjects, income-generating activity, state support, constitutional right to freedom of creativity.

References

1. Barannik, I.N. Entrepreneurial activity of non-profit organizations: legal regulation and certain problems of control / I.N. Barannik // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service]. – 2018. – Vol. 10, No. 3 (42). – P. 37–47.

2. Barmina, O.N. Problems of legal regulation of creative (cultural) industries based on objects of historical and cultural heritage / O.N. Barmina, A.B. Kostylev // *Pravo i obshchestvo* [Law and Society]. – 2025. – No. 4 (21). – P. 34–37.

3. Bundin, M.V. Creative clusters and creative spaces: legal status and problems of legal regulation / M.V. Bundin, E.V. Shireeva // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life]. – 2023. – No. 4. – P. 205–216.

4. Velieva, D.S. Collective subjects of constitutional rights / D.S. Velieva // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. – 2013. – No. 4 (93). – P. 205–208.

5. Ivanova, S.G. Legal regulation of the development of creative (cultural) industries in Russia / S.G. Ivanova // *Rossiyskiy nauchnyy vestnik* [Russian Scientific Herald]. – 2025. – No. 11. – P. 273–278.

6. Muzychuk, V. Yu. Creative (cultural) industries: challenges for the non-profit segment of the cultural sphere / V. Yu. Muzychuk // *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. – 2023. – No. 5. – P. 7–39.

7. Osipov, A.A. Formation of the Russian model of state regulation of creative (cultural) industries / A.A. Osipov // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Herald of Tver State University. Series: Economics and Management]. – 2025. – No. 4 (72). – P. 179–188.

8. Reshetnyak, S.R. Analysis of the existing problems of legal regulation of non-profit organizations and prospects for their solution / S.R. Reshetnyak // *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council]. – 2021. – No. 3 (26). – P. 77–85.

9. Chirkin, V.E. The legal entity of public law / V.E. Chirkin // *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law]. – 2005. – No. 5 (101). – P. 16–26.

Современные проблемы оборота программного обеспечения: правовая природа, договорные модели, исчерпание права

Германова Алёна Дмитриевна,

студент Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

E-mail: germanova_A_D@my.mgimo.ru

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с правовым регулированием оборота программного обеспечения (ПО) в условиях цифровизации. Анализируется двойственная природа программного обеспечения как объекта интеллектуальных прав: охрана кода по модели литературных произведений и современные тенденции к применению норм о патентной защите алгоритмов. Особое внимание уделено российскому законопроекту 2025 года, позволяющему регистрировать «компьютерно-реализуемые изобретения», включая системы искусственного интеллекта. В работе также рассматриваются договорные конструкции, используемые при передаче прав на ПО, среди которых были названы лицензионный договор, договор авторского заказа, а также смешанные модели и договор возмездного оказания услуг. Также, часть статьи посвящена принципу исчерпания права, а именно пределам и способам его применения в отношении материальных носителей и электронных копий программ. Акцент был сделан на российское регулирование, однако подходы иностранных юрисдикций также освещены. Делается вывод о фрагментарности регулирования и необходимости разработки новых механизмов, которые позволят учесть специфику природы ПО в контексте оборота.

Ключевые слова: программное обеспечение, оборот ПО, авторское право, патентование алгоритмов, исчерпание права, лицензионный договор, договор авторского заказа, цифровая экономика.

На современном этапе развития общества, в результате цифровой революции, большинство значимых экономических процессов перешло в цифровое пространство. Обмен товарами и услугами, информацией, как в бытовых, коммерческих, так и в стратегически важных для государств целях, даже творческие и образовательные процессы – все аспекты общественной жизни тесно сопряжены не просто с использованием цифровых технологий, но переживают глубинную перестройку и переориентирование на цифровой лад.

Актуальность данной работы заключается в анализе ключевых вопросов, которые имеют значение для правового регулирования оборота программного обеспечения, как основы, сущности большинства цифровых вычислительных технологий, а также для регулирования порядка и особенностей передачи прав на него. Научная значимость состоит в комплексном анализе трёх проблемных, с точки зрения правового регулирования, аспектов программного обеспечения: его правовой природы, договорных моделей передачи прав на программы, а также действия принципа исчерпания в цифровой среде.

Для использования любых технологических устройств необходимо программное обеспечение – совокупность алгоритмов и программ для вычислительных машин, обеспечивающие их функционирование. Помимо системного ПО, которое обеспечивает управление устройствами и их работу, а также инструментального, используемого при программировании или создании иных программ, наибольшей популярностью как товар на цифровом рынке пользуется прикладное программное обеспечение, с которым каждый пользователь сталкивается ежедневно. Прикладное ПО используется для самых различных задач – от обычных браузеров и сайтов, текстовых редакторов и любых приложений для устройств, до специализированных программ, используемых, например, в бухгалтерском учёте, при работе с клиентами или же при учёте медицинских данных. В связи с развитием оборота программ, сформировались виды программного обеспечения по способам предоставления доступа к нему – предоставляемое через облако, или устанавливаемое непосредственно на устройство (on-premise), а также в зависимости от моделей распространения – коммерческое, бесплатное и условно-бесплатное ПО. Также, выделяется классификация на проприетарное (являющееся собственностью правообладателей), свободное (в общественном достоянии) и открытое программное обеспечение (с открытым исходным кодом) по возможности модификации кода программы. Данные классификации, наряду с техническими характеристиками и природой самого ПО оказывают влияние на регулирование правоотношений, где программа выступает объектом.

Для начала стоит отметить двойственность природы программного обеспечения как объекта интеллектуальных прав, которая, как отмечает А.И. Савельев [17], зачастую становилась причиной дискуссий в научном пространстве и в процессе правоприменения. Коды программ для ЭВМ охраняются аналогично литературным произведениям. Такой порядок, последовав примеру США после внесения поправок в Закон об авторском праве [27], закрепил Европейский Союз в Директиве «О правовой охране компьютерных программ» [5]. Затем на мировом уровне подход был воспринят Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) 1994 г. [19], а также Договором Всемирной Организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 г. [6], которые адаптировали ключевые положения авторского права к цифровой среде. Указанные акты закрепили, что коды программ охраняются согласно положениям, установленным для литературных произведений Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений 1886 г. [1], и данный подход был воспринят странами-участниками Бернского союза.

В России согласно статье 1261 ГК РФ [2], программы для ЭВМ охраняются аналогично произведениям литературы, и под программой понимается объективно выраженная совокупность данных, то есть исходный текст на языке программирования и объектный (машинный) код, которая предназначена для функционирования компьютерных устройств и ЭВМ. Стоит отметить, что алгоритмы, идеи и методы в основе программы, которые выходят за пределы формы выражения, охране положениями авторского права не подлежат. Такое требование к охраняемому объекту вполне соответствует классическим критериям

охраноспособности объектов авторского права – объективная форма выражения и создание в результате творческой деятельности (то есть собственным трудом и творческим вкладом автора). Также важно указать на ключевую черту, присущую охране авторским правом – права автора возникают с момента создания творческого произведения.

Однако, в России возможна регистрация программы для ЭВМ в Реестре программ для ЭВМ, который ведёт Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), по желанию правообладателя. В результате регистрации происходит депонирование программы, её кода, правообладатель получает свидетельство, которое подтверждает его авторские права. Такой механизм используется для подтверждения авторства, гарантируя его презумпцию, так как конкретное лицо или лица указываются в сертификате в качестве автора. Такой способ значительно упрощает процесс доказывания авторства, например, в случае судебного спора, особенно в сравнении с депонированием, которое заключается в передаче экземпляра программы на хранение официальным специализированным сервисам [12] и подтверждает лишь факт обладания и распоряжения объектом авторского права. В России также возможно внесение программного обеспечения в Единый реестр программ для ЭВМ и баз данных, а также в Реестр евразийского ПО, что также осуществляется по желанию правообладателя для получения преимуществ при сотрудничестве с государственными органами, а также налоговых льгот (пп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ) [10].

Российское законодательство и правоприменение активно стремятся к развитию цифровой отрасли, что можно отметить не только в наличии специальных реестров, различных возможностей защиты программ, но также в предлагаемых и принимаемых законопроектах. Так, в 2025 г. был принят законопроект № 922784–8 [11], регулирующий патентную охрану программных продуктов. Предполагается внесение поправок в Гражданский Кодекс Российской Федерации в части регулирования патентов на изобретения, полезных моделей и промышленных образцов, которые теперь смогут предоставлять защиту программным решениям, алгоритмам и интерфейсам. То есть, программа, которая применяется в техническом средстве, теперь может быть запатентована как «компьютерно-реализуемое изобретение». Отмечается, что возможность патентования, затрагивает также алгоритмы искусственного интеллекта, что уже отмечается экспертами, как значительный толчок развития ИТ-отрасли.

Стоит отметить, что не смотря на подверженность программ для ЭВМ регулированию авторского права, на практике и ранее существовали способы защиты различных элементов программы нормами права промышленной собственности. Так, возможно было получить изобретательский патент на алгоритм программы, для чего необходимо было доказать связь алгоритма с самим устройством и её технический эффект, а также получить патент на промышленный образец в отношении дизайна и оформления интерфейса.

До внесения законопроекта регистрация патента на алгоритм программы была возможна, во-первых, если алгоритм программы составлял новаторское техническое решение, отвечающее критериям патентоспособности (новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость технологического решения), во-вторых, защита предоставлялась исключительно алгоритмам и техническим решениям, предлагаемым программой, которые получали патент как изобретение.

Стоит подчеркнуть, что в отличие от прав автора, которые действуют на протяжении всей его жизни и 70 лет после его смерти (в большинстве правовых систем, по примеру Директивы ЕС 93/98/ЕЕС [28], которая впервые установила такой срок в 1993 году), срок действия патента значительно короче, и составляет, например, в РФ – 20 лет для изобретений. Важно отметить, что в таком случае защиту получает не код программы, а именно новые решения, алгоритмы, функции, использованные в программе.

Что касается других стран, то в них также применяются положения авторского права для защиты кода программ, однако подходы к возможности патентования программ разнятся. Например, в США ранее патентование программ было достаточно распространено, но после известного прецедента *Alice Corp.v. CLS Bank* 2014 года [26], в котором Верховный суд установил более жёсткие критерии для определения патентоспособности программы, выдача новых патентов ужесточилась, а многие старые патенты были аннулированы. Так, помимо попадания под установленные в законе категории объектов, которые могут быть защищены патентом на изобретение (процессы, машины, продукты производства (изделия) или составы веществ), необходимо доказать, что защищаемая формула не является абстрактной идеей, реализованной на компьютере. То есть, чтобы считаться изобретением, это должно быть практически применимое решение. Такие требования периодически уточняются в методических рекомендациях Ведомства по патентам и товарным знакам США (USPTO).

В ЕС Европейская патентная конвенция чётко устанавливает, что программы для ЭВМ не считаются изобретениями «как таковые», однако, если они представляют новое техническое средство, использование которого приводит к реальному результату, то существует возможность получения патента на изобретение. Необходимость технического эффекта для получения патента характерна также для законодательства Китая [30], в Японии требуется, чтобы программа была частью процесса, реализуемого на устройстве. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подход в мировой практике в отношении патентования технического элемента ПО схож, несмотря на различие в критериях.

Таким образом, фундаментальное понимание кода программы как объекта авторского права зачастую сталкивалось с необходимостью защиты не только формального выражения в виде кода, но и алгоритма работы программы. В этой части авторское право сталкивалось с возможностью патентования технически полезных алгоритмов, которая уже нашла своё закрепление в законопроекте в России.

Следующим актуальным аспектом регулирования оборота программного обеспечения можно назвать разнообразие применимых договорных конструкций. Так, для передачи прав на программное обеспечение, в зависимости от специфики отношений между сторонами, чаще всего используются лицензионный договор, договор отчуждения прав, а также договор авторского заказа.

Однако, как уже было упомянуто ранее, программы могут предоставляться не только по модели передачи экземпляра – установки программы на устройство пользователя, но также путём предоставления доступа через облачные сервисы. В таком случае, предоставляется право пользования программой, находящейся на сервере провайдера.

Лицензионный договор в российском праве является самым распространённой конструкцией, используемой для предоставления ПО. При продаже экземпляра программы для ЭВМ, передаётся право использования программы, а не сама программа как объект права интеллектуальной собственности, только если не происходит отчуждение исключительного права. Статья 1286 ГК РФ, посвящённая лицензионному договору, предполагает предоставление автором или правообладателем права использования произведения. Основным преимуществом такого договора является возможность оговорить пределы использования программы в договоре, дополнительно к правам, установленным в ст. 1280 для правомерного обладателя экземпляра программы. Однако, в отношении объекта интеллектуальной собственности нельзя предусмотреть требования к его качеству, что не отменяет заинтересованности пользователя в гарантии наличия определённых характеристик программы.

Особенно актуален данный вопрос в случае предоставления программы в пользование при помощи облачных сервисов, по модели SaaS (Software as a Service), когда программное обеспечение предоставляется «как услуга». В связи с этим, на практике в данном случае применима конструкция договора возмездного оказания услуг, направленного на предоставление удалённого доступа к программе и оказания сопутствующих услуг – по обновлению, обучению, технической поддержки и иных. Такой подход к квалификации договоров о предоставлении программ используется во Франции, а в США выбор между двумя конструкциями, услуг или лицензии, принадлежит провайдеру.

Также, не во всех правовых системах существует поименованная конструкция лицензионного договора. Так, в Германии используется конструкция смешанного договора, сочетающего элементы аренды, услуг или подряда. Стоит отметить, что аренда программного обеспечения – отличительная особенность регулирования оборота ПО в Германии, допустимая ввиду германского понимания программы как движимой вещи для целей авторского права. Смешанный договор в принципе достаточно распространён в качестве модели, оформляющей предоставление программ или доступа к ним, ввиду гибкости и возможности сочетания условий об использовании интеллектуальных прав, качества услуг и иных существенных аспектов.

Помимо лицензионного договора и иных конструкций, используемых при предоставлении удалённого доступа, используется договор отчуждения исключительного права. В таком случае приобретается исключительное право на произведение (программу) в полном объёме, что предполагает ничем не ограниченное использование программы и распоряжение её новым правообладателем.

Стоит отметить ранее не указанную классификацию ПО, которая будет иметь значение для следующего типа договоров: программное обеспечение может быть нацелено на широкий круг потребителей, или же быть разработанным под конкретного пользователя. В последнем случае, оформление отношений по поводу разработки ПО возможно в рамках нескольких договорных моделей, самые часто

встречающиеся – договор авторского заказа, возмездного оказания услуг, подряда.

Договор авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ) заключается с целью создания произведения, которым может быть программа для ЭВМ. Автор, выступающий исполнителем, обязуется разработать программу и передать её заказчику с отчуждением исключительного права или же предоставить право пользования программой в рамках договора. В зависимости от модели передачи прав на программу, будут применимы положения о лицензионном договоре, или о договоре об отчуждении прав. В связи с этим, проблемным аспектом данного договорного типа можно назвать именно вопрос «распределения» прав на программу между контрагентами, поэтому сторонам стоит чётко устанавливать в договоре, кому будет принадлежать созданное программное обеспечение. Важно учитывать, что такой договор, прежде всего, ориентирован на другие объекты авторского права, в связи с чем, могут возникнуть сложности с его адаптации для регулирования разработки ПО.

Стоит отметить также статью 1296 ГК РФ, которая регулирует случаи, когда исполнителем по договору не является автор произведения. В статье речь идёт о правовом режиме отдельно названных программ для ЭВМ, баз данных и иных произведений, и по общему правилу исключительное право принадлежит заказчику, или же может быть оговорена принадлежность права подрядчику (исполнителю). Такой договор на практике чаще всего применяется в случае заключения соглашения с юридическим лицом, например, на создание комплексного объекта (проекта) его сотрудниками. Сторона, которая не приобрела исключительное право, может пользоваться произведением на условиях простой неисключительной лицензии. Важно, что на договоры, заключённые с автором, регулирование данной статьи не распространяется. Однако важно учесть третий вариант создания ПО иным лицом, в рамках договора, если предметом договора не было создание произведения, тогда исключительное право на такое произведение по общему правилу будет принадлежать исполнителю, если не установлено иное. Такое регулирование устанавливает статья 1297 ГК РФ, указывая на договоры выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, а также договор подряда.

Однако, в контексте договоров, заключаемых для создания произведений, стоит упомянуть, что требования к качеству разрабатываемой программы необходимо отдельно предусматривать в техническом задании и спецификации, включаемых как приложения к договору. Также важно, что могут быть использованы лишь измеримые показатели, так как оценка произведения может быть достаточно субъективна.

Разработка программы может быть также специально оформлена договорами возмездного оказания услуг или подряда. По договору о возмездном оказании услуг исполнитель обязуется осуществить определённую деятельность. Данный договор не предусматривает достижение какого-либо результата, что можно расценить как противоречие цели заключения договора на разработку программы. Однако такая конструкция всё равно используется, ввиду того что программа не считается материально-выраженным результатом, а значит требование к его достижению необязательно. К тому же, данный договор помогает учесть все сопутствующие обязанности, а также привлечь сторонних разработчиков в свой процесс создания программы, не перекладывая на них ответственность за результат.

Договор подряда, в свою очередь, сконцентрирован на достижении результата – разработке программы, создании отдельного функционального объекта. Возможность использования данной договорной конструкции предусмотрена также уже упомянутыми статьями 1296 ГК РФ, где исполнитель назван подрядчиком, а также статьёй 1297, которая устанавливает режим произведений, созданных в рамках договора подряда, даже когда это не было его целью. В судебной практике также прослеживается тенденция к квалификации договоров, направленных на разработку ПО как договоров подряда, в которых создаётся охраняемый результат интеллектуальной деятельности, являющийся объектом гражданских прав.

Таким образом, обзорно ознакомившись с различными аспектами договорного регулирования правоотношений по поводу программ и действий с ними, можно прийти к выводу о том, что сложная, комплексная природа программ обуславливает некоторые проблемы выбора определённой договорной конструкции. Сторонам необходимо либо дополнять условия поименованных договоров всеми существенными элементами, либо использовать смешанные конструкции для наиболее полной и гибкой регламентации своих правоотношений.

Последним вопросом, который будет рассмотрен в контексте особенностей современного регулирования программного обеспечения, будет применимость принципа исчерпания права в отношении программ при различных способах их передачи.

Концепция исчерпания авторского права предполагает, что первая правомерная продажа экземпляра произведения, лишает правообладателя возможности ограничивать дальнейшее распоряжение им. Установление и применение правил об исчерпании предоставлено на усмотрение стран-участниц соглашений в сфере авторского права, например, такие положения содержатся в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS), а также подтверждены в Договоре Всемирной Организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 г., называемом также Интернет-договором.

Однако, важно установить, в каких именно случаях ограничиваются исключительные права автора. Автор обладает правом использовать принадлежащее ему произведение различными способами, рассмотрим подробнее воспроизведение, распространение и доведение произведения до всеобщего сведения. Исключительное право автора на воспроизведение, закреплённое в Бернской конвенции, предполагает право автора разрешать воспроизведение любым способом и в любой форме. Такое разрешение не требуется лишь в особых случаях, которые могут конкретизироваться в национальном регулировании, и при условии, что использование не противоречит нормальному порядку использования произведения и не нарушает права автора. В праве России данное положение уточняется, и воспроизведением, по смыслу статьи 1270 ГК РФ, считается изготовление экземпляра произведения, в том числе запись программы на электронном носителе, кроме случаев краткосрочной записи, как части технологического процесса.

Право на распространение и сообщение для всеобщего сведения установлены на международном уровне в Договоре ВОИС по авторскому праву. Распространение предполагает право передавать оригинал или копии произведения путём продажи или иной передачи собственности. Указанный Договор также закрепил исключительное право авторов на любое сообщение своих произведений для всеобщего сведения. Гражданский кодекс РФ даёт следующее определение данным правомочиям: распространение произведения включает продажу или отчуждение оригинала и экземпляров, а доведение произведения до всеобщего сведения предполагает предоставление возможности каждому лицу получить по своему желанию доступ к произведению. Важно отметить, что на сообщение произведения для всеобщего сведения действие принципа исчерпания права распространяться не будет, в силу того что не происходит отчуждение экземпляра. Это установлено, например, в праве Европейского Союза, где, воспользовавшись правом установления режима исчерпания авторского права, ЕС закрепил в своей Директиве 2001/29/ЕС о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе (Информационная директива – InfoSoc Directive), что принцип исчерпания не распространяется на случаи доведения произведения до всеобщего сведения. В этой связи важно понять, как квалифицируются действия с ПО в цифровом пространстве, чтобы установить, распространяются ли положения об исчерпании права. В контексте программ для ЭВМ действие данного принципа также зависит от национального подхода к регулированию.

В ЕС в известном судебном решении по делу *UsedSoft GmbH v. Oracle International Corp.* было установлено, что (1) на передачу программы на материальном носителе действует принцип исчерпания в полном объёме; (2) в случае с электронной копией программы, принцип *регионального* исчерпания будет действовать, если в рамках не ограниченной сроком лицензии при последующей передаче программа была удалена первым покупателем; (3) суд, таким образом, распространил принцип исчерпания прав на переданный экземпляр программы, а не лицензию, которая будет следовать за правом собственности на экземпляр.

В России имеет значение способ передачи программы. Согласно статье 1272 Гражданского Кодекса, действует национальный принцип исчерпания права, который распространяется на случаи продажи или отчуждения иным способом оригинала или экземпляра программы. То есть, экземпляром следует считать программу на материальном носителе, так как в случае, если была предоставлена программа в электронной форме, то при установке будет создан новый экземпляр программы, в рамках её воспроизведения. Можно предположить, что в силу того, что воспроизведение не регулируется статьёй 1272 о распространении оригинала или экземпляров опубликованного произведения, то и принцип исчерпания, закреплённый в статье, не будет применим в случае электронной версии. Однако данный вопрос является спорным и решается в процессе толкования и в рамках судебного усмотрения.

В США действует «доктрина первой продажи», согласно которой, принцип исчерпания авторского права применим к копиям после их

первой правомерной продажи. Стоит отметить, что в рамках американского подхода судами установлено, что пользователь программы может распоряжаться копией произведения без ограничений со стороны правообладателя, если он стал собственником этой копии. В связи с этим, для ограничения правообладателями дальнейшего распространения программы, они стремятся заключать не соглашения о продаже копии программы, а лицензионные соглашения, которые не предусматривают переход права собственности и устанавливают значительные ограничения пользователя.

Сообщение программы для всеобщего сведения, по смыслу положений конвенций и национальных правовых актов, будет происходить в случае размещения программы в Интернете (если это программа с открытым исходным кодом), либо в случае предложения программы для ознакомления и приобретения (в случае с проприетарным ПО). На такие случаи, как было установлено, принцип исчерпания права не распространяется.

Таким образом, можно утверждать, что исчерпание права в полной мере применимо к материальным носителям и их продаже, так как происходит распространение произведения правообладателем путём передачи экземпляра в собственность. Случаи передачи электронных версий, предполагающих установку, или же предоставление пользования в рамках лицензионных договоров (в том числе при предоставлении программ по модели SaaS) требует наличия дополнительных условий для применения принципа исчерпания.

Таким образом, в результате рассмотрения нескольких дискуссионных аспектов оборота программного обеспечения, можно отметить, что ввиду постоянного развития цифровых технологий и всё большего внедрения инноваций, происходит трансформация регулирования оборота ПО. Изменения путём нововведений в законодательстве и адаптации судебной практики могут привести к разработке собственной уникальной системы правового регулирования, или же созданию специальных договорных конструкций.

Полученные в результате исследования выводы и заключения соответствуют выводам А.И. Савельева о применимости положений об исчерпании права к материальным копиям программ [17, с. 120–125]. Также, решение Суда ЕС по делу UsedSoft [31] демонстрирует возможность распространения доктрины на электронные копии при соблюдении ряда условий. Российское законодательство пока не восприняло этот подход, что создаёт правовую неопределённость. Однако, Сравнение подходов к патентованию ПО показывает, что Россия, приняв законопроект о патентах на алгоритмы программ [11], движется в сторону либерализации, в то время как США после дела Alice Corp. [26] ужесточили требования. Ограничением исследования выступает невозможность проведения анализа применения изменений, предполагаемых названным законопроектом ввиду того, что он находится на стадии обсуждения. В дальнейшем, планируется продолжить исследование по таким перспективным направлениям, как анализ практики патентования в результате применения положений законопроекта после его принятия, возможная выработка критериев патентоспособности алгоритмов ИИ, а также разработка критериев для включения в смешанные договоры в цифровой сфере и исследование возможности создания новой договорной конструкции.

На данном этапе, регулирование оборота программного обеспечения характеризуется расширением способов и объёма охраны, при помощи предоставления права патентовать алгоритмы программ; развитием договорного регулирования, путём применения и адаптации различных конструкций к особенностям оборота программного обеспечения; а также выработкой механизмов применения существующих доктрин и принципов (таких как исчерпание права) к обороту программ. Разработка гибкого и многоуровневого регулирования, адаптировавшего положения различных отраслей права под цифровую реальность, позволит преодолеть спорные аспекты, и, возможно, в будущем, создать комплексный массив специального регулирования.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (Заключена в г. Берне 09.09.1886). – Текст: электронный // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails.jsp?treaty_id=15 (дата обращения: 08.01.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ: ст. 1261. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 02.03.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ: ст. 1297. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 22 мая 2001 г. о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе (Информационная директива – InfoSoc Directive). – Текст: электронный // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=cellex%3A32001L0029> (дата обращения: 03.03.2026).

5. Директива 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 23 апреля 2009 г. «О правовой охране компьютерных программ (кодифицированная версия)». – Текст: электронный. – URL: <http://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=127884> (дата обращения: 08.03.2026).

6. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (WCT) (Принят в г. Женеве 20.12.1996). – Текст: электронный // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails.jsp?treaty_id=16 (дата обращения: 22.02.2026).

7. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под редакцией А.Л. Маковского. – Москва: [б.и.], [б.г.]. – 412 с. – Текст: непосредственный.

8. Липень, С.В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права / С.В. Липень. – Текст: непосредственный // Russica. – 2022. – № 2 (182). – С. 132–147.

9. Москаленко, А.И. Цифровизация интеллектуальной собственности в гражданском праве Российской Федерации / А.И. Москаленко. – 2-е изд. – Москва: Дашков и К, 2022. – 210 с. – ISBN 978-5-394-04739-8. – Текст: непосредственный.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ: пп. 26 п. 2 ст. 149 (освобождение от НДС операций по передаче исключительных прав на программы для ЭВМ и базы данных, включенные в соответствующий реестр). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 11.02.2026).

11. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о правовом режиме программируемых средств как объектов патентного права): проект федерального закона № 922784-8: [внесен сенаторами РФ В.И. Матвиенко, Л.С. Гумеровой, депутатом ГД С.В. Кабышвым 21 мая 2025 г.; принят Гос. Думой в первом чтении 19 нояб. 2025 г.]. – Москва, 2025. – Текст: электронный. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922784-8> (дата обращения: 01.03.2026).

12. Об онлайн-регистрации интеллектуальных прав в России через платформы «Национальный реестр интеллектуальной собственности (n'RIS)» и ООО «Айрег» (Интеллектуальный регистратор авторских прав IREG). – Текст: электронный // Сайт PAO. – URL: <https://rao.ru/> (дата обращения: 08.05.2026).

13. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2021 г. № 07АП-2688/2021 по делу № А45–13907/2020. – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru). – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5ccd0fb4-09fa-4e31-959f-9ed628ed2739> (дата обращения: 12.02.2026).

14. Руденко, Е. Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений / Е.Ю. Руденко. – Текст: непосредственный // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 7–10.

15. Савельев, А.И. Закон и код: Регулирование качества программного обеспечения, предоставляемого по лицензии и разрабатываемого на заказ / А.И. Савельев. – Текст: непосредственный // Закон. – 2024. – № 6. – С. 136–150.

16. Савельев, А.И. Отдельные вопросы применения норм об исчерпании прав в отношении программ для ЭВМ / А.И. Савельев. – Текст: непосредственный // Вестник гражданского права. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 102–128.

17. Савельев, А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения: [учебное пособие] / А.И. Савельев. – Москва: Статут, 2024. – 256 с. – ISBN 978-5-8354-2035-7. – Текст: непосредственный.

18. Савельев, А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. – Москва: Статут, 2014. – Текст: электронный. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17671#Px9Yw5VLKvQecHZ8> (дата обращения: 18.11.2025).

19. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994). – Текст: электронный // WTO. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (дата обращения: 12.03.2026).

20. Суворов, Е.Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом / Е.Д. Суворов. – Текст: непосредственный // Lex Russica. – 2022. – № 1 (182). – С. 109–121.

21. Федотов, М.А. Введение в концепт общей теории авторства / М.А. Федотов. – Текст: непосредственный // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – № 3. – С. 38–75.
22. Хабриева, Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве / Т.Я. Хабриева. – Текст: непосредственный // Вопросы истории. – 2022. – № 2. – С. 256–270.
23. Цитович, Л.В. Особенности охраны произведений в условиях цифровой экономики / Л.В. Цитович. – Текст: непосредственный // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 4. – С. 12–15.
24. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: коллективная монография / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов [и др.]; под редакцией И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. – Москва: Норма, 2022. – 376 с. – ISBN 978-5-00156-210-8. – Текст: непосредственный.
25. Цифровизация в государственном управлении, общественной жизни и правовой сфере: коллективная монография / М.Ю. Архипова, Е.В. Розанова [и др.]; под редакцией В.В. Попадейкина. – Москва: Эдитус, 2022. – 238 с. – ISBN 978-5-00149-758-5. – Текст: непосредственный.
26. Alice Corp. v. CLS Bank International, 573 U.S. 208 (2014). – Текст: электронный // Supreme Court of the United States. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13–298_7lh8.pdf (дата обращения: 11.02.2026).
27. Copyright Act of 1976 (17 U.S.C. § § 101–1332). – Текст: электронный // U.S. Copyright Office. – URL: <https://www.copyright.gov/title17/> (дата обращения: 10.02.2026).
28. Council Directive 93/98/EEC of 29 October 1993 harmonizing the term of protection of copyright and certain related rights. – Текст: электронный // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31993L0098> (дата обращения: 28.12.2025).
29. Gorbatyuk, A. Patent Notice (Failure) in the Era of Patent Monetization / A. Gorbatyuk, A. Kovács. – Текст: электронный // IIC–International Review of Intellectual Property and Competition Law. – 2022. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-022-01172-z/> (дата обращения: 05.02.2026).
30. Patent Law of the People's Republic of China (2020 Amendment): art. 25, para. 2. – Текст: электронный // China National Intellectual Property Administration (CNIPA). – URL: <https://english.cnipa.gov.cn/> (дата обращения: 18.02.2026).
31. UsedSoft GmbH v. Oracle International Corp. ECJ. Case C-128/11. 3 July 2012. – Текст: непосредственный.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF SOFTWARE CIRCULATION: LEGAL NATURE, CONTRACTUAL MODELS, EXHAUSTION OF RIGHTS

Germanova A.D.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article addresses current issues related to the legal regulation of software circulation in the context of digitalization. It analyzes the dual nature of software as an intellectual property: code protection modeled on literary works and current trends in the application of patent protection rules for algorithms. Particular attention is paid to the 2025 Russian draft law allowing for the registration of «computer-implementable inventions,» including artificial intelligence systems. The paper also examines contractual structures used in the transfer of software rights, including license agreements, author's commission agreements, mixed models, and paid services agreements. Part of the article also addresses the principle of exhaustion of rights, specifically the limits and methods of its application to tangible media and electronic copies of programs. While the focus is on Russian regulation, the approaches of foreign jurisdictions are also discussed. It concludes that regulation is fragmented and that new mechanisms need to be developed to address the specific nature of software in the context of circulation.

Keywords: software, software circulation, copyright, algorithm patenting, exhaustion of rights, license agreement, copyright commission agreement, digital economy.

References

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Concluded at Berne on September 9, 1886). – Electronic text // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails.jsp? treaty_id=15 (accessed on January 8, 2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006, № 230-FZ: Article 1261. – Electronic text // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (accessed on March 2, 2026).
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 № 230-FZ: Article 1297. – Text: electronic // SPS «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (date of access: 11.02.2026).
4. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society (Information Directive – InfoSoc Directive). – Text: electronic // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0029> (date of access: 03.03.2026).

5. Directive 2009/24/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs (codified version). – Text: electronic. – URL: <http://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=127884> (date of access: 08.03.2026).
6. World Intellectual Property Organization Copyright Treaty (WCT) (Adopted in Geneva on 20.12.1996). – Text: electronic // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails.jsp? treaty_id=16 (date of access: 22.02.2026).
7. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (chapter) / edited by A.L. Makovsky. – Moscow: [b.i.], [b.g.]. – 412 p. – Text: direct.
8. Lipen, S.V. Transformation of the Theory of Systematization of Legislation in the Era of Digitalization of Law / S.V. Lipen. – Text: direct // Russica. – 2022. – № 2 (182). – Pp. 132–147.
9. Moskalenko, A.I. Digitalization of Intellectual Property in the Civil Law of the Russian Federation / A.I. Moskalenko. – 2nd ed. – Moscow: Dashkov i K, 2022. – 210 p. – ISBN 978-5-394-04739-8. – Text: direct.
10. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000, № 117-FZ: subparagraph 26 of paragraph 2 of Article 149 (exemption from VAT for transactions involving the transfer of exclusive rights to computer programs and databases included in the relevant register). – Text: electronic // SPS «ConsultantPlus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (accessed: February 11, 2026).
11. On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (on the legal regime of programmable devices as objects of patent law): draft federal law № 922784-8. [submitted by Russian Senators V.I. Matviyenko, L.S. Gumerova, and State Duma Deputy S.V. Kabyshev on May 21, 2025; adopted by the State Duma in the first reading on November 19, 2025]. – Moscow, 2025. – Text: electronic. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922784-8> (date accessed: March 1, 2026).
12. On online registration of intellectual property rights in Russia through the platforms «National Register of Intellectual Property (nRIS)» and «IREG» LLC (Intellectual Registrar of Copyrights IREG). – Text: electronic // RAO Website. – URL: <https://rao.ru/> (date of access: 08.05.2026).
13. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated April 21, 2021 № 07AP-2688/2021 in case № A45–13907/2020. – Text: electronic // Card index of arbitration cases (kad.arbitr.ru). – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5cccd0fb4-09fa-4e31-959f-9ed-628ed2739> (date of access: 12.02.2026).
14. Rudenko, E. Yu. On the issue of the concept of digital rights as objects of civil legal relations / E. Yu. Rudenko. – Text: direct // Civil law. – 2021. – № 4. – P. 7–10.
15. Savelyev, A.I. Law and Code: Regulation of the Quality of Software Provided under License and Developed to Order / A.I. Savelyev. – Text: direct // Law. – 2024. – № 6. – P. 136–150.
16. Savelyev, A.I. Certain Issues of the Application of the Rules on Exhaustion of Rights in Relation to Computer Programs / A.I. Savelyev. – Text: direct // Bulletin of Civil Law. – 2011. – Vol. 11. – № 3. – P. 102–128.
17. Savelyev, A.I. Legal Aspects of Software Development and Commercialization: [study guide] / A.I. Savelyev. – Moscow: Statut, 2024. – 256 p. – ISBN 978-5-8354-2035-7. – Text: direct.
18. Savelyev, A.I. Electronic Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation / A.I. Savelyev. – Moscow: Statut, 2014. – Text: electronic. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc& base=CMB& n=17671#Px9Yw5VLKvQecHZ8> (date of access: 18.11.2025).
19. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (Concluded in Marrakesh on 15.04.1994). – Text: electronic // WTO. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (access date: 12.03.2026).
20. Suvorov, E.D. Application of the Principles of Contract Law to Contractual Relations Complicated by a Digital Element / E.D. Suvorov. – Text: direct // Lex Russica. – 2022. – № 1 (182). – Pp. 109–121.
21. Fedotov, M.A. Introduction to the Concept of the General Theory of Authorship / M.A. Fedotov. – Text: direct // Works on Intellectual Property. – 2023. – № 3. – Pp. 38–75.
22. Khabrieva, T. Ya. Technological Revolutions and Their Projection in Law / T. Ya. Khabrieva. – Text: direct // Questions of History. – 2022. – № 2. – Pp. 256–270.
23. Tsitovich, L.V. Features of the Protection of Works in the Context of the Digital Economy / L.V. Tsitovich. – Text: direct // Law and the Digital Economy. – 2024. – № 4. – Pp. 12–15.
24. Digital Economy: Current Directions in Legal Regulation: Collective Monograph / M.O. Dyakonova, A.A. Efremov [et al.]; edited by I.I. Kucherov, S.A. Sinitsyn. – Moscow: Norma, 2022. – 376 p. – ISBN 978-5-00156-210-8. – Text: direct.
25. Digitalization in Public Administration, Public Life, and the Legal Sphere: Collective Monograph / M. Yu. Arkhipova, E.V. Rozanova [et al.]; edited by V.V. Popadeikin. – Moscow: Editus, 2022. – 238 p. – ISBN 978-5-00149-758-5. – Text: direct.
26. Alice Corp. v. CLS Bank International, 573 U.S. 208 (2014). – Text: electronic // Supreme Court of the United States. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13–298_7lh8.pdf (date of access: 11.02.2026).
27. Copyright Act of 1976 (17 U.S.C. § § 101–1332). – Text: electronic // U.S. Copyright Office. – URL: <https://www.copyright.gov/title17/> (date of access: 10.02.2026).
28. Council Directive 93/98/EEC of 29 October 1993 harmonizing the term of protection of copyright and certain related rights. – Text: electronic // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31993L0098> (date of access: 28.12.2025).
29. Gorbatyuk, A. Patent Notice (Failure) in the Era of Patent Monetization / A. Gorbatyuk, A. Kovács. – Text: electronic // IIC–International Review of Intellectual Property and Competition Law. – 2022. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-022-01172-z/> (date of access: 05.02.2026).
30. Patent Law of the People's Republic of China (2020 Amendment): art. 25, para. 2. – Text: electronic // China National Intellectual Property Administration (CNIPA). – URL: <https://english.cnipa.gov.cn/> (date of access: February 18, 2026).
31. UsedSoft GmbH v. Oracle International Corp. ECJ. Case C-128/11. July 3, 2012. – Text: direct.

Управление цифровыми активами как стратегический ресурс в системе менеджмента организации: правовые аспекты

Годлевский Игорь Андреевич,

аспирант кафедры менеджмента, Московская международная академия

E-mail: Jekfrost99@mail.ru

Статья посвящена теме управления цифровыми активами как стратегического ресурса в системе менеджмента организации. Автором обусловлена значимость и актуальность темы. Так, в условиях цифровой трансформации экономики управление цифровыми активами становится одним из ключевых факторов обеспечения устойчивости и конкурентоспособности организаций. Особое внимание уделяется тому, что современные компании формируют значительный объем цифровых ресурсов, включающих базы данных, программное обеспечение, цифровой контент, интеллектуальные активы, платформенные решения, токенизированные объекты и корпоративные информационные системы. В статье исследуется роль цифровых активов как стратегического ресурса в системе менеджмента организации. Рассматриваются теоретические подходы к определению сущности цифровых активов, анализируются современные механизмы их идентификации, оценки и интеграции в управленческие процессы. Особое внимание уделено вопросам стоимости ориентированного управления цифровыми активами, цифровой зрелости организации, рискам цифровизации и трансформации корпоративного управления под влиянием технологий распределенных реестров и искусственного интеллекта. Методологическую основу исследования составили системный, институциональный и процессный подходы, а также методы сравнительного и структурно-функционального анализа. В результате исследования предложена модель стратегического управления цифровыми активами, ориентированная на повышение эффективности организационного менеджмента и создание долгосрочной ценности. Сделан вывод о том, что цифровые активы выступают не только объектом учета, но и самостоятельным стратегическим ресурсом, определяющим устойчивость, инновационность и рыночную капитализацию организации в цифровой экономике.

Ключевые слова: менеджмент, активы, цифровые активы, стратегический менеджмент, цифровая трансформация, интеллектуальный капитал, цифровая экономика, корпоративное управление, цифровые технологии.

Введение

В настоящее время, этап развития мировой экономики характеризуется интенсивной цифровизацией хозяйственной деятельности, трансформацией бизнес-моделей и повышением значимости нематериальных ресурсов. В данных условиях, особую роль приобретают цифровые активы, которые становятся одним из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности организаций. Расширение использования информационных технологий, платформенных решений, искусственного интеллекта, распределенных реестров и облачных сервисов обусловило формирование новой категории активов, обладающих высокой экономической ценностью и стратегическим потенциалом.

Чтобы своевременно управлять цифровыми активами в организации, требуется стратегическая система менеджмента в условиях цифровой трансформации экономики. Так, в современной научной литературе, цифровые активы рассматриваются, как совокупность цифровых объектов, обладающих экономической значимостью и способных участвовать в создании добавленной стоимости. К ним относятся базы данных, программное обеспечение, цифровой контент, цифровые права, токены, объекты интеллектуальной собственности, а также информационные системы организации. Более того, при этом их роль выходит далеко за рамки исключительно учетной или технологической функции. В современных условиях цифровые активы становятся инструментом формирования устойчивых конкурентных преимуществ, повышения эффективности управления и развития инновационного потенциала предприятия [1, с. 4].

Кроме того, развитие цифровой экономики сопровождается изменением подходов к системе корпоративного менеджмента. Организации вынуждены адаптировать управленческие механизмы к новым условиям функционирования, связанным с необходимостью обработки больших массивов данных, обеспечения информационной безопасности, цифрового взаимодействия с контрагентами и интеграции цифровых технологий в бизнес-процессы. В этой связи, управление цифровыми активами становится стратегической задачей, определяющей способность организации сохранять устойчивость и достигать долгосрочных целей развития.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время отсутствует единый подход к управлению цифровыми активами в системе менеджмента организации. Сохраняются проблемы идентификации цифровых активов, оценки их стоимости, определения механизмов коммерциализации и интеграции в систему стратегического управления. Кроме того, недостаточно исследованы вопросы влияния цифровых активов на организационную структуру предприятия, эффективность управленческих решений и трансформацию корпоративного управления.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступают положения теории стратегического управления, цифровой экономики, ресурсной концепции фирмы и институционального подхода. Исследование базируется на научных трудах отечественных и зарубежных авторов, посвященных вопросам цифровизации экономики, управления цифровыми активами, цифрового корпоративного управления и оценки нематериальных ресурсов.

В работе использованы методы системного анализа, позволяющие рассматривать цифровые активы как элемент комплексной системы управления организацией. Применение институционального подхода обеспечило возможность исследования влияния цифровых технологий на изменение организационных механизмов и управленческих институтов. Метод сравнительного анализа использовался при сопоставлении традиционных и цифровых моделей управления активами. Структурно-функциональный анализ позволил определить взаимосвязь цифровых активов с ключевыми бизнес-процессами организации.

Литературный обзор

Проблематика управления цифровыми активами в последние годы активно развивается в отечественной и зарубежной научной литературе.

Это обусловлено ростом цифровизации экономики и расширением использования цифровых технологий в деятельности организаций. Как очень верно отмечает Ю.Ю. Савченко [2, с. 697], цифровые активы обладают сложной структурой и требуют отдельного подхода к оценке и управлению, поскольку традиционные методы учета не позволяют в полной мере определить их экономическую ценность. Автор подчеркивает необходимость разграничения различных групп цифровых активов с учетом их функционального назначения и участия в создании добавленной стоимости.

Следует согласиться с мнением И.М. Степновой и М.А. Федотовой, согласно которому управление цифровыми активами должно быть ориентировано на создание стоимости организации. Исследователи указывают, что цифровые активы становятся важнейшим элементом стоимостью -ориентированного управления и требуют внедрения специальных алгоритмов оценки, мониторинга и контроля [3, с.59].

С.Ю. Гаганов акцентирует внимание на проблемах идентификации цифровых активов в системе бухгалтерского учета и финансовой отчетности. По мнению автора, отсутствие единых стандартов учета существенно осложняет процесс управления цифровыми ресурсами организации и снижает прозрачность корпоративной отчетности [4].

В исследовании О.В. Лосевой, М.А. Федотовой и Н.М. Абдикеева подчеркивается значимость цифровых интеллектуальных активов, как самостоятельного объекта коммерциализации [5]. Они в свою очередь, предлагают концептуальную модель оценки цифровых интеллектуальных активов, основанную на интеграции правовых, организационных и стоимостных характеристик.

Зарубежные исследователи также уделяют значительное внимание вопросам трансформации организационного управления под влиянием цифровых активов. Так, некоторые авторы, рассматривают возможности использования NFT-технологий в корпоративном управлении и организационном дизайне. Авторы непосредственно отмечают, что цифровые активы способны трансформировать механизмы распределения ответственности, контроля и мотивации внутри организации [6].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что современные исследования в области цифровых активов сосредоточены преимущественно на вопросах правового регулирования, бухгалтерского учета, оценки стоимости и технологических аспектов. Вместе с тем недостаточно изученными остаются проблемы интеграции цифровых активов в систему стратегического менеджмента организации, что определяет необходимость дальнейших научных исследований.

Результаты

В эпоху тотальной цифровизации экономики и общества компании сталкиваются с небывалыми вызовами в области стратегического управления. Стремительное развитие прорывных технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект, облачные сервисы, интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность, радикально меняет операционный ландшафт, рыночные границы, модели создания и присвоения ценности. Традиционные подходы к разработке стратегии, основанные на статичном позиционировании, долгосрочных планах и иерархическом контроле, все чаще демонстрируют неэффективность в ситуации экспоненциального ускорения инноваций, размывания отраслевых границ, появления принципиально новых игроков и бизнес-моделей.

Анализ тенденций развития стратегического менеджмента в условиях цифровой трансформации позволяет выделить ряд фундаментальных изменений, затрагивающих как методологический базис стратегирования, так и практический инструментарий (рис. 1).

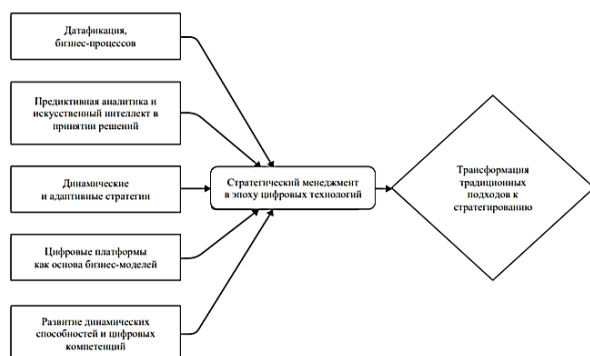

Рис. 1. Ключевые тренды в стратегическом менеджменте в эпоху цифровизации

Во-первых, одним из наиболее значимых факторов, влияющих на стратегическое управление, является массовое преобразование

бизнес-процессов, где большие данные (Big Data) из технологического феномена превращаются в драйвер трансформации методологии стратегического менеджмента. Во-вторых, ключевую роль в разработке и реализации стратегий начинают играть инструменты продвинутой аналитики, машинного обучения и искусственного интеллекта (ИИ).

Стоит сказать, что цифровые активы в современных условиях выступают самостоятельным стратегическим ресурсом организации, оказывающим непосредственное влияние на эффективность системы менеджмента, влияющим на устойчивость, конкурентоспособность и инновации. Эффективность управления ими связана с качеством решений, адаптацией к изменениям и уровнем цифровой зрелости. Характерными чертами новых стратегий становятся ориентация на перманентную трансформацию, адаптивность к внешним шокам, непрерывность стратегического процесса вместо дискретных циклов планирования [7, с. 89].

В качестве четвертого тренда следует выделить растущую роль цифровых платформ как фундамента инновационных бизнес-моделей. Сетевые эффекты, возникающие по мере масштабирования платформ, обеспечивают им мощные конкурентные преимущества. Не случайно именно платформенные гиганты (Facebook, Amazon, Microsoft, Google, Apple) возглавляют список наиболее дорогих компаний мира.

Практика многих зарубежных компаний показывает, что цифровые активы рассматриваются не только как элемент ИТ-инфраструктуры, но и как стратегический источник конкурентных преимуществ. Наиболее успешные модели управления цифровыми активами сформированы в США, странах Европейского союза, Китае, Сингапуре и ОАЭ, где цифровая трансформация стала частью государственной и корпоративной стратегии развития.

Стоит сказать, что в настоящее время, одним из наиболее ярких примеров является деятельность Microsoft. Компания сформировала комплексную систему управления цифровыми активами, основанную на интеграции облачных технологий, интеллектуальных платформ и аналитики больших данных. Основным цифровым активом корпорации выступает облачная экосистема Azure, которая обеспечивает не только хранение и обработку данных, но и формирует основу стратегического взаимодействия с клиентами и партнерами. Важной особенностью модели Microsoft является централизованное управление корпоративными данными и использование искусственного интеллекта для прогнозирования спроса и оптимизации бизнес-процессов.

Полагаем, что для отечественных организаций данный опыт представляет интерес в части:

- формирования единой платформы управления корпоративными данными;
- интеграции цифровых активов в систему стратегического планирования;
- внедрения аналитики больших данных для принятия управленческих решений;
- развития корпоративных облачных инфраструктур.

Другим значимым примером выступает, как мы уже отметили – Amazon, которая рассматривает данные о потребительском поведении как ключевой стратегический актив. Компания выстроила систему цифрового управления, основанную на непрерывном сборе, анализе и коммерциализации данных. Алгоритмы искусственного интеллекта позволяют персонализировать предложения, управлять логистическими потоками и прогнозировать рыночный спрос. Фактически цифровые активы Amazon стали основой ее рыночной капитализации и глобального лидерства.

Так, российские компании могут использовать данный опыт в следующих направлениях:

- развитие систем предиктивной аналитики;
- формирование цифровых профилей клиентов;
- автоматизация логистических и управленческих процессов;
- создание платформенных экосистем.

Таким образом, стоит заметить, что для российских организаций адаптация зарубежного опыта должна учитывать специфику национального регулирования, уровень цифровой зрелости предприятий и особенности отечественной экономики. При этом ключевым направлением остается формирование комплексной системы стратегического управления цифровыми активами как фактором устойчивого развития организации.

Безусловно, анализ полученных данных показывает, что информационные данные, цифровые платформы и программные решения, интеллектуальные информационные системы, цифровые каналы связи, а также нематериальные цифровые ресурсы, связанные с репутацией бренда и качеством обслуживания клиентов, играют ключевую роль в структуре цифровых активов организаций. Организации, применяющие системный подход к управлению цифровыми активами, демон-

стрируют более высокую операционную эффективность и инновационные показатели по сравнению с организациями, где использование цифровых ресурсов фрагментировано.

Ключевыми факторами эффективного управления цифровыми активами являются: наличие цифровой стратегии, интеграция цифровых ресурсов в общую систему корпоративного управления, развитие аналитической инфраструктуры, информационная безопасность и формирование компетенций персонала в области цифровых технологий [8, с. 89]. Особое значение имеет способность организации синхронизировать процессы хранения, обработки и использования цифровых данных с бизнес-целями компании.

Исследование также показало, что цифровые активы становятся важным элементом в формировании интеллектуального капитала организации. Использование цифровых платформ и систем искусственного интеллекта способствует накоплению организационных знаний, повышению качества прогнозирования и укреплению координации между структурными подразделениями. Это, в свою очередь, повышает уровень прозрачности управления и помогает оптимизировать бизнес-процессы. Также, важно отметить, что внедрение технологий искусственного интеллекта и блокчейн-систем способствует повышению эффективности управления цифровыми активами. Использование распределенных реестров обеспечивает прозрачность операций, снижение рисков фальсификации данных и повышение доверия между участниками цифровой экосистемы.

Однако, в рамках исследования особое внимание стоит уделить анализу рисков, связанных с администрированием цифровых активов [9]. В ходе анализа были выявлены ключевые угрозы, включая киберугрозы, риск потери или искажения данных, зависимость от внешних цифровых платформ и нехватку квалифицированных специалистов в области цифровых технологий. Результаты анализа демонстрируют, что недостаточная степень цифровизации управления может существенно снизить эффективность использования активов, что, в свою очередь, может привести к стратегическим потерям для организации.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают актуальность рассмотрения цифровых активов как одного из ключевых стратегических ресурсов современной организации. В отличие от традиционных ресурсов, цифровые активы формируют основу для создания долгосрочных конкурентных преимуществ благодаря способности обеспечивать быстрое накопление, обработку и распространение информации внутри организации. Это свидетельствует о переходе от промышленной модели управления к модели, основанной на данных и цифровых технологиях.

Таким образом, роль цифровых активов существенно отличается от традиционных нематериальных активов, поскольку цифровые ресурсы способны не только участвовать в хозяйственной деятельности, но и формировать новые организационные модели управления.

В современных условиях происходит переход от ресурсно ориентированного управления к управлению на основе данных и цифровых платформ. Это требует трансформации организационных структур, изменения функций менеджмента и внедрения новых подходов к стратегическому планированию.

Результаты исследования соответствуют современным научным представлениям, согласно которым процесс цифровой трансформации организаций сопровождается изменением роли информации и технологий в системе управления. Если раньше информационные системы выполняли в основном вспомогательные функции, то сейчас они превратились в центральное звено управленческой инфраструктуры и стали ключевым инструментом стратегического развития организации.

Эффективность управления цифровыми активами зависит не только от степени технологической оснащенности организации, но и от качества механизмов управления. Это позволяет сделать вывод о целесообразности интеграции цифрового менеджмента в систему стратегического управления организацией. В этом контексте, особое значение приобретают управленческие компетенции руководства, которые обеспечивают баланс между внедрением технологических инноваций, экономической эффективностью и управлением рисками [10].

Одной из ключевых проблем управления цифровыми активами остается отсутствие единых подходов к их оценке. Традиционные методы бухгалтерского учета не позволяют учитывать сетевой эффект, инновационный потенциал и способность цифровых активов к масштабированию. В результате значительная часть цифровой стоимости организации остается вне официальной финансовой отчетности.

Кроме того, использование цифровых активов сопровождается рядом рисков:

- киберугрозами;

- утратой цифровых данных;
- нарушением цифровых прав;
- зависимостью от технологической инфраструктуры;
- правовой неопределенностью.

Вопрос информационной безопасности имеет первостепенное значение в условиях стремительного роста объема цифровых данных, что повышает уязвимость организации к киберугрозам. Управление цифровыми активами следует рассматривать не только как технологическую задачу, но и как сложную организационную и экономическую проблему, включающую разработку интегрированной системы информационной безопасности, контроля доступа и обеспечения киберустойчивости.

Важным направлением совершенствования управления цифровыми активами является формирование цифровой корпоративной культуры. Организациям необходимо развивать компетенции персонала в области цифровых технологий, информационной безопасности и аналитики данных.

Следует отметить, что цифровые активы становятся основой формирования новых моделей корпоративного управления. Использование блокчейн-технологий, смарт-контрактов и цифровых платформ способствует повышению прозрачности принятия решений и снижению агентских издержек. Одновременно цифровизация усиливает требования к стратегической гибкости организаций. Компании, способные эффективно управлять цифровыми активами, сталкиваются с риском утраты конкурентных преимуществ и снижения рыночной стоимости.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что цифровые активы в условиях цифровой экономики становятся одним из ключевых стратегических ресурсов организации. Их значение определяется не только технологическими характеристиками, но и способностью обеспечивать устойчивое конкурентное преимущество, повышение эффективности управленческих процессов и создание долгосрочной стоимости бизнеса.

Выявлено, что управление цифровыми активами требует комплексного подхода, включающего идентификацию, оценку, интеграцию в систему стратегического менеджмента, мониторинг и коммерциализацию. Эффективность управления цифровыми активами напрямую зависит от уровня цифровой зрелости организации, качества корпоративного управления и способности предприятия адаптироваться к цифровой трансформации.

Опыт нашей страны, в частности показывает, что цифровые активы постепенно становятся ключевым элементом стратегического управления организациями. Наиболее успешные отечественные компании рассматривают данные, цифровые платформы, интеллектуальные системы и программные решения не как вспомогательные ИТ-ресурсы, а как самостоятельный фактор формирования конкурентных преимуществ. Особое значение цифровые активы приобретают в условиях платформенной экономики, где именно способность организации эффективно управлять цифровыми ресурсами определяет уровень ее инновационного развития и устойчивости на рынке.

Установлено, что цифровые активы оказывают значительное влияние на изменение организационных структур и механизмов корпоративного управления. Использование технологий искусственного интеллекта, больших данных и блокчейн-систем способствует повышению прозрачности бизнес-процессов, оптимизации управленческих решений и снижению транзакционных издержек.

Вместе с тем сохраняются проблемы правового регулирования цифровых активов, отсутствия единых стандартов их оценки и учета, а также риски информационной безопасности. Это определяет необходимость дальнейшего совершенствования механизмов управления цифровыми активами и развития научных исследований в данной области.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- цифровые активы являются самостоятельным стратегическим ресурсом организации, обеспечивающим создание конкурентных преимуществ в условиях цифровой экономики.
- эффективное управление цифровыми активами требует интеграции цифровых ресурсов в систему стратегического менеджмента организации.
- использование цифровых технологий способствует трансформации корпоративного управления, повышению прозрачности бизнес-процессов и развитию инновационных моделей управления.

- основными проблемами управления цифровыми активами остаются сложности их идентификации, оценки стоимости и правового регулирования.
- развитие систем управления цифровыми активами должно сопровождаться формированием цифровой корпоративной культуры и повышением уровня цифровых компетенций персонала.

В целях совершенствования управления цифровыми активами предлагается:

- разработать единые методические подходы к оценке цифровых активов;
- внедрять системы цифрового мониторинга и контроля;
- развивать корпоративные платформы управления данными;
- совершенствовать механизмы информационной безопасности;
- интегрировать цифровые активы в систему стратегического планирования организации.

Литература

1. Абдуллаев А.Ш. Стратегия финансового менеджмента цифровых активов в условиях глобальной платформенной экономики / А.Ш. Абдуллаев // Финансовый менеджмент. – Москва, 2025 – N 10. – С. 4–12.
2. Савченко Ю.Ю. Цифровые активы как особый объект оценки. // Научный журнал «Управленческий учет» – № 11–2021. С. 697–703
3. Степнова И.М., Федотова М.А. Управление цифровыми активами в цифровой среде: алгоритмы и сервисы. // Управленческие науки. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-tsifrovymi-aktivami-v-tsifrovoy-srede-algoritmy-i-servisy> (дата обращения: 14.05.2026).
4. Гаганов С.Ю. Цифровые активы и цифровые валюты: вопросы идентификации в учете и финансовой отчетности. // Финансовый менеджмент, – № 11–2021 – С. 59–63
5. Лосева О. В., Федотова М.А., Абдикеев Н.М. Концептуальная модель оценки стоимости цифровых интеллектуальных активов // Финансы: теория и практика. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-otsenki-stoimosti-tsifrovyyh-intellektualnyh-aktivov> (дата обращения: 14.05.2026).
6. Тингли П. Н., Шреста Ю.Р. Организационный дизайн с использованием NFT: перспективы, обещания и препятствия. // Journal of Organization Design. – 2023. – С. 78–86
7. Булдыгин П.А., Журавлевский В.С. Цифровые активы как новый вид нематериальных финансовых активов в деятельности организации. // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – С. 96–102
8. Наугольнова, И.А. Менеджмент 4.0: эволюция и инновации в управлении организацией в цифровую эпоху / И.А. Наугольнова // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6(182). С. 220–226.
9. Каменева-Любавская, Е.Н. Финансовый менеджмент в эпоху цифровизации / Е.Н. Каменева-Любавская // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 07 сентября 2022 года. – Санкт-Петербург: Печатный цех, 2022. – С. 268–276.
10. Семушкина, С.Р. Роль цифровизации в управлении изменениями современных компаний / С.Р. Семушкина // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 7. – С. 72–76.

DIGITAL ASSET MANAGEMENT AS A STRATEGIC RESOURCE IN AN ORGANIZATION'S MANAGEMENT SYSTEM: LEGAL ASPECTS

Godlevskii I.A.

Moscow International Academy

This article is devoted to the topic of digital asset management as a strategic resource in an organization's management system. The author determines the importance and relevance of the topic. Thus, in the context of the digital transformation of the economy, digital asset management is becoming one of the key factors in ensuring the sustainability and competitiveness of organizations. Particular attention is paid to the fact that modern companies generate a significant amount of digital resources, including databases, software, digital content, intellectual assets, platform solutions, tokenized objects and corporate information systems. The article examines the role of digital assets as a strategic resource in an organization's management system. Theoretical approaches to determining the essence of digital assets are considered, modern mechanisms for their identification, evaluation and integration into management processes are analyzed. Special attention is paid to the issues of cost-oriented digital asset management, the digital maturity of the organization, the risks of digitalization and transformation of corporate governance under the influence of distributed ledger technologies and artificial intelligence. The methodological basis of the study was based on systemic, institutional and process approaches, as well as methods of comparative and structural-functional analysis. As a result of the research, a model of strategic management of digital assets is proposed, focused on improving the effectiveness of organizational management and creating long-term value. It is concluded that digital assets are not only an object of accounting, but also an independent strategic resource that determines the sustainability, innovation and market capitalization of an organization in the digital economy.

Keywords: management, assets, digital assets, strategic management, digital transformation, intellectual capital, digital economy, corporate governance, digital technologies.

References

1. Abdullaev A.S. Strategy of financial management of digital assets in the context of the global platform economy / A.S. Abdullaev // Financial Management. – Moscow, 2025 – No. 10. – pp.4–12.
2. Savchenko Yu.Y. Digital assets as a special object of assessment. // Scientific journal "Managerial Accounting" – No. 11–2021. Pp. 697–703
3. Stepnova I.M., Fedotova M.A. Digital asset management in a digital environment: algorithms and services. // Management sciences. 2021. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-tsifrovymi-aktivami-v-tsifrovoy-srede-algoritmy-i-servisy> (date of request: 05/14/2026).
4. Gaganov S.Y. Digital assets and digital currencies: issues of identification in accounting and financial reporting. // Financial Management, No. 11–2021, Pp. 59–63
5. Loseva O.V., Fedotova M.A., Abdikeev N.M. Conceptual model of valuation of digital intellectual assets // Finance: theory and practice. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-otsenki-stoimosti-tsifrovyyh-intellektualnyh-aktivov> (date of request: 05/14/2026).
6. Tingli P.N., Shrestha Yu.R. Organizational design using NFT: prospects, promises and obstacles. // Journal of Organization Design. – 2023. – Pp. 78–86
7. Buldygin P.A., Zhuravskiy V.S. Digital assets as a new type of intangible financial assets in the organization's activities. // Economics and Business: theory and practice. – 2019, Pp. 96–102
8. Nauglnova, I.A. Management 4.0: evolution and innovations in organization management in the digital age / I.A. Nauglnova // Theory and practice of social development. 2023. No. 6(182). Pp. 220–226.
9. Kamenewa-Lyubavskaya, E.N. Financial management in the era of digitalization / E.N. Kamenewa-Lyubavskaya // Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, September 07, 2022. – St. Petersburg: Printing Workshop, 2022. – Pp. 268–276.
10. Semushkina, S.R. The role of digitalization in managing changes in modern companies / S.R. Semushkina // Innovations and investments. – 2021. – No. 7. – Pp. 72–76.

Гольцов Владимир Борисович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
правоведения АНО ВО «Международный банковский институт
имени Анатолия Собчака»
E-mail: golz2005@yandex.ru

Круглова Инна Александровна,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры экономики, управления
и предпринимательства АНО ВО «Международный
банковский институт имени Анатолия Собчака»
E-mail: kruglova@ibispb.ru

Статья посвящена анализу действующего законодательства с целью определения и понимания понятия цифровых финансовых активов (ЦФА), в том числе как объектов гражданских прав. Рассматривается правовая природа ЦФА, их экономическая и юридическая сущность, обосновывается необходимость дальнейшей конкретизации ЦФА как объектов гражданских прав в гражданском кодексе. Предлагается отнесение ЦФА к имущественным ценностям. Так же выявлены факторы ЦФА, как ликвидного имущества и одновременно обоснована их высокая рискованность, что подтверждает необходимость совершенствования действующего законодательства, регулирующего сферу использования в гражданском обороте цифровых финансовых активов. Авторами предлагается ряд законодательных инициатив по проблематике проведенного исследования.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, гражданское право, объект гражданских прав, имущественные права, имущество

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ о цифровых финансовых активах (вступил в силу с 1 января 2021 года), цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Тем не менее, в науке всё же не сложилось четкого всеобъемлющего определения и однозначного понимания цифровых финансовых активов (далее ЦФА). Они рассматриваются и как результат деятельности майнера – специалиста по созданию криптовалюты¹, и как совокупность цифровых токенов – единиц учёта, замещающих ценные бумаги в цифровом мире², и как актив, представленный в цифровом формате³. По нашему мнению, в первую очередь надо исходить из того, что ЦФА – это цифровые права, обобщенные в информационной системе, удостоверяющие владение определённым финансовым инструментом (ценными бумагами: акциями, облигациями, векселями, опционами эмитента, депозитарными расписками; деньгами, недвижимостью, валютой, фьючерсами, сырьевыми активами, криптовалютой и др.).

Обращаясь к сути ЦФА, отметим, что, согласно ст. 128 ГК РФ, законодатель не относит их к наличным деньгам, т.е., к категории имущества, имеющего точные объективные признаки, а концентрируется в большей степени на финансовых и экономических способностях таких активов, относя их к иному имуществу, а точнее к имущественным правам. И это не вызывает сомнений, поскольку цифровые права, включающие денежные и иные требования, согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, точно не объективированы как реальное имущество, но имеют экономическую ценность, выраженную в имущественном праве требования к контрагентам.

Однако если иметь в виду выпуск, учёт и обращение ЦФА с использованием системы «блокчейн» (blockchain), то сведения о них вносятся в блок в виде соответствующей записи через специализированные платформы операторами информационных систем, зарегистрированными Банком России, которые, получив заявку на продажу (покупку) ЦФА, предварительно регистрируют её и только потом автоматически инициируют расчёты. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что ЦФА достаточно объективированы, имеют чёткие индивидуализирующие признаки, которые воспринимаются другими субъектами гражданского оборота.

Это означает что мы имеем дело уже не с имущественным правом как объектом гражданских прав, а с имуществом (конкретизированной информацией), выраженном в системе «блокчейн». То же самое имеет место применительно к «криптовалюте» и праву ее использования, которую суды признают имуществом. Впервые это сделал Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлениях от 15.05.2018 по делу № А40–124668/2017 и от 18.04.2019 по делу № А40–12639/2016, признав, исходя из общих начал и смысла всего гражданского законодательства, биткоин – наиболее популярный вид криптовалюты, ликвидным имуществом, за счёт которого могут быть удовлетворены права кредиторов.

Налоговый кодекс РФ (НК РФ) в абз. 3 п. 2 ст. 38 со ссылкой на ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ также признает цифровую валюту имуществом, а не имущественным правом.

Если подробно разбираться с самими объектами гражданского права, положенными в основу гражданского законодательства, то надо заметить, что по устоявшимся взглядам исследователей все объ-

¹ Есипов А.В. Блокчейн, криптовалюты и возможные направления развития банковских технологий // Учёные записки Международного банковского института. – 2018. – № 1 (23). – С. 120–126.

² Спилниченко В.К. Теоретико-практический анализ российских цифровых финансовых активов // Вестник РГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2023. – № 2. – С. 108.

³ Кошелев К.А. Определение категории «ЦФА»: экономический, правовой и учётный аспекты // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 115.

екты гражданского права традиционно связаны с понятием «вещь»¹, а не с понятием «имущество». Несмотря на сходство данных понятий, имущество по своему содержанию является более широким, чем вещь.

Соответственно «имущественные права», которые были добавлены относительно недавно к перечню объектов гражданских прав и нашли свое закрепление в ст. 128 ГК РФ, хотя и имеют много общего с вещами, но, тем не менее, различимы, поскольку имущественные права выходят за пределы четких границ, определяемых вещью.

Так в статье 216 ГК РФ, посвященной вещным правам, сконцентрировано внимание не на имущественных правах, а на объектах именно вещного права, где и указан их примерный перечень с присущими им качествами, определяемыми как свойства². Вещное право, как бы прикрепляется к вещи и следует за ней при смене собственника независимо от воли последнего, соответственно объектом вещного права является только индивидуально определенная вещь. Несмотря на традиционность взглядов о вещном праве и его содержанием, в нем до сих пор поднимаются спорные вопросы об относимости многих вещей к объектам гражданских прав³, и в этом плане фокусирование взглядов на понятиях имущества и имущественного права, становится более привлекательным.

В настоящий период, легального определения имущественного права в нашем законодательстве не установлено, хотя, как уже говорилось, упоминания об имущественных правах как объектах гражданского права, в ст. 128 ГК РФ имеется. Отсутствие установленного легального определения имущественного права, порождает в практике различные споры по данному поводу, с их различной интерпретацией причем не только в частном, но и публичном праве⁴.

Тем не менее, доктринальные взгляды на это понятие, отражают два основных подхода.

Первый, заключается в монистической теории, отражающей сущность единого объекта правоотношений, как некоего универсального элемента, где субъекты гражданского права обладают предметами внешнего мира на праве собственности или в силу обязательств осуществляющих свое имущественное право⁵.

Второй, отражает плюралистическую теорию, иногда она рассматривается как дуалистическая⁶, признающую разнообразие объектов гражданских прав при определении имущественных прав и отражающую их специфические особенности. На этом фоне монистическая теория видит в них лишь различные проявления одного и того же в базовом субстрате.

Исходя из условий правоприменительной практики, второй подход, как нам видится, является более реалистичным, однако опреде-

ление единого легально понятия имущественного права, в этом случае, будет иметь определенную трудность его качественного восприятия.

Отметим, что надо различать экономический и юридический характер объектов гражданского права. Не зря многие ученые рассматривают эти объекты через юридическую основу распоряжения правами и обязанностями относительно имеющейся у лица вещи, т. е, через призму договоров и сделок. Отсюда выделяют объекты, которые ничем не ограничены в обороте, и объекты, которые ограничены и вообще выведены из гражданского оборота.

Если обратиться к определению ЦФА, приведенному в ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ о цифровых финансовых активах, то оно рассматривает их перечень с учётом экономической составляющей, что корреспондирует общей классификации объектов гражданских прав, определяемой в ст. 128 ГК РФ. Однако, на наш взгляд, следует учитывать и юридический аспект владения и распоряжения правами и обязанностями ЦФА при определении их перечня. К этому предрасполагают следующие обстоятельства.

Если речь идет об организации сделки обмена ЦФА на другие цифровые активы, национальную или иностранную валюту, а также на иные имущественные ценности, что целесообразно экономически, однако в точном юридическом плане следует заметить, что любые субъекты гражданского оборота в сделке с ЦФА участвовать не могут. Они должны обладать, как минимум, статусом юридического лица, а если точнее, то для получения статуса оператора обмена ЦФА компания должна быть включена в реестр операторов цифровых финансовых активов, который ведёт Банк России.

В настоящее время указанными операторами, обеспечивающими совершение подобных сделок, являются ПАО «Московская биржа» и ПАО «СПБ Биржа», т.е. юридические лица, обладающие специальным статусом с соответствующей юридической направленностью. Причем сами сделки хотя и связаны с ЦФА, но их объектом будут выступать не имущественные права в виде ЦФА, а результаты работ и оказания услуг, предоставляемых операторами.

Обращаясь к экономической и юридической сущности ЦФА, надо отметить что, согласно ст. 128 ГК РФ, они являются разновидностью имущественных прав и, соответственно, могут быть объектом различного рода сделок, предусмотренных действующим российским законодательством (покупка, продажа, обмен, дарение, залог, передача по наследству и др.), но лишь, согласно специальным юридическим нормам тех институтов, которые применимы к сложившимся правоотношениям.

Так, если речь идет о таких ЦФА, как «осуществление прав участия в капитале непубличного акционерного общества», то необходимо учитывать ограничения соответствующих сделок, установленных ФЗ РФ от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (в ред., от 31.07. 2025 г.) «Об акционерных обществах».

Примером тому может служить п. 4 ст. 7 указанного закона, устанавливающий, что акционер, намеренный осуществить отчуждение своих акций третьему лицу, обязан известить об этом непубличное общество, устав которого предусматривает преимущественное право приобретения отчуждаемых акций другими акционерами.

Таким образом, если рассматривать ЦФА через существующую редакцию ст. 128 ГК РФ, то надо отметить что она требует дальнейшей конкретизации, поскольку точная юридическая интерпретация ЦФА как объектов гражданских прав, представленная в данной статье, явно недостаточна, что мешает развитию рынка ЦФА и может приводить к смешению многих понятий и, как следствие, возникновению споров в правоприменительной практике.

Например, следует учитывать, что, помимо официально определенных в законе ЦФА, на рынке обращаются и их комбинации с утилитарными цифровыми правами (УЦФ), которые также закрепляются в блокчейне, но уже со всем другим содержанием имеющихся в них прав, включая права на передачу определенных товаров, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав на их использование, прав на выполненные работы и (или) оказанные услуги. Такие права получили название гибридных цифровых прав. Их владелец вправе получить или физические активы, или деньги в размере стоимости ЦФА на момент погашения.

Подходя к вопросу нужной классификации всех объектов гражданских прав, устанавливаемых в действующем гражданском законодательстве, следует учесть имеющиеся взгляды ученых по этому поводу⁷.

На наш взгляд наиболее удачно выражена позиция В.А. Лапач, который предлагает иметь в виду блага различного характера. Автор

¹ По традиционно устоявшимся взглядам, вещь определяется как материальный телесный предмет, не являющийся лицом. См.: Словский К.И. Собственность в гражданском праве: уч.-практ. пособие. 3-е изд. М., 2002. С. 428.

² Некоторые исследователи отмечают, что свойство следования и вещно-правовая защита не являются признаками вещного права, а выступают проявлениями его режима, т.е. последствиями. Подробно см.: Рыбалов А.О. Ограниченные вещные права: проблемы определения // Закон 2007. № 2. С. 115–124.

³ Так напр.: Мейер Д.И., указывал, что не все вещи, не все физические тела подлежат господству лица, а только такие вещи, такие тела, которые состоят в гражданском обороте и имеют значение имущества, т.е. представляют собою какую-либо ценность. По его мнению, «светила небесные», «птицы, летающие по поднебесью», не состоят в гражданском обороте и не могут рассматриваться объектами права. Подробно см.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. Петроград, 1914. С. 17. На различие прав, в отношении вещи, обращал внимание Победоносцев К.П., в частности он указывал на то, что иметь власть над вещью – значит констатировать, что я имею вещь приобретенную, я приобрел саму вещь, имея требование по поводу вещи, я имею только право на приобретение такой вещи. См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вещные права. – М.: Статут, 2002. С. 68–127.

⁴ Так, например, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях. Предмет взяточничества, и коммерческого подкупа подпадающие под статьи УК РФ, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, признается имущественным правом в виде незаконных оказанных услуг имущественного характера и предоставлением имущественных прав // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=352094>. В свою очередь в п. 2, ст. 38 НК РФ, для целей налогообложения не признаются имуществом имущественные права, за исключением безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357758/

⁵ Представители данной теории связывают имущественные права либо с обладанием вещью в силу права собственности, либо с действиями субъектов в силу обязательств. См., напр.: Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права профессора Г.Ф. Пухты / пер. с послед. нем. изд. проф. Рудорфа. Т. 1. М.: Ф.Н. Плевако, 1874. С. 124. // <https://search.rsl.ru/record/01004430837>

⁶ Сторонники данного подхода считают, что под имущественными правами следует понимать такие права, объектом которых являются вещи, действия, либо вообще все права с которыми имеет дело гражданское право. См., напр.: Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М.: Статут: Консультант Плюс, 2003. // https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/mejer_di_russkoe_grazhdanskoje_pраво?ysclid=mky52pjvif6246442329

⁷ См., напр.: Щенникова Л.В. Значение категории «объект гражданских прав для практического гражданского законодательства // Законодательство. 2004. № 11. С. 9–14.

предлагает поделить их на три исходные группы: имущественные блага (имущество); имущественно-неимущественные блага и блага, которые связаны с личностью¹. В общем плане эта позиция не вызывает возражений, тем не менее, следует учитывать и то, что в основе отношений, регулируемых гражданским законодательством (ст. 2 ГК РФ), в большей степени все же лежат имущественно-стоимостные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Если все же исходить из «благ», то рассматривать их как объекты гражданских прав, можно очень широко, например, с позиции конституционного права, или через призму других отраслей права, причем не только частного, но и публичного, что несомненно будет вызывать различные суждения по этому поводу. Поэтому нами предлагается сфокусироваться не на благах, а на их ценностной сущности, и, соответственно, заменить блага на ценности.

Основываясь на изложенном, как нам видится, все объекты гражданских прав, вполне можно было бы классифицировать как: имущественные ценности; имущественно-неимущественные ценности; ценности, которые связаны с личностью.

Несомненно, что ЦФА должны быть отнесены к имущественным ценностям, где составляющей основой ЦФА, как объектов гражданских прав, будет выступать своеобразное имущество, способное к удовлетворению разнообразных экономических интересов участников гражданского оборота. Субъектам гражданских прав, обладая ЦФА как имущественно-ценностными объектами, можно достаточно широко осуществлять свою имущественную самостоятельность, способную к их накоплению, обмену и трансформации в любое иное имущество, осуществлять другие подобные действия, с заинтересованными участниками гражданского оборота. В силу своей специфики, ЦФА, хоть и не имеют четких границ как вещь, но с учетом обобщенной систематизации информации, отделенности и осязаемости таких специфичных объектов, их необходимо признавать ликвидным имуществом, за счёт которого могут быть удовлетворены и разнообразные права кредиторов.

Трансформация ЦФА, как своеобразного ликвидного имущества, в настоящий период, может быть подтверждена их востребованностью разнообразными участниками гражданского оборота. В такой востребованности как раз и проявятся ценностные имущественные признаки ЦФА. В этой связи, необходимо заметить, что потребность в ЦФА из года в год увеличивается².

Рост популярности ЦФА, как ликвидного имущества, может быть объяснён рядом факторов:

- прозрачностью и неизменностью данных по сделкам с ЦФА, фиксируемых в блокчейне. Все транзакции доступны для проверки любым участником системы;
- быстрым выпуском ЦФА в отличие от эмиссии ценных бумаг, что происходит за счёт меньших согласований и формальностей;
- гибкостью условий выпуска ЦФА, поскольку компании могут самостоятельно определять содержание обязательств, сроки и порядок их исполнения;
- привлечение новой аудитории, так как рынок цифровых активов активно развивается, и многие инвесторы уже привыкли к онлайн-инструментам;
- отсутствием контроля за управлением ЦФА и их выпуском со стороны единственного центрального органа, как это имеет место в традиционных финансовых системах;
- возможностью привлечения инвестиций через токенизацию активов (т.е. посредством создания их цифрового двойника), такие как недвижимость, акции или другие ценные активы, и выпускать токены, представляющие собой цифровые права на эти активы;
- автоматизацией сделок с ЦФА с помощью смарт-контрактов, которые самостоятельно исполняют условия сделки при наступлении определённых условий, что упрощает и ускоряет процесс выполнения контрактов;
- оптимизацией цепочек поставок и отслеживания продукции на основе использования ЦФА для контроля поставок товаров и управления логистическими процессами;
- глобальным доступом. ЦФА доступны по всему миру, что упрощает международные операции;
- низкими транзакционными издержками.

Несмотря на популярность в приобретении ЦФА разнообразными субъектами гражданских права, необходимо подчеркнуть и то, что та-

кой своеобразный объект гражданских прав не лишен присущих ему недостатков.

Так, если эмитент обанкротится или окажется в кризисе, то инвесторы могут потерять все свои вложения. Нарушение правил размещения ЦФА, требований к эмиссии, порядку раскрытия информации, расхождение между тем, что заявлено при выпуске ЦФА, и тем, что происходит на практике, могут привести к блокировке активов и судебным искам. Серьёзный технологический сбой информационной системы может ограничить доступ эмитентов и держателей ЦФА в систему, привести к временной невозможности совершать сделки, исполнять обязательства, особенно если их условия определены смарт-контрактами, а также к потере информации. Нельзя исключать и возможные искажения информации о количестве активов при вводе её в систему, что может негативно отразиться на их цене и ликвидности. Ещё большие утраты могут наступить при успешных кибератаках злоумышленников, злоупотреблениях со стороны оператора информационной системы, который в состоянии не только фальсифицировать информацию о сделках, но и присвоить средства инвесторов.

Рискованность ЦФА при сохраняющемся высоком спросе на них ставит задачу совершенствования действующего законодательства, регулирующего сферу использования в гражданском обороте цифровых финансовых активов.

В этой связи, следует заметить, что в гражданском законодательстве не проработана проблема «блокчейна» – термина, широко используемого на практике при неоднозначном его понимании. Под «блокчейном» в одном случае понимается система хранения информации, во втором – система передачи информации (информационная технология), в третьем – информационная система³. Путаница в понятиях может привести к нарушениям прав участников сделок с ЦФА, когда, имея в виду одно, они получают в результате сделки совсем иное, не предусмотренное ими.

По нашему мнению, законодательное определение «блокчейна» могло бы быть следующим: «блокчейн» – это цифровой реестр, обеспечивающий безопасное хранение данных о транзакциях, совершённых в информационной системе, посредством использования уникальных криптографических идентификаторов при каждом новом их внесении в систему, дублирования информации и ссылок на предыдущие данные, при возможности ознакомления с ними в сети компьютеров, охватываемых информационной системой.

Требуется устранить рассогласованность между нормами п. 3 ст. 2 Закона № 149, не предусматривающими возможность распоряжения правами на информацию, и нормами п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, прямо это предусматривающими.

Вполне разумным, выглядело бы предложение о целесообразности предусмотреть в ГК РФ особенности договора, регулирующего отношения между эмитентом и оператором информационной системы. В содержании таких особенностей, следовало бы сконцентрироваться на следующем: заключение в электронной форме через соответствующих операторов, включённых в реестр Центрального банка России, существенными условиями которого являются наименование и количество выпускаемых ЦФА, с идентификацией их выпуска, цена ЦФА, порядок, сроки и размеры платежей, связанные с выпуском ЦФА и их приобретением, срок действия договора и другие специфические условия.

Литература

1. Ахматова, Д.Р. Понятие и свойства цифровых финансовых активов: функциональный подход / Д.Р. Ахматова // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 1. – С. 31–38. – DOI 10.24412/1727-8058-2025-1-31-38. – EDN VHXYES.
2. Есипов А.В. Блокчейн, криптовалюты и возможные направления развития банковских технологий // Учёные записки Международного банковского института. – 2018. – № 1 (23). – С. 120–126.
3. Кошелев К.А. Определение категории «ЦФА»: экономический, правовой и учётный аспекты // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 114–117.
4. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. – 544 с.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М.: Статут: Консультант Плюс, 2003.

¹ См., Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. С 104.

² По словам экспертов, прогнозируемые потребности в ЦФА на период с 2026 по 2028 года, должны увеличиться с 5 до 10 трлн рублей. См.: Ахатова Д.Р. Понятие и свойства цифровых финансовых активов // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 1. – С. 31.

³ Зачем нужны токены в блокчейне? https://thequestion.ru/questions/317520/answer-anchor/answer/446698?utm_source=yandex&utm_medium=wizard#answer446698-anchor (дата обращения: 25.10.2025); Соболева Л. Цифровые права: декларация без конкретики. <https://mcs.mail.ru/blog/cifrovye-prava-ne-stanut-megarevolyciej/> (дата обращения: 13.10.2025).

6. Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права профессора Г.Ф. Пухты / пер. с послед. нем. изд. проф. Рудорффа. Т. 1. М.: Ф.Н. Плевако, 1874. – 550 с.

7. Рыбалов, А.О. Ограниченные вещные права: проблемы определения / А.О. Рыбалов // Закон. – 2007. – № 2. – С. 115–124. – EDN KWERBZ.

8. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: уч.-практ. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2002. – 512 с.

9. Спильниченко, В.К. Теоретико-практический анализ российских цифровых финансовых активов / В.К. Спильниченко // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2023. – № 2. – С. 102–117. – DOI 10.28995/2073–6304–2023–2–102–117. – EDN SMVPGU.

10. Щенникова Л.В. Значение категории «объект гражданских прав для практического гражданского законодательства // Законодательство. 2004. № 11. С. 9–14.

ON THE SPECIFICS OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Goltsov V.B., Kruglova I.A.

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

This article analyzes current legislation to define and understand the concept of digital financial assets (DFAs), including as objects of civil rights. It examines the legal nature of DFAs, their economic and legal essence, and substantiates the need for further clarification of DFAs as objects of civil rights in the Civil Code. It proposes classifying DFAs as property assets. The factors of digital financial assets as liquid assets were also identified, while their high risk nature was substantiated, confirming the need to improve current legislation reg-

ulating the use of digital financial assets in civil circulation. The authors propose a number of legislative initiatives related to the issues addressed by the study.

Keywords: digital financial assets, digital rights, civil law, object of civil rights, property rights, property

References

1. Akhmatova, D.R. Concept and Properties of Digital Financial Assets: A Functional Approach / D.R. Akhmatova // Audit Statements. – 2025. – No. 1. – Pp. 31–38. – DOI 10.24412/1727–8058–2025–1–31–38. – EDN VHXYES.

2. Esipov A.V. Blockchain, Cryptocurrencies and Possible Directions for the Development of Banking Technologies // Scientific Notes of the International Banking Institute. – 2018. – No. 1 (23). – Pp. 120–126.

3. Koshelev K.A. Definition of the “Digital Financial Assets” Category: Economic, Legal and Accounting Aspects // Innovations and Investments. – 2021. – No. 2. – Pp. 114–117.

4. Lapach V.A. The System of Civil Rights Objects: Theory and Judicial Practice. St. Petersburg, 2002. – 544 p.

5. Meyer D.I. Russian Civil Law / D.I. Meyer. – Moscow: Statut: Consultant Plus, 2003.

6. Pukhta G.F. Course of Roman Civil Law by Professor G.F. Pukhta / translated from the latest German edition by Professor Rudorff. Vol. 1. Moscow: F.N. Plevako, 1874. – 550 p.

7. Rybalov, A.O. Limited Property Rights: Definition Problems / A.O. Rybalov // Law. – 2007. – No. 2. – Pp. 115–124. – EDN KWERBZ.

8. Sklovsky K.I. Property in Civil Law: A Tutorial. – 3rd ed., corr. and add. – Moscow: Delo, 2002. – 512 p.

9. Spilnichenko, V.K. Theoretical and Practical Analysis of Russian Digital Financial Assets / V.K. Spilnichenko // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law. – 2023. – No. 2. – Pp. 102–117. – DOI 10.28995/2073–6304–2023–2–102–117. – EDN SMVPGU.

10. Shchennikova L.V. The Significance of the Category “Object of Civil Rights” for Practical Civil Legislation // Legislation. 2004. No. 11. Pp. 9–14.

Гриценко Богдан Витальевич,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия»
E-mail: grits.bv@mail.ru

Актуальность исследования плавно вытекает из роста числа корпоративных договоров при сохранении слабой прозрачности их условий. Что, в свою очередь, создает существенные риски для стабильности гражданского оборота. Конфликт между договорной свободой участников хозяйственных обществ и защитой интересов третьих лиц требует глубокого научного осмысления.

Цель работы заключается в выявлении и анализе рисков конфиденциальности корпоративных договоров для гражданского оборота, а также в разработке научно обоснованных предложений по их минимизации.

Задачи исследования: анализ правовой природы конфиденциальности корпоративного договора с учетом доктринальных позиций; выявление конкретных рисков для участников гражданского оборота на основе судебной практики; изучение зарубежного опыта регулирования прозрачности корпоративных соглашений; формулирование предложений по совершенствованию законодательства РФ.

Методология исследования состоит из формально-юридическом, сравнительно-правовом и историческом методах.

Результаты исследования показали наличие существенных пробелов в регулировании прозрачности корпоративных договоров, которые приводят к нарушению прав кредиторов, добросовестных приобретателей и контрагентов.

Для минимизации рисков необходимо реформировать законодательство, введя обязательную регистрацию существенных условий корпоративных договоров в ЕГРЮЛ, механизм уведомления третьих лиц и четкое определение перечня условий, не подлежащих конфиденциальности. Предложенные меры позволят обеспечить баланс интересов всех субъектов корпоративных отношений и повысить стабильность гражданского оборота.

Ключевые слова: конфиденциальность, корпоративный договор, гражданский оборот, риски, прозрачность, участники общества, кредиторы, добросовестные приобретатели, регулирование, судебная практика, договорная свобода, защита третьих лиц.

Введение

В условиях развития корпоративных отношений в России особую актуальность приобретает проблема конфиденциальности корпоративных договоров. Рост числа таких договоров сопровождается слабой прозрачностью их условий, что создаёт риски для участников гражданского оборота.

Как отмечает Д.И. Степанов, «корпоративный договор всё чаще используется как инструмент тонкой настройки корпоративных отношений, но его конфиденциальность порождает правовую неопределённость для третьих лиц»¹. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска баланса между: договорной свободой участников хозяйственных обществ (ст. 421 ГК РФ), защитой интересов кредиторов, контрагентов и новых участников и принципами прозрачности и добросовестности гражданского оборота (ст. 10 ГК РФ).

Цель исследования – выявить риски конфиденциальности корпоративных договоров для гражданского оборота и предложить научно обоснованные пути их минимизации.

Задачи исследования включают анализ правовой природы конфиденциальности корпоративного договора с учётом различных доктринальных подходов, выявление конкретных рисков для участников гражданского оборота, опирающееся на судебную практику, изучение зарубежного опыта регулирования прозрачности корпоративных соглашений и формулирование предложений по совершенствованию российского законодательства с учётом баланса интересов всех субъектов.

Методология исследования опирается на формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и исторический методы, а также метод правового моделирования. Нормативную базу составляют Гражданский кодекс РФ (ст. 67.2), ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ФЗ «Об акционерных обществах», а также судебная практика ВС РФ и арбитражных судов.

Научная новизна состоит в комплексном анализе проблемы конфиденциальности корпоративного договора через призму интересов третьих лиц и разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Правовая природа конфиденциальности корпоративного договора: доктринальный анализ

Согласно ст. 67.2 ГК РФ, участники хозяйственного общества вправе заключить корпоративный договор, условия которого могут оставаться конфиденциальными². Это положение особенно актуально для непубличных обществ, где договорная свобода шире, чем в публичных компаниях.

В доктрине сложились различные подходы к пониманию правовой природы конфиденциальности. А.В. Егоров отстаивает концепцию абсолютной конфиденциальности, согласно которой корпоративный договор является сугубо внутрикорпоративным документом, и его условия не должны раскрываться третьим лицам, если это прямо не предусмотрено законом³. Напротив, Д.И. Степанов выступает за концепцию ограниченной конфиденциальности, утверждая, что прозрачность должна обеспечиваться в части условий, затрагивающих интересы третьих лиц⁴. Е.А. Суханов развивает концепцию презумпции открытости, полагая, что все существенные условия корпоративного договора должны быть доступны для кредиторов и потенциальных инвесторов⁵.

Ключевым аспектом является законность содержания. Как отмечает М.А. Рожкова, конфиденциальность допустима лишь при отсутствии противоречий императивным нормам закона и принципам добросовестности (ст. 10 ГК РФ), а также не должна превращаться в инструмент злоупотребления правом⁶.

Разграничение режимов прозрачности также имеет значение для публичных обществ: требования к раскрытию информации выше, тогда

¹ [15].

² [2].

³ [4].

⁴ [15].

⁵ [16].

⁶ [14].

как непубличные общества обладают большей свободой в сохранении условий в тайне. Роль нотариуса, удостоверяющего корпоративный договор (что обязательно для ООО), повышает доверие к документу, но, по мнению Н.В. Козловой, нотариус выступает гарантом законности, а не прозрачности¹.

Таким образом, баланс интересов остаётся центральным вопросом: конфиденциальность защищает коммерческие интересы участников, но может ущемлять права кредиторов и контрагентов, не обладающих информацией о скрытых договорённостях.

Риски конфиденциальности для гражданского оборота: системный анализ

Конфиденциальность корпоративного договора создаёт многоаспектные риски для различных субъектов гражданского оборота. Для кредиторов она оборачивается невозможностью оценить реальное распределение голосов и активов, что особенно критично, если договор о блокировании решений парализует управление обществом. Как подчёркивает П.В. Крашенинников, «недостаточная прозрачность корпоративных договорённостей снижает инвестиционную привлекательность бизнеса и повышает риски для кредиторов»². Риск невозврата долгов возрастает из-за скрытых соглашений о перераспределении прибыли, а сложности при взыскании долгов возникают, когда активы общества фактически контролируются через корпоративные договорённости.

Добросовестные приобретатели долей или акций сталкиваются с незнанием о наличии ограничений на отчуждение или обязательных условий продажи. Это приводит к оспариванию сделок из-за нарушения условий корпоративного договора, о котором покупатель не был уведомлён, и создаёт риск потери инвестиций при выявлении скрытых обязательств³.

Контрагенты общества испытывают неопределённость при оценке полномочий единоличного исполнительного органа, действующего в рамках ограничений, прописанных в корпоративном договоре. Заключение сделок с обществом, чьи органы управления связаны договорными обязательствами (например, запрет на крупные сделки без согласия других участников), может привести к неблагоприятным последствиям⁴.

Новые участники общества рискуют вступить в него с уже действующими договорённостями, ограничивающими их права. Конфликты из-за несогласованности ожиданий и скрытых условий, а также невозможность заранее оценить перспективы влияния на управление обществом – всё это подрывает стабильность корпоративных отношений⁵.

Системные риски включают снижение доверия к сделкам с долями/акциями, усложнение due diligence при инвестициях, рост числа судебных споров из-за «неожиданных» условий и дестабилизацию гражданского оборота из-за непредсказуемости корпоративных отношений.

Судебная практика и пробелы регулирования

Анализ судебной практики показывает, что конфиденциальность корпоративного договора часто становится причиной споров. Среди ключевых ситуаций:

Нарушение прав кредиторов. В деле № А40–247645/2023 (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2024 № Ф05–25738/2024 по делу) суд признал, что скрытые договорённости о перераспределении прибыли привели к невозможности погашения долгов. Суд указал на необходимость учёта интересов кредиторов при заключении корпоративных договоров.

Оспаривание сделок. В споре № А56–67890/2021 новый участник оспорил сделку по приобретению доли, ссылаясь на незнание о корпоративном договоре, ограничивающем его права. Суд признал сделку действительной, но отметил необходимость уведомления новых участников о существующих договорённостях.

К числу проблем в регулировании относится отсутствие чёткого механизма уведомления третьих лиц о заключении корпоративного договора, неоднозначность последствий нарушения обязанности раскрытия информации, слабая защита добросовестных приобретателей и кредиторов, недостаточная регламентация перечня условий, которые не могут быть конфиденциальными.

Зарубежный опыт регулирования прозрачности корпоративных соглашений: сравнительно-правовой анализ

Изучение зарубежного опыта позволяет выделить эффективные подходы к регулированию прозрачности корпоративных договоров. В Англии и США в публичных компаниях акционерные соглашения (shareholders' agreements) подлежат частичному раскрытию, особенно если они затрагивают права миноритарных акционеров. В частных компаниях допускается конфиденциальность, но суды защищают интересы третьих лиц, если условия договора нарушают закон. Как отмечает J. Smith, баланс между конфиденциальностью и прозрачностью – ключевой элемент корпоративного управления⁶.

В Германии корпоративные договоры удостоверяются нотариально, а существенные условия могут вноситься в торговый реестр. Это обеспечивает баланс между конфиденциальностью и защитой интересов кредиторов и контрагентов. Во Франции корпоративные соглашения подлежат регистрации в реестре коммерческих предприятий, если они влияют на управление обществом или распределение прибыли⁷.

Для российской практики целесообразно заимствовать следующие элементы:

- обязательную регистрацию существенных условий корпоративного договора в ЕГРЮЛ для непубличных обществ;
- введение обязанности уведомлять общество о заключении договора;
- чёткое определение перечня условий, которые не могут быть конфиденциальными (например, ограничения на отчуждение долей).

Предложения по минимизации рисков: научно обоснованный подход

Для минимизации рисков, связанных с конфиденциальностью корпоративных договоров, необходимо реформировать законодательство. Прежде всего, следует ввести обязательную регистрацию существенных условий корпоративного договора в ЕГРЮЛ для непубличных обществ. Это позволит кредиторам и контрагентам получать доступ к ключевой информации, снижая неопределённость и риски при совершении сделок⁸.

Обязанность уведомлять общество о заключении корпоративного договора с указанием перечня условий, затрагивающих интересы третьих лиц, должна сопровождаться размещением этой информации в открытом доступе. Такой подход обеспечит прозрачность без ущерба для коммерческой тайны¹⁰¹¹.

Чёткое определение перечня условий, которые не могут быть конфиденциальными, станет важным шагом к защите интересов третьих лиц. К таким условиям целесообразно отнести: ограничения на отчуждение долей/акций, порядок голосования по ключевым вопросам, условия выхода участников и механизмы распределения прибыли¹²¹³.

Усиление роли нотариуса в удостоверении корпоративных договоров, включая проверку соответствия условий интересам третьих лиц, повысит доверие к документам и снизит вероятность злоупотреблений¹⁴. Введение ответственности за сокрытие существенных условий договора, влияющих на гражданский оборот (например, штрафы или возможность оспаривания сделок), станет действенным механизмом сдерживания¹⁵¹⁶.

На практике целесообразно разработать типовые формы корпоративных договоров с учётом баланса интересов сторон и третьих лиц, активнее использовать нотариальное удостоверение для повышения прозрачности, включать в договор механизмы уведомления новых участников и кредиторов, проводить due diligence перед заключением сделок с долями/акциями, включая запрос информации о наличии корпоративного договора.

Заключение

Конфиденциальность корпоративного договора действительно создаёт значимые риски для гражданского оборота, особенно в условиях сла-

⁶ [20].

⁷ Там же.

⁸ [16].

⁹ [18].

¹⁰ [15].

¹¹ [5].

¹² [16].

¹³ [14].

¹⁴ [5].

¹⁵ [14].

¹⁶ [18].

¹ [5].

² [18].

³ [10].

⁴ [12].

⁵ [13].

бой прозрачности. Основные проблемы связаны с нарушением прав кредиторов, добросовестных приобретателей и контрагентов общества.

Реформирование законодательства должно обеспечить обязательную регистрацию существенных условий корпоративных договоров, механизм уведомления третьих лиц, защиту интересов добросовестных участников оборота.

Перспективы исследования включают изучение эффективности предложенных мер после их внедрения, а также анализ влияния новых норм на инвестиционную привлекательность российских компаний и стабильность гражданского оборота в целом.

Литература

1. Белов, В.А. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2023. – 390 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Губин, Е.П. Правовое регулирование корпоративных договоров / Е.П. Губин. – М.: Проспект, 2022. – 276 с.
4. Егоров, А.В. Корпоративный договор как инструмент управления компанией / А.В. Егоров. – М.: Статут, 2020. – 184 с.
5. Козлова, Н.В. Нотариальное удостоверение корпоративных договоров: правовые аспекты / Н.В. Козлова // Нотариус. – 2020. – № 7. – С. 22–25.
6. Крашенинников, П.В. Актуальные проблемы корпоративного права / П.В. Крашенинников // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 35–44.
7. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: понятие, состав, специфика регулирования / Д.В. Ломакин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2017. – № 6. – С. 56–78.
8. Могилевский, С.Д. Корпоративный договор: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики / С.Д. Могилевский // Предпринимательское право. – 2020. – № 2. – С. 40–48.
9. Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 308-ЭС24–3124 по вопросу квалификации крупных сделок.
10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.02.2025 № Ф03–206/2025 по делу № А59–6561/2023.
11. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03–2872/15 по делу № А24–4503/2014.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2024 № Ф05–25738/2024 по делу № А40–247645/2023.
13. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 по делу № А33–14097/2015.
14. Рожкова, М.А. Проблемы конфиденциальности в корпоративных отношениях / М.А. Рожкова // Право и экономика. – 2021. – № 5. – С. 45–52.
15. Степанов, Д.И. Корпоративный договор: подходы российского законодателя и практика их реализации / Д.И. Степанов // Вестник гражданского права. – 2019. – № 3. – С. 88–115.
16. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2016. – 416 с.
17. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
18. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208 ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
19. Шапкина, Г.С. Применение корпоративного договора в хозяйственной практике / Г.С. Шапкина // Хозяйство и право. – 2021. – № 8. – С. 12–21.
20. Smith, J. Corporate Governance and Shareholders' Agreements / J. Smith. – London: Routledge, 2018. – 240 p.

CONFIDENTIALITY OF THE CORPORATE AGREEMENT AS A RISK FACTOR FOR CIVIL TURNOVER

Gritsenko B.V.

Moscow University "Synergy"

The relevance of the study follows smoothly from the growing number of corporate contracts while maintaining poor transparency of their terms. This, in turn, creates significant risks for the stability of civil turnover. The conflict between the contractual freedom of business entities and the protection of the interests of third parties requires a deep scientific understanding.

The purpose of the work is to identify and analyze the risks of confidentiality of corporate contracts for civil turnover, as well as to develop scientifically sound proposals to minimize them.

Research objectives: to analyze the legal nature of the confidentiality of a corporate agreement, taking into account doctrinal positions; to identify specific risks for participants in civil turnover based on judicial practice; to study foreign experience in regulating the transparency of corporate agreements; to formulate proposals for improving the legislation of the Russian Federation.

The research methodology consists of formal legal, comparative legal and historical methods.

The results of the study showed that there are significant gaps in the regulation of transparency of corporate contracts, which lead to violations of the rights of creditors, bona fide purchasers and counterparties.

To minimize risks, it is necessary to reform legislation by introducing mandatory registration of essential terms of corporate contracts in the Unified State Register of Legal Entities, a mechanism for notifying third parties, and a clear definition of the list of conditions that are not subject to confidentiality. The proposed measures will ensure a balance of interests of all subjects of corporate relations and increase the stability of civil turnover.

Keywords: confidentiality, corporate contract, civil turnover, risks, transparency, company participants, creditors, bona fide purchasers, regulation, judicial practice, contractual freedom, protection of third parties.

References

1. Belov, V.A. Corporate law: actual problems of theory and practice / V.A. Belov, Moscow: Yurait, 2023, 390 p.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 № 51 FZ (as amended on 07/24/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
3. Gubin, E.P. Legal regulation of corporate contracts / E.P. Gubin. – M.: Prospect, 2022. – 276 p.
4. Egorov, A.V. Corporate contract as a company management tool / A.V. Egorov. – M.: Statute, 2020. – 184 p.
5. Kozlova, N.V. Notarization of corporate contracts: legal aspects / N.V. Kozlova // Notary. – 2020. – № 7. – Pp. 22–25.
6. Krashenninnikov, P.V. Actual problems of corporate law / P.V. Krashenninnikov // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 4. – Pp. 35–44.
7. Lomakin, D.V. Corporate legal relations: concept, composition, specifics of regulation / D.V. Lomakin // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2017. – No. 6. – Pp. 56–78.
8. Mogilevsky, S.D. Corporate contract: problems of legal regulation and law enforcement practice / S.D. Mogilevsky // Business law. – 2020. – No. 2. – Pp. 40–48.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/06/2024 No. 308-ES24–3124 on the qualification of large transactions.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 13.02.2025 No. F03–206/2025 in case No. A59–6561/2023.
11. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 08/14/2015 No. F03–2872/15 in case No. A24–4503/2014.
12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 04.12.2024 No. F05–25738/2024 in case No. A40–247645/2023.
13. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal dated 02/09/2016 in case No. A33–14097/2015.
14. Rozhkova, M.A. Problems of confidentiality in corporate relations / M.A. Rozhkova // Law and economics. – 2021. – No. 5. – Pp. 45–52.
15. Stepanov, D.I. Corporate contract: approaches of the Russian legislator and the practice of their implementation / D.I. Stepanov // Bulletin of Civil Law. – 2019. – No. 3. – Pp. 88–115.
16. Sukhanov, E.A. Comparative corporate law / E.A. Sukhanov. – M.: Statute, 2016. – 416 p.
17. Federal Law No. 14 FZ dated 08.02.1998 "On Limited Liability Companies" (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 7. – Art. 785.
18. Federal Law No. 208 FZ dated December 26, 1995 "On Joint Stock Companies" (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 1.
19. Shapkina, G.S. Application of the corporate contract in business practice / G.S. Shapkina // Economy and law. – 2021. – No. 8. – Pp. 12–21.
20. Smith, J. Corporate Governance and Shareholders' Agreements / J. Smith. – London: Routledge, 2018. – 240 p.

Оptionный платеж в конструкции опциона на заключение договора: правовая природа и функции

Кварацхелия Константино Тамазиевич,
студент, АКО ВО «Московский университет «Синергия»

В статье исследуется правовая природа опционного платежа в конструкции опциона на заключение договора. Обосновывается, что данный платеж является самостоятельным встречным предоставлением за право на акцепт и компенсацией временной связанности обязанной стороны. Раскрываются функции опционного платежа в распределении договорных рисков, обеспечении баланса интересов сторон и квалификации опционной конструкции. Особое внимание уделяется разграничению опционного платежа с ценой основного договора, авансом, задатком и обеспечительным платежом. Формулируется вывод о необходимости точного договорного определения режима платежа при реализации и нереализации опциона.

Ключевые слова: опцион на заключение договора; опционный платеж; право на акцепт; организационное обязательство; секундарное право; связанность обязанной стороны; договорные риски; аванс; задаток; обеспечительный платеж.

Оptionный платеж в конструкции опциона на заключение договора имеет самостоятельное правовое значение, поскольку через него раскрывается имущественная ценность права на акцепт и экономическое основание связанности обязанной стороны. Внешне указанный платеж может восприниматься как одно из расчетных условий соглашения, однако подобная оценка не отражает его действительного места в опционной конструкции. Сумма, уплачиваемая за предоставление опциона, связана не с исполнением будущего основного договора, а с приобретением управомоченной стороной особого правового положения: возможности в установленный срок по своему усмотрению вызвать возникновение основного договорного правоотношения на заранее согласованных условиях [1, с. 98]. Анализ опционного платежа поэтому должен исходить не из расчетов по будущей сделке, а из того, какое имущественно ценное благо получает управомоченная сторона уже в момент заключения соглашения о предоставлении опциона.

Оption на заключение договора относится к числу организационных обязательств. Его непосредственное назначение состоит не в передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг, а в создании правовой предпосылки для возможного возникновения основного договора в будущем. Обязанная сторона заранее выражает согласие на заключение основного договора, а управомоченная сторона приобретает право реализовать данное согласие посредством одностороннего акцепта. Между сторонами возникает не обычная взаимная обязанность заключить договор в будущем, а асимметричная правовая связь: одна сторона получает выбор, другая принимает на себя связанность. Такая асимметрия является конструктивным признаком опциона и одновременно объясняет необходимость самостоятельного анализа платы за его предоставление [2, с. 95].

В отличие от предварительного договора, опцион не возлагает на управомоченную сторону обязанности заключить основной договор. Она может реализовать предоставленное право, если заключение договора соответствует ее интересу, либо отказаться от его реализации без нарушения соглашения, если экономическая или юридическая целесообразность сделки отпала. Обязанная сторона находится в ином положении. Она не вправе после заключения опциона произвольно пересмотреть условия будущего договора, потребовать нового согласования, отказаться от заранее выраженного согласия либо ссылаться на изменение собственного интереса при надлежащем акцепте. Оptionный платеж выступает имущественным выражением той правовой возможности, которую получает управомоченная сторона, и того ограничения, которое принимает на себя обязанная сторона.

Место опционного платежа в конструкции опциона определяется его связью с правом на акцепт. Управомоченная сторона оплачивает не сам будущий договор, а возможность решить вопрос о его заключении позднее. Основной договор может так и не возникнуть. При нереализации опциона отсутствует обязательство по передаче имущества, выполнению работ, оказанию услуг или уплате цены по основному договору. Однако отсутствие основного договора не устраняет факта предоставления по соглашению об опционе. Право на акцепт существовало в течение установленного срока, а обязанная сторона в этот период была связана ранее согласованной моделью будущего договора [3, с. 120].

Риск смешения опционного платежа с ценой основного договора возникает тогда, когда соглашение одновременно фиксирует цену будущего имущественного предоставления и отдельную плату за право на акцепт. Например, в соглашении о предоставлении опциона на приобретение доли в обществе может быть установлено, что цена доли при реализации опциона составляет 10 млн руб., а плата за предоставление права на ее приобретение в течение шести месяцев – 500 тыс. руб. Названные суммы имеют разные правовые основания. Сумма 10 млн руб. выражает цену корпоративного права, подлежащего передаче при заключении и исполнении основного договора купли-продажи доли. Сумма 500 тыс. руб. оплачивает не долю, а возможность управомоченной стороны в течение шести месяцев принять решение о ее приобретении на зафиксированных условиях без повторного согласования с продавцом. При отсутствии акцепта основной договор не возникает, но предоставленное право уже было получено и сохранялось в течение всего согласованного срока.

Отсутствие ясного разграничения между платой за предоставление опциона и ценой основного договора создает риск последующего спора о правовой природе внесенной суммы. Управомоченная сторона при нереализации опциона может утверждать, что платеж был внесен в счет будущей сделки, которая не состоялась, а потому подлежит возврату. Обязанная сторона, напротив, будет исходить из того, что платеж компенсировал предоставленное право и период ее связанности. Разрешение такого спора должно зависеть не от одного лишь факта незаключения основного договора, а от основания платежа, закрепленного в соглашении. Если из текста следует, что сумма уплачена за предоставление права на акцепт, а не в счет цены основного договора, отсутствие акцепта не устраняет правовое основание платежа [4, с. 242].

Условие об опционном платеже должно быть сформулировано с высокой степенью определенности. Для устойчивости конструкции недостаточно указать только размер суммы. Необходимо определить, за что именно она уплачивается, засчитывается ли она в цену основного договора при реализации опциона, подлежит ли возврату при нереализации права и какие последствия наступают при невозможности реализации опциона по причинам, связанным с поведением обязанной стороны. При отсутствии таких положений платеж становится источником квалификационного конфликта, поскольку одна и та же сумма может быть представлена как плата за право, как предварительная оплата, как обеспечительный платеж или как часть цены будущего договора.

Компенсационное значение опционного платежа связано с тем, что обязанная сторона в период действия опциона несет риск ожидания. Ее связанность имеет не только формально-юридический, но и экономический характер. За время действия опциона может измениться рыночная цена актива, появиться более выгодное предложение третьего лица, ухудшиться конъюнктура рынка, измениться корпоративная или инвестиционная ситуация [5, с. 127]. Управомоченная сторона сохраняет возможность оценить эти обстоятельства и отказаться от реализации права. Обязанная сторона, напротив, остается связанной ранее выраженным согласием и должна признать юридическую силу акцепта, если он совершен надлежащим образом. Опционный платеж переводит это ограничение из одностороннего обременения в возмездную договорную модель.

Опционный платеж занимает промежуточное, но самостоятельное место между организационной и имущественной составляющими опционной конструкции. Он не является исполнением основного договора, поскольку основной договор возникает только при реализации права на акцепт. Он не является простым обеспечением, поскольку его назначение не сводится к стимулированию должника или покрытию возможных потерь. Он не является авансом, поскольку не предполагает предварительного исполнения денежного обязательства по будущей сделке. Его основание заключается в предоставлении управомоченной стороне оплачиваемой возможности выбора и в компенсации обязанной стороне временного ограничения договорной свободы [6, с. 110].

Возмездный характер опционного платежа проявляется не только в оплате права на акцепт, но и в распределении рисков, возникающих в период между заключением опциона и возможным возникновением основного договора. Опционная конструкция изначально строится на неравномерном распределении юридической инициативы: управомоченная сторона получает возможность отложить окончательное решение о вступлении в основной договор, тогда как обязанная сторона принимает связанность заранее согласованными условиями. В предпринимательских отношениях подобная связанность имеет имущественную стоимость, поскольку сохранение условий будущей сделки ограничивает свободу распоряжения активом, договорной позицией или коммерческой возможностью [7, с. 190]. Опционный платеж придает асимметрии правового положения сторон возмездный характер и препятствует превращению опциона в одностороннее обременение обязанной стороны.

Для управомоченной стороны опционный платеж выражает стоимость сохраненной свободы выбора. Внося плату за предоставление опциона, она приобретает не гарантированный имущественный результат, а юридически обеспеченную возможность получить его при последующем акцепте. Экономический смысл такого платежа состоит в том, что управомоченная сторона получает период для оценки целесообразности будущей сделки: проверки объекта, анализа корпоративных и имущественных рисков, получения внутреннего одобрения, привлечения финансирования, сопоставления согласованных условий с изменяющейся рыночной ситуацией [8, с. 422]. Отказ от реализации опциона в пределах предоставленного права не является нарушением; утрата внесенной суммы в такой модели представляет собой стоимость приобретенной возможности выбора.

Положение обязанной стороны характеризуется неопределенностью реализации опциона: до истечения установленного срока она связана условиями будущего договора, тогда как возникновение основного обязательства зависит от одностороннего волеизъявления управомоченной стороны. За период действия опциона может измениться рыночная стоимость имущества, себестоимость будущего исполнения, интерес третьих лиц, инвестиционная привлекательность актива или хозяйственные планы самой обязанной стороны. Продавец может получить более выгодное предложение; поставщик может столкнуться с ростом закупочных цен; участник общества может пересмотреть целесообразность отчуждения доли; собственник недвижимости может оказаться в условиях роста рыночной стоимости объекта. Наличие опциона ограничивает возможность противопоставить такие изменения управомоченной стороне при надлежащем акцепте. Опционный платеж компенсирует не заранее установленный убыток, а саму экономическую уязвимость, возникающую вследствие принятой связанности [9, с. 50].

Распределительная функция платежа состоит в предварительном определении цены ожидания. Стороны не переносят вопрос о компенсации связанности на момент возможного спора, а заранее устанавливают размер имущественного предоставления за период действия опциона. Управомоченная сторона получает ясное представление о стоимости предоставленной ей возможности, обязанная сторона – определенное возмещение за ограничение собственной свободы. Такая конструкция снижает неопределенность не только относительно возникновения основного договора, но и относительно последствий его незаключения по воле обладателя права на акцепт.

Балансовая функция опционного платежа выражается в согласовании разнонаправленных интересов сторон. Управомоченная сторона заинтересована в сохранении права заключить договор позднее, отсутствии обязанности реализовывать это право и защите от последующего изменения позиции контрагента. Обязанная сторона заинтересована в ограничении собственной связанности сроком, процедурой акцепта, заранее согласованными условиями и встречным имущественным предоставлением [10, с. 148]. Платеж соединяет эти интересы в единую договорную модель: свобода выбора получает денежную оценку, а ограничение свободы поведения – компенсационное основание.

Содержание условия об опционном платеже должно соответствовать указанной функции. Одного указания на размер суммы недостаточно. В соглашении необходимо определить основание внесения платежа, порядок его уплаты, возможность зачета в цену основного договора, последствия нереализации опциона и режим возврата при нарушении обязанной стороной принятой связанности. Формула «уплачивается опционный платеж» без раскрытия его правового режима сохраняет риск последующего квалификационного спора. Управомоченная сторона может представить сумму как платеж в счет несостоявшейся сделки; обязанная сторона – как окончательное вознаграждение за предоставленное право. Устойчивость опционной конструкции требует устранения этой неопределенности непосредственно в тексте соглашения.

Для предпринимательского оборота наиболее последовательной является модель, при которой платеж не возвращается при нереализации опциона по усмотрению управомоченной стороны, но подлежит возврату либо учитывается при определении убытков, если реализация права стала невозможной вследствие поведения обязанной стороны. Нереализация права по выбору управомоченного лица означает использование оплаченной свободы решения. Нарушение обязанной стороной режима связанности означает непредоставление либо утрату того правового положения, за которое была внесена плата [11, с. 257]. В первом случае удержание платежа соответствует нормальному действию опциона; во втором – сохранение платежа у обязанной стороны противоречит основанию его получения.

Опционный платеж обладает и квалифицирующим значением. Сам по себе факт внесения платы не доказывает наличие опциона, поскольку решающим остается механизм одностороннего акцепта при заранее согласованных условиях будущего договора. Однако корректно сформулированное условие о плате помогает выявить самостоятельный организационный характер соглашения. Указание на то, что сумма уплачивается за предоставление права заключить основной договор, за сохранение условий будущей сделки и за признание юридической силы последующего акцепта, подтверждает опционную направленность конструкции. Описание той же суммы как предварительной оплаты имущества без фиксации права выбора и связанности контрагента, напротив, создает риск квалификации соглашения как предварительного договора, смешанной модели либо соглашения с авансовым расчетом.

Дисциплинирующая функция опционного платежа требует от дельного разграничения с обеспечительными механизмами. Внесение платы подтверждает серьезность интереса управомоченной стороны, поскольку право выбора приобретает за имуществом предоставление. Однако платеж не должен рассматриваться как средство понуждения к акцепту. Нереализация опциона не образует нарушения, если соглашение предоставляет управомоченной стороне именно право, а не обязанность заключить основной договор. Удержание платежа при отказе от акцепта не имеет штрафной природы; оно объясняется исполнением обязанной стороной своего организационного предоставления [12, с. 229].

Разграничение с задатком строится на различии функций. Задаток подтверждает заключение договора, обеспечивает его исполнение и влечет специальные последствия при нарушении. Опционный платеж связан с предоставлением права на заключение договора и не предполагает противоправности отказа от его реализации. Наименование платежа задатком не должно определять его режим, если основной договор еще не возник, а внесенная сумма фактически оплачивает возможность его последующего заключения. В такой ситуации решающее значение имеет не термин, использованный сторонами, а функция платежа в структуре обязательства.

С обеспечительным платежом опционный платеж также совпадает лишь внешне. Обеспечительный платеж предназначен для покрытия возможных денежных требований при нарушении обязательства или наступлении иных предусмотренных обстоятельств. Опционный платеж не покрывает потери от отказа управомоченной стороны заключить договор, поскольку такой отказ находится в пределах предоставленного права. Его основание расположено в самом факте предоставления управомоченной стороне оплачиваемой возможности акцепта [13, с. 110]. Стороны могут придать платежу дополнительную обеспечительную нагрузку, например связать его удержание с нарушением процедуры акцепта или обязанностью по предоставлению документов. Однако такая дополнительная функция не устраняет его основной природы как платы за право.

Компенсационная, рискораспределительная, балансовая, квалифицирующая и дисциплинирующая функции опционного платежа имеют значение лишь при условии, что соглашение прямо определяет правовой режим соответствующей суммы. Иначе платеж, призванный обеспечивать устойчивость опционной конструкции, сам становится источником квалификационного спора. Поэтому функциональный анализ опционного платежа должен быть продолжен через вопрос о его судьбе при реализации опциона, истечении срока на акцепт и нарушении обязанной стороной принятой связанности.

Правовой режим опционного платежа должен выводиться из его самостоятельного основания: предоставления права на заключение основного договора и сохранения обязанной стороной готовности к его заключению на согласованных условиях. Такая формулировка отделяет платеж от расчетов по будущей сделке и снижает риск его квалификации как аванса. Например, условие может быть построено следующим образом: «опционный платеж уплачивается за предоставление права на акцепт и не является предварительной оплатой по основному договору» [14, с. 85]. При такой редакции незаключение основного договора само по себе не устраняет основание платежа, поскольку оплачиваемое право уже было предоставлено.

Самостоятельного определения требует режим зачета опционного платежа в цену основного договора. В зависимости от воли сторон платеж может сохранять самостоятельный характер, полностью засчитываться в цену основного договора либо засчитываться только в определенной части. Формулы вроде «учитывается при расчетах» или «принимается во внимание при заключении договора» юридически слабы, поскольку не позволяют определить, уменьшается ли цена основного договора и в каком размере. Более точной является прямая редакция: «при реализации опциона опционный платеж засчитывается в счет цены основного договора в полном объеме» либо «опционный платеж не засчитывается в счет цены основного договора и сохраняет самостоятельное значение». Выбор одной из этих моделей должен быть сделан до возникновения спора, а не выводиться из последующего поведения сторон.

Правовой режим платежа при нереализации опциона зависит от причины, по которой акцепт не был совершен. При отсутствии акцепта по усмотрению управомоченной стороны платеж остается у обязанной стороны, если соглашением не предусмотрено иное. Право на выбор существовало, срок для его осуществления был предоставлен, обязанная сторона сохраняла связанность. Иной режим возникает, когда акцепт не состоялся вследствие поведения обязанной стороны. Например, объект будущей сделки отчужден третьему лицу, согласованные условия изменены, необходимые корпоративные или

нотариальные действия заблокированы, возникли препятствия, созданные самой обязанной стороной. При таких обстоятельствах удержание платежа не может обосновываться простой ссылкой на его невозвратность, поскольку управомоченная сторона лишается оплаченного права на акцепт [15, с. 164].

Условие о невозвратности платежа должно учитывать различие между добровольной нереализацией права и невозможностью акцепта по причине нарушения обязанной стороны. Чрезмерно широкая редакция «опционный платеж не возвращается при нереализации опциона» не разграничивает причины, по которым право на акцепт не было осуществлено. Более точной является формула, при которой платеж не возвращается при истечении срока действия опциона без направления акцепта, если нереализация права не вызвана нарушением обязанной стороны. Подобное условие сохраняет компенсационную природу платежа и исключает удержание суммы при утрате оплаченной возможности заключить основной договор по причинам, связанным с поведением обязанной стороны.

Нарушение режима связанности обязанной стороны должно определяться через действия, исключающие или существенно затрудняющие реализацию права на акцепт. К ним могут относиться отчуждение объекта третьему лицу, обременение объекта правами третьих лиц, изменение корпоративной структуры, отказ от предоставления документов, уклонение от нотариального удостоверения, несоблюдение согласованного порядка подписания основного договора или иное поведение, несовместимое с сохранением ранее предоставленной возможности заключить основной договор. Перечень таких действий не должен сводиться к формальному перечислению нарушений. Его значение состоит в фиксации того, что платеж предоставляется не за пассивное ожидание, а за сохранение реальной юридической возможности заключения основного договора.

Реализация опциона изменяет правовое значение платежа только в том случае, если стороны заранее предусмотрели его зачет в цену основного договора. При отсутствии условия о зачете основной договор возникает без изменения самостоятельного основания ранее внесенного опционного платежа. Цена основного договора в таком случае подлежит уплате в полном объеме, если иное прямо не установлено соглашением. При наличии условия о зачете ранее внесенная сумма полностью или частично включается в расчеты по основному договору. При частичном зачете требуется определить, какая часть платежа сохраняет значение самостоятельного вознаграждения за предоставление опциона, а какая часть включается в цену основного договора. В корпоративных и инвестиционных сделках такое разграничение имеет особое значение, поскольку одна сумма может одновременно выполнять функцию платы за предоставленное право и функцию будущего расчета.

Опционный платеж представляет собой самостоятельное встречное предоставление в рамках организационного обязательства. Его основание образуют предоставление управомоченной стороне права на акцепт и принятие обязанной стороной временной связанности. Его самостоятельность проявляется в том, что платеж не оплачивает предмет будущей сделки, не является предварительным исполнением, не предполагает санкции за отказ от акцепта и не сводится к покрытию возможных требований кредитора. Корректное определение правового режима опционного платежа обеспечивает устойчивость всей опционной конструкции: управомоченная сторона получает оплачиваемую свободу выбора, обязанная сторона — компенсацию за временную связанность, а последствия реализации или нереализации опциона становятся предсказуемыми для гражданского оборота.

Литература

1. Матвеева, Е.Ю. Об опционных соглашениях / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. — 2022. — № 9. — С. 97–101.
2. Мурдалов, Д.Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора / Д.Р. Мурдалов // Право и политика. — 2025. — № 10. — С. 92–98.
3. Обедин, Е.В. Место опциона на заключение договора среди иных обеспечительных, инвестиционных и предварительных механизмов / Е.В. Обедин // Юридическая наука. — 2025. — № 3. — С. 118–122.
4. Березкина, В.С. Правовая природа соглашения о предоставлении опциона на заключение договора / В.С. Березкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 2. — С. 240–244.
5. Филиппова, А.И. Категории «бронирование», «резервирование», «ожидание» как инструменты регулирования обязательственных отношений / А.И. Филиппова // Государственная служба и кадры. — 2025. — № 2. — С. 125–133.

6. Дейнега, К.Е. Правовая природа исполнения по опционным сделкам / К.Е. Дейнега // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 109–115.

7. Сабитова, Е.В. К вопросу о соотношении опциона на заключение договора и опционного договора / Е.В. Сабитова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5. – С. 189–191.

8. Минеханов, Р.Р. Опционный договор в российском гражданском праве / Р.Р. Минеханов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 421–423.

9. Романенко, С.А. Опцион на покупку или продажу доли (акций) в уставном капитале как универсальный способ разрешения корпоративных конфликтов / С.А. Романенко // Вестник экономики и права. – 2025. – № 1. – С. 48–53.

10. Клементьев, А.П. Опцион как договор, являющийся производным финансовым инструментом / А.П. Клементьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4. – С. 140–151.

11. Юнусова, А.Н. Анализ отдельных аспектов структуры опционного договора / А.Н. Юнусова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – № 2. – С. 255–263.

12. Ермолович, В.Ф. Основания ответственности за правонарушения на преддоговорном этапе гражданско-правовых сделок / В.Ф. Ермолович // Право: история и современность. – 2024. – № 2. – С. 213–234.

13. Гринь, О.С. Развитие общих положений об обеспечительных сделках и норм об обеспечительных денежных суммах в судебной практике / О.С. Гринь // Lex Russica. – 2024. – № 12. – С. 107–116.

14. Левушкин, А.Н. Участие членов семьи в опционных договорных предпринимательских конструкциях при осуществлении семейного бизнеса / А.Н. Левушкин // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 3. – С. 83–88.

15. Новиков, М.А. Фантомный опцион как инновационный инструмент повышения мотивации менеджмента компании / М.А. Новиков // Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 162–169.

OPTION PAYMENT IN THE DESIGN OF AN OPTION TO CONCLUDE A CONTRACT: LEGAL NATURE AND FUNCTIONS

Kvaratskhelia K.T.

Moscow University «Synergy»

The article examines the legal nature of an option payment in the construction of an option to conclude a contract. It is proved that this payment is an independent counter-provision for the right to acceptance and compensation for the temporary binding of the obligated

party. The article reveals the functions of the option payment in the distribution of contractual risks, ensuring a balance of interests of the parties and the qualification of the option structure. Special attention is paid to the differentiation of the option payment with the price of the main contract, advance payment, deposit and security payment. The conclusion is formulated about the need for an accurate contractual definition of the payment regime during the implementation and non-implementation of the option.

Keywords: option to conclude a contract; option payment; right to acceptance; organizational obligation; second right; binding of the obligated party; contractual risks; advance payment; deposit; security payment.

References

1. Matveeva, E. Yu. On Option Agreements / E. Yu. Matveeva // Legal Science. – 2022. – № 9. – P. 97–101.

2. Murdalov, D.R. Legal Nature of an Option to Conclude an Agreement and an Option Agreement / D.R. Murdalov // Law and Politics. – 2025. – № 10. – P. 92–98.

3. Obednin, E.V. The Place of an Option to Conclude an Agreement Among Other Security, Investment and Preliminary Mechanisms / E.V. Obednin // Legal Science. – 2025. – № 3. – P. 118–122.

4. Berezkina, V.S. Legal Nature of an Agreement on Granting an Option to Conclude an Agreement / V.S. Berezkina // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2025. – № 2. – P. 240–244.

5. Filippova, A.I. The categories of «booking», «reservation», «waiting» as instruments for regulating obligatory relations / A.I. Filippova // Civil Service and Personnel. – 2025. – № 2. – P. 125–133.

6. Deynega, K.E. Legal nature of execution under option transactions / K.E. Deynega // Issues of Russian Justice. – 2023. – № 28. – P. 109–115.

7. Sabitova, E.V. On the relationship between the option to conclude an agreement and the option agreement / E.V. Sabitova // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2024. – № 5. – P. 189–191. 8. Minekhanov, R.R. Option agreement in Russian civil law / R.R. Minekhanov // Law and state: theory and practice. – 2025. – № 5. – P. 421–423.

9. Romanenko, S.A. Option to buy or sell a share (stocks) in the authorized capital as a universal way of resolving corporate conflicts / S.A. Romanenko // Bulletin of Economics and Law. – 2025. – № 1. – P. 48–53.

10. Klementyev, A.P. Option as an agreement that is a derivative financial instrument / A.P. Klementyev // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. – 2023. – № 4. – P. 140–151.

11. Yunusova, A.N. Analysis of individual aspects of the structure of an option agreement / A.N. Yunusova // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2018. – № 2. – P. 255–263.

12. Ermolovich, V.F. Grounds for Liability for Offenses at the Pre-Contractual Stage of Civil Law Transactions / V.F. Ermolovich // Law: History and Modernity. – 2024. – № 2. – P. 213–234.

13. Grin, O.S. Development of General Provisions on Security Transactions and Rules on Security Amounts in Judicial Practice / O.S. Grin // Lex Russica. – 2024. – № 12. – P. 107–116.

14. Levushkin, A.N. Participation of Family Members in Optional Contractual Entrepreneurial Structures in the Implementation of Family Business / A.N. Levushkin // Bulletin of Economic Security. – 2025. – № 3. – Pp. 83–88.

15. Novikov, M.A. Phantom option as an innovative tool for increasing the motivation of company management / M.A. Novikov // Law and Order. – 2025. – № 1. – Pp. 162–169.

О возможности проведения процедур совместного банкротства супругов с элементами раздела имущества и обязательств супругов в рамках единого дела о банкротстве

Киселев Дмитрий Анатольевич,

аспирант Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

E-mail: spb.kiselev@gmail.com

В статье исследована целесообразность совместного банкротства супругов. В статье выявлены текущие проблемы регулирования банкротства физических лиц. Высказаны предложения по оптимизации проведения процедур банкротства в Российской Федерации с точки зрения установления единой процедуры банкротства для супругов с возможностью раздела имущества супругов в рамках дела о банкротстве. Исследуя презумпцию общности имущества супругов, автор делает вывод о необходимости введения презумпции общности долгов супругов. Также, в статье поднимается тема признания обязательств супругов общими и, связанная с этим, проблема сроков исковой давности подачи заявления о признании обязательств супругов общими в рамках дела о банкротстве одного из супругов. Выводом, который автор делает из настоящего исследования, является предложение по введению процедуры банкротства супругов – единого дела о банкротстве, в котором необходимо комплексно разрешать вопросы по обязательствам и активам супругов для расчета с их кредиторами.

Ключевые слова: Права супруга должника, раздел имущества супругов в процедуре банкротства, признания обязательства общим долгом супругов, совместное банкротство супругов.

В связи с возрастающей востребованностью гражданами процедур банкротства физических лиц, актуальным становится переосмысление регулирования данной сферы в части повышения эффективности и сроков проведения процедур банкротства. В большинстве процедур банкротства физического лица должник, это экономически активный субъект, состоящий в браке. Важнейшей функцией семьи, помимо социальной, является экономическая функция, в базовом сценарии, прописанном в семейном кодексе РФ, каждый супруг должен стремиться к улучшению благосостояния своей семьи и, соответственно, всех ее членов. супруги преследуют общие цели: создать имущественную общность для совместного ведения хозяйства, воспитания детей. [1] Имущество образовавшееся в браке, чаще всего, неразрывно связано с долгами супругов, что обусловлено сугубо экономическими правилами уравнивания активов и пассивов. Таким образом, существует неразрывная связь и прямая зависимость между имуществом супругов, нажитым в браке, и источниками его формирования в виде, в том числе, обязательств принятых на себя супругами как по отдельности, так и совместно. При нахождении одного из супругов в состоянии неплатежеспособности, вызвавшей за собой проведение процедуры банкротства, исходя из буквального толкования норм закона, подводятся итоги финансовых результатов его деятельности, что напрямую затрагивает имущественные интересы второго супруга. Признание супруга банкротом, становится причиной неизбежного инициирования раздела общего имущества (либо, самим супругом обращением в суд общей юрисдикции, либо, в период проведения процедуры банкротства продажей общего имущества). В связи с изложенным, для эффективного проведения процедуры банкротства физического лица, состоящего в браке, необходимо в ускоренном порядке установить все активы супругов и выявить источники их приобретения. Произвести установление личных обязательств должника и общих обязательств супругов. Выявить конкурсную массу. Произвести продажу имущества и распределение денег. однако, при текущем регулировании, процедура банкротства должника, состоящего в браке, сталкивается с массой проблемных вопросов, далее остановимся на некоторых из них. В научном сообществе уже не первый год критике, по мнению автора, обоснованной, подвергаются положения п. 2 ст. 45 семейного кодекса Российской Федерации. В первую очередь, из-за несправедливости данного регулирования по отношению к кредиторам – полученное от кредитора имущество является совместным имуществом супругов, а для того, чтобы признать долг общим и обратить взыскание на совместное имущество, в том числе приобретенное на активы, полученные от кредитора, необходимо доказать, что все полученное по обязательству было использовано на нужды семьи. Во вторую очередь, критикуется практическая невозможность лица, претендующего на признание долга перед ним общим долгом супругов, доказать что все полученное по обязательству было потрачено на нужды семьи, поскольку такое лицо объективно не обладает доказательствами трат производимых супругами. Еще одной проблемой существующей судебной практики по мнению автора, являются положения п. 48 обзора утвержденного Президиумом Верховного суда РФ 18.06.2025, которые предусматривают право кредитора, в течение 3 лет, в том числе, уже после включения в реестр, подать в суд повторное обращение о признании его требования общим обязательством супругов. Данное положение, явно не способствует как ускорению процедуры банкротства, так и правовой определенности участников процедур банкротства. Если супруг должника возражает против продажи общей собственности, либо претендует на увеличенную долю от общего имущества, он может обратиться в суд общей юрисдикции с иском. Имущество супругов, которое является предметом раздела, до окончания судебного процесса по такому разделу, не может быть продано в рамках дела о банкротстве. Такое регулирование позволяет недобросовестному супругу должника, по его усмотрению, без каких-либо противодействия со стороны кредиторов и финансового управляющего, существенно затянуть процедуру банкротства. обозначенные проблемные моменты и возможные пути их решения автор предлагает разобрать в настоящей статье. Неоплатные кредиторы имеют безусловный интерес в обращении взыскания по общим долгам супругов на их общее имущество [2]. Четкий механизм признания долга общим и сепарации общего имущества от еди-

ноличного имущества супругов имеет для них приоритетное значение. В российском научном сообществе, наверное, нет серьезного исследователя в области семейного права, который не критиковал бы подход законодателя к установлению общих обязательств супругов. При наличии в законодательстве презумпции общности всего имущества нажитого в браке, по мнению автора, необходимо установить зеркальную презумпцию общности всех обязательств супругов, с возможностью ее опровержения заинтересованным лицом. Иное создает существенный перекося в виде незащищенности прав кредитора и возможности незаконного обогащения супруга должника. Профессор Л.Ю. Михеева, например, полагает, что справедливо было бы установить презумпцию общности обязательств, и установить, что по всем долгам супругов, образовавшимся в течение брака, при вступлении одним из супругов в сделки, кредиторы могут претендовать на совместное имущество супругов, пока не установлено, что долги возникли в период раздельного проживания супругов (расставания) или, что один из супругов потратил полученное на личные цели. [3] Таким способом, в том числе, решается вопрос об установлении для кредитора, претендующего на признание долга общим, заведомо неисполнимого бремени доказывания того, что все полученное от него было истрачено на нужды семьи. Однако, пока применяется текущее регулирование, в рамках дел о банкротстве проблемой является то обстоятельство, что кредитор имеет возможность, в течение общего срока исковой давности, установить в отношении включенного в реестр требований кредиторов должника личного требования, характер совместного обязательства супругов. [4] По мнению автора, Верховный суд при принятии подобного разъяснения, руководствуясь общими нормами Гражданского кодекса и семейного кодекса, не учел особенностей проведения процедур банкротства, в первую очередь сроков проведения процедур банкротства, сроков закрытия реестра требований кредиторов и, как следствие, необходимости определенности для лиц участвующих деле о банкротстве и супруга должника в части порядка и источников удовлетворения требований кредиторов. определение суда о признании требования общим обязательством супругов, является основанием распределения кредиторам по общему обязательству денежных средств из продажи всего совместного имущества супругов, без удержания доли супруга должника. Таким образом, это дополнительное определение о признании долга общим, влияет на источник из которого будет погашаться требование кредитора. однако, законом о банкротстве установлен пресекательный срок для подачи заявлений о включении в реестр требований кредиторов, он составляет 2 месяца с даты опубликования сообщения о банкротстве должника. Такой сокращенный срок предъявления требований установлен, в том числе, в связи с необходимостью максимально сократить сроки проведения процедуры банкротства, соответственно, сократить сроки получения кредиторами удовлетворения своих требований. Кредитор, обладающий, потенциально, требованием, имеющим общий характер по отношению к супругам, в подавляющем большинстве случаев, к моменту начала процедуры и необходимости предъявлять требование кредитора знает о таком общем характере долга, поэтому ему ничего не мешает в заявлении о включении в реестр требований кредиторов сразу же указать на общий характер долга. Для случаев, когда кредитор узнал об общем характере долга в ходе процедуры банкротства можно установить возможность восстановить срок на предъявление требования о признании долга общим, но, в любом случае, не позднее 6 месяцев с даты публикации о признании должника банкротом. Заинтересованный кредитор, в ходе процедуры банкротства, имеет возможность запросить у финансового управляющего всю необходимую ему информацию и проверить траты должника, в том числе полученных от него средств. Таким образом, общий срок исковой давности по признанию обязательства общим в рамках дела о банкротстве представляется явно излишним. Финансовый управляющий продавший общее имущество супругов, принимая во внимание возможность признания личного долга должника общим обязательством супругов, должен ждать три года чтобы приступить к распределению денежных средств кредиторам? Или кредиторам распределять денежные средства можно, а вот супругу должника денежные средства выученные от продажи совместного имущества три года распределять нельзя? Автор полагает, что к данным общественным отношениям должно применяться уже давно выработанное в банкротстве правило, которое относится к включению в реестр залоговых требований. Например, в п. 5 ПП Вс РФ от 25.12.2018 N 48 установлено, если кредитор в установленные законом сроки не предъявит требование кредитора обеспеченного залогом единственного жилья должника, либо предъявил такое требование с пропуском срока, то такой кредитор не вправе удовлетворять свои требования от реализации предмета залога, преимущественно перед иными кредиторами. согласно п. 3 ПП ВАС РФ от 23.07.2009 N 58 если кредитор, требования

которого обеспечены залогом, первоначально включился в реестр как не обеспеченный залогом, он вправе, в пределах срока отведенного для подачи требований кредиторов, подать дополнительное требование о признании за ним статуса залогового. Такой срок составляет 2 месяца. В случае, если кредитор заявил требование с залогом после того как прошел двухмесячный срок, его требование становится зарегистрированным и удовлетворяется преимущественно перед иными зарегистрированными требованиями. Это дополнительное требование о признании включенного в реестр требования обеспеченным залогом очень похоже, по своей сути, на ходатайство о признании требований включенных в реестр должника общим обязательством супругов. оба таких требования определяют и конкретизируют источник, из которого будет погашаться включенное в реестр требование кредитора и не связаны с рассмотрением основного требования по существу, так почему же к ним применяются разные правила о сроках, в течение которых данные требования могут быть поданы? Автор полагает, что такой причиной может быть то, что залоговый кредитор к моменту банкротства должника точно знает, что перед ним существует обязательство должника, обеспеченное залогом. Тогда как кредитор, претендующий на признание долга общим обязательством супругов, на момент признания должника банкротом, не всегда может быть уверен, что все полученное от него было направлено на нужды семьи. Автор считает, что в данном случае, необходимо руководствоваться простым принципом, если полученное от кредитора увеличило общее имущество супругов, такое обязательство, в том числе, необходимо признавать общим долгом супругов. По мнению автора, необходимо включить в понятие «нужды семьи» и прирост общего имущества супругов. Предполагается, что супруг всегда разумно и добросовестно, в том числе от имени второго супруга, действует в интересах семьи. Конечно, необходимо предусмотреть разумные пределы такого имущественного прироста, и, без сомнения, судебная практика их установит. Ведь, например, покупка одним из супругов в многомиллионный кредит дорогостоящего двухдверного, спортивного автомобиля для семьи со средним доходом и тремя детьми не выглядит покупкой на «нужды семьи», в таком случае второй супруг должен иметь возможность опровергнуть презумпцию общности долгов, и наоборот, для семьи с высоким достатком, без детей и с большим перечнем имущества в собственности, такая покупка не выглядит чем-то экстраординарным, и такой долг должен быть признан общим обязательством супругов. Таким образом, по мнению автора, необходимо установить презумпцию общности долгов супругов, установить, что доказывать личный характер обязательства должен супруг, заинтересованный в признании долга личным обязательством одного из супругов. Установить, что при банкротстве, у кредитора есть срок, установленный ФЗ «о несостоятельности» для предъявления требования о включении в реестр требований кредиторов, в который кредитор имеет право ссылаться на общий характер обязательства супругов (по аналогии с требованиями, обеспеченными залогом имущества). относительно раздела имущества супругов, в период проведения у одного из супругов дела о банкротстве, множеством цивилистов высказывается негативное мнение полученное из опыта участия в таких процессах в суде общей юрисдикции, например Лысенко А.И. [5] в своей статье утверждает, что нередки супруги недобросовестно пользуются разделом имущества как способом затянуть проведение банкротства и реализацию имущества. Кисиль А.А. [6] анализируя проблемные аспекты раздела имущества супругов, отмечает, что суды общей юрисдикции не имеют прозрачной и отлаженной электронной системы отслеживания дел и поиска информации, в связи с чем кредиторы могут вообще не узнать о процессе раздела имущества, либо узнать уже после состоявшегося раздела. Автор настоящей статьи склонен согласиться с вышеописанной критикой. Законодатель устанавливает невозможность в период раздела имущества, проведения торгов имуществом супругов в деле о банкротстве. Данный этап процедуры банкротства является обязательным, право супруга должника обратиться в суд с заявлением о разделе имущества является безусловным, поэтому, если банкрот и его супруга решат затянуть процедуру банкротства, например, с целью недопущения скорейшей реализации их совместного имущества, у них для этого есть все шансы. Зачастую, из-за большой загруженности судов общей юрисдикции, из-за процессуальных особенностей, из-за необходимости привлечения в дело финансового управляющего, из-за возможности вступления в дело кредиторов должника, не говоря уже о возможности супругов организовывать в суде спор и «непримиримые позиции», дела о разделе имущества в суде общей юрисдикции могут длиться около года и более. «Непрозрачность» судов общей юрисдикции в части доступа к информации о наличии судебных дел и ходе разбирательства может способствовать отсутствию кредиторского контроля за ходом процесса о разделе имущества супругов, что, в свою очередь, может способство-

вать сговорам и злоупотреблениям со стороны должника и его финансового управляющего в части вывода ликвидных активов должника в собственность супруга должника.

Также, на нашему мнению, справедливо говорить о том, что «банкротная надстройка» такого иска, не воспринимается судьями в районных судах, в связи с тем что банкротство не является их специализацией. Все вышеописанные проблемы являются поводом для того, чтобы поднять вопрос о том, что, вопрос о разделе имущества необходимо передать в ведение арбитражных судов, так как такой раздел является чисто экономическим вопросом. Также, кредиторы уже привлечены и участвуют в производстве по делу о банкротстве, что упрощает разрешение вопроса о разделе имущества. Частью раздела имущества является раздел обязательств супругов, а в деле о банкротстве обязательства должника уже установлены при включении кредиторов в реестр требований – необходимо лишь установить обязательство супруга. По нашему мнению, в связи с тем, что в рамках процесса о разделе имущества вправе участвовать кредиторы должника, в нем, также, должны иметь право участвовать и кредиторы супруга должника. По нашему мнению, супруг должника имеет право, в том числе, привлечь к участию в таком процессе кредиторов по личным обязательствам, со ссылкой на трату полученного на семью. В случае, если суд установит исполнение супругом общих обязательств, то суд должен отойти от принципа равенства долей в пользу супруга должника (п. 3 обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 4 (2021)). соответственно, если совместного имущества нет, или его недостаточно, чтобы компенсировать супругу должника несение таких обязательств, супруг должника, по нашему мнению, может претендовать на удовлетворение своих требований за счет имущества должника. Таким образом, рассмотрение вопроса о разделе имущества в рамках дела о банкротстве, позволит разрешить вопрос о размере и порядке удовлетворения взаимных требований супругов по отношению к их совместно нажитому имуществу под контролем финансового управляющего и кредиторов должника. Приведенные в настоящей статье проблемы установления совместных обязательств супругов, раздела имущества супругов, напрямую влияют на эффективность проведения процедур банкротства физических лиц. Наличие данных проблем позволяет говорить о том, что, при условии установлении в российском регулировании презумпции общего характера обязательств супругов, в совокупности с тем обстоятельством, что раздел имущества супругов в любом случае происходит при банкротстве одного из супругов, совместное банкротство супругов, как собственников «совместно нажитого имущества», являющегося объектом процедуры банкротства супругов, должно являться основной, базовой процедурой банкротства. И.М. Шевченко, рассматривая правосубъектность семьи, отмечает правовую природу семьи как «квасисубъектного образования», наподобие сообществ кредиторов. Таким образом, закон о банкротстве признает наличие «квасисубъектных образований», по крайней мере таких как товарищество(сообщество) кредиторов. В ситуации банкротства одного из супругов, по смыслу правового регулирования, подводятся итоги финансовых результатов его деятельности на момент введения процедуры банкротства, что не может не затрагивать имущественную сферу второго супруга. Введение в отношении одного из супругов процедуры банкротства, вне зависимости от воли другого супруга, становится причиной неизбежного инициирования раздела совместно нажитого имущества (либо, самим супругом через суд общей юрисдикции, либо, в деле о банкротстве, посредством установления общего, либо личного, характера обязательств перед кредиторами, и продажи финансовым управляющим совместного имущества с выделением супругу доли вырученных средств). В связи с изложенным для эффективного проведения процедуры банкротства физического лица, состоящего в браке, необходимо в ускоренном порядке установить все активы супругов и выявить источники их приобретения. Произвести установление личных обязательств должника и общих обязательств супругов. Установить личное имущество каждого из супругов, а также, долю супругов в совместно нажитом имуществе, либо выделить такое имущество супругам пообъектно в личную собственность. Произвести реализацию личного имущества должника и совместного имущества супругов и распределение вырученных средств. Неоплатные кредиторы имеют безусловный интерес в обращении взыскания по общим долгам супругов на их общее имущество¹. Четкий механизм установления долга общим и сепарации общего имущества от единоличного имущества супругов имеет для них приоритетное значение. В российском научном сообществе, наверное, нет серьезного исследователя в области семейного

¹ О формировании эффективной модели совместного банкротства супругов в российской юрисдикции (Фролов И.В.) («Право и экономика», 2022, N 1)

права, который не критиковал бы подход законодателя к установлению общих обязательств супругов. При наличии в законодательстве презумпции общности всего имущества нажитого в браке, по нашему мнению, необходимо установить зеркальную презумпцию общности всех обязательств супругов, с возможностью ее опровержения заинтересованным лицом. Иное создает существенный перекос в виде незащищенности прав кредитора и возможности незаконного обогащения супруга должника. По мнению автора, необходимо включить в понятие «нужды семьи» и прирост общего имущества супругов. Предполагается, что супруг всегда разумно и добросовестно, в том числе от имени второго супруга, действует в интересах семьи и принимая обязательства не желает, пока не доказано обратное, наступления неблагоприятных последствий. Конечно, необходимо предусмотреть разумные пределы такого имущественного прироста, и, без сомнения, судебная практика их установит. Рассмотрение вопроса о разделе имущества в деле о банкротстве, позволит комплексно разрешить вопрос о размере и порядке разрешения взаимных требований супругов по отношению к их совместно нажитому имуществу под контролем финансового управляющего и кредиторов должника. Приведенные в настоящей главе проблемы установления совместных обязательств супругов, раздела имущества супругов, напрямую влияя на эффективность проведения процедур банкротства физических лиц. Наличие данных проблем позволяет говорить о том, что, при условии установления в российском регулировании презумпции общего характера обязательств супругов, в совокупности с тем обстоятельством, что раздел имущества в любом случае происходит при банкротстве, совместное банкротство супругов должно являться основной, базовой процедурой банкротства. Возможность объединения дел о банкротстве супругов имеется и сейчас, однако, для всестороннего решения проблем, возникающих в рамках процедур банкротства необходимо комплексно подходить к вопросу разрешения несостоятельности должника за счет личного и общего имущества супругов – «супружеской имущественной массы».

Литература

1. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (Некоторые размышления на примере дел о банкротстве) (Шевченко И.М.) («Закон», 2023, N 4)
2. О формировании эффективной модели совместного банкротства супругов в российской юрисдикции (Фролов И.В.) («Право и экономика», 2022, N 1)
3. Л.Ю. Михеева, интервью редакции журнала «Закон», «Основная идея – перевести внутренние супружеские правоотношения из сферы вещного права в сферу обязательственную» («Закон», 2022, N 1)
4. «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 18.06.2025)
5. Раздел совместно нажитого имущества в судебном порядке при банкротстве одного из супругов (Лысенко А.И.) («Семейное и жилищное право», 2021, N 6)
6. Кисиль А.А. Проблемные аспекты раздела общего имущества супругов в судебном порядке и пути их преодоления // Евразийская адвокатура. 2021. N 3 (52). с. 65–70.

ON THE POSSIBILITY OF CONDUCTING JOINT BANKRUPTCY PROCEDURES FOR SPOUSES WITH ELEMENTS OF DIVISION OF PROPERTY AND OBLIGATIONS OF SPOUSES WITHIN A SINGLE BANKRUPTCY CASE

Kiselyov D.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article examines the feasibility of joint bankruptcy for spouses. The article identifies current problems in the regulation of individual bankruptcy. The author makes suggestions on optimizing bankruptcy procedures in the Russian Federation by establishing a unified bankruptcy procedure for spouses with the possibility of dividing their property in a bankruptcy case. By examining the presumption of joint property of spouses, the author concludes that it is necessary to introduce a presumption of joint debts of spouses. The article also raises the issue of recognizing the obligations of spouses as common obligations and, related to this, the problem of limitations for filing an application to recognize the obligations of spouses as common obligations within the framework of a bankruptcy case of one of the spouses. The conclusion that the author draws from this study is a proposal to introduce a bankruptcy procedure for spouses – a single bankruptcy case that requires a comprehensive resolution of the spouses' obligations and assets in order to settle with their creditors.

Keywords: Rights of the debtor's spouse, division of marital property in bankruptcy proceedings, recognition of obligations as joint debts of the spouses, and joint bankruptcy of the spouses.

References

1. On the regime of the property mass of spouses (Some reflections based on bankruptcy cases) (Shevchenko I.M.) ("Law", 2023, No. 4)
2. On the formation of an effective model of joint bankruptcy of spouses in Russian jurisdiction (Frolov I.V.) ("Law and Economics", 2022, N 1)
3. L. Yu. Mikheeva, interview with the editors of the magazine "Zakon", "The main idea is to transfer domestic marital relations from the sphere of property law to the sphere of obligations" ("Zakon", 2022, N 1)
4. "Review of Judicial Practice on Bankruptcy Cases of Individuals" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025)
5. Division of jointly acquired property in court in the event of bankruptcy of one of the spouses (Lysenko A.I.) ("Family and Housing Law", 2021, N 6)
6. Kisil A.A. Problematic aspects of the division of common property of spouses in court and ways to overcome them // Eurasian Advocacy. 2021. N 3 (52). Pp. 65–70.

Комлев Алексей Викторович,

аспирант Московского финансово промышленного университета «Синергия»; ведущий юрист группы компаний MARKS GROUP
E-mail: understand1@mail.ru

В статье исследуется правовая природа договора о комплексном развитии территории. На основе анализа подходов, судебной практики и нормативных положений Градостроительного и Гражданского кодексов РФ автором исследуются гражданско-правовой, административно-правовой и смешанный (межотраслевой) подходы. Автор приходит к выводу, что договор о КРТ следует относить к гражданско-правовым договорам подрядного типа. При этом обосновывается, что данный договор не является смешанным в смысле п. 3 ст. 421 ГК РФ, поскольку не содержит нескольких самостоятельных предметов, способных породить независимые правоотношения, а обладает единым предметом в виде выполнения работ по комплексному развитию территории. Сопутствующие обязательства, такие как заключение договора аренды земельного участка, носят исключительно обеспечительный характер и не образуют самостоятельных договорных элементов.

Ключевые слова: договор о комплексном развитии территории, правовая природа договора, градостроительное право, гражданско-правовой договор, предмет договора, комплексное развитие территории, судебная практика.

Введение

Институт комплексного развития территории (далее – КРТ) представляет собой относительно новое явление в российском правовом пространстве, несмотря на то что отдельные элементы подобного регулирования существовали еще в советский период. Введение в Градостроительный кодекс Российской Федерации главы 10 Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ [8] ознаменовало новый этап в развитии градостроительного законодательства, направленного на обновление территорий поселений, создание комфортной среды проживания граждан и привлечение внебюджетных источников финансирования соответствующих проектов.

Практическая значимость определения правовой природы данного договора обусловлена необходимостью установления применимого правового режима для разрешения споров, возникающих при реализации долгосрочных проектов комплексной застройки. Как указывает А.Р. Кирсанов, по состоянию на 2024 год в 76 субъектах Российской Федерации в активной стадии реализации механизма КРТ находятся 617 территорий, что свидетельствует о масштабности применения данного инструмента и актуальности его теоретического осмысления [4]. Согласно данным Минстроя России за 2025 г. в 78 субъектах Российской Федерации в активной стадии реализации механизма КРТ находятся 1076 территорий, градостроительный потенциал которых составил 176,4 млн кв.м. [6].

Вопрос о правовой природе договора о КРТ остается дискуссионным. Ученые высказывают различные позиции: от признания его гражданско-правовым договором до квалификации в качестве административного соглашения или межотраслевого договора.

В связи с этим в настоящем исследовании ставится задача определить правовую природу договора о КРТ и обосновать позицию, согласно которой данный договор представляет собой самостоятельный гражданско-правовой договор с единым предметом, а не смешанный договор, как полагают некоторые исследователи.

Материалы и методы исследований

Методологической базой статьи выступают научные публикации, освещающие проблему правовой природы договора о комплексном развитии территории. Автором использовались общенаучные методы познания, включая диалектический, системный и логический анализ, а также частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический метод.

Результаты и обсуждения

Вопрос о правовой природе договора о комплексном развитии территории является одним из наиболее дискуссионных в современной цивилистике. Мнения ученых по данному вопросу можно классифицировать на три подхода.

Сторонники первого подхода (Н.А. Сергунина, Д.В. Носов и Я.В. Щелкова) придерживаются позиции о гражданско-правовой природе договора о КРТ. Н.А. Сергунина, применяя телеологический метод исследования, обоснованно отмечает, что основная цель договора о комплексном развитии территории заключается не в реализации организационно-управленческих функций органа публичной власти, а в возникновении гражданско-правовых отношений, опосредующих строительство объектов недвижимости и инфраструктуры. Данное обстоятельство, по мнению автора, свидетельствует о безусловно выраженной частноправовой природе рассматриваемого договора. [13].

Д.В. Носов и Я.В. Щелкова, проведя анализ доктринальных подходов, приходят к обоснованному выводу о том, что наиболее аргументированной представляется позиция, согласно которой в договоре о комплексном развитии территории преобладает гражданско-правовая природа. Как справедливо указывают авторы, участие органов государственной власти и местного самоуправления в качестве стороны договора само по себе не изменяет частноправовой характер указанных отношений и не трансформирует его в публично-правовой. [7].

В рамках второго подхода А.Р. Кирсанов указывает, что частный партнер, являясь стороной договора о комплексном развитии территории, формально-юридически не находится в состоянии административного подчинения по отношению к публичному партнеру, а само договорное обязательство не наделяет ни одну из его сторон дополни-

тельными властными полномочиями. На основании указанных аргументов исследователь классифицирует договоры о КРТ как координационные административные договоры. [4].

Представители третьего подхода (В.В. Рубашкин, С.И. Шульженко) занимают промежуточную позицию, указывая на смешанный (гражданско-правовой), межотраслевой характер договора. В.В. Рубашкин, в частности, делает вывод о том, что договор о КРТ относится к гражданско-правовым, несмотря на наличие публично-правовых элементов в процедуре его заключения. Вместе с тем его предмет, представляющий собой совокупность разнородных взаимных обязательств сторон, не даёт оснований относить такой договор к числу поименованных [12].

В свою очередь, С.И. Шульженко обращает внимание на сложный юридический состав, лежащий в основе заключения данного договора, что, по её мнению, указывает на его межотраслевой характер [15].

Анализ судебной практики также свидетельствует о признании гражданско-правовой природы договора о КРТ. Так, Арбитражный суд Саратовской области в решении от 26 апреля 2023 года по делу № А57–23140/2022 [11] указал, что договор о КРТ, по своей сущности, является гражданско-правовой сделкой, следовательно, к нему применимы общие положения Гражданского кодекса РФ о сделках. Десятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 29 января 2024 года по делу № А41–54921/23 [10] отметил, что договор о развитии застроенной территории, аналогичный договору о КРТ по своей сущности, является гражданско-правовым и относится к числу непоименованных Гражданским кодексом РФ, следовательно, к нему применимы общие положения Гражданского кодекса РФ об обязательствах.

Таким образом, в доктрине и судебной практике преобладает подход, согласно которому договор о КРТ, несмотря на наличие публично-правовых предпосылок его заключения, относится к сфере гражданского права.

Как показано в автореферате Е.Б. Козловой, применительно к договорам, опосредующим создание недвижимости, системообразующими признаками выступают структура предмета договора, взаимодействие публичного и частного субъектов, а также превалирующий реализуемый интерес [5]. Данный подход позволяет установить место договора о КРТ в ряду договорных конструкций подрядного типа.

Признание гражданско-правовой природы договора о КРТ не означает отрицания наличия в нем публично-правовых элементов. Напротив, специфика данного договора заключается в органичном сочетании частноправовых и публично-правовых начал, что обусловлено особой социальной значимостью градостроительной деятельности.

Публично-правовой элемент в договоре о КРТ проявляется прежде всего на стадии его заключения. Заключению договора предшествует принятие органом публичной власти решения о КРТ (ст. 67 ГрК РФ) [2], а также решения о проведении торгов (ст. 69 ГрК РФ) [2]. Инициатива возникновения договорных отношений по КРТ всегда исходит от публичных субъектов права, без которых договор не может быть заключен, которую можно рассматривать как публичную оферту. В соответствии с этим можно говорить о том, что действительность договора о КРТ определяется наличием в нем публично-правовых элементов. Публично-правовой аспект в виде полномочий публичного партнера трансформируется в гражданско-правовой в виде соответствующих прав и обязанностей по договору органа власти по принятию решения о КРТ, предоставлению земельного участка в аренду. Таким образом, указанное следует считать подготовительным элементом предмета договора о КРТ. Как отмечается Е.Б. Козловой, реализация органом публичной власти своих властных полномочий как до заключения договора: принятие решения о развитии территории, проведение аукциона, так и в ходе его исполнения: утверждение документации по планировке территории, принятие решений об изъятии земельных участков, представляет собой совокупность административных предпосылок, которые не влияют на гражданско-правовую природу возникающего обязательства. Указанные акты публичной власти лишь создают необходимые условия для исполнения частным партнером своих обязанностей по развитию территории, но не подчиняют его административно органу власти в рамках самого договорного правоотношения [5].

Кроме того, в содержание договора КРТ включаются обязательства, не присущие традиционным гражданским договорам. Е.Д. Попова обращает внимание, что включение в договор КРТ публичных обязательств по утверждению документации или изъятию участков говорит о его публичном характере [9]. В.В. Шапапов также полагает, что разрешительные и распорядительные функции публичной стороны нельзя считать вкладом в гражданско-правовом смысле [14]. Однако, как справедливо отмечает А.Р. Кирсанов, формально частный партнер не подчинен публичному, а договор не наделяет стороны дополнительными властными полномочиями [4]. В связи с этим такой договор

следует считать координационным, а положение п. 3 ст. 2 ГК РФ [3] об административном подчинении здесь неприменимо.

Таким образом, публично-правовые элементы в договоре о КРТ следует рассматривать как административные предпосылки, выражающиеся в особых полномочиях публичного партнера, которые, однако, направлены исключительно на обеспечение выполнения обязательств инвестора (частного партнера) по проведению мероприятий в целях комплексного развития территории и не создают правового неравенства в рамках договорных отношений по КРТ.

Особую значимость для правоприменения имеет вопрос о том, является ли договор о КРТ смешанным договором (п. 3 ст. 421 ГК РФ) или непоименованным (п. 2 ст. 421 ГК РФ) [3].

А.Р. Кирсанов придерживается иной позиции, указывая на возможность применения к договору о КРТ норм о договоре пожертвования в общепользовательных целях, что, по его мнению, свидетельствует о его смешанной природе [4].

Материальный элемент договора строительного подряда представляет собой конкретный, индивидуально-определенный объект недвижимости или комплекс строительных работ, создаваемый в соответствии с проектной документацией (ст. 740 ГК РФ [3]). Предмет договора о КРТ в материальном выражении значительно шире, поскольку включает в себя не просто создание одного или нескольких объектов капитального строительства, а комплексное преобразование всей территории в целом, где потребительская ценность результата работ по договору расширяется до масштабов всего общества. В соответствии со смыслом ст. 68 ГрК РФ [2] объектом выступает совокупность объектов капитального строительства различного назначения: жилые дома, социальная, транспортная и инженерная инфраструктура, а также благоустроенная территория, в отношении которой разработана документация по планировке территории. Таким образом, если объект подряда представляет собой конкретное здание, то объектом КРТ является качественно новая городская среда.

Процессуальный элемент имеет некоторые сходства, но отличаются широтой действий сторон. Так действия подрядчика по договору строительного подряда исчерпываются строительством или реконструкцией конкретного объекта, а обязательства заказчика – созданием необходимых условий для строительства. В свою очередь, в договоре о КРТ, согласно ч. 3 ст. 68 ГрК РФ [2], процессуальный элемент представляет собой сложный состав прав и обязанностей, включающий обязательства частного партнера не только по сносу, строительству, реконструкции объектов капитального строительства, но и по подготовке и утверждению документации по планировке территории, образованию земельных участков, а также встречные обязательства публичного партнера по утверждению документации по планировке территории, изъятию земельных участков для государственных или муниципальных нужд, предоставлению земельных участков и других необходимых действий. Действия сторон взаимообусловлены и направлены на единый результат в виде комплексного развития территории.

Подготовительный элемент (административные предпосылки) в договоре строительного подряда отсутствует, поскольку для его заключения достаточно согласования воли сторон относительно существенных условий. Договор о КРТ, напротив, характеризуется сложным юридическим составом, где публично-правовые акты являются обязательными элементами. К таковым относятся решение уполномоченного органа о КРТ (ст. 67 ГрК РФ) и решение о проведении торгов (ст. 69 ГрК РФ) [2]. Без наличия данных административных актов договор о КРТ не может быть заключен, что подтверждает его межотраслевой характер, но не меняет гражданско-правовую сущности возникающих обязательств.

Таким образом, широта предмета договора о КРТ напрямую обусловлена его публично значимыми целями: обновлением и модернизацией городской среды, а также улучшением условий жизни населения. В отличие от строительного подряда, где потребителем результата выступает исключительно заказчик, конечным потребителем результата КРТ является общество в целом.

Именно разнородность обязательств, включенных в договор о КРТ, послужила основанием для вывода ряда исследователей о смешанном характере данного договора. Так, А.В. Белицкая и Л.В. Кухаренко относят договор о КРТ к смешанным договорам [1]; А.Р. Кирсанов также придерживается мнения, что договор о КРТ является смешанным, так как включает условия, характерные как для административного координационного договора, так и для гражданско-правового договора [4]. В.В. Рубашкин, проведя детальный анализ, приходит к выводу, что наиболее точной квалификацией договора о КРТ является его отнесение к смешанному договору, который может включать в себя элементы договоров подряда и аренды [12].

Таким образом, договор о КРТ относится к договорам подрядного типа, а именно вытекает из предмета договора строительного подряда, то есть имеет единый предмет, а не является смешанным договором. Сторонники смешанной квалификации, как правило, исходят из того, что договор о КРТ содержит элементы различных договорных конструкций (подряда, аренды, инвестиционного договора и т.д.). Однако такой подход представляется ошибочным.

Следует учитывать, что договоры, опосредующие создание объектов недвижимости, могут быть классифицированы по структуре предмета на две группы: с одноэлементным (простым) и двухэлементным предметом. Двухэлементная структура предмета, включающая юридический элемент (процесс выполнения работ) и материальный элемент (результат работ), традиционно признается одним из квалифицирующих признаков договора строительного подряда [5]. Применительно к договору о КРТ, несмотря на усложнение материального элемента за счет включения в него комплекса объектов и благоустроенной территории, по результатам проведенных изыскательских работ, подготовки документации по планировке территории, проектной документации данная двухэлементная структура сохраняется, что подтверждает его принадлежность к подряднему типу. В тоже время в предмет договора о КРТ добавляется третий (подготовительный) элемент, в связи с чем его можно ошибочно принять за отдельный вид договора и трактовать договор о КРТ, как смешанный договор.

Смешанный договор предполагает наличие двух и более самостоятельных предметов, по которым могут возникнуть самостоятельные правоотношения и спор. Отсутствие основания для возникновения спора по одному из элементов договора лишает его самостоятельности. Применительно к договору о КРТ, сопутствующие обязательства (договор аренды земельного участка) лишь указывают на сложный юридический состав для возникновения правоотношений по договору КРТ, но не образуют самостоятельных предметов договора¹.

Таким образом, предмет договора о КРТ необходимо рассматривать с точки зрения встречных обязательств сторон по договору в соответствии со ст. 328 ГК РФ [3]. Взаимные обязательства сторон не свидетельствуют о смешанной природе договора, а являются характерным признаком любого двустороннего гражданско-правового договора.

Проведенный анализ позволяет систематизировать существующие в доктрине подходы к определению правовой природы договора о КРТ (таблица).

Таблица. Подходы к определению правовой природы договора о КРТ

Подход (и его разновидность)	Представители	Основные аргументы	Критическая оценка
1. Гражданско-правовой подход (в рамках ст. 421 ГК РФ)	-	Основная цель – возникновение гражданско-правовых отношений; участие публичного субъекта не меняет частноправовую природу договора.	Учитывает частноправовую сущность обязательств, однако внутри подхода существуют расхождения относительно конкретной договорной модели.
1.1. Смешанный договор	В.В. Рубашкин, А.В. Белицкая, Л.В. Кухаренко	Договор содержит элементы различных поименованных договоров (подряда, аренды), что позволяет квалифицировать его по п. 3 ст. 421 ГК РФ.	Не учитывает единство предмета договора; создает риск искусственного расщепления единого обязательства на несколько правовых режимов.
1.2. Непоименованный договор	Судебная практика (Постановление 10 ААС по делу № А41–54921/23)	Договор прямо не предусмотрен ГК РФ, следовательно, к нему применяются общие положения об обязательствах (п. 2 ст. 421 ГК РФ).	Не объясняет специфику публично-правовых предпосылок заключения, но допускает применение общих норм ГК РФ.
1.3. Самостоятельный договор подрядного типа	Обосновывается в настоящем исследовании	Имеет единый предмет – выполнение работ по КРТ; арендные отношения носят обеспечительный характер и не образуют самостоятельного предмета.	Позволяет применять единый правовой режим гл. 37 ГК РФ; наиболее полно соответствует сущности обязательства и цели комплексного развития.

Подход (и его разновидность)	Представители	Основные аргументы	Критическая оценка
2. Административно-правовой подход	А.Р. Кирсанов	Договор является формой координационного административного соглашения; направлен на реализацию публичных интересов.	Игнорирует гражданско-правовую природу основных обязательств сторон (строительство, реконструкция).
3. Межотраслевой подход	С.И. Шульженко	Сочетает в себе элементы публичного и частного права; характеризуется сложным юридическим составом, включающим властные решения органов публичной власти.	Не предлагает четкого механизма правового регулирования, создавая неопределенность в выборе применимых норм при возникновении спора.

Как видно из представленной таблицы, каждый из подходов имеет свои достоинства и недостатки. Однако подход, квалифицирующий договор о КРТ как самостоятельный договор подрядного типа, наиболее полно отражает его сущность и позволяет создать единообразную правоприменительную практику.

Квалификация договора о КРТ как самостоятельного договора подрядного типа имеет важное практическое значение. Признание договора о КРТ самостоятельным договором подрядного типа позволяет применять к правоотношениям сторон нормы о договоре строительного подряда (гл. 37 ГК РФ) в части, не противоречащей специальному регулированию ГрК РФ, что дает возможность органу публичной власти применять гарантийные обязательства и предъявлять требования к качеству результата работ по договору о КРТ, использовать механизмы контроля и надзора за выполнением работ.

В то же время квалификация договора о КРТ как самостоятельного, а не смешанного, исключает необходимость искусственного разделения правоотношений на отдельные элементы и применения к ним различных правовых режимов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что договор о комплексном развитии территории, несмотря на наличие ярко выраженных публично-правовых элементов и сложного юридического состава его заключения, по своей сущности относится к гражданско-правовым договорам подрядного типа, вытекающего из предмета договора строительного подряда. В отличие от классического договора строительного подряда, предмет которого ограничен двухэлементной структурой (процесс выполнения работ и материальный результат), предмет договора о комплексном развитии территории, помимо указанных двух элементов, включает также подготовительный элемент, представленный административными предпосылками, что обуславливает его значительно более широкое содержание по сравнению с предметом договора строительного подряда. Публично-правовые акты, такие как решение о КРТ и решение о проведении торгов, а также властные полномочия публичного партнера в ходе исполнения договора, представляют собой административные предпосылки, обеспечивающие реализацию проекта, но не изменяющие частноправовую природу основного обязательства, направленного на выполнение работ и достижение материального результата в виде преобразованной городской среды.

Квалификация договора о КРТ в качестве самостоятельного договора подрядного типа, а не смешанного или межотраслевого, имеет важное теоретическое и практическое значение. Данный подход позволяет избежать искусственного расщепления единого обязательства на несколько самостоятельных правовых режимов и обеспечивать применение к отношениям сторон общих норм главы 37 Гражданского кодекса РФ о строительном подряде в части, не противоречащей специальному регулированию Градостроительного кодекса РФ. Такой подход предоставляет публичному партнеру действенные механизмы контроля качества строительных работ, предъявления требований, связанных с недостатками результата, и использования гарантийных обязательств застройщика. Признание единства предмета договора, направленного на комплексное развитие территории, способствует формированию единообразной правоприменительной практики и укреплению стабильности гражданского оборота в сфере масштабных градостроительных проектов, конечным потребителем результатов которых выступает общество в целом.

¹ указанное, в частности, вытекает из п. 10 ч. 4 ст. 68 ГрК РФ

Литература

1. Белицкая, А.В. Комплексное развитие территории как правовой инструмент государственно-частного партнерства / А.В. Белицкая, Л.В. Кухаренко // Юрист. – 2023. – № 2. – С. 27–32. – DOI 10.18572/1812–3929–2023–2–27–32. – EDN BCZYNH.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2004 N 190-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
4. Кирсанов, А.Р. Договор о комплексном развитии территории: правовая природа и существенные условия / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 7(274). – С. 8–18. – EDN RGPVKV.
5. Козлова, Е.Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Козлова Елена Борисовна. – Москва, 2014. – 41 с. – EDN ZPGQVV.
6. Мониторинг реализации механизма комплексного развития территорий субъектами Российской Федерации. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru>
7. Носов, Д.В. Понятие и классификация договора о комплексном развитии территории / Д.В. Носов, Я.В. Щелкова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18, № 5. – С. 82–87. – EDN EFWHWQ.
8. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
9. Попова, Е.Д. Административный договор в сфере строительства / Е.Д. Попова // СТАРТ в НАУКЕ – 2022: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса: в 2 ч., Петрозаводск, 14 ноября 2022 года. Том Часть 1. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 242–252. – EDN DTDDMM.
10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 29 января 2024 г. по делу № А41–54921/2023. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru>
11. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 26 апреля 2023 г. по делу № А57–23140/2022. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru>
12. Рубашкин, В. Договор о комплексном развитии территории как гражданско-правовой договор смешанного типа / В. Рубашкин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – № 4. – С. 27–50. – DOI 10.17323/2072–8166.2025.4.27.50. – EDN XKOTOC.
13. Сергунина, Н.А. Правовая природа договора о комплексном развитии территории / Н.А. Сергунина // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 85–91. – EDN VIYZEB.
14. Шарапов В.В. О заключении договора комплексного развития территории / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
15. Шульженко, С.И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 1) / С.И. Шульженко // Управленческое консультирование. – 2022. – № 1(157). – С. 165–183. – DOI 10.22394/1726–1139–2022–1–165–183. – EDN PKAKJZ.

LEGAL NATURE OF THE INTEGRATED TERRITORIAL DEVELOPMENT AGREEMENT

Komlev A.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article examines the legal nature of the integrated territorial development agreement. Drawing upon an analysis of doctrinal approaches, judicial practice, and the regulatory provisions of the Town Planning Code and the Civil Code of the Russian Federation, the author scrutinizes the civil-law, administrative-law, and mixed (intersectoral) conceptual frameworks. The author arrives at the conclusion that the integrated territorial development agreement ought to be classified as a civil-law contract of the works-and-services (construction contract) type. In this regard, it is substantiated that the said agreement does not constitute a mixed contract within the purview of clause 3 of Article 421 of the Civil Code of the Russian Federation, inasmuch as it does not encompass multiple autonomous subject matters capable of engendering independent legal relations; rather, it possesses a singular, unified subject matter, namely the execution of works for the integrated development of a territory. Ancillary obligations, such as the conclusion of a land lease agreement, are of a strictly accessory and supportive character and do not form discrete contractual components.

Keywords: integrated territorial development agreement, legal nature of the contract, town planning law, civil-law contract, subject matter of the contract, integrated territorial development, judicial practice.

References

1. Belitskaya, A.V. Integrated Territorial Development as a Legal Instrument of Public-Private Partnership / A.V. Belitskaya, L.V. Kukharencov // Jurist. – 2023. – No. 2. – Pp. 27–32. – DOI 10.18572/1812–3929–2023–2–27–32. – EDN BCZYNH.
2. Town Planning Code of the Russian Federation. Federal Law No. 190-FZ of December 29, 2004 (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One). Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
4. Kirsanov, A.R. Agreement on Integrated Territorial Development: Legal Nature and Essential Terms / A.R. Kirsanov // Property Relations in the Russian Federation. – 2024. – No. 7(274). – Pp. 8–18. – EDN RGPVKV.
5. Kozlova, E.B. Development of the System of Contractual Models Mediating the Creation of Immovable Property Objects in the Russian Federation: Specialty 12.00.03 “Civil Law; Entrepreneurial Law; Family Law; Private International Law”: Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences / Kozlova Elena Borisovna. – Moscow, 2014. – 41 p. – EDN ZPGQVV.
6. Monitoring of the Implementation of the Integrated Territorial Development Mechanism by the Constituent Entities of the Russian Federation. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.minstroyrf.gov.ru>
7. Nosov, D.V. Concept and Classification of the Integrated Territorial Development Agreement / D.V. Nosov, Ya.V. Shchelkova // Problems of Economics and Legal Practice. – 2022. – Vol. 18, No. 5. – Pp. 82–87. – EDN EFWHWQ.
8. On Amending the Town Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Ensure Integrated Territorial Development. Federal Law No. 494-FZ of December 30, 2020 (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
9. Popova, E.D. Administrative Contract in the Sphere of Construction / E.D. Popova // START in SCIENCE – 2022: Collection of Articles of the II International Research Competition: in 2 parts, Petrozavodsk, November 14, 2022. Volume Part 1. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), 2022. – Pp. 242–252. – EDN DTDDMM.
10. Ruling of the Tenth Arbitration Court of Appeals, Moscow, of January 29, 2024, in Case No. A41–54921/2023. [Electronic resource] // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – Access mode: <https://sudact.ru>
11. Decision of the Arbitration Court of Saratov Oblast of April 26, 2023, in Case No. A57–23140/2022. [Electronic resource] // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – Access mode: <https://sudact.ru>
12. Rubashkin, V. The Integrated Territorial Development Agreement as a Civil-Law Contract of a Mixed Type / V. Rubashkin // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2025. – No. 4. – Pp. 27–50. – DOI 10.17323/2072–8166.2025.4.27.50. – EDN XKOTOC.
13. Sergunina, N.A. Legal Nature of the Integrated Territorial Development Agreement / N.A. Sergunina // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2019. – No. 1. – Pp. 85–91. – EDN VIYZEB.
14. Sharapov, V.V. On the Conclusion of an Integrated Territorial Development Agreement / V.V. Sharapov. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
15. Shulzhenko, S.I. Legal Issues of Integrated Territorial Development (Part 1) / S.I. Shulzhenko // Administrative Consulting. – 2022. – No. 1(157). – Pp. 165–183. – DOI 10.22394/1726–1139–2022–1–165–183. – EDN PKAKJZ.

Основные направления совершенствования законодательства о банкротстве физических лиц: от стадии возбуждения дела до завершения процедуры

Литова Эльвира Алексеевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений
E-mail: elvira.baranenkova@bk.ru

Ситдикова Любовь Борисовна,

доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена комплексному анализу проблем правового регулирования несостоятельности (банкротства) физических лиц и обоснованию системы взаимосвязанных предложений по его совершенствованию. На основе статистических данных за 2025 год и анализа правоприменительной практики автор последовательно рассматривает пять ключевых проблем: дисбаланс процессуальных возможностей на стадии возбуждения дела, фактическую не востребовавшую реабилитационной процедуры реструктуризации долгов, незавершённость реформы исполнительского иммунитета на единственное жильё, критическую перегрузку арбитражных судов и неадаптированность делопроизводственной инфраструктуры к специфике банкротных дел. По каждому из направлений формулируются конкретные предложения *de lege ferenda*, образующие в совокупности программу комплексного реформирования института потребительского банкротства.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, реструктуризация долгов, реализация имущества, исполнительский иммунитет, единственное жильё, ипотека, судебное делопроизводство, цифровизация правосудия, *de lege ferenda*.

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц, введённый в российское правовое поле в 2015 году, прошёл за десятилетие своего существования путь от экспериментального нововведения до массового инструмента урегулирования долговой нагрузки граждан. По состоянию на начало 2026 года, общее число граждан, прошедших судебную и внесудебную процедуры банкротства, превысило 2,2 млн человек [8].

В 2025 году было зафиксировано 567 997 судебных процедур реализации имущества, что на 31,5% больше, чем годом ранее [6; 7].

Однако количественный рост сопровождается сохранением системных диспропорций, снижающих эффективность института. К их числу относятся: критический дисбаланс процессуальных возможностей должника и кредиторов на стадии возбуждения дела; фактическая невостребованность реабилитационного потенциала реструктуризации долгов; сохраняющаяся правовая неопределённость в вопросах исполнительского иммунитета на единственное жильё; колоссальная нагрузка на арбитражные суды, усугубляемая неадаптированностью делопроизводственных процедур к специфике банкротных дел.

Стадия возбуждения дела: восстановление баланса процессуальных возможностей

Анализ статистических данных за 2025 год выявляет фундаментальную диспропорцию на стадии инициирования банкротства. Доля дел, возбуждённых по заявлению самих граждан, достигла 97,3%, тогда как конкурсные кредиторы инициировали лишь 2,1% процедур, а Федеральная налоговая служба – 0,6% [6]. Причины такого дисбаланса кроются не столько в пассивности кредиторов, сколько в законодательно установленных барьерах, делающих для них вход в процедуру банкротства значительно более сложным, чем для должника.

Ключевым препятствием выступает правило пункта 2 статьи 213.5 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1], требующее от кредитора наличия вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего задолженность. Исключения из этого правила носят исчерпывающий и узкий характер. В результате кредитор, даже располагая бесспорными доказательствами долга, вынужден сначала проходить полный цикл искового производства, что затягивает процесс на месяцы, в течение которых недобросовестный должник может вывести активы.

В качестве решения предлагается расширить перечень исключений из правила об обязательном судебном акте, включив в него требования, основанные на нотариально удостоверенных кредитных договорах, а также требования по обязательствам из договоров, заключённых в простой письменной форме, при условии отсутствия спора о праве, подтверждённого ответом должника на досудебную претензию.

Другой проблемой является избыточный перечень документов, прилагаемых должником к заявлению о банкротстве (пункт 3 статьи 213.4 Закона о банкротстве [1]), насчитывающий более пятнадцати позиций.

Для гражданина в состоянии финансового кризиса сбор полного пакета превращается в фактическое лишение доступа к правосудию. Предлагается закрепить правило о формировании основной части документов не должником, а финансовым управляющим после его назначения, с использованием электронного межведомственного взаимодействия с Росреестром, ФНС России и кредитными организациями.

Наконец, требует решения проблема депозита на вознаграждение финансового управляющего (25 000 рублей). Для неплатёжеспособного гражданина эта сумма может быть неподъёмной. Предлагается дополнить статью 213.4 Закона [1] положением, обязывающим суд предоставлять отсрочку внесения средств на депозит при предоставлении доказательств имущественной несостоятельности (доход ниже прожиточного минимума, статус безработного, наличие иждивенцев), а для социально незащищённых категорий – рассмотреть возможность государственного субсидирования.

Реструктуризация долгов: реанимация реабилитационного института

Законодатель, конструируя модель банкротства физического лица, исходил из презумпции приоритета реструктуризации долгов перед

реализацией имущества. Однако статистика 2025 года свидетельствует о полном провале этой модели: при 567 997 процедурах реализации имущества введено лишь 37 897 процедур реструктуризации, а утверждено и того меньше – 3 129 планов (0,5% от общего числа банкротных процедур) [6].

Причины невостребованности реструктуризации многогранны. Во-первых, большинство должников к моменту банкротства не имеют дохода, позволяющего погасить долги в трёхлетний срок. Во-вторых, кредиторы не мотивированы к одобрению планов, поскольку реструктуризация затягивает процесс без гарантий возврата. В-третьих, у судов отсутствуют достаточные полномочия для утверждения плана вопреки воле собрания кредиторов, а имеющаяся норма статьи 213.17 Закона о банкротстве [1] применяется крайне сдержанно.

Для исправления ситуации предлагается три группы мер. Первое – расширение дискреционных полномочий суда: закрепление критериев, при которых план может быть утверждён без согласия кредиторов (погашение не менее 50% суммы основного долга, документальное подтверждение доходов, отсутствие признаков недобросовестности должника). Второе – введение упрощённого порядка реструктуризации для социально незащищённых граждан (доход менее двух прожиточных минимумов, долг до 1 млн рублей) с типовой формой плана, утверждаемой в уведомительном порядке. Третье – создание экономических стимулов для кредиторов (пониженная госпошлина, иные процессуальные льготы) при добросовестном участии в переговорах и голосовании за план.

Реализация имущества: завершение реформы исполнительского иммунитета

Процедура реализации имущества, будучи фактическим итогом абсолютного большинства дел, остаётся средоточием наиболее острых правовых коллизий, главная из которых – проблема исполнительского иммунитета на единственное жильё.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 апреля 2021 года № 15-П (знаменитое «дело Ревкова») признал неконституционность абсолютного запрета на обращение взыскания на единственное жильё и сформулировал критерии, при которых такое взыскание допустимо: жильё должно быть «избыточным», а должнику гарантируется предоставление замещающего жилья [3].

В Постановлении от 4 июня 2024 года № 28-П Суд распространил действие иммунитета на денежные средства, оставшиеся после продажи ипотечного жилья и расчётов с банком-залогодержателем [4].

Законодательная конкретизация этих позиций остаётся незавершённой. В профессиональном сообществе и на уровне законотворческих инициатив активно обсуждается формула распределения средств от продажи единственного ипотечного жилья, предполагающая направление 80% выручки на погашение требований залогового кредитора, 10% – на погашение требований кредиторов первой и второй очереди (при их наличии), а оставшихся 10% (но не более суммы, достаточной для приобретения замещающего жилья) – на резервирование за должником.

Также высказываются предложения о введении дополнительных гарантий для добросовестных заёмщиков, столкнувшихся с временными финансовыми трудностями – например, запрет на реализацию единственного ипотечного жилья при незначительном остатке долга и непродолжительной просрочке. Вместе с тем, анализ обсуждаемых инициатив выявляет риск ситуаций, когда при коротком сроке кредитования возвращаемая должнику сумма будет недостаточна даже для аренды жилья. Предлагается дополнить соответствующие нормы гарантией сохранения за должником суммы не ниже шестимесячной величины прожиточного минимума на него и членов семьи.

В отношении единственного «избыточного» жилья, не обременённого ипотекой, Министерством юстиции РФ весной 2026 года разработан проект федерального закона, устанавливающий критерии «избыточности» (двукратное превышение нормы предоставления и двукратное превышение стоимости замещающего жилья) и механизм обращения взыскания.

Проект заслуживает поддержки, однако нуждается в уточнениях: гарантированное сохранение за должником не менее 18 кв. м на каждого члена семьи; приоритетное финансирование приобретения замещающего жилья за счёт средств от продажи; обязательная оценка жилья экспертом на стадии подготовки дела.

Делопроизводство как скрытый резерв: оптимизация судебной инфраструктуры

Эффективность института банкротства определяется не только качеством материально-правовых и процессуальных норм, но и организа-

ционным механизмом их реализации. Действующая Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах (утверждена Постановлением Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 года № 100 [5]) разрабатывалась как универсальный документ, специфика банкротных дел в ней системно не отражена. Между тем, массовый характер потребительского банкротства в сочетании со структурной сложностью дел (каждое порождает десятки обособленных споров) порождает критическую перегрузку.

Как зафиксировала Счётная палата РФ в 2023 году, действующая инструкция не предусматривает передачу дел на хранение в архив в электронном виде, что вынуждает перед сдачей распечатывать тысячи страниц материалов, создавая необоснованные бюджетные расходы и избыточную нагрузку на аппарат суда. Проблема судебной нагрузки в арбитражных судах является предметом специальных исследований, в том числе экспертного доклада НИУ ВШЭ [9].

Для решения этих проблем предлагается комплекс мер, реализуемых на уровне подзаконного регулирования:

- дополнить Инструкцию самостоятельным разделом «Особенности делопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве)», закрепив в нём «кустовую» регистрацию технических ходатайств без формирования полноценного тома; обязательное ведение электронного реестра кредиторов; дифференцированный режим доступа к материалам дела (кредиторы – полный доступ, третьи лица – только к судебным актам);
- осуществить переход к электронному документообороту с отказом от избыточного бумажного оформления, включая формирование материалов дела в электронном виде и интеграцию информационных систем судов с базами данных государственных органов;
- модернизировать механизм извещения участников, закрепив приоритет электронных извещений через единую цифровую платформу и обязанность финансового управляющего по информированию кредиторов;
- скорректировать систему статистического учёта, введя отдельную форму карточки для банкротных дел и повышающие коэффициенты для обособленных споров.

Закключение

Сформулированные в настоящей статье предложения образуют в своей совокупности комплексную программу совершенствования законодательства о банкротстве физических лиц. Программа охватывает все ключевые стадии процесса и включает меры как законодательного, так и подзаконного уровня.

На стадии возбуждения дела реализация предложений позволит сбалансировать процессуальные возможности должника и кредиторов и снизить барьеры доступа к судебной защите. В процедуре реструктуризации – вернуть институту реальное реабилитационное содержание. В процедуре реализации имущества – завершить реформу исполнительского иммунитета, обеспечивая защиту как конституционного права на жилище, так и имущественных прав кредиторов. В делопроизводственной сфере – высвободить скрытый резерв снижения судебной нагрузки за счёт цифровизации и оптимизации документооборота.

Системный эффект от реализации программы видится в восстановлении баланса интересов всех участников института потребительского банкротства при одновременном сохранении работоспособности арбитражной судебной системы в условиях сохраняющегося высокого спроса на процедуры освобождения от долгов.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П по делу о проверке конституционности абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ГПК РФ и Закона об ипотеке // Собрание законодательства РФ. 2024. № 24. Ст. 3581.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.
5. Статистика банкротства физических лиц за 2025 год // РБК Компании. 2026. 19 февраля. URL: <https://companies.rbc.ru/news/bfyHPPIguU/statistika-bankrotstva-fizicheskikh-lits-za-2025-god/>.

6. Более полумиллиона россиян признали банкротами в 2025 году // Профиль. 2026. 25 января. URL: <https://profile.ru/news/society/bolee-polumilliona-rossiyan-priznali-bankrotami-v-2025-godu-1813078/>.

7. Число признанных банкротами россиян превысило 2,2 млн // Эксперт. 2026. 18 апреля. URL: <https://expert.ru/>.

8. Нормирование нагрузки в федеральных судах общей юрисдикции и федеральных арбитражных судах: экспертный доклад НИУ ВШЭ / под ред. М.И. Давыдова [и др.]. 2-е изд., эл. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 297 с.

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGISLATION ON PERSONAL BANKRUPTCY: FROM THE INITIATION STAGE TO THE COMPLETION OF THE PROCEDURE

Litova E.A., Sitdikova L.B.

Academy of Labor and Social Relations

The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of legal regulation of insolvency (bankruptcy) of individuals and the substantiation of a system of interrelated proposals for its improvement. Based on statistical data for 2025 and an analysis of law enforcement practice, the author consistently examines five key problems: the imbalance of procedural opportunities at the stage of initiating a case, the actual lack of demand for the rehabilitation procedure of debt restructuring, the incompleteness of the reform of executive immunity for sole housing, the critical overload of arbitration courts, and the lack of adaptation of the office management infrastructure to the specifics of bankruptcy cases. For each direction, specific proposals *de lege ferenda* are formulated, forming in their entirety a program for the comprehensive reform of the institution of consumer bankruptcy.

Keywords: bankruptcy of individuals, debt restructuring, sale of property, executive immunity, sole housing, mortgage, judicial office management, digitalization of justice, *de lege ferenda*.

References

1. Federal Law № 127-FZ dated 26.10.2002 «On Insolvency (Bankruptcy)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 15-P dated April 26, 2021, on the case of checking the constitutionality of the second paragraph of Part 1 of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the complaint of citizen I.I. Revkov // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 19. Article 3290.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 28-P dated June 4, 2024, on the Constitutionality of Certain Provisions of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Law on Mortgage // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 24. Art. 3581.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 100 dated December 25, 2013, «On Approval of the Procedure for Office Work in Arbitration Courts of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. № 2.

5. Statistics on Personal Bankruptcy in 2025 // RBC Companies. 2026. 19 February. URL: <https://companies.rbc.ru/news/bfyHPPlgU/statistika-bankrotstva-fizicheskikh-liits-za-2025-god/>.

6. More than Half a Million Russians Were Declared Bankrupt in 2025 // Profile. 2026. 25 January. URL: <https://profile.ru/news/society/bolee-polumilliona-rossiyan-priznali-bankrotami-v-2025-godu-1813078/>.

7. The number of Russians declared bankrupt exceeded 2.2 million // Expert. 2026. April 18. URL: <https://expert.ru/>.

8. Load Rationing in Federal Courts of General Jurisdiction and Federal Arbitration Courts: Expert Report by the Higher School of Economics / edited by M.I. Davydov [et al.]. 2nd ed., electronic. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 297 p.

Ларин Дмитрий Алексеевич,

аспирант, кафедра «Государственно-правовые и финансово-правовые дисциплины», МФЮА

E-mail: argschool01@gmail.com

Предмет статьи – административная ответственность регулируемых организаций за непредставление, несвоевременное представление отчетности о выбросах парниковых газов либо внесение в отчет заведомо недостоверных сведений. Актуальность темы связана с переходом российского климатического регулирования от рамочного учета выбросов к юридически обеспеченному режиму отчетной дисциплины. Цель исследования состоит в выявлении правовой природы указанного состава административного правонарушения и оценке его места в системе публично-правового регулирования выбросов парниковых газов. В работе применены анализ научных публикаций, сравнительно-правовой метод, классификация, логико-аналитический разбор и синтез. Источниковую основу составили современные русскоязычные исследования по климатическому законодательству, углеродному регулированию, административно-правовым отношениям, экономическим мерам ограничения выбросов и рынку углеродных единиц. В аналитической части раскрыты объект охраны, субъектный состав, содержание отчетной обязанности, связь административной санкции с государственным учетом выбросов и пределы регулирующего воздействия штрафа. Практическая ценность выводов связана с уточнением критериев правовой квалификации нарушений отчетности и направлений дальнейшей настройки климатического администрирования.

Ключевые слова: административная ответственность, парниковые газы, климатическая отчетность, регулируемые организации, государственный учет выбросов, углеродное регулирование, КоАП РФ, недостоверная информация, климатическое законодательство, экологическое право.

Введение

Российское регулирование выбросов парниковых газов прошло этап формирования базовых норм и перешло к закреплению юридических последствий за нарушение отчетной дисциплины. Для публичного управления климатической сферой отчетность регулируемых организаций имеет самостоятельное значение: без нее государственный учет теряет проверяемость, а планирование мер по снижению выбросов опирается на неполные данные. Административная ответственность за непредоставление отчетности в данной сфере направлена не на наказание за сам факт выбросов, а на охрану информационного порядка, через который государство получает сведения о массе выбросов и исходных данных для их расчета.

Цель исследования – определить правовую природу административной ответственности за непредоставление отчетности о выбросах парниковых газов и раскрыть ее значение для системы климатического регулирования.

Для достижения указанной цели поставлены три задачи: определить место отчетной обязанности регулируемых организаций в механизме государственного учета выбросов парниковых газов; раскрыть состав административного правонарушения, связанного с непредставлением, просрочкой представления отчета либо внесением недостоверных сведений; оценить пределы эффективности административной санкции с учетом научных подходов к развитию климатического законодательства и углеродного регулирования.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении указанной административной ответственности как самостоятельного инструмента обеспечения достоверности климатической информации, а не как вспомогательной санкции при общем экологическом контроле. Такой подход позволяет отделить отчетное нарушение от нарушения природоохранных нормативов и показать его связь с государственным учетом, рынком углеродных единиц, климатическими проектами и региональными экспериментальными режимами.

Материалы и методы

Материалы исследования составили русскоязычные научные публикации последних лет по правовому регулированию выбросов парниковых газов. В.В. Брижанин, С.П. Киселева, Р.В. Филиппова, С.В. Осташ [1] рассматривают перспективы углеродного регулирования через вовлечение предприятий в деятельность по сокращению выбросов. Д.А. Гершинкова [2] анализирует становление административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в России. Н.Г. Жаворонкова и В.Б. Агафонов [3] раскрывают значение национального климатического закона для энергетического перехода. И.А. Киселева и Ю.А. Назарова [4] предлагают подходы к совершенствованию российского климатического законодательства с учетом международной практики. Е.Г. Костикова [5] исследует правовые основы и проблемы становления российского рынка углеродных единиц. Е.В. Котова [6] обосновывает направления совершенствования правового регулирования снижения выбросов парниковых газов. И.О. Краснова [7] изучает экономические меры ограничения выбросов в сравнительно-правовой плоскости. А.С. Матненко и Д.А. Гершинкова [8] рассматривают административно-правовое регулирование выбросов в рамках регионального эксперимента. А.А. Ситник [9] анализирует финансово-правовое регулирование углеродного рынка. С.Н. Чернов [10] систематизирует нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России.

Методическую основу исследования составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация, логико-аналитический разбор и синтез. Анализ публикаций использован для выявления научных подходов к отчетности и углеродному регулированию; сравнительный метод – для разграничения административных, экономических и финансово-правовых средств воздействия; классификация – для выделения элементов состава правонарушения; синтез – для формулирования выводов о месте санкции за отчетное нарушение в системе климатического администрирования.

Результаты

Административная ответственность за непредоставление отчетности о выбросах парниковых газов формирует юридическую опору для госу-

дарственного учета выбросов. Федеральный закон № 296-ФЗ выделяет права и обязанности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, государственный учет выбросов, климатические проекты, реестр углеродных единиц и информационное обеспечение; ст. 19.7.16 КоАП РФ закрепляет ответственность за непредставление, просрочку либо заведомо недостоверные сведения в отчете, включая предупреждение или штраф для должностных лиц, предпринимателей и юридических лиц. Научная литература показывает, что вовлечение предприятий в углеродное регулирование требует юридически оформленного информационного канала между хозяйствующим субъектом и государством. В работах В.В. Брижанина, С.П. Киселевой, Р.В. Филипповой, С.В. Остах акцент сделан на повышении ответственности предприятий и их участия в снижении выбросов [1]. В такой модели отчетность служит исходной процедурой: предприятие сначала фиксирует объем выбросов, затем встраивается в режим регулирования, климатического проектирования либо добровольной декарбонизации.

Становление административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в России не сводится к появлению отдельной статьи в КоАП РФ. Д.А. Гершиноква связывает развитие данной сферы с оформлением административно-правовых отношений вокруг учета, квотирования, климатических проектов и публичного управления выбросами [2]. Применительно к ответственности за отчетность данный вывод означает, что правонарушение затрагивает порядок взаимодействия регулируемой организации с уполномоченным органом. Объект охраны здесь образует достоверность и своевременность климатической информации, без которой государство не располагает надлежащей базой для оценки динамики выбросов. Нарушение выражается в трех юридически значимых формах: полном непредставлении отчета, нарушении срока сдачи и внесении заведомо недостоверной информации. Каждая из этих форм по-разному влияет на учет: первая исключает сведения из системы, вторая нарушает календарную сопоставимость данных, третья искажает саму основу расчета.

Национальный климатический закон, по оценке Н.Г. Жаворонковой и В.Б. Агафонова, занимает центральное место в правовом обеспечении энергетического перехода и формировании новых инструментов климатической политики [3]. Для темы административной ответственности данный вывод имеет прикладное значение: санкция за непредоставление отчета обслуживает не абстрактную экологическую обязанность, а конкретный режим климатического закона. Ответственность возникает при нарушении обязанности, связанной с ежегодным представлением сведений о массе выбросов и исходных данных, на основании которых определяется данный показатель. Следовательно, правовая квалификация нарушения требует установить наличие статуса регулируемой организации, наступление отчетного срока, отсутствие отчета либо дефект его содержания, наличие связи между обязанным субъектом и уполномоченным федеральным органом.

Подход И.А. Киселевой и Ю.А. Назаровой к совершенствованию климатического законодательства через учет международной практики позволяет оценить российскую модель отчетной ответственности шире, чем через санкционную норму [4]. В зарубежных моделях климатического регулирования отчетность обычно выступает основанием для последующих инструментов: квотирования, торговли выбросами, углеродного налогообложения, допуска к климатическим проектам. Российская конструкция пока строится осторожнее: административный штраф охраняет достоверность учетных данных, но не заменяет экономические стимулы снижения выбросов. Отсюда следует функциональное ограничение ст. 19.7.16 КоАП РФ: она обеспечивает наличие и корректность информации, но сама по себе не формирует экономический интерес к технологическому снижению выбросов.

Связь отчетности с рынком углеродных единиц прослеживается через исследование Е.Г. Костиковой. Автор указывает, что российское климатическое законодательство предусматривает эмиссию и обращение углеродных единиц, но организованный рынок не получил полноценного развития; среди причин названы отсрочка ограничений выбросов и слабый спрос на углеродные единицы. Для административной ответственности за отчетность данный вывод принципиален: достоверная информация о выбросах выступает предварительным условием для работы рыночных инструментов. Если отчетность формальна или недостоверна, учет выбросов не создаст надежной основы для оценки климатических проектов, зачета углеродных единиц и построения ценовых сигналов. Санкция за отчетное нарушение тем самым поддерживает инфраструктуру будущего рынка, хотя прямого рыночного эффекта от штрафа ожидать нельзя [5].

Е.В. Котова рассматривает углеродное регулирование в России как систему, находящуюся на стадии формирования, и связывает дальнейшее развитие с комплексным правовым подходом, устойчивым развитием и международным опытом. В плоскости административной от-

ветственности данный тезис раскрывает проблему несогласованности отдельных регуляторных блоков. Отчетность, государственный учет, климатические проекты, углеродные единицы и санкции за нарушения образуют единую цепочку только при наличии процедурной согласованности. Если обязанность представить отчет существует отдельно от последующих управленческих решений, административная ответственность сохраняет дисциплинирующую функцию, но ее регулируемый потенциал сужается. Поэтому оценка эффективности ст. 19.7.16 КоАП РФ требует учитывать не число привлеченных субъектов, а качество данных, поступающих в государственный учет после введения санкции [6].

И.О. Краснова анализирует экономические меры ограничения выбросов парниковых газов в сравнительно-правовой плоскости [7]. Данный материал позволяет разграничить административный штраф и экономический механизм снижения выбросов. Штраф за непредоставление отчета не равен плате за выбросы и не заменяет квоту, налоговый механизм либо торговлю углеродными единицами. Его адресат – нарушение информационной обязанности. Отсюда следует, что размер санкции оценивается не через величину фактического экологического вреда, а через степень угрозы публичному учету. Подобная конструкция рациональна для ранней стадии климатического регулирования: государство сначала получает правовой способ принудить крупных эмитентов к раскрытию данных, затем выстраивает более сложные экономические и финансовые инструменты.

Исследование А.С. Матненко и Д.А. Гершиноквой, посвященное региональному эксперименту, показывает особое значение административно-правовых средств в условиях апробации новых режимов регулирования [8]. Региональный эксперимент в сфере выбросов парниковых газов задает модель, где отчетность, квоты, зачет углеродных единиц и контрольные процедуры соединены плотнее, чем в общем федеральном регулировании. На таком фоне ответственность за отчетность получает дополнительное измерение: она обеспечивает сопоставимость данных между участниками эксперимента и препятствует необоснованному преимуществу тех субъектов, которые уклоняются от раскрытия информации. Для федеральной модели данный опыт полезен как проверка того, насколько административная санкция способна поддерживать дисциплину в более насыщенной регуляторной среде.

А.А. Ситник рассматривает перспективы финансово-правового регулирования углеродного рынка и указывает на потребность в изменении подходов при расширении обязательных квот и вовлечении большего числа субъектов в оборот углеродных единиц [9]. Для ответственности за отчетность отсюда вытекает вывод о возрастании цены достоверных данных. При ограниченном круге регулируемых организаций непредставление отчета влияет прежде всего на государственный учет. При расширении рынка углеродных единиц и квотирования недостоверный отчет способен затронуть финансовые интересы других участников, корректность зачета, доверие к реестрам и правомерность последующих сделок. Значит, административно-правовая санкция постепенно приобретает инфраструктурное значение для финансово-правовых механизмов.

С.Н. Чернов рассматривает нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России и связывает их с системой государственных и международных климатических решений [10]. В рамках темы статьи данный подход позволяет определить место ответственности за отчетность в многоуровневой структуре регулирования. Она расположена на стыке экологического, административного и информационного регулирования. С экологическим правом ее связывает предмет сведений – выбросы парниковых газов. С административным правом – властное требование к регулируемой организации и санкция за его нарушение. С информационным регулированием – юридическое значение достоверных данных. Такая конструкция делает ст. 19.7.16 КоАП РФ не периферийной нормой, а процедурным гарантом функционирования климатического учета.

Обсуждение

Полученные положения показывают, что административная ответственность за непредоставление отчетности о выбросах парниковых газов имеет самостоятельную правовую природу. Она не направлена на прямое ограничение производственной деятельности и не оценивает допустимость самого объема выбросов. Ее назначение связано с обеспечением регулярного и достоверного поступления сведений в систему государственного учета. Поэтому правонарушение следует квалифицировать через нарушение публичной информационной обязанности, а не через причинение экологического вреда.

В научных подходах прослеживаются разные акценты. Исследования административно-правового профиля концентрируются на фор-

мировании публичных отношений между регулируемыми организациями и государственными органами. Работы по климатическому законодательству рассматривают отчетность как часть более широкой системы декарбонизации, энергетического перехода и правового обеспечения климатической политики. Публикации по углеродному рынку и финансово-правовому регулированию смещают внимание к экономическим последствиям качества отчетных данных. Эти подходы не исключают друг друга, но дают разные критерии оценки эффективности санкций: дисциплина представления отчетов, развитие климатического законодательства, надежность данных для рыночных инструментов.

Санкция за нарушение отчетной обязанности обладает ограниченным, но точным регулирующим действием. Она не создает прямого экономического стимула модернизировать производство, снижать энергоёмкость либо внедрять низкоуглеродные технологии. Ее воздействие сосредоточено на другом уровне: субъект обязан раскрыть сведения, без которых государство не в состоянии оценить масштаб регулируемой деятельности. Поэтому ожидание от данной нормы немедленного снижения выбросов методологически ошибочно. Ее результат следует измерять полнотой охвата регулируемых организаций, своевременностью отчетной кампании, качеством исходных данных и снижением доли недостоверных сведений.

Особого внимания требует вопрос о заведомо недостоверной информации. Непредставление и просрочка отчета фиксируются относительно формального срока. Недостоверность требует более сложной проверки: уполномоченный орган сопоставляет отчетные сведения с исходными данными, методиками расчета, производственными показателями, документами экологического и технического учета. Отсюда возникает риск неодинаковой правоприменительной практики. Для его снижения значение имеют единые методические критерии выявления существенных ошибок, отделение технических неточностей от заведомого искажения и прозрачное оформление доказательственной базы.

Региональный эксперимент показывает, что отчетность приобретает повышенную ценность там, где учет выбросов связан с квотами и углеродными единицами. В таком режиме недостоверные сведения затрагивают не только государственную статистику, но и распределение экономических возможностей между участниками. При распространении подобных механизмов на федеральном уровне административная ответственность за отчетность потребует более тесной связи с процедурами верификации, реестрового учета и контроля за климатическими проектами.

Исследовательская лакуна состоит в недостатке анализа правоприменения по ст. 19.7.16 КоАП РФ. Норма сравнительно новая для климатического регулирования, поэтому устойчивых массивов судебной и административной практики пока недостаточно для оценки частоты нарушений, типовых ошибок в отчетах и подходов к доказыванию заведомой недостоверности. В дальнейшем предметного изучения потребуют материалы Росприроднадзора, судебные акты по оспариванию постановлений, критерии назначения предупреждения вместо штрафа и влияние санкции на качество отчетности.

Заключение

Установлено, что отчетная обязанность регулируемых организаций занимает базовое место в механизме государственного учета выбросов парниковых газов. Она обеспечивает поступление сведений о массе выбросов и исходных данных для расчета, а потому служит процедурной основой климатического регулирования.

Выявлено, что состав административного правонарушения охватывает три формы поведения: непредставление отчета, его несвоевременное представление и внесение заведомо недостоверной информации. Объект охраны образует установленный порядок предоставления климатической информации, субъектом выступает регулируемая организация, а юридическая оценка нарушения зависит от статуса субъекта, срока отчетности и качества представленных сведений.

Определено, что административная санкция имеет дисциплинирующее и инфраструктурное значение. Она не заменяет экономические меры ограничения выбросов, но поддерживает достоверность данных, без которых невозможен государственный учет, развитие рынка углеродных единиц, квотирование и оценка климатических проектов. Перспективы дальнейшего развития данного механизма связаны с уточнением критериев недостоверности отчетных сведений, накоплением правоприменительной практики и согласованием отчетной обязанности с иными инструментами углеродного регулирования.

Литература

1. Брижанин В.В., Киселева С.П., Филиппова Р.В., Осташ С.В. Перспективы углеродного регулирования в России и повышение ответственности и вовлеченности предприятий в деятельность по сокра-

щению выбросов парниковых газов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2023. Т. 20. № 2 (128). С. 130–142.

2. Гершинкова Д.А. К вопросу о становлении административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4. С. 28–43.

3. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Роль национального климатического закона в обеспечении «энергетического перехода» // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 151–162. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.151-162.

4. Киселева И.А., Назарова Ю.А. Подходы к совершенствованию климатического законодательства России с учетом международной практики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 2. С. 69–84.

5. Костилова Е.Г. Российский рынок углеродных единиц: правовые основы, проблемы становления и цифровизации // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 196–207. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-2-196-207.

6. Котова Е.В. Совершенствование правового регулирования в области снижения выбросов парниковых газов в Российской Федерации // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3. С. 122–132.

7. Краснова И.О. Экономические меры ограничения выбросов парниковых газов: сравнительно-правовой контекст // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5 (93). С. 104–113. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.104-113.

8. Матненко А.С., Гершинкова Д.А. Административно-правовое регулирование выбросов парниковых газов в рамках регионального эксперимента // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 3. С. 75–84. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).75-84.

9. Ситник А.А. Финансово-правовое регулирование углеродного рынка: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 6. С. 165–172. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.130.6.165-172.

10. Чернов С.Н. Нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9 (166). С. 142–157. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.142-157.

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR FAILURE TO REPORT GREENHOUSE GAS EMISSIONS

Larin D.A.

Moscow Finance and Law University

This article examines the administrative liability of regulated organizations for failure to submit greenhouse gas emissions reports, late submission of such reports, or knowingly submitting false information. The relevance of this topic lies in the transition of Russian climate regulation from a framework for emissions accounting to a legally enforceable reporting regime. The purpose of this study is to identify the legal nature of this administrative offense and assess its place within the system of public-law regulation of greenhouse gas emissions. This paper employs analysis of scientific publications, comparative legal method, classification, logical analysis, and synthesis. The source material comprises contemporary Russian-language research on climate legislation, carbon regulation, administrative-legal relations, economic measures to limit emissions, and the carbon credit market. The analytical section describes the protected object, the composition of the entities, the content of the reporting obligation, the relationship of the administrative penalty with state emissions accounting, and the limits of the regulatory impact of the fine. The practical value of the conclusions lies in clarifying the criteria for the legal classification of reporting violations and providing directions for further adjustment of climate administration.

Keywords: administrative liability, greenhouse gases, climate reporting, regulated organizations, state emissions accounting, carbon regulation, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, false information, climate legislation, environmental law.

References

1. Brizhanin V.V., Kiseleva S.P., Filippova R.V., Ostakh S.V. Prospects for Carbon Regulation in Russia and Increasing Responsibility and Involvement of Enterprises in Reducing Greenhouse Gas Emissions // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2023. Vol. 20. № 2 (128). Pp. 130–142.

2. Gershinkova D.A. On the Development of Administrative-Legal Regulation of Greenhouse Gas Emissions in Russia // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4. Pp. 28–43.

3. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. The Role of the National Climate Law in Ensuring the «Energy Transition» // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. № 2 (135). Pp. 151–162. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.151-162.

4. Kiseleva I.A., Nazarova Yu.A. Approaches to improving Russian climate legislation taking into account international practice // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Economics. Management. Law». 2023. № 2. Pp. 69–84.

5. Kostikova E.G. Russian carbon unit market: legal foundations, problems of formation and digitalization // Actual problems of state and law. 2025. Vol. 9. № 2. Pp. 196–207. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-2-196-207.

6. Kotova E.V. Improving Legal Regulation in the Field of Reducing Greenhouse Gas Emissions in the Russian Federation // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2024. № 3. Pp. 122–132.

7. Krasnova I.O. Economic Measures to Limit Greenhouse Gas Emissions: A Comparative Legal Context // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. № 5 (93). Pp. 104–113. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.104-113.

8. Matnenko A.S., Gershinkova D.A. Administrative and legal regulation of greenhouse gas emissions within the framework of a regional experiment // Law enforcement. 2023. Vol. 7. № 3. Pp. 75–84. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).75-84.

9. Sitnik A.A. Financial and legal regulation of the carbon market: problems and prospects // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025. № 6. Pp. 165–172. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.130.6.165-172.

10. Chernov S.N. Normative and legal mechanisms for regulating climate processes in Russia // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. № 9 (166). P. 142–157. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.142-157.

Кварацхелия Константино Тамазиевич,
студент, АКО ВО «Московский университет «Синергия»

В статье исследуется право на акцепт как центральный элемент конструкции опциона на заключение договора. Обосновывается, что специфика опциона состоит не в отложенном характере будущего договора, а в возможности управомоченной стороны односторонним волеизъявлением сформировать основное обязательство. Раскрываются организационная природа опциона, асимметрия правового положения сторон, секундарный характер права на акцепт и пределы его осуществления. Делается вывод о значении права на акцепт как критерия самостоятельности опциона.

Ключевые слова: опцион на заключение договора; право на акцепт; акцепт; секундарное право; организационное обязательство; одностороннее волеизъявление; основной договор; гражданское право.

Правовая природа опциона на заключение договора раскрывается через механизм реализации права на акцепт. В статье 429.2 ГК РФ [1] данная конструкция закреплена не как соглашение о намерении заключить договор в будущем, а как соглашение, предоставляющее одной стороне право заключить договор на заранее определенных условиях. Следовательно, конструктивное значение приобретает не последующее согласование воли сторон, а возможность одностороннего формирования основного обязательства. Право на акцепт выступает не завершающим техническим действием, а элементом, определяющим самостоятельность опциона как гражданско-правового инструмента.

Для опциона принципиально, что основной договор не возникает автоматически в момент заключения опционного соглашения, но и не требует нового соглашения сторон при его реализации. Между заключением опциона и возникновением основного договора сохраняется организационное правоотношение: обязанная сторона уже выразила согласие на заключение договора, а управомоченная сторона сохраняет свободу выбора. Основной договор возникает только при осуществлении права на акцепт, однако его содержание к этому моменту не формируется заново [2, с. 190]. Оно должно быть заложено в самом опционе либо определяться предусмотренным им способом. Поэтому акцепт по опциону не заменяет новое соглашение сторон, а вводит в действие заранее согласованную договорную модель.

Именно право на акцепт позволяет отделить опцион от иных правовых форм, связанных с будущим договором. Временной разрыв между первоначальным соглашением и последующим возникновением обязательства сам по себе не создает специфики опциона. Будущее заключение договора может предполагаться в предварительном договоре, рамочном договоре, соглашении о намерениях, корпоративном соглашении, содержащем обязанность совершить сделку при наступлении определенных обстоятельств. Отличие опциона состоит в передаче решения о возникновении основного договора на усмотрение одной стороны. Другая сторона уже не участвует в принятии окончательного решения, поскольку ее воля выражена заранее и связана условиями опциона.

Из этого следует квалифицирующее значение права на акцепт. Если после заявления управомоченной стороны требуется новое соглашение контрагента, повторное согласование существенных условий либо подписание основного договора как самостоятельного юридического акта, конструкция не достигает результата, предполагаемого статьей 429.2 ГК РФ. В этом случае речь идет не о полноценном опционе, а о предварительной или смешанной договорной модели, в которой акцепт не обладает правопорождающим эффектом. Для опциона необходимо, чтобы надлежащее волеизъявление управомоченной стороны само по себе влекло заключение основного договора [3, с. 148].

Опцион на заключение договора относится к числу организационных обязательств, однако его организационный характер не сводится к подготовке будущей сделки. Он упорядочивает не переговорный процесс и не намерения сторон, а порядок возникновения конкретного обязательства. При заключении опциона фиксируются пределы связанности обязанной стороны, условия будущего договора, срок реализации предоставленного права и способ совершения акцепта. Эти элементы образуют единую конструкцию, в которой акцепт выступает юридическим фактом, завершающим заранее сформированный состав. Поэтому организационная функция опциона имеет прикладное содержание: она обеспечивает возникновение договора без возвращения сторон к стадии согласования.

Внутренняя структура опциона строится на асимметричном распределении правовых позиций. Обязанная сторона принимает на себя состояние связанности заранее выраженным согласием. Управомоченная сторона получает возможность выбора: реализовать предоставленное право либо отказаться от его осуществления. Данная асимметрия не противоречит принципу равенства участников гражданского оборота, поскольку является результатом их соглашения [4, с. 30]. Равенство сторон проявляется не в одинаковом наборе прав и обязанностей, а в свободе согласовать модель, при которой одна сторона принимает на себя риск связанности, а другая получает юридически обеспеченное усмотрение.

Обязанная сторона по опциону не является лицом, которое в будущем должно повторно выразить согласие на заключение основного

договора. Ее согласие уже выражено в опционном соглашении и предполагает признание возможности возникновения основного договора по одностороннему заявлению контрагента. На стадии реализации опциона значение имеет не новая воля обязанной стороны, а соответствие акцепта условиям соглашения. Если акцепт совершен в предусмотренный срок, в надлежащей форме и на согласованных условиях, обязанная сторона не вправе противопоставить ему изменение экономического интереса, нежелание заключать договор или последующую переоценку собственных намерений.

Право управомоченной стороны также имеет особое содержание. Оно не является обязанностью заключить договор и не превращает управомоченное лицо в должника по отношению к обязанной стороне. Нереализация опциона сама по себе не означает нарушения обязательства, если иное не вытекает из соглашения сторон. Управомоченное лицо приобретает возможность сформировать основное обязательство, но сохраняет свободу не пользоваться этой возможностью [5, с. 98]. В функциональном отношении опцион позволяет развести во времени согласование условий будущей сделки и принятие управомоченной стороной окончательного решения о вступлении в основное обязательство.

Асимметрия опциона получает завершённое юридическое выражение в праве на акцепт. Право на акцепт не является правом требования в классическом обязательственном смысле, поскольку его осуществление не предполагает встречного исполнения со стороны контрагента. Управомоченная сторона сама совершает действие, с которым связывается возникновение основного договора. Обязанная сторона не исполняет договор путем повторного согласия; она находится в заранее установленном состоянии связанности. Поэтому право на акцепт имеет секундарную природу: оно позволяет односторонним волеизъявлением изменить правовое положение сторон и перевести организационное обязательство в основное договорное правоотношение [6, 159].

Секундарная природа права на акцепт проявляется прежде всего в том, что акцепт по опциону не совпадает с обычным акцептом в классической модели заключения договора. В общей модели оферты и акцепта договор возникает в результате совпадения двух волеизъявлений: предложения оферента и согласия акцептанта. Акцепт завершает процедуру заключения договора и выражает волю адресата оферты вступить в обязательство на предложенных условиях. Однако он не является осуществлением ранее предоставленного договорного правомочия и не опирается на самостоятельное организационное обязательство между сторонами.

В опционе акцепт совершается в иной правовой ситуации. К моменту его реализации опцион уже заключен, а условия будущего договора определены. Управомоченное лицо акцептует не как внешний адресат предложения, а как носитель специального права, предоставленного ему опционом [7, с. 146]. Поэтому акцепт по опциону не сводится к согласию с офертой. Он выступает способом реализации секундарного правомочия, с осуществлением которого связывается возникновение основного договора.

Повторное выражение воли обязанной стороны при реализации опциона не требуется. Основной договор возникает потому, что стороны заранее согласовали условия его возможного появления и признали за односторонним волеизъявлением управомоченной стороны правопорождающее значение. Следовательно, акцепт по опциону завершает не переговорный процесс, а заранее сформированный юридический механизм. Его назначение состоит не в достижении нового соглашения, а в переводе уже существующей организационной связи в основное обязательство.

Из этого вытекает повышенная строгость к содержанию акцепта. Управомоченная сторона не вправе использовать его для изменения условий будущего договора. Ее правомочие состоит не в последующем формировании содержания обязательства, а во введении в действие согласованной модели [8, с. 93]. Изменение предмета, цены, срока, состава сторон или иных существенных параметров означает выход за пределы предоставленного права. В этом случае волеизъявление не может рассматриваться как надлежащая реализация опциона и не порождает основной договор.

Одностороннее волеизъявление управомоченной стороны выступает юридическим фактом, влекущим заключение основного договора. Юридический состав включает два элемента: заключенное соглашение о предоставлении опциона и последующий акцепт. Первый элемент фиксирует условия будущего договора, связанность обязанной стороны и пределы правомочия управомоченного лица. Второй элемент завершает юридический состав, необходимый для возникновения основного договорного правоотношения.

При надлежащей реализации опциона отсутствует необходимость в новом акте заключения договора со стороны обязанного лица. Основной договор возникает вследствие акцепта, поскольку согласие обязанной стороны уже выражено в опционном соглашении [9, с. 111]. Поэтому последующий спор должен касаться не обязанности заново заключить договор, а юридических последствий состоявшейся реализации опциона и исполнения возникшего обязательства. Иной подход лишил бы акцепт преобразующего значения и сближал бы опцион с предварительной договорной моделью.

Право на акцепт не является неограниченным. Его пределы обеспечиваются балансом между свободой выбора управомоченной стороны и связанностью обязанной стороны. Эти пределы выражаются в сроке реализации, форме акцепта, способе уведомления и соответствии волеизъявления условиям опциона. Каждый из указанных элементов имеет значение не как формальность, а как условие сохранения преобразующего эффекта акцепта.

Срок определяет временную границу связанности обязанной стороны. Пока срок действует, управомоченное лицо вправе заключить основной договор посредством акцепта. После его истечения право на акцепт прекращается, если стороны не предусмотрели иной допустимый механизм продления. Просроченное волеизъявление не может порождать основной договор, поскольку иначе связанность обязанной стороны стала бы неопределенной и вышла бы за пределы соглашения [10, с. 86].

Форма акцепта должна соответствовать требованиям закона и условиям опциона. В ряде случаев она приобретает не только доказательственное, но и правореализационное значение, особенно если основной договор связан с объектами, оборот которых требует специального оформления. Если стороны установили нотариальную форму, письменное уведомление, электронный порядок или иной способ выражения акцепта, несоблюдение данного порядка ставит под сомнение сам факт реализации права.

Способ уведомления также влияет на юридическую результативность акцепта. Для опциона важно не внутреннее решение управомоченного лица, а его внешнее выражение в предусмотренном порядке. Уведомление должно позволять определить, кем, когда, в отношении какого опциона и на каких условиях совершено волеизъявление [11, с. 103]. Только при достаточной определенности акцепт может выполнять функцию юридического факта, влекущего заключение основного договора.

Содержательное соответствие условиям опциона завершает систему пределов осуществления права на акцепт. Управомоченная сторона реализует право на заключение конкретного договора, а не право предложить обязанной стороне новую сделку. Акцепт должен относиться к предусмотренному договору, исходить от надлежащего лица, быть совершен в установленный срок и не изменять согласованные условия. При соблюдении этих требований он сохраняет преобразующий характер и влечет возникновение основного обязательства.

Связь права на акцепт с определенностью условий будущего договора имеет принципиальное значение для опционной конструкции. Управомоченная сторона может односторонне вызвать возникновение основного обязательства только тогда, когда содержание этого обязательства уже определено либо может быть определено без нового соглашения сторон. Если после акцепта необходимо дополнительно согласовывать предмет, цену, срок исполнения или иные существенные условия, акцепт утрачивает преобразующее значение и превращается не в юридический факт заключения договора, а в основание для продолжения переговоров [12, с. 3].

Поэтому определенность условий будущего договора выступает не формальным требованием, а необходимой предпосылкой реализации права на акцепт. Управомоченное лицо не создает содержание обязательства своим волеизъявлением, а вводит в действие договорную модель, заранее установленную опционом. Условия могут быть закреплены прямо либо определяться через объективный механизм: формулу расчета, рыночный показатель, оценочную процедуру, реестровые данные или иной проверяемый критерий [13, с. 3]. Определяющим является не способ фиксации условий сам по себе, а возможность установить содержание основного обязательства без нового волеизъявления сторон.

Из этого следует невозможность изменения условий будущего договора при реализации опциона. Право на акцепт предполагает принятие согласованной модели, а не ее корректировку. Управомоченная сторона вправе решить вопрос о заключении договора, но не вправе односторонне изменить его содержание. Акцепт с оговорками, дополнениями или изменениями выходит за пределы предоставленного правомочия и не может порождать основной договор как результат реализации опциона [14, с. 241]. Иной подход нарушал бы логику кон-

струкции: вместо одностороннего введения в действие заранее согласованного обязательства возникала бы новая стадия согласования.

Та же логика распространяется на обязанную сторону. После заключения опциона она не вправе пересматривать условия будущего договора, ставить возникновение основного обязательства в зависимость от новых требований или ссылаться на изменение собственного интереса. Ее свобода ограничена ранее выраженным согласием [15, с. 13]. Содержание этой связанности состоит в признании того, что при надлежащем акцепте основной договор возникнет на условиях, определенных в опционе.

Право на акцепт выступает критерием самостоятельности опциона на заключение договора, поскольку позволяет отличить его от иных форм предварительной организации договорных связей. Если возникновение основного договора зависит от нового согласования, дополнительного подтверждения или подписания самостоятельного документа обязанной стороной, соглашение не обладает полноценной опционной природой независимо от используемого наименования. Юридическое значение опциона состоит не в самом факте отложения договора во времени, а в разделении момента согласования параметров будущего обязательства и момента его введения в действие по одностороннему решению управомоченной стороны. Право на акцепт тем самым придает опционной конструкции самостоятельное место в системе гражданско-правовых средств организации оборота: оно обеспечивает возможность сформировать основное договорное обязательство на заранее согласованных условиях без повторного согласования воли сторон.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Сабитова, Е.В. К вопросу о соотношении опциона на заключение договора и опционного договора / Е.В. Сабитова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5. – С. 189–191.
3. Тюменцев, И.А. Правовая природа опциона на заключение договора: аспекты нормативного определения / И.А. Тюменцев // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 146–151.
4. Обедин, Е.В. Место опциона на заключение договора среди иных обеспечительных, инвестиционных и предварительных механизмов / Е.В. Обедин // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – № 4. – С. 26–32.
5. Матвеева, Е.Ю. Об опционных соглашениях / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 9. – С. 97–101.
6. Гриб, В.Г. Правовая природа опционного договора в российском законодательстве / В.Г. Гриб // Юридическая наука. – 2023. – № 7. – С. 158–162.
7. Тюменцев, И.А. К вопросу обоснованности разграничения опционных договорных конструкций в гражданском законодательстве / И.А. Тюменцев // Юридическая наука. – 2023. – № 3. – С. 144–147.
8. Мурдалов, Д.Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора / Д.Р. Мурдалов // Право и политика. – 2025. – № 10. – С. 92–98.
9. Дейнгеа, К.Е. Правовая природа исполнения по опционным сделкам / К.Е. Дейнгеа // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 109–115.
10. Левушкин, А.Н. Участие членов семьи в опционных договорных предпринимательских конструкциях при осуществлении семейного бизнеса / А.Н. Левушкин // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 3. – С. 83–88.
11. Вдовиченко, П.В. Формы волеизъявления в гражданско-правовых сделках / П.В. Вдовиченко // Legal Concept. – 2024. – № 2. – С. 102–108.

12. Камалетдинова, Р.Э. Предмет и иные существенные условия опционных соглашений / Р.Э. Камалетдинова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 1–8.

13. Гораева, У.С. Особенности регистрации опциона доли в ООО / У.С. Гораева // Сфера науки. – 2025. – № 1. – С. 1–4.

14. Березкина, В.С. Правовая природа соглашения о предоставлении опциона на заключение договора / В.С. Березкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2. – С. 240–244.

15. Боровик, К.А. Актуальное значение опциона на заключение договора и опционного договора для участников гражданского оборота / К.А. Боровик // Вестник права. – 2023. – № 1. – С. 10–16.

THE RIGHT TO ACCEPT AS THE CENTRAL ELEMENT OF THE CONTRACT OPTION DESIGN

Kvaratskhelia K.T.

Moscow University «Synergy»

The article examines the right of acceptance as a central element of the design of an option to conclude a contract. It is proved that the specificity of the option does not consist in the deferred nature of the future contract, but in the ability of the authorized party to unilaterally form the main obligation. The article reveals the organizational nature of the option, the asymmetry of the legal position of the parties, the second nature of the right to accept and the limits of its implementation. The conclusion is made about the importance of the right to accept as a criterion for the independence of an option.

Keywords: option to conclude a contract; right to accept; acceptance; second right; organizational obligation; unilateral expression of will; basic contract; civil law.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, № 51-FZ (current version) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Article 3301.
2. Sabitova, E.V. On the Relationship between an Option to Conclude an Agreement and an Option Agreement / E.V. Sabitova // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2024. – № 5. – Pp. 189–191.
3. Tyumentsev, I.A. Legal Nature of an Option to Conclude an Agreement: Aspects of Normative Definition / I.A. Tyumentsev // Legal Science. – 2023. – № 12. – Pp. 146–151.
4. Obedin, E.V. The Place of an Option to Conclude a Contract Among Other Security, Investment, and Preliminary Mechanisms / E.V. Obedin // Bulletin of Economics, Management, and Law. – 2025. – № 4. – P. 26–32.
5. Matveeva, E. Yu. On Option Agreements / E. Yu. Matveeva // Legal Science. – 2022. – № 9. – P. 97–101.
6. Grib, V.G. Legal Nature of an Option Agreement in Russian Legislation / V.G. Grib // Legal Science. – 2023. – № 7. – P. 158–162.
7. Tyumentsev, I.A. On the Validity of Distinction Between Option Contractual Structures in Civil Legislation / I.A. Tyumentsev // Legal Science. – 2023. – № 3. – P. 144–147.
8. Murdalov, D.R. Legal nature of the option to conclude an agreement and the option agreement / D.R. Murdalov // Law and Politics. – 2025. – № 10. – P. 92–98.
9. Deingea, K.E. Legal nature of execution under option transactions / K.E. Deingea // Issues of Russian Justice. – 2023. – № 28. – P. 109–115.
10. Levushkin, A.N. Participation of family members in option contractual entrepreneurial structures in the implementation of family business / A.N. Levushkin // Bulletin of Economic Security. – 2025. – № 3. – P. 83–88.
11. Vdovichenko, P.V. Forms of Expression of Will in Civil Law Transactions / P.V. Vdovichenko // Legal Concept. – 2024. – № 2. – P. 102–108.
12. Kamaletdinova, R.E. Subject and Other Essential Terms of Option Agreements / R.E. Kamaletdinova // Scientific Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series. – 2017. – № 3. – P. 1–8.
13. Gorayeva, U.S. Features of Registration of an Option for a Share in an LLC / U.S. Gorayeva // Sphere of Science. – 2025. – № 1. – P. 1–4.
14. Berezkina, V.S. Legal Nature of the Agreement on Granting an Option to Conclude an Agreement / V.S. Berezkina // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2025. – № 2. – P. 240–244.
15. Borovik, K.A. The current significance of the option to conclude an agreement and the option agreement for participants in civil turnover / K.A. Borovik // Bulletin of Law. – 2023. – № 1. – P. 10–16.

Эволюция института исполнительского иммунитета на единственное жилье в делах о банкротстве граждан: поиск баланса интересов должника и кредиторов

Литова Эльвира Алексеевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений
E-mail: elvira.baranenkova@bk.ru

Ситдикова Любовь Борисовна,

доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена анализу эволюции института исполнительского иммунитета в отношении единственного пригодного для проживания жилого помещения в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц. Автор последовательно рассматривает ключевые этапы трансформации правового регулирования исполнительского иммунитета на единственное жилье: от абсолютного запрета на обращение взыскания, закреплённого в статье 446 ГПК РФ, через формирование конституционно-правовых критериев допустимости реализации единственного жилья в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 года № 15-П, к их законодательной конкретизации в Федеральном законе от 27 марта 2026 года № 53-ФЗ и перспективным законопроектам.

Особое внимание уделено проблеме ипотечного жилья как особого случая, требующего самостоятельного правового регулирования. Обосновывается вывод о том, что российский правопорядок последовательно движется от модели абсолютного иммунитета к сбалансированной модели, допускающей обращение взыскания при условии соблюдения гарантий жилищных прав должника. Выявлены сохраняющиеся проблемы, препятствующие эффективной реализации нового механизма на практике.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, единственное жильё, банкротство физических лиц, конкурсная масса, баланс интересов, Конституционный Суд Российской Федерации, ипотека, замещающее жильё.

Введение

Институт исполнительского иммунитета на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение представляет собой одну из наиболее острых и дискуссионных проблем современного российского права. Закреплённый в абзаце 2 части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2], данный институт на протяжении десятилетий создавал фундаментальную коллизию между конституционно гарантированным правом гражданина на жилище (ст. 40 Конституции РФ) [1] и не менее значимым правом кредитора на судебную защиту и эффективное исполнение судебного решения.

В условиях экспоненциального роста числа дел о банкротстве физических лиц – с 2015 года судебную процедуру прошли более 2,2 млн граждан, – эта коллизия приобрела не только доктринальное, но и острейшее практическое значение.

Основной целью настоящей статьи – проследить эволюцию института исполнительского иммунитета на единственное жильё в контексте потребительского банкротства, выявить ключевые этапы его трансформации и оценить перспективы дальнейшего развития законодательства в данной сфере.

От абсолютного иммунитета к дифференцированному подходу.

Доктринальную основу института исполнительского иммунитета составляет принцип полной имущественной ответственности гражданина по своим обязательствам, закреплённый в статье 24 Гражданского кодекса РФ. Данный принцип предполагает, что взыскание может быть обращено на всё имущество должника, за исключением прямо предусмотренных законом изъятий. Одним из таких изъятий и выступает норма абзаца 2 части 1 статьи 446 ГПК РФ, запрещающая обращать взыскание на жилое помещение, если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания [2].

Продолжительное время, данная норма трактовалась правоприменителем буквально и безусловно: единственное жильё обладало абсолютным иммунитетом от взыскания вне зависимости от его площади, стоимости и иных объективных характеристик. Такое положение дел создавало почву для многочисленных злоупотреблений, когда недобросовестные должники, обладая значительными средствами, конвертировали их в дорогостоящую недвижимость, формально защищённую от притязаний кредиторов.

Первостепенно ситуация была изменена Конституционным Судом РФ ещё в 2012 году. Постановлением от 14 мая 2012 года № 11-П Суд указал, что безусловный запрет на обращение взыскания на единственное жильё не должен превращаться в инструмент ущемления прав кредиторов, и признал необходимость внесения в законодательство изменений, которые обеспечивали бы баланс интересов сторон [6]. Однако законодатель на протяжении девяти последующих лет оставался бездейственным, что привело к накоплению критической массы правовой неопределённости в судебной практике.

Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П как поворотный момент

Переломный момент в развитии института исполнительского иммунитета связан с Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 года № 15-П, вынесенным по жалобе гражданина И.И. Ревкова [7]. Согласно факту дела, Ревков обладал единственным жильём – квартирой площадью 110 квадратных метров, а его неисполненные обязательства перед кредитором составляли около 4 миллионов рублей. Кредитор настаивал на обращении взыскания на квартиру с приобретением для должника замещающего жилья меньшей площади, однако суды последовательно отказывали, ссылаясь на буквальное толкование статьи 446 ГПК РФ.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу, пришёл к выводам, имеющим фундаментальное значение для всего института исполнительского иммунитета. Суд признал, что абсолютный запрет на обращение взыскания на единственное жильё, без учёта его характеристик и размера долга, нарушает баланс интересов должника и кредитора

и противоречит Конституции РФ. При этом Суд выработал систему критериев, при соблюдении которых обращение взыскания на единственное жильё может быть признано допустимым [7]:

- жилое помещение должно явно превышать уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, то есть быть «избыточным» (роскошным);
- должнику и членам его семьи гарантируется предоставление замещающего жилого помещения, приобретаемого за счёт части вырученных от продажи средств;
- замещающее жильё должно находиться в том же населённом пункте и соответствовать санитарно-техническим и социальным нормам.

Постановление № 15-П, по сути, перевело институт исполнительского иммунитета из статичного состояния абсолютного запрета в динамичную модель, требующую от суда оценки конкретных обстоятельств дела [7]. Однако данное постановление оставило без ответа ряд принципиальных вопросов: какими именно критериями следует руководствоваться при определении «избыточности» жилья; за счёт каких средств должно приобретаться замещающее жильё; как быть, если иного жилья в том же населённом пункте просто нет. Эти пробелы нуждались в законодательном восполнении.

Ипотечное жильё как особый случай: новый законодательный механизм

Особую остроту проблема исполнительского иммунитета приобретает применительно к жилью, обременённому ипотекой. Пункт 1 статьи 78 Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» допускает обращение взыскания на ипотечное жильё независимо от того, является ли оно для должника единственным [3].

Однако после продажи такого жилья с торгов и удовлетворения требований залогового кредитора у бывшего собственника и членов его семьи зачастую не остаётся ни жилья, ни денежных средств, достаточных для приобретения нового.

Данная ситуация стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 4 июня 2024 года № 28-П Суд распространил действие исполнительского иммунитета на денежные средства, оставшиеся после реализации ипотечного жилья и удовлетворения требований залогового кредитора [8].

Иными словами, если после расчётов с банком-залогодержателем у должника остаётся часть вырученных средств, на эти средства должен распространяться иммунитет – они не могут быть направлены на погашение требований иных кредиторов, а должны быть зарезервированы для приобретения нового жилья. При этом Суд подчеркнул, что такая защита не абсолютна: её размер может быть уменьшен, если вырученная сумма явно позволяет приобрести «роскошное» жильё, либо если в действиях должника усматриваются признаки недобросовестности [8].

Статья 213.10–1 Закона о банкротстве: мировое соглашение как компромиссный механизм

Статья 213.10–1 закрепила право гражданина-должника и кредитора, требования которого обеспечены ипотекой единственного жилья, заключить отдельное мировое соглашение на любой стадии банкротства [5]. Специфика данного соглашения заключается в его строго «изолированном» характере: оно действует исключительно между должником и залоговым кредитором и не распространяется на отношения с иными кредиторами. Для его заключения не требуется ни согласие других кредиторов, ни даже одобрение финансового управляющего – решение принимается непосредственно гражданином и банком [5].

Правовые последствия утверждения отдельного мирового соглашения арбитражным судом имеют принципиальное значение для дальнейшего хода процедуры [5]:

- во-первых, на ипотечное жильё и земельный участок не обращается взыскание, и они исключаются из состава конкурсной массы;
- во-вторых, сами требования залогового кредитора исключаются из реестра, а ипотека как обременение не прекращается автоматически по основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве;
- в-третьих, должник возвращается на первоначальный график погашения кредита, обслуживая его за счёт доходов, на которые не может быть обращено взыскание, в том числе будущих доходов после завершения процедуры банкротства.

Таким образом, ст. 213.10–1 Закона о банкротстве создаёт легальный механизм, позволяющий добросовестному должнику сохранить единственное ипотечное жильё при условии продолжения исполнения обязательств перед банком. В отличие от модели «80/10/10», предполагающей реализацию недвижимости и лишь частичное резервиро-

вание средств для приобретения нового жилья, отдельное мировое соглашение полностью исключает саму возможность утраты жилья в рамках процедуры банкротства. Это делает его наиболее предпочтительным и социально ориентированным вариантом урегулирования долговой проблемы, однако его применение ограничено случаями, когда финансовое положение гражданина объективно позволяет.

Перспективы развития законодательства: от точечных решений к системному регулированию

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый благодаря решениям Конституционного Суда РФ [7; 8] и введению механизма отдельного мирового соглашения [5], российское законодательство в сфере исполнительского иммунитета всё ещё находится в стадии становления. Ряд принципиальных вопросов, поставленных в Постановлении № 15-П ещё в 2021 году, до настоящего времени не получил системного законодательного разрешения.

В профессиональном сообществе и на уровне законодательных инициатив активно обсуждаются модели распределения выручки от продажи ипотечного жилья, которые могли бы быть положены в основу будущего законодательного регулирования. В частности, дискутируется так называемая формула «80/10/10», предполагающая, что 80% выручки направляется на погашение требований залогового кредитора, 10% – на погашение требований кредиторов первой и второй очереди (при их наличии), а оставшиеся 10% (но не более суммы, достаточной для приобретения замещающего жилья) резервируются за должником. Высказываются также предложения о введении дополнительных гарантий для добросовестных заёмщиков, столкнувшихся с временными финансовыми трудностями – например, запрет на реализацию единственного ипотечного жилья при незначительном остатке долга и непродолжительной просрочке.

Ожидается, что дальнейшие шаги законодателя будут направлены на формирование целостной сбалансированной модели, в которой абсолютный исполнительский иммунитет сохраняется лишь для минимально необходимого жилья, а для дорогостоящей недвижимости предусмотрены гибкие механизмы, сочетающие защиту должника (через предоставление замещающего жилья или заключение отдельного мирового соглашения) и интересы кредиторов. Неразрешёнными, однако, остаются вопросы практической реализации механизма предоставления замещающего жилья и риски социальной незащищённости наименее обеспеченных категорий граждан-должников.

Заключение

Проведённый анализ позволяет проследить отчётливую траекторию эволюции института исполнительского иммунитета в российском праве. Драйвером этой эволюции неизменно выступал Конституционный Суд РФ, который не только указал на неконституционность абсолютного запрета на обращение взыскания на единственное жильё (Постановление № 15-П), но и сформулировал временные правила защиты денежных средств, оставшихся от продажи ипотечного жилья (Постановление № 28-П).

Принципиально важным этапом стал 2024 год, когда российское законодательство начало переход от точечных судебных позиций к системному нормативному регулированию. Важнейшим элементом этого регулирования стало появление статьи 213.10–1 Закона о банкротстве, предоставившей гражданам и банкам инструмент отдельного мирового соглашения как цивилизованной альтернативы принудительной реализации единственного жилья. Этот механизм, позволяющий должнику сохранить жильё при условии добросовестного продолжения платежей, в наибольшей степени отвечает идее поиска баланса интересов, предложенной Конституционным Судом.

Дальнейшее развитие законодательства в данной сфере должно быть направлено на восполнение сохраняющихся пробелов – прежде всего в части нормативного закрепления критериев «избыточности» жилья, процедуры предоставления замещающего жилья и защиты наиболее уязвимых категорий должников. Представляется, что оптимальной моделью станет та, в которой обращение взыскания на единственное жильё будет допустимо лишь как крайняя мера, применяемая при явной несоразмерности характеристик жилого помещения разумной потребности гражданина в жилище и при безусловном соблюдении гарантий его жилищных прав.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

5. Федеральный закон от 08.08.2024 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4914.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П по делу о проверке конституционности абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ГПК РФ и Закона об ипотеке // Собрание законодательства РФ. 2024. № 24. Ст. 3581.

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF EXECUTIVE IMMUNITY FOR THE SOLE HABITATION IN BANKRUPTCY CASES OF INDIVIDUALS: FINDING A BALANCE BETWEEN THE INTERESTS OF THE DEBTOR AND CREDITORS

Litova E.A., Sitdikova L.B.

Academy of Labor and Social Relations

The article analyzes the evolution of the institute of executive immunity for the sole residential premises suitable for permanent residence in insolvency (bankruptcy) cases of individuals. The author consistently examines the key stages of transformation of legal regulation: from the absolute prohibition of foreclosure enshrined in Article 446 of the Code of Civil

Procedure, through the formation of constitutional criteria for the admissibility of selling sole housing in Ruling № 15-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 26, 2021, to their legislative concretization in Federal Law № 53-FZ dated March 27, 2026, and prospective draft laws. Special attention is paid to the problem of mortgage housing as a special case requiring independent legal regulation. The author substantiates the conclusion that the Russian legal order is consistently moving from a model of absolute immunity to a balanced model allowing foreclosure subject to guarantees of the citizen-debtor's housing rights. Persistent problems hindering the effective implementation of the new mechanism in practice are identified.

Keywords: executive immunity, sole housing, citizen bankruptcy, bankruptcy estate, balance of interests, Constitutional Court of the Russian Federation, mortgage, substitute housing.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 № 138-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

3. Federal Law № 102-FZ dated 16.07.1998 «On Mortgage (Real Estate Pledge)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 29. Art. 3400.

4. Federal Law № 127-FZ dated October 26, 2002 «On Insolvency (Bankruptcy)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.

5. Federal Law № 298-FZ dated 08.08.2024 «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)»» // Collection legislation of the Russian Federation. 2024. № 33 (Part I). Art. 4914.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/14/2012 № 11-P in the case of checking the constitutionality of the provision of the second paragraph of the first part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2012. № 4.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 15-P dated April 26, 2021, on the case of checking the constitutionality of the second paragraph of Part 1 of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the complaint of citizen I.I. Revkov // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 19. Art. 3290.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 28-P dated June 4, 2024, on the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Law on Mortgage // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 24. Art. 3581.

Охраняемый законом интерес кредитора в управлении корпорацией-должником: пределы обеспечительного контроля и фидуциарная ответственность

Мирошниченко Константин Викторович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений; адвокат Адвокатской палаты г. Москвы

E-mail: k.miroshnichenko@km-law.ru

Статья посвящена исследованию содержания категории «охраняемый законом интерес» кредитора, упомянутой в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, но не раскрытой законодателем. На основе цивилистической теории интереса (В.П. Грибанов, С.Н. Братусь, Е.П. Губин), экономического анализа права (А.Г. Карапетов, Д.И. Степанов), контрактной теории фирмы и позиций Верховного Суда РФ предложены критерии квалификации интереса кредитора как охраняемого законом. Обосновано, что при наличии такого интереса допустим обеспечительный контроль кредитора над корпоративным поведением участников общества-должника. Вместе с тем установлено, что обеспечительный контроль имеет пределы, определяемые его целевым назначением. Выход за пределы обеспечительной цели трансформирует контроль из обеспечительного в корпоративный (бенефициарный), что влечёт квалификацию кредитора как лица, фактически определяющего действия юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), возникновение у него фидуциарных обязанностей, ответственность за причинённые обществу убытки и субординацию требований в банкротстве корпорации-должника.

Ключевые слова: квазикорпоративный договор, охраняемый законом интерес, обеспечительный контроль, фидуциарная ответственность, корпоративное управление, субординация требований, п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что крупные кредиторы объективно нуждаются в инструментах превентивного воздействия на корпоративное поведение участников общества-должника [1]. Вместе с тем в доктрине сохраняется дискуссия не только о допустимости подобного контроля, но и о его пределах [2, с. 18]. Обращаясь к гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно п. 9 статьи 67.2 [3] допускает заключение договора между участниками хозяйственного общества и третьими лицами, обязывающего участников осуществлять свои корпоративные права определённым образом в целях обеспечения «охраняемого законом интереса» таких третьих лиц. Данная формулировка является единственным материально-правовым условием допустимости квазикорпоративного договора. При этом законодатель не раскрывает содержание категории «охраняемый законом интерес», упомянутой в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, а небольшое количество судебной практики по данной норме затрудняет формирование устойчивых критериев допустимости участия третьих лиц в корпоративном договоре и обуславливает необходимость доктринального определения критериев такого интереса, допустимости обеспечительного контроля и пределов его осуществления.

Целью работы является раскрытие содержания категории охраняемого законом интереса кредитора, обоснование допустимости обеспечительного контроля как следствия существования такого интереса, а также определение пределов этого контроля и правовых последствий их нарушения.

Материалы и методы

Методологическую базу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и экономико-правовой методы. В настоящей работе используются следующие сокращения: Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ), Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ (далее – СКЭС ВС РФ). Теоретическую и практическую основу исследования составили Обзор судебной практики ВС РФ от 25.12.2019 по отдельным вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах [4], Обзор практики ВС РФ от 30.07.2025 по применению ст. 53.1 ГК РФ [5], Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» [6], а также определение СКЭС ВС РФ от 11.06.2020 по делу № А65–3053/2019 [7].

Результаты и обсуждение

Проблема определения понятия «интерес» принадлежит к числу классических в отечественной цивилистике. Следует отметить, что сложились две полярные позиции. О.С. Иоффе, представитель московской цивилистической школы, рассматривал интерес как элемент содержания субъективного права [8]. Напротив, С.Н. Братусь аргументировал, что интерес является целью, а не содержанием субъективного права [9]. Наиболее обоснованную позицию сформулировал В.П. Грибанов, определивший интерес как отражённую потребность, прошедшую через сознание людей и принявшую форму сознательного побуждения [10]. Е.П. Губин в развитие данной позиции обосновал объективно-субъективную природу интереса [11]. Д.В. Ломакин квалифицировал интерес как предпосылку возникновения корпоративных правоотношений [12]. Вместе с тем цивилистическая теория интереса сама по себе недостаточна для обоснования допустимости вмешательства кредитора в корпоративные отношения. Необходимо привлечение методологии экономического анализа права. А.Г. Карапетов обосновывает, что содержание правовой нормы подлежит оценке не только с позиции формальной догматики, но и через призму экономической эффективности [13]. Д.И. Степанов, применяя данную методологию непосредственно к корпоративным отношениям, обосновывает, что при оценке допусти-

мости корпоративных конструкций необходимо исходить из модели рационального участника, максимизирующего собственную полезность [14]. Наряду с этим контрактная теория фирмы, разработанная F.H. Easterbrook и D.R. Fischel, рассматривает корпорацию как совокупность договорных взаимоотношений «*nexus of contracts*», что обосновывает возможность договорного вовлечения внешних субъектов в корпоративное управление [15]. Н. Kanda убедительно показал, что конфликт интересов кредиторов и акционеров является глубинной проблемой корпоративного права [16]. На основе синтеза указанных подходов представляется возможным предложить пять критериев квалификации интереса кредитора как охраняемого законом. Они систематизированы в таблице 1.

Таблица 1. Критерии квалификации охраняемого законом интереса кредитора

Критерий	Содержание	Обоснование
Существенный экономический риск	Потенциальные потери кредитора сопоставимы с риском участников или превышают его	Н. Kanda (1992), J.A. Pearce (2011) о zone of insolvency
Зависимость возврата от корпоративного поведения	Возврат финансирования определяется не только платёжеспособностью, но и решениями участников	Д. Р. Арнаутов (2023) о fire sale, golden parachute
Недостаточность традиционных механизмов	Уставный капитал, залог, ковенанты не обеспечивают превентивной защиты	Е. А. Суханов (2012), Ф.В. Галушкин (2023), Р.С. Бевзенко (2018)
Необходимость превентивного воздействия	Предотвращение кризиса эффективнее борьбы с его последствиями	S. C. Gilson, M.R. Vetsuypens (1994), D. Ferreira (2018)
Допустимость с позиции автономии воли	Рациональный участник добровольно предоставит контроль при превышении выгод от финансирования	А. Г. Карапетов (2016), Д.И. Степанов (2016)

Источник: составлено автором на основе [1], [13], [14], [16].

Предложенные критерии не сводятся к признанию любого имущественного интереса кредитора достаточным для участия в корпоративном договоре. Их значение состоит в том, что они позволяют отделить обычный коммерческий интерес кредитора от квалифицированного интереса, нуждающегося в корпоративно-правовой защите. Именно такой подход согласуется с логикой Постановления Пленума ВС РФ № 41, в котором разграничиваются обеспечительный интерес кредитора и бенефициарный интерес лица, фактически контролирующего должника.

Показательно, что данные критерии находят подтверждение в позициях Верховного Суда РФ. Определение СКЭС ВС РФ от 11.06.2020 по делу № А65–3053/2019 подтвердило широкую диспозитивность регулирования непубличных обществ и допустимость существенных ограничений корпоративных прав участников при условии соблюдения баланса интересов и существа корпоративного регулирования [7]. Обзор судебной практики ВС РФ от 25.12.2019 систематизировал допустимые условия корпоративных договоров, подтвердив возможность установления обязательств по осуществлению корпоративных прав [4]. А.Г. Карапетов и А.И. Савельев в свою очередь аргументируют, что существование любой императивной нормы в сфере договорного права нуждается в убедительном политико-правовом обосновании [17].

Для полноценного обоснования третьего критерия необходимо установить, что каждый из традиционных инструментов обладает принципиальными ограничениями. Е.А. Суханов связывал гарантийную функцию уставного капитала с концепцией «минимального размера», призванного формировать «порог серьезности» [18]. Между тем минимальный размер уставного капитала общества с ограниченной ответственностью (10 000 рублей) не способен выполнять данную функцию. Ф.В. Галушкин обоснованно указывает, что стоимость заложенных долей значительно снижается при ухудшении финансового состояния должника [19]. Р.С. Бевзенко обосновывает, что вещное обеспечение не предоставляет кредитору влияния на принятие корпоративных решений [20]. Ковенанты в кредитных договорах направлены на финансово-хозяйственную деятельность должника, а не на осуществление корпоративных прав участников [21]. Сравнительный анализ традиционных механизмов систематизирован в таблице 2.

Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что корпоративные права функционировать как инструмент предупредительной защиты, тогда как залог предоставляет гарантии взыскания лишь после наступления неплатежеспособности. S. C. Gilson и M. R. Vetsuypens продемонстрировали, что механизмы контроля со стороны кредиторов позволяют минимизировать агентские издержки [22]. При наличии охраняемого законом интереса, квалифицированного по указанным критериям, кредитор вправе осуществлять обеспечительный контроль над корпоративным поведением участников общества-должника. Данная конструкция получила прямое подтверждение в п. 21 Постановления Пленума ВС РФ № 41, где указано, что кредитор может получить полномочия контролировать деятельность должника посредством корпоративного договора, залога акций или долей с правом голоса, согласования отдельных управленческих решений и иных механизмов, если такие полномочия обусловлены исключительно обеспечением возврата финансирования и платы за пользование им. Следует отметить, что обеспечительный контроль принципиально отличается от корпоративного (бенефициарного) контроля по своему целевому назначению.

Таблица 2. Традиционные обеспечительные механизмы и квазикорпоративный договор

Таблица 2. Традиционные обеспечительные механизмы и квазикорпоративный договор

Механизм	Объект воздействия	Характер защиты	Принципиальное ограничение
Уставный капитал	Имущественная база общества	Превентивный (формальный)	10 000 руб. не выполняет гарантийной функции
Залог долей	Имущественное право участника	Реактивный	Стоимость снижается при ухудшении состояния
Ковенанты	Хозяйственная деятельность должника	Превентивный (ограничительный)	Не регулируют корпоративные права участников
Квазикорпоративный договор	Корпоративные права участников	Превентивный (управленческий)	Требует охраняемого законом интереса

Источник: составлено автором на основе [19], [20], [21].

Обеспечительный контроль направлен исключительно на сохранение стоимости бизнеса и предотвращение действий, способных привести к невозможности исполнения обязательств перед кредитором. Его содержание ограничено правом вето на определённые решения (крупные сделки, реорганизация, распределение прибыли), правом согласования кандидатуры исполнительного органа и правом получения информации о деятельности общества. Обеспечительный контроль не предполагает извлечения выгоды из управления обществом и прекращается при исполнении обеспечиваемого обязательства. Напротив, корпоративный (бенефициарный) контроль предполагает управление обществом в собственных экономических интересах контролирующего лица, независимо от интересов общества и иных его участников. Примечательно, что граница между обеспечительным и бенефициарным контролем не является статичной. Обеспечительный контроль может трансформироваться в бенефициарный при выходе кредитора за пределы обеспечительной цели. Верховный Суд РФ связывает такую трансформацию с ситуацией, когда степень контроля фактически приводит к замещению контролирующих лиц должника и возникновению у кредитора возможности извлекать прибыль из предпринимательской деятельности должника. Тем самым критерием разграничения выступает не сам факт согласовательных полномочий кредитора, а изменение их функции: от обеспечения возврата финансирования к извлечению самостоятельной корпоративной выгоды. Критерии разграничения двух типов контроля систематизированы в таблице 3.

Таблица 3. Разграничение обеспечительного и корпоративного (бенефициарного) контроля

Критерий	Обеспечительный контроль	Корпоративный (бенефициарный) контроль
Целевое назначение	Сохранение стоимости бизнеса, обеспечение возврата финансирования	Управление обществом в собственных экономических интересах
Содержание	Право вето, согласование, информирование	Определение стратегии, назначение органов, распределение прибыли
Временной характер	Ограничен сроком обеспечиваемого обязательства	Бессрочный или определяемый волей контролирующего лица
Извлечение выгоды	Отсутствует (направлен на предотвращение убытков)	Присутствует (направлен на получение прибыли)
Правовой статус кредитора	Третье лицо с обеспечительным интересом	Лицо, фактически определяющее действия юридического лица

Источник: составлено автором на основе [1], [5], [23].

Особое внимание следует обратить на вклад научной школы Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина в разработку проблематики фидуциарных обязанностей. Е.В. Костин, квалифицируя правоотношения участников непубличной корпорации как товарищеское соглашение, выделяет «фидуциарный элемент» в отношениях между участниками [24]. В рамках обеспечительного контроля кредитор не приобретает статуса участника товарищеского соглашения. Однако при трансформации контроля в бенефициарный он фактически замещает участника в процессе формирования корпоративной воли.

Принципиальное значение для установления правовых последствий выхода кредитора за пределы обеспечительного контроля имеет п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Следует подчеркнуть, что данная норма адресована не только единоличным органам управления и членам коллегиальных органов управления, но любому лицу, имеющему «фактическую возможность определять действия юридического лица». Кредитор, вышедший за пределы обеспечительного контроля, и начавший управлять обществом в собственных интересах, может быть квалифицирован как лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица. Такой вывод согласуется с п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 53, согласно которому для признания лица контролирующим значение имеет фактическая возможность давать должнику обязательные указания или иным образом определять его действия, а также степень вовлечённости такого лица в принятие существенных деловых решений. И.С. Чупрунов обосновывает расширительное толкование п. 3 ст. 53.1, охватывающее любых лиц, способных оказывать определяющее влияние на действия юридического лица [23]. А.Д. Крицкий развивает эту позицию, показывая, что нарушение фидуциарных обязанностей может служить основанием для оспаривания решений общего собрания [25].

Обзор практики ВС РФ от 30.07.2025 по применению ст. 53.1 ГК РФ подтвердил, что фидуциарные обязанности распространяются на лиц с фактическим контролем независимо от их формального статуса [5]. Данная позиция позволяет выстроить систему правовых последствий трансформации обеспечительного контроля в бенефициарный. При этом ответственность кредитора не должна рассматриваться как автоматическое последствие любого влияния на корпоративное поведение участников. По смыслу Постановления Пленума ВАС РФ № 62 негативные последствия для юридического лица сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности или неразумности поведения лица, определявшего его действия; значение имеет выход за пределы обычного делового риска, конфликт интересов либо совершение действий в ущерб юридическому лицу. Стоит обратить внимание на то, что последствия такой трансформации являются каскадными. Первое состоит в квалификации кредитора как лица, фактически определяющего действия юридического лица. Второе заключается в возникновении обязанности действовать разумно и добросовестно в интересах общества (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Третье определяется ответственностью за убытки, причинённые обществу в результате недобросовестного или неразумного осуществления контроля. Четвёртое связано с риском субординации требований кредитора в случае банкротства корпорации-должника.

Важно разграничивать эти последствия. Возмещение убытков по ст. 53.1 ГК РФ связано с причинением вреда обществу вследствие недобросовестного или неразумного контроля, тогда как банкротные последствия зависят от характера влияния кредитора на имущественное положение должника и очередность удовлетворения его требований. Существенное значение имеет именно последнее из перечисленных последствий. Если кредитор, злоупотребивший контрольными правами, довёл общество до банкротства или содействовал ухудшению его финансового положения, его требования могут быть субординированы по отношению к требованиям иных кредиторов на основании ст. 10 ГК РФ и положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [26]. Данный механизм создаёт мощный стимул для кредитора оставаться в рамках обеспечительного контроля. Каскадные последствия трансформации контроля систематизированы в таблице 4.

Таблица 4. Правовые последствия трансформации обеспечительного контроля в бенефициарный

Последствие	Правовое основание	Практическое значение
Квалификация как контролирующего лица	П. 3 ст. 53.1 ГК РФ; Постановление Пленума ВС РФ № 53; Постановление Пленума ВС РФ № 41	Распространение фидуциарных обязанностей на кредитора
Возникновение фидуциарных обязанностей	П. 3 ст. 53.1 ГК РФ, Обзор ВС РФ от 30.07.2025; Постановление Пленума ВАС РФ № 62	Обязанность действовать разумно и добросовестно

Последствие	Правовое основание	Практическое значение
Возмещение убытков	Ст. 53.1 ГК РФ; Постановление Пленума ВАС РФ № 62; Постановление Пленума ВС РФ № 53	Ответственность за вред, причинённый недобросовестным контролем
Субординация требований	Ст. 10 ГК РФ, ФЗ о банкротстве; Постановление Пленума ВС РФ № 41	Понижение очерёдности при распределении конкурсной массы

Источник: составлено автором на основе [5], [23], [25].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сама по себе возможность наступления указанных последствий выполняет функцию встроенного институционального ограничителя. Рациональный кредитор, осознавая риски субординации и ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей, будет стремиться оставаться в границах обеспечительного контроля. Тем самым система правовых последствий обеспечивает баланс между интересами кредитора, участников общества и самой корпорации. О.И. Гентовт, опираясь на традицию московской цивилистической школы, обосновывает, что ограничение корпоративных прав одних участников в интересах других (а равно в интересах кредиторов) является допустимым при соблюдении принципа пропорциональности [27]. Именно целевой характер обеспечительного контроля и наличие каскадных последствий его превышения обеспечивают соблюдение данного принципа.

Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить следующие выводы.

Категория «охраняемый законом интерес» кредитора (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ) подлежит квалификации на основе пяти критериев, включающих существенный экономический риск, зависимость возврата финансирования от корпоративного поведения участников, недостаточность традиционных обеспечительных механизмов, необходимость превентивного воздействия и допустимость с позиции автономии воли. При наличии такого интереса допустим обеспечительный контроль кредитора, направленный на сохранение стоимости бизнеса и предотвращение действий, способных привести к невозможности исполнения обязательств перед кредитором. Вместе с тем обеспечительный контроль имеет пределы, определяемые его целевым назначением. Выход за пределы обеспечительной цели и использование такого контроля для извлечения самостоятельной корпоративной выгоды трансформирует обеспечительный контроль из обеспечительного в корпоративный (бенефициарный), вследствие чего кредитор может быть квалифицирован как контролирующее лицо (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ) с возложением на него фидуциарных обязанностей, обязанности возместить причинённые обществу убытки, а в банкротстве – с риском понижения очередности удовлетворения его требований. Тем самым система гражданско-правовых и банкротных последствий выполняет функцию институционального ограничителя, обеспечивающего баланс интересов кредитора, участников общества и самой корпорации.

Литература

1. Арнаут, Д.Р. Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником / Д.Р. Арнаут // Вестник экономического правосудия. – 2023. – № 7. – С. 81–120.

2. Андреев, В.К. Корпоративное право современной России / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) / КонсультантПлюс: сайт. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mpf110h9yd107049180 (дата обращения: 20.05.2026).

4. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 5.

5. Обзор практики применения арбитражными судами ст. 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г.) // СПС «Гарант».

6. Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19–24912 по делу № А65–3053/2019 // СПС «Гарант».

8. Иоффе, О.С. Избранные труды: в 4 т. / О.С. Иоффе. – Т. II. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

9. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1950. – 368 с.
10. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
11. Губин, Е.П. Обеспечение интересов в гражданско-правовых обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук / Губин Евгений Парфирович. – М., 1980. – 211 с.
12. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория / Д.В. Ломакин. – М.: Статут, 2008. – 510 с.
13. Карапетов, А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2016. – 528 с.
14. Степанов, Д.И. Экономический анализ корпоративного права / Д.И. Степанов // Вестник экономического правосудия. – 2016. – № 9. – С. 104–159.
15. Easterbrook, F.H. The Economic Structure of Corporate Law / F.H. Easterbrook, D.R. Fischel. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 370 p.
16. Kanda, H. Debtholders and Equityholders / H. Kanda // Journal of Legal Studies. – 1992. – Vol. 21. – No. 2. – P. 435–442.
17. Карапетов, А.Г. Свобода договора и её пределы: в 2 т. / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – Т. 2. – 453 с.
18. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
19. Галушкин, Ф.В. Залог «корпоративных прав»: на пути к сбалансированному регулированию / Ф.В. Галушкин // Вестник гражданского права. – 2023. – № 3. – С. 122.
20. Бевзенко, Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2018. – № 1. – С. 11.
21. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 ГК РФ / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М., 2019.
22. Gilson, S.C. Creditor Control in Financially Distressed Firms / S.C. Gilson, M.R. Vetsuypens // Washington University Law Quarterly. – 1994. – Vol. 72. – Iss. 3. – P. 1009.
23. Чупрунов, И.С. Ответственность директора перед юридическим лицом / И.С. Чупрунов. – М.: Статут, 2024. – 368 с.
24. Костин, Е.В. Способы защиты корпоративных прав в спорах между участниками непубличных хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук / Костин Егор Викторович. – М., 2025. – 178 с.
25. Крицкий, А.Д. Нарушение фидуциарных обязанностей как основание признания недействительным решения общего собрания / А.Д. Крицкий // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 7 (286). – С. 93–99.
26. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
27. Гентовт, О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук / Гентовт Ольга Игоревна. – М., 2021. – 263 с.
28. Ferreira, D. Creditor Control Rights and Board Independence / D. Ferreira, M.A. Ferreira, B. Mariano // The Journal of Finance. – 2018. – Vol. LXXIII. – No. 5. – P. 2386–2387.
29. Pearce, J.A. The Duties of Directors and Officers Within the Fuzzy Zone of Insolvency / J.A. Pearce, I.A. Lipin // American Bankruptcy Institute Law Review. – 2011. – Vol. 19. – No. 2. – P. 362.

THE CREDITOR'S LEGALLY PROTECTED INTEREST IN CORPORATE GOVERNANCE OF A DEBTOR CORPORATION: LIMITS OF SECURITY-DRIVEN CONTROL AND FIDUCIARY LIABILITY

Miroshnichenko K.V.

Academy of Labour and Social Relations, Moscow Bar Association

This article examines the substance of the category of «legally protected interest» of a creditor, referenced in Article 67.2(9) of the Civil Code of the Russian Federation but left undefined by the legislator. Drawing on the civilistic theory of interest (V.P. Gribanov, S.N. Bratus, E.P. Gubin), the economic analysis of law (A.G. Karapetov, D.I. Stepanov), the contractual theory of the firm, and the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, the author proposes criteria for qualifying a creditor's interest as legally protected. The article argues that, where such an interest exists, the creditor's security-driven control over the corporate conduct of the debtor company's participants is permissible. At the same time, it is established that security-driven control has limits defined by its intended purpose. Exceeding the bounds of the security purpose transforms control from security-driven into corporate (beneficiary) control, which entails the creditor's qualification as a person who de facto determines the actions of a legal entity (Article 53.1(3) of the

Civil Code of the Russian Federation), gives rise to fiduciary duties on the creditor's part, liability for losses caused to the company, and subordination of claims in the debtor corporation's insolvency proceedings.

Keywords: quasi-corporate agreement, legally protected interest, security-driven control, fiduciary liability, corporate governance, subordination of claims, Article 67.2(9) of the Civil Code of the Russian Federation, Article 53.1(3) of the Civil Code of the Russian Federation.

References

1. Arnautov, D.R. Forms of Creditor Participation in Corporate Governance of a Debtor Corporation / D.R. Arnautov // Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya. – 2023. – No. 7. – P. 81–120. (In Russ.)
2. Andreev, V.K. Corporate Law of Modern Russia / V.K. Andreev, V.A. Laptev. – Moscow: Prospekt, 2017. – 352 p. (In Russ.)
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51 (as amended on 31.07.2025) / ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mpfi10h9yd107049180 (accessed: 20.05.2026). (In Russ.)
4. Review of Judicial Practice on Certain Issues of Application of Legislation on Business Entities (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – No. 5. (In Russ.)
5. Review of Practice of Application of Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation by Arbitration Courts (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 30, 2025) // Legal Reference System «Garant». (In Russ.)
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 41 «On the Establishment of Claims of Controlling Persons and Affiliated Persons of the Debtor in Bankruptcy Proceedings» // Legal Reference System «ConsultantPlus». (In Russ.)
7. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 11, 2020 No. 306-ES19-24912 in Case No. A65-3053/2019 // Legal Reference System «Garant». (In Russ.)
8. Ioffe, O.S. Selected Works: in 4 vols. / O.S. Ioffe. – Vol. II. – St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2004. (In Russ.)
9. Bratus, S.N. Subjects of Civil Law / S.N. Bratus. – Moscow: Gosyurizdat, 1950. – 368 p. (In Russ.)
10. Gribanov, V.P. Exercise and Protection of Civil Rights / V.P. Gribanov. – Moscow: Statut, 2001. – 411 p. (In Russ.)
11. Gubin, E.P. Protection of Interests in Civil Law Obligations: PhD Thesis in Law / Gubin Evgeny Parfirovich. – Moscow, 1980. – 211 p. (In Russ.)
12. Lomakin, D.V. Corporate Legal Relations: General Theory / D.V. Lomakin. – Moscow: Statut, 2008. – 510 p. (In Russ.)
13. Karapetov, A.G. Economic Analysis of Law / A.G. Karapetov. – Moscow: Statut, 2016. – 528 p. (In Russ.)
14. Stepanov, D.I. Economic Analysis of Corporate Law / D.I. Stepanov // Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya. – 2016. – No. 9. – P. 104–159. (In Russ.)
15. Easterbrook, F.H. The Economic Structure of Corporate Law / F.H. Easterbrook, D.R. Fischel. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 370 p.
16. Kanda, H. Debtholders and Equityholders / H. Kanda // Journal of Legal Studies. – 1992. – Vol. 21. – No. 2. – P. 435–442.
17. Karapetov, A.G. Freedom of Contract and Its Limits: in 2 vols. / A.G. Karapetov, A.I. Saveliev. – Moscow: Statut, 2012. – Vol. 2. – 453 p. (In Russ.)
18. Sukhanov, E.A. Comparative Corporate Law / E.A. Sukhanov. – Moscow: Statut, 2014. – 456 p. (In Russ.)
19. Galushkin, F.V. Pledge of «Corporate Rights»: Towards a Balanced Regulation / F.V. Galushkin // Vestnik Grazhdanskogo Prava. – 2023. – No. 3. – P. 122. (In Russ.)
20. Bevzenko, R.S. Proprietary Security as a Mechanism of Control and Management of Debtor's Assets / R.S. Bevzenko // Vestnik Grazhdanskogo Prava. – 2018. – No. 1. – P. 11. (In Russ.)
21. Loan, Credit, Factoring, Deposit and Account: Article-by-Article Commentary on Articles 807–860.15 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A.G. Karapetov. – Moscow, 2019. (In Russ.)
22. Gilson, S.C. Creditor Control in Financially Distressed Firms / S.C. Gilson, M.R. Vetsuypens // Washington University Law Quarterly. – 1994. – Vol. 72. – Iss. 3. – P. 1009.
23. Chuprunov, I.S. Liability of a Director to a Legal Entity / I.S. Chuprunov. – Moscow: Statut, 2024. – 368 p. (In Russ.)
24. Kostin, E.V. Methods of Protection of Corporate Rights in Disputes Between Participants of Non-Public Business Entities: PhD Thesis in Law / Kostin Egor Viktorovich. – Moscow, 2025. – 178 p. (In Russ.)
25. Kritskiy, A.D. Breach of Fiduciary Duties as a Ground for Invalidation of General Meeting Resolutions / A.D. Kritskiy // Imushchestvennyye Otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. – 2025. – No. 7 (286). – P. 93–99. (In Russ.)
26. Federal Law of 26.10.2002 № 127 «On Insolvency (Bankruptcy)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190. (In Russ.)
27. Gentovt, O.I. Restriction of Corporate Rights as a Means of Protecting the Interests of Participants of Business Entities: PhD Thesis in Law / Gentovt Olga Igorevna. – Moscow, 2021. – 263 p. (In Russ.)
28. Ferreira, D. Creditor Control Rights and Board Independence / D. Ferreira, M.A. Ferreira, B. Mariano // The Journal of Finance. – 2018. – Vol. LXXIII. – No. 5. – P. 2386–2387.
29. Pearce, J.A. The Duties of Directors and Officers Within the Fuzzy Zone of Insolvency / J.A. Pearce, I.A. Lipin // American Bankruptcy Institute Law Review. – 2011. – Vol. 19. – No. 2. – P. 362.

Значение признака дискретности в определении правовой природы цифрового рубля как объекта гражданских прав

Михайлов Иван Николаевич,

аспирант юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: subaruwrx98@gmail.com

Статья посвящена теоретико-правовому анализу дискретности как фундаментального свойства цифрового рубля, обуславливающего его специфику в качестве объекта гражданских прав. В рамках цивилистического дискурса автор обосновывает, что технологическая обособленность цифрового кода (токена) трансформирует правовое восприятие денег: от родовой идентичности, характерной для безналичных расчетов, к цифровой индивидуализации. Проводится критический разбор влияния признака дискретности на правовую природу цифрового рубля: доказываемся, что наличие уникального идентификатора каждой денежной единицы позволяет применять к цифровым рублям правовые конструкции, близкие к институту виндикации и праву собственности в его классическом понимании. Автор аргументирует, что дискретность выступает технико-юридической предпосылкой для признания цифрового рубля особым видом индивидуально-определенного имущества. В результате исследования сделан вывод, что учет фактора дискретности необходим для корректного формирования системы защиты гражданских прав участников платформы цифрового рубля, а также для разграничения обязательственной природы безналичных денег и имущественной природы цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, дискретность, объекты гражданских прав, правовая природа денег, цифровая валюта центрального банка, индивидуализация имущества, цифровой код, гражданско-правовой режим.

Официальное введение в правовое поле Российской Федерации третьей формы национальной валюты актуализировало фундаментальную теоретическую проблему соотношения публично-правовых и частноправовых начал. Модернизация гражданского оборота под влиянием сквозных цифровых технологий неизбежно влечет за собой необходимость переосмысления устоявшихся институтов цивилистической науки, веками базировавшихся на материальных носителях или классических обязательственных конструкциях.

Законодательное отнесение новой формы национальной валюты к категории безналичных денежных средств в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] порождает глубокие доктринальные противоречия, требующие детального научного анализа. Паллиативный подход законодателя, попытавшегося встроить принципиально новый технологический феномен в уже существующую систему объектов гражданских прав без изменения ее архитектоники, игнорирует существенные характеристики исследуемого явления. В результате правоприменительная практика рискует столкнуться с неразрешимыми коллизиями, когда к объекту, обладающему уникальной цифровой спецификой, будут применяться нормы, рассчитанные на совершенно иную юридическую природу обязательственных требований.

Традиционные безналичные денежные средства по своей цивилистической сути представляют собой права требования к коммерческим банкам и характеризуются системной непрерывностью, а также родовым смешением, иными словами, являются родовыми вещами, следовательно, лишены индивидуализации и существуют исключительно в рамках обязательственных правоотношений [2].

В противоположность этому, цифровой рубль, функционирующий на специализированной технологической платформе Банка России, обладает имманентным признаком выраженной технологической и юридической дискретности. В доктрине частного права возник концептуальный разрыв между легальной формой цифрового рубля, искусственно квалифицируемой как обязательственное право требования, и его фактическим гражданско-правовым режимом. Данный режим обусловлен наличием уникального цифрового кода у каждой конкретной денежной единицы, что методологически сближает его с абсолютными правами на индивидуально-определенные объекты, а не с относительными правами требования.

Понимание теоретического и практического значения признака дискретности позволяет более объективно проанализировать сущность правовой природы цифрового рубля как объекта гражданских прав и корректно определить его место в системе объектов гражданских прав. Настоящее исследование направлено на доктринальное обоснование влияния признака дискретности на гражданско-правовую квалификацию цифрового рубля как самостоятельного объекта гражданских прав, обладающего уникальным набором юридических характеристик.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить комплекс взаимосвязанных теоретических задач. Прежде всего, требуется исследовать эволюцию денег как объектов гражданских прав, проследив их путь от классических вещей до абстрактных записей на счетах, чтобы выявить закономерности изменения их правового режима.

Далее необходимо осуществить детальный анализ самого понятия дискретности, адаптировав эту междисциплинарную категорию к методологическому аппарату частноправовой науки. Особое место в исследовании занимает деконструкция обязательственной концепции цифрового рубля, которая доминирует в текущем нормативном регулировании, но не выдерживает критики с позиций классической теории обязательств.

Кроме того, цивилистический анализ требует проведения четкого разделения между цифровым рублем, безналичной денежной массой и бездокументарными ценными бумагами, а также иными новыми институтами, такими как цифровые права.

Так, в теории гражданского права категория «дискретность» означает свойство юридической и технологической обособленности объекта, полностью исключаяющее его неразрывное смешение с иными однородными объектами в рамках одной системы [3].

До развития современных информационных систем в цивилистической доктрине дискретность признавалась атрибутом исключительно материального мира, то есть вещей, обладающих физическими границами, пространственной обособленностью и доступных для непосредственного чувственного восприятия. Именно физическая дискретность материального объекта позволяла субъекту устанавливать над вещью фактическое господство, которое затем трансформировалось в правопорядком в абсолютное вещное, в том числе право собственности.

Напротив, нематериальные объекты, включая обязательственные права требования и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, традиционно рассматривались как непрерывные или идеальные сущности. Невозможно было представить пространственное или физическое обособление части права требования вне контекста самого обязательственного правоотношения, связывающего конкретного кредитора и конкретного должника [4].

Развитие систем централизованных цифровых валют центральных банков коренным образом изменило эту классическую парадигму, сформировав уникальное явление цифровой дискретности нематериального имущества. Каждая единица цифрового рубля представляет собой строго изолированный, уникальный цифровой код, генерируемый и верифицируемый Банком России как оператором платформы. Это означает, что в виртуальном пространстве информационной системы нематериальный объект приобретает определенные, математически заданные границы, выполняющие ту же юридическую функцию, что и физические контуры движимой вещи в материальном мире.

Цифровая дискретность не является искусственной юридической фикцией, созданной законодателем для удобства регулирования, она представляет собой объективную технологическую реальность, которую правопорядок обязан надлежащим образом квалифицировать. Цивилистическое содержание дискретности цифрового рубля носит комплексный характер и включает в себя несколько обязательных, неразрывно связанных между собой элементов, определяющих правовой режим цифрового рубля.

Первым фундаментальным элементом выступает информационная обособленность, выражающаяся в технологической невозможности эквивалентного смешения единиц цифровых объектов, в частности, когда наличные деньги помещаются в банковское хранилище или безналичные средства поступают на корреспондентский счет, происходит их полное смешение, приводящее к утрате индивидуальности и превращению в абстрактную родовую массу. Цифровой рубль в силу своей архитектуры технически невозможно смешать с другими цифровыми рублями, так как каждый токен цифрового рубля сохраняет свой неизменный буквенно-цифровой или криптографический идентификатор на протяжении всего цикла своего существования.

Вторым элементом является партикулярная обособленность в обороте, при которой любое движение цифрового рубля представляет собой переход конкретных, строго определенных цифровых кодов от одного субъекта к другому. В традиционных безналичных расчетах перечисление средств означает лишь математическое изменение остатка на счете, то есть списание абстрактных счетных единиц у одного лица и зачисление их другому. В рамках платформы цифрового рубля транзакция тождественна передаче обособленного блага, что кардинально меняет динамику гражданского оборота.

Третьим элементом дискретности является непрерывная прослеживаемость движения объекта, означающая детальную юридическую фиксацию всей истории переходов каждого конкретного цифрового кода от момента его эмиссии Банком России до момента его возможного изъятия из оборота или погашения. Оператор платформы и, при определенных условиях, уполномоченные государственные органы получают техническую возможность восстановить полную цепочку лиц, обладавших данным конкретным цифровым рублем. Это свойство полностью нивелирует принцип неделимости денежной массы в расчетах. В этой связи с позиции цивилистики дискретность цифрового рубля должна определяться не как техническая характеристика программного обеспечения, а как технологически обусловленная обособленность нематериального блага, позволяющая индивидуализировать его в качестве самостоятельного, изолированного и независимого от личности участников правоотношений объекта гражданских прав.

Легальная модель, предложенная отечественным законодателем, рассматривает цифровой рубль через призму договора банковского счета в рамках обновленной главы 45 Гражданского кодекса Российской Федерации, позиционируя его как обязательственное право требования, но только, в случае цифрового рубля, не к коммерческому банку, а к Банку России.

Однако подробный цивилистический анализ показывает, что дискретность объекта полностью опровергает обязательно-правовую

природу этих отношений и делает невозможным применение классических догм теории обязательств. В традиционном денежном обязательстве объектом всегда выступает действие должника, направленное на удовлетворение интереса кредитора, обязательство по своей сути динамично и существует только в движении. Безналичные деньги на банковском счете отражают лишь размер долга коммерческого банка перед клиентом, банк обязуется вернуть эквивалентное количество денежных единиц по требованию, но не те же самые денежные знаки, которые были внесены.

В случае с цифровым рублем ситуация принципиально иная, поскольку обладатель счета цифрового рубля имеет непосредственное, технологически обеспеченное господство над конкретным дискретным кодом, находящимся в его распоряжении.

В этих отношениях отсутствует ключевой элемент обязательства – необходимость требовать от должника совершения активных действий для удовлетворения интереса правообладателя, поскольку Банк России в данном случае выступает оператором информационной системы, обязательства которого перед пользователем имеют иную цель, нежели обязательства коммерческого банка, происходящие из договора банковского счета [5].

Так, пользователь платформы совершает платежи, блокирует средства, передает их по наследству или совершает иные юридически значимые действия самостоятельно, путем направления команд в информационную систему, а обязанность оператора указанной системы, то есть Банка России, как сводится к техническому поддержанию работоспособности системы и автоматической верификации вносимых изменений, что носит организационно-технологический, а не частно-правовой обязательственный характер, поскольку Банк России не выступает в роли классического должника, который «должен» выплатить сумму. Отсутствие классического обязанного лица в контексте договора банковского счета, чьи действия составляли бы предмет обязательства, полностью исключает квалификацию цифрового рубля как права требования.

Не обладая физической формой, что, разумеется, исключает признание его вещью в традиционном понимании ст. 128 ГК РФ, цифровой рубль за счет признака дискретности приобретает ключевые юридические свойства индивидуально-определенной вещи. В цивилистической науке долгое время господствовало убеждение, что только материальные объекты могут быть предметом абсолютных прав, тогда как нематериальные блага всегда требуют обязательственной оболочки [6]. Цифровой рубль опровергает этот тезис, демонстрируя свойства бестелесного имущества, право на которое имеет явный абсолютный характер. Обладатель цифрового рубля наделен правомочиями, которые по своей структуре практически тождественны правомочиям владения, пользования и распоряжения вещью.

Владение выражается в эксклюзивном доступе к цифровому кошельку посредством конфиденциальных ключей, пользование – в способности использовать дискретный код как средство платежа и меру стоимости, а распоряжение – в возможности безвозвратно передать этот код другому лицу.

Таким образом, дискретность позволяет нематериальному объекту функционировать в гражданском обороте по правилам, разработанным для вещных прав, создавая феномен квазивещного права на цифровое имущество.

Исследование правовой природы дискретного цифрового рубля требует также обращения к учению о бестелесном имуществе, берущему свое начало в римском частном праве. Римские юристы разделяли вещи на телесные, которые можно осязать, и бестелесные, которые состоят в праве [7].

В современной цивилистике эта концепция трансформировалась в признание возможности существования прав на права, однако дискретный цифровой рубль делает следующий шаг в этой эволюции. Он представляет собой не право на право, а непосредственно самостоятельное цифровое благо, ценность которого заключена в самом факте его существования и признания государством в качестве законного платежного средства [8].

Дискретность устраняет необходимость в посреднике-должнике, который стоял между управомоченным лицом и благом в эпоху безналичных денег. Правообладатель взаимодействует с объектом напрямую через интерфейс информационной системы, что окончательно разрушает относительную обязательственную модель и требует признания абсолютного характера прав на данное цифровое имущество.

Для верификации места цифрового рубля в системе объектов гражданских прав необходим строгий доктринальный анализ его существенных отличий от смежных категорий, выработанных цивилистической наукой.

Законодательное приравнение цифрового рубля к безналичным денежным средствам, по нашему мнению, является методологической ошибкой, поскольку в данном случае производится игнорирование сущности цифрового рубля.

Так, безналичные денежные средства по своей юридической природе представляют собой обязательственное право требования, возникающее из договора банковского счета, они характеризуются полным родовым смешением массы денег и представляют собой непрерывную математическую величину. Безналичные деньги на счете в коммерческом банке несут в себе существенный кредитный риск, связанный с возможной неплатежеспособностью или банкротством конкретного кредитного учреждения. Владелец счета в случае отзыва лицензии у банка превращается в кредитора третьей очереди, теряя непосредственный доступ к своим средствам, за исключением сумм, покрываемых системой страхования вкладов.

Напротив, цифровой рубль представляет собой имущественное право иного, практически абсолютного характера, существование которого опосредовано наличием уникального цифрового кода у каждой единицы цифрового рубля, что полностью исключает смешение за счет индивидуального криптографического кодирования [9]. Кроме этого, цифровой рубль лишен кредитного риска коммерческого банка, поскольку его эмитентом и гарантом выступает непосредственно Банк России.

В то время как безналичные деньги обезличены и представляют собой абстрактное обязательство, цифровой рубль в силу своей дискретности сохраняет строгую идентичность в любой транзакции. Перевод безналичных денег – это сложный многоступенчатый процесс, включающий изменение балансов на счетах клиентов, корреспондентских счетах банков в расчетно-кассовых центрах и клиринговых системах, где происходит постоянный зачет взаимных требований.

Перевод цифрового рубля – это одноактное действие по перемещению конкретных, дискретных цифровых единиц с одного счета цифрового рубля на в другой в рамках единого реестра, что делает этот процесс юридически и технологически родственным передаче наличной банкноты из рук в руки.

Цифровой рубль также не может быть квалифицирован как цифровое право, несмотря на их общую технологическую основу. В соответствии с легальным определением, цифровые права представляют собой лишь цифровую форму или способ фиксации обязательственных, корпоративных или иных прав, названных в таком качестве в законе, на внешние по отношению к информационной системе объекты.

Например, цифровые финансовые активы удостоверяют право требования к эмитенту о передаче денежных средств, акций или товаров. Они являются юридической оболочкой, цифровым аналогом ценной бумаги, ценность которой производна от ценности подлежащего актива. Цифровой рубль дискретен сам по себе, он не удостоверяет право на какой-либо иной внешний объект, а сам является самостоятельным имущественным благом, обладающим внутренней ценностью в силу его легитимации государством в качестве законного платежного средства.

Дискретность цифрового рубля – это имманентное свойство самого объекта, а не просто цифровой способ фиксации прав на него, что проводит жесткую границу между ним и любыми разновидностями цифровых прав.

Действующая редакция ст. 128 ГК РФ Федерации, относящая цифровой рубль к безналичным денежным средствам и, следовательно, к категории имущественных прав, создает неразрешимые цивилистические коллизии в сфере правоприменения. Признак дискретности объекта требует принципиально иных подходов к конструированию институтов как материального, так и процессуального права.

В рамках исполнительного производства арест и обращение взыскания на имущество должника традиционно различаются в зависимости от того, является ли объект вещью или правом требования. Приостановление операций по банковскому счету блокирует всю массу средств или ее абстрактную часть, не затрагивая конкретные денежные единицы. Дискретность цифрового рубля позволяет осуществлять арест и изъятие по модели, близкой к изъятию индивидуально-определенного имущества. Правоохранительные органы могут заблокировать или принудительно списать конкретные цифровые коды, имеющие незаконное происхождение или полученные в результате преступления.

В данном случае необходимо отметить, что указанное свойство, известное как возможность целевого окрашивания или отслеживания, ставит вопрос о применении к цифровому рублю правил виндикации, характерных для вещей. Вместе с тем, в доктрине гражданского права данная тема является весьма дискуссионной.

Так, в современной цивилистике наиболее развернутое обоснование вещно-правовой теории безналичных денежных средств представлено в работах О.Д. Анциферова. Автор исходит из постулата, что средства на счете являются составным элементом материального мира, существующим в рамках замкнутой материальной системы банковских расчетов [10].

Согласно этой позиции, безналичные деньги обращаются по правилам вещей, а не обязательственных требований, что подтверждается их свойством дискретности – пространственной индивидуализацией в памяти компьютерных систем. В отличие от идеальных обязательственных прав, существующих лишь в сознании, безналичные средства локализованы в пространстве, что делает их подверженными риску физической гибели в результате технической аварии без возможности восстановления.

Однако утверждение об обращении денег внутри системы «по правилам вещей» остается дискуссионным. М.Л. Башкатов аргументированно полагает, что подобный подход продиктован склонностью экономистов воспринимать «запись на счете» как технический результат работы программ, выступающий в качестве рыночного актива и имущественного блага. Тем не менее, даже если допустить фикцию телесности безналичных денег, они не наделяют субъекта полноценной триадой правомочий собственности. Владелец лишен возможности распоряжаться ими без посредника в лице кредитной организации, что в корне противоречит классической природе вещного права [11].

Данная теоретическая полемика приобретает принципиально иное значение в контексте внедрения цифрового рубля. Как и безналичные средства в теории О.Д. Анциферова, цифровой рубль существует исключительно в пределах программной среды – платформы Банка России. Его уникальная цифровая кодировка (токен) еще сильнее акцентирует внимание на признаке дискретности и индивидуализации «цифровой вещи».

Однако правовая природа цифрового рубля фактически обнажает уязвимость вещного подхода: централизованный характер платформы делает связь владельца с его активом еще более зависимой от технологической инфраструктуры одного эмитента. В итоге, если безналичные деньги и цифровой рубль и стремятся к статусу «цифровой вещи», они остаются специфическим объектом, где классическое распоряжение вещью неотделимо от программного алгоритма и воли оператора системы.

Аналогичные трансформации происходят в вещном, залоговом и наследственном праве. В сфере наследственного преемства безналичные деньги переходят к наследникам в виде права требования к банку, которое делится между ними в соответствии с их долями в наследственной массе.

Дискретность цифрового рубля позволяет наследодателю завещать конкретные цифровые коды определенным лицам, формируя изолированные завещательные отказы без необходимости дробления общего обязательства.

Кроме этого, цифровой рубль в силу своей дискретности может выступать предметом залога как самостоятельное, изолированное цифровое имущество, где залому подвергаются конкретные цифровые коды, право распоряжения которыми временно ограничивается в информационной системе в пользу залогодержателя.

Таким образом, Проведенное исследование теоретических и практических аспектов внедрения третьей формы национальной валюты позволяет сформулировать несколько фундаментальных выводов, имеющих существенное значение для науки частного права.

Признак дискретности выступает главным квалифицирующим признаком цифрового рубля, проводящим линию между ним и традиционными безналичными денежными средствами. Дискретность, понимаемая как технологическая и юридическая изолированность каждой единицы валюты, полностью исключает применение к цифровому рублю классической обязательственной модели регулирования. Попытка законодателя квалифицировать эти отношения через призму договора счета в рамках главы 45 ГК РФ является доктринальной ошибкой, создающей искусственный разрыв между технологической сущностью объекта и его правовой формой.

Юридическая природа цифрового рубля должна определяться через категорию цифрового нематериального блага, право на которое имеет выраженный абсолютный, квазивещный характер. Это право обеспечивается прямой технологической властью правообладателя над дискретным цифровым кодом посредством закрытых ключей доступа в рамках информационной системы платформы, что исключает необходимость в фигуре классического должника для удовлетворения интересов собственника. Наличие непосредственного господства над обособленным объектом сближает правовой режим цифрового рубля

с режимом индивидуально-определенных вещей, несмотря на отсутствие у первого материальной формы.

Развитие цивилистической науки и правоприменительной практики требует пересмотра легальной концепции, закрепленной в ст. 128 ГК РФ.

Включение дискретного цифрового рубля в состав безналичных денежных средств должно быть признано паллиативным и теоретически неверным шагом. Необходима системная модернизация гражданского законодательства, направленная на обособление цифровой формы национальной валюты в качестве разновидности иного самостоятельного объекта гражданских прав – цифрового имущества.

Такое обособление позволит сформировать адекватный правовой инструментарий, учитывающий уникальные свойства дискретности, включая возможность применения вещно-правовых способов защиты, специфические механизмы ареста и взыскания в исполнительном производстве, а также новые подходы к конструированию институтов залогового, наследственного и обязательственного права в цифровой среде.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): Федеральный закон № 51-ФЗ: [принят Государственной думой 21 октября 1994 года: одобрен Советом Федерации 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – Т. 4. – 800 с.
3. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – СПб., 2002. – 544 с.
4. Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонов. – М.: 4 Print, 2020. – 304 с.
5. Турбанов, А.В. Правовая природа счета цифрового рубля / А.В. Турбанов // Банковское право. – 2024. – № 2. – С. 40–51.
6. Рожкова, М.А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав: монография. – М.: ГАУГН Пресс, 2024. – 258 с.
7. Дождев, Д.В. Римское частное право. – М.: Норма: ИНФА-М, 2016. – 784 с.
8. Петраков, Н.А. Цифровое имущество как объект гражданских прав: специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»: диссертация ... кандидата юридических наук / Петраков Никита Андреевич. – Москва, 2024. – 252 с.
9. Ефимова, Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля / Л.Г. Ефимова // Цивилист. – 2022. – № 4. – С. 6–15.
10. Анциферов, О.Д. Залог денежных средств на банковском счете. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 144 с.
11. Башкатов, М. Л. «Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства / М.Л. Башкатов //

Частное право и финансовый рынок: сб. статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. – М.: Статут, 2011. – Вып. 1. – С. 58–81.

THE IMPORTANCE OF DISCRETENESS IN DETERMINING THE LEGAL NATURE OF THE DIGITAL RUBLE AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Mikhailov I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article provides a theoretical and legal analysis of discreteness as a fundamental property of the digital ruble, determining its specificity as an object of civil rights. Within the framework of civil law discourse, the author substantiates that the technological isolation of the digital code (token) transforms the legal perception of money: from the generic identity characteristic of non-cash payments to digital individualization. A critical analysis of the influence of discreteness on the legal nature of the digital ruble is provided: it is demonstrated that the presence of a unique identifier for each monetary unit allows for the application to digital rubles of legal constructs close to the institution of vindication and property rights in its classical sense. The author argues that discreteness serves as a technical and legal prerequisite for recognizing the digital ruble as a special type of individually defined property. The study concludes that taking discreteness into account is necessary for the correct development of a system for protecting the civil rights of digital ruble platform participants, as well as for distinguishing between the obligatory nature of non-cash money and the property nature of the digital ruble.

Keywords: digital ruble, discreteness, objects of civil rights, legal nature of money, digital currency of the central bank, individualization of property, digital code, civil law regime.

References

1. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law № 51-FZ: [adopted by the State Duma on October 21, 1994: approved by the Federation Council on November 30, 1994] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Article 3301.
2. Civil Law: textbook: in 4 volumes / ed. E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Wolters Kluwer, 2008. – Vol. 4. – 800 p.
3. Lapach, V.A. The System of Objects of Civil Rights: Theory and Judicial Practice. – St. Petersburg, 2002. – 544 p.
4. Sannikova, L.V. Digital Assets: Legal Analysis / L.V. Sannikova, Yu.S. Kharitonova. – M.: 4 Print, 2020. – 304 p.
5. Turbanov, A.V. Legal Nature of the Digital Ruble Account / A.V. Turbanov // Banking Law. – 2024. – № 2. – Pp. 40–51.
6. Rozhkova, M.A. Intangible Objects and Property Rights to Them in the System of Absolute Rights: Monograph. – M.: GAUGN Press, 2024. – 258 p.
7. Dozhdev, D.V. Roman Private Law. – M.: Norma: INFA-M, 2016. – 784 p.
8. Petrakov, N.A. Digital Property as an Object of Civil Rights: specialty 5.1.3 «Private Law (Civil) Sciences»: dissertation ... candidate of legal sciences / Petrakov, Nikita Andreevich. – Moscow, 2024. – 252 p.
9. Efimova, L.G. On the Legal Nature of Non-Cash Money, Digital Currency, and the Digital Ruble / L.G. Efimova // Tsivilist. – 2022. – № 4. – P. 6–15.
10. Antsiferov, O.D. Pledge of Cash in a Bank Account. – Moscow: Wolters Kluwer, 2011. – 144 p.
11. Bashkatov, M. L. «Property» Concept of Non-Cash Money and the Reform of Civil Legislation / M.L. Bashkatov // Private Law and the Financial Market: collection of articles. articles / replies ed. M.L. Bashkatov. – M.: Statute, 2011. – Issue. 1. – Pp. 58–81.

Моисеев Александр Евгеньевич,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия»

E-mail: alexander.e.moiseev@gmail.com

Настоящая статья представляет собой аналитический обзор работы Кеннета А. Адамса «The Phrase «Represents and Warrants» Is Pointless and Confusing» (2015) – одного из наиболее цитируемых исследований в области юридической техники договоров. В статье последовательно разбираются: (1) две основные доктринальные попытки обосновать использование конструкции «represents and warrants» – «логика средств правовой защиты» (*remedies rationale*) и «логика временных рамок» (*timeframe rationale*); (2) пять аргументов Адамса, разбивающих каждую из этих логик; (3) предлагаемое автором двухчастное решение – замена на глагол «states» и прямой перенос акцента на регулирование последствий. Особое внимание уделено сравнению с российским институтом заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) и его толкованием в судебной практике.

Ключевые слова: представляет и гарантирует, *represents and warrants*, юридическая техника, заверения об обстоятельствах, статья 431.2 ГК РФ, договорное право США, *remedies rationale*, *timeframe rationale*.

Введение

В октябре 2015 года авторитетный американский специалист по юридической технике Кеннет А. Адамс опубликовал в издании «Business Law Today» (ABA Section of Business Law) статью с предельно прямым названием: «The Phrase «Represents and Warrants» Is Pointless and Confusing» [5]. Впоследствии эта работа, представляющая собой сжатое изложение более раннего академического текста в *Tennessee Journal of Business Law* [4], стала одной из наиболее цитируемых в дискуссии о языке коммерческих договоров. Адамс не предлагает новой доктрины распределения рисков или пересмотра средств правовой защиты; он задается гораздо более простым и одновременно фундаментальным вопросом: зачем участники оборота – и в особенности юристы, обслуживающие сделки M&A, – продолжают использовать конструкцию «represents and warrants» для введения в текст контракта утверждений о фактах, если она не несет никакой полезной смысловой нагрузки и лишь порождает путаницу? [5]

Цель настоящей статьи – представить российскому читателю логику Адамса, разобрать аргументы, с помощью которых он развенчивает две основные доктринальные попытки оправдать эту конструкцию, и оценить его предложение по реформированию контрактного языка. Отдельная часть работы посвящена сопоставлению американской дискуссии с российским регулированием заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) [1]. Проблема, поднятая Адамсом, имеет прямое отношение к российскому праву: отечественные суды и комментаторы также вынуждены постоянно решать, что именно имели в виду стороны, употребившие в договоре глагол «заверяет» или словосочетание «заверяет и гарантирует», и какие правовые последствия должны наступать при недостоверности соответствующих утверждений.

Контекст: как «represents and warrants» стало мантрой контрактного права США

В деловой практике Соединенных Штатов глаголы «represents», «warrants» или их комбинация «represents and warrants» используются для того, чтобы предварить утверждения стороны о фактических обстоятельствах, находящихся в сфере ее контроля или относящихся к ее деятельности [5]. Адамс намеренно выводит за скобки употребление слова «warranty» (и производного глагола) в договорах купли-продажи товаров – там этот термин имеет собственное, устоявшееся значение в рамках Единого торгового кодекса (UCC) и статьи 2–313 [10]. Его критика направлена исключительно на ту практику, которая сложилась в корпоративных, инвестиционных и особенно в сделках по слияниям и поглощениям [5].

К моменту выхода статьи использование конструкции «represents and warrants» приобрело характер профессиональной мантры. Стороны, как правило, вообще не задумываются о том, что они тем самым совершают какой-то значимый выбор. Адамс ссылается на простой статистический факт: если бы участники сделок действительно сознательно выбирали между «represents», «warrants» или «represents and warrants», исходя из их различных правовых последствий, то распределение этих вариантов в контрактах было бы гораздо менее однородным [5]. На деле же в подавляющем большинстве договоров используется именно двойная формула, причем даже в тех случаях, когда договор прямо устанавливает возмещение убытков (*indemnification*) в качестве единственного и исключительного средства правовой защиты. Если «represents and warrants» является пустым жестом в ситуации, где все равно действует договорный механизм компенсации, то, по принципу экономии гипотез, оно является пустым жестом и во всех остальных случаях [5].

Две попытки оправдать «represents and warrants» – и почему они не работают

Адамс выделяет и последовательно разбирает два основных подхода, которые использовались в американской литературе для обоснования того, что глаголы «represents» и «warrants» несут в договоре самостоятельную правовую нагрузку: «логику средств правовой защиты» (*remedies rationale*) и «логику временных рамок» (*timeframe rationale*) [5].

Логика средств правовой защиты (*remedies rationale*)

Согласно этой логике, использование глагола «represents» в контракте гарантирует, что соответствующее утверждение будет считаться пред-

ставлением (*representation*), и тогда в случае его недостоверности потерпевшая сторона сможет заявить деликтный иск о введении в заблуждение (*misrepresentation*). Использование «*warrants*», в свою очередь, гарантирует, что утверждение будет рассматриваться как договорная гарантия (*warranty*), открывая путь к иску о нарушении договора. Соответственно, двойная конструкция «*represents and warrants*» призвана обеспечить потерпевшей стороне оба средства защиты одновременно. Адамс различает два варианта этой логики – «разрешительный» (*permissive*) и «ограничительный» (*restrictive*) [5]. При разрешительном варианте «голое» утверждение о факте, не снабженное вводным глаголом, все равно может быть квалифицировано судом как представление или гарантия – в зависимости от его содержания. При ограничительном варианте, напротив, утверждение, не введенное глаголом «*represents*», не может считаться представлением, а утверждение, не введенное глаголом «*warrants*», не может считаться гарантией.

Адамс выдвигает против *remedies rationale* пять аргументов [5].

Во-первых, эта логика требует от суда прийти к нелепому выводу: предложение «Сторона заявляет, что какое-то обстоятельство имеет место» – это не представление, а предложение «Сторона *заверяет*, что какое-то обстоятельство имеет место» – это представление [5]. Семантически это абсурдно, поскольку оба предложения сообщают один и тот же факт, и решение суда в этом случае зависело бы исключительно от выбора вводного глагола, а не от существа самого утверждения.

Во-вторых, ограничительная версия *remedies rationale* порождает не менее странное следствие: если сторона не использовала ни «*represents*», ни «*warrants*», то у контрагента, получившего недостоверную информацию, вообще не будет никаких средств защиты. Такой вывод очевидно несправедлив и несовместим с базовыми принципами договорного права [5].

В-третьих, Адамс прямо заявляет, что ему не удалось обнаружить ни одного американского судебного решения, которое поддерживало бы представление о том, что употребление глагола «*represents*» автоматически, в силу самого этого слова, превращает следующее за ним утверждение в представление в смысле деликтного права, а употребление «*warrants*» – в гарантию [5]. Для ограничительной версии *remedies rationale* авторитетной судебной поддержки также не существует; напротив, имеются решения, в которых суды признавали утверждение гарантией, несмотря на то что оно вводилось глаголом «*represents*». В качестве дополнительного аргумента Адамс ссылается на прямой текст закона: статья 2–313(2) УСС прямо предусматривает, что для создания экспресс-гарантии от продавца не требуется употребления формальных слов «*warrant*» или «*guarantee*» [10].

В-четвертых, семантика *remedies rationale* противоречит стандартному английскому языку. Обычный читатель – а в идеале контракт должен быть понятен не только юристу, но и бизнес-пользователю – не воспринимает глагол «*represents*» как сигнал о доступности деликтного иска, а глагол «*warrants*» – как сигнал о договорном характере ответственности [5].

В-пятых, Адамс использует эмпирический аргумент, основанный на простейшем объяснении наблюдаемого поведения участников рынка. Если в распоряжении сторон есть три варианта, предположительно имеющих разные правовые последствия, но в подавляющем большинстве договоров они механически выбирают самый громоздкий – «*represents and warrants*», – самое простое и правдоподобное объяснение состоит в том, что они вообще не осознают себя делающими выбор [5].

Логика временных рамок (*timeframe rationale*)

Второй подход, разбираемый Адамсом, связывает выбор глагола с временной характеристикой излагаемых фактов. Наиболее авторитетно эта позиция выражена в Модельном договоре купли-продажи акций Американской ассоциации юристов (ABA Model Stock Purchase Agreement, 2-е изд., 2011) [7]: «*Representations* – это утверждения о прошлых или существующих фактах, а *warranties* – это обещания того, что существующие или будущие факты являются или будут истинными». Если принять такую посылку, то сторона, которая хочет заверить контрагента в том, что ее чистые активы составляли определенную сумму на прошлую дату, должна использовать «*represents*», а если она хочет поручиться, что эта сумма останется таковой и на будущую дату, – «*warrants*». В реальной контрактной практике, однако, эта логика практически никогда не выдерживается, и Адамс приводит против нее пять контраргументов [5].

Первый аргумент – несовместимость с правом гарантий. Логика временных рамок предполагает, что гарантия может существовать в любом договоре, тогда как право США исторически связывает институт *warranty* прежде всего с договорами купли-продажи товаров [10].

Второй аргумент – внутренняя противоречивость. В рамках одного и того же раздела контракта стороны, как правило, смешивают утверждения о прошлых, настоящих и будущих обстоятельствах, про-

должая при этом использовать единообразную конструкцию «*represents and warrants*» [5]. Если бы логика временных рамок действительно работала, такое смешение было бы невозможно.

Третий аргумент – несовместимость с использованием исключительно «*warrants*». В некоторых контрактах все утверждения о фактах вводятся глаголом «*warrants*» без «*represents*». Если бы логика временных рамок была верна, это означало бы, что стороны сознательно отказались от всех утверждений о прошлых фактах – допущение, которое явно противоречит целям любого коммерческого договора [5].

Четвертый аргумент – противоречие со стандартной структурой M&A-контрактов. Подавляющее большинство утверждений в разделе «Заверения и гарантии» касается обстоятельств, существующих на момент подписания договора. С точки зрения логики временных рамок это чистые «*representations*», однако вся секция по-прежнему озаглавлена «*Representations and Warranties*» [5]. Зачем сторонам обозначать в заголовке категорию, которая почти не используется в тексте?

Пятый аргумент – та же презумпция отсутствия сознательного выбора. Если бы логика временных рамок действительно имела практическое значение, распределение глаголов в контрактах было бы гораздо более дифференцированным. Реальная практика свидетельствует об обратном: юристы механически копируют формулу, унаследованную от предыдущих поколений [5].

Двухчастное решение Адамса

Разрушив обе попытки рационально обосновать сохранение «*represents and warrants*», Адамс предлагает прагматичную и изящную альтернативу [5].

Первая часть: замена глаголов

Вместо «*represents*», «*warrants*» или их комбинации Адамс рекомендует использовать максимально нейтральный глагол – «*states*», а вместо существительного «*representation and warranty*» – «*statement of fact*» [5]. Если в контракте присутствует длинный перечень утверждений, вводная фраза может выглядеть так: «[Сторона] заявляет, что следующие факты являются достоверными».

Автор отдает себе отчет в том, что это предложение представляет собой полный разрыв со сложившейся профессиональной традицией. Он не ожидает, что переход произойдет одномоментно, и предусматривает переходные меры – например, сопроводительное письмо (*cover note*), разъясняющее контрагенту причины использования новой терминологии [5]. Для тех ситуаций, когда сопротивление переходу слишком велико, Адамс предлагает временный компромисс: добавить в договор положение о том, что «глагол, используемый для введения утверждения о факте в настоящем соглашении, не влияет на средства правовой защиты, доступные в связи с недостоверностью такого утверждения» [5].

Вторая часть: прямой разговор о последствиях

Вторая часть решения Адамса еще более важна. Если стороны действительно хотят ограничить или, напротив, расширить перечень доступных средств правовой защиты, они должны сделать это явно, в прямой и недвусмысленной форме, а не полагаться на то, что выбор того или иного вводного глагола будет каким-то таинственным образом проинтерпретирован судом как выражение их воли [5]. Например, если стороны намерены исключить деликтные иски о введении в заблуждение и оставить только договорную ответственность, они должны прямо написать: «Каждая из сторон отказывается от любых прав на предъявление иска о введении в заблуждение в связи с недостоверностью утверждений о фактах, содержащихся в настоящем договоре, и соглашается, что единственным средством правовой защиты является иск о нарушении договора». Такой подход, подчеркивает Адамс, не только делает контракт понятнее, но и снимает риск того, что суд, столкнувшись с неясной формулировкой, придет к непредсказуемому для сторон выводу [5].

Сравнительный комментарий: значение концепции Адамса для российского института заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ)

Проблема, поднятая Адамсом, имеет прямое отношение к российскому праву, хотя на первый взгляд может показаться, что она касается исключительно американской контрактной традиции. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются глубокие параллели – и важные уроки.

Язык российских договоров и заимствование англо-американской терминологии

Российские юристы, обслуживающие сделки M&A, хорошо знакомы с разделами договоров, которые озаглавлены «Заверения и гарантии» или даже «*Representations and Warranties*» (в двуязычных контрактах). Более того, в практике нередко встречаются случаи, когда российский

договор, подчиненный российскому же праву, механически воспроизводит английскую формулу «Продавец настоящим заверяет и гарантирует». Адамс задает вопрос, который российскому юристу следовало бы задать и самому себе: зачем нужна эта двойная конструкция? Какую информацию она несет сторонам и суду? [5]

Статья 431.2 ГК РФ: что российский законодатель уже сделал правильно

Статья 431.2 ГК РФ «Заверения об обстоятельствах», введенная Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ [3], решает часть проблемы, которую описывает Адамс, на системном уровне. Российский законодатель вообще не использует дихотомию «заверение» vs «гарантия». Пункт 1 ст. 431.2 ГК РФ говорит о «заверениях об обстоятельствах» [1], и для наступления ответственности не требуется выяснять, каким именно глаголом эти заверения были введены в текст договора. Сторона, предоставившая недостоверное заверение, обязана возместить убытки или уплатить неустойку – и на этом дискуссия о квалификации могла бы заканчиваться.

Чего не хватает: сознательное управление последствиями

Однако российское регулирование не снимает более глубокой проблемы, на которую указывает Адамс: если стороны хотят разграничить последствия недостоверности разных категорий заверений, они должны делать это явно [5]. Статья 431.2 ГК РФ устанавливает общее правило, но она не запрещает и не поощряет прямого разговора о средствах правовой защиты. Российские суды при толковании договоров, в которых фигурируют одновременно «заверения» и «гарантии», или «заверения и гарантии» в качестве единой формулы, вынуждены либо игнорировать терминологическую избыточность, либо пытаться придать ей какое-то значение. Первый путь более вероятен, но он оставляет открытым вопрос о том, что делать с теми случаями, когда стороны действительно пытались дифференцировать последствия, просто сделали это недостаточно ясно.

Применимость рекомендаций Адамса к российским договорам

Рекомендации Адамса могут быть почти без изменений перенесены на российскую почву [5]. Вместо «Продавец заверяет и гарантирует» – «Продавец подтверждает, что следующие обстоятельства являются достоверными». Вместо надежды на то, что суд когда-нибудь разберется, чем «заверение» отличается от «гарантии» по смыслу конкретного договора, – прямое указание в тексте: «В случае недостоверности любого из подтвержденных обстоятельств покупатель вправе требовать возмещения убытков в полном объеме, при этом правила статьи 179 ГК РФ об оспаривании сделки, совершенной под влиянием обмана, не применяются» (если стороны хотят ограничить последствия договорным уровнем). Или, наоборот: «Недостоверность подтвержденных обстоятельств, если она явилась следствием умышленных действий продавца, дает покупателю право на оспаривание договора по статье 179 ГК РФ» [1].

Российское право в этом отношении даже более гибко, чем американское. Статья 431.2 ГК РФ является диспозитивной: пункт 2 прямо указывает, что сторонам предоставлено право отказаться от договора, «если иное не предусмотрено соглашением сторон» [1]. Пункт 4 предусматривает, что ответственность наступает независимо от того, знала ли сторона о недостоверности заверения, «если иное не предусмотрено соглашением сторон» [1]. Таким образом, российский законодатель прямо приглашает стороны к тому, что Адамс называет «прямым разговором о средствах правовой защиты» [5]. Проблема лишь в том, что российская контрактная практика пока не привыкла этим приглашением пользоваться.

Критическая оценка: что осталось за рамками статьи Адамса

При всех достоинствах статьи она оставляет несколько вопросов открытыми.

Во-первых, Адамс сознательно ограничивает свой анализ американским правом, исключая Англию [5]. Между тем, именно в английском праве различие между representation и warranty имеет глубокие исторические корни и продолжает порождать практические последствия, особенно заметные в таких делах, как *Idemitsu v Sumitomo* (2016) [6] и *Sycamore Bidco v Breslin* (2012) [9]. Для российского читателя, имеющего дело с английским правом в трансграничных сделках, эта разница критически важна.

Во-вторых, рекомендация использовать «states» вместо «represents and warrants» не решает проблему «коллатеральных гарантий» (collateral warranties) и тех ситуаций, когда утверждение не было инкорпорировано в текст договора, но было сделано в ходе переговоров.

В этих случаях вводный глагол действительно может иметь значение, и Адамс этот аспект по существу не рассматривает [5].

В-третьих, в российском контексте конструкция «заверяет и гарантирует» может создавать риск неожиданной активации статьи 179 ГК РФ: если суд сочтет, что использование двух глаголов свидетельствует о повышенных гарантиях достоверности, он может прийти к выводу о том, что их нарушение является обманом [1]. С этой точки зрения рекомендация Адамса перейти на нейтральный язык является не только стилистической, но и превентивной мерой управления правовыми рисками [5].

Закключение

Статья Кеннета Адамса ценна не только для американских контрактных юристов, но и для российского юридического сообщества – как в практическом, так и в методологическом плане [5]. В методологическом плане она представляет собой образец того, как критика профессионального языка, доведенная до уровня серьезной академической аргументации, может помочь вскрыть неэффективность давно устоявшихся и кажущихся незыблемыми практик. В практическом плане она дает российским юристам повод задуматься о том, что конструкция «заверяет и гарантирует» в договорах, подчиненных российскому праву, не имеет самостоятельного юридического значения в рамках ст. 431.2 ГК РФ и может быть заменена на более нейтральную и ясную формулировку [1].

Российское регулирование, как это ни парадоксально, в некотором смысле уже реализовало ключевой завет Адамса: статья 431.2 ГК РФ не связывает правовые последствия с выбором вводного глагола [1]. Однако российская контрактная практика еще не вполне осознала это обстоятельство и продолжает механически копировать двуязычные штампы. Осмысление аргументов Адамса [5] может способствовать переходу отечественного юридического сообщества к более осознанному и эффективному языку договоров.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Пшеничная Н.Ю. Заверения об обстоятельствах vs. Representations And Warranties // Юридическая наука и практика. – 2025. – URL: <https://judpract.elpub.ru/jour/article/view/719/> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.
4. Adams K.A. Eliminating the Phrase Represents and Warrants from Contracts // Tennessee Journal of Business Law. – 2015. – Vol. 16. – DOI: <https://doi.org/10.70658/4486-1457.1342>.
5. Adams K.A. The Phrase «Represents and Warrants» Is Pointless and Confusing // Business Law Today (ABA Section of Business Law). – 2015. – October. – URL: https://www.americanbar.org/groups/business_law/resources/business-law-today/2015-october/the-phrase-represents-and-warrants-is-pointless-and-confusing/.
6. Idemitsu Kosan Co., Ltd v Sumitomo Corporation [2016] EWHC 1909 (Comm) (High Court of Justice, Queen's Bench Division, Commercial Court, 27 July 2016).
7. Model Stock Purchase Agreement with Commentary / ABA Section of Business Law. – 2nd ed. – Chicago: American Bar Association, 2011. – P. 77.
8. Stark T.L. Drafting Contracts: How and Why Lawyers Do What They Do. – 2nd ed. – New York: Wolters Kluwer, 2014. – P. 15, 137–138.
9. Sycamore Bidco Ltd v Breslin & Anor [2012] EWHC 3443 (Ch) (High Court of Justice, Chancery Division, 30 November 2012).
10. Uniform Commercial Code § 2–313(2). – URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2–313>.

THE MEANINGLESS FORMULA «REPRESENTS» AND «WARRANTS» AND ARTICLE 431.2 OF THE RUSSIAN CIVIL CODE

Moiseev A.E.

Synergy Moscow University

This article reviews Kenneth A. Adams's «The Phrase 'Represents and Warrants' Is Pointless and Confusing» (2015), one of the most frequently cited works on contract drafting. The paper dissects: (1) the two doctrinal justifications for retaining «represents and warrants» – the «remedies rationale» and the «timeframe rationale»; (2) the five arguments that Adams deploys against each one; (3) his proposed two-part solution – replacing the verbs with «states» and shifting regulatory attention directly to the consequences of false

statements. Special attention is devoted to a comparison with the Russian legal institution of «assurances of circumstances» (Article 431.2 of the Russian Civil Code) and the way it has been interpreted by the courts.

Keywords: represents and warrants, contract drafting, assurances of circumstances, Article 431.2 of the Russian Civil Code, US contract law, remedies rationale, timeframe rationale.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, № 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.
2. N. Yu. Pshenichnaya. Representations and Warranties vs. Assurances of Circumstances // Legal Science and Practice. – 2025. – URL: <https://judpract.elpub.ru/jour/article/view/719/> (accessed on May 15, 2026).
3. Federal Law of March 8, 2015, № 42-FZ «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2015. – № 10. – Art. 1412.
4. Adams K.A. Eliminating the Phrase Represents and Warrants from Contracts // Tennessee Journal of Business Law. – 2015. – Vol. 16. – DOI: <https://doi.org/10.70658/4486-1457.1342>.
5. Adams K.A. The Phrase «Represents and Warrants» Is Pointless and Confusing // Business Law Today (ABA Section of Business Law). – 2015. – October. – URL: https://www.americanbar.org/groups/business_law/resources/business-law-today/2015-october/the-phrase-represents-and-warrants-is-pointless-and-confusing/.
6. Idemitsu Kosan Co., Ltd v Sumitomo Corporation [2016] EWHC 1909 (Comm) (High Court of Justice, Queen's Bench Division, Commercial Court, 27 July 2016).
7. Model Stock Purchase Agreement with Commentary / ABA Section of Business Law. – 2nd ed. – Chicago: American Bar Association, 2011. – P. 77.
8. Stark T.L. Drafting Contracts: How and Why Lawyers Do What They Do. – 2nd ed. – New York: Wolters Kluwer, 2014. – P. 15, 137–138.
9. Sycamore Bidco Ltd v Breslin & Anor [2012] EWHC 3443 (Ch) (High Court of Justice, Chancery Division, 30 November 2012).
10. Uniform Commercial Code § 2–313(2). – URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-313>.

Общество с ограниченной ответственностью как организационно-правовая форма: дуализм правовой природы и значение личностного элемента

Мочалов Артемий Алексеевич,

аспирант «Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена»

В статье анализируются сущностные характеристики общества с ограниченной ответственностью сквозь призму двойственной природы данного корпоративного образования. Автором обосновывается положение, согласно которому ООО не может быть сведено исключительно к «объединению капиталов», поскольку в его конструкции значимую роль играет личность участника. Исследуются ограничения оборотоспособности доли, механизм исключения участника, персонифицированные права и обязанности. На основе актуальных определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ проводится сопоставление ООО с договорными объединениями, в том числе с товариществами, выявляются общие черты и принципиальные различия. Делается вывод о том, что фидуциарный элемент в ООО является следствием малой численности участников и низкой оборачиваемости долей, а не изначальной предпосылкой создания общества.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью; организационно-правовая форма; доля в уставном капитале; фидуциарные отношения; лично-доверительный характер; объединение лиц; товарищество; корпоративное право; оборот доли; исключение участника.

Общество с ограниченной ответственностью традиционно рассматривается в доктрине корпоративного права в качестве одной из наиболее востребованных организационно-правовых форм ведения предпринимательской деятельности. Высокая популярность данной конструкции обусловлена рядом факторов: ограниченной ответственностью участников по обязательствам общества, гибкостью внутреннего управления, возможностью детальной регламентации корпоративных отношений в уставе. Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, ООО обладает сложной, двойственной правовой природой, которая оказывает непосредственное влияние на правовой режим имущества, вносимого в уставный капитал, включая доли, находящиеся в совместной собственности супругов.

Любое корпоративное юридическое лицо предполагает внесение участниками имущественных вкладов, на базе которых формируется уставный капитал. Однако применительно к ООО данный имущественный аспект не является единственным и самодостаточным. В сущности общества с ограниченной ответственностью одновременно сосуществуют два слоя правоотношений.

Первый слой образуют обязательственные отношения, связанные с внесением вклада в уставный капитал. Внесённое имущество поступает в собственность общества, которое самостоятельно им распоряжается для достижения целей своей деятельности. Второй слой представлен корпоративными, членскими отношениями между участниками и обществом, а также между самими участниками. В рамках этих отношений реализуются как имущественные права, например право на получение части прибыли, ликвидационной квоты, так и неимущественные требования, например право на участие в управлении, получение информации о деятельности общества.

Ключевая особенность ООО состоит в том, что участник не ограничивается передачей обществу своего имущественного вклада. Пропорционально вкладу возникает доля участия, но помимо этого каждый участник вносит в нематериальной форме собственные профессиональные знания, деловую репутацию, личные качества и способность принимать эффективные управленческие решения. Именно поэтому ООО не может быть сведено к сугубо объединению капиталов, конструкции, где личность инвестора не имеет значения, а важен лишь размер предоставленного имущества. Напротив, ООО в значительной степени представляет собой объединение лиц, взаимоотношения между которыми строятся на лично-доверительной, иными словами фидуциарной основе.

Значимость персонального состава участников для ООО проявляется через несколько институтов корпоративного права, закреплённых как на уровне закона, так и в уставных положениях. При создании общества учредители принимают устав, который не только имеет конститутивное значение для возникновения юридического лица, но и определяет правила входа и выхода участников [1, с. 29]. Закон об ООО предоставляет участникам широкие возможности по регламентации перехода доли к третьим лицам. В частности, устав может предусматривать необходимость получения согласия общего собрания участников на отчуждение доли по возмездной сделке. Срок для предоставления такого согласия, по общему правилу, составляет тридцать дней [2]. Молчание участников в указанный период приравнивается к согласию, однако сам механизм создаёт существенный барьер для свободного отчуждения доли.

Более радикальным ограничением выступает полный запрет на отчуждение доли третьим лицам [3, с. 33]. При наличии такого запрета общество обязано выкупить долю у участника, намеревающегося её реализовать. Кроме того, устав может обуславливать переход доли в порядке наследования или правопреемства согласием остальных участников. Все перечисленные положения направлены на сохранение относительно постоянного состава участников, что подтверждает тезис, что в ООО ценят не только капитал, но и конкретную личность, вносящую свой вклад в общее дело. Гражданский кодекс РФ, а именно статья 65.2 закрепляет правомочие участников корпорации требовать исключения из неё участника, который своими действиями или бездействием причиняет существенный вред обществу либо делает его деятельность невозможной. Для ООО данный механизм является рабочим инструментом корпоративной защиты. Он демонстрирует, что

поведение участника, его личная добросовестность и профессионализм имеют критическое значение для достижения целей, ради которых создавалось общество.

Исключение производится в судебном порядке по иску общества или иных участников. Основания для исключения могут быть связаны как с активными нарушениями, например, разглашение конфиденциальной информации, так и с пассивным поведением, например систематическое уклонение от участия в общих собраниях, блокирование решений, необходимых для деятельности. Установленный законом стандарт поведения участника предполагает содействие в достижении целей общества, а не просто формальное владение долей. Уставом или корпоративным договором отдельные участники могут наделяться специальными, персонифицированными правами, например право назначения единоличного исполнительного органа, право вето по определенным вопросам. Такие права неразрывно связаны с конкретной личностью и не переходят к правопреемнику или приобретателю доли, если иное прямо не установлено. Указанная конструкция также подчеркивает значимость субъектного состава.

Наконец, критерием, подтверждающим фидуциарный характер ООО, является установленное ст. 88 ГК РФ ограничение, что число участников не должно превышать пятидесяти[4]. При большем количестве участников поддержание лично-доверительных отношений становится объективно невозможным, а управление обществом приобретает черты, свойственные публичным корпорациям.

В российской судебной практике последних лет получила развитие позиция, согласно которой ООО может рассматриваться как разнородность товарищества. Наиболее ярко эта позиция выражена в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912, где указано, что в основе устава ООО лежит товарищеское соглашение участников[5]. Дальнейшее развитие данный подход получил в определении от 06.04.2023 № 30-ЭС22-26611, в котором ключевым критерием отнесения ООО к разнородности товарищества названа значимость лиц, входящих в состав участников и обладающих правом на участие в управлении[6].

Представляется, что данная позиция заслуживает поддержки. Участники ООО, объединяясь, преследуют общую цель, которую каждый из них в отдельности не смог бы достичь. При этом возникает устойчивая правовая связь, обязывающая участников действовать не только в собственных интересах, но и в интересах общества, а также учитывать интересы других участников. Это сближает ООО с договорными объединениями, в частности с простым товариществом. Однако между ООО и товариществом имеются принципиальные различия, которые не позволяют ставить между ними знак тождества.

Во-первых, простое товарищество не является юридическим лицом. Оно представляет собой договорное объединение, не обладающее самостоятельной правосубъектностью. В отношениях с третьими лицами товарищи выступают совместно, неся солидарную ответственность по общим обязательствам. ООО же, напротив, представляет из себя самостоятельное юридическое лицо, выступающее в обороте от своего имени, а участники несут риск убытков лишь в пределах стоимости принадлежащих им долей.

Во-вторых, цели создания товарищества могут быть как коммерческими, так и некоммерческими, например, достижение общественно полезного результата. ООО как коммерческая организация всегда создается для извлечения прибыли и её распределения между участниками.

В-третьих, структура управления в товариществе децентрализована: каждый участник вправе действовать от имени товарищества, если договором не установлен иной порядок. В ООО управление иерархично: от имени общества действует единоличный исполнительный орган, избираемый общим собранием. Самостоятельное выступление участника от имени общества без соответствующих полномочий может повлечь признание сделки недействительной по ст. 173.1 ГК РФ.

Наиболее дискуссионным в рамках сопоставления ООО и товарищества является вопрос об истоках фидуциарности. В классическом товариществе лично-доверительные отношения между участниками предшествуют созданию объединения. Люди вступают в товарищество, уже будучи связанными узами доверия, дружбы или общей деятельности. Фидуциарность здесь выступает первичным, конституирующим элементом.

В обществе с ограниченной ответственностью, по мнению автора, ситуация иная. Ограничение численности участников до пятидесяти, а на практике – чаще до десяти-двадцати носит не столько этический, сколько утилитарный, прагматический характер. Эффективное управление обществом, ориентированным на извлечение прибыли, требует от участников профессиональных компетенций. Некомпетентность или деструктивное поведение даже одного из участ-

ников или небольшой их группы может привести к фатальным последствиям, в том числе убыткам, корпоративному конфликту, банкротству.

Следовательно, избирательность в допуске новых участников и сохранение стабильного состава это в первую очередь механизм минимизации рисков неэффективного управления, а не самоцель для установления дружеских отношений. Лично-доверительные связи между участниками ООО, если они возникают, являются производным, вторичным эффектом от длительного совместного ведения дел в условиях небольшого и стабильного состава. Фидуциарность здесь представляет из себя следствие малой оборачиваемости доли и постоянства участников, а не изначальную предпосылку создания общества.

Проведенный анализ позволяет вывод, что общество с ограниченной ответственностью обладает двойственной природой, сочетая в себе черты имущественного объединения (капитала) и личностного объединения (лиц). Значимость личности участника подтверждается наличием в законе и уставах механизмов контроля за составом участников, исключением недобросовестных участников, возможностью наделять персонифицированными правами.

Сближение ООО с товариществом, прослеживаемое в практике Верховного Суда РФ, имеет под собой серьезные основания, в частности, наличие товарищеского соглашения, лежащего в основе устава, и общая цель участников. Вместе с тем ООО сохраняет самостоятельную правосубъектность, строгую иерархию управления и коммерческую направленность, что отличает его от договорных форм объединения.

Фидуциарный характер отношений в ООО следует рассматривать не как изначальное условие создания общества, а как вероятное последствие стабильного состава участников и низкой оборачиваемости долей, обусловленной ограничениями, установленными уставом.

Литература

1. Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах: учеб.-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2025. 280 с.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учеб. пособие. М.: Статут, 2020. 320 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А12-11719/2018 // ГАС «Правосудие». – 2018. – № 306. – С. 19–24912.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 30-ЭС22-26611 по делу № А40-25810/2021 // ГАС «Правосудие». – 2021. – № 30. – С. 22–26611.

LIMITED LIABILITY COMPANY AS AN ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM: DUALISM OF LEGAL NATURE AND THE SIGNIFICANCE OF THE PERSONAL ELEMENT

Mochalov A.A.

Herzen State Pedagogical University of Russia

The article analyzes the essential characteristics of a limited liability company through the prism of the dual nature of this corporate entity. The author substantiates the position that an LLC cannot be reduced solely to a 'union of capitals,' since the personality of a participant plays a significant role in its structure. The study examines restrictions on the transferability of shares, the mechanism of participant exclusion, personified rights and obligations. Based on current definitions of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, a comparison of an LLC with contractual associations, including partnerships, is conducted, revealing common features and fundamental differences. The conclusion is drawn that the fiduciary element in an LLC is a consequence of the small number of participants and low turnover of shares, rather than an initial prerequisite for the establishment of the company.

Keywords: limited liability company; organizational and legal form; share in charter capital; fiduciary relations; personal trust-based character; union of persons; partnership; corporate law; share circulation; exclusion of participant

References

1. Shitkina I.S. Korporativnoe pravo v tablitsakh i skhemakh: ucheb.-metod. posobie. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2025. 280 s.
2. Federal'nyj zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ «Ob obshchestvakh s ogranichennoj otvetstvennost'yu» (red. ot 08.08.2024) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 7. St. 785.

3. Lomakin D.V. Kommercheskie korporatsii kak sub«ekty korporativnykh pravoot-noshenij: ucheb. posobie. M.: Statut, 2020. 320 s.

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.

5. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 11.06.2020 № 306-ES19-24912 po delu № A12-11719/2018 // GAS «Pravosudie». – 2018. – № 306. – S. 19–24912.

6. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 06.04.2023 № 30-ES22-26611 po delu № A40-25810/2021 // GAS «Pravosudie». – 2021. – № 30. – S. 22–26611.

Правовое регулирование государственной поддержки предпринимательства в Российской Федерации: региональные аспекты (на примере Республики Татарстан, Калужской и Смоленской областей)

Петрова Роза Есеновна,

к.ю.н, доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности», ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
E-mail: Petrova_r_e@mail.ru

Смирнова Ольга Игоревна,

доцент кафедры русского и иностранных языков, ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России
E-mail: smiola@mail.ru

Боташева Мадина Казбековна,

старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс», ФГБОУ ВО «СКГА»
E-mail: madina-87@mail.ru

В статье исследуется система правового регулирования государственной поддержки предпринимательства в России на региональном уровне, определение степени автономии субъектов Российской Федерации в данной сфере и оценка влияния регионального нормотворчества на развитие предпринимательской среды. Анализируется взаимодействие федерального и регионального законодательства, выявляются правовые коллизии и пробелы, проводится сравнительный анализ правовых моделей государственной поддержки предпринимательства в трех субъектах Российской Федерации: Республике Татарстан, Калужской области и Смоленской области, а также оценивается эффективность региональных правовых моделей поддержки предпринимательства. Особое внимание уделяется вопросам разграничения полномочий, специфике и проблемам регионального нормотворчества. Делается вывод об эффективности различных правовых стратегий и необходимости дальнейшей гармонизации регионального законодательства и дифференцированного подхода с учетом социально-экономических особенностей развития не только субъектов Российской Федерации, но и муниципальных образований.

Ключевые слова: предпринимательство, государственная поддержка, правовое регулирование, региональное законодательство, поддержка предпринимательства, кластер, субсидии.

Правовое регулирование государственной поддержки предпринимательства в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, основанную на принципах федерализма. Федеральный уровень является стратегическим ориентиром, определяет общие гарантии и базовые механизмы. Региональный уровень является ключевым с точки зрения практической реализации поддержки, ее адаптации к локальным условиям и потребностям бизнеса [1]. Исследование региональных аспектов правового регулирования позволяет выявить не только успешные практики, но и системные проблемы, связанные с коллизиями норм, неравенством условий и эффективностью правовых инструментов.

Правовая база поддержки предпринимательства в России формируется в рамках разграничения предметов ведения и полномочий, установленного ст. 71–73 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) [2]. Вопросы установления основ федеральной политики и федеральных программ в области экономического развития отнесены к ведению Российской Федерации. Детализация этого разграничения осуществлена в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ) [3]. Он определяет полномочия РФ (установление основных принципов государственной политики, критериев отнесения к предпринимательству, порядка ведения реестра субъектов предпринимательской деятельности; полномочия субъектов РФ (разработка и реализация региональных программ; формирование инфраструктуры поддержки, предоставление дополнительных (помимо федеральных) форм финансовой, имущественной и информационной поддержки за счет средств региональных бюджетов), полномочия органов местного самоуправления (создание условий для развития предпринимательства, в том числе формирование и развитие инфраструктуры поддержки на муниципальном уровне).

Поддержка предпринимательства, как видим, носит комплексный характер, а региональный уровень характеризуется определенной свободой в выборе приоритетов, инструментов и объемов поддержки, что предопределяет существенную дифференциацию правового регулирования по субъектам РФ.

Анализ регионального законодательства позволяет выделить несколько типичных моделей правового регулирования:

1. Комплексные законы субъектов РФ о развитии предпринимательства. Многие регионы (Республика Татарстан, Свердловская область и др.) приняли собственные базовые законы, детализирующие положения федерального законодательства применительно к своим территориям [3]. В них конкретизируются органы исполнительной власти, ответственные за поддержку предпринимательства, а также формы поддержки и порядок предоставления помощи.

2. Программно-целевой подход. Основным документом, определяющим практическую поддержку, является государственная программа (или подпрограмма) субъекта РФ. Именно в программах закрепляются конкретные цели, задачи, объемы финансирования, показатели результативности и перечень мероприятий (субсидии, гранты начинающим предпринимателям, поддержка экспорта, инноваций, промышленного производства).

3. Дифференциация по отраслевому и социальному признаку. Регионы активно используют право устанавливать дополнительные приоритеты. Правовые акты могут предусматривать особые меры для сельскохозяйственных производителей, промышленных предприятий. Например, в регионах Дальнего Востока акцент делается на поддержку экспортно-ориентированного бизнеса, в туристических регионах – на поддержку гостиниц и объектов туристической инфраструктуры.

Региональное законодательство обладает большим спектром инструментов регулирования, среди которых можно выделить:

- финансовые – субсидии на возмещение части затрат (лизинговые платежи, процентные ставки по кредитам, участие в выставках), гранты начинающим предпринимателям, поручительства и гарантии региональных гарантийных фондов;
- имущественные – предоставление в аренду на льготных условиях объектов государственной и муниципальной собственности, создание промышленных парков;

- информационно-консультационные – организация обучения, создание центров услуг для бизнеса;
- налоговые – установление регионами налоговых льгот для определенных категорий налогоплательщиков.

Рассмотрим более подробно региональное регулирование предпринимательства на примере трех субъектов: республики Татарстан, Калужской области и Смоленской области. Каждый из регионов обладает своей спецификой. Республика Татарстан является экономически сильным регионом с диверсифицированной промышленностью. Калужская область развивает промышленные кластеры и привлекает инвесторов. Смоленская область обладает традиционной экономической структурой и является дотационным регионом.

Первое на чем следует остановиться – это правовое поле. На федеральном уровне оно едино для всех рассматриваемых субъектов, которые действуют в рамках ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ. Далее начнутся различия.

Законодательная база Республики Татарстан развита. Основным актом является Закон РТ от 10.03.2010 № 11-ЗРТ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан» [4; 5]. Он отличается детализированностью, широким перечнем форм поддержки и акцентом на стратегическое планирование. Поддержка предпринимательства коррелирует с общими задачами социально-экономического развития республики.

Программа поддержки предпринимательства масштабна, действует Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [6]. Характерна поддержка промышленного производства инноваций, сельского хозяйства и социального предпринимательства. Особый правовой статус имеют территории опережающего развития (например, моногород Нижнекамск), для которых устанавливаются специальные режимы поддержки.

Калужская область опирается на Закон Калужской области от 21.02.2025 № 601-ОЗ «О государственной поддержке ответственных субъектов предпринимательской деятельности в Калужской области» [7]. Ориентир развития данного региона – создание крупных кластеров в сфере автомобилестроения, логистики, фармацевтики. Правовые механизмы (субсидии, гранты) в значительной степени сфокусированы на кооперацию с крупным бизнесом, импортозамещение и развитие промышленной инфраструктуры. Поддержка сельского хозяйства и торговли присутствует, но не является доминирующей.

Смоленский регион опирается на закон Смоленской области от 28.11. 2008 № 153-з «О развитии малого и среднего предпринимательства в Смоленской области» [8]. Данный закон в большей степени является рамочным, дублирует федеральное законодательство. В соответствии с ним основная нагрузка по регулированию ложится на государственные программы, которые подвергаются корректировке в связи с бюджетными ограничениями. Поддержка более традиционна и социально-ориентирована на сельское хозяйство, туризм (в том числе агротуризм), торговлю. Акцент на создание и сохранении рабочих мест, развитие малого бизнеса в малых городах и сельских поселениях.

Все три региона создали базовые элементы инфраструктуры, но их масштаб и правовое регулирование отличаются. Действуют схожие возмещение части затрат на кредиты, лизинг, участие в выставках. Программы поддержки начинающих предпринимателей в Республике Татарстан наиболее масштабны. В законодательстве Калужской области более детально прописан порядок предоставления субсидий для компенсации затрат на сертификацию продукции и развитие кооперационных связей. По законодательству Смоленской области перечень субсидий уже, сделан акцент на поддержку сельхозпроизводителей и предпринимателей в сфере туризма. Правовое регулирование часто реагирует на изменения, а не формирует их. Бюджетная зависимость ограничивает возможности для создания долгосрочных, капиталоемких программ и устойчивой инфраструктуры.

Общей тенденцией является постепенная унификация правил в ориентире на федеральные стандарты [9] (например, через нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»), что снижает вариативность, но повышает предсказуемость.

Республика Татарстан из трех рассмотренных субъектов является экономически наиболее сильной, соответственно регулирование отличается комплексностью, структурированностью и стратегической нацеленностью. Калужская область представляет собой пример прагматичной кластерно-ориентированной модели, где правовое регулирование служит инструментом интеграции предпринимательства в созданные промышленные цепочки. Смоленская область ограничена бюджетно, представляет собой социально-ориентированную модель, поддержка

предпринимательства в которой направлена на стабилизацию занятости и развитие традиционных секторов.

Несомненно, что правовое регулирование поддержки предпринимательства в Республике Татарстан, Калужской и Смоленской областях отражает их экономическую стратегию и ресурсный потенциал. Однако более эффективной была бы синтетическая модель, сочетающая стратегическое планирование (по примеру Татарстана) с фокусом на конкретные точки роста (как в Калужской области) и обязательным учетом социальной функции малого бизнеса в депрессивных территориях (проблема, актуальная для Смоленской области). Для гармонизации регулирования необходима дальнейшая работа на федеральном уровне по тиражированию лучших региональных правовых практик при сохранении возможности их адаптации к локальным условиям.

На основе анализа регионального регулирования предпринимательства на примере рассмотренных субъектов можно выделить основные проблемы

Так, частые изменения региональных программ и правил предоставления поддержки создают правовую неопределенность для предпринимателей [10, с. 429–432], а также сложности межведомственной координации.

Также на примере рассмотренных субъектов четко прослеживается, что правовые возможности «богатых» и дотационных регионов в части объемов финансирования поддержки несопоставимы, что усиливает территориальное неравенство условий для ведения бизнеса.

Для устранения таких противоречий считаем целесообразным разработать типовые практики регулирования, взяв за основу «лучший» региональный опыт. Тем не менее, необходимо сохранить адаптацию типовых программ под особенности региона (сильные стороны, местную специфику, уровень экономического благосостояния и др.). Кроме того, дифференциация правового регулирования предпринимательства должна проводиться не только по регионам, но и по муниципальным образованиям.

Литература

1. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: учебник для вузов / А.Я. Курбатов; под общей редакцией А.Я. Курбатова, А.Е. Кирпичева. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 697 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18607-9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589616> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mo60u0brgg411003600 (дата обращения: 15.04.2026).
3. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/?ysclid=mnul4zpu3092971314 (дата обращения: 11.04.2026).
4. Закон РТ от 10.03.2010 № 11-ЗРТ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан» // <https://docs.cntd.ru/document/917036416?ysclid=mo60xb7eu9638360931> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Закон Республики Татарстан от 23.07.2025 № 52-ЗРТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202507250007?ysclid=mnul4jaiso391217195&index=2> (дата обращения: 16.04.2026).
6. Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 года № 40-ЗРТ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года (с изменениями на 25 декабря 2019 года) // <https://docs.cntd.ru/document/428570021?ysclid=mo5xe4xawu360620006> (дата обращения: 16.04.2026).
7. Закон Калужской области от 21.02.2025 № 601-ОЗ «О государственной поддержке ответственных субъектов предпринимательской деятельности в Калужской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/4000202502270004?ysclid=mnul38pohf24455202> (дата обращения: 16.04.2026).
8. Закон Смоленской области от 28.11. 2008 № 153-з «О развитии малого и среднего предпринимательства в Смоленской области» (с изменениями на 26 февраля 2026 года) // СПС Гарант <https://base.garant.ru/25326665/> (дата обращения: 15.04.2026).
9. Илев Д.И. Анализ эффективности норм, регламентирующих меры государственной поддержки субъектов малого предпринимательства // Научные записки молодых исследователей. 2019. № 2. С. 46–48.

10. Подлесных С.С. Правовые проблемы развития малого бизнеса в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 429–432.

LEGAL REGULATION OF STATE SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION: REGIONAL ASPECTS (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN, KALUGA AND SMOLENSK REGIONS)

Petrova R.E., Smirnova O.I., Botasheva M.K.

Russian Technological University, Vladimir Law Institute, North Caucasian State Academy

The article examines the system of legal regulation of state support for entrepreneurship in Russia at the regional level, determining the degree of autonomy of the subjects of the Russian Federation in this area and assessing the impact of regional rulemaking on the development of the business environment. The interaction of federal and regional legislation is analyzed, legal conflicts and gaps are identified, a comparative analysis of the legal models of state support for entrepreneurship in three subjects of the Russian Federation is carried out: the Republic of Tatarstan, the Kaluga Region and the Smolensk Region, and the effectiveness of regional legal models of business support is assessed. Special attention is paid to the issues of separation of powers, the specifics and problems of regional rulemaking. The conclusion is made about the effectiveness of various legal strategies and the need for further harmonization of regional legislation and a differentiated approach, taking into account the socio-economic development features of not only the subjects of the Russian Federation, but also municipalities.

Keywords: entrepreneurship, government support, legal regulation, regional legislation, entrepreneurship support, cluster, subsidies.

References

1. Kurbatov A. Ya. Business law: a textbook for universities / A. Ya. Kurbatov; under the general editorship of A. Ya. Kurbatov, A.E. Kirpichev. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 697 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-18607-9. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589616> (date of request: 04/11/2026).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS Consultant plus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mo60u-0brgg411003600 (accessed 04/15/2026).
3. Federal Law «On the Development of Small and Medium-sized Enterprises in the Russian Federation» dated 07/24/2007 № 209-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/?ysclid=mnul4zpu3092971314 (accessed 04/11/2026).
4. The Law of the Republic of Tatarstan dated 10.03.2010 № 11-ZRT «On the development of small and medium-sized businesses in the Republic of Tatarstan» // <https://docs.cntd.ru/document/917036416?ysclid=mo60xb7eu9638360931> (accessed 04/16/2026).
5. Law of the Republic of Tatarstan dated 07/23/2025 № 52-ZRT «On Amendments to the Law of the Republic of Tatarstan «On the Development of Small and Medium-sized Enterprises in the Republic of Tatarstan» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202507250007?ysclid=mnulijaiso391217195&index=2> (accessed 04/16/2026).
6. The Law of the Republic of Tatarstan dated June 17, 2015 № 40-ZRT On the Approval of the Strategy of Socio-economic Development of the Republic of Tatarstan until 2030 (as amended on December 25, 2019) // <https://docs.cntd.ru/document/428570021?ysclid=mo5xe4xawu360620006> (accessed 04/16/2026).
7. Kaluga Region Law № 601-OZ dated 02/21/2025 «On State Support for Responsible Business Entities in the Kaluga Region» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/4000202502270004?ysclid=mnun38pohf24455202> (accessed 04/16/2026).
8. The Law of the Smolensk region of November 28, 2008 № 153-z «On the development of small and medium-sized businesses in the Smolensk region» (as amended on February 26, 2026) // SPS Garant <https://base.garant.ru/25326665/> (accessed 04/15/2026).
9. Ivlev D.I. Analysis of the effectiveness of norms regulating measures of state support for small businesses // Scientific notes of young researchers. 2019. № 2. Pp. 46–48.
10. Podlesnykh S.S. Legal problems of small business development in Russia // Law and the state: theory and practice. 2025. № 7. Pp. 429–432.

Моисеев Александр Евгеньевич,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия»

E-mail: alexander.e.moiseev@gmail.com

Статья представляет собой аналитический обзор концепции профессора Стивена Л. Шварца – модели «сдвига риска» (risk-shifting framework), предложенной для разрешения фундаментальной коллизии между договорной и деликтной ответственностью за недостоверные заверения и гарантии в сделках M&A. Центральным критерием разграничения в модели выступает не формальная квалификация утверждения как «representation» либо «warranty» и не степень тяжести нарушения, а распределение сторонами риска недостоверности: если риск инкорпорирован в договор, ответственность ограничивается договорными средствами; деликтный иск о мошенничестве допустим лишь при умышленном характере нарушения либо отсутствии договорного покрытия риска. В статье подробно раскрыт пошаговый алгоритм модели, проиллюстрирована её работа на примерах английской и американской судебной практики, а также проведён краткий сравнительный анализ с положениями статьи 431.2 ГК РФ. Показано, что концепция «сдвига риска» не только объясняет разнонаправленные судебные решения, но и предлагает теоретический ориентир для развития российского института заверений об обстоятельствах.

Ключевые слова: заверения и гарантии, representations and warranties, модель сдвига риска, risk-shifting framework, договорная ответственность, деликтная ответственность, мошенничество, M&A, статья 431.2 ГК РФ, распределение рисков.

Введение

Фраза «заверяет и гарантирует» (represents and warrants) давно превратилась в стандартную формулу договоров купли-продажи акций (долей) в сделках по слияниям и поглощениям (M&A) в англо-саксонской правовой системе. Несмотря на ее повсеместное использование, правовая природа заверений и гарантий, а главное – последствия их нарушения, остаются предметом острой доктринальной дискуссии и противоречивой судебной практики как в США, так и в Англии [1, с. 549–550]. Фундаментальная коллизия заключается в следующем: исчерпывается ли ответственность за ложное заверение исключительно договорными средствами защиты, или при определенных обстоятельствах она может выходить за пределы договора и порождать деликтный иск о мошенничестве (fraudulent misrepresentation, deceit) [1, с. 551].

Первый подход – договорный детерминизм – исходит из того, что стороны, включив утверждение в раздел «Заверения и гарантии», тем самым распределили риск его недостоверности. Следовательно, ответственность должна ограничиваться договорными лимитами возмещения, а деликтный иск невозможен в принципе [1, с. 552]. Альтернативная позиция допускает деликтную ответственность: если нарушение конкретного заверения оказалось настолько серьезным, что оно подрывает саму сущность сделки или является следствием обмана, потерпевшая сторона вправе требовать возмещения убытков вне рамок договора, в том числе штрафных (punitive damages), ссылаясь на мошенничество [1, с. 553–555]. Оба подхода в их крайнем выражении неудовлетворительны: один игнорирует проблему недобросовестности, другой – создает правовую неопределенность и обесценивает договорное распределение рисков.

В 2024 году в журнале «George Washington Law Review» была опубликована статья профессора Стивена Л. Шварца «Representations & Warranties, Fraud, and Risk Shifting: An Analytical Framework» [1], в которой предложен принципиально иной взгляд на эту дихотомию. Автор разработал аналитическую модель «сдвига риска» (risk-shifting framework), позволяющую непротиворечиво разграничить договорную и деликтную ответственность за недостоверные заверения [1, с. 555–557]. С. Шварц предлагает сместить фокус с оценки «серьезности» нарушения и формального толкования слов «заверяет» и «гарантирует» на исследование того, был ли риск недостоверности конкретного утверждения перераспределен договором. Если риск был договорным образом возложен на сторону-заявителя, нарушение квалифицируется как нарушение гарантии (warranty) и влечет исключительно договорную ответственность. Деликтный иск возможен лишь тогда, когда ложное утверждение касалось риска, оставшегося за рамками такого договорного распределения, либо когда нарушение носило умышленный характер, что не может быть покрыто никакими договорными оговорками в силу противоречия публичному порядку [1, с. 558–560].

Цель настоящей статьи – представить российскому читателю аналитическую модель С. Шварца, детально разобрать ее структуру и логику, а также проиллюстрировать ее работу на конкретных прецедентах из английской и американской судебной практики. Методологически работа представляет собой аналитический обзор ключевых идей оригинальной статьи с элементами критического анализа и сравнительно-правовых комментариев. Автор настоящей статьи ставит перед собой задачу адаптировать предложенную в нем концепцию к дискурсу российского частного права, что представляется особенно актуальным в контексте развития в отечественном правопорядке института заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ).

Аналитическая модель «сдвига риска» (Risk-Shifting Framework) С. Шварца

Фундаментальный изъян как договорно, так и деликтного подходов, по мнению С. Шварца, коренится в их общей методологической посылке: и тот, и другой ищут ответ в формальной квалификации утверждения как «заверения» (representation) либо «гарантии» (warranty) или же в оценке степени его «серьезности» [2, гл. 18]. Автор предлагает принципиально иной угол зрения – сместить фокус с ярлыка на существо отношения, а именно на то, каким образом стороны распределили риск недостоверности того или иного утверждения. Эта аналитическая модель, которую С. Шварц именует «risk-shifting framework», составляет

теоретическое ядро его работы и, как будет показано ниже, способна решить многие правовые вопросы [1, с. 555–557].

Исходный принцип: свобода воли в распределении рисков

Отправной точкой для построения модели служит краеугольный принцип договорного права – свобода договора. Стороны сделки M&A свободны в определении того, кто из них и в какой мере будет нести риск недостоверности сообщаемых при заключении договора сведений [1, с. 552–553]. Именно договор, а не последующее судебное усмотрение, выступает первичным инструментом распределения таких рисков. Если продавец и покупатель явно договорились, что определенный риск возлагается на продавца, правовым последствием его материализации (т.е. обнаружения недостоверности) должно являться договорное требование о возмещении убытков – и ничто иное. И наоборот: если некий риск остался за рамками договорного распределения, он сохраняет свою деликтную природу, и потерпевшая сторона не может быть лишена права на деликтный иск лишь на том основании, что ее контрагент формально включил соответствующее утверждение в текст контракта.

Таким образом, ключевой вопрос, который предлагает задавать С. Шварц, звучит не «является ли данное утверждение заверением или гарантией?» и не «насколько серьезным оказалось нарушение?», а «приняла ли сторона, полагающаяся на утверждение, на себя риск его недостоверности в обмен на договорные средства защиты?» [1, с. 555–556]. Ответ на этот вопрос предопределяет, может ли потерпевшая сторона выйти за пределы договора с деликтным иском о мошенничестве.

Механика анализа: пошаговый алгоритм для правоприменителя

На основе сформулированного принципа С. Шварц выстраивает четкий пошаговый алгоритм, который может быть использован судом или арбитражем при разрешении спора о недостоверных заверениях. Алгоритм состоит из трех последовательных шагов.

Шаг 1: Идентификация заверения. На первом этапе необходимо установить, было ли спорное утверждение (statement) именно заверением о факте (representation of fact) либо же оно представляло собой обещание (promise), мнение (opinion) или прогноз (forecast) [1, с. 555]. Только утверждение о факте, которое может быть верифицировано как истинное или ложное на момент его совершения, способно породить проблему разграничения договорной и деликтной ответственности. Обещание совершить нечто в будущем или выражение субъективного мнения находятся вне рамок анализируемой коллизии.

Шаг 2: Инкорпорация в договор. Если утверждение квалифицировано как заверение о факте, необходимо определить, было ли оно инкорпорировано в договорный механизм распределения рисков. Критерием такой инкорпорации выступает включение утверждения в раздел «Заверения и гарантии» (Representations and Warranties) договора [1, с. 556–557]. Именно этот раздел, по замыслу сторон, и выполняет функцию распределения рисков: продавец принимает на себя риск недостоверности перечисленных в нем утверждений, а покупатель в обмен на это получает договорное право требовать возмещения убытков при их нарушении. Если утверждение не было инкорпорировано в договор (например, осталось в преддоговорной переписке или было сделано устно и не подтверждено текстом), оно не охватывается договорным распределением рисков. В таком случае перед нами классическое внедоговорное введение в заблуждение (misrepresentation), которое может повлечь деликтную ответственность на общих основаниях.

Шаг 3: Пределы добросовестности (fraud carve-out). Однако даже если утверждение было инкорпорировано в договор, это не означает автоматической и безусловной изоляции продавца от любого деликтного иска. С. Шварц подчеркивает, что существует предел, за которым договорное распределение рисков перестает действовать, – это умышленный обман (fraud) [1, с. 558–560]. Данный предел обусловлен фундаментальным принципом публичного порядка (public policy): право не может позволить стороне договора застраховать себя от последствий собственного недобросовестного поведения посредством частноправовой оговорки. Если продавец, делая заверение, заведомо знал о его ложности или действовал с безразличием к истине (scienter), он совершает мошенничество. Такое поведение выходит за границы того, что стороны могли разумно и добросовестно подразумевать под «распределением рисков». Именно поэтому в коммерческой практике широко распространены так называемые оговорки об исключении мошенничества (fraud carve-outs), прямо указывающие, что договорные ограничения ответственности не применяются в случаях умышленного обмана. С. Шварц концептуально обосновывает то, что рынок давно воспринял как практическую необходимость [1, с. 559].

Визуализация модели и ее объяснительный потенциал

Для наглядности логику модели С. Шварца можно представить в виде блок-схемы, которая могла бы служить практическим ориентиром для правоприменителя (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Алгоритм анализа ответственности за недостоверное утверждение (representation) по модели С. Шварца

1. Является ли утверждение заверением о факте?
 - о Нет → Не охватывается моделью; возможен иск на иных основаниях.
 - о Да → Переход к шагу 2.
2. Было ли утверждение инкорпорировано в раздел «Заверения и гарантии» договора?
 - о Нет → Утверждение не охвачено договорным распределением рисков. Возможен деликтный иск о введении в заблуждение (misrepresentation), включая fraud при наличии умысла.
 - о Да → Переход к шагу 3.
3. Носило ли нарушение умышленный характер (scienter / fraud)?
 - о Нет → Риск недостоверности был договорно перераспределен. Ответственность ограничивается договорными средствами защиты (breach of warranty).
 - о Да → Договорное ограничение не действует в силу публичного порядка. Возможен деликтный иск о мошенничестве (fraudulent misrepresentation).

Главное достоинство предложенной модели, как убежден ее автор, заключается в ее способности непротиворечиво объяснить и примирить те судебные решения, которые на первый взгляд кажутся конфликтующими [1, с. 560–562]. Когда суд отказывает покупателю в деликтном иске, несмотря на серьезность нарушения, он исходит из того, что стороны своим договором перераспределили соответствующий риск, и покупатель получил адекватную компенсацию в виде договорной защиты. Когда же суд допускает деликтный иск о мошенничестве, он, по логике С. Шварца, либо констатирует, что ложное утверждение не было частью договорного «обмена рисками», либо устанавливает умысел продавца, который невозможно покрыть договором. Таким образом, противоречия снимаются: оба исхода являются не взаимоисключающими, а проистекают из последовательного применения единого аналитического стандарта – risk-shifting framework.

Изложенная модель обладает значительным потенциалом для доктринального осмысления и в контексте российского частного права. С введением в Гражданский кодекс РФ статьи 431.2 «Заверения об обстоятельствах» отечественный правопорядок легализовал институт, функционально близкий к representations and warranties, что неизбежно привело к ряду вопросов. Предлагаем провести краткий сравнительный анализ общих положений, в частности п. 2 ст. 431.2 ГК в сравнении с рассматриваемой моделью. Дело в том, что в логике Шварца право на отказ от договора – это не просто еще одно средство защиты, а принципиально иной механизм, который, подобно деликтному иску о мошенничестве в англо-американском праве, позволяет потерпевшей стороне полностью выйти из договорных отношений. При этом российский законодатель, в отличие от того, что предлагает модель Шварца, не связывает это право ни с характером вины нарушителя, ни с анализом распределения рисков – единственным критерием выступает «существенное значение» заверения для стороны. Именно здесь возникает концептуальное напряжение между двумя подходами, которое и станет предметом нашего анализа.

Модель Шварца допускает возможность деликтного иска о мошенничестве лишь в двух случаях: когда риск недостоверности не был охвачен договорным распределением, либо когда нарушение носило умышленный характер и потому не может быть покрыто договором в силу публичного порядка [1, с. 558–560]. Российский же законодатель в п. 2 ст. 431.2 ГК РФ избрал принципиально иной критерий – существенное значение заверения для потерпевшей стороны, независимо от вины заверителя.

Модель Шварца допускает возможность выхода за рамки исключительно договорных средств защиты только в двух случаях: либо когда ложное заверение касалось риска, который вообще не был охвачен договорным распределением, либо когда нарушение носило умышленный характер, то есть имело место мошенничество. Иными словами, если риск недостоверности был осознанно перераспределен договором, покупатель ограничен требованием о нарушении гарантии, если только продавец не совершил обман. Российский же законодатель в пункте 2 статьи 431.2 ГК РФ выбрал принципиально иной критерий – право на отказ от договора возникает, когда заверение имело для потерпевшей стороны существенное значение.

Ключевой вопрос, который предлагает задавать судье модель Шварца, – был ли риск недостоверности данного утверждения пере-

распределён договором, то есть включён ли он в раздел «Заверения и гарантии» и на каких условиях. Если ответ утвердительный, то средства защиты по общему правилу должны быть договорными. Российское регулирование в пункте 2 статьи 431.2 ГК РФ смещает акцент с анализа распределения рисков на оценку того, насколько важным было конкретное заверение для принятия потерпевшей стороной решения о заключении договора. Таким образом, модель Шварца ориентируется на волю сторон в отношении распределения рисков, а отечественная норма – на субъективную значимость сведений для полагающейся стороны.

Стоит отметить, что следствием применения модели Шварца, когда установлен умысел или риск не был договорно распределён, становится возможность деликтного иска о мошенничестве (tort of deceit) с полным возмещением убытков, включая штрафные убытки (punitive damages), которые не ограничены договорными лимитами [1, с. 560]. При этом сама сделка, как правило, сохраняется – истец получает расширенное возмещение. Отечественный же механизм, заложенный в пункте 2 статьи 431.2 ГК РФ, предоставляет потерпевшей стороне принципиально иное средство – право на односторонний внесудебный отказ от договора. Это прекращает договорные обязательства на будущее, после чего сторона может требовать возмещения убытков или неустойки. Таким образом, российский подход более радикален в части сохранения договорной связи: он позволяет полностью выйти из сделки, а не просто увеличить размер денежной компенсации.

Иллюстрация модели на примерах судебной практики Англии и США

Для проверки предложенной С. Шварцем аналитической модели целесообразно обратиться к известным прецедентам, в которых суды разграничивали договорную и деликтную ответственность за недостоверные утверждения. Как будет показано ниже, модель «сдвига риска» позволяет непротиворечиво интерпретировать на первый взгляд разнонаправленные решения, выявляя их общую логику [1, с. 560–562].

Английские прецеденты: *Idemitsu v Sumitomo* и *Sycamore Bidco v Breslin*

Классической иллюстрацией договорной логики, полностью укладывающейся в модель С. Шварца, служит дело *Idemitsu Kosan Co Ltd v Sumitomo Corporation* [5]. Японская корпорация *Idemitsu* приобрела акции британской компании у *Sumitomo*; договор купли-продажи (SPA) содержал подробный раздел «Гарантии» (Warranties). После закрытия сделки покупатель обнаружил несоответствия в финансовой отчетности и, помимо иска о нарушении гарантий, попытался заявить требование о введении в заблуждение (misrepresentation). Судья Блэр отказал в деликтном иске, указав, что договорные гарантии сами по себе не являются одновременно и заверениями (representations), если только стороны не выразили такое намерение с полной определенностью. С точки зрения модели С. Шварца, данный вывод означает, что стороны инкорпорировали риск недостоверности соответствующего утверждения в договорный механизм [1, с. 556–557]. Покупатель принял этот риск в обмен на право требовать возмещения договорных убытков; деликтная ответственность здесь исключена.

Аналогичной логике следовал Высокий суд Англии и Уэльса в решении *Sycamore Bidco Ltd v Breslin* [6]. Покупатель акций утверждал, что продавцы не раскрыли существенные финансовые обязательства компании-цели, и требовал возмещения убытков как за нарушение гарантий, так и на основании введения в заблуждение. Судья Манн, проанализировав текст SPA, пришел к выводу, что стороны намеревались ограничить средства правовой защиты договорными – ни одна из гарантий не была обложена в форму отдельного заверения. Применение модели «сдвига риска» показывает, что воля сторон была направлена на сознательное распределение рисков, а значит, деликтный иск невозможен. Оба прецедента демонстрируют, что английское право, по крайней мере в сфере M&A, склонно к договорному детерминизму, а модель С. Шварца дает ему убедительное теоретическое обоснование [1, с. 560–562].

Американская специфика: оговорка *sandbagging*

В праве США, напротив, сложилась более прагматичная практика, которая, однако, также может быть объяснена через «risk-shifting framework». Речь идет об оговорке «*sandbagging*», широко распространенной в американских договорах M&A. Суть оговорки заключается в том, что покупатель сохраняет право требовать возмещения убытков за нарушение заверений и гарантий, даже если на момент закрытия сделки он знал (или имел основания знать) о недостоверности соответствующего утверждения продавца. В английской практике подобное поведение зачастую лишает покупателя защиты, поскольку он не может считаться разумно полагавшимся на утверждение [1, с. 557].

Модель С. Шварца позволяет непротиворечиво объяснить феномен *sandbagging* [1, с. 557–558]. Включая такую оговорку в договор, стороны прямо и недвусмысленно перераспределяют риск: продавец принимает на себя риск даже тех нарушений, о которых покупатель осведомлен, в обмен, как правило, на более высокую цену сделки или иные уступки. Поскольку этот риск охвачен договорным регулированием, оснований для выхода за пределы договорных средств защиты не возникает – и именно это и происходит в судебной практике США. Таким образом, *sandbagging* является не исключением из модели, а ее наглядным подтверждением: договорное перераспределение риска полностью исключает деликтную ответственность, но ровно в тех границах, в которых стороны выразили свою волю.

Пределы модели: оговорка об исключении мошенничества (*fraud carve-out*)

Наконец, важнейшей иллюстрацией третьего шага модели – предела добросовестности – служит широко применяемая в обеих юрисдикциях оговорка об исключении мошенничества (*fraud carve-out*) [1, с. 558–560]. Стороны, устанавливая договорные лимиты ответственности (совокупный потолок убытков, сокращенные сроки исковой давности и т.п.), практически всегда сопровождают их указанием на то, что данные ограничения не применяются в случае умышленного обмана (*fraud*).

С. Шварц концептуально обосновывает то, что рынок давно принял как стандарт: никакой договор не может легитимировать право стороны на заведомо ложное утверждение [1, с. 559]. Умысел выходит за рамки того, что стороны могли разумно подразумевать под «распределением рисков», и правопорядок отказывает такому поведению в защите. Именно поэтому суды, включая английские (см., например, недавнее решение Апелляционного суда *Lonham Group Ltd v Scotbeef Ltd* [7], где даны важные разъяснения о соотношении representations, warranties и условий precedent в контексте страхового права, урегулированного Insurance Act 2015 [9]), и американские (где подход к *fraud carve-out* является устоявшимся) последовательно отказывают недобросовестной стороне в праве ссылаться на договорные ограничения ответственности при совершении мошенничества.

Таким образом, анализ судебных прецедентов подтверждает работоспособность модели С. Шварца [1, с. 560–562]. Она не только объясняет логику уже состоявшихся решений, но и предоставляет четкий ориентир для будущих споров, связывая воедино договорное распределение рисков, серьезность нарушения и публичный запрет на обман.

Заключение

Проведенный аналитический обзор концепции С. Шварца позволяет констатировать, что модель «сдвига риска» (risk-shifting framework) представляет собой заметный вклад в развитие научной дискуссии о правовой природе заверений и гарантий и последствиях их нарушения [1, с. 560–562]. Предложенный автором подход предлагает элегантный и внутренне непротиворечивый способ разрешения фундаментальной коллизии между двумя крайними позициями.

Центральный тезис модели состоит в том, что ключевым критерием разграничения договорной и деликтной ответственности за недостоверные утверждения является не их формальная квалификация в качестве «representations» либо «warranties» и не степень тяжести наступивших последствий, а ответ на вопрос, приняла ли сторона, полагающаяся на утверждение, риск его недостоверности в обмен на договорные средства защиты [1, с. 555–556]. Если этот риск был надлежащим образом инкорпорирован в договор, правовые последствия должны ограничиваться договорными механизмами [1, с. 556–557]; деликтный иск о мошенничестве допустим лишь тогда, когда нарушение не охватывается таким распределением рисков либо когда поведение заявителя носило умышленный характер, который в силу фундаментальных принципов публичного порядка не может быть застрахован частноправовыми оговорками [1, с. 558–560].

Разумеется, адаптация данной модели к российским реалиям является самостоятельной и весьма перспективной исследовательской задачей, которая не могла быть решена в рамках настоящего аналитического обзора. Вместе с тем уже сейчас можно утверждать, что концепция «сдвига риска» обладает значительным потенциалом и заслуживает пристального внимания как со стороны академического сообщества, так и со стороны правоприменителей, сталкивающихся с необходимостью квалификации недостоверных заверений в коммерческом обороте [1, с. 562].

Литература

1. Schwarcz S.L. Representations & Warranties, Fraud, and Risk Shifting: An Analytical Framework // *George Washington Law Review*. – 2024. – Vol. 92, № 3. – P. 549–579.

2. Beatson J., Burrows A., Cartwright J. Anson's Law of Contract. – 31st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – lxxxviii, 726 p. – ISBN 9780198829973.

3. Goode R., McKendrick E. Goode and McKendrick on Commercial Law. – 6th ed. – London: Penguin Books, 2020. – cl, 1484 p. – ISBN 9780141991887.

4. Adams K. The Phrase «Represents and Warrants» Is Pointless and Confusing // ABA Business Law Today. – 2015. – October. – URL: https://www.americanbar.org/groups/business_law/resources/business-law-today/2015-october/the-phrases-represents-and-warrants-is-pointless-and-confusing/ (дата обращения: 01.03.2026).

5. Idemitsu Kosan Co., Ltd v Sumitomo Corporation [2016] EWHC 1909 (Comm) (High Court of Justice, Queen's Bench Division, Commercial Court, 27 July 2016).

6. Sycamore Bidco Ltd v Breslin & Anor [2012] EWHC 3443 (Ch) (High Court of Justice, Chancery Division, 30 November 2012).

7. Lonham Group Ltd v Scotbeef Ltd & Anor [2025] EWCA Civ 203 (Court of Appeal, Civil Division, 5 March 2025).

8. Restatement (Second) of Contracts / American Law Institute. – St. Paul, MN: ALI Publishers, 1981. – § 2.

9. Insurance Act 2015 (UK). – 2015. – Chapter 4. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/4/contents/enacted> (дата обращения: 06.02.2026).

10. Misrepresentation Act 1967 (UK). – 1967. – Chapter 7. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/7> (дата обращения: 25.01.2026).

RISK ALLOCATION IN THE INSTITUTION OF REPRESENTATIONS AND GUARANTEES: A MODERN PERSPECTIVE

Moiseev A.E.

Synergy Moscow University

This article presents an analytical review of Professor Steven L. Schwarcz's risk-shifting framework, developed to resolve the fundamental collision between contractual and tort liability for misrepresentations and warranties in M&A transactions. The framework's central criterion is not the formal label of a statement as a «representation» or a «warranty», nor the severity of the breach, but the parties' allocation of the risk of inaccuracy: if the risk is contractually incorporated, liability is confined to contractual remedies; a tort claim for fraud is permissible only when the breach is intentional or falls outside the contractual allocation of risk. The article details the step-by-step algorithm of the model, illustrates its application through English and U.S. case law, and undertakes a comparative analysis with the provisions of Article 431.2 of the Russian Civil Code. The study demonstrates that the risk-shifting framework not only reconciles seemingly conflicting judicial decisions but also provides a theoretical guidepost for the development of the Russian legal institution of «assurances of circumstances».

Keywords: representations and warranties, risk-shifting framework, fraud, contractual liability, tort liability, M&A, Article 431.2 of the Russian Civil Code, risk allocation.

References

1. Schwarcz S.L. Representations & Warranties, Fraud, and Risk Shifting: An Analytical Framework // George Washington Law Review. – 2024. – Vol. 92, № 3. – P. 549–579.

2. Beatson J., Burrows A., Cartwright J. Anson's Law of Contract. – 31st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – lxxxviii, 726 p. – ISBN 9780198829973.

3. Goode R., McKendrick E. Goode and McKendrick on Commercial Law. – 6th ed. – London: Penguin Books, 2020. – cl, 1484 p. – ISBN 9780141991887.

4. Adams K. The Phrase «Represents and Warrants» Is Pointless and Confusing // ABA Business Law Today. – 2015. – October. – URL: https://www.americanbar.org/groups/business_law/resources/business-law-today/2015-october/the-phrases-represents-and-warrants-is-pointless-and-confusing/ (дата обращения: 01.03.2026).

5. Idemitsu Kosan Co., Ltd v Sumitomo Corporation [2016] EWHC 1909 (Comm) (High Court of Justice, Queen's Bench Division, Commercial Court, 27 July 2016).

6. Sycamore Bidco Ltd v Breslin & Anor [2012] EWHC 3443 (Ch) (High Court of Justice, Chancery Division, 30 November 2012).

7. Lonham Group Ltd v Scotbeef Ltd & Anor [2025] EWCA Civ 203 (Court of Appeal, Civil Division, 5 March 2025).

8. Restatement (Second) of Contracts / American Law Institute. – St. Paul, MN: ALI Publishers, 1981. – § 2.

9. Insurance Act 2015 (UK). – 2015. – Chapter 4. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/4/contents/enacted> (дата обращения: 06.02.2026).

10. Misrepresentation Act 1967 (UK). – 1967. – Chapter 7. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/7> (дата обращения: 25.01.2026).

Контрольно-надзорная деятельность государства в сфере предпринимательства: организационно-правовые ориентиры безопасности и устойчивого развития предпринимательской деятельности

Самитов Даниил Александрович,
аспирант, Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Статья посвящена комплексному исследованию организационно-правовых основ государственного контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности. В работе на основе анализа действующих в Российской Федерации нормативных правовых актов рассмотрены ключевые организационные и правовые аспекты реализации контрольно-надзорных полномочий в отношении субъектов предпринимательства. По результатам исследования выявлены основные проблемы функционирования системы государственного контроля и надзора в предпринимательской сфере, препятствующие обеспечению надлежащего баланса между задачами государственной безопасности и необходимостью устойчивого развития предпринимательской деятельности. К числу таких проблем относятся правовая неопределенность, избыточная административная нагрузка на предпринимателей, недостаточная сформированность критериев оценки рисков и показателей эффективности контрольных и надзорных мероприятий, а также иные организационно-правовые затруднения. На основании проведенного анализа обоснованы возможные направления совершенствования рассматриваемой сферы, включая усиление профилактической направленности контрольно-надзорной деятельности, оптимизацию форм и методов межведомственного взаимодействия, а также дальнейшее развитие досудебных механизмов обжалования решений и действий органов государственного контроля и надзора.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность государства, предпринимательская сфера, хозяйствующий субъект, реализация правовых норм, цифровая трансформация.

Значимость исследования организационно-правовых аспектов осуществления государственного контроля и надзора в отношении субъектов предпринимательской деятельности определяется необходимостью обеспечения равенства всех участников экономических отношений перед законом. Реализация государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства обусловлена объективной потребностью в поддержании законности деятельности хозяйствующих субъектов, а также в обеспечении устойчивого функционирования экономической системы государства посредством соблюдения баланса между публичными и частными интересами.

Поскольку предпринимательская деятельность направлена на систематическое получение прибыли и осуществляется в условиях экономической свободы, она неизбежно сопряжена с определенными рисками, включая возможность причинения вреда социальной сфере и экономике страны. Указанные обстоятельства позволяют рассматривать государственный контроль и надзор как один из важнейших инструментов предупреждения и пресечения правонарушений в предпринимательской сфере, а также минимизации негативных последствий, возникающих вследствие несоблюдения установленных законодательством требований как экономическими субъектами, так и самими контрольными органами.

Организационно-правовые вопросы государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства приобретают особую актуальность в условиях трансформации российского законодательства и цифровизации экономики. Практическая значимость рассматриваемой проблематики заключается в возможности оценки применяемых в отношении субъектов предпринимательства в России методов государственного контроля и надзора. Несмотря на то что данные методы в целом могут рассматриваться как эффективные, отдельные вопросы правового и организационного характера сохраняют проблемный характер. Их нерешенность на фоне ежегодно возрастающих внешнеполитических рисков способна выступать одним из факторов угрозы устойчивости социально-экономической системы Российской Федерации.

Организационно-правовые основы государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства в России раскрываются прежде всего в законодательных актах, определяющих правовой статус, компетенцию и порядок деятельности уполномоченных органов, а также права и обязанности субъектов предпринимательской деятельности при проведении контрольно-надзорных мероприятий. Особое значение в системе нормативно-правового регулирования имеет Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который закрепляет общие принципы, формы, порядок организации и осуществления контроля и надзора. Указанный федеральный закон содержит положения об участниках соответствующих правоотношений, их полномочиях, правах и обязанностях, а также об оценке эффективности контрольной деятельности и ведении единого реестра видов контроля и контрольных (надзорных) мероприятий [1].

Правовая защита субъектов предпринимательства также обеспечивается Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Данный нормативный правовой акт был принят в целях конкретизации прав субъектов предпринимательской деятельности при проведении уполномоченными органами контрольно-надзорных мероприятий, а также для закрепления механизмов защиты их прав и определения порядка привлечения к ответственности при выявлении нарушений требований законодательства. В Федеральном законе № 294-ФЗ отражены основные принципы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении контроля и надзора (ст. 3), а также установлены режимы проведения проверок и ограничения, действующие в ходе контрольно-надзорных мероприятий (ст. 13.1–13.3) [2].

В Российской Федерации система государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства функционирует на основе

координационных и исполнительных механизмов, закрепленных как в указанных федеральных законах, так и в подзаконных нормативных правовых актах, принимаемых Правительством Российской Федерации и уполномоченными органами. Совокупность данных нормативных правовых актов формирует методологическую и процедурную основу планирования, организации и проведения конкретных мероприятий по государственному контролю и надзору в отношении предпринимательской деятельности. Это обеспечивает системность и единообразие правоприменения, а также способствует реализации риск-ориентированного подхода, направленного на повышение эффективности деятельности контрольно-надзорных органов [3].

Государственный контроль и надзор в сфере предпринимательства в России осуществляют федеральные и региональные органы исполнительной власти, наделенные соответствующими полномочиями, а также органы местного самоуправления в пределах осуществления муниципального контроля [4].

Анализ научной литературы и практики осуществления государственного контроля и надзора свидетельствует о наличии ряда организационных проблем, связанных, в частности, с административным давлением на предпринимательские структуры. Оно проявляется в создании для бизнеса дополнительных барьеров, обусловленных чрезмерным объемом обязательных требований и контрольных процедур. Результаты опросов, проводимых различными аналитическими агентствами, показывают, что интенсивность контрольной деятельности и связанные с ней издержки воспринимаются субъектами предпринимательства как фактор, сдерживающий развитие деловой активности.

Анализ научных источников в сфере юриспруденции свидетельствует о том, что российские исследователи уделяют значительное внимание организационно-правовым проблемам государственного контроля и надзора в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Одной из центральных проблем является недостаточная юридическая определенность норм, регулирующих контрольно-надзорную деятельность. Данное обстоятельство снижает эффективность системы государственного контроля, формируя риски неоднородного и произвольного правоприменения.

Наличие противоречий между целями государственного контроля и способами их практической реализации порождает правовую нестабильность, а также затрудняет понимание объема обязанностей как субъектов предпринимательства, так и контролирующих органов. Несмотря на действие положений Федерального закона № 294-ФЗ, в правоприменительной практике сохраняется недостаточная эффективность механизмов защиты прав предпринимателей и возмещения ущерба, причиненного в результате неправомерных действий контрольно-надзорных органов [2].

Применение риск-ориентированного подхода также остается одним из приоритетных вопросов совершенствования системы государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства. Несмотря на его внедрение в деятельность уполномоченных органов, исследователи указывают на наличие проблемы, связанной с разработкой четких критериев оценки рисков и их соотношением с реальными показателями эффективности контрольных мероприятий.

Выявленные организационно-правовые проблемы государственного контроля и надзора в предпринимательской сфере требуют своевременного решения, поскольку от эффективности деятельности контрольно-надзорных органов во многом зависят темпы социально-экономического развития страны, а также устойчивость национальной экономики к внешним воздействиям.

Одним из ключевых направлений совершенствования системы государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства выступает устранение правовой неопределенности, поскольку именно она способствует размыванию границ правоприменения. В этой связи представляется целесообразным внесение изменений в Федеральный закон № 248-ФЗ, направленных на уточнение понятийного аппарата, более четкое разграничение видов контрольных мероприятий и закрепление критериев применения соответствующих процедур. Реализация указанных мер позволит снизить уровень субъективности при принятии решений должностными лицами и усилить правовую защиту предпринимателей [1].

Актуальным направлением также является последовательное сокращение административных барьеров и устранение избыточного регулирования в сфере контроля предпринимательской деятельности. В целях исключения дублирующих составов правонарушений и согласования норм административной ответственности с логикой риск-ориентированного подхода необходимо внесение соответствующих изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Одним из перспективных способов повышения качества государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства может стать дальнейшая цифровизация контрольно-надзорной деятельности. В данном контексте особое значение приобретает развитие электронных инструментов оценки и мониторинга рисков, позволяющих концентрировать ресурсы уполномоченных органов на действительно значимых и потенциально опасных сферах, а не на формальных проверочных процедурах.

В целях повышения эффективности государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон № 248-ФЗ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Такие изменения могли бы способствовать укреплению системы защиты предпринимателей при проведении контрольно-надзорных мероприятий, в том числе посредством закрепления механизма освобождения бизнеса от ответственности при добровольном устранении выявленных нарушений.

Кроме того, к числу значимых направлений совершенствования рассматриваемой сферы следует отнести:

- расширение профилактической направленности контрольно-надзорной деятельности уполномоченных органов;
- совершенствование форм и методов межведомственного взаимодействия;
- развитие досудебных механизмов обжалования решений и действий органов государственного контроля и надзора;
- повышение квалификации и ответственности должностных лиц контрольно-надзорных органов.

Таким образом, совершенствование организационно-правовых основ государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства направлено на достижение баланса между обеспечением общественной, в том числе национальной, безопасности и развитием предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Проведенный анализ позволил выявить наличие ряда организационно-правовых проблем в системе государственного контроля и надзора, решение которых в ближайшей перспективе будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию страны

Литература

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: <https://base.garant.ru/74449814/> (дата обращения: 17.02.2026).
2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 29.12.2025). URL: <https://base.garant.ru/12164247/> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Административная ответственность индивидуальных предпринимателей: вопросы теории и практики / Н.С. Жирков, С.С. Дыба, Д.А. Рыбалко, Ю.И. Чернов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 101–103.
4. Исхаков М.М. Государственная политика в сфере предпринимательства / М.М. Исхаков // Студенческий вестник. 2025. № 20–7 (353). С. 38–41.

STATE CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN ENTREPRENEURSHIP: ORGANIZATIONAL AND LEGAL GUIDELINES FOR SECURITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Samitov D.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to a comprehensive study of the organizational and legal foundations of state control and supervision in the sphere of entrepreneurial activity. Based on an analysis of the regulatory legal acts currently in force in the Russian Federation, the paper examines the key organizational and legal aspects of exercising control and supervisory powers in relation to business entities. The study identifies the main problems in the functioning of the system of state control and supervision in the entrepreneurial sphere that hinder the establishment of an appropriate balance between the objectives of national security and the need for the sustainable development of entrepreneurial activity. These problems include legal uncertainty, excessive administrative burden on entrepreneurs, insufficient development of risk assessment criteria and indicators for evaluating the effectiveness of control and supervisory measures, as well as other organizational and legal difficulties. On the basis of the analysis conducted, the paper substantiates possible areas for improving the field under consideration, including strengthening the preventive orientation of control and supervisory activities, optimizing the forms and methods of interdepartmental cooperation, and further developing pre-trial mechanisms for appealing decisions and actions of state control and supervisory bodies.

Keywords: state control and supervisory activities, entrepreneurial sphere, business entity, implementation of legal norms, digital transformation.

References

1. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 (as amended on 29.12.2025, as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2026). URL: <https://base.garant.ru/74449814/> (date of access: 17.02.2026).

2. On the protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control: Federal Law No. 294-FZ of 26.12.2008 (as amended on 29.12.2025). URL: <https://base.garant.ru/12164247/> (date of access: 17.02.2026).

3. Administrative responsibility of individual entrepreneurs: issues of theory and practice / N.S. Zhirkov, S.S. Dyba, D.A. Rybalko, Yu.I. Chernov // Eurasian Law Journal. 2022. No 3 (166). Pp. 101–103.

4. Iskhakov M.M. State policy in the field of entrepreneurship / M.M. Iskhakov // Student Bulletin. 2025. No. 20–7 (353). Pp. 38–41.

Святкин Денис Константинович,

аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
E-mail: skons46@yandex.ru

Проведенное исследование позволило установить, что в настоящее время в России отсутствует понимание необходимости и четкая регламентация внедрения каких-либо эффективных инструментов наследственного планирования для семейного бизнеса, в том числе, семейной конституции. Масштаб и специфика проблемы связаны с тем, что лишь пятая часть собственников крупного бизнеса имеют детально проработанный план наследственного преемства, тогда как он необходим для устранения проблем, связанных с конфликтами между наследниками, длительными судебными тяжбами и иными обстоятельствами, мешающими развитию бизнеса. Цель проведенного исследования заключается в обосновании необходимости внедрения «семейной конституции» как инструмента наследственного планирования в целях минимизации конфликтов при передаче бизнеса между поколениями с последующим разграничением категорий «преемственность» (с точки зрения продолжения семейного бизнеса) и «наследование» (с точки зрения обеспечения благосостояния наследников). Предметом исследования выступило само влияние «семейной конституции» на наследование семейного бизнеса в России. Применение таких методов исследования, как историко-правовой анализ, анализ судебной практики по наследственным спорам, оценка доктринальных подходов и кейсов позволило установить неподготовленность российского бизнеса в целом к смене поколений в ближайшие годы, определить ключевые факторы кризиса и обосновать роль семейной конституции в урегулировании наследственных споров. Так как семейная конституция – это своеобразный свод правил, основанных на семейных ценностях и традиция, она может выступить фактором добровольного и надлежащего исполнения обязательств, существующих в семейном, наследственном, корпоративном праве. Научной новизной в данном случае является обоснование на основе комплексного анализа проблемы наследования бизнеса необходимости развития института семейной конституции в России как механизма, сочетающего как правовые, так и социокультурные аспекты. Таким образом формируется процесс обеспечения бесконфликтной преемственности и сохранения семейного капитала, что, в свою очередь, позволит снизить риски дестабилизации российской экономики.

Ключевые слова: наследование, семейная конституция, семейный бизнес, капитал, наследство, преемственность.

Как показывают последние исследования только у шестнадцать процентов собственников крупного бизнеса есть детально проработанный план наследственного преемства¹. Исторически доказано, что многие семейные состояния растворяются уже к третьему поколению по различным причинам. Так, нередко смерть основателя бизнеса приводит к разрушению созданного им бизнеса в силу противоречий и нежелания наследников договариваться и уступать друг другу на основании взаимоприемлемых соглашений. Помимо этого, классические западные традиции наследственной преемственности через трасты, фонды и плавные процедуры наследования (Succession Planning) либо неприменимы, либо лишь отчасти применимы для российской современной действительности. Связано это, прежде всего с тем, что ни одна из развитых стран, в отличие от Российской Федерации (ранее Российской империи и, далее, Советской России) не переживала, подобного нашему государству, опыта разрыва института собственности. Например, история Российской империи называет «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и Ко» крупнейшим текстильным предприятием, созданного на основе семейного бизнеса и ставшего эталоном предпринимательства эпохи индустриализации. К сожалению, предприятие прекратило свое существование, так как активы были национализированы после октябрьской революции 1917 года. Тем не менее, в указанную эпоху (особенно с XVIII и до начала XX веков) конфликты при наследовании были главными причинами распада семейных торговых, а также промышленных домов. Яркими примерами являются – раздел и, в итоге дробление и упадок, «империи» Акинфия Демидова (1745 г.) между его сыновьями и второй женой; конфликт наследников (четыре сына и супруги) Саввы Яковлева (после 1784 г.) в отношении огромной империи двадцати двух заводов, капиталов, управления общей недвижимостью, где споры продолжались до начала XIX века, и в итоге произошел распад на отдельные владения, ни один из сыновей не достиг масштабов деятельности отца; раздел Златоустовского горнозаводского округа (рода Лугининых) сопровождался борьбой за наследство, а в дальнейшем, вследствие неэффективного управления, роста долгов и признания несостоятельности владельцев заводы перешли в казну (государственную собственность).

Безусловно, в российской истории есть также семьи, которые смогли не только сохранить, но и приумножить семейный капитал, расширить бизнес, сформированный предыдущими поколениями. Примеров можно привести множество, каждый из них – это династии, которые на протяжении веков смогли создать, развить и масштабировать определенный вид производства. Династия Демидовых – основатели и в последующем потомки, посвятившие жизнь развитию уральского металлургического производства, Абрикосовы – известные кондитеры, создавшие крупнейшую кондитерскую индустрию (ныне – концерн «Бабарский»), чьи традиции передаются из поколения в поколение.

В современной России, после 1991 года, также есть примеры семейного бизнеса, зачастую – это холдинги, где дети и/или родственники основателей включены в управление: Семья Гучериевых (недвижимость, нефть); семья Шаймиевых (нефтепереработка, нефтехимия, дорожное строительство); Лаборатория Касперского (сфера IT) и другие.

Однако неизбежно наступает такое время, когда капитал, основанный в 1990-х годах и сейчас уже признанный развитым, должен переходить от основателей (возраст большинства это 60+) к потомкам. Согласно исследованиям², «в течение ближайших 5–10 лет российский бизнес столкнется с критически неподготовленной сменой структур владения, управления и регулирования, что приведет к конфликтам различных сфер интересов», краеугольным камнем в которых станет наследственное правопреемство.

Основными факторами кризиса выступают следующие.

Во-первых, исторический разрыв формирования частной собственности от полного обнуления (с 1917 года) до современного этапа

¹ Бизнес по наследству: как правильно передать дело жизни детям [Электронный ресурс] // <https://sber.pro/publication/imperiya-po-nasledstvu-ili-kuda-uhodit-biznes/> (дата обращения: 12.04.2026).

² После нас – кто?: 5 шагов к осознанной передаче капитала [Электронный ресурс] // <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/posle-nas-kto-5-shagov-k-osoznannoj-peredache-kapitala/> (дата обращения: 20.04.2026).

(с 1991 года). Поэтому механизмы еще достаточно «молоды» и уязвимы с позиции правового регулирования.

Во-вторых, критическая неподготовленность к передаче бизнеса. Нередко, дети владельцев крупного бизнеса получают образование за рубежом, не возвращаются домой и ищут собственные пути самореализации. Чаще, выбирают карьеру, отличную от рода деятельности родителей и не готовы или не могут управлять компаниями семейного бизнеса.

Вышеуказанные факторы влекут за собой третий фактор, а именно: конфликт интересов и институциональный кризис. Необходимо признать, что в России ожидается рост конфликтов между наследниками, партнерами и топ-менеджерами современных компаний – лидеров различных рынков. Вышеуказанное будет сопровождаться с большой нагрузкой на судебную и фискальную систему, переделом собственности и поиском эффективных инструментов для принятия правовых и управленческих решений.

Одним из важных инструментов в реалиях российской действительности, влияющих на принятие окончательного решения о формате наследственного правопреемства (завещание, наследственный договор, наследственный или личный фонд) может стать так называемая «семейная конституция».

Действительно, наследственное планирование – это не только процедура, как правильно составить завещание или наследственный договор в надежде на то, что все цели, которые опосредует содержание данных документов будут достигнуты. Важно понимание эффективных подходов к передаче бизнеса, включающих алгоритм реализации института правопреемства, исходя не только из построения будущих и желаемых результатов, а из формирования фундамента развития через поколения, основанного при жизни основателей бизнеса.

Как правовая категория «семейная конституция» отсутствует в законодательстве, то есть в своем содержании опирается не на букву закона, а на общие ценности и традиции конкретного рода.

Доктриной предприняты попытки в выработке общей концепции ее понимания. Так, В.О. Вяткин указывает, что семейная конституция – это «документ, устанавливающий состав и статус членов семьи, формулирующий семейные ценности, традиции и ритуалы, определяющий порядок разрешения конфликтов»¹. В свою очередь, Р.В. Решетюк, Г.Г. Копысов определяют «семейную конституцию (или семейный протокол) как согласованный между членами семьи документ, в котором описываются взгляды семьи по наиболее важным для них вопросам и принципы взаимодействия между членами семьи и бизнесом. Этот документ служит базой, на которую могут опираться семья и ее потомки»².

В целях исследования и построения позиции о необходимости введения в семейный бизнес инструмента «семейной конституции» видится важным разграничить категории «преемственность» и «наследование» для разграничения составляющих ее частей. Формирование положений о преемственности в семейной конституции – это вопросы о продолжении дела (бизнеса); положения о наследовании – это формирование позиции о благосостоянии наследников. Основателям бизнеса (родителям) нужно понимать возможности разграничения категорий. В порядке наследования потомков можно просто обеспечить, передав им имущество, деньги, ценные бумаги без права участия в управлении бизнесом. Преемственность же связана с неразрывно связанными между собой алгоритмами, каждый из которых необходимо реализовать для того, чтобы инструмент «семейной конституции» работал.

Важное значение, безусловно, отводится этапу подготовки к передаче бизнеса, чтобы смена поколений проходила безболезненно и для функционирующего в настоящее время бизнеса, и для будущего поколения. Постулаты, которые станут основой для содержания «семейной конституции» должны формироваться в течение нескольких лет, возможно десятилетий, видоизменяясь и проходить долгий путь принятия каждым членом семьи.

Очень важно в этой связи определение роли каждого приемника, его способностей, желаний, вовлеченности в семейное дело. Для формирования правил семейной конституции необходимо прояснить планы на будущее для каждого из членов семьи, установить правила обсуждения и принятия решений, алгоритмы внутрисемейного диалога (семейный совет, привлечение независимого переговорщика-консультанта), с помощью которых семья останется единой ячейкой

даже после ухода из жизни основателя/основателей бизнеса. Следует признать этот комплексный долговременный процесс очень важным для последующего обеспечения непрерывного управления бизнесом, возможности защиты активов и, наконец, минимизации конфликтов между наследниками.

Семейная конституция призвана сформировать единообразное представление всех членов семьи – будет ли происходить управление бизнеса потомками или бизнесом будут управлять профессиональные менеджеры, а дети будут получать только доход в виде дивидендов, роялти и т.п., возможна ли продажа бизнеса и какие условия должны быть соблюдены наследниками. В случае вовлечения наследников в бизнес после смерти, необходимо заключение корпоративного договора, внесение изменений (либо проверка на наличие) в устав, положений о порядке перехода долей к наследникам.

В семейной конституции важное значение имеют положения о создании семейного совета – органа, где вырабатывается единая стратегия семьи, учитывается мнение каждого члена при формировании ключевых семейных решений, осуществляется подготовка младшего поколения к принятию ответственности за семейное наследие.

Существование семейной конституции, правила которой приняты и поддерживаются каждым членом семьи – это процесс формирования доверия как внутри дома, так и в бизнесе, также это возможность ведения диалога и поиск баланса интересов каждого участника, где главная роль принадлежит семейным ценностям, традициям, воспитанию и образованию. Данный инструмент помогает превратить процесс наследования из потенциального источника конфликтов в структурированный переход управления от одного поколения к другому.

Можно выделить следующие заблуждения, с которыми уже сталкивается современный бизнес в случае смерти наследодателя и необходимости преемственности.

Основатели бизнеса пребывают в уверенности, что современные юридические (законодательно закрепленные) инструменты и стратегии работают сами по себе, в связи с их легально закрепленным механизмом реализации. В случае их применения активы бизнеса будут защищены и план их передачи будет реализован без проблем.

Другая ошибка строится на вере в способность наследников (членов семьи) достигать согласия в вопросах управления активами.

Громкие судебные разбирательства по спорам наследников больших бизнес-индустрий показывают, что хорошо спланированные инструменты далеко не всегда предотвращают конфликты. Они просто не работают без осознанного выбора людей, вовлеченных в процессы принятия решений, то есть отсутствуют правила семейной конституции, которые были бы заранее приняты и добровольно исполнялись в качестве общей стратегии семьи.

В качестве примера следует привести дело основателя Natura Siberica Андрея Трубникова, после смерти которого бизнес оказался в центре затяжного конфликта. За его бизнес боролись наследники с разнонаправленными интересами в отношении будущего компании. Отсутствие формирования общей стратегии наследственного планирования привело к «параличу управления», закрытию магазинов и угрозе существования компании³.

Еще одна смерть совладельца Стройлесбанка, лакокрасочной фабрики Terperntin, инвестиционно-строительной компанией «Импульс», создателя уникальной яхты «Черная жемчужина» Олега Бурлакова развернула в 2021 году масштабную борьбу между вдовой, дочерьми (они не указаны в рукописном завещании), сестрой (наследницей по завещанию) и партнерами за бизнес-активы, прекратившись в длительную судебную тяжбу не закончившуюся до конца в 2026 году, повлекшую и открытие банкротного производства в отношении наследственной массы и появление внебрачного ребенка, вступившего в борьбу за активы⁴.

«Элита в сегменте молочной продукции. Красивая упаковка, сильный узнаваемый бренд. Создателю компании «Ростагроэкспорт» Борису Александрову удалось убедить потребителей, что за обычный творожный сырок можно платить пятьдесят рублей. Сам он умер в конце 2020 года от коронавируса. Завещания не оставил, чем совершил роковую ошибку, но не для себя, а для своих родственников и бизнес-партнеров»⁵. Такие строки в конце 2020 года появились во всех новостях интернет-порталов. В 2026 году до конца конфликт наследников

³ Скандал в благородном семействе, или что произошло с Natura Siberica [электронный ресурс] // <https://moskvichmag.ru/krasota-i-zdorove/skandal-v-blagorodnom-semejstve-iii-chto-proizoshlo-s-natura-siberica/> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴ Борьба за миллиардное наследство: родство против отцовства [электронный ресурс] // <https://pravo.ru/story/240358/> (дата обращения: 22.04.2026).

⁵ «Сырок раздора»: Как наследники спорят за миллиарды умершего бизнесмена Бориса Александрова [электронный ресурс] // <https://www.kp.ru/daily/27410.5/4608353/?from=twall> (дата обращения: 22.04.2026).

¹ Вяткин В.О. Наследственная стратегия и другие инструменты наследственного планирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2. С. 64–77.

² Решетюк Р.В., Копысов Г.Г. Участие семьи в управлении бизнесом. Роль семейных советов в формировании устойчивого механизма преемственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 82–91.

и партнеров до конца не разрешен. Фактически, бренд в прежнем виде перестал существовать, споры между наследниками, партнерами и топ-менеджерами перешли в плоскость раздела активов и взыскания убытков, затянувшись до настоящего времени.

Исследования многолетней судебной практики позволяют прийти к выводу, что в российской бизнес-среде отсутствуют фундаментальное понимание процесса передачи бизнеса и необходимости внедрения «семейной конституции» как инструмента выработки дисциплины и ответственности наследников за будущее управление активами, организации диалога в формате семейного совета и формулирования ценностей семьи, постепенное и основательное вхождение наследников в бизнес, в целях получения навыков организации бизнес-процессов.

Построение семейной конституции – процесс достаточно долгий, позиции в семьях вначале хаотичны и неустойчивы в выработке своих семейных правил, но, постепенно, хотя возможно и через сопротивление, могут обеспечить реальные изменения, а система семейных ценностей стабилизируется и правила становятся «чем-то привычным и само собой разумеющимся». Семейная конституция логично становится частью жизни семьи.

Конечно, нужно принять тот факт, что вхождение наследников в процесс контроля над бизнесом не гарантирует унаследованных талантов основателя или деловых навыков, а скорее показывает приверженность семейным традициям, уважение к основателю, и констатирует родство. Тем не менее, правила семейной конституции и их принятие каждым членом дают определенный ориентир при разрешении конфликтов на ранних стадиях их зарождения, а именно: обращаться не в судебные инстанции, а к альтернативным способам урегулирования споров.

Очевидно, что вопрос применения инструмента «семейной конституции» в наследственном планировании бизнеса выходит в актуальную повестку дня, и со временем ситуация будет меняться в сторону обязательного обращения к исследуемому институту. Тем более, что задача «сохранить и приумножить» капитал становится все более сложной в силу усложнения структуры связей семьи от поколения к поколению.

Литература

1. Бизнес по наследству: как правильно передать дело жизни детям [Электронный ресурс] // <https://sber.pro/publication/imperiya-po-nasledstvu-ili-kuda-uhodit-biznes/> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Борьба за миллиардное наследство: родство против отцовства [электронный ресурс] // <https://pravo.ru/story/240358/> (дата обращения: 22.04.2026).
3. Вяткин В.О. Наследственная стратегия и другие инструменты наследственного планирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2. С. 64–77.
4. После нас – кто?: 5 шагов к осознанной передаче капитала [Электронный ресурс] // <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/posle-nas-kto-5-shagov-k-osoznannoj-peredache-kapitala/> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Решетюк Р.В., Копысов Г.Г. Участие семьи в управлении бизнесом. Роль семейных советов в формировании устойчивого механизма преемственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 82–91.
6. Скандал в благородном семействе, или что произошло с Natura Siberica [электронный ресурс] // <https://moskvichmag.ru/krasota-i-zdorove/skandal-v-blagorodnom-semejstve-ili-chto-proizoshlo-s-natura-siberica/> (дата обращения: 22.04.2026).

ove/skandal-v-blagorodnom-semejstve-ili-chto-proizoshlo-s-natura-siberica/ (дата обращения: 22.04.2026).

7. «Сырок раздора»: Как наследники спорят за миллиарды умершего бизнесмена Бориса Александрова [электронный ресурс] // <https://www.kp.ru/daily/27410.5/4608353/?from=twall> (дата обращения: 22.04.2026).

THE INFLUENCE OF THE INSTITUTION OF THE «FAMILY CONSTITUTION» ON THE INHERITANCE OF BUSINESS IN RUSSIA

Svyatkin D.K.

Russian State University of Justice V.M. Lebedev

The conducted research has allowed us to establish that currently in Russia there is no understanding of the need and clear regulation of the introduction of any effective inheritance planning tools for family business, including the family constitution. The scale and specifics of the problem are related to the fact that only a fifth of the owners of large businesses have a detailed succession plan, whereas it is necessary to eliminate problems related to conflicts between heirs, lengthy litigation and other circumstances that hinder business development. The purpose of the study is to substantiate the need to introduce a "family constitution" as a tool for inheritance planning in order to minimize conflicts during business transfer between generations, followed by a distinction between the categories of "succession" (in terms of continuing the family business) and "inheritance" (in terms of ensuring the well-being of heirs). The subject of the study was the very influence of the "family constitution" on the inheritance of family business in Russia. The use of such research methods as historical and legal analysis, analysis of judicial practice in inheritance disputes, assessment of doctrinal approaches and cases allowed us to establish the unpreparedness of Russian business as a whole for generational change in the coming years, identify key factors of the crisis and substantiate the role of the family constitution in the settlement of inheritance disputes. Since the family constitution is a kind of set of rules based on family values and tradition, it can act as a factor in the voluntary and proper fulfillment of obligations existing in family, inheritance, and corporate law. The scientific novelty in this case is the justification, based on a comprehensive analysis of the problem of business inheritance, of the need to develop the institution of a family constitution in Russia as a mechanism combining both legal and socio-cultural aspects. Thus, the process of ensuring conflict-free continuity and preservation of family capital is being formed, which, in turn, will reduce the risks of destabilization of the Russian economy.

Keywords: inheritance, family constitution, family business, capital, inheritance, succession.

References

1. Business by Inheritance: How to Properly Pass on Your Life's Work to Your Children [Electronic resource] // <https://sber.pro/publication/imperiya-po-nasledstvu-ili-kuda-uhodit-biznes/> (accessed: 12.04.2026).
2. The Fight for a Billion-Dollar Inheritance: Kinship versus Paternity [Electronic resource] // <https://pravo.ru/story/240358/> (accessed: 22.04.2026).
3. Viatkin V.O. Inheritance Strategy and Other Tools of Inheritance Planning // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 2. Pp. 64–77.
4. After Us – Who?: 5 Steps to a Conscious Wealth Transfer [Electronic resource] // <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/posle-nas-kto-5-shagov-k-osoznannoj-peredache-kapitala/> (accessed: 20.04.2026).
5. Reshetyuk R.V., Kopysov G.G. Family Participation in Business Management. The Role of Family Councils in Creating a Sustainable Succession Mechanism // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 3. Pp. 82–91.
6. Scandal in a noble family, or what happened to Natura Siberica [electronic resource] // <https://moskvichmag.ru/krasota-i-zdorove/skandal-v-blagorodnom-semejstve-ili-chto-proizoshlo-s-natura-siberica/> (date of access: 22.04.2026).
7. "The cheese of discord": How the heirs are arguing over the billions of deceased businessman Boris Alexandrov [electronic resource] // <https://www.kp.ru/daily/27410.5/4608353/?from=twall> (date of access: 22.04.2026).

Тауканов Тамерлан Анзорович,

аспирант, кафедра правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: taukanov16@mail.ru

В настоящее время происходит бурный рост и развитие цифровых платформ как в России, так и в остальном мире (включая страны ЕС). В то же время, развитие цифровых платформ долгое время сопровождалось отставанием законодательства, так как правовая система не успевала вовремя реагировать на изменяющиеся экономические отношения. В настоящее время как в России, так и в странах ЕС принимаются новые законы, направленные на упорядочивание регулирования деятельности цифровых платформ. Однако, они не лишены определенных недостатков, что сказывается на правовом регулировании. Цель работы заключалась в анализе подходов и тенденций развития законодательства в сфере деятельности цифровых платформ в России и в ЕС, выявлении существующих проблем и при возможности даче рекомендаций по их устранению. Результаты работы выражены в аналитической сводке правового регулирования и тенденций развития законодательства о цифровых платформах в России и в ЕС, особенно по отношению к новым недавно принятым законодательным актам.

Ключевые слова: Цифровые платформы; онлайн-платформы; правовое регулирование; Закон о цифровых рынках; доминирующее положение; посредник.

Актуальность темы исследования обосновывается рядом правовых и экономических факторов. Во-первых, рынок цифровых платформ в России и в остальном мире чрезвычайно активно развивается. Так, в 2024 году общий оборот крупнейших цифровых платформ в России достиг 12 трлн рублей – это 5% от всего торгового оборота страны. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), в 2025 году объём интернет-торговли в России составил 11,5 трлн рублей, рост год к году – 28% [3]. Вместе с тем, бурный рост цифровых платформ сопровождается возникновением ряда проблем, касающихся правового регулирования деятельности цифровых платформ (проблемы защиты прав потребителей, антимонопольного регулирования, взаимодействия продавцов и операторов платформы и т.д.), свойственных как России, так и зарубежным юрисдикциям. В связи с чем представляется необходимым дать анализ правового регулирования цифровых платформ в России и в мире, выявить соответствующие проблемы правового регулирования, предложить пути их решения, проиллюстрировать тенденции развития цифровых платформ в России и в мире.

Правовое регулирование цифровых платформ в России

Фактически на сегодняшний день приходится констатировать, что в России отсутствуют действующие нормативно-правовые акты, всецело и комплексно посвященные правовому регулированию всех основных типов цифровых платформ. Ситуацию в некоторой мере обнадеживает два значимых фактора: во –первых, имеются ряд законодательных актов, посвященных регулированию либо отдельных типов цифровых платформ, либо отдельным общим вопросам регулирования. К первой группе стоит отнести федеральные законы «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ, «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 N 211-ФЗ и т.д. Ко второй группе относятся ФЗ «О защите прав потребителей», ГК РФ, ФЗ «О защите конкуренции» и некоторые другие акты.

Во-вторых, был принят федеральный закон 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» регулирующий деятельность посреднических цифровых платформ. Представляется, что в первую очередь под действие данного закона подпадают маркетплейсы и классифайды, так как закон исключает из своего регулирования финансовые, инвестиционные и ряд других типов цифровых платформ. Данный закон является большим шагом вперед, так как наконец превносит некоторую ясность в правовое регулирование ряда цифровых платформ (которое до сих пор осуществляется разрозненно, особенно в отношении маркетплейсов), в частности утверждает понятийный аппарат, принципы правового регулирования платформенной экономики, особенности взаимодействия оператора, владельца и продавца на платформе, устанавливает дополнительные критерии качества товаров и услуг и т.д.

В соответствии с вышеупомянутым законом цифровая платформа – это информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг [2].

31 июля 2025 года одновременно с основным законом был утверждён Федеральный закон № 290 ФЗ, предусматривающий внесение поправок в ряд действующих законодательных актов РФ. Ключевое изменение для сферы защиты прав потребителей содержится в статье 1 этого закона. Оно устраняет терминологическую неопределённость: в случаях, когда потребителем является сторона покупателя или заказчика на ПЦП, понятия «оператор ПЦП» и «владелец агрегатора информации о товарах (работах, услугах)» (используемое в Законе о защите прав потребителей) признаются равнозначными.

Вместе с тем, во-первых, указанные выше законы вступают в силу лишь с 1 октября 2026 года (поэтому субъекты рынка пока не могут рассчитывать на их правовое регулирование), а во-вторых закон

о платформенной экономике к сожалению не лишен определенных недостатков, как например, отсутствие должного внимания к потребителям товаров, работ и услуг на цифровой платформе, так как закон регулирует в первую очередь отношения между владельцами/операторами цифровых платформ, продавцами/исполнителями и владельцами пунктов выдачи заказов. По всей видимости законодатель отдал «на откуп» указанную сферу закону о защите прав потребителей: вместе с тем, не являлось бы лишним включить в текст закона о платформенной экономике определенные гарантии прав потребителей, пусть даже с отсылкой к закону о защите прав потребителей. К сожалению, законодатель ограничился лишь тем, что при формировании поисковой выдачи не допускается несоблюдение критериев сортировки, примененных пользователем (потребителем). Также, было бы полезно утвердить унифицированные правила пользования посреднической цифровой платформой (ПЦП), так как потребителям и иным лицам может быть затруднительно найти и прочитать множество разрозненных документов на каждой конкретной цифровой платформе по десяткам и сотни страниц каждый.

До вступления в силу федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» мы можем опираться на определения цифровой платформы, данные в ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ, «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 N 211-ФЗ. Также, в Федеральном законе от 12.12.2023 N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», описаны характеристики единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений, в Федеральном законе от 17.07.1999 N 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» – единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, в Федеральном законе от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» – платформы цифрового рубля. Отдельный интерес представляет определение «владельца агрегатора», данное в законе «О защите прав потребителей» [1].

Интересны также позиции научного сообщества по данному вопросу. Кошель А., Кузьминов Я., Кручинская Е., Лесив Б. в определении цифровой платформы делают ставку на ее предпринимательскую составляющую, определяя что на ней можно заключить договоры купли-продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг и что в целом цифровая платформа представляет собой «... сайт и (или) страницу сайта в Интернете и (или) информационную систему и (или) программу для электронных вычислительных машин...» [4].

Вышеуказанные авторы также подходят к определению торгового цифрового агрегатора (маркетплейса) и понимают под таковым агрегатором цифровую платформу на которой размещаются публичные оферты и заключаются договоры выполнения работ, оказания услуг, купли-продажи товаров [4].

Если проанализировать эволюцию российского законодательства в области регулирования деятельности цифровых платформ, то можно заметить, что она носит ярко выраженный догоняющий характер. Маркетплейсы закрепились на российском рынке уже давно, а необходимые законодательные акты стали приниматься сравнительно недавно. Из анализа вышеупомянутых законодательных актов наблюдается, что законодатель сепарировал регулирование отдельных цифровых платформ по отдельным законам, что как представляется положительно сказывается на состоянии правового регулирования деятельности цифровых платформ. Несмотря на явно догоняющий характер правового регулирования деятельности цифровых платформ, оно носит достаточно динамичный характер, что внушает определенный оптимизм.

Регулирование цифровых платформ: опыт ЕС

Применительно к зарубежному опыту рассмотрения сущности и дефиниции цифровых платформ примечателен опыт Европейского Союза. Так, свое подробное определение цифровой платформы дает Европейская комиссия, которая подразумевает под цифровой платформой «субъекта хозяйствования, осуществляющего свою деятельность на двух- или многосторонних рынках, используя Интернет для взаимодействия между двумя или более группами пользователей, которые являются разными, но в то же время взаимозависимыми, с целью создания стоимости для по крайней мере одной из данных групп» [8]. Проект Директивы Европейского союза об онлайн-посреднических платформах немного иначе подходит к определению цифровой платформы, определяя ее сущность как Интернет-услугу или цифровую услугу, позволяющую «...заключать контракты с поставщиками товаров, услуг или цифрового контента» [6].

Цифровая политика ЕС в настоящее время является одним из самых амбициозных и далеко идущих направлений регулирования цифровой экономики. Цифровая трансформация не только приносит огромные выгоды, но и создает ряд далеко идущих проблем для общества из-за ее разрушительного воздействия на экономические структуры. Онлайн-платформы на многосторонних рынках и их цифровые экосистемы лежат в основе экономики цифровых платформ. Цифровые данные стали важным и ценным экономическим ресурсом в цифровом мире. Поскольку онлайн-платформы на многосторонних рынках и цифровые данные появились сравнительно недавно, правовое регулирование цифровой экономики все еще находится в зачаточном состоянии.

В ЕС уже вступил в силу или ожидает вступления в силу ряд нормативных актов, призванных решить некоторые из возникающих проблем. Акт о защите общих данных (The General Data Protection Regulation), касающийся вопросов конфиденциальности персональных данных, был принят в 2016 году и вступил в силу в 2018 году. Закон о цифровых рынках (The Digital Markets Act) регулирует деятельность крупных онлайн-платформ, он был принят в 2022 году и действует с марта 2023 года. Закон об услугах передачи данных (The Data Services Act) касается цифрового контента онлайн-платформ. Закон об управлении данными (The Data Governance Act), который также вступил в силу в 2023 году, направлен на повышение доступности данных и содействие добровольному обмену данными. Закон о данных был принят в конце 2023 года. Среди прочего, он касается неличных данных и вводит новые обязательные права для пользователей на доступ, использование и совместное использование данных, генерируемых устройствами Интернета вещей [7].

Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA) является ключевым нормативным актом, направленным на устранение существенных недостатков в системе антимонопольного регулирования Европейского союза. Законодатели Европейского союза констатируют, что ряд крупных онлайн платформ фактически монополизировал ключевые сегменты европейской цифровой экономики, выступив в роли её центральных узлов: такие платформы контролируют движение финансовых потоков и информационных каналов, а также объединяют значительное число участников рынка, среди которых выделяются две основные категории пользователей. К первой категории относятся бизнес пользователи – юридические и физические лица, использующие платформу для предоставления товаров и услуг конечным пользователям; ко второй – конечные пользователи, то есть юридические и физические лица, применяющие платформу для приобретения товаров и услуг, предлагаемых поставщиками [5].

В целях правового регулирования деятельности указанных платформ DMA вводит специальный правовой статус «посредник» (англ. Gatekeeper). Использование перевода «посредник», а не альтернативного варианта «привратник», является предпочтительным, поскольку данный термин точнее отражает функциональную роль субъекта в цифровой экосистеме: он подчёркивает связующую функцию платформ между поставщиками и потребителями, а не её способность ограничивать доступ к ресурсам или услугам.

Статья 5 Закона о цифровых рынках устанавливает перечень обязательных требований, предъявляемых к деятельности посредников в отношении каждой принадлежащей им ключевой платформы. В числе таких требований – запрет на объединение пользовательских данных, полученных из различных источников; обеспечение бизнес пользователям возможности предлагать свои товары и услуги конечным пользователям через платформы третьих лиц по ценам, отличающимся от цен, установленных на платформе посредника (что непосредственно связано с практикой ценового паритета, получившей широкую известность в контексте судебного дела с участием компании Booking); а также недопустимость ограничения возможностей коммерческих и конечных пользователей использовать альтернативные платформы для продвижения услуг и заключения сделок вне зависимости от того, где изначально произошло взаимодействие между коммерческим и конечным пользователем.

В соответствии с положениями Закона о цифровых рынках (DMA) цифровая платформа может быть официально отнесена к категории посредников исключительно при одновременном соблюдении трёх строго определённых и детально регламентированных критериев, каждый из которых имеет чёткие количественные и качественные параметры, закреплённые в тексте нормативного акта.

Вопервых, платформа должна оказывать значительное влияние на рынок, что объективно подтверждается совокупностью следующих измеримых экономических показателей: годовой оборот организации за каждый из трёх последних финансовых лет должен составлять не менее 7,5 млрд евро, что свидетельствует о масштабности

её коммерческой деятельности и существенной доле на рынке; при этом принципиально важно, чтобы основные услуги, предоставляемые платформой, были доступны и фактически оказывались как минимум в трёх государствах-членах Европейского союза – данное условие отражает трансграничный характер деятельности и подтверждает её влияние на единый цифровой рынок ЕС в целом, а не на отдельные национальные сегменты.

Вторых, платформа обязана обладать так называемой «сильной посреднической позицией», которая обеспечивает возможность эффективного взаимодействия значительного числа поставщиков с обширной аудиторией потребителей, формируя тем самым устойчивую экосистему обмена товарами, услугами и информацией; данный критерий считается выполненным только при одновременном достижении двух пороговых значений пользовательской активности: количество активных пользователей платформы в пределах Европейского союза должно составлять не менее 45 млн человек в месяц, что демонстрирует масштаб охвата потребительского сегмента и востребованность платформы среди конечных пользователей; параллельно с этим число активных бизнеспользователей (то есть организаций-поставщиков товаров и услуг, использующих платформу для реализации своей коммерческой деятельности) в пределах Европейского союза должно достигать не менее 10000 в год за последний финансовый год, что подтверждает значимость платформы для предпринимательского сообщества и её роль как ключевого канала дистрибуции.

Третьих, платформа должна занимать прочное положение на рынке, что представляет собой комплексный качественный критерий, подразумевающий совокупность следующих характеристик: устойчивую рыночную позицию, выражающуюся в стабильном удержании значительной доли рынка на протяжении длительного периода; долгосрочную стабильность присутствия на рынке, подтверждаемую многолетней историей успешной операционной деятельности; способность оказывать определяющее влияние на условия обращения товаров и услуг в соответствующей сфере цифровой экономики, включая формирование стандартов взаимодействия, ценовых параметров и правил доступа к инфраструктуре; наличие барьеров для входа новых игроков, обусловленных сетевыми эффектами, масштабом данных и технологической инфраструктурой платформы.

Только при совокупном выполнении всех трёх указанных условий, подтверждённом документально и верифицированном компетентными регулирующими органами Европейского союза, цифровая платформа официально признаётся посредником в соответствии с требованиями DMA. Это влечёт за собой применение к ней специального режима регулирования, предусмотренного данным нормативным актом, который включает дополнительные обязательства, ограничения и механизмы контроля, направленные на предотвращение злоупотребления доминирующим положением и обеспечение справедливой конкуренции на цифровых рынках ЕС.

DMA не проводит различий между различными цифровыми платформами, различными бизнес-моделями или базовыми платформенными сервисами. Обязательства, накладываемые DMA либо запрещающие, либо предписывают определенные действия (ст. 5–7 DMA), направленные на предотвращение антиконкурентного и недобросовестного поведения цифровых платформ, занимающих посредническое положение на рынке, и снижение входных барьеров. Европейской Комиссии, которая отвечает за правоприменение, нужно лишь контролировать соблюдение требований со стороны цифровых платформ. Именно компании должны предоставлять доказательства соблюдения требований. В случае несоблюдения требований Комиссия может оштрафовать компанию на сумму до 10% от ее общего мирового оборота (ст. 30 DMA).

DMA намерен устранить недостатки традиционного европейского законодательства о конкуренции в частности, его длительные процедуры и неэффективные средства правовой защиты. Ожидается, что введение законодателем набора поведенческих обязательств без необходимости оценки поведения доминирующей платформы Европейской Комиссией могло бы привести к гораздо более быстрому соблюдению требований, особенно за счет изменения бремени доказывания. Но данный подход “один для всех” в отношении конкретного поведения (за редким исключением) также может привести к очень жесткому правоприменению, а также к пробелам в правоприменении в случае нового проблемного поведения доминирующих платформ. Таким образом, еще предстоит выяснить, достигнет ли этот новый правовой инструмент предварительного регулирования целей, касающихся сокращения юридических процедур, а также существенного улучшения конкуренции и справедливости в экономике цифровых платформ.

Анализируя тенденции развития европейского законодательства в сфере регулирования цифровых платформ в контексте принятия

и реализации Закона о цифровых рынках можно выделить ряд существенных закономерностей и практических последствий.

Прежде всего, в Европейском союзе сформировалось устойчивое мнение о том, что действующие нормы антимонопольного законодательства не обладают достаточной эффективностью для решения комплекса проблем, возникающих в условиях ускоренной цифровизации экономики и интенсивного развития цифровых платформ. Существующие правовые механизмы, разработанные для традиционных рынков, оказываются недостаточно адаптированными к специфике цифровых экосистем: сетевым эффектам, масштабному сбору и обработке данных, платформенным моделям взаимодействия поставщиков и потребителей. Именно этот правовой пробел послужил основной причиной разработки и последующего принятия DMA как специализированного нормативного акта.

Ключевая цель DMA заключается в дополнении уже существующих антимонопольных норм Европейского союза комплексом специальных правил, целенаправленно регулирующих деятельность крупнейших (так называемых ключевых) цифровых платформ на рынках ЕС. Закон призван устранить дисбаланс рыночной власти, ограничить возможности злоупотребления доминирующим положением и создать более справедливые условия конкуренции для новых игроков.

На практике реализация положений DMA уже привела к определенным изменениям в поведении крупных технологических компаний. В качестве показательного примера можно привести действия корпорации Apple: в соответствии с требованиями закона компания была вынуждена предоставить европейским владельцам устройств iPhone и iPad доступ к альтернативным магазинам приложений и платёжным системам.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики выявляет существенный недостаток нормативного регулирования: по большому числу положений DMA существуют способы обхода установленных требований без формального нарушения закона. Так, та же компания Apple реализовала возможность загрузки приложений из сторонних источников, но одновременно ввела сервисный сбор в размере 0,5 евро за каждое такое скачивание. Данная мера фактически нивелирует преимущества нововведения: для разработчиков бесплатных приложений или продуктов с низкой монетизацией дополнительные издержки делают использование альтернативных каналов дистрибуции экономически нецелесообразным, а для конечных пользователей усложняет процесс установки ПО. Таким образом, формально соблюдая букву закона, компания сохраняет существенные барьеры для реальной конкуренции на рынке распространения мобильных приложений.

Этот пример иллюстрирует более общую проблему: при всей прогрессивности DMA его эффективность во многом зависит от способности регуляторов своевременно выявлять подобные схемы обхода и оперативно реагировать на них путём уточнения норм, усиления контроля или применения штрафных санкций.

Во-вторых, европейский регулятор исходит из того, что для действительно эффективного применения антимонопольного законодательства в цифровой сфере недостаточно одних лишь традиционных механизмов контроля. Особенно это касается крупнейших цифровых платформ, которые занимают центральное положение на рынке и способны оказывать существенное влияние как на конкурентов, так и на пользователей. Именно поэтому в отношении таких компаний, по мнению органов ЕС, необходимо применять подход *ex ante*, то есть устанавливать для них специальные правила поведения заранее, еще до того, как нарушение будет выявлено и нанесет ущерб рынку. Такой подход объясняется особенностями классического антимонопольного регулирования. В его рамках вмешательство государства обычно носит постфактумный характер: регулятор начинает действовать уже после того, как предположительно было допущено нарушение антимонопольного законодательства. При этом в каждом отдельном случае требуется детальное и тщательное расследование, включающее анализ поведения компании, оценку структуры рынка, изучение влияния спорных практик на конкуренцию и сбор значительного объема доказательств. На практике такие процедуры нередко оказываются крайне сложными, длительными и ресурсозатратными, а их проведение может занимать не только месяцы, но и годы. Именно в связи с этими трудностями положения DMA задумывались не как замена традиционного антимонопольного законодательства, а как его дополнение. Смысл этого акта заключается в том, чтобы усилить существующую систему конкурентного регулирования за счет введения заранее установленных обязанностей для крупнейших цифровых платформ, которые в рамках законодательства Европейского союза выполняют функцию посредников на цифровых рынках. Перечень таких обязанностей во многом сформирован на основе анализа и обобщения практики Европейской комиссии по антимонопольным делам, связанным с де-

тельностью крупных технологических компаний. Благодаря такому механизму правоприменение становится более оперативным и предсказуемым. Регулятор получает возможность воздействовать на потенциально проблемные цифровые платформы без необходимости каждый раз проходить весь сложный путь классического антимонопольного доказывания. По сути, принятие DMA является поворотным моментом для европейского антимонопольного регулирования цифровых платформ, так как это представляет собой значительный отход от принципов саморегулирования деятельности цифровых платформ.

В заключение необходимо резюмировать, что как российское, так и европейское законодательство в сфере правового регулирования деятельности цифровых платформ отличается динамичным характером и старается «идти в ногу со временем». Российское регулирование долгое время опиралось на общие нормы Гражданского Кодекса и Закона о защите прав потребителей, однако законодатель в последние годы усиленно принимает новые федеральные законы, направленные на осуществление регулирования различных типов цифровых платформ, стремясь восполнить правовой вакуум. Несмотря на то, что они не лишены определенных проблем, они представляют собой важный шаг вперед, который обеспечивает более стабильное правовое регулирование деятельности цифровых платформ. Европейский регулятор также принял в последние годы ряд актов в различных сферах – от защиты персональных данных до антимонопольного регулирования – стремясь обеспечить своевременное развитие законодательства в области регулирования деятельности цифровых платформ. Общим для российской и европейской законодательных систем является особенный интерес к антимонопольному регулированию цифровых платформ и отход от их саморегулирования, так как стремительное развитие цифровых платформ (в условиях недостаточного правового регулирования) создает определенные экономические и правовые риски для государства и всех участников рынка. Вместе с тем, европейское и российское регулирование цифровых платформ идут своими особенными путями и учитывая динамичный характер их развития, остается выразить надежду на еще более позитивные изменения в законодательстве в будущем.

Литература

1. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303537/ (дата обращения: 20.03.2026).
2. Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511088/ (дата обращения: 21.03.2026).
3. АКИТ: объем интернет-торговли в России в 2025 году вырос на 28% / ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/26493169> (дата обращения 20.03.2026)
4. Кошель Алексей, Кузьминов Ярослав [и др.]. Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-regulyatornogo-optimuma-deyatelnosti-tsifrovyyh-platform-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Саяпин Сергей Петрович Тенденции антимонопольного регулирования цифровых платформ в Европейском союзе // Юридическая наука. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii->

antimonopolnogo-regulirovaniya-tsifrovyyh-platform-v-evropeyskom-soyuze (дата обращения: 21.03.2026).

6. Cohen J.E. Law for the Platform Economy // UC Davis Law Review. – 2017. – Vol. 51. – P. 133–204

7. Eckardt, Martina. (2024). EU digital law and the digital platform economy—an inquiry into the co-evolution of law and technology. Review of Evolutionary Political Economy. 6. P. 183–213.

8. Public consultation on the regulatory environment for platforms, online intermediaries, data and cloud computing and the collaborative economy // European Commission, 2015. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/consultations/public-consultation-regulatory-environmentplatforms-online-intermediaries-data-and-cloud-computing> (accessed: 20.03.2026 г.).

REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS IN RUSSIA AND THE EU: APPROACHES AND TRENDS

Taukanov T.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, there is a rapid growth and development of digital platforms both in Russia and in the rest of the world (including EU countries). At the same time, the development of digital platforms has long been accompanied by a lag in legislation, as the legal system has not been able to respond in time to changing economic relations. Currently, both Russia and the EU countries are adopting new laws aimed at streamlining the regulation of digital platforms. However, they are not without certain disadvantages, which affects the legal regulation. The purpose of the work was to analyze approaches and trends in the development of legislation in the field of digital platforms in Russia and the EU, identify existing problems and, if possible, provide recommendations for their elimination. The results of the work are expressed in an analytical summary of legal regulation and trends in the development of legislation on digital platforms in Russia and in the EU, especially in relation to new recently adopted legislative acts.

Keywords: Digital platforms; online platforms; legal regulation; Digital Markets Act; dominant position; gatekeepers.

References

1. Federal Law No. 250-FZ of July 29, 2018 “On Amendments to the Law of the Russian Federation “On Consumer Rights Protection” [Electronic resource] // Consultant-Plus: reference. the legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303537/ (accessed: 03/20/2026).
2. Federal Law No. 289-FZ dated 07/31/2025 “On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation” [Electronic resource] // Consultant-Plus: reference. the legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511088/ (accessed: 03/21/2026).
3. AKIT: about 20% of investments in Russia in 2025 increased by 28% / TAS [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/ekonomika/26493169> (accessed 03/20/2026)
4. Koshel Alexey, Kuzminov Yaroslav [et al.]. The search for a regulatory optimum for digital platforms (comparative analysis) // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-regulyatornogo-optimuma-deyatelnosti-tsifrovyyh-platform-sravnitelnyy-analiz> (accessed: 03/20/2026).
5. Sayapin Sergey Petrovich Trends in antimonopoly regulation of digital platforms in the European Union // Yuridicheskaya nauka. 2025. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-antimonopolnogo-regulirovaniya-tsifrovyyh-platform-v-evropeyskom-soyuze> (accessed: 03/21/2026).
6. Cohen J.E. Law for the Platform Economy // Law Review of the University of California at Davis. – 2017. – Volume 51. – Pp. 133–204
7. Eckardt, Martina. (2024). EU digital legislation and the economy of digital platforms – a study of the co-evolution of law and technology. Review of evolutionary political economy. 6. Pp. 183–213.
8. Public consultations on the regulatory framework for platforms, online intermediaries, data and cloud computing, as well as the economics of cooperation // European Commission, 2015. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/consultations/public-consultation-regulatory-environmentplatforms-online-intermediaries-data-and-cloud-computer-technology> (accessed: 03/20/2026).

Телибекова Ирина Мендигереевна,

кандидат юридических наук, ассоциированный профессор
Высшей школы естественно-гуманитарных наук Учреждения
«Баишев университет»
E-mail: irina67.kz@mail.ru

Статья посвящена исследованию категории страхового интереса, его понятия, применению в личном страховании и анализу его особенностей в договоре образовательного страхования, осуществляемого в виде накопительного страхования жизни. Рассматриваются точки зрения ученых об имущественном и материальном характере страхового интереса, его дифференциации в зависимости от вида страхования, характера страхового случая и его последствий. Предлагается авторское понимание страхового интереса в договоре образовательного страхования как потребности страхователя в страховом обеспечении при наступлении предусмотренного договором страхового случая в виде наступления указанной в договоре даты в виде окончания школы или поступления ребенка на учебу. Цель: Целью исследования является выявление правовой природы страхового интереса, определение особенностей его проявления в личном страховании, включая образовательное накопительное страхование, а также формулирование универсального подхода к пониманию страхового интереса в современных страховых правоотношениях. Методы: В основу исследования были положены общенаучные и частнонаучные методы познания. При изучении сущности страхового интереса в личном страховании и его особенностей применены методы анализа, синтеза, обобщения и системного подхода. Сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования позволили сопоставить страхового интерес в различных видах страхования жизни, в том числе при образовательном страховании. Эти методы также применялись при изучении нормативных и концептуальных документов, а также доктринальных подходов к определению страхового интереса. Результаты: Изучение цивилистической доктрины показало наличие различных подходов к категории «страховой интерес» и необходимости его законодательного закрепления в правовых нормах. Анализ материалов позволил выявить особенности страхового интереса в договоре образовательного накопительного страхования, показать содержание страхового интереса страхователя в наступлении или ненаступлении страхового случая в зависимости от тех последствий, который он несет по договору классического страхования жизни и при накопительном страховании жизни (на дожитие), с последующим предоставлением страховщиком либо страховой защиты, либо страхового обеспечения. Выводы: Сделан вывод об универсальности категории «страховой интерес» как основы любого договора страхования. Предложено разграничивать страховые случаи на негативные и позитивные, а страховые услуги – на страховую защиту и страховое обеспечение. Обосновано, что в образовательном страховании страховой интерес связан с обеспечением материальных интересов страхователя при наступлении позитивного страхового случая, предусмотренного договором.

Ключевые слова: договор образовательного страхования, страхователь, страховщик, страховой интерес, страховой случай.

Введение

Традиционно в правовой доктрине категория «страховой интерес» отождествляется с имущественным страхованием [1–3]. В науке существуют различные подходы к определению страхового интереса, к вопросу о его применении в личном страховании. В 2020 году в п. 13 Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) о договоре страхования (далее – Концепция) поставлен вопрос о пересмотре существующей концепции страхового интереса [4]. Разработчики Концепции, ссылаясь на то, что страховой интерес является основополагающим в российской практике страхования, и отмечая практику применения норм о страховом интересе в зарубежных правовых системах, рассматривают либо возможность полного отказа от страхового интереса как конститутивного элемента страхового отношения, либо закрепления универсальной концепции страхового интереса [Там же].

Литературный обзор

Будучи дискуссионной, категория страхового интереса разделила мнения ученых. Так, одна группа ученых является приверженцами позиции применения рассматриваемой категории лишь при имущественном страховании (К.А. Граве, Л.А. Лунц, А.В. Собакинских, Г.Ф. Шершеневич и др.) [1–3]. Вторая группа считает возможным наличие страхового интереса и при личном страховании (В.Р. Идельсон, В.К. Райхер, В.И. Семеновский, И.И. Степанов и др.) [5–15]. Третья, не разделяя ни первую, ни вторую точки зрения, полагает необходимым отказаться от данной категории вследствие того, что данная категория предназначена лишь для защиты интересов страховщика, либо ввиду ее анахронизма, противоречивости и неоднозначности (А.П. Артамонов, С.В. Дедиков, Ю.Б. Фогельсон, А.И. Худяков и др.) [16–19]. Что касается страхового интереса в договоре образовательного страхования, то по этому поводу в научной среде также отсутствует однозначная позиция [20–24].

Материалы и методы

Изучение страхового интереса, его признаков, соотношения с имущественным интересом и применения в личном страховании потребовало анализа трудов российских и зарубежных ученых, действующего законодательства и положений о реформировании норм о страховом интересе, включая вопросы его сохранения и универсального определения. В исследовании использовались общенаучные, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также методы анализа, обобщения, синтеза и системного подхода, позволившие выявить особенности регулирования имущественного, личного и образовательного страхования.

Результаты

По результатам исследования сделан вывод, что категория страхового интереса носит универсальный и материальный характер и применяется как в имущественном, так и в личном страховании. Сравнительный анализ страхового интереса в образовательном страховании выявил необходимость его разграничения в зависимости от вида страхования жизни – классического или накопительного, а также позволил соотносить содержание страховой услуги с характером страхового случая и его последствиями.

При негативных последствиях страхователь заинтересован в ненаступлении страхового случая и получении страховой защиты, а при положительных – в его наступлении и получении страхового обеспечения. Установлено, что страховой интерес в договоре образовательного страхования выражается в потребности страхователя в страховом обеспечении при наступлении события, связанного с обучением ребенка.

Обсуждение

В основе категории «страховой интерес» лежит общенаучное понятие «интерес». В этимологическом словаре М.Р. Фасмера указано, что впервые категория «интерес» стала употребляться в период правления Петра I (с 1701 года) и в переводе с латинского *interesse* означает «иметь важное значение» [25]. В соответствии с русским словарем С.И. Ожегова интерес имеет несколько значений: «внимание, возбуждаемое чем-либо значительным, привлекательным; занимательность, значительность; нужды, потребности; выгода» [26, С. 322]. В Большой советской энциклопедии интерес трактуется как «социальный, реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая

за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т.д. – участвующих в этих действиях индивидов» [27]. Согласно историко-этимологическому словарю П.Я. Черных интерес также употребляется в значении «особого внимания» [28, с. 352].

Относительно интереса в страховых правоотношениях В.Р. Идельсон еще более ста лет тому назад указывал, что без интереса оно существовать не может, так как «необходимо, чтобы страхователь (застрахованный) имел имущественный интерес» [5, с. 32]. Страховой интерес по мнению В.И. Серебровского «является одним из необходимых условий договора страхования, лежит в его основе как твердый правовой фундамент» [7, с. 366]. С автором соглашаются В.Ю. Абрамов, Е.Н. Гендзехадзе, Л.И. Корчевская, К.Е. Турбина, С.В. Михайлов [29–32]. Последний подчеркивает, что страховой интерес «определяет действительность договора страхования, субъектный состав, размер страхового возмещения, права и обязанности сторон, а также другие элементы» [32, с. 19]. Касательно соотношения страхового интереса с имуществом, то этой позиции придерживались Н.И. Идельсон, Е.М. Мен, В.И. Серебровский, Г.Ф. Шершеневич [7, с. 366; 33, с. 31; 3, с. 368, 385; 5, с. 32]. Российские ученые В.С. Белых, И.В. Кривошеев, И.А. Митричев указывают, что он свойственен как имущественному, так и личному страхованию [34, с. 351]. Однако сегодня ученые все чаще высказывают мысли о «наличии страхового интереса и в личном страховании» [13, с. 135]. Так, по мнению А.М. Авакян «в личном страховании существо социальной потребности заключается в обеспечении страхователю или выгодоприобретателю потерь и в смягчении материальных последствий от событий, которые связаны с жизнью (здоровьем) застрахованного лица» [Там же].

Российский цивилист Ю.Б. Фогельсон критикует законодателя в связи с тем, что «В ГК РФ нет норм, в которых с достаточной определенностью был бы упомянут ... страховой интерес в личном страховании» [35, с. 121]. А.М. Авакян, поддерживая данную точку зрения, ссылаясь на то, что «отсутствие официально закрепленного определения термина «интерес» осложняет ситуацию», и считает «принципиальной особенностью личного страхования наличие страхового интереса у страхователя в благополучном стечении обстоятельств наступлении страхового случая» [13, с. 136]. Думаем, что следует согласиться с доводами Ю.Б. Фогельсона и А.М. Авакян, но с одной поправкой: особенность личного страхования состоит не только в том, что интерес в наступлении страхового случая, но и в его наступлении в зависимости от того, какое страхование жизни осуществляется. При этом Ю.Б. Фогельсон ставит под «сомнение принцип компенсации при личном страховании при отсутствии ... страхового интереса, подлежащего защите» [35, с. 121–123]. Автор ограничивается защитой имущественных интересов, имея в виду классическое страхование жизни и здоровья, тогда как при личном страховании возможен случай, когда интерес страхователя связан не с защитой от ущерба, а с обеспечением благоприятного события (страхование на дожитие). Например, в образовательном накопительном страховании страховой интерес заключается в получении страховой суммы при наступлении даты или события (окончание школы, поступление в колледж или вуз), которая заранее оговаривается и может обеспечить финансирование обучения ребенка. [36, с. 227–229]. То есть при наступлении страхового случая, который не несет негативных последствий в виде ущерба или убытков, страховая защита страхователю не нужна. В этом случае будет работать не принцип компенсации, а принцип обеспечения, и, соответственно будет реализовываться не защитная функция страхования, а обеспечительная [Там же]. По этому поводу Ю.Б. Фогельсон отмечает, что при личном страховании интерес может быть как связанным, так и не связанным с убытками [35, с. 53–54]. Следует согласиться с доводами автора, так как при наступлении страхового случая, который несет позитивные последствия, как это может быть в ситуации с образовательным страхованием, убытков у страхователя не будет. По договору образовательного страхования страховым случаем может являться поступление ребенка на учебу после окончания школы и такой страховой случай не несет страхователю убытков. При этом страховщик будет оказывать последнему страховую услугу не в виде страховой защиты, а в виде страхового обеспечения.

Как известно в порядке личного страхования страхование жизни страховщик предоставляет либо страховую защиту, либо страховое обеспечение. Последний вариант имеет место в случае с образовательным страхованием, когда страхователь-родитель копил средства на обучение ребенка в будущем и ему требуется страховое обеспечение его материальных интересов. Страховые случаи по этим двум видам договоров страхования жизни, и как следствие оказываемые страховщиком страховые услуги будут разные. Следует отметить, что, когда по договору страхования обеспечивается оговоренная страховая сумма, выплачиваемая при наступлении страхового случая с по-

зитивными последствиями (предоставляется страховое обеспечение), страхователь ждет и желает его наступления. Если страховой случай своим наступлением несет негативные последствия, то страхователь получает от страховщика услугу в виде страховой защиты. Как видим, содержание страховой услуги страховщика зависит от характера страхового случая и тех последствий, которые он несет.

Интерес представляют рассуждения М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, считающих, что страховой интерес может быть позитивным и негативным [37, с. 67]. Авторы полагают, что при позитивном страховом случае страхователь заинтересован в его наступлении и получении страхового обеспечения, а при негативном он заинтересован в том, чтобы страховой случай не наступил [Там же].

Соглашаясь с мнением ученых о наличии у страхователя интереса в наступлении или ненаступлении страхового случая, полагаем, что страховые случаи можно разделить на несущие негативные и позитивные последствия. С их характером связан страховой интерес страхователя – получение страховой защиты либо страхового обеспечения, а также содержание страховой услуги, оказываемой страховщиком.

Далее. Многие, рассматривая страховой интерес как потребность, считают, что она носит имущественный характер [14, с. 252; 15, с. 443; 38, с. 201; 39, с. 57–59; 40, с. 414; 41, с. 87–89]. Ю.Б. Фогельсон, критикует позицию законодателя по поводу того, что является объектом страхования – «имущество или связанный с ним интерес, или же имущество и есть один из видов интересов» [18, с. 22]. Ученый считает, что в основе страхования лежит «не имущественный, а материальный интерес», связанный с состоянием имущества, его целостностью и сохранностью, либо с состоянием его здоровья, жизни или трудоспособности или застрахованного лица [42]. По этому поводу А.С. Долаев указывает, что страховой интерес, представляя собой «меру материальной заинтересованности физического либо юридического лица, конкретизируется, как правило, в страховой выплате» [43, с. 229]. Согласно доводам Н.В. Петрова страховой интерес – это «заинтересованность и потребность лиц в удовлетворении своих имущественных интересов в связи с возможностью наступления страхового случая путем заключения договора страхования» [39, с. 57–59]. Однако Ю.Б. Фогельсон отмечает, что имущественный интерес может быть лишь у лица в отношении его вещей и имущественных прав [18, с. 8]. Сторонник этой же позиции А.С. Долаев является противником приравнивания страхового интереса с имущественным, поскольку считает, что «они характеризуют разные аспекты права» [43, с. 232]. Автор считает, что «при страховом интересе речь идет о возможном существовании страховых правоотношений, а имущественные интересы характеризуют общие гражданские права» [Там же]. Различные трактовки имущественному и страховому интересу дает и В.М. Бартош [41, с. 87–89]. При любом договоре страхования у страхователя существует материальный интерес: при страховании имущества он связан с убытками и расходами из-за причиненного ущерба, а при страховании жизни и здоровья – с затратами на лечение, реабилитацию или потерей дохода семьи после смерти кормильца. В образовательном страховании интерес также носит материальный характер, поскольку связан с финансовым обеспечением обучения ребенка после школы. Страховым случаем здесь выступает позитивное событие – поступление ребенка на учебу, не причиняющее вреда страхователю или ребенку. Родитель заинтересован в наступлении такого случая, так как получает страховое обеспечение. Цель образовательного страхования отличается от классического страхования жизни и здоровья: в первом случае страхователь стремится обеспечить свои интересы при наступлении предусмотренного договором события, во втором – защитить их от негативных последствий страхового риска.

Также следует согласиться с позицией Ю.Б. Фогельсона о необходимости определения объекта личного страхования. Эту точку зрения поддерживают российские ученые и исследователи, которые, считая страховой интерес потребностью обеспечить защиту нематериальных благ, связанных с личностью человека, видят необходимость «во внесении ясности в правовое регулирование страхового интереса при личном страховании на уровне норм федерального законодательства» [44, с. 22]. Отдельного внимания заслуживают рассуждения авторов о «проблеме изменения страхового интереса во времени в связи с различными причинами» [Там же, с. 20]. К ним авторы относят «прекращение юридических оснований страхового интереса или утрату интереса в сохранности предмета или объекта страхования» [Там же]. Авторы, говоря об утрате юридических оснований страхового интереса при имущественном страховании, например, в связи с отчуждением имущества, акцентируют внимание на невозможности прекращения юридической связи с объектом страхования – нематериальными благами при личном страховании в связи с тем, что эти материальные блага неразрывно связаны с личностью страхователя [Там же, с. 21].

По их мнению, «утрата интереса может иметь место, так как человек может изменить род своей деятельности и интерес в страховании от профессиональных «музыкальных» заболеваний вследствие этого может отпасть» [Там же]. Здесь следует иметь в виду, что при личном страховании утрате юридических оснований страхового интереса может быть в случае, если страхователь застраховал жизнь третьего лица, которое впоследствии до окончания срока действия договора страхования уходит из жизни. Таким же образом можно охарактеризовать случаи прекращения юридических оснований страхового интереса применительно к образовательному страхованию. Утрата же интереса при образовательном страховании может быть, например, в случае, если ребенок после окончания школы принимает решение не поступать дальше на учебу.

С учетом рассмотренных точек зрения ученых представляется, что страховой интерес, являясь обязательной предпосылкой для заключения договора образовательного страхования, осуществляемого в виде страхования жизни на дожитие до определенной даты или события в порядке личного страхования, представляет собой потребность страхователя в страховом обеспечении при наступлении страхового случая.

Выводы

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о необходимости сохранения универсальной категории страхового интереса и ее дальнейшего нормативного развития применительно к личному страхованию. Предложено разграничивать страховые случаи по характеру их последствий на негативные и позитивные, и соответствующим содержанием оказываемой страховщиком страховой услуги страховщика в виде страховой защиты либо страхового обеспечения. Представляется, что при образовательном накопительном страховании страховой интерес страхователя связан с обеспечением его интересов при наступлении предусмотренного договором страхового случая в виде позитивного события, который не несет никаких негативных последствий.

Литература

1. Граве К. А., Лунц Л. А. Страхование [Текст] / К. А. Граве, Л. А. Лунц; Всесоюз. ин-т юрид. наук. Курс советского гражданского права. — Москва: Госюриздат, 1960. — 176 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; [Авилов Г. Е. и др.]; Рук. авт. коллектива и отв. ред. О. Н. Садилов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Юрид. фирма «Контракт», 1997. — XV, 779 с. (Собакинских А. В.)
3. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. II. — СПб., 1908—1912. 4-е изд. 640 с., С. 368, 385.
4. Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366842/ (дата обращения 20.03.2026).
5. Идельсон В. Р. Страхование право: Лекции, читанные преподавателем В. Р. Идельсоном в Санкт-Петербургском политехническом институте на Экономическом Отделении, Страховом подотделе в 1907 г. — М.: Анкил, 1993. — 96 с.
6. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. — М.: ЮИКС, 1992. — 282 с.
7. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. М.: «Статут», 2003. — 558 с. (Классика российской цивилистики.).
8. Степанов И. И. Опыт теории страхового договора / И. В. Степанов. — Казань: Университетская типография, 1875. — XXII, 203 с. С. 12.
9. Мартынова Т. С. Страхование жизни и здоровья граждан по договорам. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1976. — 15 с.
10. Игбаева Г. Р. Страховой интерес в договоре личного страхования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2005. — № 4 (28–2). — С. 389–391.
11. Абрамов В. Ю. Страховой интерес как разновидность категории интереса в гражданском праве // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2006. — № 1. С. 78–92.
12. Гуров А. В. Категория страхового интереса в гражданском праве России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 23 с.
13. Авакян А. М. Страховой интерес как предпосылка обязательства личного страхования // Общество: политика, экономика, право. — 2011. — № 4. — С. 135–139.
14. Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С. Вопросы правоприменения в личном страховании: основные аспекты // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 8 (224). — 252–255.

15. Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С., Мотуренко С. М. Понятие «страховой интерес» в гражданском праве: основные проблемы теории и практики // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2023. — Т. 27. № 2. — С. 439–452.
16. Дедиков С. В. Функциональная теория страхового интереса // Юрист. — 2010. — № 10. — С. 12–13.
17. Дедиков С. В., Артамонов А. П. Проблема страхового интереса в договорах перестрахования // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 11. — С. 76–81.
18. Фогельсон Ю. Б. Комментарий к страховому законодательству. — 2. изд., перераб. и доп. — Москва: Юрист, 2002. — 347 с.
19. Худяков А. И. Страхование право. С.-Петербург: Изд-во Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2004. — 691 с., С. 299.
20. Бурыхин Б. С., Затеякин О. А. Обеспечение качества образования на основе государственного образовательного страхования // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2011. — № 3 (15). — С. 193–206.
21. Вишнякова Т. В. Роль страхового фонда в развитии системы образовательного кредитования // Молодой ученый. — 2009. — № 4 (4). — С. 63–67.
22. Затеякин О. А. Концептуальное содержание образовательного страхования // Российский экономический интернет-журнал. — 2008. — № 4. URL: <https://www.e-rej.ru/publications/117/%D0%B7/> (дата обращения 20.03.2026).
23. Махдиева Ю. М., Акаева У. М. Роль страхования в финансировании расходов на образование и системе развития человеческого потенциала // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2017. — 308 с.
24. Тяпкина И. В. Правовой механизм реализации конституционного права на образование в средних и высших профессиональных учебных заведениях в России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2009. — 22 с.
25. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка (М. Р. Фасмер). Статьи на букву «И» (часть 2, «ИНД»–«ИЮН»). URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-200-2.htm#zag-4429> (дата обращения 20.03.2026).
26. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов: под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО Издательство «Мир и Образование», 2005. — 1200 с., С. 1012.
27. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81> (дата обращения 20.03.2026).
28. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — Т. 1: А — ПАНТОМИМА. — 624 с.
29. Абрамов В. Ю. Страховой интерес как разновидность категории интереса в гражданском праве // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2006. — № 1. — 78–92, С. 79.
30. Абрамов В. Ю. Страхование: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. — 504 с., С. 239.
31. Страхование от А до Я: (Кн. для страхователя) / Ассоц. страхового права; Под ред. Л. И. Корчевской, К. Е. Турбиной. — Москва: ИНФРА-М, 1996. — 624 с. (Гендзехадзе Е. Н., Корчевская Л. И., Турбина К. Е. — глава 2), С. 85.
32. Михайлов С. В. Страховой интерес // Страхование право. — 1999. — № 3. — С. 19.
33. Мен Е. М. Имущественное страхование по законодательству СССР. — М.: Глав. правл. гос. страх., 1924. — 64 с., С. 31.
34. Белых В. С. Страхование право России: Учеб. пособие / [В. С. Белых, И. В. Кривошеев, И. А. Митричев]; отв. ред. В. С. Белых. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2009. — 360 с., С. 351.
35. Фогельсон Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 576 с.
36. Телибекова И. М. Реализация обеспечительной функции страхования в договоре образовательного накопительного страхования // Евразийский юридический журнал. — 2026. — № 2 (213). — С. 227–229.
37. Брагинский, М. И. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг: в 3 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. Кн. 3. — М.: Статут, 2002. — 1036 с.
38. Гуров А. В. Страховой интерес и юридический факт. Спорные вопросы // Закон. — 2007. — № 11. — С. 201–207.

39. Петров Н.В. Предмет договора страхования и страховой интерес // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 57–59.

40. Бочкова С. С. К вопросу о роли страхового интереса в страховом обязательстве // Образование и право. – 2000. – № 4. – С. 413–417.

41. Бартош В.М. Роль и значение страхового интереса для совершенствования законодательства о страховании и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 9. – С. 85–93.

42. Фогельсон Ю.Б. Введение в страхование. 2-е издание, – М.: БЕК, 2001. – 237 с.

43. Долаев А.С. Объект имущественного страхования: основные трудности в определении // Legal Concept. – 2011. – № 5–14. – С. 229–233.

44. Вострикова А.М. Руф В.С. Применение концепции страхового интереса к личному виду страхования // Уральский журнал правовых исследований (Ural Journal of Legal Research). – 2023. – № 2 (23). – С. 16–23.

INSURANCE INTEREST IN THE EDUCATIONAL INSURANCE CONTRACT

Telibekova I.M.

Natural Sciences and Humanities Baishev University institutions

The article is devoted to the study of the category of insurance interest, its concept, application in personal insurance and the analysis of its features in the contract of educational insurance carried out in the form of cumulative life insurance. The article considers the views of scientists on the property and material nature of the insurance interest, its differentiation depending on the type of insurance, the nature of the insured event and its consequences. The author's understanding of the insurance interest in the educational insurance contract is proposed as the policyholder's need for insurance coverage upon the occurrence of an insured event stipulated in the contract in the form of the date specified in the contract in the form of graduation from school or the child's admission to study. Purpose: The purpose of the study is to identify the legal nature of insurance interest, to determine the specifics of its manifestation in personal insurance, including educational cumulative insurance, as well as to formulate a universal approach to understanding insurance interest in modern insurance legal relations. Methods: The research was based on general scientific and private scientific methods of cognition. When studying the essence of the insurance interest in personal insurance and its features, the methods of analysis, synthesis, generalization and a systematic approach are applied. Comparative legal and formal legal research methods made it possible to compare the insurance interest in various types of life insurance, including educational insurance. These methods were also used in the study of regulatory and conceptual documents, as well as doctrinal approaches to the definition of insurance interest. Results: The study of civil doctrine has shown the existence of different approaches to the category of "insurance interest" and the need for its legislative consolidation in legal norms. The analysis of the materials made it possible to identify the features of the insurance interest in the educational cumulative insurance contract, to show the content of the insured's insurance interest in the occurrence or non-occurrence of an insured event, depending on the consequences that he bears under the classical life insurance contract and with cumulative life insurance (for survival), followed by the provision by the insurer of either insurance protection or insurance coverage. Conclusions: The conclusion is made about the universality of the category of "insurance interest" as the basis of any insurance contract. It is proposed to distinguish insurance cases into negative and positive ones, and insurance services into insurance protection and insurance provision. It is proved that in educational insurance, the insurance interest is associated with ensuring the material interests of the policyholder in the event of a positive insured event provided for in the contract.

Keywords: educational insurance contract, policyholder, insurer, insurance interest, insured event.

References

1. Grave K. A., Lunts L.A. Insurance [Text] / K.A. Grave, L.A. Lunts; Vsesoyuz. in-t jurid. sciences'. The course of Soviet civil law. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 176 p.
2. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, parts two (article-by-article) / Institute of Legislation and Comparative Law. The Faculty of Law under the Government grew up. Russian Federation; [Avilov G.E. et al.]; Author of the collective and editor-in-chief O.N. Sadikov. – 2nd ed., ispr. and add. – Moscow: Yurid. Kontrakt Company, 1997. XV, 779 p. (Sobakinskih A.V.)
3. Shershenevich G.F. Course of commercial law. Vol. II. – St. Petersburg, 1908–1912. 4th ed. 640 p., Pp. 368, 385.
4. Concept of development of the provisions of Part two of the Civil Code of the Russian Federation on insurance contract (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on Codification and improvement of Civil legislation dated 25.09.2020 No. 202/op-1/2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366842/ (accessed 03/20/2026).
5. Idelson V.R. Insurance law: Lectures delivered by teacher V.R. Idelson at the St. Petersburg Polytechnic Institute at the Economics Department, Insurance Department in 1907. Moscow: Ankil, 1993. 96 p.
6. Reicher V.K. Socio-historical types of insurance. Moscow: YUIKS, 1992. 282 p.
7. Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law. 2nd Ed., ispr. M.: "Statute", 2003. – 558 p. (Classics of Russian civil law).
8. Stepanov I.I. The experience of the theory of insurance contract / I.B. Stepanov. Kazan: University Printing House, 1875. XXII, 203 p. 12.

9. Martianova T.S. Insurance of life and health of citizens under contracts. Abstract of the dissertation of the candidate, jurid. Sciences. – M., 1976. – 15 p.

10. Igbaeva G.R. Insurance interest in a personal insurance contract // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2005. – № 4 (28–2). – pp. 389–391.

11. Abramov V.Y. Insurance interest as a type of interest category in civil law // Legal and legal work in insurance. – 2006. – No. 1. Pp. 78–92.

12. Gurov A.V. The category of insurance interest in Russian civil law. Abstract of the dissertation of the candidate, jurid. Sciences. – M., 2010. – 23 p.

13. Avakian A.M. Insurance interest as a prerequisite for personal insurance obligations // Society: Politics, Economics, Law, 2011– No. 4, Pp. 135–139.

14. Battakhov P. P., Ovchinnikova Yu. S. Issues of law enforcement in personal insurance: the main aspects // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 8 (224). – pp. 252–255.

15. Battakhov P. P., Ovchinnikova Yu. S., Moturenko S.M. The concept of "insurance interest" in civil law: the main problems of theory and practice // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2023. – Vol. 27. No. 2. – Pp. 439–452.

16. Dedikov S.V. Functional theory of insurance interest // Lawyer. – 2010. – No. 10. – Pp. 12–13.

17. Dedikov S. V., Artamonov A.P. The problem of insurance interest in reinsurance contracts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2011. – No. 11. – Pp. 76–81.

18. Fogelson Yu.B. Commentary on insurance legislation. – 2nd ed., reprint. and add. – Moscow: Jurist, 2002. – 347 p.

19. Khudyakov A.I. Insurance law. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov Law Center Press. 2004. – 691 p., p. 299.

20. Burykhin B. S., Zatepyakin O.A. Quality assurance of education based on state educational insurance // Bulletin of Tomsk State University. Economy. – 2011. – № 3 (15). – pp. 193–206.

21. Vishnyakova T.V. The role of the insurance fund in the development of the educational lending system // Young Scientist. – 2009. – № 4 (4). – pp. 63–67.

22. Zatepyakin O.A. Conceptual content of educational insurance // Russian Online Economic Magazine. – 2008. – № 4. URL: <https://www.e-rej.ru/publications/117/%D0%B7/> (accessed 03/20/2026).

23. Mahdieva Yu. M., Akayeva U.M. The role of insurance in financing education costs and the human development system // Modern economy: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference. At 2 p.m. 1. Penza: ICNS "Science and Education". 2017. 308 p., Pp. 222–224.

24. Tyapkina I.V. The legal mechanism for the implementation of the constitutional right to education in secondary and higher professional educational institutions in Russia. Abstract of the dissertation of the candidate, jurid. sciences'. – Moscow, 2009. – 22 p.

25. Fasmer M.R. Etymological dictionary of the Russian language (M.R. Fasmer). Articles with the letter "I" (part 2, "IND"-"JUN"). URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slov-200-2.htm#zag-4429> (date of reference 03/20/2026).

26. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov: under the general editorship of prof. L.I. Skvortsov. – 24th ed., ispr. – M.: Onyx Publishing House LLC: Mir I Obrazovanie Publishing House LLC, 2005. 1200 p., p. 1012.

27. The Great Soviet Encyclopedia. URL: <https://gsof.me/dict/bse/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81> (accessed 03/20/2026).

28. Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 volumes – 3rd ed., stereotype. – M.: Rus. yaz., 1999. – Vol. 1: A – PANTO-MIME. – 624 p.

29. Abramov V.Y. Insurance interest as a type of interest category in civil law // Legal and legal work in insurance. – 2006. – № 1. – 78–92, p. 79.

30. Abramov V.Y. Insurance: theory and practice. Moscow: Volters Kluwer, 2007. – 504 p., p. 239.

31. Insurance from A to Z: (Book for the policyholder) / Assoc. insurance law; Edited by L.I. Korchevskaya, K.E. Turbina. Moscow: INFRA-M, 1996. 624 p. (Gendzekhadze E.N., Korchevskaya L.I., Turbina K.E. – chapter 2), p. 85.

32. Mikhailov S.V. Insurance interest // Insurance law. – 1999. – No. 3. – p. 19.

33. Men E.M. Property insurance under the legislation of the USSR. – M.: Glav. Board of State Insurance, 1924. – 64 p., p. 31.

34. Belykh V.S. Insurance law of Russia: Textbook / [V.S. Belykh, I.V. Krivosheev, I.A. Mitrichyev]; edited by V.S. Belykh. – 3rd ed., reprint. and add. – M.: Norm, 2009. 360 p., p. 351.

35. Fogelson Yu.B. Insurance law: theoretical foundations and practice of application: monograph. – M.: Norm: INFRA-M, 2012. – 576 p.

36. Telibekova I.M. Implementation of the security function of insurance in the contract of educational cumulative insurance // Eurasian Law Journal. – 2026. – № 2 (213). – pp. 227–229.

37. Braginsky, M.I. Contractual law. Contracts for the performance of works and services: in 3 books / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. Book 3. – M.: Statute, 2002. – 1036 p.

38. Gurov A.V. Insurance interest and legal fact. Controversial issues // Law. – 2007. – No. 11. – Pp. 201–207.

39. Petrov N.V. The subject of the insurance contract and the insurance interest // Gaps in Russian legislation. – 2009. – No. 3. – Pp. 57–59.

40. Bochkova S.S. On the question of the role of insurance interest in an insurance obligation // Education and law. – 2000. – No. 4. – Pp. 413–417.

41. Bartosh V.M. The role and importance of insurance interest for improving insurance legislation and law enforcement practice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2011. – No. 9. – Pp. 85–93.

42. Fogelson Yu.B. Introduction to insurance. 2nd edition, Moscow: BEK, 2001. 237 p.

43. Dolaev A.S. The object of property insurance: the main difficulties in determining // Legal Concept. – 2011. – № 5–14. – Pp. 229–233.

44. Vostrikova A.M. Ruf V.S. Application of the concept of insurance interest to a personal type of insurance // Ural Journal of Legal Research. – 2023. – № 2 (23). – pp. 16–23.

Свободный оборот материальных знаков государственных наград СССР и РФ как объектов гражданских прав: быть или не быть?

Токаренко Остап Олегович,
студент, СПбГУ
E-mail: t.ostap@vk.com

Чернов Владимир Игоревич,
студент, СПбГУ
E-mail: chernov.volodia2015@yandex.ru

В настоящей статье авторы рассматривают конституционно-правовую дилемму оборота государственных наград СССР и РФ. На основе разграничения трёх элементов наградного правоотношения – акта государственного поощрения, персонального наградного статуса и материального знака награды – обосновывается тезис о том, что знак награды является вещью со специальным правовым режимом, а не публичной вещью в строгом смысле. В статье превалирует цивилистический взгляд на проблему с точки зрения создания условий для свободного оборота материальных знаков государственных наград СССР и РФ, а равно документов к ним для целей поощрения коллекционирования как деятельности направленной на сохранение исторической памяти и исторической правды.

Ключевые слова: государственные награды, оборотоспособность, объекты гражданских прав, историческая память, историческая правда, коллекционирование, наследование наград.

Введение

Представляется справедливым, что вопрос об обороте государственных наград, а равно документов к ним – вопрос эмоционально окрашенный и с догматической точки зрения не проработанный, причем, в разных правовых аспектах: конституционном, цивилистическом или уголовно-правовом. На одной чаше весов – сакральный смысл награды как символа государственного признания подвига и (или) заслуг награжденного, а равно конституционно оберегаемая ценность в виде таких традиционных ценностей как историческая правда и память, на другой – правовая и экономическая реальность, в которой исторические артефакты становятся объектами коллекционирования, и в том числе инвестирования.

Вот уже долгие годы бесспорной и традиционной является точки зрения, нашедшая своё отражение в позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ. Суд указал, что что отсутствие государственных наград СССР в перечне элементов современной наградной системы Российской Федерации не исключает применения к ним аналогичного правового режима. Это объясняется особым характером государственной награды, ценность которой не сводится к стоимости ее материального знака. Награда выступает формой публичного признания заслуг лица перед государством и обществом, поэтому ее коммерциализация посредством свободного отчуждения, в том числе купли-продажи, противоречила бы назначению института награждения. Подобное отчуждение трансформировало бы символ общественного признания в обычный объект имущественного оборота, что, по мнению Конституционного Суда РФ, вело бы к умалению достоинства награжденных лиц и подрыву исторической памяти как значимой основы общественной солидарности¹.

Между тем текущие реалии жизни, в частности усилившийся в последние годы запрос российского общества на изучение истории Отечества, выражающийся в коллекционировании предметов истории и как следствие развитие антикварного рынка ставят открытым вопрос о правовом режиме государственных наград СССР и РФ в части разрешения их свободной оборотоспособности в гражданском обороте для целей поощрения коллекционирования как деятельности, направленной на сохранение исторической памяти и исторической правды.

Правовой статус наград. Юридическая квалификация

Положение о государственных наградах Российской Федерации закрепляет, что государственная награда представляет собой высшую форму поощрения граждан за заслуги перед государством². Таким образом, первой особенностью наградного правоотношения является присвоение особого статуса, так называемая позитивная санкция со стороны государства.

Второй особенностью можно выделить, безусловно, получение прав на социальную поддержку. П. 12 Положения о наградах закрепляет лишь общее правило о том, что награжденным предоставляются меры социальной поддержки в соответствии с законодательством Российской Федерации³. Иллюстрацией такого подхода служат положения пункта 1 статьи 1.1 Федерального закона от 09.01.1997 № 5-ФЗ, согласно которым соответствующим категориям награжденных лиц предоставляется право выбора между натуральными мерами социальной поддержки и ежемесячной денежной выплатой. Специальный порядок установления такой выплаты раскрывается в пункте 6 статьи 6.1 указанного Закона: она назначается территориальным органом Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации с момента присвоения соответствующего звания не по усмотрению заявителя и не на основании предъявления материального знака награды как самостоятельного доказательства, а на базе официальных

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

² Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 22.12.2025) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

³ Там же.

сведений, содержащихся в информационных системах либо поступающих от компетентных государственных органов в порядке межведомственного обмена¹. Из этого следует, что основанием получения тех или иных социальных выплат являются сведения, которые находятся в информационной системе государства. Медаль сама по себе не порождает тех или иных выплат. Отсюда можно сделать вывод, что в структуре наградного правоотношения необходимо разграничивать, во-первых, сам акт государственного поощрения, во-вторых, персональный наградной статус лица, удостоенного награды, и, в-третьих, материальный знак награды как его вещественное воплощение.

Среди особенностей самого знака, необходимо отметить некоторые признаки индивидуализации. Пункт 4 Положения о наградах дифференцирует награды, которым приписывается номер и те, которые номер не имеют². Последнее распространяется наград за почетные звания, к примеру, «Народный учитель Российской Федерации».

Не менее важен и вопрос об учете наград в реестрах. Из действующего регулирования и функционирующих публичных информационных ресурсов следует, что из действующего регулирования и публично доступных ресурсов не усматривается существование единого открытого реестра; вместо этого существуют разобщенные государственные и общественные ресурсы учета. Например, в отношении исторических наград военного периода созданы открытые цифровые базы Министерства обороны РФ – прежде всего «Подвиг народа» и «Память народа», позволяющие искать сведения о лицах и награждениях, а также просматривать наградные документы³.

Особый порядок хранения государственных наград после смерти награжденного подтверждает их исключение из обычного наследственного оборота. В соответствии с пунктами 47 и 50 Положения о государственных наградах государственные награды и документы к ним, принадлежавшие умершим награжденным лицам либо лицам, награжденным посмертно, передаются близким родственникам не как наследственное имущество, а именно для хранения. К числу таких лиц отнесены дети, супруг, родители, внуки и иные близкие родственники. Если указанные лица отсутствуют, награды и документы возвращаются в Администрацию Президента Российской Федерации⁴. Данный подход находится в системной связи со статьей 1185 ГК РФ, закрепляющей, что государственные награды, на которые распространяется законодательство о государственных наградах Российской Федерации, не включаются в наследственную массу. Их последующая передача после смерти награжденного подчиняется не наследственно-правовой логике распределения имущества, а специальному публично-правовому порядку, установленному законодательством о наградах⁵.

В контексте наследования С.П. Гришаев подчеркивает, что государственная награда имеет личный, а не имущественно-правовой характер, поскольку представляет собой индивидуальную форму государственного поощрения. Следовательно, правовой статус награжденного лица и вытекающие из него льготы, гарантии и иные преимущества неотделимы от личности награжденного и не могут переходить к наследникам. По этой причине возможный конфликт между несколькими наследниками относительно обладания знаком награды не трансформирует такую награду в объект наследственного правопреемства и не предполагает применения к ней общих правил наследственного права⁶.

Конституционный Суд РФ в своем определении заключил, что передача удостоверения о награде позволяет документально подтвердить, что лицо действительно было награждено⁷.

Проанализировав судебную практику по делам о наследовании⁸, авторы констатируют наличие у отечественных судов единообразного подхода, основанного как на применении норм материального права (п. 2 ст. 129, п. 1 ст. 1185 ГК РФ, п. 50 Указа Президента РФ от 07.09.2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (далее – Положение о наградах) и др.), так и актов толкования (п. 72 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»). Как правило, споры о наследовании, содержащие требование о включении в состав наследственной массы государственной награды или требование о возложении на ответчика обязанности передать истцу государственную награду разрешаются в большинстве своём на уровне апелляционной или реже кассационной инстанции.

Показательной является судебная практика, в которой суды исходят из невозможности квалификации государственной награды как наследственного имущества. В рассматриваемом деле¹⁰ сын лица, награжденного орденом Мужества за участие в специальной военной операции, предъявил иск к сожительнице умершего о передаче ему указанной награды. В обоснование требований он ссылался на то, что является наследником первой очереди после смерти отца, погибшего 25.09.2023 при повторном направлении в зону проведения СВО. Истец также указывал, что после смерти награжденного ответчик распорядилась принадлежавшими умершему денежными средствами и оставила у себя орден Мужества.

Разрешая спор, суд исходил из специального публично-правового режима государственных наград. Поскольку орден Мужества является орденом Российской Федерации и включен в государственную наградную систему Российской Федерации, он не может рассматриваться как имущество, входящее в наследственную массу. Следовательно, сам по себе статус истца как наследника первой очереди не порождает у него права требовать передачи государственной награды по правилам наследственного права. При таких обстоятельствах, а также с учетом того, что награда была добровольно передана умершим ответчику, суд отказал в удовлетворении требования о ее истребовании.

Таким образом, судебная практика даёт единодушно утвердительный ответ на вопрос: «существуют ли ограничения оборотоспособности государственной награды СССР и РФ как объекта гражданских прав?». Насколько оправдан такой подход?

Для начала следует определить, что в доктрине гражданского права понимается под гражданским оборотом – основой частного права. Так, Е.А. Суханов определяет оборот, как «совокупность всех сделок его участников и возникающих на этой основе общественных отношений, юридически оформляющих экономические отношения товарообмена»¹¹. В.А. Белов, в свою очередь, понимает под гражданским оборотом «отношению субъектного состава юридических (гражданско-правовых) отношений, опосредующих состояние принадлежности (отчужденности) материальных и нематериальных благ, а также приносимых ими доходов»¹². Таким образом, ядром гражданского оборота в плоскости частного права является юридическое определение отношений субъектов по поводу принадлежности того или иного блага. В этой связи необходимо обратиться к понятию объекта гражданских прав.

Прекрасно осознавая, как спорность содержания данной категории, так и спорность ее установления в гражданском праве в принципе¹³, мы исходим из того, что выделять объекты гражданских прав

¹ Там же.

² Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 22.12.2025) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

³ Подвиг народа: электронный банк документов о награжденных и награждениях периода Великой Отечественной войны: официальный сайт. URL: <https://podvignaroda.ru/> (дата обращения: 21.04.2026). Текст: электронный.

⁴ Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 22.12.2025) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁶ Гришаев, С.П. Комментарий к законодательству о наследовании. Часть 3 ГК РФ (постатейный) [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2025. Текст: электронный.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1175-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Климова Бориса Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 47.1 Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

⁸ Решение Сеgezского городского суда Республики Карелия от 30.05.2024 по делу № 2–570/2024; апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 26.08.2024 по делу № 2–570/2024; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2025 по делу № 2–570/2024 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Решение Няндомского районного суда Архангельской области от 23.08.2023 по делу № 2–826/2023; апелляционное определение Архангельского областного суда от 08.02.2024 по делу № 2–826/2023; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2025 по делу № 2–826/2023 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Решение Кондопожского городского суда Республики Карелия от 28.09.2023 по делу № 2–707/2023; апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 30.01.2024 по делу № 2–707/2023 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд. Москва: Волтерс Клувер, 2006. С. 66.

¹² Белов, В.А. Гражданское право: в 2 т. Т. 1: Общая часть: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2022. С. 264.

¹³ Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Гаджиева [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (автор комментария к ст. 128 ГК РФ – Д.О. Тузов).

необходимо постольку, поскольку человечество определило какие-то феномены окружающей действительности ценными, то есть способными удовлетворять потребности. Объекты гражданских прав служат своего рода «мостом» соединяющим право о реальность. Определение тех или иных благ в качестве объектов гражданских прав означает, что отношения, разворачивающиеся вокруг них, имеют значение для государства, а значит, подлежат защите, что способствует свободным экономическим отношениям. Такое понимание и было отправной точкой для дальнейших рассуждений.

После реформы гражданского законодательства 2013 г. законодатель отказался в тексте статьи 129 ГК РФ от прямого упоминания об объектах, изъятых из оборота, сохранив в ней лишь противопоставление свободно обращающихся и ограниченных в обороте объектов¹. Данные изменения стали закономерным следствием возникшей конституционно-правовой дискуссии, которая находится за рамками настоящего исследования².

Именно здесь необходимо обратиться к конструкции так называемых публичных вещей. Карадже-Исров, анализируя римско-правовые и общетеоретические основания публичных вещей, связывал их либо с общим пользованием, либо с прямым служением государству, подчеркивая тем самым их особую, несводимую к обычной частной вещи юридическую природу³. Развивая эту мысль применительно к современному праву, Р.С. Бевзенко формулирует еще более жесткий тезис: если право в принципе не допускает оборота вокруг определенного объекта, то такой объект должен быть для гражданского права безразличен: эти объекты не нуждаются в определении принадлежности гражданско-правовом смысле⁴. Материальный знак государственной награды, напротив, с самого начала включен в иную юридическую конструкцию. Он индивидуально присваивается конкретному лицу, вручается ему, находится в его фактическом владении, после смерти может передаваться членам семьи или иным близким родственникам для хранения. Очевидно, что материальный знак государственной награды не является объектом, изъятым из оборота. Следовательно, применительно к наградам важным является ответ на вопрос: **почему именно данный объект не должен разворачивать вокруг себя обычный гражданский оборот?**

П. 2 ст. 129 ГК РФ указывает возможность установления ограничений оборотоспособности определенных объектов гражданским прав. Как справедливо отмечается в комментарии к статье 129 под редакцией Г.А. Гаджиева: в пункте 2 применительно к ограничению оборота объектов «названы критерии принадлежности объекта и критерий **отчуждаемости**»⁵. Отмечается, что возможность введения ограничений путем установления правил о совершении сделок по специальному разрешению находится на «втором плане». С этим трудно не согласиться, ведь ограничение принадлежности определенных благ не позволяет в полной мере совершать и определенные сделки, то есть передавать эти блага другим субъектам, а это вопрос о возможности установления такой разновидности субъективного права, как вещное право, а именно на материальный знак государственной награды.

Исходя из анализа современного российского законодательства можно заключить, что имеет место ограничение данного права, в основе которого лежат политико-правовые причины. Сама принадлежность материального знака допускается только узкому кругу лиц, ограничен и круг действий, которые может совершать управомоченный в отношении объекта, в том числе в возможности совершать сделки. Разумеется, из всего сказанного не следует, что действующее ограничение оборота наград лишено рационального основания. Напротив, такое основание имеется, но оно иное по своей природе. Оно коренится в необходимости охраны тех нематериальных ценностей, кото-

рые через нее репрезентируются: чести и достоинства награжденного, исторической памяти, авторитета государственного поощрения, а также в предупреждении криминального спроса на награды. Иными словами, современное ограничение оборота наград имеет не онтологическое, а аксиологическое обоснование.

Думается, что главный вопрос настоящего исследования состоит в том, не является ли действующая модель чрезмерно жесткой в той мере, в какой она фактически подводит под единый запретительный режим семейное мемориальное хранение, музейную передачу, коллекционирование, ориентированное на сохранение исторической памяти, и коммерчески мотивированный сбыт. Если ответ на этот вопрос окажется положительным, то корректировка режима должна строиться не на отрицании ценности награды, а на более тонком разграничении непередаваемого статуса, материального носителя этого статуса и допустимых форм обращения такого носителя без перехода самого статуса.

В поисках компромисса

Прежде всего, представляется очевидным сохранение модели ограниченного оборота, однако важным является то обстоятельство, что публичные задачи сохранения исторической памяти, защиты достоинства награжденного и предупреждения криминального спроса обеспечиваются не только уголовным запретом, но и специальными гражданско-правовыми и административными средствами, то есть оборот должен быть **специально организован**.

Именно здесь возникает значение коллекционирования как правомерной цели, отличной от спекулятивного сбыта. В действующем праве коллекционный оборот обычно оформляется через обычные частно-правовые сделки: куплю-продажу, через дарение музею или архиву и т.д. Однако для наград такая модель в чистом виде недостаточна. Компромиссный механизм для наград должен быть построен по модели специального объекта с обязательной проверкой происхождения и учетной фиксацией титула. При этом в качестве аналога «коллекционного режима» законодатель мог бы использовать уже существующие модели посреднического и публичного оборота. Сделки с коллекционными предметами нередко совершаются через комиссионеров, агентов, аукционные площадки, хранителей и экспертные организации. Для наград это означало бы возможность не разрешать свободную анонимную куплю-продажу, а допускать оборот только через специально уполномоченных участников рынка – например, через специализированные организации, музейные посреднические структуры, лицензируемые или специально регистрируемые площадки.

В качестве возможной модели *de lege ferenda* могут обсуждаться отдельные технические решения, известные гражданскому праву и смежным сферам регулирования: идентификация предмета, фиксация его происхождения, учет смены владельца, специальный круг уполномоченных посредников и повышенные требования к проверке законности происхождения вещи. Однако такая модель не должна механически воспроизводить конструкции рынка ценных бумаг, а может рассматриваться лишь как ориентир для выработки специального режима обращения наград.

Отдельного обсуждения требует инвестиционный аспект. Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»⁶ определяет инвестиции широко – как денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, иное имущество, имущественные права, интеллектуальные ценности и т.д. В качестве возможного экономического способа восприятия исторически ценных предметов в обороте может их выступать признание как объекта инвестиции. Именно здесь требуется специальное сдерживающее регулирование, чтобы наградный знак не превратился в квазифинансовый актив.

Если законодатель в будущем сочтет возможным смягчение действующего режима, такое смягчение едва ли должно строиться по модели обычной движимой вещи, находящейся в свободном обороте, а по модели специального реестрово-удостоверяемого объекта. Это могло бы предполагать, в частности, допустимость оборота только тех категорий наград, для которых установлен специальный режим допуска, обязательную универсальную идентификацию предмета, обязательную реестровую запись о переходе титула.

Заключение

Наличие взвешенного, адекватного и соразмерного регулирования необходимо для того, чтобы награды не превращались в обезличенный инструмент, оторванный от награжденного. Конституционно-правовой

¹ Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подзаконный акт Правительства РФ, в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

² См., например: Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Гаджиева [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (авторы комментария – Г.А. Гаджиев, Н.В. Иванов).

³ Карадже-Исров, Н.П. Публичные вещи. Вып. 1 / Н.П. Карадже-Исров. Иркутск: Изд-во Иркутской секции научных работников, 1927. С. 8–11, 17–20.

⁴ Бевзенко, Р.С. Что такое реки, публичные дороги, мосты, Московский Кремль, подземные пусковые шахты баллистических ракет и проч. с точки зрения гражданского права? Ответы – в книге Карадже-Исрова «Публичные вещи» [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 2015. 11 авг. URL: https://zakon.ru/blog/2015/08/11/chto_takoe_reki_publichnye_dorogi_mosty_moskovskij_krem_l_podzemnye_puskovye_shaxty_ballisticheskikh_r (дата обращения: 21.04.2026). Текст: электронный.

⁵ Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Гаджиева [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (авторы комментария – Г.А. Гаджиев, Н.В. Иванов).

⁶ Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.

смысл текущего регулирования заключается в поиске баланса. В результате, как представляется, оптимальный компромисс мог бы быть сформулирован как режим, который должен различать: а) семейное мемориальное хранение; б) музейно-архивную передачу; в) коллекционирование, ориентированное на сохранение исторической памяти; г) коммерческий сбыт, лишенный мемориальной или публично полезной функции. Только при такой градации можно добиться этого баланса, то есть не разрушить сакральный и историко-мемориальный смысл награды, но и не оставлять сферу фактического обращения вне ясной правовой квалификации, при которой оборот существует де-факто, но не получает нормативно дифференцированной оценки.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.
4. Федеральный закон от 09.01.1997 № 5-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 3. Ст. 349.
5. Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.
6. Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 22.12.2025) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.07.1979 № 360-X «Об утверждении Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 28. Ст. 479.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1977 № 5268-IX «Об орденах и медалях СССР умерших награжденных» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 139.
9. Белов, В.А. Гражданское право: в 2 т. Т. 1: Общая часть: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 451 с.
10. Бевзенко, Р.С. Что такое реки, публичные дороги, мосты, Московский Кремль, подземные пусковые шахты баллистических ракет и проч. с точки зрения гражданского права? Ответы – в книге Карадже-Искова «Публичные вещи» [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 2015. 11 авг. URL: https://zakon.ru/blog/2015/08/11/chto_takoe_reki_publichnye_dorogi_mosty_moskovskij_kreml_podzemnye_puskovye_shaxty_ballisticheskix_r (дата обращения: 21.04.2026). Текст: электронный.
11. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
12. Гришаев, С.П. Комментарий к законодательству о наследовании. Часть 3 ГК РФ (постатейный) [Электронный ресурс]. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2025. Текст: электронный.
13. Карадже-Исков, Н.П. Публичные вещи. Вып. 1 / Н.П. Карадже-Исков. Иркутск: Изд-во Иркутской секции научных работников, 1927. 79 с.
14. Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Гаджиева [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьяшиной» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1175-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Климова Бориса Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 47.1 Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» //

Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7; Российская газета. 2021. 15 янв.

18. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2025 по делу № 2–826/2023 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2025 по делу № 2–570/2024 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 26.08.2024 по делу № 2–570/2024 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

21. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 08.02.2024 по делу № 2–826/2023 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 30.01.2024 по делу № 2–707/2023 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Решение Сегежского городского суда Республики Карелия от 30.05.2024 по делу № 2–570/2024 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Кондопожского городского суда Республики Карелия от 28.09.2023 по делу № 2–707/2023 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Решение Няндомского районного суда Архангельской области от 23.08.2023 по делу № 2–826/2023 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

26. Подвиг народа: электронный банк документов о награжденных и награждениях периода Великой Отечественной войны: официальный сайт. URL: <https://podvignaroda.ru/> (дата обращения: 21.04.2026). Текст: электронный.

FREE CIRCULATION OF MATERIAL SYMBOLS OF STATE AWARDS OF THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: TO BE OR NOT TO BE?

Tokarenko O.O., Chernov V.I.
St. Petersburg State University

This article examines the constitutional and civil-law dilemma surrounding the circulation of state awards of the USSR and the Russian Federation. Drawing a distinction between the three constituent elements of an award-related legal relationship – namely, the act of state recognition, the personal award status of the decorated individual, and the material insignia of the award – the authors substantiate the thesis that the insignia of a state award constitutes a thing subject to a special legal regime, rather than a public thing in the strict sense. The article adopts a predominantly civil-law approach to the problem, focusing on the creation of legal conditions for the free circulation of the material insignia of state awards of the USSR and the Russian Federation, as well as the documents accompanying them, for the purposes of promoting collecting as an activity aimed at preserving historical memory and historical truth.

Keywords: state awards, transferability, objects of civil rights, historical memory, historical truth, collecting, inheritance of awards.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) № 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025). Collection of Legislation of the Russian Federation, 1994, № 32, art. 3301. (In Russ.).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) № 146-FZ of November 26, 2001 (as amended on July 31, 2025). Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, № 49, art. 4552. (In Russ.).
3. Federal Law № 142-FZ of July 2, 2013, «On Amendments to Subsection 3 of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation». Collection of Legislation of the Russian Federation, 2013, № 27, art. 3434. (In Russ.).
4. Federal Law № 5-FZ of January 9, 1997 (as amended on July 31, 2025), «On Social Guarantees for Heroes of Socialist Labor, Heroes of Labor of the Russian Federation and Full Cavaliers of the Order of Labor Glory». Collection of Legislation of the Russian Federation, 1997, № 3, art. 349. (In Russ.).
5. Law of the RSFSR № 1488–1 of June 26, 1991, «On Investment Activity in the RSFSR». Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR, 1991, № 29, art. 1005. (In Russ.).
6. Presidential Decree of the Russian Federation № 1099 of September 7, 2010 (as amended on December 22, 2025), «On Measures to Improve the State Award System of the Russian Federation». Collection of Legislation of the Russian Federation, 2010, № 37, art. 4643. (In Russ.).
7. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR № 360-X of July 3, 1979, «On Approval of the General Regulation on Orders, Medals and Honorary Titles of the USSR». Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1979, № 28, art. 479. (In Russ.).
8. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR № 5268-IX of February 15, 1977, «On Orders and Medals of the USSR of Deceased Awarded Persons». Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1977, № 8, art. 139. (In Russ.).

9. Belov, V.A. Civil Law: in 2 vols. Vol. 1: General Part: textbook for higher education institutions. Moscow: Yurait, 2022. 451 p. (In Russ.).

10. Bevzenko, R.S. What are rivers, public roads, bridges, the Moscow Kremlin, underground launch silos for ballistic missiles, etc. from the standpoint of civil law? Answers in Karadzhe-Iskrov's book «Public Things» [Electronic resource]. Zakon.ru, August 11, 2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/08/11/chto_takoe_reki_publichnye_dorogi_mosty_moskovskij_kreml_podzemnye_puskovye_shaxty_ballisticheskix_r (accessed: 21.04.2026). Electronic text. (In Russ.).

11. Civil Law: in 4 vols. Vol. 1: General Part / ed. by E.A. Sukhanov. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 720 p. (In Russ.).

12. Grishaev, S.P. Commentary on Inheritance Legislation. Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) [Electronic resource]. Prepared for ConsultantPlus, 2025. Electronic text. (In Russ.).

13. Karadzhe-Iskrov, N.P. Public Things. Issue 1 / N.P. Karadzhe-Iskrov. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk Section of Scientific Workers, 1927. 79 p. (In Russ.).

14. Objects of Civil Rights: Scientific and Practical Commentary to the Civil Code of the Russian Federation / ed. by Doctor of Law, Professor G.A. Gadzhiev [Electronic resource]. Available through ConsultantPlus. Electronic text. (In Russ.).

15. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 10-P of February 27, 2020, «On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Article 324 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen N.M. Demenshina». Rossiyskaya Gazeta, March 11, 2020. (In Russ.).

16. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1175-O of July 16, 2013, «On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Boris Semenovich Klimov Concerning Violation of His Constitutional Rights by Clause 47.1 of the Regulation on State Awards of the Russian Federation, Approved by Decree of the President of the Russian Federation № 1099 of September 7, 2010» [Electronic resource]. Available through ConsultantPlus. Electronic text. (In Russ.).

17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 9 of May 29, 2012 (as amended on December 24, 2020), «On Judicial Practice in Inheritance

Cases». Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2012, № 7; Rossiyskaya Gazeta, January 15, 2021. (In Russ.).

18. Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of January 20, 2025 in case № 2–826/2023 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

19. Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of January 20, 2025 in case № 2–570/2024 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

20. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia of August 26, 2024 in case № 2–570/2024 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

21. Appellate Ruling of the Arkhangelsk Regional Court of February 8, 2024 in case № 2–826/2023 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

22. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia of January 30, 2024 in case № 2–707/2023 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

23. Decision of the Segezha City Court of the Republic of Karelia of May 30, 2024 in case № 2–570/2024 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

24. Decision of the Kondopoga City Court of the Republic of Karelia of September 28, 2023 in case № 2–707/2023 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

25. Decision of the Nyandoma District Court of the Arkhangelsk Region of August 23, 2023 in case № 2–826/2023 [Electronic resource]. The document was not officially published. Available through ConsultantPlus. (In Russ.).

26. Feat of the People: electronic database of documents on decorated persons and awards during the Great Patriotic War: official website. URL: <https://podvignaroda.ru/> (accessed: 21.04.2026). Electronic text. (In Russ.).

Недобросовестная цель в корпоративных спорах: субъективные и процессуальные критерии выявления

Ушаков Валентин Валерьевич,

аспирант, ассистент кафедры Арбитражного процесса адвокатуры и нотариата. Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: Valentin-uscha@yandex.ru

Данное исследование представляет собой фундаментальный анализ категории «недобросовестная цель» в контексте современных корпоративных конфликтов в Российской Федерации. В работе обосновывается, что недобросовестная цель является центральным субъективным элементом латентного злоупотребления правом, позволяющим разграничить правомерную реализацию полномочий участника корпорации от деструктивного поведения. Исследование охватывает историческую ретроспективу ограничения гражданских прав со времен советского законодательства до современных правовых позиций Верховного Суда РФ. Автором систематизированы модели скрытых злоупотреблений, включая манипулирование процедурами созыва собраний и недобросовестную эмиссию акций. Особое внимание уделяется процессуальным аспектам: преодолению презумпции добросовестности и применению гибкого распределения бремени доказывания. В статье предлагаются конкретные маркеры для выявления скрытых целей участников спора, такие как контекстуальный анализ динамики поведения и оценка разумного экономического интереса. Результаты направлены на совершенствование методологии арбитражного судопроизводства в рамках частноправовых (цивилистических) наук.

Ключевые слова: недобросовестная цель, злоупотребление правом, корпоративные споры, принцип добросовестности, бремя доказывания, арбитражный процесс, латентные злоупотребления.

Современный этап развития корпоративных правоотношений в Российской Федерации характеризуется качественным усложнением внутренних и внешних конфликтов [4, с. 15]. В условиях динамично меняющейся экономической среды правовые механизмы управления хозяйственными обществами нередко становятся полем для стратегических манипуляций, где формальная законность вступает в противоречие с духом права. Проблема выявления недобросовестной цели в действиях участников корпорации является одной из наиболее острых в рамках современных частноправовых наук [3, с. 46]. Истоки доктрины, ограничивающей осуществление субъективных прав их социально-правовым назначением, уходят в историю советского гражданского права, где подобный подход был прямо закреплен в статье 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года [4, с. 18]. В современном российском праве преемницей этой концепции выступает статья 10 Гражданского кодекса РФ, устанавливающая универсальный запрет на осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное поведение [7, ст. 10].

Корпоративный спор по своей природе представляет собой столкновение интересов, где за каждым процессуальным действием или корпоративным решением стоит определенная воля субъекта. Однако в практике арбитражного судопроизводства все чаще фиксируются ситуации, при которых внешне безупречные с точки зрения закона действия используются как инструмент давления на оппонентов [5, с. 113]. Квалифицирующим признаком таких нарушений выступает недобросовестная цель – субъективный настрой лица на достижение результата, противоречащего фундаментальному принципу добросовестности [4, с. 22]. Лицо при злоупотреблении умышленно выходит за границы социального назначения своих прав для достижения незаконного результата посредством использования юридических пробелов или формальных преимуществ [4, с. 25].

Постижение правовой природы недобросовестной цели требует глубокого теоретического осмысления. В доктрине частноправовых наук злоупотребление правом традиционно понимается как осуществление субъективного права в противоречии с его социальным назначением [3, с. 48]. Латентное злоупотребление характеризуется тем, что внешне действия лица полностью соответствуют требованиям нормативных актов, но фактически направлены на причинение вреда корпорации или ее участникам. При квалификации подобных действий решающее значение приобретает анализ мотивационной составляющей, поскольку недобросовестная цель выражается в намерении заблокировать жизненно важные для общества решения или осуществить принудительное вытеснение оппонентов [4, с. 102].

Важной вехой в научной дискуссии является спор о соотношении презумпции и принципа добросовестности. Традиционно добросовестность рассматривалась исключительно как опровержимая презумпция, что закреплено в статье 10 ГК РФ [7, ст. 10]. Однако современные исследователи обоснованно доказывают, что добросовестность является не просто технической презумпцией, а фундаментальным, «сквозным» принципом гражданско-правового регулирования [1, с. 85]. Рассмотрение ее в качестве материально-правового принципа обязывает суд не ограничиваться формальной проверкой процедур, а сопоставлять поведение субъекта с общими стандартами честного и уважительного ведения дел [1, с. 86].

Анализ актуальной судебной практики позволяет выявить наиболее характерные сценарии, в которых недобросовестная цель искусно маскируется под правомерную деятельность. Одним из наиболее часто встречающихся примеров является манипулирование процедурами управления, включая злоупотребление правом требовать созыва общего собрания [4, с. 115]. В таких случаях деструктивное поведение может перерасти в корпоративный шантаж, известный как «грин-мейл», целью которого является понуждение к выкупу доли по заведомо завышенной цене [4, с. 118]. Здесь формальное право на участие в управлении превращается в инструмент извлечения неосновательного обогащения.

Другой значимой моделью выступает проведение дополнительных эмиссий акций, направленных на умышленное уменьшение влияния миноритарных акционеров. В практике арбитражных судов сегодня на-

блюдается качественный переход от формального контроля за соблюдением процедур выпуска ценных бумаг к оценке реального баланса интересов. Даже при безупречном соблюдении закона эмиссия может быть признана недействительной, если ее скрытая цель заключалась в вытеснении оппонентов при отсутствии у общества объективной инвестиционной необходимости. Подобная недобросовестность может проявляться и в процессуальной сфере через инициирование множественных исков и подачу необоснованных заявлений об обеспечительных мерах [8, ст. 41]. Совокупность таких актов указывает на намерение не защитить право, а экономически парализовать деятельность оппонента [4, с. 142]. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ, при установлении признаков заведомо недобросовестного осуществления прав следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника оборота, учитывающего интересы другой стороны [6, п. 1].

Поиск эффективных инструментов борьбы со скрытыми злоупотреблениями в арбитражном процессе неизбежно сталкивается с необходимостью преодоления презумпции добросовестности [7, ст. 10]. Поскольку прямые доказательства субъективного умысла практически отсутствуют, доказывание осуществляется через систему косвенных маркеров. Первостепенное значение имеет анализ динамики поведения: суд должен оценивать не изолированный акт, а последовательную цепочку действий участника спора во времени [4, с. 156]. Систематическое совершение процессуальных шагов, не ведущих к разрешению конфликта, служит индикатором скрытой деструктивной цели.

Не менее важным критерием является проверка наличия разумного экономического или корпоративного интереса. Если действие не приносит выгоды корпорации, но ущемляет права части участников, это свидетельствует о его недобросовестности. Сильным маркером также служит противоречивость поведения, известная как принцип эстоппеля: резкая и немотивированная смена правовой позиции указывает на попытку манипулирования правовой определенностью [2, с. 210]. Кроме того, суд обязан учитывать соразмерность требований реальному интересу. Ситуации, когда миноритарный акционер требует мер, способных заблокировать работу всего холдинга, очевидно свидетельствуют о намерении причинить вред [4, с. 165].

При обнаружении данных признаков в арбитражном процессе целесообразно использовать механизм гибкого перераспределения бремени доказывания. Если заявитель представляет весомые косвенные улики недобросовестности, бремя доказывания разумности своих намерений должно переходить на противоположную сторону [8, ст. 65]. Подобный контекстуальный подход позволяет судам отказаться от сугубо формальной оценки и перейти к содержательному анализу баланса интересов. Это напрямую коррелирует с задачами современных частноправовых наук по обеспечению стабильности гражданского оборота и защите от латентных злоупотреблений [4, с. 200; 1, с. 87].

Проведенное исследование подтверждает, что недобросовестная цель является центральным элементом латентного злоупотребления правом, позволяющим суду отграничить социально значимое использование корпоративных полномочий от их деструктивного применения [4, с. 22]. В условиях усложняющегося экономического оборота категория добросовестности должна восприниматься правоприменителем не как техническая презумпция, которую легко соблюсти формально, а как фундаментальный материальный принцип, определяющий границы дозволенного поведения [1, с. 85]. Переход арбитражных судов к содержательному анализу баланса интересов сторон на основе контекстуального исследования поведения является необходимым шагом для обеспечения подлинной справедливости.

Эффективность судебной защиты в корпоративных спорах напрямую зависит от готовности судов применять систему косвенных маркеров и механизмы перераспределения бремени доказывания при выявлении признаков скрытой недобросовестности [8, ст. 65]. Только через отказ от сугубо формального контроля соблюдения процедур и внедрение методик анализа реальных целей участников конфликта возможно минимизировать риски корпоративного шантажа и иных форм латентного давления. Таким образом, развитие методологии выявления недобросовестных целей остается приоритетной задачей для совершенствования методологии частноправовых наук и практики арбитражного судопроизводства [4, с. 200; 1, с. 87].

Литература

1. Автомонова М. В., Казановская Ю. А., Минина А. А. Принцип добросовестности в гражданско-правовом регулировании // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 84–87.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2020. 848 с.
3. Быков Д. И. Принцип добросовестности и злоупотребление правом: теоретические и практические аспекты // Экономика. Социология. Право. 2025. № 3 (39). С. 45–51.
4. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.
5. Ибрагимова Э. М., Храмцов А. А., Афонина О. С. Проблема отграничения злоупотребления правом от добросовестного поведения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4–1 (91). С. 112–115.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
9. Допэмиссия как злоупотребление правом: разбор пункта 15 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2025) // Закон.ру. URL: <https://zakon.ru/>...
10. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/>...

UNFAIR PURPOSE IN CORPORATE DISPUTES: SUBJECTIVE AND PROCEDURAL CRITERIA FOR IDENTIFICATION

Ushakov V.V.
Saratov State Law Academy

This study presents a fundamental analysis of the “bad faith goal” category in the context of modern corporate conflicts in the Russian Federation. The work substantiates that a bad faith goal is a central subjective element of latent abuse of rights, allowing for the distinction between the lawful exercise of a corporate participant's powers and destructive behavior. The research covers a historical retrospective of the limitation of civil rights from the era of Soviet legislation to modern legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation. The author systematizes models of hidden abuses, including manipulation of meeting procedures and bad faith issuance of shares. Particular attention is paid to procedural aspects: overcoming the presumption of good faith and applying flexible redistribution of the burden of proof. The article proposes specific markers for identifying the hidden goals of the parties to the dispute, such as contextual analysis of behavior dynamics and assessment of reasonable economic interest. The results are aimed at improving the methodology of arbitration proceedings within private law (civilistic) sciences.

Keywords: bad faith goal, abuse of right, corporate disputes, principle of good faith, burden of proof, arbitration process, latent abuses.

References

1. Avtomonova M. V., Kazanovskaya Yu. A., Minina A. A. The principle of good faith in civil law regulation // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 12 (240). Pp. 84–87.
2. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contractual law. The first book: General provisions. Moscow: Statute, 2020. 848 p.
3. Bykov D. I. The principle of good faith and abuse of law: theoretical and practical aspects // Economy. Sociology. Right. 2025. No. 3 (39). Pp. 45–51.
4. Volkov A. V. Abuse of civil rights: problems of theory and practice: monograph. Moscow: Wolters Kluwer, 2009. 464 p.
5. Ibragimova E. M., Khramtsov A. A., Afonina O. S. The problem of distinguishing abuse of law from bona fide behavior // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 4–1 (91). Pp. 112–115.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”.
7. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ.
8. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ.
9. Additional issue as an abuse of law: analysis of paragraph 15 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2025) // <https://zakon.ru/>...
10. Abuse of law in corporate relations // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/>...

Правовой режим единого недвижимого комплекса: теоретические аспекты и выводы из судебной практики

Цициашвили Даниэл Яковлевич,

аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса
и гражданского судопроизводства Университета «Синергия»
E-mail: Daniel.tsitsiashvili@gmail.com

Статья посвящена исследованию правового режима единого недвижимого комплекса (далее – ЕНК) как объекта гражданских прав в Российской Федерации. Анализируются теоретические основы формирования данной правовой категории, введённой в Гражданский кодекс РФ в 2013 году. Рассматриваются проблемы квалификации ЕНК через призму гражданско-правовых понятий неделимой и сложной вещи, соотношения главной вещи и принадлежности. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов выявлены расхождения в подходах к определению состава ЕНК, включению движимого имущества в его состав и вопросам государственной регистрации.

Обосновывается необходимость перехода к модели единого объекта недвижимости, при которой земельный участок выступает единственной недвижимой вещью в обороте. Сформулированы законодательные предложения, направленные на устранение выявленных пробелов в правовом регулировании. Методологию составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Результаты могут быть использованы при совершенствовании положений Гражданского кодекса РФ и формировании единообразной судебной практики.

Ключевые слова: единый недвижимый комплекс, недвижимое имущество, неделимая вещь, единый объект недвижимости, земельный участок, государственная регистрация, судебная практика, право собственности, право застройки.

Введение

Появление в 2013 году статьи 133.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [12] ознаменовало попытку законодателя систематизировать режим разнородных, но функционально связанных объектов. По замыслу разработчиков нормы, единый недвижимый комплекс (далее – ЕНК) был призван обеспечить упрощённый оборот совокупности зданий, сооружений и иных вещей с единым назначением. Вместе с тем практика применения данного института обнажила ряд противоречий, часть которых не получила разрешения в законодательстве и разъяснениях высшей судебной инстанции. По обоснованному замечанию А. Егорова и В. Величко, ЕНК остаётся «противоречивым продуктом реформы» [13, с. 6].

Р.С. Бевзенко в цикле работ о российском праве недвижимости последовательно отстаивает тезис о том, что господствующий в законодательстве подход, основанный на множественности видов недвижимых вещей, является «постсоветским паллиативом, который должен как можно скорее уйти в прошлое» [5, с. 12], и что действующая формулировка ст. 130 ГК РФ уже содержит предпосылки для перехода к модели единого объекта: «недвижимая вещь – это земельный участок, а также неразрывно связанная с ним постройка» [5, с. 45]. Через призму этой позиции настоящее исследование и оценивает институт ЕНК. Целью исследования является выявление теоретических противоречий и практических пробелов правового режима ЕНК, а также обоснование необходимости перехода к модели единого объекта недвижимости. Для достижения поставленной цели применены формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

Литературный обзор

Научная полемика вокруг ЕНК ведётся по нескольким направлениям. Первое касается самой гражданско-правовой природы данного объекта. Е.В. Чуракова обращает внимание на то, что формирование механизма реализации ст. 133.1 ГК РФ осуществляется преимущественно правовыми позициями судов, а не нормами закона [33, с. 14]. П.В. Клец констатирует, что «на практике значительного количества регистрации ЕНК не наблюдается» [16, с. 30], связывая это с непроработанностью законодательного механизма.

Второе направление дискуссии: состав ЕНК. Е.М. Тужилова-Орданская и П.В. Клец на основании системного анализа статей 128, 130, 132 и 133.1 ГК РФ формируют перечень вещей, которые не могут входить в состав ЕНК: участки недр, объекты незавершённого строительства, жилые помещения, морские и воздушные суда, предприятия [31, с. 43]. При этом вопрос о движимых вещах в составе ЕНК остаётся дискуссионным: ряд учёных (Ю.Ф. Дружинина, С.П. Гришаев, Ж.А. Колесникова) поддерживают возможность их включения [31, с. 46], тогда как Минономразвития России прямо указывает, что движимое имущество в состав ЕНК не входит [23].

Третье направление: проблема неделимости ЕНК. В.А. Болдырев считает, что нормы о ЕНК «являются следствием анализа судебной практики и обусловлены здравым смыслом» [8, с. 27]. Однако абсолютность неделимости оспаривается. Е.В. Чуракова предлагает концепцию «относительной неделимости», позволяющую собственникам определять юридическую судьбу отдельных частей ЕНК, если это не причиняет вреда физической целостности объекта [32, с. 15].

Наконец, фундаментальной остаётся проблема статуса земельного участка. Р.С. Бевзенко во втором выпуске «Введения в российское право недвижимости» анализирует принцип единства судьбы прав на земельный участок и строения на нём, доказывая, что раздельный режим приводит к «тысячам признанных недействительными договоров ипотеки» и массовым нарушениям прав участников оборота [6, с. 8]. Его позиция подкрепляется статьёй о «горизонтальном разделении» земельного участка, где обосновывается, что собственнику нет рациональной необходимости регистрировать право на постройку, если он уже владеет земельным участком [4, с. 5]. В.А. Алексеев, полемизируя с Р.С. Бевзенко, отмечает, что «для возникновения ЕНК нужно, чтобы объективно существующая сложная вещь была отражена в ЕГРН именно как ЕНК» [1, с. 120]. В.А. Лапач вводит понятие «правовой иммобилизации», описывающее процесс приобретения движимой вещью ста-

туса недвижимости при её присоединении к недвижимому объекту [17, с. 310]. М.В. Логунова исследует принцип единства судьбы земельных участков и связанных с ними объектов [18, с. 90].

Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на анализе нормативных правовых актов (Гражданский кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»), актов судебного толкования (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25), а также определений и постановлений Верховного Суда РФ, арбитражных судов кассационных и апелляционных инстанций за период 2019–2025 годов. Источниковую базу дополняют доктринальные работы Р.С. Бевзенко, Е.В. Чураковой, Е.М. Тужиловой-Орданской и П.В. Клеца и др. Применены следующие методы: формально-юридический (толкование нормативных предписаний и судебных актов), сравнительно-правовой (сопоставление российского подхода с немецкой моделью *wesentliche Bestandteile*, французской концепцией *immobilisation par destination* и англосаксонским институтом *fixtures*), системный (выявление внутренних противоречий нормативного регулирования).

Результаты

ЕНК как неделимая вещь: пределы конструкции

Законодатель квалифицирует ЕНК как неделимую вещь (ст. 133.1 ГК РФ). Это порождает парадокс: объекты, ранее свободно участвовавшие в обороте, после объединения утрачивают возможность раздела. Росреестр неоднократно констатировал, что «процедура раздела, выдела объектов недвижимости из состава единого недвижимого комплекса законодательством Российской Федерации не предусмотрена» [25]. Обратный путь – от ЕНК к самостоятельным объектам – фактически заблокирован.

Это создает трудности при разделе совместно нажитого имущества: например, ВС Республики Крым был вынужден передать торговый центр (ЕНК) одному супругу с выплатой компенсации другому, фактически изобретая конструкцию в обход формальной неделимости. [32, с. 14].

Неделимость ЕНК не должна быть абсолютной. Внедрение «относительной неделимости», позволяющей выделять части без ущерба функциональному назначению, устранил барьеры в применении института. Примечательно, что среди стран СНГ (Белоруссия, Казахстан, Армения, Азербайджан, Киргизия) прямой запрет на делимость таких объектов содержит только российское право. [32, с. 16].

Проблема «иных вещей» и движимого имущества в составе ЕНК

Формулировка ст. 133.1 ГК РФ использует открытый перечень: «здания, сооружения и иные вещи», что провоцирует полярные толкования. Арбитражные суды в одних случаях допускают «гибридный состав» ЕНК, включающий движимое имущество [28], в других – категорически отвергают такую возможность [30]. Росимущество поддерживает первую позицию [24], тогда как Минэкономразвития настаивает на том, что движимое имущество в силу отсутствия кадастрового учёта в состав ЕНК входить не может [23].

Е.М. Тужилова-Орданская и П.В. Клец приводят наглядный пример: АЗС как ЕНК физически функционирует лишь при наличии движимых вещей – топливных цистерн, насосов и т.д. [31, с. 48]. Без них он лишён работоспособности. Однако выписка из ЕГРН сведений об этих объектах не содержит, что подрывает принцип публичной достоверности реестра.

Решением может стать фиксация сведений о движимом имуществе в разделе «Заключение кадастрового инженера» технического плана ЕНК. Придание этому разделу статуса приложения к выписке из ЕГРН обеспечит прозрачность состава комплекса без изменения системы кадастрового учёта.

Государственная регистрация как конститутивное условие

Судебная практика последовательно подтверждает, что государственная регистрация является конститутивным условием признания ЕНК, и без внесения в ЕГРН совокупность вещей не образует комплекс, несмотря на технологические связи. Данная позиция получила подтверждение в деле о банкротстве АО «Цветлит», где суд указал, что «регистрация имущества в качестве единого недвижимого комплекса не производилась, соответствующее доказательство в материалы спора не представлены», и отказал в признании производственного оборудования частью ЕНК [26]. Аналогичный подход продемонстрировал Первый кассационный суд общей юрисдикции в деле об автостоянке в г. Энгельсе (2025 г.). Он прекратил зарегистрированное право собственности

на ЕНК-автостоянку, установив, что его части (площадка, склад) не являются недвижимостью, так как сам факт регистрации не превращает движимую вещь в недвижимую в смысле ст. 130 ГК РФ. Кассационная инстанция подчеркнула: «государственная регистрация права собственности на объекты не подтверждает, что они являются недвижимым имуществом» [19]. Забор и ворота суд предложил оценивать как элементы благоустройства, а не самостоятельные объекты недвижимости.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ № 303-ЭС24-8693 от 10.10.2024 по делу о доначислении налога на имущество показало иной ракурс проблемы: налоговый орган пытался квалифицировать движимое оборудование (трансформаторные подстанции) как часть незарегистрированного ЕНК с целью обложения его налогом на недвижимость. Верховный Суд отменил решения апелляционной и кассационной инстанций, поддержав позицию суда первой инстанции, и указал, что «не внесённые в ЕГРН права на отдельные объекты недвижимости не позволяют квалифицировать их совокупность как единый недвижимый комплекс» [22]. Это решение имеет ключевое значение: оно пресекает попытки налоговых органов обходить освобождение движимого имущества от налогообложения через конструкцию незарегистрированного ЕНК.

ЕНК и модель единого объекта недвижимости: перспектива реформы

Р.С. Бевзенко формулирует ключевой вопрос: зачем собственнику земельного участка регистрировать право собственности на постройку, если у него и так в собственности земельный участок? Рациональный ответ, по его мнению, – незачем [4, с. 6]. Текущий подход превращает здание в самостоятельный объект, из-за чего участок фактически становится «принадлежностью» строения, а не наоборот (ст. 552 ГК РФ). Определение ВС РФ от 04.02.2020 № 25-КГ19–11 демонстрирует риски такого разделения. В споре о купле-продаже распределительных подстанций с оборудованием и линиями электропередач Верховный Суд указал, что апелляционная инстанция не исследовала вопрос о том, являются ли подстанции с укомплектованным оборудованием неделимыми вещами, а линии электропередач – единым недвижимым комплексом [21]. По данной позиции продажа одного элемента электрокомплекса приведёт к «фактической невозможности использования имущества по целевому назначению». Этот вывод подтверждён Арбитражным судом Западно-Сибирского округа в постановлении от 04.04.2023 по делу № А45–34947/2020 [27].

Институт ЕНК в его нынешней конфигурации – техническая компенсация отсутствия концептуального решения. Вместо признания строений как составными частями участка законодатель создал промежуточную конструкцию, с обязательной регистрацией, запретом на раздел и неопределённостью статуса движимых вещей.

Внедрение модели единого объекта решит ряд проблем. Во-первых, отпадает вопрос о статусе земельного участка в составе ЕНК, который ст. 133.1 ГК РФ не включает в число обязательных элементов. Во-вторых, исчезает неопределённость принадлежности построек, возведённых арендатором: по действующему праву арендатор, построив здание на чужом участке, приобретает право собственности на него (ст. 219 ГК РФ), а затем – приоритетное право на приобретение самого участка (ст. 35 ЗК РФ [14]), что Р.С. Бевзенко квалифицирует как неоправданное преимущество [5, с. 67]. В-третьих, упрощается регистрация в ЕГРН: вместо множественных записей достаточно одной записи на земельный участок.

Вместе с тем переход к единому объекту порождает собственные сложности, которые не следует замалчивать. Р.С. Бевзенко указывает на необходимость «отдельного, глубокого изучения» вопросов поэтажной собственности [5, с. 74]. Владельцы квартир в многоквартирных домах приобретут долю в праве собственности на земельный участок, что потребует реформы режима общего имущества. Кроме того, широко распространённая практика строительства на арендованных земельных участках означает, что немало собственников зданий не располагают правом собственности на землю, и внедрение новой модели может создать конфликт их интересов с интересами собственников участков.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют поставить ряд вопросов для дальнейшего обсуждения. Первый касается соотношения ЕНК и предприятия как имущественного комплекса (ст. 132 ГК РФ). Законодатель рассматривает имущественный комплекс в контексте характеристики предприятия (т.е. «предприятие – это имущественный комплекс, который...»), тем самым указывая на их различную сущность. Отдельные суды, однако, отождествляют данные понятия. А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков и А.Ю. Чикильдина полагают, что ЕНК является «модификацией

имущественного комплекса» [3, с. 9], тогда как А.А. Веденин обоснованно считает этот вывод некорректным [10, с. 132]. ЕНК и предприятие различаются по объёму включаемого имущества (предприятие охватывает имущественные права и обязательства), по целям создания и по правовому режиму, что исключает их отождествление.

Второй вопрос – о допустимости включения объектов незавершённого строительства в состав ЕНК. Е.М. Тужилова-Орданская и П.В. Клец аргументированно отвергают такую возможность из-за отсутствия у «недостроя» функционального назначения [31, с. 44]. Эта позиция обоснованна: включение таких объектов в ЕНК размыло бы критерии их функциональной взаимосвязи, логичнее рассматривать как составные части земельного участка. Р.С. Бевзенко обосновывает этот тезис, указывая, что в концепции единого объекта всё построенное на участке является его частью, а не самостоятельной вещью; при необходимости собственник вправе произвести «горизонтальное разделение» – юридически разделить одну вещь на две [36]. Косвенное это поддход содержится в п. 38 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [29], где замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, признаётся частью участка, а не отдельным объектом недвижимости. Если замощение является частью земельного участка, то тем более ею является незавершённый строительством объект без самостоятельного назначения и завершённой функциональной характеристикой.

Третий вопрос – о перспективах сравнительно-правового заимствования. Немецкая модель (§ 94 BGB [34]) признаёт строения составными частями земельного участка, что исключает их самостоятельный оборот. Французский Code civil (ст. 552 [35]) устанавливает, что право собственности на землю включает всё, что находится над и под её поверхностью. Англосаксонская доктрина fixtures определяет прикреплённое к недвижимости движимое имущество как часть земельного участка. Шведский подход характеризуется отсутствием прямого законодательного определения ЕНК: комплексы формируются договорами о совместной деятельности (samverkansavtal), а суды применяют принцип функциональной взаимосвязанности (funktionell sammanhang) [9, с. 340].

При всём разнообразии подходов общим знаменателем выступает приоритет земельного участка как объекта недвижимости. Российское право, унаследовавшее советский раздельный режим (земля – в государственной собственности, строения – в частной), остаётся включением, и институт ЕНК – лишь косметическое средство, не устраняющее первопричину проблемы. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2025 по делу С. против администрации Орехово-Зуевского городского округа [20] выявило аспект проблемы, устраняющий её первопричину: попытку истца распространить режим ЕНК (ст. 133.1 ГК РФ) на служебные постройки, часть которых была снесена как выходящие за пределы участка. Суд отказал в иске – не было доказано, что строения являются самостоятельными объектами недвижимости и частью ЕНК. Дело иллюстрирует использование конструкции ЕНК для легитимации построек без правовых оснований, что подтверждает необходимость закрепления исчерпывающих критериев включения объектов в ЕНК.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Институт ЕНК, введённый в 2013 году, выполняет утилитарную функцию объединения разнородных объектов в единый предмет оборота, однако не разрешает фундаментальной проблемы российского права недвижимости – раздельного режима земельного участка и строений на нём. Абсолютная неделимость ЕНК лишает собственников гибкости и создаёт трудности в правоприменении (для судей при разделе совместно нажитого имущества и т.п.). Отсутствие механизма фиксации движимых вещей подрывает публичную достоверность ЕГРН и затрудняет оборот. Судебная практика, выполняя восполнительную функцию, вынуждена конструировать модели разрешения споров, не предусмотренные законом. Пленум ВС РФ в 2015 году ограничился общими указаниями (п. 39 Постановления № 25), не раскрыв механизма образования, регистрации и разделения ЕНК, что говорит о важности специального тематического постановления по вопросам правового режима недвижимости, включающего обобщённые выводы о ЕНК для унификации практики. Зарубежный опыт (Германия, Франция, Великобритания, Швеция) подтверждает эффективность модели «земельный участок – единая вещь, строения – его части». Переход к такой модели в России потребует поэтапной реформы, но позволит устранить системные дефекты множественности видов недвижимости.

На основании проведённого исследования формулируются следующие законодательные предложения:

Первое: дополнить ст. 133.1 ГК РФ положением о возможности раздела (выдела) частей ЕНК по решению собственника, если такой раздел не приводит к утрате функционального назначения комплекса («относительная неделимость»). Одновременно внести в часть 16 ст. 24 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» норму, обязывающую включать в технический план ЕНК раздел «Заключение кадастрового инженера» с указанием сведений о движимых вещах (наименование/характеристики, стоимость), придав ему статус приложения к выписке из ЕГРН.

Второе: ввести в раздел II ГК РФ (Право собственности и другие вещные права) норму, закрепляющую право застройщика как ограниченное вещное право, дающее застройщику обременяющее земельный участок право возводить и эксплуатировать строение на чужой земле. Данная конструкция воспроизводит германскую модель Erbbaurecht (§ 1012–1017 BGB [34]): право застройщика обременяет земельный участок и допускает возведение строения несобственником земли. Сооружения, возведённые на основании такого права, должны быть органично привязаны к нему как к своему правовому основанию – иными словами, выступать составной частью права застройщика, а не самостоятельными объектами оборота. Такая норма создаст правовую основу для поэтапного перехода к модели единого объекта недвижимости, при которой земельный участок выступает единственной недвижимой вещью, а строения на нём – его составными частями, оборот которых следует судьбе земельного участка. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 219 ГК РФ положением: «сооружения, возведённые на основании права застройщика, являются его составной частью» [37].

Литература

1. Алексеев В.А. Единый недвижимый комплекс и сложная недвижимая вещь: вопросы соотношения // Закон. 2018. № 3. С. 117–125.
2. Амашукели С.А. Эколого-правовое значение реализации принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 170–177.
3. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чикильдина А.Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы правового регулирования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 4 (21). С. 9–10.
4. Бевзенко Р.С. «Горизонтальное разделение» земельного участка // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 4–9.
5. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нём: введение в российское право недвижимости. М.: М-Логос, 2017. 80 с.
6. Бевзенко Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нём: введение в российское право недвижимости (Вып. 2). М.: Статут, 2020. 112 с.
7. Бевзенко Р.С. Что такое недвижимая вещь? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.2015 № 303-ЭС15–5520 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12.
8. Болдырев В.А. Имущественные комплексы как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2015. № 2. С. 26–28.
9. Вайпан В.А. Судебное усмотрение в практике арбитражных судов // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 3–13.
10. Веденин А.А. Единый недвижимый комплекс: понятие и перспективы правоприменения // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 3. С. 120–135.
11. Веденин А.А. Сравнительно-правовой анализ понятий «единый недвижимый комплекс», «предприятие как имущественный комплекс» и «комплекс имущества» // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 2. С. 170–180.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Егоров А., Величко В. Единый недвижимый комплекс – противоречивый продукт реформы. На пути к правильному понятию недвижимости // Цивилистика. 2019. № 6. С. 5–18.
14. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
15. Клец П.В. Единый недвижимый комплекс в гражданском обороте: теория и практика // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 12–18.
16. Клец П.В. Особенности развития порядка укрепления прав на единый недвижимый комплекс в гражданском законодательстве Российской Федерации // Гражданское право. 2020. № 3. С. 30–33.
17. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический Центр ПРЕСС, 2002. 544 с.

18. Логунова М.В. Особенности реализации принципа единства судьбы земельных участков, ограниченных в обороте, и прочно связанных с ними объектов недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 1. С. 86–97.

19. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 № 88–2402/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

20. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2025 № 88–16712/2025 по делу № 2–3031/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

21. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.02.2020 № 25-КГ19–11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.10.2024 № 303–ЭС24–8693 по делу № А73–513/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

23. Письмо Минэкономразвития России от 24 марта 2014 г. № Д23и-900 «О направлении копии ответа» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

24. Письмо Росимущества от 30.12.2015 № АЧ-18/56045 «О единообразии учёта в реестре федерального имущества сведений о едином недвижимом комплексе» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

25. Письмо ФГБУ «ФКП Росреестра» от 16.01.2019 № 10–0023/19 «Для сведения и учёта в работе» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

26. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.12.2024 по делу № А39–3298/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

27. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.04.2023 № Ф04–890/2023 по делу № А45–34947/2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

28. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2023 № 08АП-1214/2023 по делу № А70–17570/2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140.

30. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18.06.2018 по делу № А33–26812/2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

31. Тужилова-Орданская Е.М., Клец П.В. Проблемы толкования категории «иные вещи» в составе единого недвижимого комплекса при укреплении прав на него // Цивилист. 2024. № 2. С. 41–50.

32. Чуракова Е.В. Правовое регулирование единого недвижимого комплекса как особого объекта гражданских прав: отечественный и зарубежный опыт // Право и экономика. 2024. № 9. С. 12–17.

33. Чуракова Е.В. Формирование судебной практики по вопросу признания объекта единым недвижимым комплексом // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 12–20.

34. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) vom 18. August 1896 // Bundesgesetzblatt (дата обращения: 01.04.2026).

35. Code civil des Français. Version en vigueur au 01 avril 2026 // <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 01.04.2026).

36. Бевзенко Р.С. Что такое с точки зрения гражданского права результат незавершённых строительных работ, право на который не зарегистрировано в реестре? // Закон.ру. 2019. 29 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/29/chto_takoe_s_tochki_zreniya_grazhdanskogo_prava_rezultat_nezavershennyh_stroitelnyh_rabot_pravo_na_k (дата обращения: 01.04.2026).

37. Цициашвили Д.Я. Земельный участок как единый объект недвижимости: выпускная квалификационная работа / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2023. 74 с.

LEGAL REGIME OF A SINGLE REAL ESTATE COMPLEX: THEORETICAL ASPECTS AND CONCLUSIONS FROM JUDICIAL PRACTICE

Tsitsiashvili D.Ya.
Synergy University

The article investigates the legal regime of a single immovable complex (SIC) as an object of civil rights in the Russian Federation. The author analyzes the theoretical foundations for the formation of this legal category, introduced into the Civil Code of the Russian Federation in 2013. The study examines the problems of SIC qualification through the prism of civil law concepts of indivisible and complex things, as well as the relationship between a principal

thing and an appurtenance. Based on an analysis of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and arbitration courts, the author identifies discrepancies in approaches to determining the composition of a SIC, including movable property in its structure, and issues of state registration.

The article substantiates the necessity of transitioning to a single real estate object model, where the land plot serves as the only immovable thing in circulation. Legislative proposals aimed at eliminating identified gaps in legal regulation are formulated. The methodology comprises formal-legal, comparative-law, and systematic methods. The results can be used to improve the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and to develop uniform judicial practice.

Keywords: single immovable complex, real estate, indivisible thing, single real estate object, land plot, state registration, judicial practice, property rights, building right.

References

- Alekseev V.A. "Unified Real Estate Complex and Complex Immovable Thing: Issues of Correlation" // *Zakon*. 2018. No. 3. P. 117–125.
- Amashukeli S.A. "Ecological and Legal Significance of Implementing the Principle of Interconnection of Water Bodies and Hydraulic Structures Forming a Water Management System" // *Current Issues of Russian Law*. 2022. No. 8. P. 170–177.
- Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya., Chikildina A.Yu. "Objects of Civil Rights: New Vectors of Legal Regulation" // *Bulletin of Volgograd State University*. 2013. No. 4 (21). P. 9–10.
- Bevzenko R.S. "'Horizontal Division' of a Land Plot" // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018. No. 4. P. 4–9.
- Bevzenko R.S. "Land Plot with Structures on It: Introduction to Russian Real Estate Law". Moscow: M-Logos, 2017. 80 p.
- Bevzenko R.S. "The Principle of Unity of Title to Land Plot and Buildings on It: Introduction to Russian Real Estate Law (Issue 2)". Moscow: Statut, 2020. 112 p.
- Bevzenko R.S. "What Is an Immovable Thing? Commentary on the Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES15-5520 of 30 September 2015" // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2015. No. 12.
- Boldyrev V.A. "Property Complexes as Objects of Civil Rights" // *Civil Law*. 2015. No. 2. P. 26–28.
- Vaipa V.A. "Judicial Discretion in the Practice of Arbitrazh (Commercial) Courts" // *Bulletin of Arbitrazh Practice*. 2020. No. 6. P. 3–13.
- Vedenin A.A. "Unified Real Estate Complex: Concept and Prospects of Law Enforcement" // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 120–135.
- Vedenin A.A. "Comparative Legal Analysis of the Concepts of 'Unified Real Estate Complex', 'Enterprise as a Property Complex' and 'Complex of Property'" // *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 2016. No. 2. P. 170–180.
- Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of 30 November 1994 (as amended of 24 July 2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
- Egorov A., Velichko V. "Unified Real Estate Complex – A Contradictory Product of the Reform. Toward a Correct Concept of Immovable Property" // *Civilistics*. 2019. No. 6. P. 5–18.
- Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of 25 October 2001 (as amended of 14 February 2024) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 44. Art. 4147.
- Klets P.V. "Unified Real Estate Complex in Civil Circulation: Theory and Practice" // *Economy and Law*. 2022. No. 5. P. 12–18.
- Klets P.V. "Features of the Development of the Procedure for Strengthening Rights to a Unified Real Estate Complex in the Civil Legislation of the Russian Federation" // *Civil Law*. 2020. No. 3. P. 30–33.
- Lapach V.A. "System of Objects of Civil Rights: Theory and Judicial Practice". St. Petersburg: Legal Center PRESS, 2002. 544 p.
- Logunova M.V. "Features of Implementing the Principle of Unity of Title to Land Plots Restricted in Circulation and Immovable Objects Firmly Connected Therewith" // *Property Relations in the Russian Federation*. 2019. No. 1. P. 86–97.
- Ruling of the First Court of General Jurisdiction of Cassation No. 88–2402/2025 of 5 February 2025 [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Ruling of the First Court of General Jurisdiction of Cassation No. 88–16712/2025 of 2 July 2025 in Case No. 2–3031/2024 [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25-KG19–11 of 4 February 2020 [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES24–8693 of 10 October 2024 in Case No. A73–513/2023 [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Letter of the Ministry of Economic Development of Russia No. D23i-900 of 24 March 2014 "On Sending a Copy of the Response" [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Letter of the Federal Agency for State Property Management No. АЧ-18/56045 of 30 December 2015 "On Uniformity of Recording Information on a Unified Real Estate Complex in the Register of Federal Property" [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Letter of the Federal State Budgetary Institution "Federal Cadastral Chamber of Rosreestr" No. 10–0023/19 of 16 January 2019 "For Information and Use in Work" [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).
- Resolution of the Arbitrazh Court of the Volga-Vyatka District of 2 December 2024 in Case No. А39–3298/2018 [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed: 01.04.2026).

27. Resolution of the Arbitrazh Court of the West Siberian District No. F04–890/2023 of 4 April 2023 in Case No. A45–34947/2020 [Electronic resource] // Legal Reference System “ConsultantPlus” (accessed: 01.04.2026).

28. Resolution of the Eighth Arbitrazh Court of Appeal No. 08AP-1214/2023 of 27 March 2023 in Case No. A70–17570/2022 [Electronic resource] // Legal Reference System “ConsultantPlus” (accessed: 01.04.2026).

29. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of 23 June 2015 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 30.06.2015. No. 140.

30. Resolution of the Third Arbitrazh Court of Appeal of 18 June 2018 in Case No. A33–26812/2017 [Electronic resource] // Legal Reference System “ConsultantPlus” (accessed: 01.04.2026).

31. Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Klets P.V. “Problems of Interpreting the Category ‘Other Things’ as Part of a Unified Real Estate Complex When Strengthening Rights to It” // Civilist. 2024. No. 2. P. 41–50.

32. Churakova E.V. “Legal Regulation of a Unified Real Estate Complex as a Special Object of Civil Rights: Domestic and Foreign Experience” // Law and Economics. 2024. No. 9. P. 12–17.

33. Churakova E.V. “Development of Judicial Practice on the Issue of Recognizing an Object as a Unified Real Estate Complex” // Bulletin of Arbitrazh Practice. 2023. No. 5. P. 12–20.

34. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) vom 18. August 1896 // Bundesgesetzblatt (accessed: 01.04.2026).

35. Code civil des Français. Version en vigueur au 01 avril 2026 // <https://www.legi-france.gouv.fr> (accessed: 01.04.2026).

36. Bezenko R.S. “What, from the Point of View of Civil Law, Is the Result of Unfinished Construction Works, the Right to Which Is Not Registered in the Register?” // Zakon.ru. 2019. 29 March. URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/29/chto_takoe_s_tochki_zreniya_grazhdanskogo_prava_rezultat_nezavershennyh_stroitelnyh_rabot_pravo_na_k (accessed: 01.04.2026).

37. Tsitsiashvili D.Ya. “Land Plot as a Single Immovable Object: Final Qualification Work” / Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2023. 74 p.

Гражданский оборот исключительных прав и коммерциализация прав на интеллектуальную собственность: проблемы соотношения

Чернов Илья Александрович,

аспирант кафедры правового регулирования экономической деятельности, федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет)
E-mail: chernovia99@yandex.ru

Статья посвящена проблеме соотношения категорий «оборот» и «коммерциализация» в контексте правоотношений по поводу исключительных прав на интеллектуальную собственность. Целью работы является систематизация определений, применяемых в юридической науке для описания правоотношений по вовлечению исключительных прав в экономическую динамику. Приведен анализ юридической доктрины, посвященной обороту и коммерциализации исключительных прав, нормативных актов, закрепляющих определение коммерциализации в целях стимулирования инновационной деятельности, а также судебной практики. Сделаны выводы о фактической тождественности понятий «коммерциализация» и «оборот» прав на интеллектуальную собственность в нормативном регулировании при их сущностном разграничении в доктрине через критерий направленности деятельности на получение дохода. Обосновывается необходимость расширительного понимания коммерциализации и учета несовпадения объемов данных понятий при разработке стратегических документов и формировании специальных правовых режимов в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коммерциализация, гражданский оборот, оборот исключительных прав, исключительные права

Введение

При обсуждении вопросов о роли интеллектуальной собственности в контексте экономических общественных отношений затруднительно было бы обойтись без понятия, характеризующего само явление вовлечения имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в экономическую динамику.

Привычными для юридической науки понятиями, используемыми для описания данных явлений, выступают «оборот», «оборотоспособность», «гражданский оборот».

С одной стороны, ценность категории «оборот», при всей ее неопределенности, для интеллектуальной собственности, как и для любых других объектов гражданских прав, очевидна. С другой стороны, в настоящий момент продолжается дискуссия о корректности применения категорий «оборот» и «оборотоспособность» к интеллектуальной собственности и исключительным правам. Российскими исследователями предлагается применять понятие «коммерциализация» для описания феномена вовлечения интеллектуальной собственности в гражданский оборот.

При этом использование понятия «коммерциализация» в контексте правового регулирования динамики экономических отношений в сфере интеллектуальной собственности не является чем-то новым. Оно устоялось и применяется при обсуждении правового регулирования интеллектуальной собственности. Однако определение коммерциализации не является всеобъемлющим применительно ко всем формам вовлечения объектов интеллектуальной собственности в хозяйствование.

Целью настоящей работы является систематизация определений, используемых в юридической науке, для описания правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, которые тесно связаны с проблематикой специального регулирования отдельных случаев осуществления исключительных прав.

Категория гражданского оборота в контексте исключительных прав

Основопологающей категорией описания динамики гражданских правоотношений является гражданский оборот. Тем не менее, данная категория сама по себе заслуживает отдельного внимания и разработки, о чем в том числе свидетельствуют труды, посвященные именно этой проблематике [11, с. 38]. Классическим является определение гражданского оборота как правового выражения экономического оборота.

Е.Е. Кирсанова пишет, что для рассмотрения проблем оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике требуется употребление термина оборот в широком смысле, под которым предлагается «правовая форма, опосредующая экономические отношения, возникающие в связи с перераспределением объектов и прав на них между субъектами правоотношений, т.е. ... широкий подход к пониманию оборота.» [6, с. 140].

Однако сугубо экономическая основа гражданского оборота подвергается критике, на том основании, что стабильная система не должна ограничиваться экономической парадигмой, поскольку, ввиду сложного характера потребностей участников, система оборота выходит за пределы чисто экономического интереса [2].

В то же время закрепленная в законе категория использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации тесно связана с экономической, в особенности с коммерческой, направленностью. Так В.А. Дозорцев указывает, что право использования состоит в возможности: «совершать действия по коммерческой эксплуатации, приносящие имущественные выгоды, и запрете всем третьим лицам совершать такие действия без разрешения правообладателя» [4, с. 46].

При этом использование не охватывает все случаи правовых форм, опосредующих экономические отношения по поводу исключительных прав, поскольку значительная их часть опосредована через распоряжение исключительным правом. Распоряжение исключительным правом не включается в само содержание исключительного права, о чем также свидетельствуют позиции российских цивилистов [5]. Более того, «оборот» и «гражданский оборот» являются более

широкими определениями для вовлечения прав на интеллектуальную собственность в экономическую деятельность. В связи с этим категория гражданского оборота представляется актуальной в том числе для описания правоотношений по поводу исключительных прав, поскольку она позволяет наиболее широко определить правоотношения в сфере экономической динамики интеллектуальной собственности.

Категория коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности

Другой распространенной категорией является «коммерциализация» исключительных прав. Р.Ш. Рахматулина, в контексте исследования договоров, обеспечивающих оборот исключительных прав, отмечает, что «введение исключительных прав в оборот называют коммерциализацией» [9, с. 12].

Примечательной в этой связи представляется позиция М.А. Рожковой по обороту исключительных прав, согласно которой оборот прав, вещей и нематериальных объектов отличается, в силу чего понятие «оборот» для исключительных прав представляется не совсем уместным для описания экономических отношений по поводу исключительных прав, и для интеллектуальной собственности следует использовать термин «коммерциализация», оставив «оборот» экзотическим [15]. Согласно предложенному ей определению коммерциализации интеллектуальной собственности, под коммерциализацией понимается введение исключительных прав в экономический оборот с целью получения дохода (распоряжение исключительными правами с целью получения дохода) и использование результатов интеллектуальной деятельности самим правообладателем с целью получения дохода (использование самого объекта интеллектуальных прав). Приобретение исключительных прав в силу создания результатов интеллектуальной деятельности исключено из указанной концепции коммерциализации. При этом в другой статье М.А. Рожкова указывает, что исключительные права могут стать объектом гражданского оборота при распоряжении ими, а именно при отчуждении или предоставлении права использования по лицензии [16].

Тем не менее, определения «оборот» и «коммерциализация» в трудах российских юристов неоднородны. Использование термина «оборот», в том числе применительно не только к транзакционным отношениям по переходу исключительных прав между лицами, можно наблюдать в некоторых работах, посвященных обороту исключительных прав [9]. Также формулировку «ввод в гражданский оборот» можно встретить в решениях судов [12]. Так, определение «гражданский оборот» использовалось Конституционным Судом РФ при анализе конституционности норм четвертой части Гражданского кодекса [10].

Стоит заключить, что позиция выше о возможности применения определения «коммерциализация» не является бесспорной. О.А. Рузакова обращает внимание на то, что определение «коммерциализация» интеллектуальной собственности» представляется не совсем корректным по причине отсутствия оборотоспособности у самих объектов интеллектуальной собственности, отдельно отмечая, что «коммерциализация» и аналогичные определения являются разновидностью вовлечения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в гражданский оборот на возмездной основе, которая в свою очередь выступает квалифицирующим признаком [17, с. 8–9].

Полагаем, что определение коммерциализации в своей сути соответствует описанию «оборота как юридического выражения экономической (коммерческой) деятельности», а также описывает парадигму экономического использования интеллектуальной собственности. Принимая во внимание отсутствие устоявшейся в научной дискуссии единой терминологии и широкий круг отношений, охватываемых данными определениями, «коммерциализация» и «оборот» исключительных прав будут являться во многих случаях тождественными, с тем лишь отличием, что определение «коммерциализация» в большей степени выделяет возмездность отношений как квалифицирующий признак. Здесь важно отметить, что категория «коммерциализация» также предполагает ограничение описываемых отношений деятельностью в коммерческих целях и не охватывает все правоотношения, существующие в сфере экономического или хозяйственного использования интеллектуальной собственности.

А.И. Балашова отмечает, что коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности может быть определена как деятельность, направленная на вовлечение прав на интеллектуальную собственность в экономический оборот и на получение дохода от использования интеллектуальной собственности в реальном секторе экономики [1], что также свидетельствует о видовом характере коммерциализации прав на интеллектуальную собственность по отношению к гражданскому обороту обороту исключительных прав. При этом данное определение не лишено недостатка в части указания именно

на реальный сектор экономики, под которым традиционно понимается сфера материального производства, что также отмечалось В.В. Лаптевым [7, с. 3]. Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности может не иметь материального выражения в его традиционном промышленном понимании, в особенности, если учитывать развитые цифровые рынки, где в том числе активно происходят процессы коммерциализации.

Более того, согласно данным определениям квалифицирующим признаком коммерциализации является получение дохода. Однако не учтен сценарий, при котором правообладатель осуществляет распоряжение или использование, которое само по себе не является возмездным, но носит вспомогательный характер для коммерциализации других его активов. Такое определение коммерциализации как возмездной деятельности может охватывать не все виды деловых практики, используемые в коммерческих целях. Например, различные компьютерные программы могут распространяться правообладателем безвозмездно, но создают благоприятные условия для дальнейшего получения прибыли от иных видов деятельности.

Таким образом, мы предлагаем понимать «коммерциализацию» исключительных прав шире, включая в данные определения использование и распоряжение исключительным правом, которое само по себе не приносит доход, но способствует реализации иной коммерческой деятельности или извлечению дохода из иных активов. Расширительное понимание коммерциализации позволит наиболее полно рассмотреть деятельность лиц в рамках единой коммерческой активности, где ее безвозмездные элементы также включены в деятельность по получению дохода.

С другой стороны существуют виды ввода в оборот исключительных прав, которые не имеют цели извлечения прибыли. В качестве примеров можно привести оборот исключительных прав на программное обеспечение по так называемым «свободным лицензиям», которые зачастую не допускают получение коммерческой выгоды из самих исключительных прав. Такие программы часто противопоставляют коммерческому программному обеспечению. Другой пример это лицензии семейства Creative Commons, которые, формально являются формой распоряжения исключительным правом, посредством которых права на интеллектуальную собственность вводятся в гражданский оборот без цели извлечения прибыли, а для целей предоставления широкому кругу лиц использовать произведения законно и безвозмездно.

На наш взгляд, критерий целесообразности для извлечения прибыли необходимо учесть при разграничении оборота и коммерциализации, так как в сфере интеллектуальной собственности существуют хозяйственные отношения, не подразумевающие коммерческую выгоду или иную возмездность.

Практическое применение терминов коммерциализация и оборот

Определение «коммерциализация» встречается в отдельных законах, где оно определяется как «деятельность, направленная на вовлечение в экономический оборот» [20, п. 9.1. ст. 2]. Аналогично коммерциализация определяется в правилах Сколково [13] и в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» [19, абз. 11 ст. 2]. При этом категория «коммерциализация прав на результаты интеллектуальной деятельности» используется в стратегических документах Российской Федерации [14].

При обращении к существующим нормативным определениям, можно заметить, что коммерциализация в легальном смысле понимается широко, аналогично широкому понятию гражданского оборота. Данный факт сам по себе ставит вопрос о тождественности «коммерциализации» и «оборота прав» по отношению к интеллектуальной собственности. Примечательно и то, что в легальных определениях критерий возмездности, который можно было бы выделить на доктринальном уровне, отсутствует. В то же время исследователи указывают, что сущность коммерциализации, в соответствии с вышеуказанными нормативными актами, состоит в извлечении прибыли [18].

Однако можно заметить, что из нормативных определений следует тождественность данных понятий, поскольку из определения коммерциализации исключена характеристика возмездности или экономической целесообразности. Таким образом, несмотря на существующие в доктрине позиции, нормативные определения свидетельствуют о тождественности понятий «коммерциализация» и «оборот» применительно к правам на интеллектуальную собственность. Более того, ввиду отсутствия критерия извлечения прибыли, можно сказать, что «коммерциализация» в своем легальном смысле соответствует доктринальному широкому определению оборота прав на интеллектуальную собственность.

Отдельно отметим и тот факт, что определение «коммерциализация» чаще всего вводится в актах, которые принимаются с целью стимулирования определенных отраслей, создания интеллектуальной собственности и ее внедрения. Согласно позиции Е.А. Громовой, такой режим призван удовлетворить субъективный интерес лица созданием преференций для ведения его деятельности, способствующей возникновению и распространению инноваций [3, с. 308]. Поскольку определение коммерциализации используется для описания правовых режимов, направленных на стимулирование определенной деятельности, стоит заключить, что оно имеет практическое значение, так как используется для установления специальных правовых режимов.

Для стимулирующих правовых режимов вопрос об установлении границ является одним из важнейших, так как именно с помощью границ определяется деятельность, для которой действуют преференции. Коммерциализация, в нормативном смысле, используется для описания такой деятельности. Определение таких видов деятельности может быть одним из спорных вопросов при применении специальных режимов. Так, например, Ю.В. Леднева указывает, что при применении налоговых освобождений субъектами НИОКР в рамках стимулирующих режимов основной проблемой является именно определение видов деятельности [8].

Тем самым понятие оборота, а также коммерциализации, поскольку в некоторых нормативных актах оно тождественно обороту, переходит из плоскости доктринальных категорий в практическую плоскость, напрямую затрагивая права и обязанности участников оборота. Широкое определение коммерциализации способствует закреплению открытого перечня различных возможных видов деятельности и их юридического выражения относительно коммерциализированных объектов.

Такой подход видится удачным в свете возникновения новых явлений по использованию интеллектуальной собственности в качестве благ в цифровой среде. Кроме того, представляется затруднительным описать все инновационные продукты, на коммерциализацию которых распространяются особые правовые режимы, с помощью устоявшихся категорий интеллектуальной собственности, поскольку некоторые из них могут не обладать охраноспособностью в качестве результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации.

Таким образом введение более широкой категории позволяет не только включить все способы извлечения прибыли из интеллектуальной собственности, но и не ограничивать определение стимулируемых видов деятельности через использование категорий права интеллектуальной собственности. Это, в свою очередь, позволяет распространить стимулирующие правовые режимы на иные виды инновационной деятельности, смежные с деятельностью по коммерциализации прав на интеллектуальную собственность.

Тем самым в нормативном регулировании понятия «коммерциализация» и «оборот» прав на интеллектуальную собственность фактически тождественны, тогда как доктринальные подходы предполагают существенное разграничение этих категорий через критерий направленности деятельности на получение дохода или же отождествляют это понятие с понятием оборота исключительных прав. Некоторые законодательно закреплённые определения коммерциализации оказываются шире коммерции в собственном смысле слова, что образует противоречие.

Полагаем, что данное противоречие не требует устранения посредством сужения легального определения коммерциализации в законах, имеющих целью стимулирование инновационной деятельности. Широкий нормативный подход имеет самостоятельную практическую ценность в обеспечении гибкости стимулирующих правовых режимов, позволяет охватывать новые формы экономической активности и не ограничивает предоставление преференций рамками категорий права интеллектуальной собственности. Вместе с тем выявленное несовпадение объемов понятий должно учитываться при разработке стратегических документов и формировании специальных правовых режимов в сфере интеллектуальной собственности.

Особое значение это приобретает применительно к отношениям, не имеющим коммерческого характера, прежде всего в сфере некоммерческой инновационной активности и духовного потребления, где использование и распоряжение исключительными правами направлено не на извлечение прибыли, а на удовлетворение общественно значимых интересов самими участниками гражданского оборота. Подобные отношения также включаются в определение гражданского оборота, но их включение в коммерциализацию представляется спорным.

В связи с этим важно не допускать смешения коммерческих и некоммерческих отношений в доктринальных дискуссиях по поводу интеллектуальной собственности. Существующая универсальность широкого определения «коммерциализации» не должна означать игно-

рирования качественных различий между этими типами отношений и стоящих за ними целей правового регулирования.

Литература

1. Балашова А.И. Основные направления совершенствования политики в сфере ИС в образовательных организациях высшего образования // ИС. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 11. – С. 45–55.
2. Виниченко Ю.В. Учение о гражданском обороте: смена парадигмы // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 158–183.
3. Громова Е.А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Громова Елизавета Александровна. – Казань, 2024. – 366 с. – Библиогр.: с. 312–366.
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. статей / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
5. Жиленкова Т.В. О содержании исключительного права // Глаголь правосудия. – 2024. – № 1 (35). – С. 44–47.
6. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кирсанова Екатерина Евгеньевна. – М., 2021. – 234 с. – Библиогр.: с. 190–234.
7. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. – М.: Инфотропик Медиа, 2010. – 88 с.
8. Леднева Ю.В. Стимулирование научной и инновационной деятельности посредством налоговых преференций // Финансовое право. – 2021. – № 8. – С. 27–31.
9. Минбалеев А.В., Рахматуллина Р.Ш., Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Договоры, обеспечивающие оборот исключительных прав: монография. – М.: ИГП РАН, 2018. – 184 с.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 N 696-О // СПС «КонсультантПлюс»
11. Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Полуяхтов Илья Анатольевич. – Екатеринбург, 2002. – 183 с. – Библиогр.: с. 172–183.
12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 июня 2025 г. № С01–450/2025 по делу № А56–49812/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Правила осуществления исследовательской деятельности и коммерциализации ее результатов участниками проекта «Сколково» от 07.06.2022 [Электронный ресурс] / Фонд «Сколково». – URL: https://sk.ru/documents/1311/Правила_исслед_деятельности_от_07.06.2022.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р «О Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Рожкова М.А. Правовые аспекты введения в гражданский оборот и коммерциализации интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 4 (42). – С. 28–39.
16. Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. – 2014. – № 9 (213). – С. 5–11.
17. Рузакова О.А. Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности: учеб. пособие / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Проспект, 2021. – 80 с.
18. Симаева Е.П. Проблемы правового регулирования коммерциализации нанотехнологий в Российской Федерации // Власть. – 2011. – № 9. – С. 113–115.
19. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
20. Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»» (в ред. от 30.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

CIVIL CIRCULATION OF EXCLUSIVE RIGHTS AND COMMERCIALIZATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS: PROBLEMS OF THEIR RELATIONSHIP

Chernov I.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University)

The article addresses the relationship between the categories of "civil circulation" and "commercialization" in the context of legal relations concerning exclusive rights to intellectual property. The aim of the study is to systematize the academic definitions describ-

ing legal relations through which exclusive rights to intellectual property are brought into economic circulation. The article analyzes legal doctrine concerning the civil circulation and commercialization of intellectual property rights, legislation establishing the definition of commercialization for the purpose of stimulating innovative activity, and relevant court practice. The author concludes that in legislation the concepts of “commercialization” and “civil circulation” of exclusive rights to intellectual property are effectively identical, whereas legal doctrine draws a substantive distinction based on whether the activity is aimed at generating income. The article argues for a broader understanding of commercialization and for recognizing the difference in scope between these concepts when developing strategic planning documents and shaping special legal regimes in the field of intellectual property.

Keywords: intellectual property, commercialization, civil circulation, circulation of exclusive rights, exclusive rights to intellectual property

References

1. Balashova, A.I. Main directions for improving intellectual property policy in higher education institutions / A.I. Balashova // *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2022. No. 11, Pp. 45–55.
2. Vinichenko, Yu.V. The doctrine of civil circulation: a paradigm shift / Yu.V. Vinichenko // *Methodological problems of civil law studies*. 2019. No. 1, Pp. 158–183.
3. Gromova, E.A. Stimulating legal regimes for entrepreneurial activity in the field of digital innovations and technologies: dis. ... doctor of legal sciences 5.1.3 / E.A. Gromova. Kazan, 2024. 366 p.
4. Dozortsev, V.A. Intellectual rights: concept, system, tasks of codification: collection of articles / V.A. Dozortsev; Research Center for Private Law. Moscow: Statut, 2003. 416 p.
5. Zhilenkova, T.V. On the content of the exclusive right / T.V. Zhilenkova // *Glagol Pravosudiya*. 2024. No. 1 (35), Pp. 44–47.
6. Kirsanova, E.E. Legal regulation of the circulation of rights to the results of intellectual activity in the digital economy: dis. ... candidate of legal sciences 12.00.03 / E.E. Kirsanova. M., 2021. 234 p.
7. Laptev, V.V. Entrepreneurial (economic) law and the real sector of the economy / V.V. Laptev. M.: Infotropic Media, 2010. 88 p.
8. Ledneva, Yu.V. Stimulating scientific and innovative activity through tax preferences / Yu.V. Ledneva // *Financial Law*. 2021. No. 8, Pp. 27–31.
9. Minbaleev, A.V. Contracts ensuring the circulation of exclusive rights: monograph / A.V. Minbaleev, R. Sh. Rakhmatullina, L.V. Sannikova, Yu. S. Kharitonova. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2018. 184 p.
10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.03.2023 No. 696-O // ConsultantPlus Legal Reference System.
11. Poluyakhtov, I.A. Civil circulation of property rights: dis. ... candidate of legal sciences 12.00.03 / I.A. Poluyakhtov. Yekaterinburg, 2002. 183 p.
12. Resolution of the Intellectual Property Court of June 19, 2025 No. S01–450/2025 in case No. A56–49812/2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.
13. Rules for the conduct of research activity and commercialization of its results by participants of the Skolkovo project of 07.06.2022 [Electronic resource] / Skolkovo Foundation. URL: https://sk.ru/documents/1311/Правила_исслед_деятельности_от_07.06.2022.pdf (date accessed: 30.03.2026).
14. Decree of the Government of the Russian Federation of 20.09.2021 No. 2613-r “On the Concept for the development of creative (artistic) industries and mechanisms of their state support until 2030” // ConsultantPlus Legal Reference System.
15. Rozhkova, M.A. Legal aspects of the introduction into civil circulation and commercialization of intellectual property / M.A. Rozhkova // *Journal of the Intellectual Property Court*. 2023. No. 4 (42), Pp. 28–39.
16. Rozhkova, M.A. On certain issues of the circulation of exclusive rights and the material carriers of intellectual property objects / M.A. Rozhkova // *Journal of Russian Law*. 2014. No. 9 (213), Pp. 5–11.
17. Ruzakova, O.A. Commercialization of the results of intellectual activity: textbook / O.A. Ruzakova; ed. by L.A. Novoselova. M.: Prospekt, 2021. 80 p.
18. Simaeva, E.P. Problems of legal regulation of the commercialization of nanotechnologies in the Russian Federation / E.P. Simaeva // *Vlast'*. 2011. No. 9, Pp. 113–115.
19. Federal Law of 23.08.1996 No. 127-FZ “On science and state scientific and technical policy” (as amended on 31.07.2025) // ConsultantPlus Legal Reference System.
20. Federal Law of 28.09.2010 No. 244-FZ “On the Skolkovo innovation centre” (as amended on 30.11.2024) // ConsultantPlus Legal Reference System.

История развития российского законодательства в области обжалования решений, действий (бездействия) организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями

Шевцов Владислав Андреевич,

аспирант кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
E-mail: vlad-shievtsov@mail.ru

В статье анализируется история развития научной мысли, а также процессуального законодательства, регламентирующего судебный порядок защиты прав от незаконных решений, действий (бездействия) органов государственной власти. Автором рассматривается эволюция понятия «административная юстиция» как способа защиты от незаконных решений, действий (бездействия) органов государственной власти. Историко-правовой анализ позволяет проследить развитие данной правовой сферы в российском законодательстве. Актуальность темы обусловлена тенденцией к увеличению значимости института административной юстиции в различных сферах общественной жизни. Кроме того, по результатам анализа правовой природы института оспаривания решений, действий (бездействия) органов и организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а также изучения позиций иных исследователей в данной области автором определяется тенденции его развития.

Ключевые слова: публичные правоотношения; оспаривание решений, действий (бездействия); орган государственной власти; организация, наделенная публичными полномочиями; орган, наделенный публичными полномочиями; арбитражный процесс; судопроизводство, историко-правовой анализ.

Развитие в Российской Федерации судопроизводства по обжалованию решений, органов и организаций, выполняющих публичные полномочия, является следствием развития рыночной экономики в России и отражает увеличение роли субъектов, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в функционировании общества и государства.

Данная категория дел рассматривается в порядке, определенном гл. 24 АПК РФ и гл. 22 КАС РФ.

Тем не менее, для наиболее детального понимания сущности института оспаривания решений, действий (бездействия) органов и организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а также анализа дальнейших перспектив его развития, необходимо обратиться к накопленному историческому опыту российской юридической науки в становлении и функционировании указанного института.

Необходимо отметить, что в действующем российском процессуальном законодательстве субъекты, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, находятся в одной группе с органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, государственными и муниципальными служащими.

Таким образом, наиболее целесообразным решением является неразрывное рассмотрение через призму историко-правового анализа института обжалования незаконных решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих с институтом обжалования иных органов и организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

Судопроизводство по рассмотрению споров, возникающих из публичных правоотношений, в сравнении с иными, традиционными производствами (исковым и особым) имеет непродолжительную историю развития.

Как считает Озерский И.Д., «историко-правовой анализ позволяет обнаружить и проследить путь развития элементов судопроизводства по делам, в которых одной из сторон являются, как правило, государственный орган, наделенный публичными (властными) полномочиями, а также помогает вскрыть законодательные проблемы и выявить сложности в правоприменительной практике. В связи с этим выделение наиболее существенных этапов и оценка основных тенденций развития процессуальных норм о конкретной категории дел из публичных правоотношений можно отнести к числу актуальных задач современного научно-правового исследования.

Определить точную дату зарождения норм, являющихся прародителями современных правил о производстве по делам, возникающим из административных и/или иных публичных правоотношений, довольно затруднительно» [1].

Тимошинова С.Б. полагает, что «развитие в России института судебного контроля за законностью действий и решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц является непосредственным практическим воплощением принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Таким образом, представляется закономерным, что начало развития законодательного регулирования судебного оспаривания действий и решений органов государственной власти было непосредственно связано с развитием структуры исполнительной власти. Таким образом, ввиду того, что государственное устройство Древней Руси не предполагало иерархичной системы государственных органов с четким разделением полномочий, отсутствовал и сам предмет обжалования – решения и действия органов власти» [2, с. 50–51].

Предпосылки формирования института обжалования решений и действий (бездействия) государственных служащих уходят корнями в эпоху правления Ивана IV, когда в 1549 году был сформирован челобитный приказ по рассмотрению жалоб на злоупотребления должностных лиц [3, с. 145].

Дальнейшая эволюция анализируемого института произошла только в 1864 году в связи с проведенной судебной реформой и при-

нятием Устава гражданского судопроизводства, что свидетельствовало о наступлении нового этапа в истории российского судопроизводства.

Тарасов В.Н. считает, что «реформы 1860–1870-х гг. XIX в. являлись важным этапом модернизации гражданского судопроизводства России. В повседневную жизнь российского общества привносились буржуазно-демократические институты. Преобразования, начавшиеся с освобождения крестьян, требовали законодательной основы, поэтому Судебная реформа 1864 г. стала закономерным и предсказуемым этапом» [4, с. 87].

При изучении Устава гражданского судопроизводства 1864 года можно увидеть, что возможность заинтересованных лиц подавать иски против действий (бездействия) должностных (правительственных) лиц регламентировал раздел 2 книги 3 указанного документа.

Тем не менее, значительных изменений в сфере оспаривания решений и действий (бездействия) субъектов, наделенных государственными, публичными полномочиями, не прослеживалось.

Головко В.В. и Москаленко С.С. также отмечают, что «одним из этапов совершенствования административной юстиции в России стал подготовленный Министерством внутренних дел в 1908 г. по тезисам П.А. Столыпина доклад под названием «Проект преобразования учреждений губернского управления статс-секретаря Столыпина», в котором было сформировано понятие административной юстиции и предлагалась программа мероприятий, направленных на создание системы уездно-волостных органов административной юстиции и качественное улучшение деятельности как губернских присутствий, так и Сената¹². Однако ряд обстоятельств – убийство Столыпина, Первая мировая война, революционные события 1917 г. – препятствовали проведению этой программы в жизнь» [5, с. 40].

В 1917 году Временным правительством было принято Положение о судах по административным делам, которое, по мнению Рустамовой С.М., «сделало чрезвычайно радикальный шаг на пути окончательного отделения административно-судебных функций от функций «активного управления» и создания в России системы подлинных органов административной юстиции – административных судов. В Положении от 30 мая 1917 г. административный иск уже совершенно отделен от жалобы по начальству. Интересно также то, что по степени воздействия административного суда на незаконные решения администрации этот закон в некотором плане даже опережал западноевропейское законодательство. Впервые в истории административного суда на континенте в законе от 30 мая 1917 г. имелось непосредственное заимствование из английского права, которое заключалось в праве суда отдавать особые приказы по адресу административных органов» [6, с. 61–62].

Тем не менее, данным нововведениям не было суждено в полной мере воплотиться в жизнь. Вновь изменила ситуацию Октябрьская социалистическая революция 1917 года, оказавшая большое влияние на все сферы общественной жизни. Революционные события привели к ликвидации всех институтов досоветской административной юстиции. В условиях начавшейся Гражданской войны, с учетом нестабильной политической ситуации в стране, государство в качестве приоритетной задачи ставило укрепление своих позиций. Таким образом, развитию административно-процессуального законодательства не уделялось должного внимания, марксистской доктриной во многом отрицался институт административной юстиции, считался по социальной природе буржуазным.

Карадже-Искров Н.П. констатировал, что в советском государстве «личность не является чем-то самоценным. Она есть лишь винтик огромной машины. Поэтому и обеспечение ее прав стоит на втором плане» [7, с. 29–30].

Павлова М.С. пишет, что «декрет о суде № 1, утвержденный Советом народных комиссаров РСФСР 22 ноября 1917 г., отменял действие всех дореволюционных законов и распоряжений юрисдикционных органов старого режима. С принятием Декрета о суде № 2 от 15 февраля 1918 г., ст. 15 которой гласила, что дела казенных и общественных организаций рассматривались на одинаковых с делами частных лиц началах, была создана определенная правовая предпосылка возможности судебного контроля за административной деятельностью.

В 1918–1919 гг. был принят ряд актов, закрепляющих судебную форму правового контроля (постановление IV Всероссийского съезда чрезвычайных советов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов», декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г. и др.).

В 1919 г. была предпринята попытка создать специальный административный аппарат для рассмотрения жалоб на действия органов власти. Вместо единого органа по осуществлению надзора за законностью в сфере управления постепенно учреждалась система бюро жа-

лоб (Центральное бюро жалоб и заявлений, уисполком, губисполком и т.д.)» [8, с. 11].

Таким образом, административная юстиция все же была для советского государства чужеродным институтом. В 1922 году было принято Положение о государственном нотариате от 4 октября 1922 г., утвержденное Декретом СНК РСФСР, которым был введен судебный порядок обжалования действий нотариусов. Жалобы на совершение нотариусом какого-либо действия, а равно и отказ в совершении действия направлялись в президиум народных судов.

С 1 сентября 1923 года на всей территории РСФСР введен в действие Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР, положениями которого к подсудности Губернского суда были отнесены дела по искам к государственным органам или должностным лицам об убытках, причиненных незаконными или неправильными действиями в административном порядке, а также о возврате неправильно отобранного и отчужденного имущества.

В период с середины 1920-ых до конца 1930-ых советский законодатель к проблемам административной юстиции практически не проявлял, чему во многом способствовала политическая обстановка в виде усиления репрессий со стороны государственного аппарата в отношении граждан, идеологически обосновывавшиеся на концепции усиления классовой борьбы по мере завершения строительства социализма. Данные меры предполагали необходимость усиления государственного аппарата, административная юстиция напротив предполагала возможность индивиду оспорить деяния органов государственной власти.

В 1937 году вышло Постановление ЦИК СССР № 94, СНК СССР № 603 от 11 апреля 1937 г. «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промышленных артелей и отдельных граждан».

В советском государстве отменялся порядок, по которому изъятие имущества производилось путем административного распоряжения налоговых органов, заготовительных органов, сельских советов и районных исполнительных комитетов, и устанавливалось, что изъятие имущества может быть произведено лишь по решению народного суда.

Институт административной юстиции далее развивался весьма сдержанно, административная форма рассмотрения жалоб граждан на решения должностных лиц была основной, но в конце 1970-ых годов данное положение вещей начало меняться.

Рябова Т.В. отмечает, что в 1977 году была принята новая Конституция СССР, новеллы которой «фиксировали право граждан на судебную защиту от различных посягательств, охрану прав и свобод граждан как обязанность всех государственных органов и должностных лиц, а также право обжаловать в судебном порядке действия государственных органов и должностных лиц с совокупности с правом на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями указанных органов при исполнении ими служебных обязанностей» [9, с. 109].

Тем не менее, длительное время данные нормы носили декларативный характер, так как отсутствовал закон, регламентирующий порядок обращения граждан в суд по данным основаниям.

30 июля 1987 г. был принят Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», в соответствии с которым устанавливалось общее правило граждан на судебную жалобу. Данное право было существенно расширено Законом СССР от 2 ноября 1989 г. «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан», в соответствии с которым к актам, подлежащим судебному обжалованию, «относятся коллегальные и единоличные действия, в результате которых: гражданин незаконно лишен возможности полностью или частично осуществить право, которое предоставлено ему законом или иным нормативным актом; на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность».

Тем не менее, в 1991 году наступила новая эпоха в развитии отечественного института административной юстиции. С советским государством рухнула и его политическая система. Демократическое устройство страны, провозглашенное в Российской Федерации, предполагало более благоприятные условия для развития института обжалования решений, органов и организаций, выполняющих публичные полномочия.

Как пишет Головко И.И. «Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. провозгласила право каждого на обжалование в суд действий (бездействия), решений должностных лиц,

государственных органов, нарушающих права граждан. Аналогично этому ст. 46 Конституции РФ предоставляет каждому право обжаловать в суд действия (бездействия), решения органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц. Закон РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866–1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» в первоначальной редакции не устанавливал возможность обжалования бездействия органов исполнительной власти. Спустя два года, вследствие изменений в ст.ст. 1, 4 закона неполнота правового регулирования была устранена, закреплено право граждан обжаловать также бездействие уполномоченных органов и лиц по усмотрению гражданина вышестоящему лицу либо в суд» [10, с. 71].

Нормы о рассмотрении арбитражными судами дел, возникающих из публичных правоотношений, впервые появились в АПК РФ 2002 г. Согласно ч.ч. 1, 2 ст. 198 АПК РФ граждане, организации и иные лица, а также прокурор вправе оспорить решения и действия (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагают, что они не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

С 2003 по 2015 г. производство в судах общей юрисдикции по делам, возникающим из публичных правоотношений, регламентировал Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Обжалованию в суд в силу главы 25 ГПК РФ подлежали любые коллегиальные и единоличные решения, действия (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, нарушающие права и свободы граждан, организаций, публичных правовых образований. При этом административный порядок обжалования применялся по усмотрению гражданина наравне с судебным.

В 2015 году произошло знаменательное событие для российской административной юстиции, а именно был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Как пишут Князькин С.И. и Рубцов В.В., «при принятии нового процессуального закона законодатели были намерены сформулировать специальные правила разрешения споров с участием публичных субъектов, поскольку в обычном судебном разбирательстве стороны спора находятся в равном положении, но в публичных правоотношениях субъекты не равны. Таким образом, положения КАС РФ призваны отражать конкретные обстоятельства административных процедур и обеспечивать баланс интересов всех сторон» [11, с. 173].

Тем не менее, правоведы отмечают ряд проблем, связанных с принятием КАС РФ. Золотухин А.Д. полагает, что «кроме положительного результата принятие и вступление в законную силу КАС РФ повлекло и появление проблем. Так, законодатель, исключив из ГПК РФ публичное производство, не исключил из АПК РФ производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (раздел 3 АПК РФ)» [12, с. 44].

Вместе с тем, как отметил Стариков Ю.Н., «административное судопроизводство означает новый этап в развитии не только общего административного права, но и, конечно, административного процессуального права. Таким образом, специализированное процессуальное правовое регулирование (в отдельном процессуальном законе) судебного порядка разрешения административных и иных публичных споров состоялось» [13, с. 12].

Принятие КАС РФ в 2015 году ознаменовало новую веху в истории отечественной административной юстиции. Вместе с тем, в настоящее время в законодательстве продолжают наличествовать ряд пробелов правового регулирования, а судебная практика не всегда однозначна и не способна в полной мере покрыть проблемы данного института. Так, до настоящего времени слабо регламентированы особенности обжалования решений, действий (бездействия) организаций, не относящихся к органам государственной власти, но наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

Литература

1. Озерский И.Д. Основные этапы развития процессуальных норм об оспаривании ненормативных правовых актов в арбитражном процессе URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/31/osnovnye_etapy_razvitiya_processualnyh_norm_ob_osparivanii_nenormativnyh_pravovyh_aktov_v_arbitrazhnntvk1_source=2165959321&& (дата обращения: 23.02.2026).
2. Тимошинова С.Б. Историко-правовой анализ развития отечественного законодательства о судебной защите от незаконных реше-

ний, действий (бездействия) органов государственной власти // Журнал административного судопроизводства. 2018. № 1. С. 50–53.

3. Ильин В. В., Ахизер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. 384 с.

4. Тарасов В. Н. К вопросу о новеллах, введенных судебными уставами 1864 года. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6(101). С. 87–92.

5. Головкин В. В., Москаленко С.С. Становление и развитие административного судопроизводства в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 2. С. 39–44.

6. Рустамова С.М. Институт административной юстиции в законодательстве Временного правительства // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 2. С. 57–62.

7. Карадже-Исхров Н.П. Новейшая эволюция административного права // Издательское бюро Иркутского государственного университета. 1927. 39 с.

8. Павлова М.С. Развитие судебного контроля в России за законностью решений, действия (бездействия) органов власти // Российский судья. 2015. № 9. С. 10–13.

9. Рябова Т.В. Судебная защита прав граждан в Российской Федерации: от эпохи коммунизма к современности // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 12. С. 102–112.

10. Головкин И.И. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3(32). С. 69–74.

11. Князькин С. И., Рубцов В.В. Особенности рассмотрения судами дел, возникающих из публичных правоотношений // Вестник науки. 2022. № 5(50). С. 172–176.

12. Золотухин А.Д. Некоторые рассуждения о проблемах административного судопроизводства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. № 2(2). С. 42–45.

13. Стариков Ю.Н. Принятие кодекса административного судопроизводства российской федерации – важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 8–15.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF APPEALING DECISIONS, ACTIONS (INACTION) OF ORGANIZATIONS ENFORCEABLE WITH CERTAIN STATE OR OTHER PUBLIC POWERS IN RUSSIA

Shevtsov V.A.

Samara National Research University

This article analyzes the history of scientific thought and procedural legislation regulating judicial protection of rights against unlawful decisions, actions (inaction) of government bodies. The author examines the evolution of the concept of «administrative justice» as a means of protecting against unlawful decisions, actions (inaction) of government bodies. A historical and legal analysis allows us to trace the development of this legal sphere in Russian legislation. The relevance of this topic is determined by the increasing significance of the institution of administrative justice in various spheres of public life. Furthermore, based on an analysis of the legal nature of the institution of challenging decisions, actions (inaction) of bodies and organizations vested with certain state or other public powers, as well as a study of the positions of other researchers in this area, the author identifies trends in its development.

Keywords: public legal relations; challenging decisions, actions (inactions); government agency; organization vested with public powers; legal vested with public powers; arbitration process; legal proceedings, historical and legal analysis

Information about the conflict of interests: author declared № conflicts of interest.

References

1. Ozerskiy I.D. Osnovnye etapy razvitiya processualnyh norm ob osparivanii nenormativnyh pravovyh aktov v arbitrazhnom processe URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/31/osnovnye_etapy_razvitiya_processualnyh_norm_ob_osparivanii_nenormativnyh_pravovyh_aktov_v_arbitrazhnntvk1_source=2165959321&& (дата обращения: 23.02.2026). [In Russian].
2. Timoshinova S.B. Istoriko-pravovoy analiz razvitiya otechestvennogo zakonodatelstva o sudobnoy zashchite ot nezakonnyh resheniy, deystviy (bezdeystviya) organov gosudarstvennoy vlasti // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2018. № 1. P. 50–53. [In Russian].
3. Ilin V.V., Ahizer A.S. Rossiyskaya gosudarstvennost: istoki, tradicii, perspektivi. M., 1997. 384 p. [In Russian].
4. Tarasov V.N. K voprosu o novellah, vvedennyh sudebnymi ustavami 1864 goda. // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy uridicheskoy akademii. 2014. № 6(101). P. 87–92. [In Russian].
5. Golovko V.V., Moskalenko S.S. Stanovleniye i razvitiye administrativnogo sudoproizvodstva v Rossii // Nauchniy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2007. № 2. P. 39–44. [In Russian].

6. Rustamova S.M. Institut administrativnoy usticii v zakonodatelstve Vremennogo Pravitelstva // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2. P. 57–62. [In Russian].

7. Karadzhe-Iskrov N.P. Noveyshaya evoliuciya administrativnogo prava // Izdatel'skoye buro Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 1927. 39 p. [In Russian].

8. Pavlova M.S. Razvitie sudebnogo kontrolya v Rossii za zakonnostiu resheniy, dey-stviya (bezdeystviya) organov vlasti // Rossiyskiy sudiya. 2015. № 9. P. 10–13. [In Russian].

9. Ryabova T.V. Sudebnaya zaschita prav grazhdan v Rossiyskoy Federacii: ot epohi kommnizma k sovremenности // Socialno-gumanitarniye znaniya. 2017. № 12. P. 102–112. [In Russian].

10. Golovko I.I. Sudebnaya deyatel'nost, prokurorskaya deyatel'nost, pravozaschitnaya i pravoohranitel'naya deyatel'nost // Vestnik Omskoy uridicheskoy akademii. 2016. № 3(32). P. 69–74. [In Russian].

11. Knyazkin S.I., Rubcov V.V. Ossobennosti rassmotreniya sudami del, vznikavshih iz publichnykh pravootnosheniy // Vestnik nauki. 2022. № 5(50). P. 172–176. [In Russian].

12. Zolotuhin A.D. Nekotoriye rasszhdeniya o problemah administrativnogo sudoproizvodstva // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskkiye nauki i parvo. 2015. № 2(2). P. 42–45. [In Russian].

13. Starilov U.N. Prinyatiye kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva rossiyskoy federacii – vazhneyshiy etap sudebnoy reformy i modernizacii administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 2. P. 8–15.

Массовые беспорядки в уголовном законодательстве зарубежных государств

Абдуллоев Фируз Махмадаминович,

аспирант кафедры уголовного права Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина
E-mail: abdullov-fm@mail.ru

Анализ уголовного законодательства зарубежных государств, в том числе, законодательства государств-участников СНГ показал, что нормы уголовных законов о массовых беспорядках во многом сходны, но в то же время существуют при этом определенные различия.

В целом проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан занимает промежуточное, сбалансированное положение между расширительными и минималистскими моделями ответственности за массовые беспорядки. В отличие от ряда государств СНГ, ориентированных на раннюю криминализацию и усиленный превентивный контроль, данные правовые порядки исходят из приоритета уголовно-правовой оценки реально причиненного вреда общественной безопасности. Такой подход обладает меньшим профилактическим потенциалом, однако в большей степени соответствует фундаментальным принципам уголовного права и международным стандартам защиты прав человека.

Проведенный анализ уголовного законодательства зарубежных государств и доктринальных источников позволяет сделать принципиально важный вывод о том, что количественный признак толпы является одним из ключевых, но при этом не универсальных критериев квалификации массовых беспорядков. Его значение и юридическая функция существенно различаются в зависимости от правовой традиции и концепции охраны общественного порядка.

Ключевые слова: международно-правовые аспекты, уголовное законодательство, зарубежные государства, международная безопасность, нормативно-правовые документы, национальные законодательства, государственная безопасность.

Анализ уголовного законодательства зарубежных государств, в том числе государств участников СНГ, показывает, что нормы уголовных законов, предусматривающие ответственность за массовые беспорядки, в целом характеризуются значительным сходством по своему содержанию и структуре^[1]. Это сходство проявляется в закреплении таких обязательных признаков состава, как массовость противоправных действий, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества, а также посягательство на общественную безопасность и общественный порядок. Вместе с тем национальные законодательства содержат и определённые различия, касающиеся объёма уголовной ответственности, перечня квалифицирующих признаков и санкций.

Формирование и развитие уголовно-правовых норм о массовых беспорядках в значительной степени обусловлено международно-правовыми обязательствами государств, а также универсальными стандартами защиты общественной безопасности. Международно-правовые аспекты противодействия массовым беспорядкам опосредованно отражены, прежде всего, в универсальных договорах в сфере прав человека и обеспечения общественного порядка, а также в актах, направленных на борьбу с терроризмом и экстремизмом. К таким документам относятся Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года^[2], Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года^[3], а также универсальные конвенции ООН по борьбе с терроризмом, которые закрепляют допустимые пределы ограничения прав и свобод человека в целях обеспечения общественной и государственной безопасности.

Особое значение для уголовного законодательства государств постсоветского пространства имеет Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ (далее – Модельный УК СНГ), принятый Межпарламентской Ассамблеей СНГ^[4]. Указанный акт не является источником обязательного международного права, однако он сыграл ключевую роль в унификации уголовно-правовых подходов к охране общественной безопасности, в том числе в части регламентации ответственности за массовые беспорядки. Именно положения Модельного уголовного кодекса СНГ во многом легли в основу соответствующих глав и статей уголовных кодексов Российской Федерации, Республики Таджикистан и других государств региона.

Кроме того, общую правовую основу уголовного законодательства постсоветских государств образует советская уголовно-правовая доктрина, прежде всего УК РСФСР 1960 года, положения которого были восприняты и адаптированы при разработке национальных уголовных кодексов в 1990-е годы. Это обстоятельство объясняет сходство понятийного аппарата, конструкции составов преступлений и систематизации норм об ответственности за посягательства на общественный порядок и общественную безопасность.

В статье 186 главы 23 (о преступлениях против общественной безопасности) Модельного УК СНГ предусматривает: «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием сопротивления представителю власти, сопряженного с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия»^[5].

¹ См: Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. // Информационный бюллетень МПА СНГ. – 1996. – № 10. – С. 3–128.

² См: Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г.: вступил в силу 23 марта 1976 г. // Сборник международных договоров ООН. – 1976. – Т. 999. – С. 171–302.

³ См: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.): с изм. и доп.: вступила в силу 3 сент. 1953 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

⁴ См: Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10. – С. 3–128.

⁵ Модельный уголовный кодекс Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств, (изменениями на 16 ноября 2006 года). (электронный ресурс, дата обращения 08.10.2025.). <http://www.kodeks.ru>; Арипов А.Э. Сравнительно-

Модельный УК СНГ не может рассматриваться как универсальный и в равной мере воспринятый всеми постсоветскими государствами источник регулирования ответственности за массовые беспорядки. Его значение заключается не в механическом заимствовании нормативной конструкции, а в формировании общей концептуальной рамки уголовно-правовой охраны общественной безопасности, в пределах которой национальные законодатели вырабатывали собственные модели уголовной ответственности^[1]. В этой связи более корректно говорить не о прямом «восприятии» Модельного УК СНГ, а о различных вариантах имплементации его идей, что обуславливает необходимость системного сравнительного анализа.

С методологической точки зрения целесообразно разграничить две группы государств:

- во-первых, государства – участники СНГ;
- во-вторых, бывшие союзные республики, не вошедшие в СНГ.

Такое деление позволяет выявить устойчивые системные различия, а не сводить исследование к формальному сопоставлению отдельных статей уголовных кодексов.

Модельный УК СНГ предложил классическую постсоветскую модель ответственности за массовые беспорядки, в основе которой лежит признание общественной безопасности основным объектом посягательства, обязательный признак массовости насильственных действий, а также указание на типичные формы проявления беспорядков: насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, вооружённое сопротивление представителям власти^[2]. Существенной особенностью данной модели является отсутствие криминализации простого присутствия либо пассивного участия, что подчёркивает ориентацию на принцип индивидуальной ответственности за активные общественно опасные действия. По своей конструкции эта модель во многом воспроизводит подход, закреплённый в УК РСФСР 1960 г., будучи адаптированной к условиям суверенного государственного развития.

Анализ уголовного законодательства государств – участников СНГ показывает, что предложенная модель была воспринята неодинаково. В ряде государств, включая Российскую Федерацию и Республику Таджикистан, базовая конструкция массовых беспорядков была сохранена в основных чертах^[3]. Для этих правопорядков характерны совпадение объекта посягательства, сходный перечень насильственных форм беспорядков и акцент на активное участие лица в коллективных насильственных действиях. Имеющиеся различия касаются, главным образом, санкций и отдельных редакционных решений и не затрагивают сущностную модель состава преступления.

Вместе с тем в рамках СНГ существуют и государства, которые, формально сохранив институт ответственности за массовые беспорядки, существенно модифицировали его содержание. Такие модификации выражаются в расширении круга наказуемых деяний за счёт включения призывов, организации или руководства беспорядками, изменении соотношения индивидуальной и коллективной ответственности, а также в смещении акцента с охраны общественной безопасности на защиту конституционного строя или государственной власти. В этих случаях Модельный УК СНГ выступил лишь отправной точкой, а итоговая конструкция приобрела ярко выраженные национально-специфические черты.

Принципиально иная модель уголовно-правового реагирования сложилась в бывших союзных республиках, не вошедших в СНГ (государства Балтии, Грузия, Украина). Для этих правопорядков характерен либо отказ от категории «массовые беспорядки» в классическом постсоветском понимании, либо её радикальная трансформация. Ответственность за массовые формы насилия здесь, как правило, фрагментирована и реализуется через совокупность норм о публичных нарушениях порядка, насильственных действиях против государства, а также преступлениях против демократического правопорядка и общественного спокойствия^[4]. Существенное влияние на формирование

данных подходов оказали стандарты Европейского союза и практика Европейского суда по правам человека, ориентированные на индивидуализацию ответственности и строгую привязку уголовного наказания к конкретным актам насилия^[5].

Таким образом, различия между двумя группами государств носят концептуальный, а не редакционный характер. Если в странах СНГ массовые беспорядки по-прежнему рассматриваются как самостоятельное преступление против общественной безопасности, то в государствах вне СНГ преобладает модель, основанная на отказе от коллективистского подхода и усилении роли индивидуальной уголовной ответственности за конкретные противоправные деяния.

В итоге можно сделать вывод, что Модельный УК СНГ не был принят всеми государствами – участниками СНГ в неизменном виде и тем более не стал универсальной основой для всех бывших союзных республик. Он оказал наиболее существенное влияние на уголовное законодательство государств, сохранивших постсоветскую правовую традицию, включая Российскую Федерацию и Республику Таджикистан, однако даже в рамках СНГ наблюдаются значимые отклонения от предложенной модели. В государствах же, не вошедших в СНГ, сформировались альтернативные концепции уголовно-правового реагирования на массовые формы насилия, основанные на иных ценностных и институциональных ориентирах. Такой системный сравнительный анализ позволяет выявить глубинные различия в правовых подходах и существенно повышает научную ценность исследования.

В гл. 17 УК Республики Узбекистана «Преступления против общественной безопасности» массовые беспорядки описываются в ст. 244.

Также УК Республики Узбекистана рассматривает «Организация массовых беспорядков, сопровождающихся насилием над личностью, погромами, поджогами, повреждением или уничтожением имущества, сопротивлением представителю власти, с применением либо угрозой применения оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, либо финансирование данной деятельности, а равно активное участие в массовых беспорядках»^[6]. (Ч. 4. Ст. 244. УК РУ.).

В УК Кыргызской Республики ответственность за массовые беспорядки предусмотрена в главе 35, «Преступление против общественного порядка». Можно отметить следующее: «Организация массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо оказанием вооруженного сопротивления представителю власти», непосредственное участие в массовых беспорядках предусмотрено в диспозиции основного состава преступления и не выделяется в отдельный состав^[7].

Рассматривая Уголовный кодекс Республика Казахстан, предусматривая ответственность за массовые беспорядки, в главе 10, «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка», ст. 272. Также можно сказать что УК Казахстан имеет следующие схожие с Уголовный кодекс России и Таджикистана. Действующее уголовное законодательство (ст. 272 УК Казахстана, ст. 212 УК России и ст. 188 УК Таджикистана) устанавливает ответственность за массовые беспорядки: «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, разбрасыванием, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, в том числе с использованием средства полученных из иностранных источников»^[8].

В Уголовном законодательстве Азербайджанской Республики, в главе 25 «Преступления против общественной безопасности», в статье 220, предусматривающая ответственность за массовые беспорядки. «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием,

правовой анализ уголовного Законодательства стран СНГ, предусматривающего уголовную ответственность за массовые беспорядки // Рос. следователь. 2009. № 5. С. 21. Хохрин С.А. Массовые беспорядки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях. (Уголовно-правовой и криминологический аспекты). Рязань 2011 г. С. 36.

¹ См: Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. // Информационный бюллетень МПА СНГ. – 1996. – № 10.

² См: Там же.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая); Уголовный кодекс Республики Таджикистан: закон Респ. Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (ред. действующая).

⁴ Уголовный кодекс Литовской Республики: принят 26 сент. 2000 г. № VIII-1968 (ред. действующая); Уголовный кодекс Грузии: принят 22 июля 1999 г. № 2287-Is (ред. действующая); Уголовный кодекс Украины: закон Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III (ред. действующая). – Электрон. ресурсы. – Доступ из официальных пра-

вовых баз данных: URL: <https://www.infolex.lt/ta/66150> (Литва); <https://matsne.gov.ge/rul/document/view/16426> (Грузия); <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (Украина) (дата обращения: 23.01.2026).

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.): с изм. и доп. – Электрон. ресурс. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 23.02.2026);

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. 01.04.1995 г. Дата обращения, 09.10.2025. (Электронный ресурс). (Статья 244 дополнена частями первой и второй Законом Республики Узбекистан от 30 марта 2021 года № ЗРУ-679 – Национальная база данных законодательства, 30.03.2021 г., № 03/21/679/0256). (часть третья статьи 244 заменена частями третьей, четвертой и пятой Законом Республики Узбекистан от 27 марта 2025 года № ЗРУ-2051 – Национальная база данных законодательства, 27.03.2025 г., № 03/25/1051/0278)

⁷ Уголовный кодекс Кыргызской Республики. (Введен в действие Законом Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года, № 126). Дата обращения 09. 10. 2025. (Электронный ресурс).

⁸ Уголовный кодекс Республика Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-в (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г.)

погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, либо участие в таких беспорядках» [1].

Ответственность за массовые беспорядки в Уголовном кодексе Республики Беларусь, предусмотрена в глава 27, «Преступления против общественной безопасности», статья 293. Также, в диспозиции статьи 293, часть 1, понимается ответственность за организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества или вооруженным сопротивлением представителям власти. В статье 293, часть 3, УК Белоруссия, предусмотрена ответственность за «Обучение или иная подготовка лиц для участия в массовых беспорядках, сопровождающихся совершением действий, предусмотренных частью 1 настоящей статьи, а равно финансирование или иное материальное обеспечение такой деятельности при отсутствии признаков преступлений» [2].

Следующим зарубежным Уголовным законом, это Уголовный кодекс Республики Армения, на который мы обратили внимание. В УК Армения, глава 23, «Преступление против общественной безопасности» в статье 225 предусмотрено ответственность за массовые беспорядки. Также в данном статье предусмотрена уголовная ответственность не только за организация массовых беспорядков, но и за «Применение насилия, осуществление погрома или поджога, уничтожение или повреждение имущества, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо оказание вооруженного сопротивления представителю власти во время массовых беспорядков их участникам» [3], и неподчинению законным требованиям представителя власти, насилию над людьми во время массовые беспорядки.

В Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, предусмотрена уголовная ответственность за массовые беспорядки предусмотрена в нескольких статьях.

Статья 290, ответственность за «Зачинщики массовых общественных беспорядков, приведших к невозможности нормального осуществления рабочей, производственной, хозяйственной, преподавательской и научно-исследовательской деятельности и явившихся причиной значительных». Не смотря на лишение свободы, санкциях этой статьи еще предусмотрена надзором или лишением политических прав.

Статья 291, УК КНР, предусмотрена уголовная ответственность за «Зачинщики массовых общественных беспорядков на транспортных станциях, причалах, в аэропортах гражданской авиации, на рынках, в парках, кинотеатрах, на выставках и стадионах или в других общественных местах, зачинщики массового блокирования транспортного сообщения или дезорганизации транспортного сообщения, противодействия и воспрепятствования работникам государственных органов, осуществляющим контроль за общественным порядком, выполнение в соответствии с законом своих служебных обязанностей»

Системообразующей особенностью китайской модели является:

1. ранняя криминализация (включая подготовку, обучение, организацию и подстрекательство);
2. акцент на организаторов и зачинщиков;
3. сочетание уголовных наказаний с политико-правовыми санкциями (надзор, лишение политических прав).

Тем самым массовые беспорядки в КНР рассматриваются не столько как посягательство на общественную безопасность в узком смысле, сколько как угроза социальному, экономическому и государственному порядку в целом. Преимуществом данной модели является её высокая управляемость и превентивный потенциал; недостатком – ослабление принципов соразмерности и индивидуализации уголовной ответственности.

В Уголовном кодексе Японии, в глава 8, «Преступления против общественного порядка», предусмотрена уголовная ответственность за массовые беспорядки в статьи 106 и 107. Уголовная ответственность за «Лицо, собравшееся с другими лицами в толпу и совершившее нападение или акт устрашения, тем самым совершает преступление, свя-

занное с нарушением общественного порядка, и подлежит наказанию в соответствии со следующими положениями».

В Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия, предусмотрена уголовная ответственность за массовые беспорядки, в седьмой разделе, «Преступные деяния против общественного порядка». Т. Ленкнер, в своем работе указывают что, «Глава содержит в себе ряд составов деяния, охраняющих совершенно различные правовые блага, которые лишь частично можно связать с «общественным порядком». «Так, – продолжает он, – § 123–142 однозначно охраняют индивидуальные правовые блага; но там, где речь идет о надындивидуальных ценностях, можно на уровне высшего обобщения подвести все это под понятие «публичный порядок», поскольку эти блага частично относятся к общественным интересам, частично специально к государству, а в отдельности выполняют функции в различных составах деяния» [4].

Таким образом, немецкая модель отличается высокой доктринальной точностью, четкой привязкой к понятию общественной безопасности и строгим соблюдением принципа индивидуальной ответственности.

Ст. 431–6, УК Франции, уголовная ответственность за «Прямое провоцирование вооруженного собрания, выраженное либо в публичных выступлениях или криках, либо в расклеивании или распространении листовок, либо совершенное любым другим способом передачи текста, речи или изображения, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 100 000 франков. Если провокация привела к негативному результату, наказание увеличивается до семи лет тюремного заключения и 700 000 франков штрафа.» [5].

Французская модель характеризуется тесной связью уголовной ответственности с административными процедурами поддержания публичного порядка. Массовые беспорядки здесь рассматриваются как процессуальное нарушение публичного порядка, переросшее в уголовно наказуемое деяние.

Уголовная ответственность за совершение массовых беспорядков, согласно уголовному законодательству штата Техас, расположена в разделе девятом «Посягательства на общественный порядок и благопристойность». В главе 42 «Нарушения общественного порядка и родственные посягательства» статья 42.2 так и называется «Учинение беспорядков». В ней указывается: «Для целей настоящей статьи термин «учинение беспорядков» означает скопище семи и более лиц» [6]. Американское законодательство конкретно указывает количество участников массовых беспорядков.

Согласно первому разделу Закона об общественном порядке, массовым беспорядком в Англии и Уэльсе становится событие, в ходе которого 12 и более лиц хотя бы угрожают применением насилия (не говоря уже о реализации угроз).

На постсоветском пространстве в государствах, которые ранее входили в состав СССР, законодательство сходно.

Как отличие можно выделить закрепление в Уголовном кодексе Узбекистана и в Уголовном кодексе Республики Азербайджан положения о том, что уголовно наказуемыми являются также призывы к массовым беспорядкам, что допустимо определить, как преимущество, положительный аспект правового регулирования, поскольку призывы – это, по сути, подстрекательство к совершению преступления.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики закреплено сходное положение, но использована иная формулировка «призывы к активному неподчинению требованиям представителей власти». Определенное сходство присутствует, но, тем не менее, данный призыв имеет более выраженный экстремистский мотив и ориентирован на посягательство на конституционные устои.

Особо обращает на себя отличие формулировки Уголовного кодекса Республики Казахстан, где, помимо сходных с законодательством иных государств формулировок присутствует прямое указание на специфику объективной стороны, а именно: использование в том числе средств, полученных из иностранных государств.

Интересен подход, использованный при конструировании положений об уголовной ответственности за массовые беспорядки в Китайской Народной Республики. Законодательство данного государства основывается на том, что уголовно наказуемым следует рассматривать деяние, имеющее не формальный, как в иных государствах, а материальный состав. Однако наряду с этим выделен и состав, который отсутствует в законодательстве других государств – это массовые драки, как без применения оружия, так и с применением такового.

⁴ Lenckner T. // Schonke, Schroder. Op. cit. S. 1163.

⁵ Уголовный кодекс Франции (по состоянию на 1 июля 2000 г.) с. 55. Дата обращения 12.10.2025 г.

⁶ <http://jurist-online.org/> (Электронные ресурсы.)

⁶ Уголовный кодекс штата Техас / под ред. И.Д. Козочкина. СПб., 2006. С. 457.

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-Ю).

Вступил в силу с 1 сентября 2000 года согласно Закону Азербайджанской Республики от 26 мая 2000 г. № 886-Ю (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.04.2025 г.). Дата обращения 10. 10. 2025. (Электронные ресурсы.)

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2025 г.). Дата обращения 10.10.2025. (Электронные ресурсы.)

Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года.

³ Уголовный кодекс Республики Армения. (Принят 18 апреля 2003 года) (статья 225 изменена в соответствии с НО-119-Н от 1 июня 2006 года, отредактирована, изменена, дополнена в соответствии с НО-53-Н от 18 марта 2009 года). Дата обращения 11.10.2025. (электронные ресурсы.). <https://www.arlis.am/hy/acts/63312>

Формальный состав массовых беспорядков предусмотрен законодательством Японии и Англии, где даже попытки запугивания являются наказуемыми, если они исходят от толпы. Подобные нормы присутствуют в законодательстве Германии, но в этом государстве дополнительно присутствует и состав преступления, максимально сходный с тем, что предусмотрен российским законодательством.

Специфика уголовного законодательства США проявляется в том, что каждый штат вправе принимать и применять свое уголовное законодательство, то есть единого подхода к определению массовых беспорядков нет.

Таким образом, уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан в части регламентации ответственности за массовые беспорядки сформировано под воздействием трёх взаимосвязанных факторов:

1. международно-правовых стандартов обеспечения общественной безопасности и допустимых ограничений прав человека;
2. модельного законодательства СНГ как инструмента региональной унификации;
3. общей историко-правовой основы, унаследованной от советской уголовно-правовой системы.

Такой комплексный подход свидетельствует о соответствии национальных уголовных законов международным стандартам и учёте передового зарубежного и регионального опыта в сфере противодействия массовым беспорядкам.

Литература

1. См: Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. С. 3–128.
2. См: Международный пакт о гражданских и политических правах 16 дек. 1966 г.: вступил в силу 23 марта 1976 г. // Сборник международных договоров ООН. – 1976. – Т. 999. – С. 171–302.
3. См: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.): с изм. и доп.: вступила в силу 3 сент. 1953 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
4. Модельный уголовный кодекс Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. (электронный ресурс, дата обращения 08.10.2025.). <http://www.kodeks.ru>;
5. Арипов А.Э. Сравнительно-правовой анализ уголовного Законодательства стран СНГ, предусматривающего уголовную ответственность за массовые беспорядки // Рос. следователь. 2009. № 5. С. 21. Хохрин С.А. Массовые беспорядки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях. (Уголовно-правовой и криминологический аспекты). Рязань 2011 г. С. 36.
6. См: Там же. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая); Уголовный кодекс Республики Таджикистан: закон Респ. Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (ред. действующая).
7. Уголовный кодекс Грузии: принят 22 июля 1999 г (дата обращения: 23.01.2026).
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.). Электрон. ресурс. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 23.02.2026);
9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. 01.04.1995 г. Дата обращения, 09.10.2025. (Электронный ресурс).
10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. 28 октября 2021 года, № 126). Дата обращения 09. 10. 2025. (Электронный ресурс).
11. Уголовный кодекс Республика Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-в (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г.)
12. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, 30 декабря 1999 года. Дата обращения 10. 10. 2025. (Электронный ресурс).
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года. Дата обращения: 10.10.2025. (Электронный ресурс.).
14. Уголовный кодекс Республики Армения. (Принят 18 апреля 2003 года). Дата обращения: 11.10.2025. (электронный ресурс.). <https://www.arlis.am/hy/acts/63312>
15. Lenckner T. // Schonke, Schroder. Op. cit. S. 1163.

16. Уголовный кодекс Франции (по состоянию на 1 июля 2000 г.) с. 55. Дата обращения 12.10.2025 г. <http://yurist-online.org/> (Электронный ресурс.)

17. Уголовный кодекс штата Техас / под ред. И.Д. Козочкина. СПб., 2006. С. 457.

18. Отношение к массовым беспорядкам в разных странах. Публикации, 15:12 08.08.2019

MASS RIOTS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Abdullov F.M.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

An analysis of the criminal legislation of foreign countries, including the legislation of the CIS member states, has shown that the norms of criminal laws on mass riots are similar in many ways, but at the same time there are certain differences.

In general, the comparative analysis allows us to conclude that the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan occupies an intermediate, balanced position between expansive and minimalist models of responsibility for mass riots. Unlike a number of CIS countries, which focus on early criminalization and enhanced preventive control, these legal systems are based on the priority of criminal law assessment of the actual harm caused to public safety. This approach has less preventive potential, but it is more consistent with the fundamental principles of criminal law and international standards for the protection of human rights.

The analysis of the criminal legislation of foreign countries and doctrinal sources allows us to draw a fundamentally important conclusion that the quantitative sign of a crowd is one of the key, but not universal criteria for the qualification of mass riots. Its meaning and legal function vary significantly depending on the legal tradition and the concept of public order protection.

Keywords: international legal aspects, criminal legislation, foreign countries, international security, regulatory documents, national legislation, state security.

References

1. See: Model Criminal Code for the Member States of the Commonwealth of Independent States. Pp. 3–128.
2. See: International Covenant on Civil and Political Rights, 16 December 1966: entered into force on 23 March 1976 // Collection of International Treaties of the United Nations. – 1976. – Vol. 999. – Pp. 171–302.
3. See: Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 4 November 1950): with amendments and additions: entered into force on 3 September 1953 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 2. – Art. 163.
4. Model Criminal Code of the Commonwealth of Independent States, St. Petersburg, February 17, 1996 (electronic resource, accessed on October 8, 2025). <http://www.kodeks.ru>;
5. Aripov, A.E. «Comparative Legal Analysis of the Criminal Legislation of the CIS Countries Providing for Criminal Liability for Mass Riots» // Ross. Investigator. 2009. № 5. P. 21. Khokhrin, S.A. «Mass Riots Committed by Convicts in Correctional Institutions.» (Criminal-Law and Criminological Aspects). Ryazan, 2011. P. 36.
6. See: Ibid. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ (current version); Criminal Code of the Republic of Tajikistan: Law of the Republic of Tajikistan of May 21, 1998, № 574 (current version).
7. Criminal Code of Georgia: adopted on July 22, 1999 (accessed on January 23, 2026).
8. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, November 4, 1950). Electronic resource. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (accessed on February 23, 2026);
9. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. April 1, 1995. Accessed on October 9, 2025. (Electronic resource).
10. Criminal Code of the Kyrgyz Republic. October 28, 2021, № 126). Accessed October 9, 2025. (Electronic resource).
11. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of July 3, 2014, № 226-v (as amended as of September 16, 2025)
12. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, December 30, 1999. Accessed October 10, 2025. (Electronic resource).
13. Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999. Accessed October 10, 2025. (Electronic resource).
14. Criminal Code of the Republic of Armenia. (Adopted April 18, 2003). Accessed October 11, 2025. (Electronic resource). <https://www.arlis.am/hy/acts/63312>
15. Lenckner T. // Schonke, Schroder. Op. cit. P. 1163.
16. Criminal Code of France (as of July 1, 2000) p. 55. Accessed October 12, 2025. <http://yurist-online.org/> (Electronic resource.)
17. Criminal Code of the State of Texas / edited by I.D. Kozochkin. St. Petersburg, 2006. P. 457.
18. Attitudes toward mass riots in different countries. PUBLICATIONS, 15:12 08/08/2019

Асанов Владимир Валерьевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовного процесса, Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации.
E-mail: wladimir.asanov@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию принципов, относящихся к защите личности в уголовном процессе. Многогранность термина личность не позволяет однозначно определить его и в праве, хотя и, по возможности, учитывается в нем. Это касается и уголовного процесса. Хотя Уголовно-процессуальный кодекс рассматривает прежде всего лицо в качестве участника уголовно-процессуальных правоотношений, закон в большей степени затрагивает те свойства лица, которые относятся к характеристикам личности или влияют на личность. Базовые нормы, направленные на защиту личности в уголовном судопроизводстве, содержатся в статьях 9 и 10 УПК, устанавливающих принципы уважения чести и достоинства личности, а также неприкосновенности личности. Однако, УПК содержит значительное число и других норм, направленных в той или иной мере на защиту личности. Учитывая такое значение личности и ее охраны для уголовного процесса, требуется более сбалансированный подход к реализации соответствующих норм уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, уголовный процесс, права человека, права гражданина, верховенство права, судебное разбирательство, предварительное расследование, личность, защита личности.

Уголовно-процессуальный закон содержит положения, направленные на защиту личности в уголовном судопроизводстве. В основе таких правил лежат, прежде всего, зафиксированные в ст. 9 и ст. 10 УПК нормы, устанавливающие принципы уважения чести и достоинства личности, а также и неприкосновенности личности.

В частности, ст. 9 УПК определяет, что в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Запрещается подвергать участников уголовного судопроизводства насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Статья 10 УПК указывает на недопустимость задержания по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК. Устанавливается, что лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью. На суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя возлагается обязанность немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше установленного УПК срока.

Можно заметить, что хотя термин «личность» используется в названии статей, в то же время содержание норм отражает важные субъективные права лица, относящиеся к его базовым потребностям, но вне контекста «личности» и без разъяснения содержания такого термина.

Отсутствие нормативного определения термина «личность» является общей чертой права, хотя сам термин используется и в публичном и частном праве. Наполнение его содержанием зависит скорее от контекста нормы и специфики отрасли. Например, в публичном праве данный термин сохраняет за личностью прежде всего абстрактный правовой статус носителя публичных прав и обязанностей, коррелируемого с такими статусами, как человек и гражданин, подчеркивая не только высшую ценность личности, но и определяя ее статус, устанавливая юридическое равенство и, прежде всего, перед законом. Однако, индивидуальные психологические особенности уходят на второй план.

В частном праве данный термин также не имеет универсального законодательного закрепления. Например, гражданское законодательство использует понятие «личность» скорее косвенно, в контексте защиты нематериальных благ. В таком случае оно регулирует конкретные правоотношения и индивидуализирует субъекта права. Однако также не содержит легального определения термина личность.

В правовой доктрине термин личность в разные годы рассматривался по-разному. Так, в свое время, Н.И. Мазутов отмечал, что «Не всякий человек есть личность, хотя всякая личность – человек». [1. С. 69] Такая точка зрения была сопоставима с распространенным некоторое время назад подходом к содержанию термина личности. Например, В.П. Тугаринов полагал, что личность должна обладать чертами, свойственными лишь взрослому и психически нормальному человеку. [2. С. 40] Однако едва ли такой подход был общим. Так, Г.И. Смирнов отмечал, что «представление о личностях, как избранной категории людей ненаучно, оно лишает объективных критериев и возможности вести теоретическую разработку проблемы, не соответствует фактору исторического возникновения этого понятия, наконец находится в противоречии с демократизмом». [3. С. 44]

Современный подход в праве к термину «личность» скорее склоняется к отождествлению данного термина с термином «человек». В отличие от советского периода, рассматривающего права человека, личности и гражданина, в настоящее время нормы права содержат указание на обязанность защиты прав человека и гражданина. Впрочем, непосредственно в нормах термин личность все еще используется.

Однако, даже если речь идет о синонимах, нельзя не признать, что смысловое значение слова «личность» иное, чем человек. Да и само восприятие термина «человек» едва ли рассматривается в праве, механистически, как нечто обезличенное. В конце концов, как отмечал

Н.А. Бердяев: «Учение о человеке есть прежде всего учение о личности» [4. С. 62]

Особенность восприятия термина «личность» вероятно связано с тем, что это сложное, многогранное понятие, содержание которого раскрывается по-разному в различных областях знаний.

В базовом восприятии личность рассматривается как человек, являющийся носителем каких-нибудь свойств, лицо, являющееся членом общества. [5. С. 280–281]

Представляется что в философии вопрос о личности является одним из сложнейших, поскольку ответ на него является попыткой распознать уникальность человека в его свободе, творчестве и моральной ответственности, в отличие от общих понятий «человек» (как биологический вид) или «индивид» (как отдельный представитель рода). Это делает учение о личности многогранным и неоднозначным. Порой личность рассматривается как претерпевающая изменения целостность, объединяющая в себе различные начала или их совокупности, такие как духовные (самосознание, ценности и т.п.) и социальные (взаимодействие с обществом). Иногда вопрос «личности» затрагивает вопрос свободы и ответственности личности, что проявляется через способность к выбору и самоопределению, наличию или отсутствию свободы выбора и собственной воли. Представления о личности связаны с той культурной парадигмой в рамках которой воспроизводится модель личности, и формируются представления о ее главных ценностях, будь то права и свобода выбора, растворение эго, уникальность и сорбонность личности, трансформация и формирование её под внешним воздействием или что-то иное.

Несколько иной подход характерен для психологии. Как отмечают Д.В. Трубеццев и П.Р. Юсупов: «В традиционной психологии существуют два способа понимания личности. Оба принадлежат к эпохе модерна, имеют один корень, несмотря на декларирование их принципиальных расхождений. Первый можно обозначить как объективистский, а второй – как субъективистский. Для первого характерно понимание человека через экспериментальное изучение отдельных его составляющих (эмоции, потребности, поведения, чувства и т.п.). Такой образ человека предлагают когнитивные и бихевиористские построения. Человек в них является объектом приложения внешних сил (машинно-компьютерная метафора). Второй подход основывается на постулировании изначальной «уникальности личности», ее «свободы», «ответственности» и «права на выбор». Эти принципы получили развитие в экзистенциально-гуманистических концепциях, для которых были характерны природные, растительные и другие органические метафоры («потоки сознания», «личностный рост»), а также онтологизация эмоциональных состояний как неких сущностей (бытийные: «страх», «тревога»)). [6.]

Доктор медицинских наук, профессор В.А. Жмуров в работе «Психопатология» приводит следующее определение личности, данное С.Л. Рубинштейном: «Личность – совокупность психических свойств, включающая динамические тенденции, особенности темперамента и аффективности, способности, характер и определяющая направление деятельности, индивидуальные возможности и поведение». [7.]. Тем самым, даже в случае психического расстройства наличие «личности» не отрицается, даже если её проявления могут искажаться под влиянием болезни. При этом акцент смещается на сохранение ядра личности и способность ее к адаптации. В таком случае личность представляет собой некую устойчивую систему поведенческих, эмоциональных и когнитивных свойств, определяющих индивидуальность человека.

Абрамов А.П., рассматривая личность с позиции социологии подчеркивает: «Личность – это совокупность не только социально-позитивных черт, а целостность освоенных ею социальных качеств, характеризующих общество, социальную группу, социальную общность». [8. С. 80–88.] Личность является продуктом социализации, усваивающей нормы, ценности и роли общества: личность формируется через взаимодействие с другими, а человек исполняет социальные роли (родитель, работник), которые определяют его поведение.

С биологической точки зрения личность – это совокупность генетических, гормональных и нейтронных особенностей, влияющих на поведение человека в определенных условиях (среда, предыдущий опыт, культура и т.п.). Дэвид Иглмен, рассматривая работу мозга с позиции нейробиологии отмечал: «Мозг подстраивается под ту жизненную среду, в которой оказался. Он впитывает все её реалии – от языка до культурных норм и представлений о глобальной политике, несёт по жизни убеждения и предубеждения тех, кто воспитал его». [9. С. 10].

В культурологии «личность определяется системой общественных отношений, культурой как общественным способом бытия человека, обусловленного его индивидуальными особенностями». [10. С. 77.] Тем самым личность предстает перед нами в качестве носителя неко-

го культурного кода, чьи ценности и идентичность формируются под влиянием традиций, искусства, религии и т.п.

Приведенные выше определения едва ли являются единственными и универсальными для своих областей знаний. Мы скорее видим разные взгляды на феномен личности с разных точек зрения. Причем, в большинстве своем все эти подходы сходятся в одном – становление личности это процесс, который длится всю жизнь и зависит как от внутренних факторов, так и от условий среды, в которой действует человек.

Примечательно то, что право, в свою очередь, вынуждено адаптировать нормы и представления таким образом, чтобы придать им максимально универсальный, абстрактно-определенный характер, применимый для максимального круга отношений таким образом, чтобы обеспечить достижения тех целей, которые ставит законодатель перед собой и участниками правоотношений.

В таком случае, при применении нормы права о личности представляется важным преодолеть искажение восприятия феномена личности, возникающее между субъективным пониманием личности, в основе которого лежит как принадлежность к культуре, личный опыт, в том числе опыт научения (образования) и т.п., и пониманием личности ситуативно, когда восприятие данного феномена зависит от самой нормы и условий в которых такая норма применяется.

Но чтобы верно представить себе личность и то, чем она является применительно к правоотношениям, возможно необходимо изменить точку зрения на неё, а значит рассматривать ее не как «душу», «свободную волю» или persona, как некоего «атомарного индивида».

Личность, которая предстает перед нами не постоянна, субъективна и ее содержание зависит от ее восприятия тем, кто описывает ее. Однако анализируя личность мы скорее наблюдаем динамическую систему маркеров, некую точку бифуркации в многомерном пространстве данных. То, что мы называем субъектом зачастую предстает перед нами пересечением множества траекторий, таких как генетическая предрасположенность, условия среды, языковая структура и обстоятельства, в которых формировался и действовал рассматриваемый индивид. Личность предстает перед нами не в качестве автономного, рефлексизирующего субъекта, а как некий кластер поведенческих паттернов, формируемых в условиях культурного рельефа. Причем, культурные особенности отражаются и в восприятии личности и её проявлениях. Так, в условно «западных» культурах личность определяется через статистический выброс, то есть через «свойства», отличающие ее от остальных элементов системы. В то же время в условных «традиционных», «коллективистских», «восточных» культурах личность проявляется, условно говоря, как часть автокорреляционной матрицы, находящую выражение через совокупность взаимосвязанных «свойств», определяющих поведение индивида, коррелирующих с поведением группы, к которой принадлежит индивид.

Личность едва ли статична. Её можно рассматривать и как функцию состояния $P(t)$, то есть посредством изменения её свойств с течением времени. Кроме того, личность можно представить и как дескретный набор «масок» и социальных ролей, наблюдаемых в зависимости от контекста и ситуации.

Также примечательно и то, что феномен личности связан не только, а иногда не столько с ее внутренним наполнением, как с тем, как она воспринимается в той среде, в которой находится. Иными словами, часть информации о личности лица находится «вне такого лица», а сведения о ней, например, в современном мире, формируются, в том числе из социального графа и цифрового следа индивида. В таком случае личность предстает перед нами как некая распределенная когнитивная сеть, как система из множества взаимосвязанных интеллектуальных элементов, адаптирующихся к среде, в которой она действует и где границы между ней и средой, например, между личностью и культурой, более размыты. Всё это сохраняет феномен уникальности личности, однако заставляет заметить, что подобная уникальность отражает не линейность, а представляет собой замкнутую траекторию в многомерном фазовом пространстве биологических, социальных и семиотических координат. Она предстает перед нами как временная конstellляция данных, обладающая достаточной устойчивостью, чтобы быть зафиксированной наблюдателем, но не обладающая онтологической привилегией перед средой, ее породившей. В некотором смысле личность остается точкой сборки статистических шумов, которая в одних культурных парадигмах проявляет свойства сильной автокорреляции (индивидуализма), а в других – свойства резонанса с частотой группы (коллективизма), но в каждом из таких случаев сводя ее в итоге к конфигурации воспринимаемой информации и рассматривая в качестве уникальной динамической, распределенной системы параметров, устойчивой в фазовом пространстве «агент» плюс «среда».

Такая интерпретация феномена личности кажется, на первый взгляд, излишней для уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное право рассматривает личность узко, прежде всего, в нормативном аспекте, то есть как субъекта прав и обязанностей. Вместе с тем конструкция норм уголовно-процессуального закона сформулирована тем способом, который позволяет обеспечить ограниченность воздействия на личность в условиях внешнего принуждения, возникающего в связи с осуществлением уголовно-процессуальной процедуры. Причем нормы, обеспечивающие защиту личности, содержатся не только в ст. 9 и 10 УПК. Да и анализ конструкций норм УПК, позволяет заметить, что законодатель скорее рассматривает в качестве участника уголовно-процессуальных правоотношений именно личность, а не абстрактного индивида, но что часто обращает внимание прежде всего правоприменителя.

Так, п. 5 ст. 164 УПК указывает на обязанность следователя, привлекающего к участию в следственном действии участников уголовного судопроизводства, удостовериться в их личности. Тем самым происходит устойчивая во времени идентификация лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, происходит фиксация его ключевых параметров (а), характеризующих его как личность и имеющих значение для правоотношений, в том числе имя, дата рождения, социальные роли и связи, что позволяет не только отличить его от иных лиц, в том числе иных участников правоотношений, а значит и все процессуальные действия будут необходимым образом направлены на должную динамическую систему. В таком случае, например, допрос свидетеля предполагают не просто обязанность индивида давать показания, который обязан выполнить свой долг перед обществом под угрозой наказания за ненадлежащее поведение. При более детальном анализе становится очевидным, что казалась бы элементарная норма в действительности предполагает более сложную систему отношений и порождает сложные механизмы взаимодействия. Сведения о личности лица указывают, в том числе, на происхождение лица, отношения допрашиваемого с другими участниками процесса, возможные социальные, в том числе, профессиональные навыки лица, культурную принадлежность и т.п. Это позволяет сформировать представление о специфике индивида, вступающего в правоотношения, а значит сформировать представление об особенностях проведения следственного действия, наличия у допрашиваемого специальных прав и привилегий, порождающих особый порядок действий в отношении лица, например, предполагающих дополнительное участие иных лиц при производстве такого действия или, например, наличие у лица свидетельского иммунитета или свидетельской привилегии.

Хотя приведенный пример касается лишь частного случая, однако он позволяет проиллюстрировать общий подход. Законодатель указывает на личность не только как на человека, индивидуализируемого посредством указания на его имя (объект и условный идентификатор такого объекта), но предполагает получение более детальных сведений о лице, которые позволили бы выделить его по отношению к остальным и проследить обособленность такого лица в течение всей процедуры уголовного судопроизводства по данному делу. При этом такой подход применим ко всем участникам уголовного процесса, включая судью и лиц, причисленных законодателем к стороне обвинения. Последствия этого хотя и не кажутся очевидными, но, тем не менее, позволяют не только индивидуализировать такое лицо, но и обеспечивают его надлежащее поведение в рамках процедуры, как это происходит в случае с институтом отвода, который тесно связан именно с личностью таких участников уголовного процесса.

Распределенный характер сведений, формирующий наше представление о личности, и важность их рассмотрения в рамках производства по уголовному делу также находит отражение и других нормах уголовно-процессуального закона. Примером могут служить положения п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК относящий к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, так же и обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Вместе с тем, и прочие сведения, подлежащие установлению в соответствии с правилами указанной статьи также участвуют в раскрытии характеристики личности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Можно заметить, что уголовное судопроизводство последовательно предполагает вовлечение в свою сферу не абстрактного человека, индивидуализируемого посредством анкетных данных, но всё то многообразие свойств, характеризующих личность лица. Причем уголовный процесс предполагает фиксацию отдельных состояний и свойств личности, которые были свойственны лицу перед, в момент и после совершения преступления, в том числе на досудебных стадиях и в суде, включая такие состояния в реконструируемое описание событий деяния и оценку вероятности участия лица в таких событиях. По большому счету, это соотносится с одной из целей уголовного наказания – воздействие на личность.

Информация о личности лица, получаемая в ходе производства по уголовному делу, черпается из совокупности источников, обладающих свойствами допустимых доказательств, что также можно признать не только механизмом получения информации о личности лица, но и способом защиты профиля личности от искажения, защиты самой личности от ненадлежащего воздействия, излишней или необоснованной деформации, которая несомненно, при всех усилиях возникает в ходе уголовного судопроизводства.

Закон создает и иные способы сокращения неоправданного воздействия на личность. Например, посредством участия в деле адвоката, который в случае с подозреваемым/обвиняемым приобретает также статус защитника. Такой участник уголовного процесса действует как внешний агент, помогающий стабилизировать траекторию личности в особой среде. Процессуальная роль адвоката/защитника призвана обеспечить корректную интерпретацию событий и предотвратить искажение сведений, а равно обеспечить релевантные параметры а перед следователем и судом. Тем самым в рассматриваемую систему вводится элемент обратной связи.

Участие адвоката (защитника) призвано дополнительно обеспечить защиту личности от воздействия как неприемлемого для личности, так и нецелесообразного для эффективности уголовного преследования. Речь идет о недопустимости пыток, угроз, жестокого обращения, то есть тех действий, которые направлены на изменение внутренних параметров (психическое состояние, волевая сфера) с целью получения нужных внешних проявлений (признание вины). Собственно, эти запреты и отражены в ст. 9 УПК. Они не только позволяют получить достоверную информацию и избежать искажения сведений, но и в итоге обеспечить сохранение эффективности процедуры уголовного судопроизводства. Однако, что не менее важно, они призваны препятствовать дестабилизации личности, разрушающему воздействию на ее систему, превращению ее в инструмент внешней силы, сохраняя ее как самостоятельных источник принятия решений.

Сходным образом происходит защита личности и при применении правил ст. 51 Конституции РФ. В этом случае участник правоотношений контролирует доступ к части своих внутренних параметров (к известной ему информации), а существующий механизм предполагает условия при котором лицо должно иметь возможность не выдавать их в виде показаний. Личности, как системе, обеспечивается право самостоятельно решать какие из таких своих состояний делать доступными, что защищает её от внешних воздействий, в каком-то смысле, от частичного саморазрушения. Интересно, что такое право, распространяемое на широкий круг лиц, сосуществует с обязанностью тех же лиц в ряде случаев сообщать информацию под угрозой наказания. Однако в таком случае, возможное воздействие на личность лица не рассматривается как необоснованно и чрезмерное травмирующее, поскольку в конечном итоге такие действия защищают лицо от более серьезных воздействий, возникающих вследствие совершения уголовно наказуемого деяния, а возможные неблагоприятные последствия взаимодействия в рамках уголовно-процессуальной процедуры вероятно нивелируются посредством включения в правоотношения внешнего агента – адвоката, представляющего интересы такого лица, а равно и через механизмы процессуальных гарантий.

В качестве механизма защиты целостности личности выступает и принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции и ст. 14 УПК). Данный принцип, если рассматривать его в рамках байесовской логики, задает первоначальное утверждение, что вероятности виновности лица хотя и больше нуля, но значение такой вероятности является чрезвычайной малой величиной, которой следует пренебречь. Причем, вне зависимости от утверждения, положенного в основу решения, о придании лицу соответствующего процессуального статуса, изменившего вероятность виновности с абсолютного нуля. Несмотря на вовлечение лица в уголовно-процессуальные отношения в качестве обвиняемого/подозреваемого, законодатель требует придерживаться лишь ограниченного воздействия на личность такого лица, сохраняя восприятие ее вне контекста сделанного на стадии предварительного расследования утверждения о виновности до тех пор, пока в суде не будет подтверждено или опровергнуто такое утверждение. Причем на сторону обвинения возлагается обязанность привести такие доводы, чтобы обновленная вероятность была достаточной для утверждения, опровергающего сделанное предположение. Методы же, обеспечивающие производство предварительного расследования, не должны воздействовать на личность вне необходимости и не учитывать специфику личности такого лица, как это следует из положений ст. 10 УПК и связанных с ней норм.

Порождаемые таким подходом последствия не только распределяют бремя доказывания и определяют правила отношения к личности обвиняемого, но и обосновывают ограничения в воздействии на лич-

ность лица до вступления в законную силу судебного решения по делу. Приговор суда фиксирует траекторию личности, определяя ее для данного временного отрезка. Институт реабилитации в таком случае призван компенсировать последствия для лица возможных необоснованных действий и, в том числе в некоторой мере, последствия воздействия на личность, и вызванную этим воздействием ее частичную деформацию.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют то, как нормы выступают одновременно инструментами сохранения целостности и автономности личности, как сложной системы в условиях мер принуждения, свойственных для уголовного процесса. Одновременно право апеллирует к традиционным для современных социальных норм категориям, таким как достоинство, справедливость и уважение личности. В таком виде созданные процедуры призваны обеспечить корректное функционирование личности в соответствующей среде, в том числе возникающей в связи с процедурой уголовного судопроизводства.

В таком случае положения ст. 9 и 10 УПК, устанавливая лишь общие требования, не отражая всех механизмов защиты личности, содержащихся в УПК. Вместе с тем, как принципы права, они формируют базовые правила, обращая внимание участников уголовного процесса на обязанность определенного отношения к лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальные правоотношения и на допустимые способы поведения. В совокупности такие правила создают предпосылки для устойчивости процедуры в целом, поскольку ошибки лица, осуществляющего расследование, являются лишь малыми возмущениями для всей системы правоотношений, а сами действия, при их надлежащем осуществлении, потенциально минимальным возможным образом воздействуют на личность лица, в отношении которого действия осуществляются. Нормы формируют условия для комплексной защиты лица (физической и моральной) от необоснованного воздействия на него. Сам человек рассматривается скорее как носитель прав, а не объект воздействия. В свою очередь, компенсационные механизмы, как, например, описанные в ст. 9 и 10 УПК, призваны дополнительно нивелировать неблагоприятные последствия для лица, в связи с участием его в уголовном процессе, выполняя в ряде случаев роль отрицательных обратных связей, возвращающих систему к допустимым значениям (в допустимую область фазового пространства). Такая совокупность норм участвует в формировании представления об уголовном процессе как заслуживающей доверие процедуре, позволяющей защитить базовые интересы лица и общества в целом, при котором ограничение прав лица, включая меры воздействующие на его личность, является допустимым и оправданным. Законодатель участвует в формировании среды, в которой предлагает действовать, для чего формирует в уголовном процессе набор узнаваемых символов предсказуемости и безопасности, такие как, например, права человека, защита личности и т.д. Но подобное достигается не только посредством оптимальных правил, созданных законодателем, включая рассматриваемые принципы и механизмы их реализации, но и посредством формирования собственно среды, которая позволяет и заставляет лицо сделать выбор в пользу ожидаемого законодателем варианта поведения в рамках уголовного судопроизводства. Законодатель при этом должен учитывать необходимость обеспечить такую соразмерность, согласованность и единство всех элементов уголовного процесса, которые создали бы баланс интересов участников уголовного процесса без потери его эффективности, разумеется, если законодатель преследует такую цель.

Литература

1. Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.
2. Тугаринов В.П. Личность и общество. – М., 1965.
3. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. – М., 1971.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984.
6. Трубецков Д.В., Юсупов П.Р. Проблемы психологии личности в эпоху постмодерна. // Известия Алтайского государственного университета. 2001 г. № 2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-psihologii-lichnosti-v-epohu-postmoderna> (дата обращения: 04.04.2026) – Текст: электронный
7. Жмуров В.А. «Психопатология. Часть II». [Электронный ресурс] URL: <https://psychiatry.ru/lib/1/book/92/chapter/3> (дата обращения 04.04.2026) – Текст: электронный
8. Абрамов А.П. Личность в социологических теориях: категории, концепции и принципы изучения // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 4 (20).
9. Иглмен Д. Живой мозг. Удивительные факты о нейропластичности и возможностях мозга – Москва, 2022.
10. Колобова Ю.А. Культурология личности: к проблеме статуса понятия. // Вестник Вятского государственного университета. 2007. № 18.

PRINCIPLES RELATING TO THE PROTECTION OF THE PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Asanov V.V.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the study of principles related to the protection of the individual in criminal proceedings. The versatility of the term personality does not allow it to be unambiguously defined in law, although, if possible, it is taken into account in it. This also applies to the criminal process. Although the Code of Criminal Procedure primarily considers a person as a participant in criminal procedural legal relations, the law mostly affects those properties of a person that relate to or affect personality characteristics. The basic norms aimed at protecting the individual in criminal proceedings are contained in articles 9 and 10 of the CPC, which establish the principles of respect for the honor and dignity of the individual, as well as the inviolability of the individual. However, the CPC contains a significant number of other norms aimed in one way or another at protecting the individual. Given the importance of personality and its protection for the criminal process, a more balanced approach is required to implement the relevant norms of criminal procedure law.

Keywords: principles of criminal procedure, criminal procedure, human rights, civil rights, rule of law, judicial proceedings, preliminary investigation, personality, protection of personality.

References

1. Matuzov N.I. Personality. Right. Democracy. Theoretical problems of subjective law. – Saratov, 1972.
2. Tugarinov V.P. Personality and Society, Moscow, 1965.
3. Smirnov G.L. Soviet man. Formation of a socialist personality type. – Moscow, 1971.
4. Berdyaev N.A. On the appointment of man, Moscow, 1993.
5. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language, Moscow, 1984.
6. Trubetsov D.V., Yusupov P.R. Problems of personality psychology in the post-modern era. // Proceedings of the Altai State University. 2001 #2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-psihologii-lichnosti-v-epohu-postmoderna> (date of access: 04/04/2026) – Text: electronic
7. Zhmurov V.A. "Psychopathology. Part II". [Electronic resource] URL: <https://psychiatry.ru/lib/1/book/92/chapter/3> (accessed 04/04/2026) – Text: electronic
8. Abramov A.P. Personality in sociological theories: categories, concepts and principles of study // Humanities: current problems of humanities and education. – 2012. – № 4 (20).
9. Eagleman D. The living brain. Amazing facts about neuroplasticity and brain capabilities – Moscow, 2022.
10. Kolobova Yu.A. Cultural studies of personality: towards the problem of the status of a concept. // Bulletin of Vyatka State University. 2007. № 18.

Субъективная сторона как элемент состава преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ: теоретические и практические аспекты

Бочаров Сергей Владимирович,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет»

E-mail: sergey230701@mail.ru

Статья посвящена исследованию субъективной стороны как обязательного элемента состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ. Цель работы заключается в выявлении теоретических и практических проблем установления вины, содержания признака заведомости, а также значения мотива и цели при квалификации соответствующего деяния. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики и доктринальных подходов. В статье обосновывается, что субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной формой вины, при этом ключевое значение имеет установление осознания лицом ложного характера распространяемых сведений. Особое внимание уделяется разграничению заведомо ложной информации, добросовестного заблуждения и оценочных суждений, а также проблемам доказывания интеллектуального и волевого моментов умысла. Сделан вывод о том, что правильное определение субъективных признаков состава имеет принципиальное значение для обеспечения законности квалификации, единообразия правоприменения и исключения необоснованного уголовного преследования.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления; вина; умысел; заведомость; заведомо ложная информация; квалификация преступления; доказывание; правоприменительная практика.

Введение

В современных условиях развития уголовного законодательства особую значимость приобретает исследование субъективной стороны преступления как обязательного элемента состава, позволяющего установить действительное психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. Именно признаки вины, формы умысла, а также содержание интеллектуального и волевого моментов нередко выступают ключевыми критериями правильной уголовно-правовой оценки деяния, особенно применительно к специальным составам, связанным с распространением информации. В этой связи особый научный и практический интерес представляет анализ субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, поскольку специфика данной нормы обуславливает необходимость точного установления признака заведомости, осознания лицом характера распространяемых сведений, а также разграничения умышленного поведения и добросовестного заблуждения.

Актуальность темы обусловлена как недостаточной разработанностью отдельных аспектов субъективной стороны указанного состава в уголовно-правовой доктрине, так и сохраняющимися трудностями правоприменительной практики при квалификации соответствующих деяний. Наибольшую сложность вызывают вопросы определения содержания прямого умысла, установления осознания ложности распространяемой информации, а также уголовно-правового значения мотива и цели поведения виновного. Отсутствие единообразного подхода к разрешению названных вопросов способно негативно сказаться на качестве квалификации и соблюдении принципа законности.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном исследовании субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, с учетом теоретических положений уголовного права и материалов правоприменительной практики. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: определить содержание субъективной стороны данного преступления; раскрыть значение признака заведомости в структуре вины; проанализировать особенности установления интеллектуального и волевого моментов умысла; рассмотреть роль мотива и цели при квалификации деяния; выявить основные проблемы доказывания субъективных признаков и предложить возможные подходы к их разрешению.

Обсуждение

Субъективная сторона преступления в уголовном праве традиционно рассматривается как внутренняя психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением общественно опасного деяния [1, с. 162]. Ее содержание образуют вина, мотив, цель и, в отдельных случаях, эмоциональное состояние виновного. Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 207.3 УК РФ, установление субъективной стороны приобретает определяющее значение, поскольку само содержание диспозиции данной нормы прямо указывает на необходимость выявления интеллектуального отношения лица к распространяемым сведениям [2, с. 59]. Речь идет не просто о сообщении недостоверной информации, а о публичном распространении именно заведомо ложных сведений под видом достоверных сообщений, что предполагает наличие у виновного специального осознания фактических обстоятельств совершаемого деяния.

В этой связи субъективная сторона выступает системообразующим элементом данного состава. Без установления вины в форме прямого умысла и без доказывания признака заведомости невозможна правильная уголовно-правовая оценка содеянного. В отличие от составов, где ключевое значение имеют объективные последствия или сам факт нарушения определенного запрета, в рассматриваемом случае именно психическое отношение лица к характеру распространяемой информации позволяет отграничить преступное деяние от ошибочного, неосторожного либо добросовестного поведения.

Следовательно, уголовно-правовая характеристика субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, должна строиться с учетом не только общих положений учения о вине, но и особенностей законодательной конструкции самой нормы. Последняя ориентирует правоприменителя на необходимость установ-

ления совокупности признаков: осознания лицом ложности сведений, понимания публичного характера их распространения, восприятия таких сведений адресатами как достоверных, а также волевого стремления к доведению данной информации до неопределенного круга лиц [3, с. 86–87].

Анализ содержания ст. 207.3 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом [4, с. 213–214]. На это указывает как сама природа деяния, так и использование законодателем категории «заведомо ложная информация». Заведомость как уголовно-правовой признак исключает неосторожную форму вины, поскольку предполагает достоверное знание виновным ложного характера распространяемых сведений. Если лицо не осознавало недостоверность сообщаемой информации, а лишь заблуждалось относительно ее истинности, состав рассматриваемого преступления отсутствует.

Интеллектуальный элемент прямого умысла включает осознание виновным нескольких взаимосвязанных обстоятельств: во-первых, ложного характера распространяемой информации; во-вторых, публичного характера ее доведения до аудитории; в-третьих, того, что соответствующие сведения подаются под видом достоверных сообщений [5, с. 99]. Последний признак имеет самостоятельное значение для разграничения уголовно наказуемого деяния и иных форм речевого поведения. Если лицо высказывает оценочное суждение, субъективную интерпретацию, предположение или эмоциональную реплику, не выдавая их за достоверное сообщение о фактах, состав преступления по ст. 207.3 УК РФ отсутствует. Напротив, если информация представляется именно как проверенное фактическое сообщение, рассчитанное на восприятие аудиторией в качестве истинного, налицо тот способ информационного воздействия, который и охватывается диспозицией данной нормы.

Волевой элемент умысла выражается в желании виновного довести заведомо ложную информацию до неопределенного круга лиц или значительного числа адресатов через публичные каналы коммуникации. Из этого вытекает важный практический вывод: журналистская ошибка, редакционная небрежность, недостаточная проверка источника, поспешность публикации либо добросовестное заблуждение сами по себе еще не образуют состава рассматриваемого преступления. Уголовно-правовое значение такие обстоятельства приобретают лишь при доказанности того, что лицо осознавало ложность сведений и, несмотря на это, сознательно распространило их под видом достоверных.

В контексте установления прямого умысла особую сложность представляет уголовно-правовая оценка интернет-репостов. Анализ обвинительных заключений и опубликованных судебных приговоров позволяет сделать вывод о том, что сам по себе репост на личную страницу чужой публикации, содержащей заведомо ложные сведения, без собственных комментариев, без выражения одобрения ее содержания и при отсутствии иных обстоятельств, свидетельствующих о принятии лицом распространяемой информации как достоверной, не может автоматически рассматриваться как достаточное основание для вывода о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ. Для уголовно-правовой квалификации необходимо установить, что лицо не только осуществило техническое размещение соответствующего материала, но и действовало с прямым умыслом на публичное распространение именно заведомо ложных сведений, то есть осознавало их ложный характер, понимало, что они подаются под видом достоверных сообщений, и желало довести их до неопределенного круга лиц. Следовательно, при оценке репоста решающее значение имеет не сам по себе факт воспроизведения чужой публикации на странице пользователя, а совокупность обстоятельств, подтверждающих направленность умысла виновного: открытый характер страницы, способ размещения записи, наличие либо отсутствие собственных пояснений, одобрительных или развивающих комментариев, закрепление публикации, ее последующее продвижение, повторность аналогичных действий и иные данные, позволяющие сделать вывод о сознательном публичном распространении заведомо ложной информации. При недоказанности указанных обстоятельств вменение ст. 207.3 УК РФ исключительно по факту репоста представляется недостаточно обоснованным.

Данная мысль находит подтверждение в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, в котором разъясняется, что размещение материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», само по себе может образовывать способ доведения информации до неопределенного круга лиц, а потому подлежит уголовно-правовой оценке с учётом содержания публикации, формы и условий её размещения, а также направленности действий лица. Таким образом, решающее значение

имеет не технический факт перепубликации как таковой, а установление совокупности объективных и субъективных признаков деяния, свидетельствующих о сознательном доведении соответствующих сведений до неопределенного круга лиц [6].

Отдельного внимания заслуживают мотив и цель рассматриваемого преступления. А.И. Родионов обоснованно исходит из того, что мотив и цель относятся к факультативным признакам субъективной стороны и приобретают обязательное значение лишь в тех случаях, когда прямо названы законодателем в качестве конструктивных или квалифицирующих признаков состава [7, с. 40]. Для основного состава ст. 207.3 УК РФ установление конкретного мотива и цели не является обязательным условием уголовно-правовой квалификации. Тем не менее их исследование имеет существенное доказательственное значение, поскольку позволяет глубже раскрыть содержание умысла, направленность поведения лица и причины выбора именно ложной модели информационного воздействия.

В современных условиях мотивы к распространению заведомо ложной информации могут быть различными: стремление к повышению узнаваемости, желание усилить информационный эффект, причинить репутационный вред, добиться повышенной цитируемости, увеличить аудиторию ресурса либо извлечь имущественно измеримую выгоду.

В квалифицированных разновидностях преступления мотив перестает быть лишь факультативной характеристикой и приобретает значение обязательного элемента состава. Мотив должен быть не предположен, а точно установлен и доказан как конкретное внутреннее побуждение, определившее выбор содержания сообщения, форму его подачи и способ распространения. Следовательно, при квалификации соответствующих разновидностей преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, мотив подлежит самостоятельному уголовно-правовому доказыванию.

В рамках квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, особое уголовно-правовое значение приобретают мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, поскольку они характеризуют повышенную степень антисоциальной направленности поведения виновного и свидетельствуют о более высокой общественной опасности содеянного.

Наглядным примером может служить приговор в отношении Ефросининой М.А., которая распространила заведомо ложные сведения о Вооруженных силах Российской Федерации по мотивам политической, идеологической, национальной ненависти. Ее мотив установлен судом при изучении протоколов осмотра ее страницы в социальной сети и заключения психолого-лингвистической экспертизы, а именно наличие публикации, не связанных с вменяемой ей преступлением, содержащих враждебное отношение к группе лиц «российские военные», объединенных совокупностью признаков: национальной и профессиональной принадлежностью, и к группе лиц «граждане России», объединенных совокупностью признаков: национальной принадлежностью, а также политическими и идеологическими убеждениями [8].

Приведенный пример подтверждает, что мотив политической, идеологической, национальной ненависти либо вражды в конструкции ст. 207.3 УК РФ должен устанавливаться на основе комплексного анализа как самого деяния, так и предшествующего и сопутствующего ему поведения лица. Такой подход позволяет избежать формального вменения квалифицирующего признака, обеспечивает соблюдение принципа вины и способствует более точному разграничению случаев, когда распространение заведомо ложной информации обусловлено именно ненавистью либо враждой, от ситуаций, в которых действия лица продиктованы иными побуждениями.

Цель в структуре субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, следует рассматривать как представление виновного о том результате, к достижению которого он стремится, публично распространяя заведомо ложные сведения о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации под видом достоверных сообщений [9, с. 124].

В конструкции ст. 207.3 УК РФ цель не выступает обязательным признаком субъективной стороны ни в основном, ни в квалифицированных, ни в особо квалифицированных составах. Анализ диспозиций соответствующих частей данной статьи показывает, что законодатель связывает уголовную ответственность с умышленным характером деяния, признаком заведомости, публичностью распространения сведений, а в квалифицированных видах состава – с иными обстоятельствами, повышающими степень общественной опасности содеянного. При этом прямого указания на специальную цель как на необходимое условие уголовной ответственности в законе не содержится. Следо-

вательно, для квалификации деяния по ст. 207.3 УК РФ не требуется устанавливать, какого именно результата стремилось достичь лицо, если доказаны иные обязательные признаки состава преступления.

Из этого вытекает, что цель в рамках рассматриваемой нормы сохраняет факультативный характер и выполняет преимущественно вспомогательную функцию. Ее установление может способствовать более глубокому раскрытию направленности умысла, объяснению внутренней логики поведения виновного и индивидуализации наказания, однако отсутствие доказанной цели само по себе не исключает уголовной ответственности [10, с. 15–16].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, имеет ключевое значение для правильного установления всех признаков состава и последующей квалификации деяния. Ее содержание определяется прежде всего умышленной формой вины, причем рассматриваемое преступление возможно лишь при наличии прямого умысла, поскольку лицо должно не только осознавать публичный характер распространения сведений, но и достоверно знать об их ложности. Центральным элементом субъективной стороны выступает признак заведомости, который позволяет отграничить уголовно наказуемое деяние от добросовестного заблуждения, ошибочной оценки фактических обстоятельств либо распространения непроверенной информации без осознания ее недостоверности. Именно поэтому установление интеллектуального и волевого моментов умысла в их совокупности должно рассматриваться как обязательное условие применения данной уголовно-правовой нормы.

Литература

1. Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 161–176.
2. Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. 2023. Т. 8, № 3. С. 53–63.
3. Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. К вопросу о содержании субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 1. С. 85–90.
4. Чижова Е.С. Проблемы разграничения заведомо ложной информации и оценочных суждений при квалификации преступлений по статье 207.3 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9. С. 211–216.
5. Дулькина Л.В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 3. С. 97–101.
6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8 (дата обращения: 30.01.2026).
7. Родионов А.И. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4 (67). С. 33–43.
8. Приговор Басманного районного суда г. Москвы по делу № 1–438/23 от 15.09.2023 г. Уникальный идентификатор дела 77RS0002–02–2023–010391–34 (дата обращения: 30.01.2026).
9. Абдулатипов А.М. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Воору-

женных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42, № 2. С. 121–127.

10. Ларина Л.Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20, № 3. С. 10–17.

THE SUBJECTIVE ASPECT AS AN ELEMENT OF THE CORPUS DELICTI UNDER ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Bocharov S.V.

Russian New University

The article is devoted to the study of the subjective aspect as a mandatory element of the corpus delicti under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the research is to identify the theoretical and practical problems involved in establishing guilt, determining the content of the element of prior knowledge, and assessing the significance of motive and purpose in the legal classification of the relevant act. The methodological framework of the study includes formal legal, systemic, and comparative legal methods, as well as the analysis of judicial practice and doctrinal approaches. The article substantiates that the subjective aspect of this offence is characterized by an intentional form of guilt, while particular importance is attached to proving that the person was aware of the false nature of the disseminated information. Special attention is paid to the distinction between knowingly false information, good-faith error, and value judgments, as well as to the problems of proving the intellectual and volitional elements of intent. It is concluded that the correct determination of the subjective features of the corpus delicti is of fundamental importance for ensuring the legality of legal classification, the uniformity of law enforcement practice, and the prevention of unjustified criminal prosecution.

Keywords: subjective aspect of a crime; guilt; intent; prior knowledge; knowingly false information; classification of crimes; proof; law enforcement practice.

References

1. Tarkhanov I.A., Gaifutdinov R.R. Subjective side of crime and reflection of its features in criminal legislation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2020, Vol. 162, No. 2, Pp. 161–176.
2. Pichugin S.A. Criminal liability for an act provided for by Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: issues of regulation and law enforcement. *Legal Bulletin*. 2023, Vol. 8, No. 3, Pp. 53–63.
3. Vishnevetsky K.V., Kashkarov A.A., Kashkarov A.A. On the content of subjective features of crimes provided for by Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*. 2025, No. 1, Pp. 85–90.
4. Chizhova E.S. Problems of distinguishing deliberately false information and value judgments in the qualification of crimes under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2025, No. 9, Pp. 211–216.
5. Dulkina L.V. Public dissemination of “fakes” about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the performance of their powers by state bodies of the Russian Federation: difficulties of doctrinal understanding. *Vestnik Yuridicheskogo Fakulteta Yuzhnogo Federalnogo Universiteta*. 2022, Vol. 9, No. 3, Pp. 97–101.
6. On judicial practice in criminal cases on crimes of extremist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*. 2011, No. 8 (accessed: 30.01.2026).
7. Rodionov A.I. Criminal law characteristics of public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, performance of their powers by state bodies of the Russian Federation. *Vestnik Yugorskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2022, No. 4 (67), Pp. 33–43.
8. Sentence of the Basmanny District Court of Moscow in case No. 1–438/23 dated 15.09.2023. Unique case identifier 77RS0002–02–2023–010391–34 (accessed: 30.01.2026).
9. Abdulatipov A.M. Criminal law characteristics of public dissemination under the guise of reliable messages of deliberately false information containing data on the use of the Armed Forces of the Russian Federation for the protection of interests of the Russian Federation and its citizens, maintenance of international peace and security. *Yuridichesky Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2022, Vol. 42, No. 2, Pp. 121–127.
10. Larina L. Yu. Purpose of crime: criminal law significance and correlation with motive. *Vestnik Yugorskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2024, Vol. 20, No. 3, Pp. 10–17.

Генезис представлений о насилии в российском уголовном законодательстве: от Русской Правды до Соборного уложения 1649 года

Воронкова Евгения Олеговна,

старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии, Алтайский государственный университет
E-mail: evgeniya-voronkova@mail.ru

В статье исследуется генезис понятия насилия в российском уголовном законодательстве на основе анализа таких правовых памятников как Русская Правда, Псковская Судная Грамота, Судебники 1497 и 1550 годов, а также Соборное уложение 1649 года. Автор демонстрирует, что в указанный период отсутствовало определение насилия как абстрактной категории; законодатель использовал казуистический подход, описывая конкретные формы противоправного воздействия. Показано, что дифференциация ответственности за насильственные деяния строилась преимущественно на основе тяжести причиненного вреда и социального статуса участников правоотношений. Особое внимание уделяется эволюции подходов к квалификации насилия: от обобщающего термина «обида» в Русской Правде до выделения разбоя и грабежа в Псковской Судной Грамоте, от фиксации «лихих дел» в Судебниках до попыток систематизации насильственных преступлений в Соборном уложении. Делается вывод, что древнерусское законодательство заложило фундамент для последующего формирования уголовно-правового представления о насилии, предопределяя многие проблемы его современного доктринального толкования.

Ключевые слова: насилие, Русская Правда, Псковская Судная Грамота, Судебник 1550 года, Соборное уложение 1649 года, генезис, уголовное законодательство.

Зарождение отечественного уголовно-правового понимания насилия происходило в рамках древнерусских законодательных памятников, где это явление не имело единого определения, а раскрывалось через описание конкретных деяний и их последствий. Именно в этот период начинает формироваться Российское представление о насилии, которое, несмотря на последующую эволюцию права, во многом сохраняет свои первоначальные черты вплоть до сегодняшнего дня.

Сегодня отсутствие легального определения понятия насилия предопределяет многообразие его интерпретаций в рамках доктринального толкования. Однако традиционное понимание преступного насилия охватывает такие его признаки, как противоправность, умышленная вина, воздействие на другого человека вопреки его волеизъявлению, наличие социально вредных последствий [1, с. 10]. Для понимания современных проблем уголовно-правовой квалификации насилия необходимо учитывать их исторические корни.

История становления отечественного уголовного права неразрывно связана с изучением древнейших законодательных памятников права. Именно в этих источниках заложены основы понимания насилия как общественно опасного явления, хотя само понятие «насилие» в современном его значении еще не существовало. Данные акты отражают начальные этапы дифференциации насильственных деяний, опираясь на конкретные формы причинения вреда и учитывая социальный статус участников правоотношений.

Ответственность за насильственные преступные деяния всегда имели место в истории российского уголовного законодательства, но «насилие» как самостоятельный уголовно-правовой признак стало выделяться законодателем сравнительно поздно, а на системном уровне стал регулироваться и, вовсе, только в завершающий период функционирования Российской империи [2, с. 120].

В советском энциклопедическом словаре «насилие» рассматривается в двух значениях:

1. насилие – это применение определенным классом (социальной группой) различных форм принуждения в отношении других классов (групп) с целью приобретения или сохранения экономического или политического господства, завоевания тех или иных привилегий;

2. насилие в праве – это физическое (телесное повреждение, побои) или психическое (угроза) воздействие одного человека на другого [3, с. 875].

Первым источником, фиксирующим деяния, которые впоследствии будут квалифицироваться как преступления против личности, была Русская Правда. Наиболее ранние ее редакции, в частности, Краткая Русская Правда, оперируют термином «обида», который носит комплексный характер и обозначает причинение вреда в целом.

В контексте насильственных деяний, Русская Правда устанавливает ответственность, например за убийство в ст. 1 Краткой редакции, где наказание – «вира», то есть денежное возмещение, размер которого зависел от социального положения убитого.

В ст. 2 Краткой редакции, фиксируются телесные повреждения и отмечены такие последствия, как «кровоподтеки» или «синяки», за которые предусматривалось менее значительное возмещение («продажа») [4, с. 49]. Здесь уже прослеживается попытка дифференцировать вред, причиняемый здоровью, по степени тяжести, пусть и выраженный через внешние признаки.

К следующему упоминанию можно отнести истязание – мука. Термин «мука», получивший более широкое развитие в Пространной редакции Русской Правды, подразумевал применение к потерпевшему жестоких, болезненных действий, сопровождающихся моральными страданиями.

Важно отметить, что Русская Правда не формирует «насилие» как самостоятельную юридическую категорию. Правовая оценка основывается на описании конкретных действий и их последствий. Понятие «обида» служило обобщающим термином для различных правонарушений, а дифференциация наказаний зависела в первую очередь от социального статуса потерпевшего и виновного. Вместо абстрактного понятия, Русская Правда оперирует конкретными, описательными нормами, которые закладывают основу для дальнейшего развития уголовного права.

Псковская Судная Грамота XV века демонстрирует эволюцию в подходах к правовому регулированию насильственных деяний. Этот законодательный акт, отражающий более развитые общественные отношения и усложнение правовой системы, придает явлению насилия более четкие правовые очертания.

Ключевым достижением Псковской Судной Грамоты в контексте нашего исследования является зарождающийся процесс дифференциации понятий, связанных с противоправным воздействием. Наряду с общим понятием «обида» (обозначающим любое правонарушение), в Грамоте появляются и начинают разграничиваться более специфические термины, такие как разбой и грабеж [5, с. 216].

Разбой предполагает нападение с целью завладения имуществом, которое, как правило, сопряжено с применением силы или угрозой ее применения. Это уже не просто «обида», а более тяжкое преступление, где насильственный элемент является обязательным.

Грабеж отличается от разбоя тем, что хищение имущества происходит открыто, но без насилия как такового, хотя может сопровождаться угрозой. Однако, в более широком понимании, процесс грабежа мог включать и элементы принуждения.

Псковская Судная Грамота еще не выделяет квалифицирующие признаки насилия в виде отдельной системы, но она закладывает основу для дальнейшей дифференциации. В источнике можно отслеживать тенденцию к учету способа совершения преступления, так как отмечается насильственный или ненасильственный характер хищения, отражена повторности, за которой следовали более строгие санкции, и отмечается объекта посягательства.

Таким образом, Псковская Судная Грамота, продолжая традицию Русской Правды в части описания конкретных действий, но делает существенный шаг в сторону дифференциации насильственных преступлений, выделяя специфические формы.

Русская Правда и Псковская Судная Грамота, будучи первыми крупными законодательными памятниками, заложили фундамент для последующего формирования уголовно-правового представления о насилии. Они демонстрируют фиксацию конкретных форм вреда, первые попытки дифференциации, что станут основой для будущей системы преступлений против личности.

Эти ранние законодательные акты, несмотря на свою простоту по сравнению с последующими источниками, становятся отправной точкой для длительного исторического процесса, в ходе которого черты насилия в отечественном уголовном праве станут более четкими и комплексными.

Период XV–XVII веков в истории русского права ознаменовался выработкой и закреплением таких важнейших законодательных актов, как Судебники 1497 и 1550 годов, а также, впоследствии, Соборное уложение 1649 года. Эти документы представляют собой не только свидетельство развития государственности, но и важный этап в эволюции уголовно-правового представления о насилии, постепенно трансформируя его из разрозненных норм, ориентированных на конкретные проявления вреда, в более систематизированные представления о преступлениях против личности.

Судебник 1497 года, являясь первым общегосударственным законодательным актом, отразил существующие на тот момент представления о преступности, в том числе и о насильственных деяниях. В нем, как и в предшествующих источниках, отсутствует абстрактное понятие «насилия». Вместо этого, законодатель фиксирует конкретные формы причинения вреда.

Надстраивая Русскую Правду, Судебник 1497 г. к «обиде» как противоправному деликту добавляет или из нее трансформирует «лихие дела», приносящие вред общественным, государственным интересам [6, с. 76]. Положения Судебника 1497 года сыграли ключевую роль в формировании правовой системы Русского государства. В нем предпринимается попытка унификации правовых норм, распространенных на обширной территории государства, а также он закладывает основу для более четкого разграничения вреда, причиняемого личностью.

Судебник 1550 года, ознаменовал собой качественно новый этап в развитии русского права, характеризующийся усилением государственной власти. В Судебнике 1550 года получает дальнейшее развитие норма об убийстве, появляются статьи, предусматривающие более суровые наказания за различные виды убийств. Статьи, касающиеся телесных повреждений, также уточняются, хотя и сохраняют описание через конкретные последствия. Отражается и вопрос признания в совершении насилия, так ст. 25 Судебника гласила: «А который ища взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинить и бесчестие на нем взяти; а в пене, несмотря по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити; а скажет, что грабил, а не бил, и на том правож допра-

вити, хто скажет грабил, а в пене, посмотри по человеку, что государь укажет, а в бою суд и правда» [7, с. 47].

Спецификой Судебника 1550 года являлось усиление мер против разбойных нападений. Хотя такое явление и ранее существовало, здесь оно получает более детальное описание, подразумевая насильственный захват имущества. Это является значительным шагом в сторону признания насилия как обязательного признака, формирующего состав более тяжкого преступления, а не как обстоятельство, отягчающее ответственность за вред.

Судебники 1497 и 1550 годов, несмотря на отсутствие абстрактного понятия «насилие», сыграли ключевую роль в процессе его формирования в отечественном уголовном праве. Они закрепили разграничение вреда, путем фиксации отдельных статей и заложили основу для дальнейшей дифференциации преступлений против личности, а также сформировали предпосылки для системности, т.е. сформировали предпосылки для последующей систематизации норм, что нашло свое отражение в Соборном уложении 1649 года.

Таким образом, период действия Судебников стал переходным периодом, на котором разрозненные представления о насилии начали оформляться в более четкие законодательные конструкции, постепенно приближая момент формирования самостоятельного уголовно-правового явления.

Дальнейшая трансформация уголовно-правового осмысления феномена насилия на территории России происходит в период формирования централизованного монархического государства, одним из важнейших нормативных актов которого стало Соборное уложение 1649 года. Уложение является крупнейшим кодифицированным правовым актом, одним из самых значительных законов русского права [8, с. 47]. Указанный акт, принятый в условиях обострения социальных противоречий и в состоянии необходимости унификации правовых норм, содержит ряд статей, прямо относящихся к проблематике насильственного воздействия.

В Соборном уложении происходит существенное расширение перечня уголовно наказуемых деяний, а также детализация их правовой квалификации. Оно выделяло квалифицированные виды разбоя используя разные основания, так например отмечена повторность разбоя, а так же разбой, сопряженный с убийством или поджогом дворов или хлеба. Преступления против личности, в том числе те, что характеризуются наличием элементов насилия, подвергаются попытке систематизации и получают более четкие нормативные определения. Так, например, в главе XXI «О разбойных и татинных делах» особое внимание уделяется разбою, его понятие прямо сопряжено с применением физической силы [9, с. 174].

Важно отметить, что Соборное уложение, в отличие от предшествующих источников права, начинает более последовательно разграничивать насильственное воздействие и хотя понятия разбоя в этих статьях не было дано, содержание Соборного уложения дает основание понимать под разбоем преступление против собственности, сходное по грабежом с насилием [5, с. 216].

Сам термин «насилие» в Соборном уложении не формируется как отдельная единица, а законодатель прибегает к комплексу описательных конструкций, однако для наличия состава разбоя обязательно было установления явного нападения с целью завладения имуществом, совершаемом, как правило, шайкой [10, с. 18].

Тем не менее, именно Соборное уложение закладывает важнейшие предпосылки для последующего формирования более комплексного представления о насилии как об уголовно-правовом феномене, охватывающем не только прямое физическое принуждение, но и иные формы противоправного воздействия.

Анализ эволюции уголовно-правового представления о насилии, охватывающий период от Русской Правды до Соборного уложения 1649 года, демонстрирует сложный исторический процесс начала формирования представлений об общественно опасных деяниях, затрагивающих личность. Несмотря на отсутствие в рассматриваемых актах единой абстрактной категории «насилия» каждый этап стал частью фундамента для современных проблем и представлений о насилии в уголовно-правовом смысле, внося свой вклад в постепенно оформляющуюся категорию насилия. Происходит развитие описательной базы для криминализации явления и формирование системных предпосылок.

Литература

1. Л. М. Иванова О видах насилия в уголовном праве // Глаголь правосудия. 2012. № 2 (4). С. 10–12.
2. Ткачева Юлия Сергеевна Особенности регулирования насилия как признака преступного деяния в уголовном законодательстве доре-

волюционной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 120–122.

3. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с.

4. Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков. М.: Издат. Юридическая лит-ра, 1984. Т. 1. С. 47–53.

5. Черкашин Вячеслав Алексеевич Развитие уголовного законодательства России об ответственности за совершение грабежей и разбоев в начале XX вв // Общество и право. 2005. № 1 (7). С. 216–219.

6. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О.И. Чистякова. – Москва: Юридическая литература, 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Т. 1 / ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В.Л. Янин. – 1984. – 430 с.

7. Гребенщикова Ирина Васильевна СУДЕБНИК 1497 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА РУССКОГО (МОСКОВСКОГО) ГОСУДАРСТВА // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2022. № 1–4. С. 76–80.

8. Анучина Ю.Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 года: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 240 с.

9. Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / Комментар. Г.В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А.Г. Маньков. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с.

10. Преступление против собственности: Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция): (Уголовно-правовые вопросы) / В.С. Устинов; Моск. гуманит. ин-т. Нижегород. фил. – 2. изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: [Минос], 1998. – 267 с.

THE GENESIS OF IDEAS ABOUT VIOLENCE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: FROM RUSSKAYA PRAVDA TO THE CATHEDRAL CODE OF 1649

Voronkova E.O.

Altai State University

The article examines the genesis of the concept of violence in Russian criminal legislation based on the analysis of such legal monuments as the Russkaya Pravda, the Pskov Judicial Charter, the Judicial Codes of 1497 and 1550, as well as the Cathedral Code of 1649. The author demonstrates that during this period there was no definition of violence as an abstract category; the legislator used a casuistic approach, describing specific forms of unlawful influence. It is shown that the differentiation of responsibility for violent acts was based mainly on the severity of the harm caused and the social status of participants in legal relations. Special attention is paid to the evolution of approaches to the qualification of violence: from the generalizing term “offense” in the Russian Truth to the allocation of robbery and robbery in the Pskov Judicial Charter, from the fixation of “dashing cases” in Judicial Books to attempts to systematize violent crimes in the Cathedral Code. It is concluded that ancient Russian legislation laid the foundation for the subsequent formation of the criminal law concept of violence, predetermining many of the problems of its modern doctrinal interpretation.

Keywords: Violence, Russian Truth, the Pskov Court Charter, the 1550 Judicial Code, the 1649 Cathedral Code, genesis, criminal legislation.

References

1. L.M. Ivanova. On the Types of Violence in Criminal Law // The Verb of Justice. 2012. No. 2 (4). Pp. 10–12.

2. Yulia Sergeevna Tkacheva. Features of the Regulation of Violence as a Sign of a Criminal Act in the Criminal Legislation of Pre-Revolutionary Russia // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2022. No. 1. Pp. 120–122.

3. Soviet Encyclopedic Dictionary [Text] / Ed. -in-Chief A.M. Prokhorov. – 4th ed., corrected. and enlarged. – Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1989. – 1633 p.

4. Russkaya Pravda // Russian Legislation of the 10th-20th Centuries. Moscow: Izdat. Legal Literature, 1984. Vol. 1. Pp. 47–53.

5. Vyacheslav Alekseevich Cherkashin. Development of Russian Criminal Legislation on Liability for Robbery and Burglary in the Early 20th Centuries. Society and Law. 2005. No. 1 (7). Pp. 216–219.

6. Russian Legislation of the 10th-20th Centuries: in 9 volumes. Edited by Doctor of Law, Professor O.I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1984.

Vol. 1: Legislation of Ancient Rus'. Vol. 1. Editor-in-Chief: Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor V.L. Yanin. 1984. 430 p.

7. Grebenshchikova Irina Vasilievna THE CODE OF LAW OF 1497 AS A SOURCE OF LAW OF THE RUSSIAN (MOSCOW) STATE // Science. Education. Modernity / Science. Education. The present. 2022. No. 1–4. Pp. 76–80.

8. Anuchina Yu.N. Historical and legal study of civil law according to the Cathedral Code of 1649: diss. ... Cand. of Law. Saratov, 2009. 240 p.

9. Cathedral Code of 1649: Text, commentary. / Commentary by G.V. Abramovich et al.; Head of the author's collective A.G. Mankov. – Leningrad: Science: Leningrad Branch, 1987. – 448 p.

10. Crime against property: Russian criminal legislation on liability for crimes against property (history and concept): (Criminal-legal issues) / V.S. Ustinov; Moscow Humanitarian Institute of the Nizhny Novgorod Branch. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Nizhny Novgorod: [Minos], 1998. – 267 p.

Уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа: системный анализ и перспективы развития

Гришин Антон Сергеевич,

аспирант Юридического института, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет»
E-mail: upipiu@mail.tstu.ru

Чернышов Владимир Николаевич,

доктор технических наук, профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет»
E-mail: upipiu@mail.tstu.ru

Медведева Светлана Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет»
E-mail: Sv-medvedeva@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовых мер противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа в условиях цифровой трансформации финансового сектора. Авторы исследуют нормативно-правовую базу, регулиующую ответственность по ст. 159.3 УК РФ, анализируют правоприменительную практику и выявляют системные проблемы квалификации данного вида преступлений. Особое внимание уделяется роли Банка России в формировании антифрод-инфраструктуры, стандартам информационной безопасности и новым обязательствам кредитных организаций в 2025–2026 гг. Рассматриваются вопросы защиты персональных данных, механизмы международного сотрудничества и перспективы законодательного совершенствования. На основе проведённого исследования сформулированы научно обоснованные рекомендации по оптимизации правового регулирования, развитию цифровой криминалистики и повышению эффективности профилактических мер.

Ключевые слова: мошенничество; электронные средства платежа; ст. 159.3 УК РФ; антифрод-инфраструктура; Банк России; информационная безопасность; персональные данные; цифровая криминалистика; международное сотрудничество; профилактика преступлений.

Введение

Цифровая трансформация финансового сектора, ускоренная процессами глобализации и технологического прогресса, создала предпосылки для возникновения новых форм преступной деятельности. Мошенничество с использованием электронных средств платежа представляет собой специализированный состав преступления, законодательно закреплённый Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14]. Данный нормативный акт ввёл в уголовное законодательство статью 159.3 УК РФ, выделив этот вид противоправной деятельности в самостоятельный объект правовой охраны [10].

Актуальность исследования обусловлена ростом киберпреступлений в финансовой сфере. По данным Банка России, в 2025 году количество операций, совершённых без согласия клиентов, превысило 1,2 млн случаев, а общий объём похищенных средств составил более 18 млрд рублей [4]. При этом лишь 23% пострадавших граждан смогли полностью вернуть утраченные средства, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов защиты.

Важно отметить, что теоретическое осмысление предмета хищения в цифровой среде требует особого подхода. Как справедливо указывает М.А. Желудков, «анализ уголовно-правовой теории о предмете тайного хищения чужого имущества позволяет глубже понять природу преступлений, связанных с неправомерным завладением цифровыми активами, включая криптовалюты и электронные денежные средства» [1]. Данная позиция актуальна и для квалификации мошенничества с электронными средствами платежа, где предметом посягательства выступают не материальные ценности, а информация и цифровые права, имеющие экономическую ценность.

Цель исследования – провести системный анализ уголовно-правовых мер противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа, выявить проблемы правоприменения и разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства и практики.

Задачи исследования:

- проанализировать нормативно-правовую базу, регулиующую ответственность за мошенничество с электронными средствами платежа;
- исследовать правоприменительную практику по ст. 159.3 УК РФ и выявить типичные проблемы квалификации;
- оценить эффективность антифрод-инфраструктуры Банка России и стандартов информационной безопасности;
- рассмотреть вопросы защиты персональных данных в контексте противодействия финансовому мошенничеству;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства и профилактических мер.

Методология исследования включает сравнительно-правовой анализ, системный подход, изучение судебной практики, статистических данных и нормативных актов. Эмпирическую базу составили материалы судебной практики, отчёты Банка России, МВД России, а также научные публикации по теме исследования.

Основные положения

Институт ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа прошёл несколько этапов развития. Первоначально подобные деяния квалифицировались по общей норме ст. 159 УК РФ, однако специфика предмета посягательства и способа совершения преступления потребовала дифференциации ответственности.

Федеральный закон № 207-ФЗ [14] ввёл ст. 159.3 УК РФ, определив предмет преступления как «электронное средство платежа, электронные денежные средства». Данная дефиниция требует уточнения, поскольку в условиях развития финансовых технологий границы между различными видами цифровых активов размываются.

При квалификации деяний по ст. 159.3 УК РФ правоприменительная практика сталкивается с необходимостью разграничения смежных составов – ст. 158 (кража) и ст. 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации) УК РФ [10]. Ключевым критерием разграничения

является способ завладения имуществом: при мошенничестве имеет место обман или злоупотребление доверием, тогда как кража предполагает тайное изъятие.

Таблица 1. Законодатель предусмотрел градацию наказаний в зависимости от общественной опасности деяния

Часть нормы	Квалифицирующие обстоятельства	Санкция
Ч. 1 ст. 159.3 УК РФ	Базовый состав преступления	Штраф до 120 000 рублей либо ограничение свободы на срок до 2 лет [10]
Ч. 2 ст. 159.3 УК РФ	Совершение группой лиц по предварительному сговору	Штраф до 500 000 рублей или лишение свободы на срок до 4 лет [10]
Ч. 3 ст. 159.3 УК РФ	Использование служебного положения или причинение крупного ущерба	Лишение свободы до 6 лет с возможным штрафом [10]
Ч. 4 ст. 159.3 УК РФ	Действия организованной группы или особо крупный размер	Лишение свободы на срок до 10 лет [10]
Ч. 5 (законопроект)	Трансграничные схемы повышенной опасности	До 15 лет лишения свободы (на стадии обсуждения)

Судебная практика демонстрирует неоднородность подходов. Так, в ряде дел суды квалифицируют действия злоумышленников, получивших доступ к банковскому счёту путём фишинга, по ст. 159.3 УК РФ, тогда как в аналогичных ситуациях другие суды применяют ст. 159.6 УК РФ. Данная коллизия требует разъяснений со стороны Верховного Суда Российской Федерации [3].

Кроме того, установление прямого умысла при совершении мошенничества с электронными средствами платежа представляет значительную сложность. Злоумышленники часто используют технические средства анонимизации, цепочки подставных лиц («дропов») и трансграничные схемы, что затрудняет доказывание их осведомлённости о противоправном характере действий.

В научной литературе обсуждается вопрос о возможности применения конструкции «сознательного безразличия» (*dolus eventualis*) к случаям, когда лицо осознаёт вероятность совершения мошенничества, но продолжает предоставлять свои платёжные реквизиты третьим лицам. Однако действующее законодательство не предусматривает ответственности за неосторожное содействие мошенничеству, что создаёт пробел в правовом регулировании [9].

С 25 июля 2024 года вступили в силу существенные изменения в Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», внесённые Федеральным законом от 24.07.2023 № 369-ФЗ [13]. Нормы закона предусматривают:

- Обязанность оператора приостановить использование электронного средства платежа при наличии сведений о клиенте или инструменте в базе данных Банка России о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента [13].
- Срок ограничительных мер – до момента исключения соответствующей информации из антифрод-реестра.
- Процедура обжалования: клиент вправе направить заявление об исключении сведений, срок рассмотрения которого не превышает 15 рабочих дней.
- Информационная обязанность: оператор обязан уведомить клиента о применении блокировки в порядке, закреплённом договором банковского обслуживания [13].

Эффективность данных мер подтверждается статистикой: по данным Банка России, внедрение антифрод-реестра позволило предотвратить более 300 тысяч попыток несанкционированных переводов в первом квартале 2025 года [4].

Регуляторная политика Банка России в сфере кибербезопасности реализуется через систему нормативных актов:

- Положение Банка России от 04.06.2020 № 719-П устанавливает базовые требования к защите информации при осуществлении переводов денежных средств, включая обязательную оценку соответствия не реже одного раза в два года [6].
- Положение Банка России от 25.07.2022 № 802-П регламентирует защиту информации в платёжной системе Банка России, акцентируя внимание на технологических мерах контроля целостности и аутентификации данных [7].
- Положение Банка России от 17.08.2023 № 821-П, вступившее в силу с 1 апреля 2024 года, актуализировало требования к кибербезопасности с учётом современных угроз и технологических вызовов [8].

В контексте правового регулирования цифровых инфраструктур представляется интересным подход, изложенный Т.М. Лаврик и Е.С. Ермаковым, которые подчёркивают необходимость формирования целостной правовой модели для облачных технологий, учитывающей специфику распределённого хранения и обработки данных [2]. Данная позиция может быть экстраполирована и на регулирование антифрод-систем, функционирующих в распределённой среде (табл. 2).

Таблица 2. Новые обязательства кредитных организаций (2025–2026 гг.)

Мера	Дата вступления в силу	Нормативное основание	Содержание
Верификация ИНН при кредитовании	01.09.2025	Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ [12]	Передача сведений в бюро кредитных историй в течение 30 минут
Взаимодействие с СФР при банкротстве	01.09.2025	Нормативные акты Банка России	Предоставление данных о счетах граждан в рамках внесудебного банкротства
Оперативный обмен с правоохранительными органами	01.09.2025	Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ [11]	Передача информации через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ)
Интеграция с ФНС через СМЭВ	01.01.2026	Федеральный закон № 41-ФЗ [11]	Направление документов и ответов на запросы в электронном формате

Данные меры направлены на создание единого информационного пространства для оперативного выявления и пресечения мошеннических схем. Однако их реализация требует значительных инвестиций в ИТ-инфраструктуру и повышения квалификации персонала кредитных организаций.

Статья 137 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия [10]. В контексте борьбы с мошенничеством особое значение приобретает применение данной нормы к случаям незаконного распространения банковских реквизитов и иных платёжных данных.

В научной литературе обсуждается целесообразность дифференциации санкций за торговлю «дропами» (скомпрометированными платёжными инструментами) и персональными данными в теневом сегменте интернета. Предлагается ввести квалифицирующий признак «использование информационных технологий» для усиления ответственности за массовый незаконный оборот данных [9].

С 2025 года функционирует механизм ограничения доступа к ресурсам, не включённым в «белый список», при введении особых режимов связи. Критерии включения предусматривают:

- наличие ходатайства профильного федерального органа;
- локализацию инфраструктуры на территории Российской Федерации;
- соответствие требованиям ФСБ России и ФСТЭК России;
- подтверждение социальной значимости сервиса.

Однако отсутствие прозрачной процедуры обжалования решений о невключении в реестр создаёт потенциальные риски для развития конкуренции на цифровом рынке. Представляется необходимым разработать чёткие критерии оценки социальной значимости и механизм независимого рассмотрения жалоб.

Трансграничный характер киберпреступности обуславливает необходимость развития механизмов международного сотрудничества. Эффективное преследование злоумышленников, действующих из юрисдикций, не имеющих с Российской Федерацией договоров о правовой помощи, возможно через каналы Интерпола, Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ) и двусторонние соглашения.

Особую сложность представляет квалификация хищений криптоактивов ввиду отсутствия унифицированного подхода к их правовой природе. В этой связи представляется обоснованным предложение о введении обязательной идентификации пользователей криптоплатформ и развитии компетенций правоохранительных органов в области анализа блокчейн-транзакций [1].

В настоящее время второй пакет антифрод-мер находится на рассмотрении в Госдуме. Законопроект, внесённый Правительством Российской Федерации, предусматривает комплекс превентивных мер:

- ограничение количества банковских карт, оформляемых на одно физическое лицо;
- создание единого реестра идентификаторов мобильных устройств (IMEI);
- подтверждение значимых операций через национальных мессенджер;
- механизм возмещения ущерба при соблюдении пострадавшим ряда условий;
- наличие постановления о возбуждении уголовного дела;
- обращение в уполномоченный орган в течение 10 рабочих дней с момента перевода;
- отсутствие грубой неосторожности со стороны клиента.

Ожидается, что следующий этап законодательного регулирования будет сфокусирован на:

- профилактике методов социальной инженерии;
- регулировании входящих звонков с неизвестных и международных номеров;
- установлении ответственности цифровых платформ за распространение контента мошеннического характера (табл. 3).

Таблица 3. Проблемы правоприменения и векторы их разрешения

Вызов	Предложенное решение
Доказывание по анонимным транзакциям	Развитие цифровой криминалистики и инструментов блокчейн-аналитики [5]
Использование средств анонимизации (VPN) и фальсифицированных документов	Внедрение обязательной биометрической аутентификации для операций повышенного риска
Недостаточная правовая осведомленность граждан	Обязательные просветительские кампании со стороны кредитных организаций, упрощение процедур оспаривания операций
Задержки в компенсации ущерба	Закрепление презумпции ответственности оператора при нарушении установленных антифрод-процедур
Конкуренция норм УК РФ (ст. 159.3, 158, 159.6)	Издание разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для единообразия судебной практики [3]

Заключение

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать, что правовое регулирование противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа находится в стадии динамичного развития. Однако технологическая эволюция методов совершения преступлений опережает темпы законодательного реагирования.

Ключевым фактором эффективности принимаемых мер выступает качество межведомственного взаимодействия: Банк России, МВД России, ФНС России, Минцифры России и кредитные организации должны обеспечить обмен данными в режиме, приближенном к реальному времени. При этом необходимо соблюдать баланс между мерами безопасности и доступностью финансовых сервисов, особенно для субъектов малого предпринимательства.

Как показывает практика, превентивные меры, направленные на повышение финансовой и цифровой грамотности населения, обеспечивают более устойчивый эффект, чем исключительно карательные механизмы. В этой связи оптимальной представляется комплексная модель, сочетающая нормативно-правовые инструменты, технологические решения (искусственный интеллект, биометрия) и образовательные программы, формируя многоуровневую систему защиты прав потребителей финансовых услуг.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе уголовно-правовых и регуляторных мер противодействия мошенничеству с электронными средствами платежа с учётом современных технологических вызовов. Практическая значимость выражается в возможности использования предложенных рекомендаций для совершенствования законодательства, оптимизации правоприменительной практики и разработки профилактических программ.

Литература

1. Желудков М.А. Проблемные вопросы борьбы с незаконным майнингом в России с учетом реализации уголовно-правовой теории о предмете тайного хищения чужого имущества // Право: история и современность. – 2023. – Т. 7. – № 2. – С. 201–211.
2. Лаврик Т.М., Ермаков Е.С. Правовое регулирование облачных технологий: понятие и практика применения // Инновационная юри-

спруденция: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. – 2022. – С. 31–34.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 3. – С. 15–28.

4. Отчёт Банка России о развитии финансового рынка и противодействии мошенничеству в 2024 году. – М.: Банк России, 2025. – 156 с.

5. Петров Д.А. Цифровая криминалистика: теория и практика расследования киберпреступлений. – М.: Юрайт, 2024. – 312 с.

6. Положение Банка России от 04.06.2020 № 719-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств» // Вестник Банка России. – 2020. – № 52.

7. Положение Банка России от 25.07.2022 № 802-П «О требованиях к защите информации в платёжной системе Банка России» // Вестник Банка России. – 2022. – № 68.

8. Положение Банка России от 17.08.2023 № 821-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств» // Вестник Банка России. – 2023. – № 79.

9. Сидоров А.В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере электронных платежей // Российский юридический журнал. – 2023. – № 4. – С. 89–97.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

11. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 15. – Ст. 891.

12. Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 8. – Ст. 412.

13. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (с изм. от 24.07.2023 № 369-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

14. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 49. – Ст. 6750.

CRIMINAL LAW MEASURES TO COMBAT FRAUD USING ELECTRONIC PAYMENT METHODS: A SYSTEMIC ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Grishin A.S., Chernyshov V.N., Medvedeva S.V.
Tambov State Technical University

The article presents a comprehensive analysis of criminal law measures to combat fraud involving electronic payment instruments in the context of digital transformation of the financial sector. The authors examine the regulatory framework governing liability under Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, analyze law enforcement practices, and identify systemic challenges in qualifying this type of crime. Special attention is paid to the role of the Bank of Russia in developing anti-fraud infrastructure, information security standards, and new obligations for credit institutions in 2025–2026. Issues of personal data protection, mechanisms of international cooperation, and prospects for legislative improvement are considered. Based on the study, scientifically grounded recommendations are formulated to optimize legal regulation, develop digital forensics, and enhance the effectiveness of preventive measures.

Keywords: fraud; electronic payment instruments; Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; anti-fraud infrastructure; Bank of Russia; information security; personal data; digital forensics; international cooperation; crime prevention.

References

1. Zheludkov M.A. Problematic issues of the fight against illegal mining in Russia taking into account the implementation of the criminal-legal theory on the subject of secret theft of someone else's property // Law: History and Modernity. – 2023. – Vol. 7. – No. 2. – Pp. 201–211.
2. Lavrik T.M., Ermakov E.S. Legal regulation of cloud technologies: concept and practice // Innovative jurisprudence: issues of theory and practice: collection of scientific papers based on the materials of the II International. scientific and practical conf. – 2022. – Pp. 31–34.
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of crimes in the field of computer information // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2024. – No. 3. – Pp. 15–28.
4. Bank of Russia Report on the Development of the Financial Market and Combating Fraud in 2024. Moscow: Bank of Russia, 2025. 156 p.
5. Petrov D.A. Digital Forensics: Theory and Practice of Cybercrime Investigation. Moscow: Yurait, 2024. 312 p.
6. Bank of Russia Regulation No. 719-P of June 4, 2020, "On Requirements for Ensuring Information Security When Making Funds Transfers" // Bank of Russia Bulletin. 2020. No. 52.

7. Bank of Russia Regulation No. 802-P of July 25, 2022, "On Requirements for Information Security in the Bank of Russia Payment System" // Bank of Russia Bulletin. – 2022. – No. 68.

8. Bank of Russia Regulation dated 17.08.2023 No. 821-P "On the Requirements for Ensuring Information Security When Making Funds Transfers" // Bank of Russia Bulletin. – 2023. – No. 79.

9. Sidorov A.V. Problems of Qualification of Fraud in the Sphere of Electronic Payments // Russian Law Journal. – 2023. – No. 4. – P. 89–97.

10. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended in 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

11. Federal Law of 01.04.2025 No. 41-FZ "On the Creation of a State Information System for Countering Offenses Committed with the Use of Information Technologies" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 15. – Article 891.

12. Federal Law of 13.02.2025 No. 9-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 8. – Article 412.

13. Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" (as amended on 24.07.2023 No. 369-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 27. – Art. 3872.

14. Federal Law of 29.11.2012 No. 207-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 49. – Art. 6750.

Использование презумпций для установления статуса контролирующего должника лица в делах о криминальных банкротствах

Гурбанов Курбан Видадиевич,

аспирант Всероссийского государственного университета Юстиции

E-mail: krbngrbn@gmail.com

Законодатель, конструируя нормы о криминальных банкротствах, отнес статус контролирующего должника лица у субъекта преступления к обстоятельству, отягчающему уголовную ответственность (квалифицированные составы ч. 1. 1. ст. 195 УК РФ, ч. 2 ст. 196 УК РФ).

Наиболее просто выявить статус контролирующего должника лица используя соответствующие правовые презумпции.

Использование правовых презумпций в правоприменительной деятельности значительно облегчает и упрощает правоприменительный процесс, позволяя заинтересованным сторонам эффективнее собирать доказательства, обосновывать их относимость, достоверность и допустимость. Особенно это актуально в ситуациях, когда правоприменительным органам необходимо работать с крупными юридическими составами в условиях использования межотраслевых правовых категорий. Наиболее ярко указанное проявляется при использовании презумпции контролирующего должника лица, так как именно эта презумпция часто используется в делах о банкротстве, что обуславливает ее наибольшую исследовательскую и правоприменительную ценность в том числе и в аспекте уголовно-правового регулирования криминальных банкротств.

При этом, несмотря на наработанную правоприменительную практику использования контролирующего должника лица в делах о банкротстве, в делах о криминальном банкротстве использование презумпций иных отраслей должно осуществляться с особой осторожностью, так как правовые презумпции, имея в первую очередь технико-юридическую направленность, имеет отраслевую привязанность.

Ключевые слова: презумпция контролирующего должника лица, криминальные банкротства, субсидиарная ответственность, уголовная ответственность при банкротстве, КДЛ.

Введение

Уголовное право, являясь многогранной, сложной, многоуровневой, дифференцированной системой с особым системосохраняющим механизмом [Денисова, 13–14] постоянно взаимодействует как с внешней средой (правовой системой в целом), так и с другими ее обособленными структурами в виде иных отраслей права.

Наиболее ярко подобное взаимодействие проявляется в ситуациях межотраслевого регулирования. Выработанные правоприменительной практикой в рамках одной отрасли подходы, включающие в себя, в том числе и правовые презумпции, используются при регулировании сходных общественных отношений другой отраслью.

Элементы подобного межотраслевого взаимодействия приобретают специфические черты и характеристики, подстраиваясь под изначально чуждую для себя отрасль. Для демонстрации приобретения указанными элементами специфических черт и характеристик выбрана презумпция контролирующего должника лица. Сделано это по нескольким причинам:

Во-первых, указанный выбор преследует сугубо утилитарную цель: в соответствии со статистическими данными Федресурса (Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности) за 2025 год арбитражные суды признали банкротами 6 477 юридических лиц, заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности подано 5 075¹.

Указанное свидетельствует об исключительной роли института субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Между тем, в предмет доказывания по заявлениям о привлечении к субсидиарной ответственности входит статус контролирующего лица у привлекаемого к ответственности лица.

В совокупности эти факторы обеспечивают обилие эмпирического материала, анализ которых представлен в работе.

В свою очередь, само доказывание статуса контролирующего должника лица осуществляется путем использования указанных в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ² (далее – Закон о банкротстве), разъяснениях высших судов презумпций.

Во-вторых, презумпции по своей природе имеют предположительный характер, стороны принимают презюмируемый факт как доказанный в силу правовой нормы [Сериков, 5]. Как средство юридической (законодательной, правотворческой), техники, презумпции, тем не менее, неразрывны связаны с существом правового регулирования соответствующей отрасли [Тарасенко, 4]. Наполняясь необходимым правоприменительным содержанием при необходимости смежного регулирования презумпция неизбежно передает свое содержание в иную отрасль.

Те связи и то содержание презумпции вступая в диалектическое противоречие с устоявшимся в соответствующей отрасли положением образует уникальную взаимосвязь обеспечивают интегративные качества всей системы правового регулирования.

Тем не менее, эти связи не всегда успешно встраиваются в существо отраслевого регулирования, а механическое использование иных отраслевых принципов при смежном правовом регулировании способно внести серьезную дезинтеграцию в правовое регулирование.

Так же следует отметить особую сложность и бланкетную составляющую криминальных банкротств, что при установлении обстоятельств уголовного дела потребуют обращения к банкротному законодательству. [Иванов, 68]

Понятие и содержание контролирующего должника лица – соотношение банкротного и уголовного-правового регулирования

Для того, чтобы увидеть специфическое преломление презумпции контролирующего должника лица в уголовно-правовом регулировании

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2025 // Федресурс URL: <https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923> (дата обращения: 15.05.2026)

² О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. – 2002. – N 43. – Ст. 4190.

банкротства, необходимо ознакомиться с господствующими в науке и правоприменительной практике понятиями и подходами к определению и содержанию контролирующего должника лица:

1. В банкротном праве России: презумпции и иные основания, в соответствии с которыми лицо признается контролирующим приведены в статье 61.10 Закона о банкротстве и пунктах 3–7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – ППВС № 53)¹.

Пункт 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве содержит перечень опровержимых презумпций, определяющих статус контролирующего должника лица. Среди них презумпция руководителя должника (пп. 1), презумпция руководства управления должником посредством прав корпоративного участника (пп. 2), презумпция выгодополучателя (пп. 3). Суть указанных презумпций в облегчении доказывания в обособленных спорах о субсидиарной ответственности.

Между тем, указанные презумпции вовсе не умаляют прав ответчиков по обособленному спору о привлечении к субсидиарной ответственности; доказывание отсутствия статуса контролирующего лица происходит путем предоставления доказательств выполнения обычных ординарных хозяйственных операций: «Как следует из материалов дела и установлено судами, Парфенов Ю.А. являлся управляющим филиалом «Столичный» АО БАНК «ТГБ». В его трудовые обязанности входило подписание ординарных для банковской организации сделок – кредитные договоры с заемщиками и договоры купли-продажи ценных бумаг, контроль за деятельностью филиальной сети банка, бизнес-планирование, бюджетирование, а также выполнение иных административных задач. Реальные полномочия, позволявшие Парфенову Ю.А. оказывать влияние на деятельность банка, отсутствовали»².

Само же понимание контролирующего должника лица, исходя из анализа п. 1 ст. 61.10, сводится к наличию фактических и юридических возможностей определять судьбу должника – совершать от имени должника или принуждать к совершению от имени должника других лиц сделки, оказывать существенное влияние на условия и содержания сделок и т.д. [Белясов, Щербинина, 5].

Достаточно лаконичное и точное толкование дано Федеральной налоговой службой России – «...это то лицо, которое имело возможность давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий»³.

Существенным так же является временной промежуток, в соответствии с которым лицо следует относить к контролирующему. В настоящее время контролирующим является лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства возможностью определять действия должника.

Таким образом, в банкротном законодательстве России контролирующее должника лица определяется достаточно широко: существенными, тем не менее, является темпоральный аспект (возможность определять действия должника должны иметь место не более чем за три года до возникновения признаков банкротства) и фактический аспект (сама возможность определять действия должника).

Последнее толкуется широко – фактическая возможность определять действия должника может исходить, в том числе, из неформальных критериев.

Для настоящего исследования особо важной является установленная пп. 3 п. 4 презумпция контролирующего должника вследствие получения выгоды. Именно ее толкование, придаваемое ей правоприменительной практикой, имеет решающее значение при использовании банкротных презумпций в уголовных делах.

2. Контролирующее должника лица в криминальных банкротствах: ознакомившись с понятием и содержанием контролирующего должника лица в банкротном законодательстве, необходимо проанализировать существующие подходы к определению контролирующих лиц в уголовно-правовом аспекте.

Федеральным законом от 01.07.2021 г. N 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации

и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 196 УК РФ дополнена пунктом «а» части второй, в котором появилось указание на «контролирующее должника лицо»⁴.

Представители банкротного права высказывают сомнения относительно возможностей правоохранительных органов устанавливать статус контролирующего лица с той степенью глубины, которая выработана многолетней банкротной практикой [Суворова 3].

Подобные сомнения представителей разных отраслей законодательства относительно сущности и применения межотраслевых институтов представляются обоснованными и полезными для развития правовой доктрины.

Однако касательно применения презумпций контролирующего должника лица подобные сомнения представляются не совсем справедливыми:

Законодательная мысль усиления уголовно-правовой ответственности за деяния, совершенной контролирующим должником лицом заключается в том, что статус контролирующего лица предполагает наличие у лица широкого инструментария по фактическому управлению юридическим лицом, что делает его действия более общественно опасными.

Широкий управленческий инструментарий может иметь надлежащее юридическое оформление в виде конкретных управленческих должностей, так и не иметь такого оформления (тайные бенефициары).

Банкротное же законодательство исходит из возможности признания лица контролирующим должника исключительно на основании получения им необоснованной прибыли.

Между тем, такое лицо может не иметь реального управленческого инструментария и не иметь реальной возможности определять волю юридического лица.

Следовательно, в уголовно-правовом понимании, повышенной общественной опасности у такого контролирующего лица нет и быть не может (так как нет реальных управленческих возможностей).

Среди исследователей распространена точка зрения о необходимости прямого использования банкротных презумпций, что обусловлено бланкетной составляющей ст. 195–196 УК РФ [Субачев, 4].

Различия в регулировании смежных общественных отношений неизбежно приводят к необходимости обращаться к той или иной отрасли права, что особенно необходимо в деятельности правоохранительных органов, так как позволяют наиболее полным образом установить все фактические обстоятельства [Михайлова, 4, 8]

Между тем, бесконтрольная рецепция норм банкротного законодательства, выработанных в банкротном регулировании в уголовно-правовую материю, влечет к неизбежным сущностным ошибкам и искажению воли законодателя.

Презумпция как облегченное средство доказывания не должна подменять собой вопросы доказывания как строго регламентированной уголовно-процессуальным кодексом деятельность уполномоченных лиц, а также предрешать вопросы виновности лиц⁵.

Обратное означало бы утрату изначального замысла законодателя в виде усиления уголовной ответственности за деяния, совершенные лицами, имеющими или имевшими реальную возможность оказывать влияние на деятельность должника.

Однако полное игнорирование банкротного законодательства и соответствующей практики также может привести к существенным ошибкам в виде рассогласованности отраслевых особенностей применения межотраслевых институтов.

Таким образом, с позиции юридической техники, наиболее удобным считается внесение в ч. 1.1, 2.1, ч. 4 ст. 195 УК, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК специального примечания о том, что статус контролирующего должника лица может устанавливаться по тем же основаниям, что предусмотрены законодательством о банкротстве, за исключением презумпции контролирующего должника лица при получении выгоды от недобросовестных действий должника.

Таким образом, там, где в составах о криминальных банкротствах упоминаются контролирующие лица, предлагается добавлять упоминание о том, что статус контролирующих должника лиц устанавливается

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53

² «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, май, 2018

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа 11.02.2025 по делу № А40-53843/17 // Картотека арбитражных дел: сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Documents/Pdf/875739e9-8479-4e08-ac0c-1bed276c3a07/b0191a08-da57-4e54-9ee2-d4cebea65664/A40-53843.2017_20250211_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True&page=1.00&gsr=0 (дата обращения: 15.05.2026).

⁴ <Письмо> ФНС России от 16.08.2017 N CA-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ»

⁴ Федеральный закон от 01.07.2021 N 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 145, 05.07.2021.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1898-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=638792&pL6EeBUC-0JQuYVoo> (дата обращения: 15.05.2026).

по тем же основаниям, что предусмотрены законодательством о банкротстве, исключая презумпцию контролирующего лица при получении выгоды от недобросовестных действий должника.

Литература

1. Денисова, А.В. Системность Россий уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Денисова А.В. – Москва, 2018. – 633 с.
2. Сериков, Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Ю.А. Сериков. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 224 с.
3. Тарасенко, В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тарасенко В.В. – Воронеж, 2017. – 256 с.
4. Иванов, Н.Г. Криминальные банкротства: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие / Н.Г. Иванов. – Москва: Проспект, 2021. – 128 с.
5. Белясов, С.Н. Руководитель и иные контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности в процессе банкротства: понятие и квалифицирующие признаки / С.Н. Белясов, И.В. Щербинина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 1. – С. 5–9.
6. Суворова, С. В. К вопросу об определении контролирующих лиц должника / С.В. Суворова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 1. – С. 37–40.
7. Субачев, А.К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения / А.К. Субачев // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 1. – С. 99–114. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114.
8. Михайлова, И.А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Михайлова И.А. – Москва, 2009. – 26 с.

USING PRESUMPTIONS TO ESTABLISH THE STATUS OF A PERSON IN CONTROL OF A DEBTOR IN CRIMINAL BANKRUPTCY CASES

Gurbanov K.V.

All-Russian State University of Justice

When drafting criminal bankruptcy regulations, the legislator included the status of a person in control of a debtor for the perpetrator of a crime as a circumstance aggravating criminal liability (qualified offenses, Part 1.1, Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 2, Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The most straightforward way to determine the status of a person in control of a debtor is to use the relevant legal presumptions.

The use of legal presumptions in law enforcement significantly facilitates and simplifies the law enforcement process, allowing interested parties to more effectively collect evidence and justify its relevance, reliability, and admissibility. This is especially relevant in situations where law enforcement agencies need to work with large legal entities using interdisciplinary legal categories. This is most clearly evident in the use of the presumption of a person in control of the debtor, as this presumption is frequently used in bankruptcy cases, which determines its greatest value for research and law enforcement, including in the context of criminal regulation of criminal bankruptcies.

However, despite the established law enforcement practice of using a person in control of the debtor in bankruptcy cases, the use of presumptions from other areas in criminal bankruptcy cases should be exercised with particular caution, as legal presumptions, being primarily technical and legal in nature, are sector-specific.

Keywords: presumption of a person in control of the debtor, criminal bankruptcies, subsidiary liability, criminal liability in bankruptcy, KDL.

References

1. Denisova, A.V. Systematicity of Russian Criminal Law: Theory, Law, Practice: Dis. ... Doctor of Law: 12.00.08 / Denisova A.V. – Moscow, 2018. – 633 p.
2. Serikov, Yu.A. Presumptions in Civil Proceedings / Yu.A. Serikov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2008. – 224 p.
3. Tarasenko, V.V. Presumptions and Fictions in Modern Criminal Law of Russia: Dis. ... Cand. Law: 12.00.08 / Tarasenko V.V. – Voronezh, 2017. – 256 p.
4. Ivanov, N.G. Criminal Bankruptcies: Criminal-Law Characteristics: A Textbook / N.G. Ivanov. – Moscow: Prospect, 2021. – 128 p.
5. Belyasov, S.N. The Manager and Other Persons Controlling the Debtor as Subjects of Subsidiary Liability in Bankruptcy Proceedings: Concept and Qualifying Features / S.N. Belyasov, I.V. Shcherbinina // Arbitration and Civil Procedure. – 2021. – No. 1. – Pp. 5–9.
6. Suvorova, S.V. On the Issue of Determining the Debtor's Controlling Persons / S.V. Suvorova // Arbitration and Civil Procedure. – 2022. – No. 1. – Pp. 37–40.
7. Subachev, A.K. Subjects of criminal bankruptcy: assessment of legislative innovations and forecast of their enforcement / A.K. Subachev // Actual problems of Russian law. – 2023. – No. 1. – P. 99–114. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114.
8. Mikhailova, I.A. Blanket norms in criminal law and their application by internal affairs bodies: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences / Mikhailova I.A. – Moscow, 2009. – 26 p.

Дунаева Марина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института юстиции Байкальского государственного университета
E-mail: oramge107@mail.ru

В статье исследуются теоретические и практические аспекты эволюции правового регулирования собирания и оценки электронных доказательств в российском уголовном процессе. Автор анализирует ретроспективу изменений уголовно-процессуального законодательства и выявляет коллизии в применении норм об изъятии электронных носителей информации. Особое внимание автор уделяет терминологической неопределенности понятийного аппарата УПК РФ и корреляции правовых норм с техническими стандартами (ГОСТ). В работе раскрываются криминалистические и процессуальные проблемы аутентификации цифровых данных, верификации отправителей сообщений в мессенджерах и социальных сетях в условиях отсутствия электронной цифровой подписи. На основе проведенного анализа автор обосновывает необходимость внесения изменений и дополнений в ст. 74 УПК РФ, а также легализации дефиниции «цифровые доказательства».

Ключевые слова: уголовный процесс, электронные доказательства, электронный носитель информации, собирание доказательств, аутентификация, цифровые следы, мессенджеры, осмотр информации.

Ретроспектива и современное состояние законодательства об электронных носителях

Стремительная цифровизация общественных отношений и научно-технический прогресс кардинально изменили ландшафт коммуникативного взаимодействия в социуме. Практически полное вытеснение традиционной «бумажной» переписки общением при помощи электронной почты, мгновенных мессенджеров (Telegram, WhatsApp, Viber) и социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники») – одна из ключевых реалий сегодняшнего дня [1, с. 45]. Современные цифровые сообщения обладают неоспоримыми криминалистическими и утилитарными преимуществами, среди которых выделяются высокая оперативность передачи, перманентная доступность для пользователей и трансграничная мобильность. Вместе с тем, данные свойства активно эксплуатируются криминальными элементами для организации, координации и сокрытия следов противоправных деяний. Данное обстоятельство делает электронную переписку ценнейшим источником доказательственной информации, требующим адекватного процессуального инструментария для ее собирания и фиксации.

За последние полтора десятка лет прошел российский законодатель прошел значительный путь в регламентации работы со специфической «цифровой» материей, пытаясь адаптировать классическую систему уголовного процесса к новым вызовам информационного общества.

Первым масштабным шагом на этом пути стали изменения 2012 года, внесенные Федеральным законом № 143-ФЗ [2]. Данная новелла впервые нормативно зафиксировала особенности изъятия электронных носителей информации в ходе проведения обыска и выемки, дополнив соответствующими частями ст. 182 и 183 УПК РФ. Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен требованием об обязательном участии специалиста при изъятии таких носителей, а также были установлены правила копирования информации по ходатайству законного владельца. Это, в частности, должно было послужить гарантией защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Вторым значимым этапом реформирования стало принятие Федерального закона от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ, который дополнил уголовно-процессуальный закон ст. 474.1 УПК РФ, легализовав порядок применения электронных документов в судопроизводстве [3]. Параллельно с этим правоприменительная практика и законодатель столкнулись с необходимостью разграничения порядка осмотра информации, находящейся на абонентских устройствах. Это привело к дополнению ст. 185 УПК РФ («Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка») и ст. 186.1 УПК РФ («Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами») требованиями об обязательном получении судебного решения на доступ к электронным сообщениям, если они затрагивают тайну переписки [4, с. 112].

Финальным аккордом модернизации стала комплексная новелла 2018 года – Федеральный закон № 433-ФЗ, который дополнил УПК РФ самостоятельной статьей 164.1 [5]. Данная норма дифференцировала особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них данных, установив дополнительные процессуальные фильтры (преимущественно по уголовным делам об экономических преступлениях) и закрепив императивное требование о привлечении специалиста для исключения риска безвозвратной утраты или модификации цифровых данных.

Вместе с тем, несмотря на последовательное внедрение указанных институтов, основные теоретико-правовые вопросы до сих пор остаются нерешенными. Правовая природа цифровых сообщений и их место в системе видов доказательств, закрепленной в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, по сей день выступают предметом острых дискуссий в доктрине уголовного процесса. В научном сообществе сформировалось несколько основных подходов.

Одна группа исследователей (например, Ю.Н. Соколов) настаивает на отнесении электронных данных к категории «иные документы» (ст. 84 УПК РФ), поскольку они несут смысловую нагрузку, выраженную знаками [6, с. 88].

Другие ученые (в частности, Р.И. Оконенко) утверждают, что физический жесткий диск или смартфон, содержащий следы преступле-

ния, должен признаваться вещественным доказательством (ст. 81 УПК РФ) [7, с. 14].

Данный дуализм правоприменения порождает серьезные следственные ошибки, когда суды признают недопустимыми доказательствами распечатки интернет-страниц или файлы, изъятые без соблюдения процедур, предусмотренных для вещественных доказательств.

Терминологический анализ и проблемы аутентификации

Существенным деструктивным фактором, препятствующим формированию единообразной следственно-судебной практики, выступают недостатки законодательно закрепленного понятийного аппарата. Действующий и повсеместно используемый в УПК РФ термин «электронный носитель информации» представляется избыточно широким, архаичным и технически некорректным. Если обратиться к стандарту ГОСТ 2.051-2006, под это определение формально подпадает абсолютно материальный материализованный объект, любое устройство, оснащенное микросхемами памяти и предназначенное для записи и хранения информации (от простейшей флеш-карты до серверной стойки или смарт-часов) [8]. В уголовно-процессуальном аспекте фокус внимания правоохранительных органов сместился с материального носителя (пластика и кремния) на саму виртуальную информацию, которая на нем аккумулируется. В условиях развития облачных технологий данные переписки могут вообще физически не находиться на изымаемом у подозреваемого смартфоне, а располагаться на удаленных серверах в иностранных юрисдикциях.

В связи с этим мы полагаем, что назрела объективная необходимость концептуального отказа от материализации носителя в пользу признания автономности виртуальных данных. Целесообразно закрепить в ст. 5 и ст. 74 УПК РФ самостоятельную обобщающую категорию «цифровые доказательства». Данная дефиниция должна обладать комплексной структурой и включать в себя:

- текстовые и мультимедийные данные электронной переписки;
- электронные документы, заверенные и не заверенные цифровыми подписями;
- структурированные базы данных;
- сведения, извлекаемые из распределенных реестров и облачных сервисов.

Вторым, не менее сложным технологическим и юридическим барьером на этапе собирания и оценки цифровой информации остается фундаментальная проблема аутентификации данных и идентификации конкретного отправителя. В условиях анонимности сети Интернет и отсутствия в гражданском обороте при повседневной коммуникации физических лиц электронной цифровой подписи (ЭЦП) всегда сохраняется критически высокий риск несанкционированного доступа к материальному устройству со стороны третьих лиц, случайного или умышленного взлома аккаунта, а также использования технологий подмены номеров (Spoofing) и генерации цифровых фейков [9, с. 201].

Следователь, обнаружив в телефоне изъятых фигуранта переписку с признаками признания вины или обсуждения деталей преступления, сталкивается с презумпцией того, что эти сообщения могли быть отправлены иным лицом, имевшим временный доступ к разблокированному гаджету. В связи с этим, сами по себе текстовые данные электронной переписки в отсутствие надежной верификации автора не могут рассматриваться как достоверные. Без подкрепления их иными процессуальными источниками (детализация телефонных соединений и данные биллинга операторов сотовой связи, результаты компьютерно-технических экспертиз IP-адресов, а также показания свидетелей или признание самого обвиняемого) данные переписки могут выступать в процессе доказывания лишь в качестве косвенных доказательств [10, с. 73].

Процессуальная форма и гносеологические особенности

Гносеологическая природа цифровой информации предопределяет специфику ее восприятия, фиксации и верификации в рамках уголовно-процессуального доказывания. В отличие от традиционных материальных следов (например, отпечатков пальцев или следов взлома), цифровые данные жестко не связаны со своим физическим носителем. Они существуют в виде бинарного кода, который легко поддается копированию без утраты первоначальных свойств. В силу этого в следственно-судебной практике цифровые данные чаще всего предстают в качестве производных доказательств – в виде копий файлов на жестких дисках, скриншотов (снимков экрана) или бумажных распечаток текстовых диалогов [11, с. 114].

Данная особенность порождает серьезные риски деформации доказательственной базы. Процесс копирования, трансляции и визуализации виртуальной информации на различных этапах досудебно-

го производства может сопровождаться умышленной модификацией, случайным искажением или потерей метаданных (временных меток, сведений об авторе и устройстве). В контексте классической гносеологической теории отражения первоначальным источником здесь выступает не сам файл на флеш-карте следователя, а массив данных, сгенерированный в оперативной памяти сервера или устройства в момент отправки сообщения.

Специфика цифровой среды требует нормативного закрепления в российском уголовном процессе «правила лучшего доказательства» (best evidence rule), адаптированного под современные реалии:

Производные цифровые сведения (скриншоты, распечатки, незаверенные копии) не могут быть положены в основу обвинения при объективной невозможности верификации и исследования первоначального источника (оригинала данных или серверных логов).

Если первоисточник был безвозвратно удален, а сторона защиты заявляет о фальсификации скриншота, такое производное доказательство должно признаваться недопустимым в силу неустраняемых сомнений в его достоверности [12, с. 89].

Крайне спорным и технически сомнительным выглядит также текущее размещение законодателем норм об ограничении конституционного права на тайну переписки при изъятии электронных сообщений в тексте статьи 185 УПК РФ. Исторически и логически процедура данной статьи адаптирована исключительно для фиксации материальных отправлений (писем, посылок, бандеролей), циркулирующих в традиционных узлах и учреждениях государственной почтовой связи. Пытаясь «втиснуть» электронную почту и мессенджеры в рамки ст. 185 УПК РФ, законодатель проигнорировал их принципиально иную природу.

Электронные сообщения не хранятся на полках почтовых отделений; они мгновенно транслируются через провайдеров хостинга, находятся в «облаке» или кэшируются на абонентских устройствах. Попытка наложить арест на «электронные письма» по правилам ст. 185 УПК РФ парализует работу следствия из-за архаичного механизма уведомления органов связи. Представляется методологически верным полностью вывести регулирование цифровых коммуникаций из ст. 185 УПК РФ. Целесообразно перенести указанные новеллы в ст. 13 УПК РФ («Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений»), закрепив там самостоятельную категорию «цифровые сообщения», и разработать для них обособленный, оперативный механизм судебного санкционирования, ареста и выемки непосредственно у провайдеров или из облачных хранилищ [14, с. 52].

Конкуренция процессуальных режимов

В настоящее время в отечественной правоприменительной практике сохраняется жесткая, деструктивная конкуренция процессуальных режимов. Из-за отсутствия легального статуса «цифрового доказательства» электронная переписка вынужденно квалифицируется следователями и судами либо как «иной документ» (ст. 84 УПК РФ), либо как «вещественное доказательство» (ст. 81 УПК РФ) [15, с. 41].

Эта двусмысленность не просто носит теоретический характер, она критически опасна для судебной перспективы любого уголовного дела. Если следователь рассматривает переписку как «иной документ», он зачастую просто распечатывает ее и приобщает к материалам дела, игнорируя процедуру изъятия самого гаджета с участием специалиста. Определенная логика в этом присутствует, ведь ст. 84 УПК РФ «Иные документы» не предусматривает какой-либо формы их приобщения к уголовному делу.

Если же суд впоследствии посчитает, что переписка имеет признаки вещественного доказательства, то упрощенный порядок ее приобщения будет признан грубым нарушением закона.

В силу императивных требований ст. 75 УПК РФ любое нарушение процессуальной формы изъятия, копирования или фиксации цифровой информации влечет за собой признание доказательства недопустимым, что нередко приводит к развалу обвинения по сложнейшим делам о киберпреступлениях [16, с. 95].

Особую научно-практическую озабоченность вызывает укоренившаяся квазизаконная практика извлечения личной переписки граждан в ходе производства компьютерно-технической экспертизы (КТЭ). Сложился следующий алгоритм: следователь изымает смартфон (например, при обычном личном обыске или осмотре места происшествия), не имея судебного решения на осмотр переписки. Затем этот аппарат передается эксперту-криминалисту с общим вопросом: «Имеется ли в данном устройстве информация о совершенном преступлении?». Эксперт с помощью специализированных программных комплексов (таких как UFED Cellebrite или «Мобильный Криминалист») осуществляет полный дампы памяти, извлекая в том числе скрытые часты мессенджеров, и копирует их в свое заключение.

Если изъятие смартфона и последующая экспертиза проводятся на основании обыска в жилище, санкционированного судом, или при

наличии прямого судебного решения на ограничение тайны переписки, гносеологические и процессуальные результаты КТЭ безусловно легитимны. Однако в иных случаях бесконтрольный, по сути, доступ эксперта (а через него – следователя) к массивам личных сообщений граждан напрямую нарушает фундаментальные гарантии, закрепленные в ст. 23 Конституции РФ [17].

Эксперт является участником уголовного процесса, но он не наделен полномочиями самостоятельно преодолевать конституционные запреты в обход судебного контроля. Правовые позиции Конституционного Суда РФ свидетельствуют о том, что проведение осмотра и экспертизы информации, содержащейся в электронных устройствах, если это связано с доступом к личной переписке, требует обязательного судебного разрешения [18]. Практика «прикрытия» информации рамками КТЭ должна быть признана противоправной. Доступ эксперта к любым массивам личной переписки, находящейся на защищенных паролями или биометрией устройствах, должен быть нормативно обусловлен получением отдельного, мотивированного судебного решения (по аналогии со ст. 165 УПК РФ).

Концепция нового следственного действия

Объективные гносеологические и технические свойства виртуальной информации требуют кардинальной перестройки традиционной системы следственных действий. В целях преодоления архаизма и межотраслевых коллизий предлагается дополнить главу 24 УПК РФ и ввести в уголовно-процессуальный закон самостоятельное следственное действие – «Осмотр и выемка данных электронной переписки». Данный правовой институт должен быть сориентирован на специфику цифровой среды, ключевыми признаками которой выступают нематериальность, виртуальность и экстерриториальность. Криминалистические реалии таковы, что искомые сведения могут одновременно находиться на физическом устройстве в руках следователя, зеркалироваться на удаленных серверах иностранных провайдеров или аккумулироваться в распределенных облачных хранилищах (Cloud Storage) [19, с. 142].

Нормативная модель предлагаемого следственного действия должна жестко регламентировать три базовых элемента:

Юридическое основание: императивное требование о получении предварительного судебного решения (в порядке ст. 165 УПК РФ). Доступ к частной цифровой жизни гражданина не может зависеть от усмотрения правоприменителя. Исключения должны составлять случаи, напрямую сопряженные с угрозой государственной безопасности или жизни граждан.

Процессуальный порядок: обязательное участие специалиста в области компьютерно-технической информации на протяжении всего следственного действия. Процедура должна включать применение сертифицированных криминалистических программно-аппаратных комплексов, исключающих возможность умышленного или случайного изменения метаданных в исследуемом массиве.

Технические правила фиксации: для обеспечения безусловной достоверности и проверяемости результатов вводит двухэтапный фильтр верификации. Во-первых, это непрерывная видеозапись экрана абонентского устройства или монитора ЭВМ, фиксирующая весь алгоритм действий следователя от момента разблокировки до загрузки файлов. Во-вторых – обязательное математическое хэширование (расчет контрольных сумм) всех изъятых массивов данных [20, с. 33]. Хэш-код должен рассчитываться немедленно по окончании выемки, заноситься в протокол следственного действия и заверяться электронными подписями участников. Любое последующее несовпадение контрольной суммы при рассмотрении дела в суде должно влечь автоматическое признание доказательства недопустимым.

Процедура получения судебного решения

Серьезным фактором, размывающим гарантии прав личности в уголовном процессе, остаются избыточные полномочия органов предварительного расследования. Острую критику в доктрине вызывает содержание части 5 статьи 165 УПК РФ в части отсутствия конкретизированного, исчерпывающего перечня так называемых «неотложных случаев». Законодательная неопределенность данной дефиниции позволяет недобросовестным правоприменителям повсеместно обходить предварительный судебный контроль.

Следователи изымают смартфоны, вскрывают переписку в мессенджерах под предлогом «опасения удаления данных подозреваемым», а суды по факту легализуют эти действия. Необходимо нормативно ограничить «неотложность» ситуациями, когда промедление повлечет совершение нового тяжкого преступления или уничтожение данных, подтвержденное техническими индикаторами (например, запущенным процессом удаленного стирания устройства).

Параллельно в следственной практике сформировалась тенденция игнорирования требований ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ, предписывающей привлекать специалиста при изъятии электронных носителей. Ссылаясь на отсутствие штатного криминалиста в ночное время, оперативные сотрудники осуществляют изъятие гаджетов самостоятельно, что нередко оборачивается безвозвратной модификацией цифровых следов или нарушением правил их изоляции.

Данные жесткие процессуальные требования и стандарты фиксации должны быть в полной мере распространены на процедуру проведения личного обыска (ст. 184 УПК РФ) и задержания подозреваемого (ст. 92 УПК РФ). Традиционный институт понятий в условиях цифровизации уголовного процесса стремительно утрачивает свою гносеологическую эффективность. Случайные граждане, привлекаемые в качестве понятых, физически и интеллектуально не способны воспринять, какая именно информация, из какого фрейма памяти или чата извлекается следователем из изымаемого смартфона.

Они заверяют лишь факт изъятия куска пластика и стекла. В связи с этим непрерывная высокоточная видеозапись процесса изъятия мобильного устройства с обязательной детальной фиксацией его экрана, серийного номера (IMEI) и состояния сетевых подключений (перевод в «авиарежим» для блокировки удаленного доступа) выступает куда более надежной и объективной гарантией достоверности, нежели присутствие непрофессиональных понятых.

Процессуальная проверка достоверности цифровых данных

В силу специфической природы виртуальной материи проверка достоверности данных электронной переписки не может ограничиваться лишь изоляцией самого файла. Она должна носить комплексный, системный и межотраслевой характер. Наиболее эффективным алгоритмом здесь выступает сопоставление цифрового контента с результатами иных процессуальных и следственных действий. В частности, ключевое значение имеет корреляция данных переписки с результатами получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Технологическое сопоставление точного времени (с точностью до секунды) отправки или получения сообщения в мессенджере (Telegram, WhatsApp и т.д.) с логами сотовых операторов и данными биллинга (фиксовыми координатами нахождения абонентского устройства в зоне действия конкретной базовой станции – BTS) позволяет с математической точностью верифицировать цифровой след. Если временные метки мессенджера и данные сетевой активности провайдера совпадают, а геопозиция устройства совпадает с местом нахождения подозреваемого, достоверность доказательства можно считать подтвержденной.

Заключение

Подводя итог проведенному ретроспективному и теоретико-правовому анализу, необходимо сформулировать несколько концептуальных выводов. Процессуальные условия допустимости цифровой переписки в качестве доказательства по уголовному делу должны быть регламентированы в УПК РФ предельно жестко, прозрачно и императивно, полностью исключая возможность расширительного или произвольного толкования со стороны органов доказывания. Любое отступление от технологической и юридической формы изъятия «цифры» должно влечь за собой бескомпромиссную аннуляцию доказательственного значения материалов.

Вместе с тем, реформирование законодательства не должно приводить к противоположной крайности – «цифровому формализму» (или теории формальных цифровых доказательств), при которой наличие хэш-префикса или подписи эксперта автоматически признавалось бы неоспоримой истиной. Цифровые данные не имеют заранее установленной силы. Их оценка следствием и судом должна осуществляться по классическим канонам отечественного уголовного процесса – на основе внутреннего убеждения, сформированного при всестороннем, полном и объективном рассмотрении всей совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (ст. 17 УПК РФ). Только разумный баланс между строгой технологической регламентацией процедур собирания данных и свободой их критической судебной оценки позволит российскому уголовному судопроизводству адекватно отвечать на вызовы глобальной цифровизации, обеспечивая эффективную защиту прав граждан и интересов правосудия.

Литература

1. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 192 с.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4332.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3889.

4. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – 296 с.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 433-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8449.

6. Соколов Ю.Н. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Информационное право. – 2019. – № 3. – С. 86–91.

7. Оконенко Р.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: аргументы за и против // Российский следователь. – 2020. – № 5. – С. 13–16.

8. ГОСТ 2.051-2006. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. – М.: Стандартинформ, 2006. – 12 с.

9. Вехов В.Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных следов преступлений // Судебная экспертиза. – 2022. – № 2 (70). – С. 198–205.

10. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 216 с.

11. Колотушкин С. М., Федотов Н.Н. Криминалистические аспекты исследования цифровых дубликатов в уголовном процессе // Вестник криминалистики. – 2021. – № 4 (80). – С. 112–118.

12. Балашов А.Н. Производные доказательства в свете теории электронных следов // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 85–92.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

14. Швеи С.В. Проблемы соотношения традиционных следственных действий и новых информационных технологий // Законность. – 2023. – № 2. – С. 49–54.

15. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертологии в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 6 (70). – С. 36–44.

16. Нежных А.О. Процессуальные ошибки при собирании электронных доказательств по делам о мошенничестве // Уголовное право. – 2024. – № 1. – С. 92–98.

17. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). – М.: Эксмо, 2026. – 64 с.

18. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 2.

19. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации и их использование в доказывании по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 1 (57). – С. 138–145.

20. Григорьев В. Н., Максимов О.А. Хэширование как процессуальный способ обеспечения неизменности электронных доказательств // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 31–36.

THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC EVIDENCE COLLECTION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Dunaeva M.S.

Justice Institute of The Baikal State University

The article examines the theoretical and practical aspects of the evolution of the legal regulation of electronic evidence collection in Russian criminal procedure. The author analyzes the retrospective changes in criminal procedural legislation since 2012 and identifies key collisions in the application of rules governing the seizure of electronic information media. Particular attention is paid to the terminological uncertainty of the conceptual framework of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the correlation of legal norms with technical standards (GOST). The paper reveals the forensic and procedural challenges of digital data authentication, verification of message senders in instant messengers and social networks in the absence of an electronic digital signature. Based on the conducted analysis, the author substantiates the necessity of modernizing Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and legalizing the definition of "digital evidence".

Keywords: criminal procedure, electronic evidence, electronic information medium, collection of evidence, authentication, digital footprints, instant messengers, information examination.

References

1. Zigura, N. A. (2021). Computer information as a type of evidence in the criminal proceedings of Russia]. Moscow: YurLitinform.
2. On amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 143-FZ of July 28, 2012. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2012, No. 31, Art. 4332.
3. On amending certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic documents in the activities of judicial authorities: Federal Law No. 220-FZ of June 23, 2016. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2016, No. 26 (Part I), Art. 3889.
4. Pastukhov, P. S. (2019). Modernization of criminal procedural proving in the information society. Perm: Perm State University.
5. On amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 433-FZ of December 27, 2018. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2018, No. 53 (Part I), Art. 8449.
6. Sokolov, Yu. N. (2019). Electronic media in criminal proceedings. Information Law, (3), 86–91.
7. Okonenko, R. I. (2020). Electronic evidence in criminal proceedings: pros and cons. Russian Investigator, (5), 13–16.
8. GOST 2.051-2006. Unified system for design documentation. Electronic documents. General principles. Moscow: Standartinform, 2006.
9. Vekhov, V. B. (2022). Concept, types and features of fixing electronic traces of crimes. Forensic Examination, 2(70), 198–205.
10. Zazulin, A. I. (2023). Legal and methodological foundations of using digital information in proving in criminal cases. Moscow: YurLitinform.
11. Kolotushkin, S. M., & Fedotov, N. N. (2021). Forensic aspects of the investigation of digital duplicates in criminal proceedings. Bulletin of Forensics, (4(80)), 112–118.
12. Balashov, A. N. (2022). Derivative evidence in the light of the theory of electronic traces. State and Law, (9), 85–92.
13. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on April 14, 2026). Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, No. 52 (Part I), Art. 4921.
14. Shvets, S. V. (2023). Problems of the correlation between traditional investigative actions and new information technologies. Legality, (2), 49–54.
15. Rossinskaya, E. R. (2020). Theory of judicial expertology in the context of digitalization. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (6(70)), 36–44.
16. Nezhnov, A. O. (2024). Procedural errors in collecting electronic evidence in fraud cases. Criminal Law, (1), 92–98.
17. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). Moscow: Eksmo, 2026.
18. In the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of Articles 182 and 183 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 33-P of December 17, 2015. Herald of the Constitutional Court of the RF, 2016, No. 2.
19. Gavrilin, Yu. V. (2021). Electronic media and their use in proving in criminal cases. Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, (1(57)), 138–145.
20. Grigoryev, V. N., & Maksimov, O. A. (2022). Hashing as a procedural way to ensure the integrity of electronic evidence. Law and Legislation, (7), 31–36.

Административная и уголовная ответственность за нарушение трудовых прав женщин: комплексный анализ

Зейналов Мурад Пашаевич,
аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: yurist_murad@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу административной и уголовной ответственности за нарушения трудовых прав женщин в Российской Федерации. На основе изучения научных публикаций, нормативно-правовых актов и материалов судебной практики автором рассматриваются правовые гарантии беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, а также меры ответственности работодателей за их нарушение. Особое внимание уделяется статье 145 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение указанных категорий женщин, и статье 5.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ. В работе также анализируется гендерный подход в уголовном законодательстве, выявляются проблемы правоприменения и статистические данные о привлечении к ответственности. По результатам исследования формулируются выводы о необходимости совершенствования механизмов реализации установленных гарантий и повышения эффективности мер ответственности. Установлено, что на практике уголовно-правовая норма применяется крайне редко в силу объективных и субъективных причин, что снижает ее превентивный потенциал. Автором обосновывается вывод о том, что без устранения правоприменительных барьеров ужесточение санкций само по себе не приведет к реальной защите трудовых прав женщин.

Ключевые слова: ответственность, уголовная, административная, беременные, дискриминация, гендерный, увольнение, отказ, работодатель, гарантии.

Введение

Проблема защиты трудовых прав женщин, особенно находящихся в состоянии беременности или имеющих малолетних детей, сохраняет свою остроту на протяжении длительного времени. Несмотря на развитую систему правовых гарантий, закрепленных в Трудовом кодексе РФ, случаи дискриминации указанной категории работниц при приеме на работу и в процессе трудовой деятельности остаются распространенным явлением. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью оценки эффективности существующих мер административной и уголовной ответственности, применяемых к недобросовестным работодателям, а также выявления проблем правоприменения.

Научная значимость работы заключается в комплексном подходе к анализу двух видов юридической ответственности в их взаимосвязи с системой трудовых гарантий. Цель исследования – выявить ключевые проблемы привлечения работодателей к административной и уголовной ответственности за нарушения трудовых прав женщин и предложить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, включая анализ и синтез, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод статистического анализа. Нормативную базу работы образуют Трудовой кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ. Эмпирическую основу составили данные судебной статистики, приведенные в научных публикациях, а также разъяснения надзорных органов.

Литературный обзор

Степень научной разработанности темы представляется достаточно высокой. Вопросы правового регулирования труда беременных женщин исследуются как в отраслевых, так и в междисциплинарных работах. Агамиров К.В. рассматривает проблемы правового регулирования труда беременных, акцентируя внимание на несовершенстве отдельных норм трудового законодательства [1]. Береза К.Ю. анализирует проблемы привлечения работодателей к уголовной ответственности, отмечая низкую эффективность существующих механизмов [2].

Коротких В.В. проводит анализ законодательства о гендерном равенстве в сфере труда, выделяя ключевые особенности правового регулирования [3]. Краев Д.Ю. предлагает развернутую уголовно-правовую характеристику состава преступления, предусмотренного статьей 145 УК РФ, анализируя объективные и субъективные признаки [4]. Куликович К.Ю. исследует запрет дискриминации женщин в трудовых отношениях как фундаментальный принцип трудового права [5].

Лемехов С.В. обращает внимание на некоторые проблемы уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет [6]. Луткова П.А. рассматривает вопрос обеспечения прав женщин в современном обществе в широком социальном контексте [7]. Медведева М.А. в своей работе анализирует гендерный подход в статьях Особенной части УК РФ, что позволяет рассматривать статью 145 УК РФ в более широкой системе гендерно-ориентированных уголовно-правовых норм [8].

Синдюкова А.С. исследует правовой аспект прокурорской деятельности по защите трудовых прав женщин [9]. Шаховалова Д.Д. и Мешков Д.Н. рассматривают правовые аспекты защиты трудовых прав беременных женщин на современном этапе [10].

Результаты

Система правовых гарантий для беременных женщин и женщин, имеющих детей, закреплена в Трудовом кодексе РФ. К числу основных гарантий относятся: запрет на установление испытательного срока при приеме на работу, обязанность работодателя устанавливать неполное рабочее время по просьбе беременной женщины, запрет на привлечение к сверхурочным работам, работе в ночное время, выходные и праздничные дни, а также к направлению в служебные командировки. Кроме того,

работодатель обязан перевести беременную женщину на легкий труд на основании медицинского заключения и её письменного заявления с сохранением среднего заработка.

В случае нарушения указанных гарантий для работодателя наступает ответственность.

Административная ответственность предусмотрена частью 1 статьи 5.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ, которая устанавливает наказание в виде предупреждения или штрафа на должностных лиц в размере от одной до пяти тысяч рублей, на индивидуальных предпринимателей – от одной до пяти тысяч рублей, на юридических лиц – от тридцати до пятидесяти тысяч рублей.

Уголовная ответственность наступает по статье 145 Уголовного кодекса РФ за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. Санкция данной статьи предусматривает штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов. Как отмечает Краев Д.Ю., объективная сторона преступления выражается в двух формах: необоснованном отказе в приеме на работу и необоснованном увольнении [4].

Данные судебной статистики, приводимые Медведевой М.А., демонстрируют, что в целом по гендерно-ориентированным составам преступлений наблюдается незначительное количество осужденных. Так, по данным автора, в 2017 году по составам преступлений, связанным с половыми посяательствами, было осуждено 12 женщин, в 2018–8, в 2019–7, в 2020–9, в 2021–11, в 2022–2, в 2023–8, в 2024–7 [8]. Хотя эти данные относятся к иным составам преступлений, они иллюстрируют общую тенденцию низкой правоприменительной активности в сфере гендерно-ориентированных уголовно-правовых норм.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют констатировать наличие существенного разрыва между установленными законодательными гарантиями и реальным уровнем защищенности трудовых прав женщин. Нормы об административной и уголовной ответственности, несмотря на кажущуюся строгость, на практике применяются крайне редко.

Проблема низкой эффективности статьи 145 УК РФ связана с несколькими факторами. Во-первых, доказывание факта необоснованности отказа в приеме на работу представляет значительную сложность. Работодатель практически всегда может найти формальное основание для отказа, не связанное с беременностью – например, указать на недостаточную квалификацию или отсутствие опыта. Во-вторых, потерпевшие женщины зачастую не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь дальнейших проблем при трудоустройстве или полагая, что привлечь работодателя к ответственности невозможно.

Сравнительный анализ административной и уголовной ответственности показывает, что административные штрафы для юридических лиц являются относительно высокими и потенциально могут выполнять превентивную функцию. Однако, проблемы привлечения к ответственности связаны не столько с размером санкций, сколько с организационно-правовыми сложностями – выявлением нарушений, сбором доказательственной базы, низкой активностью надзорных органов.

Запрет дискриминации женщин в трудовых отношениях является основополагающим принципом, но его реализация сталкивается с глубоко укоренившимися стереотипами в сознании работодателей. Это подтверждает необходимость не только карательных, но и превентивных мер, включая разъяснительную работу и повышение правовой грамотности как работодателей, так и работников.

Заключение

Правовая система Российской Федерации содержит развернутый механизм защиты трудовых прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, включающий как специальные трудовые гарантии, так и меры административной и уголовной ответственности для работодателей-нарушителей. Статья 145 УК РФ является специальной нормой, предусматривающей ответственность за наиболее опасные нарушения – необоснованный отказ в приеме на работу и необоснованное увольнение.

Однако эффективность существующих мер ответственности остается невысокой. Правоприменительная практика по статье 145 УК РФ крайне скудна, а административные наказания применяются недостаточно часто. Основные проблемы связаны со сложностью доказывания, несовершенством механизмов выявления нарушений и правовым нигилизмом как со стороны работодателей, так и со стороны самих потерпевших.

Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования представляются: упрощение процедур доказывания дискриминационных мотивов отказа в приеме на работу, усиление надзорной активности государственных инспекций труда и прокуратуры, а также повышение правовой грамотности женщин через механизмы информирования и консультирования. Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, объединяющего усилия законодателя, правоприменителей и институтов гражданского общества.

Литература

1. Агамиров К. В. К вопросу о правовом регулировании труда беременных женщин // Образование и право. 2021. № 7.
2. Береза К.Ю. Проблемы привлечения работодателей к уголовной ответственности // Вестник науки. 2024. № 11 (80).
3. Коротких, В.В. Анализ законодательства Российской Федерации о гендерном равенстве в сфере труда и его ключевые особенности / В.В. Коротких // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 1, № 73. – С. 25–34.
4. Краев Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ) // Криминалист Ъ. 2013. № 2 (13).
5. Куликович, К.Ю. Запрет дискриминации женщин в трудовых отношениях / К.Ю. Куликович // Политика и право: Ученые записки / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Амурский государственный университет. Том Выпуск 21. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. – С. 146–150. – DOI 10.22250/PAL.2021.22.
6. Лемехов, С.В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет / С.В. Лемехов // Трансформация права: технологии XXI века: Материалы II Всероссийской заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 13 мая – 01 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. – С. 90–96.
7. Луткова, П. А. К вопросу обеспечения прав женщин в современном обществе / П.А. Луткова // Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 10–11 ноября 2023 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2023. – С. 187–190.
8. Медведева М.А. Гендерный подход в статьях Особенной части УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 11 (180).
9. Синдюкова, А.С. Трудовые права женщин в современное время: правовой аспект прокурорской деятельности / А.С. Синдюкова // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского): сборник трудов IV Международной научно-практической конференции, Кострома, 17–18 сентября 2021 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2021. – С. 172–175.
10. Шаховалова, Д.Д. Правовые аспекты защиты трудовых прав беременных женщин на современном этапе / Д.Д. Шаховалова, Д.Н. Мешков // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник научных статей 13-ой Международной научно-практической конференции, Курск, 23–24 июня 2023 года / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал; Торгово-промышленная палата; Совет молодых депутатов Курской области; Курская региональная общественная организация Вольного экономического общества России. Том 2. – Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, 2023. – С. 475–477.

ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF WOMEN'S LABOR RIGHTS: A COMPREHENSIVE ANALYSIS

Zeynalov M.P.

A.I. Herzen State Pedagogical University

The article is devoted to a comprehensive analysis of administrative and criminal liability for violations of women's labor rights in the Russian Federation. Based on the study of scientific publications, regulatory legal acts and materials of judicial practice, the author examines the legal guarantees of pregnant women and women with young children, as well as measures of responsibility of employers for their violation. Special attention is paid to article 145 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of these categories of women, and arti-

cle 5.27 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The paper also analyzes the gender approach in criminal law, identifies problems of law enforcement and statistical data on prosecution. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the need to improve the mechanisms for implementing established guarantees and increasing the effectiveness of liability measures. It has been established that in practice the criminal law norm is rarely applied due to objective and subjective reasons, which reduces its preventive potential. The author substantiates the conclusion that without removing law enforcement barriers, tougher sanctions alone will not lead to real protection of women's labor rights.

Keywords: responsibility, criminal, administrative, pregnant, discrimination, gender, dismissal, refusal, employer, guarantees.

References

1. Agamirov K.V. On the issue of legal regulation of pregnant women's labor // Education and law. 2021. № 7.
2. Bereza K.Y. Problems of bringing employers to criminal responsibility // Bulletin of Science. 2024. № 11 (80).
3. Korotkikh, V.V. Analysis of the legislation of the Russian Federation on gender equality in the world of work and its key features / V.V. Korotkikh // My professional career. – 2025. – Vol. 1, № 73. – Pp. 25–34.
4. Krayev D.Y. Criminal and legal characteristics of unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of a pregnant woman or a woman with children under the age of three (art. 145 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminalist. 2013. № 2 (13).
5. Kulinkovich, K.Y. Prohibition of discrimination against women in labor relations / K.Y. Kulinkovich // Politics and Law: Scientific Notes / Ministry of science and higher education of the Russian Federation; Amur state university. Volume Issue 21. – Blagoveshchensk: Amur State University, 2021. – Pp. 146–150. – DOI 10.22250/PAL.2021.22.
6. Lemekhov, S.V. Some problems of criminal liability for unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of a pregnant woman or a woman with children under the age of three / S.V. Lemekhov // Transformation of law: technologies of the XXI century: Proceedings of the II All-Russian Correspondence scientific and practical conference, Yekaterinburg, May 13–01 In 2021. Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Law University», 2022, Pp. 90–96.
7. Lutkova, P.A. On the issue of ensuring women's rights in modern society / P.A. Lutkova // Implementation of the constitutional principle of economic, political and social solidarity: issues of theory and practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 10–11, 2023. Moscow: Moscow University of the Humanities, 2023. Pp. 187–190.
8. Medvedeva M.A. Gender approach in articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2025. № 11 (180).
9. Sindjukova, A.S. Women's labor rights in modern times: the legal aspect of prosecutorial activity / A.S. Sindjukova // Historical memory and spiritual experience of the formation of Russian statehood (on the 800th anniversary of the Holy Prince Alexander Nevsky): proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Kostroma, September 17–18, 2021. Kostroma: Kostroma State University, 2021. Pp. 172–175.
10. Shakhvalova, D.D. Legal aspects of protecting the labor rights of pregnant women at the present stage / D.D. Shakhvalova, D.N. Meshkov // Managing the socio-economic development of regions: problems and ways to solve them: collection of scientific articles of the 13th International Scientific and Practical Conference, Kursk, June 23–24, 2023 / Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk branch; Chamber of Commerce and Industry; Council of Young Deputies of the Kursk region; Kursk Regional Public organization of the Free Economic Society of Russia. Volume 2. Kursk: Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk Branch, 2023, Pp. 475–477.

Левандовская Мария Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: marusenka0610@yandex.ru

Предметом статьи выступает уголовно-правовая оценка действий дропперов, предоставляющих банковские счета, карты или доступ к электронным средствам платежа для вывода похищенных денег. Цель работы состоит в выявлении проблем квалификации такого поведения и в проверке того, насколько новеллы статьи 187 УК РФ устраняют прежнюю неопределенность. Методологическую основу составили формально-юридический анализ, системное толкование норм УК РФ, кейс-анализ судебных актов 2024–2025 гг. и сопоставление уголовно-правовых выводов с банковским антифрод-регулированием. Показано, что практика колеблется между мошенничеством, пособничеством, легализацией и специальным составом неправомерного оборота электронных средств платежа. Новизна работы состоит в обосновании модели разграничения указанных составов через объем осведомленности лица, характер его вознаграждения и цель последующих операций. Сделан вывод о необходимости разъяснений Верховного Суда РФ, усиления межведомственного обмена и специальных профилактических мер для несовершеннолетних.

Ключевые слова: дроппер; финансовое мошенничество; электронное средство платежа; пособничество; легализация; умысел; судебная практика; статья 187 УК РФ.

Введение

Дропперская инфраструктура стала обычным техническим слоем дистанционного мошенничества. За внешне простой операцией – открыть счет, получить карту, передать реквизиты, снять деньги – нередко стоит распределенная схема, где исполнитель обмана потерпевшего, держатель счета, кассир, курьер и организатор платежного маршрута не знают друг друга либо знают только псевдонимы в мессенджере. Для уголовного права это неудобная конструкция. Оно привыкло искать обманщика, выгодоприобретателя и лицо, распоряжающееся похищенным. Дроппер находится между ними.

До лета 2025 г. практика вынужденно пользовалась привычным набором норм: ст. 159 УК РФ, ч. 5 ст. 33 в соединении со ст. 159 УК РФ, ст. 174 и 174.1 УК РФ, иногда ст. 187 УК РФ в прежнем понимании неправомерного оборота средств платежей [1]. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. N 176-ФЗ изменил эту картину: в статью 187 УК РФ включены части 3–6, прямо ориентированные на корыстную передачу электронного средства платежа или доступа к нему, совершение неправомерных операций по указанию другого лица, приобретение и передачу таких средств лицом, не являющимся клиентом банка [2]. Проблема, однако, не исчезла. Она стала тоньше.

Термин «дроппер» в УК РФ не назван. Законодатель описал отдельные формы поведения через категорию электронного средства платежа, корыстной заинтересованности и неправомерной операции. На практике это оставляет следователю и суду несколько вопросов. Когда лицо, продавшее карту за 3 000 рублей, отвечает только по ч. 3 ст. 187 УК РФ? Когда оно становится пособником мошенничества? В какой ситуации цепочка переводов уже образует легализацию, а когда она лишь завершает исходное хищение? На наш взгляд, спор идет не о слове, а о пределе криминализации вспомогательного поведения.

Статистика подтверждает, что вопрос не кабинетный. По данным Банка России, в 2025 г. объем операций без добровольного согласия клиентов достиг 29,3 млрд рублей, а банки предотвратили 134,16 млн мошеннических операций на сумму 13 895,4 млрд рублей [4]. Росфинмониторинг отдельно указывает на рост участия несовершеннолетних и нерезидентов в подозрительных операциях, а также на необходимость платформенного обмена данными о дропах между банками и ведомствами [5]. Здесь и возникает цель статьи: выявить проблемы квалификации действий дропперов, разобрать типовые судебные решения и предложить правовые, организационные и профилактические меры, не сводя весь ответ к очередному расширению санкций.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили положения УК РФ о мошенничестве, соучастии, легализации и неправомерном обороте средств платежей, а также новая редакция ст. 187 УК РФ [1; 2]. Для оценки банковского измерения использованы материалы Банка России о мошеннических операциях и антифрод-механизмах [4]. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по легализации привлечены как критерий, позволяющий отделить обычное распоряжение похищенным от придания денежным средствам правомерного вида [3].

Эмпирическая часть построена на типологической выборке судебных актов. В нее включены: приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска по делу о поиске номинального индивидуального предпринимателя и открытии счетов для последующего вывода денег [6]; приговор Лабинского городского суда, где первоначальное обвинение в мошенничестве было сведено к пособничеству [7]; приговор Волоколамского городского суда, применивший новую ч. 3 ст. 187 УК РФ к передаче карты за вознаграждение [8]; приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска, в котором суд отказался признать самостоятельный состав легализации по ст. 174.1 УК РФ [9]; приговор по делу N 1–603/2024, где конвертация криптовалюты и зачисление рублей на карты, напротив, оценены как легализация [10]. Такой набор не дает статистической картины страны, но хорошо показывает конфликт квалификаций.

Метод исследования смешанный. Формально-юридический метод использован для анализа признаков составов; системный – для проверки конкуренции норм; кейс-анализ – для выделения судебных

индикаторов умысла. Сравнение судебных решений велось по четырем параметрам: роль лица до поступления денег, характер осведомленности о преступном происхождении средств, размер и форма вознаграждения, цель последующих переводов или снятия наличных. Именно на этих признаках, как показывает практика, ломается граница между неосторожной доверчивостью, рискованной банковской операцией и уголовно наказуемым содействием.

Результаты

Первый тип квалификации: дроппер как участник мошенничества. В деле N 1–28/2023 суд установил, что подсудимые не ограничились передачей чужих реквизитов. Один участник поручил другому найти лицо, готовое оформить ИП, открыть банковские счета, получить карты и сим-карты; затем сведения о счете были переданы неустановленным соучастникам, а потерпевшую убедили перевести деньги на так называемый безопасный счет. Суд квалифицировал содеянное по ч. 4 ст. 159 УК РФ, поскольку действия с номиналом были включены в общий сценарий обмана и последующего обналичивания [6]. Здесь держатель инфраструктуры оказывается не внешним обслуживающим звеном, а частью исполнительского механизма.

Второй тип: пособничество. Приговор Лабинского городского суда по делу N 1–98/2024 показывает более аккуратную линию. На счет подсудимой поступило 862 500 рублей, затем она перечисляла средства дальше и оставляла себе 1,5 процента. Первоначально ей вменяли ч. 4 ст. 159 УК РФ, но после изменения обвинения суд квалифицировал действия по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 159 УК РФ. Причина понятна: доказано, что подсудимая содействовала выводу денег и была осведомлена о противоправности операций, но не доказано ее участие в самом обмане потерпевшего на всю сумму исходного обвинения [7]. Коротко: карта есть, умысел на содействие есть, но роли обманщика нет.

Третий тип возник после 9 июля 2025 г., когда вступили в силу изменения в ст. 187 УК РФ. В деле N 1–331/2025 Волоколамский городской суд признал лицо виновным по ч. 3 ст. 187 УК РФ: подсудимый открыл банковский счет, получил карту и передал ее неизвестному участнику группы за 3000 рублей. В материалах дела отмечалось, что ранее он оформил от десяти до пятнадцати карт и знал об их использовании в незаконных операциях. Особенно показательно, что обвинение ранее шло по ч. 4 ст. 159 УК РФ, но было переквалифицировано на специальный состав, который выделяет такую форму пособничества в самостоятельное преступление небольшой тяжести [8].

Четвертый тип касается легализации. Пленум Верховного Суда РФ требует устанавливать не только преступное происхождение имущества, но и цель придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению им [3]. Поэтому одно только движение денег через карту еще не означает ст. 174 или 174.1 УК РФ. В деле N 1–222/2024 бухгалтер перечисляла похищенные средства через подконтрольное общество и личные счета, однако суд пришел к выводу, что эти операции охватывались умыслом на хищение и были способом распоряжения похищенным, а не самостоятельным отмыванием [9]. Это жесткий фильтр для обвинения.

Иная картина видна в деле N 1–603/2024. Осужденный получил преступный доход в криптовалюте, затем через онлайн-обменники конвертировал виртуальные активы в рубли и добился зачисления средств на банковские карты. Суд указал на последовательность операций, их направленность на сокрытие источника и придание деньгам оборотоспособного вида, после чего признал состав по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ [10]. Для темы дропперов это дело полезно не буквальным совпадением ролей, а критерием: легализация появляется там, где транзит перестает быть простым выводом денег и начинает маскировать их происхождение.

Судебная практика, если убрать терминологический шум, пользуется набором косвенных признаков умысла. Среди них: заранее согласованное вознаграждение, передача доступа к онлайн-банку, множественность карт, общение через анонимные аккаунты, дробление сумм, немедленное снятие наличных, отказ от проверки источника денег, опыт прежних операций. Один признак сам по себе слаб. Совокупность признаков меняет картину. Особенно тогда, когда лицо получает деньги не как случайный получатель, а как повторяющийся узел транзитной цепочки.

Есть и обратная сторона. После появления ч. 3–6 ст. 187 УК РФ возник соблазн квалифицировать почти всякую передачу карты как преступление. Это было бы ошибкой. Закон требует корыстной заинтересованности и связи электронного средства платежа с неправомерными операциями [2]. Если человек передал карту родственнику для бытового пользования, если перевод связан с обычным гражданско-правовым расчетом, если отсутствует понимание незаконного характе-

ра операций, уголовный закон не должен превращаться в «бумажный» дублер банковского комплаенса.

Обсуждение

Главная трудность доказывания лежит в субъективной стороне. Дроппер почти всегда говорит одно и то же: искал удаленную работу, считал себя кассиром обменного пункта, думал, что помогает знакомому, не понимал происхождения денег. Следствие отвечает перепиской, банковскими выписками, скоростью операций и вознаграждением. Суду приходится решать, где заканчивается наивность и начинается заведомость. На наш взгляд, здесь нужен не один универсальный критерий, а шкала осведомленности: от бытового распоряжения картой до профессионального участия в платежном транзите.

Вторая проблема – конкуренция норм. Статья 159 УК РФ применима, когда лицо включено в обман потерпевшего либо заранее обеспечивает его техническую возможность. Пособничество по ч. 5 ст. 33 и ст. 159 УК РФ оправдано, когда лицо помогает принять, перевести или снять похищенное, понимая общий преступный характер операции, но не участвует в убеждении потерпевшего. Часть 3 ст. 187 УК РФ покрывает корыстную передачу электронного средства платежа или доступа к нему для неправомерных операций. Статьи 174 и 174.1 УК РФ требуют большего: финансовые операции должны придавать преступному доходу вид законного оборота [1–3].

Банковское регулирование решает другую задачу. Банк России описывает антифрод-базу, приостановление подозрительных переводов, запрет на выдачу новых карт лицам, попавшим в базу, лимиты и дополнительные проверки [4]. Эти меры нужны для скорости. Уголовный процесс требует иного стандарта: конкретное деяние, вина, причинная связь, роль в группе, допустимые доказательства. Между этими режимами возникает мониторинговый дефицит: банк уже видит риск-профиль клиента, а уголовное дело еще не располагает доказательственной конструкцией, пригодной для приговора.

Отсюда первый законодательный вывод. Вводить новое слово «дроппер» в Общую часть УК РФ не нужно. Термин слишком криминологический и быстро меняет содержание. Более оправдан путь разъяснений Верховного Суда РФ о разграничении ст. 159, 187, 174 и 174.1 УК РФ. Такие разъяснения могли бы закрепить: простая передача карты за вознаграждение при наличии цели неправомерных операций квалифицируется по ст. 187; участие в обмане потерпевшего или предварительном обеспечении конкретного хищения ведет к мошенничеству или пособничеству; легализация требует доказанной цели придания правомерного вида, а не только транзита.

Второй вывод касается организаторов дропперских сетей. Новая редакция ст. 187 УК РФ различает клиента банка и лицо, которое приобретает или передает электронное средство платежа, не являясь стороной договора [2]. Но дроповод часто не покупает одну карту, а администрирует сеть: размещает объявления, проверяет кандидатов, распределяет лимиты, меняет реквизиты после блокировок, связывает держателей карт с курьерами. Для такой роли санкция должна оценивать не только количество карт, но и управленческую функцию в преступной инфраструктуре. Здесь возможен квалифицирующий признак организации сети либо совершения деяния с использованием несовершеннолетних.

Несовершеннолетние заслуживают отдельной нормы профилактики, а не только угрозы наказанием. Росфинмониторинг в 2025 г. сообщил о шестикратном росте вовлечения подростков в дропперские схемы за 2024 г.; в 2026 г. служба и Банк России также фиксировали рост операций и счетов, связанных с молодыми участниками [5]. Подросток часто продает не «банковский продукт», а иллюзию легкого заработка. Поэтому меры должны начинаться раньше уголовного дела: уведомление законных представителей, лимиты на операции, школьные занятия по финансовой безопасности, быстрый канал сообщения о вербовке в мессенджерах.

Межведомственное взаимодействие нельзя оставлять на уровне лозунга. Нужны рабочие протоколы между МВД, Росфинмониторингом, Банком России, кредитными организациями и операторами связи. Практически это означает обмен не только фамилиями и номерами счетов, но и графами связей: устройство, номер телефона, IP-сессия, карта, счет, кошелек, курьерский маршрут. При трансграничном выводе средств добавляется обмен с иностранными правоохранительными органами и финансовыми разведками. Да, здесь нужна осторожность в оценке персональных данных. Но без такой связи дропперская сеть распадается для следствия на сотни мелких эпизодов.

Профилактика в банковской сфере должна быть точнее массовых блокировок. Разумны проверки при серийном выпуске карт, контроль несовпадения заемщика и получателя средств, ограничение подозрительных операций после включения реквизитов в антифрод-базу, уве-

домление родителей о картах несовершеннолетних и стимулирование банков быстро передавать сведения о новых реквизитах [4; 5]. Однако презумпция виновности клиента недопустима. Банковский риск-сигнал может запускать проверку, но не заменяет доказывание умысла.

Заключение

Судебная практика 2024–2025 гг. показывает не одну фигуру дроппера, а несколько правовых ролей. Один держатель счета встроен в мошенничество как участник общего плана. Другой помогает вывести деньги и отвечает как пособник. Третий продает карту за вознаграждение и после реформы 2025 г. подпадает под специальный состав ст. 187 УК РФ. Четвертый совершает операции, направленные на придание преступному доходу правомерного вида, и тогда возможны ст. 174 или 174.1 УК РФ. Бывают и пограничные случаи, где перевод денег остается способом распоряжения похищенным, но не образует самостоятельной легализации.

Совершенствование законодательства должно идти не по пути механического расширения уголовной ответственности, а через разграничение составов, уточнение доказательственных стандартов и настройку межведомственного обмена. Верховному Суду РФ желательно дать разъяснения о конкуренции ст. 159, 187, 174 и 174.1 УК РФ применительно к дропперским схемам. Законодателю стоит обсудить квалифицирующие признаки для организаторов сетей и вовлечения несовершеннолетних. Банкам и ведомствам необходимы цифровые инструменты раннего выявления транзитных цепочек, но их использование в уголовном деле должно сопровождаться процессуальной проверкой. Иначе вместо точной уголовно-правовой реакции получится широкая сетка подозрительности, плохо различающая преступника, обманутого подростка и неосторожного клиента.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 24.06.2025 N 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2025.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 9.
4. Банк России. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2025 год. М., 2026.
5. Росфинмониторинг. Интервью первого заместителя директора Росфинмониторинга Олега Крылова для Российской газеты. 29.04.2025.

6. Приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска от 13.06.2024 по делу N 1–28/2023 // СудАкт. 2024.
7. Приговор Лабинского городского суда Краснодарского края от 05.06.2024 по делу N 1–98/2024 // СудАкт. 2024.
8. Приговор Волоколамского городского суда Московской области от 19.11.2025 по делу N 1–331/2025 // СудАкт. 2025.
9. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 02.10.2024 по делу N 1–222/2024 // СудАкт. 2024.
10. Приговор по делу N 1–603/2024 от 24.09.2024 // СудАкт. 2024.

DROPPERS IN FINANCIAL FRAUD SCHEMES: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE AND DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGISLATION

Levandovskaya M.G.

Kutafin Moscow State Law University (MGU)

The article examines the criminal-law assessment of droppers who provide bank accounts, cards or access to electronic means of payment for the withdrawal of stolen funds. The purpose is to identify qualification problems and to assess whether the 2025 amendments to Article 187 of the Russian Criminal Code remove earlier uncertainty. The study relies on formal legal analysis, systemic interpretation of criminal-law provisions, case analysis of judicial acts from 2024–2025, and comparison with banking anti-fraud regulation. The paper shows that courts move between fraud, aiding and abetting, money laundering and the special offence concerning unlawful circulation of electronic means of payment. The novelty lies in a differentiation model based on the person's awareness, remuneration and the purpose of subsequent transactions. The article concludes that Supreme Court guidance, interagency data exchange and special prevention measures for minors are needed.

Keywords: dropper; financial fraud; electronic means of payment; aiding and abetting; money laundering; intent; judicial practice; Article 187 of the Criminal Code.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ, as amended on 20 February 2026.
2. Federal Law No. 176-FZ of 24 June 2025 «On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation».
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 of 7 July 2015, as amended on 9 December 2025, on judicial practice in money laundering cases.
4. Bank of Russia. Review of Transactions Conducted without the Voluntary Consent of Clients of Financial Institutions for 2025.
5. Rosfinmonitoring. Interview of First Deputy Director Oleg Krylov for Rossiyskaya Gazeta, 29 April 2025.
6. Judgment of the Pervomaisky District Court of Novosibirsk of 13 June 2024 in case No. 1–28/2023.
7. Judgment of the Labinsk City Court of Krasnodar Krai of 5 June 2024 in case No. 1–98/2024.
8. Judgment of the Volokolamsk City Court of Moscow Region of 19 November 2025 in case No. 1–331/2025.
9. Judgment of the Leninsky District Court of Novosibirsk of 2 October 2024 in case No. 1–222/2024.
10. Judgment in case No. 1–603/2024 of 24 September 2024.

Правовая неопределённость обжалования решений прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве

Лопотенко Вероника Симоновна,

преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета
E-mail: mardoyanveronika@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования обжалования в досудебном производстве. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, положений Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», ведомственных нормативных актов органов прокуратуры, а также судебной практики, выявлен системный пробел, выражающийся в фактическом замещении уголовно-процессуального порядка рассмотрения жалоб общим административным порядком. В статье выявлена правовая неопределённость при разграничении уголовно-процессуального и административного порядка обжалования действий прокурора. По итогам исследования предлагается дополнить ст. 123 УПК РФ нормой об исключительно уголовно-процессуальном порядке рассмотрения таких жалоб, а ст. 124 УПК РФ – правилами о приёме, регистрации и рассмотрении жалоб вышестоящим прокурором в сокращённые процессуальные сроки.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовно-процессуальное обжалование, ст. 124 УПК РФ, прокурор, руководитель следственного органа.

Введение

Обжалование в досудебном уголовном судопроизводстве представляет собой важный правозащитный механизм, гарантирующий участникам процесса обеспечение их прав и законных интересов. Лицо, считающее, что его права были нарушены действиями (бездействием) или решениями должностного лица (следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа или подразделения дознания, прокурора), вправе самостоятельно определить способ защиты своих интересов. При выборе конкретной процедуры значение приобретает статус того должностного лица, чьи действия или решения оспариваются, например, действия и решения следователя могут быть оспорены его руководителю, прокурору или в суд, а вот действия и решения прокурора могут быть оспорены только в судебном порядке [1, с. 208].

Обсуждение

Роль прокурора и руководителя следственного органа в стадиях досудебного производства при обжаловании, по мнению С.В. Рудаковой, сводится к решению двух важнейших задач: 1) обеспечение законности процессуальной деятельности следователя и дознавателя; 2) охрана прав участников уголовного судопроизводства, их защита от незаконного и необоснованного ограничения либо нарушения [2, с. 94].

Вместе с тем анализ положений ст. 123–124 УПК РФ выявляет некоторые проблемы в реализации участниками процесса своих прав при обжаловании решений, принятых по результатам рассмотрения жалоб. В то время как уголовно-процессуальный закон регламентирует обязанность прокурора или руководителя следственного органа вынести постановление об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении требований заявителя, в тексте статьи 124 УПК РФ отсутствует прямое указание на право иных лиц, помимо следователя и дознавателя, обжаловать само это постановление в аналогичном внесудебном порядке вышестоящему должностному лицу.

Примечательно, что специальное право на оспаривание действий и решений проверяющих лиц вышестоящему руководству законодатель закрепил исключительно за дознавателем и следователем, фактически оставляя иных участников судопроизводства без детализированного механизма последовательного ведомственного обжалования в рамках указанной нормы. Следовательно, данная норма делает исключение только в отношении прямо поименованных в ней лиц и на иных участников уголовного судопроизводства не распространяется.

В отсутствие прямого указания на распространение положений ст. 124 УПК РФ на порядок направления и рассмотрения жалоб на решения или действия прокурора вышестоящим прокурором правоотношения, связанные с рассмотрением жалоб иных участников уголовного судопроизводства, регулируются Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹. Однако положения данного закона распространяются на все обращения, содержащие сведения о нарушениях законодательства, охраняемых законом прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Данное положение нашло отражение в п. 10 Приказа Генпрокуратуры России от 24.08.2021 № 487 (далее – Приказ), согласно которому в случае обжалования лицом постановления прокурора, принятого по жалобе в порядке ст. 124 УПК РФ, вышестоящему прокурору такие обращения рассматриваются по правилам и срокам, установленным Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приёма граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 (далее – Инструкция)².

¹ Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // «Российская газета», № 95, 05.05.2006.

² Приказ Генпрокуратуры России от 24.08.2021 № 487 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора» // «Законность», № 10, 2021.

Таким образом, фактически сложилась ситуация, при которой жалоба, поданная в порядке ст. 124 УПК РФ, рассматривается не в уголовно-процессуальном, а в общем административном порядке. Подобное положение дел нашло подтверждение и в судебной практике, в том числе и Верховный суд РФ признает правомерным рассмотрение обращений, имеющих уголовно-процессуальную природу, в соответствии с нормами Федерального закона № 59-ФЗ¹.

По данному вопросу, считаем верным мнение С.В. Рудаковой, которая утверждает, что пробелы в законе позволяют органам досудебного производства и прокурорам принимать процессуальные жалобы в порядке, определяемом Федеральным законом № 59-ФЗ, что является прямым следствием отсутствия в ст. 124 УПК РФ регулирования порядка приема жалоб, хотя эти действия имеют значение юридического факта и влекут правовые последствия [3, с. 287].

Уголовно-процессуальный закон устанавливает специальный, ускоренный порядок рассмотрения обращений граждан (3 суток, а при необходимости – до 10 суток), нарушение сроков которого само по себе ущемляет права заявителя. Более того, как отмечают ряд авторов, на практике можно встретить случаи, когда поступившее обращение без каких-либо оснований перенаправляется на рассмотрение именно тому государственному органу или должностному лицу, чьи действия, решения либо бездействие и являются предметом жалобы [4, с. 135].

Сказанное выше находит подтверждение в материалах судебных дел. Так, гражданин П.М. дважды (23.04.2025 г. и 13.05.2025 г.) обращался с жалобой на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в прокуратуру Центрального района г. Санкт-Петербурга. Поскольку его обращения не содержали конкретных доводов о несогласии с принятым решением по существу, но включали требования о даче указаний следователю по проведению проверки (что отнесено к исключительной компетенции руководителя следственного органа в силу ст. 39 УПК РФ), прокуратура рассмотрела их в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ. Суд пришел к выводу, что ответ дан в порядке и сроки, предусмотренные Инструкцией о порядке рассмотрения обращений, и нарушений допущено не было². При этом примечательно, что заявитель в своих обращениях прямо указывал на незаконность и необоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и требовал его отмены с направлением материала на дополнительную проверку, то есть ставил вопросы, имеющие очевидную уголовно-процессуальную природу. Уголовно-процессуальный порядок рассмотрения жалоб является специальным именно в части более коротких сроков, направленных на своевременное устранение нарушений, поэтому их превышение во всяком случае нарушает права заявителя.

Ускоренные сроки обусловлены жесткими временными рамками предварительного расследования и необходимостью оперативного устранения нарушений конституционных прав граждан. А.В. Победкин аргументированно указывает, что поскольку функции прокурора заключаются, прежде всего, в осуществлении надзора, решения прокурора по жалобам участников уголовного процесса должны обжаловаться в процессуальном порядке вышестоящему прокурору [5, с. 38], что в большей мере отвечало бы интересам участников судопроизводства именно в части сроков рассмотрения.

Пункт 5.1 Инструкции устанавливает общий 30-дневный срок при рассмотрении повторных жалоб вышестоящим прокурором, что вступает в противоречие с жесткими временными рамками досудебного производства. Процессуальные решения, в частности, о мере пресечения, могут утратить практическое значение за время рассмотрения жалобы по общим правилам. Ускоренный же процессуальный порядок, предусмотренный ч. 1 ст. 124 УПК РФ, рассчитан на оперативное устранение нарушений, которые при затягивании способны повлечь невозможные последствия для заявителя. В этой связи считаем, что законодательное закрепление уголовно-процессуального порядка рассмотрения жалоб вышестоящим прокурором с применением сокращенных сроков, установленных ст. 124 УПК РФ, следует рассматривать как соответствующий требованиям обеспечения уголовно-процессуального обжалования в досудебном производстве.

В контексте совершенствования законодательства заслуживает внимания позиция А.В. Мордвинова, предлагающего установить единые сроки рассмотрения жалоб в течение 3 суток, но и обосновывает

необходимость запрета для следователя и дознавателя принимать повторное решение, аналогичное ранее отмененному, в отсутствие новых оснований, и предлагает закрепить за такие действия дисциплинарную ответственность [6, с. 579].

Следует также обратить внимание на различие между ведомственными инструкциями, регламентирующими делопроизводство, и нормами уголовно-процессуального закона по их правовой природе: первые не являются источниками права, не могут устанавливать права и обязанности участников судопроизводства и не обеспечены теми же гарантиями, что и нормы УПК РФ. Применение подобных актов к уголовно-процессуальным правоотношениям по поводу обжалования действий и решений свидетельствует о необходимости восполнения пробела непосредственно в тексте ст. 124 УПК РФ.

Не менее острой является проблема разграничения предметов уголовно-процессуального и административного судопроизводства применительно к обжалованию постановлений прокурора. Большинство решений судов общей юрисдикции придерживаются разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21³, согласно которым не подлежат рассмотрению по правилам гл. 22 КАС РФ дела об оспаривании решений или действий (бездействия) лиц, указанных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, если они связаны с применением норм уголовного и уголовно-процессуального закона при осуществлении производства по конкретному уголовному делу (пункт 8).

Вместе с тем встречается и иная судебная практика. Так, в кассационном определении суд поддержал позицию заявителя Б., который оспорил постановление прокурора об отказе в удовлетворении жалобы, поданной в порядке ст. 124 УПК РФ, в административном порядке в соответствии с гл. 22 КАС РФ. Суды указали, что предметом оспаривания являлась не сама по себе правомерность отказа по существу, а недостаточная мотивированность принятого решения и нарушение процедуры его вынесения: решение было принято с нарушением 3-суточного срока без вынесения постановления о его продлении. Тем самым суд фактически разграничил предмет ст. 124 УПК РФ (несогласие с решением по существу) и предмет гл. 22 КАС РФ (нарушение порядка рассмотрения обращения)⁴.

И.В. Шепелин утверждает, что подведомственность рассмотрения жалоб определяется предметом обращений, следовательно, принципиальное значение имеет перечень нарушений прав и свобод граждан, допущенных по вине уполномоченного органа или должностного лица [7, с. 156]. Однако такой подход создает правовую неопределенность: участник уголовного судопроизводства вынужден самостоятельно квалифицировать характер допущенного нарушения, избирая между уголовно-процессуальным и административным способами защиты. Как справедливо отмечают Е.В. Марьина и Э.А. Хохрякова, наличие названных проблем ведет прежде всего к нарушению прав граждан на доступ к правосудию, поэтому их решение лежит в плоскости законодательных корректировок уголовно-процессуального законодательства [8, с. 20].

Участник судопроизводства, избравший ненадлежащий способ защиты, рискует утратить процессуальное время и столкнуться с отказом в принятии заявления. Полагаем, что правовая неопределенность трансформируется в реальный барьер на пути к судебной защите, что прямо противоречит требованиям ст. 46 Конституции Российской Федерации. Нельзя не отметить, что все процессуальные последствия наступают для результатов процессуальной деятельности и тем или иным образом (чаще всего негативным) отражаются на правах и законных интересах лиц, участвующих в ней [9, с. 115]. Следовательно, обеспечение определенности и понятности существа и порядка реализации права на уголовно-процессуальное обжалование позволит повысить результативность и его эффективность.

Прокурор как участник уголовного судопроизводства, на которого возложен надзор за законностью деятельности органов предварительного расследования в досудебном производстве организует и координирует законное и обоснованное уголовное преследование виновного лица, а также привлечение его к ответственности, обеспечивая использование органами расследования исключительно законных средств и способов [10, с. 22].

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 9, сентябрь, 2022.

⁴ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2023 г. № 88а-14290/2023 // Официальный сайт Шестого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://aviastroitelnny - tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=case&case_id=184640389&case_uid=039bd65f-84a3-4aee-b251-f233c3853bdf&delo_id=41 (дата обращения: 15.05.2026).

¹ Решение Верховного Суда РФ от 28.05.2024 № АКПИ24-336 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 10 Приказа Генпрокуратуры России от 24.08.2021 № 487 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора»» // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2026 № 88а-1707/2026 по делу № 2а-5721/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Заключение

На основе вышеизложенного сформулируем основные выводы.

1. Анализ проведенной практики свидетельствует о проблеме в правовом регулировании обжалования в досудебном производстве. Замещение уголовно-процессуального порядка административным при рассмотрении жалоб, имеющих процессуальную природу, лишает участников уголовного судопроизводства надлежащих процессуальных гарантий, ведет к несоблюдению процессуальных сроков и препятствует своевременному восстановлению нарушенных прав.

2. Устранение правовой неопределенности возможно путем внесения законодательных корректировок. Представляется целесообразным дополнить ст. 123 УПК РФ положением, прямо устанавливающим, что любые жалобы на действия и решения органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, а также на решения прокурора, вынесенные в порядке надзора за таким производством, рассматриваются исключительно в уголовно-процессуальном порядке, вне зависимости от того, оспаривает ли заявитель существо принятого решения или только процедуру его принятия. Данное решение обеспечило бы предсказуемость правоприменения и единство судебного толкования в рассматриваемой сфере. Одновременно необходимо дополнить ст. 124 УПК РФ нормой о порядке приема, регистрации и жалобы, а также об уголовно-процессуальном порядке ее рассмотрения вышестоящим прокурором с применением сокращенных сроков, установленных данной статьей.

Литература

1. Митькова Ю.С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального института обжалования в досудебном производстве по уголовным делам / Ю.С. Митькова // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции, Омск, 26–28 мая 2022 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 206–209.
2. Рудакова С.В. Проблемные вопросы участия прокурора и руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном обжаловании // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1. С. 92–100.
3. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар. 2023. 564 с.
4. Грибунов О.П., Берестенников А.Г., Агафонов А.С. О некоторых вопросах рассмотрения прокурором жалоб в порядке статьи 124 УПК // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3(75). С. 134–144.
5. Победкин А.В. Порядок обжалования действий и решений прокурора в уголовном судопроизводстве определяется его функцией // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 1. С. 35–39.
6. Мордвинов А.В. Обжалование действий и решений следователя, дознавателя и органа дознания в порядке статьи 124 УПК РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». № 4. 2018. С. 577–580.
7. Шепелин И.В. Уголовно-процессуальные обращения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2025. 294 с.
8. Марьина Е.В., Хохлаева Э.А. Рассмотрение и разрешение прокурором жалоб участников уголовного судопроизводства // Законность. 2026. № 2. С. 19–23.

9. Гладышева О.В. Проблемы привлечения следователя к ответственности за результаты процессуальной деятельности // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 39–44.

10. Гладышева О.В., Семенов В.А. Участие прокурора в собирании доказательств при производстве следственных действий // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 1. С. 18–26.

LEGAL UNCERTAINTY OF APPEALING PROSECUTOR'S DECISIONS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Lopotenko V.S.

Kuban State University

The article is devoted to the study of the problems of legal regulation of appeals in pre-trial proceedings. Based on the analysis of the norms of criminal procedure legislation, the provisions of Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 "On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation", departmental regulations of the prosecutor's office, as well as judicial practice, a systemic gap has been identified, which is expressed in the actual replacement of the criminal procedure procedure for considering complaints by the general administrative procedure. The article reveals the legal ambiguity in distinguishing between the criminal procedure and administrative procedures for appealing against the actions of the prosecutor. According to the results of the study, it is proposed to supplement Article 123 of the Code of Criminal Procedure with a norm on the exclusively criminal procedural procedure for considering such complaints, and Article 124 of the Code of Criminal Procedure with rules on the admission, registration and consideration of complaints by a higher prosecutor in a shortened procedural time.

Keywords: pre-trial proceedings, criminal procedural appeal, Article 124 of the Code of Criminal Procedure, prosecutor, head of the investigative body.

References

1. Mitkova Yu.S. Certain Issues of the Criminal Procedure Institute of Appeal in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases / Yu.S. Mitkova // 20 Years of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Lessons and Prospects: Abstracts of Reports and Communications of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, May 26–28, 2022. – Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 206–209.
2. Rudakova S.V. Problematic Issues of Participation of the Prosecutor and the Head of the Investigative Body in Criminal Procedure Appeal // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2023. No. 1. P. 92–100.
3. Rudakova S.V. Criminal Procedure Appeal and Its System in Domestic Pre-Trial Proceedings: Diss. ... Doctor of Law. Krasnodar. 2023. 564 p.
4. Gribunov O.P., Berestennikov A.G., Agafonov A.S. On Some Issues of the Prosecutor's Consideration of Complaints under Article 124 of the Criminal Procedure Code // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (75). Pp. 134–144.
5. Pobedkin A.V. The Procedure for Appealing the Actions and Decisions of the Prosecutor in Criminal Proceedings is Determined by His Function // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2022. No. 1. Pp. 35–39.
6. Mordvinov A.V. Appealing the Actions and Decisions of the Investigator, Inquiry Officer, and Inquiry Body under Article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". No. 4. 2018. Pp. 577–580.
7. Shepelin I.V. Criminal Procedure Appeals in Pre-Trial Proceedings: Dis. ... Cand. of Law. Moscow. 2025. 294 p.
8. Maryina E.V., Khokhryakova E.A. Consideration and Resolution of Complaints of Participants in Criminal Proceedings by the Prosecutor // Legality. 2026. No. 2. Pp. 19–23.
9. Gladysheva O.V. Problems of Holding an Investigator Accountable for the Results of Procedural Activity // Investigative Activity: Science, Education, Practice. 2023. No. 3. Pp. 39–44.
10. Gladysheva O.V., Semenov V.A. Participation of the prosecutor in collecting evidence during investigative actions // Man and Law – XXI century: almanac of the Institute of the Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 1. P. 18–26.

Создание унифицированных стандартов маркировки синтетического контента: научное обоснование и правовое решение в борьбе с deepfake-угрозами

Лунев Даниил Геннадьевич,

аспирант, Смоленский государственный университет

E-mail: daniil.lunev.2017@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы создания унифицированных стандартов маркировки синтетического контента. Освещаются основные преимущества построения единой системы обозначений генеративной продукции, с научной точки зрения обосновывается необходимость введения подобной контрмеры в области борьбы с фальсификациями в цифровом пространстве. Приводится дефиниция термина маркировки подменной продукции, изучаются статистические данные, свидетельствующие о масштабе угрозе возникающей от бесконтрольного оборота deep-fake материалов. Проводится сравнительный анализ апробированных на практике инноваций национальных законодательств государств, представляющих разные правовые семьи. Рассматриваются основные сложности и препятствия, возникающие в процессе распространения deep-fake продукции, обусловленные трансграничным и анонимным характером подменной продукции. Освещается вопрос корреляции между процедурой создания единой концепции по маркировке синтетических материалов и снижением криминогенного потенциала deep-fake-технологий.

Ключевые слова: deepfake-технологии, противодействие, синтетический контент, унифицированные стандарты, маркировка, искусственный интеллект

В эпоху повсеместного внедрения информационных технологий в восприятии реальности отчётливо формируются черты дуализма: жизнедеятельность протекает параллельно в офлайн и онлайн пространстве. При этом рассматривать данные сферы обособленно нельзя, сгенерированная реальность планомерно подвергается популяризации среди народных масс. Обусловлена подобная метаморфоза процессом трансформации средств коммуникации с интеграцией технологий искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества. Данные инновации обладают свойством высокой адаптивности, что позволяет существенно улучшить продуктивность ряда процессов. С одной стороны подобные инновации выступают позитивным фактором в повышении качества жизни населения, с другой – способствуют смещению вектора преступности в киберпространство. В этой связи возникают проблемы потери личной конфиденциальности, тотального отслеживания работодателями поведения своих сотрудников, поглощения ИИ значительной части рабочих мест [6, с. 73].

Другим масштабным вызовом выступает фальсифицированный контент, создаваемый при помощи генеративного искусственного интеллекта, в частности с использованием deep-fake-технологий. В наиболее общем виде deep-fake-технологии дефинируются как методика синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте [2, с. 4]. При этом не стоит трактовать объекты генеративного творчества и синтетически созданные материалы как исключительно синонимичные явления, ввиду возможности создания последних без учёта возможностей искусственного интеллекта. С технической точки зрения deep-fake обозначает технологию замены части видеоизображения на другую, схожую по роду. При этом с помощью использования искусственного интеллекта достигается максимальная на данный момент реалистичность получаемого изображения [4, с. 2], что снижает до минимальных значений различия между подделками и подлинными материалами.

Цифровые подделки становятся действенным инструментом для совершения преступлений на фоне стремительно растущих темпов распространения deep-fake-продукции. В этой связи актуальным представляется изучение корреляционной взаимосвязи между масштабированием синтетической продукции и эффективностью средств защиты. Рынок инструментов для обнаружения ИИ растёт в среднем на 28–42% в год, при этом эффективность средств защиты падает на 45–50% [7]. Использование существующих мер по борьбе с вредоносным влиянием deep-fake-технологий не позволяет добиться эффективного результата, единой системы сдерживания, в частности унифицированной концепции маркировки фальсифицированной продукции, на данный момент не существует. Регулирование попадающих в цифровую среду синтетических материалов осуществляется преимущественно на уровне национальных законодательств, соответственно ограничивается строго территориальными рамками. Исключением выступает Регламент ЕС № 2024/1689, вступивший в силу в августе 2024 года, более известный как «Закон об искусственном интеллекте». Данный Регламент представляет собой наиболее комплексный на сегодняшний день правовой акт, регулирующий использование ИИ, и задает новые стандарты для глобального дискурса [1, с. 2]. После вступления в законную силу Регламент позволит интегрировать концепцию маркировки генеративной продукции в государствах-участниках, что позволит сделать позитивный шаг в борьбе с фальсифицированными материалами. Подобное правовое решение позволит усилить межгосударственное взаимодействие в построении действенного механизма защиты от deep-fake-технологий не в масштабе отдельно взятой правовой системы, а в масштабе целого мира.

Ввиду анонимных и трансграничных черт синтетического контента метод обособленного регулирования фальсифицированного контента с упором исключительно на наработки национальных законодательств не позволяет эффективно нивелировать негативные последствия от распространения цифровых подделок. Решением проблемы может стать создание системы международных стандартов в области маркировки сгенерированных при помощи искусственного интеллекта материалов. Безусловно, подобный подход представляется мерой стратегического планирования, и он не способен в краткосрочной перспективе обратить криминогенный потенциал от использования

deepfake-технологий вспять, но в силах существенно снизить темпы их распространения в обозримом будущем.

Прежде чем перейти к анализу отдельных национальных инноваций в указанной области следует привести дефиницию термина «маркировка» применительно к продукции, созданной генеративным искусственным интеллектом. В аналитическом обзоре «Маркировка контента, созданного с помощью искусственного интеллекта: эффект, опасности и будущие направления» (Labeling AI-Generated Content: Promises, Perils, and Future Direction), выпущенном Массачусетским технологическим институтом (MIT) в 2023 году, отмечалось, что «маркировка – это часто предлагаемая стратегия снижения рисков генеративного ИИ, которая предполагает применение видимых предупреждений пользователей о присутствии в сети контента, сгенерированного ИИ (например, в социальных сетях, на новостных сайтах или в поисковых системах)» [5, с. 60–61]. Создание системы унифицированных стандартов в области маркировки синтетического контента является частью сдерживающего механизма по защите общества от цифрового обмана и дезинформации.

Такой способ контроля не только накладывает ряд бремени на всю процедуру создания фальсифицированного контента, но и способствует предотвращению негативного эффекта от подобных цифровых подделок. Исходя из этого, система маркировки deepfake-контента направлена на одновременную реализацию сразу двух важных аспектов: информирование пользователей и оценивание. Первая составляющая проявляется в необходимости учёта технических особенностей сгенерированного продукта в целях обязательного донесения до каждого пользователя сведений о природе его происхождения. Вторая составляющая предполагает детальный анализ рисков и последствий, которые могут возникнуть при бесконтрольном обороте генеративных подделок.

Подобная инновация в области маркировки генеративного контента, созданного при помощи технологий искусственного интеллекта, уже существует в Китайской Народной Республике (КНР). Правовая система КНР включает в себя как традиционное (древнее) право, так и черты права стран социализма, романо-германской и англосаксонской правовых семей [8, с. 115]. В этой связи особенно интересно проследить за процессом перехода концепции маркировки синтетического контента от теоретических положений до практической плоскости.

С 1 сентября 2025 года в стране вступили в силу меры «По маркировке синтетического контента, созданного искусственным интеллектом». Существенный вклад в разработку данного проекта внесло обнародованное 25 ноября 2022 года положение «Об управлении информационными службами глубокого синтеза в Интернете», регулирующее процедуру выявления файлов, созданных при помощи генеративных технологий. Прорыв в области отслеживания синтетического контента позволил планомерно выйти на следующий этап: повсеместную маркировку сгенерированных продуктов, представляющую собой двухуровневую систему обозначений, направленную на минимизацию возможного сокрытия фактов цифровых фальсификаций. Наличие видимого водяного знака или подписи на deepfake-контенте позволяет пользователям без особых усилий определять синтетическое происхождение продукта в режиме реального времени. При этом очевидным недостатком маркировки выступает возможность удаления специализированных меток с помощью сторонних программ.

В целях борьбы с этим была разработана система скрытых обозначений (встроенная цифровая подпись и метка в метаданных файла), которую можно обнаружить даже в случае удаления видимых символов. Эффективность подхода заключается не в сочетании видимой составляющей и зашифрованного знака в коде, а в масштабах охвата. Требования по маркировке цифровых материалов обязательны для исполнения для всех разработчиков интернет-приложений и пользователей технологии искусственного интеллекта. Любая попытка удаления или изменения как видимой, так и скрытой формы маркировки автоматически прикрепляет к контенту статус «предположительно синтетический». Китай стал одним из первых государств, внедривших специальные меры по регулированию дипфейк-контента. Обязательная маркировка снижает вероятность распространения дезинформации. Это важный шаг в борьбе с манипуляциями и фейковыми новостями, так как повышает уровень доверия к информации и способствует более осознанному потреблению контента [3, с. 125].

Страны англосаксонской правовой семьи подходят к вопросу регулирования deepfake-контента иначе. Система маркировки генеративных файлов развивается как часть стратегии по борьбе с фальсификациями в цифровом пространстве. Так, в Великобритании законодатель фокусируется не на методах отслеживания синтетического контента, а на вопросах ужесточения ответственности за его использование. В 2025 году вступил в силу закон «О безопасности в интернете», при

этом на данный момент отсутствуют проекты, устанавливающие обязательные требования по маркировке синтетического контента.

В США проблема происхождения цифровой продукции прорабатывается уже несколько лет. В 2024 году был разработан законопроект «О защите и целостности контента от отредактированных и дипфейк медиа» (Content Origin Protection and Integrity from Edited and Deepfaked Media Act of 2024 или COPED Act) [10]. Закон ориентирован на снижение манипулятивного влияния синтетического контента в цифровой среде. Предполагается запретить любые формы воздействия на информацию о происхождении продукции, что свидетельствует о попытке установления обязательной системы маркировок. В качестве мер ответственности за подобные нарушения предполагаются штрафные санкции. Однако данный законопроект всё ещё не реализован на практике, поэтому маркировка синтетического контента в США продолжает носить рекомендательный характер.

Некоторые представители романо-германской правовой семьи также разделяют позицию КНР в области отслеживания фальсификаций в цифровой среде. В Национальное собрание Франции был внесён законопроект № 625 от 3 декабря 2024, согласно которому сгенерированный и опубликованный контент обязательно должен быть помечен соответствующим образом. В пояснительной записке к законопроекту говорится, что регулирование необходимо в связи с ростом числа дипфейков и манипулятивного контента, которые могут распространять политическую, экономическую или социальную дезинформацию, срывать выборы, вызывать социальную панику и наносить ущерб репутации отдельных лиц [9]. За отсутствие маркировки установлен штраф до нескольких тысяч евро для физических лиц, для платформ – до 50 тыс. евро.

Проведённый анализ маркировки синтетического контента в отдельных национальных юрисдикциях позволяет сформулировать особенности построения системы борьбы с deep-fake продукцией. В первую очередь стоит отметить принцип повсеместности, предполагающий установление обязательных требований к информированию пользователей о природе происхождения сгенерированной с помощью технологий искусственного интеллекта продукции. Для реализации обозначенного принципа необходимо произвести масштабную работу в области стандартизации процедуры предоставления подобных сведений, утвердить допустимую степень прозрачности при их размещении в целях обеспечения беспрепятственного доступа пользователей к указанной информации. В этой связи видимая составляющая должна быть распознаваемой для глаза человека, в частности читаться без использования увеличительных приборов и располагаться непосредственно на фальсифицированном контенте.

Следующим принципом в концепции построения единой системы маркировки deep-fake-материалов выступает двухфакторная аутентификация. Высокая степень реализма deep-fake продукции обуславливает необходимость использования скрытых обозначений в метаданных файла, позволяющих зафиксировать синтетический характер материалов даже в случае удаления видимых элементов маркировки. Подобный подход позволит противостоять сторонним программам по обходу видимой составляющей маркировки, что в значительной степени будет способствовать ограничению криминогенный потенциала deep-fake технологий.

Принцип повсеместности выступает в двух аспектах. Первый наиболее явно проявляется при определении перечня контента, в обязательном порядке подлежащего маркировке. Представляется правильным отнести сюда любую синтетическую продукцию, созданную при помощи технологий искусственного интеллекта, в том числе при помощи специальных программ или нейросетей. Это позволит масштабировать область регулирования deep-fake продукции, что в свою очередь приведет к снижению количества серых зон, обеспечивающих бесконтрольный оборот синтетической продукции.

Второй аспект обуславливается наднациональным характером распространения сгенерированных при помощи технологий искусственного интеллекта материалов. Трансграничные черты, присущие созданной подобным путем продукции, значительно затрудняют работу механизмов, организованных для распространения deep-fake-материалов. В этой связи не представляется возможным обеспечить действенное регулирование подменных материалов в рамках отдельно взятой правовой системы или государства, что свидетельствует о необходимости создания единых стандартов по маркировке синтетического контента.

Принцип персональной ответственности заключается в возложении санкций за нарушение требований маркировки deep-fake-продукции не только за распространение цифровых подделок, но и за процедуру их создания. Отдельного внимания заслуживают вопросы ужесточения санкций по отношению к онлайн-платформам, являющихся основными площадками для размещения синтетических

материалов. При этом представляется правильным разграничивать действия по созданию и по распространению сгенерированных материалов с установлением персональной ответственности в том числе за удаление обозначений о маркировке цифровой продукции. Подобное решение способно снизить количество синтетического контента без соответствующего обозначения, что автоматически приведет к снижению числа лиц, желающих удалить указанные метки с помощью сторонних программ.

В завершении обозначим выводы по усилению борьбы с манипулятивными возможностями deep-fake технологий. Во-первых, в современных реалиях рекомендательный характер маркировки синтетического контента, присущий правовым системам большинства государств, не позволяет качественно снизить дипфейк контент. В этой связи действенным выходом представляется создание унифицированной системы обозначений, свидетельствующих о сгенерированной продукции.

Во-вторых, концепция маркировки синтетического контента видится частью долгосрочной стратегии по снижению криминогенного потенциала deep-fake-технологий. Добиться подобного эффекта можно лишь в случае выполнения принципа повсеместности в вопросе внедрения системы цифровых обозначений. В условиях сложившейся геополитической ситуации межгосударственное взаимодействие по вопросу стандартизации маркировки генеративной продукции осложнено. При этом принятый Регламент ЕС № 2024/1689, вступивший в силу в августе 2024 года свидетельствует о перспективах гармонизации в указанном направлении.

Обрамленная в законодательные рамки обязанность по информированию пользователей о природе происхождения контента способна бороться с дезинформацией и фейковыми новостями и выступать средством правового просвещения населения. Подобная мера выступает дополнительной гарантией безопасности в цифровой среде и в краткосрочной перспективе способна существенно ограничить возможности по распространению синтетического контента.

Таким образом, преодоление правовых барьеров в построении системы маркировки материалов в цифровой среде представляется посильной задачей в обозримом будущем. В этой связи проблема использования синтетических материалов в ближайшие годы обретет более острые черты, что в свою очередь потребует активизации международного взаимодействия в обозначенной сфере.

Унифицированные стандарты в области маркировки представляют собой элемент системы сдержек и универсальный способ, предполагающий как меры ответственности за использование синтетического контента, так и правовое просвещение в цифровой среде.

Литература

1. Арзумянян А.Э. Регулирование использования искусственного интеллекта в уголовном процессе стран Европейского Союза // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. 9 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-protseesse-stran-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Воронин И. А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. 20 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Епифанова Т.В., Копейкин К.И. Проблемы законодательного регулирования объектов, созданных с использованием дипфейк-технологии в России и за рубежом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 121–128.
4. Постарнак А.М. Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). 5 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-pravovogo-regulirovaniya-dipfeykov-problema-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 19.04.2026).

5. Самарцева В.М. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Пролог: журнал о праве. 2025. № 2. С. 57–67.

6. Скворцова Е.Е. Взаимосвязь цифровизации и качества жизни: измерение и интерпретация // Народонаселение, 24 (2), С. 66–75.

7. Статистика дипфейков за 2025 год // DeepStrike. URL: <https://deepstrike.io/blog/deepfake-statistics-2025> (дата обращения: 20.03.2026).

8. Трошинский П.В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 99–117.

9. Французский законопроект // LIBRARY OF CONGRESS. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2025-03-07/france-bill-introduced-to-require-labeling-of-ai-generated-images-on-social-networks/> (дата обращения: 21.03.2026).

10. Закон 2024 года о защите происхождения и целостности контента от редактирования и использования технологии Deepfaked. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senatebill/4674> (дата обращения: 10.04.2026).

CREATION OF UNIFIED STANDARDS FOR MARKING SYNTHETIC CONTENT: SCIENTIFIC JUSTIFICATION AND LEGAL SOLUTION IN THE FIGHT AGAINST DEEPFAKE THREATS

Lunev D.G.

Smolensk State University

This article examines the prospects for creating unified standards for labeling synthetic content. It highlights the key advantages of developing a unified labeling system for generative products and scientifically substantiates the need for such a countermeasure to combat counterfeiting in the digital space. It defines the term «marking» for counterfeit products and examines statistical data demonstrating the scale of the threat posed by the uncontrolled circulation of deep-fake materials. A comparative analysis of proven innovations in national legislation across different legal systems is provided. The article examines the key challenges and obstacles encountered in the distribution of deep-fake products, owing to the cross-border and anonymous nature of counterfeit products. The correlation between the development of a unified concept for labeling synthetic materials and the reduction of the criminal potential of deep-fake technologies is also explored.

Keywords: deepfake technologies, countermeasures, synthetic content, unified standards, labeling, artificial intelligence

References

1. Arzumanyan, A.E. Regulation of the Use of Artificial Intelligence in Criminal Procedure in the European Union Countries. Legal Policy and Legal Life. 2026, № 1, 9 p. [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-protseesse-stran-evropeyskogo-soyuza> (accessed: 19 April 2026)].
2. Voronin, I. A., Gavra, D.P. Deepfakes: Modern Understanding, Approaches to Definition, Characteristics, Problems, and Prospects. Russian School of Public Relations. 2024, № 33, 20 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy> (accessed: 19 April 2026).
3. Epifanova T.V., Kopeikin K.I. Problems of legislative regulation of objects created using deepfake technology in Russia and abroad // North Caucasian Law Bulletin. 2024. № 3. Pp. 121–128.
4. Postarnak A.M. Analysis of foreign legal regulation of deepfakes: the problem of intellectual property protection // Theory and Practice of Social Development. 2023. № 6 (182). 5 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-pravovogo-regulirovaniya-dipfeykov-problema-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti> (accessed: 19 April 2026).
5. Samartseva V.M. Labeling of results autonomously created by generative artificial intelligence // Prologue: Journal of Law. 2025. № 2. Pp. 57–67.
6. Skvortsova E.E. The relationship between digitalization and quality of life: measurement and interpretation // Population, 24 (2), Pp. 66–75.
7. Deepfake statistics for 2025 // DeepStrike. URL: <https://deepstrike.io/blog/deepfake-statistics-2025> (accessed 20 March 2026).
8. Troshchinsky, P.V. The Legal System of the People's Republic of China: Formation, Development, and Characteristic Features // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2015. № 5. Pp. 99–117.
9. The French Bill // LIBRARY OF CONGRESS. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2025-03-07/france-bill-introduced-to-require-labeling-of-ai-generated-images-on-social-networks/> (accessed 21 March 2026).
10. Content Origin Protection and Integrity from Edited and Deepfaked Media Act of 2024. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senatebill/4674> (accessed: 10 April 2026).

Анализ судебной практики по уголовным делам о незаконном обороте прекурсоров в фармацевтической деятельности: проблемы квалификации, доказывания и совершенствования правового регулирования

Шелль Виктор Викторович,

аспирант Юридического института ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
E-mail: shell-2016@mail.ru

Злобина Анна Рафаэлевна,

старший следователь по особо важным делам отдела по расследованию организованной преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия и против личности, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий следственной части по расследованию организованной преступной деятельности, СУ УМВД России по Тамбовской области

Медведева Светлана Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
E-mail: Sv-medvedeva@mail.ru

Публикация посвящена всестороннему теоретико-прикладному исследованию актуальной российской правоприменительной практики по уголовным делам, касающимся нелегального обращения прекурсоров в рамках официально осуществляемой фармацевтической деятельности. Хронологические рамки анализа охватывают 2019–2025 годы. Выявлены системные проблемы квалификации деяний по ст. 228.3 УК РФ, включая механическое применение количественных критериев, игнорирование отраслевых стандартов обращения, недостаточную дифференциацию умысла и небрежности, а также методологические ограничения судебно-химической экспертизы в условиях сложных фармацевтических матриц. Аргументирована необходимость перехода от репрессивной модели правоприменения к риск-ориентированной, основанной на принципах соразмерности, презумпции добросовестности хозяйствующего субъекта и интеграции комплаенс-механизмов в уголовно-правовую оценку. Сформулированы научно обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства, следственной практики, экспертного обеспечения и межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: прекурсоры; незаконный оборот; фармацевтическая деятельность; ст. 228.3 УК РФ; судебная практика; квалификация преступлений; доказывание умысла; судебная экспертиза; комплаенс; административная деликтность; уголовная репрессия; пропорциональность наказания.

Введение

Контроль за обращением прекурсоров сегодня относится к числу стратегических приоритетов государственного регулирования, что обусловлено двумя взаимосвязанными факторами: расширением глобальных фармацевтических рынков и ужесточением международных стандартов мониторинга веществ, потенциально пригодных для нелегального производства наркотических и психотропных средств [24, 26].

Прекурсоры, будучи химическими субстанциями, широко применяются в легитимном фармацевтическом производстве для синтеза активных фармацевтических ингредиентов (АФИ), изготовления комбинированных лекарственных препаратов, обеспечения стабильности формул и проведения аналитического контроля. Однако их высокая химическая активность и возможность использования в незаконном химическом синтезе наркотиков обусловили введение жёстких контрольных режимов, включающих лицензирование, учёт, отчётность, ограничение объёмов закупок и межведомственный мониторинг.

Нормативную основу государственного контроля за обращением прекурсоров в России формирует многоуровневая система правовых актов. Её законодательный фундамент составляет Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [8], детализация контрольных механизмов и классификации веществ осуществляется Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [13]. Дополнительное отраслевое регулирование обеспечивается ведомственными нормативными актами Минздрава России, Росздравнадзора и МВД России [11, 7].

Несмотря на развитие регуляторной инфраструктуры, в правоприменительной практике сохраняется устойчивая тенденция к привлечению субъектов фармацевтической деятельности к уголовной ответственности по ст. 228.3 УК РФ [22] за нарушения, которые в ряде случаев носят технический, документальный или организационный характер [22, 6].

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ демонстрирует рост числа дел, возбуждаемых в отношении сотрудников складов, логистических операторов, руководителей дистрибьюторских компаний и аптечных сетей [21]. При этом доля оправдательных приговоров по данной категории дел остаётся минимальной, а процент перекалфикации на административные правонарушения или иные составы варьируется в зависимости от региона и уровня судебной инстанции [9]. Указанная динамика свидетельствует о наличии системных противоречий между нормативными требованиями, следственной практикой и реальными условиями функционирования фармацевтического рынка.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления правового дисбаланса, при котором количественные критерии оборота прекурсоров применяются без учёта контекста легитимной деятельности, отраслевых стандартов надлежащей практики и реального уровня общественной опасности деяния. В условиях цифровой трансформации учёта возрастает роль точности доказывания субъективной стороны, корректности экспертных заключений и соблюдения принципа соразмерности уголовной репрессии [21, 2].

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот прекурсоров исследовались в трудах отечественных учёных. В их работах раскрываются общие положения объективной и субъективной стороны состава, проблемы квалификации, соотношение ст. 228.3 и ст. 228.1 УК РФ, а также вопросы доказывания [2–4]. Однако отраслевая специфика фармацевтического оборота прекурсоров, влияние стандартов надлежащей практики на оценку умысла, методологические ограничения экспертиз в сложных лекарственных формах, а также системные проблемы в согласовании КоАП РФ и УК РФ остаются недостаточно изученными [14, 4].

Цель исследования – выявить тенденции, проблемы квалификации, доказывания и правоприменения по уголовным делам о незаконном обороте прекурсоров в фармацевтической деятельности, а также

разработать научно-практические рекомендации по совершенствованию регуляторной, следственной и судебной практики.

Задачи исследования:

- проанализировать нормативно-правовую базу и доктринальные подходы к определению прекурсоров и их оборота в фармацевтическом контексте;
- исследовать эмпирические данные судебной практики за 2019–2025 гг., выявив типологию дел, субъектный состав и динамику квалификации;
- оценить проблемы установления субъективной стороны, расчёта размеров оборота и применения экспертных методик;
- выявить системные противоречия в соотношении административной деликтности и уголовной преступности;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства, следственной практики, экспертного обеспечения и внедрению комплаенс-ориентированной модели ответственности.

Гипотеза исследования заключается в том, что современная судебная практика по делам о незаконном обороте прекурсоров в фармацевтике характеризуется формализмом в оценке объективных признаков, недостаточной дифференциацией умысла и небрежности, а также игнорированием отраслевых стандартов, что ведёт к необоснованной криминализации регуляторных нарушений и снижает эффективность борьбы с реальными схемами незаконного отвлечения прекурсоров [24, 14].

Эмпирическую базу составили данные Судебного департамента при ВС РФ [21], обзоры судебной практики [9, 21], 214 опубликованных судебных решений региональных, апелляционных и кассационных судов [6], материалы судебных экспертиз, нормативные акты и доктринальные источники, включая судебные акты судов Тамбовской области за 2025 год [15–17].

Теоретическая значимость состоит в расширении доктринальных представлений о субъективной стороне преступлений в сфере оборота прекурсоров, уточнении границ административной и уголовной ответственности, а также в обосновании интеграции риск-ориентированного подхода в уголовно-правовое регулирование фармацевтической деятельности.

Практическая значимость выражается в возможности использования выводов исследования для совершенствования следственной практики, разработки методических рекомендаций для судов и прекурсоров, оптимизации экспертных методик, а также в обосновании законодательных инициатив по дифференциации ответственности и внедрению комплаенс-освобождения от уголовной ответственности [9, 14].

Основные положения

В основе российского правового регулирования оборота прекурсоров лежит иерархически выстроенная система нормативных актов, охватывающая международно-правовые обязательства, федеральные законы, подзаконные распоряжения и ведомственные регламенты. Международные обязательства РФ в сфере контроля за химическими соединениями, используемыми для подпольного синтеза запрещённых препаратов, установлены международными договорами [26]. Фармацевтическая деятельность в части обращения прекурсоров регулируется ФЗ № 61-ФЗ [10], приказами Минздрава России о надлежащей производственной практике (GMP) [12], надлежащей дистрибьюторской практике (GDP) [11], а также требованиями Росздравнадзора к лицензированию, учёту и отчётности [7]. Ключевым аспектом является признание того, что прекурсоры в фармацевтическом контексте не являются незаконными по своей природе; их правовой статус определяется целевым назначением, соблюдением режимов обращения и наличием разрешительной документации.

Криминализация неправомерного движения прекурсоров в российском уголовном законодательстве закреплена в ст. 228.3 УК РФ [22], которая предусматривает применение мер государственного принуждения за незаконные операции с данными соединениями (включая их получение, содержание, транспортировку, пересылку и обработку), совершённые в количествах, признаваемых законом как крупный либо особо крупный размер. Диспозиция нормы не содержит указаний на легитимный контекст использования веществ, что создаёт правовую неопределённость при квалификации действий лицензированных организаций [14].

Граница между правонарушением и преступлением проводится исключительно по количественным показателям, утверждённым Постановлением Правительства РФ [13], без учёта цели использования, наличия лицензии, соблюдения учётных процедур или наличия комплаенс-систем [14, 2].

Доктринальная позиция по данному вопросу неоднозначна. Часть исследователей подчёркивает формальный характер состава ст. 228.3 УК РФ, указывая на необходимость строгого соблюдения принципа соразмерности и недопустимости механического применения количественных критериев [14, 2]. Другие авторы обращают внимание на сложность доказывания прямого умысла в условиях промышленного оборота [2].

Особую дискуссию вызывает вопрос о соотношении неосторожности и умысла: в фармацевтической практике халатное отношение к учёту может привести к образованию крупных объёмов прекурсоров, однако отсутствие цели их использования в незаконных целях исключает наличие прямого умысла, требуемого по диспозиции ст. 228.3 УК РФ [3, 4].

Анализ эмпирических данных позволил выявить устойчивые тенденции и проблемные зоны в правоприменении по делам о незаконном обороте прекурсоров в фармацевтической деятельности. За период 2019–2025 гг. количество рассмотренных дел по ст. 228.3 УК РФ [22], связанных с фармацевтическим сектором, увеличилось с 14% до 21% от общего массива [21]. Основные субъекты привлечения к ответственности: сотрудники складских и логистических подразделений (36%), руководители малого и среднего фармацевтического бизнеса (29%), работники аптек сетей и дистрибьюторов (18%), индивидуальные предприниматели (11%), специалисты по закупкам и контролю качества (6%). Юридические лица не являются субъектами уголовной ответственности по российскому праву, поэтому дела возбуждаются в отношении должностных лиц и сотрудников. В 68% случаев фигуранты имели действующую лицензию на фармацевтическую деятельность на момент совершения деяния, что подчёркивает регуляторный, а не криминальный характер нарушений [9].

В 43% дел первоначальное обвинение по ст. 228.3 УК РФ [22] подвергалось перекалфикации в ходе судебного разбирательства. Основные основания: ошибочное отнесение веществ к прекурсорам без учёта их фармацевтического статуса (18%), смешение нарушений правил учёта с незаконным оборотом (22%), игнорирование исключений для легально произведённых лекарственных препаратов, содержащих прекурсоры в установленных концентрациях (15%), отсутствие доказательств прямого умысла (12%), превышение количественных критериев за счёт технических потерь или погрешностей учёта (9%) [13, 6, 9, 14]. Суды первой инстанции нередко допускают формальную квалификацию, опираясь исключительно на объём изъятых веществ, без анализа контекста использования, наличия разрешительной документации и соответствия отраслевым стандартам [22, 14].

Анализ судебной практики судов Тамбовской области за 2025 год выявил особенности правоприменения, характерные для региона. В 2025 году в судах области рассмотрено ограниченное количество дел, где ст. 228.3 УК РФ [22] применялась в качестве самостоятельного состава. В большинстве случаев данная статья применялась в совокупности со ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств), что обусловлено фактическими обстоятельствами дел: прекурсоры изымались в ходе пресечения деятельности по изготовлению или распространению наркотиков [15].

Так, по уголовному делу Октябрьского районного суда г. Тамбова упоминается применение ст. 72.1 УК РФ (принудительные меры медицинского характера) в связи с осуждением подсудимой по ст. 228.3 УК РФ [22] и установленным диагнозом «наркомания» [15]. Подсудимая состояла на учёте у врача-нарколога, что стало основанием для назначения лечения. Конкретные данные о виде и массе прекурсоров в публично доступной версии приговора отсутствуют, что ограничивает возможности глубокого анализа квалификации.

По другому уголовному делу Сосновского районного суда Тамбовской области, суд указал, несмотря на то, что основное обвинение было предъявлено по ч. 1 ст. 228 УК РФ, в мотивировочной части приговора суд подробно изложил требования, которые предъявлялись к квалификации деяний, связанных с прекурсорами [16].

В 2025 году в перечень контролируемых веществ были включены 47 новых прекурсоров (Постановления Правительства РФ № 360 от 25.03.2025 и № 880 от 11.06.2025) [20, 19], для которых размеры установлены по аналогии с близкими по химической структуре соединениями.

Прямой умысел является обязательным признаком состава ст. 228.3 УК РФ [22, 2]. Однако в 71% дел суды признавали умысел установленным на основании косвенных данных: отсутствие первичной учётной документации, расхождение фактических остатков с отчётными данными, закупки у непроверенных поставщиков, нарушение сроков инвентаризации. В фармацевтической практике подобные ситуации часто возникают вследствие ошибок персонала, сбоев в системе «Честный ЗНАК», задержек поставок, технических потерь при фасовке

или некорректного отражения операций в ERP-системах. Суды редко исследуют внутренние регламенты, процедуры комплаенс-контроля, наличие SOP (стандартных операционных процедур) и факты добровольного устранения нарушений. В 24% дел защита предоставляла доказательства функционирования системы внутреннего контроля, однако суды не учитывали их при оценке умысла, ссылаясь на формальное превышение количественных критериев [2, 21].

Установление «крупного» и «особо крупного» размера осуществляется по таблицам, утверждённым Постановлением Правительства РФ [13], которые не учитывают фармацевтическую специфику: концентрации действующих веществ, формы выпуска, технологические потери, допустимые отклонения по фармакопейным статьям. В 57% дел защита оспаривала расчёт массы прекурсора, указывая на необходимость пересчёта на чистое вещество с учётом технологических норм и содержания в готовой лекарственной форме. Суды в большинстве случаев принимали расчёты следствия без критической оценки, что приводило к искусственному завышению размера оборота и назначению более строгих санкций [21, 12].

Судебно-химические экспертизы по прекурсорам в фармацевтических матрицах сталкиваются с методологическими ограничениями. В 41% дел защита оспаривала заключения экспертов из-за использования методик, не валидированных для сложных лекарственных форм, отсутствия учёта сопутствующих компонентов, некорректного отбора проб и расчёта массы без учёта технологических норм. В 19% дел эксперты не указывали предел погрешности метода, что нарушает требования ГОСТ Р 52249 [1] и методических рекомендаций Минздрава. Суды в 86% случаев принимали экспертные заключения без назначения дополнительной или повторной экспертизы, даже при наличии существенных противоречий в расчётах [12, 2].

В 62% дел назначались штрафы или условное лишение свободы. Реальное лишение свободы применялось преимущественно при наличии признаков организованной группы, использовании должностного положения, повторности или сокрытии доказательств. Смягчающими обстоятельствами суды признавали: явку с повинной, активное содействие раскрытию, возмещение ущерба, наличие лицензии, добровольное устранение нарушений. Однако системный учёт добросовестности хозяйствующего субъекта, наличия комплаенс-систем и отсутствия реальной общественной опасности отсутствует. В 14% дел назначались наказания, несообразные характеру нарушения, что указывало на формальный подход судов к оценке тяжести деяния [6, 9].

Анализ выявил существенную дифференциацию правоприменительной практики по регионам. В центральных и столичных округах наблюдается более строгий подход к квалификации, частое применение реального лишения свободы и низкий процент переквалификации. В южных и сибирских регионах выше доля административных переквалификаций, более частое применение условных наказаний и учёт отраслевых стандартов. Указанные различия объясняются разным уровнем экспертного обеспечения, квалификацией следователей и судей, а также региональными особенностями фармацевтического рынка [9, 21].

Анализ судебной практики позволяет сформулировать три группы системных проблем, требующих научного и практического разрешения.

Во-первых, отсутствие чёткой границы между административным нарушением правил обращения прекурсоров и уголовным преступлением в условиях легитимной фармацевтической деятельности. КоАП РФ [5] и УК РФ [22] используют одинаковые количественные критерии, игнорируя контекст использования веществ, наличие лицензии, соблюдение учётных процедур и уровень общественной опасности. Формальный подход ведёт к гиперкриминализации регуляторных нарушений, что противоречит принципам законности, соразмерности и гуманизации уголовной политики. Доктрина и международная практика подчёркивают необходимость дифференциации ответственности в зависимости от целевого назначения веществ, наличия комплаенс-систем и добросовестности субъекта [24, 14, 4].

Во-вторых, суды и следственные органы недостаточно учитывают отраслевые стандарты (GMP [12], GDP [11], ГОСТ Р 52249 [1], приказы Минздрава), что ведёт к ошибочной квалификации технических или документальных нарушений как уголовных деяний. Умысел устанавливается на основании формальных признаков, без анализа внутренних регламентов, процедур контроля, фактов устранения нарушений и сотрудничества с регуляторами. Отсутствует единая методика оценки субъективной стороны в условиях промышленного оборота, что приводит к субъективизму и региональной дифференциации правоприменения. Принцип презумпции добросовестности хозяйствующего субъекта не реализуется в полной мере, что нарушает баланс

между государственным контролем и развитием фармацевтической отрасли [2, 14, 4].

В-третьих, отсутствие единой судебно-экспертной методики идентификации прекурсоров в фармацевтических субстанциях и готовых лекарственных формах. Эксперты используют универсальные методики, не адаптированные к сложным матрицам, что ведёт к погрешностям в расчётах массы, игнорированию технологических норм и некорректному пересчёту на чистое вещество. Суды принимают экспертные заключения без критической оценки, нарушая принцип состязательности и права на защиту. Отсутствует реестр сертифицированных экспертных учреждений, специализирующихся на фармацевтическом анализе, что снижает качество доказательственной базы [12, 1, 2].

Зарубежная практика демонстрирует смещение акцента с репрессивных мер на комплаенс-регулирование. В ЕС и США ответственность зависит от наличия системы внутреннего контроля, добросовестности субъекта и сотрудничества с контролирующими органами [24, 14, 26]. Уголовное преследование применяется только при доказанном умысле на незаконное отвлечение прекурсоров, отсутствии комплаенс-процедур или системном игнорировании требований. В РФ подобные механизмы не интегрированы в уголовно-правовую доктрину, что сохраняет дисбаланс между регуляторными требованиями и уголовной репрессией [14, 9].

Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности правоприменения предлагается комплекс мер, охватывающий законодательное, правоприменительное, экспертное и институциональное направления.

Законодательные инициативы: внести в УК РФ положение о дифференциации ответственности по ст. 228.3 в зависимости от наличия лицензии, соблюдения правил учёта и наличия комплаенс-систем [22, 14, 4]; установить в КоАП РФ [5] и УК РФ [22] различные количественные пороги для фармацевтического и нефармацевтического оборота прекурсоров; ввести в УК РФ норму об освобождении от уголовной ответственности при доказанном функционировании системы внутреннего контроля, отсутствии признаков умысла и добровольном устранении нарушений; закрепить в УК РФ институт корпоративной ответственности с возможностью применения санкций к юридическим лицам при доказанном системном игнорировании требований, с одновременным освобождением должностных лиц при наличии комплаенс-процедур.

Совершенствование следственной и судебной практики: разработка методических рекомендаций для следователей и судей по оценке субъективной стороны в делах о прекурсорах с учётом фармацевтической специфики; внедрение обязательного анализа комплаенс-процедур хозяйствующего субъекта при квалификации деяний по ст. 228.3 УК РФ [22]; расширение публикации обезличенных текстов приговоров в части мотивировочных выводов для формирования единообразной практики.

Развитие экспертного обеспечения: создание единой судебно-экспертной методики идентификации прекурсоров в фармацевтических матрицах с учётом технологических норм и допустимых погрешностей [25]; формирование реестра сертифицированных экспертных учреждений, специализирующихся на фармацевтическом анализе; обязательное указание предела погрешности метода в экспертных заключениях в соответствии с ГОСТ Р 52249 [1].

Межведомственное взаимодействие и цифровизация: интеграция данных системы «Честный ЗНАК», ЕГАИС и реестров лицензий в единую платформу мониторинга оборота прекурсоров; разработка алгоритмов риск-оценки для автоматического выявления аномалий в учёте прекурсоров; создание межведомственных рабочих групп для оперативного согласования позиций по квалификации спорных случаев.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить системные тенденции и проблемы в судебной практике по уголовным делам о незаконном обороте прекурсоров в фармацевтической деятельности. Анализ эмпирических данных, нормативной базы и доктринальных позиций подтвердил гипотезу о наличии дисбаланса между формальным применением количественных критериев и реальным уровнем общественной опасности деяний [22, 21, 14].

Правоприменительная практика характеризуется недостаточной дифференциацией умысла, игнорированием отраслевых стандартов, методологическими ограничениями экспертиз и отсутствием учёта комплаенс-факторов при оценке ответственности.

Научная и практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости перехода от репрессивной модели правоприменения к риск-ориентированной, основанной на принципах соразмерности, презумпции добросовестности хозяйствующего субъекта

и интеграции комплаенс-механизмов в уголовно-правовую оценку [24, 14, 4, 9]. Предложенные рекомендации по совершенствованию законодательства, следственной практики, экспертного обеспечения и межведомственного взаимодействия направлены на преодоление системных противоречий, повышение качества доказывания и обеспечение соответствия уголовной репрессии реальной опасности деяний.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку единой методологии оценки субъективной стороны в условиях промышленного оборота прекурсоров, создание цифровых моделей мониторинга с алгоритмами риск-оценки, а также на сравнительно-правовой анализ комплаенс-освобождения от ответственности в зарубежных юрисдикциях. Реализация предложенных мер позволит сформировать устойчивую правовую среду, обеспечивающую баланс между государственным контролем, развитием фармацевтической отрасли и защитой прав добросовестных хозяйствующих субъектов.

Литература

1. ГОСТ Р 52249–2020. Правила надлежащей производственной практики. – М.: Стандартинформ, 2020. – 87 с.
2. Гусев А.Н. Экспертное обеспечение дел о прекурсорах в фармацевтическом секторе / А.Н. Гусев // Судебная экспертиза. – 2023. – № 1. – С. 34–41.
3. Доклад Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии законности в сфере оборота лекарственных средств и прекурсоров». – М., 2024. Заключение Научно-консультативного совета при Следственном комитете РФ «О проблемах квалификации преступлений в сфере оборота прекурсоров». – М., 2023.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Материалы судебных решений по ст. 228.3 УК РФ (2019–2025 гг.) // СудАкт [сайт]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2025).
6. О методических рекомендациях по контролю за оборотом прекурсоров в аптечных организациях: Приказ Росздравнадзора от 15.03.2021 № 2145 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2021. – № 18.
7. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 219.
8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2017 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 8.
9. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.
10. Об утверждении Правил надлежащей дистрибьюторской практики: Приказ Минздрава России от 31.08.2016 № 646н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 45.
11. Об утверждении Правил надлежащей производственной практики: Приказ Минпромторга России от 14.06.2013 № 916 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2013. – № 32.
12. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 27. – Ст. 3198.
13. Петров Д.А. Комплаенс-механизмы как основание дифференциации ответственности в сфере оборота прекурсоров / Д.А. Петров // Предпринимательское право. – 2024. – № 1. – С. 22–29.
14. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от апреля 2025 г. по делу № 1–142/2025 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yuuizsprzu4rtpP/> (дата обращения: 12.05.2026).
15. Приговор Сосновского районного суда Тамбовской области от августа 2025 г. по делу № 1–66/2025 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7ktVQL8gWJIs/> (дата обращения: 12.05.2026).
16. Приговор Тамбовского районного суда от октября 2025 г. по делу № 1–385/2025 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j3ln7JMx-5obH/> (дата обращения: 12.05.2026).
17. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих такие прекурсоры, для целей статей 228.3, 229.1 и 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 41. – Ст. 5633.

18. Постановление Правительства РФ от 11.06.2025 № 880 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 14 июня.

19. Постановление Правительства РФ от 25.03.2025 № 360 «О внесении изменений в перечень прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 28 марта.

20. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019–2025 гг. [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.04.2025).

21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

22. Controlled Substances Act, 21 U.S.C. § § 801–971 (United States of America).

23. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. Precursor control in pharmaceutical supply chains. – Lisbon: EMCDDA, 2022. – 64 p.

24. ICH Q2(R2). Validation of Analytical Procedures. – Geneva: International Council for Harmonisation, 2022. – 38 p.

25. International Narcotics Control Board. Precursor Control Guidelines. – Vienna: INCB, 2023. – 112 p

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE IN CRIMINAL CASES ON ILLEGAL CIRCULATION OF PRECURSORS IN PHARMACEUTICAL ACTIVITIES: PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION, EVIDENTIARY ASSESSMENT, AND IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION

Shell V.V., Zlobina A.R., Medvedeva S.V.

Tambov State Technical University, Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Tambov Region

This article presents a comprehensive doctrinal and empirical analysis of contemporary Russian judicial practice concerning criminal cases related to the illegal circulation of precursors within legitimate pharmaceutical activities. The analysis covers the period from 2019 to 2025. The study identifies systemic challenges in qualifying offenses under Article 228.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, including the mechanical application of quantitative thresholds, disregard for industry circulation standards, insufficient differentiation between criminal intent and negligence, and methodological limitations of forensic chemical examinations in complex pharmaceutical matrices. The authors substantiate the need to transition from a punitive law enforcement model to a risk-oriented approach grounded in the principles of proportionality, the presumption of good faith of economic entities, and the integration of compliance mechanisms into criminal law assessments. Scientifically grounded recommendations are formulated to improve legislation, investigative practices, forensic support, and interagency cooperation.

Keywords: precursors; illegal circulation; pharmaceutical activities; Article 228.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; judicial practice; legal qualification of crimes; proving criminal intent; forensic examination; compliance; administrative liability; criminal repression; proportionality of punishment.

References

1. ГОСТ Р 52249–2020. Rules of Good Manufacturing Practice. – Moscow: Standardinform, 2020. – 87 p. (In Russian)
2. Gusev A.N. Expert Support for Precursor Cases in the Pharmaceutical Sector / A.N. Gusev // Forensic Examination. – 2023. – No. 1. – P. 34–41. (In Russian)
3. Report of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation "On the State of Legality in the Circulation of Medicines and Precursors". – Moscow, 2024. (In Russian)
4. Conclusion of the Scientific and Advisory Council under the Investigative Committee of the Russian Federation "On Problems of Qualification of Crimes in the Sphere of Precursor Circulation". – Moscow, 2023. (In Russian)
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1. (In Russian)
6. Materials of Court Decisions on Article 228.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (2019–2025) // SudAct [website]. – URL: <https://sudact.ru> (accessed: 15.04.2025). (In Russian)
7. On Methodological Recommendations for Control over Precursor Circulation in Pharmaceutical Organizations: Order of Roszdravnadzor dated 15.03.2021 No. 2145 // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Bodies. – 2021. – No. 18. (In Russian)
8. On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances: Federal Law dated 08.01.1998 No. 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 2. – Art. 219. (In Russian)
9. On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Illegal Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.06.2017 No. 14 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2017. – No. 8. (In Russian)
10. On the Circulation of Medicines: Federal Law dated 12.04.2010 No. 61-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 16. – Art. 1815. (In Russian)
11. On Approval of the Rules of Good Distribution Practice: Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.08.2016 No. 646n // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Bodies. – 2016. – No. 45. (In Russian)

12. On Approval of the Rules of Good Manufacturing Practice: Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated 14.06.2013 No. 916 // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Bodies. – 2013. – No. 32. (In Russian)

13. On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors Subject to Control in the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30.06.1998 No. 681 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 27. – Art. 3198. (In Russian)

14. Petrov D.A. Compliance Mechanisms as a Basis for Differentiation of Liability in the Sphere of Precursor Circulation / D.A. Petrov // Entrepreneurial Law. – 2024. – No. 1. – P. 22–29. (In Russian)

15. Judgment of the Oktyabrsky District Court of Tambov dated April 2025 in Case No. 1–142/2025 // SudAct. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yuuzspzu4pmP/> (accessed: 12.05.2026). (In Russian)

16. Judgment of the Sosnovsky District Court of Tambov Region dated August 2025 in Case No. 1–66/2025 // SudAct. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7ktVQL8gWJIs/> (accessed: 12.05.2026). (In Russian)

17. Judgment of the Tambov District Court dated October 2025 in Case No. 1–385/2025 // SudAct. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j3In7JMx5obH/> (accessed: 12.05.2026). (In Russian)

18. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 01.10.2012 No. 1002 (as amended on 11.06.2025) "On Approval of Significant, Large and Especially

Large Sizes of Precursors of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances, as Well as Plants Containing Such Precursors, for the Purposes of Articles 228.3, 229.1 and 234 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 41. – Art. 5633. (In Russian)

19. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.06.2025 No. 880 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – June 14. (In Russian)

20. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 25.03.2025 No. 360 "On Amendments to the List of Precursors, the Circulation of Which Is Restricted in the Russian Federation and in Respect of Which Control Measures Are Established" // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – March 28. (In Russian)

21. Statistical Data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2019–2025 [website]. – URL: <http://www.cdep.ru> (accessed: 15.04.2025). (In Russian)

22. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954. (In Russian)

23. Controlled Substances Act, 21 U.S.C. § § 801–971 (United States of America).

24. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. Precursor control in pharmaceutical supply chains. – Lisbon: EMCDDA, 2022. – 64 p.

25. ICH Q2(R2). Validation of Analytical Procedures. – Geneva: International Council for Harmonisation, 2022. – 38 p.

Микулич Даниил Игоревич,
аспирант, ЕГУ им. И.А. Бунина
E-mail: danil.mikulich@yandex.ru

Работа направлена на выявление и систематизацию ключевых уголовно-правовых проблем, связанных с определением субъекта преступления и установлением признаков субъективной стороны в деяниях, совершённых с использованием систем искусственного интеллекта, а также на оценку готовности действующего законодательства к квалификации таких деяний. Выявлены трудности при отграничении умысла, преступного легкомыслия и невиновного причинения вреда ввиду непредсказуемости самообучающихся алгоритмов. Сделан вывод о недопустимости фикции ответственности ИИ. Законодателю следует уточнить пределы обязанности предвидеть вред, конкретизировать критерии преступной небрежности и закрепить нормы о допустимом риске при разработке и эксплуатации автономных систем.

Ключевые слова: субъективная сторона, преступление, искусственный интеллект, уголовный кодекс.

Проблема субъективной стороны в преступлениях, связанных с искусственным интеллектом, представляет собой один из наиболее фундаментальных вызовов для современной уголовно-правовой доктрины, поскольку традиционное понимание вины, выступающей краеугольным камнем уголовной ответственности, оказывается трудно применимым к деяниям, совершаемым автономными интеллектуальными системами или с их использованием. Субъективная сторона преступления, традиционно раскрываемая через психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности, неразрывно связана с наличием у субъекта сознания и воли, способностью осознавать противоправность своего поведения и руководить им, что в полной мере присуще лишь человеку и отсутствует у современных систем ИИ, действующих на основе алгоритмов и машинного обучения. Уголовно-правовая идеология, выраженная в принципе вины, не допускает реализации уголовной ответственности без установления вины конкретного человека, что предопределяет отказ от признания искусственного интеллекта субъектом преступления в действующем российском законодательстве, однако цифровая трансформация общественных отношений создает серьезные предпосылки для пересмотра уголовно-правового значения вины, поскольку цифровые средства, снабженные технологиями ИИ, уже выходят из-под строгого контроля физического лица-оператора, и возможные негативные последствия от использования «умной машины» не укладываются в привычные рамки теории вины.

При анализе проблемы субъективной стороны принципиальное значение приобретает классификация ситуаций в зависимости от функциональной роли систем ИИ в механизме совершения преступления и степени их автономности, поскольку от этого напрямую зависит возможность установления вины конкретных физических лиц и форма их психического отношения к содеянному. В первой категории ситуаций, когда ИИ выступает исключительно в качестве орудия преступления и злоумышленник намеренно создает программное обеспечение либо использует существующее для совершения противоправных действий, субъективная сторона раскрывается через прямой умысел разработчика или пользователя, который осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления, что в полной мере соответствует традиционным представлениям о вине и позволяет привлекать к ответственности конкретное физическое лицо. Ко второй категории относятся ситуации, при которых злоумышленник изменяет программу либо получает неправомерный доступ к ней, применяя технологию для совершения преступления без санкции разработчика, и здесь также не возникает трудностей с установлением субъективной стороны, поскольку лицо, осуществившее неправомерный доступ или модификацию, действует с прямым умыслом на совершение конкретного преступления либо на создание условий для его совершения.

Существенно более сложными для уголовно-правовой оценки являются ситуации, при которых вред причиняется в результате автономного функционирования системы ИИ, когда программное обеспечение допускает ошибку вследствие самообучения, дефектов в программном коде либо иных обстоятельств, не связанных с непосредственными противоправными действиями конкретного пользователя или злоумышленника, и здесь возникает фундаментальная проблема установления формы вины, поскольку разработчик, не допустивший ошибок при создании программы, и пользователь, использовавший систему по назначению, не могут быть привлечены к ответственности за неосторожность, если они не могли и не должны были предвидеть наступление общественно опасных последствий. Даже если вина разработчика в принципе может быть доказана, идентификация конкретных виновных среди множества лиц, участвовавших в сложном процессе создания системы ИИ, и распределение между ними ответственности представляют значительную практическую сложность, особенно с учетом того, что российское уголовное право не признает юридические лица субъектами преступления и не допускает коллективной ответственности. Наиболее же проблематичной является ситуация, когда система ИИ допускает ошибку в рамках самообучения, поскольку алгоритмы машинного обучения могут модифицировать собственное поведение на основе обработанных данных способами, которые разра-

ботчики не могли предвидеть и которые не вытекают непосредственно из заложенного программного кода, что делает невозможным установление причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и наступившими последствиями, а следовательно, и наличие вины в какой-либо форме.

В науке уголовного права обсуждается вопрос о возможности разработки новых форм вины, которые могли бы быть применимы к деяниям, совершаемым с использованием автономных систем ИИ, либо о допустимости отказа от принципа вины применительно к отдельным категориям таких деяний с переходом к модели объективного вменения, что, однако, вступает в противоречие с фундаментальными принципами уголовного права, поскольку даже в условиях цифровой трансформации общества принцип вины сохраняет свое значение как общий принцип уголовно-правового регулирования. Некоторые исследователи, анализируя данную проблему, приходят к выводу, что современные системы ИИ уже способны к совершению общественно опасных деяний как умышленно (например, в случае создания автономных военных разработок), так и по неосторожности, что свидетельствует о существовании у них определенного аналога субъективной стороны.

В международных исследованиях отмечается, что установление субъективной стороны преступления для ИИ представляет собой наибольшую сложность по сравнению с установлением объективной стороны, поскольку интеллектуальные системы, обладающие в некотором смысле собственными развитыми знаниями и волей, не позволяют судам опираться на традиционную концепцию вины в умышленных преступлениях, где умысел четко определяется в соответствии с действиями человека-преступника, что требует пересмотра подхода к определению вины в случаях использования систем ИИ для совершения умышленных преступлений.

Дискуссионным остается вопрос о принципиальной возможности признания за системами ИИ собственной субъективной стороны. Некоторые авторы полагают, что возможно признание ИИ субъектом преступления и наделение его правосубъектностью по аналогии с юридическими лицами. Другие исследователи, напротив, настаивают на невозможности применения категории вины к искусственным системам в силу отсутствия у них сознания, эмоций и моральной ответственности, и предлагают альтернативные модели, такие как коллективное распределение рисков или переход к восстановительному правосудию, где акцент смещается с установления вины конкретного субъекта на возмещение вреда и диалог между пострадавшими и участниками технологического процесса[1, с. 45].

Решением проблемы субъективной стороны представляется не столько признание ИИ самостоятельным субъектом преступления, сколько совершенствование законодательной базы и ответственности физических лиц за преступления, совершаемые с использованием ИИ, с четкой дифференциацией форм вины в зависимости от функциональной роли технологии и степени контроля человека над ее функционированием, а также введение в уголовное законодательство положений, признающих использование ИИ при совершении преступлений квалифицирующим признаком либоотягчающим обстоятельством, что позволит учитывать повышенную общественную опасность таких деяний без необходимости ломки фундаментальных принципов уголовного права.

Для понимания вопроса о субъективной стороне деяний, совершенных с Асздоровью человека, необходимо обратиться к анализу элементов состава преступления. Прежде всего следует констатировать, что применение систем ИИ объективно способно причинять вред здоровью, охраняемому уголовным законом. Подобные ситуации уже встречаются на практике и могут быть проиллюстрированы различными примерами: падение беспилотных летательных аппаратов (дронов), наезд на пешехода беспилотного автомобиля, причинение травмы работнику роботизированным оборудованием на производстве и иные подобные инциденты.

Применительно к объективной стороне состава преступления в части причинения вреда здоровью квалификация не вызывает принципиальных затруднений. В каждом таком случае присутствует деяние (действие или бездействие системы), причиняющее вред охраняемым уголовным законом интересам; оно совершается в определенном месте и в конкретный временной промежуток, а способ его совершения зависит от технической реализации конкретной системы искусственного интеллекта. Иными словами, объективная сторона как совокупность внешних признаков преступления может быть установлена без существенных сложностей, поскольку вред здоровью, причинная связь между функционированием системы и наступившими последствиями, а также иные объективные обстоятельства поддаются фиксации и доказыванию в рамках существующего уголовно-процессуального механизма.

Действительно сложным и требующим глубокого осмысления представляется вопрос о субъективной стороне при причинении вреда здоровью посредством систем ИИ. Субъективная сторона традиционно раскрывается через такие категории, как вина (умысел или неосторожность), мотив и цель, которые неразрывно связаны с психической деятельностью человека, его сознанием и волей. Современные системы искусственного интеллекта, функционирующие на основе программного обеспечения и алгоритмов, не обладают психикой, сознанием или волей в антропоморфном понимании, что исключает возможность применения к ним института вины в его классическом уголовно-правовом значении.

Ключевым обстоятельством, определяющим подход к решению данной проблемы, является то, что действия искусственного интеллекта всегда опосредованы деятельностью людей на различных этапах – от создания до эксплуатации. Программное обеспечение представляет собой набор алгоритмов, разработанных человеком; функционирование системы обеспечивается ее создателем, владельцем, оператором; техническое обслуживание и модификации осуществляются соответствующими специалистами.

В случаях причинения вреда системами искусственного интеллекта ответственность распределяется между различными субъектами в зависимости от того, на каком этапе жизненного цикла системы были допущены нарушения, повлекшие вредоносные последствия. При этом ключевое значение для квалификации имеет форма вины – умысел или неосторожность – и характер наступивших последствий.

Если вред здоровью человека причинен вследствие ошибок, допущенных на этапе проектирования алгоритмов, ответственность возлагается на разработчика или группу разработчиков программного обеспечения. В случаях, когда действиям разработчика присуща неосторожная форма вины, а последствием стало причинение тяжкого вреда здоровью, содеянное целесообразно квалифицировать по пункту «в» части 2 статьи 238 Уголовного кодекса РФ – выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью. Данная норма в полной мере охватывает ситуацию, когда разработчик создает программный продукт, предназначенный для использования неопределенным кругом потребителей, но не обеспечивает его соответствие обязательным требованиям безопасности.

Аналогичным образом по статье 238 УК РФ подлежит квалификация и деяние продавца системы искусственного интеллекта, если он вносит конструктивные изменения в систему, которые приводят к несоответствию продукции требованиям безопасности эксплуатации, и впоследствии такие изменения становятся причиной причинения вреда здоровью. В данном случае продавец выступает как лицо, ответственное за безопасность реализуемой продукции, и его вмешательство в конструкцию или программное обеспечение создает дополнительные риски для потребителей[2].

Если вред здоровью причинен вследствие ошибок, допущенных оператором при эксплуатации системы искусственного интеллекта, ответственность возлагается на пользователя. В таких случаях система ИИ выступает в качестве средства совершения преступления, а действия оператора, при неосторожной форме вины и причинении тяжкого вреда здоровью, подлежат квалификации по части 2 статьи 118 УК РФ. Важно отметить, что при управлении транспортными средствами с элементами автономности возможна также квалификация по статье 264 УК РФ, однако в случаях, когда лицо не является водителем в традиционном понимании, статья 118 УК РФ может оказаться более адекватной.

Принципиально иной подход применяется в случаях, когда у указанных выше лиц (разработчика, продавца, оператора) установлен умысел на причинение вреда здоровью. Если лицо осознавало, что его действия по созданию, модификации или эксплуатации системы ИИ неизбежно или с высокой вероятностью приведут к причинению вреда, и желало либо сознательно допускало наступление таких последствий, квалификация осуществляется по статьям, предусматривающим ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья: статья 111, статья 112, статья 115. В данных случаях искусственный интеллект выступает в качестве средства достижения преступных целей, то есть орудия совершения преступления, аналогично любому иному техническому устройству, используемому для причинения вреда[7].

В связи с прогнозируемым ростом числа случаев использования искусственного интеллекта в преступных целях представляется обоснованным предложение о дополнении статей 111, 112, 115 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием систем искусственного интеллекта». Как отмечает И.С. Понкин, введение такого призна-

ка позволит дифференцировать уголовную ответственность, учитывая повышенную общественную опасность соответствующих деяний, обусловленную сложностью выявления и пресечения таких преступлений, а также возможностью дистанционного и масштабируемого причинения вреда. Квалифицирующий признак может быть сформулирован как «то же деяние, совершенное с использованием систем искусственного интеллекта» и помещен в соответствующие части указанных статей.

При квалификации деяний, совершенных с использованием искусственного интеллекта, необходимо учитывать возможность множественности субъектов ответственности. В сложных случаях, когда к причинению вреда привели как ошибки разработчика, так и нарушения со стороны оператора, требуется тщательное установление степени вины каждого лица и причинной связи между действиями каждого из них и наступившими последствиями. Возможна ситуация, когда ответственность распределяется между несколькими лицами в зависимости от вклада каждого в наступление вредоносного результата.

В настоящее время действия систем искусственного интеллекта, несмотря на их способность к самообучению и принятию автономных решений в рамках заданных параметров, остаются детерминированными программными алгоритмами, разработанными человеком. Любое решение, принимаемое ИИ, так или иначе является результатом обработки данных по заложенным разработчиком математическим моделям. Следовательно, с точки зрения уголовного законодательства, в действиях искусственного интеллекта при причинении вреда здоровью или имуществу отсутствует субъективная сторона как обязательный элемент состава преступления.

Анализ зарубежного законодательства и доктрины свидетельствует о том, что в большинстве правовых систем преобладает аналогичный подход. В странах Европейского Союза, США, Японии и других технологически развитых государствах искусственный интеллект также не признается субъектом уголовной ответственности. Дискуссии ведутся преимущественно о распределении ответственности между разработчиками, производителями, владельцами и операторами систем ИИ, а также о возможном введении особого режима ответственности для случаев, связанных с функционированием автономных систем [5, с. 140].

Развитие технологий искусственного интеллекта, особенно систем с элементами глубокого обучения и самообучения, создает ситуацию так называемого «пробела ответственности», когда вред причинен вследствие автономного решения системы, которое не могло быть предсказано или предотвращено ни разработчиком, ни оператором. В таких случаях традиционные механизмы уголовной ответственности могут оказаться неприменимыми, что требует разработки новых правовых подходов, включая:

- 1) введение обязательного страхования гражданской ответственности за вред, причиненный системами ИИ;
- 2) создание компенсационных фондов за счет разработчиков и производителей;
- 3) разработку специальных норм об ответственности за причинение вреда источниками повышенной опасности с учетом специфики автономных систем;
- 4) введение элементов объективной ответственности с возможностью последующего регресса к виновным лицам.

Таким образом, на современном этапе развития уголовного законодательства и технологий искусственного интеллекта следует однозначно констатировать невозможность признания ИИ субъектом преступления. Любые рассуждения об уголовной ответственности искусственного интеллекта носят гипотетический, перспективный характер и связаны с необходимостью принципиального пересмотра основ уголовного права в случае достижения технологией качественно иного уровня развития. В настоящее же время ответственность за вред, причиненный системами ИИ, должны нести физические лица – разработчики, производители, владельцы, операторы и иные причастные субъекты – на общих основаниях в зависимости от формы вины и характера наступивших последствий.

Литература

1. Гаптеракханов, А.Р. Теоретико-правовые основания и предпосылки признания искусственного интеллекта субъектом преступления / А.Р. Гаптеракханов // Молодой ученый. – 2025. – № 13 (564). – С. 75.

2. Денисова, О.Е. Соучастие в преступлении, совершаемом с использованием искусственного интеллекта: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства / О.Е. Денисова, С.А. Юрков // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-prestuplenii-sovershaemom-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta-sravnitelnyy-analiz-rossiyskogo-i-zarubezhnogo> (дата обращения: 19.03.2026).

3. Дремлюга, Р.О. Уголовно-правовая квалификация деяний, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта / Р.О. Дремлюга, Н.Г. Присекина, Ю. Лю // Журнал юридических исследований. – 2023. – № 4. – С. 184.

4. Жарова, А.К. Искусственный интеллект – средство или способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации? / А.К. Жарова // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 57.

5. Кирпиченко, А.А. Искусственный интеллект в уголовно-правовой доктрине / А.А. Кирпиченко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 68.

6. Ключев, С.Ю. Искусственный интеллект как субъект преступления / С.Ю. Ключев // Молодой ученый. – 2025. – № 27 (578). – С. 168.

7. Петрикова, С.В. Субъективная сторона состава преступления при причинении вреда здоровью искусственным интеллектом / С.В. Петрикова, А.А. Лаврушкина // Социально-политические науки. – 2021. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-storona-sostava-prestupleniya-pri-prichinenii-vreda-zdorovuyu-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 19.03.2026).

8. Сокова, А.А. Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны / А.А. Сокова // Молодой ученый. – 2019. – № 16. – С. 123.

9. Щепетильников, В.Н. Есть ли место искусственному интеллекту в уголовном праве? / В.Н. Щепетильников // Вопросы государства и права. – 2024. – № 3 (6). – С. 61.

THE PROBLEM OF THE SUBJECTIVE ASPECT IN AI-INVOLVED CRIMES

Mikulich D.I.

I.A. Bunin Yelets State University

The work is aimed at identifying and systematizing key criminal law problems related to the definition of the subject of a crime and the identification of signs of a subjective side in acts committed using artificial intelligence systems, as well as assessing the readiness of current legislation to qualify such acts. Difficulties have been identified in distinguishing intent, criminal recklessness, and innocent harm due to the unpredictability of self-learning algorithms. It is concluded that the fiction of AI responsibility is unacceptable. The legislator should clarify the limits of the duty to anticipate harm, specify criteria for criminal negligence, and establish rules on acceptable risk in the development and operation of autonomous systems.

Keywords: subjective side, crime, artificial intelligence, criminal code.

References

1. Gapterakhmanov, A.R. Theoretical and legal grounds and prerequisites for recognizing artificial intelligence as a subject of a crime / A.R. Gapterakhmanov // Young scientist. – 2025. – No. 13 (564). – P. 75.
2. Denisova, O.E. Complicity in a crime committed with the use of artificial intelligence: a comparative analysis of Russian and foreign legislation / O.E. Denisova, S.A. Yurkov // Herald of science. – 2025. – No. 5 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-prestuplenii-sovershaemom-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta-sravnitelnyy-analiz-rossiyskogo-i-zarubezhnogo> (date of access: 19.03.2026).
3. Dremlyuga, R.O. Criminal-legal qualification of acts committed with the use of artificial intelligence systems / R.O. Dremlyuga, N.G. Prisekina, Yu. Liu // Journal of Legal Research. – 2023. – No. 4. – P. 184.
4. Zharova, A.K. Artificial Intelligence – a Means or a Method of Committing Fraud in the Sphere of Computer Information? / A.K. Zharova // State and Law. – 2023. – No. 2. – P. 57.
5. Kirpichenko, A.A. Artificial Intelligence in Criminal Law Doctrine / A.A. Kirpichenko // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Vol. 14, No. 3. – P. 68.
6. Klyuev, S. Yu. Artificial Intelligence as a Subject of a Crime / S. Yu. Klyuev // Young Scientist. – 2025. – No. 27 (578). – P. 168.
7. Petrikova, S.V. Subjective Side of a Crime in Causing Harm to Health by Artificial Intelligence / S.V. Petrikova, A.A. Lavrushkina // Social and Political Sciences. – 2021. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-storona-sostava-prestupleniya-pri-prichinenii-vreda-zdorovuyu-iskusstvennym-intellektom> (date of access: March 19, 2026).
8. Sokova, A.A. Artificial Intelligence: Possibilities and Necessity of Its Criminal-Law Protection / A.A. Sokova // Young Scientist. – 2019. – No. 16. – P. 123.
9. Shchepetilnikov, V.N. Is There a Place for Artificial Intelligence in Criminal Law? / V.N. Shchepetilnikov // Questions of the State and Law. – 2024. – No. 3 (6). – P. 61.

Участие граждан в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей как гражданский долг

Муравьев Семён Игоревич,

аспирант, Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия»

E-mail: muravyov.kimry@gmail.com

В статье предпринимается попытка определения сущности феномена гражданского долга в контексте участия граждан в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей. Согласно российскому законодательству, быть присяжным заседателем – не только право, но и гражданский долг гражданина Российской Федерации. Единый подход относительно того, что из себя представляет гражданский (общественный) долг, в законодательстве и юридической науке на сегодняшний день отсутствует; несмотря на то, что в русском языке понятия «долг» и «обязанность» являются синонимичными, гражданский долг по своей природе обязанностью не является и представляет собой скорее морально-этическую категорию, нежели правовую. Исследования общественного мнения показывают, что участие в деятельности суда присяжных не рассматривается гражданами как долг в общепринятом понимании этого слова и не воспринимается должным образом. Предлагаются пути преодоления сложившейся ситуации, в частности, рассматривается возможность введения ответственности для граждан, включённых в списки кандидатов в присяжные заседатели и уклоняющихся от участия в деятельности суда присяжных.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, долг, гражданский долг, общественный долг.

Институт производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, в свою очередь известный в качестве института суда присяжных, представляет из себя одну из консолидированных форм участия народа в осуществлении уголовного правосудия, сочетающей в себе одновременно правовые и политические начала, представляя собой синтез этих начал [7, с. 556]. Специалистами данный институт часто характеризуется как наиболее эффективное средство судебной защиты в рамках уголовного судопроизводства в Российской Федерации; распространено мнение, что суд присяжных – лучшее, что было придумано человечеством за всю историю существования судебной системе [2].

Как гласит Основной закон Российской Федерации – Конституция, одним из прав граждан России является право на участие в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации) [3]. Данная конституционная норма конкретизируется на федеральном уровне законодательства: согласно ч. 1 ст. 8 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [14] и ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [13], участие в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей является правом граждан. Законодатель этим не ограничивается: в ч. 2 ст. 8 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ [14] и ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 113-ФЗ [13] участие граждан в осуществлении правосудия в рамках суда присяжных характеризуется как гражданский долг. Одновременное использование понятий «право» и «долг» применительно к одному феномену вызывает вопрос: граждане имеют право участвовать в разбирательстве уголовных дел в качестве присяжных заседателей или же они должны (обязаны) это делать?

Слово «долг» в русском языке традиционно рассматривается как синоним понятия «обязанность» [8, с. 148]. Оно произошло от праславянского слова *dъlgъ, которое, согласно мнению ряда лингвистов, этимологически близко готскому *dulgs* (имевшему то же значение, что и современное русское слово «долг») и ирландскому *dligim* («заслуживаю», «притязая») [12, с. 524]. В этике под долгом понимают моральную необходимость выполнения каких-либо обязанностей (например, гражданских) [4, с. 82]; долг также является одной из основных этических категорий, которая подразумевает общественную необходимость, выраженную в нравственных требованиях в форме, в какой данные требования выступают перед определённой личностью [11, с. 78]. В этико-моральном дискурсе долг рассматривается как трансформация требования нравственности, которое касается всех людей одинаково, в личную задачу отдельного человека, определённую применительно к его конкретным обстоятельствам [11, с. 78–79]. Долг сочетает в себе нравственные требования, которые общество предъявляет личности; при этом он выступает как отношение самой личности к обществу, в котором человек предстаёт в качестве активного носителя моральных обязанностей, сознательно принимающего и реализующего их в своём поведении [11, с. 79]. Ответственность индивида перед своей совестью является выражением его ответственности перед обществом. Вследствие этого общество имеет право оценивать, насколько верно индивид понял сущность своего долга при решении той или иной конкретной жизненной ситуации [11, с. 80].

Отношение к долгу у индивидов может быть различное, например, человек может воспринимать долг в большей степени как внешнее принуждение и рассматривать его в качестве чуждой либо враждебной силы, навязываемой извне. В ситуации, если интересы общества и личности пересекаются, долг перестаёт быть такой силой: хотя повелительная сторона долга всё же сохраняется, требования и обязанности более не воспринимаются человеком как нравственные оковы, а рассматриваются как нечто такое, что отвечает его личным интересам; как следствие, долг всё чаще совпадает с собственными интересами и склонностями индивида, а его выполнение, даже если оно требует больших нравственных усилий, приобретает осознанный характер [4, с. 82].

Понятие долга неоднократно используется отечественным законодателем в нормативных правовых актах, включая акты на конституционном уровне (долг защищать Отечество, ч. 1 ст. 59 Конституции

Российской Федерации [3]). В законодательстве также встречаются понятия «гражданский долг» (в т.ч. применительно к участию граждан в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей, как уже указывалось выше) и «общественный долг», однако их дефиниции правовые нормы не включают. Как пишет исследователь Д.В. Лупов, законодатель вкладывает в понятие общественного долга различное значение, однако основываясь на смысле правовых норм, включающих данное понятие, следует отметить, что в настоящий момент содержание и объем понятия «общественный долг» не определены в законодательстве [6, с. 110]. Правоприменительная позиция в оценке концепции общественного долга закреплена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», где под выполнением общественного долга понимается осуществление гражданином специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, а также совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений и др.). В правовой науке также отсутствует единый и устоявшийся подход к пониманию сущности гражданского долга [6, с. 37].

Кандидат юридических наук А.В. Пушкин считает, что сущность гражданского долга – это личное представление человека о собственных моральных обязанностях перед обществом и государством, гражданством которого он обладает [9, с. 60]. Говоря о гражданском долге в контексте функционирования института суда присяжных, он подчеркивает, что участие в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжного заседателя становится для гражданина не просто правом, но также и долгом, когда данный гражданин включается в списки кандидатов в присяжные заседатели [9, с. 61]. Отдельно стоит выделить, что, по мнению Пушкина, гражданский долг отличается от обязанности тем, что его исполнение осуществляется добровольно, «по зову души и сердца» [9, с. 60–61]. Таким образом, можно говорить о явной дилемме – гражданский долг является долгом лишь в морально-этическом смысле, а не в юридическом. Пушкин полагает, что использование понятия гражданского долга в этой ситуации не случайно: законодатель как бы стремится повысить правосознание граждан, ориентируя их быть активными в данной сфере, так как гражданский долг может быть надлежащим образом исполнен лишь человеком, обладающим активной гражданской позицией, а также высоким уровнем правосознания и правовой культуры. «На поверку же, многие граждане, внесенные в списки кандидатов в присяжные заседатели, просто отказываются исполнять свой гражданский долг», – резюмирует учёный [9, с. 61].

К вопросу об участии граждан в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей обращается и профессор кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ «Высшая школа экономики» А.Г. Левинсон [5, с. 165]. Опираясь на результаты проводившихся в разные годы социологических исследований отношения граждан к институту суда присяжных, он констатирует, что граждане Российской Федерации в большинстве своём не воспринимают участие в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей как гражданский долг [5, с. 165]. Социолог указывает, что положения федерального законодательства, закрепляющие за участием в деятельности суда присяжных статус гражданского долга, широким массам неизвестны, а неофициальные материалы, размещённые в сети «Интернет», прямо говорят, что кандидату в присяжные заседатели, желающему уклониться от участия в деятельности суда присяжных, ничего не грозит, т.к. нормы, обязывающей гражданина явиться в суд по приглашению стать присяжным заседателем (уведомлению о включении в списки кандидатов в присяжные заседатели), не существует [5, с. 168]. Именно отказ (причём зачастую подкреплённый лишь субъективными факторами), а не согласие, по мнению Левинсона, является стандартной реакцией и нормой на получение такого приглашения [5, с. 170].

Для целей данного исследования был проведён опрос, в рамках которого отношение граждан к участию в деятельности суда присяжных было рассмотрено более подробно. Опрос был адресован гражданам Российской Федерации, в нём приняли участие 60 респондентов мужского и женского пола в возрасте от 18 до 65 лет. Процент респондентов, однозначно согласившихся бы принять участие в рассмотрении уголовных дел в суде в качестве присяжного заседателя в случае получения такого приглашения (уведомления), невелик – утвердительный ответ дали лишь 23,3% опрошенных; 65% опрошенных однозначного ответа не дали: 35% опрошенных скорее согласились бы стать присяжными заседателями, нежели отказались, а 30% опрошенных скорее бы выразили отказ, нежели согласие («скорее нет, чем да»); однозначный отказ был бы реакцией 11,7% опрошенных. Говоря о причинах возможного отказа, более половины опрошенных (53,3%) мотивировали бы его факторами субъективного, а не объективного характера; опрошенным, мотивирующим возможный отказ факторами субъективного характера, было предложено выбрать одну или несколько потенциальных причин: 61,5% опрошенных связали возможный отказ с опасениями за собственную безопасность; 48,7% опрошенных отказались бы вследствие нежелания принимать бремя ответственности за судьбы других людей; 33,3% опрошенных назвали причиной отказа негативное отношение к судебной системе; 30,8% опрошенных заявили о нежелании тратить время на участие в судебном разбирательстве; 7,7% не стали бы принимать участие в деятельности суда присяжных из-за безразличного отношения к судебной системе.

Респондентам также было предложено ответить, какой с их точки зрения метод является более предпочтительным для привлечения большего количества граждан к участию в рассмотрении уголовных дел в суде в качестве присяжных заседателей: большинство опрошенных (70%) выступает за использование метода поощрения (например, путём увеличения размера вознаграждения, выплачиваемого присяжным заседателям), использование метода наказания (например, путём введения ответственности для кандидатов в присяжные заседатели за неявку в суд по уведомлению о включении в списки кандидатов) считают предпочтительным лишь 3,3% опрошенных; 26,7% опрошенных полагают, что предпочтительней всего использование комбинированного метода, сочетающего элементы поощрения и наказания. Более половины опрошенных (57,6%) выступают против введения ответственности (например, административного штрафа) за неявку по приглашению для кандидатов в присяжные заседатели; 28,3% опрошенных скорее против введения такой ответственности, нежели за; 8,3% опрошенных скорее поддерживают введение ответственности, нежели нет; 6,7% поддерживают введение ответственности.

Вышеприведённые результаты исследования общественного мнения достаточно иллюстративны. Во-первых, можно видеть, что процент граждан, однозначно желающих и однозначно не желающих становиться присяжными заседателями меньше, чем не до конца определившихся; это позволяет говорить, что окончательное решение граждан, получивших приглашение стать присяжным заседателем, вероятно, будет носить ситуативный характер, т.е. зависеть от конкретных обстоятельств в момент принятия решения. Во-вторых, более половины опрошенных приняли бы решение об отказе от участия в деятельности суда присяжных по субъективным причинам: в основном граждане опасаются за свою безопасность и не желают принимать ответственность за принятие судьбоносных решений, негативно относясь к судебной системе в целом либо попросту не желают тратить своё время на участие в судебном процессе. В-третьих, необходимо особо отметить, что большинство граждан не желает, чтобы право быть присяжным заседателем превращалось в обязанность, неисполнение которой повлечёт наступление юридической ответственности. Все эти факторы свидетельствуют о том, что участие в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей рассматривается исключительно как опциональное право, которым можно как воспользоваться, так и пренебречь.

Примечательно, что в правовых системах стран англо-саксонской правовой семьи, где институт суда присяжных развит в гораздо большей степени, участие в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей является обязанностью. Так, в Соединённых Штатах Америки граждане, включённые в основной список кандидатов в присяжные заседатели, получают повестки, обязывающие их явиться в назначенное время и место для участия в суде присяжных [1, с. 444]. Гражданин, не имеющий уважительной причины для неявки по повестке, может быть подвергнут одному или одновременно нескольким видам наказаний: на федеральном уровне к ним относятся штраф в размере не более 1000 долларов США, заключение в тюрьму на срок не более трёх дней и общественные работы [15]; на уровне штатов также предусмотрены схожие санкции, например, в штате Калифорния уклонение от явки по повестке квалифицируется как неуважение к суду и карается штрафом до 1500 долларов и (или) тюремным заключением [16]. Это кардинально отличает американский подход к вызову кандидатов в присяжные заседатели от российского, где приглашение (уведомление о включении в списки кандидатов в присяжные заседатели) можно просто проигнорировать без каких-либо юридических последствий.

Можно прийти к выводу, что в настоящий момент норма права, закрепляющая статус участия граждан в деятельности суда присяжных в качестве гражданского долга, на практике не реализуется должным образом и носит исключительно декларативный (или даже декоративный) характер. Поскольку гражданский долг представляет собой в большей степени морально-этическую категорию, нежели правовую, и не является обязанностью, т.е. долгом в общепринятом понимании

этого слова, значительной частью граждан он не воспринимается как нечто значимое. Исходя из вышеизложенного, видятся два основных пути преодоления проблем, сопряжённых с феноменом невосприятости гражданами участия в рассмотрении уголовных дел в качестве присяжных заседателей как гражданского долга. Сущность первого пути заключается в деятельности по изменению такого отношения граждан к этому гражданскому долгу посредством повышения уровня их правовой культуры и правовых знаний, а также устранения дефектов индивидуального и коллективного правосознания, в частности, правового нигилизма и правового инфантилизма; на практике такая деятельность может заключаться в широком информировании граждан об институте производства по уголовным делам судом с участием присяжных заседателей, проведении просветительской и разъяснительной работы среди граждан, являющихся потенциальными кандидатами в присяжные заседатели и др. Второй путь подразумевает постепенное превращение участия граждан в деятельности суда присяжных из права и гражданского долга в обязанность, неисполнение которой влечёт наступление юридической ответственности; явка по уведомлению о включении в списки кандидатов в присяжные заседатели становится для гражданина обязательной, а неисполнение данной обязанности влечёт за собой применение в отношении установленных законодательством (например, об административных правонарушениях) санкций. Превращение права быть присяжным заседателем в обязанность в целом следует рассматривать как крайнюю меру, принятие которой должно быть уравновешено элементом поощрения.

Литература

1. Барабанов П.К. Уголовный процесс в США. М.: Издательство «Спутник +», 2023. 731 с.
2. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2025. 9 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78691> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).
4. Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982. 431 с.
5. Левинсон А.Г. Образ суда присяжных в массовом сознании и возможные меры коррекции этого образа // Закон. 2021. № 5. С. 165–171.
6. Лупов Д.В. О понятии выполнения общественного долга // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 109–113.
7. Муравьев С.И. Правовая природа института производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 552–557.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987. 797 с.
9. Пушкин А.В. Суд присяжных: право, долг, обязанность и гарантии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 60–63.
10. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 784 с.
11. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. I (А–Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
13. Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Рос-

сийской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

14. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

15. 28 U.S. Code § 1866 – Selection and summoning of jury panels [Электронный ресурс] // Legal Information Institute URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1866> (дата обращения: 01.04.2026).

CITIZENS' PARTICIPATION IN CRIMINAL TRIALS BY JURY AS A CIVIC DUTY

Muravyov S.I.
Russian Customs Academy

The article seeks to determine the essence of civic duty in the context of citizens' participation in criminal trials as jurors. Under Russian law, serving as a juror constitutes not only a right but also a civic duty of a Russian citizen. Currently, neither legislation nor legal scholarship has developed a unified understanding of the concept of civic (public) duty. Although the Russian terms “duty” and “obligation” are considered synonymous, civic duty is not a legal obligation by its nature, but rather a moral and ethical category. Sociological studies indicate that citizens do not view participation in jury proceedings as a duty in the conventional sense and do not perceive it accordingly. The author suggests possible solutions to this problem, including the introduction of legal liability for citizens who are placed on jury candidate lists but evade participation in jury trials.

Keywords: jury trial, jurors, duty, civil duty, public duty.

References

1. Barabanov P.K. Criminal Procedure in the USA. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2023. 731 p.
2. Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights [Electronic resource] // Official website of the President of the Russian Federation. 2025. December 9. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78691> (accessed: 01.04.2026).
3. Constitution of the Russian Federation // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed: 01.04.2026).
4. Brief Dictionary of Philosophy / Under the general editorship of I.V. Blauberg, I.K. Pantin. 4th ed. Moscow: Politizdat, 1982. 431 p.
5. Levinson A.G. The image of the jury trial in mass consciousness and possible measures to correct this image // Law. 2021. No. 5. P. 165–171.
6. Lupov D.V. On the concept of performing public duty // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (41). P. 109–113.
7. Muravyov S.I. The legal nature of the institute of proceedings in criminal cases heard by a court with the participation of jurors // Legal Science. 2025. No. 5. P. 552–557.
8. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language: About 57,000 words / Edited by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. 18th ed., stereotyped. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 797 p.
9. Pushkin A.V. Jury trial: right, duty, obligation and guarantees // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 60–63.
10. Collection of Resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR, RSFSR and RF on Criminal Cases. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospekt, 2019. 784 p.
11. Dictionary of Ethics / Edited by I.S. Kon. 4th ed. Moscow: Politizdat, 1981. 430 p.
12. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol. Vol. I (A–D): Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev / Edited and with a foreword by B.A. Larin. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Progress, 1986. 576 p.
13. Federal Law of August 20, 2004 No. 113-FZ “On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation” [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed: 01.04.2026).
14. Federal Constitutional Law of December 31, 1996 No. 1-FKZ “On the Judicial System of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed: 01.04.2026).
15. 28 U.S. Code § 1866 – Selection and summoning of jury panels [Electronic resource] // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1866> (accessed: 01.04.2026).
16. Jury Service [Electronic resource] // Judicial Branch of California. URL: <https://courts.ca.gov/courts/jury-service> (accessed: 01.04.2026).

Пахомова Виктория Вячеславовна,
аспирант, Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: stafeeva_victoria@mail.ru

В статье проводится доктринальный и эмпирический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженное с жестоким обращением). Рассматриваются концептуальные проблемы толкования ключевого термина «жестокое обращение», отсутствие уголовно-правовой дефиниции и разногласия в научной доктрине относительно систематичности действий. На основе изучения судебной практики выявлены квалификационные коллизии правоприменения и предложены дифференциальные критерии разграничения преступного поведения от социально приемлемых воспитательных мер. Автор обосновывает целесообразность дополнения статьи примечанием, конкретизирующим признаки объективной стороны состава.

Ключевые слова: жестокое обращение, воспитание несовершеннолетнего, систематичность, квалификационная граница, правоприменительная практика.

Обеспечение и защита прав, интересов несовершеннолетних остается приоритетной задачей государства, в том числе и с помощью норм уголовного права, однако с юридической точки зрения возникают сложности теоретического и практического характера при привлечении виновных лиц по статье 156 Уголовного кодекса РФ (далее – УК) за неисполнение/ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, в особенности, трудности при квалификации появляются при определении понятия «жестокое обращение». На сегодняшний день все чаще в информационно-телекоммуникационной сети и в судебной практике встречаются описания случаев домашнего насилия над детьми со стороны их близких. Данное поведение неизбежно оказывает деструктивное воздействие на физическое, психическое и нравственное развитие ребенка, что порождает детскую безнадзорность, преступность

Подобное поведение родных обязательно негативно сказывается на физическом, психическом и нравственном развитии несовершеннолетнего, что порождает детскую безнадзорность, преступность, попрошайничество и т.п.

Состав преступления по статье 156 УК формируется исключительно при наличии способа совершения преступления – жестокого обращения с несовершеннолетним. Указанный термин носит оценочный характер, что определяет специфику его толкования в уголовно-правовой доктрине и правоприменении. В ст. 245 УК также применяется этот способ с указанием на его цель – причинение боли и страданий. В Федеральном законе от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сказано, что жестокое обращение – это такое обращение, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного, причинением вреда его здоровью, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии (статья 3)¹. Данные нормы, на наш взгляд, только частично «проливают свет» на содержание термина. В научной литературе под жестоким обращением понимается насилие или угроза насилия в отношении ребенка; лишение его необходимых ресурсов (еды, воды, тепла, света); изоляция и другие действия, нарушающие нормальное развитие несовершеннолетнего [1]. На практике жестокое обращение может выражаться в физическом и психологическом насилии, а также в применении к детям недопустимых способов воспитания, унижающих человеческое достоинство. Примерами подобного отношения к детям может служить приговор суда в отношении Р., которая систематически применяла к своей малолетней дочери физическое насилие в форме множественных ударов руками, а также хватания и выдергивания волос. В результате у ребенка образовались телесные повреждения в виде кровоподтеков на волосистой части головы, ушных раковинах, лице, шее, грудной клетке, а также ссадины на теле, не повлекшие вреда здоровью². Суд квалифицировал данные действия как особо жестокое обращение, сопряженное с ненадлежащим исполнением родительских обязанностей по воспитанию несовершеннолетней

Европейский суд по правам человека относит к категории «бесчеловечного обращения» ситуации с преднамеренным характером воздействий, их продолжительностью во времени либо причинением ребенку конкретного физического/психического вреда³. В Постановлении Пленума Верховного Суд РФ (далее – Пленум ВС РФ) от 27.05.1998 г. № 10 под жестоким обращением по ст. 156 УК понималось физическое и психическое насилие со стороны родителей, покушение на половую неприкосновенность несовершеннолетних, а так-

¹ Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

² Приговор Курганского городского суда Курганской области от 28.12.2017 по делу № 1–1360/2017 // КонсультантПлюс: ГПС [Официальный сайт]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

³ Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию (по состоянию на 1 декабря 2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfl.ru/documents/international_practice/27506/ (дата обращения: 01.05.2026).

же применение методов воспитания в форме грубого, унижающего достоинство обращения, оскорблений или эксплуатации детей¹. Указанное разъяснение не устранило концептуальных неопределенностей данного квалифицирующего признака, поскольку термин «жестокое обращение» остался лишенным уголовно-правовой дефиниции, что порождает квалификационные дилеммы для правоприменителя при оценке общественной опасности деяния. Более того, современная судебная практика, опираясь на Постановление Верховного Суда, преимущественно ограничивает трактовку «жестокое обращение» физическим насилием, несмотря на оговорку «в частности», допускающую иные формы проявления. В результате в правоприменении сохраняется дефицит четких критериев, позволяющих отграничить преступное жестокое обращение от традиционных воспитательных мер.

Известно, что на сегодняшний день Пленум ВС РФ раскрывает отдельные признаки особой жестокости в ряде своих постановлений. В одном из постановлений, например, в числе ее проявлений он называет действия, когда виновный пытал, истязал потерпевшего, глумился над ним, осознавая, что тем самым причиняет особые страдания жертве. Согласно другому постановлению особая жестокость может выражаться в тех же действиях, но в процессе совершения изнасилования или иных действий сексуального характера, а также в способе подавления сопротивления, вызывающем тяжелые физические либо нравственные страдания самого потерпевшего лица или других лиц². В третьем постановлении определение суд не дает вовсе, однако приводит несколько примеров жестокого обращения, которое может выражаться в осуществлении родителями физического или психического насилия над несовершеннолетними, в том числе и покушение на их половую неприкосновенность³. По причине отсутствия единообразного понимания термина «жестокое обращение», суды руководствуются при вынесении решений теми признаками, что мы указали выше. Конституционный суд РФ пишет, что это не означает неопределенность содержания термина «жестокое обращение»: разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным разработку их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций⁴. Суд обращает внимание на то, что в законе невозможно сформулировать полный перечень проявлений жестокого обращения с несовершеннолетними, ориентирует правоприменителя на цель – защиту детей от любого негативного воздействия со стороны взрослых, которое можно признать в качестве жестокого обращения. Трудно оспорить позицию судебной практики относительно концептуальной сложности формирования универсальной дефиниции термина «жестокое обращение». Вместе с тем сохранение такой неопределенности неизбежно порождает проблему установления квалификационной границы между объективно преступными формами жестокого обращения с несовершеннолетним и социально приемлемыми методами воспитания. Вопрос заключается в разработке объективных критериев, позволяющих дифференцировать деяния, образующие состав преступления (статья 156 УК), от малозначительных правонарушений, не влекущих уголовной ответственности.

На наш взгляд, данная проблема связана с отсутствием единого доктринального и судебного толкования термина «жестокое обращение с несовершеннолетними».

В 2016 г. в Верховном Суде РФ функционировала рабочая группа по разработке проекта постановления Пленума, посвященного применению статьи 156 УК. Одним из ключевых вопросов, вызвавших концептуальные разногласия на заседаниях, стало толкование термина «жестокое обращение» и границы его квалификации. В частности, дискуссия сосредоточилась на определении момента перехода воспитательных мер в преступные формы жестокости, а также пределов охвата анализируемой статьи жестокими методами воспитания без необходимости дополнительной квалификации по другим составам УК. Разработанный проект постановления Пленума ВС РФ не был вынесен на обсуждение ввиду отсутствия единого подхода к толкованию объективной стороны состава преступления и характеристик специального субъекта статьи 156 УК[2].

Научная литература предлагает разнородные концепции определения данных элементов состава. Высказывается, например, мнение, что под жестоким обращением следует понимать любое действие/бездействие, в результате которого вред причиняется здоровью и благополучию несовершеннолетнего, создаются условия, мешающие его нормальному физическому или психологическому развитию, ущемляющие его права и свободы [3]. Определение представляется нам достаточно общим. Оно не позволяет выявить отличительные признаки жестокого обращения. Некоторые специалисты к жестокому обращению относят действия виновного, причиняющие только психологическую травму ребенку [4]. Данная позиция представляется неполной. Психологическая травма ребенку, как правило, наносится совместно с физической. Из понятия жестокого обращения нельзя исключить причинение телесных повреждений ребенку. Е.Н. Волкова определяет жестокое обращение как умышленное либо неосторожное деяние виновного, повлекшее травмы, расстройства развития, смерть ребенка или создавшее угрозу его благополучию [5]. В данной концепции неясно положение, связанное с включением в состав преступления неосторожных форм вины «воспитателей» в категорию жестокого обращения, так как, на наш взгляд, это противоречит субъектно-объектной конструкции статьи 156 УК, предполагающей осознанность виновным противоправного характера своих действий (бездействия). Некоторые исследователи характеризуют жестокое обращение через систематическое причинение вреда ребенку посредством физического/психического насилия или иных недопустимых воспитательных методов. Недостаток подобного подхода заключается в отождествлении жестокого обращения исключительно с насилием, игнорирующем иные формы ненадлежащего исполнения родительских обязанностей [6]. Недостаток данной позиции заключается в том, что жестокое обращение полностью отождествляется с насилием. Ю.И. Плахотнюк под ним в дополнение понимает также издевательство над личностью несовершеннолетнего [7]. С последней точкой зрения сложно согласиться. Издевательство является составляющей частью физического и психологического насилия, так что нет необходимости дополнять данным понятием термин «жестокое обращение».

Несмотря на расхождение в ряде моментов относительно определения термина «жестокое обращение», так или иначе, все ученые сходятся на том, что под ним необходимо понимать определенный вид насилия, чаще всего физического или психологического, создающее угрозу причинения или причиняющее вред несовершеннолетнему, а также действия лица, негативно влияющие на развитие ребенка.

В литературе также зачастую поднимается вопрос о том, требуется ли систематичность в поведении виновного лица для вменения ему статьи 156 УК. Ряд авторов считают, что единичный случай не может составлять объективную сторону рассматриваемого состава преступления, в подобных ситуациях деяние должно быть квалифицировано по иным статьям УК [8], другие же, напротив, настаивают на обязательном вменении статьи 156 [9].

Так, И.И. Нагорная обосновывает возможность квалификации по статье 156 УК единичных эпизодов жестокого обращения, аргументируя это тем, что разовое причинение вреда здоровью несовершеннолетнего может повлечь существенные негативные последствия. В качестве примера она приводит умышленное нанесение ребенку глубокого пореза, потенциально способного вызвать длительные психотравмы или физические расстройства [10].

Е.А. Новосельцева, напротив, применительно к статье 156 УК отмечает, что характерной особенностью данных составов преступлений выступает их продолжаемый и длящийся характер. Иными словами, систематичность противоправных действий (бездействия) является императивным признаком объективной стороны состава преступления [11]. Судебная практика придерживается такого же мнения.

На протяжении длительного времени виновная совершала истязание своего несовершеннолетнего сына, а также ненадлежащим образом исполняла обязанности по его воспитанию, соединяя свои дей-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», пункт 11 // КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», Постановление Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», подпункт «г» пункт 16 // КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 N 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 N 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты. [Офф. сайт]: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

ствия с жестоким обращением в отношении несовершеннолетнего. Судом было установлено, что обвиняемая на почве личных неприязненных отношений систематически применяла физическое насилие к своему ребенку, а именно била его по голове, ягодицам, бедрам и т.п.; оскорбляла несовершеннолетнего; не обеспечивала его необходимой одеждой; не способствовала оказанию надлежащей медицинской помощи. Суд пришел к выводу, что своими действиями обвиняемая причинила сыну физические и психологические страдания вследствие ненадлежащего исполнения своих родительских обязанностей¹.

Данная проблема снова возвращает нас к актуальному вопросу, а именно: «Допустимо ли родителям и иным ответственным за воспитание лицам применять наказание к несовершеннолетним? И где эта грань между простым наказанием и проявлением жестокого обращения?». Другими словами, могут ли, например, родители наказать своего ребенка за плохое поведение, имеют ли они право поставить его в угол, запретить прогулки, забрать телефон и т.п.?

С нашей точки зрения, применение наказания как меры отрицательной оценки и осуждения девиантного поведения представляет собой неотъемлемый элемент педагогического процесса воспитания. В случае причинения вреда здоровью несовершеннолетнего при единичном применении подобных мер со стороны воспитателей, их действия подлежат квалификации по составам преступлений против жизни и здоровью либо как административные правонарушения. Иначе неизбежно формируется идеальная совокупность статьи 156 УК с нормами главы 16 УК, где субъектом выступает лицо, обязанное осуществлять воспитание (родитель, опекун), а потерпевшим – несовершеннолетний.

Анализ судебной практики свидетельствует о преобладании позиции, согласно которой неисполнение обязанностей по воспитанию квалифицируется через неоднократный характер действий (бездействия) либо их продолжительный временной интервал, а жестокое обращение ассоциируется именно с систематическими формами противоправного поведения виновного.

Например, на протяжении длительного времени виновный, являясь отцом малолетнего ребенка, в присутствии несовершеннолетнего употреблял спиртные напитки и систематически высказывал оскорбительные слова в адрес ребенка, унижающие человеческое достоинство. В один из дней отец нанес несовершеннолетнему неоднократные удары ладонью руки по затылочной части головы; в другой – схватил за левое ухо своего малолетнего сына и вытащил из-за кухонного стола, после чего стал пинать последнего ногами в область туловища, а затем ударил два раза кулаком в область грудной клетки. Суд пришел к выводу, что своими незаконными действиями обвиняемый создал реальную угрозу для здоровья несовершеннолетнему сыну, а последний систематически проживал в стрессовых условиях, принеся физическое и душевное страдание ребенку².

В случае отсутствия указанных признаков, суды могут прийти к одному из следующих выводов:

1. Отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления, предусмотренного статьей 156 УК, однако необходимо квалифицировать его деяние как преступление против здоровья.

Исходя из обстоятельств дела педагог школы во время проведения своего занятия указкой нанес один удар своему несовершеннолетнему ученику. Суды первой и апелляционной инстанции квалифицировали действия виновного по совокупности преступлений – по статьям 116 и 156 УК. Президиум Верховного суда Чувашской Республики отменил решения нижестоящих судов в части квалификации деяния по статье 156 УК, мотивируя свое решение тем, что жестокое обращение, как и не исполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, подразумевает системный характер таких действий (бездействия). Если имел место один случай причинения вреда здоровью, оскорбления и т.д., то может наступить уголовная ответственность только за конкретно совершенное преступление без квалификации действий по статье 156 УК³.

2. Единичные случаи жестокого обращения с ребенком со стороны родителей квалифицировали как малозначительные.

¹ Приговор Ханты – Мансийского районного суда ХМАО – Югры по делу № 1-149/2024 от 17.02.2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

² Приговор Первомайского районного суда Оренбургской области по делу № 1-16/2023 от 18.05.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/irQ2xq8Zsjb8/?page=4&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=1756812128131 (дата обращения: 01.05.2026).

³ Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики по делу № 44-У-25/2014 от 07.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/postanovlenie_44u-25_2014-ot-07.02.2014-verhovnogo-sudachuvashskoy-respubliki-\(chuvashskaya-respublika\)?ysclid=mev93rwnz781537838](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/postanovlenie_44u-25_2014-ot-07.02.2014-verhovnogo-sudachuvashskoy-respubliki-(chuvashskaya-respublika)?ysclid=mev93rwnz781537838) (дата обращения: 01.05.2026).

Например, мать вследствие плохого поведения сына нанесла последнему множественные удары ремнем и отрезком телевизионного кабеля, причинив несовершеннолетнему физические и психические страдания. Судебная коллегия констатировала наличие формальных признаков состава преступления по статье 156 УК, однако признала деяние малозначительным ввиду отсутствия общественной опасности, что исключает его квалификацию как преступления⁴.

3. В некоторых ситуациях суды приходили к выводу об отсутствии состава преступления, предусмотренного статьей 156 УК, вследствие чего выносили оправдательные приговоры.

Супруги Н.Д.Н. и Н.Н.Н. были оправданы по статье 156 УК по причине отсутствия в их действиях состава преступления. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что действия родителей не являются уголовно-наказуемыми, так как посягательство на несовершеннолетнего являлось единичным случаем и не образовало систематического неисполнения обязанностей по воспитанию ребенка. Так, судом установлено, что в силу своей профессиональной деятельности супруги постоянно разъезжали по командировкам, оставляя своего сына под присмотром бабушки. Вследствие того, что бабушка и сестра мужа негативно относились к невестке, они систематически настраивали ребенка против матери, вследствие чего дошло все до того, что ребенок возненавидел мать, стал постоянно с ней огрызаться, угрожать, неоднократно даже поднимал руку. В один из подобных дней, когда сын вновь начал оскорблять Н.Н.Н. и попытался ударить, Н.Д.Н., защищая супругу, оттолкнул несовершеннолетнего и единожды ударил по лицу. После произошедшего ребенок сбегал к бабушке и домой больше не возвращался. Экспертиза показала, что вред здоровью причинен не был. Суды апелляционной и кассационной инстанции пришли к выводу, что для квалификации по статье 156 УК неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в сочетании с жестоким обращением с ним должно представлять систему таких действий (бездействия). Таким образом, Н.Н.Н. и Н.Д.Н. были оправданы⁵.

Подводя итог дискуссионным подходам к проблеме систематичности следует отметить, что социально-правовая природа термина «воспитание» предполагает процесс, растянутый во времени посредством системы методов и приемов. В то же время диспозиция статьи 156 УК конструирует модель жестокого обращения как особую форму противоправного поведения, направленного против несовершеннолетнего. Следовательно, как «воспитание», так и «жестокое обращение» обладают временными параметрами, исключаящими единичное действие. Минимум два или более действий, сопряженных с жестоким обращением, необходимо для привлечения виновного лица по статье 156 УК.

Обобщая проведенный анализ, следует констатировать отсутствие у правоприменителя унифицированного подхода к толкованию термина «жестокое обращение», что требует законодательного разрешения. Предлагается дополнить статью 156 УК примечанием, конкретизирующим данное понятие с учетом ранее рассмотренных признаков. В рамках такого примечания под жестоким обращением целесообразно понимать умышленное действие (бездействие) лица, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, систематически сопровождаемое причинением физического или психического насилия по отношению к ребенку. Во избежание противоречий и в целях единообразного применения закона представляется целесообразным раскрыть содержание «жестокое обращение», например, в упомянутом Постановлении ПВС РФ от 14.11.2017 № 44, сформулировав примерный перечень проявлений жестокости в отношении несовершеннолетнего: нанесение побоев; применение пыток, выражающихся в понуждении совершать определенные действия против воли ребенка; унижение его чести достоинства; посягательство на его свободу и полную неприкосновенность и т.д.

Литература

1. Рыбаков О.Ю. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения: монография / под ред. О.Ю. Рыбакова. – Москва: Проспект, 2022. С. 146.

2. Филиппов П.А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2021. С. 206.

3. Сафонова Т.Я., Цимбал Е.И. Жестокое обращение с детьми. Помощь детям, пострадавшим от жестокого обращения, и их родителям. / под ред. Т.Я. Сафоновой, Е.И. Цимбалы ПМЦС» Озон», 2001.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда по делу № 22-6547 от 27.09.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

⁵ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 77-2381/2022 от 23.06.2022 // КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Академия: Смысл, 2005. С. 352.

5. Волкова Е.Н. Междисциплинарный подход предотвращения насилия и жестокого обращения с детьми // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2006. – № 6. С. 24–28.

6. Гутиева И.Г. Определение признака «жестокое обращение» при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Юрист-Правовед. 2008. № 5. С. 107; Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Ставрополь, 1992. С. 5.

7. Плахотнюк Ю.И. Проблемы определения жестокого обращения с детьми в семье // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 252.

8. Мусеилов А.Г. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (комментарий к статье 156 УК РФ) // СПС КонсультантПлюс.

9. Веред Е.Б. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08. Ростов на/Д., 2004. С. 73; Колмакова О.С. Преступления, посягающие на права ребенка в сфере семейных отношений: дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08. М., 2014. С. 148.

10. Нагорная И.И. Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие. Журнал «Право. Журнал Высшей школы экономики», № 2, апрель-июнь 2017 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mobileonline.garant.ru/#/document/77774269/paragraph/1/doclist/72/1/0/> (дата обращения: 01.05.2026).

11. Новосельцева Е.А. О правовых основах предупреждения сексуальной эксплуатации несовершеннолетних и профилактики ненадлежащего исполнения родителями обязанностей по воспитанию детей // Участковый. 2012. № 4. С. 38.

CRUEL TREATMENT OF MINORS: QUALIFICATION ISSUES

Pakhomova V.V.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

This article provides a doctrinal and empirical analysis of the elements of the crime under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation (failure to fulfill parenting responsibilities for a minor, accompanied by cruel treatment). It examines conceptual issues in interpreting the key term “cruel treatment,” the lack of a criminal definition, and discrepancies in scientific doctrine regarding the systematic nature of the offense. Based on a review of judicial practice, conflicts of law enforcement are identified and differential criteria for distinguishing criminal behavior from socially acceptable educational measures are proposed. The author justifies the advisability of supplementing the article with a note specifying the objective aspects of the crime.

Keywords: cruel treatment, upbringing of a minor, systematicity, qualification limit, law enforcement practice.

References

1. Rybakov, O. Yu. Childhood Safety: Social Problems and Legal Ways to Address Them: a monograph / edited by O. Yu. Rybakov. Moscow: Prospect, 2022, p. 146.

2. Filippov, P.A. Lectures on Crimes against the Family and Minors: a tutorial. Moscow: Prospect, 2021, p. 206.

3. Safonova, T. Ya., Tsymbal, E.I. Child Cruelty. Assistance to Children Victims of Cruelty and Their Parents. PMCS “Ozon”, 2001.

4. Leontiev, A.N. Activity. Consciousness. Personality. 2nd ed. Moscow: Academy: Smysl, 2005, p. 352.

5. Volkova, E.N. An Interdisciplinary Approach to Preventing Violence and Cruelty to Children // Bulletin of Psychosocial and Correctional-Rehabilitation Work. – 2006. – No. 6. Pp. 24–28.

6. Gutieva I.G. Definition of the Sign of “Cruel Treatment” in Failure to Fulfill Duties to Raise a Minor // Jurist-Pravoved. 2008. No. 5. p. 107; Chechel G.I. Cruel Method of Committing Crimes against a Person: Criminal-Law and Criminological Research. Stavropol, 1992. p. 5.

7. Plakhotnyuk Yu.I. Problems of Defining Child Cruelty in the Family // Bulletin of KemsU. 2014. No. 1 (57). p. 252.

8. Museylov A.G. Failure to fulfill responsibilities for the upbringing of a minor (commentary on Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation) // SPS ConsultantPlus.

9. Vered E.B. Failure to fulfill responsibilities for the upbringing of a minor (criminal-legal and criminological aspects: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08. Rostov on / D., 2004. P. 73; Kolmakova O.S. Crimes infringing on the rights of the child in the sphere of family relations: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08. Moscow, 2014. p. 148.

10. Nagornaya I.I. Child cruelty as an evaluative criminal-legal concept. Journal “Law. Journal of the Higher School of Economics”, No. 2, April-June 2017 [Electronic resource] – Access mode: <https://mobileonline.garant.ru/#/document/77774269/paragraph/1/doclist/72/1/0/> (Accessed: 01.05.2026).

11. Novoseltseva E.A. On the legal basis for preventing sexual exploitation of minors and preventing improper fulfillment by parents of their responsibilities in raising children // District Police Officer. 2012. No. 4. p. 38.

Раджабов Шамиль Раджабович,

кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: shamil.1503@mail.ru

Актуальность темы. Процессы цифровизации, охватившие все сферы общественной жизни, создают принципиально новые возможности для коррупционных проявлений. Это обуславливает необходимость глубокого криминологического осмысления феномена цифровой коррупции и выработки адекватных мер противодействия. Методы исследования. Применены диалектический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа статистических данных и правового прогнозирования. Результаты исследования. Выявлены основные криминологические риски цифровой трансформации коррупции: использование криптовалют как средства анонимизации, появление модели «коррупция как услуга», рост латентности, трансграничный характер, автоматизация коррупционных схем. Установлено, что действующее российское законодательство не в полной мере учитывает специфику цифровых форм коррупции. Предложен комплекс мер, включающий введение в УК РФ составов, учитывающих цифровые способы совершения коррупционных преступлений, развитие системы цифрового мониторинга доходов и расходов должностных лиц, интеграцию технологий искусственного интеллекта и блокчейна в антикоррупционную деятельность, а также активизацию международного сотрудничества.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут использоваться в учебной литературе по криминологии и уголовному праву, а также в законодательной и правоприменительной деятельности. Новизна. Автором предложен оригинальный подход к криминологической классификации цифровых коррупционных рисков и обоснована концепция многоуровневой системы предупреждения цифровой коррупции, сочетающей уголовно-правовые, технические и организационные меры.

Ключевые слова: цифровая коррупция, киберкоррупция, криптовалюта, криминологические риски, предупреждение коррупции, искусственный интеллект, блокчейн, цифровая трансформация.

Коррупция, будучи исторически изменчивым социально-правовым явлением, неизменно адаптируется к новым технологическим условиям. Если ранее основной формой коррупционного взаимодействия выступала личная передача денежных средств или иных ценностей, то в настоящее время под влиянием глобальной цифровизации происходит коренная трансформация коррупционных практик. Как справедливо подчёркивается в научной литературе, цифровая трансформация не только предоставляет государству новые инструменты противодействия, но и одновременно порождает неизвестные ранее коррупционные угрозы, объединяемые понятием «цифровая коррупция»¹. Специфика данной формы коррупции заключается в высокой латентности, трансграничном характере и возможности автоматизации преступных схем, что создаёт серьёзные вызовы для правоохранительной системы.

Российская Федерация, как и другие государства, столкнулась с ростом цифровой коррупции на фоне общего увеличения числа IT-преступлений. По данным МВД России, в 2025 году зарегистрировано 675 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составляет 38% от общего числа зарегистрированных преступлений². Хотя статистика выделяет киберпреступления в отдельную категорию, значительная их часть имеет коррупционную составляющую либо сопряжена с коррупционными практиками.

Официальная статистика коррупционной преступности также демонстрирует изменения. В 2025 году в России выявлено более 43 тыс. преступлений коррупционной направленности, что на 12,3% больше показателя предыдущего года³. Как отмечают эксперты, данный рост связан не только с активизацией правоохранительной деятельности, но и с появлением новых, более изощрённых форм коррупционного поведения в цифровой среде.

Анализ современного состояния коррупционной преступности позволяет выделить несколько групп криминологических рисков, порождаемых процессами цифровизации.

Первую группу составляют риски, связанные с анонимизацией коррупционных транзакций. Криптовалюты, децентрализованные финансовые сервисы и анонимные цифровые кошельки предоставляют коррупционерам возможность осуществлять переводы незаконного вознаграждения практически без возможности отслеживания конечного получателя. По данным исследований, в 2024 году было зарегистрировано 10 преступлений коррупционной направленности, связанных с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, в 2025 году – 13, причём эксперты прогнозируют дальнейший рост этого показателя⁴. Сложность отслеживания транзакций в блокчейне, децентрализованная эмиссия и высокая волатильность криптовалют делают их привлекательным инструментом для взяточничества и легализации преступных доходов.

Вторая группа рисков – появление модели «коррупция как услуга». Данная модель, заимствованная из киберпреступной среды, предполагает предоставление на коммерческой основе услуг по организации коррупционных схем: посредничество в передаче взятки, обеспечение анонимности, разработка алгоритмов обхода антикоррупционных барьеров, создание фиктивных цифровых платформ для маскировки незаконных платежей. Как справедливо указывает Э.В. Шамехина, «сквозные технологии в противодействии коррупции имеют обратную сторону – они же используются и для совершенствования преступных схем»⁵.

¹ Басангов Д.А. Противодействие коррупции в условиях цифрового развития: сравнительно-правовой анализ регулирования. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2025. 198 с.

² Число IT-преступлений в России в 2025 году сократилось на 11,8% // Москва 24: сетевое издание. 2026. 9 февр. URL: <https://www.m24.ru/news/bezopasnost/09022026/871747> (дата обращения: 03.05.2026).

³ В России в 2025 году обнаружили 43 241 коррупционное преступление – это рекорд за 13 лет // Совершенно секретно: сетевое издание. 2026. 3 марта. URL: <https://sov-sekretno.com/ekspertno/item/117533-v-rossii-v-2025-godu-obnaruzhili-43-241-korruptcionnoe-prestuplenie-eto-rekord-za-13-let> (дата обращения: 03.05.2026).

⁴ Шамехина Э.В. Сквозные технологии в противодействии коррупции // Юридические исследования. 2026. № 1. С. 18–29.

⁵ Шамехина Э.В. Криптовалюты как предмет взяточничества: проблемы регулирования // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей. Красно-

Третья группа – риски автоматизации и масштабирования коррупции. Использование ботов, алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процессы хищения бюджетных средств, распределения государственных контрактов или выдачи разрешений. Например, внедрение в государственные информационные системы вредоносного кода способно обеспечить победу в тендере «нужного» участника без видимого человеческого вмешательства. Подобные схемы отличаются высокой сложностью выявления и доказывания.

Четвёртая группа – институциональные риски. Цифровая трансформация государственного управления, внедрение электронных реестров, систем межведомственного взаимодействия и цифровых государственных услуг создаёт новые уязвимости. Недостаточная защищённость информационных систем, ошибки в алгоритмах, отсутствие прозрачности в работе искусственного интеллекта могут использоваться в коррупционных целях. Проблема неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия приобретает особую актуальность в условиях расширения цифровых платформ.

Пятая группа – риски трансграничного характера цифровой коррупции. Если традиционная коррупция, как правило, ограничена территорией одного государства, то цифровые формы стирают границы. Взятка может быть передана из любой точки мира, а преступные доходы – выведены через цепочку криптовалютных бирж в третьих странах. Это требует принципиально иного уровня международного сотрудничества, чем существующий в настоящее время.

Субъектный состав цифровой коррупции неоднороден. Наряду с традиционными коррупционерами – должностными лицами, использующими цифровые инструменты для получения взяток, – появляется новый тип преступника: высококвалифицированные IT-специалисты, выступающие в роли «поставщиков услуг» для коррупционных схем.

Особого внимания заслуживает использование в коррупционных целях государственных информационных систем. Известны случаи, когда недобросовестные должностные лица вносили изменения в электронные реестры (например, реестр недвижимости, налоговых обязательств, социальных выплат) в пользу заинтересованных лиц, получая за это вознаграждение. Такие действия не только причиняют материальный ущерб, но и подрывают доверие граждан к цифровым государственным сервисам.

Противодействие цифровой коррупции требует комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые, технические и профилактические меры.

В уголовно-правовой сфере первоочередной задачей является адаптация законодательства к цифровым реалиям. Действующий УК РФ не содержит составов, специально предназначенных для противодействия цифровой коррупции. Взяточничество (ст. 290, 291, 291.1, 291.2) по-прежнему ориентировано на традиционную форму передачи предмета взятки, что создаёт трудности при квалификации деяний с использованием криптовалют. Как отмечает Э.В. Шамехина, «криптовалюты как предмет взяточничества представляют серьёзную проблему регулирования. Предлагается дополнить уголовный закон примечанием, прямо указывающим, что под предметом взятки наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом понимаются также цифровые финансовые активы и цифровая валюта»¹.

Кроме того, целесообразно ввести квалифицирующий признак «совершение коррупционного преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, средств шифрования, криптовалют либо иных средств анонимизации», усиливающий ответственность. Данный подход соответствует уже существующим нормам о совершении преступлений с использованием служебного положения или в составе организованной группы.

В технической сфере необходимо активнее внедрять цифровые технологии в антикоррупционную деятельность. Как показывает зарубежный опыт, системы на основе искусственного интеллекта способны анализировать миллионы транзакций, выявляя подозрительные переводы, резкие изменения в доходах и необычную активность на счетах государственных служащих.

Технология распределённого реестра может применяться для обеспечения прозрачности государственных закупок, предотвращения несанкционированного изменения электронных реестров и создания условий, при которых любое вмешательство в систему оставляет неизгладимый след. Создание прозрачных систем учёта и целостности данных на основе блокчейна позволит существенно снизить корруп-

ярска, 2024. С. 112–117.

¹ Шамехина Э.В. Правовые проблемы неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 1. С. 65–74.

ционные риски и исключить возможности фальсификации цифровых записей.

Профилактические меры должны быть направлены на снижение привлекательности цифровой коррупции и повышение рисков для коррупционеров. Важную роль играет формирование цифровой компетентности сотрудников антикоррупционных подразделений. Как отмечается в литературе, эффективное использование цифровых технологий в противодействии коррупции требует не только наличия материально-технической базы, но и подготовки квалифицированных специалистов, способных работать со сложными программными комплексами и анализировать значительные массивы данных.

Наконец, важнейшим направлением является формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым формам коррупции, включая цифровые. Цифровые платформы общественного контроля, позволяющие гражданам сообщать о фактах коррупции, а также отслеживать расходование бюджетных средств в режиме реального времени, могут стать мощным инструментом профилактики.

Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить, что цифровая трансформация коррупции представляет собой качественно новый этап эволюции этого негативного социально-правового явления. Основными криминологическими рисками выступают анонимизация коррупционных транзакций посредством криптовалют, появление модели «коррупция как услуга», автоматизация и масштабирование преступных схем, а также трансграничный характер цифровой коррупции. Существующее уголовное законодательство и традиционные меры противодействия не в полной мере отвечают новым вызовам.

Для эффективного предупреждения цифровой коррупции необходим комплексный подход, включающий: адаптацию уголовного законодательства к цифровым реалиям путём введения в УК РФ составов, учитывающих специфику цифровых форм коррупции, и признания цифровых финансовых активов предметом взятки; активное внедрение технологий искусственного интеллекта и блокчейна в антикоррупционную деятельность; расширение систем межведомственного электронного взаимодействия и международного сотрудничества; развитие цифровой компетентности сотрудников правоохранительных органов; формирование цифровых платформ общественного контроля. Только сочетание уголовно-правовых, технических, организационных и профилактических мер способно обеспечить эффективное противодействие цифровой коррупции и защитить интересы государства и общества.

Литература

- Басангов Д.А. Противодействие коррупции в условиях цифрового развития: сравнительно-правовой анализ регулирования. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2025. 198 с.
- В России в 2025 году обнаружили 43 241 коррупционное преступление – это рекорд за 13 лет // Совершенно секретно: сетевое издание. 2026. 3 марта. URL: <https://sov-sekretno.com/ekspertno/item/117533-v-rossii-v-2025-godu-obnaruzhili-43-241-korruptcionnoe-prestuplenie-eto-rekord-za-13-let> (дата обращения: 03.05.2026).
- Число IT-преступлений в России в 2025 году сократилось на 11,8% // Москва 24: сетевое издание. 2026. 9 февр. URL: <https://www.m24.ru/news/bezopasnost/09022026/871747> (дата обращения: 03.05.2026).
- Шамехина Э.В. Криптовалюты как предмет взяточничества: проблемы регулирования // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей. Красноярск, 2024. С. 112–117.
- Шамехина Э.В. Правовые проблемы неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 1. С. 65–74.
- Шамехина Э.В. Сквозные технологии в противодействии коррупции // Юридические исследования. 2026. № 1. С. 18–29.

DIGITAL TRANSFORMATION OF CORRUPTION AND MEASURES FOR ITS PREVENTION: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Radjabov Sh.R.
Dagestan State University

Relevance. Digitalization processes, covering all spheres of public life, create fundamentally new opportunities for corruption. This necessitates a deep criminological understanding of the phenomenon of digital corruption and the development of adequate countermeasures. Methods. The study employed dialectical, system-structural, formal-legal, comparative-

legal methods, as well as methods of statistical data analysis and legal forecasting. Results. The main criminological risks of digital transformation of corruption have been identified: the use of cryptocurrencies as a means of anonymization, the emergence of the «corruption as a service» model, increased latency, cross-border nature, and automation of corruption schemes. It has been established that the current Russian legislation does not fully take into account the specifics of digital forms of corruption. A set of measures is proposed, including the introduction into the Criminal Code of the Russian Federation of compositions that take into account digital methods of committing corruption crimes, the development of a system for digital monitoring of income and expenses of officials, the integration of artificial intelligence and blockchain technologies into anti-corruption activities, as well as the intensification of international cooperation. Theoretical and practical significance. The conclusions can be used in educational literature on criminology and criminal law, as well as in legislative and law enforcement activities. Novelty. The author proposes an original approach to the criminological classification of digital corruption risks and substantiates the concept of a multi-level system for preventing digital corruption, combining criminal-legal, technical and organizational measures.

Keywords: digital corruption, cyber corruption, cryptocurrency, criminological risks, corruption prevention, artificial intelligence, blockchain, digital transformation.

References

1. Basangov D.A. Protivodejstvie korruptsii v usloviyakh tsifrovogo razvitiya: sravnitel'no-pravovoj analiz regulirovaniya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii, 2025. 198 s.
2. V Rossii v 2025 godu obnaruzhili 43 241 korruptsionnoe prestuplenie – eto rekord za 13 let [In Russia in 2025, 43,241 Corruption Crimes Were Detected – a Record for 13 Years] // Sovershenno sekretno: online media. 2026. 3 March. URL: <https://sov-sekretno.com/ekspertno/item/117533-v-rossii-v-2025-godu-obnaruzhili-43-241-korruptsionnoe-prestuplenie-eto-rekord-za-13-let> (accessed: 03.05.2026).
3. Chislo IT-prestuplenij v Rossii v 2025 godu sokratilos' na 11.8% [The Number of IT Crimes in Russia in 2025 Decreased by 11.8%] // Moskva 24: online media. 2026. 9 February. URL: <https://www.m24.ru/news/bezopasnost/09022026/871747> (accessed: 03.05.2026).
4. Shamekhina E.V. Kriptovalyuty kak predmet vzyatochnichestva: problemy regulirovaniya // Enisejskie politiko-pravovye chteniya: sbornik nauchnykh statej. Krasnoyarsk, 2024. S. 112–117.
5. Shamekhina E.V. Pravovye problemy nepravomernogo dostupa k konfidentsial'noj informatsii vsledstvie korruptsionnogo vozdejstviya // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2025. T. 18. № 1. S. 65–74.
6. Shamekhina E.V. Skvoznye tekhnologii v protivodejstvii korruptsii // Yuridicheskie issledovaniya. 2026. № 1. S. 18–29.

Понятие преступления экстремистской направленности как межотраслевой юридический конструкт: проблемы законодательной согласованности и правоприменения

Шваяков Андрей Сергеевич,

аспирант, 2 курс, кафедра уголовного права и процесса,
Санкт-Петербургский университет технологий управления
и экономики

Предметом исследования выступает понятие преступления экстремистской направленности в системе действующего российского законодательства и практики его применения. Цель работы состоит в выявлении межотраслевых связей и коллизий, влияющих на единообразие квалификации, разграничение уголовной и административной ответственности, а также на деятельность суда, прокуратуры, органов внутренних дел, Минюста России и иных субъектов публичной власти. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Научная новизна заключается в обосновании тезиса о том, что понятие преступления экстремистской направленности в современной российской модели не является исключительно уголовно-правовой категорией. Его содержание формируется на стыке законодательства о противодействии экстремистской деятельности, уголовного и административного законодательства, официального судебного толкования, а также правоприменительных перечней и реестров, ведущихся Минюстом России. Показано, что ключевая проблема состоит не только в отсутствии легальной дефиниции, но и в нормативной несогласованности различных уровней регулирования. Сделан вывод о необходимости межотраслевой корректировки понятийного аппарата, направленной на повышение правовой определенности и единообразия правоприменения.

Ключевые слова: экстремизм, преступление экстремистской направленности, экстремистская деятельность, межотраслевые коллизии, правовая определенность, публичное право, правоприменение, судебное толкование.

Введение

Вопрос о понятии преступления экстремистской направленности сохраняет не только теоретическое, но и выраженное прикладное значение. Несмотря на устойчивое употребление соответствующего словосочетания в законодательстве, судебном толковании, ведомственных актах и научной литературе, единое и логически непротиворечивое понимание его содержания до настоящего времени не сформировано. В доктрине неоднократно отмечалось, что сама категория «экстремизм» отличается оценочностью и высокой зависимостью от легальных определений, а законодательная техника в данной сфере не всегда обеспечивает требуемую степень определенности [10; 11]. Эта проблема имеет принципиальное значение, поскольку затрагивает не только уголовно-правовую квалификацию, но и функционирование публично-правового механизма противодействия экстремизму в целом.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (далее – 114-ФЗ) закрепляет перечень проявлений экстремистской деятельности и тем самым задает общий понятийный каркас для всей антиэкстремистской политики государства. В статье 1 указанного закона к экстремистской деятельности отнесены, в частности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, публичные призывы к осуществлению соответствующих деяний, организация и подготовка таких деяний, а также их финансирование и иное содействие [2]. Одновременно сам закон не формулирует понятия преступления экстремистской направленности как самостоятельной категории. В свою очередь, Уголовный кодекс РФ использует данный термин в статье 282.1, связывая экстремистское сообщество с подготовкой или совершением именно таких преступлений [1]. Пленум Верховного Суда РФ также оперирует категорией преступлений экстремистской направленности, разясняя вопросы квалификации и разграничения смежных составов [3]. Однако ни в 114-ФЗ, ни в УК РФ, ни в постановлении Пленума отсутствует исчерпывающая согласованная дефиниция исследуемого понятия.

Это приводит к тому, что термин начинает «жить» одновременно в нескольких нормативных режимах. В одном случае он используется как характеристика мотива деяния, в другом – как указание на объект антиэкстремистского государственного воздействия, в третьем – как ориентир для ведения специальных перечней и реестров, публикации судебных решений и последующего осуществления надзорных и контрольных полномочий. В результате понятие преступления экстремистской направленности оказывается не только уголовно-правовым, но и межотраслевым юридическим конструктом, содержание которого формируется через совокупность норм и актов различных отраслей публичного права.

Межотраслевой характер понятия преступления экстремистской направленности

В юридической литературе достаточно последовательно проводится мысль о том, что понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» не тождественны традиционным уголовно-правовым категориям. Е. Б. Кургузкина справедливо подчеркивала, что экстремизм представляет собой социально опасное явление, приобретающее юридическое содержание лишь в результате нормативного закрепления его признаков [10]. Из этого следует важный методологический вывод: преступление экстремистской направленности нельзя описать исключительно через признаки состава, не учитывая общую публично-правовую рамку противодействия экстремизму.

Проблема усугубляется тем, что статья 1 Федерального закона № 114-ФЗ конструирует экстремистскую деятельность по смешанному принципу. В перечень включены как деяния, которые могут образовывать самостоятельные составы преступлений, так и деяния, значимые для административной, гражданско-правовой или иной публично-правовой реакции. Более того, в этой же статье экстремизм определяется через совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ [2]. Тем самым специальный закон отсылает к уголовному закону, а уголовный закон, в свою очередь, при описании некоторых антиэкстремистских составов отсылает к категории экстремистской деятельности. Возникает круговая конструкция,

которая усложняет правоприменение и усиливает зависимость от судебного толкования.

Н.С. Гордеев, анализируя юридико-технические проблемы конструирования соответствующего понятия, обоснованно отмечал, что дефектность законодательного определения повышает роль официального и неофициального толкования, а это неизбежно отражается на единообразии квалификации [7]. Аналогичную мысль развивает Е.Р. Штыкова, указывая, что словосочетание «преступления экстремистской направленности» используется законодателем как будто самоочевидное, хотя на практике оно вызывает трудности толкования и не дает правоприменителю достаточных критериев для отнесения деяния к данной группе [16].

Следовательно, уже на уровне понятийного аппарата обнаруживается межотраслевая коллизия. Для уголовного права требуется максимально определенное описание общественно опасного деяния, тогда как законодательство о противодействии экстремизму строится по модели широкого перечня деяний и форм содействия. Такая модель допустима для целей профилактики и административного реагирования, но в уголовно-правовой сфере она создает риски расширительного толкования. Именно поэтому исследуемое понятие должно рассматриваться не как частный термин уголовного закона, а как результат взаимодействия нескольких отраслей публичного права.

Нормативные источники формирования исследуемого понятия

Если исходить из действующего законодательства, содержание понятия преступления экстремистской направленности складывается как минимум из четырех нормативных блоков.

Первый блок образует Федеральный закон № 114-ФЗ, который закрепляет легальное понятие экстремистской деятельности, понятия экстремистской организации, экстремистских материалов и символики экстремистской организации [2]. Значение этого закона состоит в том, что он задает общий язык антиэкстремистского регулирования для всех правоприменителей, в том числе для суда, прокуратуры, органов внутренних дел и Минюста России.

Второй блок образуют нормы УК РФ. Речь идет не только о статьях 280, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ, но и о пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ, где мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы закреплен в качестве обстоятельства, отягчающего наказание [1; 2]. Именно эта норма фактически выступает уголовно-правовым «мостом» между общим понятием экстремистской деятельности и конкретными преступлениями, относимыми к экстремистской направленности.

Третий блок составляют нормы КоАП РФ и связанные с ними разъяснения высших судебных инстанций. Принципиальное значение имеет разграничение уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений. Пленум Верховного Суда РФ специально указывает, что при разграничении преступлений, предусмотренных статьями 282.2 УК РФ, и административного правонарушения, предусмотренного статьями 20.28 КоАП РФ, необходимо учитывать правовой статус объединения: приостановление его деятельности образует административно-правовой режим, а ликвидация или запрет в связи с экстремистской деятельностью – уголовно-правовой. Следовательно, содержание понятия преступления экстремистской направленности зависит и от административно-правовой стадии государственного реагирования.

Четвертый блок образуют специальные правоприменительные перечни и реестры Минюста России. Министерство юстиции ведет федеральный список экстремистских материалов, а также перечень организаций, признанных экстремистскими [4; 5]. Формально такие перечни не подменяют собой уголовный закон, однако на практике они играют существенную роль в определении того, какой именно объект, материал или организация находятся в сфере антиэкстремистского запрета. Тем самым публично-правовой режим признания материала экстремистским или организации экстремистской оказывает прямое влияние на последующую уголовно-правовую оценку действий лица.

Из сказанного вытекает принципиальный вывод: понятие преступления экстремистской направленности в действующей модели не выводится из одного нормативного текста. Оно «собирается» из специального законодательства, уголовного закона, административных норм, судебного толкования и официальных перечней. Именно эта конструкция и придает исследуемой категории межотраслевой характер.

Основные коллизии в системе действующего законодательства

Первая коллизия связана с соотношением понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «преступление экстремистской направ-

ленности». Законодатель использует первое и второе понятия как равнозначные, что прямо следует из статьи 1 Федерального закона № 114-ФЗ, где указано: «экстремистская деятельность (экстремизм)» [2]. Однако с точки зрения юридической техники такое уравнивание не снимает, а скорее скрывает различия между социальным явлением, его легальным описанием и конкретными противоправными деяниями. Н.В. Кузьмина справедливо указывала, что подобная техника приводит к размыванию границ правового регулирования и затрудняет построение непротиворечивой системы мер противодействия экстремистским проявлениям [9].

Вторая коллизия обнаруживается в использовании мотива как системообразующего критерия. Часть исследователей исходит из того, что преступления экстремистской направленности – это исключительно деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а также ненависти либо вражды в отношении социальной группы [15]. Однако на практике законодатель включает в антиэкстремистский блок и такие составы, где решающее значение имеют не мотивы, а характер деяния, статус организации, содержание публичных призывов или факт финансирования. Именно поэтому А.Е. Федюнин и В.Ю. Алферов обращают внимание на сочетание мотивов, публичности и направленности вовсе как признаков соответствующей группы деяний [15]. Следовательно, редукция понятия только к мотиву оказывается недостаточной.

Третья коллизия имеет бланкетный характер. А.И. Трахов и З.М. Бешукова показывают на примере статьи 280 УК РФ, что антиэкстремистские нормы уголовного закона обладают повышенной зависимостью от содержания иных нормативных предписаний, прежде всего статьи 1 Федерального закона № 114-ФЗ [14]. Авторы прямо указывают на наличие внутритраслевых и межотраслевых коллизий, возникающих при применении бланкетных норм [14]. Эта мысль имеет более широкое значение: если содержание экстремистской деятельности определяется в специальном законе через открытый и неоднородный перечень, то уголовно-правовые нормы неизбежно наследуют эту неопределенность.

Четвертая коллизия связана с деятельностью экстремистских организаций. Согласно статье 1 Федерального закона № 114-ФЗ экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности; кроме того, после изменений 2025 года экстремистской организацией также признается экстремистское сообщество при вступлении в силу обвинительного приговора по статье 282.1 УК РФ [2]. Тем самым категория организации формируется одновременно судебным решением в публично-правовом порядке и уголовно-правовым приговором. Такое смешение процедур допустимо для целей борьбы с экстремизмом, но оно требует особенно четких критериев разграничения. Пленум Верховного Суда РФ был вынужден дополнительно разъяснять, что к организациям, признанным экстремистскими, относятся именно те объединения и организации, в отношении которых принято соответствующее вступившее в законную силу решение суда, а уголовная ответственность по статье 282.2 УК РФ возможна лишь после официального опубликования таких сведений [12]. Следовательно, сама уголовная ответственность здесь поставлена в зависимость от публично-правовой процедуры официального признания и опубликования.

Пятая коллизия связана с правовым значением перечней Минюста России. Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании вступивших в силу судебных решений, а перечень организаций, признанных экстремистскими, служит официальным ориентиром для правоприменителя [4; 5]. Вместе с тем ни список, ни перечень не являются источником уголовного права в собственном смысле. Отсюда возникает деликатная проблема: правоприменитель объективно ориентируется на эти массивы данных как на подтверждение правового статуса материала или организации, однако уголовная ответственность не может основываться на перечне как таковом без установления всех признаков состава преступления и соблюдения требований закона и разъяснений Пленума. В этой части межотраслевой механизм требует особенно аккуратной юридической техники.

Влияние коллизий на правоприменительную практику

Рассматриваемые коллизии имеют не абстрактный, а вполне практический эффект. Во-первых, они затрудняют единообразное определение круга преступлений, относимых к экстремистской направленности. Как справедливо отмечал Д.П. Потапов, законодательное закрепление соответствующей группы деяний страдает неполнотой и не позволяет выстроить безусловно ясную классификацию [12]. Для одного право-

применителя определяющим оказывается экстремистский мотив, для другого – принадлежность состава к антиэкстремистскому блоку главы 29 УК РФ, для третьего – связь деяния с запрещенной организацией или материалами.

Во-вторых, коллизии осложняют разграничение преступлений экстремистской направленности и преступлений с признаками экстремистской деятельности. Эта проблема особенно заметна в случаях, когда состав не содержит прямого указания на экстремизм, но деяние совершено по мотивам ненависти или вражды. Тогда правоприменитель должен решить, относится ли соответствующее преступление к экстремистской направленности в собственном смысле или речь идет лишь о наличии квалифицирующего либо отягчающего признака. Отсутствие единого нормативного ответа на этот вопрос повышает зависимость от усмотрения.

В-третьих, нормативная несогласованность влияет на деятельность институтов публичной власти. Для прокуратуры и органов внутренних дел неопределенность означает усложнение надзора за соблюдением закона и координации действий при выявлении экстремистских проявлений. Для суда – необходимость заполнять пробелы при помощи толкования. Для Минюста России – возложение дополнительной ответственности за ведение перечней, фактически имеющих высокое ориентирующее значение для всей системы противодействия экстремизму. В результате единообразие правоприменения обеспечивается не столько качеством закона, сколько интенсивностью ведомственного и судебного толкования, что само по себе не может считаться оптимальным решением.

Наконец, коллизии создают риски для принципа правовой определенности. В публично-правовой сфере, особенно когда речь идет о возможном ограничении конституционных прав и применении мер юридической ответственности, адресат закона должен иметь возможность разумно предвидеть правовые последствия своих действий. Между тем при действующей модели границы понятия преступления экстремистской направленности определяются через совокупность разнородных актов, включая открытые перечни, судебные решения и специальные разъяснения. Такая конструкция может функционировать, но она требует более четкой нормативной координации.

Направления совершенствования законодательной конструкции

Представляется, что совершенствование исследуемого понятия должно осуществляться не по пути простого расширения перечня антиэкстремистских составов, а через повышение межотраслевой согласованности.

Во-первых, необходимо нормативно развести понятия «экстремизм» как социально-политическое явление, «экстремистская деятельность» как легально определенный набор запрещенных деяний и «преступление экстремистской направленности» как уголовно-правовую категорию. Их фактическое смешение в действующем законодательстве является одной из первопричин правоприменительных затруднений.

Во-вторых, целесообразно закрепить в законе более четкие критерии отнесения преступления к экстремистской направленности. Такой критерий не должен сводиться только к мотиву, но и не должен полностью растворяться в перечне форм экстремистской деятельности из статьи 1 Федерального закона № 114-ФЗ. Более убедительной представляется комбинированная модель, учитывающая: а) антиэкстремистскую направленность самого деяния; б) наличие прямо предусмотренного законом экстремистского мотива там, где он имеет системообразующее значение; в) связь деяния с запрещенной экстремистской организацией, сообществом, материалами или финансированием соответствующей деятельности.

В-третьих, требуется дополнительная координация между уголовным законодательством, КоАП РФ и специальным законодательством в части стадий государственного реагирования. Разграничение между приостановлением деятельности объединения, его ликвидацией, запретом и последующей уголовной ответственностью должно быть максимально прозрачным и доступным для адресата закона. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в этой части уже выполняют стабилизирующую функцию [3], однако в перспективе часть таких положений могла бы получить более четкое нормативное закрепление.

В-четвертых, необходимо учитывать правовую природу перечней Минюста России. Их значение для публичного информирования и правоприменительной ориентации не вызывает сомнений, однако законодатель должен яснее обозначить пределы их использования в уголовном процессе и при квалификации деяний. Перечень не может заменять установление состава преступления, но он должен сохранять значение официального доказательственного ориентира в пределах, прямо предусмотренных законом.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что понятие преступления экстремистской направленности в современной российской правовой системе имеет выраженный межотраслевой характер. Его содержание формируется не только нормами Уголовного кодекса РФ, но и положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», административным регулированием, официальным судебным толкованием, а также публично-правовыми перечнями и реестрами Минюста России.

Такое положение объясняет, почему проблема не сводится к отсутствию удачной уголовно-правовой дефиниции. Ключевым источником затруднений выступает нормативная несогласованность различных уровней регулирования: смешение социального и юридического понимания экстремизма, неопределенность роли мотива, бланкетный характер уголовно-правовых запретов, зависимость уголовной ответственности от публично-правовых процедур признания организации экстремистской и официального опубликования соответствующих сведений.

Для правоприменительной практики это означает повышенную зависимость от судебного и ведомственного толкования, а также риски не единообразного подхода к квалификации и разграничению смежных составов и административных правонарушений. Поэтому дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на межотраслевую гармонизацию понятийного аппарата, а не только на точечные изменения уголовного закона. Именно такой подход отвечает задаче повышения правовой определенности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002, № 30, Ст. 3031.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8, август, 2011.
4. Министерство юстиции Российской Федерации. Федеральный список экстремистских материалов. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Министерство юстиции Российской Федерации. Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Бешукова Зарема Муратовна К вопросу о понятии механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 6 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-mehanizma-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-ekstremistskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Гордеев Никита Сергеевич Проблемы юридической техники конструирования понятия «преступления экстремистской направленности» // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problem-yuridicheskoy-tehniki-konstruirovaniya-ponyatiya-prestupleniya-ekstremistskoy-napravlennosti> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Кириленко Виктор Петрович, Алексеев Георгий Валерьевич Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-protivodeystviya-prestupleniyam-ekstremistskoy-napravlennosti> (дата обращения: 12.05.2026).
9. Кузмина Н.В. Дефект техники законодательства в сфере противодействия экстремистским проявлениям // НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/defekt-tehniki-zakonodatelstva-v-sfere-protivodeystviya-ekstremistskim-proyavleniyam> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Курузкина Е.Б. Понятие экстремизма // Научный портал МВД России. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekstremizma> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Макеева И.С. Экстремизм как уголовно-правовая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-kak-ugolovno-pravovaya-kategoriya> (дата обращения: 12.05.2026).

12. Потапов Дмитрий Петрович Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного закрепления // Известия АлтГ У. 2011. № 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-ekstremistskoy-napravlennosti-problemy-zakonodatelno-zakrepleniya> (дата обращения: 12.05.2026).

13. Пронина Мария Петровна Коллизии в уголовном законодательстве как изъян в юридической технике // Юридическая техника. 2017. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-ugolovnom-zakonodatelstve-kak-izyan-v-yuridicheskoy-tehnike> (дата обращения: 12.05.2026).

14. Трахов Аслан Исмаилович, Бешукова Зарема Муратовна Бланкетность антиэкстремистских норм уголовного закона: как решить уравнение с неизвестным количеством переменных (на примере статьи 280 УК РФ)? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blanketnost-antiekstremistskih-norm-ugolovnogo-zakona-kak-reshit-uravnenie-s-neizvestnym-kolichestvom-peremennyh-na-primere-stati> (дата обращения: 12.05.2026).

15. Федюнин Антон Евгеньевич, Алферов Владимир Юрьевич Сущность и понятие преступлений экстремистской направленности: вопросы квалификации и расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ponyatie-prestupleniy-ekstremistskoy-napravlennosti-voprosy-kvalifikatsii-i-rassledovaniya> (дата обращения: 12.05.2026).

16. Штыкова Екатерина Руслановна Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // БГЖ. 2019. № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniya-ekstremistskoy-napravlennosti-trudnosti-tolkovaniya-zakonodatelno-opredeleniya> (дата обращения: 12.05.2026).

THE CONCEPT OF EXTREMIST CRIME AS AN INTERDISCIPLINARY LEGAL CONSTRUCT: ISSUES OF LEGISLATIVE COHERENCE AND LAW ENFORCEMENT

Shvayakov A.S.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines the concept of an extremist crime in the current Russian legislation and law-enforcement practice. The purpose of the study is to identify inter-branch links and collisions affecting the uniformity of qualification, the delimitation of criminal and administrative liability, as well as the activity of courts, prosecutor's offices, internal affairs bodies, the Ministry of Justice of Russia and other public authorities. The methodological basis includes formal legal, systemic and comparative legal methods. The novelty of the research lies in substantiating the thesis that the concept of an extremist crime in the modern Russian model is not solely a criminal-law category. Its content is formed at the intersection of legislation on countering extremist activity, criminal and administrative legislation, official judicial interpretation, as well as law-enforcement lists and registers maintained by the Ministry of Justice of Russia. The paper shows that the key problem lies not only in the absence of a legal definition, but also in the normative inconsistency of various regulatory levels. The author concludes that the inter-branch correction of the conceptual framework is necessary in order to increase legal certainty and ensure uniform law enforcement.

Keywords: extremism, extremist crime, extremist activity, inter-branch collisions, legal certainty, public law, law enforcement, judicial interpretation.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on April 9, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on October 27, 2025) "On Countering Extremist Activity" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – July 29, 2002. No. 30, Art. 3031.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011 (as amended on December 23, 2025) "On Judicial Practice in Criminal Cases Involving Extremist Crimes." // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – No. 8, August, 2011.
4. Ministry of Justice of the Russian Federation. Federal List of Extremist Materials. // [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (accessed: May 12, 2026).
5. Ministry of Justice of the Russian Federation. List of organizations recognized as extremist under the legislation of the Russian Federation. // [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (accessed: May 12, 2026).
6. Beshukova, Zarema Muratovna. On the concept of the mechanism of criminal-law countermeasures against extremist activity // National Security / nota bene. 2018. No. 6 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-mehanizma-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-ekstremistskoy-deyatelnosti> (accessed: 05/12/2026).
7. Nikita Sergeyevich Gordeev, "Legal Issues in the Formulation of the Concept of 'Extremist Crimes'" // Gaps in Russian Legislation. 2015. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-tehniki-konstruirovaniya-ponyatiya-prestupleniya-ekstremistskoy-napravlennosti> (accessed: May 12, 2026).
8. Kirilenko, Viktor Petrovich; Alekseev, Georgy Valerievich. Current Issues in Countering Extremist Crimes // All-Russian Criminological Journal. 2018. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-protivodeystviya-prestupleniyam-ekstremistskoy-napravlennosti> (accessed: May 12, 2026).
9. Kuzmina N.V. Defects in Legislative Technique in the Field of Countering Extremist Manifestations // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2013. No. 9 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/defekt-tehniki-zakonodatelstva-v-sfere-protivodeystviya-ekstremistskim-proyavleniyam> (accessed: 05/12/2026).
10. Kurguzkina, E.B. The Concept of Extremism // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekstremizma> (accessed: May 12, 2026).
11. Makeeva, I.S. Extremism as a Criminal Law Category // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-kak-ugolovno-pravovaya-kategoriya> (accessed: May 12, 2026).
12. Dmitry Petrovich Potapov, "Extremist Crimes: Issues in Legislative Regulation," Izvestiya AltsU, 2011, No. 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-ekstremistskoy-napravlennosti-problemy-zakonodatelno-zakrepleniya> (accessed: 05/12/2026).
13. Pronina, Maria Petrovna. Conflicts in Criminal Legislation as a Flaw in Legal Technique // Legal Technique. 2017. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-ugolovnom-zakonodatelstve-kak-izyan-v-yuridicheskoy-tehnike> (accessed: May 12, 2026).
14. Trakhov, Aslan Ismailovich; Beshukova, Zarema Muratovna. The vaguity of anti-extremist provisions in criminal law: how to solve an equation with an unknown number of variables (using article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example)? // Humanities, Social and Economic Sciences. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blanketnost-antiekstremistskih-norm-ugolovnogo-zakona-kak-reshit-uravnenie-s-neizvestnym-kolichestvom-peremennyh-na-primere-stati> (accessed: 05/12/2026).
15. Fedyunin, Anton Evgenievich; Alferov, Vladimir Yurievich. The Nature and Concept of Extremist Crimes: Issues of Classification and Investigation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ponyatie-prestupleniy-ekstremistskoy-napravlennosti-voprosy-kvalifikatsii-i-rassledovaniya> (accessed: 05/12/2026).
16. Shtykova, Ekaterina Ruslanovna. "The Concept of 'Extremist Crimes': Difficulties in Interpreting the Legal Definition." Bulletin of the Russian State University. 2019. No. 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniya-ekstremistskoy-napravlennosti-trudnosti-tolkovaniya-zakonodatelno-opredeleniya> (accessed: May 12, 2026).

Ревина Валерия Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры КБ-12
«Правовое обеспечение национальной безопасности»
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«МИРЭА – Российский технологический университет»
E-mail: revina@mirea.ru

В статье исследуется понятие экстремистских преступлений, их мотивация, факторы детерминации и система предупреждения, которая рассматривается как многоуровневая, включающая не только общеправовые и специально-криминологические меры, но и социальные и воспитательные.

Применение методов анализа, синтеза, сравнения, формально-юридического метода позволило рассмотреть предупреждение экстремистских преступлений как целостный социально-правовой механизм.

Такой подход, по мнению автора, позволяет более полно оценить причины экстремистского поведения и определить наиболее эффективные направления профилактики. Проведен анализ направления деятельности государства и общества по снижению уровня экстремистской активности, а также обозначены проблемы правоприменительной практики и предложены пути их решения. Делается вывод о том, что эффективное предупреждение преступлений экстремистской направленности возможно только при сочетании мер уголовно-правового воздействия с общесоциальной профилактикой и межведомственным взаимодействием.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские преступления, предупреждение преступности, профилактика, правовое регулирование, общественная безопасность.

Преступления экстремистской направленности представляют собой одну из наиболее опасных форм деструктивного поведения, способную негативно повлиять на устойчивость общественных отношений, усилить социальную напряженность и создать угрозу национальной безопасности. По мнению немецкого политолога У. Бакеса, экстремистская позиция прямо или косвенно отрицает демократическое конституционное государство [1, с. 11]. Экстремистская деятельность представляет угрозу не только общественной безопасности и основам конституционного строя, межнациональному и межконфессиональному миру, правам и свободам человека. Эскалация информационных рисков, распространение радикального контента в цифровой среде и вовлечение в экстремистскую деятельность молодежи требуют разработки адекватного механизма профилактики и его постоянного совершенствования. Предупреждение экстремистских преступлений требует комплексного подхода, что объясняется вовлечением в подобного рода преступления под влиянием различных факторов, таких, как социальные, психологические, экономические и идеологические. В связи с этим рассмотрение и совершенствование механизмов профилактики имеет важное научное и практическое значение.

Понятие «экстремизм» происходит от латинского «*extremitas*» («крайность») и соответствующего ему «*extremus*» («крайний») [2, с. 1533]. По своей сути экстремизм – это деятельность, направленная на достижение определенных целей путем насилия, разжигания политической, идеологической, расовой, национальной, социальной, религиозной ненависти или вражды [3, с. 176–180].

Экстремистские преступления можно определить как общественно опасные деяния, которые совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а также по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, либо направлены на возбуждение такой ненависти, унижение достоинства человека, нарушение равенства прав и свобод граждан. Таким образом, можно сказать, что важной характеристикой экстремистских преступлений, позволяющей отграничить их от других сходных противоправных деяний, например, терроризма, является мотив [4].

К числу таких преступлений относятся, прежде всего, деяния, связанные с публичными призывами к экстремистской деятельности, возбуждением ненависти либо вражды, организацией экстремистского сообщества, а также иные действия, совершаемые с экстремистской мотивацией. Общественная опасность состоит в том, что они подрывают стабильность общественных отношений, провоцируют конфликтность и способны вызвать более тяжкие насильственные проявления.

Причиной распространения экстремизма в России, по мнению В.В. Лунеева, во многом стал кризис в обществе, экономике, религии. Поспособствовала этому и некорректная политика внутри государства, снижение уровня социального обеспечения граждан [5, с. 77].

На современном этапе экстремистская преступность формируется под воздействием ряда причин и условий. Существенную роль играет информационная среда, в которой распространение деструктивных материалов происходит мгновенно (с учетом цифровизации) и адресно.

Важным фактором является также чувство социальной несправедливости, отчуждение личности от институтов общества и государства, отсутствие конструктивных каналов самореализации. Лица, склонные к радикализму, нередко испытывают потребность в принадлежности к группе, признании и значимости, что делает их уязвимыми для экстремистской идеологии.

В виду крайней степени общественной опасности рассматриваемых преступлений, следует особое внимание уделять их профилактике, ибо лучше предупредить, нежели допустить совершение.

Предупреждение преступлений экстремистской направленности – одно из ключевых направлений современной уголовно-правовой и криминологической политики.

Предупреждение экстремистских преступлений представляет собой систему мер, сосредоточенных на выявлении, устранении и нейтрализации причин и условий, способствующих их совершению, а также на недопущении вовлечения в экстремистскую деятельность.

В российском праве основополагающим нормативным актом в данной сфере является Федеральный закон от 25 июля 2002 г.

№ 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который закрепляет не только понятие экстремистской деятельности, но и организационные и правовые основы противодействия ей [6]. Уголовно-правовая охрана обеспечивается нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, прежде всего статьями, предусматривающими ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства и иные подобного рода деяния [7]. Правовое регулирование противодействия экстремизму является основой системы профилактики. Уголовное законодательство устанавливает ответственность за наиболее опасные формы экстремистской деятельности, а административное и иное законодательство закрепляет механизмы предупреждения и пресечения нарушений. Однако только лишь карательные меры не могут дать устойчивый профилактический эффект. Важно не только наказывать за совершенные деяния, но и своевременно выявлять предпосылки их совершения. В этом смысле особое значение имеют ограничения на распространение экстремистских материалов, меры по блокировке запрещенной информации, предупреждение публичных призывов к насилию и дискриминации.

С научной точки зрения предупреждение экстремистских преступлений следует рассматривать как систему общесоциальных и специально-криминологических мер. Общесоциальное предупреждение связано с улучшением социальных условий жизни, повышением уровня правовой культуры, укреплением межэтнического и межконфессионального согласия, а также развитием механизмов для трудоустройства и самореализации молодежи [8; 9].

Специально-криминологическое предупреждение заключается в выявлении лиц и групп риска, проведении с ними профилактической работы, мониторинге интернет-среды и пресечении распространения экстремистского контента. В этом виде предупреждения ключевую роль играют правоохранительные органы. Их деятельность включает выявление угроз, документирование противоправной активности, профилактическую работу с лицами, состоящими на учете, а также взаимодействие с образовательными учреждениями, общественными организациями и религиозными объединениями.

Очень важна аналитическая работа, позволяющая выявлять тенденции распространения экстремистской идеологии, опознавать наиболее уязвимые группы населения и своевременно реагировать на потенциальные риски. Следует отметить, что эффективность такой деятельности во многом зависит от профессиональной подготовки сотрудников, владения ими современными информационными технологиями, а также наличия четких и действенных правовых механизмов.

В условиях стремительной цифровизации значительная часть экстремистской активности переместилась в интернет-пространство. Соответственно требуется мониторинг социальных сетей, расширение правового просвещения пользователей и развитие механизмов оперативного реагирования на распространение запрещенной информации.

Как показывают исследования, наибольший процент преступлений в сфере экстремистской направленности совершается лицами в возрасте от 18 до 24 лет, имеющими среднее образование, не работающими, не состоящими в браке [10, с. 68–71]. В качестве экстремиста-исполнителя, непосредственно участвующего в совершении противоправного деяния, зачастую выступают и лица от 14 до 18 лет [11, с. 600]. Молодые люди могут быть более уязвимы к влиянию радикальной пропаганды из-за социально-психологических особенностей возраста, поиска идентичности и высокой вовлеченности в цифровую коммуникацию. Именно поэтому профилактика экстремизма требует сбалансированного сочетания как правовых, так и образовательных и воспитательных инструментов, и особое место среди таких инструментов занимает система образования, поскольку именно в ней происходит становление личности, формирование базовых ценностей и культуры межличностного общения. Не менее важной в предупреждении экстремистских проявлений является роль семьи, а также влияние искусства (литературы, кинематографа), средств массовой информации. Только системное, сбалансированное влияние на личность, особенно в период ее становления, позволит выработаться устойчивому иммунитету к экстремистской пропаганде.

Наличие правовой базы, практического опыта не делает профилактику преступлений экстремистской направленности беспроblemной. Среди проблем, осложняющих превенцию, надо назвать и недостаточно скоординированное взаимодействие между ведомствами, и нехватку квалифицированных кадров, усугубляющуюся некомплектотом сотрудников правоохранительных органов, и возникающий вследствие этого формализм профилактических мероприятий. Следует отметить также такие факторы, осложняющие предупреждение, как сложности

выявления экстремистского контента в цифровой среде и недостаточную вовлеченность общества в профилактическую деятельность.

Корректирующими отмеченные недостатки мерами должны стать развитие межведомственного взаимодействия, расширение и активизация программ правового и патристического воспитания, повышение медиаграмотности населения, совершенствование методов мониторинга интернет-пространства и использование адекватных аналитических инструментов для выявления признаков радикализации.

Предупреждение экстремистских преступлений является задачей, требующей скоординированных усилий государства, общества, образовательных и правоохранительных структур. Оно должно строиться на принципе приоритета профилактики перед репрессией. При этом важно учитывать, что экстремизм часто развивается латентно, на ранних стадиях проявляясь в форме радикальных высказываний, распространения запрещенных материалов, формирования замкнутых групп и идеологической изоляции личности. Особую значимость приобретают профилактика в молодежной среде, противодействие радикальной пропаганде в сети Интернет и формирование устойчивых ценностей законности, гражданского мира и уважения к человеку.

Литература

1. Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme // Bundesministerium des Innern. – Berlin, 2004.
2. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Советская Энциклопедия. – 1983. – 1600 с.
3. Федюнин А.Е., Алферов В.Ю. Сущность и понятие преступлений экстремистской направленности: вопросы квалификации и расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2(46). – С. 176–180.
4. Ермолович Я.Н., Криштопов С.В. Соотношение и разграничение понятий «преступления террористической направленности» и «преступления экстремистской направленности» // Российский следователь. – 2022. – № 3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c10532ab76df5c84c18ee550a79b1fc8cb8449b2/ (дата обращения 29.04.2026).
5. Лунеев В.В. Криминология: учебник для вузов. – Издательство Юрайт, 2026. – 643 с. URL: <https://urait.ru/bcode/600374> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения 15.05.2026).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения 15.05.2026).
8. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 800 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1052213> (дата обращения: 21.05.2026).
9. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: монография – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2018. – 573 с.
10. Репин И.С. Личность экстремиста, значение наличия группы и её влияния на ценностные установки // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 2. – С. 68–71.
11. Комиссаров В.А. Характеристика личности преступника-экстремиста // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / Под общей редакцией А.И. Вострецова. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич). – 2019. – С. 597–601.

PREVENTION OF EXTREMIST CRIMES

Revina V.V.

Russian Technological University

The article examines the concept of extremist crimes, their motivation, factors of determination and the prevention system, which is considered as multilevel, including not only general legal and special criminological measures, but also social and educational.

The use of methods of analysis, synthesis, comparison, and the formal legal method made it possible to consider the prevention of extremist crimes as an integral socio-legal mechanism.

This approach, according to the author, makes it possible to more fully assess the causes of extremist behavior and identify the most effective prevention strategies. The analysis of the activities of the state and society to reduce the level of extremist activity is carried out, as well as the problems of law enforcement practice are identified and ways to solve them are proposed. It is concluded that effective prevention of extremist crimes is possible only

with a combination of criminal law measures with general social prevention and interdepartmental cooperation.

Keywords: extremism, extremist crimes, crime prevention, prevention, legal regulation, public safety.

References

1. Extremism in Germany. Manifestations and current inventory // Federal Ministry of the Interior. – Berlin, 2004.
2. Prokhorov A.M. The Soviet encyclopedic dictionary. – 2nd ed. – M.: Soviet Encyclopedia. – 1983. – 1600 p.
3. Fedyunin A.E., Alferov V. Yu. The essence and concept of extremist crimes: issues of qualification and investigation // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 2(46). – Pp. 176–180.
4. Ermolovich Ya.N., Krishtopov S.V. Correlation and differentiation of the concepts of “crimes of a terrorist orientation” and “crimes of an extremist orientation” // Russian investigator. – 2022. – No. 3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c10532ab76df5c84c18ee550a79b1fc8cb8449b2/ (accessed 04/29/2026).
5. Luneev V.V. Criminology: textbook for universities. – Yurait Publishing House, 2026. – 643 p. URL: <https://urait.ru/bcode/600374> (date of request: 05/20/2026).
6. Federal Law No. 114-FZ dated July 25, 2002 “On Countering Extremist Activities”. The official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (date of application 05/15/2026).
7. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ. The official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (accessed 05/15/2026).
8. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. – 5th ed., reprint. and additional – Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. – 800 p. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1052213> (date of access: 05/21/2026).
9. Gilinsky Ya.I. Criminology: theory, history, empirical base, social control: monograph – 3rd ed., reprint. and add. – St. Petersburg: Alef-Press, 2018. – 573 p.
10. Repin I.S. The personality of an extremist, the significance of the presence of a group and its influence on value attitudes // Current issues in the fight against crime. – 2024. – No. 2. – Pp. 68–71.
11. Komissarov V.A. Characterization of the personality of an extremist criminal // Science, education, innovations: approbation of research results: Materials of an international (correspondence) scientific and practical conference / Under the general editorship of A.I. Vostretsov. – Neftekamsk: Scientific Publishing Center “The World of Science” (IP Vostretsov Alexander Ilyich). – 2019. – Pp. 597–601.

Некоторые вопросы совершенствования технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием искусственного интеллекта

Шагапов Исаак Равильевич,

аспирант кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: i@shagapow.ru

Целью статьи является определение направлений совершенствования технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с применением искусственного интеллекта. В работе на основе формально-юридического, системного и криминалистико-моделирующего подходов раскрывается двойственная роль ИИ как объекта экспертного исследования и как инструмента, применяемого сведущим лицом при анализе цифровых и алгоритмических объектов. Обосновывается необходимость развития аппаратно-программных комплексов, защищенной среды исследования, методик анализа ИИ-объектов, процедур проверки пригодности ИИ-инструментов и подготовки экспертов междисциплинарного профиля. Особое внимание уделяется требованиям проверяемости, воспроизводимости, фиксации исходных данных, параметров обработки и ограничений алгоритмического результата. Предлагается поэтапная дорожная карта совершенствования экспертной деятельности на период 2025–2030 гг. Практическая значимость исследования состоит в формировании ориентиров для следователя, специалиста, эксперта и суда при работе с цифровой и алгоритмической средой. Сделан вывод о том, что ИИ не должен рассматриваться как самостоятельный источник доказательств или субъект экспертного вывода, так как доказательственное значение приобретают только сведения, полученные, закрепленные, проверенные, оцененные и профессионально интерпретированные экспертом либо специалистом в установленной законом форме.

Ключевые слова: искусственный интеллект; судебная экспертиза; специальные знания; цифровые следы; доказывание; экспертное исследование.

Введение. Постановка проблемы

В Российской Федерации развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) получило нормативное закрепление в стратегических и специальных правовых актах, определяющих государственную политику в данной сфере. К числу таких актов относятся Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания условий для разработки и внедрения технологий ИИ в городе Москве», а также Указ Президента РФ от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта». Указанные акты подтверждают государственную значимость развития ИИ, однако не устанавливают специальный порядок выявления, фиксации, исследования и оценки цифровых и алгоритмических объектов в уголовном судопроизводстве.

Технологии ИИ обладают двойственным криминалистическим значением. С одной стороны, они используются для анализа больших данных, распознавания образов, выявления цифровых закономерностей и повышения эффективности экспертных исследований. С другой стороны, те же технологии применяются при создании дипфейков, фишинговых сообщений, автоматизированного мошенничества, обхода защитных механизмов и иных преступных действий. Поэтому для судебно-экспертной деятельности принципиальное значение приобретает развитие технического обеспечения, позволяющего исследовать как сами ИИ-системы, так и результаты их использования в механизме преступления.

Практическое значение указанной проблемы подтверждается современными примерами использования ИИ в деятельности правоохранительных органов. В публичных выступлениях представителей Следственного комитета РФ отмечались как возможности ИИ при раскрытии резонансных преступлений, так и необходимость жесткого контроля за его применением, поскольку ошибочное доверие алгоритмическому результату может привести к необоснованному привлечению лица к уголовной ответственности. Одновременно указывается на рост криминального использования ИИ, что ставит вопрос о специальной оценке его роли в механизме преступления.

В настоящей статье техническое обеспечение рассматривается преимущественно применительно к судебно-экспертной форме использования специальных знаний. Такой акцент обусловлен тем, что именно судебная экспертиза является наиболее формализованной, методически сложной и технически требовательной формой исследования цифровых и алгоритмических объектов. Судебно-экспертная форма использования специальных знаний требует отдельного рассмотрения, поскольку именно в ней профессиональное исследование получает наиболее развитое процессуальное, методическое и техническое выражение [9].

Двойственная роль ИИ и предмет судебно-экспертного исследования

Современное развитие цифровых технологий и широкое внедрение систем ИИ в различные сферы общественной жизни создают принципиально новые вызовы для правоохранительной системы и судебно-экспертной деятельности. Преступления, совершаемые с использованием ИИ, характеризуются высокой степенью технологической сложности, что требует пересмотра существующих подходов к их расследованию и экспертному исследованию [3, 4].

Техническая специфика таких преступлений обусловлена многоуровневой архитектурой современных ИИ-систем, включающих нейронные сети, алгоритмы машинного обучения, большие языковые модели и системы принятия решений. Следы указанных преступлений существуют одновременно в физическом пространстве (серверное оборудо-

дование, устройства конечных пользователей) и цифровой среде (алгоритмы, датасеты, логи взаимодействия), что значительно усложняет процесс их обнаружения, фиксации и исследования традиционными экспертными методами.

Следовательно, ИИ в рассматриваемой сфере имеет двойственное значение, так как он может использоваться как инструмент выявления и анализа криминалистически значимой информации, но одновременно выступать объектом судебно-экспертного исследования, когда необходимо установить факт, способ и последствия его применения при совершении преступления. При этом любой результат, полученный с использованием ИИ, требует проверки, профессиональной интерпретации и процессуального оформления [7, 8].

Наиболее сложным направлением экспертного исследования являются генеративные модели, используемые для создания дипфейков, синтетических изображений, поддельных документов и иного контента, применяемого в криминальных целях. Техническое оснащение экспертных подразделений должно включать специализированные инструменты для обнаружения признаков генерации, анализа статистических аномалий синтетических данных, определения возможного типа использованной модели, исследования метаданных, логов, исходных материалов и условий формирования результата [2, 10].

Наряду с криминальным использованием ИИ необходимо учитывать возможности применения ИИ-инструментов в расследовании преступлений и судебно-экспертной деятельности. Однако такие инструменты не должны подменять профессиональное суждение эксперта, так они могут использоваться для поиска, классификации, анализа и подготовки исследовательской информации, но итоговый вывод должен формулироваться человеком, обладающим специальными знаниями [6, 11].

Для успешной интеграции ИИ в систему использования специальных знаний необходимо исходить из нескольких принципиальных положений, таких как, что ИИ допустим лишь как средство усиления аналитических и исследовательских возможностей человека; результаты работы интеллектуальной системы не могут подменять профессиональное суждение сведущего лица; применение ИИ требует проверяемости, воспроизводимости и критической оценки полученных выводов; использование алгоритмических средств должно быть соотнесено с характером исследуемого объекта, задачей расследования и пределами допустимой процессуализации результата.

Техническое и методическое обеспечение исследования ИИ-объектов

Ключевой проблемой современной судебной экспертизы является недостаточность технического обеспечения, необходимого для исследования цифровых и алгоритмических объектов, связанных с использованием ИИ. Традиционные средства компьютерно-технической экспертизы ориентированы преимущественно на исследование данных, программного кода, носителей информации и программной среды, тогда как ИИ-системы могут характеризоваться динамическим изменением параметров, вероятностным характером результата и ограниченной объяснимостью механизма его формирования. В этих условиях экспертам необходимы средства для анализа архитектуры моделей, параметров обработки, обобщающих выборок, логов, метаданных, признаков генерации и условий формирования конкретного результата.

Полагаем, что совершенствование технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний должно опираться на создание специализированных аппаратно-программных комплексов, позволяющих проводить полное, проверяемое и воспроизводимое исследование ИИ-объектов. Указанные комплексы должны обеспечивать безопасный запуск исследуемых моделей в изолированной среде, фиксацию исходных данных и параметров обработки, мониторинг поведения системы при различных входных данных, анализ архитектуры модели и выявление признаков вредоносных либо криминалистически значимых модификаций.

В данном случае важна разработка средств исследования систем с ограниченной объяснимостью, поскольку в таких случаях эксперт должен раскрывать не только полученный результат, но и пределы его достоверной интерпретации. Проблема «черного ящика» ИИ подтверждает необходимость не только технического анализа модели, но и процессуального раскрытия условий получения результата, исходных данных, параметров обработки и ограничений примененного метода [1].

Методический аспект проблемы связан с необходимостью разработки экспертных методик, адаптированных к исследованию ИИ-объектов. Как указывает П.М. Морхат, ИИ выступает в качестве расширенной интеллектуальной системы, усиливающей познавательные возможности человека, позволяя обнаруживать такие данные и зако-

номерности, которые остались бы недоступными для выявления при отсутствии его применения [5]. Вместе с тем классические подходы к исследованию программного обеспечения не во всех случаях достаточны для анализа систем, поведение которых определяется обученными параметрами, вероятностными моделями и условиями обработки исходных данных.

Динамическая природа ИИ-систем, постоянно обновляющих свои параметры в процессе работы, создает риск непреднамеренного изменения доказательственной информации в ходе экспертного исследования. Необходимы технические решения для создания криминалистически достоверных копий состояния ИИ-системы в определенный момент времени, включая не только статические компоненты (код, конфигурационные файлы), но и динамические элементы (состояние памяти, параметры моделей, кэшированные данные).

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в том, что техническое обеспечение судебно-экспертной деятельности рассматривается не как простое оснащение экспертных подразделений программными средствами, а как система условий, обеспечивающих проверяемость, воспроизводимость и процессуальную пригодность результатов исследования ИИ-объектов. Такая система включает фиксацию цифрового объекта, фиксацию среды его формирования, описание примененных технических и программных средств, раскрытие методики исследования, обозначение ограничений алгоритмического результата, проверку воспроизводимости и сопоставление полученных сведений с иными доказательствами по уголовному делу [8].

Дорожная карта совершенствования судебно-экспертной деятельности

С учетом изложенного целесообразно предложить поэтапную модель совершенствования технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием ИИ. Предложенная модель ориентирована на создание условий для полного, проверяемого и воспроизводимого исследования цифровых и алгоритмических объектов, установления технических условий их формирования, оценки пригодности применяемого инструмента и представления экспертного вывода в процессуально значимой форме (Табл. 1).

Таблица 1. Дорожная карта совершенствования технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием ИИ на период 2025–2030 гг.

№	Этап	Мероприятия
1.	Нормативно-методическое обеспечение	Фиксация цифровой и алгоритмической среды; документирование ИИ-инструментов, исходных данных, параметров обработки, ограничений
2.	Технологический	Разработка или адаптация программного обеспечения; формирование тестовых массивов; проверка точности, устойчивости и воспроизводимости ИИ-инструментов.
3.	Инфраструктурно-технический	Оснащение экспертных подразделений; создание защищенной среды и изолированных тестовых контуров; оснащение логов, метаданных и параметров обработки.
4.	Образовательно-квалификационный	Подготовка экспертов по ИИ-объектам, цифровой форензике, анализу данных, генеративным моделям, проверке пригодности инструментов и оформлению выводов.
5.	Пилотный	Апробация решений в отдельных экспертных учреждениях; оценка качества и воспроизводимости; сравнение с традиционными методами; корректировка недостатков.
6.	Поэтапное внедрение	Распространение проверенных технологий; техническая и методическая поддержка; обновление программных средств; контроль документирования и воспроизводимости.
7.	Мониторинг и методическая доработка	Контроль качества применения ИИ-инструментов; аудит ошибок, смещений и ограничений; повторная проверка пригодности; обновление тестовых массивов.

Процессуальное оформление и оценка результатов исследования ИИ-объектов

Предложенные меры могут быть реализованы через уточнение уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок обнаружения, фиксации, исследования, проверки и оценки цифровых и алгоритмических объектов, включая Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации. В частности, применительно к ст. 74, 80, 88, 195 и 204 УПК РФ целесообразно закрепить не самостоятельный правовой статус результатов работы ИИ как доказательств, а требования к процессуальному оформлению результатов, полученных или исследованных с использованием ИИ-инструментов. Такие требования должны включать фиксацию цифровой и алгоритмической среды, исходных данных, параметров обработки, примененных технических средств, ограничений метода и роли эксперта либо специалиста в интерпретации результата.

Доказательственное значение в данном случае имеют сведения, полученные, закреплённые, проверенные и оцененные в предусмотренной законом форме. Такой подход соответствует действующей системе доказательств и не требует признания ИИ самостоятельным источником доказательств или субъектом экспертного вывода. ИИ может выступать объектом исследования либо инструментом сведущего лица, но процессуально значимый вывод должен формулироваться человеком, обладающим специальными знаниями.

Кроме того, положения Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» целесообразно дополнить правилами применения программных и ИИ-инструментов в экспертной деятельности. В таких правилах необходимо закрепить сохранение личной ответственности эксперта за итоговый вывод, обязанность документировать исходные данные, параметры обработки, примененные методики и ограничения результата, а также возможность проверки пригодности использованного инструмента и воспроизводимости исследования.

Более предметно такие изменения могут быть связаны с закреплением требований к применению программных и ИИ-инструментов при производстве судебной экспертизы, включая проверку их пригодности, описание условий применения, указание исходных данных, параметров обработки и ограничений результата. В ст. 204 УПК РФ о содержании заключения эксперта целесообразно отразить обязанность указывать сведения об использованных программных и ИИ-инструментах, примененной методике, проверке воспроизводимости результата и степени участия эксперта в интерпретации полученных данных.

В зарубежных подходах к управлению рисками ИИ также подчеркивается необходимость оценки надежности, прозрачности, безопасности и ограничений ИИ-систем. Так, AI Risk Management Framework [12] Национального института стандартов и технологий США ориентирован на управление рисками ИИ-систем и может быть использован как методологический ориентир при разработке требований к проверке пригодности ИИ-инструментов. В Европейском союзе Regulation (EU) 2024/1689 [13] закрепляет риск-ориентированный подход к регулированию ИИ, что также подтверждает значимость предварительной оценки рисков и ограничений алгоритмических систем.

Показательным примером сложности правовой оценки вероятностных алгоритмических выводов является дело *State v. Loomis* [14]. Рассматривая вопрос о допустимости учета результатов системы COMPAS при назначении наказания, Верховный суд штата Висконсин указал, что алгоритмический вывод не может иметь решающего значения и подлежит учету лишь наряду с иными обстоятельствами дела. Для российской модели это означает необходимость закрепить правила проверки пригодности ИИ-инструмента, документирования его применения и оценки результата в системе доказательств.

Правовое регулирование применения ИИ-инструментов в судебно-экспертной деятельности должно учитывать распределение технической и процессуальной ответственности. Разработчик отвечает за свойства созданного инструмента в пределах установленных правовых и договорных обязанностей. Экспертное учреждение отвечает за организационные условия применения проверенных средств. Эксперт отвечает за выбор метода, проведение исследования, интерпретацию результата и формулирование вывода. Такая модель разграничивает техническое обеспечение экспертной деятельности и процессуальную ответственность за заключение.

Выводы

1. Совершенствование технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием ИИ следует рассматривать как самостоятельное направление криминалистического обеспечения расследования. Его содержание связано с созданием условий для полного, проверяемого и воспроизводимого исследования цифровых и алгоритмических объектов, установления технических условий их формирования, оценки пригодности применяемого инструмента и представления экспертного вывода в процессуально значимой форме.

2. Предложенная модель технического обеспечения включает организационную концентрацию сложных цифровых и алгоритмических исследований, проверку пригодности ИИ-инструментов, защищенные

тестовые массивы, методики исследования ИИ-объектов и подготовку экспертов междисциплинарного профиля. Ее назначение состоит в обеспечении научной обоснованности, воспроизводимости и проверяемости экспертного исследования цифровых и алгоритмических объектов, связанных с использованием ИИ в механизме преступления.

3. Процессуальная проблема в делах данной категории состоит в обеспечении проверяемого перехода от технически сложного результата к уголовно-процессуально значимому сведению. Такой переход возможен при соблюдении законности получения объекта, сохранении его цифровой целостности, фиксации среды происхождения, раскрытии примененных методов, обеспечении воспроизводимости исследования и оценке результата в связи с другими доказательствами.

4. ИИ не должен рассматриваться как самостоятельный источник доказательств или субъект экспертного вывода. Его значение состоит в том, что он может выступать объектом исследования либо инструментом сведущего лица, а полученные с его использованием сведения приобретают доказательственное значение только после их закрепления, проверки, оценки и профессиональной интерпретации в установленной законом форме.

Заключение

Таким образом, совершенствование технического обеспечения судебно-экспертной формы использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием ИИ представляет собой комплексную задачу, включающую развитие аппаратно-программных средств, защищенной цифровой среды, экспертных методик, процедур проверки пригодности ИИ-инструментов, подготовки экспертов междисциплинарного профиля и процессуального оформления результатов исследования. При этом ИИ не должен рассматриваться как самостоятельный источник доказательств или субъект экспертного вывода. Его значение состоит в том, что он может выступать объектом исследования либо инструментом сведущего лица, а полученные с его использованием сведения приобретают доказательственное значение только после их закрепления, проверки, оценки и профессиональной интерпретации в установленной законом форме.

Литература

1. Алферов А.В., Кирьянова В.М. Проблема «черного ящика» искусственного интеллекта: правовые и этические аспекты // Вестник науки. 2025. № 12 (93). Т. 4, ч. 2. С. 61–72.
2. Исакова А.Г., Осин А.В. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // Вестник науки. 2024. № 1 (70). С. 235–242.
3. Коломинов В.В. Особенности расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта // Юристы-Правоведы. 2023. № 4 (107). С. 112–117.
4. Коломинов В.В., Санина Л.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 383–389.
5. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
6. Хмыз А.И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 224–227.
7. Шагапов И.Р. К вопросу о криминалистической тактике использования специальных знаний при расследовании преступлений с применением искусственного интеллекта // Право и управление. 2026. № 4. С. 330–339.
8. Шагапов И.Р. Нормативное обеспечение применения искусственного интеллекта в судебной экспертизе по уголовным делам // Диалог. 2026. № 7. С. 48–49.
9. Шагапов И.Р. Теоретические основы использования специальных знаний в судебной экспертизе в расследовании преступлений с использованием искусственного интеллекта // Право и управление. 2024. № 5. С. 398–400.
10. Шепель Н.В., Янгаева М.О. Использование возможностей искусственного интеллекта при создании дипфейков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 233–239.
11. Hefetz I. Integrating AI Systems in Criminal Justice: The Forensic Expert as a Corridor Between Algorithms and Courtroom Evidence // Forensic Sciences. 2025. Vol. 5. Article 53.
12. Judgment of the Wisconsin Supreme Court in *State v. Loomis*, 2015AP157-CR, 13 July 2016. URL: <https://www.wicourts.gov/sc/opinion/DisplayDocument.pdf?content=pdf&seqNo=171690> (accessed: 18.05.2026).
13. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). Released January 26,

2023. URL: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (accessed: 18.05.2026).

14. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 18.05.2026).

SOME ISSUES OF IMPROVING TECHNICAL SUPPORT FOR THE FORENSIC EXPERT USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES INVOLVING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Shagapov I.R.
Ufa University of Science and Technology

The purpose of the article is to identify directions for improving the technical support of the forensic expert form of using special knowledge in the investigation of crimes involving artificial intelligence. Based on formal legal, systemic and forensic modeling approaches, the article reveals the dual role of AI: as an object of forensic examination and as a tool used by a knowledgeable person in the analysis of digital and algorithmic objects. The need to develop hardware and software complexes, a protected research environment, methods for analyzing AI-related objects, procedures for verifying the suitability of AI tools, and training experts with an interdisciplinary profile is substantiated. Particular attention is paid to verifiability, reproducibility, recording of input data, processing parameters and limitations of algorithmic results. A staged roadmap for improving forensic activities for 2025–2030 is proposed. The practical significance of the study lies in developing guidelines for investigators, specialists, experts and courts when working with digital and algorithmic environments. It is concluded that AI should not be considered an independent source of evidence or a subject of expert conclusions: evidentiary value is acquired only by information that has been recorded, verified, assessed and professionally interpreted in the form prescribed by law.

Keywords: artificial intelligence; forensic examination; special knowledge; digital traces; criminal procedural proof.

References

1. Alferov A.V., Kiryanova V.M. The problem of the “black box” of artificial intelligence: legal and ethical aspects // *Vestnik Nauki*. 2025. No. 12 (93). Vol. 4, Part 2. P. 61–72.
2. Isakova A.G., Osin A.V. The use of artificial intelligence in the investigation of crimes using deepfake technology // *Vestnik Nauki*. 2024. No. 1 (70). P. 235–242.
3. Kolominov V.V. Features of the investigation of crimes using artificial intelligence // *Yurist-Pravoved*. 2023. No. 4 (107). P. 112–117.
4. Kolominov V.V., Sanina L.V. Features of the investigation of crimes committed using artificial intelligence // *Agrarian and Land Law*. 2025. No. 6. P. 383–389.
5. Morkhat P.M. Artificial intelligence: a legal view: scientific monograph. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.
6. Khmyz A.I. The use of artificial intelligence capabilities in forensic examination // *Bulletin of Economic Security*. 2022. No. 5. P. 224–227.
7. Shagapov I.R. On the issue of forensic tactics for the use of special knowledge in the investigation of crimes involving artificial intelligence // *Law and Management*. 2026. No. 4. P. 330–339.
8. Shagapov I.R. Regulatory support for the use of artificial intelligence in forensic examination in criminal cases // *Dialog*. 2026. No. 7. P. 48–49.
9. Shagapov I.R. Theoretical foundations of the use of special knowledge in forensic examination in the investigation of crimes involving artificial intelligence // *Law and Management*. 2024. No. 5. P. 398–400.
10. Shepel N.V., Yangaeva M.O. The use of artificial intelligence capabilities in creating deepfakes // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 4 (57). P. 233–239.
11. Hefetz I. Integrating AI Systems in Criminal Justice: The Forensic Expert as a Corridor Between Algorithms and Courtroom Evidence // *Forensic Sciences*. 2025. Vol. 5. Article 53.
12. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). Released January 26, 2023. URL: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (accessed: 18.05.2026).
13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 18.05.2026).
14. Judgment of the Wisconsin Supreme Court in State v. Loomis, 2015AP157-CR, 13 July 2016. URL: <https://www.wicourts.gov/sc/opinion/DisplayDocument.pdf?content=pdf&seqNo=171690> (accessed: 18.05.2026).

Финансовый мониторинг и межведомственная координация как направления совершенствования публично-правового механизма противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности

Шваяков Андрей Сергеевич,

аспирант, кафедра уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В статье исследуются финансово-правовые и организационные механизмы противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации. Цель работы состоит в выявлении нормативных и институциональных ограничений действующей модели публично-правового реагирования и формулировании предложений по ее совершенствованию. Используются формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также анализ правоприменительной и надзорной практики. Обосновывается, что противодействие финансированию преступлений экстремистской направленности не сводится к уголовно-правовой квалификации отдельных деяний, а реализуется через более широкий публично-правовой механизм, включающий нормы Федерального закона № 114-ФЗ, инструменты Федерального закона № 115-ФЗ, деятельность Росфинмониторинга, прокуратуры и правоохранительных органов. Показано, что действующая модель страдает фрагментарностью терминологии, неполной процессуальной интеграцией результатов финансового мониторинга и недостаточной формализацией межведомственного взаимодействия. Сделан вывод о необходимости уточнения терминологического аппарата, нормативного закрепления стандартов использования материалов Росфинмониторинга и усиления роли межведомственной координации.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, финансирование экстремистской деятельности, финансовый мониторинг, Росфинмониторинг, прокуратура, межведомственное взаимодействие, публично-правовой механизм, риск-ориентированный подход, правоприменительная практика.

Введение

Проблематика противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности длительное время рассматривалась преимущественно через призму уголовно-правовой квалификации и доказывания. Однако современное состояние законодательства и практики показывает, что данная сфера давно вышла за пределы только уголовного права. С одной стороны, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет организационные основы и общие направления государственного воздействия на экстремизм. С другой стороны, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ формирует финансово-контрольный инструментарий предупреждения легализации преступных доходов, финансирования терроризма, экстремистской деятельности и финансирования распространения оружия массового уничтожения. В результате финансирования преступлений экстремистской направленности оказывается на стыке уголовно-правовых, финансово-правовых, административно-правовых и организационно-управленческих механизмов.

В доктрине неоднократно отмечалось, что финансовый мониторинг из специального инструмента банковского и валютного контроля превратился в самостоятельный вид финансового контроля, ориентированный на выявление криминогенных денежных потоков, их правовую оценку и передачу значимой информации компетентным государственным органам [12, 13]. Вместе с тем исследования, посвященные собственно финансированию экстремистской деятельности, указывают на специфику данного феномена: многообразие каналов мобилизации средств, использование наличных и безналичных схем, посреднических переводов, цифровой инфраструктуры и некоммерческого сектора, а также тесную связь финансового обеспечения с организационной устойчивостью экстремистских структур [8, 17].

С учетом этого целью настоящей статьи является выявление основных направлений совершенствования финансово-правовых и организационных механизмов противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности. Для достижения указанной цели необходимо: определить место финансового мониторинга в системе публично-правовых средств противодействия экстремизму; охарактеризовать действующий институциональный механизм взаимодействия Росфинмониторинга, правоохранительных органов и прокуратуры; выявить ключевые правоприменительные ограничения; сформулировать предложения по развитию нормативной базы и организационных процедур.

Финансово-правовой механизм противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности

Современная российская модель противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности строится на наложении двух нормативных массивов. Первый массив образует специальное антиэкстремистское законодательство, прежде всего Федеральный закон № 114-ФЗ, который определяет базовые понятия, принципы и организационные основы противодействия экстремистской деятельности. Второй массив представлен законодательством о финансовом мониторинге, центральное место в котором занимает Федеральный закон № 115-ФЗ. Несмотря на то что исторически последний был сконструирован как закон о ПОД/ФТ, его действующая структура уже не ограничивается только финансированием терроризма: в ряде норм прямо упоминаются экстремистская деятельность и меры в отношении лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму.

С точки зрения публичного права особое значение имеет то, что финансово-правовой механизм в данной сфере работает превентивно. Он предназначен не столько для ретроспективной фиксации уже совершенного преступления, сколько для раннего выявления подозрительных финансовых операций, их сопоставления с рисковыми профилями, передачи информации компетентным органам и, при наличии оснований, замораживания или блокирования денежных средств и иного имущества. Именно эта превентивная составляющая позволяет рассматривать финансовый мониторинг как самостоятельный элемент

государственного финансового контроля и одновременно как часть общего механизма обеспечения национальной безопасности [11, 13].

В статье 4 Федерального закона № 115-ФЗ меры противодействия включают внутренний контроль, обязательный контроль, запрет информирования клиента о принимаемых мерах, а также иные инструменты, предусмотренные федеральными законами. После внесения изменений в 2024–2025 гг. глава II указанного закона прямо говорит о предупреждении финансирования терроризма, экстремистской деятельности и финансирования распространения оружия массового уничтожения. Кроме того, статья 7.4 предусматривает дополнительные меры противодействия финансированию терроризма и экстремистской деятельности, включая решения межведомственного координационного органа о замораживании денежных средств или иного имущества [1].

Из этого следует важный теоретический вывод. Финансирование преступлений экстремистской направленности не является вопросом только уголовной репрессии. Оно встроено в систему предварительного финансового контроля, где ключевую роль играют субъекты обязательного контроля: кредитные организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, операторы по переводу денежных средств, нотариусы, адвокаты и иные лица, прямо указанные в Федеральном законе № 115-ФЗ. Через их обязанности по идентификации клиентов, оценке рисков и направлению сведений в уполномоченный орган формируется первичный массив информации, без которого эффективное выявление соответствующих деяний было бы существенно затруднено.

В научной литературе справедливо подчеркивается, что финансовый мониторинг как вид финансового контроля отличается высокой степенью информационной опосредованности: он работает не с уже квалифицированным преступлением, а с совокупностью признаков риска, экономических аномалий и нетипичных поведенческих моделей [11, 13]. Поэтому для противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности особенно важна корректная настройка критериев подозрительности. Между тем в действующем регулировании по-прежнему заметен разрыв между достаточно общим законодательным описанием экстремистской деятельности в Федеральном законе № 114-ФЗ и прикладными задачами финансового мониторинга, требующими более технологичных и измеримых индикаторов риска.

Дополнительную сложность создает межотраслевой характер термина «финансирование». В уголовном праве он соотносится с общественно опасным деянием и подлежит доказыванию в рамках конкретного состава. В финансово-правовой плоскости тот же термин используется как основание для превентивного контроля, принятия ограничительных мер и передачи информации. Отсутствие полной согласованности этих подходов нередко приводит к тому, что данные финансового мониторинга обладают высокой ориентирующей ценностью, но не всегда трансформируются в полноценный доказательственный материал без дополнительных процессуальных действий.

Институциональная архитектура: Росфинмониторинг, правоохранительные органы и прокуратура

Организационный механизм противодействия финансированию преступлений экстремистской направленности основан на взаимодействии нескольких групп субъектов. В первую группу входят органы публичной власти, обладающие специальной компетенцией в сфере финансового мониторинга. Центральное место здесь принадлежит Федеральной службе по финансовому мониторингу, которая аккумулирует сведения, поступающие от субъектов обязательного контроля, формирует перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, осуществляет аналитическую обработку информации и участвует в межведомственной координации [4; 5].

Вторую группу образуют правоохранительные органы и органы предварительного расследования, на которые возложены выявление, пресечение, расследование и процессуальная оценка соответствующих деяний. Их деятельность невозможна без использования аналитических материалов Росфинмониторинга, данных о движении денежных средств, а также информации о связях между участниками финансовых операций. Наконец, третью группу составляют органы прокуратуры, обеспечивающие надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности и законностью деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [7, 9].

В литературе последних лет обоснованно подчеркивается, что прокуратура занимает особое место в антиэкстремистском механизме, поскольку соединяет надзорную, координационную и профилактическую функции [7, 9]. Для рассматриваемой темы это означает, что именно прокуратура способна выступать звеном, обеспечивающим согласо-

ванность между финансово-контрольным и уголовно-процессуальным блоками. Прокурорская проверка позволяет оценивать полноту реагирования на материалы Росфинмониторинга, законность отказов в возбуждении уголовных дел, обоснованность затягивания с наложением ареста на имущество, а также качество межведомственного обмена информацией.

На официальном сайте Росфинмониторинга Межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности прямо характеризуется как межведомственный координационный орган [5]. Это подтверждает, что проблема финансирования экстремизма рассматривается государством как задача постоянного комплексного взаимодействия.

Вместе с тем институциональная архитектура пока не лишена слабых мест. Во-первых, сохраняется неодинаковая интенсивность информационного обмена между федеральным центром и региональными уровнями правоприменения. Во-вторых, на практике финансовая информация нередко поступает в уголовный процесс уже после того, как первоначальная доказательственная ситуация сформировалась без должного учета финансового следа. В-третьих, отсутствует единый подход к процессуальной упаковке аналитических материалов Росфинмониторинга: следствие и суд по-разному оценивают их как повод для проведения проверочных действий, ориентирующую информацию или самостоятельные документы, подлежащие оценке в совокупности с иными доказательствами [14, 15].

Отдельного внимания заслуживает проблема субъектного состава антиэкстремистской деятельности. Как справедливо отмечает С.А. Хлебунова, система субъектов противодействия экстремизму и терроризму является многоуровневой и включает не только правоохранительные органы, но и органы общей компетенции, специализированные органы контроля, институты профилактики, а также негосударственных участников, вовлеченных в исполнение публично значимых обязанностей [16]. Для темы финансирования преступлений экстремистской направленности это особенно важно, поскольку именно на негосударственных участниках финансового рынка лежит обязанность первичной идентификации сомнительных операций. Тем самым организационный механизм здесь изначально строится как смешанная модель государственно-частного публичного партнерства, но нормативное описание соответствующих процедур пока остается избыточно рамочным.

Основные проблемы действующего регулирования и практики

Первая проблема заключается в фрагментарности терминологического аппарата. Федеральный закон № 114-ФЗ задает общее понимание экстремистской деятельности, однако для целей финансового мониторинга этого недостаточно. Субъектам обязательного контроля и уполномоченному органу нужны более конкретные ориентиры: типовые финансовые профили риска, критерии связи перевода денежных средств с экстремистской инфраструктурой, признаки использования подставных лиц, транзитных счетов, цифровых кошельков, благотворительных и квазиблаготворительных сборов. Пока же часть этих ориентиров формируется преимущественно на уровне методических и ведомственных документов, что снижает единообразие их применения.

Вторая проблема связана с тем, что аналитические возможности Росфинмониторинга не всегда получают своевременное процессуальное продолжение. Исследования, посвященные использованию результатов финансовых расследований и деятельности Росфинмониторинга в уголовном судопроизводстве, показывают высокую значимость этих материалов для установления цепочки операций, конечных выгодоприобретателей и схем движения денежных средств [14, 15]. Однако в делах экстремистской направленности особенно важно не только отследить транзакцию, но и доказать ее целевую связь с обеспечением экстремистской деятельности. Здесь возникают трудности разграничения финансовой помощи, общего имущественного содействия, благотворительных пожертвований и собственно преступного финансирования. В результате правоприменитель нередко переходит от анализа финансовой схемы к доказыванию субъективной стороны почти исключительно традиционными средствами, не раскрывая в полной мере доказательственный потенциал финансовой аналитики.

Третья проблема заключается в недостаточной технологической адаптированности системы финансового мониторинга к современным платежным инструментам. Риск-ориентированный подход остается базовым принципом ПОД/ФТ, однако исследования последних лет показывают, что без внедрения интеллектуальных аналитических решений его эффективность снижается по мере усложнения платежной среды [10]. Для финансирования преступлений экстремистской направленности это особенно заметно в случаях использования распределенных

цифровых каналов, микропереводов, дробления платежей и многоступенчатых схем вывода средств. Следовательно, совершенствование финансово-правового механизма должно включать не только правовые, но и технологические компоненты.

Четвертая проблема имеет организационный характер. Хотя Росфинмониторинг и правоохранительные органы взаимодействуют достаточно плотно, исследователи отмечают необходимость более четкой регламентации порядка совместной работы, включая раннее подключение финансовых аналитиков к расследованию, единые форматы обмена данными и согласование тактики документирования денежных потоков [6]. Эти выводы полностью применимы и к делам о преступлениях экстремистской направленности. В условиях, когда финансовая составляющая часто носит скрытый, рассредоточенный и трансграничный характер, промедление на первоначальном этапе снижает шансы на эффективное пресечение преступной активности.

Пятая проблема связана с судебным контролем ограничительных мер. Замораживание или блокирование имущества как превентивный инструмент затрагивает права собственников и должно сочетаться с эффективными процедурами обжалования и проверки обоснованности решения. В сфере финансирования экстремистской деятельности скорость реагирования должна сочетаться с повышенными стандартами правовой определенности.

Направления совершенствования финансово-правовых и организационных механизмов

Во-первых, требуется дальнейшая нормативная конкретизация финансовых индикаторов риска, характерных именно для финансирования преступлений экстремистской направленности. На уровне подзаконного регулирования и обязательных для субъектов контроля методических стандартов целесообразно закрепить расширенные типологии подозрительных операций, учитывающие использование электронных средств платежа, небольших повторяющихся переводов, посреднических счетов, краудфандинговых и псевдоблаготворительных сборов. Такая конкретизация повысит качество первичного фильтра на стороне финансовых организаций и сократит число ситуаций, когда опасная операция остается «невидимой» из-за ее внешней бытовой маскировки.

Во-вторых, нуждается в развитии процессуальный режим использования материалов Росфинмониторинга. Представляется оправданным нормативно уточнить минимальные стандарты оформления, передачи и процессуальной оценки аналитических материалов, применяемых по делам экстремистской направленности. Сегодня такие материалы часто воспринимаются как вспомогательные ориентиры. Между тем при надлежащем процессуальном оформлении они способны не только задавать направление расследования, но и служить важным звеном доказывания финансовой обеспеченности преступной активности. Соответственно, необходимо разработать единые ведомственные рекомендации о том, какие сведения должны в обязательном порядке запрашиваться, как обеспечивается прослеживаемость источников информации и каким образом проверяется ее допустимость.

В-третьих, следует усилить роль прокурорского надзора именно на этапе реагирования на материалы финансового мониторинга. В научной литературе уже показано, что прокурорский надзор в сфере противодействия экстремизму должен быть методически специализированным и учитывать отраслевую специфику соответствующих нарушений [7]. В контексте финансирования преступлений экстремистской направленности это означает необходимость разработки отдельных ориентиров для прокуроров: проверки полноты реагирования на сигналы Росфинмониторинга, своевременности решения вопроса о возбуждении дела, обоснованности мер по обеспечению конфискации и аресту активов, законности межведомственного обмена информацией.

В-четвертых, представляется востребованным институциональное усиление межведомственных координационных органов. Межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности уже существует, однако ее потенциал может быть расширен за счет более четкой привязки к региональному уровню, созданию типовых алгоритмов обмена сведениями и внедрению системных процедур обратной связи. Практически это могло бы выражаться в регулярных межведомственных обзорах типовых схем финансирования, в формировании совместных риск-профилей и в доведении их до субъектов обязательного контроля в анонимизированном и пригодном для практического применения виде.

В-пятых, необходимо развивать риск-ориентированный подход с опорой на современные цифровые инструменты. Речь идет о системах раннего предупреждения, способных выявлять повторяющиеся связи, скрытые цепочки переводов и комбинированные финансовые аномалии [10]. Для борьбы с финансированием экстремистской дея-

тельности это особенно важно, поскольку преступные схемы все чаще адаптируются под формально легальные платежные практики.

Наконец, в качестве общего направления совершенствования следует назвать повышение согласованности антиэкстремистского и финансово-мониторингового законодательства. Федеральный закон № 114-ФЗ и Федеральный закон № 115-ФЗ решают разные, но пересекающиеся задачи. Первый описывает объект публичного воздействия и общие организационные начала противодействия экстремизму; второй создает режим финансового контроля и превентивных ограничений. Эффективность механизма будет выше, если понятия, процедуры и критерии, используемые в этих законах, будут сближаться не только на уровне судебного толкования, но и через системную законодательную деятельность.

Заключение

Противодействие финансированию преступлений экстремистской направленности представляет собой самостоятельное направление публично-правовой деятельности, которое не может быть сведено к уголовно-правовой квалификации отдельных действий. Его содержание образуют взаимосвязанные финансово-правовые, организационные, надзорные и процессуальные механизмы. Действующая модель уже содержит значительный набор средств: Федеральный закон № 114-ФЗ задает общую антиэкстремистскую рамку, а Федеральный закон № 115-ФЗ предоставляет инструменты финансового мониторинга, обязательного контроля, замораживания активов и межведомственной координации. В то же время сохраняются фрагментарность терминологии, неполная формализация индикаторов риска, недостаточная процессуальная интеграция результатов финансового мониторинга и неравномерность межведомственного взаимодействия. Совершенствование механизма должно идти через нормативную конкретизацию рискованных моделей, единые стандарты использования материалов Росфинмониторинга, усиление прокурорского надзора, развитие потенциала межведомственных комиссий и внедрение риск-ориентированных цифровых технологий. Только при таком подходе возможно повысить эффективность выявления, пресечения и доказательственного сопровождения соответствующих деяний без отрыва от требований законности и судебного контроля.

Литература

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3418.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002, № 30, Ст. 3031.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8, август, 2011.
4. Федеральная служба по финансовому мониторингу. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/terr> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Федеральная служба по финансовому мониторингу. Межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/mejvedcom> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Азархин Алексей Владимирович, Фризен Александра Андреевна Особенности организации взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов при противодействии финансированию терроризма // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-vzaimodeystviya-rosfinmonitoringa-i-pravoohranitelnyh-organov-pri-protivodeystvii-finansirovaniyu> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Евдокимов Константин Николаевич Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonodatelstva-o-protivodeystvii-ekstremistskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Иванов Пётр Иванович Финансирование экстремистской деятельности (оперативно-розыскное реагирование) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/ar>

icle/n/finansirovanie-ekstremistskoy-deyatelnosti-operativno-rozysknoe-reagirovanie (дата обращения: 12.05.2026).

9. Кувардин Владимир Викторович, Богомолова Ксения Игоревна Роль органов прокуратуры в противодействии экстремизму и терроризму в современной России // Вестник СГЮА. 2023. № 2 (151). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-prokuratury-v-protivodeystvii-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.05.2026).

10. Минаков Андрей Владимирович, Нодари Дарчоевич Эриашвили Риск-ориентированный подход с использованием технологий искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в контексте обеспечения экономической безопасности России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risk-orientirovannyi-podhod-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-protivodeystviya-otmyvaniyu-deneg-i> (дата обращения: 12.05.2026).

11. Назаров П.В. Особенности правовых основ финансового мониторинга в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в государствах-членах ЕАЭС // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovyh-osnov-finansovogo-monitoringa-v-sfere-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-i-finansirovaniyu> (дата обращения: 12.05.2026).

12. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг: субъекты, объекты и значение // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-monitoring-subekty-obekty-i-znachenie> (дата обращения: 12.05.2026).

13. Прошунин Максим Михайлович Финансовый мониторинг как вид финансового контроля // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-monitoring-kak-vid-finansovogo-kontrolya> (дата обращения: 12.05.2026).

14. Суров Олег Александрович, Климович Лариса Петровна Использование результатов финансовых расследований в раскрытии легализации преступных доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-rezultatov-finansovyh-rassledovaniy-v-raskrytii-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-poluchennyh-ot-nezakonnogo-oborota> (дата обращения: 12.05.2026).

15. Тисен Ольга Николаевна, Гриненко Александр Викторович Использование результатов деятельности Росфинмониторинга в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-rezultatov-deyatelnosti-rosfinmonitoringa-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 12.05.2026).

16. Хлебунова С.А. Субъекты антитеррористической и антиэкстремистской деятельности в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-antiterroristicheskoy-i-antiekstremistskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.05.2026).

17. Щеляков Е.С. Финансирование экстремистской деятельности в контексте норм уголовного права Российской Федерации // Юридическая наука. 2019. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-ekstremistskoy-deyatelnosti-v-kontekste-norm-ugolovnogo-prava-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.05.2026).

FINANCIAL MONITORING AND INTERDEPARTMENTAL COORDINATION AS AREAS FOR IMPROVING THE PUBLIC-LAW MECHANISM FOR COMBATING THE FINANCING OF EXTREMIST CRIMES

Shvayakov A.S.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines financial-law and organizational mechanisms for countering the financing of extremist crimes in the Russian Federation. Its purpose is to identify regulatory and institutional limitations of the current public-law response and to formulate proposals for improvement. The study relies on formal legal, systemic and comparative methods and on the analysis of enforcement and supervisory practice. It argues that countering the financing of extremist crimes cannot be reduced to criminal-law qualification alone and is implemented through a broader public-law mechanism involving Federal Law No. 114-FZ, the instruments of Federal Law No. 115-FZ, Rosfinmonitoring, the prosecutor's office and law-enforcement bodies. The paper shows that the current model suffers from fragmented terminology, incomplete procedural integration of financial intelligence results and insufficient formalization of interagency cooperation. It concludes that terminology should be

clarified, standards for the use of Rosfinmonitoring materials should be formalized and interagency coordination should be strengthened.

Keywords: extremism, extremist crimes, financing of extremist activity, financial monitoring, Rosfinmonitoring, prosecutor's office, interagency cooperation, public-law mechanism, risk-based approach, law-enforcement practice.

References

1. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001, "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33 (Part 1). – Art. 3418.
2. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on October 27, 2025) "On Countering Extremist Activity" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – July 29, 2002. No. 30, Art. 3031.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011 (as amended on December 23, 2025) "On Judicial Practice in Criminal Cases Involving Extremist Crimes." // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – No. 8, August 2011.
4. Federal Financial Monitoring Service. Countering the Financing of Terrorism and Extremism. // [Electronic resource] // Official website of the Federal Financial Monitoring Service. URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/terr> (accessed: 05/12/2026).
5. Federal Financial Monitoring Service. Interagency Commission on Countering the Financing of Terrorism and Extremist Activities. // [Electronic resource] // Official website of the Federal Financial Monitoring Service. URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/mejvedcom> (accessed: May 12, 2026).
6. Alexey Vladimirovich Azarkhin, Frizen, Alexandra Andreevna. Features of the organization of cooperation between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies in countering the financing of terrorism // Law and the State: Theory and Practice. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-vzaimodeystviya-rosfinmonitoringa-i-pravoohranitelnyh-organov-pri-protivodeystvii-finansirovaniyu> (accessed: 05/12/2026).
7. Evdokimov, Konstantin Nikolaevich. Features of prosecutorial supervision over the enforcement of legislation on countering extremist activities in the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prokurorskogo-nadzora-zaispolneniem-zakonodatelstva-o-protivodeystvii-ekstremistskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy> (accessed: 05/12/2026).
8. Ivanov, Pyotr Ivanovich. Financing of extremist activities (operational-investigative response) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-ekstremistskoy-deyatelnosti-operativno-rozysknoe-reagirovanie> (accessed: 05/12/2026).
9. Vladimir V. Kuvardin, Ksenia I. Bogomolova. The Role of Prosecutorial Authorities in Countering Extremism and Terrorism in Contemporary Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 2 (151). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-prokuratury-v-protivodeystvii-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-sovremennoy-rossii> (accessed: 05/12/2026).
10. Andrey Vladimirovich Minakov, Darchoevich Eriashvili Nodari A risk-based approach using artificial intelligence technologies in the field of combating money laundering and terrorist financing in the context of ensuring Russia's economic security // Education. Science. Scientific Personnel. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risk-orientirovannyi-podhod-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-protivodeystviya-otmyvaniyu-deneg-i> (accessed: May 12, 2026).
11. Nazarov, P.V. Features of the legal framework for financial monitoring in the field of countering money laundering and terrorist financing in EAEU member states - member states of the EAEU // Current Issues in the Humanities and Natural Sciences. 2017. No. 2–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovyh-osnov-finansovogo-monitoringa-v-sfere-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-i-finansirovaniyu> (accessed: 05/12/2026).
12. Proshunin, M.M. Financial Monitoring: Subjects, Objects, and Significance // RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences. 2008. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-monitoring-subekty-obekty-i-znachenie> (accessed: 05/12/2026).
13. Proshunin, Maksim Mikhailovich. Financial Monitoring as a Form of Financial Control // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-monitoring-kak-vid-finansovogo-kontrolya> (accessed: May 12, 2026).
14. Surov, Oleg Alexandrovich; Klimovich, Larisa Petrovna. The Use of Financial Investigation Findings in Uncovering the Laundering of Criminal Proceeds Derived from Illegal Drug Trafficking // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-rezultatov-finansovyh-rassledovaniy-v-raskrytii-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-poluchennyh-ot-nezakonnogo-oborota> (accessed: May 12, 2026).
15. Tisen, Olga Nikolaevna; Grinenko, Alexander Viktorovich. The use of rofin-monitoring's findings in criminal proceedings // All-Russian Journal of Criminology. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-rezultatov-deyatelnosti-rosfinmonitoringa-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (accessed: May 12, 2026).
16. Khlebutunova, S. A. "Entities Engaged in Counterterrorism and Counter-Extremism Activities in the Russian Federation" // Law and Order: History, Theory, Practice. 2023. No. 4 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-antiterroristicheskoy-i-antiekstremistskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 05/12/2026).
17. Shchelyakov, E.S. Financing of Extremist Activities in the Context of Criminal Law of the Russian Federation // Legal Science. 2019. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-ekstremistskoy-deyatelnosti-v-kontekste-norm-ugolovnogo-prava-rossiyskoy-federatsii> (accessed: May 12, 2026).

Частный детектив как специальный субъект преступления: уголовно-правовое значение лицензированного статуса

Швецов Роман Евгеньевич,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, кафедра адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин имени А.В. Клигмана Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева; адвокат, Адвокатская палата г. Москвы, Коллегия адвокатов «Московский юридический центр»
E-mail: 615007@gmail.com

Предметом статьи является уголовно-правовое значение лицензированного статуса частного детектива как специального субъекта преступления. Цель исследования состоит в разграничении формального статуса частного детектива и профессионального контекста деяния для решения вопроса о применении ст. 203 УК РФ. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики. Обосновывается, что лицензия необходима, но недостаточна для квалификации содеянного по ст. 203 УК РФ: требуется связь деяния с выполнением или имитацией частной сыскной услуги. Научная новизна заключается в предложении двухуровневой модели оценки субъекта: лицензированный статус плюс профессиональный контекст. Результаты могут использоваться при квалификации деяний частных детективов, совершенствовании судебной практики и уголовном правоприменении.

Ключевые слова: частный детектив, специальный субъект преступления, ст. 203 УК РФ, лицензия, частная сыскная деятельность, профессиональный контекст, служебное положение.

Введение

Вопрос о частном детективе как специальном субъекте преступления имеет самостоятельное значение для уголовно-правовой науки. Статья 203 УК РФ называет такого субъекта, однако наличие лицензии не превращает любое противоправное поведение лица в преступление по данной норме. Игнорирование профессионального статуса также ведет к неполной оценке, поскольку детектив действует в сфере лицензированного частного сыска и обязан соблюдать специальные пределы закона¹.

Цель статьи состоит в определении уголовно-правового значения лицензированного статуса частного детектива и разграничении двух условий применения ст. 203 УК РФ: формального статуса и профессионального контекста. Первый показывает субъектную возможность применения нормы; второй – связь деяния с частной детективной услугой.

Актуальность проблемы обусловлена информационной природой частного сыска. Законная детективная деятельность предполагает поиск, проверку и передачу сведений клиенту, но не дает права на принудительное получение информации, доступ к закрытым базам, использование результатов ОРД или подмену публичного расследования. Поэтому частный детектив является субъектом информации, но не субъектом власти.

Предметом настоящей статьи является субъектный признак частного детектива как специального субъекта преступления; вопросы объема, бланкетной конструкции и условий применения ст. 203 УК РФ требуют отдельного анализа.

Специальный субъект преступления и значение субъектного признака

Субъект преступления относится к обязательным элементам состава. В общем виде им признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Однако отдельные преступления могут быть совершены только лицом с дополнительным юридически значимым свойством: должностью, профессией, лицензией или иным правовым допуском².

В.Н. Кудрявцев связывал правильную квалификацию с точным установлением признаков состава, позволяющих определить применимую норму. А.И. Рапог подчеркивал, что признаки субъекта не могут заменяться рассуждениями о фактической роли лица: если закон требует специального свойства субъекта, оно должно быть установлено как юридический факт³.

Специальный субъект влияет на применение нормы, разграничение смежных составов, оценку соучастия и назначение дополнительного наказания. Исполнителем такого преступления может быть только лицо, обладающее требуемым признаком; иные участники при наличии оснований отвечают как организаторы, подстрекатели или пособники⁴. Поэтому заказчик незаконной детективной услуги, сотрудник банка или оператор связи не становятся частными детективами для целей ст. 203 УК РФ.

Применительно к частному детективу следует различать три уровня анализа: общий субъект преступления; специальный правовой статус частного детектива; профессиональный контекст конкретного деяния. Ошибка квалификации возникает тогда, когда наличие лицензии отождествляется с автоматической связью любого поведения лица с частным сыском.

В литературе, посвященной ст. 203 УК РФ, отмечаются специальный субъектный характер состава и различие моделей ответственности частных детективов и частных охранников. Для настоящей статьи принципиально, что субъектный признак частного детектива требует

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации, ст. 203; Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», ст. 1, 1.1, 3, 5, 7, 9.

² Уголовный кодекс Российской Федерации, ст. 19, 20, 21.

³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 2004; Рапог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации, ст. 33, 34.

самостоятельной оценки через лицензию и профессиональный контекст¹.

Лицензированный статус частного детектива

Частный детектив является специальным субъектом ст. 203 УК РФ не в силу фактической способности искать сведения, а в силу юридически оформленного профессионального статуса. Закон РФ № 2487–1 определяет его как гражданина Российской Федерации, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, получившего лицензию на частную детективную деятельность и оказывающего предусмотренные законом услуги².

Из этого определения следуют ключевые элементы статуса: гражданство Российской Федерации, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, лицензия, осуществление предусмотренных законом сыскных услуг и соблюдение специальных ограничений. Закон определяет виды услуг, допустимые действия, запреты и договорную форму деятельности. Следовательно, лицензия предоставляет не общее право на поиск любой информации, а право на строго ограниченный частный сыск³.

Лицензионный режим конкретизирован постановлением Правительства РФ № 498: деятельность осуществляется гражданами РФ – индивидуальными предпринимателями, для которых она является основным видом деятельности; лицензия предоставляется на пять лет, одновременно выдается удостоверение частного детектива. Письменный договор служит основанием отношений с заказчиком и ориентиром профессионального контекста⁴.

Законодатель предъявляет к частному детективу специальные требования допуска: возраст, гражданство, регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, профессиональную подготовку или соответствующий стаж, отсутствие судимости за умышленное преступление, медицинских противопоказаний и иные ограничения. Профессиональная подготовка подтверждает значение статуса, поскольку включает правовые основы частного сыска, законодательство о персональных данных и положения уголовного закона⁵.

Социально-правовая природа частного сыска раскрывается через предпринимательский, возмездный и клиентский характер деятельности, направленной на сбор и предоставление информации заказчику. Поэтому частный детектив является не носителем публичной власти, а профессиональным частнопровым субъектом, деятельность которого требует специального допуска и контроля⁶.

Лицензия как основание статуса, но не источник власти

Лицензия частного детектива является основанием специального профессионального статуса, но не источником публичной власти. Закон № 2487–1 прямо указывает, что на лиц, осуществляющих частную детективную и охранную деятельность, не распространяется статус работников правоохранительных органов, а частные детективы не вправе осуществлять оперативно-розыскные действия⁷.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» связывает ОРД с уполномоченными оперативными подразделениями

государственных органов. Поэтому совпадение отдельных терминов – «опрос», «наведение справок», «наблюдение» – не означает совпадения полномочий. В частном сыске такие действия допустимы только в пределах согласия, договора, открытых источников и ограничений специального закона⁸.

Из этого следует принципиальная формула: лицензия частного детектива расширяет не доступ к охраняемой информации, а ответственность за соблюдение пределов законного частного сыска. Детектив не вправе требовать сведения у банков, налоговых органов, МВД, операторов связи, СФР, медицинских организаций или иных обладателей охраняемой информации только по факту наличия лицензии.

Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ: частная детективная и охранный деятельность может затрагивать конституционные права граждан, включая неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну. Поэтому специальные требования к частному детективу обусловлены риском нарушения прав, а не передачей публичной власти⁹.

Формальный статус и профессиональный контекст

Ключевой вывод состоит в разграничении формального статуса частного детектива и профессионального контекста деяния. Формальный статус включает действующую лицензию, регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, удостоверение частного детектива и отсутствие обстоятельств, прекращающих или приостанавливающих право на частный сыск.

Профессиональный контекст выражает связь деяния с выполнением или имитацией частной сыскной услуги. Он может подтверждаться договором, поручением клиента, обращением к частному детективу, использованием лицензии или удостоверения, оплатой за результат, отчетом и передачей сведений заказчику.

Наличие лицензии без профессионального контекста не дает оснований применять ст. 203 УК РФ. Если лицензированный детектив совершает бытовое преступление, мошенничество без выполнения сыскной деятельности или иное деяние вне связи с частным сыском, ст. 203 УК РФ применяться не должна. Сходное поведение без лицензии также не создает специального субъекта данной нормы.

Профессиональный контекст не заменяет остальные признаки состава и не ведет к расширительному толкованию ст. 203 УК РФ. Лицензия определяет субъектную возможность применения нормы, а профессиональный контекст ограничивает профессиональное поведение от действий лицензированного лица вне частного сыска.

В информационных составах частный детектив, как правило, является общим субъектом, а его лицензированный статус имеет значение фактического механизма деяния. Статус не заменяет признаки служебного положения, доступа или способа совершения преступления. Самостоятельное значение он получает при установленном профессиональном контексте частного сыска.

Отрицательные границы специального субъекта

Первую отрицательную границу образует псевдодетектив. Лицо без лицензии не является субъектом ст. 203 УК РФ, даже если использует детективную рекламу, коммерческую вывеску, ОКВЭД или интернет-аккаунт. В судебной практике эта граница проявляется в делах, где лица рекламировали детективные или поисковые услуги, однако отсутствие лицензированного статуса исключало применение ст. 203 УК РФ¹⁰.

Вторая граница связана с наличием лицензии без профессионального контекста. Показательным является дело Нафигина: лицензия частного детектива сама по себе не превратила мошенническое поведение вне частного сыска в превышение полномочий по ст. 203 УК РФ. В подобных случаях лицензия характеризует личность виновного, но не образует специальный субъектный признак конкретного деяния¹¹.

Отдельной проверки требует действительность лицензии на момент деяния. Если лицензия отсутствовала, истекла, была приостановлена или аннулирована, речь, как правило, должна идти не о превышении полномочий действующего частного детектива, а о незаконном осуществлении деятельности либо об иных преступлениях при наличии их признаков.

¹ Овчаров А.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Чурсина И.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2016; Борисов С.В., Чугунов А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Вестник экономического безопасности. 2021. № 5; Волков К.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления частных детективов и работников частных охранных организаций // Российский следователь. 2015. № 14; Борбат А.В. Квалификация преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ, по признакам субъективной стороны // Российский следователь. 2016. № 14; Хренова И.В. Актуальные проблемы квалификации превышения полномочий частным детективом или частным охранником // Закон и право. 2023. № 5; Федорова Е.Л. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, совершенное с использованием оружия или специальных средств и повлекшее тяжкие последствия: вопросы квалификации // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1.

² Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487–1, ст. 1.1.

³ Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487–1, ст. 3, 5, 7, 9.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 23.06.2011 № 498 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности».

⁵ Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487–1, ст. 6; Приказ Росгвардии от 06.02.2019 № 33 «Об утверждении типовых программ профессионального обучения для работы в качестве частных детективов».

⁶ Загорский Г. И., Попов К. И. Судебные и правоохранительные органы: учебник: в 2 т. Т. 2. М., 2023.

⁷ Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487–1, ст. 1, 7.

⁸ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ст. 1, 6, 13.

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2003 № 32-О.

¹⁰ Первомайский районный суд г. Владивостока Приморского края. Приговор от 25.08.2025. Дело № 1–360/2025. Портной В.В.; Левобережный районный суд г. Воронежа. Приговор от 08.10.2024. Дело № 1–346/2024. Попов С.А., Утин Т.В., Щербина М.Ю.

¹¹ Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан. Приговор от 14.02.2014. Дело № 1–116/2014 [1–1623/2013]. Нафигин А.М.

Возможны и ситуации двойного статуса. Лицо может иметь лицензию частного детектива и одновременно обладать иным служебным или профессиональным статусом. Квалификация должна строиться по тому статусу, который фактически использован при совершении деяния. Если лицо использует доступ работника банка, оператора связи или должностного лица, квалифицирующий признак вытекает из этой работы или службы.

Частный детектив и служебное положение

Частный детектив не является должностным лицом и не выполняет управленческие функции в коммерческой или иной организации только по факту наличия лицензии. Он действует как индивидуальный предприниматель, оказывает сыскные услуги клиенту, но не принимает публично-властных решений, не применяет меры государственного принуждения, не проводит следственные действия и не осуществляет ОРД. Размещение ст. 203 УК РФ в главе 23 УК РФ не меняет этой природы¹.

Профессиональный статус частного детектива не равен служебному положению. В составах, где закон связывает ответственность с использованием служебного положения или специального доступа, лицензия сама по себе не образует такого признака. Опасность незаконного использования детективного статуса должна оцениваться через ст. 203 УК РФ при наличии профессионального контекста, а не через расширительное толкование служебного положения.

Заключение

Частный детектив является специальным субъектом ст. 203 УК РФ, поскольку уголовный закон связывает ответственность с лицензированным профессиональным статусом. Однако этот статус основан не на публичной власти, должностном положении или служебном доступе, а на специальном допуске к частной детективной деятельности.

Наличие лицензии является необходимым, но недостаточным условием применения ст. 203 УК РФ. Требуется профессиональный контекст: связь деяния с выполнением или имитацией частной сыскной услуги. Псевдодетектив без лицензии не является субъектом ст. 203 УК РФ, а лицензированный детектив, действующий вне частного сыска, не должен автоматически отвечать по данной норме.

Профессиональный статус частного детектива не равен служебному положению. Детектив использует не служебный доступ, а профессиональное доверие, договорную связь с заказчиком и навыки поиска информации. Поэтому уголовно-правовое значение его статуса определяется сочетанием лицензированного допуска и профессионального контекста частной детективной деятельности.

Литература

1. Борбат А.В. Квалификация преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ, по признакам субъективной стороны // Российский следователь. 2016. № 14.
2. Борисов С.В., Чугунов А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5.
3. Волков К.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления частных детективов и работников частных охранных организаций // Российский следователь. 2015. № 14.
4. Загорский Г.И., Попов К.И. Судебные и правоохранительные органы: учебник: в 2 т. Т. 2. М., 2023.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 2004.

6. Овчаров А.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

7. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.

8. Федорова Е.Л. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, совершенное с использованием оружия или специальных средств и повлекшее тяжкие последствия: вопросы квалификации // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1.

9. Хренова И.В. Актуальные проблемы квалификации превышения полномочий частным детективом или частным охранником // Закон и право. 2023. № 5.

10. Чурсина И.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2016.

PRIVATE DETECTIVE AS A SPECIAL SUBJECT OF CRIME: CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE OF LICENSED STATUS

Shvetsov R.E.

Russian University of Advocacy and Notariat

The subject of the article is the criminal law significance of a private detective's licensed status as a special subject of crime. The purpose is to distinguish between the formal status of a private detective and the professional context of the act when applying Article 203 of the Criminal Code of the Russian Federation. The methodology includes formal legal, systemic and comparative legal methods, as well as analysis of judicial practice. The article argues that a license is necessary but insufficient for qualification under Article 203: the act must be connected with the performance or imitation of a private investigative service. The novelty lies in a two-level assessment model: licensed status plus professional context. The results may be used in criminal qualification and judicial practice.

Keywords: private detective, special subject of crime, Article 203 of the Criminal Code of the Russian Federation, license, private investigative activity, professional context, official position.

References

1. Borbat A.V. Qualification of the crime provided for by Article 203 of the Criminal Code of the Russian Federation, based on the characteristics of the subjective side // Russian investigator. 2016. No. 14.
2. Borisov S.V., Chugunov A.A. Actual problems of criminal liability for abuse of power by a private detective or an employee of a private security organization // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 5.
3. Volkov K.A. Differentiation of criminal liability for crimes committed by private detectives and employees of private security organizations // Russian investigator. 2015. No. 14.
4. Zagorsky G.I., Popov K.I. Judicial and law enforcement agencies: textbook: in 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2023.
5. Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. M.: Legal Literature, 2004.
6. Ovcharov AV Criminal Liability for Abuse of Authority by Employees of Private Security and Detective Services: Diss. ... Cand. of Law. M., 2002.
7. Rarog AI Subjective Side and Qualification of Crimes. M., 2001.
8. Fedorova EL Abuse of Authority by a Private Detective or an Employee of a Private Security Organization, Committed with the Use of Weapons or Special Means and Entailing Grave Consequences: Qualification Issues // Siberian Law Bulletin. 2024. No. 1.
9. Khrenova IV Current Issues of Qualification of Abuse of Authority by a Private Detective or a Private Security Guard // Law and Right. 2023. No. 5.
10. Chursina IV Criminal Liability for Abuse of Authority by a Private Detective or an Employee of a Private Security Organization: Abstract of a Cand. of Law. ...cand. legal Sci. Khabarovsk, 2016.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации, гл. 23, ст. 137, 138, 138.1, 183, 203, 272, 272.1.

Внутригосударственные средства правовой защиты в международных инвестиционных спорах в праве КНР: проблемы и пути совершенствования

Лю Цзытун,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: diana_zitong@mail.ru

Внутригосударственные средства правовой защиты играют ключевую роль в механизме разрешения споров между инвесторами и принимающим государством, обеспечивая баланс между регуляторными полномочиями принимающего государства и защитой интересов инвесторов. Практика КНР характеризуется дифференцированным подходом к формулированию положений о внутригосударственных средствах правовой защиты в её двусторонних инвестиционных соглашениях. Помимо этого, переоценка роли внутригосударственных средств правовой защиты стала одной из важных тем обсуждения реформы механизма разрешения споров между инвесторами и государством, проводимой Рабочей группой III Комиссии ООН по праву международной торговли. В статье обосновывается, что Китаю следует совершенствовать механизм внутригосударственных средств правовой защиты при сохранении приоритета судебного суверенитета. На внутригосударственном уровне необходимо развивать систему защиты прав на основе Закона КНР «Об иностранных инвестициях», усиливая процессуальные гарантии и порядок взаимодействия в рамках механизма рассмотрения жалоб.

Ключевые слова: внутригосударственные средства правовой защиты, реформирование системы урегулирования споров между инвесторами и государствами, китайское право, двусторонние инвестиционные соглашения, механизм рассмотрения жалоб

Введение

Внутригосударственные средства правовой защиты в принимающем государстве обычно включают судебные и административные средства защиты¹. Основная цель данного правила состоит в предоставлении принимающему государству возможности в рамках его собственной правовой системы исправить предполагаемые нарушения с помощью внутригосударственных механизмов². На практике риски возникновения международных инвестиционных споров обусловлены прежде всего действиями принимающего государства, в том числе экспроприацией и национализацией, нарушением государством контрактных обязательств, ограничениями на перевод валюты и иными мерами³. Основные способы разрешения международных инвестиционных споров включают консультации, обращение к внутригосударственным средствам правовой защиты в принимающем государстве и международный инвестиционный арбитраж. Правило об использовании внутригосударственных средств правовой защиты, являясь проявлением территориальной юрисдикции в международном праве.

В рамках действующего китайского права можно выделить три ключевые проблемы: непоследовательность и фрагментация положений о внутригосударственных средствах правовой защиты в двусторонних инвестиционных соглашениях (далее – ДИС); несогласованность между рекомендательным характером внутреннего механизма рассмотрения жалоб и механизмами обязательной правовой защиты; а также риск обхода установленных институциональных механизмов, обусловленный взаимодействием «положения о развилке»⁴ (англ. fork-in-the-road clause) и режима наибольшего благоприятствования.

В работе использованы методы сравнительно-правового анализа, а также метод анализа конкретных арбитражных дел. Научная новизна заключается в системном сопоставлении реформы законодательства КНР об иностранных инвестициях и реформы механизма разрешения споров между инвесторами и государством (далее – ISDS), а также в анализе на конкретных примерах институциональных недостатков и возможностей совершенствования внутригосударственных средств правовой защиты в рамках китайского права.

В ходе обсуждения реформы механизма ISDS в рамках Рабочей группы III ЮНСИТРАЛ переоценка положений о внутригосударственных средствах правовой защиты стала одной из ключевых тем, а соответствующие проекты статей включены в повестку обсуждения⁵.

1. Внутригосударственные средства правовой защиты в действующих двусторонних инвестиционных соглашениях КНР

В большинстве ДИС, заключённых КНР, содержатся положения, предусматривающие применение внутригосударственных средств правовой защиты, однако они не устанавливают жёсткое требование их «исчерпания»⁶. Заключённые КНР на раннем этапе ДИС предусматривали, что в международный инвестиционный арбитраж могут передаваться только споры, касающиеся размера компенсации, причитающейся в связи с экспроприацией. В деле AsiaPhos Limited против Китая трибунал МЦУИС вынес решение, поддержавшее возражение КНР относительно юрисдикции. Большинство арбитров пришло к вы-

¹ См.: 梁开银, 谢晓彬. 国际投资法 (электронное издание). 北京: 法律出版社, 2022. 第537页 [Лян Кайинь, Се Сяобинь. Международное инвестиционное право [электронное издание]. Пекин: Юридическое издательство, 2022. С. 537]. URL: <https://weread.qq.com/book-detail> (дата обращения: 15.05.2026).

² См.: 宋俊荣. 论投资者-国家间仲裁中的东道国当地救济规则——从《美墨加协定》切入 // 环球法律评论. 2021. 43(4). 第163–177页 [Сун Цзюньжун. О правилах местных средств правовой защиты в арбитраже между инвесторами и государствами — на примере «Соглашения США-Мексика-Канада» // Глобальный юридический обзор. 2021. 43(4). С. 163–177].

³ См.: 张磊. 海外投资的争端解决途径与中国的应对 // 探索与争鸣. 2017(8): 第92–97页 [Чжан Лэй. Способы разрешения споров в сфере зарубежных инвестиций и ответы Китая // Исследование и дискуссия. 2017(8): С. 92–97].

⁴ См.: Рачков И.В. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год // Международное правосудие. 2018. № 3 (27). С. 93–110.

⁵ A/CN.9/WG.III/ WP.254 – Возможная реформа системы урегулирования споров между инвесторами и государствами: проект положений по процессуальным и сквозным вопросам, 30 июня 2025 г. URL: <https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/en/wp254-c.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

⁶ См.: Китайско-российское ДИС 2006 г. и Китайско-российское ДИС 2025 г.

воду, что согласие на арбитраж, выраженное в п. 3 ст. 13 Китайско-сингапурского ДИС¹, ограничено исключительно спорами о размере компенсации, тогда как споры о «наличии» экспроприации и её «законности» подлежат рассмотрению только в национальных судах государства-реципиента².

В настоящее время в заключённых КНР ДИС под использованием внутригосударственных средств правовой защиты понимается прежде всего исчерпание процедуры административного пересмотра, установленной Законом КНР «Об административном пересмотре»³. А судебная защита и международный арбитраж взаимно исключают друг друга. Процедура административного пересмотра может выступать в качестве предварительного условия для международного арбитража. На практике встречаются две модели: первая допускает, что каждое из договаривающихся государств может потребовать от инвестора исчерпания процедуры административного обжалования⁴; вторая модель предусматривает одностороннее требование со стороны КНР о необходимости предварительного завершения процедуры административного обжалования в установленный срок, и только после этого допускается обращение в международный арбитраж⁵.

Доступные иностранным инвесторам в КНР пути использования внутригосударственных средств правовой защиты

Система средств правовой защиты, предусмотренная правом КНР, выступает институциональной основой реализации внутригосударственных средств правовой защиты, закреплённых в ДИС.

Вступивший в силу в 2020 году Закон КНР «Об иностранных инвестициях»⁶ (далее – Закон об иностранных инвестициях) и принятое в его развитие Положение о его применении заменили три прежних закона о предприятиях с иностранными инвестициями⁷. Указанный Закон ввёл механизм рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями и укрепил такие многоканальные средства правовой защиты, как административный пересмотр и административное судопроизводство⁸, заложив тем самым внутригосударственную правовую основу для использования иностранными инвесторами внутригосударственных средств правовой защиты.

Административный пересмотр

Согласно статье 2 Закона КНР «Об административном пересмотре», граждане, юридические лица или иные организации, полагающие, что административный акт государственного органа нарушает их законные права и интересы, вправе обратиться с заявлением о пересмотре в орган административного пересмотра. Данный институт обладает двумя существенными преимуществами. Во-первых, орган административного пересмотра, как правило, является вышестоящим компетентным ведомством по отношению к органу, издавшему первоначальный административный акт, и осуществляет функцию внутриведомственного надзора и исправления ошибок. Во-вторых, решение, принимаемое по итогам административного пересмотра, обладает исполнительной

силой, при этом заявитель, не согласный с таким решением, сохраняет право на обращение в суд. Если неправомерные действия были вызваны индивидуальным поведением нижестоящего административного органа либо конкретного правоприменителя, проверка, осуществляемая вышестоящим органом в рамках административного пересмотра, создаёт институциональное пространство для самостоятельного исправления допущенных нарушений со стороны принимающего государства⁹.

В зависимости от того, установлен ли законом определённый срок процедуры, практику применения административного пересмотра в ДИС, заключённых КНР с другими государствами, можно разделить на две группы. Первая группа не предусматривает установленного законом срока, что, как правило, способно приводить к затягиванию процедур и оказывается недостаточно эффективным с точки зрения практической реализации. Вторая группа устанавливает законодательно определённый срок для процедуры административного пересмотра¹⁰, обладает значительно большей практической применимостью и не допускает ситуации, в которой разбирательство затягивается на неопределённое время. Частные инвесторы в большей степени склонны принимать именно вторую модель.

Судебная защита при помощи административного иска¹¹

Статья 2 Закона КНР «Об административном судопроизводстве»¹² (далее – ОАС КНР) предусматривает, что граждане, юридические лица или иные организации, полагающие, что административный акт государственного органа или его должностного лица нарушает их законные права и интересы, имеют право обратиться с иском в народный суд в соответствии с данным Законом. Иностранные инвесторы как юридические лица в равной мере обладают правом на судебную защиту, предоставляемым этим Законом. По сравнению с административным пересмотром судебная защита в системе средств правовой защиты принимающего государства характеризуется наивысшей степенью независимости и авторитетности.

Вместе с тем нельзя не учитывать институциональные ограничения административного судопроизводства как внутригосударственного средства правовой защиты. Во-первых, по общему правилу судебный контроль ограничивается проверкой законности¹³, проверка целесообразности административного акта допускается лишь в строго очерченных пределах. Во-вторых, судебный процесс занимает относительно продолжительное время. Установленный законом срок рассмотрения дела по первой инстанции в общем порядке составляет шесть месяцев и может быть продлён с разрешения вышестоящего органа¹⁴; с учётом трёхмесячного срока производства во второй инстанции и возможного пересмотра в порядке надзора общая продолжительность разбирательства значительно превышает сроки административного пересмотра¹⁵. Согласно ОАС КНР, инвестор, не согласный с административным актом, вправе предъявить административный иск в народный суд. Однако в сфере проверки в целях национальной безопасности Закон об иностранных инвестициях прямо устанавливает, что решение, принятое по итогам такой проверки, является окончательным, исключая тем самым применение административного пересмотра и административного судопроизводства¹⁶.

Механизм рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями

Закон об иностранных инвестициях впервые в китайском законодательстве закрепил механизм рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями. В отличие от административного пересмотра и административного судопроизводства, которые применяются при возражениях иностранного инвестора против конкретного административного акта, механизм рассмотрения жалоб не ограничивается только конкретными административными актами. Сфера его охвата

¹ Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Сингапур о поощрении и защите инвестиций от 21 ноября 1985 г. (вступило в силу 7 февраля 1986 г.). URL: http://tfs.mofcom.gov.cn/sbtzbhxd/yz/art/1985/art_636e19275b2042f18f2727bf6e966447.html (дата обращения: 15.05.2026).

² AsiaPhos Limited and Norwest Chemicals Pte Ltd v. People's Republic of China, IC-SID Case No. ADM/21/1. Award of the Tribunal. 16 February 2023. para.113.

³ Закон КНР «Об административном пересмотре» опубликован 1 сентября 2023 г., вступил в силу 1 января 2024 г.

⁴ See The Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China signed 21 November 2006, art. 9 (4) ("The Contracting Party involved in the dispute may require the investor concerned to exhaust the domestic review procedure before the dispute is submitted for international conciliation under Article 9(2)(b) or arbitration under Article 9(3)").

⁵ См.: ст. 9 Китайско-мальтийского ДИС.

⁶ Закон КНР «Об иностранных инвестициях» принят 15 марта 2019 г. на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва, вступил в силу 1 января 2020 г.

⁷ Имеются в виду Закон КНР «О предприятиях с иностранным капиталом», Закон КНР «О китайско-иностранных кооперационных предприятиях» и Закон КНР «О китайско-иностранных паевых совместных предприятиях».

⁸ Статья 26 Закона КНР «Об иностранных инвестициях»: «Государство создаёт механизм рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями, в рамках которого своевременно рассматриваются вопросы, поднимаемые такими предприятиями или их инвесторами, и координируется осуществление соответствующих мер политики. Если предприятие с иностранными инвестициями или его инвестор полагают, что административный акт (действие) административного органа либо его должностного лица нарушает их законные права и интересы, они вправе обратиться за урегулированием посредством координации через механизм рассмотрения жалоб; помимо этого, они вправе в соответствии с законом подать заявление об административном пересмотре и предъявить административный иск».

⁹ См.: 辛柏春. 国际投资争端解决中用尽当地救济原则 // 知与行. 2019. (05). 第58–63+2页 [Синь Байчунь. Принцип исчерпания местных средств правовой защиты при разрешении международных инвестиционных споров // Знание и действие. 2019. № 5. С. 58–63+2].

¹⁰ См.: например, Китайско-корейское ДИС 2007 г.

¹¹ См.: Скворцов О.Ю. Идеология реформы инвестиционного права в Китае // Lex Russica. 2019. №. 11(156). С. 146–154.

¹² Закон КНР «Административный процессуальный кодекс», опубликован 27 июня 2017 г., вступил в силу 1 июля 2017 г.

¹³ См.: ст. 6 Закона КНР «Об административном судопроизводстве».

¹⁴ См.: ст. 81 Закона КНР «Об административном судопроизводстве».

¹⁵ См.: ст. 88 Закона КНР «Об административном судопроизводстве».

¹⁶ Статья 35 Закона КНР «Об иностранных инвестициях»: «Государство создаёт систему проверки иностранных инвестиций в целях национальной безопасности и проводит такую проверку в отношении иностранных инвестиций, которые влияют или могут повлиять на национальную безопасность. Решение, принятое по итогам проверки в соответствии с законом, является окончательным».

существенно шире: жалоба может касаться вопросов, оказывали ли должностные лица давление на предприятие и вмешивались ли они в его хозяйственную деятельность в процессе согласования, а также мер, принимаемых правительством, способных оказать неблагоприятное влияние на деятельность предприятия. Данный механизм способствует надзору за надлежащим исполнением обязанностей сотрудниками государственных органов КНР¹.

Одновременно с этим Министерство коммерции КНР в 2020 году издало Правила рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями² (далее – Правила), учредило Национальный центр рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями и совместно с соответствующими ведомствами Государственного совета сформировало систему межведомственных координационных совещаний по рассмотрению жалоб таких предприятий. Помимо этого, Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь после принятия указанных Правил разработали или усовершенствовали собственные внутригосударственные положения об иностранных инвестициях³; в частности, шанхайские нормы включили рассмотрение жалоб иностранных инвесторов в Шанхайскую сервисную платформу содействия иностранным инвестициям, что позволяет инвесторам подавать жалобы в режиме онлайн⁴.

Вместе с тем решения механизма рассмотрения жалоб носят рекомендательный, а не юридически обязательный характер. Результат рассмотрения жалобы не является окончательным, и инвестор, не добившись его удовлетворения, вправе обратиться к иным средствам правовой защиты. Правовой статус и процессуальные правила механизма рассмотрения жалоб нуждаются в дальнейшем уточнении. Поэтому, хотя данная модель заслуживает положительной оценки⁵, она должна служить дополнением, а не заменой системы внутригосударственных средств правовой защиты.

Если международный инвестиционный спор передаётся в международный арбитраж до того, как правительство принимающего государства вынесет решение в рамках собственной правовой системы, и при этом впоследствии принимающее государство будет обязано признать и привести в исполнение арбитражное решение, такое положение для принимающего государства, очевидно, не является справедливым. Однако на практике вследствие опасений, связанных с правовой системой КНР, использование внутригосударственных средств правовой защиты вызывает сомнения в эффективности для иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями⁶.

Пути совершенствования внутригосударственных средств правовой защиты в праве КНР

Во-первых, совершенствование договорных условий. В ходе переговоров по инвестиционным соглашениям следует на определённых условиях включать применение внутригосударственных средств правовой защиты в положения об урегулировании споров. КНР в своих ДИС необходимо придерживаться законодательной модели, допускающей применение процедуры административного пересмотра. Прежде всего надлежит чётко устанавливать предусмотренные законом сроки. Срок, в течение которого инвестор прибегает к внутригосударственным средствам правовой защиты, должен быть увязан с нормами об арбитражной давности. С учётом обсуждений в Рабочей группе III ЮНСИТРАЛ возможно установление срока для использования внутригосударственных средств правовой защиты, например 12–18 месяцев, в течение которого течение арбитражной давности приостанавливается⁷.

Во-вторых, усиление процессуальных гарантий механизма рассмотрения жалоб. В настоящее время Правила уже заложили базовую институциональную основу, однако следует провести дальнейшую детализацию этих норм⁸, включая обеспечение нейтральности органов, рассматривающих жалобы, закрепление права заявителя жалобы давать объяснения и представлять возражения, установление обязанности мотивировать принимаемое решение, а также введение системы отвода лиц, рассматривающих жалобу, при наличии конфликта интересов с предметом спора.

В-третьих, необходимо чётко определить порядок взаимодействия механизма рассмотрения жалоб с административным пересмотром и административным судопроизводством⁹, повышая тем самым прозрачность и предсказуемость средств правовой защиты. Необходимо разграничить две ситуации: во-первых, когда решением по административному пересмотру первоначальный административный акт оставлен в силе, в этом случае инвестор вправе напрямую обратиться в арбитраж без дополнительного обращения в суд за судебным контролем; во-вторых, когда решением по пересмотру первоначальный административный акт отменён или изменён, тогда инвестор, если по-прежнему не удовлетворён результатом, может по своему выбору либо продолжить арбитражное разбирательство, либо согласиться с решением по пересмотру.

В-четвёртых, следует урегулировать соотношение с «положением о развилке». Если обращение к внутригосударственным средствам правовой защиты влечёт утрату права на международный арбитраж, инвесторы будут стремиться избегать таких внутригосударственных средств¹⁰. Показательным является дело *Hela Schwarz GmbH v. China*¹¹: немецкий инвестор, уже после того как Народный суд средней ступени г. Ланьчжоу вынес решение второй инстанции, всё равно передал тот же спор в арбитраж МЦУИС¹². В деле «Beijing Urban Construction Group против Правительства Йемена» заявитель ходатайствовал о применении положения о разрешении споров, содержащегося в ДИС между Йеменом и Великобританией, ссылаясь на оговорку о режиме наибольшего благоприятствования (далее – РНБ) в ДИС между Китаем и Йеменом. Однако арбитражный трибунал указал, что в отношении РНБ формулировка является иной. Данные положения требуют увязывания РНБ с деятельностью, осуществляемой «на территории», географически связанной с инвестицией. На этом основании трибунал отклонил данное требование заявителя¹³. Данное дело выявило структурную проблему: когда положение о развилке применяется во взаимодействии с положением о режиме наибольшего благоприятствования, инвестор может посредством договорного шопинга (англ. *treaty shopping*) обойти требование об использовании внутригосударственных средств правовой защиты.

Заключение

Механизм внутригосударственных средств правовой защиты в спорах между инвесторами и государством по праву КНР находится на этапе структурной трансформации. С точки зрения институциональной эволюции данную модель можно охарактеризовать как нормативную систему внутригосударственных средств правовой защиты, ядром которой выступает применение административного пересмотра в установленные законом сроки, тогда как административное судопроизводство и механизм рассмотрения жалоб выполняют дополняющую функцию. Учреждённый Законом об иностранных инвестициях механизм рассмо-

ссии (Нью-Йорк, 7–11 апреля 2025 года) <https://docs.un.org/ru/A/CN.9/1196/Add.1> (дата обращения: 15.05.2026).

⁸ См.: 毕夫. 《外商投资法》的脉络梳理与简要解读 // 对外经贸实务. 2019(5). 第89–92页 [Би Фу. Обзор и краткий анализ «Закона об иностранных инвестициях» // Практика внешнеэкономических связей. 2019(5). С. 89–92].

⁹ См.: 孔庆江, 丁向群. 关于《中华人民共和国外商投资法》立法过程及其若干重大问题的初步解读 // 国际贸易问题. 2019(3). 第1–13页 [Кун Цинцзян, Дин Сянцунь. Предварительный анализ законодательного процесса принятия Закона КНР «Об иностранных инвестициях» и некоторых его ключевых вопросов // Вопросы международной торговли. 2019. № 3. С. 1–13].

¹⁰ См.: 徐崇利. 国际投资条约中的“岔路口条款”:选择“当地救济”与“国际仲裁”权利之限度 // 国际经济法学刊. 2007(3). 第125–144页 [Сюй Чунли. Положение о «развилке» в международных инвестиционных договорах: пределы права выбора между местными средствами правовой защиты и международным арбитражем // Журнал международного экономического права. 2007. № 3. С. 125–144].

¹¹ *Hela Schwarz GmbH v. People's Republic of China*, ICSID Case No. ARB/17/19.

¹² См.: 杜涛. 从“海乐·西亚泽诉中国案”看投资者与国家争议解决中当地诉讼与国际仲裁的竞合问题 // 经贸法律评论. 2019(03). 第130–147页 [Ду Тао. Конкуренция местного судебного разбирательства и международного арбитража в урегулировании споров между инвесторами и государствами на примере дела «Hela Schwarz GmbH против Китая» // Обзор экономического и торгового законодательства. 2019. № 3. С. 130–147].

¹³ *Beijing Urban Construction Group Co. Ltd. v. Republic of Yemen*, ICSID Case No. ARB/14/30. Decision on Jurisdiction. 31 May 2017.

¹ См.: 崔凡, 蔡开明. 《中华人民共和国外商投资法》初探 // 上海对外经贸大学学报. 2019. 26(03). 第14–24页 [Цуй Фань, Цай Каймин. Первоначальное исследование Закона КНР «Об иностранных инвестициях» // Вестник Шанхайского университета внешней экономики и торговли. 2019. 26(03). С. 14–24].

² Правила рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями, Приказ Министерства коммерции КНР № 3 от 2020 г., 25 августа 2020 г. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-08/31/content_5538869.htm (дата обращения: 15.05.2026).

³ См.: например, Положение Шанхая об иностранных инвестициях от 25 сентября 2020 г. URL: <https://www.fdiiprotection.cn/index/index/indexgong?id/9.html> (дата обращения: 15.05.2026).

⁴ Онлайн-платформа рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями Шанхая: <https://www.fdiiprotection.cn> (дата обращения: 15.05.2026).

⁵ См.: 孔庆江, 郑大好. 我国《外商投资法》下的外商投资保护制度 // 国际贸易. 2019(5). 第82–87页 [Кун Цинцзян, Чжан Дахао. «Система защиты иностранных инвестиций в соответствии с Законом КНР об иностранных инвестициях» // Международная торговля. 2019. № 5. С. 82–87].

⁶ См.: Bush C. Critical analysis of the new Chinese foreign investment law in the prism of China-EU CAI and China-US bit negotiations. *Social Int J*. 2024. 8(2):61–76. DOI: 10.15406/sij.2024.08.00377

⁷ Доклад Рабочей группы III (Реформирование системы урегулирования споров между инвесторами и государствами) о работе второй части ее пятьдесят первой сес-

трения жалоб привносит, в дополнение к традиционным состязательным средствам защиты, измерение консультаций и посредничества, что отражает выбор в пользу многоканального урегулирования споров.

Вместе с тем действующая система по-прежнему сталкивается с рядом вызовов: кумулятивным применением положения о развилке и отсутствием чётких правил, регулирующих процессуальное взаимодействие между административным пересмотром, административным судопроизводством и механизмом рассмотрения жалоб. КНР, придерживаясь принципа судебного суверенитета, следует добиваться большей детализации и систематизации норм о внутригосударственных средствах правовой защиты: на договорном уровне – придерживаться законодательной модели, поощряющей использование внутригосударственных средств правовой защиты в принимающем государстве, устанавливая разумные сроки и увязывая применение внутригосударственных средств правовой защиты с механизмом приостановления течения арбитражной давности; на внутригосударственном уровне – опираясь на Закон об иностранных инвестициях, усиливать процессуальные гарантии механизма рассмотрения жалоб и чётко определить правила его взаимодействия с административным пересмотром и административным судопроизводством.

Литература

1. Рачков И.В. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год // Международное правосудие. 2018. № 3 (27). С. 93–110.
2. Сковцов О.Ю. Идеология реформы инвестиционного права в Китае // Lex Russica. 2019. № 11(156). С. 146–154.
3. Bush C. Critical analysis of the new Chinese foreign investment law in the prism of China-EU CAI and China-US bit negotiations. Sociol Int J. 2024. 8(2):61–76. DOI: 10.15406/sij.2024.08.00377
4. 毕夫. 《外商投资法》的脉络梳理与简要解读 // 对外经贸实务. 2019(5). 第89–92页 [Би Фу. Обзор и краткий анализ «Закона об иностранных инвестициях» // Практика внешнеэкономических связей. 2019(5). С. 89–92].
5. 杜涛. 从《海乐·西亚泽诉中国案》看投资者与国家争议解决中当地诉讼与国际仲裁的竞合问题 // 经贸法律评论. 2019(03). 第130–147页 [Ду Тао. Конкуренция местного судебного разбирательства и международного арбитража в урегулировании споров между инвесторами и государствами на примере дела «Hela Schwarz GmbH против Китая» // Обзор экономического и торгового законодательства. 2019. № 3. С. 130–147].
6. 孔庆江, 丁向群. 关于《中华人民共和国外商投资法》立法过程及其若干重大问题的初步解读 // 国际贸易问题. 2019(3). 第1–13页 [Кун Цинцзян, Дин Сянцунь. Предварительный анализ законодательного процесса принятия Закона КНР «Об иностранных инвестициях» и некоторых его ключевых вопросов // Вопросы международной торговли. 2019. № 3. С. 1–13].
7. 孔庆江, 郑大好. 我国《外商投资法》下的外商投资保护制度 // 国际贸易. 2019(5). 第82–87页 [Кун Цинцзян, Чжэн Дахао. «Система защиты иностранных инвестиций в соответствии с Законом КНР об иностранных инвестициях» // Международная торговля. 2019. № 5. С. 82–87].
8. 梁开银, 谢晓彬. 国际投资法 (электронное издание). 北京: 法律出版社, 2022. 第537页 [Лян Кайинь, Се Сяобинь. Международное инвестиционное право [электронное издание]. Пекин: Юридическое издательство, 2022. С. 537]. URL: <https://weread.qq.com/book-detail> (дата обращения: 15.05.2026).
9. 辛柏春. 国际投资争端解决中用尽当地救济原则 // 知与行. 2019. (05). 第58–63+2页 [Синь Байчунь. Принцип исчерпания местных средств правовой защиты при разрешении международных инвестиционных споров // Знание и действие. 2019. № 5. С. 58–63+2].
10. 宋俊荣. 论投资者–国家间仲裁中的东道国当地救济规则—从《美墨加协定》切入 // 环球法律评论. 2021. 43(4). 第163–177页 [Сун Цзюньжун. О правилах местных средств правовой защиты в арбитраже между инвесторами и государствами – на примере «Co-

глашения США–Мексика–Канада» // Глобальный юридический обзор. 2021. 43(4). С. 163–177].

11. 徐崇利. 国际投资条约中的«岔路口条款»:选择«当地救济»与«国际仲裁»权利之限度 // 国际经济法学刊. 2007(3). 第125–144页 [Сюй Чунли. Положение о «развилке» в международных инвестиционных договорах: пределы права выбора между средствами правовой защиты и международным арбитражем // Журнал международного экономического права. 2007. № 3. С. 125–144].

12. 崔凡, 蔡开明. 《中华人民共和国外商投资法》初探 // 上海对外经贸大学学报. 2019. 26(03). 第14–24页 [Цуй Фань, Цай Каймин. Первоначальное исследование Закона КНР «Об иностранных инвестициях» // Вестник Шанхайского университета внешней экономики и торговли. 2019. 26(03). С. 14–24].

13. 张磊. 海外投资的争端解决途径与中国的应对 // 探索与争鸣. 2017(8). 第92–97页 [Чжан Лэй. Способы разрешения споров в сфере зарубежных инвестиций и ответы Китая // Исследование и дискуссия. 2017(8). С. 92–97].

LOCAL REMEDIES IN INTERNATIONAL INVESTMENT DISPUTES UNDER CHINESE LAW: PROBLEMS AND PATHS TO IMPROVEMENT

Liu Zitong

Saint Petersburg State University

Local remedies play a key role in the investor–State dispute settlement mechanism, striking a balance between the host State's regulatory powers and the protection of investors' interests. The practice of the People's Republic of China is characterised by a differentiated approach to formulating provisions on local remedies in its bilateral investment treaties. Moreover, reconsideration of the role of local remedies has become a central theme of discussions on investor–State dispute settlement reform conducted by Working Group III of the United Nations Commission on International Trade Law. The article argues that China should improve its local remedies mechanism while upholding the primacy of judicial sovereignty. At the domestic level, it is necessary to develop the rights protection system based on the Foreign Investment Law of the People's Republic of China by strengthening procedural guarantees and coordination within the complaint-handling mechanism.

Keywords: local remedies, investor–State dispute settlement reform, Chinese law, bilateral investment treaties, complaint-handling mechanism.

References

1. Rachkov. I.V. Decisions of International Investment Arbitrations on Competence (Jurisdiction) and Admissibility of Claims: Review of the Most Notable Cases for 2016 // Mezhdunarodnoe pravosudie (International Justice). 2018. № 3(27), Pp. 93–110.
2. Skvortsov, O. Yu. Ideology of Investment Law Reform in China // Lex Russica. 2019. № 11(156), Pp. 146–154.
3. Bush C. Critical analysis of the new Chinese foreign investment law in the prism of China-EU CAI and China-US bit negotiations // Sociol Int J. 2024. 8(2):61–76. DOI: 10.15406/sij.2024.08.00377
4. Bi Fu. Contextualizing and Briefly Interpreting the «Foreign Investment Law». // Practice in Foreign Economic Relations and Trade. 2019(5). Pp. 89–92.
5. Du Tao. From the «Hela Schwarz v. China» Case: The Concurrence of Local Litigation and International Arbitration in Investor–State Dispute Settlement // Journal of Economic and Trade Law Review. 2019(3). Pp. 130–147.
6. Kong Qingjiang, Ding Xiangqun. A Preliminary Interpretation of the Legislative Process and Some Major Issues Concerning «the Foreign Investment Law of the People's Republic of China» // Journal of International Trade. 2019(3). Pp. 1–13.
7. Kong Qingjiang, Zheng Dahao. The Foreign Investment Protection System under China's Foreign Investment Law // International Trade. 2019(5). Pp. 82–87.
8. Liang Kaiyin, Xie Xiaobin. International Investment Law [Electronic version]. Beijing: Law Press, 2022. p. 537. URL: <https://weread.qq.com/book-detail> (accessed: 15 May 2026).
9. Xin Baichun. The Principle of Exhaustion of Local Remedies in International Investment Dispute Settlement // Knowledge and Action. 2019. № 5. Pp. 58–63+2.
10. Song Junrong. On the Host State Local Remedies Rule in Investor–State Arbitration: From the Perspective of the USMCA // Global Law Review. 2021. Vol. 43(4). Pp. 163–177.
11. Xu Chongli. «The 'Fork-in-the-Road' Clause in International Investment Treaties: The Limits of the Right to Choose between Local Remedies and International Arbitration», Journal of International Economic Law, 2007(3), Pp. 125–144.
12. Cui Fan, Cai Kaiming. A Preliminary Study on the Foreign Investment Law of the People's Republic of China // Journal of Shanghai University of International Business and Economics. 2019. Vol. 26(3). Pp. 14–24.
13. Zhang Lei. Dispute Settlement Approaches for Overseas Investment and China's Responses // Exploration and Free Views. 2017(8). Pp. 92–97.

Концепция «ответственного друга суда» в контексте функций института *amicus curiae* в международном судопроизводстве

Маркатанова Дарья Евгеньевна,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: markatanovad@gmail.com

В статье исследуются функции института *amicus curiae* в международном судопроизводстве и риски, которые связаны с их реализацией. Рассматриваются экспертная (информационная) функция, представительская функция, функция выражения общественных интересов и функция влияния института *amicus curiae* на развитие международного права. Автор отстаивает мнение о том, что основные риски, связанные с реализацией функций *amicus curiae*, обусловлены не природой данного института, а поведением конкретных субъектов, вступающих в международный судебный процесс в данной роли. В связи с этим в статье излагается авторская концепция «ответственного *amicus curiae* (друга суда)», которая предполагает, что соответствующие лица должны действовать на основании принципов добросовестности, процессуальной экономии, уважения прав сторон и стремления к содействию надлежащего отправления правосудия.

Ключевые слова: *amicus curiae*, «друг суда», «ответственный *amicus curiae*», функции *amicus curiae*, международное судопроизводство.

Регламенты многих международных судов и трибуналов предусматривают возможность участия в качестве *amicus curiae* (лат. «друг суда», в мн.ч. *amici curiae*) для широкого круга субъектов, в число которых могут входить государства, межправительственные организации, неправительственные организации, академические учреждения, профессиональные ассоциации и отдельные физические лица [16, р. 180].

Особое внимание в последнее время уделяется развитию роли и повышению разнообразия форм участия негосударственных субъектов в деятельности международных организаций и органов, которые актуализируют дискуссию о степени допустимости и пределах влияния частных лиц на межгосударственные отношения. Так, 18 февраля 2026 г. начала работу семьдесят девятая ежегодная сессия Специального комитета по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации [2], в рамках которой Российская Федерация выразила намерение продолжать работу в том числе по вопросам угроз, возникающих в связи с инициативами, направленными на расширение участия неправительственных организаций в работе ООН [1]. В контексте международного правосудия соответствующие вопросы могут обсуждаться в связи с участием в судебных разбирательствах *amici curiae*, в качестве которых наряду с государствами и другими публичными субъектами в ряде случаев могут выступать и частные субъекты.

Позиция, отстаиваемая в настоящей статье, исходит из того, что оценка допустимости, целесообразности, легитимности *amicus curiae* как формы участия в международном судопроизводстве и определенного влияния на него не должна осуществляться абстрактно и обобщенно вне контекста конкретных функций, которые призван выполнять данный институт в сфере международного правосудия. Именно функциональный подход позволяет всесторонне рассмотреть преимущества и риски *amicus curiae* в их взаимосвязи, а также выявить наиболее перспективные направления развития или ограничения участия негосударственных субъектов в международном судебном процессе.

Как показало исследование практики рассматриваемого института и ее доктринальных оценок риски, которые связывают с участием *amicus curiae* в международном правосудии, определяются не природой института *amicus curiae*, а особенностями реализации соответствующих функций на практике. В связи с этим представляется целесообразным выработать концепцию «ответственного *amicus curiae*», которая предполагает, что участие в судебных процессах в международных судах в этом качестве должно осуществляться на основании принципов добросовестности, процессуальной экономии, уважения прав сторон и стремления к содействию надлежащего отправления правосудия. Данная концепция основана на признании значительной роли «самоцензуры» заключений, представляемых *amici curiae* в международном судебном процессе. Далее концепция «ответственного *amicus curiae*» будет рассмотрена подробнее с учетом функций данного института и рисков, связанных с их выполнением.

По итогам исследования в статье делаются выводы о том, что 1) несмотря на существующие риски, возникающие в связи с участием *amicus curiae* в делах в международных судах и потенциальным влиянием данного института на международное правосудие, такое участие является функционально оправданным элементом современного международного процессуального права; 2) учет и использование концепции «ответственного *amicus curiae*» на практике позволит существенно сократить риски, связанные с функционированием данного института.

В доктрине международного права существуют разные подходы к определению функций *amicus curiae*. В академических работах выделяют различные функции, включая расширение доступа к информации для международных судов [15, р. 43], предоставление юридической и иной экспертизы [3, с. 278–279], представление общественных интересов [16, р. 18], повышение легитимности и прозрачности международного правосудия [15, р. 43], а также способствование развитию международного права [15, р. 43].

С учетом систематизации доктринальных позиций далее будут кратко рассмотрены следующие функции: экспертная (информационная) функция, представительская функция, функция выражения общественных интересов и функция влияния института *amicus curiae* на развитие международного права.

Экспертная (информационная) функция

Amicus curiae, не являясь стороной спора, представляет суду или трибуналу свои особые взгляды, аргументы или экспертные знания по конкретному делу в форме письменного заключения или представления [3, p. 211]. Данная функция предусматривает предоставление международному суду особых знаний или информации, которые суду недоступны, что в конечном счете влияет и на легитимность судебных решений, так как участники процесса с большей вероятностью примут и исполнят решение, которое является более качественным [16, p. 18–19]. Под информацией в данном случае может пониматься как правовая аргументация, которая способна помочь суду правильно толковать и применять нормы, так и фактическая информация об обстоятельствах дела [15, p. 45]. Важная роль отводится *amicus curiae* в части предоставления суду информации о фактах дела, о тех или иных особенностях какого-либо государства, о текущем состоянии его национального права [16, p. 71].

Соответствующие заключения могут носить в том числе юридический характер и представлять суду информацию о решениях, принятых другими международными судами, или о состоянии международного обычного права [16, p. 19]. Так, Европейский суд по правам человека в решении по делу *DH and Others v the Czech Republic* отметил полезность информации, предоставленной третьими лицами, участвующими в процессе, о том, что суды многих стран и договорные органы ООН обычно принимают статистические данные в качестве доказательства косвенной дискриминации, чтобы облегчить задачу потерпевших по доказыванию [8, para. 187].

Участие *amicus curiae* в части предоставления экспертизы или дополнительной информации особенно актуально в ситуациях, когда стороны разбирательства не желают или не имеют возможности представить необходимую для разрешения дела информацию; суд сталкивается с новым правовым вопросом или вопросом, который выходит за пределы его специализации; нагрузка на судей и аппарат суда не позволяют проводить существенные правовые исследования [15, p. 44]. Для понимания функций *amicus curiae* и отслеживания рисков, связанных с исполнением этих функций, можно обратиться к знаковому делу из практики международного инвестиционного арбитража *Methanex v. USA*. В данном деле Международный институт устойчивого развития утверждал, что может оказать составу арбитража помощь при толковании главы 11 Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), представляя актуальную точку зрения по рассматриваемым вопросам с учетом концепции устойчивого развития [10, para. 6].

Актуальным участие *amicus curiae* является в ситуациях, когда суду может понадобиться информация по вопросам устройства правовых, социальных и политических систем государств в случае, если они имеют отношение в рассматриваемому делу и имеют значение для его разрешения, поскольку судьям необходимо учитывать особенности национального порядка государств [16, p. 95]. Например, в деле *K.K.C. v. the Netherlands* Европейский суд по правам человека разрешил Верховному комиссару ООН по делам беженцев представить письменное заключение по вопросу практического и правового положения определенной категории лиц в Российской Федерации [13, para. 1].

Судам и трибуналам могут потребоваться знания экспертов из других наук: историков, антропологов, военных экспертов, политологов, экспертов в области социальных сетей и данных. Такие знания могут быть необходимыми, например, при определении более широкого контекста совершения международных преступлений, который может повлиять на квалификацию деяния судом. Так, в деле Караджича Судебная палата Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии предложила Специальному докладчику Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев выступить в качестве *amicus curiae* с докладом о состоянии прав человека и кампании этнических чисток в Боснии и Герцеговине с 1992 года, а также о случаях исчезновения людей после событий в Сребренице [17, p. 156].

В доктрине поднимается закономерный вопрос о том, насколько в настоящее время актуальными остаются заключения *amicus curiae*, представляющие экспертные заключения в области права и дополнительную информацию по делу, в условиях, когда существует практически неограниченный доступ к информации, правовым исследованиям и практике судебных органов [15, p. 46]. Вместе с тем, даже если считать, что проблема доступа к информации сама по себе потеряла былую актуальность, *amici curiae* могут помочь судьям ориентироваться в большом объеме информации по тому или иному вопросу, предварительно анализируя и отбирая материал, который имел бы ценность для суда. Иными словами, если судьи и обеспечивающий их работу аппарат могут самостоятельно получить необходимую информацию, то заключения *amici curiae*, содержащие аналогичные сведения, могут возложить дополнительную нагрузку на судей и их аппарат, поскольку затрата временных

ресурсов суда на рассмотрение заключений не будет оправдываться ценностью информации, содержащейся в таких заключениях.

Дополнительные издержки возникают и в связи с тем, что судьям необходимо принимать дополнительные процессуальные акты, а секретари, в свою очередь, сталкиваются с дополнительной административной работой и работой, связанной с вычиткой заключений [15, p. 563]. Получение большого количества информации судом может закончиться информационной перегрузкой, что не всегда полезно [7, p. 47]. При этом следует учитывать, что заключения *amicus curiae* могут и не оказывать положительного эффекта на рассмотрение дела или вовсе могут оказаться бесполезными [15, p. 71].

Вместе с тем такие риски не являются достаточно серьезными, чтобы воспринимать *amicus curiae* как негативное явление в международном судебном производстве, но иллюстрируют целесообразность выработки концепции «ответственного *amicus curiae*», которая предполагает, что лицу, желающему подать заключение в международный суд в качестве *amicus curiae*, следует исходить не из формального намерения представить суду собственные комментарии и соображения, а из осознания необходимости представления материала, который будет иметь ценность для суда при разрешении им дела. Потенциальные *amici curiae* на этапах принятия решения об участии в деле, сбора информации и подготовки собственного заключения должны понимать, что дублирование общедоступной информации не представляет ценности для суда, а наоборот осложняет его работу. Соответственно, указанным субъектам необходимо делать акцент на информации, которая иным образом могла бы быть недоступна суду.

Европейский суд по правам человека в 2023 г. предпринял меры по урегулированию вопроса о содержании заключений *amicus curiae* и выпустил Практические указания для третьих лиц, вступающих в дело, к числу которых он отнес *amicus curiae* [11]. В п. 27 данного документа содержится положение о том, что перед подачей полноценных комментариев по делу, третьим лицам необходимо подать ходатайство об участии в деле, которое не должно по объему превышать 2 страницы. Также требуется, чтобы в ходатайстве были указаны специальные знания по вопросу, возникающему в процессе рассмотрения дела; пункты, по которым потенциальная третья сторона имеет намерения представить свои аргументы; причины, по которым она считает, что эти аргументы будут полезны для Суда и отличаться от аргументов сторон и других третьих лиц [11, para. 27]. Это является иллюстрацией того, как международные суды обеспокоены вопросом ценности заключений *amicus curiae* и самостоятельно принимают меры для поддержки эффективности и реализации принципа процессуальной экономии. Меры, принимаемые судами в совокупности с применением концепции «ответственного *amicus curiae*» могут дать результат в части снижения рисков, которые связаны с участием соответствующих лиц в процессе.

Выражение общественных интересов

Эта функция представляется наиболее неоднозначной, поскольку *amici curiae*, выполняя данную функцию, могут способствовать как укреплению легитимности судебного процесса, так и подрывать ее, поднимая проблему справедливости и беспристрастности международного судопроизводства.

Тем не менее, данная функция обеспечивает участие лиц, напрямую не затронутых делом или не обладающих специальной экспертизой или дополнительной информацией по делу, в число которых входят *amici curiae*, представляющие общественные интересы [16, p. 18]. В данном контексте рассматриваемый институт способствует повышению степени прозрачности судебного разбирательства посредством инициирования более широкой дискуссии между судом и ключевыми заинтересованными лицами. Лица, чья позиция была выслушана судом, активнее примут результат судебного рассмотрения, даже если он не соответствует их ожиданиям [16, p. 20].

Заключения *amici curiae* влияют на рациональное принятие решений, особенно в случаях, когда судьям необходимо решить вопрос, имеющий далекоидущие политико-социальные последствия. Учет мнения гражданского общества важен, поскольку в конечном счете оно может понести издержки судебных разбирательств и потенциальный ущерб от результатов рассмотрения дела, в том числе, на него будет распространяться обязанность соблюдать новое законодательство, которое может быть принято по итогам судебного разбирательства [9, p. 342]. В решении по делу *Methanex vs. USA* отмечалось, что оно будет иметь критическое влияние на экологическое право и иное законодательство в регионе НАФТА [10, para. 5]. В этом же деле один из *amicus curiae* заявлял, что дело имеет конституционное значение и, таким образом, затрагивает национальные общественные интересы [ibid].

Amicus curiae положительным образом влияет на повышение легитимности судебного процесса за счет обеспечения процессуальной

и материальной легитимности. В первом случае это обеспечение процессуальной возможности участия заинтересованных лиц в разбирательстве, повышающая общественное признание международного судопроизводства. Во втором же случае легитимность обеспечивается за счет предоставления суду всей информации, которые необходима для принятия качественного обоснованного решения [15, p. 59].

По сути *amicus curiae* рассматривается как связующее звено между системой международного правосудия и гражданским обществом, поскольку его участие оказывает влияние на информированность общественности о текущих разбирательствах, которые могут оказать значительное воздействие на экономику государства и важные общественные интересы [12, p. 575].

Вместе с тем, участие *amicus curiae* может привести к волоките и задержкам в рассмотрении дела, поскольку суду нужно ознакомиться с заключениями и дать время сторонам ознакомиться с ними. В некоторых случаях необходимо проведение дополнительного раунда судебного процесса для рассмотрения и подготовки аргументов, содержащихся в заключениях *amicus curiae* [15, p. 561]. Кроме того, необходимость сторон ознакомиться с заключениями, которые суд принимает к сведению при рассмотрении дела, приводит к дополнительным затратам сторон [7, p. 50–51], поскольку стороны вынуждены тратить дополнительные ресурсы, в частности, на оплату юридических услуг для защиты собственных интересов в судебном процессе. Более того, сторонам необходимо затрачивать ресурсы, реагируя не только на аргументы противоположной стороны, но и на аргументацию *amicus curiae*, если такое лицо заняло противоположную позицию. В деле *Methanex vs. USA* делался акцент на том, что принятие заключений *amici curiae* может значительно повышать общую стоимость разбирательства и увеличивать риск наложения дополнительной нагрузки на одну или обе стороны [10, para. 50].

В этом контексте реализация на практике концепции «ответственного *amicus curiae*» позволит существенно снизить риски, связанные с обременением сторон, так как это потребует от потенциальных *amici curiae* учитывать процессуальные права и возможности сторон дела и придерживаться принципа процессуальной экономии.

Amicus curiae, своими аргументами поддерживающий одну из сторон или укрепляющий ее позицию, может влиять на баланс равенства перед судом. При этом *amici curiae* не связаны судебным решением, в отличие от полноправных сторон дела, для которых последствия могут быть существенными. В деле *Methanex vs. USA* в решении трибунала отмечалось, что с учетом обстоятельств дела можно предположить, что любые заключения *amici curiae* с большей вероятностью будут противоречить позиции истца и так или иначе поддержат сторону ответчика [10, para. 50]. Трибунал отмечал, что он обеспокоен тем, чтобы истец получил необходимую процессуальную защиту [10, para. 50].

Вместе с тем, проблема вмешательства в баланс интересов сторон и принцип равенства сторон не делает институт *amicus curiae* неприменимым в международном судопроизводстве. Концепция «ответственного *amicus curiae*» предполагает, что основной целью участия *amicus curiae* является содействие суду в решении вопросов, представляющих общественный интерес, а не поддержка аргументов одной из сторон дела.

Amicus curiae иногда называют «другом стороны», а не «другом суда», подчеркивая, что они продвигают собственные интересы, а в некоторых случаях интересы других лиц [14, p. 146]. Заключения *amicus curiae* могут привлекать внимание к политически чувствительным темам, которые стороны не были намерены выносить на рассмотрение международных судов [15, p. 68]. Некоторые авторы отмечают, что это порождает обеспокоенность тем, что *amicus curiae* больше делегитимирует, чем легитимирует международное судопроизводство, делая также акцент на том, что влиятельные и обладающие достаточными финансами *amicus curiae*, в том числе и иностранные правительства, могут преследовать скрытые цели [15, p. 68]. При этом интересы, которые представляют *amici curiae* от лица какой-то группы, не обязательно будут соответствовать интересам соответствующей группы [15, p. 68–69]. Встречается позиция о том, что допуск к участию в судебных делах *amicus curiae*, может привести к политизации судов, превратив их в арену для продвижения определенных политических интересов [7, p. 52]. Также высказывается мнение о том, что нет никакой гарантии того, что лица, выступающие в качестве *amici curiae*, представляют демократические ценности и прозрачно заявляют о своем финансировании и целях [16, p. 21].

При этом есть веские основания считать, что данные риски не свидетельствуют о неприемлемости участия *amicus curiae* в международном судопроизводстве, а лишь подтверждают необходимость развития стандартов ответственности лиц, участвующих в качестве *amici curiae* в делах, рассматриваемых международными судами. Предлагаемая концепция «ответственного *amicus curiae*» предполагает, что соответ-

ствующие лица должны осознавать свою роль в содействии осуществлению правосудия и отказываться от использования рассматриваемого института для продвижения политических повесток и интересов сторонних субъектов. «Ответственный *amicus curiae*» должен раскрывать природу и причины своей заинтересованности в деле, потенциальные связи со сторонами дела и источники финансирования, которые могут свидетельствовать о его ангажированности.

Представительская функция

Институт *amicus curiae* предоставляет возможность субъектам, чьи интересы затрагиваются в рамках рассмотрения дела или результатом его рассмотрения, пусть и ограниченно, участвовать в судебном процессе. К лицам, чьи интересы затронуты тем или иным разбирательством по делу, могут относиться государства, международные организации, субъекты гражданского общества, жертвы и обвиняемые в уголовном процессе [16, p. 19]. Учет мнения и заслушивание позиций лиц, чьи интересы могут быть затронуты, обеспечивают в том числе прозрачность судебного процесса и положительным образом сказываются на легитимности решений, по крайней мере среди самих соответствующих категорий лиц.

Реализуя представительскую функцию, *amicus curiae* представляет интересы субъектов, которые иным образом не могли бы быть представлены при рассмотрении дела международными судами [16, p. 19]. Кроме того, *amicus curiae* может позволить третьим лицам, которые не имеют возможности подать собственную просьбу об участии, например, из-за финансового положения, изложить свою позицию [7, p. 49]. Это дает возможность указанным лицам принять участие в деле при помощи формализованной процедуры, а не посредством использования неюридических средств, в том числе и политических. Здесь, несомненно, проявляется связь представительской функции с обеспечением легитимности и справедливости, которые реализуются за счет повышения информированности суда о позициях большего количества заинтересованных субъектов.

Риски, связанные с реализацией представительской функции, во многом совпадают с рисками, возникающими при выражении *amici curiae* общественных интересов. Такие риски связаны с возможными задержками в рассмотрении дела, увеличением нагрузки на суды и вероятными злоупотреблениями в части продвижения политических повесток. Тем не менее, применение концепции «ответственного *amicus curiae*» с учетом заявленных ранее принципов позволило бы предотвратить возникновение указанных рисков и при исполнении представительской функции.

Влияние на развитие международного права

Amicus curiae, проявляя инициативу для участия в деле, могут способствовать формированию новых правовых прецедентов на основании передовых юридических концепций [5, p. 122].

При принятии решений международные суды могут приходиться к разным решениям, а иногда и противоположным выводам в схожих обстоятельствах дела [15, p. 61]. *Amici curiae* представляют суду ссылки на судебную практику других международных судов и трибуналов, помогая суду ознакомиться с толкованием правовых норм другими судебными органами [6, p. 159]. Это способствует развитию диалога между судами при условии, что суды открыты к такому диалогу и принимают во внимание толкование и подходы, разработанные другими международными судами. *Amicus curiae* представляют судам и трибуналам аргументы, рассмотрение которых может повлиять на развитие правового диалога, а также развитие в области экспертизы, проводя анализ норм международного права прав человека, международного гуманитарного права и иных отраслей [4, p. 49–50, 51–52].

Одним из ключевых рисков в случае оказания влияния на развитие международного права является возможность использования института *amicus curiae* для целенаправленного продвижения определенных правовых концепций. Принимая во внимание, что *amici curiae* при исполнении данной функции в своих заключениях могут приводить новые подходы к толкованию международно-правовых норм, практику иных международных судов и трибуналов, следует отметить, что это может приводить к злоупотреблению и использоваться с целью намеренного влияния на правоприменительную практику международных судов. Поскольку представлением заключений, содержащих новые правовые концепции или расширительное толкование норм, занимаются, в первую очередь, хорошо финансируемые международные организации и крупные академические центры, велик риск учет в большей степени позиций наиболее влиятельных участников международного правового дискурса без должного отражения позиций менее представленных субъектов.

«Ответственный *amicus curiae*» должен придерживаться принципа добросовестности в представлении своей правовой аргументации,

не допускать выборочного цитирования для подтверждения занимаемой позиции.

Исследование функций *amicus curiae* в контексте сопряженных с их реализацией рисков, включая экспертную (информационную) функцию, представительскую функцию, выражение общественных интересов и влияние на развитие международного права, позволяет прийти к следующим выводам. Участие *amicus curiae* в процессах в международных судах способствует правовой ценности судебных решений, предоставляя судам статистику, сравнительный анализ или техническую экспертизу, тем самым положительно влияя на справедливость и легитимность судебных решений. Также институт *amicus curiae* предоставляет возможность лицам, чьи интересы тем или иным образом могут быть затронуты рассмотрением дела в международном суде, принять участие в судебном процессе, а также представить общественные интересы широкого круга лиц или международного сообщества в целом. Кроме того, *amicus curiae* как институт международного права обладает потенциалом влиять на развитие международного права путем представления суду новых международно-правовых концепций и мнений, обобщения судебной практики.

Принимая во внимание положительные эффекты и проблемы, вызванные участием *amicus curiae* в международных судебных разбирательствах, можно сделать вывод, что надлежащее влияние *amicus curiae* на результаты рассмотрения дела оправдывает опасения, обсуждаемые в доктрине международного права и практике международных судов. Более того, существующие риски возможно снизить за счет применения на практике концепции «ответственного *amicus curiae*», включающей реализацию присущих данному институту функций с учетом принципов добросовестности, процессуальной экономии, уважения прав сторон и стремления к содействию надлежащего отправления правосудия.

Литература

1. Выступление представителя Российской Федерации Е.С. Лапикиной на заседании Специального комитета по Уставу ООН и усилению роли Организации // Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/518022026> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Предварительная повестка дня семьдесят девятой сессии Специального комитета по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/td/n25/353/61/pdf/n2535361.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Bartholomeusz L. The Amicus Curiae before International Courts and Tribunals // Non-State Actors and International Law. 2005. Vol. 5. Issue 3. P. 209–286.
4. Burli N. Third-party interventions before the European Court of Human Rights: Amicus Curiae, member-state and third-party interventions. Portland, Oregon: Intersentia, 2017. 214 p.
5. Cassel J. Enforcing environmental human rights: selected strategies of U.S. NGOs // Northwestern Journal of International Human Rights. 2007. Vol. 6. Issue 1. P. 104–127.
6. Chinkin C., Mackenzie R. Intergovernmental Organizations as «Friends of the Court» // Boisson de Chazourne L., Romano C.P.R., Mackenzie R. (eds.) International Organizations and International Dispute Settlement: Trends and Prospects. Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2012. P. 135–164.
7. Farber S. The Amicus Curiae Phenomenon – Theory, Causes and Meanings // Transnational law & Contemporary Problems. 2019. Vol. 29. Issue 1. P. 1–61.
8. ECtHR. DH and Others v the Czech Republic. Application N 57325/00. Judgment of 13 November 2007 (Grand Chamber).
9. Wiarda G.J., Matscher F., Petzold H. Protecting human rights: the European dimension: studies in honour of Gerard J. Wiarda. Köln: C. Heymann, 1988. 758 p.
10. Methanex v. USA, Decision of the Tribunal on petitions from Third Persons to Intervene as «Amici Curiae», 15 January 2001.
11. Practice Directions on Third-party intervention under Article 36 § 2 of the Convention or under Article 3, second sentence, of Protocol No. 161 // Official website of the ECtHR. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/pd_third_party_intervention_eng-pdf (дата обращения: 19.05.2026).
12. Triantafilou E. Amicus submissions in investor state arbitration after Suez v. Argentina // Arbitration International. 2008. Vol. 24. Issue 4. P. 571–586.
13. UNHCR intervention before the European Court of Human Rights in the case of K.K.C. v. the Netherlands. 15 November 2002 // Official website of UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/publications/unhcr-interventions-european-court-human-rights> (дата обращения: 25.05.2026).

of UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/publications/unhcr-interventions-european-court-human-rights> (дата обращения: 25.05.2026).

14. Whitehouse S. A Flood of Judicial Lobbying: Amicus Influence and Funding Transparency // The Yale Law Journal. 2021. Vol. 131. Issue 1. P. 141–174.

15. Wiik A. Amicus Curiae before International Courts and Tribunals. Baden-Baden: Nomos, 2018. 734 p.

16. Williams S., Woolaver H., Palmer E. The amicus curiae in international criminal justice. Oxford: Bloomsbury Publishing Plc, 2020. 424 p.

17. Williams S., Woolaver H., The Role of the Amicus curiae before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. 2006. Vol. 6. Issue 2. P. 151–189.

THE “CONCEPT OF RESPONSIBLE FRIEND OF A COURT (AMICUS CURIAE)” IN THE CONTEXT OF THE FUNCTIONS OF THE AMICUS CURIAE INSTITUTION IN INTERNATIONAL LEGAL PROCEEDINGS

Markatanova D.E.

Saratov State Law Academy

The article explores the functions of the amicus curiae institution in international legal proceedings and the risks associated with their implementation. The article examines the expert (informational) function, the representative function, the function of expressing public interests, and the influence of the amicus curiae institution on the development of international law. The author argues that the main risks associated with the implementation of amicus curiae functions are determined not by the nature of this institution, but by the behavior of specific actors entering international legal proceedings in this capacity. In this regard, the article presents the author's concept of a “responsible amicus curiae (friend of the court),” which assumes that the relevant individuals must act based on the principles of good faith, procedural economy, respect for the rights of the parties, and a desire to promote the proper administration of justice.

Keywords: amicus curiae, friend of the court, responsible amicus curiae, functions of amicus curiae, international adjudication.

References

1. Statement by E.S. Lapikhina, representative of the Russian Federation, at the meeting of the Special Committee on the Charter of the United Nations and on the Strengthening of the Role of the Organization // Official website of the Permanent Mission of the Russian Federation to the UN. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/518022026> (accessed on 17.05.2026).
2. Provisional agenda for the seventy-ninth session of the Special Committee on the Charter of the United Nations and on the Strengthening of the Role of the Organization // Official website of the UN. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/td/n25/353/61/pdf/n2535361.pdf> (accessed on 15.05.2026).
3. Bartholomeusz L. The Amicus Curiae before International Courts and Tribunals // Non-State Actors and International Law. 2005. Vol. 5. Issue 3. P. 209–286.
4. Burli N. Third-party interventions before the European Court of Human Rights: Amicus Curiae, member-state and third-party interventions. Portland, Oregon: Intersentia, 2017. 214 p.
5. Cassel J. Enforcing environmental human rights: selected strategies of U.S. NGOs // Northwestern Journal of International Human Rights. 2007. Vol. 6. Issue 1. P. 104–127.
6. Chinkin C., Mackenzie R. Intergovernmental Organizations as «Friends of the Court» // Boisson de Chazourne L., Romano C.P.R., Mackenzie R. (eds.) International Organizations and International Dispute Settlement: Trends and Prospects. Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2012. P. 135–164.
7. Farber S. The Amicus Curiae Phenomenon – Theory, Causes and Meanings // Transnational law & Contemporary Problems. 2019. Vol. 29. Issue 1. P. 1–61.
8. ECtHR. DH and Others v the Czech Republic. Application N 57325/00. Judgment of 13 November 2007 (Grand Chamber).
9. Wiarda G.J., Matscher F., Petzold H. Protecting human rights: the European dimension: studies in honour of Gerard J. Wiarda. Köln: C. Heymann, 1988. 758 p.
10. Methanex v. USA, Decision of the Tribunal on petitions from Third Persons to Intervene as «Amici Curiae», 15 January 2001.
11. Practice Directions on Third-party intervention under Article 36 § 2 of the Convention or under Article 3, second sentence, of Protocol No. 161 // Official website of the ECtHR. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/pd_third_party_intervention_eng-pdf (дата обращения: 19.05.2026).
12. Triantafilou E. Amicus submissions in investor state arbitration after Suez v. Argentina // Arbitration International. 2008. Vol. 24. Issue 4. P. 571–586.
13. UNHCR intervention before the European Court of Human Rights in the case of K.K.C. v. the Netherlands. 15 November 2002 // Official website of UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/publications/unhcr-interventions-european-court-human-rights> (дата обращения: 25.05.2026).
14. Whitehouse S. A Flood of Judicial Lobbying: Amicus Influence and Funding Transparency // The Yale Law Journal. 2021. Vol. 131. Issue 1. P. 141–174.
15. Wiik A. Amicus Curiae before International Courts and Tribunals. Baden-Baden: Nomos, 2018. 734 p.
16. Williams S., Woolaver H., Palmer E. The amicus curiae in international criminal justice. Oxford: Bloomsbury Publishing Plc, 2020. 424 p.
17. Williams S., Woolaver H., The Role of the Amicus curiae before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. 2006. Vol. 6. Issue 2. P. 151–189.

Марталер Валерия Сергеевна,

аспирант кафедры международного права Казанского
(Приволжского) федерального университета
E-mail: ValSMartaler@kpfu.ru

В статье исследуется категория «экологический вред» в международном праве сквозь призму общетеоретического понятия вреда, института международной ответственности, а также практики Международного Суда ООН (далее – МС) и Международного трибунала по морскому праву (далее – МТП). Обосновывается, что экологический вред представляет собой сложную многоуровневую категорию, охватывающую одновременно ущерб интересам государства, человека и окружающей среды *per se*. На основе анализа кодификационных актов Комиссии международного права ООН (далее – КМП), договорной и правоприменительной практики выделяется минимальный международноправовой стандарт экологического вреда. На материале экологических споров и консультативных заключений демонстрируется, каким образом международные судебные органы конкретизируют содержание данной категории. Обосновывается функциональное значение категории «экологический вред» для формирования превентивных и репаративных механизмов охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экологический вред; трансграничный вред; международная ответственность; возмещение экологического вреда; международное экологическое право; охрана окружающей среды

Категория «экологический вред» занимает ключевое место в архитектуре современного международного экологического права, связывая воедино превентивные и репаративные механизмы охраны окружающей среды. Терминологическая неоднородность этой категории в доктрине и договорной практике затрудняют правовую квалификацию воздействий на окружающую среду и выработку устойчивых международно-правовых режимов возмещения [1]. Указанные сложности проявляются особенно отчетливо на фоне расширения круга охраняемых интересов. Цель статьи состоит в теоретико-правовом уточнении содержания категории «экологический вред» в международном праве. Объектом исследования являются международно-правовые отношения, складывающиеся в связи с причинением, риском причинения и возмещением экологического вреда. Предметом выступают доктринальные и правоприменительные модели осмысления соответствующей категории. Методологическую основу составляют общенаучные методы и специальные методы юридической науки, в том числе формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический метод толкования. Используется также межотраслевой подход, позволяющий сопоставлять конструкции международной ответственности, международного экологического права и международной защиты прав человека.

В общей теории права вред традиционно определяется как умаление либо уничтожение охраняемого правом блага и функционирует как сквозная категория, сопровождающая развитие правового регулирования на различных исторических этапах [2, с. 5; 3, с. 76]. Вред одновременно задает пределы допустимого поведения, очерчивая зону риска, выход за которую становится юридически значимым, и служит одним из ключевых оснований юридической ответственности. В этом смысле право не столько устраняет риск как таковой, сколько перераспределяет его, обозначая, какие виды вреда могут считаться социально терпимыми, а какие подлежат предотвращению и, при наступлении, возмещению.

В политикоправовой философии указанная логика получила выражение в «принципе вреда» Дж. Ст. Милля, согласно которому единственным легитимным основанием ограничения свободы индивида выступает предотвращение вреда другим лицам [4, с. 22–23]. На межличностном уровне этот принцип обосновывает пределы индивидуальной автономии в интересах защиты иных субъектов [5, с. 109–124], в то время как на межгосударственном уровне он находит продолжение в классической максиме *sic utere tuo ut alienum non laedas*, запрещающей государству осуществлять деятельность таким образом, чтобы причинять вред другим государствам. Как представляется, именно через призму данной максимы арбитраж по делу «Трейл Сметтер» сформулировал широко известное правило о недопустимости использования территории государства способом, причиняющим серьезный ущерб территории другого [6], что стало одной из отправных точек формирования современного международного экологического права.

В рамках института международной ответственности вред выступает связующим звеном между международнопротивоправным деянием и вторичными обязательствами государства [7, с. 202–210]. Статьи об ответственности государств за международнопротивоправные деяния 2001 г. закрепляют обязанность обеспечить полное возмещение вреда, причиненного нарушением международного обязательства. При этом статья 34 и последующие положения позволяют различать более широкое понятие «вред» и более узкую категорию «ущерб» как стоимостное выражение последствий вреда в контексте компенсации. Подобное разграничение приобретает особое значение применительно к экологическим ситуациям, в которых значительная часть неблагоприятных последствий носит диффузный, кумулятивный и долгосрочный характер и не поддается точной денежной оценке.

Кроме того, экологический вред нередко проявляется в форме риска, имеющего самостоятельное юридическое значение. Международные обязательства возникают уже на стадии вероятности причинения значительного вреда, а не только после наступления материальных последствий. Дополнительной особенностью является то, что причинение экологического вреда во многих случаях связано с правомерной, экономически обусловленной деятельностью повышенного риска, что усложняет традиционную связку «противоправность – ответственность».

Указанные обстоятельства обусловили развитие дуалистической конструкции в кодификационной деятельности Комиссии международного права ООН. С одной стороны, Статьи об ответственности го-

сударств 2001 г. охватывают ситуации, в которых вред является следствием международно-противоправного деяния, и предусматривают классические формы полного возмещения. С другой стороны, Проект статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2001 г. и Проект принципов о распределении убытков 2006 г. ориентированы на регулирование вреда, возникающего в результате правомерной деятельности повышенного риска, и сосредоточены на распределении бремени последствий между государством происхождения, операторами деятельности и потерпевшими.

Исторически первым и наиболее укорененным в договорном праве является антропоцентрический подход, при котором экологический вред определяется через последствия для человека: его жизни, здоровья, имущества и экономических интересов. Этот подход органично соотносится с традиционной конструкцией международной ответственности по Проекту статей КМП 2001 г., где государство выступает единственным субъектом претензий, а вред квалифицируется как вред суверенной сфере потерпевшего государства. Космическая и ранние ядерные конвенции исходили именно из антропоцентрической оптики, где ущерб понимался как физические последствия для жизни, здоровья и имущества, а природная среда не рассматривалась в качестве самостоятельного объекта охраны [13; 14; 15].

Экоцентрический подход получил частичное отражение в Проекте принципов КМП 2006 г., где понятие ущерба расширяется за счёт включения ухудшения состояния окружающей среды, а также расходов на разумные меры по восстановлению имущества или окружающей среды и превентивные меры. Практика специальных режимов гражданской ответственности и универсальных договоров превентивного характера развивает понятие экологического вреда в этом же направлении [16; 17; 18; 19; 20].

Отсутствие универсального договора, закрепляющего общее определение категории «экологический вред», вместе с тем, не исключает возможности реконструировать минимальный международно-правовой стандарт на основе доктрины, кодификационных актов КМП и ключевых универсальных договоров. Такой стандарт включает, по крайней мере, четыре взаимосвязанных элемента.

Во-первых, вред должен быть обусловлен антропогенной деятельностью, а не являться исключительно результатом природных процессов. Именно эта связь заложена в Статьях КМП о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности, где подчеркивается, что регулирование распространяется на деятельность, не запрещенную международным правом, но создающую риск причинения значительного трансграничного вреда в силу своих физических последствий [21]. Антропогенный характер вреда позволяет отграничить экологические последствия стихийных бедствий, которые, как правило, не порождают международно-правовой ответственности государств, от вреда, связанного с промышленной и иной хозяйственной активностью.

Во-вторых, вред должен иметь физический характер, выражаясь в материально фиксируемых изменениях состояния окружающей среды, здоровья человека или имущества. Такая установка прослеживается как в кодификационных актах, где вред определяется через физические последствия для лиц, имущества или окружающей среды, так и в договорной практике, включая, к примеру, определение «загрязнения морской среды» в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [22]

В-третьих, экологический вред должен обладать трансграничным измерением, то есть проявляться «на территории или в иных местах под юрисдикцией или контролем государства, отличного от государства происхождения», а также в районах за пределами национальной юрисдикции, включая элементы всеобщего достояния человечества. Такой подход закреплён в документах КМП и отражен в универсальных договорах превентивного типа, в частности в Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г., где используется широкое понятие «трансграничного воздействия» планируемой деятельности. Трансграничность выполняет функцию фильтрации внутренних экологических проблем, отделяя их от ситуаций, затрагивающих права и интересы других государств либо международного сообщества в целом.

В-четвертых, международно-правовые обязательства по предотвращению и возмещению возникают лишь при превышении порога «значительности» вреда. Комментарии КМП подчеркивают, что «значительный» вред – это не любой обнаруживаемый вред, но и не обязательно ущерб «серьезного» либо «существенного» уровня. Наполнение данной категории зависит от контекста, чувствительности затронутой экосистемы и степени научной определённости [23]. Контекстуальный характер порога значительности, с одной стороны, повышает гибкость правового регулирования, а с другой стороны, затрудняет прогнозирование правовых последствий для государств и усложняет работу экспертов, формирующих доказательственную базу по экологическим спорам [24].

При этом компенсация была присуждена за экологический вред как материальное последствие нарушения территориального суверенитета, а не отдельного «экологического» обязательства, что позволило расширить спектр возмещаемого ущерба в рамках классической конструкции ответственности за международно-противоправное деяние. Принципиально важно, что Суд признал компенсируемой не просто стоимость утраченных материальных ресурсов, а «ухудшение или утрату экологических благ и услуг» как самостоятельный вид ущерба [29, пар. 75, 78]. Вместе с тем в вопросе методологии оценки вреда *ex post* Суд проявил осторожность, поскольку он концептуально одобрил подход экосистемных услуг, но отказался механически применять предложенные экспертами сложные модели оценки. В результате был расширен спектр возмещаемого ущерба, поскольку вред определялся не только через стоимость восстановительных мероприятий (например, посадки деревьев), но и через денежное выражение утраченных функций окружающей среды, включая очистку воды и поддержание биоразнообразия, что способствовало конкретизации категории экологического вреда в стоимостном измерении.

Эта тенденция к уточнению стандарта доказывания получила развитие в решении о репарациях по делу «О вооруженной деятельности на территории Конго» 2022 г., где требования о возмещении вреда от вырубки лесов и утраты биоразнообразия были отклонены из-за недостаточности доказательств [30, пар. 386–389, 394–395]. Тем самым был фактически повышен стандарт доказанности для «чистого» экологического вреда. Минимальный международно-правовой стандарт стал зависеть не только от наличия физических последствий, но и от качества и полноты экологической экспертизы, на основе которой возможно количественно и качественно оценить значительность вреда [30, пар. 386, 394–395].

В деле «О заводе МОКС» Трибунал вновь акцентировал значение процедурных обязанностей по обмену информацией, проведению консультаций и координации мер по защите морской среды в условиях потенциального загрязнения [32, пар. 73, 79, 84], тогда как в деле «О намывных работах в проливе Джохор» 2003 г. вред фактически «опосредуется» через требование надлежащей оценки воздействия на окружающую среду как ключевого инструмента управления риском [33, пар. 99, 101]. В консультативном заключении по глубоководной разработке морского дна 2011 г. Камера по спорам, касающимся морского дна, уточнила содержание обязательств государств-спонсоров, указав, что обязанность по охране морской среды охватывает защиту флоры и фауны морской экосистемы, что расширяет понимание субъектов охраняемого вредам интереса [34, пар. 132–135].

Особое значение и актуальность в контексте уточнения содержания категории «экологический вред» имеют последние консультативные заключения МТМП и МС ООН, которые не просто дополняют сложившуюся практику, но фактически пересматривают минимальный международно-правовой стандарт экологического вреда, адаптируя его к климатическому измерению.

В консультативном заключении от 21 мая 2024 г. по запросу Комиссии малых островных государств по изменению климата и международному праву Трибунал впервые прямо признал антропогенные выбросы парниковых газов видом загрязнения морской среды по смыслу статьи 1(1)(4) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [37, пар. 179] Трибунал не просто говорит о «вреде», а называет его конкретные проявления, придавая им правовое значение, в том числе изменение температуры воды, повышение уровня моря, закисление океана, способствующее разрушению морских экосистем [37, пар. 243]. Опираясь на научные данные Межправительственной группы экспертов по изменению климата (далее – МГЭИК) и цели Парижского соглашения, Трибунал сформировал строгий стандарт предотвращения вреда и придал несоблюдению этого стандарта характер самостоятельного международно-правового нарушения, при котором бездействие или недостаточные усилия по сокращению выбросов рассматриваются как нарушение обязательства по защите морской среды [37, пар. 180, 258]. Признание кумулятивного характера климатического вреда ведет к переосмыслению причинно-следственной связи. Вклад даже относительно небольшого государства оценивается как часть совокупного глобального вреда, что трансформирует физическую природу вреда (от локального загрязнения к системным климатическим изменениям), критерий трансграничности (от двустороннего к глобальному, диффузному воздействию) и порог значительности (от количественных показателей выбросов к риску серьезных и необратимых последствий для морской экосистемы и климата).

Консультативное заключение Международного Суда ООН об обязательствах государств в отношении изменения климата 2025 года усиливает этот пересмотр, закрепляя его уже в универсальном контексте [38]. Суд подтвердил обязательство должной осмотрительности по предотвращению трансграничного климатического вреда для

всех государств. Однако, в отличие от Международного трибунала по морскому праву, Суд разъяснил, что содержание этого обязательства не одинаково для всех. То есть необходимо учитывать принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, а стандарт поведения должен постоянно обновляться в соответствии с последними докладами МГЭИК. Недостаточные усилия крупного эмитента, таким образом, квалифицируются как нарушение международного обязательства даже при сложности выделения его индивидуального вклада в совокупный вред.

Кроме того, Суд установил прямую связь экологического вреда с правами человека. То есть, экологический вред перестал быть абстрактной категорией, касающейся только государств и экосистем. Он был определен как прямая угроза благополучию и жизни людей. Закисление океана – это не просто химический процесс, это угроза продовольственной безопасности прибрежных сообществ. Повышение уровня моря – это угроза праву на жизнь и самоопределение целых наций. Вред теперь имеет человеческое измерение, что открывает новые возможности для судебных исков, в том числе в национальных и региональных судах по правам человека.

Категория экологического вреда приобретает отчетливо выраженное временное измерение, ориентированное на защиту интересов будущих поколений. Это смещает акцент на долгосрочную превентивную деятельность государств и требует заблаговременного принятия мер, рассчитанных на отдаленную перспективу. Тяжесть вреда оценивается не по объему выбросов или количеству загрязнителей, а по его воздействию на фундаментальные ценности, таких как права человека и само существование государств, что подтверждается, в частности, выводами профильных органов ООН и Всемирной Организации Здравоохранения о влиянии жары, засух, голода на право на жизнь, здоровье и питание. Риск при этом понимается не только как вероятность неблагоприятных последствий, но и как возможность достижения точек невозврата, таких как разрушение ледяных щитов Гренландии или изменение океанских течений, что ведет к необратимым последствиям.

В совокупности указанные дела показывают, что минимальный международно-правовой стандарт экологического вреда носит динамический характер. Судебные органы одновременно закрепляют за экологическим вредом статус юридически значимой категории, способной выполнять функцию триггера превентивных обязанностей и объекта компенсации, и постепенно уточняют его параметры в зависимости от сложности экологических рисков, доступных методов оценки и уровня научной определенности. Подходы к доказанности и оценке экологического вреда остаются фрагментарными, однако именно через эту фрагментарность просматривается эволюция стандарта.

С учетом рассмотренных теоретических и практических подходов под экологическим вредом в международном праве представляется возможным понимать обусловленные антропогенной деятельностью физические изменения состояния окружающей среды, здоровья человека или имущества, обладающие трансграничным измерением и превышающие порог значительности. При этом окружающая среда рассматривается как объект охраны *per se*, так и как носитель интересов государств и человека. Такое определение отражает дуализм экологического вреда как риска причинения значительных неблагоприятных последствий (превентивная стадия) и как уже наступившего ущерба, поддающегося оценке в целях возмещения (репаративная стадия).

Проведенный теоретико-правовой анализ категории «экологический вред» показывает, что речь идёт не о простом расширении общего понятия вреда, а о многоуровневой конструкции, сочетающей элементы ответственности за международно-противоправные деяния и конструкций обязательств государств, возникающих из причинения вреда от правомерной деятельности, антропоцентрический и экоцентрический подходы, превентивные и репаративные функции. Выделение минимального международно-правового стандарта экологического вреда создает необходимую методологическую основу для дальнейшей конкретизации режимов возмещения экологического вреда, в том числе применительно к новым формам трансграничных воздействий. Практика Международного Суда ООН и Международного трибунала по морскому праву подтверждает юридическую значимость соответствующей категории, одновременно демонстрируя динамический характер минимального стандарта. Вместе с тем дальнейшее концептуальное развитие данной категории требует доктринальной и кодификационной проработки, направленной на повышение предсказуемости и эффективности международно-правового регулирования, включая соотнесение превентивной и репаративной функций ответственности.

Литература

1. Khalatbari Y., Hermidas Bavand D., Zare A., Poorhashemi S. Development of the concept of “Environmental Damage” in International envi-

ronmental law // *Caspian Journal of Environmental Sciences*. 2016. Vol. 14, No. 4. Pp. 339–350. URL: https://cjes.guilan.ac.ir/article_2076.html

2. Малиновский А.А. Вред как юридическая категория // *Юрист*. 2006. № 2. С. 4–7. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12831845>

3. Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия / В.В. Лазарев. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Норма, 2020. 760 с.

4. Mill J.S. On Liberty. London: John W. Parker and Son, 1859. Ch. I. 217 p.

5. Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention, 1859 // *Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 21. Toronto: University of Toronto Press, 1984. P. 111–124.

6. UN, Reports of International Arbitral Awards. Trail Smelter Case (United States, Canada). 1941. Vol. 3. Pp. 1905–1982. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_III/1905–1982.pdf

7. Crawford J. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 202–210.

8. Боголюбов, С.А. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: научно-практическое пособие / С.А. Боголюбов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.]; отв. ред. Н.В. Кичигин. – Москва: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. – 368 с. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2144162>

9. Sands P., Peel J. Principles of International Environmental Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 1032 p.

10. Rudall J. Compensation for Environmental Damage Under International Law. London: Routledge, 2020. 138 p. URL: <https://www.routledge.com/Compensation-for-Environmental-Damage-Under-International-Law/Rudall/p/book/9781032238791>.

11. Вереина Л.В. Определение трансграничного ущерба окружающей среде *per se* // *Московский журнал международного права*. 2013. № 2. С. 23–31. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-2-23-31>

12. Солнцев А.М. Компенсация за ущерб природным ресурсам *versus* компенсация за экологический ущерб (на примере разрешения спора между Демократической Республикой Конго и Угандой) // *Журнал ВШЭ по международному праву*. 2024. Т. 2. № 3. С. 14–24.

13. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 г.), ст. 1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747>

14. Парижская конвенция об ответственности перед третьими лицами в области ядерной энергии 1960 г., ст. 2.

15. Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г.

16. International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage, 1992, art. I (6) // *International Oil Pollution Compensation Funds. Liability and Compensation for Oil Pollution Damage: Texts of the 1992 Civil Liability Convention, the 1992 Fund Convention and the Supplementary Fund Protocol*. URL: https://iopcfunds.org/wp-content/uploads/2018/06/Text-of-Conventions_e.pdf

17. Convention on Civil Liability for Damage caused during Carriage of Dangerous Goods by Road, Rail and Inland Navigation Vessels, Geneva, 10 October 1989, art. 1 (10). URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1989/10/19891010_07-56_AM/Ch_XI_B_30p.pdf

18. International Convention on Liability and Compensation for Damage in Connection with the Carriage of Hazardous and Noxious Substances by Sea. URL: <https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-on-Liability-and-Compensation-for-Damage-in-Connection-with-the-Carriage-of-Hazardous-and-Noxious-.aspx>

19. Convention on Civil Liability for Damage Resulting from Activities Dangerous to the Environment, Lugano, 21.VI.1993, arts. 2 (7 ICJ Reports 1974, параграф 62. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/59/059-19741220-JUD-01-00-EN.pdf>

20. Международный Суд ООН. Дело о Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии), решение от 25 сентября 1997 г., ICJ Reports 1997, параграф 140. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf>

21. Международный Суд ООН. Дело о целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая), решение от 20 апреля 2010 г., ICJ Reports 2010, параграф 79. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/135/135-20100420-JUD-01-00-EN.pdf>

22. Международный Суд ООН. Дело о некоторых действиях, принятых Никарагуа в приграничном районе (Коста-Рика против Никарагуа), решение от 16 декабря 2015 г., ICJ Reports 2015, параграф 109. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/150/150-20151216-JUD-01-00-EN.pdf>

23. Международный Суд ООН. Дело о некоторых действиях, принятых Никарагуа в приграничном районе (Коста-Рика против Ника-

пара), решение от 2 февраля 2018 г., ICJ Reports 2018, параграфы 75, 78. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/150/150-20180202-JUD-01-00-EN.pdf>

24. International Court of Justice. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Compensation, Judgment, 9 February 2022, paragraphs 386–389, 394–395. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/116/116-20220209-JUD-01-00-EN.pdf>

25. Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan), Provisional Measures, Order of 27 August 1999, ITLOS Reports 1999, para. 77–82. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_3_4/published/C34-0-27_aug_99.pdf

26. MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom), Provisional Measures, Order of 3 December 2001, ITLOS Reports 2001, para. 73, 79, 84. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_10/published/C10-0-3_dec_01.pdf

27. International Tribunal for the Law of the Sea, Case No. 12, Malaysia v. Singapore, Provisional Measures, Order of 8 October 2003, ITLOS Reports 2003, para. 99, 101. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_12/12_order_081003_en.pdf

28. International Tribunal for the Law of the Sea, Seabed Disputes Chamber, Advisory Opinion of 1 February 2011, Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with respect to Activities in the Area, ITLOS Reports 2011, para. 132, 135. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_17/17_adv_op_010211_en.pdf

29. International Tribunal for the Law of the Sea, 25 September 2003, Malaysia Oral Submission. P. 9–10. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_12/Malaysia/PV.03.03-E.pdf

30. ITLOS, 19 November 2001, Ireland Oral Submission. P. 18. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_10/ITLOS_PV.01.03_E1.pdf

31. Request for an Advisory Opinion submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law. Advisory Opinion, Tribunal, paragraph 179, 180, 243, 258. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_corr.pdf

32. ООН в Женеве. Международный суд ООН подтвердил обязанность государств защищать климатическую систему. 23 июля 2025 г. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2025/07/108799/mezhdunarodnyy-sud-onn-podtverdil-obyazannost-gosudarstv-zaschischat>

THE CATEGORY OF «ENVIRONMENTAL HARM» IN INTERNATIONAL LAW

Martaler V.S.

Kazan (Volga Region) Federal University

This article examines the concept of “environmental harm” in international law through the lens of general legal theory, the doctrine of international responsibility, and the jurisprudence of the International Court of Justice (ICJ) and the International Tribunal for the Law of the Sea (ITLOS). Environmental harm is characterized as a complex, multi-layered category that encompasses harm to the interests of states, individuals, and the environment itself. The study identifies the minimum international legal standard of environmental harm based on the analysis of codification acts by the International Law Commission (ILC), as well as treaty practice and case law. Drawing on environmental disputes and advisory opinions, the article illustrates how international judicial bodies clarify the content of this category. The functional significance of “environmental harm” for the development of preventive and reparative mechanisms for environmental protection is substantiated.

Keywords: environmental harm; transboundary harm; international responsibility; compensation for environmental harm; international environmental law; environmental protection

References

- Khalatbari Y., Hermidas Bavand D., Zare A., Poorhashemi S. Development of the concept of “Environmental Damage” in International environmental law // *Caspian Journal of Environmental Sciences*. 2016. Vol. 14, No. 4. Pp. 339–350. URL: https://cjes.guilan.ac.ir/article_2076.html
- Malinovskii, A.A. Vred kak yuridicheskaya kategoriya // *Yurist*. 2006. No. 2. P. 4–7. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12831845>
- Lazarev, V.V. Izbrannoe poslednego desyatiletia / V.V. Lazarev. M.: IZiSP pri Pravitel'stve RF: Norma, 2020. 760 p.
- Mill J.S. On Liberty. London: John W. Parker and Son, 1859. Ch. I. 217 p.
- Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention, 1859 // *Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 21. Toronto: University of Toronto Press, 1984. P. 111–124.
- UN, Reports of International Arbitral Awards. Trail Smelter Case (United States, Canada). 1941. Vol. 3. Pp. 1905–1982. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_III/1905-1982.pdf
- Crawford J. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 202–210.

8. Bogolyubov, S.A. Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: nauchno-prakticheskoe posobie / S.A. Bogolyubov, E.S. Boltanova, M.M. Brinchuk [i dr.]; otv. red. N.V. Kichigin. – Moskva: INFRA-M: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2024. – 368 p. – Tekst: elektronnyi. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2144162>

9. Sands P., Peel J. Principles of International Environmental Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 1032 p.

10. Rudall J. Compensation for Environmental Damage Under International Law. London: Routledge, 2020. 138 p. URL: <https://www.routledge.com/Compensation-for-Environmental-Damage-Under-International-Law/Rudall/p/book/9781032238791>

11. Vereina, L.V. Opredelenie transgranichnogo ushcherba okruzhayushchey srede per se // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2013. No. 2. P. 23–31. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-2-23-31>

12. Solntsev, A.M. Kompensatsiya za ushcherb prirodnym resursam versus kompensatsiya za ekologicheskii ushcherb (na primere razresheniya spora mezhdru Demokraticeskoy Respublikoy Kongo i Ugandy) // *Zhurnal VSHE po mezhdunarodnomu pravu*. 2024. T. 2. No. 3. P. 14–24.

13. Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects (1972), Art. 1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747>

14. Paris Convention on Third Party Liability in the Field of Nuclear Energy, 1960, Art. 2.

15. Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage, 1963.

16. International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage, 1992, art. I (6) // *International Oil Pollution Compensation Funds. Liability and Compensation for Oil Pollution Damage: Texts of the 1992 Civil Liability Convention, the 1992 Fund Convention and the Supplementary Fund Protocol*. URL: https://iopcfunds.org/wp-content/uploads/2018/06/Text-of-Conventions_e.pdf

17. Convention on Civil Liability for Damage caused during Carriage of Dangerous Goods by Road, Rail and Inland Navigation Vessels, Geneva, 10 October 1989, art. 1 (10). URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1989/10/19891010_07-56_AM/Ch_XI_B_30p.pdf

18. International Convention on Liability and Compensation for Damage in Connection with the Carriage of Hazardous and Noxious Substances by Sea. URL: <https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-on-Liability-and-Compensation-for-Damage-in-Connection-with-the-Carriage-of-Hazardous-and-Noxious.aspx>

19. Convention on Civil Liability for Damage Resulting from Activities Dangerous to the Environment, Lugano, 21.VI.1993, arts. 2 (7) ICJ Reports 1974, naparapaf 62. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/59/059-19741220-JUD-01-00-EN.pdf>

20. International Court of Justice. Case Concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment of September 25, 1997, ICJ Reports 1997, para. 140. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf>

21. International Court of Justice. Case Concerning Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay), Judgment of April 20, 2010, ICJ Reports 2010, para. 79. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/135/135-20100420-JUD-01-00-EN.pdf>

22. International Court of Justice. Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment of December 16, 2015, ICJ Reports 2015, para. 109. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/150/150-20151216-JUD-01-00-EN.pdf>

23. International Court of Justice. Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment of February 2, 2018, ICJ Reports 2018, paras. 75, 78. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/150/150-20180202-JUD-01-00-EN.pdf>

24. Court of Justice. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Compensation, Judgment, 9 February 2022, paragraphs 386–389, 394–395. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/116/116-20220209-JUD-01-00-EN.pdf>

25. Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan), Provisional Measures, Order of 27 August 1999, ITLOS Reports 1999, para. 77–82. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_3_4/published/C34-0-27_aug_99.pdf

26. MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom), Provisional Measures, Order of 3 December 2001, ITLOS Reports 2001, para. 73, 79, 84. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_10/published/C10-0-3_dec_01.pdf

27. International Tribunal for the Law of the Sea, Case No. 12, Malaysia v. Singapore, Provisional Measures, Order of 8 October 2003, ITLOS Reports 2003, para. 99, 101. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_12/12_order_081003_en.pdf

28. International Tribunal for the Law of the Sea, Seabed Disputes Chamber, Advisory Opinion of 1 February 2011, Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with respect to Activities in the Area, ITLOS Reports 2011, para. 132, 135. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_17/17_adv_op_010211_en.pdf

29. International Tribunal for the Law of the Sea, 25 September 2003, Malaysia Oral Submission. P. 9–10. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_12/Malaysia/PV.03.03-E.pdf

30. ITLOS, 19 November 2001, Ireland Oral Submission. P. 18. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_10/ITLOS_PV.01.03_E1.pdf

31. Request for an Advisory Opinion submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law. Advisory Opinion, Tribunal, paragraph 179, 180, 243, 258. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_corr.pdf

32. United Nations Office at Geneva. The International Court of Justice Affirmed the Obligation of States to Protect the Climate System. July 23, 2025. URL: <https://www.un-geneva.org/ru/news-media/news/2025/07/108799/mezhdunarodnyy-sud-onn-podtverdil-obyazannost-gosudarstv-zaschischat>

Концессионные соглашения в энергетическом секторе Испании: инвестиционные споры и договор к энергетической хартии

Меркулов Даниил Александрович,

аспирант кафедры международного частного Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
E-mail: daniil.merkulov2016@yandex.ru

Работа посвящена анализу концессионных соглашений в энергетическом секторе Испании в контексте международно-правовой защиты инвестиций и арбитражной практики, сложившейся на основании Договора к Энергетической Хартии. Актуальность исследования обусловлена значительным числом арбитражных споров с участием Испании. Особое внимание уделяется спорам, возникшим вследствие изменения регулирования в области возобновляемой энергетики и пересмотра механизмов государственной поддержки инвесторов. Рассматривается вопрос о соотношении публичного интереса государства в реформировании энергетической политики и гарантий стабильности правового режима для частных иностранных инвесторов. Отдельное значение придается выходу Испании из Договора к Энергетической Хартии и его возможным последствиям для будущих инвестиционных споров, включая действие положений о защите ранее осуществленных инвестиций.

Ключевые слова: концессионные соглашения, иностранные инвестиции, инвестиционные споры, правовое регулирование, Договор к Энергетической Хартии, международный инвестиционный арбитраж, энергетика Испании, возобновляемая энергетика, защита инвестиций, выход из Договора к Энергетической Хартии.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последние годы значительная часть инвестиционных споров с участием Испании возникла вследствие реформирования правового режима поддержки возобновляемых источников энергии, включая изменение тарифных и компенсационных механизмов, ранее рассматривавшихся инвесторами как основа экономической устойчивости проектов. Большинство инвестиционных споров с участием Испании были связаны именно с энергетическими реформами и сокращением поддержки производителей возобновляемой энергии.

Особое значение данная тема приобретает в связи с выходом Испании из Договора к Энергетической Хартии¹ (далее – ДЭХ). Испания уведомила о денонсации ДЭХ 16 апреля 2024 года², а выход вступил в силу 17 апреля 2025 года. При этом в отношении ранее защищенных инвестиций продолжает действовать механизм сохранения защиты, предусмотренный статьей 47 ДЭХ. Исследование испанского опыта сохраняет не только теоретическое, но и практическое значение для оценки будущих потенциальных инвестиционных споров. Дополнительную актуальность исследованию придает наличие арбитражных дел против Испании, связанных с энергетическими реформами и проектами в сфере возобновляемой энергетики.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе испанской арбитражной практики в энергетической сфере, связанной, в том числе, с возобновляемой энергетикой, с учетом выхода Испании из ДЭХ.

Концессионные соглашения в сфере энергетики выступают одной из правовых форм привлечения частных инвестиций в создание, реконструкцию и эксплуатацию энергетической инфраструктуры. Их значение обусловлено тем, что энергетические объекты требуют значительных вложений, длительного срока окупаемости и устойчивого распределения рисков между публичным субъектом и инвестором. Для энергетики концессионная модель имеет особое значение, так как многие энергетические объекты связаны с публичными интересами государства. Так, в частности, к объектам концессионного соглашения могут относиться гидротехнические сооружения, объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии, объекты теплоснабжения и газоснабжения³.

Испания занимает одно из ведущих положений в сфере возобновляемых источников энергии. Несмотря на отсутствие крупных запасов нефти, газа или золота, страна обладает существенными природными преимуществами. На ее территории фиксируется больше солнечных часов, чем в большинстве государств-членов Европейского союза. В Испании имеется одно из крупнейших месторождений лития на европейском континенте, а также существуют благоприятные условия для использования ветровой и гидроэнергии. Совокупность этих факторов позволила Испании стать третьей по величине страной Европы по объему производства возобновляемой энергии. По данным Индекса экологической эффективности за 2022 год, опубликованного Йельским университетом, Испания занимала 11-е место по показателю выбросов CO₂ на душу населения⁴.

Закон № 54/1997 от 27 ноября 1997 года⁵ (далее – Закон № 54/1997) об электроэнергетическом секторе Испании ввел разные правовые режимы в зависимости от вида генерирующих установок. Для традиционных электростанций был установлен так назы-

¹ Договор к Энергетической хартии, подписан в Лиссабоне 17 декабря 1994 г., вступил в силу 16 апреля 1998 г. // Energy Charter Secretariat. URL: <https://www.energy-charter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения 18.05.2026).

² Denuncia por Espana del Tratado de la carta de la Energía y del Protocolo de la Carta de la Energía sobre la eficacia energetica y los aspectos medioambientales relacionados, hechos en Lisboa el 17 de diciembre de 1994 // Boletín Oficial del Estado. 2024. 14 mayo. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2024-9618 (дата обращения 15.05.2026).

³ Романова В.В. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / под ред. В.В. Романовой. М.: Юрист, 2014. С. 116–117.

⁴ 2022 EPI Results // Environmental Performance Index. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (дата обращения 06.05.2026 г.).

⁵ Ley 54/1997, de 27 de noviembre, del Sector Eléctrico // Boletín Oficial del Estado. – BOE -A-1997-25340. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1997-25340> (дата обращения 15.05.2026).

ваемый «обычный режим», а для производителей электроэнергии из неисчерпаемых возобновляемых источников энергии «специальный режим». В рамках специального режима производители энергии из возобновляемых источников получали надбавку к цене, складывавшейся на оптовом рынке электроэнергии. Спустя время положения Закона № 54/1997 были дополнены Королевским декретом № 436/2004¹, который уточнил, что вознаграждение в рамках специального режима могло определяться, в частности, через систему надбавки. При такой системе размер дохода инвестора напрямую зависел от эффективности установки, производящей энергию из возобновляемых источников, и от объема выработанной электроэнергии. Соответственно, чем выше была производительность объекта, тем большее вознаграждение и прибыль мог получить инвестор.

Наиболее значимой принятой мерой Испании в рамках данной системы стимулирования стал Королевский декрет № 661/2007² (далее – Декрет № 661/2007). Настоящий декрет закрепил право производителей энергии, работающих в специальном режиме, выбирать один из двух вариантов продажи электроэнергии. Первый вариант предусматривал продажу электроэнергии по фиксированному льготному тарифу, а второй вариант позволял продавать электроэнергию на оптовом рынке и дополнительно получать премию. Более того, согласно статье 44(3) Декрета № 661/2007 устанавливается возможность пересмотра размера льготного тарифа. Благодаря новому механизму, установленному в рамках Декрета № 661/2007, новый тарифный режим смог привлечь значительное число иностранных инвесторов. Однако последствия мирового экономического и финансового кризиса 2008 года, вскоре привели к возникновению существенного тарифного дефицита. В связи с этим, уже начиная с 2010 года, Испания приступила к пересмотру системы стимулирования производства энергии из возобновляемых источников. Так, например, Королевский декрет № 14/2010³ установил ограничения на количество часов работы электростанций, а Закон № 2/2011⁴ изменил сроки, в течение которых мог применяться регулируемый тариф. Однако существенные изменения были связаны с принятием Королевского декрета № 9/2013⁵, который отменил все фиксированные тарифы и признал утратившим силу Декрет № 661/2007. Таким образом, в результате новых изменений традиционные производители электроэнергии и производители энергии из возобновляемых источников были фактически поставлены в равное положение. Более того, данные изменения стали основанием для ряда арбитражных исков, в которых инвесторы утверждали, что государство нарушило стандарт справедливого и равного режима, закрепленный в статье 10(1) ДЭХ⁶.

Анализируя практику с участием испанских инвесторов в энергетической сфере, следует рассмотреть дело ENAGAS S.A. and ENAGAS Internacional S.L.U. v. Republic of Peru⁷. Настоящий спор возник после того, как Перу расторгло концессионное соглашение по проекту Gasoducto del Sur Peruano, предусматривавшему строительство магистрального газопровода. Испанский инвестор владел долей в концессии на строительство газопровода. Трибунал признал, что действия Перу нарушили положения Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций между Перу и Испанией⁸, включая запрет прямой

экспроприации и стандарт справедливого и равного режима. Данный спор подтверждает, что одностороннее прекращение концессионного соглашения в энергетической сфере способно повлечь международно-правовую ответственность государства перед иностранным инвестором.

В другом деле Orazul International Espana Holdings S.L. v. Argentine Republic⁹ спор возник из-за мер Аргентины, изменивших регулирование электроэнергетического рынка после экономического кризиса. Компания Orazul (далее – Истец), зарегистрированная в Испании, являлась дочерней компанией крупной американской энергетической группы Duke Energy International. Истец владел контрольным пакетом акций аргентинской компании Cerros Colorados, которая заключила концессионное соглашение на эксплуатацию гидроэлектростанции Planicie Vanderita с Секретариатом энергетики. Истец утверждал, что длительное сохранение временных мер, ограничение доходов производителей электроэнергии и изменение порядка расчетов нарушили положения Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций между Испанией и Аргентиной (далее – ДИД между Испанией и Аргентиной)¹⁰, включая стандарт справедливого и равного режима, защиту от экспроприации и запрет необоснованных мер. Однако трибунал отказал в удовлетворении требований по существу. Он указал, что инвестор приобрел инвестицию в условиях уже измененного и нестабильного регулирования, и, соответственно, не мог разумно ожидать автоматического восстановления модели электроэнергетического рынка, которая была до кризиса в стране.

Концессионное соглашение также предусматривало, что национальный закон об электроэнергетике Аргентины и дополняющие его положения являются частью применимого права, которое регулирует соглашение сторон. Предмет спора был связан с мерами, принятыми Аргентиной в электроэнергетическом секторе, начиная с 2003 года. В настоящем споре стороны достигли соглашения о применимом праве на основании ДИД между Испанией и Аргентиной. Согласно условиям ДИД между Испанией и Аргентиной арбитражный суд принимает решение на основании соглашения между сторонами, а в случае необходимости на основании других соглашений, которые действуют между сторонами, национального законодательства страны, на территории которой осуществлялась инвестиционная деятельность, а также включаются нормы международного частного права и общих принципов международного права.

Следует отметить, что применимое право, регулирующее концессионное соглашение, определяется волей сторон либо их взаимным согласием. Стороны концессионного соглашения могут выбрать право одного из договаривающихся государств либо право третьего государства или же международное право¹¹.

Согласно статье 42 Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств суд рассматривает спор на основании норм права, согласованных сторонами¹². При отсутствии такого соглашения применению подлежит право договаривающегося государства, являющегося стороной спора, а также соответствующие нормы международного права, если они применимы к рассматриваемым отношениям.

При этом в инвестиционных спорах с участием государства данный принцип имеет особое значение, так как концессионное соглашение сочетает частноправовые и публично-правовые элементы. В связи с этим, при отсутствии прямого выбора права трибунал применяет не только право принимающего государства, но и соответствующие нормы международного права, которые выполняют дополняющую и корректирующую функцию. Такой подход позволяет учитывать как суверенное право государства регулировать инвестиционную деятельность на своей территории, так и международные гарантии защиты иностранного инвестора¹³. Международное право приобретает значение не только как дополнительный источник регулирования, но и как policy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2161/download (дата обращения 18.05.2025).

⁹ Orazul International Espana Holdings S.L. v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/19/25.

¹⁰ Acuerdo para la promocion y proteccion reciproca de inversiones entre el Reino de Espana y la Republica Argentina y Protocolo anejo, hecho en Buenos Aires el 3 de octubre de 1991 // Boletín Oficial del Estado. – BOE-A-1992-25449. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1992-25449 (дата обращения 17.05.2026).

¹¹ Jessup P.C. Transnational Law. – New Haven: Yale University Press, 1956. – P. 7.

¹² Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств, заключена в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г. // International Centre for Settlement of Investment Disputes. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/ICSID_Convention_EN.pdf (дата обращения 18.05.2026).

¹³ Ксенофонт К.Е. Право, применимое к вопросам экспроприации иностранных инвестиций, в практике Международного центра по урегулированию инвести-

¹ Real Decreto 436/2004, de 12 de marzo, por el que se establece la metodología para la actualización y sistematización del régimen jurídico y económico de la actividad de producción de energía eléctrica en régimen especial // Boletín Oficial del Estado. – BOE-A-2004-5562. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2004-5562> (дата обращения 15.05.2026).

² Real Decreto 661/2007, de 25 de mayo, por el que se regula la actividad de producción de energía eléctrica en régimen especial // Boletín Oficial del Estado. – BOE-A-2007-10556. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-10556> (дата обращения 16.05.2026).

³ Real Decreto-ley 14/2010, de 23 de diciembre, por el que se establecen medidas urgentes para la corrección del déficit tarifario del sector eléctrico // Boletín Oficial del Estado. – BOE num. 312, 24.12.2010. – BOE-A-2010-19757. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2010-19757> (дата обращения 16.05.2026).

⁴ Ley 2/2011, de 4 de marzo, de Economía Sostenible // Boletín Oficial del Estado. – BOE num. 55, 05.03.2011. – BOE-A-2011-4117. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-4117> (дата обращения 16.05.2026).

⁵ Real Decreto-ley 9/2013, de 12 de julio, por el que se adoptan medidas urgentes para garantizar la estabilidad financiera del Sistema eléctrico // Boletín Oficial del Estado. – BOE num. 167, 13.07.2013. – BOE-A-2013-7705. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2013-7705> (дата обращения 16.05.2026).

⁶ Noihac A. Renewable energy investment cases against Spain and the quest for regulatory consistency // Questions of International Law. 2020. Zoom-in 71. P. 21–39. URL: https://www.qil-qdi.org/wp-content/uploads/2020/06/03_Renewable-energy-investment_NOIHAC_FIN.pdf (дата обращения 16.05.2026).

⁷ ENAGAS S.A. and ENAGAS Internacional S.L.U. v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/18/26.

⁸ Acuerdo para la promoción y protección reciproca de inversiones entre la Republica del Peru y el Reino de Espana // UNCTAD Investment Policy Hub. URL: <https://investment->

механизм ограничения произвольного изменения государством условий инвестиционного проекта¹. По мнению профессора А. Вердросса, именно применимое право, выбранное сторонами, определяет юридическую силу концессионного соглашения². При этом исследователь не относит концессионные соглашения ни к обычным договорам, подчиненным исключительно национальному праву, ни к международным договорам, так как такие соглашения заключаются не между субъектами международного права. Вердросс рассматривал концессионные соглашения как особую категорию соглашений. Их особенность заключается в том, что закрепляемые в них частные права регулируются самостоятельным правовым порядком, который формируется на основе совпадающей воли сторон.

Как уже ранее было отмечено, Испания вышла из ДЭХ и одними из главных причин выхода являлись итоговые результаты усовершенствования положений ДЭХ. Министр энергетики и экологических преобразований в Испании считает, что обновленный текст ДЭХ не в полной мере соответствует целям Парижского соглашения³, предусматривающего необходимость сокращения выбросов углекислого газа и проведения существенных преобразований, направленных на повышение устойчивости инфраструктуры. Согласно обзору практики Международного центра по урегулированию инвестиционных споров Парижское соглашение в ближайшие годы может усложнить вопрос определения применимого права и повлиять на толкование положений ДЭХ⁴. Новые двусторонние инвестиционные договоры все чаще будут включать ссылки на нормы Парижского соглашения, в том числе экологические изъятия и нормы об охране окружающей среды. Такие оговорки могут в отдельных случаях освобождать принимающее государство от ответственности перед инвестором, например, при мерах, направленных на отказ от ископаемого топлива и переход к возобновляемым источникам энергии.

Еще одной значимой причиной выхода Испании из ДЭХ стало большое количество арбитражных разбирательств, инициированных иностранными инвесторами против Испании. На сегодняшний день против Испании было зарегистрировано более 50 дел в рамках ДЭХ.

Также существенным изменением является исключение возможности применения арбитражной оговорки ДЭХ к внутриевропейским инвестиционным спорам. Конференция по Энергетической хартии 3 декабря 2024 года одобрила модернизированный текст ДЭХ. Новая статья 24(3) ДЭХ прямо исключает применение арбитражной оговорки к внутри-европейским инвестиционным спорам, то есть к спорам между инвестором из государства-члена Европейского союза и другим государством-членом Европейского союза. Такой подход связан с позицией Суда Европейского союза, сформированной сначала в деле *Slovak Republic v. Achmea*⁵, где арбитражная оговорка была признана несовместимой с правом Европейского союза, а затем развитой в деле *Republic of Moldova v. Komstroy*⁶. В последнем решении Суд Европейского союза указал, что арбитражный механизм статьи 26 ДЭХ не применяется к спорам между инвестором из государства-члена Европейского союза и другим государством-членом Европейского союза, так как такие разбирательства могут затрагивать толкование и применения права Европейского союза вне судебной системы Европейского союза, создавая риск для автономии правопорядка Европейского союза.

В деле *Green Power and SCE Solar Don Benito APS v. Kingdom of Spain*⁷ трибунал впервые поддержал возражения против юрисдикции по договору внутри Европейского союза. Датские инвесторы начали разбирательство в арбитраже против Испании в связи с изменением льготного тарифного режима для солнечной энергетики. Поскольку местом арбитража был выбран Стокгольм, трибунал применил шведское право, как *lex arbitri*, а право Европейского союза как часть

ционных споров // Международное право и международные организации. – 2014. – № 3. – С. 421–428.

¹ Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: учебное пособие. – М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 356 с. – С. 252.

² Verdross A. The status of foreign private interests stemming from economic development agreements with arbitration clause // *Private Investors Abroad* / ed. By The Southwestern Legal Foundation. – Albany, NY: Matthew Bender, 1965. – P. 45.

³ Парижское соглашение, принято 12 декабря 2015 г. // United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (дата обращения 18.05.2026).

⁴ Sarvarian A. Invoking the Paris Agreement in Investor-State Arbitration // *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. – 2023. – Vol. 38, Issue 2. – P. 422–440.

⁵ Case-284/16 *Slovak Republic v. Achmea* EU: 2018:158.

⁶ Judgment of the Court of Justice of the European Union of 2 September 2021, *republic of Moldova v. Komstroy LLC*, Case C-741/19 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62019CJ0741> (дата обращения 17.05.2026).

⁷ *Green Power Partners K/S and SCE Solar Don Benito APS v. Kingdom of Spain*, SCC Case No. 2016/135. Award, 16 June 2022 // Itlaw. URL: <https://www.itlaw.com/cases/9471> (дата обращения 17.05.2026).

правопорядка Швеции. С учетом решений Суда Европейского союза по делам *Achmea* и *Komstroy* трибунал пришел к выводу, что ст. 26 ДЭХ не может рассматриваться как действительное согласие Испании на арбитражный процесс в споре с инвесторами из другого государства – члена Европейского союза. В результате требования были отклонены из-за отсутствия юрисдикции.

Анализ концессионных соглашений в энергетическом секторе Испании демонстрирует, что национальная практика в сфере возобновляемой энергетики демонстрирует, что государство вправе изменять модель регулирования стратегического сектора, однако такое изменение должно учитывать правомерные ожидания инвесторов, которые были сформированы в рамках прежнего правового режима поддержки данной сферы. Таким образом, отмена и последующий пересмотр системы льготных тарифов стали основанием для многочисленных инвестиционных споров против Испании в рамках ДЭХ.

Последствия выхода Испании из ДЭХ для будущих арбитражных процессов являются существенными, так как на новые капиталовложения, которые были осуществлены после выхода Испании из ДЭХ, положения ДЭХ не будут распространяться в отношении Испании. Арбитражные споры между инвесторами из стран Европейского союза и другими государствами – членами Европейского союза в рамках ДЭХ будут чаще затрагивать возражения, связанные с юрисдикцией. Выход Испании из ДЭХ не устраняет существующий массив инвестиционных споров, однако меняет перспективу будущего механизма защиты иностранных инвесторов. Для прежних инвестиций ДЭХ сохраняет значение как основание возможных требований в течение переходного периода.

Испанский опыт показывает, что концессионные соглашения в энергетической сфере требуют более точного баланса между стабильностью правового режима для иностранного инвестора и правом государства изменять энергетическую политику в целях изменения климатической политики и защиты публичного интереса.

Литература

1. Романова В.В. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / под ред. В.В. Романовой. – М.: Юрист, 2014. – 290 с.

2. Ксенофрантов К.Е. Право, применимое к вопросам экспроприации иностранных инвестиций, в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров // *Международное право и международные организации*. – 2014. – № 3. – С. 421–428.

3. Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: учебное пособие. – М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 356 с.

4. Noihac A. Renewable energy investment cases against Spain and the quest for regulatory consistency // *Questions of International Law*. 2020. Zoom-in 71. P. 21–39. URL: https://www.qil-qdi.org/wp-content/uploads/2020/06/03_Renewable-energy-investment_NOILHAC_FIN.pdf (дата обращения 16.05.2026).

5. Jessup P.C. *Transnational Law*. – New Haven: Yale University Press, 1956. – 113 p.

6. Verdross A. The status of foreign private interests stemming from economic development agreements with arbitration clause // *Private Investors Abroad* / ed. By The Southwestern Legal Foundation. – Albany, NY: Matthew Bender, 1965. – P. 45.

7. Sarvarian A. Invoking the Paris Agreement in Investor-State Arbitration // *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. – 2023. – Vol. 38, Issue 2. – P. 422–440.

8. Case-284/16 *Slovak Republic v. Achmea* EU: 2018:158.

9. ENAGAS S.A. and ENAGAS Internacional S.L.U. v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/18/26.

10. *Green Power Partners K/S and SCE Solar Don Benito APS v. Kingdom of Spain*, SCC Case No. 2016/135. Award, 16 June 2022 // Itlaw. URL: <https://www.itlaw.com/cases/9471> (дата обращения 17.05.2026).

11. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 2 September 2021, *republic of Moldova v. Komstroy LLC*, Case C-741/19 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62019CJ0741> (дата обращения 17.05.2026).

12. *Orazul International Espana Holdings S.L. v. Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/19/25.

CONCESSION AGREEMENTS IN SPAIN'S ENERGY SECTOR: INVESTMENT DISPUTES AND THE ENERGY CHARTER TREATY

Merkulov D.A.

Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development

The work is devoted to the analysis of concession agreements in Spain's energy sector in the context of international legal protection of investments and the arbitral practice devel-

oped under the Energy Charter Treaty. The relevance of the work is determined by the significant number of arbitration disputes involving Spain. Particular attention is paid to disputes arising from changes in regulation in the field of renewable energy and the revision of mechanisms of state support for investors. The work examines the relationship between the public interest of the state in reforming energy policy and guarantees of stability of the legal regime for private foreign investors. Special emphasis is placed on Spain's withdrawal from the Energy Charter Treaty and its possible consequences for future investment disputes, including the application of provisions protecting previously made investments.

Keywords: concession agreements, foreign investment, investment disputes, legal regulation, Energy Charter Treaty, international investment arbitration, Spain's energy sector, renewable energy, investment protection, withdrawal from the Energy Charter Treaty.

References

1. Romanova V.V. Energy Law. General Part. Special Part: textbook / edited by V.V. Romanova. – Moscow: Jurist, 2014. – 290 p.
2. Ksenofontov K.E. Law Applicable to Issues of Expropriation of Foreign Investments in the Practice of the International Center for Settlement of Investment Disputes // International Law and International Organizations. – 2014. – No. 3. – Pp. 421–428.
3. Danelyan A.A., Farkhutdinov I.Z. International Investment Arbitration: a Textbook. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. – 356 p.
4. Noihaç A. Renewable Energy Investment Cases against Spain and the Quest for Regulatory Consistency // Questions of International Law. 2020. Zoom-in 71. Pp. URL: https://www.qil-qdi.org/wp-content/uploads/2020/06/03_Renewable-energy-investment_NOILHAC_FIN.pdf (accessed 05/16/2026).
5. Jessup P.C. Transnational Law. – New Haven: Yale University Press, 1956. – 113 p.
6. Verdross A. The status of foreign private interests stemming from economic development agreements with arbitration clause // Private Investors Abroad / ed. By The Southwestern Legal Foundation. – Albany, NY: Matthew Bender, 1965. – P. 45.
7. Sarvarian A. Invoking the Paris Agreement in Investor-State Arbitration // ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. – 2023. – Vol. 38, Issue 2. – P. 422–440.
8. Case-284/16 Slovak Republic v. Achmea EU: 2018:158.
9. ENAGAS S.A. and ENAGAS International S.L.U. v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/18/26.
10. Green Power Partners K/S and SCE Solar Don Benito APS v. Kingdom of Spain, SCC Case No. 2016/135. Award, 16 June 2022 // Itlaw. URL: <https://www.itlaw.com/cases/9471> (accessed 05/17/2026).
11. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 2 September 2021, republic of Moldova v. Komstroy LLC, Case C-741/19 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62019CJ0741> (accessed 05/17/2026).
12. Orazul International Espana Holdings S.L. v. Argentina Republic, ICSID Case No. ARB/19/25.

Споры о юрисдикции и механизмы регионального сотрудничества в борьбе с транснациональными преступлениями в рамках Шанхайской организации сотрудничества

Ню Лян,

аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов (РУДН)
E-mail: 1042238265@rudn.ru

Дементьев Андрей,

доцент права, кафедра международного права, Российский университет дружбы народов (РУДН)
E-mail: dementiev_aa@pfur.ru

На фоне углубления глобализации транснациональные преступления, такие как терроризм, контрабанда наркотиков, киберпреступность и транснациональная вымывка денег, демонстрируют тенденцию к усложнению, сетевому взаимодействию и межгосударственной интеграции. Как ключевая организация регионального сотрудничества на евразийском континенте, Шанхайская организация сотрудничества (СОШ) стала важной платформой для стран региона совместно бороться с транснациональными преступлениями, обеспечивать региональную безопасность и стабильность. Однако из-за различий в национальных претендентах на судебный суверенитет, разнородности правовых систем и отставания от международных норм сотрудничества, среди государств-членов СОШ во время борьбы с транснациональными преступлениями часто возникают юрисдикционные конфликты – позитивные, негативные и институциональные. Эти конфликты серьезно ограничили эффективность регионального судебного сотрудничества, привели к потере судебных ресурсов и даже создали «юрисдикционный вакуум» по некоторым видам транснациональных преступлений. С точки зрения международного права, в данной статье анализируется правовая база и существующие механизмы сотрудничества ШОС в борьбе с транснациональными преступлениями, систематически исследуются конкретные проявления и коренные причины конфликтов юрисдикции, а также выявляются практические дилеммы, с которыми сталкивается нынешний механизм регионального судебного сотрудничества, такие как мягкое правовое положение норм, недостаточная процедурная координация и слабая техническая поддержка. На этой основе в статье предлагается целенаправленный путь совершенствования, включающий создание единых правил разрешения конфликтов юрисдикции, укрепление основной функции координации Региональной антитеррористической структуры ШОС (RATS), оптимизацию процедур регионального уголовного судебного сотрудничества, содействие техническому сотрудничеству и развитию судебной компетентности, а также усиление взаимосвязи механизма с другими международными организациями. Исследование утверждает, что ШОС должен придерживаться принципов суверенного равенства и взаимовыгодного сотрудничества, ставить целью создание сообщества с общим будущим в области безопасности Евразии и способствовать переходу регионального судебного сотрудничества от «принципиального согласия» к «оперативному правилу». Это не только способствует повышению эффективности управления транснациональными преступлениями в рамках ШОС, но и может предложить ценное «решение ШОС» для глобального регулирования транснациональных преступлений, а также обогатить практическое значение регионального международного права.

Ключевые слова: Организация сотрудничества Шанхая; транснациональные преступления; конфликты юрисдикции; региональное судебное сотрудничество; региональная антитеррористическая структура

Theoretical Foundation of Jurisdictional Conflicts in Transnational Crimes within the SCO Framework

Definition and Regional Characteristics of Transnational Crimes in the SCO Context

Transnational crimes in the SCO region refer to illegal criminal acts whose constitutive elements involve two or more SCO member states, violate the criminal laws of relevant countries and endanger regional public security and common interests⁷. Covering Central Asia, East Asia, South Asia and other areas, SCO member states are geographically adjacent, have frequent cross-border personnel and economic exchanges, and have become a high-incidence area for transnational crimes due to the differences in national governance capacity and regional security situation. The main types of transnational crimes in this region include terrorism, separatism and extremism (the “three forces”), cross-border drug smuggling, telecom and online fraud, cross-border money laundering, and human trafficking.

Such transnational crimes have distinct regional characteristics: first, the criminal chain is highly cross-border, and the planning, implementation, profit transfer and criminal suspect hiding of crimes are often distributed in different member states; second, the criminal means are increasingly digital, with cybercrime becoming a major form of transnational crime, and the separation of criminal act place, result place and evidence storage place making traditional jurisdiction difficult to apply; third, the harm is diffused, and a single transnational crime can cause economic losses and social security risks to multiple member states at the same time¹⁵. The cross-border nature of these crimes makes it impossible for a single country to effectively combat them, and it is urgent for SCO member states to carry out judicial cooperation and coordinate jurisdictional claims.

Application of International Law Jurisdiction Principles in the SCO Region

The four basic jurisdiction principles established by modern public international law—territorial jurisdiction, personal jurisdiction, protective jurisdiction and universal jurisdiction—are the legal basis for SCO member states to exercise jurisdiction over transnational crimes¹. However, in the practice of combating transnational crimes in the SCO region, these principles face different application dilemmas due to the particularity of regional transnational crimes and the differences in national legal systems.

Territorial jurisdiction, as the most fundamental and widely applied principle in international law, is the priority choice for SCO member states to exercise jurisdiction¹⁴. But in the face of cybercrime and other new transnational crimes, the determination of the “criminal act place” and “harm result place” has become extremely controversial. For example, the server of a cross-border online fraud case may be located in one member state, the criminal suspect in another, and the victim in multiple member states, leading to multiple countries claiming territorial jurisdiction at the same time. Personal jurisdiction allows a country to exercise jurisdiction over its citizens who commit crimes abroad, but this principle is prone to jurisdictional overlap in the SCO region—for example, when a criminal suspect holds the nationality of multiple SCO member states, multiple countries may claim jurisdiction based on this principle. Protective jurisdiction is based on safeguarding the major national interests of a country, but the SCO member states have not formed a unified definition of “major national interests”, and each country often interprets it based on its own interests, resulting in the abuse of protective jurisdiction and triggering jurisdictional conflicts. Universal jurisdiction is mainly applicable to serious international crimes such as terrorism and war crimes recognized by the international community. Although the SCO has reached a consensus on combating the “three forces”, member states have great differences in the scope of application, prosecution procedures and judicial cooperation of universal jurisdiction, leading to the low actual application rate of this principle in the region¹⁰.

Root Causes of Jurisdictional Conflicts within the SCO Framework

The jurisdictional conflicts in the process of combating transnational crimes among SCO member states are not only the embodiment of the inherent contradictions of international law jurisdiction principles, but also the result of the combination of regional political, legal and institutional factors. The root causes can be summarized into three aspects¹⁴:

First, the inherent tension between national judicial sovereignty and regional collective security needs. Sovereign equality is the basic principle of the SCO and the cornerstone of international law. Each member state regards judicial sovereignty as an important part of national sovereignty and is unwilling to make substantive concessions on jurisdictional issues. In the process of combating transnational crimes, many member states only emphasize their own jurisdictional claims and ignore the coordination of regional collective interests, leading to the failure of jurisdictional coordination to go beyond the level of principled agreement.

Second, the serious heterogeneity of legal systems among member states. SCO member states belong to different legal systems such as civil law system, socialist legal system and Islamic law system, with great differences in crime constitution, evidence standards, extradition conditions and criminal procedure rules³. For example, some Central Asian countries have different identification standards for “extremism” from China and Russia; some member states adhere to the principle of “no extradition of national citizens” and “no extradition for death penalty cases”, which makes it difficult to carry out extradition cooperation. These institutional differences have formed structural obstacles for the coordination of transnational crime jurisdiction.

Third, the lag of SCO’s legal rules in responding to new transnational crimes. The existing legal documents of the SCO, represented by the *Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism*, mainly focus on combating traditional transnational crimes such as terrorism and drug smuggling, and lack clear provisions on the jurisdictional division, evidence collection and judicial cooperation of new transnational crimes such as cybercrime and digital currency money laundering⁸. The absence of specific rules makes member states have no basis to follow in the jurisdiction coordination of new transnational crimes, and jurisdictional conflicts are becoming increasingly prominent.

Legal Framework and Manifestations of Jurisdictional Conflicts in the SCO’s Combat against Transnational Crimes

The Multi-Level Legal Framework of the SCO in Combating Transnational Crimes

The SCO has formed a multi-level legal framework with multilateral international conventions as the core, institutional regulations as the support and bilateral treaties as the supplement in the process of combating transnational crimes, which provides a basic legal basis for regional judicial cooperation and jurisdictional coordination².

The first level is the core multilateral conventions, which are the foundation of the SCO’s cooperation in combating transnational crimes. The 2001 *Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism* is the first important legal document of the SCO in the field of security cooperation, which clarifies the definition of the “three forces”, the basic principles of judicial cooperation and the preliminary provisions on jurisdictional coordination⁵. On this basis, the SCO has successively formulated special conventions and agreements such as the *Anti-Terrorism Convention*, the *Agreement on Drug Control Cooperation* and the *Agreement on Combating Transnational Organized Crime*, which have refined the cooperation content of combating specific transnational crimes and supplemented the relevant provisions of jurisdictional division. In addition, the SCO member states are all parties to important international conventions such as the *United Nations Convention against Transnational Organized Crime* and the *United Nations Convention against Corruption*, and these conventions have become an important part of the SCO’s legal framework for combating transnational crimes³.

The second level is institutional regulations, which focus on the functional positioning and operation rules of the SCO’s permanent security cooperation institutions. The *Regulations of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure* clearly defines the status, functions and working mechanisms of the RATS as the permanent executive body of the SCO in the field of anti-terrorism, and endows it with the functions of information exchange, joint investigation and coordination of cross-border law enforcement operations⁹. The RATS has become an important platform for the SCO member states to coordinate jurisdictional claims and resolve jurisdictional conflicts in the process of combating transnational crimes.

The third level is bilateral judicial cooperation treaties, which are the important supplement to the multilateral legal framework. In order to make up for the lack of operability of multilateral conventions, SCO member states have signed a large number of bilateral criminal judicial assistance treaties and extradition treaties, such as the *China-Russia Treaty on Criminal Judicial Assistance* and the *China-Kazakhstan Extradition Treaty*¹². These bilateral treaties refine the specific procedures of jurisdictional coordination, evidence mutual recognition and extradition cooperation according to the

actual situation of the two countries, and have become the direct legal basis for the judicial cooperation between the two countries.

Three Main Manifestations of Jurisdictional Conflicts within the SCO Framework

In the practice of combating transnational crimes, the jurisdictional conflicts among SCO member states are diverse, which can be summarized into three main types: positive conflicts, negative conflicts and institutional conflicts, among which positive conflicts are the most common⁷.

First, positive jurisdictional conflicts, that is, multiple member states claim jurisdiction over the same transnational crime at the same time. This is the most prominent jurisdictional conflict in the SCO region, which is mainly caused by the overlapping application of different jurisdiction principles¹⁵. For example, in a cross-border drug smuggling case, the drug source country and the transit country claim jurisdiction based on the territorial jurisdiction principle, the nationality country of the criminal suspect claims jurisdiction based on the personal jurisdiction principle, and the country where the drug causes serious harm claims jurisdiction based on the protective jurisdiction principle. Multiple countries claiming jurisdiction at the same time often leads to the problem of “competing for jurisdiction” or “repeated prosecution”. For example, in the 2025 China-Russia joint anti-drug case, a Russian criminal suspect smuggled drugs from Central Asia to China and committed crimes in both China and Russia. Both China and Russia claimed jurisdiction based on the territorial jurisdiction and personal jurisdiction principles, and finally the two countries determined the leading jurisdiction country through bilateral consultation¹². Positive jurisdictional conflicts not only waste a lot of judicial resources of member states, but also easily trigger judicial frictions between countries and affect the effect of transnational crime combat.

Second, negative jurisdictional conflicts, that is, no member state is willing to exercise jurisdiction over a specific transnational crime, forming a “jurisdictional vacuum”⁷. Such conflicts mainly occur in transnational crimes with low social harm, difficult evidence collection and involving sensitive political factors. For example, for small-value cross-border cyber fraud cases committed by stateless persons, the member state where the criminal act occurs is unwilling to exercise jurisdiction due to the high cost of evidence collection and the low recovery of losses, and the member state where the victim is located is unable to exercise jurisdiction due to the lack of evidence and the difficulty of cross-border law enforcement. In addition, for some transnational crimes involving sensitive political figures, member states are often reluctant to exercise jurisdiction due to political considerations, leading to the criminal suspects being unable to be brought to justice in a timely manner.

Third, institutional jurisdictional conflicts, that is, jurisdictional disputes caused by the differences in legal systems and judicial rules among member states³. This kind of conflict is a structural conflict, which runs through the whole process of regional judicial cooperation. On the one hand, the differences in extradition rules among member states lead to the obstruction of extradition cooperation—for example, some member states adhere to the principle of “no extradition of national citizens”, making it impossible to extradite criminal suspects who flee to their nationality country; some member states take the “death penalty exception” as a necessary condition for extradition, and the failure to reach an agreement on the death penalty issue leads to the breakdown of extradition negotiations. On the other hand, the differences in evidence standards and judicial document recognition among member states make it difficult to carry out cross-border evidence collection and judicial assistance, and even if a country exercises jurisdiction, it may face the problem of insufficient evidence due to the non-recognition of evidence from other member states⁵.

Existing Cooperation Mechanisms and Practical Dilemmas in Resolving Jurisdictional Conflicts within the SCO

The Main Cooperation Mechanisms for Resolving Jurisdictional Conflicts within the SCO Framework

In order to resolve jurisdictional conflicts and improve the effectiveness of regional judicial cooperation, the SCO has formed a set of cooperation mechanisms with the RATS as the core, including extradition and criminal procedure transfer mechanism, joint investigation and law enforcement assistance mechanism, and high-level consultation mechanism⁹. These mechanisms have played a positive role in coordinating jurisdictional claims and resolving jurisdictional conflicts in the practice of combating transnational crimes.

First, the extradition and criminal procedure transfer mechanism is the main legal means to resolve positive jurisdictional conflicts¹. The SCO framework clarifies the basic principles of extradition cooperation, oppos-

es the abuse of the principle of “no extradition for political crimes”, and encourages member states to simplify extradition procedures and improve extradition efficiency. At the same time, the SCO advocates the transfer of criminal procedures, that is, the member state that has exercised jurisdiction transfers the case to another member state that is more convenient for investigation, prosecution and trial according to the agreement, so as to realize the rational allocation of jurisdictional resources. For example, China and Russia have established a normalized criminal procedure transfer mechanism, and have successfully transferred a number of transnational crime cases, which has effectively resolved the positive jurisdictional conflicts between the two countries¹².

Second, the RATS coordination mechanism is the core institutional platform for resolving jurisdictional conflicts⁹. As the only permanent executive body of the SCO in the field of security cooperation, the RATS has established a sound information exchange system and joint investigation coordination mechanism. It can collect and sort out the jurisdictional claims of each member state for a specific transnational crime, organize member states to hold jurisdictional coordination meetings, and put forward targeted jurisdictional coordination suggestions based on the actual situation of the case. In the practice of combating the “three forces”, the RATS has successfully coordinated the jurisdictional claims of multiple member states for many times, determined the leading jurisdiction country and the assisting countries, and effectively avoided the occurrence of jurisdictional conflicts. In addition, the RATS also undertakes the function of organizing cross-border joint law enforcement operations, and through the unified deployment of joint operations, it has realized the organic connection of jurisdiction among member states and improved the efficiency of transnational crime combat.

Third, the joint investigation and law enforcement assistance mechanism is the important support for resolving jurisdictional conflicts¹³. The SCO member states have carried out in-depth cooperation in joint investigation, cross-border evidence collection, criminal suspect pursuit and asset recovery, and established a rapid information exchange channel for case clues, criminal suspect information and electronic evidence. Through joint investigation, member states can share evidence and investigation results, which provides a factual basis for the coordination of jurisdictional claims. At the same time, the law enforcement assistance mechanism, including cross-border arrest, evidence transfer and asset freezing, has solved the practical difficulties faced by a single country in the exercise of jurisdiction, and reduced the possibility of jurisdictional conflicts caused by the inability to exercise jurisdiction effectively.

Fourth, the high-level consultation mechanism is the political guarantee for resolving jurisdictional conflicts¹¹. The SCO summits of heads of state, meetings of prime ministers and meetings of secretaries of security councils are important channels for member states to coordinate their positions on security cooperation and jurisdictional coordination. Through high-level consultation, member states can reach a political consensus on the key issues of combating transnational crimes and resolving jurisdictional conflicts, formulate relevant cooperation resolutions and action plans, and provide political guidance for the specific implementation of judicial cooperation. The high-level consultation mechanism can effectively resolve the jurisdictional conflicts that are difficult to be resolved at the technical level due to political factors, and promote the smooth development of regional judicial cooperation.

Practical Dilemmas Faced by the SCO's Jurisdictional Conflict Resolution Mechanism

Although the SCO has formed a relatively complete set of jurisdictional conflict resolution mechanisms, in practice, these mechanisms are still faced with many practical dilemmas due to the influence of various factors, which leads to the limited effect of jurisdictional conflict resolution².

First, the soft law nature of the SCO's legal rules leads to the lack of binding force of the cooperation mechanism⁴. Most of the SCO's multilateral conventions and cooperation agreements are principled provisions, which only clarify the basic direction and principles of judicial cooperation and jurisdictional coordination, but lack specific and operable rules and enforcement mechanisms. The SCO has not established a supranational judicial institution with the power to rule on jurisdictional conflicts, and the resolution of jurisdictional conflicts completely depends on the voluntary consultation and cooperation of member states. The RATS only has the right to put forward jurisdictional coordination suggestions, and these suggestions have no legal binding force on member states. If a member state refuses to accept the suggestions due to its own interests, the jurisdictional conflict cannot be resolved effectively.

Second, the serious procedural obstacles in judicial cooperation lead to the low efficiency of jurisdictional conflict resolution⁵. On the one hand, the lack of unified evidence mutual recognition standards among SCO mem-

ber states makes cross-border evidence collection extremely difficult. The evidence collected by one member state in accordance with its own legal system often needs to go through cumbersome authentication procedures to be recognized by another member state, and even some evidence is rejected due to the differences in evidence standards, leading to the inability to exercise jurisdiction effectively. On the other hand, the judicial document recognition system among member states is not perfect, and the arrest warrants, judgments and other judicial documents issued by one member state cannot be directly applied in another member state, which seriously affects the efficiency of cross-border law enforcement and jurisdictional coordination. In addition, the processing cycle of judicial assistance requests among member states is too long, which often leads to the loss of evidence and the escape of criminal suspects, and makes the jurisdictional coordination lose its practical significance.

Third, political factors have an implicit interference on judicial cooperation, which affects the impartiality of jurisdictional conflict resolution¹³. Some SCO member states link judicial cooperation in combating transnational crimes with bilateral political relations, and adopt a perfunctory or rejecting attitude towards judicial assistance and jurisdictional coordination requests from non-friendly countries. Individual countries even abuse the Interpol Red Notice to pursue political opponents on the pretext of combating transnational crimes, which not only disrupts the normal order of regional judicial cooperation, but also makes the jurisdictional conflict resolution deviate from the goal of judicial justice. In addition, the geopolitical game in the Eurasian region and the interference of external forces also affect the consensus of SCO member states on jurisdictional coordination, and make some jurisdictional conflicts difficult to be resolved in a timely manner.

Fourth, the insufficient technical support for combating new transnational crimes leads to the failure of the mechanism to adapt to the new situation⁸. With the rapid development of digital technology, cybercrime, digital currency money laundering and other new transnational crimes have become the main challenges for the SCO to combat transnational crimes. However, the SCO member states have large differences in technical capacity such as cybercrime investigation, electronic evidence collection and digital currency tracking, and the regional technical cooperation mechanism is not perfect. There is no unified cross-border electronic evidence exchange platform and technical standard system among member states, which makes it difficult to carry out effective judicial cooperation in the jurisdiction coordination of new transnational crimes. The lag of technical support makes the existing jurisdictional conflict resolution mechanism unable to adapt to the new characteristics and new trends of transnational crimes, and the jurisdictional conflicts of new transnational crimes are becoming increasingly prominent.

Paths for the SCO to Improve the Jurisdictional Coordination Mechanism for Transnational Crimes

Construct a Unified Rule System for Resolving Jurisdictional Conflicts

The fundamental way to resolve the jurisdictional conflicts among SCO member states is to formulate a unified and operable jurisdictional conflict resolution rule system on the basis of adhering to the principle of sovereign equality¹⁰. First, the SCO should formulate a special *Protocol on Jurisdictional Coordination in Combating Transnational Crimes* on the basis of the existing multilateral conventions, which clearly defines the application order of the four international law jurisdiction principles in the SCO region: taking territorial jurisdiction as the core, giving priority to the exercise of jurisdiction by the member state where the criminal act occurs or where the main harmful results occur; when territorial jurisdiction is difficult to implement due to objective factors such as the escape of criminal suspects, the personal jurisdiction principle shall be applied to supplement it; for transnational crimes that seriously endanger the regional collective security of the SCO, such as terrorism and large-scale drug smuggling, the member states shall exercise universal jurisdiction jointly, and the RATS shall be responsible for coordinating the prosecution subject. Second, the protocol should clearly define the regional application standards of the principle of “non bis in idem”, and stipulate that the criminal judgments legally effective by the judicial organs of any member state shall be mutually recognized by other member states, and no repeated prosecution shall be carried out for the same criminal act¹. Third, the protocol should formulate specific rules for the jurisdiction of new transnational crimes such as cybercrime, clarify the criteria for determining the jurisdiction of cybercrime, and stipulate the obligations and rights of member states in cross-border electronic evidence collection and judicial cooperation, so as to provide a clear legal basis for the jurisdictional coordination of new transnational crimes.

Strengthen the Core Coordination and Governance Capacity of the RATS

As the core institutional platform for the SCO to combat transnational crimes and resolve jurisdictional conflicts, the RATS's legal status and coordination capacity need to be further strengthened⁹. First, the SCO should amend the *Regulations of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure* to elevate the legal status of the RATS, and endow it with the power of "binding consultation" on jurisdictional conflicts—for the jurisdictional disputes submitted by member states, the RATS shall organize a joint expert group to conduct a legal review and put forward a jurisdictional resolution plan, and if the member states have no justifiable reasons, they shall accept and implement the plan. Second, expand the functional scope of the RATS, add a special jurisdictional conflict resolution department and a new transnational crime combat department, and be responsible for the daily coordination of jurisdictional conflicts and the technical support for combating cybercrime and other new transnational crimes respectively. Third, establish a SCO cross-border electronic evidence exchange platform under the auspices of the RATS, formulate unified electronic evidence collection and recognition standards, and realize the real-time sharing of electronic evidence, case clues and criminal suspect information among member states⁸. Fourth, strengthen the personnel construction of the RATS, absorb international law experts, criminal judicial practitioners and technical experts from various member states to form a professional team, and provide professional legal and technical support for the resolution of jurisdictional conflicts.

Optimize the Procedural System of Regional Criminal Judicial Cooperation

The procedural obstacles in judicial cooperation are an important factor affecting the efficiency of jurisdictional conflict resolution, and it is urgent for the SCO to optimize the regional criminal judicial cooperation procedural system⁶. First, establish a SCO criminal judicial assistance rapid channel, formulate a unified judicial assistance application and acceptance procedure, and stipulate the maximum processing cycle of judicial assistance requests—for urgent cases such as terrorism and large-scale drug smuggling, the processing cycle shall be controlled within 7 working days, so as to improve the efficiency of judicial assistance. Second, formulate a unified SCO regional evidence mutual recognition rule, stipulate that the evidence collected by the judicial organs of member states in accordance with their own legal systems shall be directly recognized by other member states without additional authentication, except for the evidence that is obviously in violation of the basic legal principles of the receiving state. Third, establish a unified regional judicial document recognition system, standardize the format and content of arrest warrants, prosecution decisions, judgments and other judicial documents, and stipulate that the judicial documents issued by the judicial organs of any member state shall have the same legal effect in other member states⁴. Fourth, relax the extradition restrictions among member states, promote member states to gradually narrow the scope of application of the principle of "no extradition of national citizens", and formulate a unified standard for the "death penalty exception" in extradition, so as to reduce the institutional obstacles of extradition cooperation.

Promote Regional Technical Cooperation and Judicial Capacity Building

Improving the technical capacity of combating transnational crimes and the professional level of judicial personnel is an important guarantee for resolving the jurisdictional conflicts of new transnational crimes¹³. First, establish a SCO cross-border law enforcement technical cooperation platform, organized by the RATS, to carry out regular technical training and exchanges on cybercrime investigation, digital currency tracking, electronic evidence collection and fixed for the law enforcement and judicial personnel of member states, and narrow the technical gap among member states. Second, carry out joint technical research on combating new transnational crimes, and organize technical experts from various member states to research and develop key technologies such as cross-border electronic evidence forensics and dark web crime investigation, so as to provide technical support for regional judicial cooperation⁸. Third, regularly hold SCO transnational crime governance judicial seminars and moot court competitions, promote the exchange and learning of judicial personnel of member states on legal systems, judicial rules and jurisdictional coordination experience, and reduce the cognitive differences of jurisdictional issues caused by legal culture differences¹¹. Fourth, establish a SCO judicial personnel exchange and training mechanism, and carry out short-term exchange and on-the-job training of judicial and law enforcement personnel among member states, so as to improve the professional quality of regional judicial personnel in combating transnational crimes and coordinating jurisdictional conflicts.

Strengthen the Mechanism Connection with Other International and Regional Organizations

The governance of transnational crimes is a global issue, and the SCO cannot resolve jurisdictional conflicts and combat transnational crimes alone. It is necessary to strengthen the mechanism connection and cooperation with other international and regional organizations³. First, strengthen the cooperation with the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), absorb and learn from the advanced experience of the UNODC in combating transnational crimes and jurisdictional coordination, and participate in the formulation of global transnational crime governance rules. The SCO can also establish a joint investigation mechanism with the UNODC to jointly combat transnational crimes that cross the SCO region and the global scope. Second, deepen the cooperation with Interpol, improve the information sharing and joint pursuit mechanism between the RATS and the Interpol National Central Bureau of each member state, and prevent the abuse of the Interpol Red Notice, so as to ensure the impartiality of cross-border criminal suspect pursuit¹³. Third, strengthen the mechanism connection with the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Commonwealth of Independent States (CIS), coordinate the jurisdictional coordination rules and judicial cooperation mechanisms of various regional organizations, form a complementary advantage, and construct an integrated Eurasian transnational crime governance framework¹¹. Fourth, carry out targeted judicial cooperation with other regional organizations such as the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Collective Security Treaty Organization (CSTO), and establish a cross-regional jurisdictional conflict resolution mechanism to combat transnational crimes that cross multiple regions.

Conclusion

Jurisdictional conflicts in the governance of transnational crimes within the SCO framework are a concrete manifestation of the contradiction between national judicial sovereignty and regional collective security needs in the era of globalization¹⁴. Its emergence is not only due to the inherent limitations of the traditional international law jurisdiction principles in responding to transnational crimes, but also closely related to the heterogeneity of legal systems among SCO member states, the lag of regional cooperation rules and the insufficient coordination capacity of institutional mechanisms. At present, the SCO has formed a multi-level legal framework and a diversified cooperation mechanism for combating transnational crimes and resolving jurisdictional conflicts, which has played an important role in safeguarding regional security and stability. However, due to the soft law nature of rules, procedural obstacles in judicial cooperation, implicit political interference and insufficient technical support, the effect of the existing jurisdictional conflict resolution mechanism is limited, and jurisdictional conflicts still restrict the effectiveness of regional judicial cooperation.

As a non-Western led regional cooperation organization with important influence in the Eurasian region, the SCO should adhere to the core principles of sovereign equality, mutual trust and win-win cooperation, and take the construction of a community with a shared future for Eurasian security as the strategic goal². In the process of resolving transnational crime jurisdictional conflicts, the SCO should take the construction of a unified rule system as the foundation, the strengthening of the RATS's coordination capacity as the core, the optimization of judicial cooperation procedures as the key, the promotion of technical cooperation and capacity building as the support, and the strengthening of international mechanism connection as the supplement, and comprehensively improve the regional jurisdictional coordination mechanism. By promoting the transformation of regional judicial cooperation from "principled agreement" to "operational rule", the SCO can effectively resolve jurisdictional conflicts, improve the efficiency of transnational crime governance, and safeguard the regional security and common interests of member states.

At the same time, the SCO's exploration and practice in resolving transnational crime jurisdictional conflicts and constructing regional judicial cooperation mechanisms have important reference significance for global transnational crime governance⁴. In the context of the increasing complexity of global transnational crimes and the prominent deficiencies of the global governance system, the SCO's experience of adhering to sovereign equality and carrying out pragmatic regional judicial cooperation provides a valuable "SCO solution" for the international community to resolve jurisdictional conflicts and improve the global transnational crime governance system. In the future, the SCO should continue to deepen regional security cooperation, strengthen the construction of the jurisdictional coordination mechanism, and make greater contributions to the global governance of transnational crimes and the construction of a more just and reasonable international order.

Литература

1. Хуан Я. Общая теория международного уголовного права [М]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2021: 125–138.
2. Чжао Цзянь В. Юридическая основа и судебное сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества [J]. Китайский журнал права, 2020(03):189–206.
3. Организация Объединенных Наций. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с транснациональной организованной преступностью [Z]. 2000, A/RES/55/25.
4. Чжан С., Ли Б.С. Международное правовое регулирование транснациональных преступлений [J]. Китайское юридическое наука, 2019(05):225–242.
5. Организация сотрудничества Шанхая. Шанхайское соглашение о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Z]. 2001.
6. Люй Р.С., Хуан Чж.Дж. Новые достижения в разрешении международных конфликтов в области гражданского и коммерческого юрисдикционного правосудия [J]. Китайское юридическое наука, 2022(02):165–182.
7. ЮНДК. Глобальный отчет о транснациональных преступлениях 2024 [R]. Вена: Офис ООН по наркотикам и преступности, 2024.
8. Ван С.М. Новые тенденции в международном уголовном судебном сотрудничестве и реакция Китая [J]. Исследования в области права и бизнеса, 2021(04):156–168.
9. Чжан Цзянь Ж. Функции и совершенствование региональной анти-террористической структуры СО [J]. Russian Studies, 2020(06):112–136.
10. Кассесе А. Международное уголовное право [М]. 3-е изд. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2013: 89–105.
11. Ли Б. Механизм сотрудничества в рамках ШОС с точки зрения евразийского регионализма [J]. Всемирная экономика и политика, 2019(08):98–121.
12. Бюро контроля наркотиков Министерства общественной безопасности. Практика и исследование сотрудничества в области правоприменения по борьбе с наркотиками между Китаем и Россией [J]. Журнал Китайского университета общественной безопасности (социальные науки), 2025(02):35–42.
13. Интерпол. Глобальный отчет о сотрудничестве в области правоприменения против терроризма, 2024 [R]. Лион: Международная организация полиции, 2024.
14. Ван Т.Я. Международное право [М]. Пекин: Издательство юридических наук Китая, 2018: 320–335.
15. De Londras F, Mullally S. Практика и проблемы транснационального контртерроризма [М]. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2021: 156–178.

JURISDICTIONAL CONFLICTS AND REGIONAL COOPERATION MECHANISMS IN COMBATING TRANSNATIONAL CRIMES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Niu Liang, Dementev A.

Peoples' Friendship University of Russia

Against the backdrop of deepening globalization, transnational crimes represented by terrorism, drug smuggling, cybercrime and transnational money laundering have shown a trend of complexity, networking and cross-border integration. As a core regional cooperation organization on the Eurasian continent, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has become an important platform for regional countries to jointly combat transnational crimes and safeguard regional security and stability. However, due to the differences in national judicial sovereignty claims, legal system heterogeneity and the lag of international cooperation rules, jurisdictional conflicts—including positive conflicts, negative conflicts and institutional conflicts—frequently occur among SCO member states in the process of combating transnational crimes. These conflicts have seriously restricted the effectiveness of regional judicial cooperation, led to the waste of judicial resources, and even formed a “jurisdictional vacuum” for some transnational crimes. From the perspective of public international law, this paper combs the legal framework and existing cooperation mechanisms of the SCO in combating transnational crimes, systematically analyzes the specific manifestations and root causes of jurisdictional conflicts, and points out the practical dilemmas faced by the current regional judicial cooperation mechanism, such as the soft law nature of rules, insufficient procedural coordination and weak technical support. On this basis, the paper puts forward targeted improvement paths, including constructing unified jurisdictional conflict resolution rules, strengthening the core coordination function of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure (RATS), optimizing regional criminal judicial cooperation procedures, promoting technical cooperation and judicial capacity building, and strengthening mechanism connection with other international organizations. The research holds that the SCO should adhere to the principles of sovereign equality and win-win cooperation, take the construction of a community with a shared future for Eurasian security as the goal, and promote the transformation of regional judicial cooperation from “principled agreement” to “operational rule”. This not only helps to improve the efficiency of transnational crime governance within the SCO framework, but also can provide a valuable “SCO solution” for the global governance of transnational crimes and enrich the practical connotation of regional international law.

Keywords: The Shanghai Cooperation Organization; Transnational Crimes; Jurisdictional Conflicts; Regional Judicial Cooperation; Regional Anti-Terrorist Structure

References

1. Huang Y. General Theory of International Criminal Law[M]. Beijing: Peking University Press, 2021:125–138.
2. Zhao J W. The Legal Framework and Judicial Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization[J]. Chinese Journal of Law, 2020(03):189–206.
3. United Nations. United Nations Convention against Transnational Organized Crime[Z]. 2000, A/RES/55/25.
4. Zhang X, Li B S. International Legal Regulation of Transnational Crimes[J]. China Legal Science, 2019(05):225–242.
5. Shanghai Cooperation Organization. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism[Z]. 2001.
6. Liu R S, Huang Z J. New Developments in the Resolution of International Civil and Commercial Jurisdictional Conflicts[J]. China Legal Science, 2022(02):165–182.
7. UNODC. Global Report on Transnational Crimes 2024[R]. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2024.
8. Wang X M. New Trends in International Criminal Judicial Cooperation and China's Response[J]. Studies in Law and Business, 2021(04):156–168.
9. Zhang J R. The Functions and Improvement of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure[J]. Russian Studies, 2020(06):112–136.
10. Cassese A. International Criminal Law[M]. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013:89–105.
11. Li B. The SCO Cooperation Mechanism from the Perspective of Eurasian Regionalism[J]. World Economics and Politics, 2019(08):98–121.
12. Narcotics Control Bureau of the Ministry of Public Security. Practice and Exploration of China-Russia Drug Control Law Enforcement Cooperation[J]. Journal of Chinese People's Public Security University (Social Science Edition), 2025(02):35–42.
13. Interpol. Global Report on Anti-Terrorism Law Enforcement Cooperation 2024[R]. Lyon: International Criminal Police Organization, 2024.
14. Wang T Y. International Law[M]. Beijing: Law Press China, 2018:320–335.
15. De Londras F, Mullally S. The Practice and Problems of Transnational Counter-Terrorism[M]. Cambridge: Cambridge University Press, 2021:156–178.

Институциональный анализ диссолюции Чехословацкой федерации и становление Чешской республики (1992–1993)

Романова Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры теории и истории права
и государства кафедры гражданского и трудового права,
СЗИУ РАНХиГС

E-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Цель настоящей статьи заключается в выявлении институциональных, политических и правовых детерминант распада Чехословацкой федерации в 1992–1993 гг., а также в анализе процесса становления Чешской Республики как суверенного государства в условиях постфедерального трансформационного периода. В работе рассматриваются ключевые факторы дезинтеграции: асимметричный характер федеративного устройства, экономические различия между чешскими и словацкими территориями, электоральная поляризация после выборов 1992 года, стратегии политических элит, а также правовые механизмы конституционной диссолюции (включая компетенционные законы и соглашение о разделе имущества). Особое внимание уделяется проблеме легитимности процесса (отказ от референдума) и институциональной преемственности чешской государственности, что позволило охарактеризовать «бархатный развод» как уникальную модель элитно-консенсусного и ненасильственного прекращения федеративного государства.

Ключевые слова: конституция Чешской Республики 1992 года, «бархатный развод», диссолюция федерации, сецессия, конституционная диссолюция, элитно-консенсусный распад, асимметричный федерализм, референдум, правопреемство государств, государства-продолжатели, постсоциалистическая трансформация, институциональная преемственность, Чехословацкая федерация, Чешская Республика.

Введение

Конец XX века ознаменовался волной дезинтеграционных процессов на постсоциалистическом пространстве. На фоне этнополитических конфликтов, сопровождавших распад СССР и СФРЮ, случай Чехословакии выделяется как уникальный пример *ненасильственного* прекращения существования федеративного государства. 1 января 1993 года в результате политического решения, принятого национальными элитами и оформленного в рамках конституционного законодательства, Чехословацкая Федеративная Республика разделилась на два суверенных субъекта международного права – Чешскую Республику и Словацкую Республику¹. Данный процесс, метафорически обозначенный как «бархатный развод» (чеш. *sametový rozvod*), требует комплексного научного анализа с позиций теории федерализма, политической компаративистики и конституционного права².

Исследование

В 1989 году события в Центральной и Восточной Европе шли к окончательному краху советского блока. События в Венгрии, Польше, падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года – всё это повлияло и на события в Чехословакии, где в период с 17 ноября (подавление студенческой демонстрации) по 29 декабря (избрание Вацлава Гавела президентом ЧССР) проходила так называемая «бархатная революция» – период перемен, которые привели к концу коммунистического режима и становлению демократии в Чехословакии и, в некотором смысле, также открыли путь к распаду федеративного государства, то есть событиям, немислимым при тоталитарном режиме³.

После «бархатной революции» (17 ноября – 29 декабря 1989 г.) и смены тоталитарного режима на демократический в Чехословакии начался процесс радикальной конституционной трансформации. В 1989–1992 гг. было принято 50 конституционных законов, что отражало переходный характер государственно-правового устройства. Ключевыми вопросами стали изменение названия государства («дефисная война»), перераспределение компетенций между федерацией и республиками, а в конечном счёте – мирный распад федерации путём конституционной легализации сецессии⁴.

Принятые законы этого периода классифицируются по предметному критерию на четыре группы:

Режимная трансформация (отмена руководящей роли КПЧ, введение многопартийности, местное самоуправление, возврат имущества КПЧ и ССМ, Хартия основных прав и свобод (№ 23/1991), учреждение Конституционного суда ЧСФР и др.).

Символические изменения (новые названия и гербы республик, двукратное изменение наименования федерации – от «Чехословацкая Социалистическая Республика» к «Чешская и Словацкая Федеративная Республика»).

Перераспределение властных полномочий (компетенционные законы № 296/1990 и № 556/1990, а затем № 493/1992, передававшие большинство функций республикам).

Ликвидация федерации (законы о разделе имущества № 541/1992 и о прекращении существования ЧСФР № 542/1992).

Предложение президента В. Гавела (январь 1990 г.) переименовать государство в «Чехословацкую Республику» без дефиса, так называемая «дефисная война», вызвало словацкое неприятие. После острой дискуссии был найден компромисс: на чешском языке – «Чехословацкая федеративная республика», на словацком – «Československá federatívna republika» (дефис). Окончательно 20 апреля 1990 г. принято название «Чешская и Словацкая Федеративная Республика» с нейтральным девизом «Veritas vincit». Конфликт вокруг дефиса стал первым публичным проявлением центробежных тенденций⁵.

¹ WINTR, Jan a KYSELA, Jan (eds.). Pochta doktoru Marku Antošovi k 30. narodeninám.s. 168–169

² WINTR, Jan a KYSELA, Jan (eds.). Pochta doktoru Marku Antošovi k 30. narodeninám.s. 171

³ WINTR, Jan a KYSELA, Jan (eds.). Pochta doktoru Marku Antošovi k 30. narodeninám.s. 173–174

⁴ MĚCHÝŘ, Jan. Slovensko v Československu: Slovensko- eské vzťahy 1918–1991. s. 93,95

⁵ Občanské sdružení TOTALITA.CZ. TOTALITA.CZ [online]. c2010 [cit. 2010–08–17]. Rok 1989 Palachův týden. Dostupné z WWW: <http://www.totalita.cz/1989/1989_0100>

Компетенционный закон № 556/1990 (так называемый «галушковый закон») отказался от трёхзвенной модели (исключительная, общая и республиканская компетенции) в пользу двух уровней: исключительно федеральные полномочия (исчерпывающий перечень) и остаточная компетенция республик. Федерация лишилась единого хозяйства и единой собственности; республики получили право создавать собственные вооружённые силы и заключать международные договоры. Второй компетенционный закон (№ 493/1992) передал республикам абсолютное большинство полномочий, оставив федеральному центру лишь символические функции – что de facto оформило конфедеративный характер государственного устройства¹.

В 1990–1991 гг. работали две комиссии (депутатская под руководством А. Дубчека и экспертная) для подготовки новой Конституции ЧСФР. К лету 1991 г. был создан проект, однако он не был принят из-за отсутствия согласия по главе III (разграничение компетенций). Единственным конкретным результатом стало принятие Хартии основных прав и свобод (№ 23/1991) и конституционных законов о Конституционном суде и референдуме. После выборов 1992 года работа над федеральной конституцией была прекращена.

Выборы 5–6 июня 1992 г. выявили асимметрию политических предпочтений: в Чехии победу одержала правая Гражданская демократическая партия (ГДП) с лозунгом «либо функциональная федерация, либо мирное разделение», в Словакии – лево-популистское Движение за демократическую Словакию (ДЗДС), требовавшее суверенитета и международной субъектности. Центристские силы (Гражданское движение в Чехии, Общественность против насилия в Словакии) не прошли в парламент, что привело к биполярной поляризации². Отсутствие общенациональной партии исключило возможность медиации между республиканскими элитами.

С 8 июня по 26 августа 1992 г. состоялось шесть раундов переговоров между ГДП и ДЗДС. Словацкая сторона предложила «чехословацкий хозяйственный и оборонный союз» с двумя эмиссионными банками и сохранением единой армии, что было отвергнуто ГДП как экономически несостоятельное. Уже 17 июня чешская сторона констатировала, что ДЗДС де-факто приняло решение о разделении. 26 августа на вилле Тугендгата в Брно В. Клаус и В. Мечъяр согласовали дату прекращения федерации – 1 января 1993 г., а также необходимость принятия конституционных законов о разделе имущества и ликвидации ЧСФР.

Конституционный закон о референдуме (№ 327/1991) предусматривал, что выход республики из федерации возможен только на основе народного голосования. Более 2 млн граждан подписали петицию за референдум, однако словацкие партии (включая ДЗДС) блокировали его проведение. Исследователи (В. Шевчик, З. Йичинский) отмечают, что ни ГДП, ни ДЗДС не имели в предвыборных программах пункта о разделе государства, и лишь 16% респондентов в июле 1992 г. поддерживали распад. Принятие конституционного закона № 542/1992 о прекращении ЧСФР состоялось самым узким большинством (в Палате народа – 93 за, 16 против, 28 воздержались; в чешской части Палаты наций – 45/7/11; в словацкой – 46/7/16), что ставит под сомнение его демократическую легитимность³.

25 ноября 1992 г. Федеральное собрание приняло конституционный закон № 542/1992, согласно которому 31 декабря 1992 г. ЧСФР прекращает существование, а правопреемниками являются Чешская Республика и Словацкая Республика. Раздел федерального имущества (закон № 541/1992) осуществлён по территориальному, пропорциональному (2:1 в пользу ЧР) и функциональному принципам. Чешский национальный совет 17 декабря 1992 г. принял собственную конституцию (№ 1/1993) и рецепционный закон (№ 4/1993), обеспечивший континуитет правопорядка, а также – вопреки условию ст. 3 закона № 542/1992 – сохранил в качестве государственного флага флаг бывшей федерации⁴.

php>

¹ HARNA, Josef; FIŠER, Rudolf. Dějiny českých zemí II... s. 254

² KLÍMA, Karel; JIRÁSEK, Jiří (eds.). Pocta Jánů Grónského. s. 45

³ Výsledky voleb 1990 (uvedeny jen strany s poslanckými mandáty): Česko – SL FS: 1. OF 53,15% (68 mandátů) 2. KSČ 13,48% (15 mandátů) 3. KDU 8,69% (9 mandátů) 4. HSD–SMS 7,89% (9 mandátů) SN FS: 1. OF 49,96% (50 mandátů) 2. KSČ 13,80% (12 mandátů) 3. HSD–SMS 9,10% (7 mandátů) 4. KDU 8,75% (6 mandátů) ČNR: 1. OF 49,50% (124 mandátů) 2. KSČ 13,24% (33 mandátů) 3. HSD–SMS 10,03% (23 mandátů) 4. KDU 8,42% (20 mandátů) Slovensko: SL FS: 1. VPN 32,5% (19 mandátů) 2. KDH 18,9% (11 mandátů) 3. KSČ (8 mandátů) 4. SNS 10,9% (6 mandátů) 5. Spolužité 8,6% (5 mandátů) SN FS: 1. VPN 37,28% (33 mandátů) 2. KDH 16,66% (14 mandátů) 3. KSČ 13,43% (12 mandátů) 4. SNS 11,44% (9 mandátů) 5. Spolužité 8,49% (7 mandátů) SNR: 1. VPN 29,34% (48 mandátů) 2. KDH 19,20% (31 mandátů) 3. SNS 13,94% (22 mandátů) 4. KSČ 13,34% (22 mandátů) 5. Spolužité 8,66% (14 mandátů) 6. Dem.Str. 4,39% (7 mandátů) 7. SZ 3,48% (6 mandátů) (zdroj: statistics.sk a volby.cz)

⁴ MĚCHÝŘ, Jan. Slovensko v Československu: Slovensko– české vztahy 1918–1991. s. 97

Таким образом, диссолюция Чехословакии не была спонтанным актом, но стала результатом наложения долгосрочных структурных противоречий и краткосрочных политических решений⁵.

Формально провозглашенная в 1968 году (Конституционный закон о чехословацкой федерации) федеративная модель носила асимметричный характер. Если Чешская Социалистическая Республика и Словацкая Социалистическая Республика обладали формально равными правами, то федеральные органы власти сохраняли доминирующее положение в экономической, оборонной и внешнеполитической сферах. После падения коммунистического режима в ноябре 1989 года («бархатная революция») вопрос о перераспределении компетенций между федерацией и республиками стал центральным пунктом политической повестки⁶.

Переход от централизованно-плановой экономики к рыночной модели (трансформационный спад, приватизация) выявил разнонаправленность экономических интересов чешских и словацких территорий. Чешские земли, обладавшие более диверсифицированной индустриальной структурой и более низким уровнем внешнего долга, стремились к ускоренной либерализации. Словакия, где в период социализма была сконцентрирована военная и тяжелая промышленность, нуждалась в более длительных переходных механизмах и субсидиях из федерального бюджета. Экономическая асимметрия породила конфликт вокруг принципов фискальной политики.

Волна демократизации привела к институционализации партийных систем на национальном уровне. Ключевым событием стали парламентские выборы 5–6 июня 1992 года. В Чехии убедительную победу одержала Гражданская демократическая партия (ГДП) под руководством Вацлава Клауса, чья программа базировалась на принципах быстрой экономической реформы и сохранения сильной федерации с четким разделением компетенций. В Словакии победу одержало Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) во главе с Владимиром Мечъяром, которое выступало за конфедеративное устройство и фактический суверенитет словацких органов власти. Данный электоральный расклад создал ситуацию *политического тупика*: ни одна из ведущих партий не обладала стимулом к поиску компромиссной модели федерализма⁷.

Специфика чехословацкого распада заключалась в его *элитном характере и юридической легитимности*.

После выборов 1992 года переговоры между лидерами двух республик происходили в условиях отсутствия формального медиатора. Переговорный процесс (встречи в Братиславе, Праге, на виллах Тржебонь) характеризовался высокой степенью институционализации: стороны обсуждали не столько сохранение общего государства, сколько *модальности раздела*. 17 июля 1992 года Словацкий национальный совет принял Декларацию о независимости Словацкой Республики, что де-факто легитимировало сценарий диссолюции.

В отличие от классических прецедентов сецессии, сопровождавшихся односторонними актами, раздел ЧСФР был оформлен через федеральное законодательство. 25 ноября 1992 года Федеральное собрание приняло Конституционный закон № 541/1992 Сб. о разделе имущества Чехословацкой Федеративной Республики и его переходе к Чешской Республике и Словацкой Республике. 1 января 1993 года одновременно вступили в силу Конституция Чешской Республики (принятая Чешским национальным советом 16 декабря 1992 года) и Конституция Словацкой Республики. Важно подчеркнуть: Чехия и Словакия возникли не как *государства-правопреемники* в классическом смысле, а как *государства-продолжатели* по отношению к своим национальным территориальным единицам, при этом федерация была ликвидирована по обоюдному согласию⁸.

Формирование чешской государственности после распада федерации проходило в условиях высокой степени институциональной преемственности.

Конституция Чешской Республики 1992 года (закон № 1/1993 Сб.) установила парламентскую систему правления с двухпалатным парламентом (Палата депутатов и Сенат) и президентом, наделенным преимущественно представительскими функциями. Чешская правовая система полностью восприняла федеральное законодательство в части, не противоречащей новому конституционному порядку, что обеспечило *нулевой разрыв* в правовой непрерывности⁹.

⁵ RYCHLÍK, Jan. Rozpad Československa: Česko–slovenské vztahy 1989–1992. s. 170

⁶ VODIČKA, Karel (ed.). Dělení Československa: Deset let poté ... s. 284

⁷ STEIN, Eric. Česko–Slovensko: konflikt, roztržka, rozpad. s. 93

⁸ GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa IV: 1989–1992. s. 147

⁹ JIČÍNSKÝ, Zdeněk. Československý parlament v politickém vývoji. s. 109

Чешская Республика унаследовала большую часть федеральных активов (по соглашению о разделе имущества использовался принцип территориальности с последующими денежными выплатами), что позволило ей начать трансформационный период с более благоприятными стартовыми условиями. На международной арене Чехия была признана в течение нескольких дней после 1 января 1993 года всеми государствами – членами ООН, что свидетельствовало о высоком уровне легитимности процесса¹.

Социологические опросы, проведенные в конце 1992 года, фиксировали амбивалентное отношение чешского населения к распаду: преобладала установка на *инструментальное восприятие* государства. Для чешской общественности сохранение федерации не являлось экзистенциальной ценностью, что способствовало низкому уровню протестной активности.

Феномен чехословацкой диссолюции позволяет уточнить типологию процессов дезинтеграции².

Во-первых, данная ситуация демонстрирует модель *элитно-консенсусного распада*, при котором решение о разделе принимается узкой группой политических акторов, формально легитимизированных через парламентские выборы, но без прямого обращения к референдуму. Отсутствие референдума (вопреки декларациям о демократических принципах) стало предметом критики со стороны части конституционалистов, однако не привело к делегитимации результата.

Во-вторых, процесс подтверждает тезис о том, что *функциональная неэффективность* федеративных институтов может выступать более значимым фактором распада, чем этнокультурные противоречия. Межнациональная напряженность между чехами и словаками на бытовом уровне была минимальной; ключевым конфликтогеном стал *институциональный дизайн*, не предусматривавший механизмов разрешения политических коллизий между республиками³.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Распад Чехословакии в 1992–1993 гг. представляет собой уникальную в мировой практике модель *конституционной диссолюции*, осуществленной в рамках правового поля, при отсутствии насилия и внешнего принуждения. Этот прецедент опровергает детерминистские теории, связывающие дезинтеграцию полиэтнических государств исключительно с эскалацией этнических конфликтов.

2. Решающим фактором разделения стали стратегии политических элит, которые в условиях электоральной поляризации и отсутствия механизмов горизонтальной координации избрали *сецессию* как наиболее рациональный способ разрешения институционального тупика. «Бархатный развод» демонстрирует как потенциал элит к мирному урегулированию, так и ограниченность их готовности к поиску компромиссной модели федерации.

3. Чешская государственность после 1 января 1993 года характеризовалась высокой степенью институциональной преемственности: восприятие федерального правового наследия, быстрое международное признание и сохранение экономической субъектности. В отличие от ряда постсоветских республик, трансформационный период в Чехии не сопровождался институциональным коллапсом.

4. Пример Чехословакии вносит вклад в развитие теории федерализма, демонстрируя, что *формальное наличие* демократических институтов и конституционных гарантий не является достаточным условием для сохранения целостности федерации при отсутствии *неформальных механизмов* элитного согласования интересов.

Таким образом, распад Чехословакии явился результатом не столько объективных этнонациональных противоречий, сколько элитного консенсуса между ГДП и ДЗДС, достигнутого в условиях отсутствия общенациональных партий, неиспользования института референдума и последовательной деволуции государственных полномочий к республикам. Конституционные изменения 1990–1992 гг. превратили федерацию в асимметричное и нежизнеспособное образование, а постэлекторальная поляризация привела к легализации сецессии через обычную законодательную процедуру, что создало прецедент «договорного» прекращения федеративного государства.

Так называемый «бархатный развод» остается в истории как феномен, сочетающий в себе парадокс: добровольное и легитимное прекращение существования государства, которое стало возможным благодаря высокому уровню политической культуры и одновремен-

¹ GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa IV: 1989–1992. s. 227

² GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa IV: 1989–1992. s. 227

³ ŠEVČÍK, Vlastimil. Výhledy ústavnosti v novém státě – pokus o analýzu soudu. Právník, 1994, č. 12, s. 1012

но – неспособности политических акторов к сохранению единого политического пространства.

Литература

1. GRONSKÝ, Ján. Dokumenty k ústavnímu vývoji Československa III.: (1968–1989). 1. vyd. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2000. 308 p. ISBN 80-246-0024-2.
2. GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa II: 1945–1960. 1. vyd. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2006. 510 p. ISBN 80-246-1210-0
3. GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa IV: 1989–1992. 1. vyd. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2007. 649 p. ISBN 978-80-246-1389-85
4. GRONSKÝ, Ján; HŘEBEJ, Jiří. Dokumenty k ústavnímu vývoji Československa I.: (1918–1945). 1. vyd. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 1999. 244 p. ISBN 80-7184-458-6.
5. HARNA, Josef; FIŠER, Rudolf. Dějiny českých zemí II. 1. vydání. Praha: Fortuna, 1998. 279 p. ISBN 80-71685-22-4
6. JIČÍNSKÝ, Zdeněk. Československý parlament v polistopadovém vývoji. 1. vydání. Praha: NADAS – AFGH, 1993. 176 p. ISBN 80-7030-186-4.
7. KLÍMA, Karel; JIRÁSEK, Jiří (edp.). Pocta Jánů Gronskému. Plzeň: Aleš Čeněk, 2008. 614 p. ISBN 978-807380-094-9.
8. MĚCHÝŘ, Jan. Slovensko v Československu: Slovensko- české vztahy 1918–1991. 1. vydání. Praha: Práce, 1991. 128 p. ISBN 80-208-0225-8.
9. RYCHLÍK, Jan. Rozpad Československa: Česko-slovenské vztahy 1989–1992. Bratislava: Academica Electronic Press, 2002. 457 p. ISBN 80-88880-02-5.
10. ŠEVČÍK, Vlastimil. Výhledy ústavnosti v novém státě – pokus o analýzu soudu. Právník, 1994, č. 12, p. 1011–1027.
11. STEIN, Eric. Česko-Slovensko: konflikt, roztržka, rozpad. 1. vydání. Praha: Academia, 2000. 371 p. ISBN 80-200-0752-0.
12. VODÍČKA, Karel (ed.). Dělení Československa: Deset let poté ... 1. vydání. Praha: VOLVOX GLOBATOR, 2003. 336 p. ISBN 80-7207-479-2.
13. WINTŘ, Jan a KYSELA, Jan (edp.). Pocta doktoru Marku Antošovi k 30. narozeninám. 1. vydání. Praha: Jan Wintř a Jan Kysela nákl. vlast., 2009. 206 p. ISBN 978-80-254-5890-7. KENNEY, Pdraic. Karneval revoluce: Střední Evropa 1989. 1. Praha: BB art, 2005. 390 p. ISBN 80-7341-562-3.

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF THE DISSOLUTION OF THE CZECHOSLOVAK FEDERATION AND THE FORMATION OF THE CZECH REPUBLIC (1992–1993)

Romanova N.V.
North-West Institute of Management

The purpose of this article is to identify the institutional, political, and legal determinants of the disintegration of the Czechoslovak federation in 1992–1993, as well as to analyze the process of the establishment of the Czech Republic as a sovereign state in the context of the post-federal transformation period. The paper examines the key factors of disintegration: the asymmetric nature of the federal structure, economic differences between the Czech and Slovak territories, electoral polarization after the 1992 elections, strategies of political elites, as well as the legal mechanisms of constitutional dissolution (including competence laws and the agreement on the division of property). Special attention is paid to the issue of the legitimacy of the process (the rejection of a referendum) and the institutional continuity of Czech statehood, which has made it possible to characterize the «Velvet Divorce» as a unique model of an eliteconsensual and nonviolent termination of a federal state.

Keywords: Constitution of the Czech Republic of 1992, «Velvet Divorce», dissolution of the federation / federal dissolution, secession, constitutional dissolution, eliteconsensual disintegration / eliteconsensual breakup, asymmetric federalism, referendum, state succession, continuing states / continuator states, postsocialist transformation, institutional continuity, Czechoslovak federation, Czech Republic.

References

1. GRONSKÝ, Ján. Dokumenty k ústavnímu vývoji Československa III.: (1968–1989). 1. vyd. Prague: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2000. 308 p. ISBN 80-246-0024-2.
2. GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa II: 1945–1960. 1. vyd. Prague: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2006. 510 p. ISBN 80-246-1210-0
3. GRONSKÝ, Ján. Komentované dokumenty k ústavním dějinám Československa IV: 1989–1992. 1. vyd. Prague: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2007. 649 p. ISBN 978-80-246-1389-85
4. GRONSKÝ, Ján; HŘEBEJ, Jiří. Dokumenty k ústavnímu vývoji Československa I.: (1918–1945). 1. vyd. Prague: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 1999. 244 p. ISBN 80-7184-458-6.
5. HARNA, Josef; FIŠER, Rudolf. Dějiny českých zemí II. 1. vydání. Prague: Fortuna, 1998. 279 p. ISBN 80-71685-22-4

6. JIČÍNSKÝ, Zdeněk. Československý parlament v polistopadovém vývoji. 1. vydání. Prague: NADAS – AFGH, 1993. 176 p. ISBN 80-7030-186-4.
7. KLÍMA, Karel; JIRÁSEK, Jiří (edp.). Pocta Janu Gronsému. Plzeň: Aleš Čeněk, 2008. 614 p. ISBN 978-807380-094-9.
8. MĚCHÝŘ, Jan. Slovensko v Československu: Slovensko-české vztahy 1918–1991. 1. vydání. Prague: Práce, 1991. 128 p. ISBN 80-208-0225-8.
9. RYCHLÍK, Jan. Rozpad Československa: Česko-slovenské vztahy 1989–1992. Bratislava: Academica Electronic Press, 2002. 457 p. ISBN 80-88880-02-5.
10. ŠEVČÍK, Vlastimil. Výhledy ústavnosti v novém státě – pokus o analýzu soudu. Právník, 1994, č. 12, p. 1011–1027.

11. STEIN, Eric. Česko-Slovensko: konflikt, roztržka, rozpad. 1. vydání. Praha: Academia, 2000. 371 p. ISBN 80-200-0752-0.
12. VODIČKA, Karel (ed.). Dělení Československa: Deset let poté... 1. vydání. Prague: VOLVOX GLOBATOR, 2003. 336 p. ISBN 80-7207-479-2.
13. WINTR, Jan a KYSELÁ, Jan (edp.). Pocta doktoru Marku Antošovi k 30. narozeninám. 1. vydání. Praha: Jan Wintř a Jan Kysela nákl. vlast., 2009. 206 p. ISBN 978-80-254-5890-7. KENNEY, Padraic. Karneval revoluce: Střední Evropa 1989. 1. Praha: BB art, 2005. 390 p. ISBN 80-7341-562-3.

Фарзуллаева Афат Эльхан кызы,

доктор философии в области права, старший преподаватель
кафедры «Право» Национальной академии авиации
Азербайджана
E-mail: afatgahramanova@gmail.com

Шарифов Рашад Мамед оглы,

доктор философии в области права, старший преподаватель
кафедры «Право» Национальной академии авиации
Азербайджана

В статье исследуются теоретические и практические аспекты имплементации международных конвенций ЮНЕСКО в уголовное законодательство Азербайджанской Республики. Анализируются международно-правовые механизмы охраны культурного наследия, предусмотренные Конвенцией ЮНЕСКО 1970 года, Конвенцией 1972 года, Конвенцией 2003 года, а также нормами международного гуманитарного права. Особое внимание уделяется трансформации международных обязательств в нормы национального уголовного законодательства, анализу положений Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, предусматривающих ответственность за уничтожение, повреждение, незаконный оборот и контрабанду культурных ценностей. Исследуются проблемы квалификации преступлений против культурного наследия, вопросы международного сотрудничества и реституции. На основе сравнительно-правового анализа сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, культурное наследие, имплементация международных договоров, уголовное законодательство Азербайджанской Республики, преступления против культурного наследия.

Актуальность темы в условиях глобализации и постконфликтной реальности

Международно-правовая база охраны культурного наследия формировалась во второй половине XX – начале XXI века в ответ на возрастающие угрозы уничтожения, незаконного оборота, присвоения и утраты объектов культуры. Как подчёркивает Ф. Франциони, развитие международного культурного права стало отражением перехода от исключительно национального понимания культурного наследия к признанию его универсальной ценности для всего человечества [1, с. 12–18]. Центральную роль сыграла ЮНЕСКО, под эгидой которой были разработаны универсальные международно-правовые акты.

Ключевое место занимает Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. Как отмечает Л. ван дер Аувера, именно этот договор закрепил концепцию «выдающейся универсальной ценности», создав основу для глобальной системы коллективной ответственности государств [2, с. 45–52]. Конвенция возлагает на государства-участники обязанность выявлять, сохранять и обеспечивать эффективную охрану объектов. П. Стоун показывает, что Конвенция 1972 года стала переломным этапом в институционализации международного контроля, включая создание Комитета всемирного наследия [3, с. 203–210].

Не менее важна Конвенция 1970 года о мерах, направленных на запрещение и предотвращение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Л. Протт и П. О'Киф подчёркивают, что этот договор стал первым универсальным инструментом, связавшим защиту культурных ценностей с криминализацией их незаконного оборота [4, с. 92–101].

С точки зрения международного уголовного права особое значение приобретает требование введения эффективных санкций. Как указывает Дж.Л. Блейки, современная доктрина рассматривает преступления против культурного наследия как разновидность транснациональной преступности, требующей уголовно-правовой гармонизации [5, с. 134–146].

В условиях вооружённых конфликтов особую актуальность приобретает защита культурных ценностей. В коллективной монографии под редакцией М. Боумана подчёркивается, что разрушение культурных объектов может квалифицироваться как международное преступление [6, с. 67–74].

Конвенция ЮНЕСКО 2003 года об охране нематериального культурного наследия существенно расширила понятие культурного наследия. Е.И. Ермакова отмечает, что, несмотря на преимущественно превентивный характер Конвенции, её положения требуют адаптации национального законодательства [7, с. 58–64].

Международно-правовые механизмы включают не только договорные обязательства, но и систему мониторинга. В.П. Кузнецов подчёркивает, что периодическая отчётность государств-участников выступает механизмом «мягкого контроля» [8, с. 33–40].

В азербайджанском контексте проблема уголовно-правовой охраны культурного наследия приобретает особую значимость в связи с последствиями вооружённых конфликтов. А. Ализаде анализирует имплементацию международных стандартов в уголовное законодательство Азербайджана [9, с. 112–118]. Ф. Мамедов справедливо отмечает, что гармонизация должна носить содержательный характер, включая совершенствование санкций и межведомственного взаимодействия [10, с. 75–83].

Имплементация международных договоров: понятие, формы, конституционные основы

Имплементация международных договоров представляет собой сложный процесс, посредством которого нормы международного права получают действие во внутренней правовой системе. И. Браунли рассматривает имплементацию как совокупность законодательных, административных и судебных мер [11, с. 31–36].

Одной из традиционных форм имплементации является трансформация – переработка международно-правовой нормы в норму национального законодательства [12, с. 131–138]. В уголовно-правовой сфере это имеет принципиальное значение, поскольку международ-

ные договоры формулируют обязательства в общем виде, тогда как национальный уголовный закон требует точного определения состава преступления.

Инкорпорация означает включение международного договора в национальную правовую систему без изменения текста. А. Кассезе подчёркивал, что такая модель возможна лишь при достаточной определённости нормы [13, с. 213–219]. Однако в уголовном праве инкорпорация ограничена принципом *nullum crimen sine lege*.

Форма отсылки предполагает прямое указание на применение норм международного договора. Я. Клабберс отмечает, что в уголовно-правовой сфере она сопряжена с риском неопределённости [14, с. 98–104].

Гармонизация законодательства – более широкий процесс приведения национальной системы в соответствие с международными стандартами. Ф. Францони подчёркивает, что в сфере охраны культурного наследия гармонизация включает не только криминализацию, но и институциональные механизмы [15, с. 77–84]. Эффективность международных обязательств зависит от практической реализации через правоприменительную систему [16, с. 215–222].

Конституционные основы имплементации в Азербайджанской Республике закреплены в Конституции 1995 года, согласно которой ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы [17]. В азербайджанской доктрине подчёркивается смешанный характер модели: договоры обладают приоритетом перед законами, но для их реализации часто требуется принятие специальных актов [18, с. 54–60].

В сфере уголовного права прямое действие международных норм ограничено. Большинство обязательств реализуются через трансформацию в Уголовном кодексе [19, с. 41–48]. Конституционный Суд Азербайджанской Республики в своей практике подчёркивает необходимость толкования национального законодательства с учётом международных обязательств [20].

Трансформация связана с принципом законности. Г. Флетчер подчёркивал, что требование строгой определённости уголовно-правового запрета – фундаментальный элемент правового государства [21, с. 207–213]. Этот принцип закреплён в статье 7 Европейской конвенции о защите прав человека [22].

Преступления против культурного наследия рассматриваются как разновидность транснациональной преступности, требующей координации правовых систем [23, с. 152–160]. При этом должна учитываться соразмерность санкции причинённому вреду [24, с. 98–105].

Уголовно-правовые механизмы охраны культурного наследия в Азербайджанской Республике

Уголовно-правовая защита культурного наследия в Азербайджанской Республике формируется под воздействием национальных традиций и международных обязательств.

Статья 246 УК АР – «Умышленное уничтожение или повреждение памятников истории и культуры». Умышленное уничтожение или повреждение памятников, взятых под охрану государства. Объективная сторона включает действия, повлёкшие уничтожение или повреждение объекта, обладающего исторической, научной, художественной или культурной ценностью. Это соответствует международным обязательствам, закреплённым в Конвенции 1972 года [25, с. 64–70].

Статья 183 УК АР – «Хищение предметов, имеющих особую ценность». Часть 1 предусматривает лишение свободы на срок от пяти до семи лет. Часть 2 – квалифицированные составы (группой, организованной группой, неоднократно, причинение уничтожения или разрушения) – наказание от восьми до пятнадцати лет. Дж. Блейки подчёркивает, что преступления против культурного наследия не могут рассматриваться исключительно как имущественные, поскольку вред затрагивает культурную идентичность [27, с. 140–148].

Статья 206 УК АР – «Контрабанда» – применяется к незаконному перемещению культурных ценностей через таможенную границу. Конвенция ЮНЕСКО 1970 года сформировала основу для криминализации незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности [26, с. 92–101].

Особое значение имеет статья 116 УК АР – «Нарушение норм международного гуманитарного права во время вооружённых конфликтов». Она содержит положения об охране культурного достояния:

- 116.0.8–1 – ответственность за превращение без военной необходимости культурного достояния в объект нападения, использование его для поддержки военных операций;
- 116.0.8–2 – ответственность за разрушение или присвоение культурного достояния в крупном объёме, кражу, разбой, вандализм;

- 116.0.8–3 – ответственность за незаконный вывоз культурного достояния с оккупированной территории, незаконные археологические раскопки, модификацию с целью сокрытия.

Примечание к статье 116 даёт широкое определение «культурного достояния», включая движимые и недвижимые ценности, памятники, произведения искусства, археологические объекты, музеи, архивы, библиотеки.

Эти положения демонстрируют высокий уровень имплементации норм международного гуманитарного права, корреспондируя Гаагской конвенции 1954 года и Второму протоколу.

Вместе с тем законодательство не содержит самостоятельной главы о преступлениях против культурного наследия; нормы распределены по разным разделам, что затрудняет формирование целостного института. Как отмечает Е.И. Ермакова, систематизация способствует чёткому определению объекта посягательства [28, с. 112–118]. Недостаточна детализация квалифицирующих признаков. Международная практика требует дифференциации ответственности с учётом статуса объекта (например, включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО) [29, с. 215–223].

Особого внимания заслуживает охрана нематериального культурного наследия. Конвенция 2003 года ориентирована на превентивные механизмы, но, как подчёркивает Ф. Францони, требует также правовых гарантий против незаконного присвоения [30, с. 112–118].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что ряд европейских государств выработали более системные модели. Во Франции нормы интегрированы в Кодекс культурного наследия [32, с. 215–228]. В Италии создано специализированное подразделение карабинеров по охране культурного наследия [33, с. 45–53]. В Германии – комплексная модель с особым вниманием к контролю антикварного рынка [34, с. 176–184].

Практические проблемы реализации международных обязательств

Реализация международных обязательств сопряжена с правовыми, организационными и процессуальными трудностями. Формальное соответствие стандартам не означает эффективного применения [35, с. 145–152].

Ключевая проблема – доказывание культурной ценности объекта. Отсутствие универсальных критериев приводит к разным интерпретациям [36, с. 198–205]. Необходимо сочетание формального и материального критериев оценки [37, с. 61–69].

Экспертные исследования касаются подлинности, возраста, происхождения, стоимости, степени ущерба. Дефицит квалифицированных экспертов и отсутствие унифицированных методик приводят к противоречивым заключениям [38, с. 112–120].

Проблема межведомственного взаимодействия: координация правоохранительных органов, таможни, органов культуры, музеев, архивов. Отсутствие чётких механизмов обмена информацией снижает эффективность расследования [39, с. 134–141].

Преступления часто носят трансграничный характер. Реституция осложняется временным разрывом между совершением преступления и его выявлением [40, с. 118–125]. Эффективность борьбы зависит от координации правовых систем и международных баз данных [41, с. 170–178]. Различия в национальном законодательстве затрудняют международную правовую помощь.

Сотрудничество с ЮНЕСКО и ИКОМ способствует обмену информацией. «Красные списки» ИКОМ² – важный инструмент превентивной защиты [42, с. 83–91]. Однако эффективность зависит от оперативности национальных органов.

Особую сложность представляет реституция. Успешная реституция требует сочетания уголовно-правовых, гражданско-правовых и дипломатических механизмов [43, с. 201–210].

Вооружённые конфликты создают дополнительные риски. Гаагская конвенция 1954 года обязывает стороны воздерживаться от нападений на культурные ценности [44]. В условиях утраты контроля над территорией реализация норм затруднена.

В постконфликтных условиях важно документирование разрушений. Современные технологии (спутниковая съёмка, цифровая фиксация) становятся важными доказательственными инструментами [45, с. 256–263]. Однако доступ к территориям и сбор доказательств сопряжены с ограничениями.

¹ Специализированное подразделение карабинеров – особое подразделение правоохранительных органов Италии (Carabinieri), созданное специально для охраны культурного наследия, расследования краж произведений искусства, незаконного оборота культурных ценностей и их возврата государству.

² ИКОМ – Международный совет музеев (англ. International Council of Museums – ICOM).

Применение принципа универсальной юрисдикции в отношении тяжких преступлений против культурного наследия: разрушение культурных объектов в вооружённом конфликте может квалифицироваться как военное преступление [46, с. 318–326]. Требуется чёткое законодательное закрепление и международная координация.

Для Азербайджанской Республики вопросы документирования ущерба и обращения к международным судебным механизмам имеют особую актуальность в постконфликтной реальности.

Основные направления совершенствования уголовно-правовой имплементации

Совершенствование имплементации требует комплексного подхода: законодательные реформы, институциональное развитие, внедрение современных технологий [47, с. 158–166].

1. **Создание специализированной главы в УК АР** о преступлениях против культурного наследия. Итальянская модель демонстрирует эффективность систематизированного подхода [48, с. 37–44].

2. **Расширение перечня составов преступлений:** криминализация незаконных археологических раскопок, фальсификации культурных ценностей, организованного оборота, умышленного разрушения в вооружённом конфликте. Современная доктрина требует детализированного регулирования [49, с. 162–170].

3. **Институциональное укрепление** правоохранительных органов: создание специализированных подразделений, обладающих экспертными знаниями. Итальянская модель карабинеров показывает высокую результативность [50, с. 224–231]. Необходимо повышение квалификации сотрудников и межведомственная координация.

4. **Цифровизация учёта культурных ценностей:** создание национальных систем регистрации, интегрированных в цифровые базы данных, связанные с международными ресурсами [52, с. 128–134]. Внедрение геоинформационных систем, спутникового мониторинга, цифровой фиксации состояния объектов.

5. **Усиление международного сотрудничества:** активное использование механизмов взаимной правовой помощи, двусторонние соглашения, участие в международных сетях обмена информацией, взаимодействие с ЮНЕСКО [54, с. 213–221].

6. **Интеграция в контекст международного уголовного права:** закрепление в национальном законодательстве положений о квалификации разрушения культурных объектов как военного преступления, гармонизация с практикой международных трибуналов [55, с. 330–338].

Заключение

Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать теоретические и практические аспекты имплементации международных конвенций ЮНЕСКО в уголовное законодательство Азербайджанской Республики. Международно-правовая база формирует систему универсальных стандартов, требующих от государств создания эффективных национальных механизмов реализации.

Анализ действующего уголовного законодательства Азербайджанской Республики показал, что основные международные обязательства в целом имплементированы на базовом уровне. УК АР предусматривает ответственность за уничтожение и повреждение памятников, незаконный оборот культурных ценностей, контрабанду, хищение объектов, имеющих особую культурную ценность, а также за нарушения норм международного гуманитарного права в вооружённых конфликтах.

Вместе с тем степень имплементации не может быть признана полностью завершённой. Нормы носят фрагментарный характер, не образуют самостоятельного института. Недостаточная детализация квалифицирующих признаков, ограниченное внимание к охране нематериального культурного наследия, проблемы правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования.

Перспективы развития связаны с систематизацией уголовно-правовых норм, расширением перечня составов преступлений, внедрением цифровых реестров, институциональным укреплением специализированных подразделений. При этом важно обеспечить баланс между международными обязательствами и принципом законности.

Эффективная уголовно-правовая охрана культурного наследия имеет значение, выходящее за пределы юридической проблематики. Культурное наследие – фундамент исторической памяти и национальной идентичности. Его утрата причиняет невосполнимый ущерб культурному самосознанию народа. В условиях глобализации, транснациональной преступности и политической нестабильности защита культурных ценностей становится важнейшим элементом национальной безопасности.

Таким образом, имплементация международных конвенций ЮНЕСКО в уголовное законодательство Азербайджанской Республики должна рассматриваться как непрерывный процесс, требующий постоянного совершенствования.

Литература

1. Francioni F. Cultural Heritage and International Law. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 12–18.
2. van der Auwera L. The UNESCO World Heritage Convention: A Commentary. Brill/Nijhoff, 2017. p. 45–52.
3. Stone P. G. A Legal History of the Protection of Cultural Heritage. Oxford University Press, 2018. p. 203–210.
4. Prott L., O'Keefe P. Law and the Cultural Heritage. Butterworths, 1989. p. 92–101.
5. Blakey J.L. International Criminal Law and Cultural Heritage. Cambridge University Press, 2020. p. 134–146.
6. Bowman M. (ed.) Protecting Cultural Property in Armed Conflict. Oxford University Press, 2008. p. 67–74.
7. Ермакова Е.И. Преступления против культурных ценностей: международный и российский опыт. Москва, 2019. с. 58–64.
8. Кузнецов В.П. Международно-правовые механизмы охраны культурного наследия // Журнал «Международное право». 2020. № 3. с. 33–40.
9. Ализаде А. Уголовно-правовая защита культурного наследия в Азербайджане. Баку, 2021. с. 112–118.
10. Мамедов Ф. Международные стандарты охраны культурных ценностей и национальное законодательство. Баку, 2022. с. 75–83.
11. Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford University Press, 2008. p. 31–36.
12. Shaw M. International Law. Cambridge University Press, 2017. p. 131–138.
13. Cassese A. International Law. Oxford University Press, 2005. p. 213–219.
14. Klabbers J. International Law. Cambridge University Press, 2013. p. 98–104.
15. Francioni F. Cultural Heritage and International Law. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 77–84.
16. Stone P. G. A Legal History of the Protection of Cultural Heritage. Oxford University Press, 2018. p. 215–222.
17. Конституция Азербайджанской Республики, 1995.
18. Ализаде А. Международное право в правовой системе Азербайджана. Баку, 2018. с. 54–60.
19. Мамедов Ф. Имплементация международных обязательств в уголовном праве Азербайджана. Баку, 2022. с. 41–48.
20. Решения Конституционного Суда Азербайджанской Республики (официальные публикации).
21. Fletcher G. Rethinking Criminal Law. Oxford University Press, 2000. p. 207–213.
22. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950.
23. Blakey J.L. International Criminal Law and Cultural Heritage. Cambridge University Press, 2020. p. 152–160.
24. Duff R.A. Answering for Crime. Hart Publishing, 2007. p. 98–105.
25. Francioni F. Cultural Heritage and International Law. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 64–70.
26. Prott L., O'Keefe P. Law and the Cultural Heritage. Butterworths, 1989. p. 92–101.
27. Blakey J.L. International Criminal Law and Cultural Heritage. Cambridge University Press, 2020. p. 140–148.
28. Ермакова Е.И. Преступления против культурных ценностей: международный и российский опыт. Москва, 2019. с. 112–118.
29. Stone P. G. A Legal History of the Protection of Cultural Heritage. Oxford University Press, 2018. p. 215–223.
30. Francioni F. The 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. 2011. p. 112–118.
31. Ализаде А. Уголовно-правовая охрана культурного наследия в Азербайджане. Баку, 2021. с. 84–91.
32. Cornu M. Droit du patrimoine culturel. Paris, 2016. p. 215–228.
33. Manacorda S., Visconti A. Cultural Property Crime. Giuffrè Editore, 2012. p. 45–53.
34. Schorlemer S. von. Internationaler Kulturgüterschutz. Mohr Siebeck, 2016. p. 176–184.
35. Francioni F. Cultural Heritage and International Law. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 145–152.
36. Stone P. G. A Legal History of the Protection of Cultural Heritage. Oxford University Press, 2018. p. 198–205.

37. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. p. 61–69.
38. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. p. 112–120.
39. Ермакова Е.И. Преступления против культурных ценностей: международный и российский опыт. Москва, 2019. с. 134–141.
40. Prott L., O'Keefe P. *Law and the Cultural Heritage*. Butterworths, 1989. p. 118–125.
41. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. p. 170–178.
42. Bowman M. (ed.) *Protecting Cultural Property in Armed Conflict*. Oxford University Press, 2008. p. 83–91.
43. Schorlemer S. von. *Internationaler Kulturgüterschutz*. Mohr Siebeck, 2016. p. 201–210.
44. Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта, 1954.
45. Forrest C. *International Law and the Protection of Cultural Heritage*. Routledge, 2010. p. 256–263.
46. Cryer R. et al. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambridge University Press, 2014. p. 318–326.
47. Francioni F. *Cultural Heritage and International Law*. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 158–166.
48. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. p. 37–44.
49. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. p. 162–170.
50. Stone P. G. *A Legal History of the Protection of Cultural Heritage*. Oxford University Press, 2018. p. 224–231.
51. Ермакова Е.И. Преступления против культурных ценностей: международный и российский опыт. Москва, 2019. с. 147–154.
52. Prott L., O'Keefe P. *Law and the Cultural Heritage*. Butterworths, 1989. p. 128–134.
53. Forrest C. *International Law and the Protection of Cultural Heritage*. Routledge, 2010. p. 270–278.
54. Schorlemer S. von. *Internationaler Kulturgüterschutz*. Mohr Siebeck, 2016. p. 213–221.
55. Cryer R. et al. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambridge University Press, 2014. p. 330–338.

IMPLEMENTATION OF UNESCO INTERNATIONAL CONVENTIONS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Farzullaeva A.E., Sharifov R.
Azerbaijan National Aviation Academy

The article examines the theoretical and practical aspects of the implementation of UNESCO international conventions into the criminal legislation of the Republic of Azerbaijan. The study analyzes international legal mechanisms for the protection of cultural heritage established by the 1970 UNESCO Convention, the 1972 Convention, the 2003 Convention, as well as norms of international humanitarian law. Particular attention is paid to the transformation of international obligations into national criminal law norms and to the analysis of provisions of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan establishing liability for destruction, damage, illicit trafficking and smuggling of cultural property. The article also examines issues related to qualification of crimes against cultural heritage, international cooperation and restitution of cultural property. Based on comparative legal analysis, proposals are formulated for improving the criminal legislation of the Republic of Azerbaijan and mechanisms for the protection of cultural heritage.

Keywords: UNESCO, cultural heritage, implementation of international treaties, criminal legislation of the Republic of Azerbaijan, crimes against cultural heritage.

References

1. Francioni F. *Cultural Heritage and International Law*. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 12–18.
2. van der Auwera L. *The UNESCO World Heritage Convention: A Commentary*. Brill/Nijhoff, 2017. p. 45–52.
3. Stone P.G. *A Legal History of the Protection of Cultural Heritage*. Oxford University Press, 2018. p. 203–210.
4. Prott L., O'Keefe P. *Law and the Cultural Heritage*. Butterworths, 1989. p. 92–101.
5. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. p. 134–146.
6. Bowman M. (ed.) *Protecting Cultural Property in Armed Conflict*. Oxford University Press, 2008. p. 67–74.
7. Ermakova E.I. *Crimes against Cultural Property: International and Russian Experience*. Moscow, 2019. Pp. 58–64.
8. Kuznetsov V.P. *International Legal Mechanisms for the Protection of Cultural Heritage* // *International Law Journal*. 2020. № 3. Pp. 33–40.
9. Alizade A. *Criminal-Legal Protection of Cultural Heritage in Azerbaijan*. Baku, 2021. Pp. 112–118.

10. Mamedov F. *International Standards for the Protection of Cultural Property and National Legislation*. Baku, 2022. Pp. 75–83.
11. Brownlie I. *Principles of Public International Law*. Oxford University Press, 2008. Pp. 31–36.
12. Shaw M. *International Law*. Cambridge University Press, 2017. Pp. 131–138.
13. Cassese A. *International Law*. Oxford University Press, 2005. Pp. 213–219.
14. Klabbars J. *International Law*. Cambridge University Press, 2013. Pp. 98–104.
15. Francioni F. *Cultural Heritage and International Law*. Edward Elgar Publishing, 2011. Pp. 77–84.
16. Stone P.G. *A Legal History of the Protection of Cultural Heritage*. Oxford University Press, 2018. Pp. 215–222.
17. Constitution of the Republic of Azerbaijan, 1995.
18. Alizade A. *International Law in the Legal System of Azerbaijan*. Baku, 2018. Pp. 54–60.
19. Mammadov F. *Implementation of International Obligations in the Criminal Law of Azerbaijan*. Baku, 2022. Pp. 41–48.
20. Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan (official publications).
21. Fletcher G. *Rethinking Criminal Law*. Oxford University Press, 2000. Pp. 207–213.
22. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950.
23. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. Pp. 152–160.
24. Duff R.A. *Answering for Crime*. Hart Publishing, 2007. Pp. 98–105.
25. Francioni F. *Cultural Heritage and International Law*. Edward Elgar Publishing, 2011. Pp. 64–70.
26. Prott L., O'Keefe P. *Law and the Cultural Heritage*. Butterworths, 1989. Pp. 92–101.
27. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. Pp. 140–148.
28. Ermakova E.I. *Crimes against Cultural Property: International and Russian Experience*. Moscow, 2019. Pp. 112–118.
29. Stone P.G. *A Legal History of the Protection of Cultural Heritage*. Oxford University Press, 2018. Pp. 215–223.
30. Francioni F. *The 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage*. 2011. Pp. 112–118.
31. Alizade A. *Criminal-legal protection of cultural heritage in Azerbaijan*. Baku, 2021. Pp. 84–91.
32. Cornu M. *Droit du patrimoine culturel*. Paris, 2016. Pp. 215–228.
33. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. Pp. 45–53.
34. Schorlemer S. von. *Internationaler Kulturgüterschutz*. Mohr Siebeck, 2016. Pp. 176–184.
35. Francioni F. *Cultural Heritage and International Law*. Edward Elgar Publishing, 2011. Pp. 145–152.
36. Stone P.G. *A Legal History of the Protection of Cultural Heritage*. Oxford University Press, 2018. Pp. 198–205.
37. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. Pp. 61–69.
38. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. Pp. 112–120.
39. Ermakova E.I. *Crimes against cultural property: international and Russian experience*. Moscow, 2019. Pp. 134–141.
40. Prott L., O'Keefe P. *Law and the Cultural Heritage*. Butterworths, 1989. Pp. 118–125.
41. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. p. 170–178.
42. Bowman M. (ed.) *Protecting Cultural Property in Armed Conflict*. Oxford University Press, 2008. Pp. 83–91.
43. Schorlemer S. von. *Internationaler Kulturgüterschutz*. Mohr Siebeck, 2016. Pp. 201–210.
44. Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict, 1954.
45. Forrest C. *International Law and the Protection of Cultural Heritage*. Routledge, 2010. Pp. 256–263.
46. Cryer R. et al. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambridge University Press, 2014. Pp. 318–326.
47. Francioni F. *Cultural Heritage and International Law*. Edward Elgar Publishing, 2011. p. 158–166.
48. Manacorda S., Visconti A. *Cultural Property Crime*. Giuffrè Editore, 2012. p. 37–44.
49. Blakey J.L. *International Criminal Law and Cultural Heritage*. Cambridge University Press, 2020. p. 162–170.
50. Stone P.G. *A Legal History of the Protection of Cultural Heritage*. Oxford University Press, 2018. p. 224–231.
51. Ermakova E.I. *Crimes against Cultural Values: International and Russian Experience*. Moscow, 2019. Pp. 147–154.
52. Prott L., O'Keefe P. *Law and the Cultural Heritage*. Butterworths, 1989. Pp. 128–134.
53. Forrest C. *International Law and the Protection of Cultural Heritage*. Routledge, 2010. Pp. 270–278.
54. Schorlemer S. von. *Internationaler Kulturgüterschutz*. Mohr Siebeck, 2016. Pp. 213–221.
55. Cryer R. et al. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambridge University Press, 2014. Pp. 330–338.

Статья XXIV ГАТТ в системе права ВТО: проблемы применения в условиях усиления влияния региональных торговых соглашений

Шуршилова Анастасия Павловна,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: shurshilovaan@yandex.ru

В статье изложены результаты исследования правового регулирования региональных торговых соглашений (РТС) в системе Всемирной торговой организации, основанного на применении ст. XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Актуальность данной работы обусловлена усилением процесса регионализации международной торговли, ростом числа РТС и необходимостью повышения эффективности механизмов правового регулирования международной торговли. Целью исследования является выявление проблем применения ст. XXIV ГАТТ. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также анализ практики ВТО и научной литературы. В статье изложена краткая характеристика ст. XXIV ГАТТ в контексте развития ГАТТ/ВТО, выявлены основные направления ее критики, а также приведены примеры ее применения на практике. По результатам исследования сделан вывод о необходимости адаптации ст. XXIV ГАТТ к современным условиям развития международной торговой системы как эффективного механизма контроля за региональными торговыми соглашениями.

Ключевые слова: ВТО, региональные торговые соглашения, статья XXIV ГАТТ, международное торговое право.

Согласно базе данных Всемирной торговой организации о региональных торговых соглашениях (РТС) за период с 1990 по 2026 гг. количество таких соглашений, вступивших в силу, возросло более чем в 17 раз (с 22 до 382) [17]. Данная динамика отражает усиление роли регионализации в архитектуре международной торговли. Рост числа и усиление влияния РТС актуализируют вопросы их взаимодействия с режимом ВТО, в котором они могут служить как средством его укрепления, так и препятствием для его функционирования. Статья XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) [1] играет ключевую роль в правовом регулировании региональной экономической интеграции в контексте права ВТО, однако ее положения остаются предметом многочисленных научных дискуссий и вызывают ряд проблем на практике.

Многостороннее правовое регулирование создания таможенных зон (ТС) и зон свободной торговли (ЗСТ) берет свое начало с принятия ГАТТ 1947 г., ставшего результатом многочисленных попыток наладить мировой экономический порядок после Второй мировой войны и содержавшего специальную статью (ст. XXIV), посвященную условиям допустимости заключения государствами-участниками соответствующих преференциальных (региональных) торговых соглашений. Всемирная торговая организация заменила собой данное соглашение в качестве институционального регулятора международной торговли, но оно по-прежнему существует как часть правового комплекса норм права ВТО о торговле товарами, обновленная по итогам Уругвайского раунда (ГАТТ 1994 г.) [18]. Значимыми изменениями в отношении регулирования региональных торговых соглашений стали принятие по результатам Уругвайского раунда «Понимания относительно толкования Статьи XXIV ГАТТ» [3], а также последующее учреждение Комитета по региональным торговым соглашениям [12]. Понимание относительно толкования Статьи XXIV ГАТТ включило несколько важных, в том числе уточняющих, моментов. Так, например, положение данной статьи о включении в любое временное соглашение о создании таможенного союза и (или) зоны свободной торговли плана и графика их образования в течение «разумного периода времени» (подп. с п. 5) получило количественное измерение в 10 лет, а если «участники временного соглашения считают, что 10 лет будет недостаточно, они должны предоставить Совету по торговле товарами полное объяснение о необходимости длительного срока» (п. 3 Понимания относительно толкования Статьи XXIV ГАТТ). Данное правило значительно усилило контроль ВТО за переходными периодами в интеграционных объединениях. Нововведения снизили неопределенность в оценке соответствия региональных торговых соглашений правилам ГАТТ, что в условиях распространения на них новой процедуры разрешения споров в рамках ВТО в совокупности с созданием Комитета по региональным торговым соглашениям сформировало действенный механизм мониторинга.

Статья XXIV ГАТТ является предметом пристального внимания в научной литературе, так как представляет собой исключение из режима наибольшего благоприятствования. Ее содержание неоднократно обсуждалась и подвергалась критике в литературе, и чем стремительнее растет количество и влияние РТС, тем активнее ведутся дискуссии. П. Хилполд подчеркивает, что она не учитывает современные формы РТС по той причине, что была разработана сразу после Второй мировой войны, когда формы более глубокой интеграции были непредсказуемы и не подразумевали реальной угрозы международной торговой системе [8, с. 227]. А.С. Сибатян полагает, что ст. XXIV ГАТТ создает видимость обладания ВТО полномочиями надзора за созданием и функционированием форматов региональных экономических объединений, а «деятельность Комитета по региональной интеграции не содержит никакой практической пользы» [6, с. 74–75].

Вместе с тем, несмотря на критику, статья XXIV ГАТТ обеспечивает необходимую правовую основу для создания региональных торговых соглашений и обеспечения их прозрачности.

Учитывая сложность и чувствительность для права ВТО регулирования региональных интеграционных процессов, сфера применения статьи обуславливает появление ряда вопросов практического применения, в том числе зон неопределенности, которые возникают в процессе динамичного развития международной торговли.

Во-первых, среди квалифицирующих признаков таможенных союзов и зон свободной торговли, создание которых допустимо в соответствии с рассмотренным нормативным положением, присутствует условие о «практически всей торговле», в отношении которой отменяются пошлины и другие ограничительные меры регулирования (подп. а (i), b п. 8 ст. XXIV ГАТТ). Определение значения данного критерия является предметом длительных споров в отсутствие нормативно закрепленных параметров его содержания. Так, отсутствует даже единое понимание того, предполагает ли он лишь количественное условие, либо имеет как количественный, так и качественный характер. Так, М. Мацусита, исследуя вопрос о том, можно ли считать либерализацию полной, если определенная отрасль (сельское хозяйство) остается частично ограниченной, высказывает мнение о том, что критерий «практически вся торговля» не следует интерпретировать как допущение исключения определенного сектора, это противоречило бы статье XXIV ГАТТ, независимо от того, каким может быть количественный охват этого сектора в общей торговле [11, с. 504–506].

Во-вторых, нередко критике подвергается действующая в рамках ВТО система контроля совместимости РТС с правилами многостороннего режима, включающая институциональную деятельность Комитета по региональным торговым соглашениям (CRTA) и Комитета по торговле и развитию (CTD), а также процедурные элементы Механизма обеспечения прозрачности региональных торговых соглашений. Существует риск того, что институциональная слабость данной системы потенциально создает возможности для «обхода» действующих правил. Так, в отношении Комитета по региональным торговым соглашениям нередко отмечается, что условие о консенсусе при принятии им решений о несоответствии РТС установленным требованиям, по сути, сводит его роль к получению текстов РТС в порядке уведомления ВТО, что свидетельствует о слабости действующего механизма контроля, приводящей к частым нарушениям статьи XXIV ГАТТ [4, с. 66]. Помимо этого, уведомления о заключении соглашений часто поступают после их вступления в силу, а кроме того, подвергается критике и отсутствие четких правил относительно сроков подачи и содержания уведомлений, что приводит к задержкам и затрудняет их оценку [9, с. 914–917]. Отдельно подвергается критике и действенность процедурных гарантий в отношении временных соглашений [7, с. 348–350].

В-третьих, возникают определенные проблемы и в связи с появлением так называемых «мегарегиональных» торговых соглашений (мега-РТС) и растущим их влиянием на международную торговлю. Ученые рассматривают мегарегионализм как новую тенденцию интеграции, вызывающую дискуссии о том, насколько она дополняет или «подрывает» систему ВТО. Так, например «правила изменения тарифной классификации с исключениями» (предусматривающие исключения из общего режима применения критерия смены тарифной позиции в отношении отдельных компонентов или материалов), содержащиеся в мега-региональных торговых соглашениях могут негативно влиять на торговлю других членов ВТО, не участвующих в данных соглашениях [10, с. 143]. Помимо этого, мега-РТС становятся самостоятельными центрами влияния, по сути, конкурирующими с ВТО, и могут использоваться в качестве инструментов решения геополитических задач [5, с. 707]. В Декларации министров по итогам 10-й министерской конференции в Найроби [19] подтверждена необходимость обеспечения того, чтобы региональные торговые соглашения оставались дополняющими, а не замещающими многостороннюю торговую систему, а Комитету по РТС было поручено обсудить системные последствия РТС для многосторонней торговой системы и их взаимосвязь с правилами ВТО (п. 28). Таким образом, рост мегарегиональных соглашений поставил перед многосторонней торговой системой задачу адаптации существующих норм права ВТО и поиска новых механизмов регулирования меняющихся форм экономической интеграции. Статья XXIV ГАТТ как уникальный и ключевой правовой инструмент регулирования региональных торговых соглашений сталкивается с новыми вызовами, выходящими за рамки традиционных представлений о РТС.

С другой стороны, практика разрешения споров в рамках ВТО, касающаяся применения ст. XXIV ГАТТ, хотя и немногочисленна, демонстрирует действенность ее положений для защиты многостороннего режима.

Так, в обстоятельствах дела *Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products (Turkey – Textiles)* [16] для того, чтобы провоздить «практически ту же торговую политику», что и Европейские Сообщества, Турция ввела в отношении торговли текстилем и одеждой количественные ограничения на импорт из Индии 19 категорий текстильных и швейных изделий для вступления в таможенный союз с Европейскими Сообществами. Апелляционный орган в своем докладе по данному делу установил [20], что ст. XXIV ГАТТ может служить обоснованием для принятия мер, несовместимых с некоторыми дру-

гими положениями ГАТТ, но при создании таможенного союза сторона, претендующая на такую защиту, должна, во-первых, доказать, что рассматриваемая мера вводится в связи с созданием такого таможенного союза, который полностью соответствует требованиям подп. 8(a) и 5(a) ст. XXIV, а во-вторых, что создание такого союза было бы невозможным, если бы приняты рассматриваемой меры было бы недопустимым (п. 58). По итогам рассмотрения данного дела Апелляционный орган пришел к выводу о том, что Турция не вправе ссылаться на рассматриваемую статью ГАТТ для оправдания введения количественных ограничений в нарушение ст. XI и ст. XIII ГАТТ, поскольку ее позиция о соблюдении второго из указанных критериев была несостоятельной в силу наличия альтернативных мер (включая введение правил происхождения товаров), доступных для создания таможенного союза.

В обстоятельствах более позднего дела – *Canada – Measures Governing the Sale of Wine (Canada – Wine (Australia))* [14] в январе 2018 г. Австралия инициировала разбирательство против Канады в рамках процедуры ВТО по разрешению споров, оспаривая ряд мер, которые, по ее мнению, предоставляли преимущества местным канадским винам в ущерб импортным. В данном деле ст. XXIV ГАТТ сыграла, по сути, процедурную, вспомогательную роль, став одним из оснований, с помощью которых Австралия инициировала процесс привлечения Канады к ответственности за поведение ее провинций: в своем запросе о проведении консультаций Австралия указала на то, что Канада не приняла мер по предотвращению нарушений п. 12 ст. XXIV (посвященного соблюдению государствами положений ГАТТ региональными и местными органами власти на их территориях) [13]. В результате, на основании решения, принятого по взаимному согласию, Канада согласилась на то, чтобы устранить федеральную акцизную льготу, и на то, что ее провинции отменят или изменят дискриминационные меры [14]. Таким образом, наряду с иными нормативными положениями ГАТТ п. 12 его ст. XXIV позволил Австралии добиться соблюдения правил свободной торговли в том числе и от провинций Канады и привести политику данной страны в соответствие с правилами ВТО. Таким образом несмотря на то, что указанная статья посвящена вопросам формирования таможенных союзов или зон свободной торговли, она сыграла определенную сдерживающую роль и в отношении внутригосударственных ограничений на продажу вина. В данном контексте актуализируется и потенциал положений данной статьи в современных реалиях, когда формы интеграции не ограничиваются таможенными союзами и зонами свободной торговли.

Таким образом, хотя применение ст. XXIV ГАТТ сопровождается рядом концептуальных и институциональных трудностей, вместе с тем она остается одним из наиболее значимых и проработанных инструментов ГАТТ и системы права ВТО, играя ключевую роль в регулировании региональных торговых соглашений. Среди основных сложностей ее применения – неопределенность отдельных формулировок (в частности «практически вся торговля»), что создает возможности для гибкого толкования обязательств государствами и может способствовать «смягчению» требований, заложенных в данной статье. Консенсусный характер контроля РТС в рамках ВТО со стороны Комитета по РТС и преимущественно уведомительный характер процедуры рассмотрения соглашений в рамках Механизма прозрачности создает риски формального восприятия ст. XXIV ГАТТ и ослабляет ее дисциплинирующую функцию. Дополнительные осложнения правоприменения связаны с трансформацией современной архитектуры международной торговли, выраженной в появлении и развитии мегарегиональных торговых соглашений. При этом, как показывает практика разрешения споров в рамках ВТО, рассматриваемая статья обладает необходимым потенциалом для обеспечения совместимости РТС с режимом ВТО, хотя соответствующая практика весьма ограничена. Эволюция международной торговой системы и рост числа региональных торговых соглашений актуализируют ст. XXIV ГАТТ как базового правового ориентира региональной интеграции, однако поднимают вопросы адаптации ее содержания и толкования, а также совершенствования механизмов контроля за ее соблюдением в новых условиях.

Литература

1. General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt94_e.htm (дата обращения 28.03.2026).
2. General Agreement on Trade in Services // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gats_e.htm (дата обращения 20.03.2026).
3. Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/understanding_24_e.htm (дата обращения: 20.03.2026).

4. Волкова А.А. Проблема соответствия региональных торговых соглашений праву ВТО // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7(158). С. 65–67.

5. Иванова С.В. Евразийская интеграция в контексте новых тенденций международной торговли // Международный экономический симпозиум – 2022: Материалы международных научных конференций, Санкт-Петербург, 17–19 марта 2022 года. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 705–709.

6. Смбалян А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 8. С. 74–82.

7. Bartels L. 'Interim Agreements' under Article XXIV GATT // *World Trade Review*. 2009. Vol. 8. No. 2. P. 339–350.

8. Hilpold P. Regional Integration According to Article XXIV GATT – Between Law and Politics // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2003. Vol. 7. P. 219–260.

9. Hafez Z. Weak Discipline: GATT Article XXIV and the Emerging WTO Jurisprudence on RTAs // *North Dakota Law Review*. 2003. Vol. 79. No. 4. P. 879–920.

10. Kim J.B. Exclusionary Rules of Origin of Mega-RTAs under WTO Law: Mega-RTA 'Fracturing' Its Overlapping RTA // *World Trade Review*. 2018. Vol. 17(1). P. 121–144.

11. Matsushita M. Legal Aspects of Free Trade Agreements: In the Context of Article XXIV of the GATT 1994 // *WTO and East Asia: New Perspectives* / ed. by M. Matsushita, D. Ahn. London: Cameron May, 2004. P. 497–514.

12. Committee on Regional Trade Agreements // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/regcom_e.htm (дата обращения: 20.03.2026).

13. Canada – Measures governing the sale of wine request for consultations by Australia (WT/DS537/1 G/L/1209) // Official website of the WTO. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/537-1.pdf&Open=True> (дата обращения: 28.03.2026).

14. DS537: Canada – Measures Governing the Sale of Wine // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds537_e.htm (дата обращения: 28.03.2026).

15. Canada – Measures governing the sale of wine notification of a mutually agreed solution (WT/DS537/18) // Official website of the WTO. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/537-18.pdf&Open=True> (дата обращения: 28.03.2026).

16. DS34: Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm (дата обращения: 27.03.2026).

17. Regional Trade Agreements Database // Official website of the WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 06.05.2026).

18. The Uruguay Round // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/fact5_e.htm (дата обращения 07.03.2026).

19. 2015 Nairobi Ministerial Declaration // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc10_e/mindecision_e.htm (дата обращения: 13.03.2026).

20. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products: Report of the Appellate Body (WT/DS34/AB/R) // Official website of the WTO. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/34ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2026).

GATT ARTICLE XXIV IN THE WTO LEGAL SYSTEM: AN OVERVIEW OF ITS APPLICATION IN THE CONTEXT OF GROWING REGIONAL TRADE AGREEMENTS

Shurshilova A.P.

Saratov State Law Academy

The article presents the results of a study of the legal regulation of regional trade agreements (RTAs) in the World Trade Organization system based on the application of art. XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT). The relevance of this work is due to the intensification of the process of regionalization of international trade, the growing number of RTAs and the need to improve the effectiveness of mechanisms for legal regulation of international trade. The purpose of the study is to identify the problems of the application of art. XXIV GATT. The methodological basis consists of formal legal, comparative legal methods, as well as an analysis of WTO practice and scientific literature. The article provides a brief description of art. XXIV of the GATT in the context of the development of the GATT/WTO, identifies the main areas of its criticism, and provides examples of its application in practice. Based on the results of the study, it is concluded that art. XXIV of the GATT needs to be adapted to the current conditions of the international trade system as an effective mechanism for monitoring regional trade agreements.

Keywords: WTO, regional trade agreements, GATT Article XXIV, international trade law.

References

1. General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt94_e.htm (accessed 28 March 2026).
2. General Agreement on Trade in Services // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gats_e.htm (accessed 20 March 2026).
3. Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/understanding_24_e.htm (accessed 20 March 2026).
4. Volkova A.A. The problem of compliance of regional trade agreements with WTO law // *Eurasian Law Journal*. 2021. № 7(158). P. 65–67.
5. Ivanova S.V. Eurasian integration in the context of new trends in international trade // *International Economic Symposium – 2022: Proceedings of International Scientific Conferences*, St. Petersburg, March 17–19. 2022. St. Petersburg: Skifia-print. 2022. P. 705–709.
6. Smbatyan A.S. WTO and Regional Integration Associations: The balance of “legal powers” in resolving trade disputes // *Russian foreign economic journal*. 2011. № 8. P. 74–82.
7. Bartels L. 'Interim Agreements' under Article XXIV GATT // *World Trade Review*. 2009. Vol. 8. No. 2. P. 339–350.
8. Hilpold P. Regional Integration According to Article XXIV GATT – Between Law and Politics // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2003. Vol. 7. P. 219–260.
9. Hafez Z. Weak Discipline: GATT Article XXIV and the Emerging WTO Jurisprudence on RTAs // *North Dakota Law Review*. 2003. Vol. 79. No. 4. P. 879–920.
10. Kim J.B. Exclusionary Rules of Origin of Mega-RTAs under WTO Law: Mega-RTA 'Fracturing' Its Overlapping RTA // *World Trade Review*. 2018. Vol. 17(1). P. 121–144.
11. Matsushita M. Legal Aspects of Free Trade Agreements: In the Context of Article XXIV of the GATT 1994 // *WTO and East Asia: New Perspectives* / ed. by M. Matsushita, D. Ahn. London: Cameron May, 2004. P. 497–514.
12. Committee on Regional Trade Agreements // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/regcom_e.htm (accessed 20 March 2026).
13. Canada – Measures governing the sale of wine request for consultations by Australia (WT/DS537/1 G/L/1209) // Official website of the WTO. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/537-1.pdf&Open=True> (accessed 28 March 2026).
14. DS537: Canada – Measures Governing the Sale of Wine // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds537_e.htm (accessed 28 March 2026).
15. Canada – Measures governing the sale of wine notification of a mutually agreed solution (WT/DS537/18) // Official website of the WTO. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/537-18.pdf&Open=True> (accessed 28 March 2026).
16. DS34: Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm (accessed 27 March 2026).
17. Regional Trade Agreements Database // Official website of the WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed 06 May 2026).
18. The Uruguay Round // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/fact5_e.htm (accessed 07 March 2026).
19. 2015 Nairobi Ministerial Declaration // Official website of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc10_e/mindecision_e.htm (accessed 13 March 2026).
20. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products: Report of the Appellate Body (WT/DS34/AB/R) // Official website of the WTO. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/34ABR.pdf&Open=True> (accessed 18 May 2026).

Блинкова Елена Викторовна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Багиров Роман Ясарович,

студент Школы права и управления, Тюменский государственный университет

В статье представлен анализ проблем, возникающих в сфере правового регулирования имущественных отношений между супругами в Российской Федерации. Рассматриваются недостатки законодательного определения законного и договорного режимов имущества, сложности, связанные с оценкой и разделом общего имущества, проблемы признания долгов совместными, а также коллизии, касающиеся защиты прав несовершеннолетних детей. Особое внимание уделяется перспективным путям решения указанных проблем: совершенствованию нормативно-правовой базы, развитию договорной практики, внедрению института медиации и повышению уровня правовой культуры населения.

Ключевые слова: Имущественные отношения супругов, совместная собственность, законный режим имущества, договорный режим имущества, брачный договор, раздел имущества, общие долги супругов, защита прав детей, семейное право, медиация, правовое регулирование.

Имущественные отношения супругов являются фундаментом семейного благополучия и одновременно зоной повышенного правового риска. Законодатель предусмотрел два основных режима регулирования этих отношений: законный и договорной. Однако жизнь постоянно ставит перед правоприменителем задачи, которые не всегда находят однозначное решение в рамках существующего законодательства. В данной статье предпринята попытка систематизировать наиболее острые проблемы, выявить их причины и предложить конкретные меры по их устранению.

Основной проблемой является отсутствие исчерпывающего перечня того, что может быть признано совместным имуществом. Ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) закрепляет общее правило: имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Однако на практике возникает множество вопросов. Например, не всегда ясно, как квалифицировать доходы, полученные от продажи вещи, принадлежавшей одному из супругов до брака, если вырученные средства были вложены в приобретение недвижимости. Формально эти средства являются личными, но фактически они смешиваются с общим имуществом. Действующее законодательство оставляет этот вопрос на усмотрение сторон или суда, что порождает неопределенность и споры [1, с. 45].

Особую сложность представляют банковские вклады, сделанные одним из супругов. Даже если вклад был открыт в период брака, но деньги на него поступили от продажи добрачного имущества, возникает коллизия. Банк не обязан проверять происхождение средств, а другой супруг часто не имеет информации о движении денег. Закон не требует от супругов уведомлять друг друга об операциях с деньгами, что при разводе ведёт к длительным разбирательствам. Проблема усугубляется отсутствием механизма автоматической фиксации режима вклада в договоре с банком [10, с. 107].

Ст. 39 СК РФ устанавливает, что при разделе общего имущества доли супругов признаются равными. Однако закон предусматривает возможность отступить от этого принципа в интересах несовершеннолетних детей или при заслуживающем внимания интересе одного из супругов. Проблема в том, что понятие «заслуживающий внимания интерес» является оценочным. Например, болезнь одного из супругов или его вклад в ведение домашнего хозяйства юридически сложно доказать. Отсутствуют четкие критерии, при которых суд может увеличить долю. Это приводит к единообразию судебной практики, не всегда учитывающей индивидуальные обстоятельства. Выходом может быть закрепление в законе закрытого перечня обстоятельств, дающих право на увеличение доли.

Раздел бизнеса является одной из самых сложных задач. Если супруги создали компанию, доли в уставном капитале которой оформлены на одного из них, то при разводе встает вопрос о разделе этих долей. С одной стороны, Закон об обществах с ограниченной ответственностью требует согласия других участников на вхождение нового участника в состав общества. С другой – семейное законодательство настаивает на разделе любого совместно нажитого имущества, включая доли в бизнесе. Коллизия между корпоративным и семейным правом остается нерешенной. Предлагается ввести норму о том, что при разделе бизнеса второй супруг получает право на денежную компенсацию, равную стоимости доли, без обязательного вхождения в состав участников общества [3, с. 40].

Серьезной проблемой является раздел квартир или домов, купленных с использованием материнского капитала. Средства материнского капитала не являются совместно нажитыми и подлежат возврату в бюджет при нецелевом использовании или при изменении семьи. Однако сам объект недвижимости может быть формально оформлен на одного из супругов. В такой ситуации другой супруг и дети рискуют остаться без жилья при разводе. Механизм обязательного оформления недвижимости в общую долевую собственность родителей и детей прописан законодательно, но на практике многие семьи его игнорируют. Кроме того, закон не содержит санкции за такое нарушение, что делает предписание декларативным. Необходимо внедрить механизм государственного контроля при регистрации сделок с материнским капиталом [6, с. 92].

Брачный договор является эффективным инструментом для предотвращения имущественных споров. Однако его популярность в Рос-

сии остается крайне низкой. Это связано с несколькими факторами. Существует стереотип, что брачный договор – это удел богатых или недоверчивых людей. Также население слабо информировано о возможностях договора. При этом сам договор требует нотариального удостоверения и юридического сопровождения, что вызывает дополнительные затраты. Необходима государственная программа популяризации брачных контрактов, включая разъяснительную работу через ЗАГСы и портал «Госуслуги» [6, с. 90].

Действующее законодательство (ст. 42 СК РФ) разрешает супругам в брачном договоре менять законный режим совместной собственности, устанавливая долевую или раздельную собственность. Однако существует ряд ограничений. Нельзя включать условия, касающиеся личных неимущественных прав (например, место жительства детей). Также договор не может ограничивать правоспособность одного из супругов (например, запрещать ему работать или учиться). Эти ограничения обоснованы, но на практике они часто мешают супругам урегулировать все аспекты отношений. Споры возникают и по поводу признания брачного договора кабальным, если один из супругов остается без жилья. Выходом может стать введение в договор условия о денежной компенсации в случае развода, что делает его более гибким [2, с. 27].

Судебная практика знает случаи, когда брачный договор признается недействительным полностью или в части. Основанием для этого может быть нарушение прав одного из супругов (кабальная сделка) или несоответствие договора требованиям закона. При этом процедура оспаривания договора является сложной и длительной. Сам факт оспаривания может, однако, быть использован недобросовестным супругом как инструмент затягивания процесса раздела имущества. Для решения этой проблемы предлагается ограничить срок для оспаривания брачного договора шестью месяцами с момента его заключения, за исключением случаев явного обмана или насилия [9, с. 80].

Ст. 45 СК РФ устанавливает ответственность супругов по общим обязательствам. Однако критерии отнесения долга к общему являются размытыми. Долг признается общим, если он возник по инициативе обоих супругов или если все полученное по обязательству было использовано на нужды семьи. Доказать последнее часто невозможно, особенно если речь идет о наличных деньгах. Многие супруги берут кредиты на личные нужды, а в суде заявляют, что деньги ушли на семью. Отсутствие документального подтверждения трат создает почву для злоупотреблений. Для устранения этой неопределенности предлагается ввести принцип «общего согласия»: любой долг, превышающий определенный лимит (например, 500 тысяч рублей), должен быть оформлен с письменного согласия второго супруга.

При разделе общего имущества супруги обязаны разделить и общие долги пропорционально долям. Однако на практике кредиторы часто предъявляют требования к одному из супругов, который добросовестно платил кредит. Если суд при разводе установит, что долг является общим, но его не разделил (например, оставил без рассмотрения), то банк взыскивает всю сумму с того супруга, который указан в договоре. Затем этот супруг вправе требовать компенсации от бывшего супруга, что снова приводит к иску. Такой механизм является крайне неэффективным. Решением может стать обязательное привлечение кредиторов к участию в делах о разделе общего имущества супругов, чтобы долг разделялся в том же процессе, что и имущество [8, с. 15].

Согласно ст. 256 ГК РФ и ст. 45 СК РФ, по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено на его долю в общем имуществе. Однако определение этой доли требует ее выделения в судебном порядке, что является отдельным процессом. Кредиторы вынуждены инициировать иск о разделе имущества, что увеличивает сроки взыскания. Кроме того, недобросовестный супруг-должник может искусственно уменьшить свою долю, подарив имущество второму супругу или переоформив его на иных лиц. Механизмом защиты кредиторов может стать право оспаривания таких сделок, если они совершены в преддверии банкротства или взыскания.

Хотя закон и предусматривает возможность отступить от принципа равенства долей в пользу детей (ст. 39 СК РФ), механизм реализации этого права остается неясным. На практике суды редко применяют эту норму, так как нет четких критериев, какие именно обстоятельства «заслуживают внимания». Проживание ребенка с одним из родителей не является автоматическим основанием для увеличения доли родителя. Ребенок имеет право на жилье, но его интерес должен быть сохранен, а не просто «оценен». Выходом может быть введение правила о том, что жилье, в котором проживает ребенок, делится таким образом, чтобы доля родителя, с которым остается ребенок, не могла быть меньше доли второго родителя, если иное не предусмотрено брачным договором [5, с. 24].

Имущество, принадлежащее несовершеннолетнему, является его личной собственностью и не подлежит разделу между родителями.

Однако на практике возникают споры о том, является ли конкретная вещь (например, дорогой музыкальный инструмент или автомобиль) подарком ребенку или приобретена для семьи. Часто родители оформляют имущество на ребенка, чтобы избежать его раздела при разводе. Закон не запрещает этого, но ставит под угрозу права ребенка, так как родитель может распоряжаться имуществом ребенка только с разрешения органов опеки. Сложность заключается в доказывании того, что имущество действительно приобреталось для ребенка, а не для сокрытия совместного имущества. Законодательство нуждается в уточнении: имущество, зарегистрированное на несовершеннолетнего, должно считаться его личным, если приобретено за его счет (например, наследство) или подарено ему. Все остальное признается общим имуществом супругов [4, с. 35].

Алиментные обязательства и раздел имущества – это два самостоятельных правовых института. Однако на практике они тесно связаны. Например, если один из супругов скрывает доходы, второй супруг, оставшийся с детьми, может оказаться в сложной финансовой ситуации. Закон не позволяет при разделе имущества уменьшить долю неплательщика алиментов только из-за неуплаты. Это требует отдельного взыскания. Данное обстоятельство создает дополнительную нагрузку на суды и затягивает процесс защиты прав детей. Решением могло бы стать введение нормы о том, что размер задолженности по алиментам может засчитываться в счет будущей доли должника в общем имуществе [9, с. 77].

Для устранения выявленных проблем необходимо внесение ряда изменений в СК РФ. Предлагается:

- ввести в ст. 34 перечень видов имущества, которое не относится к совместному (например, вклады, сделанные из добрых средств, подлежат выделу);
- закрепить в ст. 39 закрытый перечень оснований для отступления от принципа равенства долей;
- дополнить ст. 45 нормой о необходимости письменного согласия второго супруга на получение кредита свыше определенного лимита;
- уточнить ст. 42, разрешив включать в брачный договор условия о компенсации при разводе и порядке оценки бизнеса.

Введение обязательного досудебного урегулирования споров о разделе имущества с участием медиатора могло бы существенно снизить нагрузку на суды. Медиация особенно эффективна для урегулирования вопросов, не связанных с жестокими спорами. Она позволяет сторонам самостоятельно определить справедливый порядок раздела, не тратя время и деньги на судебные разбирательства. Необходимо популяризировать медиацию среди граждан и расширить возможности получения бесплатной медиативной помощи.

Правительство РФ могло бы разработать и внедрить программу правового просвещения в области семейного права. Многие проблемы возникают из-за незнания гражданами своих прав и обязанностей. Эксперты предлагают проводить консультации при регистрации брака, размещать разъяснительные материалы в интернете и в мобильных приложениях. Особый акцент следует сделать на разъяснении преимуществ брачного договора.

Внедрение цифровых реестров совместного имущества супругов могло бы решить проблему сокрытия имущества. Если каждый супруг будет иметь доступ к информации о приобретенных в браке активах, это исключит возможность обмана. Кроме того, автоматический учет долгов, отнесенных к совместным, при выдаче кредитов банками позволит избежать ситуации, когда один из супругов получает кредит тайно от другого.

Таким образом, проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов в России носят системный и многогранный характер. Они касаются как несовершенства законодательства, так и низкой правовой культуры населения. Существующий инструментальный (законный режим, брачный договор, защита прав детей) требует модернизации. Решение видится в комплексе мер: законодательном уточнении норм, внедрении цифровых инструментов контроля, развитии альтернативных способов разрешения споров (медиация) и широкомасштабной просветительской работе. Только такой комплексный подход позволит сделать имущественные отношения супругов более предсказуемыми, справедливыми и менее конфликтными. Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению института семьи и защите прав всех её членов.

Литература

1. Горбатов А.М. Совместная собственность супругов: правовые аспекты и судебная практика / А.М. Горбатов, Е.В. Савельева // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 45–54.
2. Давыдов М.И. Влияние международного права на развитие имущественных отношений в семье в странах ЕС и России / М.И. Давы-

дов // Международное право и правозащитная практика. 2021. № 6. С. 24–32.

3. Иванов Д.В. Проблемы правового регулирования имущественных отношений при разводе в Российской Федерации / Д.В. Иванов // Современные правовые исследования. 2022. № 2. С. 39–46.

4. Кислова Н.А. Совместная собственность супругов и ее особенности в российском праве / Н.А. Кислова // Журнал семейного права. 2023. № 1. С. 33–42.

5. Кузнецова И.В. Брачные контракты в российской правовой системе: особенности заключения и применения / И.В. Кузнецова // Семейное и наследственное право. 2022. № 1. С. 22–30.

6. Мищенко В.И. Защита прав несовершеннолетних детей в имущественных спорах / В.И. Мищенко // Право и общество. 2023. № 2. С. 88–96.

7. Романова Т.В. Имущественные права детей и их защита в России / Т.В. Романова // Образование и право. 2021. № 4. С. 56–64.

8. Сидоров А.Л. Наследственные правоотношения в семейном праве: теоретический и практический аспекты / А.Л. Сидоров, Е.Ю. Андреева // Юридический журнал. 2020. № 5. С. 12–19.

9. Шевченко Н.В. Проблемы раздела имущества при расторжении брака в России: судебная практика и правовые изменения / Н.В. Шевченко // Российский юридический журнал. 2020. № 8. С. 77–85.

10. Яковлева О.П. Имущественные отношения супругов в российском семейном праве / О.П. Яковлева // Правоведение и практика. 2021. № 3. С. 105–113.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES

Blinkova E.V., Bagirov R.Ya.

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Tyumen State University

The article presents an analysis of the problems arising in the field of legal regulation of property relations between spouses in the Russian Federation. The shortcomings of the legislative definition of the legal and contractual property regimes, the difficulties associated with the valuation and division of jointly owned property, the problems of recognizing debts as joint obligations, as well as conflicts related to the protection of the rights of minor children are examined. Particular attention is paid to promising ways of solving these problems: improving the regulatory legal framework, developing contractual practice, introducing the institution of mediation, and increasing the level of legal awareness of the population.

Keywords: Property relations between spouses, joint property, legal property regime, contractual property regime, marriage contract, division of property, joint debts of spouses, protection of children's rights, family law, mediation, legal regulation.

References

1. Gorbатов A.M. Joint Property of Spouses: Legal Aspects and Judicial Practice / A.M. Gorbатов, E.V. Savelyeva // Journal of Russian Law. 2021. No. 6. pp. 45–54.

2. Davydov M.I. The Influence of International Law on the Development of Property Relations in the Family in the EU Countries and Russia / M.I. Davydov // International Law and Human Rights Practice. 2021. No. 6. pp. 24–32.

3. Ivanov D.V. Problems of Legal Regulation of Property Relations during Divorce in the Russian Federation / D.V. Ivanov // Modern Legal Research. 2022. No. 2. pp. 39–46.

4. Kislova N.A. Joint Property of Spouses and Its Features in Russian Law / N.A. Kislova // Journal of Family Law. 2023. No. 1. Pp. 33–42.

5. Kuznetsova I.V. Marriage Contracts in the Russian Legal System: Features of Conclusion and Application / I.V. Kuznetsova // Family and Inheritance Law. 2022. No. 1. Pp. 22–30.

6. Mishchenko V.I. Protecting the Rights of Minors in Property Disputes / V.I. Mishchenko // Law and Society. 2023. No. 2. Pp. 88–96.

7. Romanova T.V. Property Rights of Children and Their Protection in Russia / T.V. Romanova // Education and Law. 2021. No. 4. Pp. 56–64. 8. Sidorov A.L. Inheritance Relations in Family Law: Theoretical and Practical Aspects / A.L. Sidorov, E. Yu. Andreeva // Legal Journal. 2020. No. 5. pp. 12–19.

9. Shevchenko N.V. Problems of Property Division during Divorce in Russia: Judicial Practice and Legal Changes / N.V. Shevchenko // Russian Law Journal. 2020. No. 8. pp. 77–85.

10. Yakovleva O.P. Property Relations of Spouses in Russian Family Law / O.P. Yakovleva // Jurisprudence and Practice. 2021. No. 3. pp. 105–113.

Влайку Ана Владимировна,

студент, кафедра экономики, управления и права, Московская академия предпринимательства
E-mail: vlaicu_ana@mail.ru

Смолянинов Евгений Серафимович,

канд. юрид. наук, доц. кафедры психолого-педагогических и правовых дисциплин, Московская академия предпринимательства

В статье хочу осветить вопросы исковой давности в современном Российском и зарубежном гражданском праве стран бывшего социалистического лагеря, опираясь на исторические элементы.

Ключевые слова: исковая давность в гражданском праве, бывший социалистический лагерь.

В условиях текущей геополитической напряженности и санкционного влияния на экономику Российской Федерации со стороны Европейского союза, США и ряда других стран существуют объективные потребности дальнейшего развития внешнеэкономических отношений с дружественными для нашего государства странами. В качестве исследуемого периметра назрел более глубокий анализ института исковой давности стран бывшего «соцлагеря», которые не избрали западный вектор и не интегрировались в такие структуры, как Европейский союз и Организацию Североатлантического договора. Анализ в сравнительно-правовом ключе исследуемой темы на примере Китайской Народной Республики, Кубы, Монголии, Вьетнама, и некоторых стран Латинской Америки и Африки позволит расширить экономические связи.

Знание норм о давности имеет практический смысл в расширении периметра внешнеэкономических связей на международном уровне. Нормы о давности могут отличаться от государства к государству, не являясь статичными и подвержены изменению, как и законодательство в целом. Без владения законодательной базой иностранных государств невозможно эффективное построение долгосрочных партнерских отношений на гражданско-правовом уровне. В условиях глобализации назрела потребность в углубленном понимании законодательства иностранных государств. А наличие потенциальной возможности на взаимодействие в длительной перспективе невольно направляет вектор развития с учетом правового решения вопросов, норм и принципов, регулирующих аспекты исковой давности, в современном и зарубежном гражданском праве.

Актуальность подтверждается реформой гражданского законодательства, разработчиком которой выступил Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, подготовивший основополагающую Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации¹, и Федеральный закон № 100-ФЗ о внесении изменений в нормы общей части гражданского законодательства об исковой давности².

На базе Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации были реализованы существенные изменения: введено правило, согласно которому срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права, даже если лицо не знало о нарушении (ст. 196 ГК РФ); уточнен момент начала течения срока – это день, когда лицо узнало или должно было узнать не только о нарушении своего права, но и о том, кто является надлежащим ответчиком (ст. 200 ГК РФ); Исключено положение, согласно которому подача иска в установленном порядке считалась основанием перерыва течения срока исковой давности (в случае оставления иска без рассмотрения срок более не прерывался), а приостанавливает его (ст. 204 ГК РФ).

Это гражданские отношения, возникающие в связи с исчислением и применением исковой давности.

Предметом исследования выступают Гражданские кодексы анализируемых стран и международные правовые акты с целью анализа правовых аспектов иностранных государств и практики применения исковой давности для определения происхождения, понятия и значения предмета.

Институт исковой давности прошёл долгий путь эволюции от античного римского права до современного гражданского законодательства. Его развитие отражает изменения в правовых системах, экономических отношениях и понимании баланса интересов участников оборота.

В Римском праве исковая давность означала погашение возможности процессуальной защиты права вследствие того, что в течение определенного времени такая защита не была осуществлена заинтересованным лицом.

По древнему римскому гражданскому праву (*jus civile*) исковой давности не было: все иски были *actiones perpetuae* (с лат. – «вечные

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7.10.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7.10.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

иски») — это иски, направленные на защиту гражданского права, которые не ограничивались сроком исковой давности. Истец мог обратиться к магистрату в любое время, независимо от момента нарушения прав. Позже, к V веку н.э., под этим термином стали понимать иски с 30-летней давностью [1, с. 7].

Исковая давность явилась впервые в Преторских эдиктах, которые начали появляться в Древнем Риме после учреждения должности городского претора в 367 г. до н.э.: введенные им иски штрафные иски (*actiones poenales*) погашались годовой давностью. Такой же давности подлежали иски, введенные постановлениями эдилов, например иски о расторжении (*actio redhibitoria*) и иски о том, насколько вещь стала стоить меньше (*quanti minoris*). Такие иски, в противоположность к вечным искам, назывались временные иски (*actiones temporales*)¹.

Важные изменения последовали с принятием в 2013 году Федерального закона № 100-ФЗ от 07.05.2013. Закон уточнил, что срок исковой давности по общему правилу составляет три года с момента, когда лицо узнало или должно было узнать не только о нарушении своего права, но и о его нарушителе. При этом срок не может превышать 10 лет со дня нарушения права.

Таким образом давностью обусловливается защита настоящего против прошедшего².

На Руси определение срока давности подлежит случайности и произволу и не может быть тотчас сделано. Ясно только, что приобретение и прекращение прав давностью должны существовать.

Почему в древнейших русских законах, равно как и в древнейших законах других народов, совсем не находится определения срока давности.

На прочие доводы следует заметить, что нельзя основывать давность на одном бездействии уже по той простой причине, что бездействие — понятие слишком неопределенное; что, смотря по характеру права, о котором речь идет, оно может иметь весьма различное значение.

Исковую давность в Российской Федерации можно разделить на следующие вехи:

- До революции 1917 года. Первое упоминание об исковой давности в российском праве связано с грамотой великого князя Василия I Дмитриевича (1389–1425), где говорилось о 15-летнем сроке для споров о земельной и водной собственности. В первом Судебнике 1497 года для исков, касающихся земельной собственности и водного пространства, был установлен срок в 3–6 лет.

- В 1775 году Екатерина II расширила «право 10-летнего срока», изначально введенное для уголовных дел, на все гражданские дела. В 1832 году при публикации Сборника нормативных актов была дополнена статья о давности владения. Однако недостаток этих норм заключался в том, что десятилетний срок применялся как к уголовным, так и к гражданским делам [2, стр. 15–70].

В дореволюционном законодательстве исковая давность рассматривалась как инструмент охраны публичных интересов. Согласно ст. 694 «Свода законов гражданских», иски ограничивались общему земской десятилетней давностью. Если в течение этого срока иск не был предъявлен, право считалось утраченным.

- Советский период. Регулируется ГК РСФСР 1922 года, в соответствии с которым общий срок исковой давности составляет три года, если в законе не предусмотрено иное (статья 44 открывала Главу V и регулировала институт исковой давности). Течение исковой давности началось с момента возникновения права на предъявление иска, регулируемое статьей 45 и содержала нормы: течение исковой давности начиналось с того момента, когда у лица возникало право на предъявление иска; для обязательств, подлежащих исполнению к определенному сроку, срок исковой давности исчислялся с момента наступления этого срока исполнения. ГК РСФСР 1964 года сохранил общий трёхлетний срок, но внёс важные изменения. Впервые исковая давность была определена как установленный законом срок для защиты нарушенного материального права. Это стало важным шагом в развитии её материально-правовой природы.

- Современный период (с 1994 года). С принятием Гражданского кодекса РФ в 1994 году исковая давность превратилась в диспозитивное средство защиты ответчика. Суд применяет её только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения решения. Это приравнило институт к его первоначальному римскому пониманию как инструменту защиты ответчика.

В юридической литературе термин «исковая давность» определяется как установленный законом срок, в течение которого лицо может обратиться в суд для защиты своего нарушенного права и может тре-

бовать принудительной защиты или принудительного осуществления своего права. Этот институт играет ключевую роль в гражданском праве, обеспечивая стабильность правовых отношений и дисциплинирование участников оборота.

Срок исковой давности — общий срок исковой давности составляет три года. Законом могут быть установлены сокращенные или удлиненные сроки исковой давности, однако они не могут быть более десяти лет.

Согласно Статьи 196 ГК РФ Общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 настоящего Кодекса, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. При этом срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 года N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Интересен контекст исковой давности в гражданском праве стран бывшего социалистического лагеря. Такие страны можно классифицировать по материковой принадлежности на три основные группы: американскую, азиатскую, африканскую и европейскую группы.

Американская группа представлена главным образом латиноамериканским правом — правовая группа, которая является составной частью романо-германской правовой семьи и включает национальные правовые системы государств Латинской Америки (Бразилии, Мексики, Аргентины, Перу, Колумбии, Венесуэлы, Чили и др.).

Для определения точных сроков исковой давности в странах Латинской Америки и бывшего «соцлагеря» необходимо обратиться к Гражданскому Кодексу каждой отдельной исследуемой страны, к международным договорам и законодательству конкретных стран.

Гражданское право в странах Латинской Америки прошло отличный от старого света путь. На правовые системы Латинской Америки оказали влияния национальные особенности, колониальное господство, которое разделило на доколониальный, колониальный и постколониальный этапы развития. Сохранились источники права индейских племён (мая, ацтеков, инков и др.), в колониальный период внедрены права колонизаторов, Испании и Португалии, основанные на римском праве. Постколониальное право, сформированное после обретения независимости, базируется на Французском гражданском уложении (Кодекс Наполеона). Это было связано с влиянием идей Просвещения и стремлением создать национальные правовые системы. И что интересно, гражданские кодексы стран Латинской Америки актуальны практически с даты обретения независимости данных государств либо изменяются незначительно в течении довольно продолжительного времени.

Такая стабильность характеризует общества, которые функционируют в устойчивых системах, законодательство остается относительно неизменным. Присутствуют сильные правовые традиции и преемственность, что характеризует продуманность законодательства, что снижает потребность в частых изменениях. Является характерной политической системы и строя, который также стабилен. Все это, консерватизм правовой культуры и политики, является гарантией стабильности и предсказуемости, позволяет поддерживать общественный порядок и преемственность ценностей.

Правовые системы стран Латинской Америки сложились под влиянием европейской колонизации, что привело к рецепции римского права. В зависимости от национального контекста право несколько видоизменяется от государства к государству из-за его специфической общности и уникального сплава национальных правовых традиций. В правовых системах Латинской Америки переплетаются элементы континентального (римского) права в частноправовой сфере и североамериканских моделей в публичном праве. Также наблюдается взаимодействие общего (англо-американского) и континентального (гражданского, кодифицированного) права. При этом для большинства стран Латинской Америки характерна идеологическая основа — марксизм-ленинизм, социалистический лагерь и социалистическое право. Социалистическая правовая семья — правовая семья, выделенная в основном по идеологическому признаку. В прошлом к ней относились правовые системы стран, входивших в «социалистический лагерь». Правовые системы отражали волю экономически господствующего класса и обеспечивали его политическую власть. Основной источник права — нормативно-правовые акты, которые декларировались как выражающие волю трудящихся или всего народа, руководимого коммунистической партией.

На социалистические правовые системы Европы, Азии и Латинской Америки существенное влияние оказала первая правовая систе-

¹ Институции Гая и Дигестам Юстиниана, где обобщена Преторская практика

² «Пандекты. Том I» (издание 1906 года)

ма, считавшаяся социалистической, – советская. Право рассматривалось как инструмент классовой борьбы и инструмент государственной политики, руководимой коммунистической партией. Что подразумевает императивный, категоричный характер права. При таких условиях право тесно связано с государственной политикой и обеспечивается партийной властью и правоохранительными органами. Судебная практика не выступает в роли создателя норм права, ей отводится роль строгого толкователя права. После распада социалистического лагеря в некоторых странах произошли значительные изменения в правовых системах, которые ранее относились к социалистической правовой семье. Таким образом, сравнительное правоведение позволяет анализировать различия и сходства правовых систем Латинской Америки и стран социалистического лагеря, учитывая их историческое развитие, исторические корни и идеологические основы [3, с. 80].

Гражданское право в странах бывшего социалистического лагеря претерпело трансформацию после распада Советского Союза, что явилось вынужденной мерой в реалиях текущей геополитической обстановки. На первый план выходит вопрос собственности, который тесно связан с определением и сутью исковой давности в гражданском праве и с вопросом реституции.

Также, важным элементом в странах Латинской Америки является ранее отмеченный институт *Usucapio*, который выступает, как концепция римского права, означающая приобретение права собственности на имущество (чаще всего недвижимое) в силу длительного фактического владения им. В правовых системах стран Латинской Америки, которые относятся к романо-германской (континентальной) правовой семье, этот институт известен как «приобретательная давность» (исп. *prescripción adquisitiva* или *usucapión*).

Владение, приобретательная и прекращающая срок давности, а также наследственные обязательства являются основополагающими столпами гражданского права. Их толкование и применение стали предметом анализа и дискуссий в правовых системах Латинской Америки. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ владения, приобретательной давности в гражданском праве Латинской Америки. Владение, как основа для приобретения вещных прав, отражает как его теоретическое измерение, связанное с собственностью, так и его практическое применение в упорядочении неформаль-

ных ситуаций владения, особенно в условиях социальной уязвимости. Приобретательная давность, в свою очередь, представлена как ключевой механизм консолидации прав собственности во времени, уравновешивающий интересы владельцев и собственников, в то время как прекращающая срок давности действует как инструмент ограничения бессрочности обязательств, гарантируя определенность в правовых отношениях. В латиноамериканском гражданском праве исковая давность – это правовой механизм, который с течением времени и на правовых условиях позволяет приобретать собственность (приобретательная исковая давность) или прекращать иски и обязательства (прекращающая исковая давность или освобождающая исковая давность). Её природа в первую очередь связана с обеспечением общественного порядка, стремлением к правовой определенности и наказанием за бездействие правообладателя.

Литература

1. Энгельман И.Е. «О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование», 1868
2. Титов Ю.П. (ред.) «История государства и права России»
3. Е. Г. Шаблова, О.В. Жевняк «Гражданское право», Учебное пособие под общей редакцией д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой

LIMITATION PERIOD IN MODERN AND FOREIGN CIVIL LAW

Vlayku A. Smolyaninov E.

Moscow Academy of Entrepreneurship

In this article, I would like to highlight issues of statute of limitations in modern Russian and foreign civil law of the countries of the former socialist bloc, relying on historical elements.

Keywords: statute of limitations in civil law, former socialist camp.

References

1. Engelman I.E. «On the Statute of Limitations in Russian Civil Law: A Historical and Dogmatic Study,» 1868
2. Titov Yu.P. (ed.) «History of the State and Law of Russia»
3. E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak «Civil Law,» a textbook edited by Doctor of Law, Professor E.G. Shablova

Регулирование судебно-экспертной деятельности и доказывание по делам о самовольных постройках: риски реформы 2026–2030 годов

Войлуков Кирилл Васильевич,

управляющий юрист, ООО «ЛЕГАЛ ПРОПЕРТИС»; частно-практикующий юрист, лидер рейтинга право.ру

E-mail: K4952014266@gmail.com

В статье исследуется влияние законопроекта № 306504–6 (новая редакция 2023–2026 гг.) на судебно-экспертную деятельность в России в контексте дел о самовольных постройках. Автор анализирует системные дефекты старой модели (дуализм государственных и частных экспертов, отсутствие единых методик, ведомственный конфликт интересов). Рассматриваются ключевые новеллы реформы: единый реестр, обязательная аттестация, стандартизация методик. Выявляются риски формализации экспертизы, административного давления на независимых экспертов, сохранения ведомственной зависимости. Даются практические рекомендации для юристов, ведущих дела о самовольных постройках, в переходный период (2028–2030 гг.). Делается вывод о необходимости баланса между контролем и независимостью судебного эксперта.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, самовольная постройка, законопроект № 306504–6, строительно-техническая экспертиза, аттестация экспертов, независимость эксперта, стандартизация методик, реестр экспертов.

Введение

Судебные споры о самовольных постройках (ст. 222 Гражданского кодекса РФ) традиционно занимают особое место в арбитражном и гражданском процессе. Исход дела, а именно снос объекта или признание права собственности, в подавляющем большинстве случаев определяется содержанием судебной строительно-технической экспертизы. Как справедливо отмечается в доктрине, «единственным, кто уполномочен определить существенность нарушений, остается судья, принимающий решение по делу», однако при этом «существенность, хотя и завуалировано, а порой и нет, устанавливается исходя из выводов судебной строительно-технической экспертизы» [16, с. 51]. Именно заключение эксперта отвечает на ключевые вопросы: допущены ли существенные нарушения градостроительных норм, создает ли постройка угрозу жизни и здоровью граждан, соответствует ли объект целевому назначению земельного участка [13].

Однако долгие годы рынок судебно-экспертных услуг существовал в условиях правового дуализма. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» по прямому указанию статьи 2 распространяется исключительно на государственных экспертов [1]. Как подчеркивается в научной литературе, «отсутствие правового регулирования методики производства значительного числа судебных экспертиз и противоречие между собой существующих экспертных методик разных ведомств» создают серьезные препятствия для развития судебной экспертизы [9, с. 312; 10, с. 185].

Ситуация начала меняться с 2023 года, когда правительство представило ко второму чтению законопроекта № 306504–6 (первоначально внесенного еще в 2013 году) массив поправок, фактически создающих новый текст [2]. По состоянию на 2026 год законопроект одобрен профильным комитетом Госдумы, ожидается его принятие в 2026–2027 годах с переходными периодами до 2030 года. Как отмечается в литературе, российскому законодателю необходимо обратить внимание на положения гл. 5 указанного законопроекта, поскольку в ней находят отражение значимые положения, касающиеся организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности [6, с. 37].

Цель настоящей статьи – проанализировать, как предлагаемая реформа судебно-экспертной деятельности повлияет на доказывание по делам о самовольных постройках, какие риски и возможности она создает для судов, сторон и экспертов, а также выработать практические рекомендации для юристов, работающих в этой сфере.

Системные дефекты старой модели регулирования применительно к строительно-техническим экспертизам

Действующая система регулирования характеризуется определенным правовым дуализмом, а именно разрывом между государственными и частными экспертами [3, С. 45–46.]. Государственные судебные эксперты работают в рамках ведомственных регламентов, подлежат периодической аттестации внутри своего учреждения, несут дисциплинарную ответственность перед руководством. Частные эксперты и негосударственные экспертные организации не имеют обязательных стандартов образования, не обязаны подтверждать квалификацию, не подлежат дисциплинарному контролю со стороны какого-либо публичного органа.

Как отмечает Т.В. Сахнова, «экспертиза в судопроизводстве – это не только процессуальное действие, но и форма использования специальных знаний», однако именно отсутствие единых стандартов для всех носителей этих знаний создает ситуацию правовой неопределенности [12, с. 15]. По делам о самовольных постройках этот дуализм порождает три системные проблемы.

Первая – неравенство процессуальных возможностей сторон. Сторона, заинтересованная в сносе, может представить заключение государственного эксперта (например, из лаборатории Минюста), которое априори воспринимается судами как более авторитетное. Вторая проблема – отсутствие единых методик. И.О. Несмиянова обоснованно указывает, что «отсутствие единых для всех экспертов одного и того же профиля экспертных методик является серьезным препятствием

не только для дальнейшего развития судебной экспертизы, но и к обеспечению неотъемлемых прав человека» [10, с. 186]. Третья проблема – безнаказанность заведомо ложных заключений. Уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ применяется редко, особенно к частным экспертам, чей статус законодательно не проработан [11, с. 27].

Особую остроту проблема приобретает в делах о самовольных постройках, которые одновременно рассматриваются в рамках уголовного судопроизводства (например, мошенничество с землей, незаконное предпринимательство). Экспертизы по таким делам нередко поручаются экспертам МВД или Следственного комитета, то есть тем же ведомствам, которые ведут расследование. Это прямо противоречит принципу независимости эксперта и равноправия сторон, закрепленному в ст. 6 Федерального закона № 73-ФЗ [1]. Однако законопроект № 306504–6 в текущей редакции эту проблему не решает, ограничиваясь методическим контролем со стороны Минюста, что не является полноценным решением [2].

Кроме того, рынок частных экспертных услуг по строительно-техническим исследованиям за последнее десятилетие вырос многократно. Наряду с добросовестными организациями появилось множество мелких фирм, которые фактически торгуют заключениями «под результат». Как отмечается в доктрине, отсутствие стандартов методики большинства судебно-экспертных исследований приводит к диаметрально противоположной оценке судом их результатов [15, с. 115]. Для дел о самовольных постройках это означает, что ответчик может представить сомнительное заключение об отсутствии нарушений, а истец – аналогичное заключение о грубых нарушениях. Суд оказывается перед неразрешимой дилеммой: кому верить?

Ключевые новеллы законопроекта № 306504–6

Главная новелла законопроекта – создание единого государственного реестра судебно-экспертных организаций и частных судебных экспертов, ведение которого поручается Минюсту России. Включение в реестр возможно только после прохождения квалификационной аттестации. Лица и организации, не включенные в реестр, утрачивают право на проведение судебных экспертиз [2].

Как отмечал еще на раннем этапе обсуждения законопроекта И. Ефремов, отсутствие данных об эксперте в этом списке означает невозможность поручить ему проведение судебной экспертизы». Для дел о самовольных постройках это означает радикальное упрощение проверки компетентности эксперта. Судье достаточно заглянуть в публичный реестр. Исчезает риск назначить экспертизу в фирме-однодневке.

Законопроект вводит обязательную экспертно-квалификационную аттестацию для всех судебных экспертов – как государственных, так и частных. Подтверждение квалификации требуется не реже одного раза в пять лет. Для негосударственных экспертов установлен длительный переходный период: обязательная аттестация начинается с 1 сентября 2030 года. Базовые положения закона вступают в силу с 1 сентября 2028 года [2].

Кроме того, вводится требование о наличии высшего или среднего профессионального судебно-экспертного образования либо дополнительного профильного обучения по экспертной специальности. Для строительно-технических экспертов это особенно чувствительно: далеко не все действующие специалисты имеют диплом именно судебного эксперта, многие инженеры-строители, получившие экспертную квалификацию через курсы переподготовки.

Предусматривается обязательная стандартизация, сертификация или валидация научно-методического обеспечения экспертной деятельности. Эксперт сможет применять только те методы, которые прошли официальную оценку компетентным органом [2].

Как обоснованно отмечает И.О. Несмиянова, «стандартизация экспертных методик является основой эффективности судебно-экспертной деятельности» и включает такие элементы, как типизация и унификация [10, с. 185]. Создаваемая при правительстве комиссия по выработке единой государственной политики в этой сфере призвана обеспечить координацию всех ведомств, имеющих свои экспертные подразделения (МВД, СК, Минздрав и др.). Минюст получает полномочия по научно-методической оценке заключений частных экспертов и мониторингу их деятельности.

Для строительно-технической экспертизы объектов самовольного строительства это двойной эффект. С одной стороны, стандартизация исключает «резиновые» методики, позволяющие обосновать любой вывод. С другой же – это типовые стандарты не всегда применимы к уникальным объектам [13].

Законопроект вводит ограничения для учредителей, руководителей и работников негосударственных экспертных организаций. Ими не могут быть: иностранные граждане, лица без гражданства, лица с судимостью за умышленные преступления, уволенные с госслужбы

в связи с утратой доверия, а также иноагенты. Предусмотрен механизм «уведомления о несоответствии»: за грубое нарушение эксперт получает предупреждение сроком на год, при повторном нарушении регистрация приостанавливается, а при непрохождении внеочередной аттестации – регистрация прекращается [2].

Влияние реформы на баланс интересов участников процесса по делам о самовольных постройках

Суды получают прозрачный и формализованный механизм проверки компетентности эксперта. Наличие эксперта в реестре автоматически снимает вопросы о формальном допуске к профессии. Однако, как справедливо замечает Ю.К. Орлов, наличие эксперта в реестре само по себе еще не гарантирует истинности заключения, но устраняет наиболее грубые формы злоупотреблений [11, с. 41].

В то же время возникает риск «конвейерного» подхода: чем жестче стандарты, тем меньше возможности для нестандартных, творческих исследований. Ученые-строители, уникальные специалисты, чьи знания востребованы раз в несколько лет для особо сложных объектов, вряд ли станут проходить полноценную аттестацию по экспертной специальности. Суды могут лишиться доступа к лучшим кадрам [9, с. 318].

Для сторон процесса (адвокатов, юристов компаний) с одной стороны, реестр и стандарты – это защита от недобросовестных оппонентов, заказывающих «нужные» заключения у фирм-однодневок [7, с. 137]. Теперь каждая сторона может проверить эксперта оппонента в реестре и указать суду на его отсутствие. С другой стороны, сужается маневр: раньше можно было оспорить экспертизу, указав на отсутствие образования или методики; теперь эти аргументы станут более формализованными, но и более весомыми.

Появляется новый инструмент защиты: жалоба в Минюст на действия эксперта, включенного в реестр, может запустить механизм проверки и даже приостановления регистрации. В спорах о самовольных постройках, где цена вопроса – миллионы рублей, это грозит злоупотреблениями: сторона, предвидя неблагоприятное заключение, может попытаться дисквалифицировать эксперта через административную жалобу, затянув процесс [13].

Для экспертов государственных учреждений (Минюст, МВД, СК) формально мало что меняется: они и так работали в рамках ведомственных требований [8]. Однако появление единого реестра и межведомственной комиссии усиливает внешний контроль со стороны Минюста. Особенно спорным выглядит положение о том, что методическим контролем за деятельностью ведомственных экспертов СК и МВД будет заниматься Минюст: в данном случае здесь неизбежны межведомственные трения, которые могут сказаться на сроках проведения экспертиз по делам о самовольных постройках, особенно если объект расположен на землях обороны или особо охраняемых территориях [2].

Представляется, что группа негосударственных экспертов и частных учреждений окажется под наибольшим давлением. С одной стороны, реестр и аттестация легитимизируют рынок: добросовестные эксперты получают государственное признание и смогут конкурировать на равных с государственными учреждениями. С другой же – это расходы на получение образования, прохождение аттестации каждые пять лет, сертификацию методик и оборудования лягут на частный бизнес. Это приведет к укрупнению рынка: мелкие экспертные организации либо исчезнут, либо будут поглощены более крупными [15, с. 117].

Особый риск представляет собой возможность злоупотреблений со стороны квалификационных комиссий. Если комиссия (формируемая при участии Минюста) решит «наказать» неудобного эксперта, у того будет ограниченный набор средств защиты. Учитывая, что эксперт может лишиться права работать на год и более, это серьезный рычаг давления. Для строительно-технических экспертов, работающих в регионах, это особенно опасно: местные отделения Минюста могут иметь тесные связи с застройщиками или администрациями [2; 13].

Риски и скрытые противоречия для доказывания по делам о самовольных постройках

Несмотря на благие намерения разработчиков, законопроект в текущей редакции не запрещает ведомственным экспертам Следственного комитета и МВД проводить экспертизы по уголовным делам, где их же ведомство ведет расследование [2]. В контексте самовольных построек, которые нередко сопряжены с уголовным преследованием (например, ст. 159 УК РФ – мошенничество с землей, ст. 222 УК РФ – незаконное строительство на особо охраняемых территориях), это сохраняет фундаментальную проблему независимости эксперта. Суд, рассматривающий гражданско-правовые последствия (снос или сохранение постройки),

вынужден опираться на экспертизу, проведенную в рамках уголовного дела экспертом того же ведомства, которое вело следствие. Это нарушает принцип равноправия сторон, закрепленный в ст. 12 ГПК РФ и ст. 9 АПК РФ [4; 5].

Жесткая стандартизация методик оправдана для типовых экспертиз: определение состава бетона, давности документа, соответствия стандартным СНИПам. Однако в делах о самовольных постройках нередко встречаются уникальные объекты: исторические здания, реконструированные с отступлениями от действующих норм, но при этом безопасные; объекты, построенные по устаревшим, но на момент строительства действовавшим нормам; сложные инженерные сооружения, для которых нет типового стандарта. В таких случаях попытка загнать экспертизу в прокрустово ложе сертифицированных методик рискует привести к формальному, но недостоверному выводу. Эксперт, который мог бы аргументированно обосновать безопасность объекта нестандартными методами, будет лишен такой возможности [9, с. 320; 13].

Формально базовые положения закона вступают в силу с 1 сентября 2028 года, а обязательная аттестация частных экспертов – с 1 сентября 2030 года [2]. Однако на практике суды уже с момента принятия закона начнут ориентироваться на новые требования. В разъяснениях Верховного Суда РФ по аналогичным реформам (например, в сфере оценочной деятельности) прослеживается четкий тренд: суды учитывают будущие стандарты уже в переходный период, отказывая в назначении экспертиз тем специалистам, которые не имеют базового соответствия новым требованиям. Эксперты по строительно-техническим исследованиям, не заложившие фундамент для будущей аттестации уже в 2026–2027 годах, рискуют оказаться не у дел раньше формальных сроков [8].

Появление реестра и механизма «уведомления о несоответствии» создает предпосылки для давления на независимых экспертов. Даже если формально закон устанавливает ответственность за попытки воздействия на эксперта, на практике именно орган, ведущий реестр, получает мощный рычаг влияния. В делах о самовольных постройках, где на кону часто стоят интересы крупных застройщиков или местных администраций, возникает риск, что неугодный эксперт будет исключен из реестра по формальным, но трудно оспариваемым основаниям [2; 15, с. 118].

Практические рекомендации для юристов по делам о самовольных постройках

Реформа судебно-экспертной деятельности – не за горизонтом, она уже наступает. Юристу, работающему с делами о самовольных постройках, важно действовать на опережение.

Юристу рекомендуется провести ревизию постоянных экспертных партнеров по следующим параметрам: наличие системы подготовки к будущей аттестации; соответствие образования штатных экспертов требованиям о судебно-экспертной специальности; использование официально одобренных методик; наличие оборудования, которое может быть сертифицировано по новым стандартам. Если вы планируете ссылаться на заключение в суде через 2–3 года, а экспертная организация сегодня не соответствует даже будущим минимальным требованиям, высок риск, что к моменту рассмотрения дела эксперт утратит право проводить экспертизы или его заключение будет признано недопустимым доказательством [7, с. 139].

Сейчас и в ближайший переходный период до 2028 года у стороны появляется новый аргумент для оспаривания заключений оппонентов: отсутствие у эксперта профильного судебно-экспертного образования по единым стандартам. Даже если формально старый закон этого не требует, суды все чаще будут обращать внимание на «предвосхищающее соответствие» будущим требованиям. В ходатайстве о назначении повторной экспертизы или об исключении доказательства можно указывать на недостаточную квалификацию эксперта.

Как только реестр заработает (ожидаемо 2027–2028 гг.), рутинная практика юриста должна включать обязательную проверку эксперта и организации в реестре перед назначением экспертизы. Заявление ходатайства о назначении экспертизы в учреждении, не внесенном в реестр, будет гарантированно отклонено судом. Более того, можно заявлять отвод эксперту, если он не внесен в реестр или имеет отметку о несоответствии [2].

Противоположная сторона может попытаться дискредитировать назначенного судом эксперта, подав жалобу в Минюст о несоответствии требованиям. Будьте готовы к такому сценарию: заранее собирайте документы, подтверждающие квалификацию вашего эксперта (дипломы, сертификаты о повышении квалификации, публикации, положительные решения по предыдущим делам), особенно если речь

идет о редкой специализации (например, экспертиза исторических зданий или сложных инженерных систем) [7, с. 138; 13].

Адвокатское и корпоративное сообщество может и должно участвовать в доработке подзаконных актов. Федеральная палата адвокатов уже высказывала предложения о включении представителей адвокатуры в аттестационные комиссии для обеспечения независимости оценки. Корпоративные юристы крупных строительных компаний могут направлять свои предложения в Минюст и профильный комитет Госдумы относительно особенностей аттестации строительно-технических экспертов, которые должны учитывать специфику уникальных объектов [6, с. 35; 13].

Заключение

Законопроект № 306504–6, пролежавший в «замороженном» состоянии более десяти лет, сегодня представляет собой практически готовый механизм реформирования всего рынка судебных экспертиз [2]. Меняется сама философия: от представления об экспертизе как о свободной профессии, основанной на личной репутации, к модели лицензируемого вида деятельности с публичным контролем и едиными стандартами [9, с. 325; 10, с. 188].

Для правосудия по делам о самовольных постройках это шаг к большей предсказуемости и единообразию. Для негосударственных экспертов-строителей реформа влечет неизбежную консолидацию рынка, рост издержек – и одновременно легитимизацию их статуса. Для юристов появляются новые инструменты защиты (реестр, жалоба в Минюст) и новые риски (административное давление на эксперта, формализация, потеря доступа к уникальным специалистам) [7, с. 138; 13].

Главное, что должен усвоить практикующий юрист, ведущий дела о самовольных постройках: время неаттестованного специалиста без документально подтвержденной квалификации уходит безвозвратно. Уже сейчас, принимая решение о назначении экспертизы или оспаривая заключение оппонента, необходимо мысленно «примерять» его к требованиям будущего закона. Те, кто начнет подготовку к новой реальности сегодня, получат конкурентное преимущество уже завтра, а также к 1 сентября 2028 года, когда основные положения реформы вступят в силу [2; 8].

Баланс между контролем и независимостью эксперта – это та тонкая грань, которую предстоит найти в ближайшие два года. Активная позиция юридического сообщества в ходе доработки законопроекта и подзаконных актов может смягчить наиболее жесткие края новой модели, не допустив превращения независимой экспертизы в формальный придаток государственного аппарата.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
2. Законопроект № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в редакции, подготовленной ко второму чтению, 2023–2026 гг.) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 2017. С. 45–46.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Крюкова Е.С., Комаров И.М. Криминалистика для обеспечения глобального равновесия будущего // Эксперт-криминалист. 2024. № 3. С. 34–37.
7. Мыскина К.М. О некоторых проблемах оплаты судебных экспертиз в гражданском процессе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 137–143.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 312–325.
10. Несмиянова И.О. К вопросу о роли стандартизации в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 185–187.

11. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995. С. 27.
12. Сахнова Т.В. О судебной экспертизе как инструментарию справедливого процесса // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 2. С. 12–26.
13. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022. – Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/32437/> (дата обращения: 27.05.2026).
14. Ефремов И. Каким быть закону о СЭД? // Новая Адвокатская газета. 2013. № 21 (158). URL: <http://www.old.advgazeta.ru/arch/158/1194> (дата обращения: 27.05.2026).
15. Мокровский А.В. Проблемы теоретических и практических оснований оценки доказательств как относимых в уголовном судопроизводстве (на примере судебной экспертизы) // Современное право. 2025. № 3. С. 112–115.
16. Карпов И.В. Определение существенности нарушения градостроительных и строительных норм и правил в спорах о самовольных постройках // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 6. С. 51.

REGULATION OF FORENSIC EXPERT ACTIVITY AND PROOF IN UNAUTHORIZED CONSTRUCTION CASES: RISKS OF THE 2026–2030 REFORM

Voylukov K.V.
LLC "LEGAL PROPERTIES"

The article examines the impact of draft law No. 306504–6 (revised 2023–2026) on forensic expert activity in Russia in the context of unauthorized construction cases. The author analyzes systemic defects of the old model (dualism of state and private experts, lack of unified methods, departmental conflict of interest). Key innovations of the reform are considered: a unified register, mandatory certification, and standardization of methods. Risks of formalization of expertise, administrative pressure on independent experts, and preservation of departmental dependence are identified. Practical recommendations are given for lawyers handling unauthorized construction cases during the transition period (2028–2030). It is concluded that a balance between control and independence of the forensic expert is necessary.

Keywords: Forensic examination, unauthorized construction, draft law No. 306504–6, construction and technical expertise, expert certification, expert independence, standardization of methods, register of experts.

References

1. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2291.
2. Draft Law No. 306504–6 «On Forensic Expert Activity in the Russian Federation» (as amended for the second reading, 2023–2026) // Legislative Activity Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (accessed: 20.05.2026).
3. Orlov Yu.K. Expert Opinion and Its Evaluation (in Criminal Cases). Moscow: Yurist, 2017. P. 45–46.
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
5. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
6. Kryukova E.S., Komarov I.M. Criminology for Ensuring Global Balance of the Future // Expert-Criminalist. 2024. No. 3. P. 34–37.
7. Myskina K.M. On Some Problems of Payment for Forensic Examinations in Civil Proceedings // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). 2024. No. 3 (115). P. 137–143.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 (as amended on June 29, 2021) «On Forensic Examination in Criminal Cases» // Access from the Legal Reference System ConsultantPlus.
9. Rossinskaya E.R. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. P. 312–325.
10. Nesmiyanova I.O. On the Role of Standardization in Forensic Expert Activity // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 4. P. 185–187.
11. Orlov Yu.K. Expert Opinion and Its Evaluation in Criminal Cases. Moscow, 1995. P. 27.
12. Sakhnova T.V. On Forensic Examination as a Tool of Fair Process // Bulletin of Civil Procedure. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 12–26.
13. Review of Judicial Practice in Cases Related to Unauthorized Construction: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 16, 2022. – Text: electronic // Supreme Court of the Russian Federation: official website. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/32437/> (accessed: 27.05.2026).
14. Efremov I. What Should the Law on Forensic Expert Activity Be Like? // New Advocate Newspaper. 2013. No. 21 (158). URL: <http://www.old.advgazeta.ru/arch/158/1194> (accessed: 27.05.2026).
15. Mokrovsky A.V. Problems of Theoretical and Practical Grounds for Assessing Evidence as Relevant in Criminal Proceedings (on the Example of Forensic Examination) // Modern Law. 2025. No. 3. P. 112–115.
16. Karpov I.V. Determination of the Materiality of Violation of Urban Planning and Construction Norms and Rules in Disputes about Unauthorized Construction // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 6. P. 51.

Особенности осуществления дистанционного электронного голосования в Российской Федерации

Волков Александр Александрович,

аспирант, Волгоградский институт управления, филиал
РАНХиГС

E-mail: Miryza@yandex.ru

Статья посвящена особенностям осуществления дистанционного электронного голосования, а именно непосредственного использования системы ДЭГ. Данная система представляет собой перспективный, постоянно совершенствующийся способ проведения выборов, что делает тему данной статьи актуальной. Целью статьи является раскрытие правового и технического аспектов, которые присущи системе ДЭГ. В статье, автором, также затрагиваются такие аспекты как: особенности использования системы дистанционного электронного голосования; ряд правовых аспектов, связанных с использованием электронного голосования. В статье автор также затрагивает проблемные аспекты, которые связаны с использованием системы дистанционного электронного голосования. Также автором предлагаются варианты по улучшению системы ДЭГ, как в техническом, так и правовом вопросах. Нормативной базой выступали: 1) Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.06.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», 2) Постановление ЦИК России от 27.07.2020 г. № 261/1924-7 «О проведении дистанционного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам 13 сентября 2020 года».

Ключевые слова: электронное голосование, цифровые технологии, избирательный процесс, выборы, цифровизация, конституционное право.

Современные тенденции активного и повсеместного внедрения новых цифровых технологий, не обошли стороной и избирательный процесс. В свою очередь, это способствовало развитию и изменению существующих гражданско-правовых отношений.

Новые разработки в сфере цифровых технологий способствовали появлению нового способа голосования на выборах, а именно дистанционного, что в свою очередь увеличило количество способов голосования для граждан [3, с.6]. Подобного рода перемены, в свою очередь привели к изменению в действующем законодательстве.

Все существующие на данный момент международные стандарты регулирования систем дистанционного электронного голосования зародились в Европе в 2015–2017 годах. По данным стандартам к ключевым организационным шагам, для организации всего процесса необходимо следующее:

1) Государство, планирующее использовать систему ДЭГ должно осуществлять данный процесс внедрения последовательно и постепенно, во избежание непредвиденных последствий.

2) Непосредственно перед внедрением ДЭГ необходимо внести правки в настоящее законодательство, чтобы иметь возможность сразу регулировать прецеденты, возникающие в результате её применения.

3) Необходимо обеспечить контроль в отдельных избирательных комиссиях, которые обеспечивают стабильность работы системы.

4) Все наблюдатели за процессом выборов имеют право следить и за подсчётом голосов.

5) За процесс подсчёта отвечает избирательная комиссия.

В Российской Федерации, регулирования системы дистанционного голосования, сформулировано в Федеральном законе № 67, от 12.06.2002г[6]. С момента внедрения системы дистанционного электронного голосования прошло не так много времени, но на сегодняшний день был получен колоссальный опыт использования такой системы, что в свою очередь способствовало расширению полномочий всех избирательных комиссий, в вопросе регулирования использования системы ДЭГ. Также, проводившейся в Москве эксперимент в 2019 году, показал как положительные аспекты применения системы дистанционного голосования, так и выявил её минусы. Одним из недостатков использования такой системы является то, что необходимо организовать работу портала государственных и муниципальных услуг, оборудовать и выделить для этого помещения, выполнить требования к программному и техническому обеспечению.

Один из наиболее весомых аргументов, касающиеся надёжности проведения выборов с использованием дистанционного электронного голосования, является то, что каждый из наблюдателей может свободно наблюдать за подсчётом голосов, проводимый в конкретной избирательной комиссии [6].

Также немаловажным удобством для избирателя, при использовании системы ДЭГ является то, что он может увидеть все необходимые сведения о кандидате, а также его предвыборной кампании, благодаря чему у избирателя происходит более быстрое осознание за какого кандидата он хочет отдать свой голос.

Содержательная сторона системы дистанционного электронного голосования, как отмечают Ларичев А.А. и Ржановский В.А., в плане правового регулирования, выходит за пределы и может регулироваться теми же способами, в отличие от обычных цифровых технологий и компьютерных систем, поскольку система дистанционного электронного голосования представляется более сложной и надёжной системой [2, с.35–52].

Хотелось бы отметить, что помимо надёжности, массовое и повсеместное внедрение систем дистанционного электронного голосования позволит сократить количество времени, затрачиваемое для подсчёта голосов, а также дальнейшей передачи всех необходимых документов в вышестоящие избирательные комиссии, что позволяет снизить все сопутствующие риски.

Существует и альтернативное мнение. Ряд исследователей, занимающихся исследованием вопросов, связанных с открытостью процесса и защитой от искажения волеизъявления избирателей, выражает сомнение, поскольку полная открытость процесса может способствовать повышенным рискам, а именно вмешательству извне.

Так, например Колюшин Е.И. делает акцент на том, что программисты, занимающиеся настройкой и контролем за работой системы не имеют специального правового статуса, помимо этого он предлагает осуществлять подсчёт голосов в автоматическом, а не в ручном режиме, поскольку это может устранить возможность фальсифицировать результаты [1, с. 25–30].

Из дополнительных плюсов, массового внедрения дистанционного электронного позволит снизить финансовые затраты на организацию избирательной процедуры, а также работу избирательных комиссий; аренду помещений, непосредственно для этих комиссий; все сопутствующие издержки, связанные с физической пересылкой бюллетеней, с голосами избирателей и их подсчётом для объявления результатов голосования.

Помимо этого, несмотря на все существующие плюсы и удобства использования системы дистанционного электронного голосования, у рядовых обывателей тоже возникает ряд вопросов, касаемых безопасности и надёжности использования такой системы. Среди основных опасений: 1) страх уязвимости взлома такой системы, поскольку избирательная процедура может быть подвержена хакерской атаке; 2) отсутствие анонимности, поскольку в цифровой системе сложно гарантировать абсолютную анонимность, тем более, когда речь идёт о предоставлении своего голоса за конкретного кандидата; 3) страх сбоя и цифровых утечек, особенно в группе наиболее уязвимых пожилых людей, которые наиболее уязвимы и чувствительны, поскольку зачастую имеют низкую цифровую грамотность; 4) психологическое недоверие, поскольку использование системы дистанционного голосования, это довольно новая возможность для избирателей выразить свою политическую позицию, поэтому рядовым пользователям необходимо время чтобы адаптироваться к новым технологическим возможностям.

Исходя из постановления ЦИК России от 27.07.2020 г. № 261/1924–7, обширные полномочия комиссий, которые регулируют деятельность ДЭГ, должны сохраняться в полном объеме, до того момента пока тестирование системы не будет завершено, и не будут созданы соответствующие занимательные нормы для регулирования всего процесса [4].

На основании этого же постановления можно сделать вывод, что регулирование необходимо осуществлять как с помощью федерального законодательства, там и с помощью локальных актов, действующих внутри самих избирательных комиссиях.

Постников А.Е. считает, что необходимо создать нормативно-правовую базу, а также расширить полномочия избирательных комиссий, в ряде технических вопросов, в период проведения избирательной кампании [5, с. 31–42].

Помимо этого, он предлагает дополнить ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», следующими пунктами:

- 1) установлен порядок и сроки подачи заявлений, для всех лиц, принявших участие в голосовании;
- 2) наличие обязательной аутентификации и идентификации всех пользователей системы дистанционного электронного голосования;
- 3) более подробно раскрыть роль каждого из участников дистанционного процесса;
- 4) установить более тщательное наблюдение за проведением выборов, что должно помочь избежать фальсификаций.

Таким образом проведение выборов с использованием системы ДЭГ достаточно прогрессивный и инновационный способ осуществления избирательных прав граждан, при этом достаточно сложный как в техническом, так и правовом плане. Осуществление выборов, с использованием системы дистанционного электронного голосования, безусловно позволяет улучшить качество проводимых выборов, попутно с этим поднимая эффективность избирательных комиссий, будь то на федеральном, региональном и местном уровнях.

Из предложений, которые могли бы поспособствовать улучшению системы дистанционного электронного голосования, а именно:

- 1) существует необходимость технического просвещения граждан, о возможностях использования данной системы;

- 2) можно рекомендовать использование данной системы для того, чтобы помочь и сделать выборы более доступными для людей с ограниченными возможностями. В конечном итоге, можно заключить, что осуществление выборов с помощью системы дистанционного электронного голосования – это одно из перспективных направлений развития избирательного процесса.

Литература

1. Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2 С. 25–30.
2. Ларичев А.А., Ржановский В.А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 35–52.
3. Овчинников А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020 № 6 С. 6.
4. Постановление ЦИК России от 27.07.2020 г. № 261/1924–7 «О проведении дистанционного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам 13 сентября 2020 года».
5. Постников А.Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 31–42.
6. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.06.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

FEATURES OF REMOTE ELECTRONIC VOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Volkov A.A.

Volgograd Institute of Management

This article focuses on the specifics of remote electronic voting, specifically the direct use of the remote electronic voting system. This system represents a promising, constantly evolving method of conducting elections, making the topic of this article relevant. The purpose of this article is to explore the legal and technical aspects inherent to the remote electronic voting system. The author also addresses aspects such as the specifics of using the remote electronic voting system and number of legal aspects related to the use of electronic voting. The author also touches on problematic aspects associated with the use of the remote electronic voting system. The regulatory framework was 1) Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ (as amended on 02.06.2025) «On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation», 2) Resolution of the Central Election Commission of Russia of 27.07.2020 No. 261/1924–7 «On conducting remote voting in by-elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation in single-mandate electoral districts on September 13, 2020».

Keywords: electronic voting, digital technologies, electoral process, elections, digitalization, constitutional law.

References

1. Kolyushin E.I. Legal issues of Remote Electronic Voting of Voters // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 2, pp. 25–30.
2. Larichev A.A., Rzhansovsky V.A. Development of Remote Electronic Voting in Russia: Constitutional and Legal Aspect // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 9, pp. 35–52.
3. Ovchinnikov A.I. Security of the individual and the State in the Digital Age: Political and Legal Aspect // Journal of Russian Law. 2020, No. 6, p. 6.
4. Resolution of the Central Election Commission of Russia dated 27,2020, No. 261/1924–7 “On Conducting Remote Voting in the By-Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Seventh Convocation in Single-Mandate Electoral Constituencies on September 13, 2020.”
5. Postnikov A.E. “On the Limits of Subordinate Regulation of Citizens’ Electoral Rights.” Journal of Russian Law. 2022, No. 5, pp. 31–42.
6. Federal Law dated June 12, 2002, No. 67-FZ (as amended on June 2, 2025) “On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation.”

Lex fori concursus как основной коллизионный принцип, применимый к правоотношениям из трансграничной несостоятельности

Галицын Андрей Юрьевич,

магистрант Московского Государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); юрист, ООО «Бюро корпоративных консультаций»
E-mail: andrizenit40@gmail.com

Исследования в области трансграничной несостоятельности, как правило, освещают вопросы юрисдикции и признания (приведения в исполнение) иностранных судебных актов. Коллизионная же проблема зачастую остается без внимания. В рамках немногочисленных исследований проблемы выбора применимого права в трансграничном банкротстве наметился консенсус относительно необходимости применения особого коллизионного принципа, характерного именно для трансграничной несостоятельности – *lex fori concursus* (право страны возбуждения производства по делу о банкротстве). В настоящей статье раскрывается правовая природа данного коллизионного принципа, рассматриваются его особенности, выдвигается гипотеза о необходимости использования *lex fori concursus* в качестве генеральной коллизионной привязки в рамках трансграничной несостоятельности.

Целью настоящей статьи является обоснование применения коллизионного принципа *lex fori concursus* к правоотношениям из трансграничной несостоятельности.

Методология исследования включает в себя такие общенаучные методы, как логический, аксиологический, системный методы. Среди частнонаучных методов применялись сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, выбор применимого права, *lex fori concursus*, *lex fori*, свехимперативные нормы.

Существующие в доктрине модели правового регулирования трансграничной несостоятельности предлагают различное разрешение коллизионного вопроса.

Так, территориализм подразумевает применение в каждом государстве рассмотрения дела о банкротстве своего права (материально-права страны суда).

Универсализм же предлагает регулировать правоотношения из трансграничной несостоятельности на основе права страны, в которой открыто единственное производство по делу. Выбор в пользу права такого государства, по мнению *J. Pottow*, будет непосредственно зависеть от критерия *COMI* (центра основных интересов должника) [1].

Модифицированные модели также ставят вопрос применимого права в зависимости от места открытия производства по делу о банкротстве должника. Например, модифицированный универсализм, как уже отмечалось ранее, помимо применения права страны основного производства, допускает применение права страны открытия вторичного производства (исключительно к правоотношениям в рамках данного вспомогательного производства). Так называемые «виртуальные» концепции при разрешении вопроса о применимом праве также используют критерий страны места открытия производства (как основного, так и вторичного).

Следовательно, большинство моделей правового регулирования трансграничного банкротства ставят разрешение проблемы выбора применимого права в зависимости от места осуществления производства по делу, хотя и определяют это место производства (или даже несколько мест производства, в случае использования вторичных производств) по-разному.

Таким образом, правоотношения из трансграничной несостоятельности, как правило, регулируются на основе особого коллизионного принципа, характерного для трансграничной несостоятельности – *lex fori concursus* [2].

Под *lex fori concursus* ЮНСИТРАЛ понимает законодательство государства, в котором открыто производство по делу о несостоятельности [3]. В проекте Типового закона ЮНСИТРАЛ о применимом законодательстве в делах о банкротстве коллизионная привязка *lex fori concursus* используется в качестве генеральной [3]. При этом термин законодательство толкуется ЮНСИТРАЛ как охватывающий все законы, касающиеся несостоятельности, которые могут применяться в государстве, в котором было возбуждено производство по делу о несостоятельности [4].

Регламент ЕС 2015 г. также признает *lex fori concursus* в качестве основного коллизионного принципа для регулирования правоотношений по поводу трансграничного банкротства [5]. Терминологически Регламент ЕС 2015 г. определяет *lex fori concursus* как «право страны открытия производства по делу о банкротстве» [5].

Коллизионный принцип *lex fori concursus* получил распространение и в латиноамериканском регионе, в рамках региональной унификации международного права – он выводится из положений договоров Монтевидео [6].

В законодательстве большинства государств отсутствуют коллизионные нормы, прямо относящиеся к решению вопросов трансграничной несостоятельности, но в некоторых юрисдикциях такие нормы все же возможно обнаружить. Например, как отмечала *И.В. Гетьман-Павлова*, в Германии выбор применимого права осуществляется на основе принципа *lex fori concursus*, под которым понимается двусторонняя коллизионная привязка [7].

Тем не менее, двусторонний характер коллизионных норм, основанных на принципе *lex fori concursus*, не является очевидным. Так, хотя данные нормы и не отсылают к конкретному правопорядку, с момента возбуждения в том или ином государстве процедуры банкротства в отношении должника, выбор права, подлежащего применению становится безальтернативным.

Однако, как отмечала *Г.К. Дмитриева*, закон суда (*lex fori*) иногда встречается в качестве формулы прикрепления и используется в двусторонних коллизионных нормах (как правило, в международных соглашениях) [8]. Можно предположить, что подобное суждение возможно распространить и на принцип *lex fori concursus*, встречающийся зачастую именно в международно-правовых актах.

Учитывая же сложности определения подсудности по делам о трансграничной несостоятельности (как было описано ранее, при определении компетенции судов используются совершенно различные критерии), а также возможность в некоторых случаях возбуждать вторичные производства, представляется, что нормы, имеющие в своем составе привязку *lex fori concursus*, все же не являются односторонними. Действительно, предугадать заранее на основании лишь привязки *lex fori concursus*, право какого именно государства будет применено в будущем при возбуждении дела о банкротстве крайне затруднительно. Вопрос применимого права фактически ставится в зависимость от юрисдикционных критериев и от моделей правового регулирования трансграничной несостоятельности, применяемых, как в государстве (государствах), где будет осуществляться производство по делу, так и в юрисдикциях, где может быть запрошено признание эффекта данной процедуры. Следовательно, вывод немецкой практики о двустороннем характере коллизионных норм, базирующихся на принципе *lex fori concursus* заслуживает внимания.

По аналогии с Германией, привязка *lex fori concursus* используется и в законодательстве, например, Швейцарской Конфедерации [9].

В свою очередь, во многих юрисдикциях для выбора применимого к отношениям из трансграничной несостоятельности права используются односторонние коллизионные нормы, прямо указывающие на право того или иного государства (на собственное право). Такой подход характерен, например, для законодательства Бельгии [10], Испании [11], Японии [12].

Подход Испанского законодателя к вопросу применимого права в трансграничном банкротстве является особенно детализированным и выделяется тем, что во-первых, содержит указание на применение исключительно испанского права к банкротным процедурам, открытым на территории государства, а во-вторых, обозначает, что правовой эффект признанного на территории Испании иностранного банкротства (в том числе полномочия управляющего) регулируются правом, государства открытия производства. То есть данный подход сочетает в себе применение классической привязки *lex fori*, выраженной в односторонней коллизионной норме с использованием двусторонних коллизионных норм, сформулированных уже на основе принципа *lex fori concursus*.

Тем не менее, несмотря на приведенный испанский опыт правового регулирования, использование в качестве генеральной исключительно привязки *lex fori concursus* представляется достаточным, что подтверждается, как международными актами в сфере трансграничного банкротства, приведенными ранее, так и изысканиями ЮНСИТРАЛ в данной области, а также современной научной доктриной.

Проблема выбора применимого права в сфере трансграничного банкротства российским законодателем пока что не решена, хотя попытка урегулировать данный вопрос и была предпринята в рамках разработки ФЗ «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)».

Так, согласно п. 1 ст. 7 проекта указанного Федерального закона к процедурам банкротства, а также к их последствиям, за исключением случаев, предусмотренных законом, применяется право страны, на территории которой возбуждено производство по делу о банкротстве [13]. Кроме того, в п. 1 ст. 14 проекта данного закона предусмотрено, что эффект признанного на территории России без дальнейшего производства иностранного банкротства определяется правом страны, на территории которой было открыто иностранное производство, если это не противоречит публичному порядку Российской Федерации и не затрагивает нормы непосредственного применения [13].

В разработанном относительно недавно проекте Соглашения СНГ (Союза независимых государств) о трансграничном банкротстве отражен аналогичный генеральный подход к выбору применимого права – к процедуре банкротства, в том числе к ее последствиям, применяется право договаривающейся стороны, на территории которой введена процедура банкротства [14].

В действующем же российском позитивном праве отсутствуют коллизионные нормы, непосредственно применимые к правоотношениям из трансграничной несостоятельности.

Теоретически идею о применении к отношениям, возникающим в рамках процедур несостоятельности, закона государства, в котором возбуждено дело о несостоятельности, можно было бы вывести из ст. 1 Закона о банкротстве 2002 г. Однако представляется, что такое толкование было бы чрезмерно расширительным, ведь ст. 1 Закона о банкротстве лишь очерчивает пределы действия норм российского права и ничего не говорит о действии норм права иностранного.

Также необоснованным кажется и расширительное толкование п. 5 ст. 1 Закона о банкротстве 2002 г. в качестве коллизионной нормы. Согласно указанной норме к регулируемым Законом о банкротстве 2002 г. отношениям с участием иностранных кредиторов применяются

ся положения данного закона, если иное не предусмотрено международным договором. Тем не менее, представляется, что данная норма не может быть названа коллизионной, так как не соответствует классической структуре коллизионных норм и фактически лишь определяет действие Закона о банкротстве 2002 г. по кругу лиц.

Несмотря на фактическое отсутствие в российском законодательстве коллизионных норм, применимых к трансграничной несостоятельности, данная проблема отчасти компенсируется развитием судебной практики. Так, российские суды, в том числе высшие судебные инстанции неоднократно прямо упоминали принцип *lex fori concursus*.

Наиболее известным в данном контексте является дело АО «Банк «Снорас» (Литовская республика) [15]. В рамках данного дела арбитражный управляющий должника оспаривал зачет из договора о корреспондентских отношениях, совершенный в преддверии банкротства должника. Рассматривая данный обособленный спор, ВАС РФ указал, что, «поскольку требование банка о признании сделки недействительной связано с возбуждением в отношении банка дела о банкротстве в Литве, применению подлежали нормы права Литвы как «государства, в котором осуществляется процедура банкротства (*lex concursus*)» [16]. При повторном рассмотрении данного дела суды установили содержание норм права Литвы и пришли к выводу о невозможности прекращения обязательств сторон зачетом.

Необходимость применения именно принципа *lex fori concursus* обосновывается российскими судебными органами по-разному. Так, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд обосновал выбор применимого при оспаривании сделок права с политико-правовой точки зрения, пояснив, что применение права страны открытия производства по делу о несостоятельности соответствует общим принципам и целям института банкротства, универсальным для любого государства [17].

Также применение *lex fori concursus* может основываться на принципе наиболее тесной связи, закрепленном в п. 2 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации [18].

Есть в российской судебной практике и примеры указания суда на необходимость применения российского банкротного права в связи со сверхимперативным характером его норм [19]. Однако рассматриваемая позиция (отнесение всего законодательства о банкротстве к сверхимперативным нормам или вывод о невозможности применения иностранного права ввиду нарушения публичного порядка) представляется неверной из-за своего противоречия принципу тесной связи, интересам участников гражданского оборота, а также тенденциям развития доктрины и законодательства. Хотя, безусловно, сам по себе учет сверхимперативных норм и публичного порядка необходимы, что реализуется, например, в рамках Регламента ЕС 2015 г.

Еще одной важной и получившей развитие в мировой и российской доктрине и законодательской практике проблемой является определение сферы применения статута трансграничной несостоятельности. То есть спектра правоотношений, которые подлежат регулированию на основании коллизионных норм, в том числе включающих в себя привязку *lex fori concursus*.

В Регламенте ЕС 2015 г. подробно описан перечень правоотношений, подпадающих под статут несостоятельности. В частности, банкротный статут определяет конкурсоспособность должника, полномочия управляющего, права и обязанности должника, допустимость зачета, последствия процедуры банкротства в отношении договоров, предъявление требований, распределение выручки от реализации имущества, условия и последствия прекращения банкротства, бремя несения расходов и некоторые иные вопросы, прямо перечисленные в ч. 2 ст. 7 Регламента ЕС 2015 г.

В проекте ФЗ «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» также была предпринята попытка обозначить круг правоотношений, входящих в сферу действия статута трансграничной несостоятельности. Норма, посвященная данному вопросу содержится и в Проекте Соглашения СНГ «О трансграничной несостоятельности».

Заключение

Таким образом, на современном этапе развития института трансграничной несостоятельности вопрос применимого права и выработки коллизионных норм все еще не разрешен, тем не менее, можно определить генеральный коллизионный принцип регулирования правоотношений в ходе банкротных процедур – *lex fori concursus*, утвердившийся в зарубежных государствах и межгосударственных объединениях. Коллизионные нормы, основанные на принципе *lex fori concursus* являются двусторонними, могут приводить к применению иностранного банкротного права. В Российской Федерации данный принцип пока что ограниченно реализован только на уровне судебной практики. Для российского правопорядка представляется ясная перспектива по введению

lex fori concursus на законодательном уровне (как на национальном, так и на региональном). Закрепление данного принципа позволит эффективно разрешать возникающий в ходе трансграничной несостоятельности вопрос выбора права, подлежащего применению.

В то же время принцип *lex fori concursus* не способен разрешить коллизионный вопрос во всех случаях. Он должен дополняться соответствующими исключениями, речь о которых пойдет далее.

Литература

1. Pottow J. Beyond Carve-Outs and Toward Reliance: A Normative Framework for Cross-Border Insolvency Choice of Law. // SSRN Electronic Journal – 2015;
2. Xu A. A new solution concerning choice of law for the assignment of debts. International & Comparative Law Quarterly. // Cambridge University Press – 2021;
3. Применимое законодательство в производстве по делам о несостоятельности. Проект типового закона. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. – 2026;
4. Доклад Рабочей группы V (Законодательство о несостоятельности) о работе ее 59-й сессии. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. – 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltid/v21/074/03/pdf/v2107403.pdf>;
5. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2015/848 от 20 мая 2015 г. – ст. 7 // СПС «Гарант»;
6. Договор Монтевидео о международном торговом праве 1940 г. (Tratado de Derecho Comercial Terrestre Internacional de Montevideo de 1940). – ст. 40–45. URL: https://www.oas.org/dil/esp/Tratado_de_Derecho_Comercial_Terrestre_Internacional_Montevideo_1940.pdf;
7. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. Учебник для магистров. 4-е изд. Москва: Юрайт. 2013. – с. 872;
8. Дмитриева Г.К., Еремичев Е.Н., Кутузов И.М. [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. Международное частное право: учебник / – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022. – с. 214–215;
9. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве (Federal Act on Private International Law, PILA) от 18 декабря 1987 г. ст. 170;
10. Закон Бельгии «О Кодексе международного частного права» от 16 июля 2004 г. Ст. 119;
11. Закон Королевства Испании о несостоятельности от 9 июля 2003 года (Ley Concursal, Ley 22/2003, de 9 de julio). Раздел IX. Ст. 220;
12. Закон о банкротстве и гражданской реабилитации Японии (Act on Civil Rehabilitation and Bankruptcy of Japan, 2000). ст. 2, п. 2;
13. Проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.09.2011) – п. 1 ст. 14 // СПС «Консультант Плюс»;
14. Проект Соглашения СНГ о трансграничной несостоятельности. 2024. // Официальный сайт Минэкономразвития РФ;
15. Постановление Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 12.11.2013 № 10508/13 по делу N A40–108528/12–50–1134 // Картоотека арбитражных дел;
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2015 N 305–ЭС15–7119 по делу N A40–108528/2012// Картоотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru>;
17. Постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 19.07.2023 по делу N A55–9304/2019// Картоотека арбитражных дел – URL: <https://kad.arbitr.ru>;
18. Полшкова М.И. Статут несостоятельности и Lex fori concursus как основная коллизионная привязка // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) № 3–2021 г.;
19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.10.2023 N Ф05–31764/2021 по делу N A40–263943/2020 // Картоотека арбитражных дел – URL: <https://kad.arbitr.ru>.

LEX FORI CONCURSUS, AS THE MAIN CONFLICT-OF-LAWS PRINCIPLE APPLICABLE IN CROSS-BORDER INSOLVENCY

Galitsyn A.

Kutafin Moscow State Law University, Bureau of Corporate Consultations LLC

Research in the field of cross-border insolvency, as a rule, highlights issues of jurisdiction and recognition (enforcement) of foreign judicial acts. The conflict-of-laws problem is often ignored. Within the framework of a few studies of the problem of choosing the applicable law in cross-border bankruptcy, there has been a consensus on the need to apply a special conflict-of-laws principle specific to cross-border insolvency – *lex fori concursus* (the law of the country of initiation of bankruptcy proceedings). This article reveals the legal nature of this conflict-of-laws principle, examines its features, and hypothesizes the need to use *lex fori concursus* as a general conflict-of-laws binding in the framework of cross-border insolvency.

The purpose of this article is to substantiate the application of the *lex fori concursus* conflict of laws principle to legal relations arising from cross-border insolvency.

The research methodology includes such general scientific methods as logical, axiological, and systematic methods. Comparative legal and formal legal methods were used among the private scientific methods.

Keywords: cross-border bankruptcy, choice of applicable law, *lex fori concursus*, *lex fori*, superimperative norms.

References

1. Pottow J. Beyond Carve-Outs and Toward Reliance: A Normative Framework for Cross-Border Insolvency Choice of Law. // SSRN Electronic Journal – 2015;
2. Xu A. A new solution concerning choice of law for the assignment of debts. International & Comparative Law Quarterly. // Cambridge University Press – 2021;
3. Applicable legislation in insolvency proceedings. Draft Model Law. United Nations Commission on International Trade Law. – 2026;
4. Report of Working Group V (Insolvency Law) on its 59th session. United Nations Commission on International Trade Law. – 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltid/v21/074/03/pdf/v2107403.pdf>;
5. Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union No. 2015/848 of May 20, 2015 – art. 7 // ATP “Garant”;
6. The Treaty of Montevideo on International Trade Law of 1940 (Tratado de Derecho Comercial Terrestre Internacional de Montevideo de 1940). – V. 40–45. URL: https://www.oas.org/dil/esp/Tratado_de_Derecho_Comercial_Terrestre_Internacional_Montevideo_1940.pdf;
7. Getman-Pavlova I.V. Private international law. A textbook for masters. 4th ed. Moscow: Yurait, 2013, p. 872;
8. Dmitrieva G.K., Eremichev E.N., Kutuzov I.M. [et al.]; edited by G.K. Dmitriev. Private International Law: textbook / – 5th ed., revised and add. – Moscow: Prospekt, 2022. – pp. 214–215;
9. Swiss Federal Law on Private International Law (Federal Act on Private International Law, PILA) dated December 18, 1987, art.170;
10. The Belgian Law “On the Code of Private International Law” dated July 16, 2004, art. 119;
11. The Insolvency Law of the Kingdom of Spain dated July 9, 2003 (Ley Concursal, Ley 22/2003, de 9 de julio). Section IX. Art. 220;
12. The Law on Bankruptcy and Civil Rehabilitation of Japan (Act on Civil Rehabilitation and Bankruptcy of Japan, 2000). art. 2, paragraph 2;
13. Draft Federal Law “On Cross-border Insolvency (Bankruptcy)” (prepared by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 26.09.2011) – paragraph 1 of art.14 // SPS Consultant Plus;
14. Draft CIS Agreement on Cross-border Insolvency. 2024. // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation;
15. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.11.2013 No. 10508/13 in case No. A40–108528/12–50–1134 // The file of arbitration cases;
16. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/10/2015 N 305–ES15–7119 in case N A40–108528/2012// File of arbitration cases URL: <https://kad.arbitr.ru>;
17. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 07/19/2023 in case no. A55–9304/2019// File of arbitration cases – URL: <https://kad.arbitr.ru>;
18. Polshkova M.I. Statute of insolvency and Lex fori concursus as the main conflict of laws binding // Bulletin of O.E. Kutafin University (MGUA) No. 3–2021;
19. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 05.10.2023 N F05–31764/2021 in case N A40–263943/2020 // File of arbitration cases – URL: <https://kad.arbitr.ru>.

О правовых основах идеологии в Российской Федерации: современные угрозы безопасности и ограничения прав человека

Гончар Владимир Сергеевич,
аспирант, РГУ Нефти и Газа (НИУ) имени И.М. Губкина

Статья посвящена анализу конституционно-правовых основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и вопросам реализации идеологических основ государства в условиях современных вызовов и угроз. Исследуются положения Конституции Российской Федерации, регулирующие основы конституционного строя, ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также полномочия органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется проблеме соотношения абсолютных прав и допустимости их ограничения в целях защиты национальных интересов государства. Рассматриваются подходы Конституционного Суда Российской Федерации к толкованию положений статей 17, 55 и 56 Конституции РФ, а также вопросы запрета злоупотребления правами. Анализируются стратегические документы в сфере национальной, экономической, информационной и продовольственной безопасности, их значение для формирования государственной политики и развития идеологических механизмов. Делается вывод о необходимости совершенствования правовых механизмов обеспечения национальной безопасности и выработки последовательной теории ограничения и предотвращения злоупотребления конституционными правами.

Ключевые слова: идеология, безопасность государства, права человека, ограничение прав.

Подчеркнем, что в ст.ст. 13, 55 и 114 действующей Конституции Российской Федерации присутствуют упоминания национальной безопасности [1]. Приступая к анализу конституционно-правовых основ регулирования идеологии в Российской Федерации, целесообразно существующие положения Основного закона страны разделить на несколько взаимосвязанных категорий:

1) основы конституционного строя (гл. 1 Конституции Российской Федерации), которые являются фундаментом для осуществления соответствующей деятельности в направлении обеспечения безопасности государства;

2) конституционные положения, посвященные отдельным составляющим безопасности;

3) статьи Конституции Российской Федерации, где нашли закрепления основы ограничения прав и свобод человека и гражданина для целей обеспечения, и поддержания государственной безопасности (например, ст. 55 Конституции Российской Федерации);

4) конституционные нормы, которые содержат необходимые требования по обеспечению государственной безопасности при условии правомерной деятельности общественных объединений и органов государственной власти (например, в п. «д» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что Правительство Российской Федерации осуществляет все необходимые меры по обеспечению государственной безопасности Российской Федерации).

В отечественном научном сообществе достаточно давно продолжаются дискуссии о правомерности ограничений прав человека и запрете злоупотреблений данными правами. Так, исходя из содержания ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, не получил решения вопрос о практическом значении ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, где отмечается, что осуществление прав и свобод человека не может и не должно нарушать права других лиц. В широком смысле можно предположить, что ч. 3 ст. 17 Конституции РФ закрепляет универсальный запрет на злоупотребление правами.

В ч. 3 ст. 56 Конституции РФ определен масштабный перечень прав и свобод, которые не могут быть ограничены. С определенной долей условности данные права можно объединить в несколько категорий:

- права, касающиеся физической и ментальной неприкосновенности (права на жизнь, на уважение чести и достоинства, на свободу совести и вероисповедания, на неприкосновенность частной жизни);
- отдельные экономические права (право на жилище и на занятие предпринимательской деятельностью);
- юстициарные права (право на доступ к суду, на возмещение вреда, причиненного государством, на презумпцию невиновности).

А. Троицкая поясняет, что ч. 3 упомянутой ст. 56 Конституции РФ структурно расположена среди норм, которые касаются чрезвычайного положения. При этом следует понимать, что перечисленные выше права не могут быть ограничены только на основании введения режима чрезвычайного положения, соответственно, их можно ограничить на общих основаниях, которые предусмотрены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [10]. В то же время, практика сформировала диаметрально противоположный подход, в соответствии с которым ч. 3 ст. 56 Конституции РФ направлена на закрепление перечня абсолютных прав, которые не подлежат ограничению, в том числе и при чрезвычайном положении.

Следуя позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в Определении от 10 марта 2016 г. № 448-О, каталог абсолютных прав не подлежит ограничению и при остальных правовых режимах, которые могут вводиться государством в интересах обеспечения и поддержания национальной безопасности [3]. На наш взгляд, перечень прав, изложенный в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, который абсолютизирует в своей практике Конституционный Суд РФ, на наш взгляд, не является столь очевидным. В этой связи целесообразно выделить несколько критериев для систематизации абсолютных прав, которые можно правомерно ограничивать, в том числе и в целях развития идеологических основ в стране.

Первый критерий выделения абсолютных прав может быть связан со сравнительно-правовой характеристикой важности тех или иных прав в структуре правового статуса личности. Данный критерий не позволяет четко и однозначно соблюсти какую-либо иерархию в системе прав человека по ряду причин. Например, в структуре особо важных прав главенствующее место отводится праву на жизнь и на уважение человеческого достоинства, поскольку без их особой защиты практи-

чески невозможно гарантировать защиту других прав личности. При этом не вполне понятно, почему в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ законодателем не упоминается право на медицинскую помощь и охрану здоровья, ведь Конституционный Суд РФ неоднократно формулировал правовые позиции, в которых называл здоровье – неотчуждаемым благом, при отсутствии которого утрачивают свою значимость для личности многие другие ценности [2].

Также не вполне понятно, почему среди абсолютных прав законодатель в ст. 56 Конституции РФ не упомянул право на беспрепятственное возвращение в РФ, ведь данное право предполагает, что полным объемом своих прав и свобод российский гражданин может воспользоваться только под юрисдикцией Российской Федерации. В то же время, упомянутое право на занятие предпринимательской деятельностью, на наш взгляд, действительно является важным экономическим правом в правовом государстве, однако, его можно правомерно ограничивать в интересах национальной безопасности, не допуская при этом разрушения правового статуса личности.

Следующим критерием абсолютизации прав может стать невозможность допущения конфликта между ценностями, ради защиты которых вводятся ограничения, и непосредственно ограничиваемыми правами. Например, в одном из своих ранних Постановлений от 03 мая 1995 г. № 4-П Конституционный Суд РФ отметил, что право на судебную защиту ни при каких обстоятельствах не может вступать в противоречие с целями обеспечения национальных интересов и обороны страны, соответственно, не подлежит ограничению [7]. Тем не менее, практика свидетельствует о том, что право на обращение за защитой в суд может при определенных обстоятельствах конфликтовать с различными ценностями. Право на судебную защиту нашло свое отражение в ст. 46 Конституции РФ, а на наднациональном уровне было сформулировано Европейским судом по правам человека в деле «Годлер против Соединенного Королевства» [5]. Данная позиция была отражена как в отечественной, так и в европейской практике [4, 8].

Следует отметить, что в число значимых начал конституционного строя, которые напрямую касаются воплощения идеологических основ в Российской Федерации, входят принципы территориальной целостности государства и суверенитета. В ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации уточняется, что российский многонациональный народ является носителем суверенитета, который в соответствии со ст. 4 Конституции Российской Федерации распространяется на всю территорию страны. В Постановлении от 07 июня 2000 года № 10-П Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что суверенитет – это важный, качественный признак Российского государства, благодаря которому можно в достаточной степени охарактеризовать конституционно-правовой статус страны [6].

Дополнительно в ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации значится, что государство обеспечивает неприкосновенность и целостность своей территории, следовательно, предпринимает все необходимые меры для поддержания безопасности. В этой связи следует упомянуть Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» [15], где отсутствует полноценное определение государственной безопасности, однако, вместо этого законодатель в ст. 2 названного Федерального закона перечислил принципы обеспечения национальной безопасности, в числе которых:

- а) законность, защита и соблюдение прав и свобод человека;
- б) приоритет предупредительных мер для обеспечения безопасности;
- в) комплексность и системность применения органами государственной власти и местного самоуправления информационных, политических, социально-экономических, организационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;
- г) взаимодействие органов власти и общественных организаций, объединений и граждан с целью обеспечения безопасности.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О безопасности» одно из направлений деятельности по обеспечению национальной безопасности состоит в разработке и комплексном применении оперативных мер по выявлению, устранению и предупреждению угроз безопасности. Положениям Федерального закона «О безопасности» в достаточной степени соответствует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая была утверждена соответствующим Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400.

В целях более полного и качественного регулирования идеологических аспектов в Российской Федерации используются различные инструменты, в число которых входят разнообразные государственные программы и национальные проекты. Под государственной программой следует понимать документ стратегического планирования, в котором содержательно представлены разнообразные запланированные мероприятия, которые пребывают в тесной взаимосвязи со сроками, ресурсами, исполнителями, и направлены на достижение целей и приоритетов государственной политики в сфере социально-

экономического развития. Кроме того, как стратегически важный акт государственная программа традиционно позволяет обеспечивать национальную безопасность всей страны.

В свою очередь, национальный проект представляет собою некую проектную программу, с помощью которой достигаются национальные цели, реализуются целевые показатели в рамках действующего Указа Президента № 474 № «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [14]. В упомянутом Указе № 474 среди ключевых национальных целей развития страны упоминается комфортная и безопасная среда для жизни, а также сохранение населения.

Также в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации целесообразно обратить внимание на экономический, военный, продовольственный, информационный потенциал страны. Так, в 2017 году соответствующим Указом Президента Российской Федерации № 208 была утверждена Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [13]. В данной Стратегии определены угрозы и современные вызовы экономической безопасности Российской Федерации, сформулированы фундаментальные направления государственной политики в данном направлении.

Предполагается, что последовательная и целенаправленная реализация Стратегии экономической безопасности позволит не только противодействовать существующим угрозам, но и предотвратить различные кризисные явления в финансовой, ресурсно-сырьевой, производственной, технологических сферах. Совокупная реализация запланированных мероприятий в рамках Стратегии экономической безопасности позволит не допустить снижения качества жизни населения. Отдельного внимания в рамках настоящего исследования заслуживает Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, которая была утверждена Указом Президента № 646 от 05 декабря 2016 года [12].

В данной Доктрине систематизированы официальные взгляды, которые касаются обеспечения национальной безопасности в информационной сфере. Для поддержания и обеспечения информационной безопасности могут использоваться во взаимосвязи самые разнообразные меры (разведывательные, правовые, кадровые, научно-технические, экономические, организационные), которые позволяют своевременно прогнозировать, обнаруживать и предотвращать информационные угрозы, ликвидировать в достаточной степени негативные последствия от них. В этой связи отметим, что в декабре 2022 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации [9].

В данной Концепции подчеркивается, что в условиях стремительного развития цифровых технологий возрастают информационные риски, которые способны причинить вред правам граждан на свободу и доступ к информации. Также отметим, что для целей улучшения социально-экономического положения государства, а также укрепления основ продовольственной независимости Указом Президента № 20 от 21 января 2020 года была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [11]. Положения данной Доктрины чрезвычайно важны для обеспечения безопасности всего государства в вопросах продовольствия. Предполагается, что путем последовательной реализации всех запланированных мероприятий удастся в полной мере обеспечить страну базовыми видами сельскохозяйственной продукции, сырьем и продовольствием.

Учитывая проанализированные документы стратегического планирования, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время для развития общественных потребностей – повышения качества жизни, улучшения информационной, продовольственной, культурной, экономической безопасности и преодоления социального неравенства, развития науки и техники, совершения технологических и инновационных прорывов – следует регулярно анализировать разнообразные показатели.

Итак, необходимо отметить, что новые угрозы и вызовы, стоящие перед Россией, существенным образом повлияли на направленность и содержание ее деятельности по обеспечению национальной безопасности. Указом № 400 от 2 июля 2021 г. Президент Российской Федерации утвердил обновленную Стратегию национальной безопасности на период до 2030 года – стратегический документ, который нуждается в серьезном, глубоком анализе, особенно с точки зрения выявления методологических и информационных основ для понимания феномена национальной безопасности. Законодатель начал использовать документы стратегического планирования в механизме обеспечения национальной безопасности не так давно. Строго говоря, первая Стратегия была утверждена только в 2009 г., ее принятию предшествовали две Концепции 1997 г. и 2000 г. По своим методологическим составляющим концепция отличается от стратегии, и, на наш взгляд, для обеспечения национальной безопасности концепция как документ не подходит, хотя бы по той причине, что концепция – это система взглядов и не вполне совершенная.

Таким образом, в настоящее время особую актуальность приобрел вопрос реализации запрета злоупотребления конституционными правами, которые напрямую не отражен в Конституции РФ, однако, происходит из широкого толкования ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 17 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 17 Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина. Нормы ч. 3 ст. 17 Конституции РФ фактически содержат указание на межотраслевой запрет злоупотреблений, поскольку реализация прав одним индивидом не должна нарушать права другого индивида. Любые проявления злоупотреблений должны в обязательном порядке квалифицироваться надлежащим образом судом и сопровождаться применением мер юридического воздействия, что позволит обеспечить национальную безопасность внутри государства. На сегодняшний день, к сожалению, в правовой плоскости отсутствует последовательная теория злоупотребления правами, во многом, по причине того, что и установленные ограничения прав, и выявленные случаи злоупотреблений обладают рядом достоинств и недостатков. Так, ограничения позволяют каждому субъекту предварительно соотносить свое поведение с потенциально возможными негативными последствиями, но при этом может иметь место избыточная оценка своего поведения. Запрет злоупотреблений позволяет гибко реагировать на множество вредных практик, тем не менее, поведение лица объявляется недопустимым, хотя прежде оно, строго формально, не считалось таковым.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 448-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности пункта 2 статьи 1248, пункта 2 статьи 1398 и пункта 2 статьи 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями Правил подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 10.
4. Постановление ЕСПЧ от 17.07.2003 по делу «Луордо (Luordo) против Италии» (жалоба № 32190/96) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12.
5. Постановление ЕСПЧ от 21.02.1975 по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2002. № 8.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Росс. газета. 2000. № 118.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2021 № 36-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого пункта 6 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина П.Л. Чепкасова» // Российская газета. 2021. № 166.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2022 № 4088-р «Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.09.2023.
10. Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 61.
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
12. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

13. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

14. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Рос. газета. 2020. № 159.

15. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

ON THE LEGAL BASIS OF IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONTEMPORARY THREATS TO SECURITY AND RESTRICTIONS OF HUMAN RIGHTS

Gonchar V.S.

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

This article analyzes the constitutional and legal foundations of the Russian Federation's national security and the implementation of the state's ideological principles in the face of modern challenges and threats. It examines the provisions of the Constitution of the Russian Federation governing the foundations of the constitutional order, restrictions on human and civil rights and freedoms, and the powers of government bodies in the area of security. Particular attention is paid to the relationship between absolute rights and the permissibility of limiting them to protect the state's national interests. The article examines the approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation to interpreting the provisions of Articles 17, 55, and 56 of the Constitution of the Russian Federation, as well as the prohibition of abuse of rights. It also examines strategic documents in the areas of national, economic, information, and food security, their significance for the formation of public policy, and the development of ideological mechanisms. It concludes that it is necessary to improve the legal mechanisms for ensuring national security and develop a consistent theory of limiting and preventing the abuse of constitutional rights.

Keywords: ideology, state security, human rights, limitation of rights.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.2002 № 115-О «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgenia Zakharovna Martynova regarding the violation of her constitutional rights by paragraph 2 of Article 779 and paragraph 2 of Article 782 of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003. № 1.
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.03.2016 № 448-О «At the request of the Intellectual Property Court to review the constitutionality of paragraph 2 of Article 1248, paragraph 2 of Article 1398, and paragraph 2 of Article 1406 of the Civil Code of the Russian Federation in conjunction with the provisions of the Rules for filing objections and applications and their consideration in the Patent Dispute Chamber» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2016. № 10.
4. Judgment of the ECHR of 17.07.2003 in the case of Luordo v. Italy (complaint № 32190/96) // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2003. № 12.
5. Judgment of the ECHR of 21.02.1975 in the case of «Golder v. the United Kingdom» // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2002. № 8.
6. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.06.2000 № 10-П «On the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law «On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» // Ross. newspaper. 2000. № 118.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 3, 1995 № 4-П «On the case of reviewing the constitutionality of Articles 220.1 and 220.2 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.A. Avetian» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1995. № 2–3.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2021 № 36-П «On the case of reviewing the constitutionality of paragraph five of clause 6 of Article 213.25 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the complaint of citizen P.L. Chepkasov» // Rossiyskaya Gazeta. 2021. № 166.
9. Order of the Government of the Russian Federation of 22.12.2022 № 4088-р «On Approval of the Concept for the Formation and Development of an Information Security Culture for Citizens of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 01.09.2023.
10. Troitskaya A. Limits of Rights and Absolute Rights: Beyond the Principle of Proportionality? Theoretical Issues and Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Comparative Constitutional Review. 2015. № 2. P. 61.
11. Decree of the President of the Russian Federation of 21.01.2020 № 20 «On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 4. Art. 345.
12. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 № 646 «On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. № 50. Article 7074.
13. Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 № 208 «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. Article 2902.
14. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 № 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030» // Ros. newspaper. 2020. № 159.
15. Federal Law of December 28, 2010 № 390-FZ (as amended on July 10, 2023) «On Security» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Article 2.

Историко-правовой анализ торговых договоров между Хазарским каганатом и Византией (VII–X вв.)

Ильтер Серхат,
аспирант, МГЮА
E-mail: s2021693@edu.msal.ru

Статья посвящена комплексному историко-правовому исследованию торговых договоров между Хазарским каганатом и Византийской империей в VII–X вв. В исследовании рассматриваются особенности международно-правового регулирования торговли, правовой статус иностранных купцов, система таможенных пошлин, дипломатические гарантии, а также механизмы разрешения международных торговых споров. Особое внимание уделяется реконструкции договорных положений на основе византийских хроник, арабских географических трактатов, древнерусских летописей и археологических материалов. Автор приходит к выводу о том, что хазаро-византийские соглашения являлись важнейшим этапом формирования международного торгового права и дипломатической практики Восточной Европы и Причерноморья.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Византия, международное право, международная торговля, торговые договоры, дипломатия, международные отношения, таможенное право, раннее Средневековье.

Введение

История международных отношений раннего Средневековья представляет собой сложную систему политических, экономических и правовых взаимодействий между государствами Европы и Азии. Особое место среди данных процессов занимают отношения между Хазарским каганатом и Византийской империей, охватывавшие VII–X вв. Хазаро-византийские контакты включали военно-политическое сотрудничество, дипломатические союзы, династические браки и интенсивную международную торговлю. Хазарский каганат являлся одним из крупнейших государственных образований Восточной Европы раннего Средневековья. Контроль над Нижним Поволжьем, Северным Кавказом, Прикаспием и частью Причерноморья обеспечивал хазарам господство над важнейшими торговыми путями Евразии. Через территорию Хазарии проходили маршруты, связывавшие исламский Восток, Центральную Азию, Кавказ, Восточную Европу и Византию¹. Византийская империя, являвшаяся наследницей Римской государственности, обладала одной из наиболее развитых правовых систем средневекового мира. Международная торговля занимала ключевое место в экономике Византии. Империя стремилась обеспечить стабильность внешнеэкономических связей, безопасность торговых путей и контроль над транзитом восточных товаров². Политическое и экономическое сотрудничество между Хазарским каганатом и Византией обусловило необходимость формирования устойчивых международно-правовых механизмов регулирования торговли. Несмотря на отсутствие сохранившихся оригинальных текстов договоров, реконструкция основных правовых положений возможна благодаря анализу византийских, арабских и древнерусских источников. Следует отметить, что хазаро-византийские отношения развивались в условиях сложной международной обстановки. Государства были вынуждены учитывать угрозу со стороны Арабского халифата, а также конкуренцию за контроль над торговыми маршрутами Причерноморья и Кавказа. В данных условиях международная торговля превращалась не только в экономический фактор, но и в важнейший инструмент внешней политики. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения ранних форм международного торгового права и дипломатических институтов. Анализ хазаровизантийских соглашений позволяет проследить эволюцию международной правосубъектности государств, развитие правового статуса иностранных купцов и становление механизмов международной ответственности. Научная новизна исследования заключается в комплексном историко-правовом анализе торговых договоров между Хазарским каганатом и Византией с использованием сравнительно-правового метода, а также в попытке реконструкции правовых норм, регулирующих международную торговлю в раннесредневековой Евразии.

Политические и экономические основы хазаро-византийских отношений

Возникновение Хазарского каганата относится к середине VII века и связано с распадом Западнотюркского каганата. В условиях политической нестабильности степных регионов Евразии хазары сумели создать устойчивое государственное образование, объединившее различные этнические и племенные группы³. Политическая система Хазарии отличалась сложной структурой государственной власти. Верховная власть принадлежала кагану, обладавшему сакральным статусом. Одновременно фактическое управление государством осуществлял бек, сосредоточивший в своих руках военную и административную власть. Подобная модель двойной власти обеспечивала относительную политическую стабильность и эффективное управление огромной территорией государства⁴. Для Византии Хазарский каганат представлял важнейшего военно-политического союзника. Уже в период правления Ираклий устанавливаются тесные дипломатические отношения между государствами. Союз с хазарами имел стратегическое значение в борьбе против Сасанидского Ирана, а позднее – против Арабского халифата⁵.

¹ Плетнёва С.А. Хазары. – М.: Наука, 1976. – С. 41–52.

² Corpus Iuris Civilis. – Berlin, 1904. – P. 115–128.

³ Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Эрмитаж, 1962. – С. 55–67.

⁴ Там же. – С. 71–76.

⁵ Хронография. – СПб., 1901. – С. 214–223.

Следует отметить, что международная торговля в рассматриваемый период являлась не только экономическим, но и политическим инструментом. Контроль над торговыми путями обеспечивал государствам значительные финансовые ресурсы и усиливал их влияние в международной политике. Существенное значение имели и династические связи. Представители византийской правящей династии вступали в брачные союзы с представителями хазарской знати. Подобная практика способствовала укреплению дипломатических отношений и развитию экономического сотрудничества¹. Политическая стабильность в регионе способствовала формированию устойчивой системы международной торговли. Именно в этот период начинают складываться основы международных соглашений, регулирующих торговые отношения между государствами.

Экономическое сотрудничество между Хазарским каганатом и Византией основывалось на взаимной заинтересованности сторон в развитии международной торговли. Через территорию Хазарии проходили крупнейшие торговые маршруты раннесредневековой Евразии, связывавшие Восток и Запад. Особое значение имел Волго-Каспийский торговый путь, обеспечивавший связь между исламским Востоком, Средней Азией, Восточной Европой и Византией². Через данный маршрут осуществлялся транзит восточных товаров, включая шёлк, специи, драгоценные металлы и изделия ремесленного производства. Из северных регионов в Византию поставлялись меха, мёд, воск, оружие, лесные товары и рабы. В обратном направлении поступали византийские ткани, стекло, ювелирные изделия, вина, предметы роскоши и монеты. Археологические находки византийских солидов на территории Восточной Европы свидетельствуют о высокой интенсивности торгового обмена³. Хазарский каганат получал значительные доходы от транзитной торговли. Контроль над торговыми путями позволял государству взимать пошлины с иностранных купцов и обеспечивал стабильные финансовые поступления в казну. Византия также была заинтересована в развитии торговли с Хазарией. Империя стремилась обеспечить доступ к восточным товарам, укрепить позиции византийских купцов и расширить влияние в Причерноморье. Следует отметить, что международная торговля способствовала не только экономическому развитию государств, но и культурному обмену. Через территорию Хазарии распространялись византийские монеты, элементы материальной культуры, религиозные идеи и правовые традиции. Особую роль играли крупные торговые центры Хазарского каганата – Итиль, Саркел и Семендер. Данные города являлись важнейшими узлами международной торговли и одновременно выполняли административные функции государства. Экономическое значение международной торговли обусловило необходимость формирования устойчивой системы правового регулирования торговых отношений. Именно этим объясняется развитие международных соглашений между Хазарией и Византией.

Одним из ключевых элементов международных соглашений между Хазарским каганатом и Византией являлось регулирование правового положения иностранных торговцев. Международная торговля раннего Средневековья сопровождалась значительными рисками, связанными с разбойными нападениями, нестабильностью политической ситуации, пиратством и произвольными действиями местных властей. В данных условиях обеспечение безопасности иностранных купцов становилось необходимым условием функционирования международной торговли и стабильности внешнеэкономических отношений. В византийской правовой системе иностранные купцы обладали особым юридическим статусом. Государство предоставляло им гарантии личной безопасности, судебной защиты и сохранности имущества⁴.

Хазарские купцы, прибывавшие в Константинополь, могли осуществлять торговлю на специально выделенных рынках, находившихся под контролем византийской администрации. Государственные чиновники контролировали порядок осуществления торговых операций, размеры пошлин и соблюдение правил торговли⁵. Особое значение имели договорные гарантии неприкосновенности имущества иностранных торговцев. В случае нападения на купца или незаконного изъятия товаров местные власти обязаны были провести расследование и обеспечить возмещение ущерба. Подобные положения свидетельствуют о высоком уровне развития международно-правовых механизмов защиты торговли. В Хазарском каганате византийские купцы также пользовались особыми привилегиями. Их деятельность находилась под покровительством представителей каганской администра-

ции – тарханов. Последние выполняли функции административного и судебного надзора, контролировали торговые операции и обеспечивали безопасность иностранных торговцев. Следует отметить, что международные соглашения основывались на принципе взаимности. Права, предоставляемые хазарским купцам в Византии, соответствовали правам византийских торговцев на территории Хазарии. Подобная практика являлась ранней формой международного правового равенства сторон и свидетельствовала о развитии межгосударственных правовых отношений. Особое внимание уделялось вопросам судебной юрисдикции. Иностранные купцы имели право обращаться к местным властям для защиты своих имущественных интересов. При возникновении конфликтов между представителями различных государств могли создаваться смешанные судебные комиссии, в состав которых входили представители обеих сторон⁶. Существенное значение имели нормы, регулирующие ответственность за нарушение прав иностранных торговцев. Если купец подвергался нападению или его имущество было незаконно конфисковано, государство брало на себя обязательство обеспечить расследование обстоятельств дела и компенсировать причинённый ущерб. Подобные правовые механизмы свидетельствуют о высоком уровне развития международно-правовых институтов в раннесредневековой Евразии. Государства постепенно приходили к осознанию необходимости правовой защиты международной торговли как важнейшего элемента политической и экономической стабильности.

Таможенно-правовые и судебные основы хазаро-византийской торговли

Одним из важнейших элементов международных торговых соглашений между Хазарским каганатом и Византией являлось регулирование таможенных отношений. Контроль над международной торговлей представлял собой важнейший источник государственных доходов как для Византии, так и 5 Хазарии. Именно поэтому государства стремились создать устойчивую систему правового регулирования торговых пошлин и контроля за перемещением товаров. Византийская империя обладала развитой системой финансового и таможенного администрирования, восходившей к позднеримской традиции. Таможенные сборы взимались с иностранных купцов в портах, на рынках и в приграничных пунктах. Размеры пошлин зависели от категории товаров, их происхождения и направления транспортировки⁷.

Особое значение имели транзитные пошлины, поскольку Византия выступала посредником в международной торговле между Востоком и Европой. Ввоз восточных товаров – шёлка, специй, драгоценных металлов и предметов роскоши – обеспечивал значительные доходы государственной казне. Хазарский каганат, контролировавший Волго-Каспийский торговый путь, также активно использовал систему таможенных сборов. Иностранные купцы, проходившие через территорию Хазарии, обязаны были уплачивать специальные торговые пошлины. Данные сборы составляли важнейшую часть государственных доходов каганата⁸.

Система таможенного регулирования предусматривала обязательную регистрацию товаров, определение их стоимости и контроль за соблюдением правил торговли. Таможенные чиновники осуществляли проверку грузов, фиксировали объёмы поставок и следили за своевременной уплатой сборов. Особое внимание уделялось контролю за перемещением стратегически важных товаров. Государства стремились ограничивать вывоз оружия, драгоценных металлов и отдельных видов сырья, имевших военно-политическое значение. Следует отметить, что таможенные нормы являлись не только инструментом экономического регулирования, но и важным средством политического воздействия. Предоставление торговых льгот или, напротив, повышение размеров пошлин использовались государствами в качестве механизма дипломатического давления. Международные соглашения между Хазарским каганатом и Византией предусматривали ответственность за нарушение таможенных правил. Контрабанда товаров, уклонение от уплаты пошлин и незаконная торговля могли повлечь конфискацию имущества и иные санкции. Таким образом, уже в VII–X вв. формировались основы международного таможенного права, включавшего систему пошлин, контроль за перемещением товаров и международную ответственность за нарушение торговых норм.

Развитие международной торговли неизбежно сопровождалось возникновением имущественных и правовых конфликтов между представителями различных государств. В связи с этим важным элементом хазаро-византийских соглашений являлось регулирование по-

¹ Golden P. B. *Khazar Studies*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – P. 96–104.

² Kovalev R. *Commerce and Caravan Routes in Khazaria* // *Journal of Eurasian Studies*. – 2007. – P. 48–63.

³ Noonan T. *The Khazar Economy* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. – 1999. – Vol. 11. – P. 155–177.

⁴ Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth*. – London, 1971. – P. 84–91.

⁵ Об управлении империей. – М., 1991. – С. 152–159.

⁶ Brook K. *The Jews of Khazaria*. – Lanham, 2006. – P. 118–126.

⁷ Laiou A. *The Economic History of Byzantium*. – Washington, 2002. – P. 713–725.

⁸ Noonan T. *The Khazar Economy* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. – 1999. – Vol. 11. – P. 166–171.

рядка разрешения международных торговых споров. Международная торговля раннего Средневековья отличалась высоким уровнем риска. Купеческие караваны подвергались нападениям кочевников и разбойников, происходили случаи незаконного изъятия товаров, нарушения договорных обязательств и долговых споров. В данных условиях государства были вынуждены формировать специальные правовые механизмы защиты иностранных торговцев. Византийская правовая система основывалась на развитой римской юридической традиции. Судебное производство регулировалось нормами римского права и византийского законодательства. Иностранные купцы могли обращаться к представителям местной администрации для защиты своих имущественных интересов¹. Особое значение имели споры, связанные с торговыми обязательствами. Купцы заключали соглашения о поставке товаров, предоставлении кредитов, транспортировке грузов и совместной торговой деятельности. Нарушение условий подобных договоров могло привести к серьёзным экономическим последствиям. При разрешении международных торговых конфликтов большое значение имел принцип договорной ответственности. Сторона, нарушившая обязательства, должна была компенсировать причинённый ущерб. Подобная практика свидетельствует о формировании элементов международного частного права. В Хазарском каганате судебные функции выполняли представители каганской администрации. Существенную роль играли тарханы и иные должностные лица, контролировавшие международную торговлю. Они рассматривали имущественные споры, контролировали исполнение договоров и обеспечивали безопасность торговых маршрутов². Особое значение имели смешанные формы судебного разбирательства. В случаях, когда спор затрагивал интересы представителей различных государств, могли формироваться специальные комиссии с участием представителей обеих сторон. Подобная практика являлась важным элементом международного правового сотрудничества. Следует отметить, что международные соглашения предусматривали ответственность государства за действия местного населения. Если иностранный купец подвергался нападению на территории государства, местные власти были обязаны провести расследование и обеспечить компенсацию ущерба. Подобный принцип являлся ранней формой международной ответственности государства. Судебные механизмы играли важную роль в обеспечении стабильности международной торговли. Наличие системы правовой защиты способствовало укреплению доверия между государствами и стимулировало развитие внешнеэкономических связей. Таким образом, международная торговля между Хазарским каганатом и Византией сопровождалась формированием сложной системы правового регулирования имущественных отношений, включавшей элементы международной юрисдикции и механизмы межгосударственной ответственности. Торговые отношения между Хазарским каганатом и Византией были тесно связаны с дипломатическим сотрудничеством государств. Международная торговля раннего Средневековья являлась неотъемлемой частью внешней политики, а торговые соглашения часто выступали инструментом укрепления военно-политических союзов. Византийская империя обладала одной из наиболее развитых дипломатических систем средневекового мира. Империя активно использовала международные договоры, торговые привилегии и дипломатические миссии для укрепления собственного влияния в Причерноморье и на Кавказе³. Послы и дипломатические представители пользовались особым международноправовым статусом. Их личность считалась неприкосновенной, а имущество находилось под защитой принимающей стороны. Нарушение дипломатических гарантий рассматривалось как серьёзное нарушение международных обязательств. Особую роль играли торгово-дипломатические миссии. Купеческие караваны нередко сопровождалась официальными представителями государств, которые одновременно выполняли дипломатические функции. Подобная практика способствовала укреплению межгосударственных контактов и обеспечению безопасности торговли. Хазарский каганат также активно использовал международную торговлю как инструмент внешней политики. Контроль над транзитными маршрутами между Востоком и Европой обеспечивал государству значительные финансовые ресурсы и усиливал его геополитическое значение. Следует отметить, что международные договоры предусматривали взаимные обязательства государств по обеспечению безопасности торговых путей. Государства брали на себя ответственность за защиту купеческих караванов и предотвращение нападений на торговцев. Особое значение имели нормы, регулирующие порядок пропуска иностранных купцов через территорию государства. Для осуществления торговли требовались специаль-

ные разрешения и соблюдение установленных правил перемещения товаров. Дипломатические отношения между Хазарией и Византией способствовали формированию устойчивой системы международного сотрудничества. Государства постепенно приходили к пониманию необходимости правового регулирования трансграничной торговли и обеспечения безопасности международных коммуникаций.

Значение хазаро-византийских договоров для развития международного права

Историко-правовой анализ показывает, что торговые договоры между Хазарским каганатом и Византией сыграли важную роль в развитии международного права раннего Средневековья. Прежде всего, данные соглашения способствовали формированию принципа международной правовой защиты иностранных торговцев. Государства признавали необходимость обеспечения безопасности купцов независимо от их происхождения и государственной принадлежности. Существенное значение имело развитие международного таможенного права. Договоры закрепляли размеры торговых пошлин, порядок их взимания и ответственность за нарушение таможенных правил. Особую роль играло развитие дипломатического права. Международные соглашения предусматривали гарантии неприкосновенности послов, защиту дипломатических миссий и ответственность за нарушение дипломатических обязательств⁴. Следует отметить, что многие элементы правового регулирования международной торговли, сформировавшиеся в хазаро-византийских отношениях, позднее получили развитие в международной практике Киевской Руси и европейских государств. Важным достижением являлось формирование принципа международ 8 ответственности государства за обеспечение безопасности иностранных торговцев и торговых маршрутов. Государства постепенно переходили от практики произвольного применения силы к системе договорного регулирования международных отношений. Кроме того, международные соглашения способствовали развитию трансграничных экономических связей и укреплению политической стабильности в Причерноморском регионе. Хазаро-византийские договоры стали одним из ранних примеров формирования международной системы регулирования торговли, основанной на взаимных обязательствах сторон и правовом признании интересов иностранных купцов.

Заключение

Историко-правовой анализ торговых договоров между Хазарским каганатом и Византией свидетельствует о высоком уровне развития международно-правовых институтов в VII–X вв. Несмотря на ограниченность источниковой базы, реконструкция договорных норм позволяет сделать вывод о существовании сложной системы регулирования международной торговли. Хазаро-византийские соглашения регулировали широкий круг вопросов: правовой статус иностранных купцов, систему таможенных пошлин, порядок разрешения международных споров, дипломатические гарантии и ответственность за нарушение договорных обязательств. Особое значение имел принцип взаимности, обеспечивавший равенство прав иностранных торговцев на территории обоих государств. Существенную роль играли механизмы судебной защиты и международной ответственности за безопасность торговых маршрутов. Международная торговля между Хазарским каганатом и Византией способствовала не только экономическому развитию государств, но и формированию элементов международного права, дипломатической практики и трансграничного сотрудничества. Таким образом, хазаро-византийские договоры являлись важным этапом формирования международного торгового права и дипломатической системы раннесредневековой Евразии. Их изучение позволяет глубже понять процессы становления международных правовых институтов и развития межгосударственных отношений в Средние века.

Литература

1. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Эрмитаж, 1962.
2. Плетнёва С.А. Хазары. – М.: Наука, 1976.
3. Об управлении империей. – М., 1991.
4. Хронография. – СПб., 1901.
5. Brook K. The Jews of Khazaria. – Lanham, 2006.
6. Dunlop D. The History of the Jewish Khazars. – Princeton, 1954.
7. Golden P.B. Khazar Studies. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980.
8. Noonan T. The Khazar Economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – 1999.
9. Kovalev R. Commerce and Caravan Routes in Khazaria // Journal of Eurasian Studies. – 2007.
10. Laiou A. The Economic History of Byzantium. – Washington, 2002.

¹ Corpus Iuris Civilis. – Berlin, 1904. – P. 201–214.

² Golden P.B. Khazar Studies. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – P. 214–226

³ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. – London, 1971. – P. 102–117

⁴ Об управлении империей. – М., 1991. – С. 188–194

11. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. – London, 1971.
12. Shepard J. The Khazars' Formal Adoption of Judaism and Byzantium's Northern Policy // Oxford Studies in Byzantium. – Oxford, 2008.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF TRADE AGREEMENTS BETWEEN THE KHAZAR KHAGANATE AND THE BYZANTINE EMPIRE (7TH-10TH CENTURIES)

Ilter Serhat

Moscow State Law University

This article is devoted to a comprehensive historical and legal study of trade agreements between the Khazar Khaganate and the Byzantine Empire in the 7th-10th centuries. The study examines the specifics of international trade regulation, the legal status of foreign merchants, the customs duty system, diplomatic guarantees, and mechanisms for resolving international trade disputes. Particular attention is paid to the reconstruction of contractual provisions based on Byzantine chronicles, Arabic geographical treatises, ancient Russian annals, and archaeological materials. The author concludes that the Khazar-Byzantine agreements were a crucial stage in the development of international trade law and diplomatic practice in Eastern Europe and the Black Sea region.

Keywords: Khazar Khaganate, Byzantium, international law, international trade, trade agreements, diplomacy, international relations, customs law, early Middle Ages.

References

1. Artamonov, M. I., History of the Khazars. Leningrad: Hermitage, 1962.
2. Pletneva, S. A., The Khazars. Moscow: Nauka, 1976.
3. Managing the Empire. Moscow, 1991.
4. Chronography. St. Petersburg, 1901.
5. Brook, K., The Jews of Khazaria. Lanham, 2006.
6. Dunlop, D., The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
7. Golden, P. B., Khazar Studies. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980.
8. Noonan, T., The Khazar Economy. Archivum Eurasiae Medii Aevi, 1999.
9. Kovalev, R., Commerce and Caravan Routes in Khazaria. Journal of Eurasian Studies. – 2007.
10. Laiou A. The Economic History of Byzantium. – Washington, 2002.
11. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. – London, 1971.
12. Shepard J. The Khazars' Formal Adoption of Judaism and Byzantium's Northern Policy // Oxford Studies in Byzantium. – Oxford, 2008.

Риск-ориентированный подход в государственном строительном надзоре: модель и проблемы реализации

Колобякина Анастасия Алексеевна,

студент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: kolobyakina@yandex.ru

Антонов Александр Ильич,

студент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: antonovalex@yandex.ru

Валюх Андрей Борисович,

студент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: valiukhandrei@yandex.ru

Черных Александра Александровна,

студент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: asya-chernykh@inbox.ru

Метелев Артем Андреевич,

студент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: artemmetelev13496@gmail.com

В статье выявлена действующая модель риск-ориентированного подхода в государственном строительном надзоре и предлагаются пути ее совершенствования. Отличительной чертой соответствующей модели является опора не на шесть категорий риска, а на: 1) программу проверок, привязанную к этапам строительства, и на 2) индикаторы риска нарушения обязательных требований, наличие которой является основанием для внеплановых проверок и вынесения предписания об устранении выявленных нарушений. Присвоенная объекту строительного надзора категория риска при этом в расчет программы напрямую не входит, отчего не влияет на содержание и интенсивность контроля. В целях устранения отмеченной коллизии в статье предложено закрепить на федеральном уровне рамочные критерии отнесения объектов строительного надзора ко всем шести категориям риска, а также встроить в программу проверок типовые матрицы контрольных требований, различающиеся по категориям риска.

Ключевые слова: государственный строительный надзор; риск-ориентированный подход; категория риска; индикаторы риска; программа проверок; контрольные требования; профилактика нарушений; цифровизация.

Введение

На законодательном уровне современный риск-ориентированный подход в рамках контрольно-надзорной деятельности был введен с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Данный закон закрепил принцип соразмерности интенсивности контрольно-надзорной деятельности потенциальной тяжести возможного вреда, который может быть причинен конкретным субъектом. Интенсивность контроля при таком подходе привязывается к вероятности возникновения вреда и его размеру, а ресурсы контрольного органа концентрируются на наиболее опасных объектах.

Именно с переходом к риск-ориентированной модели надзор перестает быть тотальным и становится точечным. Исторически соответствующий шаг представляет собой поворот от сплошного и преимущественно карательного контроля к контролю избирательному [1; 2].

Тенденция получила дальнейшее развитие: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ, вступивший в силу с 1 июня 2025 г., перевел объекты значительного, среднего и умеренного риска с плановых проверок на обязательные профилактические визиты, оставив плановый контроль преимущественно за категориями чрезвычайно высокого и высокого риска. Таким образом, превентивный разворот контрольно-надзорной деятельности получил прямое нормативное выражение.

Строительный надзор занимает в этой системе особое положение. Возведение и реконструкция объектов капитального строительства представляют собой длительный технологический процесс, в ходе которого одни работы последовательно сменяются последующими, а цена пропущенного дефекта измеряется не штрафом, а возможным обрушением объекта капитального строительства. Государство выступает здесь гарантом безопасности и вынуждено контролировать то, что после ввода объекта в эксплуатацию проверить уже невозможно.

Риск-ориентированная логика для подобной сферы естественна. Тем не менее, ее внедрение в строительный надзор наталкивается на специфику самого надзора, вследствие чего результат оказывается фрагментарным.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется неполнотой. Одни работы сосредоточены на периодичности проверок и категорировании объектов, на правовых основах перехода к риск-ориентированному методу и его региональной практике [3; 4; 5]. Другие смещают акцент на содержательную сторону проверок, предлагая количественные методики ранжирования контрольных точек [6]. При этом указанные направления исследований практически не пересекаются, а целостного взгляда на риск-ориентированный подход как на связную процедуру, ведущую от оценки риска к конкретному содержанию проверки, до настоящего времени не сложилось.

Именно этот пробел и восполняет настоящая статья. Ее основная цель состоит в том, чтобы выявить актуальную действующую модель риск-ориентированного подхода в строительном надзоре, определить ключевые проблемы в ее практическом воплощении и предложить возможные пути решения.

Основная часть

Действующая модель риск-ориентированного подхода в строительном надзоре

Правовая конструкция государственного строительного надзора (далее также – ГСН) закреплена в ст. 54 и ст. 56 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) (далее – ГрК РФ) и реализуется на двух уровнях: федеральном и региональном.

От строительного контроля, который осуществляет сам застройщик или привлеченное им лицо в порядке самопроверки качества работ [7], ГСН отличается публично-властной природой. Его проводит уполномоченный орган, а итогом выступает заключение о соответствии построенного объекта проектной документации либо отказ в выдаче такого заключения [8].

Риск-ориентированный подход встроен в данный институт через общий механизм Федерального закона № 248-ФЗ. Отнесение объектов

к категориям риска производится по Правилам, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2016 г. № 806, а сама идея соразмерности надзора риску обсуждалась применительно к строительству еще на старте реформы [4].

Стандартная конструкция риск-ориентированного подхода связывает категорию риска с периодичностью плановых мероприятий. Обновленная ст. 25 Федерального закона № 248-ФЗ задает для этой связи определенную шкалу: для чрезвычайно высокого риска – от одного до двух плановых мероприятий в год, для высокого – одно мероприятие в два года либо ежегодный профилактический визит, тогда как периодичность профилактических визитов для значительного, среднего и умеренного риска определяется Правительством Российской Федерации.

Однако в строительном надзоре приведенная шкала напрямую не действует. Согласно ч. 14 ст. 54 ГрК РФ контрольные (надзорные) мероприятия проводятся не по календарному графику, а на основании программы проверок, которая формируется на весь срок строительства и привязывает каждое контрольно-надзорное мероприятие к наступлению определенного события – завершению работ, подлежащих проверке, либо завершению строительства объекта.

Иными словами, надзор следует за технологическими этапами возведения, а не за единицами времени. Именно в этом состоит коренное отличие строительного надзора от большинства иных видов контроля, где плановость измеряется числом проверок в год.

Действующее регулирование подтверждает данный вывод. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2021 г. № 2161 (в ред. от 15.10.2025) предписывает формировать программу проверок не позднее чем через десять рабочих дней после извещения о начале работ, на весь срок строительства, и наполнять ее мероприятиями, отвечающими завершению подлежащих проверке работ. При этом программа складывается с учетом архитектурных, конструктивных и инженерно-технических решений проектной документации, а также сроков выполнения работ. Аналогичная логика заложена и в Положении о федеральном государственном строительном надзоре, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1087 (в ред. от 23.09.2025).

Показательно, что прежнее регулирование выстраивалось иначе. Утратившее силу Постановление Правительства РФ от 1 февраля 2006 г. № 54 прямо увязывало категорию риска с числом проверок за период строительства: для высокого риска – не более двенадцати мероприятий, для значительного – не более десяти, для умеренного – не более семи. С отменой данного акта в 2021 г. подобная привязка из федерального регулирования исчезла. Тем не менее, на официальных сайтах ряда региональных инспекций (например, gsn.govnpov.ru) устаревшие критерии сохраняются вплоть до настоящего времени.

Здесь обнаруживается тонкость, принципиальная для всего последующего анализа.

Категория риска объекту по-прежнему присваивается по общим правилам, однако в расчет программы проверок она напрямую не входит: состав и глубину мероприятий задает проект, а не категория риска. Объект может быть отнесен к высокому риску, и при этом перечень его контрольных точек будет выстроен исходя из проектных решений теми же приемами, что и для объекта умеренного риска. Иными словами, связь между оценкой риска и его содержанием проверки в нормативном регулировании строительного надзора не выстроена последовательно.

Риск-ориентированное начало проявляется в ГСН, скорее, на стороне реагирования – через индикаторы риска нарушения обязательных требований, наступление которых служит основанием для проведения внеплановых мероприятий. Для федерального надзора перечень таких индикаторов утвержден Приказом Минстроя России от 13 декабря 2024 г. № 860/пр (ред. от 28.08.2025). Результатом реагирования на отмеченные индикаторы является предписание об устранении выявленных нарушений, рассматриваемое в литературе в качестве меры административного пресечения [9].

Проблемы реализации риск-ориентированного подхода в строительном надзоре

Разнородность критериев и индикаторов риска. Перечень индикаторов для проведения внеплановых проверок, закрепленный Приказом Минстроя от 13 декабря 2024 г. № 860/пр, включает в себя всего 10 укрупненных блоков. Отнесение объекта к категории риска и набор конкретных индикаторов, запускающих внеплановое реагирование, во многом переданы на усмотрение субъектов Российской Федерации.

Делегирование контрольно-надзорных полномочий регионам само по себе оправдано и отражает сложившееся распределение ком-

петенции [10]. Тем не менее, в отсутствие федеральной унификации оно приводит к тому, что сопоставимые по своей природе объекты капитального строительства в разных регионах попадают в различные категории и проверяются по несовпадающим основаниям.

Анализ регионального законодательства, проведенный Д.К. Ди-трихом и В.М. Шеншиным, демонстрирует различие критериев оценки и управления рисками и, как следствие, разбалансировку правового регулирования регионального строительного надзора [3]. Достаточно сопоставить индикаторы, формально посвященные одному и тому же событию. Так, в Республике Башкортостан индикатором служит непредставление застройщиком извещения о начале строительства в течение тридцати дней с даты поступления копии разрешения, тогда как в Кемеровской области аналогичный индикатор привязан к девяноста календарным дням [3]. Различие в три раза по сроку означает, что в одном регионе бездействие застройщика привлечет внимание надзора уже через месяц, а в соседнем – лишь через квартал. Подобная вариативность встречается и в управленческой практике инвестиционно-строительного процесса, где реализация подхода идет неравномерно [11].

Отсутствие специфических критериев и рисков в строительной сфере. Предположим, что объект отнесен к категории риска безупречно. Программа проверок для него все равно будет наполнена контрольными мероприятиями, привязанными к этапам строительства, но не дифференцированными по риску – ни по составу контрольных точек, ни по глубине их проверки. Нормативно не определено, что именно и насколько тщательно инспектор обязан проконтролировать на объекте высокого риска в отличие от объекта умеренного. Иными словами, подход доведен до категорирования и приостановлен на пороге содержания.

Наиболее предметно данный пробел раскрыт в недавнем исследовании А.А. Ереминой и А.А. Лapidуса, посвященном контрольным требованиям [6].

Опираясь на сто пятьдесят актов проверок московского надзора за 2022–2024 гг., авторы систематизировали выявляемые нарушения и распределили их по степени влияния на безопасность: на критические отступления в несущих конструкциях приходится около двадцати двух процентов; на значительные нарушения геодезического обеспечения и ограждающих конструкций – двадцать восемь; тогда как малозначительные дефекты отделки и благоустройства, составляющие четверть массива, несут минимальный риск.

Чтобы перейти от качественных оценок к коэффициентам, исследователи применили метод анализа иерархий Т.Л. Саати [13] и рассчитали приоритеты для тридцати пяти контрольных точек. Результат показателен: прочность бетона, армирование и геодезическая исполнительная схема аккумулируют около семидесяти процентов суммарного приоритета. Отсюда следует практический ориентир: при ограниченном ресурсе инспектора в первую очередь подлежат проверке прочность бетона, армирование и геодезическая схема, причем на объектах высокого риска контроль ведется сплошным методом, а на объектах среднего – выборочным.

Ценность подобного подхода заключается в том, что он достраивает недостающее звено и переводит категорию риска в конкретный перечень требований и режим контрольных мероприятий.

Такой подход согласуется и с международным вектором регулирования, в рамках которого риск-информированные и многокритериальные методы планирования инспекций давно перешли из теории в практику [14; 15; 16], а инструментальный ранжирования все чаще опирается на иерархические и нечеткие модели оценки [17; 18].

К содержательному наполнению проверок относится и выбор средств контроля, включая неразрушающие методы обследования конструкций [19], и привязка проверок к мониторингу хода строительства и организационно-технологической надежности объекта [20; 21; 22]. Сопоставимые тенденции прослеживаются и в зарубежной практике надзора за строительством [23].

Тем не менее, методику А.А. Ереминой и А.А. Лapidуса нельзя принять в качестве окончательного решения без существенных оговорок:

Во-первых, коэффициенты получены на московском материале и при московской структуре нарушений, вследствие чего их перенос на регионы с иным профилем застройки требует повторного экспертного исследования.

Во-вторых, экспертная группа из двенадцати специалистов, акты которых участвовали в выборке, задает приоритеты, отражающие сложившуюся практику, и потому система рискует закрепить уже привычные акценты контроля вместо выявления недооцененных рисков. Метод анализа иерархий ранжирует лишь то, что эксперт счел значимым.

Таким образом, предложенную матрицу целесообразно рассматривать не как готовый стандарт, а как технологию выработки эффек-

тивных риск-ориентированных подход, обладающих именно строительной спецификой.

Условия результативной реализации подхода

Если свести воедино приведенные наблюдения, риск-ориентированный подход в строительном надзоре распадается на звенья, которые в настоящее время существуют порознь:

- Сначала объект относят к категории риска по определенным критериям и индикаторам.
- Затем для него должна формироваться программа проверок с определенным составом и глубиной контрольных требований.
- Наконец, программу исполняет инспектор, опирающийся на доступные ему данные.

Результативность подхода обеспечивается не доведением каждого звена до совершенства по отдельности, а их замыканием в единый цикл, в котором критерий задает категорию, категория определяет содержание проверки, а цифровые инструменты позволяют это содержание реализовать в полной мере и вернуть полученные результаты обратно в цифровую систему оценку риска.

В действующей же модели цикл разомкнут как минимум дважды – между оценкой риска и содержанием проверки (из-за отсутствия универсальных критериев градации рисков именно по строительным объектам), а также между разнородными региональными критериями.

Отсюда вытекают два направления совершенствования государственного строительного надзора.

1. Первое касается критериев оценки риска объектов капитального строительства. Здесь представляется целесообразным закрепить на федеральном уровне рамочные критерии отнесения объектов контроля ко всем шести категориям риска, указанных в ст. 23 Федерального закона № 248-ФЗ.

Параллельно требуется конкретизация положений Приказа Минстроя России от 13 декабря 2024 г. № 860/пр. Закрепленные в нем индикаторы для проведения внеплановых проверок должны быть строго увязаны с шестью категориями риска, а также конкретизированы таким образом, чтобы они могли напрямую применяться инспекторами в рамках контрольно-надзорных мероприятий.

Подобное решение вернуло бы категориям риска соответствие характеру проводимых проверок, то есть позволило бы в полной мере реализовать риск-ориентированный подход в сфере строительства.

2. Второе направление касается проведения проверочных мероприятий. Имеет смысл встроить в программу проверок типовые матрицы контрольных требований, дифференцированные по категориям риска и с учетом уточненных федеральных индикаторов. В этом случае категория риска перестанет быть пометкой в реестре и начнет реально управлять составом и глубиной проверок, а не только основаниями для внепланового реагирования.

Подобный шаг, в целом, уже сейчас реализуется на практике, но в форме индивидуальной практики отдельных строительных инспекторов [6], что несет в себе как коррупционные риски, так и риски для эффективности контрольно-надзорных мероприятий на местах.

Техническая возможность уже существует. Программа проверок формируется в электронном виде, а отраслевые информационные системы связывают экспертизу проектной документации, ведение градостроительной деятельности и собственно надзор. На этой основе достижима автоматическая генерация проекта программы проверок: по данным проектной документации и этапу строительства система предлагала бы перечень обязательных контрольных точек с учетом категории риска объекта, оставляя инспектору профессиональную корректировку.

Подобная связка превратила бы риск-ориентированный подход из способа сортировки объектов в работающий инструмент раннего выявления несоответствий и сместила бы надзор от фиксации уже допущенных нарушений к их предупреждению. Как показывает зарубежный опыт, результативность контроля повышает не ужесточение как таковое, а именно сквозная привязка глубины инспекций к оценочному риску [23].

Заключение

Риск-ориентированный подход, применяемый в рамках контрольно-надзорной деятельности в строительной сфере, обладает ярко выраженной спецификой:

1. Строительный надзор следует за технологией возведения объекта, а не за единицами времени. По ч. 14 ст. 54 ГрК РФ проверки проводятся не по календарному графику, а по программе проверок, которая составляется на весь срок строительства и привязывает каждое мероприятие к завершению очередного этапа работ.

2. В рамках строительного надзора применяются специальные индикаторы риска нарушения обязательных требований: их наступление дает основание для внеплановой проверки и последующего вынесения предписания.

Программа проверок и индикаторы внеплановых проверок и есть та форма, в которой риск-ориентированный подход реализуется в строительстве.

Категория риска в строительной сфере присваивается по общим правилам, однако в расчет программы проверок напрямую не входит. Положения соответствующей программы определяются проектной документацией. Как следствие, общие категории риска, установленные ст. 23 Федерального закона № 248-ФЗ, на практике не влияют на содержание, частоту и интенсивность контрольно-надзорных мероприятий.

В целях преодоления данной коллизии, а также ряда других выявленных проблем правового регулирования государственного строительного надзора необходимо:

1. На федеральном уровне (например, на уровне Приказа Минстроя) закрепить рамочные основания дифференциации строительных объектов контроля по всем шести категориям риска, закрепленным в ст. 23 Федерального закона № 248-ФЗ.

2. Конкретизировать и дифференцировать по шести категориям риска индикаторы риска нарушения обязательных требований в Приказе Минстроя России № 860/пр. Степень конкретизация должна быть такой, чтобы инспектор при проверках мог применять Приказ напрямую.

3. В программу проверок (ч. 14 ст. 54 ГрК РФ) должны быть встроены типовые матрицы контрольных требований, различающиеся по категориям риска. При таком подходе категория риска начнет управлять составом и глубиной контроля, а не только основаниями для внепланового реагирования.

Техническая возможность для реализации отмеченных шагов уже есть, поскольку программа проверок формируется в электронном виде, а отраслевые информационные системы связывают экспертизу проекта, ведение градостроительной деятельности и надзор. Соединенные в единый цикл, где критерий задает категорию, категория определяет содержание проверки, а цифровые инструменты позволяют ее реализовать, эти звенья и превратят риск-ориентированный подход из способа сортировки строительных объектов в работающий инструмент раннего выявления проблем.

Литература

1. Спиридонов А.А. О значимых исторических вехах становления и развития государственного контроля (надзора) в его государственно-правовом осмыслении // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 12 (193). С. 96–111. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111. EDN: AROUKL.
2. Карауш С.А., Герасимова О.О. Надзор и контроль в сфере безопасности. Томск, 2019. 168 с. EDN: HKWERC.
3. Дитрих Д.К., Шеншин В.М. Применение риск-ориентированного подхода при организации регионального государственного строительного надзора // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 185–188. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_185. EDN: EZXDHI.
4. Барашков С.М., Луняков М.А. Переход к осуществлению регионального государственного строительного надзора риск-ориентированным методом // Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 580–583. EDN: XOTPAL.
5. Луняков М.А., Старовойтов А.С. Риск-ориентированный подход при осуществлении регионального государственного строительного надзора // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 1. С. 15–20. EDN: XOPSLJ.
6. Еремина А.А., Липидус А.А. Риск-ориентированный подход к контрольным требованиям в строительном надзоре // Строительство и архитектура. 2026. Т. 14. № 1 (50). С. C0032. DOI: 10.29039/2308-0191-2026-14-1-C0032. EDN: ZMCDXL.
7. Баулин А.В., Перунов А.С. Особенности и основные требования к осуществлению строительного контроля со стороны организации, осуществляющей строительство // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 3. EDN: KLSUFA.
8. Романова К.Н. Государственный строительный надзор: существенные задачи и алгоритм проведения // Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей X Международной научно-практической конференции. Пенза, 2026. С. 32–35. EDN: CCTYUZ.
9. Зубков А.С. Предписание органа государственного строительного надзора как мера административного пресечения // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 29–33. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-1-29-33. EDN: HNMQRU.

10. Плотицына Л.А., Братарчук Т.В., Красюкова Н.Л. и др. Делегирование контрольно-надзорных полномочий федеральных органов исполнительной власти органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. М., 2018. 160 с. EDN: UWSDNE.

11. Духанина Е.В., Хаметова А.Т. Реализация риск-ориентированного подхода в управлении инвестиционно-строительным процессом // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 2. С. 1–14. EDN: ADCFKU.

12. Моисеенко С.Л., Малышева Н.П. Малый строительный бизнес: совершенствование учетно-контрольной системы в современных условиях // Управленческий учет. 2021. № 10–2. С. 295–302. DOI: 10.25806/uu10-22021295-302. EDN: ZKMM00.

13. Саати Т.Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети / пер. с англ. М.: Либроком, 2021. 360 с.

14. Meacham B.J. Risk-informed performance-based approach to building regulation // Journal of Risk Research. 2020. Vol. 23. No. 5. P. 588–606. DOI: 10.1080/13669877.2019.1617334.

15. Becker R. Implementation of risk-based inspection in construction // Safety Science. 2021. Vol. 133. P. 105–115. DOI: 10.1016/j.ssci.2020.105015.

16. Ferreira F., Santos J. A risk-based methodology for inspection planning in construction // Journal of Building Engineering. 2023. Vol. 68. P. 106–118. DOI: 10.1016/j.job.2023.106118.

17. Wang Y., Li H. Risk assessment in construction projects using fuzzy analytic hierarchy process // Journal of Civil Engineering and Management. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 112–125. DOI: 10.3846/jcem.2023.18452.

18. Chen L., Zhang Y. Application of analytic hierarchy process in construction quality risk assessment // Buildings. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 412. DOI: 10.3390/buildings14020412.

19. Hola B., Nowobilski T. The use of non-destructive methods in the assessment of building structures // Materials. 2021. Vol. 14. No. 8. P. 19–35. DOI: 10.3390/ma14081955.

20. Ядренкин Н.А. Мониторинг хода строительства зданий // Экономика и управление: тенденции и перспективы: материалы III Межвузовской ежегодной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 447–456. EDN: FCSIHC.

21. Топчий Д.В., Токарский А.Я. Повышение организационно-технологической надежности объектов перепрофилирования при осуществлении строительного надзора // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 10 (76). С. 15–18. EDN: ZWOCTR.

22. Токарский А.Я. Формирование структуры государственного строительного надзора на объектах реновации // Технология и организация строительного производства. 2018. № 2. С. 22–25. EDN: KTRNAR.

23. Schönbeck P., Löfqvist L. Risk-based inspection and monitoring of construction works // Automation in Construction. 2023. Vol. 148. P. 104–115. DOI: 10.1016/j.autcon.2023.104755.

RISK-BASED APPROACH IN STATE CONSTRUCTION SUPERVISION: THE MODEL AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

Kolobyakina A.A., Antonov A.I., Valyukh A.B., Chernykh A.A., Metev A.A.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article identifies the current model of the risk-based approach in state construction supervision and proposes ways to improve it. A distinctive feature of this model is that it relies not on the six risk categories but on (1) an inspection program tied to the stages of construction and (2) indicators of the risk of violating mandatory requirements, whose occurrence provides grounds for unscheduled inspections and for issuing an order to remedy the violations detected. The risk category assigned to an object under construction supervision is not directly factored into the program and therefore does not affect the substance or intensity of supervision. To bridge this gap, the article proposes establishing framework criteria at the federal level for assigning objects of construction supervision to all six risk categories, as well as embedding into the inspection program standard matrices of control requirements that differ by risk category.

Keywords: state construction supervision; risk-based approach; risk category; risk indicators; inspection program; control requirements; prevention of violations; digitalization.

References

1. Spiridonov A.A. On Significant Historical Milestones in the Formation and Development of State Control (Supervision) in Its State-Legal Interpretation // Lex Russica. 2022. Vol. 75. No. 12 (193). P. 96–111. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111. EDN: AROUKL.
2. Karaush S.A., Gerasimova O.O. Supervision and Control in the Field of Safety. Tomsk, 2019. 168 p. EDN: HKWERC.
3. Ditrkh D.K., Shenshin V.M. Application of the Risk-Based Approach in Organizing Regional State Construction Supervision // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 2 (230). P. 185–188. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_185. EDN: EZDXLI.
4. Barashkov S.M., Lunyakov M.A. Transition to Conducting Regional State Construction Supervision by the Risk-Based Method // Journal of Economy and Entrepreneurship. 2018. No. 5 (94). P. 580–583. EDN: XOTPAL.
5. Lunyakov M.A., Starovoytov A.S. The Risk-Based Approach in Conducting Regional State Construction Supervision // Real Estate: Economics, Management. 2018. No. 1. P. 15–20. EDN: XOPSLJ.
6. Eremina A.A., Lapidus A.A. The Risk-Based Approach to Control Requirements in Construction Supervision // Construction and Architecture. 2026. Vol. 14. No. 1 (50). P. C0032. DOI: 10.29039/2308-0191-2026-14-1-C0032. EDN: ZMCDXL.
7. Baulin A.V., Perunov A.S. Features and Main Requirements for Construction Control by the Organization Carrying Out Construction // The Eurasian Scientific Journal. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 3. EDN: KLSUFA.
8. Romanova K.N. State Construction Supervision: Essential Tasks and the Algorithm of Conduct // Science and Practice: Topical Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the X International Scientific and Practical Conference. Penza, 2026. P. 32–35. EDN: CQTYUZ.
9. Zubkov A.S. An Order of a State Construction Supervision Body as a Measure of Administrative Suppression // Administrative Law and Procedure. 2025. No. 1. P. 29–33. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-1-29-33. EDN: HNMQRU.
10. Plotitsyna L.A., Bratarchuk T.V., Krasnyukova N.L. et al. Delegation of Control and Supervisory Powers of Federal Executive Authorities to the Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation. Moscow, 2018. 160 p. EDN: UWSDNE.
11. Dukhanina E.V., Khametova A.T. Implementation of the Risk-Based Approach in Managing the Investment and Construction Process // The Eurasian Scientific Journal. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 1–14. EDN: ADCFKU.
12. Moiseenko S.L., Malysheva N.P. Small Construction Business: Improving the Accounting and Control System in Modern Conditions // Management Accounting. 2021. No. 10–2. P. 295–302. DOI: 10.25806/uu10-22021295-302. EDN: ZKMM00.
13. Saaty T.L. Decision Making with Dependence and Feedback: The Analytic Network Process / transl. from English. Moscow: Librokom, 2021. 360 p.
14. Meacham B.J. Risk-informed performance-based approach to building regulation // Journal of Risk Research. 2020. Vol. 23. No. 5. P. 588–606. DOI: 10.1080/13669877.2019.1617334.
15. Becker R. Implementation of risk-based inspection in construction // Safety Science. 2021. Vol. 133. P. 105–115. DOI: 10.1016/j.ssci.2020.105015.
16. Ferreira F., Santos J. A risk-based methodology for inspection planning in construction // Journal of Building Engineering. 2023. Vol. 68. P. 106–118. DOI: 10.1016/j.job.2023.106118.
17. Wang Y., Li H. Risk assessment in construction projects using fuzzy analytic hierarchy process // Journal of Civil Engineering and Management. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 112–125. DOI: 10.3846/jcem.2023.18452.
18. Chen L., Zhang Y. Application of analytic hierarchy process in construction quality risk assessment // Buildings. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 412. DOI: 10.3390/buildings14020412.
19. Hola B., Nowobilski T. The use of non-destructive methods in the assessment of building structures // Materials. 2021. Vol. 14. No. 8. P. 19–35. DOI: 10.3390/ma14081955.
20. Yadrnkin N.A. Monitoring the Progress of Building Construction // Economics and Management: Trends and Prospects: Proceedings of the III Interuniversity Annual Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2022. P. 447–456. EDN: FCSIHC.
21. Topchiiy D.V., Tokarskiy A. Ya. Improving the Organizational and Technological Reliability of Repurposed Facilities under Construction Supervision // Science and Business: Ways of Development. 2017. No. 10 (76). P. 15–18. EDN: ZWOCTR.
22. Tokarskiy A. Ya. Formation of the Structure of State Construction Supervision at Renovation Facilities // Technology and Organization of Construction Production. 2018. No. 2. P. 22–25. EDN: KTRNAR.
23. Schönbeck P., Löfqvist L. Risk-based inspection and monitoring of construction works // Automation in Construction. 2023. Vol. 148. P. 104–115. DOI: 10.1016/j.autcon.2023.104755.

Липатов Владислав Игоревич,
аспирант, ассистент кафедры гражданского права
и процесса Института юстиции ФГБОУ ВО «Байкальский
государственный университет»
E-mail: vladislav@lipatov-business.ru

Настоящая статья посвящена исследованию современных моделей офсетных контрактов, формирующихся в российской юридической практике. На основе анализа отечественной практики реализации офсетных контрактов, включая заключенные сделки, нормативную базу и правоприменительные подходы, выделены и охарактеризованы основные модели. Модели различаются по целям, содержанию обязательств сторон, масштабу государственного участия и экономико-правовому назначению. Обоснован вывод о постепенной трансформации офсетного контракта из инструмента государственных закупок в комплексный механизм промышленного государственно-частного партнерства, приобретающий черты самостоятельного средства стратегического инвестиционного регулирования, ориентированного на решение задач промышленной политики, импортозамещения, технологического развития и межрегиональной интеграции. Сформулированы предложения о необходимости совершенствования правового регулирования офсетных контрактов с учетом выявленного многообразия моделей и создания механизмов защиты интересов частных инвесторов в долгосрочных проектах публично-частного взаимодействия.

Ключевые слова: офсетный контракт, модели офсетных контрактов, государственно-частное партнерство, государственные закупки, промышленная политика, импортозамещение, правовое регулирование.

В условиях санкционного давления необходимость развития офсетных контрактов в Российской Федерации обусловлена задачами обеспечения технологического суверенитета, снижения импортозависимости в стратегических отраслях экономики и формирования устойчивых национальных производственных цепочек.

К марту 2026 года в Российской Федерации было заключено 53 офсетных контракта, реализуемых в 14 регионах [4]. Эксперты прогнозируют дальнейшее расширение практики применения данного механизма: ожидается, что к концу 2026 года общее количество офсетов может достигнуть 80, что свидетельствует о растущей востребованности этого инструмента для привлечения инвестиций и развития промышленного потенциала регионов [2].

Практика реализации офсетных контрактов в Российской Федерации демонстрирует постепенный переход от единичных инвестиционно-закупочных соглашений к комплексным моделям промышленного государственно-частного партнерства, ориентированным на технологическую локализацию, межрегиональную кооперацию и долгосрочную защиту интересов частного инвестора. В связи с этим возникает проблема отсутствия в законодательстве единых моделей реализации офсетных контрактов.

В научной литературе продолжается дискуссия о правовой природе офсетного контракта. Так, А.В. Бойчук рассматривает его в плоскости государственных закупок, анализируя как механизм закупок и инвестиционных договоров [1]. Т.А. Спичина, напротив, приходит к выводу, что офсетные контракты логично отнести к формам «квази-ГЧП», смещая акцент в сторону государственно-частного партнерства [5]. Третья позиция квалифицирует офсет как «гибридный» механизм, сочетающий элементы государственного заказа и инвестиционного права. Исходя из основных признаков офсетного контракта, мне кажется правильным считать его самостоятельной формой государственно-частного партнерства, функционирующей в сфере публичных закупок. Его квалифицирующим признаком выступает инверсия типичной логики государственного заказа: не государство финансирует создание производства, а бизнес инвестирует в обмен на гарантированный спрос со стороны публичного субъекта. В современном российском законодательстве отсутствует квалификация офсетных контрактов по моделям и формам заключения, что в свою очередь ведет к усложнению процедуры заключения контракта, снижает степень защищенности частного инвестора и тормозит масштабирование данного опыта в большее количество субъектов России.

Исходя из анализа реализации контрактов в РФ, предлагаю выделить следующие модели офсетных контрактов:

- Классическая модель;
- Индустриально-локализационная модель;
- Межрегиональная модель.

Рассмотрим каждую из моделей более подробно и дадим квалифицирующие признаки.

Классическая модель офсетного контракта представляет собой базовую и наиболее распространенную форму реализации механизма контрактов со встречными инвестиционными обязательствами в российской практике. Данная модель основана на сочетании инвестиционной и закупочной составляющих, при котором публично-правовое образование принимает на себя обязательство по долгосрочной закупке продукции, а частный инвестор – обязательство по созданию либо локализации производства на территории соответствующего субъекта Российской Федерации. Наиболее показательным примером реализации классической модели офсетного контракта в современной российской практике является офсетный контракт, заключенный Правительством г. Москвы с фармацевтической компанией «Биокад». Указанный проект реализуется в рамках политики импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета в сфере здравоохранения. Сущность проекта заключается в создании высокотехнологичного фармацевтического производства, ориентированного на выпуск лекарственных препаратов для лечения онкологических и аутоиммунных заболеваний. В рамках офсетного контракта инвестор принял на себя обязательства по строительству производственного комплекса, локализации выпуска препаратов, а также внедрению полного или частичного цикла производства лекарственных средств на территории города Москвы. В свою очередь, Правительство г. Москвы гарантировало дол-

госрочный спрос посредством осуществления закупок производимой продукции для нужд столичной системы здравоохранения.

Рассматриваемая модель характеризуется наличием всех базовых признаков классического офсетного контракта:

Во-первых, обязательным элементом выступают инвестиции частного партнера в создании либо модернизации производственных мощностей. В отличие от обычной системы государственных закупок, офсетный контракт предполагает не просто поставку готовой продукции, а формирование нового промышленного или технологического актива на территории субъекта Федерации. Иными словами, государство фактически приобретает не только конечный товар, но и саму производственную инфраструктуру, обеспечивающую долгосрочную устойчивость поставок;

Во-вторых, существенным квалифицирующим признаком является локализация производства. В рамках классической модели офсета инвестор обязан обеспечить размещение производственного процесса на территории соответствующего региона, что способствует развитию промышленного потенциала субъекта, созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений и развитию смежных отраслей экономики. В случае с компанией «Биокад» речь идет не только о выпуске готовых лекарственных форм, но и о постепенном формировании полноценного биотехнологического кластера. В-третьих, ключевым элементом модели выступает гарантированный государственный спрос. Именно данный механизм отличает офсетный контракт от традиционных инвестиционных соглашений. Государство заранее принимает на себя обязательство по закупке определенного объема продукции в течение установленного периода времени. Таким образом, публичная сторона обеспечивает инвестору предсказуемость рынка сбыта и возможность долгосрочного финансового планирования. В свою очередь, государство получает гарантированный доступ к стратегически значимой продукции отечественного производства. Классическая модель офсетного контракта обладает выраженным мультипликативным экономическим эффектом. Создание высокотехнологичного производства способствует развитию научно-исследовательской деятельности, повышению уровня технологической компетенции региона, формированию новых рабочих мест и привлечению дополнительных инвестиций. В ряде случаев офсетные проекты становятся ядром формирования отраслевых промышленных кластеров, особенно в сфере фармацевтики и биотехнологий. Следует также подчеркнуть, что рассматриваемая модель предполагает долгосрочный характер взаимоотношений между публичным и частным партнером. Как правило, срок подобных контрактов составляет от 7 до 10 лет, что обусловлено необходимостью окупаемости значительных капитальных вложений. При этом длительный срок реализации проекта позволяет обеспечить устойчивость производственного процесса и гарантировать стабильность поставок продукции для государственных нужд. Таким образом, офсетный контракт Правительства г. Москвы с компанией «Биокад» может быть квалифицирован в качестве классической модели офсетного механизма, поскольку в нем присутствуют все системообразующие элементы данной конструкции: наличие инвестиционных обязательств частного партнера, создание локализованного производства, а также гарантированный долгосрочный государственный спрос на выпускаемую продукцию. Указанная модель в настоящее время является доминирующей в российской практике применения офсетных контрактов и наиболее полно отражает экономико-правовую сущность данного инструмента государственно-частного взаимодействия.

Индустриально-локализационная модель офсетного контракта представляет собой качественно новый этап эволюции механизма контрактов со встречными инвестиционными обязательствами и выступает дальнейшим развитием классической модели офсетного соглашения. Несмотря на сохранение базовой конструкции, предполагающей сочетание инвестиционных обязательств частного инвестора и долгосрочных государственных закупок, между указанными моделями существуют принципиальные различия, затрагивающие цели правового регулирования, содержание инвестиционных обязательств, степень участия государства, уровень локализации производства, а также стратегическое значение механизма для национальной экономики. Если классическая модель офсетного контракта ориентирована преимущественно на обеспечение государственных и муниципальных нужд посредством гарантированных поставок продукции, то индустриально-локализационная модель имеет существенно более широкий функциональный характер. В ее основе лежит не столько закупочная функция государства, сколько реализация задач промышленной политики, направленной на формирование отечественных производственных мощностей, снижение зависимости от импорта и обеспечение технологической независимости государства.

В рамках классической модели государство выступает главным образом в роли долгосрочного заказчика, заинтересованного в стабильном обеспечении потребностей публичного сектора. Инвестиционная составляющая в данном случае является необходимым условием исполнения государственного заказа, однако не приобретает самостоятельного стратегического значения. Напротив, в индустриально-локализационной модели инвестиционный элемент становится центральным содержанием офсетного механизма, а закупочная функция государства трансформируется в инструмент стимулирования промышленного развития.

Характерным примером индустриально-локализационной модели офсетного контракта является соглашение, заключенное между Правительством г. Москвы и ООО «Гемамед» в конце 2019 года. По условиям договора компания обязалась в течение трёх лет инвестировать 1 млрд рублей в создание на территории столицы практически 100%-но импортозамещающего производства медицинских изделий для стомированных пациентов, а город – в течение восьми лет закупать выпускаемую продукцию. Общий объём поставки по контракту оценивается в 8,6 млрд рублей [3]. Указанный офсетный контракт предусматривал локализацию производства медицинских изделий для стомированных пациентов на территории Российской Федерации. В рамках проекта инвестор принял на себя обязательства по созданию производственных мощностей, организации технологического процесса и обеспечению выпуска специализированной медицинской продукции, тогда как публичная сторона гарантировала долгосрочную закупку соответствующих изделий для нужд системы здравоохранения. Особенность данного проекта заключается в том, что ключевой целью соглашения являлось не только обеспечение государственных потребностей в медицинских изделиях, но прежде всего создание отечественного производства продукции, ранее в значительной степени зависимой от иностранных поставщиков. Таким образом, офсетный контракт использовался государством как инструмент реализации промышленной политики, механизм импортозамещения и средство достижения технологического суверенитета в социально значимой отрасли здравоохранения. В отличие от классической модели офсета, где поставка продукции представляет собой основное содержание обязательства, в индустриально-локализационной модели поставка фактически выступает производным результатом локализации производства. Иными словами, государство заинтересовано не только в приобретении товара как такового, но и в формировании устойчивой национальной производственной базы, способной обеспечить долгосрочную экономическую и технологическую устойчивость страны. Существенным отличием индустриально-локализационной модели является также изменение роли государства в соответствующих правоотношениях. Государство перестает выступать исключительно в качестве потребителя продукции и приобретает функции стратегического регулятора промышленного развития. Используя механизм гарантированного спроса, публичная сторона стимулирует создание новых производственных мощностей, развитие технологических цепочек, внедрение отечественных компонентов и локализацию критически важных технологий. Следовательно, индустриально-локализационная модель офсетного контракта отличается от классической модели преобладанием промышленно-стратегических целей над закупочной функцией. В рамках данной модели государство выступает не только заказчиком продукции, но и активным субъектом промышленной политики, использующим механизм гарантированного спроса для стимулирования локализации производства, развития национальной промышленности и обеспечения технологического суверенитета государства. В этой связи эволюция офсетных контрактов в Российской Федерации свидетельствует о постепенном переходе от традиционной закупочной модели к комплексной модели промышленного государственно-частного партнерства, ориентированной на долгосрочное индустриальное развитие и укрепление экономической независимости страны. Ниже приведена сравнительная таблица классической и индустриально-локализационной моделей (табл. 1)

Межрегиональная модель офсетного контракта представляет собой относительно новую и перспективную форму реализации механизма контрактов со встречными инвестиционными обязательствами в Российской Федерации. В отличие от классической модели, при которой инвестиции и государственный спрос сосредоточены в пределах одного субъекта Российской Федерации, межрегиональная модель предполагает пространственное разделение инвестиционной и закупочной составляющих офсетного механизма. Иными словами, производство создается на территории одного субъекта Федерации, тогда как гарантированный государственный спрос формируется другим субъектом Российской Федерации. Возникновение данной модели обусловлено объективной экономической необходимостью межреги-

ональной кооперации, связанной с неравномерностью распределения природных, производственных и инфраструктурных ресурсов между субъектами Российской Федерации. В современных условиях далеко не каждый регион обладает одновременно достаточной сырьевой базой, производственными мощностями и масштабным государственным спросом. В этой связи межрегиональный офсет становится инструментом пространственной интеграции региональных экономик и механизмом выстраивания устойчивых производственно-логистических цепочек между субъектами Федерации. Одним из наиболее показательных и значимых примеров реализации межрегиональной модели офсетного контракта является соглашение между г. Москвой и Республикой Карелия, заключенное в 2024 году. Данный проект получил особое значение для российской практики государственного заказа, поскольку стал первым в стране межрегиональным офсетным контрактом, реализованным в рамках механизма, предусмотренного законодательством о контрактной системе. Сущность проекта заключалась в создании производственных мощностей по выпуску щебня на территории Республики Карелия с последующими гарантированными поставками продукции для нужд дорожного строительства города Москвы. Инвестор принял на себя обязательства по организации и развитию производства нерудных строительных материалов, включая модернизацию производственной инфраструктуры и обеспечение необходимого объема выпуска продукции. В свою очередь, г. Москва обязался осуществлять долгосрочные закупки щебня для реализации масштабных инфраструктурных и дорожно-строительных проектов.

Таблица 1. Сравнение моделей офсетного контракта

Критерий	Классическая модель	Индустриально-локализационная модель
Основная цель	поставка продукции	локализация производства
Роль государства	заказчик	промышленный партнер
Основной интерес государства	обеспечение потребностей в конкретной продукции (лекарства, медизделия, питание и т.п.)	промышленное развитие
Уровень локализации производства	может быть ограниченным	высокий
Импортозамещение	вторично	основная цель
Технологическая сложность	средняя	высокая
Экономическая функция	закупочная	промышленно-стратегическая
Значение для экономики	обеспечение поставок	технологический суверенитет

С экономико-правовой точки зрения межрегиональная модель офсетного контракта обладает рядом специфических квалифицирующих признаков:

Во-первых, ключевой особенностью является территориальное разграничение инвестиционного и закупочного элементов офсета. Производственные мощности создаются вне территории субъекта, вступающего государственным заказчиком. Это существенно отличает межрегиональный офсет от классической модели, в рамках которой публично-правовое образование, как правило, заинтересовано в локализации производства непосредственно на собственной территории;

Во-вторых, данная модель предполагает более высокий уровень межсубъектной координации. Реализация подобных проектов требует согласования экономических интересов нескольких субъектов Российской Федерации, а также выстраивания сложного механизма взаимодействия между органами государственной власти различных регионов. Фактически межрегиональный офсет становится инструментом горизонтального взаимодействия субъектов Федерации в рамках единого экономического пространства страны;

В-третьих, существенным квалифицирующим признаком выступает ориентация на развитие межрегиональной производственной специализации. Межрегиональная модель позволяет учитывать конкурентные преимущества конкретных территорий: сырьевую базу, логистическое положение, кадровый потенциал, уровень промышленного развития и иные экономические факторы. В результате достигается более рациональное распределение производственных функций между регионами. Кроме того, межрегиональный офсет обладает значительным инфраструктурным и макроэкономическим эффектом. Рассматрива-

емая модель способствует развитию транспортно-логистических связей между субъектами Федерации, стимулирует модернизацию производственных мощностей в ресурсных регионах, а также обеспечивает устойчивое снабжение крупных агломераций необходимой продукцией.

В случае проекта между г. Москвой и Республикой Карелия речь идет о формировании долгосрочной системы поставок строительных материалов для реализации масштабных инфраструктурных программ столицы. Следует также обратить внимание на стратегическое значение подобных контрактов для государственной региональной политики. Межрегиональные офсетные механизмы способны выступать инструментом выравнивания социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Регионы, обладающие значительным ресурсным или производственным потенциалом, получают возможность привлечения инвестиций и гарантированного рынка сбыта, тогда как экономически более развитые субъекты Федерации обеспечивают собственные потребности в стратегически важной продукции. С правовой точки зрения межрегиональная модель офсетного контракта демонстрирует эволюцию самого института офсетных соглашений в российской правовой системе. Если первоначально офсет рассматривался преимущественно как инструмент локального промышленного развития конкретного региона, то современные межрегиональные проекты свидетельствуют о постепенном переходе к более сложным формам кооперации, ориентированным на интеграцию региональных экономик и формирование общенациональных производственных цепочек. Соглашение между г. Москвой и Республикой Карелия позволяет квалифицировать межрегиональную модель офсетного контракта как самостоятельную разновидность офсетного механизма, характеризующуюся территориальным разделением инвестиционной и закупочной составляющих, межсубъектным характером взаимодействия, ориентацией на использование региональной специализации и направленностью на развитие межрегиональной экономической кооперации. Данная модель представляет собой важный этап эволюции института офсетных контрактов в Российской Федерации и обладает значительным потенциалом дальнейшего распространения в условиях необходимости укрепления внутренних хозяйственных связей и обеспечения экономической устойчивости страны.

Таким образом, современная практика реализации офсетных контрактов в Российской Федерации свидетельствует о формировании нескольких устойчивых моделей данного механизма, каждая из которых отражает определенный этап эволюции контрактной системы и государственного регулирования инвестиционной деятельности. Анализ российской практики позволяет выделить классическую, индустриально-локализационную и межрегиональную модели офсетных контрактов, отличающиеся по целям, содержанию обязательств сторон, масштабу государственного участия и экономико-правовому назначению.

Наличие указанных моделей свидетельствует о постепенной трансформации офсетного контракта из узкоспециализированного механизма государственных закупок в комплексный инструмент промышленного государственно-частного партнерства. Современный российский офсетный контракт уже выходит за рамки исключительно закупочной конструкции и приобретает признаки самостоятельного механизма стратегического инвестиционного регулирования, обеспечивающего реализацию задач промышленной политики, импортозамещения, технологического развития и межрегиональной экономической интеграции.

Следовательно, дальнейшее развитие института офсетных контрактов требует совершенствования правового регулирования с учетом многообразия существующих моделей, а также формирования специальных механизмов защиты интересов частных инвесторов, принимающих на себя значительный объем инвестиционных и производственных рисков в рамках реализации долгосрочных проектов публично-частного взаимодействия.

Литература

1. Бойчук А.В. Офсетный контракт как механизм государственных закупок при реализации инфраструктурных проектов // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 2. – С. 8–20.
2. В Национальном центре ГЧП ожидают пятикратный рост числа офсетов к концу 2026 года // Ангарск Инвест. – 2026. – URL: <http://angarsk-invest.ru/ru/article/v-nacionalnom-centre-gchp-ozhidajut-pjatikratnyj-rost-chisla-ofsetov-k-koncu-2026-goda> (Дата обращения: 26.04.2026).
3. Инвестор вложит миллиард рублей в производство медизделий для стомированных больных в Москве // Медицинский вестник. – 2019. – 17 декабря. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Investor->

vlojit-milliard-rublei-v-proizvodstvo-medizdelii-dlya-stomirovannyh-bolnyh-v-Moskve.html (Дата обращения: 27.04.2026).

4. Офсетные контракты: стратегический инструмент роста экономики РФ // Businessman.ru. – 2026. – 14 марта. – URL: <https://businessman.ru/post/ofsetnyie-kontraktyi-strategicheskii-instrument-rosta-ekonomiki-rf.html> (Дата обращения: 26.04.2026).

5. Спицына Т.А. Офсетный контракт как инструмент развития территорий // Развитие территорий. – 2025. – № 4. – С. 45–52.

MODELS OF CONCLUDING OFFSET CONTRACTS IN RUSSIA

Lipatov V.I.

Institute of Justice Baikal State University

This article is devoted to the study of modern models of offset contracts emerging in Russian legal practice. Based on an analysis of domestic practice in implementing offset contracts, including concluded transactions, the regulatory framework, and law enforcement approaches, the main models are identified and characterized. The models differ in their objectives, the content of the parties' obligations, the scale of state participation, and their economic and legal purpose. The conclusion is substantiated that the offset contract is gradually transforming from a public procurement tool into a comprehensive mechanism of industrial public-private partnership, acquiring the features of an independent instrument of strategic investment regulation aimed at addressing the objectives of industrial policy,

import substitution, technological development, and interregional integration. Proposals are formulated regarding the need to improve the legal regulation of offset contracts, taking into account the identified diversity of models, and to create mechanisms for protecting the interests of private investors in long-term projects of public-private interaction.

Keywords: offset contract, offset contract models, public-private partnership, public procurement, industrial policy, import substitution, legal regulation.

References

1. Boychuk A.V. Offset Contract as a Mechanism of Public Procurement in the Implementation of Infrastructure Projects // *Progressivnaya ekonomika* [Progressive Economy]. – 2025. – № 2. – P. 8–20.
2. National PPP Center Expects Fivefold Growth in the Number of Offset Contracts by the End of 2026 // *Angarsk Invest*. – 2026. – URL: <http://angarsk-invest.ru/ru/article/v-nacionalnom-centre-gchp-ozhidajut-pjatikratnyj-rost-chisla-ofsetov-k-koncu-2026-goda> (Accessed: 26.04.2026).
3. Investor to Invest One Billion Rubles in the Production of Medical Devices for Osteomy Patients in Moscow // *Meditsinskiy vestnik* [Medical Bulletin]. – 2019. – December 17. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Investor-vlojit-milliard-rublei-v-proizvodstvo-medizdelii-dlya-stomirovannyh-bolnyh-v-Moskve.html> (Accessed: 27.04.2026).
4. Offset Contracts: A Strategic Instrument for the Growth of the Russian Economy // *Businessman.ru*. – 2026. – March 14. – URL: <https://businessman.ru/post/ofsetnyie-kontraktyi-strategicheskii-instrument-rosta-ekonomiki-rf.html> (Accessed: 26.04.2026).
5. Spitsyna T.A. Offset Contract as a Tool for Territorial Development // *Razvitie territoriy* [Territory Development]. – 2025. – № 4. – P. 45–52.

Правовые последствия и процессуальный порядок отказа прокурора от ранее принесенного протеста на постановление по делу об административном правонарушении

Литучая Светлана Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры финансового и гражданского права Высшей школы экономики, управления и права, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»; старший помощник прокурора Архангельской области и Ненецкого автономного округа по взаимодействию с законодательными и исполнительными органами, органами местного самоуправления

E-mail: lituchaya.s@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией прокурором полномочий по отказу от ранее принесенного протеста на постановление по делу об административном правонарушении. Анализируются процессуальный порядок отзыва протеста, его правовые последствия для сторон производства по делу об административном правонарушении, а также пробелы в действующем законодательстве.

Ключевые слова: прокурор, протест прокурора, отзыв протеста, отказ от протеста, административное правонарушение, постановление, просмотр.

Институт прокурорского надзора выступает одной из важнейших гарантий обеспечения законности в Российской Федерации. В сфере производства по делам об административных правонарушениях особое место занимает право прокурора на принесение протеста на не вступившие и вступившие в законную силу постановления по делам об административных правонарушениях¹. Данное полномочие регламентировано ст. 30.10, 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ).

Однако на практике встречаются ситуации, когда после принесения протеста прокурор приходит к выводу о его необоснованности (например, в результате получения новых доказательств или изменения правовой позиции)³. В таких случаях возникает необходимость отзыва протеста. В связи с этим появляется закономерный вопрос: каковы процессуальные рамки данной процедуры и какие правовые последствия она влечет для участников производства по делу об административном правонарушении?

В КоАП РФ процессуальный порядок отзыва протеста прокурора прямо не регламентирован, что порождает проблемы в правоприменительной практике.

Прежде чем рассматривать процедуру отзыва протеста, необходимо определить его правовую природу. В соответствии с ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ прокурор вправе приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле.

Протест прокурора является специфическим актом прокурорского реагирования, который инициирует процедуру пересмотра постановления или решения по делу об административном правонарушении. Будучи наделенным властными полномочиями, прокурор выступает не в роли стороны обвинения в классическом понимании, а в роли должностного лица, стоящего на страже закона. Цель такого акта прокурорского реагирования как протест – устранение допущенных нарушений при производстве по делу об административном правонарушении и восстановление нарушенных прав участников данного производства⁴.

Действующий КоАП РФ не содержит отдельной нормы, прямо регулирующей порядок отзыва прокурором своего протеста. В гл. 30 КоАП РФ регламентируются лишь сроки и порядок принесения протеста на постановление по делу об административном правонарушении.

Ввиду отсутствия прямых норм, правоприменитель вынужден руководствоваться общими началами законодательства и сложившейся практикой, которая базируется на аналогии закона.

В частности, процессуальный порядок отзыва прокурором принесенного протеста на постановление по делу об административном правонарушении через призму сравнительно-правового анализа с другими отраслями процессуального законодательства⁵ представляется возможным разделить на следующие ключевые этапы:

1) принятие решения об отзыве протеста на постановление по делу об административном правонарушении. На данном этапе прокурор, принесший протест на постановление по делу об административном правонарушении, изучает дополнительно поступившие материалы по делу и приходит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения протеста.

2) оформление процессуального документа об отзыве протеста на постановление по делу об административном правонарушении. Учитывая тот факт, что КоАП РФ в рамках производства по делу об ад-

¹ См.: Дубровин А.К., Никитин А.В., Паршин Д.В. Надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12(216). С. 127–129.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 25.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Исаев М.М. Прокурорский надзор за законностью актов в сфере административной юрисдикции // Законность. 2025. № 4. С. 15–20.

⁴ См.: Смирнов А.В. Протест прокурора: проблемы теории и практики применения // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 34–39.

⁵ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

министративном правонарушении наделяет прокурора правом подачи ходатайств, логично предположить, что отказ от протеста на постановление по делу об административном правонарушении также может быть оформлен посредством соответствующего ходатайства. Представляется необходимым, чтобы указанное ходатайство прокурора было оформлено в письменной форме и направлено судьбе либо иному уполномоченному должностному лицу, рассматривающему данный протест, до начала процедуры его разрешения.

3) направление участникам производства по делу об административном правонарушении. Копия ходатайства об отзыве протеста на постановление по делу об административном правонарушении прокурором направляется участникам производства для соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон.

4) реализация ходатайства об отзыве протеста на постановление по делу об административном правонарушении. На данном этапе ответственно прокурором ходатайство об отзыве протеста на постановление по делу об административном правонарушении направляется в суд или вышестоящий орган административной юрисдикции, на рассмотрении у которого находится протест. В ходе рассмотрения протеста на постановление по делу об административном правонарушении прокурор оглашает свое решение об отказе от данного акта прокурорского реагирования.

Важным аспектом является вопрос о том, может ли прокурор отозвать протест в любой момент до вынесения по нему компетентным субъектом решения. Теоретический анализ и практика Верховного Суда Российской Федерации показывают, что прокурор свободен в изменении своей позиции до момента удаления судьи в совещательную комнату. Представляется, что такой подход применим и при рассмотрении протеста прокурора на постановление по делу об административном правонарушении органом административной юрисдикции.

Правовые последствия отказа прокурора от протеста на постановление по делу об административном правонарушении зависят от того, в какой стадии находится пересмотр дела, а также от статуса самого прокурора (тот же прокурор или вышестоящий). Если прокурор отзывает протест, орган административной юрисдикции, суд лишается процессуального повода для пересмотра дела об административном правонарушении по инициативе прокурора. Однако, если рассмотрение дела об административном правонарушении возобновлено не только по протесту прокурора, но и по жалобе других лиц орган административной юрисдикции, суд обязан рассмотреть дело по существу по этим жалобам, независимо от позиции прокурора.

Для лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, отзыв прокурором протеста означает сохранение в силе первоначального постановления по делу об административном правонарушении. Отказ прокурора от протеста на постановление по делу об административном правонарушении не лишает данное лицо права самостоятельно обжаловать постановление в установленном порядке, если процессуальные сроки для данного действия не пропущены.

В случае, если протест являлся единственным поводом для пересмотра постановления по делу об административном правонарушении орган административной юрисдикции, суд, рассматривающие дело, при поступлении отказа прокурора от протеста на постановление по делу об административном правонарушении выносит определение о прекращении производства по протесту прокурора на постановление по делу об административном правонарушении¹. Данное определение констатирует отсутствие предмета рассмотрения.

Отсутствие четкого процессуального механизма отзыва прокурором протеста на постановление по делу об административном правонарушении порождает ряд проблем на практике. В частности, не определен предельный срок, в течение которого прокурор может отозвать протест на постановление по делу об административном правонарушении, а также требование об обязательной письменной форме отзыва или о заблаговременном уведомлении сторон.

Для решения указанных проблем целесообразно дополнить ст. 30.10 КоАП РФ нормами следующего содержания:

«Протест на постановление по делу об административном правонарушении до начала его рассмотрения может быть отозван прокурором, принесшим протест.

Ходатайство об отзыве протеста на постановление по делу об административном правонарушении подается в письменной форме су-

дье, должностному лицу, принявшему к рассмотрению соответствующий протест.

В случае принятия отказа прокурора от принесенного протеста судья, должностное лицо выносит определение о прекращении производства по протесту прокурора на постановление по делу об административном правонарушении.».

Институт отказа прокурора от ранее принесенного протеста на постановление по делу об административном правонарушении является важным элементом реализации принципа объективности прокурорского надзора. Прокурор, реализуя функцию защиты законности при производстве по делам об административных правонарушениях, обязан оперативно реагировать на изменение обстоятельств дела или выявление новых доказательств.

Однако отсутствие детальной регламентации данной процедуры в КоАП РФ создает правовую неопределенность. Внесение предложенных изменений в процессуальное законодательство позволит унифицировать практику судов и органов административной юрисдикции.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Дубровин А.К. Никитин А.В. Паршин Д.В. Надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12(216). С. 127–129.
3. Исаев М.М. Прокурорский надзор за законностью актов в сфере административной юрисдикции // Законность. 2025. № 4. С. 15–20.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 25.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2006 года, утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2006 г. (вопрос 16) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Смирнов А.В. Протест прокурора: проблемы теории и практики применения // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 34–39.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

LEGAL CONSEQUENCES AND PROCEDURAL PROCEDURE FOR A PROSECUTOR'S REFUSAL TO LODGE A PREVIOUSLY FILED PROTEST AGAINST A RULING IN A CASE CONCERNING AN ADMINISTRATIVE OFFENCE

Lituchaya S.E.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

This article examines issues related to the prosecutor's exercise of authority to withdraw a previously filed protest against a ruling in an administrative offense case. It analyzes the procedural procedure for withdrawing a protest, its legal consequences for the parties to the administrative offense case, and gaps in current legislation.

Keywords: prosecutor, prosecutor's protest, withdrawal of protest, refusal of protest, administrative offense, ruling, review.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, № 95-FZ (as amended on December 15, 2025) // SPS «ConsultantPlus».
2. Dubrovin, A.K. Nikitin, A.V. Parshin. Supervision of Law Enforcement by Administrative Jurisdiction Bodies // Law and State: Theory and Practice. 2022. № 12 (216). pp. 127–129.
3. Isaev, M.M. Prosecutor's Supervision of the Legality of Acts within Administrative Jurisdiction // Legality. 2025. № 4. pp. 15–20.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, № 195-FZ (as amended on May 25, 2026) // SPS «ConsultantPlus».
5. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2006, approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2006 (question 16) // SPS «ConsultantPlus».
6. Smirnov, A.V. «Prosecutor's Protest: Problems of Theory and Practical Application» // Administrative Law and Procedure. 2026. № 2. pp. 34–39.
7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 09.04.2026) // SPS «ConsultantPlus».

¹ Указанный вывод сделан с учетом обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2006 года, утвержденного Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2006 г. (вопрос 16) // СПС «КонсультантПлюс».

Бездokuментарная ценная бумага как объект гражданских прав: поиск оптимальной юридической конструкции

Лосев Илья Дмитриевич,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса
и международного частного права, Юридический институт
Российского университета дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
E-mail: 1142240061@rudn.ru

В статье исследуется правовая природа бездокументарных ценных бумаг. Анализируются ключевые доктринальные подходы: обязательственно-правовой, рассматривающий их исключительно как совокупность нематериальных прав требований, и вещно-правовой, допускающий применение к ним режима права собственности. Цель работы – обосновать неполноту сугубо обязательственной трактовки, не учитывающей специфику оборота данных объектов, и доказать допустимость использования отдельных вещно-правовых механизмов. Автор приходит к выводу, что применение элементов владения, пользования и распоряжения является необходимым условием стабильности и эффективности гражданского оборота, а также позволяет надежно защитить права добросовестных участников рынка ценных бумаг.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, право собственности, обязательственные права, гражданский оборот, защита прав, добросовестный приобретатель.

Введение

Современный этап развития гражданского оборота характеризуется активной цифровизацией имущественных отношений, что приводит к трансформации традиционных правовых институтов. Одним из наиболее ярких примеров является эволюция ценных бумаг, в рамках которой происходит отказ от их документарной формы и переход к бездокументарной фиксации прав. Указанная тенденция обусловлена потребностями ускорения оборота и снижения транзакционных издержек [5].

Действующее законодательство Российской Федерации прямо признает бездокументарные ценные бумаги объектами гражданских прав: согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ они отнесены к категории иного имущества, а в ст. 142 ГК РФ закреплено их легальное определение как обязательственных и иных прав, которые зафиксированы в решении о выпуске или ином предусмотренном законом акте и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением установленных правил учета.

Вместе с тем их правовая природа остается дискуссионной, поскольку отсутствует материальный носитель, традиционно рассматриваемый как необходимый признак ценной бумаги [8].

Целью настоящего исследования является анализ правовой природы бездокументарных ценных бумаг и обоснование оптимальной юридической конструкции, позволяющей определить их место в системе объектов гражданских прав.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системный методы. Формально-юридический метод позволяет проанализировать нормы действующего законодательства, регулирующие обращение бездокументарных ценных бумаг, в частности положения Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Системный подход применяется для выявления места бездокументарных ценных бумаг в общей системе объектов гражданских прав и установления взаимосвязей между различными правовыми режимами. Также использован сравнительно-правовой метод, позволяющий исследовать зарубежные подходы к квалификации бездокументарных ценных бумаг [6].

Результаты и обсуждение

В современной научной литературе сложилось несколько основных доктринальных подходов к определению правовой природы бездокументарных ценных бумаг. Некоторые авторы рассматривают такие ценные бумаги как совокупность обязательств, действующих независимо от какого-либо материального объекта [8]. Этот подход подчеркивает нематериальную, информационную природу этих объектов, но, как указано в доктрине, не в полной мере учитывается специфику оборота таких объектов и возможность их передачи как иного имущества.

Проведенный анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что бездокументарные ценные бумаги представляют собой специфическую форму фиксации имущественных прав, которая реализуется путём внесения записей в системы реестров владельцев ценных бумаг или по счетам депо [1]. В отличие от ценных бумаг эти объекты не имеют материального носителя в виде бумажной формы, сертификата или иного физического объекта. Это существенное различие исключает их отнесение к вещам в классическом, традиционном для науки гражданского права понимании, что диктует необходимость разработки специальных подходов к их правовому режиму.

Часть рекомендаций предполагает применение к бездокументарным ценным бумагам некоторых элементов закона о праве собственности, а именно правил владения, использования и распоряжения. Его сторонники ссылаются на необходимость обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота, эффективной защиты прав добросовестных собственников [2]. Согласно их конструкции имущественного права надежнее защищают интересы участников рынка экологической бумаги.

Особое дискуссионное значение в теории гражданского права имеет вопрос о возможности установления права собственности на бездокументарные ценные бумаги. Часть исследователей категорически

отрицает такую возможность, указывая на отсутствие вещи как классического объекта права собственности [3]. В то же время существует и противоположная позиция, согласно которой объектом права собственности выступает не материальный носитель (которого в данном случае нет), а само зафиксированное в учётной системе имущественное право, обладающее экономической ценностью и оборотоспособностью [7].

Анализ практики правового регулирования и правоприменения свидетельствует о постепенном формировании смешанной (гибридной) модели, которая сочетает в себе элементы различных правовых режимов. Это, в частности, проявляется в применении специальных, присущих только бездокументарным бумагам способов защиты прав их владельцев: восстановление утраченных записей о правах, оспаривание неправомерных действий регистраторов и депозитариев, истребование ценных бумаг из чужого незаконного владения в порядке, аналогичном виндикации.

Обращение к зарубежному опыту также демонстрирует отсутствие единого унифицированного подхода к квалификации бездокументарных ценных бумаг. В одних правовых системах (например, в странах англо-американской системы права) они рассматриваются как особый вид имущественных прав (интересов), в других – как финансовые инструменты, регулируемые специальным законодательством о фондовом рынке [6]. Но общая тенденция заключается в том, чтобы квалифицировать их как полноценный объект гражданского оборота, отличный как от вещей, так и от традиционных обязательственных прав.

Анализ приводит к выводу о том, что бездокументарная ценная бумага – это сложная, многогранная правовая конструкция, не укладывающаяся в рамки традиционного бинарного делегирования дел по гражданскому праву на вещи и обязательства по правам. Ее правовая природа определяется синтезом признаков имущественного права и особого, технически опосредованного пути закрепления и передачи данных прав.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что бездокументарные ценные бумаги занимают самостоятельное и уникальное место в системе объектов гражданских прав. Их правовая природа не может быть полностью и последовательно раскрыта только в рамках вещно-правовой или только в рамках договорной концепции. Каждая из этих доктрин отражает лишь отдельные аспекты правового режима бездокументарных ценных бумаг, но не охватывает его в целом.

Наиболее оптимальной и адаптированной к современным реалиям является модель рассмотрения бездокументарных ценных бумаг как самостоятельного объекта гражданских прав, имеющего особую правовую природу (*sui generis*). К данному объекту должны предъявляться специальные, специально разработанные нормы, которые включают в себя элементы обязательно-правового и вещно-правового регулирования, а также особые способы защиты. Предлагаемый подход дает возможность баланса интересов всех участников кругового оборота – эмитентов, владельцев, профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также в полной мере соответствует современным тенденциям цифровизации экономики и расширению оборота безличных прав собственности.

Литература

1. Белов, В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве: учеб. пособие по спец. курсу: в 2 т. / В.А. Белов; вступ. ст. проф. Е.А. Суханова. – 2е изд., перераб. и доп. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2007. – Т. 1. – 445 с. – ISBN 589158154X.

2. Бойцов, С.М. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг / С.М. Бойцов // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2 (40). – С. 84–90.

3. Габов, А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка / А.В. Габов. – М.: Статут, 2011. – 1104 с. – ISBN 9785835407262.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

5. Краснова, Н.С. Проблемы правовой природы и юридической квалификации бездокументарных ценных бумаг / Н.С. Краснова // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 50–55. – ISSN 20718136.

6. Никифоров, А.Ю. Бездокументарные ценные бумаги как объекты гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Никифоров Алексей Юрьевич. – Томск, 2010. – 200 с.

7. Ожогин, А.С. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг / А.С. Ожогин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72. – С. 77–83.

8. Суханов, Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – 462 с. – ISBN 9785835415526.

UNCERTIFICATED SECURITIES AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: SEARCH FOR AN OPTIMAL LEGAL CONSTRUCTION

Losev I.D.

Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the legal nature of uncertificated securities. It analyzes the key doctrinal approaches: the obligation-based approach, which treats them solely as a set of intangible rights of claim, and the proprietary approach, which admits the application of a property rights regime to them. The aim of the paper is to substantiate the incompleteness of a purely obligation-based interpretation, which fails to account for the specifics of the circulation of these objects, and to prove the permissibility of employing certain proprietary legal mechanisms. The author concludes that applying the elements of possession, use, and disposal is a necessary condition for the stability and efficiency of civil commerce and provides reliable protection of the rights of bona fide securities market participants.

Keywords: uncertificated securities, property right, rights of obligation, civil commerce, protection of rights, bona fide purchaser.

References

1. Belov, V.A. Securities in Russian Civil Law: A Textbook for a Special Course. In 2 vols. / V.A. Belov; introd. by Prof. E.A. Sukhanov. – 2nd ed., rev. and enl. – Moscow: Tsentr YurInfoR, 2007. – Vol. 1. – 445 p. – ISBN 589158154X.

2. Boitsov, S.M. The Legal Nature of Uncertificated Securities / S.M. Boitsov // Leningrad Law Journal. – 2015. – № 2 (40). – P. 84–90.

3. Gabov, A.V. Securities: Issues of Theory and Legal Regulation of the Market / A.V. Gabov. – Moscow: Statut, 2011. – 1104 p. – ISBN 9785835407262.

4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 № 51-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

5. Krasnova, N.S. Problems of the Legal Nature and Legal Qualification of Uncertificated Securities / N.S. Krasnova // Siberian Law Herald. – 2012. – № 1. – P. 50–55. – ISSN 20718136.

6. Nikiforov, A. Yu. Uncertificated Securities as Objects of Civil Law Relations: Cand. Sci. (Law) Diss.: 12.00.03 / Nikiforov Aleksei Yurevich. – Tomsk, 2010. – 200 p.

7. Ozhogin, A.S. The Legal Nature of Uncertificated Securities / A.S. Ozhogin // Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatischev. – 2010. – № 72. – P. 77–83.

8. Sukhanov, E. A. (ed.) Civil Law: Textbook. In 4 vols. – 2nd ed., rev. and enl. – Moscow: Statut, 2020. – Vol. 2: Property Law. Inheritance Law. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights. – 462 p. – ISBN 9785835415526.

Малиновский Марк Северинович,

аспирант кафедры юриспруденции, Московский университет
имени А.С. Грибоедова

E-mail: pvocvo2012@yandex.ru

Настоящая статья посвящена исследованию правовых проблем реализации международных договорных обязательств в условиях беспрецедентного санкционного давления, оказываемого отдельными государствами и их интеграционными объединениями. Автор анализируется фундаментальное противоречие между классическим принципом *pacta sunt servanda* и реальной практикой применения односторонних ограничительных мер, которые делают исполнение договоров экономически обременительным или юридически невозможным. В работе рассмотрена правовая природа санкций, критически оценивается их квалификация в качестве обстоятельств непреодолимой силы и обосновывается подход к санкциям как к императивным запретам, имеющим приоритет над частными договоренностями. Особое внимание уделяется доктрине коренного изменения обстоятельств (*rebus sic stantibus*), закрепленной в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, а также возможностям ее применения для приостановления или пересмотра межгосударственных соглашений. На примерах конкретных судебных решений проиллюстрирована фрагментация глобального правопорядка и формирование конкурирующих юрисдикционных подходов к разрешению санкционных споров. В статье также систематизированы практические механизмы адаптации договорных отношений: санкционные оговорки, изменение логистических цепочек, выбор применимого права, альтернативные способы расчетов, а также получение индивидуальных лицензий от регуляторных органов.

Ключевые слова: международный договор, санкции, форс-мажор, коренное изменение обстоятельств, исполнение обязательств, анτισанкционная компетенция, императивный запрет, публичный порядок, санкционная оговорка, Закон Лугового.

Современное международное право вступает в эпоху глубокой турбулентности, когда односторонние ограничительные меры, вводимые мощными экономическими центрами, начинают оказывать непосредственное влияние на судьбу ранее заключенных международных соглашений. Традиционная парадигма, согласно которой международный договор должен неукоснительно соблюдаться сторонами, вступает в противоречие с реалиями, где исполнение обязательств становится экономически обременительным, политически нежелательным или откровенно невозможным в силу блокирующих действий третьих стран. Целью настоящего исследования является анализ правовой природы санкций как фактора, дестабилизирующего договорные связи, а также выявление эффективных стратегий поведения субъектов права, направленных на сохранение или правомерное прекращение обязательств[1].

Как верно отмечают Казаченок О.П., Степанова И.А., феномен односторонних санкций представляет собой уникальное явление в международном публичном и частном праве. В отличие от коллективных мер, принимаемых Советом Безопасности ООН, современные ограничения, вводимые, например, Европейским Союзом или Соединенными Штатами Америки, носят характер «контрмер» или «реторсий», законность которых в международном праве нередко оспаривается. Для целей исполнения международных коммерческих и межгосударственных договоров критически важным является ответ на вопрос: какую юридическую природу имеют санкции по отношению к неисполненному обязательству[2, 3].

Санкционное давление деструктивно воздействует на договорные отношения в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, прямые запреты на экспорт или импорт определенных товаров, технологий и услуг делают невозможным исполнение договора в первоначальной форме, что характерно для секторальных санкций в отношении высокотехнологичной продукции и товаров двойного назначения. Во-вторых, ограничения на международные расчеты, блокировка корреспондентских счетов и запрет использования резервных валют (доллара, евро) ведут к просрочкам, штрафам и невозможности выполнить финансовые обязательства. В-третьих, необходимость получения специальных разрешений или лицензий значительно затягивает сроки исполнения договора. Особого внимания заслуживают риски в сфере юрисдикционного разрешения споров: визовые ограничения, отказ арбитров рассматривать дела с участием подсанкционных лиц, а также угроза непризнания судебных актов. В ответ на данные обстоятельства в Российской Федерации был принят «Закон Лугового» (статьи 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ), позволяющий переносить споры в российские суды и налагать запрет на продолжение разбирательств в иностранных арбитражах при наличии санкционного контекста. Дополнительно санкции порождают репутационные риски, выражающиеся в потере доверия контрагентов и снижении возможностей для заключения новых договоров[4].

Существует распространенная практика квалификации санкций в качестве обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора). Действительно, если иностранный банк блокирует платеж или иностранный порт отказывает в швартовке на основании прямого законодательного запрета своего правительства, налицо наличие внешнего непреодолимого препятствия. Однако, как справедливо отмечается в современной доктрине, рассмотрение санкций исключительно через призму чрезвычайности утрачивает практический смысл. Санкции становятся системным фактором ведения бизнеса, предвидимым риском, который должен быть учтен при заключении сделки, а не аварийным случаем, освобождающим от ответственности. Существует и другой аспект: публично-правовой характер санкций. Когда государство принимает рестриктивные меры, оно создает нормы прямого действия, которые имеют приоритет над частными договоренностями. В этой связи санкция предстает не столько как форс-мажор, сколько как императивный запрет (*imperative prohibition*), делающий исполнение договора противоправным с точки зрения места исполнения.

Сикачев, Н. К. пишет о том, что основополагающий принцип международного права «договоры должны соблюдаться» не является абсолютным. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года закрепляет механизм, позволяющий стороне отказаться от договора или приостановить его действие в случае коренного из-

менения обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*). В соответствии со статьей 62 Венской конвенции, сторона может сослаться на изменение обстоятельств, если эти обстоятельства составляли существенную основу согласия на обязательность договора, а их последствия радикально преобразуют объем обязательств[5, 6].

Историческим примером, обретающим новое звучание сегодня, является дело «Racke GmbH против Главного таможенного управления Майнца», рассмотренное Судом Европейских сообществ в 1998 году. Тогда Европейское сообщество приостановило действие Соглашения о сотрудничестве с Югославией из-за войны, применив доктрину *rebus sic stantibus*. Суд признал, что обычные нормы международного права, включая условия применения коренного изменения обстоятельств, могут быть критерием для проверки законности актов Союза. Применительно к текущим условиям можно утверждать, что массированное введение санкций, полностью меняющее режим торговли и расчетов, может быть интерпретировано как коренное изменение обстоятельств, делающее бессмысленным дальнейшее существование некоторых межправительственных соглашений.

Наиболее ярко противоречия между международным договором и санкционным правом проявляются в финансовой сфере. Показательным является решение Высокого суда Англии по делу «EuroChem против Société Générale» (2025 год). В данном деле банк отказался выплачивать средства по облигациям, выпущенным по английскому праву, ссылаясь на то, что бенефициар подпадает под санкционный режим ЕС[7].

Суд постановил, что положения о замораживании активов должны толковаться широко: если бенефициар контролируется подсанкционным лицом, выплата средств фактически означает предоставление ресурсов «в пользу» такого лица. Английский суд, как и ранее в деле Ralli Bros, признал, что требование о выплате не подлежит принудительному исполнению, если оно противоречит закону места исполнения обязательства. Тем самым был поставлен барьер для попыток обхода санкций через сложные корпоративные структуры. С другой стороны, Российская Федерация разработала ответные процессуальные механизмы. Введение в Арбитражный процессуальный кодекс статей 248.1 и 248.2 закрепило «антисанкционную» компетенцию российских арбитражных судов. Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в определении по делу «НС Банка» и «Лукойла» (2024 год), российские суды вправе рассматривать споры даже между двумя российскими лицами, если основанием спора являются иностранные санкции, блокирующие доступ к правосудию за рубежом. Более того, суды могут выносить запреты на инициирование или продолжение разбирательств в иностранных юрисдикциях, а неисполнение таких запретов расценивается как нарушение публичного порядка России[8, 9].

В условиях блокировки традиционных маршрутов исполнения договоров (прямых банковских переводов через SWIFT, поставок через порты ЕС) стороны вынуждены прибегать к поиску обходных путей, что порождает феномен «адаптации договора». В ответ на санкционные пакеты, такие как 19-й пакет ЕС, запретивший импорт сжиженного природного газа и транзакции с ключевыми банками, участники оборота переходят на расчеты в национальных валютах с использованием платежных систем, неподконтрольных западным регуляторам. Однако государства-инициаторы санкций не стоят на месте. Так, в 20-м пакете санкций (апрель 2026 года) Евросоюз ввел особый механизм борьбы с обходом, включив в список третьи страны, через которые идет реэкспорт подсанкционной продукции (например, Киргизию). Более того, введено понятие «антиискового запрета» (*anti-suit injunction*), позволяющее судам стран ЕС штрафовать лица, пытающихся инициировать разбирательство в российских судах в нарушение арбитражной оговорки.

Важным аспектом является изменение самой системы координат, в которой действуют правоприменители. Выход России из Совета Европы и прекращение действия Европейской конвенции по правам человека на территории РФ привел к тому, что Верховный Суд РФ начал процесс «зачистки» постановлений от ссылок на практику Европейского Суда, заменяя их апелляцией к Международному пакту о гражданских и политических правах. Это означает, что ранее единое гуманитарное пространство права фрагментируется. При разрешении споров об исполнении договоров суды разных стран все чаще исходят из собственных представлений о публичном порядке, не признавая решения друг друга[10].

Для противодействия санкционным ограничениям субъекты оборота выработали ряд правовых и организационных механизмов. Ключевым превентивным инструментом выступает санкционная оговорка, предусматривающая право сторон на односторонний отказ от исполнения или приостановление договора при введении санкций. В такой

оговорке целесообразно детализировать определение санкций, порядок действий сторон (переговоры, получение разрешений, изменение логистики) и условия подтверждения негативных последствий. Параллельно применяется изменение логистических цепочек через посредников из третьих стран, не присоединившихся к санкциям.

Важное значение имеет выбор применимого права: предпочтительным признается российское право или право нейтральной юрисдикции, а не страны «недружественного» контрагента, с возможностью включения оговорки о смене права при утрате доступа к юридической помощи. В финансовой сфере эффективны альтернативные способы расчетов: открытие счетов в нейтральных странах, использование аккредитивов, отсроченных и обеспечительных платежей, а также банковских гарантий от банков дружественных юрисдикций. На переговорном уровне стороны могут адаптировать условия договора: изменить валюту расчетов, сроки поставки, способы доставки, добавить форс-мажорные оговорки. Наконец, в исключительных случаях возможно получение индивидуальной лицензии от регуляторного органа на осуществление операций, формально подпадающих под санкции, что требует значительных временных и ресурсных затрат, но позволяет легально исполнить договор[11, 12].

Исполнение международных договоров в условиях санкций перестало быть сугубо частноправовой проблемой. Сегодня это сложный симбиоз международного публичного права, национального регуляторики и корпоративной стратегии. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, традиционная квалификация санкций как форс-мажора уходит в прошлое; правоприменительная практика требует учета системного характера рисков и анализа конкретных запретов, делающих исполнение невозможным именно в данной точке пространства. Во-вторых, механизм коренного изменения обстоятельств (*rebus sic stantibus*) может служить легитимным основанием для пересмотра или приостановления межгосударственных соглашений, хотя его применение в коммерческих контрактах затруднено высоким порогом доказывания. В-третьих, происходит регионализация правосудия: создание «антисанкционных» компетенций в России и введение блокирующих исков в ЕС свидетельствует о фрагментации глобального правопорядка. Стороны договора вынуждены выбирать не просто применимое право, а юрисдикцию, способную физически принудить к исполнению или, напротив, защитить от санкционных потерь. В этих условиях единственным устойчивым способом исполнения обязательств становится тщательная проработка условий договора на этапе его заключения, включение гибких оговорок о санкционных рисках и диверсификация юрисдикционных связей.

Литература

- Зотова А.П., Жук В.С. Способы исполнения международных договоров в условиях санкций // Столыпинский вестник. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-ispolneniya-mezhdunarodnyh-dogovorov-v-usloviyah-sanktsiy> (дата обращения: 21.05.2026).
- Сочнева, А.Е. Исполнение внешнеторговых сделок в условиях «санкционной войны» / А.Е. Сочнева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 35 (169). – С. 40–42. – URL: <https://moluch.ru/archive/169/45518>.
- Казаченок О. П., Степанова И.А. Правовые последствия влияния экономических санкций на исполнение внешнеэкономических контрактов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 77–82.
- Синёва Н.А. Влияние санкций на заключение внешнеэкономических сделок // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14 № 5А. С. 233–238.
- Хабриева Т.Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89 № 1 С. 3–9.
- Сикачев, Н.К. Санкционная политика в отношении России на уровне международных организаций / Н.К. Сикачев, Ю.Г. Лещенко // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 775–792.
- Каспарова О.Г. Санкции как фактор изменений в регулировании международной торговли // Актуальные исследования. 2025. № 16 (251). Ч.II. С. 57–59. URL: <https://apni.ru/article/11816-sankcii-kak-faktor-izmenenij-v-regulirovanii-mezhdunarodnoj-torgovli>.
- Кильметов А.Р. Оценка экономической устойчивости предприятий нефтегазовой отрасли в условиях санкций / А.Р. Кильметов, А.Ю. Анисимов // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15.
- Пономаренко Е.В. Политическая экономия и санкции против России: причины и следствия, взгляд эксперта. Международная торговля и торговая политика. 2022;8(3):7–23.

10. Ilan Bijaoui. The impact of sanctions on international business // Journal of World Business. Volume 51 Issue 2 March 2016 P. 299–308.

11. Federico Huneeus, Guillermo Vuletin. The Economic Impact of Sanctions: Evidence from European Firms // Review of International Economics. Volume 28 Issue 3 August 2020 P. 818–846.

12. Mohammad Reza Farzanegan, Hassan Fereidouni. The Effect of Economic Sanctions on International Trade: A Review of the Literature // Iranian Economic Review. Volume 23 Issue 1 Spring 2019 P. 1–22.

FEATURES AND POSSIBILITIES OF EXECUTION OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

Malinovskiy M.S.

A.S. Griboyedov Moscow State University

This article is devoted to the study of the legal problems of the implementation of international contractual obligations in the context of unprecedented sanctions pressure exerted by individual states and their integration associations. The author analyzes the fundamental contradiction between the classical principle of *pacta sunt servanda* and the actual practice of applying unilateral restrictive measures that make the execution of contracts economically burdensome or legally impossible. The paper examines the legal nature of sanctions, critically evaluates their qualification as force majeure circumstances, and substantiates the approach to sanctions as imperative prohibitions that take precedence over private agreements. Special attention is paid to the doctrine of a fundamental change in circumstances (*rebus sic stantibus*), enshrined in the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, as well as the possibilities of its application for suspending or revising interstate agreements. Examples of specific court decisions illustrate the fragmentation of the global legal order and the formation of competing jurisdictional approaches to resolving sanctions disputes. The article also systematizes practical mechanisms for adapting contractual relations: sanctions clauses, changes in logistics chains, the choice of applicable law, alternative payment methods, as well as obtaining individual licenses from regulatory authorities.

Keywords: international treaty, sanctions, force majeure, fundamental change of circumstances, fulfillment of obligations, anti-sanctions competence, mandatory prohibition, public order, sanctions clause, Lugovoy's Law.

References

1. Zotova A.P., Zhuk V.S. Methods of Implementing International Treaties under Sanctions // Stolypinsky Vestnik. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-ispolneniya-mezhdunarodnyh-dogovorov-v-usloviyah-sanktsiy> (date of access: 21.05.2026).
2. Sochneva, A.E. Execution of foreign trade transactions in the context of the "sanctions war" / A.E. Sochneva. – Text: direct // Young scientist. – 2017. – No. 35 (169). – P. 40–42. – URL: <https://moluch.ru/archive/169/45518>.
3. Kazachenok O. P., Stepanova I.A. Legal consequences of the impact of economic sanctions on the execution of foreign trade contracts // Legal Concept = Legal paradigm. – 2022. – Vol. 21, No. 4. – P. 77–82.
4. Sineva N.A. The Impact of Sanctions on the Conclusion of Foreign Economic Transactions // Issues of Russian and International Law. 2024 Vol. 14 No. 5A. P. 233–238.
5. Khabrieva T. Ya. International law and sanctions. Searching for the boundaries of the permissible // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019, Vol. 89, No. 1, pp. 3–9.
6. Kasparova O.G. Sanctions as a factor of changes in the regulation of international trade // Current research. 2025. No. 16 (251). Part II. P. 57–59. URL: <https://apni.ru/article/11816-sankcii-kak-faktor-izmenenij-v-regulirovanii-mezhdunarodnoj-torgovli>.
7. Kasparova O.G. Sanctions as a factor of changes in the regulation of international trade // Current research. 2025. No. 16 (251). Part II. P. 57–59. URL: <https://apni.ru/article/11816-sankcii-kak-faktor-izmenenij-v-regulirovanii-mezhdunarodnoj-torgovli>.
8. Kilmotov A.R. Assessment of economic sustainability of oil and gas industry enterprises under sanctions / A.R. Kilmotov, A. Yu. Anisimov // Economy, entrepreneurship and law. – 2025. – T. 15.
9. Ponomarenko E.V. Political economy and sanctions against Russia: causes and consequences, expert view. International trade and trade policy. 2022; 8 (3): 7–23.
10. Ilan Bijaoui. The impact of sanctions on international business // Journal of World Business. Volume 51 Issue 2 March 2016 P. 299–308.
11. Federico Huneeus, Guillermo Vuletin. The Economic Impact of Sanctions: Evidence from European Firms // Review of International Economics. Volume 28 Issue 3 August 2020 P. 818–846.
12. Mohammad Reza Farzanegan, Hassan Fereidouni. The Effect of Economic Sanctions on International Trade: A Review of the Literature // Iranian Economic Review. Volume 23 Issue 1 Spring 2019 P. 1–22.

Огнева Ксения Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарьяна Московского государственного юридического университета (МГЮА имени О.Е. Кутафина)
E-mail: samadha@yandex.ru.

Огромную роль в формировании вектора применения законодательства о защите избирательных прав российских граждан играет практика судов. В целях развития представлений о роли суда в разрешении электоральных споров в иностранных государствах в данной статье предлагается обратиться к опыту Малайзии. Предметом исследования являются нормы законодательства Малайзии о выборах и о судостроительстве, состоявшие по делам о защите избирательных прав судебные акты. Научная новизна заключается в формировании комплексного представления о судебной защите избирательных прав граждан Малайзии. Методологическую основу составили общенаучные и специально-юридические методы исследования: системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные. В статье проанализированы судебные акты, выявлены основные сферы нарушения избирательных прав и сделаны выводы относительно влияния судебной практики на укрепление гарантий электоральных прав граждан данной страны. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития представлений о защите избирательных прав судами в зарубежных странах, а также возможности имплементировать в законодательство Российской Федерации наиболее удачные нормы и институты.

Ключевые слова: защита электоральных прав, рассмотрение избирательных споров, конституционная монархия, право голосовать, право избирать и быть избранным, избирательное правонарушение, список избирателей.

Правовая система Малайзии, как и правовые системы ряда других стран Юго-Восточной Азии, формировалась под воздействием правовых стандартов Великобритании, от колониального влияния которой страна избавилась лишь в 1946 году¹.

В силу статьи 119 Конституции Малайзии активным избирательным правом обладают граждане Малайзии, достигшие на дату составления списков избирателей возраста 21 года, являющиеся жителями избирательного округа, либо не являющимися таковыми, но наделены правом голосовать в нем, не дисквалифицированные в соответствии с частью 3 этой же статьи и не осужденные за преступления, связанные с выборами².

Согласно части 3 названной статьи лицо лишается права голосовать на выборах, если к дате составления списков избирателей находится в психиатрическом стационаре либо отбывает наказание в виде лишения свободы, либо осуждено за преступление и приговорено к смертной казни или лишению свободы на срок более 12 месяцев³.

В соответствии с Конституцией, в государстве создан двухпалатный парламент, который состоит из Нижней палаты (Палаты представителей), включающей в себя 222 выборных членов от штатов и федеральных территорий, и Верхней палаты (Сената), в состав которой входит 70 сенаторов.

Часть IV Конституции определяет состав Парламента и Сената, тогда как часть VIII Конституции касается проведения выборов.

Контроль за организацией и проведением выборов осуществляет Избирательная комиссия, члены которой назначаются Янгм ди-Пертуаном Ангонгом (королем).

Кроме Конституции, в систему избирательного законодательства Малайзии входят Закон о правонарушениях на выборах 1954 года⁴, Закон о выборах 1958 года⁵ и Закон об избирательной комиссии 1957 года⁶.

Помимо этого, нормы избирательного законодательства содержатся в нормативных правовых актах, таких как Постановление о выборах (контроль за автотранспортом и судами) 1959 года, Приказ о сборах (отмена почтовых расходов на сообщения о выборах в парламент и штаты) 1959 года, Постановление о выборах (почтовое голосование) 1968 года, Постановление о выборах (регистрация избирателей) 1971 года, Постановление о выборах (регистрация избирателей) (Сабах) 1971 года, Постановление о выборах (проведение выборов) 1981 года.

Статьи 121–131 (А) Конституции посвящены судебной системе. Согласно данным положениям в стране действуют высокие суды (в составе Главного судьи и не менее четырех судей) и Верховный суд, в состав которого входит его Председатель, председатели высоких судов и четырех судей, назначаемых Янгм ди-Пертуаном-Ангонгом (королем). Помимо этого, король может назначить любое лицо в возрасте не старше 65 лет дополнительным судьей Верховного суда Малайзии по согласованию с его Председателем.

Закон о судах 1964 года⁷, помимо высоких судов и Верховного суда Малайзии, называет также Апелляционный суд и нижестоящие суды.

В соответствии с Законом о нижестоящих судах 1948 года⁸ в Малайзии создаются также сессионные суды, магистратские суды, суды

¹ Тюрин В.А. Завоевание Малайи Англией. М., 1962. С. 24.

² <https://constitutions.ru/?p=8644&ysclid=mgwlm6ri1p338449727> (дата обращения – 7 мая 2026 г.).

³ Chin, J., & Welsh, B. (2018) 'The 2019 Malaysian General Elections: The Return of Mahathir and the Exit of UMNO', Journal of Current Southeast Asian Affairs, 3–8.

⁴ 005E.FM; https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.29edb6db-68f3e0f4-1fe27dc8-74722d776562
<https://web.archive.org/web/20160817113300/http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act%205.pdf> (дата обращения – 7 мая 2026 г.).

⁵ translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ab1bee1d-6a15f224-6df17097-74722d776562
<https://web.archive.org/web/20201126150932/http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act 19 – Elections Act 1958.pdf> (дата обращения – 26 мая 2026 г.).

⁶ Election Commission Act 1957.pdf (дата обращения – 26 мая 2026 г.).

⁷ Courts-of-Judicature-Act-1964-Act-91.pdf (дата обращения – 26 мая 2026 г.).

⁸ Subordinate-Courts-Act-1948.pdf (дата обращения – 26 мая 2026 г.).

Пэнхулу (рассматривающие наиболее незначительные дела), которые являются судами гражданской и уголовной юрисдикции.

Помимо этого, в Малайзии действует система судов шариата, рассматривающих дела в отношении мусульман в связи с нарушением норм исламского права. Данные суды в основном создаются нормативными правовыми актами штатов (Закон о мусульманском суде 1965 года)¹.

Статья 118 Конституции Малайзии устанавливает, что результаты выборов в Палату представителей или Законодательное собрание штата не могут быть оспорены иначе, как путем подачи избирательной петиции в высокий суд, в юрисдикции которого находятся выборы.

В свою очередь, порядок рассмотрения избирательной петиции предусмотрен частью VII Закона об избирательных правонарушениях, согласно разделу 33 которого каждая избирательная петиция должна рассматриваться главным судьей или судьей любого Высокого суда, назначенным главным судьей для этой цели. Однако главный судья не может назначить судью Высокого суда, председателем которого он не является, без консультации с председателем суда этого суда.

Петиции о выборах могут быть поданы в высокий суд лицом, которое голосовало или имело право голосовать на выборах, или лицом, утверждающим, что оно имело право быть возвращенным или избранным на таких выборах, либо лицом, утверждающим, что оно было кандидатом на таких выборах (раздел 34 Закона об избирательных правонарушениях).

При этом в избирательной петиции может быть заявлено одно из следующих требований: 1) признание выборов недействительными; 2) констатация того, что кандидат не избран или не должен был быть избран 3) «исследование», представляющее собой пересчет голосов, чтобы определить, какие голоса являются действительными и были ли они правильно подсчитаны в том случае, когда на место претендует проигравший кандидат на основании того, что он имел большинство законных голосов (разделы 35, 40 названного закона).

Избирательная петиция должна быть подана в течение 21 дня после опубликования результатов выборов и рассмотрена судом в течение шести месяцев. Решение подлежит оглашению в публичном судебном заседании (раздел 36).

После вынесения решения судья по выборам в течение 14 дней должен заверить его в Избирательной комиссии (в случае федеральных выборов) или в органе штата (в случае выборов в штатах). Апелляция на это решение может быть подана в Верховный суд в течение 14 дней с даты вынесения решения (раздел 36А (2) Закона об избирательных правонарушениях).

Верховный суд принимает решение по апелляции в течение шести месяцев с даты ее подачи, которое является окончательным (разделы 36 (В), 36 (С)).

В Малайзии за последние годы возникло несколько судебных прецедентов, связанных с защитой активного избирательного права.

Например, в деле 2000 года «Харрис Мохд Саллех против Исмаила бин Маджина (Returning Officer & Ors & Anor Application)»² было констатировано право судьи по выборам проверять списки избирателей, подотвержденные избирательной комиссией.

Заявители утверждали, что в списках избирателей содержатся имена несуществующих избирателей. Споры были вызваны тем, что при обновлении списков избирателей избирательная комиссия опирается на данные Национального регистрационного управления, которые не всегда отражают актуальные сведения. Возникают случаи, когда имена умерших граждан сохраняются в списках избирателей, а под их именами голосуют иные лица.

При рассмотрении дела судья по выборам указал, что в соответствии со статьей 119 Конституции правом голоса обладают только граждане. Это право является исключительным правом граждан, которое не подлежит отчуждению и не может быть куплено или продано. При составлении списка избирателей (в Сабах это регулируется Положением о выборах (регистрация избирателей) (Сабах) 1971 года, которое было принято в соответствии со статьей 15 Закона о выборах 1958 года) избирательная комиссия обязана следить за тем, чтобы в качестве избирателей регистрировались только граждане. В свою очередь, лица, не являющиеся гражданами государства (например, нелегальные мигранты), не должны быть зарегистрированы в качестве избирателей или внесены в список избирателей. Избирательный список, содержащий имена лиц, не являющихся гражданами государ-

ства или лишенных в соответствии с законом права голоса, является незаконным.

При этом суд указал, что может объявить недействительным любой закон, принятый парламентом или законодательным органом штата, который не соответствует Конституции, и суд по выборам обладает не меньшей юрисдикцией. Таким образом, избирательный суд обладает юрисдикцией по рассмотрению и определению законности списка избирателей, и нет закона, который запрещал бы рассмотрение таких возражений против списка избирателей в избирательном суде.

Список избирателей является, на первый взгляд, доказательством того, что лицо имеет право голосовать в избирательном округе, в соответствии с положением 14 Положения о выборах (проведение выборов) 1981 года. Если окажется, что есть доказательства того, что лицо, не имеющее права голоса, было зарегистрировано в избирательном списке в качестве избирателя, то такой список будет противоречить закону и может быть оспорен.

Соответственно, избирательный суд может сделать заявление, что список избирателей является незаконным, поскольку противоречит федеральному закону, и, следовательно, является недействительным.

В деле «Тенг Чанг Ким против Суруханджая Пилиханрая» заявитель просил признать, что он имеет право быть представленным адвокатом и юристом на местном опросе, проведенном избирательной комиссией в отношении парламентского округа P101 Сепутеха³.

Судья по выборам отклонил ходатайство на том основании, что не существует закрепленного права адвоката при явке в избирательную комиссию представлять интересы другого лица, и что комиссия имеет право по своему усмотрению разрешить или не разрешить заявителю быть представленным. При рассмотрении дела судья указал, что если дискреционные полномочия были реализованы надлежащим образом, что в данном случае не оспаривается заявителем, суд не вправе вмешиваться.

По делу «Тео Хун Сон и Орс против Суруханджая Пилихан Рая»⁴ заявители просили признать их право, как граждан Малайзии, проживающих за границей, быть зарегистрированными в качестве отсутствующих избирателей, и признать незаконным отказ избирательной комиссии зарегистрировать их в качестве таковых.

Высокий суд отказал в удовлетворении требований на том основании, что избирательная комиссия соблюдала статью 119 Конституции, истолковав понятие «отсутствующих избирателей» как граждан, которые зарегистрированы как отсутствующие избиратели в своем избирательном округе. Поскольку заявители не были зарегистрированы в таковом качестве, их петиция была отклонена.

При этом суд указал, что избирательная комиссия осуществляет полномочия, предоставленные законом как в соответствии с Конституцией, так и федеральными законами, в частности, Законом о выборах, поэтому ее действия в данном случае являются законными.

Таким образом, суды Малайзии не уклоняются от рассмотрения жалоб на действия или решения избирательной комиссии. Однако с учетом того, что страна является конституционной монархией, власть Правительства достаточно сильна и в большинстве случаев избирательные петиции граждан отклоняются. Несмотря на то, что согласно части 1 статьи 3 Конституции Малайзии ислам является официальной религией государства, шариат в соответствии с Законом о мусульманском суде 1965 года применяется только в отношении воспитательной деятельности и морали⁵. На наш взгляд, немалое влияние на развитие правовой системы государства в целом и судебной защиты избирательных прав граждан Малайзии оказало колониальное прошлое страны, находившейся долгие годы под протекцией Великобритании. Таким образом, в данной стране английское общее право сочетается с элементами мусульманского права, распространенными у отдельных групп населения. Это позволяет подчеркнуть самобытность правовой культуры рассматриваемого государства и объяснить многие государственные процессы.

Литература

1. Атнашев В.Р., Кириленко В.П. Правовые аспекты защиты прав человека в странах малайско-индонезийского региона (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины) // Управленческое консультирование. № 9. 2015. С. 20–28.

2. Тюрин В.А. Завоевание Малайи Англией. М., 1962. С. 24.

³ Po Jen Yap. Judicial Review of Elections in Asia. – First published by Routledge. 2016. New-York. P. 66; <http://www.kehakiman.gov.my/>; [1994] 2 MLJ 241.

⁴ Jen Yap. Judicial Review of Elections in Asia. – First published by Routledge. 2016. New-York. P. 68; <http://www.kehakiman.gov.my/>; [2012] 4 MLJ 245.

⁵ Кириленко В.П., Атнашев В.Р. Правовые аспекты защиты прав человека в странах малайско-индонезийского региона (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины) // Управленческое консультирование. № 9. 2015. С. 20–28.

¹ https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.06b3b222-68f50604-124a0806-74722d776562/https://en.wikipedia.org/wiki/Syariah_Court (дата обращения – 7 мая 2026 г.).

² Po Jen Yap. Judicial Review of Elections in Asia. – First published by Routledge. 2016. New-York. P. 62; <http://www.kehakiman.gov.my/>; [2000] 3 MLJ 434.

3. Chin, J., & Welsh, B. (2018) «The 2019 Malaysian General Elections: The Return of Mahathir and the Exit of UMNO» // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2018. – P. 3–8.

4. Po Jen Yap. Judicial Review of Elections in Asia. – First published by Routledge. 2016. New-York. 237 p.

PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS IN MALAYSIAN COURT DECISIONS

Ogneva K.O.

Moscow State Law University (Kutafin Moscow State Law University)

The practice of courts plays a huge role in shaping the vector of application of legislation on the protection of the electoral rights of Russian citizens. In order to develop an understanding of the role of the court in resolving electoral disputes in foreign countries, this article proposes to refer to the experience of Malaysia. The subject of the study is the norms of Malaysian legislation on elections and the judicial system, as well as the court decisions that have been made in cases involving the protection of electoral rights. The scientific novelty of this article lies in the formation of a comprehensive understanding of the judicial protection of the electoral rights of Malaysian citizens. The methodological basis of the

study was formed by general scientific and special legal research methods: systemic, logical, formal-legal, comparative-legal, and others. The article analyzes court acts, identifies the main areas of violation of electoral rights, and draws conclusions regarding the impact of judicial practice on strengthening the guarantees of electoral rights for citizens of this country. The results of the study can be used to further develop ideas about the protection of electoral rights by courts in foreign countries, as well as to implement the most successful norms and institutions in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: protection of electoral rights, consideration of electoral disputes, constitutional monarchy, right to vote, right to elect and be elected, electoral offense, list of voters.

References

1. Atnashev, V.R. and Kirilenko, V.P. "Legal Aspects of Human Rights Protection in the Countries of the Malay-Indonesian Region (Indonesia, Malaysia, Singapore, the Philippines)." Management Consulting, no. 9, 2015, pp. 20–28.
2. Tyurin, V.A. "The Conquest of Malaya by England." Moscow, 1962, pp. 24.
3. Chin, J., & Welsh, B. (2018) "The 2019 Malaysian General Elections: The Return of Mahathir and the Exit of UMNO." Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2018, pp. 3–8.
4. Po Jen Yap. Judicial Review of Elections in Asia. First published by Routledge. 2016. New York, 237 p.

Исторические аспекты формирования дефиниции «преступление» в российском уголовном законодательстве

Олифиренко Екатерина Павловна,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказская государственная академия
E-mail: olifirenko2026@list.ru

Статья посвящена исследованию понятия «преступление» через призму его исторического развития в отечественном законодательстве. В условиях динамичных изменений в общественных отношениях нормативно – правовая база государства подвергается систематическим реформам, в ходе проведения которых наблюдается введение новых правовых норм, включая уголовное и уголовно – процессуальное законодательство. В статье делается акцент, что подобные изменения сопровождаются появлением новых и более сложных форм преступной деятельности, что актуализирует необходимость четкого и однозначного определения дефиниции «преступное посягательство».

В заключении автор приходит к выводу, что современная интерпретация данного термина является наиболее точной за всю историю существования правовой системы государства. Особое внимание автор обращает на тот факт, что многовековой эволюционный процесс формирования исследуемого понятия способствовал выявлению и закреплению в законодательстве ключевых признаков данного юридического феномена.

Ключевые слова: преступление, уголовное законодательство, общественно опасное деяние, преступное посягательство, общественные отношения, ретроспективный анализ, исторический генезис.

Процесс правильного и единообразного трактования норм уголовного законодательства находится в прямой взаимосвязи от четкого определения базового понятия уголовной отрасли права – понятия преступление. Формирование и законодательное закрепление критериев, определяющих преступность и наказуемость деяний, относится к исключительной прерогативе государственной власти. Устанавливая запрет на осуществление определенных действий, государство таким образом очерчивает круг наиболее важных общественных отношений и обеспечивает их защиту от посягательств.

В статье 14 УК РФ преступление определено как «виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом под грозой наказания»¹, иными словами понятие преступления можно определить, как противоправное поведение лица, наносящее вред общественным отношениям, за нарушение которых предусмотрено применения мер уголовной ответственности. Обозначенный термин преступление в контексте исторической ретроспективы появился в уголовном законодательстве относительно недавно, чему предшествовал длительный исторический генезис преступления в отечественном праве.

Рассмотрим поэтапно исторические периоды, определившие развитие и становление исследуемого в работе термина.

Упоминание о деяниях, позиционируемых как преступные, впервые встречается в летописных документах и договорах Руси с Византией, ориентировочно датируемых 9–10 веками. Данные исторические акты содержат отдельные сведения о караемых государством незаконных посягательствах, которые именуются злыми делами².

Период расцвета Киевской Руси характеризуется формированием письменного права, пришедшее на 11 – начало 12 веков в древнерусском государстве. Первым историческим памятником этого периода ученые называют Русскую Правду, «основными положениями которой были:

- поэтапная отмена кровной мести, которая постепенная заменялась денежными штрафами (от денежного штрафа в Правде Ярослава, до полного устранения в последующих версиях)³;

- установление системы денежных штрафов с градацией их размера за различные посягательства;

- введение социального неравенства, которое разделило людей по имущественному и должностному положению;

- регламентацию устройства вотчин⁴.

В контексте исторического анализа старейшего законодательного акта Древней Руси – Русская Правда, необходимо обратить внимание, что в эпоху его функционирования категория преступление еще не была обозначена в современном понимании. Вместо этого использовался термин, охватывающий широкий спектр действий, причиняющих физический, материальный или моральный вред личности или ущербу имуществу индивида и назывался обидой⁵. Так, например удар мечом в ножах или рукоятью расценивалось как оскорбление: аще утнет мечем, а не вынем его, либо рукою, то 12 гривен за обиду⁶. Как отмечает А. Н. Соловьев основанием привлечения к уголовной ответственности был юридический факт. «Решающее значение в правовой оценке деяния приобретает не его вредоносность, не материальные последствия, а ущерб социальному интересу (положению) личности»⁷.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 года № 25 ст. 2954.

² Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. / В. А. Рогов. – Москва: Зерцало, ТЕИС, 1995. С. 214.

³ Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение; под редакцией О. И. Чистякова. М.: Зерцало- М., 2002. С. 248.

⁴ Русская правда (Пространная редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 06.02.2026).

⁵ Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. / В. А. Рогов. – Москва: Зерцало, ТЕИС, 1995. С. 214.

⁶ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Том 1. Законодательство Древней Руси. – Москва: Юридическая литература, 1984. С. 47.

⁷ Соловьев А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: диссертация ... к. ю. н. – Волгоград, 2000. С. 14.

Исследование доступной версии Псковской судной грамоты как одного из центральных памятников права Древней Руси показало отсутствие особого термина для обозначения понятия преступление, однако содержание отдельных статей позволяет сформулировать вывод о том, что под ним подразумевался не только вред, причиненный частному лицу, но и государству в целом. В частности, статья 7 гласит следующее: А кримскому татю, и коневому, и переветник, и зажигальнику тем живота не дати¹. Обозначенные действия, а именно кража из Кремля, конокрадство, измена и поджог, позиционировались как наиболее опасные деяния того времени, за совершение которых предусматривалось лишение жизни.

Следующим документом, сыгравшим важнейшую роль в формировании понимания термина преступление, по свидетельству исследователей, выступает законодательный акт русского централизованного государства – Судебник 1497 года². На смену ранее используемому термину обида приходит обозначение лихое дело. Рассматриваемое понятие начинает позиционироваться как категория самых опасных правонарушений. Как подчеркивают исследователи, отличительной чертой обозначенного правового памятника является появление новых преступлений, неизвестных Русской Правде, – государственных преступлений³. Так, например, в статье 9 сказано, что А государскому убойце, и кромольнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигальнику, и ведомому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью⁴.

Период царствования Алексея Михайловича ознаменовался принятием одного из важнейших законодательных актов в становлении российского уголовного законодательства – Соборного уложения 1649 года. Включив в свое содержание обширный перечень норм уголовного права, данный нормативный акт ввел понятие лихое дело, которое официально закрепляло преступление как деяние, направленное против царских указов⁵. Статья 183 гласит: «А будет от кого учинится какая обида человеком трем, или четверем, или скольким нибудь в вопче, и ис тех обиженных людей похочет кто обиды своей искати, один одного своего жеребья, а товарищи его своей обиды с ним искати не похотят для того, что они втепоры не все в лицах будут, и в такой обиде и одному суд дати, и велети ему на ответчике искати одного своего жеребья. А которых его товарищей с ним в суде не будет и тем его товарищем своих жеребьев искати как они похотят»⁶ речь идет о совершении преступления.

В контексте исследования правовых памятников эпоху правления Петра Первого связывают с принятием в 1715 году Воинского Артикула. Впервые в отечественной истории понятие преступление позиционировалось через призму их понимания как вражеские и предосудительные против «персоны его величества или его войск, а также государства, людей или интереса государственного деяния»⁷.

«Исследование обозначенного документа свидетельствует о том, что именно Воинский Артикул впервые поднимает вопросы, связанные с исследованием субъективной стороны преступного посягательства. Именно в данном документе встречается дифференциация преступных посягательств на основании учета степени вины, это нашло отражение в выделении таких разновидностей деяния, как умышленные, неосторожные и случайные деяния»⁸. Данное нововведение не только значительно обогатило правовую систему, но и заложило основу для дальнейшего развития теории вины в уголовном праве.

Следующим значимым с позиции ретроспективного анализа уголовного права выступает нормативно – правовой акт, принятый в 1845 году. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных преступление в понималось как самое противозаконное деяние, «так

и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано»⁹. «Важной особенностью данного исторического документа можно обозначить сформулированные различия между преступлениями и проступками, хотя четкого разграничения между ними не проводилось»¹⁰. Также, в данном историческом документе впервые отмечается схожесть с настоящим пониманием форм и видов вины. Акцентируя внимание на степенях вины, законодатель того времени сформулировал их статье третьей следующим образом: преступления и проступки суть умышленные или неумышленные¹¹. Считаем важным отметить, что к субъектам, на которых не распространялось действие данного документа относились военнослужащие, каторжники и ссыльные.

В рамках Уголовного уложения 1903 года было сформулировано понятие преступления следующим образом: «преступным признается деяние воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания»¹². Данная формулировка практически идентична определению, отраженному в ныне действующем Уголовном кодексе. Таким образом, можно резюмировать что эволюция термина преступления претерпела значительные изменения с момента его первоначального употребления в Русской правде и до современного понимания. В процессе эволюционного процесса понятие трансформировалось от таких категорий как обида и лихое дело к более формализованному и юридически точному определению, которое мы наблюдаем в Уголовном уложении 1903 года.

Советский период становления уголовного законодательства связан с принятием ряда нормативно – правовых документов и в частности, одним из первых кодифицированных документов стали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, принятый в 1919 году. «Содержание данного документа ознаменовало собой попытку систематизации нормотворческой практики, сложившейся в результате революционных преобразований 1917 года. В рамках данного документа, мы можем наблюдать его следующее определение, а именно: «преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»¹³.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году стал основой для разработки аналогичных законодательных актов в союзных республиках. Как «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядка, установленному рабоче – крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»¹⁴.

В редакции 1926 года исследуемое понятие было подвергнуто модернизации и представлено как: «общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее порядок, установленный рабоче – крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»¹⁵. Именно данная версия документа впервые обозначила наличие примечания, закрепившего определение малозначительности деяния, которое практически без изменений перенесено в ныне действующий уголовный закон.

Дальнейший курс трансформации уголовного законодательства был взят на либерализацию, что нашло отражение в разграничении объектов по различным основаниям. Важно подчеркнуть, что законодатель обратил внимание на устранение норм, допускающих аналогю. В целом, по свидетельству исследователей, это дало положительный эффект повышению уровню правовой определенности.

В редакции 1960 года понятие преступление трактовалось следующим образом: «преступлением признается предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на со-

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Том 1. Законодательство Древней Руси. – Москва: Юридическая литература, 1984. С. 47.

² Ислайлов Д.А., Иванчук Д.В., Мишутина А.А. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия «преступление» в России // Вопросы студенческой науки Выпуск № 10 (86), октябрь 2023. С. 163.

³ Федорова А.Н. Эволюция понятия правонарушения в период 15–17 веков // Вектор науки Тольятинского государственного университета. № 3 (6). С. 90.

⁴ Судебник 1497 года // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://museumreforms.ru/node/13625> (дата обращения: 16.01.2026).

⁵ Ислайлов Д.А., Иванчук Д.В., Мишутина А.А., Мамина А.О. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия «преступление» в России // Вопросы студенческой науки. № 10. 2023. С. 64.

⁶ Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rulit.me.html> (дата обращения: 06.01.2026).

⁷ История и эволюция понятия преступления в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki> (дата обращения: 02.02.2026).

⁸ Ислайлов Д.А., Иванчук Д.В., Мишутина А.А., Мамина А.О. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия «преступление» в России // Вопросы студенческой науки. № 10. 2023. С. 64.

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.prilib.ru/item/1891100> (дата обращения: 26.01.2026).

¹⁰ Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: монография. Москва: Юриспруденция, 2015. С. 31–32.

¹¹ Там же.

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.prilib.ru/item/1891100> (дата обращения: 26.01.2026).

¹³ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.01.2026).

¹⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 14.01.2026).

¹⁵ Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

циалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса»¹.

Новый этап ознаменовался разработкой и принятием ныне действующего Уголовного кодекса, вступившего в действие с 1 января 1997 года. В рамках данного нормативно – правового документа, мы имеем четко и однозначно сформулированное определение понятия преступление, трактуемое в соответствии с четырнадцатой статьей как «виновно совершенное, представляющее общественную опасность и наказуемое в соответствии с настоящим Кодексом»².

Следует обратить внимание, что в условиях динамично трансформирующихся общественных отношений законодатель может быть вынужден вносить дальнейшие уточнения и дополнения в данное определение. Многовековой эволюционный процесс формирования исследуемого понятия способствовал выявлению и закреплению в законодательстве ключевых признаков данного юридического феномена, которые специфическим образом унифицируют его от других видов правонарушений.

Литература

1. Исмаилов Д.А., Иванчук Д.В., Мишунина А.А., Мамина А.О. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия «преступление» в России // Вопросы студенческой науки. № 10. 2023. С. 62–69.
2. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: монография. Москва: Юриспруденция, 2015. 559 с.
3. Ногайлиева А.А. Институт преступления в уголовном праве: законодательные проблемы и пути их устранения // Инновационные подходы в современной науке: сборник статей по материалам CLXXX международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 131–136.
4. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX вв. / В.А. Рогов. – Москва: Зерцало, ТЕИС, 1995. 263 с.
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Том 1. Законодательство Древней Руси. – Москва: Юридическая литература, 1984. 519 с.
6. Сергиевский Н. Русское уголовное право. Пособие к лекциям: Часть общая. – 7-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 364 с.
7. Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: диссертация ...к.ю.н. – Волгоград, 2000. 235 с.
8. Федорова А.Н. Эволюция понятия правонарушения в период 15–17 веков // Вектор науки Тольятинского государственного университета. № 3 (6). С. 89–95.

9. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение; под редакцией О.И. Чистякова. М.: Зерцало- М., 2002. 378 с.

HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE DEFINITION OF «CRIME» IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Olifirenko E.P.

North Caucasus State Academy

The article is devoted to the study of the concept of «crime» through the prism of its historical development in Russian legislation. In the context of dynamic changes in public relations, the regulatory framework of the State is undergoing systematic reforms, during which new legal norms are being introduced, including criminal and criminal procedure legislation. The article emphasizes that such changes are accompanied by the emergence of new and more complex forms of criminal activity, which actualizes the need for a clear and unambiguous definition of the definition of «criminal encroachment». In conclusion, the author comes to the conclusion that the modern interpretation of this term is the most accurate in the entire history of the legal system of the state. The author pays special attention to the fact that the centuries-old evolutionary process of formation of the concept under study has contributed to the identification and consolidation in legislation of the key features of this legal phenomenon.

Keywords: crime, criminal legislation, socially dangerous act, criminal encroachment, public relations, retrospective analysis, historical genesis.

References

1. Ismajlov D.A., Ivanchuk D.V., Mishunina A.A., Mamina A.O. Retrospektivny'j vzglyad na e'voljuciyu ponyatiya «prestuplenie» v Rossii // Voprosy` studencheskoj nauki. № 10. 2023. Pp. 62–69.
2. Markunczov S.A. Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta: monografiya. Moskva: Yurisprudenciya, 2015. 559 p.
3. Nogajlieva A.A. Institut prestupleniya v ugolovnom prave: zakonodatel'ny'e problemy` i puti ix ustraneniya // Innovacionny'e podxody` v sovremennoj nauke: sbornik statej po materialam CLXXX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, 2024. Pp. 131–136.
4. Rogov V.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii IX – nachala XX vv. / V.A. Rogov. – Moskva: Zerczalo, TEIS, 1995. 263 p.
5. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 tomax. Tom 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1984. 519 p.
6. Sergievskij N. Russkoe ugolovnoe pravo. Posobie k lekciyam: Chast' obshhaya. – 7-e izd. – Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908. 364 p.
7. Solov'ev A.N. Ponyatie prestupleniya: teoreticheskie, zakonodatel'ny'e i pravoprimenitel'ny'e aspekty`: dissertaciya ...k.yu.n. – Volgograd, 2000. 235 p.
8. Fedorova A.N. E'voljuciya ponyatiya pravonarusheniya v period 15–17 vekov // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3 (6). Pp. 89–95.
9. Yushkov S.V. Russkaya Pravda. Proisxozhdenie, istochniki, ee znachenie; pod redakciej O.I. Chistyakova. M.: Zerczalo- M., 2002. 378 p.

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks (дата обращения: 18.01.2026).

² Ногайлиева А.А. Институт преступления в уголовном праве: законодательные проблемы и пути их устранения // Инновационные подходы в современной науке: сборник статей по материалам CLXXX международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 132.

Панюшкин Александр Юрьевич,

студент магистратуры, Гуманитарный институт, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, СПбПУ

Жданов Михаил Алексеевич,

студент магистратуры, Гуманитарный институт, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, СПбПУ

Скопцов Никита Александрович,

студент магистратуры, Гуманитарный институт, СПбПУ
E-mail: pay2702@mail.ru

В исследовании предпринята попытка разрешить концептуальное противоречие между юридическим закреплением Северного морского пути как национальной магистрали и нарастающим запросом на его использование в международном транзите. Работа выполнена в несколько последовательных этапов. Сначала проведён формально-юридический анализ Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и федеральных законов № 132-ФЗ и № 525-ФЗ, установивший разрешительный порядок плавания и монополию «Росатома» на ледокольное обеспечение. Затем выполнен статистический мониторинг грузооборота за 2014–2024 годы, выявивший доминирование российского ресурсного экспорта (свыше 36 миллионов тонн) при минимальной доле международного транзита. На следующем этапе сопоставлены доктринальные положения Стратегии развития Арктической зоны до 2035 года с фактическими данными, включая первый транзитный проход судна из Китайской Народной Республики в октябре 2025 года. Завершающий этап включил сравнительный анализ эксплуатационных параметров Северного морского пути и южных артерий, а также рассмотрение концепции Большого Северного морского пути. Сформулирован вывод о гибридном статусе трассы, сочетающем национальную юрисдикцию с предпосылками интернационализации.

Ключевые слова: Северный морской путь, нормативно-правовая база, статистика грузооборота, сравнительный анализ, транзитный потенциал, концептуальное противоречие, гибридный режим судоходства.

Изменение климатической конъюнктуры в высоких широтах, выражающееся в сокращении площади ледового покрова в летне-осенний период, актуализировало дискуссию о перспективах Северного морского пути. Арктический регион, обладающий колоссальными запасами углеводородов и биологических ресурсов, одновременно выступает пространством, где сталкиваются экономические интересы приарктических и внеарктических государств. Российская Федерация, обладающая наиболее протяженным арктическим побережьем, традиционно квалифицирует Северный морской путь как исторически сложившуюся национальную транспортную коммуникацию. Вместе с тем, сезонная доступность маршрута для неледokolных судов порождает запрос со стороны международных перевозчиков на либерализацию доступа и признание Северного морского пути самостоятельной глобальной трассой.

Целью настоящей работы является установление степени соответствия нормативно-правового и экономического статуса Северного морского пути критериям глобального транзитного коридора и национальной магистрали. Методологическая основа включает формально-юридический анализ положений Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и отечественных стратегических документов, а также статистический анализ динамики грузопотоков за период 2014–2024 годов.

Основопологающим актом, регулирующим судоходство в акватории Северного морского пути, является Федеральный закон № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавательства в акватории Северного морского пути», принятый в 2012 году, и последующие редакции Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации. Согласно положениям главы V.1 данного кодекса, Северный морской путь определяется как водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, включающее внутреннее морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону. Критически важным обстоятельством выступает установление разрешительного порядка плавания: все суда, независимо от флага, обязаны уведомлять Администрацию Северного морского пути, получать разрешение на вход в акваторию и соблюдать обязательные постановления в части ледокольной проводки и навигационного оборудования[1].

Как верно отмечают Белозерцева Н.П., Латкина А.А., с правовой точки зрения, Российская Федерация последовательно отстаивает позицию, согласно которой Северный морской путь не является международным проливом в значении, закреплённом в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Аргументация строится на двух положениях: во-первых, исторически данный маршрут использовался для каботажного плавания и обеспечения северных территорий, а не для транзитного сообщения между двумя частями Мирового океана; во-вторых, в акватории применяется национальное законодательство о ледокольной проводке, которое не имеет аналогов в международном праве. Юридическая конструкция «национальной магистрали» позволяет Российской Федерации устанавливать дифференцированные требования к судам в зависимости от ледового класса, взимать сборы за ледокольное обеспечение и иные навигационные услуги, а также ограничивать плавание в отдельные периоды на основании метеословесных[2].

Анализ грузооборота Северного морского пути за последнее десятилетие демонстрирует устойчивый рост, но с ярко выраженной структурной асимметрией. В 2014 году совокупный объем перевозок составлял порядка 3,98 миллиона тонн. К 2018 году показатель увеличился до 20,18 миллиона тонн, что было связано с началом промышленной эксплуатации месторождений на полуострове Ямал. Ключевым рубежом стал 2022 год, когда объем перевозок достиг 34,12 миллиона тонн, а по итогам 2023 года – 36,25 миллиона тонн. Плановое значение на 2024 год, установленное паспортом федерального проекта «Развитие Северного морского пути», составляет 40 миллионов тонн[3].

Однако при декомпозиции этих объемов выявляется их природа: свыше 82 процентов грузовой базы приходится на сжиженный природный газ, газовый конденсат и нефтепродукты, вывозимые с российских арктических месторождений. Основными грузоотправителями выступают ПАО «Новатэк» (проект «Ямал СПГ» и строящийся

«Арктик СПГ-2») и ПАО «НК «Роснефть». Транзитный поток, то есть перевозка контейнерных и генеральных грузов из портов Азиатско-Тихоокеанского региона в порты Северной Европы и обратно без захода в российские порты, составляет, по оценкам, не более 2–2,5 миллионов тонн в год, или около 5–7 процентов от общего объема. Для сравнения: ежегодный контейнерный поток через Суэцкий канал превышает 1,5 миллиарда тонн.

Система стратегического планирования Российской Федерации однозначно позиционирует Северный морской путь как национальную артерию. В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», утвержденной Указом Президента в 2020 году, Северный морской путь назван «ключевой транспортной магистралью России в Арктике». Документ особо подчеркивает необходимость сохранения государственной монополии на управление движением судов и ледокольное обеспечение. Аналогичная позиция зафиксирована в «Плане развития Северного морского пути на период до 2035 года», где среди целевых индикаторов фигурирует не столько рост транзита, сколько увеличение совокупного грузопотока за счет запуска новых добывающих мощностей. Показательно, что заданный в 2018 году ориентир – превратить Северный морской путь в «конкуренетоспособную международную транспортную магистраль» – в последующих редакциях доктринальных документов был существенно модифицирован. Акцент сместился с привлечения иностранного транзита на обеспечение суверенного вывоза углеводородов и завоз жизнеобеспечивающих грузов в населенные пункты Крайнего Севера. Такая трансформация отражает прагматичную оценку: затраты на поддержание ледокольного флота, гидрографическую службу и систему аварийного реагирования окупаются национальной сырьевой логистикой, но не международными контейнерными перевозками[4].

Безопасность составляющая также работает против статуса глобального транзитного коридора. Северный морской путь пролегает в зоне операционной ответственности Северного флота. Размещение на побережье и островах радиолокационных постов, пунктов базирования кораблей и береговых ракетных комплексов юридически совместимо с режимом исключительной экономической зоны, но практически ограничивает возможность беспрепятственного прохода иностранных военных и разведывательных судов. В условиях геополитической напряженности после 2022 года толерантность Российской Федерации к неконтролируемому судоходству в Арктике ожидаемо снизилась[5, 6].

Экономическая неконкуренетоспособность Северного морского пути по сравнению с южными маршрутами остается главным аргументом против его интернационализации. Расстояние от порта Шанхай до порта Роттердам по Северному морскому пути составляет около 14 тысяч километров против 21 тысячи километров через Суэцкий канал. Экономия пробега в 7 тысяч километров теоретически позволяет сократить время перехода на 10–12 суток. Однако уравнивание нивелируется следующими обстоятельствами. Во-первых, ледокольная проводка для судов среднего ледового класса (Arc4 – Arc7) в осенне-зимний период удорожает стоимость фрахта в 2–2,5 раза. Во-вторых, скорость движения под проводкой не превышает 8–10 узлов, тогда как в Суэцком канале и последующем плавании через Индийский океан контейнеровозы поддерживают скорость 16–20 узлов. В-третьих, страховые премии на арктические рейсы вследствие высоких экологических и аварийных рисков значительно выше.

Новожилов А.М. подчеркивает, что климатический фактор двойствен. Летняя навигация без ледокольной поддержки возможна лишь в отдельные годы – например, в 2020, 2021 и 2023 годах на трассе Карского моря фиксировалось сокращение ледового покрова до исторического минимума. Однако полное освобождение ото льда Центрального арктического бассейна, по сценариям Межправительственной группы экспертов по изменению климата, ожидается не ранее 2040–2050 годов. До этого момента даже в августе-сентябре на отдельных участках – в проливе Вилькицкого, у архипелага Северная Земля – сохраняются тяжелые многолетние льды, требующие проводки атомными ледоколами. Технологическая инфраструктура Северного морского пути также не соответствует стандартам глобального транзита. Отсутствуют терминалы для перевалки контейнеров в глубоководных портах по всей протяженности трассы. Единственный порт, имеющий мощность для обработки контейнерных судов, – Мурманск, расположенный на западном входе. Порт Петропавловска-Камчатского на восточном входе ориентирован в основном на каботажные перевозки и рыболовный флот. Строительство перегрузочного терминала «Бухта Север» в рамках проекта «Арктик СПГ-2» предназначено исключительно для углеводородов, а не для контейнерного транзита[7, 8].

Исторический экскурс показывает колебания государственной политики. В 2013 году была попытка институционализировать меж-

дународное использование трассы: распоряжением Правительства создавалась Администрация Северного морского пути с функциями совещательного органа с участием представителей заинтересованных иностранных компаний. Однако к 2018 году эта модель была признана неэффективной, и управление перешло к «Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» в соответствии с Федеральным законом № 147-ФЗ.

С этого момента режим Северного морского пути однозначно эволюционирует в сторону усиления национального контроля. Введена единая система навигационно-гидрографического обеспечения, спутниковый мониторинг в рамках аппаратуры Автоматической идентификационной системы и система управления ледокольными операциями «Урал – Атомфлот». Все это создает технологический аналог «цифровой зоны», где каждый шаг судна регистрируется и может быть скорректирован с береговых центров управления[9].

В контексте перестройки глобальных логистических цепочек, обусловленной геополитической напряженностью и смещением центров экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион, Северный морской путь приобретает свойства альтернативного транзитного коридора. Ключевым конкурентным преимуществом данной трассы выступает сокращение протяженности маршрута на 30–40 процентов по сравнению с традиционной южной артерией через Индийский океан и Суэцкий перешеек. Согласно расчётным данным, расстояние от портов Северной Европы до портов Северо-Восточного Китая при использовании Северного морского пути составляет около 14 тысяч километров против 21 тысячи километров при следовании через Суэцкий канал, что позволяет сократить время транспортировки на 10–15 суток в зависимости от ледовых условий и скорости судна. Дополнительным фактором привлекательности выступает повышенная безопасность: в отличие от Суэцкого канала, где сохраняются риски пиратства в Аденском заливе, политической нестабильности в прилегающих государствах и инцидентов блокировки судоходства (как это имело место в 2021 году с контейнеровозом определенного класса), акватория Северного морского пути удалена от регионов вооруженных конфликтов[10].

Показателем постепенного признания Северного морского пути как элемента глобальной транзитной системы выступает растущий интерес со стороны зарубежных коммерческих операторов, в первую очередь из государств Восточной и Юго-Восточной Азии. В октябре 2025 года зафиксировано знаковое событие: судно под флагом Китайской Народной Республики впервые осуществило транзитный проход по Северному морскому пути в направлении европейских портов, что свидетельствует о практическом запросе на диверсификацию маршрутов доставки. В более широком концептуальном оформлении данная тенденция нашла выражение в идее Большого Северного морского пути, или Трансарктического транзитного коридора, который начинается в Санкт-Петербурге и заканчивается во Владивостоке. Данное образование предполагает интеграцию Северного морского пути с внутренними водными системами Европейской части России и Дальневосточным бассейном, создавая сквозную логистическую артерию, связывающую акватории Балтийского, Баренцева, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова морей[11, 12].

Таким образом, Северный морской путь в своем текущем состоянии не может быть классифицирован как глобальный транзитный коридор в полном смысле этого понятия. Доля международного транзита не превышает статистической погрешности в общем грузопотоке, нормативно-правовая база построена на принципах национальной юрисдикции и разрешительного порядка плавания, а экономическая модель базируется на вывозе российских углеводородов. С другой стороны, признание его исключительно национальной магистралью также было бы неполным: в летний период безледокольного плавания фиксируется рост числа иностранных судов, заходящих в акваторию без захода в российские порты, что свидетельствует о спонтанном формировании транзитного трафика. Кроме того, Владивосток и Санкт-Петербург являются портами приписки для контейнерных линий, которые используют восточные и западные участки трассы для соединения с внутренней водной системой. Однако доминантой остается национальная природа. Северный морской путь служит глобальной артерией лишь в потенции, реализация которой потребует либо коренного изменения климатических условий, либо принципиального пересмотра экономики арктического судоходства – включая отказ от ледокольного тарифирования, строительство транзитных терминалов и либерализацию доступа.

Литература

1. Сизов А.Д. Крупнотоннажные перевозки по Северному морскому пути: имеющийся опыт, проблемы и пути решения // Развитие инфраструктуры внутреннего водного транспорта: традиции, иннова-

ции (РИБВТ-2024): сб. тр. межвузовской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 2025. С. 102–105.

2. Белозерцева Н.П., Латкина А.А. Перспективы и ограничения в развитии международного транспортного коридора «Северный морской путь» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 4654.

3. Ерохин В.Л. Динамика грузоперевозок по Северному морскому пути (2013–2023 гг.) // Маркетинг и логистика. 2023. № 6 (50). С. 14–23.

4. Рукша В.В. Структура и динамика грузоперевозок по Северному морскому пути: история, настоящее и перспективы. Проблемы Северного морского пути / В.В. Рукша, М.С. Белкин, А.А. Смирнов, В.Г. Артюнев // Арктика: экология и экономика. – 2015. – № 4 (20) – С. 104–110.

5. Фисенко А.И. Перспективы и проблемы развития морских грузовых перевозок и их ледокольного обеспечения по Северному морскому пути / А.И. Фисенко // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 490.

6. Грейт, В.В. Северный морской путь – территориальные воды России или международный транспортный путь? / В.В. Грейт. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 430–433.

7. Новожилов А.М. Пространство Северного морского пути как международный транспортный путь. Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2022;21(2):9–13.

8. Григорьев М.Н. Развитие транзитного потенциала Северного морского пути. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019;12(5):109–129.

9. Смирнов А.Ю. Принципы транспортной политики государства по развитию северного морского пути / А.Ю. Смирнов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 5 (107). – URL: [object Object] (дата обращения: 10.05.2026).

10. Елисеев Д.О., Наумова Ю.В. Проблемы и перспективы развития международного транзита по северному морскому пути. Федерализм. 2019;(3):35–50.

11. Трегуб М. А., Ярошенко-Соколовская К.А. Перспективы развития Северного морского пути. Северный морской транзитный коридор // Системный анализ и логистика: журнал.: выпуск № 1(27), ISSN 2077-5687. – СПб.: ГУАП., 2021 – с. 44–48.

12. Архарова Е.И. Прокофьева Т.А., Сергеев Е.И. Проблемы развития международного транспортного коридора «Северный морской путь» // Логистика и управление цепями поставок. 2011 № 3 С. 11–17.

THE NORTHERN SEA ROUTE: A GLOBAL TRANSIT CORRIDOR OR A NATIONAL HIGHWAY?

Panyushkin A.Yu., Zhdanov M.A., Skoptsov N.A.

Humanitarian Institute of the Saint Petersburg Polytechnic University

The study attempts to resolve the conceptual contradiction between the legal consolidation of the Northern Sea Route as a national highway and the growing demand for its use in international transit. The work was carried out in several successive stages. First, a formal legal analysis of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation and federal Laws № 132-FZ and № 525-FZ was carried out, which established the permissive navigation procedure and Rosatom's monopoly on icebreaking support. Then, statistical monitoring of cargo turnover for 2014–2024 was carried out, which revealed the dominance of Russian resource exports (over 36 million tons) with a minimal share of international transit. At the next stage, the doctrinal provisions of the Arctic Zone Development Strategy until 2035 are compared with actual data, including the first transit passage of a vessel from the People's Republic of China in October 2025. The final stage included a comparative analysis of the operational parameters of the Northern Sea Route and the southern arteries, as well as consideration of the concept of the Great Northern Sea Route. The conclusion is formulated about the hybrid status of the highway, combining national jurisdiction with the prerequisites for internationalization.

Keywords: Northern Sea Route, regulatory framework, cargo traffic statistics, comparative analysis, transit potential, conceptual contradiction, hybrid shipping regime.

References

1. Sizov A.D. Large-tonnage transportation along the Northern Sea Route: existing experience, problems and solutions // Development of inland waterway transport infrastructure: traditions, innovations (RIVVT-2024): collection of proceedings of the interuniversity Scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists. Saint Petersburg, 2025. pp. 102–105.

2. Belozertseva N.P., Latkina A.A. Prospects and limitations in the development of the international transport corridor «Northern Sea Route» // Territory of new Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 4654.

3. Erokhin V.L. Dynamics of cargo transportation along the Northern Sea Route (2013–2023) // Marketing and logistics. 2023. № 6 (50). pp. 14–23.

4. Ruksha V.V. Structure and dynamics of cargo transportation along the Northern Sea Route: history, present and prospects. Problems of the Northern Sea Route / V.V. Ruksha, M.S. Belkin, A.A. Sмирнов, V.G. Artyunев // Arctic: ecology and Economics. – 2015. – № 4 (20) – Pp. 104–110.

5. Fisenko A.I. Prospects and problems of the development of marine cargo transportation and their icebreaking support along the Northern Sea Route / A.I. Fisenko // Modern problems of science and education. – 2014. – № 2. – p. 490.

6. Greyt, V.V. Northern Sea Route – territorial waters of Russia or an international transport route? / V.V. Greyt. – Text: direct // Young scientist. – 2017. – № 13 (147). – Pp. 430–433.

7. Novozhilov A.M. The space of the Northern Sea Route as an international transport route. Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2022;21(2):9–13.

8. Grigoriev M.N. Development of the transit potential of the Northern Sea Route. Contours of global transformations: politics, economics, law. 2019;12(5):109–129.

9. Smirnov A.Y. Principles of the state's transport policy for the development of the northern sea route / A.Y. Smirnov // International Scientific Research Journal. – 2021. – № 5 (107). – URL: [object Object] (Accessed 05/10/2026).

10. Eliseev D.O., Naumova Yu.V. Problems and prospects for the development of international transit along the northern sea route. Federalism. 2019;(3):35–50.

11. Tregub M.A., Yaroshenko-Sokolovskaya K.A. Prospects for the development of the Northern Sea Route. Northern Sea Transit Corridor // System analysis and logistics: journal.: issue № 1(27), ISSN 2077-5687. – St. Petersburg: GUAP., 2021 – pp. 44–48.

12. Arkharova E.I. Prokofieva T.A., Sergeev E.I. Problems of development of the international transport corridor «Northern Sea Route» // Logistics and supply chain management. 2011 № 3, pp. 11–17.

Соколов Станислав Александрович,

аспирант кафедры публичного и частного права, ФГБОУ ВО
«Петрозаводский государственный университет»

E-mail: stas-sokolov@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются процессы цифровой трансформации финансовых активов, происходящие под влиянием технологий распределенных реестров. Анализируется эволюция ключевых техно-логических явлений – нативной монеты, токена и смарт-контракта – в их связи с юридически значимыми свойствами. На основе критической оценки существующих подходов автором предлагается собственное определение цифровой трансформации финансовых активов, раскрываются ее сущностные признаки и правовые последствия. Особое внимание уделяется российской модели регулирования, основанной на разделении частных токенов (цифровых финансовых активов) и государственного токена (цифрового рубля), а также ограничениям действующего законодательства и перспективам его развития с учетом внесенного в 2026 году законопроекта.

Ключевые слова: цифровая трансформация, блокчейн, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, смарт-контракт, токенизация, распределенный реестр, правовая неопределенность.

Современный этап экономического развития характеризуется глобальным переходом от так называемого информационного интернета к интернету ценностей. Если на первоначальных этапах распространения цифровых технологий сеть использовалась преимущественно для обмена данными, то развитие технологий распределенных реестров, наиболее известной из которых является блокчейн, открыло возможность передачи ценностей – активов, прав требования, имущественных интересов – без участия традиционных посредников, таких как банки, нотариусы или профессиональные регистраторы. Традиционное право, как справедливо отмечается в доктрине, реагирует на технологические инновации с существенным опозданием. Несмотря на то, что российский законодатель формально включил цифровые права в перечень объектов гражданских прав (статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации), тем самым легализовав их на уровне кодифицированного акта, классические институты вещного и обязательственного права оказываются существенно несовместимыми с новыми цифровыми реалиями. Это порождает множество сопутствующих вопросов правового регулирования, начиная от момента возникновения и перехода цифровых прав и заканчивая возможностью их защиты и принудительного исполнения.

Целью настоящей статьи является определение юридической сущности цифровой трансформации финансовых активов, выявление ее сущностных признаков, отличающих ее от простой цифровизации, а также анализ правовых последствий, которые данная трансформация влечет для российской правовой системы. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, позволяющие рассмотреть цифровые активы в их технологической и правовой взаимосвязи.

Для правильного понимания правовой природы цифровых активов и процессов их трансформации необходимо разграничить два технологических явления, которые в бытовом сознании и зачастую даже в научной литературе смешиваются. Речь идет о нативной монете (криптовалюте) и токене[1].

В российском праве под нативной монетой понимается цифровая валюта. В соответствии со статьей 1 Федерального закона № 259-ФЗ, цифровой валютой признается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации. Ключевой особенностью цифровой валюты является отсутствие лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных. Ее ценность, как указывается в доктрине, определяется исключительно рыночным спросом и доверием участников оборота, а не обязательствами какого-либо эмитента, который в принципе отсутствует. Именно это обстоятельство долгое время затрудняло правовую регламентацию криптовалют, поскольку классическое гражданское право оперирует прежде всего обязательствами, а там, где нет обязанного лица, нет и привычной правовой конструкции.

Как верно отмечают Крутова, Н.А. Коробейникова Е.В., Высоцкая А. А, с возникновением технологии смарт-контрактов – программного кода, обеспечивающего автоматическую фиксацию, контроль и исполнение обязательств при наступлении определенных заранее условий – стало возможным создание токенов. Токен представляет собой цифровой актив, удостоверяющий права требования к эмитенту или права на иной актив, зафиксированный в распределенном реестре. Именно токенизация открыла принципиальную возможность для правовой регламентации, поскольку у цифрового актива появился субъект – эмитент, несущий обязательства перед держателями токенов. В российской правовой системе цифровой финансовый актив определяется как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Выпуск, учет и обращение таких активов возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра[2].

Блокчейн как технология распределенного реестра принципиально отличается от централизованных баз данных. Основное отличие заключается в отсутствии единого администратора и в невозможности retroактивного изменения данных без изменения всего последующего

консенсуса сети. С юридической точки зрения наиболее значимыми свойствами блокчейна, последовательно выделяемыми в научной литературе, являются децентрализация, автоматизм исполнения, а также скорость и гибкость совершения транзакций.

Децентрализация означает отсутствие единого хранителя информации. Гарантом истинности данных выступает не конкретное лицо – банк, нотариус или регистратор, – а математический алгоритм консенсуса участников сети. Данное свойство порождает фундаментальный вопрос о том, кто несет ответственность за достоверность записей, если в распределенном реестре обнаруживается ошибка, и перед кем может быть предъявлено соответствующее требование. Автоматизм исполнения, обеспечиваемый смарт-контрактами, означает, что обязательства исполняются автоматически при наступлении предусмотренных условий. Это делает ненужным обращение к суду или к службе судебных приставов для принуждения должника. Однако это же свойство создает серьезную правовую проблему: структурирование сделки требует повышенной внимательности, поскольку ошибка в программном коде или некорректное описание условий не могут быть исправлены так же легко, как в традиционном договоре. Вопрос об оспаривании результатов исполнения смарт-контракта остается в российской доктрине дискуссионным и не имеет однозначного законодательного решения[3].

Скорость и гибкость совершения транзакций, отсутствие бюрократических процедур, а также отказ от государственной регистрации перехода прав многократно ускоряют имущественный оборот, но одновременно снижают уровень правовой определенности. Право не может игнорировать указанные свойства блокчейна, но должно адаптировать их через специальные нормативные предписания. Реакцией российского законодателя на вызовы цифровой эпохи стало признание цифровых активов в качестве объектов гражданских прав, а также принятие специализированного Федерального закона № 259-ФЗ, заложившего основы регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

В научной литературе и правоприменительной практике нередко смешиваются два принципиально различных процесса – цифровизация и цифровая трансформация. Под цифровизацией обычно понимается перевод информации в электронную форму без изменения ее юридической природы. Перевод бумажного документа в файл в формате PDF, безусловно, облегчает его хранение и передачу, но не меняет его существа как документа. Токенизация же актива, напротив, ведет к качественному, сущностным изменениям. Право перестает существовать на бумажном носителе и начинает существовать исключительно в цифровой среде, а его возникновение, переход и прекращение оказываются опосредованными программным кодом[4].

На основе анализа существующих в доктрине подходов автор предлагает следующее определение цифровой трансформации финансовых активов. Цифровая трансформация финансовых активов представляет собой процесс изменения юридической природы актива, при котором традиционные имущественные права фиксируются, передаются и осуществляются посредством программного кода, записанного в распределенном реестре, что влечет за собой трансформацию способов возникновения, изменения и прекращения гражданских прав, а также появление новых, не известных классическому праву, правовых режимов. Данное определение позволяет отграничить цифровую трансформацию от простой цифровизации и акцентировать внимание на тех юридических последствиях, которые она порождает.

Анализ действующего российского регулирования позволяет выделить несколько ключевых правовых последствий цифровой трансформации финансовых активов.

Первым и наиболее очевидным последствием является появление нового вида имущественных прав – цифровых финансовых активов. Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо относит цифровые права к числу имущественных прав. Однако, по мнению автора, цифровые финансовые активы представляют собой не просто разновидность имущественных прав, а новый их вид, обладающий уникальными особенностями, которые требуют самостоятельного правового режима. К числу таких особенностей следует отнести отсутствие бумажного носителя – право существует только в цифровой среде и не может быть предъявлено в материальном виде. Далее, это децентрализованность, поскольку распределенный реестр ведется множеством узлов, ни один из которых не обладает монопольным контролем. Это также программируемость, то есть возможность закрепления условий возникновения и перехода права непосредственно в программном коде смарт-контракта. Это автоматическая фиксация юридических фактов – момент перехода прав фиксируется распределенным реестром и не требует составления отдельного передаточного акта или иного документа. Наконец, это возможность дробления

актива на мельчайшие доли, что открывает возможности для так называемой дробной токенизации, когда одно и то же право может принадлежать одновременно множеству лиц в определенных долях[5, 6].

Вторым важным последствием цифровой трансформации является сохранение высокой степени правовой неопределенности даже при наличии формальных нормативных предписаний. Российское законодательство сделало важный шаг вперед, признав цифровые права, но это признание не решает всех проблем. Острой остается проблема юрисдикционной принадлежности. Если валидаторы, то есть узлы, поддерживающие функционирование распределенного реестра, находятся в разных государствах, то применимое право определяется с трудом, а решения национальных судов могут оказаться неисполнимыми. Российский законодатель попытался решить эту проблему, привязав цифровые финансовые активы к оператору информационной системы, что является хотя и искусственным, но прагматичным решением, позволяющим локализовать правоотношение в российской юрисдикции[7].

Далее, не решен вопрос об ошибке в смарт-контракте. Действующее российское законодательство не содержит механизмов отмены сделки, исполненной автоматически, если ошибка была допущена в программном коде, а не в волеизъявлении сторон. Традиционные основания недействительности сделок, предусмотренные Гражданским кодексом, плохо приспособлены к ситуациям, когда порок воли отсутствует, но имеет место порок программного кода. Кроме того, автоматическое списание активов, осуществляемое смарт-контрактом, может вступать в конфликт с обеспечительными сделками и процедурами банкротства. Вопрос о том, может ли арбитражный управляющий оспорить транзакцию, совершенную смарт-контрактом, и если да, то каким образом, остается открытым.

Блиничкина Н.Ю. пишет о том, что российская модель регулирования цифровых активов носит раздельный характер: законодатель создал две параллельные экосистемы с собственной правовой основой и технологической инфраструктурой. Первую из них образует Федеральный закон № 259-ФЗ, регулирующий частные токены, которые в российском правовом порядке именуются цифровыми финансовыми активами. Они представляют собой инвестиционные цифровые права, удостоверяющие требования держателя к эмитенту, в качестве которого могут выступать юридические лица или индивидуальные предприниматели. Техническую инфраструктуру предоставляют специализированные операторы информационных систем, включенные в реестр Банка России и использующие закрытые или гибридные распределенные реестры. Эмитент реализует выпуск исключительно через посредничество оператора, который выступает как реестродержатель, но не несет обязательств перед держателями активов. Информационная система представляет собой консорциумный блокчейн разрешительного типа с доступом только для зарегистрированных пользователей, централизованным управлением под надзором Банка России, валидацией транзакций самим оператором и обязательной идентификацией участников. Таким образом, российская модель цифровых финансовых активов – это не публичный блокчейн, а государственно-регулируемый консорциумный реестр[8, 9].

Второе русло регулирования образует Федеральный закон № 340-ФЗ 2023 года, введший понятие цифрового рубля. Эмитентом и оператором соответствующей платформы выступает Центральный банк Российской Федерации. Цифровой рубль представляет собой цифровой аналог национальной валюты в форме токена, функционирующий в полностью централизованной системе Банка России. В отличие от цифровых финансовых активов, он не требует посредничества частных операторов и не обращается в децентрализованных сетях, являясь по своей сути третьей формой рубля наряду с наличными и безналичными денежными средствами. Правовой режим цифрового рубля существенно отличается от режима цифровых финансовых активов, и обе экосистемы существуют параллельно, практически не пересекаясь[10].

Действующее регулирование цифровых финансовых активов обременено рядом существенных ограничений, препятствующих его полноценному развитию. Во-первых, платформы операторов информационных систем замкнуты: отсутствует оборот активов между разными операторами, что сужает ликвидность рынка. Во-вторых, отсутствует интеграция с классической инфраструктурой рынка ценных бумаг – депозитариями, биржами и брокерами. В-третьих, не урегулирован вопрос о залоге цифровых финансовых активов, что создает неопределенность для кредитных организаций. В-четвертых, отсутствует легальная возможность конвертации этих активов в мировые криптовалюты. В апреле 2026 года Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу проект федерального закона «О цифровой валюте и цифровых правах», направленный на комплексное ре-

гулирование данной сферы. Ключевым нововведением законопроекта становится создание цифрового депозитария – гибридной учетной системы, призванной стать юридическим мостом между технологией распределенных реестров и классическим гражданским правом. Данный институт позволит осуществлять учет и переход прав на цифровые активы в привычной для профессиональных участников инфраструктуре, а также решить проблемы залога и принудительного взыскания. Принятие законопроекта продемонстрирует эволюционный характер российского правового регулирования и его способность адаптироваться к новым технологическим реалиям [11, 12].

Проведённое исследование позволяет заключить, что цифровая трансформация финансовых активов представляет собой не просто технологическое явление, а полноценный юридический феномен, изменяющий сущность имущественных прав и способы их осуществления через программный код и распределённые реестры. Российский законодатель, избрав путь управляемой токенизации на базе консорциумных блокчейнов разрешительного типа, создал две параллельные экосистемы – цифровые финансовые активы и цифровой рубль, – однако действующее регулирование по-прежнему страдает фрагментарностью и содержит значительные пробелы в вопросах юрисдикции, оспаривания смарт-контрактов и интеграции с классическими институтами гражданского права. Внесённый в 2026 году законопроект о цифровой валюте и цифровых правах, предусматривающий создание цифрового депозитария, демонстрирует эволюционный характер правового регулирования, но окончательное формирование непротиворечивого и полного правового режима цифровых активов остаётся задачей ближайшего будущего.

Литература

1. Манахова И. В., Колмыков К.А. Цифровые финансовые активы на современном финансовом рынке: систематизация опыта и трендов в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 116–126.
2. Крутова, Н.А. Коробейникова Е.В., Высоцкая А.А. Анализ современных тенденций развития финансового рынка в России // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/85ECVN323.pdf>, <https://doi.org/10.15862/85ECVN323>, EDN: JQPDVD.
3. Щавелев А.В. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые деньги // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 826–831.
4. Григорьев В.В. Национальная цифровая валюта как фактор оживления экономики России. Экономика. Налоги. Право. 2019; С. 30–36.
5. Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192.
6. Ивлева Е.С., Макаров М.Ю., Бобров А.Г. Развитие обращения цифровых финансовых активов в мире в условиях цифровой трансформации. Экономика и управление. 2024;30(3):355–363.
7. Рамазанов, С.А. Цифровые финансовые активы: сущность и экономические последствия / С.А. Рамазанов // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 377–394.
8. Блиничкина Н.Ю. Особенности и факторы цифровизации в современной экономике // Экономическая политика. – 2024. – № 4. – с. 122–155.
9. Болонин А.И., Болонина С.Е., Лещенко Ю.Г. Мониторинг финансовых инноваций в статистике центральных банков // Информатизация в цифровой экономике. – 2023. – № 2. – с. 119–138.

10. Аболентцев, И.А. Цифровые финансовые активы как продукт цифровизации экономики Российской Федерации / И.А. Аболентцев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 18 (465). – С. 299–300.

11. Сысоев Н.С., Мухамбеталиева О.Р. Проблемы внедрения и перспективы развития цифровых финансовых активов в России // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 48–52; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43580> (дата обращения: 26.05.2026).

12. Сидельников В.О. Роль цифровых финансовых активов в трансформации глобальной финансовой системы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 227–232.

DIGITAL TRANSFORMATION OF FINANCIAL ASSETS: CONCEPT, ESSENCE AND LEGAL CONSEQUENCES

Sokolov S.A.

Petrozavodsk State University

This article examines the processes of digital transformation of financial assets that occur under the influence of distributed ledger technologies. The evolution of key technological phenomena – native coins, tokens, and smart contracts – in their connection with legally significant properties is analyzed. Based on a critical assessment of existing approaches, the author proposes his own definition of the digital transformation of financial assets, discloses its essential features and legal consequences. Special attention is paid to the Russian regulatory model based on the separation of private tokens (digital financial assets) and the state token (digital ruble), as well as the limitations of current legislation and the prospects for its development, taking into account the draft law introduced in 2026.

Keywords: digital transformation, blockchain, digital financial assets, digital ruble, smart contract, tokenization, distributed registry, legal uncertainty.

References

1. Manakhova, I. V., Kolmykov, K.A. Digital financial assets in the modern financial market: systematization of experience and trends in Russia // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2025. Vol. 25, Iss. 2. pp. 116–126.
2. Krutova, N. A., Korobeynikova, E. V., Vysotskaya, A.A. Analysis of modern trends in the development of the financial market in Russia // Eurasian Science Herald. 2023. Vol. 15, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/85ECVN323.pdf>, <https://doi.org/10.15862/85ECVN323>, EDN: JQPDVD.
3. Shchavalev, A.V. Digital financial assets, digital currency, and digital money // Innovations. Science. Education. 2021. № 33. pp. 826–831.
4. Grigoriev, V.V. National digital currency as a factor in revitalizing the Russian economy. Economics. Taxes. Law. 2019; pp. 30–36.
5. Girich, M. G., Ermokhin, I. S., Levashenko, A.D. Comparative analysis of legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries // International Organisations Research Journal. 2022. Vol. 17. № 4. pp. 176–192.
6. Ivleva, E. S., Makarov, M. Yu., Bobrov, A.G. Development of digital financial assets circulation in the world under digital transformation. Economics and Management. 2024;30(3):355–363.
7. Ramazanov, S.A. Digital financial assets: essence and economic consequences / S.A. Ramazanov // Economic Security. – 2025. – Vol. 8, № 2. – pp. 377–394.
8. Blinichkina, N. Yu. Features and factors of digitalization in the modern economy // Economic Policy. – 2024. – № 4. – pp. 122–155.
9. Bolonin, A. I., Bolonina, S. E., Leshchenko, Yu.G. Monitoring of financial innovations in central bank statistics // Informatization in the Digital Economy. – 2023. – № 2. – pp. 119–138.
10. Abolentsev, I.A. Digital financial assets as a product of the digitalization of the Russian economy / I.A. Abolentsev. – Text: direct // Young Scientist. – 2023. – № 18 (465). – pp. 299–300.
11. Sysoev, N. S., Mukhambetalieva, O.R. Problems of implementation and prospects for the development of digital financial assets in Russia // Fundamental Research. 2024. № 3. pp. 48–52; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43580> (accessed: 05/26/2026).
12. Sidelnikov, V.O. The role of digital financial assets in the transformation of the global financial system // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (60). pp. 227–232.

Мишальченко Юрий Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
международно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского
филиала Российской таможенной академии
E-mail: myv2008@mail.ru

Степанов Николай Андреевич,

аспирант кафедры государственного и международного
права, Санкт-Петербургского государственного морского
технического университета
E-mail: stepanownikolai@mail.ru

Актуальность темы исследования, обуславливается новыми инициативами по созданию региональных уголовных судов. Вопрос необходимости создания подобных органов неизменно находится в центре дискуссий, сопровождающих реформирование системы международного правосудия. Основу этих дебатов составляет стремление найти оптимальный баланс между глобальными стандартами и региональными особенностями. Критика в адрес Международного уголовного суда, обусловленная обвинениями в избирательном применении правосудия и претензиями на универсальную юрисдикцию, подрывает доверие к нему и его легитимности. Данный процесс приводит к сокращению числа его государств-участников и стимулирует формирование инициатив по созданию региональных уголовных судебных органов.

Целью настоящей статьи является исследование международно-правовых аспектов создания региональных уголовных судов. Для выполнения данной цели определены следующие задачи: исследовать инициативы по созданию данных органов на Африканском континенте; выявить комплекс мер необходимых для их реализации; исследовать международные договоры, предусматривающие возможность и непосредственно направленные на создание данных органов; провести сравнительно-правовой анализ национального законодательства стран-участников Конфедерации государств Сахеля. Методологической основой исследования выступает комплексный подход, объединяющий сравнительно-правовой, нормативно-правовой и системный методы анализа.

Ключевые слова: Протокол Малабо, Африканский союз, Африканский суд по правам человека и народов, Ниамейский договор, Конфедерация государств Сахеля, Международный уголовный суд.

Как известно, на текущий момент не существует судебных органов, которые были бы полноценными аналогами Международного уголовного суда (далее – МУС) и обладали бы сопоставимой юрисдикцией по расследованию и преследованию за геноцид, военные преступления и преступления против человечности на региональном уровне.

Вопрос о необходимости создания таких органов активно поднимается в контексте реформирования системы международного правосудия и поиска баланса между глобальными и региональными интересами.

Все чаще исследователи, эксперты, политические деятели отмечают необходимость создания альтернативного органа осуществления уголовного правосудия, связывая данные инициативы с критикой МУС, вызванной обвинениями в избирательном правосудии и реализации принципа универсальной юрисдикции.

Альтернативными органами международного правосудия могут стать региональные судебные органы, основанные на уважении суверенитета государств и иммунитетов должностных лиц, а также способные решить вопрос выборочного правосудия.

В последние десятилетия подобные инициативы исходят со стороны государств, преимущественно африканских. Об этом свидетельствует создание и реформирование Африканским союзом (далее – АС) международного суда – «Африканский суд по правам человека и народов» (далее – АСПЧН).

Непосредственно реформация данного суда, начатая в 2014 году, связана с существующими противоречиями между африканскими странами и МУС, и предполагает создание Международной уголовной палаты в рамках Африканского суда для расследования международных преступлений, что, в свою очередь, влечет расширение компетенций суда, включая расследование преступлений геноцида и иных международных преступлений, предусмотренных в Протоколе Малабо 2014 г. о внесении изменений в Протокол 2008 г. об Африканском суде справедливости и прав человека, и привлечение к ответственности лиц, виновных в их совершении.

Главным отличием Африканского уголовного суда от МУС является положение об иммунитете. Статья 46А-бис протокола предусматривает следующее: «Никакие обвинения не могут быть выдвинуты или продолжены в Суде против любого действующего главы государства или правительства АС, или любого лица, действующего или имеющего право действовать в таком качестве, или других высокопоставленных государственных должностных лиц в соответствии с их функциями, во время их пребывания в должности» [17].

Однако, несмотря на поддержку данных инициатив со стороны африканских государств, среди которых можно отметить: Бурунди, Гамбию, ЮАР, Судан, Кению, суд до сих пор не получил необходимого числа ратифицированных соглашений. В силу чего реализация создания Африканского уголовного суда является затруднительной.

Кроме того, сам АСПЧН в последние годы теряет поддержку среди африканских стран, о чем свидетельствует сокращение числа стран, предоставляющих способность частным лицам и неправительственным организациям подавать иски непосредственно в суд, а не в специальную Африканскую комиссию по правам человека, осуществляющую передачу дела в суд. К числу стран, отозвавших факультативную декларацию, относятся: Руанда, Танзания, Бенин и Кот-д'Ивуар. Таким образом, за последние десятилетия число стран, принявших данную декларацию сократилось с 10 до 6 участников.

Данные обстоятельства оказывают негативное воздействие на эффективность суда, поскольку ограничивается доступ к правосудию со стороны частных лиц. Из общего числа жалоб, рассмотренных АСПЧН наибольшее число, непосредственно составляли иски, поданные частными лицами.

Однако, несмотря на это, данный судебный орган продолжает играть значимую роль в защите и поддержании прав человека, о чем свидетельствует поданный в 2024 году иск Демократической Республики Конго против Руанды в АСПЧН, содержащий обвинения о нарушении прав человека, нарушении государственных границ и массовых убийствах. Он стал первым в истории существования суда иском, поданным одним государством против другого.

Кроме того, учредительным актом АС в статье 4(н) в качестве одного из принципов союза предусмотрено право его вмешательства в дела

государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в отношении серьезных обстоятельств, к числу которых относятся: военные преступления, геноцид, преступления против человечности [15]. Наличие данного принципа подтверждает значимость АС как одного из ключевых механизмов по противодействию данным преступлениям.

Важно отметить, что инициатива по созданию Африканского уголовного суда не является единственной. В 2025 году с намерением создания собственного регионального уголовного суда обладающего схожей юрисдикцией с МУС выступили страны участники Конфедерации государств Сахеля, а именно: Буркина-Фасо, Республика Мали и Республика Нигер. Данная инициатива является следующим шагом в развитии сотрудничества государств, начатом в 2024 году при подписании Ниамейского договора 2024 г. [18], закрепившего создание Конфедерации государств Сахеля.

Намерение создания отдельного судебного органа является недовольством МУС, вызванное решением по делу А.А. Аль-Хасана, осужденного за военные преступления и преступления против человечности. По мнению стран-участниц Конфедерации – МУС «стал «инструментом неокOLONIALНЫХ репрессий в руках империализма» [2].

Тяжелая обстановка в регионе, страдающем от нестабильности и терроризма также указывает на необходимость создания данного органа регионального сотрудничества по борьбе с самыми тяжкими международными преступлениями. Реализация данной инициативы сможет усилить борьбу с безнаказанностью в регионе и поддержать суверенитет стран-участниц.

Важно отметить, что решение о создании Сахельского уголовного суда соответствует ст. 5 Ниамейского договора, предусматривающей создание общих институтов участниками Конфедерации.

Однако реализация данной инициативы требует также создания единообразия нормативной системы, на что указывает организационная структура самой Конфедерации государств Сахеля: «коллегия глав государств в функции которой входит определение содержания политики по вопросам обороны, безопасности, дипломатии и развития, все свои решения Коллегия глав государств принимает на основе единогласия, а если решения имеют «нормативный характер», то их применение в государствах-членах в качестве предварительного условия предполагает «их принятие во внутренний правовой порядок согласно процедурам, существующим в каждом государстве» [10]. Это означает, что для вступления таких решений в силу на национальном уровне требуется отдельная процедура имплементации в законодательство каждой страны. Исходя из этого, необходимо рассмотреть нормативно-правовые акты государств стран объединения и провести их сравнительный анализ.

Во многом на законодательство Буркина-Фасо, Республики Мали и Республики Нигер повлияла общая история. Будучи бывшими колониями Франции, французский язык является общим для этих стран и считается государственным, кроме того у них «схожее законодательство, впитавшее традиции французского права» [10].

Важно отметить, что национальное законодательство рассматриваемых стран часто содержат отличающиеся и более широкое понимание некоторых категорий преступлений от общепризнанных международных конвенций.

Уголовные кодексы (далее – УК) Буркина-Фасо [12], Республики Нигер [14] содержат более широкое понимание геноцида, в отличие от определения, закрепленного в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [4]. Содержание соответствующих статей УК данных стран во многом соответствуют аналогичной статьей в УК Франции [11].

УК Франции в ст. 211–1 к объекту геноцида, помимо национальной, этнической, расовой и религиозной группы, относит безопасность существования также иных группы, определенных на основе произвольного критерия. Кроме того, объективная сторона преступления содержит указание на совершение или побуждение к совершению в рамках заранее разработанного плана.

УК Буркина-Фасо и УК Республики Нигер определяют геноцид схожим образом. Одна из главных отличительных особенностей данных нормативно – правовых актов заключается в мерах наказания. В отличие от УК Франции, УК Буркина-Фасо, Республики Мали [13] и Республики Нигер предусматривают за совершение данных категорий преступлений более суровое наказание – смертную казнь.

Касаемо преступлений против человечности, в отличие от ст. 212–1 УК Франции, ст. 314 УК Буркина-Фасо и ст. 208.2 УК Республики Нигер содержат более ограниченный перечень деяний, относящихся к данной категории преступлений.

Одной из особенностей УК Буркина-Фасо и УК Республики Нигер является обязательное указание на мотив совершения преступления против человечности, что отличается от определения данного преступления,

закрепленного в Римском статуте МУС в ст. 7 [7] и ст. 212–1 УК Франции, ст. 29 УК Республики Мали. УК Республики Нигер в отличие от законодательства других рассматриваемых стран ограничивается следующими мотивами совершения преступления: политические, философские, расовые или религиозные. УК Буркина-Фасо также содержит указание на данные мотивы совершения деяний, признаваемых в качестве преступления против человечности, но не ограничивается ими.

Важно отметить, что УК Буркина-Фасо отмечает, что преступление против человечности может совершаться в отношении «комбатантов идеологической системы», в то время как остальные рассматриваемые нормативно-правовые акты предусматривают совершение подобных действий исключительно в отношении гражданского населения.

УК Буркина-Фасо не содержит положений, касающихся военных преступлений. Данные положения закреплены только в ст. 19 Закона № 2009–52 / АН от 3 декабря 2009 г. об имплементации Римского статута Международного уголовного суда на национальном уровне [16]. В соответствии с выходом из МУС, возникает необходимость по включению положений о запрете военных преступлений в УК страны.

Соответствующие статьи УК Республики Мали и УК Республики Нигер о военных преступлениях во многом совпадают по содержанию, что отражает их приверженность международным стандартам. Однако закон Мали отличается большей детализацией и расширенным перечнем конкретных деяний, в то время как закон Республики Нигер более лаконичен, с акцентом на соответствие Женевским конвенциям.

Исходя из проведенного исследования можно сделать вывод, что несмотря на некоторые отличия, страны Конфедерации государств Сахеля имеют во многом схожую правовую основу, что положительно сказывается на дальнейшем сближении законодательств и создании общего уголовного суда.

Важно отметить, что структура нового объединения во многом вдохновлена международной моделью, но также основана на местных реалиях. Страны Конфедерации государств Сахеля также поддерживают подход стран-участниц АС к суверенитету и уважению иммунитета должностных лиц, о чем свидетельствует заявление на 79 сессии Генеральной Ассамблеи ООН представителя Буркина-Фасо У. Гану: «общее стремление предотвращать и пресекать преступления против человечности не может быть основано ни на чем, кроме уважения основополагающих принципов международного права, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, а именно суверенного равенства государств, невмешательства в их дела. внутренние дела государств и уважение иммунитетов, которыми пользуются представители государств» [8]. В своем докладе У. Гану также отметил, что: «наше законодательство предоставляет нам правовые и административные средства для предотвращения совершения самых тяжких преступлений, включая геноцид, военные преступления и преступления против человечности, даже в контексте борьбы с терроризмом» [8].

Помимо создания единой нормативно-правовой системы, важным элементом реализации инициативы создания регионального уголовного суда, является также необходимость создать соответствующие механизмы их осуществления, в частности в сфере юстиции. На основании чего, страны Конфедерации государств Сахеля намерены создать единую базу данных лиц, обвиняемых или осужденных за тяжкие преступления, а также цифровую платформу для обмена правовой информацией. Создание такой платформы и общих баз данных позволит более эффективно сотрудничать в сфере юстиции, обмениваться опытом и координировать усилия по борьбе с преступностью. Это также придаст Конфедерации больший вес на международной арене и укрепит её суверенитет в правовых вопросах.

Кроме того, наличие данных систем позволит более эффективно осуществлять сотрудничество не только в рамках определенного региона. В частности, министр юстиции Республики Мали М. Кассоге отметил важность создания данной системы и общего правового поля для сотрудничества с Российской Федерацией: «В этом ключе, например, можно создать платформу судебного сотрудничества между Российской Федерацией и странами АГС. Каждая страна назначит координаторов, и мы будем работать, чтобы сотрудничать более эффективно. Кроме того, есть возможность создать общие базы данных по преступности и так далее. Мы можем обмениваться опытом, направлять экспертов с обеих сторон» [6]. Таким образом, создание данного регионального уголовного судебного органа не означает его изоляцию от международного сообщества. Однако наличие разного подхода в определении геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности может осложнить осуществление сотрудничества вне данного региона.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что создание региональных уголовных судов может стать важным шагом к укреплению правосудия и безопасности в рамках данного региона.

Региональные уголовные суды смогут быстрее рассматривать дела, связанные с преступлениями против человечности, геноцидом, военными преступлениями и терроризмом, так как они будут находиться ближе к месту событий и смогут учитывать специфику региона.

Данный подход позволяет более эффективно защищать свои интересы и проводить независимую политику, не завися от внешнего влияния, например, от МУС, который воспринимается как инструмент западного давления. Однако при этом необходимо учитывать риски осложнения вне регионального сотрудничества. Кроме того, деятельности суда исключительно в рамках одного региона также влечет риск его политизации. В связи с этим, устройство подобных судебных органов должно строиться не только на уважении суверенитета государства и иммунитета высших должностных лиц, но и на международных принципах, предусмотренных ООН.

Судебный орган Конфедерации государств Сахеля, может стать первым действующим региональным уголовным судом и положить начало созданию таких органов в других регионах, в частности при участии Российской Федерации.

Учитывая то, что Российская Федерация не является участником МУС, участие и создание альтернативного международного механизма сотрудничества для взаимодействия государств может стать важным шагом по борьбе с геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности.

О необходимости учреждения альтернативы МУС, высказывался председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин, предложивший создать альтернативу МУС с участием стран ШОС и СНГ [1]. Альтернативную версию предлагал также Д.А. Медведев: «новый судебный орган БРИКС мог бы подтвердить общее стремление государств, входящих в это объединение, неукоснительно следовать принципам Устава ООН, включая принципы иммунитета глав суверенных государств от какой-либо иностранной юрисдикции и запрета вмешательства во внутренние дела государств, в том числе путем незаконного иностранного инструктирования лидеров оппозиции» [5].

Важно отметить, что подобные инициативы также соответствуют международному праву, в частности ст. 52 Устава ООН [9] допускающую подписание региональных соглашений и создание на их основе органов для разрешения межгосударственных споров и предупреждения преступлений.

Литература

1. Бастрыкин предложил странам Востока создать альтернативу МУС и ЕСПЧ. Интерфакс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/900994>. (дата обращения: 20.04.2026).
2. Буркина-Фасо, Мали и Нигер объявили о выходе из Римского статута. Деловая газета «Взгляд». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/55343314/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (дата обращения: 16.04.2026).
3. Владыкина А.Ю. Африканский уголовный суд: вопросы законности и легитимности // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2022. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskiy-ugolovnyy-sud-voprosy-zakonnosti-i-legitimnosti>. (дата обращения: 15.04.2026).
4. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г. (ратифиц. указом Президента ВС СССР от 18 марта 1954 г.) // «Действующее международное право». – т. 2.
5. Медведев Д.А. Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством // Правоведение, 2025. Т. 69, № 1. С. 3–23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.101>. (дата обращения: 10.04.2026).
6. РФ и Альянс государств Сахеля могут создать единое юридическое поле – минуя Мали // Информационное агентство «Африканская инициатива». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://afrinz.ru/2025/05/rf-i-alyans-gosudarstv-sahelya-mogut-sozdat-edinoe-yuridicheskoe-pole-minuyust-mali/>. (дата обращения: 20.04.2026).
7. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Международный уголовный суд. Фонд «Гласность». – М., 2000.
8. Семьдесят девятая очередная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций. Пункт 80 повестки дня: «Преступления против человечности». Декларация Буркина-Фасо. Нью-Йорк, 10 октября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/sixth/79/pdfs/statements/cah/09mtg_burkinafaso.pdf. (дата обращения: 20.04.2026).

9. Устав Организации Объединённых Наций (с изменениями на 16 сентября 2005 года) Статут Международного Суда // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956.

10. Четвериков А.О. Конфедерация государств Сахеля – новый интеграционный альянс стран «глобального Юга» (юридические аспекты) // Международное право. 2024. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71373. (дата обращения: 16.04.2026).

11. Code pénal Français: (consolidée au 11 janvier 2025). – Paris: République Française, 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309>. (дата обращения 22.05.2026).

12. Code pénal de la République de Burkina Faso: Loi № 01–079 du 20 août 2001 (consolidé 2016). – Ouagadougou: République de Burkina Faso, 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.presencedufaso.bf/wp-content/uploads/2019/04/Code_Penal.pdf. (дата обращения 20.05.2026)

13. Code pénal de la République du Mali: Loi № 01–079 du 20 août 2001 (consolidé 2016). Bamako: République du Mali, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://derechos.org/intlaw/doc/mli1.html>. (дата обращения 20.05.2026).

14. Code pénal de la République du Niger: Loi № 2003–025 du 13 juin 2003 modifiant la loi N° 61–27 du 15 juillet 1961, portant institution du Code Pénal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Niger/NE_Code_Penal.pdf. (дата обращения 22.05.2026).

15. Constitutive act of the African Union, adopted by the thirty-sixth ordinary session of the Assembly of Heads of State and Government, 11 July 2000 – Lomé, Togo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf. (дата обращения: 15.04.2026).

16. Loi № 2009–52/AN du 3 Décembre 2009, portant détermination des compétences et de la procédure de mise en oeuvre du statut de Rome relatif à la cour pénale internationale par les juridictions burkinabè. // Journal Officiel du Burkina Faso № 05 du 05 février 2010 [FRA].

17. Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights. Date of Adoption: June 27, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://au.int/en/treaties/protocol-amendments-protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights>. (дата обращения: 17.04.2026).

18. Traité portant création de la Confédération des Etats du Sahel. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://droit-et-politique-en-afrique.info/wp-content/uploads/2024/07/Traite-portant-creation-de-la-Confederation-AES.pdf>. (дата обращения: 20.04.2026).

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE ESTABLISHMENT OF REGIONAL CRIMINAL COURTS

Mishalchenko Yu.V., Stepanov N.A.

St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, St. Petersburg State Maritime Technical University

The relevance of the research topic is determined by new initiatives to create regional criminal courts. The issue of the need to create such bodies is always at the center of discussions accompanying the reform of the international justice system. The basis of these debates is the desire to find the optimal balance between global standards and regional peculiarities. Criticism of the International Criminal Court, based on accusations of selective application of justice and claims of universal jurisdiction, undermines its credibility and legitimacy. This process leads to a reduction in the number of its participating States and stimulates the formation of initiatives to create regional criminal judicial bodies.

The purpose of this article is to study the international legal aspects of the establishment of regional criminal courts. To achieve this goal, the following tasks have been identified: to investigate initiatives to create these bodies on the African continent; to identify a set of measures necessary for their implementation; to study international treaties providing for the possibility and directly aimed at creating these bodies; to conduct a comparative legal analysis of the national legislation of the member countries of the Confederation of Sahel States. The methodological basis of the research is an integrated approach combining comparative legal, regulatory and systemic methods of analysis.

Keywords: Malabo Protocol, African Union, African court of Justice and Human Rights, Treaty of Niamey, Confederation of Sahel States, International Criminal Court.

References

1. Bastrykin suggested that Eastern countries create an alternative to the ICC and the ECHR. Interfax. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.interfax.ru/russia/900994>. (accessed on 20.04.2026).
2. Burkina Faso, Mali, and Niger have announced their withdrawal from the Rome Statute. Business newspaper Vzglyad. [Electronic resource]. – Access mode: https://news.rambler.ru/world/55343314/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (accessed: 16.04.2026).

3. Vladykina A. Yu. The African Criminal Court: Issues of Legality and Legitimacy // International Law and International Organizations. – 2022. – No. 3. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskiy-ugolovnyy-sud-voprosy-zakonnosti-i-legitimnosti>. (accessed: 15.04.2026).
4. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. New York, 9 December 1948 (ratified by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 18 March 1954) // Current International Law. – Vol. 2.
5. Medvedev D.A. Lost Illusions, or How the International Criminal Court Became a Legal Nullity // Jurisprudence, 2025. Vol. 69, No. 1. Pp. 3–23. [Electronic resource]. – Access mode: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.101>. (accessed: 10.04.2026).
6. The Russian Federation and the Alliance of Sahel States may create a unified legal framework – Mali Ministry of Justice // African Initiative News Agency. [Electronic resource]. – Access mode: <https://afrinz.ru/2025/05/rf-i-alyans-gosudarstv-sahelya-mogut-sozdat-edinoe-yuridicheskoe-pole-minyust-mali/>. (accessed: 20.04.2026).
7. The Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, 17 July 1998) // The International Criminal Court. The Glasnost Foundation. – Moscow, 2000.
8. The Seventy-ninth Regular Session of the General Assembly of the United Nations. Agenda item 80: Crimes against humanity. Declaration of Burkina Faso. New York, 10 October 2024. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/en/ga/sixth/79/pdfs/statements/cah/09mtg_burkinafaso.pdf. (accessed: 20.04.2026).
9. The Charter of the United Nations (as amended on 16 September 2005) Statute of the International Court of Justice // Collection of current treaties, agreements, and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XII. – Moscow, 1956.
10. Chetverikov A.O. The Confederation of Sahel States: A New Integration Alliance of the Global South Countries (Legal Aspects) // International Law. 2024. No. 2. [Electronic resource]. – Access mode: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71373. (accessed: 16.04.2026).
11. French Penal Code: (consolidated as of January 11, 2025). – Paris: French Republic, 1994. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309>. (accessed on 22.05.2026).
12. Penal Code of the Republic of Burkina Faso: Law № 01–079 of August 20, 2001 (consolidated 2016). – Ouagadougou: Republic of Burkina Faso, 2001. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.presidenceufaso.bf/wp-content/uploads/2019/04/Code_Penal.pdf. (accessed on 20.05.2026).
13. Penal Code of the Republic of Mali: Law № 01–079 of August 20, 2001 (consolidated 2016). Bamako: Republic of Mali, 2001. [Electronic resource]. – Access mode: <https://derechos.org/intlaw/doc/mli1.html>. (accessed on 20.05.2026).
14. Penal Code of the Republic of Niger: Law № 2003–025 of June 13, 2003 amending law № 61–27 of July 15, 1961, establishing the Penal Code. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Niger/NE_Code_Penal.pdf. (accessed on 22.05.2026).
15. Constitutive act of the African Union, adopted by the thirty-sixth ordinary session of the Assembly of Heads of State and Government, 11 July 2000 – Lomé, Togo. [Electronic resource]. – Access mode: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf. (accessed on: 15.04.2026).
16. Law № 2009–52/AN of December 3, 2009, determining the competences and the procedure for the implementation of the Rome Statute relating to the international criminal court by the Burkinabe jurisdictions. // Official Journal of Burkina Faso № 05 of February 05, 2010 [FRA].
17. Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights. Date of Adoption: June 27, 2014. [Electronic resource]. – Access mode: <https://au.int/en/treaties/protocol-amendments-protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights>. (accessed on: 17.04.2026).
18. Treaty establishing the Confederation of Sahel States. [Electronic resource]. – Access mode: <https://droit-et-politique-en-afrique.info/wp-content/uploads/2024/07/Traite-portant-creation-de-la-Confederation-AES.pdf>. (accessed on: 20.04.2026).

Тарасов Артем Павлович,

аспирант, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
E-mail: tarasov3611@yandex.ru

Мамонов Вадим Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»

В данной статье рассматривается конституционное право граждан на свободу мирных собраний в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между реализацией гражданами права на публичное выражение коллективного мнения и соблюдением требований общественной безопасности, а также совершенствованием правового регулирования организации публичных мероприятий. Право на свободу мирных собраний является одним из конституционных прав человека и гражданина, закрепленных в статье 31 Конституции Российской Федерации. Это право предоставляет гражданам возможность коллективно выражать свое мнение, выдвигать требования, поддерживать или критиковать решения органов публичной власти, участвовать в формировании общественного мнения. В демократическом правовом государстве свобода мирных собраний выступает институтом непосредственной демократии и инструментом гражданского общества. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к пониманию содержания и пределов реализации права на свободу мирных собраний, а также в анализе правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам ограничения данного права. Практическая значимость работы состоит в выявлении проблем правоприменения и разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства о публичных мероприятиях. В процессе написания статьи выявлены основные проблемы реализации права на свободу мирных собраний: избыточность уведомительного порядка, неопределенность оснований для отказа в согласовании публичного мероприятия, отсутствие механизма обжалования решений органов публичной власти. Обоснована необходимость совершенствования законодательства о публичных мероприятиях с целью достижения баланса между публичными интересами и правами граждан.

Ключевые слова: свобода мирных собраний, публичные мероприятия, конституционные права, ограничение прав, уведомительный порядок.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, практика реализации права на свободу мирных собраний в Российской Федерации сталкивается с рядом проблем, связанных с избыточностью уведомительного порядка, неопределенностью оснований для отказа в согласовании публичных мероприятий. Во-вторых, правовые позиции Конституционного Суда РФ требуют системного анализа и учета в правоприменительной деятельности. В-третьих, необходимость совершенствования законодательства о публичных мероприятиях диктуется развитием общественных отношений. Реализация права на свободу мирных собраний неизбежно сопряжена с необходимостью соблюдения определенных ограничений, направленных на обеспечение общественной безопасности, защиты прав и свобод других лиц. Поиск баланса между публичными интересами и правом граждан на коллективное самовыражение является основной проблемой правового регулирования в данной сфере.

Целью данной работы является анализ конституционно-правовой природы права на свободу мирных собраний, его содержания и пределов реализации.

Для достижения цели решены задачи, направленные на анализ теоретических подходов к пониманию права на свободу мирных собраний, изучение его места в системе конституционных прав и свобод, исследование правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам реализации данного права, выявление проблем организации публичных мероприятий.

В работе использованы десять источников. С.А. Афанасьева (2025) проводит теоретико-правовой анализ политических прав и свобод. И.С. Васютин (2023) исследует место права на мирные собрания в системе конституционных прав и свобод. В.В. Гошуляк и Г.В. Синцов (2022) анализируют свободу мирных собраний в оценках Венецианской комиссии. И.А. Кравец и А.В. Саленко (2025) рассматривают свободу мирных собраний как элемент коммуникативного конституционализма. Т.Т. Ляшенко (2023) исследует роль решений высших судов в обеспечении права на мирные собрания. Д.А. Моисеенко (2023) анализирует теоретические признаки права на проведение публичных мероприятий. Д.В. Рашитова (2022) рассматривает суды общей юрисдикции в механизме защиты права на публичные мероприятия. И.С. Рыбаков и Д.В. Якунин (2022) исследуют ограничение свободы мирных собраний. А.В. Саленко (2022) анализирует эволюцию права публичных собраний в России. Е.Е. Соловьева (2025) рассматривает общие положения о праве на мирные собрания.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили научные публикации по конституционно-правовой проблематике свободы мирных собраний, а также материалы судебной практики: Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2025 года № 2165-О, Постановления КС РФ от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 10 февраля 2017 года № 2-П.

Методы исследования включают теоретический анализ для изучения содержания права на свободу мирных собраний; формально-юридический метод для анализа Конституции РФ и Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»; метод анализа судебной практики для исследования правовых позиций Конституционного Суда РФ; метод обобщения для формулирования выводов.

Результаты и их обсуждение

Анализ Федерального закона № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» показывает, что уведомительный порядок проведения публичных мероприятий, установленный законодателем, на практике создает значительные барьеры для реализации права на свободу мирных собраний. Уведомительный порядок, задуманный как механизм информирования органов власти, фактически превратился в разрешительный, а органы публичной власти получили широкие дискреционные полномочия по согласованию публичных мероприятий. Право на мирные собрания занимает особое место в системе политических прав, однако его реализация в России сталкивается с проблемами, связанными с избыточными административными барьерами.

Право на свободу мирных собраний представляет собой конституционно закрепленную возможность граждан собираться публично или частным образом для коллективного обсуждения социально значимых вопросов, выражения поддержки или протеста. Д.А. Моисеенко отмечает: «Право на проведение публичных мероприятий характеризуется такими признаками, как коллективный характер осуществления, публичность, мирный характер, организованность, временный характер, а также некоммерческая цель» [6, с. 112].

И.С. Васютин подчеркивает: «Право на мирные собрания относится к числу политических прав, поскольку его реализация направлена на участие граждан в управлении делами государства» [2, с. 23].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок организации и проведения публичных мероприятий, является Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Закон устанавливает уведомительный порядок проведения публичных мероприятий, за исключением одиночного пикетирования, которое не требует уведомления.

Основные виды публичных мероприятий приведены в таблице 1.

Таблица 1. Основные виды публичных мероприятий

Вид публичного мероприятия	Характеристика
Собрание	Совместное присутствие граждан в специально отведенном месте для обсуждения социально значимых вопросов
Митинг	Массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения
Демонстрация	Организованное публичное выражение группой лиц общественных настроений с использованием плакатов, транспарантов
Шествие	Массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту
Пикетирование	Форма публичного выражения мнения, осуществляемая без движения с использованием плакатов

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений сформулировал правовые позиции, имеющие принципиальное значение для реализации права на свободу мирных собраний. В Постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П Конституционный Суд РФ указал, что отказ в согласовании публичного мероприятия должен быть мотивирован и основан на законе, а не на усмотрении органа власти. В Постановлении от 10 февраля 2017 года № 2-П Суд подчеркнул, что ограничения не должны быть произвольными и должны быть соразмерны целям защиты публичных интересов.

В Определении Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2025 года № 2165-О рассматривалась жалоба гражданина А.Ю. Морозова, привлеченного к административной ответственности по части 6.1 статьи 20.2 КоАП РФ за участие в несогласованном публичном мероприятии. Заявитель оспаривал конституционность положений, позволяющих привлекать к ответственности за участие в митинге, проведенном без уведомления в месте, где проведение публичных мероприятий запрещено законом субъекта Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению и указал, что статья 31 Конституции РФ гарантирует право на свободу мирных собраний, однако данное право не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности.

Суд подчеркнул: «Уведомительный порядок проведения публичных мероприятий преследует цель заблаговременно довести до соответствующих органов публичной власти необходимую информацию о форме, месте, времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве его участников». При этом закон субъекта Российской Федерации вправе определять места, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций. В Санкт-Петербурге таким местом является Невский проспект и территории, прилегающие к входам в вестибулы станций метрополитена.

Суд отметил, что оспариваемое регулирование не предполагает подачи уведомления о проведении митинга на территориях, где это запрещено, в том числе в случаях, когда проведение публичных мероприятий временно приостановлено с учетом объективной необходимости реагирования на угрозу распространения новой коронавирусной инфекции.

Основные правовые позиции КС РФ по вопросам свободы мирных собраний приведены в таблице 2.

Таблица 2. Основные правовые позиции КС РФ по вопросам свободы мирных собраний

Правовая позиция	Содержание	Постановление/Определение КС РФ
Презумпция согласования	Отказ в согласовании публичного мероприятия должен быть мотивирован и основан на законе	Постановление от 14.02.2013 № 4-П
Альтернативное место	Орган власти предлагает альтернативное место проведения при невозможности проведения мероприятия в заявленном месте	Постановление от 14.02.2013 № 4-П
Недопустимость произвольных ограничений	Ограничения не должны быть произвольными и должны быть соразмерны целям защиты публичных интересов	Постановление от 10.02.2017 № 2-П
Уведомительный порядок	Уведомление преследует цель информирования органов власти, а не получения разрешения	Определение от 30.09.2025 № 2165-О

На основе анализа научной литературы и судебной практики можно выделить основные проблемы реализации права на свободу мирных собраний в Российской Федерации:

1. Избыточность уведомительного порядка. Необходимость подачи уведомления за 10–15 дней до мероприятия затрудняет проведение акций в ответ на быстро меняющиеся общественно-политические события.
2. Неопределенность оснований для отказа. Законодательство содержит оценочные понятия, позволяющие органам власти произвольно отказывать в согласовании.
3. Отсутствие эффективного механизма обжалования. Обжалование отказа в проведении мероприятия в суде занимает длительное время, за которое мероприятие теряет актуальность.
4. Несоразмерность ответственности. Штрафы за нарушение правил организации публичных мероприятий часто несоразмерны тяжести нарушения.

Выводы

Право на свободу мирных собраний является фундаментальным конституционным правом, занимающим важное место в системе политических прав и свобод граждан. Правовое регулирование свободы мирных собраний в Российской Федерации осуществляется на основе Конституции РФ и Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», который устанавливает уведомительный порядок проведения публичных мероприятий.

Конституционный Суд РФ в своих решениях сформулировал ряд правовых позиций, направленных на обеспечение баланса между правом на свободу собраний и публичными интересами. В Определении № 2165-О от 30 сентября 2025 года Суд подтвердил, что право на свободу мирных собраний не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом, а уведомительный порядок направлен на информирование органов власти, а не на получение разрешения.

Основными проблемами реализации права на свободу мирных собраний в России являются: избыточность уведомительного порядка, неопределенность оснований для отказа, отсутствие эффективного механизма обжалования, несоразмерность ответственности.

Перспективными направлениями совершенствования законодательства являются: сокращение сроков уведомления, закрепление исчерпывающего перечня оснований для отказа, введение упрощенного порядка судебного обжалования, дифференциация ответственности.

Литература

1. Афанасьева С.А. Политические права и свободы человека и гражданина: теоретико-правовой анализ. Москва, 2025.
2. Васютин И.С. Место права на мирные собрания в системе конституционных прав и свобод // Студенческий вестник. 2023. № 47–4 (286). С. 22–24.
3. Гошуляк В.В., Синцов Г.В. Свобода мирных собраний в оценках и выводах Венецианской комиссии и российское законодательство // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 68–81.
4. Кравец И.А., Саленко А.В. Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституциона-

лизм и непосредственного народовластия // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 252–265.

5. Ляшенко Т.Т. Роль решений высших судов Российской Федерации в вопросах обеспечения конституционного права граждан на мирные собрания, демонстрации, митинги, шествия и пикетирования // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года): материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 290–295.

6. Моисеенко Д.А. Теоретические признаки права на проведение публичных мероприятий // Образование и право. 2023. № 7. С. 110–115.

7. Рашитова Д.В. Суды общей юрисдикции в механизме защиты права на проведение публичных мероприятий // Modern Science. 2022. № 10. С. 89–92.

8. Рыбаков И.С., Якунин Д.В. Ограничение свободы мирных собраний: отечественный и европейский подход // Наукосфера. 2022. № 11–1. С. 469–473.

9. Саленко А.В. Эволюция права публичных собраний в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 106–128.

10. Соловьева Е.Е. Общие положения о праве на мирные собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования // Интернаука. 2025. № 14–5 (378). С. 8–9.

THE RIGHT OF CITIZENS TO FREEDOM OF PEACEFUL ASSEMBLY

Tarasov A.P., Mamonov V.V.

Pushkin Leningrad State University

This article examines the constitutional right of citizens to freedom of peaceful assembly in the Russian Federation. The relevance of the topic is determined by the need to ensure a balance between the exercise by citizens of the right to public expression of collective opinion and compliance with the requirements of public safety, as well as improving the legal regulation of the organization of public events. The right to freedom of peaceful assembly is one of the constitutional human and civil rights enshrined in article 31 of the Constitution of the Russian Federation. This right provides citizens with the opportunity to collectively express their opinions, make demands, support or criticize decisions of public authorities, and participate in shaping public opinion. In a democratic State governed by

the rule of law, freedom of peaceful assembly is an institution of direct democracy and an instrument of civil society. The theoretical significance of the research lies in the systematization of approaches to understanding the content and limits of the exercise of the right to freedom of peaceful assembly, as well as in the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the limitation of this right. The practical significance of the work consists in identifying problems of law enforcement and developing recommendations for improving legislation on public events. In the process of writing the article, the main problems of the realization of the right to freedom of peaceful assembly were identified: redundancy of the notification procedure, uncertainty of the grounds for refusal to approve a public event, lack of a mechanism for appealing decisions of public authorities. The necessity of improving legislation on public events in order to achieve a balance between public interests and citizens' rights is substantiated.

Keywords: freedom of peaceful assembly, public events, constitutional rights, restriction of rights, notification procedure.

References

1. Afanas'eva S.A. Politicheskie prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoretiko-pravovoy analiz. Moskva, 2025.
2. Vasyutin I.S. Mesto prava na mirnye sobraniya v sisteme konstitucionnykh prav i svobod // Studencheskiy vestnik. 2023. № 47–4 (286). S. 22–24.
3. Goshulyak V.V., Sincov G.V. Svoboda mirnykh sobranij v ocenках i vyvodakh Veneцианской комиссии i rossijskoe zakonodatel'stvo // Lex Russica (Russkij zakon). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 68–81.
4. Kravec I.A., Salenko A.V. Svoboda mirnykh sobranij i ideya narodnykh assamblej kak elementy kommunikativnogo konstitucionalizma i neposredstvennogo narodovlastiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 512. С. 252–265.
5. Lyashenko T.T. Rol' reshenij vysshikh sudov Rossijskoj Federacii v voprosakh obespecheniya konstitucionnogo prava grazhdan na mirnye sobraniya, demonstracii, mitingi, shestviya i piketirovaniya // Rossijskij konstitucionalizm: uroki istorii i sovremennost' (k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii 1993 goda): materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 2023. С. 290–295.
6. Moiseenko D.A. Teoreticheskie priznaki prava na provedenie publicnykh meropriyatij // Obrazovanie i pravo. 2023. № 7. С. 110–115.
7. Rashitova D.V. Sudy obshchej yurisdikcii v mekhanizme zashchity prava na provedenie publicnykh meropriyatij // Modern Science. 2022. № 10. С. 89–92.
8. Rybakov I.S., Yakunin D.V. Ogranichenie svobody mirnykh sobranij: otechestvennyj i evropejskij podhod // Naukosfera. 2022. № 11–1. С. 469–473.
9. Salenko A.V. Evolyuciya prava publicnykh sobranij v Rossii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 106–128.
10. Solov'eva E.E. Obshchie polozheniya o prave na mirnye sobraniya, mitingi, demonstracii, shestviya i piketirovaniya // Internauka. 2025. № 14–5 (378). С. 8–9.

Основные направления применения искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта

Титов Алексей Сергеевич,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
эксперт по взаимодействию с госорганами Акционерного общества «Международный аэропорт Шереметьево»
E-mail: sled.titov@mail.ru

Статья посвящена анализу основных направлений применения искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта. В статье предлагается классификация указанных технологий по группам в зависимости от их функции в соответствии с официальным реестром технологий искусственного интеллекта в транспортной отрасли.

Отмечается, что эффективность авиационных систем является одной из причин масштабирования использования беспилотной авиации во всем мире. Разные направления применения искусственного интеллекта в сфере авиации продиктованы установленными правовыми режимами, в рамках которых используются данные технологии.

Вместе с тем правовые режимы использования воздушного пространства допускают исключительное право применения беспилотных авиационных средств органами государственной власти при исполнении ими публичных функций в тех случаях, когда на такое использование для гражданских авиационных систем установлен запрет или временное ограничение полетов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, беспилотное воздушное судно, интеллектуальное управление, воздушный транспорт, высокоавтоматизированные транспортные средства, дроны.

Сегодня применение искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта становится достаточно перспективным направлением как с точки зрения оказания транспортных услуг, так и с точки зрения обеспечения безопасности полетов и эффективности деятельности государственных органов.

Однако, при определении основных направлений развития искусственного интеллекта в сфере авиации следует учитывать множество факторов, в том числе конкретный вид искусственного интеллекта и область его применения, так как каждая технология искусственного интеллекта имеет свой аппаратно-математический алгоритм, имеющий конкретные преимущества, недостатки и особенности. В определенных случаях недостатки являются слишком критичными и использование искусственного интеллекта не может считаться допустимым, а в другом возможно его функционирование как вспомогательной функции (например, как электронного помощника).

Актуальность данной темы обусловлена всё более масштабным внедрением систем на базе искусственного интеллекта в область мировой авиации, включая как компактные беспилотные летательные аппараты, так и пассажирские и грузовые воздушные суда и объекты транспортной инфраструктуры (аэропорты, аэродромы и т.д.). Более того, в настоящее время акцент с беспилотных авиационных систем с внешним пилотом смещается в сторону автономных авиационных систем на основе искусственного интеллекта, что в полной мере отвечает тенденциям технологического развития.

Нормативно-правовое регулирование применения искусственного интеллекта в сфере транспорта является предметом для обсуждения не только в научно-исследовательских кружках среди учёных, но и в органах публичной власти, однако по настоящее время данный вопрос не урегулирован законодательством. Учитывая многогранность и межотраслевой характер указанного вопроса, а также необходимость минимизации ошибок и стимулирования исследований в данной области, в рамках экспериментальных правовых режимов реализуются цифровые песочницы по эксплуатации беспилотного транспорта.

С 2024 года Министерство транспорта России ежегодно публикует реестр технологий искусственного интеллекта в транспортной отрасли¹, среди которых на воздушном транспорте выделена 21 технология.

Классифицировать указанные технологии можно исходя из их назначения на четыре группы:

1. Системы анализа, планирования и управления воздушным движением;
2. Системы по взаимодействию с пассажирами и по обработке грузов;
3. Системы обеспечения транспортной безопасности;
4. Системы управления и поддержки работы воздушных транспортных средств.

К первой группе можно отнести интеллектуальную оптимизацию маршрутов воздушного транспорта, анализ транспортной обстановки, интеллектуальное управление воздушным движением, прогнозирование задержек прибытия и отправки воздушных транспортных средств. Данная группа технологий влияет на степень пунктуальности использования воздушного транспорта, повышение эффективности авиационных предприятий, позволяет оптимально и быстро регулировать потоки воздушного транспорта.

Вторая группа представлена в виде систем анализа спроса на услуги перевозки воздушным транспортом, умной продажи билетов, интеллектуальной обработки пассажиров и грузов, а также управление пассажирскими потоками на транспорте. Данная категория направлена в большей степени на обеспечение комфорта лиц, передвигающихся воздушным транспортом и систематизацию операционной составляющей в части перераспределения потоков пассажиров.

Третья группа обеспечивает обнаружение и оперативное реагирование на инциденты на воздушном транспорте, а также интеллектуальный досмотр пассажиров. Указанные мероприятия позволяют повысить уровень транспортной безопасности.

¹ Реестр технологий искусственного интеллекта в транспортной отрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/file/535462> (дата обращения 11.04.2026).

Четвертая группа включает в себя мониторинг воздушных транспортных средств, разработку автономных воздушных транспортных средств и интеллектуальных систем помощи пилоту и предиктивное техническое обслуживание авиационного транспорта. Указанные системы способствуют развитию беспилотного транспорта, его превентивной диагностики и обслуживанию, повышению качества выполнения рейсов.

Несколько систем искусственного интеллекта могут быть тесно взаимосвязаны, так как их смежная работа является разными этапами одного и того же процесса. Например, интеллектуальная обработка авиа багажа включает в себя как корректное считывание показаний бирки с информацией о пассажире и рейсе, так и мероприятия, связанные с обнаружением в багаже запрещенных к провозу предметов, например, повербанка. Здесь следует обратить внимание, что изъятие запрещенного к провозу в багаже предмета осуществляется службой транспортной безопасности, как это и предусмотрено соответствующими правилами¹, так как в настоящее время алгоритмы багажных систем не имеют возможности самостоятельно вскрывать и изымать обнаруженные предметы. Тем не менее, интеллектуальные системы увеличивают вероятность обнаружения запрещенных предметов в том числе без сбойных ситуаций в общей системе обработки багажа.

Одтельно следует обратить внимание на тот факт, что определенные технологии искусственного интеллекта могут применяться только на авиационном предприятии. В большей степени к таким относятся технологии, используемые для оптимизации операционной деятельности и управления воздушным движением.

Непосредственно на воздушном судне могут применяться технологии искусственного интеллекта, начиная от прогнозирования остатка ресурса запчастей, заканчивая бортовым электронными помощниками, контролирующими системы воздушного судна. Конечно, также возможна полностью автономная работа воздушного судна (в большей степени это относится к небольшим беспилотным летательным аппаратам), где система выполняет определенную заданную функцию.

Однако, в отдельных случаях требуется их совместная работа, к примеру, когда самолет заходит на посадку на автопилоте, то требуется техническая оснащенность аэродрома ответными системами для обеспечения посадки воздушного судна, которое, в свою очередь, должно иметь возможность выполнения посадки на автопилоте.

Учитывая разнообразие технологий искусственного интеллекта, а также количество сфер его возможного применения, предлагается следующая классификация направлений применения искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта по области применения/

Гражданская авиация

Одно из наиболее крупных направлений применения технологий искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта. В зависимости от степени автономности системы искусственного интеллекта одни технологии применяются в качестве вспомогательных систем (помощников пилота) на больших пассажирских и грузовых воздушных судах, другие могут быть полностью автоматизированы. К последним можно отнести работу дронов в сельском хозяйстве, обслуживании линий электропередач, геодезии, а также доставке. Так, использование дронов в сельском хозяйстве помогает экономить время и силы для производства посевных работ, включая полив земельной площади и мониторинг состояния грунта и насаждений².

Помимо использования систем искусственного интеллекта непосредственно при управлении воздушным судном, в том числе беспилотным, искусственный интеллект применяется на авиационных предприятиях при решении организационных вопросов, в том числе планирование бюджета, составлении и корректировании расписания рейсов, планировании загрузки терминалов гражданской авиации, а также формировании прогноза корректировки кадровой политики с учетом сезонности отдельно взятых профессий, к примеру аэродромных специалистов по обработке воздушных судов противобледенительной жидкостью.

Все эти проекты укладываются в систему цифрового двойника, позволяющего спроектировать виртуальный образ предприятия для вычисления и проектирования дальнейшей деятельности для повышения эффективности и конкурентоспособности производства³.

¹ Приказ Минтранса России от 04.02.2025 № 34 «Об установлении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра, наблюдения и (или) собеседования в целях обеспечения транспортной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.02.2025 (дата обращения 12.04.2026).

² Крухмалев А.В. Использование беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве: современные технологии и перспективы // IJAS. 2025. № 2. С. 124–142.

³ Измайлов М.К. Цифровые двойники как инструмент повышения эффективности эксплуатации основных средств в промышленности // Beneficium. 2025. № 1

Боевая авиация

Данная категория использования искусственного интеллекта характеризуется особым правовым режимом, в рамках которого могут применяться беспилотные летательные аппараты на основе технологий искусственного интеллекта. К примеру, право использования беспилотных средств прямо предусмотрено частью 3 ст. 11 Федерального закона «О полиции»⁴. Другие федеральные законы в подавляющем большинстве имеют формулировки «боевая техника», в категорию которых входят и беспилотные летательные аппараты. В числе таких нормативно-правовых актов можно отметить статью 31 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»⁵, пункт 6.2 статьи 12 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»⁶, однако, данный перечень не является закрытым.

Таким образом, к данному направлению применения искусственного интеллекта в сфере воздушного транспорта следует отнести воздушные суда, которые используются для обеспечения целей общественной и государственной безопасности, в том числе при проведении контртеррористических операций, ведении боевых действий, несанкционированных массовых мероприятиях, беспорядках и т.д. В большей степени это относится к МВД России, Росгвардии, ФСБ России, ФСО России, Минобороны России и иным аналогичным категориям ведомств. В данном случае использование систем искусственного интеллекта возможно начиная от патрулирования и визуального контроля местности до использования на беспилотном аппарате слезоточивого газа или взрывного устройства для поражения живой силы. Использование данного вида боевой авиации, несмотря на значительно более сложную и дорогостоящую программно-аппаратную составляющую, обеспечивает сохранение наивысшей ценности – жизни пилота и более оперативному и эффективному использованию сил и средств действующих подразделений. Эффективность и целесообразность развития направления беспилотной авиации имеет значительный потенциал, что обосновано в ряде исследований, в том числе в части обеспечения национальной безопасности⁷ и предотвращении террористических угроз⁸.

Спасательная авиация

В некоторых случаях использование автономных средств патрулирования территорий при стихийных бедствиях, включая наводнения, лесные пожары и землетрясения, обеспечивает наиболее оперативное и эффективное исполнение полномочий органами власти в области чрезвычайных ситуаций.

Уже имеются исследования⁹, в которых подтверждается эффективность беспилотных летательных аппаратов при мониторинге пожаров и их тушении.

Сюда же можно отнести медицинскую авиацию, которая могла бы обеспечить доставку пострадавшего из места эвакуации в медицинское учреждение или доставлять медикаменты. Однако в настоящее время требуется не только проработка вопроса о возможности погружки на беспилотный летательный аппарат пострадавшего, но и степень риска для жизни и здоровья пациента.

Экспериментальная авиация

Любое воздушное судно, которое в дальнейшем планируется к массовой эксплуатации, должно проходить сертификационные процедуры, подтверждающие их безопасность и соответствие установленным стандартам в области авиации. Следовательно, проведение исследований летательных аппаратов с учетом возможных ошибок алгоритмов или несовершенства аппаратной части перед введением в массовую эксплуатацию, является обязательным. Особый правовой режим для дан-

(54). С. 102–111.

⁴ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, Ст. 900.

⁵ Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (в ред. от 23.07.2025) «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета, 1993. 4 мая.

⁶ Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁷ Ананенко А.О. Применение беспилотного воздушного транспорта в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 1(11). С. 175–182.

⁸ Баранов В.В. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов с искусственным интеллектом в контексте предотвращения террористических угроз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 1 (4). С. 170–178.

⁹ Мартеньянов С.И., Маторина О.С., Стрельцов О.В., Нестерова С.В. Применение беспилотных летательных аппаратов для поддержки управления противопожарными действиями в условиях чрезвычайных ситуаций // МНИЖ. 2024. № 1 (139).

ной категории авиации позволяет испытывать летательные аппараты и вспомогательные системы без тех административных барьеров, которые предусмотрены для сертифицированных авиационных систем. Помимо требований к программно-аппаратной составляющей, отвечающей за корректное передвижение объекта в воздухе, следует обращать особое внимание на безопасность каналов связи. Перехваченный злоумышленником беспилотный летательный аппарат, пилотируемый искусственным интеллектом, может нанести существенный ущерб как имуществу, так и здоровью людей.

Предложенная классификация отражает многосекторность направлений применения искусственного интеллекта, а также перспективность процесса его внедрения и применения в сфере воздушного транспорта. Каждое направление характеризуется определенным правовым режимом, в рамках которого установлены или сняты административные барьеры на использование как беспилотных летательных аппаратов, так и воздушных средств в целом.

В заключение следует отметить, что эффективность беспилотной авиации с применением технологий искусственного интеллекта на сегодняшний день не вызывает сомнений, чем обуславливается ее активное внедрение и использование по всему миру.

Область применения искусственного интеллекта является достаточно обширной и позволяет оптимизировать многие процессы, в том числе, передвижение воздушным транспортом и обеспечение иных функций, способствующих реализации национальных интересов. Однако, в зависимости от направления применения указанной технологии, возникают определенные правовые проблемы, урегулирование которых зависит от той области, где данная технология должна применяться, включая вопросы обеспечения безопасности полетов гражданской авиации, аспектов применения беспилотной авиации военного назначения и других. Возможность снятия административных барьеров зависит от баланса частных и публичных интересов.

С учетом действующего законодательства, использование вышеуказанных категорий воздушного транспорта подразумевает разрешение определенных правовых вопросов, которые могут препятствовать разработке и применению беспилотных авиационных систем. Модели искусственного интеллекта, которые в настоящее время выполняют вспомогательные функции для координации действий пилота или выполнения других совокупных функций, в перспективе могут стать частью единой автономной авиационной системы, управляемой исключительно искусственным интеллектом.

Литература

1. Ананенко А.О. Применение беспилотного воздушного транспорта в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 1(11). С. 175–182.
2. Баранов В.В. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов с искусственным интеллектом в контексте предотвращения террористических угроз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 1 (4). С. 170–178.

3. Измаилов М.К. Цифровые двойники как инструмент повышения эффективности эксплуатации основных средств в промышленности // Beneficium. 2025. № 1 (54). С. 102–111.

4. Крухмалев А.В. Использование беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве: современные технологии и перспективы // IJAS. 2025. № 2. С. 124–142.

5. Мартеньянов С.И., Маторина О.С., Стрельцов О.В., Нестерова С.В. Применение беспилотных летательных аппаратов для поддержки управления противопожарными действиями в условиях чрезвычайных ситуаций // МНИЖ. 2024. № 1 (139).

6. Минбалева А.В. Право искусственного интеллекта: учебник / под ред. А.В. Минбалева. – 2-е изд. доп. и перераб. – Саратов: Амirit, 2025. – 460 с.

7. Реестр технологий искусственного интеллекта в транспортной отрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/file/535462> (дата обращения: 11.04.2026).

MAIN AREAS OF APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF AIR TRANSPORT

Titov A.S.

Kutafin Moscow State Law University

This article focuses on analyzing the main areas of application of artificial intelligence in the field of air transport. The article proposes a classification of these technologies into groups based on their functions, in accordance with the official register of artificial intelligence technologies in the transport industry.

It is noted that the efficiency of aviation systems is one of the reasons for the global expansion of unmanned aviation. The different areas of application of artificial intelligence in the aviation sector are influenced by the established legal frameworks within which these technologies are used.

At the same time, the legal regimes for the use of airspace allow for the exclusive right of state authorities to use unmanned aerial vehicles in the performance of their public functions in cases where such use is prohibited or temporarily restricted for civilian aviation systems.

Keywords: artificial intelligence, unmanned aerial vehicle, intelligent control, air transport, highly automated vehicles, drones.

References

1. Ananenko A.O. The use of unmanned aerial vehicles in the context of ensuring the national security of the Russian Federation // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2022. № 1(11). Pp. 175–182.
2. Baranov V.V. Legal regulation of the use of unmanned aircraft with artificial intelligence in the context of preventing terrorist threats // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2025. № 1 (4). Pp. 170–178.
3. Izmailov M.K. Digital twins as a tool to increase the efficiency of the operation of fixed assets in industry // Beneficium. 2025. № 1 (54). pp. 102–111.
4. Krukmaliev A.V. The use of unmanned aerial vehicles devices in agriculture: modern technologies and prospects // IJAS. 2025. № 2. pp. 124–142.
5. Martemyanov S.I., Matorina O.S., Streltsov O.V., Nesterova S.V. The use of unmanned aerial vehicles to support fire management in emergency situations // MNIZH. 2024. № 1 (139).
6. Minbaleev A.V. Artificial Intelligence Law: Textbook / edited by A.V. Minbaleev. – 2nd edition, expanded and revised. – Saratov: Amirit, 2025. – 460 p.
7. Registry of Artificial Intelligence Technologies in the Transport Industry [Electronic resource]. URL: <https://mintrans.gov.ru/file/535462> (accessed on 11.04.2026).

Вспомогательные средства для определения правовых норм в международном праве: современные подходы к интерпретации и применению

Хинцагова Илона Таймуразовна,

студент (магистр), кафедра международного права,
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова
E-mail: ilonakhintsagova@gmail.com

В контексте сложившейся в отечественной международно-правовой доктрине теории источников международного права и на основе анализа положений статьи 38 Статута Международного Суда ООН, а также современных доктринальных подходов и практики международных судебных учреждений, в статье рассматриваются вспомогательные средства определения норм международного права (судебные решения и доктрина наиболее квалифицированных специалистов) как институционально-процессуальный механизм выявления содержания применимых норм, не обладающий самостоятельной нормотворческой силой. Исследуется разграничение между формальными источниками права (договор, обычай, общие принципы), вспомогательными источниками (*subsidiary sources*) и вспомогательными средствами (*auxiliary sources*). Критически оценивается понятие «вспомогательные процессы образования норм». Обосновывается вывод о том, что судебные решения и доктрина, не являясь источниками международного права в строгом смысле и не создавая обязательств для государств, выполняют интерпретационную и доказательную функции, обеспечивая уточнение и правильное применение норм, однако их фактическое влияние на формирование *opinio juris* и устойчивой практики государств способно трансформировать первоначально вспомогательные выводы в элементы нормообразования.

Ключевые слова: вспомогательные средства, статья 38 Статута МС ООН, судебные решения и доктрина, источники международного права, определение норм.

Современное международное право характеризуется достаточно высокой степенью институционализации, а также усложнения нормативной структуры. Расширение числа международных судов и трибуналов, усиление деятельности международных организаций и Комиссии международного права ООН (далее – КМП) привели к формированию многоуровневой системы интерпретации международных правовых норм. В этом контексте проблема статуса и пределов применения вспомогательных средств приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Института вспомогательных средств для определения правовых норм в международном праве непосредственно связано с развитием концепции источников международного права, согласно статье 38 Статута Международного Суда ООН (далее – Статут). Именно в подпункте 1(d) данной статьи закрепляется положение о «судебных решениях и доктрине наиболее квалифицированных специалистов различных наций» как вспомогательных средствах для определения правовых норм.

Важно понимать, что ни судебные акты, ни доктрина не являются источниками международного права. Сами по себе они не создают обязательств для государств. Их роль направлена на помощь в выявлении содержания уже существующих норм, разъяснении их и определении границы применения.

Их значение особенно проявляется, когда между государствами возникает спор о том, как толковать или применять конкретную норму. В таких случаях решения международных судов часто становятся важным ориентиром, благодаря которым определяется как норма должна пониматься и реализовываться на практике [5, с. 276].

А. Пелле подчеркивает, что подпункты (a), (b) и (c) статьи 38 Статута перечисляют формальные источники – договор, обычай и общие принципы. В то время как подпункт (d) занимает особое место. В нем судебные решения и доктрина недаром названы «*subsidiary means for the determination of rules of law*». Автор обращает внимание на два момента:

1. используется термин «средства для определения», а не «источники»;
2. термин «*subsidiary*» указывает только на вспомогательный характер [1, с. 14–15].

Следовательно, судебные решения не поставлены в один ряд с договорами и обычаями. Более того, обращаясь к статье 59 Статута становится понятно, какая идея из нее вытекает: отсутствует прецедентная сила, решение не создает общую норму, оно лишь применяет уже существующее право [1, с. 24–25].

Иной подход изложен Виктором Родригесом в Первом докладе Специального докладчика об односторонних актах: «статья 38 Международного Суда – норма иллюстративного и неисчерпывающего характера – закрепляет основные формальные источники международного права (международные договоры и международный обычай), вспомогательные источники (*subsidiary sources*) (общие принципы права), а также вспомогательные средства (*auxiliary sources*) для определения правовых норм (доктрину и судебную практику) и дополнительное основание разрешения спора – принцип справедливости *ex aequo et bono* – при условии согласия сторон на его применение Судом» [7, с. 327–328].

Интересным представляется то, как в этой интерпретации «разводятся» по смыслу термины *subsidiary sources* и *auxiliary sources*, хотя в быденном переводе оба легко «съезжают» в одно и то же – «вспомогательные источники». В приведенной формулировке *subsidiary sources* отнесены к общим принципам права, то есть к нормативному материалу, который Суд может применять как самостоятельное основание вывода нормы (пусть и восполняющей пробелы договора и обычая). А вот *auxiliary sources* – это доктрина и судебная практика, которые не создают норму сами по себе, а служат инструментами для ее установления: помогают суду проверить содержание обычая, уточнить смысл договора, подтвердить существование принципа или проследить линию аргументации в прежних решениях. Такое разделение важно, потому что оно подчеркивает, что общие принципы права являются источником нормотворческого уровня. А доктрина и прецедент выступают как доказательные и интерпретационные средства.

Вопрос о соотношении «вспомогательных средств для определения норм» и «вспомогательных процессов образования норм» имеет принципиальное значение для корректного понимания статьи 38 Статута. В соответствии с ее формулировкой Суд применяет в качестве вспомогательного средства судебные решения и доктрину наиболее квалифицированных специалистов различных наций. Тем самым прямо проводится разграничение между созданием/образования (*formation, creation*) и определением (*determination*) норм.

Важно понимать, что вспомогательные средства для определения правовых норм не равнозначны вспомогательным средствам для создания правовых норм. Более того, доктрина и судебная практика не являются механизмами, непосредственно создающими право, и к доктрине никогда не приписывалось нормативное полномочие. Следовательно, вспомогательные средства по смыслу статьи 38 Статута не участвуют в создании нормы как источника права, а лишь способствуют выявлению уже существующих норм и уточнению их содержания [6, с. 514–515].

Вспомогательные средства для определения правовых норм применяются на этапе установления содержания уже существующих норм международного права. Их основная задача заключается в том, чтобы способствовать выявлению действительного смысла правовой нормы, уточнить ее содержание и обеспечить правильное толкование в процессе правоприменения. К числу таких средств традиционно относят судебную практику международных судов и трибуналов, а также доктрину наиболее квалифицированных специалистов в области международного права. При этом их значение состоит именно в интерпретационной функции: они помогают раскрыть содержание нормы, однако не обладают самостоятельной нормативной силой и не выступают источниками международного права в строгом смысле.

В отличие от этого, средства создания правовых норм относятся к механизмам формирования новых международно-правовых обязательств и непосредственно участвуют в процессе нормотворчества. К ним прежде всего относятся международные договоры и международный обычай, которые признаются основными источниками международного права. Международные договоры формируются на основе согласованной воли государств и закрепляют правила поведения, обязательные для их участников, тогда как международный обычай возникает в результате длительной и устойчивой практики государств, сопровождаемой признанием ее в качестве юридически обязательной (*opinio juris*). В отличие от вспомогательных средств для определения, данные механизмы обладают нормативным характером и непосредственно порождают новые правовые нормы, регулирующие международные отношения.

В условиях децентрализованной международно-правовой системы, основанной на согласовании воли государств и отсутствии централизованного законодателя, особое значение приобретает проблема установления содержания действующих норм. Международный договор и обычай формируют нормативную основу регулирования, однако их применение неизбежно сопряжено с необходимостью толкования, уточнения и систематизации. Именно здесь вспомогательные процессы выступают в качестве самостоятельного институционально-процессуального механизма выявления содержания права.

Дискуссионным представляется использование А.А. Баталовым термина «вспомогательные процессы образования норм». Уже во введении он относит их к общему механизму создания норм международного воздушного права, тем самым включая данные процессы в сферу нормотворчества. В дальнейшем автор указывает, что анализирует акты и документы, принимаемые «в рамках вспомогательных процессов нормообразования или в качестве вспомогательных средств для определения международно-правовых норм», однако ключевым для него остается понятие именно «образования норм» [2, с. 67–68].

При этом сам Баталов подчеркивает, что соответствующие акты «сами по себе не содержат норм международного воздушного права и, следовательно, не являются юридически обязательными», а при отсутствии возникновения нормы речь идет лишь о «незавершившихся стадиях процесса нормообразования, носящих вспомогательный характер». Тем самым фактически признается отсутствие самостоятельного нормотворческого результата. Исторический анализ показывает, что в ранний период развития международного правосудия судьи активно обращались к доктрине и судебным прецедентам как к основным ориентирам правоприменения. В условиях ограниченности договорной базы и недостаточной кодификации именно научные труды и предшествующая судебная практика служили доказательственной и аргументационной основой при установлении существования обычных норм. Таким образом, вспомогательные средства изначально выполняли функцию интеллектуального обеспечения судебной деятельности.

При этом Статут Международного Суда прямо исключает возможность придания судебным решениям характера общеобязательного прецедента, ограничивая их обязательную силу рамками конкретного спора [3, с. 216]. Аналогичным образом доктрина не наделена нормообразующей силой. Она не создает международно-правовых обязательств и не формирует нормы самостоятельно [8, с. 3].

Следовательно, ни судебная практика, ни научные труды не могут быть признаны формальными источниками международного права. Однако важно понимать, что формально вспомогательный статус не исключает фактического влияния этих процессов на развитие международного права. Повторяемость интерпретационных подходов в судебной практике, их последующее признание государствами и использование в кодификационной деятельности способны трансформировать первоначально вспомогательные выводы в элементы *opinio juris* и устойчивой практики [4, с. 88–89].

Литература

1. Аллен Пелле. Решения Международного Суда ООН как источники международного права? // Серия лекций Газтано Морелли. Т. 2. 2018. С. 7–61.
2. Баталов А.А. Вспомогательные процессы образования норм международного воздушного права: актуальные вопросы теории и практики // Московский журнал международного права. 2020. № 4. С. 64–80.
3. Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / Ю.А. Баскин, Н.Б. Крылов, Д.Б. Левин и др. – М.: Наука, 1989. С. 360.
4. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» // под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко и др. 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2008. С. 832.
5. Минасян Н.М. Источники современного международного права. Том I // Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Ростовский государственный университет. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов-на-Дону. 1961. С. 644.
6. Орзон А. Размышления о «доктрине наиболее квалифицированных специалистов различных наций» (Приливы и отливы академических и целевых доктринальных сил) // *Revue belge de droit international* [Бельгийский журнал международного права]. 1991. № 2. С. 507–580.
7. Седенько В.Р. Первый доклад об односторонних актах государств // Комиссия международного права. Пятидесятая сессия. Документ ООН A/CN.4/486. С. 320–338.
8. Штан К., Де Брабандер Э. Будущее международно-правовой науки: некоторые размышления о «практике», «развитии» и «распространении» // *Leiden Journal of International Law*. 2014. Т. 27. № 1. С. 1–10.

SUBSIDIARY MEANS FOR THE DETERMINATION OF RULES OF LAW IN INTERNATIONAL LAW: MODERN APPROACHES TO INTERPRETATION AND APPLICATION

Khintsagova I.T.

Lomonosov Moscow State University,

In the context of the theory of sources of international law established in the domestic international legal doctrine and based on the analysis of the provisions of Article 38 of the Statute of the International Court of Justice, as well as modern doctrinal approaches and the practice of international judicial institutions, the article examines subsidiary means for the determination of rules of international law (judicial decisions and the teachings of the most highly qualified publicists) as an institutional and procedural mechanism for ascertaining the content of applicable rules, which does not possess independent norm-creating force. The distinction between formal sources of law (treaty, custom, general principles), subsidiary sources, and auxiliary means is explored. The notion of “subsidiary processes of norm formation” is critically assessed. The conclusion is substantiated that judicial decisions and doctrine, while not being sources of international law in the strict sense and not creating obligations for States, perform interpretative and evidentiary functions, ensuring the clarification and correct application of norms. However, their actual influence on the formation of *opinio juris* and consistent State practice is capable of transforming initially subsidiary findings into elements of norm formation.

Keywords: subsidiary means, Article 38 of the ICJ Statute, judicial decisions and teachings, sources of international law, determination of rules.

References

1. Alain Pellet, Decisions of the ICJ as Sources of International Law? // Gaetano Morrelli Lectures Series. Vol. 2. 2018. P. 7–61.
2. Batalov A.A. The Subsidiary Rule— Making Processes in International Air Law: Current Issues of Theory and Practice. – Moscow Journal of International Law. 2020. No. 4. P. 64–80.

3. Course of International Law. In 7 vols. Vol. 1. Concept, Subject Matter and System of International Law / Yu.A. Baskin, N.B. Krylov, D.B. Levin, et al. – Moscow: Nauka Publishers, 1989. P. 360.

4. International Law: Textbook for University Students Studying in the Field of "Jurisprudence" / edited by A.A. Kovalev, S.V. Chernichenko, et al. – 3rd ed., revised. – Moscow: Omega-L, 2008. P. 832.

5. Minasyan N.M. Sources of Contemporary International Law. Volume I // Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the RSFSR. Rostov State University. Dissertation for the Degree of Doctor of Juridical Sciences. Rostov-on-Don. 1961. P. 644.

6. Oraison A. Réflexions sur «la doctrine des publicistes les plus qualifiés des différentes nations» (Flux et reflux relatifs des forces doctrinales académiques et finalisées) // Revue belge de droit international. 1991. № 2. P. 507–580.

7. Cedeño V.R. First report on unilateral acts of States // International Law Commission. Fiftieth session. UN Doc. A/CN.4/486. P. 320–338.

8. Stahn C., De Brabandere E. The Future of International Legal Scholarship: Some Thoughts on «Practice», «Growth», and «Dissemination» // Leiden Journal of International Law. 2014. Vol. 27. No. 1. P. 1–10

Хорава Софья Тамазовна,

аспирант, Московский институт современного академического образования – МИСАО

E-mail: sofya.khorava@gmail.com

В статье раскрываются актуальные проблемы уголовно-правовой охраны суррогатного материнства, наличие сходства и различия данной проблемы на территории зарубежных стран. Рассмотрены и проанализированы законодательные акты России, Франции, Италии, Китая и др. На основе зарубежного опыта сформулированы предварительные авторские рекомендации по данной теме. Констатируется необходимость осуществления сравнительного анализа уголовного законодательства России и зарубежных стран, и научного вмешательства без преследования личных интересов в какой бы то ни было форме, результаты которых подтвердили бы или опровергали необходимость внесения изменений в уголовно-правовое законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: суррогатное материнство, эмбрион, оборонно-промышленный комплекс; эпоха трансформации общества, преступность нового поколения, проблемы правотворчества и правоприменения, теоретическая и практическая значимость, целесообразность исследования.

Отсутствие специальной нормы в уголовном законодательстве Российской Федерации относительно уголовно-правовой охраны суррогатного материнства на территории Российской Федерации и наличие в зарубежных странах уголовно-правовой ответственности за организацию суррогатного материнства свидетельствует о существовании проблемы в этой области.

Что же это такое, суррогатное материнство. Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского для нее эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения (генетическая мать и генетический отец), либо одинокой женщиной [11].

Нельзя не отметить, что несмотря на отсутствие уголовной ответственности на территории Российской Федерации за незаконную организацию суррогатного материнства все же имеются ограничения, которые регулируются Федеральными законами Российской Федерации [8], Постановлением Правительства Российской Федерации [9], Гражданским и Семейным кодексами Российской Федерации [2], что делает данную проблематику еще более актуальной для современного мира. Владимир Путин неоднократно подчеркивал важность разработки всех необходимых механизмов, направленных на защиту детей и рост рождаемости и увеличения населения страны [10]. Как отмечают многие ученые: «дети – это будущее любой страны», с чем нельзя не согласиться.

Как уже упоминалось в данной статье законодательство Российской Федерации имеет ряд ограничений для рождения ребенка с использованием суррогатного материнства, однако в ряде стран (Франция, Китай, Швеция, Австрия, Сингапур, Япония, Италия, Норвегия и т.д.) суррогатное материнство не просто имеет какие-то ограничения, а вообще запрещено. Например, во Франции за организацию суррогатного материнства предусмотрена уголовная ответственность. Такое положение дел делает для заинтересованных в этом лиц привлекательным страны, где суррогатное материнство не запрещено, что может негативно отразиться на криминогенной обстановке этих странах. В число таких стран как раз таки входит Россия, что очевидно вызывает озабоченность и интерес к анализу проблематики допустимости легализации суррогатного материнства и разворачивает дискуссии различных научных сообществ вокруг нее.

Федеральным законом Российской Федерации от 21.11.2021 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено, что суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее – потенциальные родители (генетическая мать и генетический отец) и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее – одинокая женщина (генетическая мать)).

Во Франции, как уже было отмечено выше, суррогатное материнство строго запрещено [12]. В соответствии с Гражданским кодексом Франции матерью ребенка признается та женщина, которая его родила, любые договоренности о передачи ребенка иному лицу (биологической матери или заказчику) считаются ничтожными. Более того, статьей 227–12 Уголовного кодекса Франции предусмотрено наказание за посредничество в целях получения прибыли между лицом, желающим усыновить ребенка, и родителем, желающим отказаться от своего ребенка, рожденного или нерожденного. Этой же статьей предусмотрено наказание за посредничество между лицом или супружеской парой, желающими усыновить ребенка, и женщиной, согласившейся вынашивать ребенка в своей утробе с целью его передачи. За преследования цели получения материальной выгоды и систематические действия наказания увеличиваются вдвое [13].

В Италии, в том числе, суррогатное материнство строго запрещено. Согласно Итальянскому законодательству любой, кто организует

или рекламирует коммерциализацию гамет, эмбрионов или суррогатное материнство подлежит уголовной ответственности. Более того, поправки, принятые 04.11.2024 года расширили действие запрета суррогатного материнства. Теперь итальянские граждане, обратившиеся к суррогатному материнству за рубежом тоже могут быть привлечены к уголовной ответственности. Более того, итальянские граждане, обратившиеся к суррогатному материнству за рубежом тоже могут быть привлечены к ответственности. Таким образом, закон Франции запрещает не только коммерческое суррогатное материнство, но и любое участие в нем (ней), включая организацию, посредничество и поездку за границу.

Аналогичная ситуация сложилась в Японии и др. странах.

Стоит отметить, что в некоторых странах запрет суррогатного материнства не запрещает использовать суррогатное материнство для рождения детей в других странах [26]. Это, в очередной раз, делает более привлекательным страны, где суррогатное материнство не охраняется на уровне уголовно-правового законодательства. Вместе с тем, рождение ребенка суррогатной матерью на территории Российской Федерации в сравнении с другими странами обходится для желающих стать родителями гораздо дешевле [19]. Не исключено, что в Китае в самое ближайшее время могут быть введены уголовно-правовые ограничения за рождение ребенка с использованием искусственного оплодотворения суррогатной матери, поскольку, например, по мнению Ли Тинхуэй, суррогатное материнство бросает вызов традиционной репродуктивной модели, которая объединяет роли биологической матери, рожицы и приемной матери, что делает связанные с этим этические и правовые отношения более сложными и порождает многочисленные этические споры [27].

С учетом изложенного, представляется, что суррогатное материнство, как правило, воспринимается зарубежными странами, как коммерциализация репродуктивной функции женщины и форма эксплуатации, а также как ее несоответствие этическим принципам. Организация суррогатного материнства, подразумевающая заключение договора о суррогатном материнстве в рамках гражданско-правовых отношений, не может ни регулироваться в ряде случаев уголовным законом, поскольку организация незаконного суррогатного материнства для целей извлечения выгоды фактически должна приравниваться к незаконной организации продаж детей и/или эмбрионов в отношении которых в настоящее время ведутся дискуссии, поскольку до сих пор не ясно, как относится к человеческому эмбриону, и что такое эмбрион [21].

Эмбрион человека – это зародыш человека на стадии развития до восьми недель [7]. В силу своего специфического характера, моральных и нравственных основ оборотоспособности по сути «живой части человека», отсутствия признаков, присущих объектам гражданских прав (статья 128 Уголовного кодекса Российской Федерации), необходим четкий правовой режим такого уникального явления, чтобы избежать неправомерных деяний с эмбрионом (эмбрионами). Следует согласиться с Д.А. Беловой, что «посредством норм вещного права невозможно дать адекватные ответы на вопросы, которые ставит перед цивилистикой практика применения БРТ». О правовом положении плода, эмбриона и не родившегося ребенка имеются разногласия, в 2015 г. в Государственную Думу РФ был внесен Проект Федерального закона № 791302–6 «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [5].

Таким образом, в результате анализа опыта зарубежных стран представляется, что целью заключения договора о суррогатном материнстве не всегда является рождение и воспитание ребенка суррогатной или даже биологической матерью, поскольку не могут исключаться корыстные намерения, направленные на приобретение эмбрионов (биоматериалов) без наличия цели имплантации эмбриона в женщину для последующей перевозки, хранения и/или сбыта другому лицу; на имплантацию эмбриона в женщину в целях сбыта эмбриона путем искусственного прерывания беременности; на преднамеренный отказ от материнства для создания условий усыновления ребенка участниками договорных отношений или третьих лиц.

В России среди супружеских пар детородного возраста бесплодие достигает 17–21% [23]. При статистическом подсчете лица, не состоящие в браке и страдающие бесплодием, оказались неучтенными [16]. Благодаря новейшим достижениям медицины в области вспомогательных репродуктивных технологий во всем мире родилось 10 000 000 детей. В России в результате применения репродуктивных технологий в период с 2000 по 2020 год родилось 333 599 детей [25].

Перечисленное дает основание полагать, что вспомогательные репродуктивные технологии широко применяются на территории Рос-

сийской Федерации, высокий спрос на применение таких технологий порождает множество вопросов, поскольку участились случаи продажи детей, рожденные суррогатными матерями [22]. При этом виновных лиц к уголовной ответственности пока вообще нельзя никак привлечь, поскольку имеются проблемы с их квалификацией, или привлечь не по специальной норме статьи уголовного кодекса, а по ст. 127. 1 УК Российской Федерации – «Торговля людьми» [3]. К такому выводу заставляет в том числе прийти положение статьи 55 Федерального закона от 21.11.2021 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу от 01.09.2025), которым допустимо наличие гражданства Российской Федерации лишь одного родителя (генетической матери или генетического отца). То есть, представляется, что один из родителей, имея корыстные цели, может вывести ребенка на законных основаниях из страны и такой родитель не будет привлечен к уголовной ответственности в силу действующего уголовного законодательства.

В этой связи, с целью совершенствования отечественного уголовного законодательства анализ уголовного законодательства зарубежных стран важен для выявления эффективных методов, направленных на противодействие подобным криминальным явлениям. Наличие такой проблематики требует дополнительных юридических разработок и гарантий, функцию которых способна выполнить уголовно-правовая охрана. Видится проблемой то, что уголовным законом не конкретизирована ответственность лиц за нарушение существенных условий договора о суррогатном материнстве, которые влекут риски нарушения прав и интересов ребенка, рожденного суррогатной матерью, в случаях отказа потенциальных родителей от него до государственной регистрации рождения в отсутствие заинтересованности суррогатной матери в дальнейшей судьбе ребенка, игнорирования суррогатной матерью условий договора в части записи в акте о рождении ребенка факта своего материнства и права потенциальных родителей на оспаривание данного действия только в судебном порядке. Видится в том числе проблемой неисследованные вопросы относительно возраста генетических родителей, причин наступления смерти родителей, период длительности обследования родителей для установления факта бесплодия, поскольку представляется недостаточным для определения отсутствия корыстной цели лишь наличия регистрации родителей ребенка, ограничивающийся штампом в паспорте, или свидетельством о смерти или подтверждения прохождения обследования в шестимесячный срок [11]. В том числе видится проблемой использование донорских половых клеток и эмбрионов иностранными гражданами, состоявшим в браке с гражданами Российской Федерации и т.д.

Повышение эффективности уголовно-правовых мер противодействия организации суррогатного материнства, направленного на извлечение той или иной незаконной выгоды, может носить охлаждающий эффект, что положительно скажется на криминальной обстановке страны и улучшит ее демографический фон. Проблематика соответствует новому времени, требует сравнительного анализа опыта с зарубежными странами, сравнительно-правового анализа уголовного законодательства России и зарубежных стран, и научного вмешательства без преследования личных интересов в какой бы то ни было форме, результаты которых подтвердили бы или опровергали необходимость внесения изменений в уголовно-правовое законодательство Российской Федерации.

Объектом исследования будет выступать комплекс общественных отношений, возникающих в процессе обеспечения охраны прав и безопасности суррогатного материнства.

Предметом исследования будут являться нормы зарубежных стран, труды ученых, правовые позиции судов различных стран разных инстанций и материалы правоприменительной практики по вопросу наступления ответственности за незаконную организацию и использование вспомогательных репродуктивных технологий – суррогатного материнства.

Надо сказать, что вопросы уголовно-правовой охраны суррогатного материнства отчасти уже являлись предметом дискуссий таких ученых, как В.А. Чукреев, С.В. Алборов, О.В. Горубновский, И.А. Диковой, Л.А. Букалева, В.И. Коваленко и др., однако, проблема уголовно-правовой охраны суррогатного материнства в сравнении с существующей практикой зарубежных стран до сих пор остается неисследованной.

Целью и задачей исследования является анализ практики зарубежных стран в целях защиты личности от криминальных угроз, криминальных рисков и преступных посягательств, определение мер уголовно-правовой охраны, определения понятий, изучение криминальной обстановки, разработка мер предупредительной деятельности, подготовка при необходимости предложений по усовершенствованию уголовно-правового и административного законодательства, что

возможно только путем надлежащего анализа имеющейся правовой доктрины.

Научная новизна будет заключаться в возможности принятия или отказа от принятия переноса сложившейся практики зарубежных стран в Россию.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии отечественной доктрины уголовного права и криминологии по вопросу защиты суррогатного материнства в эпоху трансформации общества. Анализ данного вопроса может помочь определить суть преступности нового поколения и оценить состояние действующего законодательства России, спрогнозировать векторы его дальнейшего развития, а также решить многие актуальные проблемы квалификации преступлений исследуемой группы, восполняя тем самым пробелы уголовно-правовой теории.

Практическая значимость обусловлена тем, что результаты исследований могут служить разрешению актуальных проблем правотворчества и правоприменения, которые могут быть использованы для разработки и принятия новых норм отечественного уголовного законодательства, и/или для внедрения и использования информации в образовательных целях.

Резюмируя данную научную статью, можно с уверенностью утверждать, что перечисленные аргументы обуславливают актуальность темы и свидетельствуют о его теоретической и практической значимости в условиях современности, что свидетельствует о целесообразности ее исследования.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: [30 ноября 1994 года N 51-ФЗ] // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.05.2026).
2. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.03.2026).
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2026).
4. Российская Федерация. Законы. Закон от 19 февраля 2004 года, н. 40 (Norme in materia di procreazione medicalmente assistita) // Официальный вестник. – 2004. – 24 февраля (№ 45). – URL: <https://www.parlamento.it/parlam/leggi/04040l.htm> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Российская Федерация. Законы. Проект Федерального закона № 791302-6 «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. – URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 15.11.1977 № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 01.03.2026).
7. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 20.05.2002 N 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18094> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 01.03.2026).
9. Российская Федерация. Правительство. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2023 N 882 «Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери» (вместе с «Правилами установления потенциальных родителей...») // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448592/ (дата обращения: 01.03.2026).
10. Российская Федерация. Президент. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
11. Российская Федерация. Приказ. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использова-

ния вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован в Минюсте России 19 октября 2020 г. N 60457) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/ (дата обращения: 01.03.2026).

12. Китайская народная Республика. Законы. Уголовный кодекс Китайской народной Республики. – URL: <http://xingfa.org> (дата обращения: 01.03.2026).

13. Франция. Законы. Уголовный кодекс Франции (Criminal Code) // Légifrance: сайт. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 01.03.2026).

14. Франция. Законы. Гражданский кодекс Франции (Code civil) // Légifrance: сайт. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 01.05.2026).

15. Италия. Законы. Суррогатное материнство как универсальное преступление: статья от 11.12.2024 // Università Cattolica del Sacro Cuore: сайт. – URL: <https://centridiricerca.unicatt.it/cerisap/it/news-ed-eventi/news/maternita-surrogata-come reato-universale.html> (дата обращения: 19.12.2025).

16. Борисова, Т.Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография / Т.Е. Борисова. – Москва: Проспект, 2021. – 3 с.

17. Бурмистрова, Е.В. Гражданско-правовое регулирование установления происхождения детей при применении вспомогательных репродуктивных технологий: диссертация ... кандидата юридических наук / Бурмистрова Екатерина Владимировна. – Место защиты не указано, [б.г.].

18. Коваленко, В.И. Теоретические и прикладные проблемы противодействия криминальной эксплуатации человека (криминологическое исследование): диссертация ... доктора юридических наук / В.И. Коваленко. – 2017.

19. Огай, С. Д.Э. Правовое положение суррогатного материнства в зарубежных странах / С. Д.Э. Огай // Telegram: публикация. – 2025. – URL: <https://web.telegram.org/a/#5123276294> (дата обращения: 19.12.2025).

20. Чукреев, В.А. Концептуальные основы уголовно-правовой и криминологической безопасности биологической природы и социальной сущности человека: диссертация ... доктора юридических наук / Чукреев Вадим Андреевич. – Москва, 2024.

21. Шагиева, Р. В. К вопросу о правовом статусе эмбриона человека: проблемы теоретического обоснования и практики осуществления / Р.В. Шагиева, Л.А. Букалерева // Научная статья. – 2025.

22. Врачи из Владивостока продавали китайцам младенцев от суррогатных матерей // Комсомольская правда. – 2025. – 4 июля. – URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/27708/5096771/?ysclid=mir2chv5am681102484> (дата обращения: 19.12.2025).

23. Медвестник. Суммарные потери в рождаемости из-за бесплодия в России оценили в 17–21% / Т. Бескаровойная. – 2022. – 22 декабря. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarnye-poteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html?ysclid=mjicqwmij157409866> (дата обращения: 19.12.2025).

24. Продолжение скандала с суррогатными младенцами для китайцев: следствие заинтересовала яйцеклетка // Московский комсомолец. – 2021. – 27 июня. – URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/06/27/prodolzhenie-skandala-s-surrogatnymi-mladencami-dlya-kitaycev-sledstvie-zainteresovala-yaycekletka.html> (дата обращения: 19.12.2025).

25. Регистр BPT. Отчет Российской ассоциации репродукции человека за 2020 год / PAPЧ: сайт. – URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2020.pdf (дата обращения: 12.09.2024). – С. 44.

26. Франция. Решение. Решение по делу Менессон против Франции, пункт 100; решение по делу Д. против Франции, пункт 64. – Текст: электронный // Centro Studi Livatino: сайт. – 2023. – 7 сентября. – URL: <https://www.centrostudilivativo.it/la-maternita-surrogata-come reato-universale-comprendere-prima-di-valutare/> (дата обращения: 19.12.2025).

27. Этические риски и правовое регулирование суррогатного материнства: исследование этических аспектов беременности в поздний современный период за рубежом / Ли Тинхуэй // Права человека. – 2024. – № 6. – URL: <https://www.humanrights.cn/2025/01/02/e73565b7d-9834f9c9f669270b0777630.html> (дата обращения: 01.03.2026).

CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF SURROGATE MOTHERHOOD

Khorava S.

Moscow Institute of Modern Academic Education

This article explores current issues in the criminal law protection of surrogacy, highlighting similarities and differences across international borders. Legislation from Russia,

France, Italy, China, and elsewhere is reviewed and analyzed. Based on international experience, preliminary recommendations on this topic are formulated. It recognizes the need for a comparative analysis of Russian and international criminal legislation, as well as for scholarly intervention without any form of personal interest. The results would confirm or refute the need for amendments to Russian criminal legislation.

Keywords: surrogacy, embryo, military-industrial complex; era of social transformation, new generation crime, problems of lawmaking and law enforcement, theoretical and practical significance, feasibility of the study.

References

1. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation: [November 30, 1994 N 51-FZ] // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 01.05.2026).
2. Russian Federation. Laws. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (as amended on 23.11.2024, as amended on 30.10.2025, as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of access: 01.03.2026).
3. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 17.11.2025, as amended on 17.12.2025) // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 01.03.2026).
4. Russian Federation. Laws. Law of 19 February 2004, № 40 (Norme in materia di procreazione medicalmente assistita) // Official Gazette. – 2004. – 24 February (No. 45). – URL: <https://www.parlamento.it/parlam/leggi/04040l.htm> (date of access: 01.05.2026).
5. Russian Federation. Laws. Draft Federal Law № 791302-6 «On Amendments to Article 56 of the Federal Law «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation» and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» // Legislative Support System: website. – URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (accessed: 13.05.2025).
6. Russian Federation. Laws. Federal Law of 15.11.1977 № 143-FZ (as amended on 08.08.2024) «On Acts of Civil Status» (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (date of access: 01.03.2026).
7. Russian Federation. Laws. Federal Law of 20.05.2002 N 54-FZ «On the Temporary Ban on Human Cloning» // Official website of the President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18094> (date of access: 01.03.2026).
8. Russian Federation. Laws. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ (as amended on 23.07.2025) «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (date of access: 01.03.2026).
9. Russian Federation. Government. Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.05.2023 N 882 «On the establishment of potential parents as a genetic mother and genetic father, as well as a single woman as a genetic mother» (together with the «Rules for establishing potential parents...») // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448592/ (date of access: 01.03.2026).
10. Russian Federation. President. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 27 (Part II). – Art. 5351.
11. Russian Federation. Order. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of July 31, 2020 № 803n «On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their use» (registered with the Ministry of Justice

of Russia on October 19, 2020 № 60457) // ConsultantPlus: website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/ (date of access: 01.03.2026).

12. People's Republic of China. Laws. Criminal Code of the People's Republic of China. – URL: <http://xingfa.org> (date of access: 01.03.2026).
13. France. Laws. Criminal Code of France // Légifrance: website. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (accessed: 01.03.2026).
14. France. Laws. Civil Code of France (Code civil) // Légifrance: website. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (date of access: 01.05.2026).
15. Italy. Laws. Surrogacy as a universal crime: article of 11.12.2024 // Università Cattolica del Sacro Cuore: website. – URL: <https://centridiricerca.unicatt.it/cerissap/it/news-eventi/news/maternita-surrogata-come-reato-universale.html> (accessed: 19.12.2025).
16. Borisova, T.E. Surrogacy in the Russian Federation: problems of theory and practice: monograph / T.E. Borisova. – Moscow: Prospect, 2021. – 3 p.
17. Burmistrova, E.V. Civil-legal regulation of establishing the origin of children when using assisted reproductive technologies: dissertation ... candidate of legal sciences / Burmistrova Ekaterina Vladimirovna. – Place of defense not specified, [b.y.].
18. Kovalenko, V.I. Theoretical and applied problems of combating criminal exploitation of people (criminological research): dissertation ... Doctor of Law / V.I. Kovalenko. – 2017.
19. Ogay, S. D.E. Legal status of surrogacy in foreign countries / S. D.E. Ogay // Telegram: publication. – 2025. – URL: <https://web.telegram.org/a/#5123276294> (date of access: 12/19/2025).
20. Chukreev, V.A. Conceptual foundations of criminal-legal and criminological security of the biological nature and social essence of man: dissertation ... Doctor of Law / Chukreev Vadim Andreevich. – Moscow, 2024.
21. Shagieva, R.V. On the issue of the legal status of the human embryo: problems of theoretical justification and practical implementation / R.V. Shagieva, L.A. Bukalerova // Scientific article. – 2025.
22. Doctors from Vladivostok sold babies from surrogate mothers to the Chinese // Komsomolskaya Pravda. – 2025. – July 4. – URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/27708/5096771/?ysclid=mir2chv5am681102484> (date of access: 19.12.2025).
23. Medvestink. Total birth rate losses due to infertility in Russia estimated at 17–21% / T. Beskarovaynaya. – 2022. – December 22. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarnye-poteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html?ysclid=mjcwmmjj157409866> (date of access: 19.12.2025).
24. Continuation of the scandal with surrogate babies for the Chinese: the investigators became interested in the egg // Moskovsky Komsomolets. – 2021. – June 27. – URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/06/27/prodolzhenie-skandala-s-surrogatnymi-mladencami-dlya-kitaycev-sledstvie-zainteresovalo-yayceketka.html> (date of access: 19.12.2025).
25. ART Registry. Report of the Russian Association of Human Reproduction for 2020 // RAHR: website. – URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2020.pdf (date of access: 12.09.2024). – P. 44.
26. France. Judgment. Judgment in the case of Mennesson v. France, paragraph 100; judgment in the case of D. v. France, paragraph 64. – Text: electronic // Centro Studi Livatino: website. – 2023. – September 7. – URL: <https://www.centrostudilivatino.it/la-maternita-surrogata-come-reato-universale-comprendere-prima-di-valutare/> (date of access: 19.12.2025).
27. Ethical risks and legal regulation of surrogacy: a study of the ethical aspects of pregnancy in the late modern period abroad / Li Tinghui // Human Rights. – 2024. – № 6. – URL: <https://www.humanrights.cn/2025/01/02/e73565b7d9834f9c9f669270b0777630.html> (accessed: 01.03.2026).